К III 1348862

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789-1794

Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. В. Бабушкина

ДАР из личной
библиотеки
Шапкина П.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789·1794

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
акад. В.П.ВОЛГИНА
и акад. Е.В.ТАРЛЕ

КП 1348862

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва·1941·Ленинград

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю «История Французской буржуазной революции 1789—1794 гг.» представляет собой коллективный труд Института истории Академии Наук СССР. Его авторами являются следующие научные сотрудники Института истории Академии наук СССР и привлеченные Институтом лица: Р. А. Авербух, Д. Е. Аркин, М. А. Буковецкая, Б. Г. Вебер, Н. Н. Водо, К. Н. Державин, К. П. Добролюбский, Э. А. Желубовская, И. И. Зильберфарб, С. Ф. Кечекьян, Е. А. Коровин, А. Я. Манусевич, Т. В. Милицина, А. И. Молок, Ю. Я. Мошковская, Е. Н. Петров, Ф. В. Потемкин, И. С. Рабинович, М. О. Рейхель, О. К. Рыковская, О. А. Старосельская, акад. Е. В. Тарле, С. В. Фрязинов, Ф. А. Хейфец, А. А. Хохловкина-Золотаревская, Л. Е. Якобсон. В редактировании тома принимали участие Р. А. Авербух, В. П. Волгин, А. В. Ефимов, О. А. Старосельская, Е. В. Тарле, Ф. А. Хейфец.

Библиография разработана Фундаментальной библиотекой по общественным наукам Академии Наук СССР и Сектором новой истории Института истории. Составители: О. А. Старосельская и О. Л. Фролова при участии К. С. Котляр, Ю. Я. Мошковской и А. Д. Трескиной; редакция О. А. Старосельской и К. Р. Симона.

Список всех участников, с указанием выполненной каждым работы, помещен в конце книги.

Редакция выражает благодарность Архиву, Музею и Библиотеке ИМЭЛ, ГАФКЭ, Гос. архиву Исторического музея, Гос. Эрмитажу и другим хранилищам за предоставление архивного, печатного и художественного иллюстративного материала для настоящей книги, а также Гос. музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина за предоставление права первой цветной репродукции акварели Оноре Домье «Камилл Демулен».

ПРЕДИСЛОВИЕ

1789 год открывает новую страницу всемирной истории. 1789 год — первый год Французской буржуазной революции, — грозной, величественной бури, до основания потрясшей не только Францию, но и всю Европу. В смертельной схватке, которая началась в 1789 г., феодальному порядку, уже пережившему себя, но все еще стоявшему преградой на путях развития человечества, было нанесено решительное поражение. Революция освободила новое, буржуазное общество от сковывавших его феодальных пут. В результате революции буржуазия, которую с таким презрением третировали гордые, но бездарные аристократы, стала господствующим классом. Буржуазная революция конца XVIII в. победила во Франции, но под ее ударами зашатались троны монархов, поколебались устои феодально-абсолютистского строя во всех странах.

Французская буржуазная революция — не первая в историческом ряду битв буржуазии против феодализма. Но она отличается от своих предшественниц — немецкой «реформации», нидерландской и английской революций — весьма существенными чертами. Лишь к XVIII в. буржуазия выработала идеологию, полностью выражающую интересы нового буржуазного общества — идеологию так называемого буржуазного «Просвещения». «Великая французская революция, — говорит Энгельс,— была третьим восстанием буржуазии, но первым, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба происходила открыто по линии политики». [1]

Французская революция была первым и, добавим, единственным восстанием буржуазии, в котором борьба была доведена до конца, до полной победы буржуазии над господствующим классом старого феодального мира. Все прочие восстания буржуазии заканчивались или поражением или компромиссом. Во время английской революции, несмотря на казнь короля, ликвидацию палаты лордов и провозглашение республики, революционная власть «почтительно сохранила» феодальные правовые нормы. Французская революция вымела этот старый хлам железной метлой и под лозунгом свободы, равенства и братства установила подлинное царство буржуазии. «Франция разгромила во время Великой

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 300.

революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с классической ясностью, с какой этого не сделала ни одна европейская страна». [1]

«Победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, разделения собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над фамильным именем, промышленности над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями». [2]

Наконец, грандиозно и международное значение французской революции XVIII в. «Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, — говорил Ленин, — она сделала так много, что весь XIX век. тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...» [3]

Революционная борьба потребовала колоссального напряжения всех сил французского народа, подняла на борьбу с аристократией и абсолютизмом самые широкие народные массы. Буржуазная по своему характеру, революция развернулась, как буржуазно-демократическая, народная революция. Народной революцией она была не только в том смысле, что она была осуществлена народом. Народной была она и потому, что большинство народа, «самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на месте разрушаемого старого». [4]

Народные массы видели конечную цель революции в создании демократической «республики для бедных», в уничтожении нищеты и в обеспечении «фактического равенства», под которым тогда наивно понимали справедливое распределение богатств при сохранении частной собственности. Эти самостоятельные требования народных масс, отличные от требований буржуазии, были мощным рычагом в борьбе буржуазных революционеров против феодализма, против интервентов, против шпионов, диверсантов, темных дельцов, зарабатывавших миллионы на голоде и готовившихся задушить революцию. Именно народные массы нанесли контрреволюции сокрушительные беспощадные удары в 1793—1794 гг. Именно народный характер революции обеспечил возможность гигантского размаха революционного творчества, показав, сколько светлых голов, сколько блестящих организаторских способностей крылось в недрах французского народа. Именно народ «плебейским способом» расправился со всеми врагами буржуазной революции. Ленин неоднократно опровергал «ту ошибочную мысль, будто неизбежным «хозяином» буржуазной революции является либеральная буржуазия». [5] «Именно союз городского «плебса» (=современного пролетариата) с демократическим крестьянством, — говорил Ленин, — придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века». [6]

Но, сбросив ценой величайших жертв и героических усилий цепи феодализма, народ только расчистил дорогу для развития капитализма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 189—190.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 54—55.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 304.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 396. Эти слова Ленина, сказанные по поводу русской революции 1905 г., могут быть отнесены и к французской революции 1789—1794 гг.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. IX, стр. 372.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. XV, 347.

После 9 термидора, решительно отстранив народные массы, крупная буржуазия использовала плоды революционных побед народа и разместилась по-хозяйски на развалинах феодальной Франции.

Нищета, невежество, политическое бесправие остались, как и до революции, уделом французского народа. Надежды на то, что в результате революции он завоюет свободу, хлеб, мир, могли быть только утопией в конце XVIII в. «Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма». [1] Поэтому весь героизм французского народа мог повести только к тому, чтобы вымести феодальный мусор, нагромождавшийся веками. Предпосылок для уничтожения эксплоатации человека человеком, для «фактического равенства» тогда еще не было.

Через 150 лет после французской революции народные массы капиталистических стран все еще не имеют ни хлеба, ни свободы, ни мира. Но сейчас созрели уже все условия для того, чтобы хлеб, свобода и мир стали, действительно, достоянием народных масс. На страницах всемирной истории записана новая дата — 1917 год. Началась новая эра. Больше чем на одной шестой части земного шара 193 миллиона людей уже завоевали все эти блага. Октябрьская социалистическая революция, свергнувшая в 1917 г. власть помещиков и капиталистов, уничтожившая частную собственность на орудия и средства производства, вместе с тем навсегда уничтожила эксплоатацию человека человеком и создала условия для свободной и материально обеспеченной жизни народа.

Нет ничего общего между конечными целями буржуазной и задачами пролетарской революции. «Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма». [2]

Столь же различны и пути развития революции пролетарской и революций буржуазных. «Раньше обычно, — говорит товарищ Сталин, — дело происходило таким образом, что рабочие дрались во время революции на баррикадах, они проливали кровь, они свергали старое, а власть попадала в руки буржуа, которые угнетали и эксплоатировали потом рабочих. Так было дело в Англии и во Франции. Так было дело в Германии. У нас, в России, дело приняло другой оборот. У нас рабочие представляли не только ударную силу революции. Будучи ударной силой революции, русский пролетариат старался вместе с тем быть гегемоном, политическим руководителем всех эксплоатируемых масс города и деревни, сплачивая их вокруг себя, отрывая их от буржуазии, изолируя политически буржуазию. Будучи же гегемоном эксплоатируемых масс, русский пролетариат все время боролся за то, чтобы захватить власть в свои руки и использовать ее в своих собственных интересах, против буржуазии, против капитализма». [3]

Исчерпывающим образом противоположность между буржуазными революциями и революцией пролетарской характеризовал товарищ Сталин в своей работе «К вопросам ленинизма»:

«1) Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 315.

[2] И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М. 1939, стр. 16.

[3] И. Сталин. Вопросы ленинизма. 10-е изд., М., 1934, стр. 171—172.

как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при отсутствии, готовых форм социалистического уклада.

2) Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику.

3) Буржуазная революция *завершается* обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее *началом*, причем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой.

4) Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплоататорской группы другой эксплоататорской группой, ввиду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплоататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплоатируемых, класс пролетариев, ввиду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой.

5) Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми, тогда как пролетарская революция может и должна связать их с пролетариатом в длительный союз именно как трудящихся и эксплоатируемых, если она хочет выполнить свою основную задачу упрочения власти пролетариата и построения новой социалистической экономики». [1]

Французская буржуазная революция XVIII в. не прошла бесследно для формирования классового самосознания пролетариата: «...французская революция вызвала к жизни *идеи*, которые выводят за пределы *идей* всего старого мирового порядка», — писали Маркс и Энгельс в «Святом семействе». «Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, которое в средине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Ру* и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабефа*, — движение это вызвало к жизни *коммунистическую* идею, которая, после революции 1830 г., снова введена была во Франции другом *Бабефа*, *Буонарроти*. Эта идея, последовательно разработанная, и есть *идея нового мирового порядка*». [2]

Образы великих революционеров конца XVIII в. не потускнели до сих пор, несмотря на 150 лет, отделяющие нас от 1789 года. В условиях Второй мировой империалистической войны, в условиях борьбы свободолюбивых народов Европы против порабощения их гитлеровской Германией, борьба французского народа того времени близка и понятна нам, она до сих пор волнует нас и вызывает восхищение и уважение. Юбилей французской революции (1789—1939) напомнил о том позорном провале, которым окончились все попытки сил реакции задушить революцию. Так же неизбежно должна закончиться провалом и попытка фашизма повернуть на много столетий назад ход истории.

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., М. 1939, стр. 111—112.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 147.

Введение

ФОРМИРОВАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В ФЕОДАЛЬНОЙ ФРАНЦИИ

АБСОЛЮТИСТСКО-ФЕОДАЛЬНЫЙ строй во Франции сохранился вплоть до 1789 г. Располагая неограниченной властью, освященной теорией так называемого «божественного права», король мог по своему усмотрению решать все дела административные и судебные, объявлять войну или заключать мир, издавать или отменять любые законы.

Французский абсолютизм

В течение двух столетий, предшествовавших буржуазной революции, власть французских королей все более и более усиливалась. Собрание представителей трех сословий, так называемые Генеральные штаты, не созывалось с 1614 года. Высшие судебные органы, называвшиеся во Франции парламентами, безуспешно пытались вернуть абсолютную монархию к порядкам монархии XIV—XVI вв. Итоги длительной, почти двухвековой борьбы парламентов с королями были совсем не утешительны для дворянства мантии (известно, что в отличие от родовитого дворянства, «дворянства шпаги», вся чиновничья олигархия, и в первую очередь судебная магистратура, принадлежала к «дворянству мантии»): претензии парламентов представлять в абсолютистской Франции нечто вроде Генеральных штатов были окончательно сломлены, а французское общество, по крайней мере, в лице своих лучших представителей, поняло всю безнадежность борьбы парламентов и реакционность их целей. Дидро в резких выражениях писал о нетерпимости, ханжестве и «вандализме» парламентов.

В административно-политическом устройстве Франции XVIII века явственно обнаруживались следы ее постепенного территориального роста путем присоединения различных феодальных владений. В большей части Франции перед революцией вовсе не было местного сословного представительства. Но в некоторых провинциях, называвшихся pays d'état, существовали так называемые провинциальные штаты, разумеется, с решительным преобладанием в них местной знати. Во всей Франции перед революцией наблюдалось поразительное разнообразие местных порядков, устройства различных местных учреждений, юридических норм, подчинявших, например, южную Францию писанному (римскому) праву, а северную Францию — кутюмному, обычному праву, или, точнее,

крайне разнообразным формам этого права в отдельных районах. Только в одном отношении провинциальная жизнь Франции была унифицирована: все провинции управлялись интендантами, пользовавшимися огромной властью. Современники сравнивали этих всесильных чиновников с персидскими сатрапами.

Население Франции, сравнительно быстро увеличивавшееся в царствование Людовика XVI, возросло в 1789 г. до 26 млн. жителей (в то время как во всех германских странах, вместе взятых, исключая Австрию, было тогда только 23 млн. жителей). Но феодальное деление общества на три сословия нерушимо сохранялось, и вся широкая многомиллионная масса населения была, как и раньше, в более отдаленные времена феодализма, лишена политических прав.

Первым сословием считалось католическое духовенство, численность которого едва ли превышала 100 тыс. человек (точных данных не существует); вторым сословием, насчитывавшим около 110 тыс. человек, было дворянство. Вся остальная масса населения—буржуа, рабочие, крестьяне — составляла третье сословие. Если даже согласиться с Мунье, современником революции 1789 г., считавшим, что к привилегированным принадлежало около 600 тыс. человек, картина вопиющего социального и политического неравенства почти не изменится: количественное отношение бесправной массы к привилегированным выразится цифрами 25.4 к 0.6.

Представляя собой менее одного процента населения, привилегированные продолжали владеть огромными земельными угодьями: им принадлежало около 80% всех лугов, лесов и прудов королевства. Что касается пахотной земли, то в непосредственном пользовании привилегированных было около 17% всей площади.

Крестьянство, представлявшее собой основную массу населения, и отчасти буржуазия, быстро богатевшая во второй половине XVIII века, пользовались остальной частью пахотных земель. Но лишь небольшая часть крестьян владела своей землей, как свободной собственностью, на основе аллодиального права. Феодальный принцип «нет земли без сеньера», означавший, что вся земля находится в верховном владении сеньеров-помещиков, господствовал в значительной части Франции, особенно на севере. Но и в южной Франции, где руководились принципом «нет сеньера без законного титула» и где свободное, аллодиальное землевладение могло бы опираться на местное обычное право, — феодалы-помещики, с королем во главе, боролись за уничтожение крестьянских аллодов. Таким образом, накануне революции 1789 г., подавляющая часть крестьян-землевладельцев состояла из цензитариев, плативших сеньеру-помещику за пользование землей невыкупаемый оброк — сравнительно небольшой денежный ценз и значительный натуральный оброк, так называемый шампар, доходивший местами до четвертой части всего урожая. Земля крестьянина-цензитария не могла продаваться без разрешения сеньера-помещика. При продаже цензивы (земли крестьянина-цензитария) помещик взимал денежную пошлину. Земля была обременена множеством разнообразных повинностей в пользу сеньера на основе феодальных «прав».

В пользу духовенства крестьяне платили десятину — приблизительно десятую часть урожая. Основным налогом, взимаемым с крестьян государством, была «талья» (налог с имущества), которая была так тяжела, что местами крестьяне разорялись целыми деревнями. Сверх того, существовал тяжелый косвенный налог, ненавистная «габель» — соляная повинность, заключавшаяся в обязательной покупке соли сверх потребности. Продажа была монополизирована государством, а сбор налога сдавался откупщикам.

Личная крепостная зависимость крестьян почти совершенно исчезла во Франции к 1789 г.: лишь на некоторых монастырских землях оставались лично зависимые, крепостные «сервы». Но были еще сотни тысяч крестьян, находившихся в крепостной зависимости вследствие пользования землей, над которой тяготело так называемое право «мертвой руки» (main morte). Крестьяне, пользовавшиеся этой землей, назывались мэнмортаблями. После смерти мэнмортабля все его имущество переходило к помещику-сеньеру.

КАРИКАТУРА НА ПОЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕГО СОСЛОВИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Гравюра

Аграрная экономика

Одна из характерных особенностей аграрной экономики дореволюционной Франции XVIII века это — крайняя измельченность крестьянского хозяйства. В северо-восточной части Франции, на территории, названной во время революции Северным департаментом, были районы, где 75% всех местных крестьян-землевладельцев пользовались участками размером менее 1 гектара. В Иль-де-Франсе, в Авриньи (близ Клермона) размер крестьянской парцеллы не превышал 19 ар, в Эйрене, в том же районе, 20 ар.

Подобная же картина наблюдалась на юге Франции, например в районе Мийо, где было множество крестьянской бедноты (467 бедняков на 692 жителя в Монжо, 200 бедняков на 750 жителей в Сен-Леоне).

Не менее характерной особенностью французского сельского хозяйства XVIII века была распыленность земельных участков, принадлежащих одному и тому же владельцу. Не только дворяне и буржуа, но даже крестьяне, — владельцы земли размером более 2 гектаров, — имели до 46, 53 и 72 парцелл (данные по району Клермона).

Понятно, что крестьяне, владевшие преимущественно ничтожными клочками земли и обремененные феодальными повинностями, не могли вводить каких-либо агрономических улучшений и пользоваться усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями. Периодический недород, голодовки, нищенство, повальные болезни были обычным явлением французской деревни XVIII века. Очень характерно, что эпидемии, свирепствовавшие в XVII и в начале XVIII веков на юге Франции среди деревенской бедноты, были названы «народной болезнью». Парцелляция, или измельченность крестьянского хозяйства, была (на ряду с прочими условиями) причиной еще одной характерной особенности аграрной экономики Франции XVIII века, — чрезвычайно широкого распространения половничества, т. е. аренды помещичьей земли крестьянством с уплатой половины (и более) снятого урожая.

Господство вышеописанных аграрных отношений предопределяло медленность проникновения капиталистических отношений в сельское

хозяйство и его общую технико-экономическую отсталость. Однако уже в 1721 г. Монтескье правильно выразил «дух времени», назвав в своих «Персидских письмах» денежный интерес — «величайшим монархом на земле». За год до появления «Персидских писем» во Франции разразилась небывалая финансовая катастрофа — крах государственного кредитного банка, созданного Джоном Ло. Тысячи держателей акций внезапно разорились. И, как писал экономист середины XIX века Бланки, — «только земельная собственность уцелела в этом вихре». С момента крушения «системы» Ло начинается, по мнению Бланки, новый период в истории французского сельского хозяйства: «Земельная собственность впервые освободилась от того состояния оцепенения, в котором ее так долго держала феодальная система». Под влиянием финансовой катастрофы произошли «бесчисленные перемены владельцев», совершился переход земли из одних рук в другие, словом, началась мобилизация земельной собственности в пределах, возможных при сохранении абсолютистско-феодального режима.

Развитие капиталистических отношений в деревне

Социально-политические последствия в начале XVIII века медленного, но затем все более и более ускорявшегося развития капиталистических отношений во Франции были чрезвычайно значительны. Классовая дифференциация крестьянства резко усилилась во второй половине XVIII века.

«... Превращение натуральной ренты в денежную ренту, — писал Маркс, — не только необходимо сопровождается, но даже антиципируется образованием класса неимущих и нанимающихся за деньги батраков». [1] В то же время среди помещиков появляются приверженцы английских сельскохозяйственных порядков, сторонники развития капиталистической земельной ренты и крупного капиталистического хозяйства. Местами, например в северо-восточной части Франции, помещики стали объединять свои «рассеянные», разделенные угодья. Появился большой интерес к английской агрономической литературе. Между тем, широкая масса помещиков-феодалов, чуждая новым экономическим и агрономическим взглядам, но отнюдь не равнодушная к беспрерывному возрастанию цен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, увеличивала свои доходы посредством насилий, грабежа и усиления феодальных поборов.

Крестьяне-собственники, владевшие землей на основе аллодиального права, насильственно переводились на положение крестьян-цензитариев. Общинные земли подвергались разграблению: пользуясь правом «триажа» — выделения из общинной земли третьей части, помещики фактически захватывали гораздо больше. По выражению современников, барская земля при новых межеваниях расширялась под циркулем помещичьего землемера, как тесто под скалкой булочника. Феодальные поборы усиливались путем присоединения к существующим повинностям разных якобы «забытых» обязательств. «В период 1780—1789 гг.,— писал французский историк Шере, назвавший описываемое явление «феодальной реакцией», — во всех концах Франции владельцы проверяли свои документы, возобновляли свои поземельные росписи, вынимали из-под спуда долговые обязательства, от которых их предшественники имели благоразумие отказаться, придумывали новые, старались сломить сопротивление своих должников и затевали с ними бесконечные судебные процессы и беспощадную борьбу». Новейшие исторические работы дают возможность дополнить эту характеристику феодальной реакции. Буржуазные землевладельцы не отставали от сеньеров в погоне за дополни-

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, стр. 703, изд. 1936 г.

тельными доходами; подобно сеньерам, они лишали крестьян старинного права выгона скота на сжатые поля (vaine pâture), воспрещали в своих лесах сбор сухих сучьев и срезание ветвей для метел (право, которым издавна пользовалась крестьянская беднота) и т. д.

Неорганизованные, изолированные крестьянские восстания, частые в XVII столетии и раньше, но временно затихшие в XVIII веке, возобновились под влиянием феодальной реакции со страшной силой при Людовике XVI. В 1782 г. вспыхнуло крестьянское восстание в Пуату, в 1786 г. — в Визиле, в 1783—1787 гг. происходили восстания в Севеннах, Виварэ, Жеводане.

Торговля и промышленность

Торгово-промышленное развитие Франции в XVIII веке было, разумеется, сильно стеснено общими условиями абсолютистско-феодального режима. Опередив в своем промышленном развитии ряд стран континентальной Европы, Франция сильно отставала от Англии. Внутренняя торговля во Франции была затруднена отсутствием единого таможенно-тарифного режима. Страна была пересечена множеством застав. Дорожные сборы, так называемые пеажи, непомерно увеличивали накладные расходы (достаточно сказать, что, например, на пути от Сен-Рамбер до моря по течению реки Луары надо было заплатить 75 пеажей). Не меньшим препятствием было отсутствие единой валюты и бесконечное разнообразие местных торговых мер и всех прочих мер поверхности, емкости, веса.

Наиболее выгодные операции внешней торговли были захвачены кучкой арматоров-монополистов, что, разумеется, также препятствовало свободному развитию капиталистических отношений. Негроторговля, менее обширная, чем в Англии, но такая же прибыльная и не менее жестокая, была очень важным источником обогащения арматоров-работорговцев городов Бордо и Нанта. Тысячи кораблей, построенных в Бордо, где еще в начале XVIII века совсем не было своей кораблестроительной промышленности, курсировали при Людовике XVI между берегами Европы, Африки и Америки, превращая удачливых авантюристов, вроде бывшего клерка Бонафе, в миллионеров, владевших накануне революции целыми флотилиями.

Общие итоги экономического развития Франции с 1716 по 1789 г. характеризуются следующими данными о внешней торговле Франции.

Экспортируемые товары
(в миллионах ливров)

	1716 г.	1789 г.
Продукты сельского хозяйства	36	93
Промышленные товары	45	133
Колониальные товары	15	152
Иностранные товары (реэкспорт)	6	46

Рост промышленности в XVIII веке тормозился узостью рынка рабочей силы, правительственной регламентацией, подчинявшей производство устаревшим правилам, и цеховым строем, правда, подорванным эдиктом 1762 г. (о свободном развитии промыслов в сельской местности), но все еще сильным в его ожесточенной борьбе с капиталистической промышленностью.

Тем не менее, в течение двух царствований, — особенно при Людовике XVI, — число жителей Франции, занятых промышленным трудом, значительно увеличилось и, по данным Лавуазье (может быть, преувеличенным), достигло к 1789 г. 9 млн.

На ряду с оживленными портовыми городами, как Марсель, Бордо, Нант, Гавр, развивались крупные центры капиталистической мануфак-

туры: Лион—центр шелкоткацкого производства, Руан и его окрестности—район суконной и хлопчатобумажной промышленности, Аннонэ с его бумажным производством; сталелитейное, льняное и жестяное производство в Дофине, бассонное (тесьма, бахрома и пр.) в Сент-Этьенне и т. п. В каменноугольных копях, принадлежавших акционерной компании Анзэна, в 1789 г. было занято 4000 рабочих и применялось 12 паровых машин. Железоделательные заводы эльзасского промышленника Дитриха, равно как и знаменитый (в современной Франции) завод Крезо, уже в то время были значительными капиталистическими предприятиями, применявшими механизированные способы производства. Спорадическое применение машин, как указывал Маркс, вовсе не исключалось господством мануфактурного способа производства. И хотя Франция XVIII века была еще далека от возможности перехода, вслед за Англией, к фабричному строю производства, опыты применения примитивных машин в текстильной промышленности начались еще до революции 1789 года. В последние годы царствования Людовика XVI в районах хлопчатобумажного производства (по данным французского историка Шарля Балло) появилось более 900 механических прялок дженни. Это были примитивные «машины»: в каждой из них было не более 26—40 веретен. Простую дженни, приводившуюся в движение рукой, Энгельс называл «грубым прототипом позднейшей мюль-машины». Число усовершенствованных дженни и машин Аркрайта, рассчитанных на применение механической двигательной силы, было ничтожно. Существенное отличие промышленного развития Франции по сравнению с Англией заключалось в невозможности перехода к фабричному производству, поскольку во Франции сохранялись абсолютистско-феодальные порядки. Но характерен и важен самый факт многочисленных опытов применения механических способов производства: он является неоспоримым симптомом зрелости капиталистической мануфактуры в последние годы царствования Людовика XVI.

Формы организации мануфактуры были разнообразны. В городах были вполне развитые мануфактурные предприятия, принадлежавшие капиталистам и объединявшие под одной крышей по 10, 30, 50, а иногда до 100 человек. Более крупные предприятия были редки. Гораздо шире была распространена «рассеянная» мануфактура, формы которой можно свести к двум основным типам. Один из этих типов представляло, например, лионское шелкоткацкое производство. Основные кадры шелкоткачей были постоянными жителями города, в течение всего года работавшими на купца-мануфактуриста. Получив пряжу в его раздаточной конторе, эксплоатировавшей в том же городе красильщиков и аппретурщиков шелка, ткачи вырабатывали шелковые материи у себя на дому, на собственных станках, одни или с помощниками-подмастерьями. Другой тип рассеянной мануфактуры — хлопчатобумажное производство в районе Руана; здесь, как и во многих других частях Франции, значительная масса работников мануфактуры состояла из сельских жителей, довольно долго соединявших свой промышленный труд с сельскохозяйственными работами и лишь в последние десятилетия абсолютистско-феодального режима попавших почти в полную зависимость от купца-мануфактуриста.

Значительных размеров достигла капиталистическая мануфактура в Париже. По данным, относящимся к 1791 г., в Париже при общей численности столичного населения, равной приблизительно 600 тыс. человек, было 62 743 рабочих-мужчин. Можно предполагать, что общее число рабочих в Париже, считая женщин и детей, доходило в 1791 г. до 293 820 человек.

Как уже сказано, эдикт 1762 г. освобождал от цеховой регламентации только тех рабочих, которые жили в сельской местности. Но фактически и в городах было немало рабочих, стоявших вне цеховых корпораций. В Париже было немало таких «освобожденных» районов: предместье Сент-Антуан, квартал Тампля, улица Урсин и т. д. В производстве обоев в Париже были мануфактуры, в которых работали в 1791 г. по 42, 60, 100 и 200 рабочих. В свечных, кожевенных, фаянсовых, горшечных мануфактурах было по 50, 56, 64 рабочих. В кружевном производстве на одного предпринимателя работали по 50, 67, 89, 100 и 200 рабочих. В производстве газовых тканей у одного хозяина бывало 300, 415, 500 рабочих.

Характерно, что при Людовике XVI в Париже наблюдалась небывалая строительная горячка. Появились тысячи новых зданий, доходных домов (домовладельческая буржуазия представляла, таким образом, немаловажную часть столичного населения), складов, магазинов. Быстро растущая потребность в труде рабочих-строителей едва удовлетворялась существующими кадрами.

Дифференциация городского населения

Под влиянием роста торговли и промышленности население городов все более и более дифференцировалось. Французская буржуазия в последние годы абсолютистско-феодального режима состояла из многих вовсе не однородных прослоек. К верхушке буржуазии относились крупные финансисты, откупщики, крупные купцы-оптовики, арматоры-работорговцы, промышленники, владевшие копями, или железозаводчики, подобные Дитриху. Они составляли своего рода «касту», фактически ничем, или почти ничем, не отличались по своему положению, влиянию и связям от привилегированных сословий. В ином положении находились многочисленные представители средней буржуазии, как, например, купцы, владельцы небольших мануфактур и т. д. Привилегированные сословия в свою очередь были неоднородны в своем составе. Среди них было немало обедневших дворян, для которых единственным средством существования была служба. Духовенство резко распадалось на две категории: высшее духовенство, принадлежавшее по происхождению к дворянству и обеспеченное огромными доходами, и низшее духовенство, среди которого большинство состояло из деревенских священников, близких по своему материальному положению к верхнему слою крестьянства.

Мелкобуржуазная часть городского плебса состояла из ремесленных мастеров, работников рассеянных мануфактур, имевших собственные станки, из мелких лавочников, трактирщиков, уличных торговцев. К этой же категории могут быть отнесены мелкие промышленники-мануфактуристы, стоявшие,—в зависимости от обстоятельств,—либо на пути к переходу в ряды крупной буржуазии, либо на пути к разорению.

Пролетарский слой городского плебса представляли: работники вполне развитых, централизованных мануфактур; подмастерья (так называемые компаньоны) в рассеянных мануфактурах; вся подсобная рабочая сила в рассеянных мануфактурах и в ремеслах (ученики, поденщики и т. д.) и ремесленные подмастерья.

Полупролетариат представляли те работники мануфактур и ремесел, которые, являясь собственниками орудий производства, не пользовались наемным трудом, сами подвергались безжалостной эксплоатации и по существу добывали в результате каторжного труда лишь нищенское пропитание.

При Людовике XVI широкая масса городской бедноты особенно сильно страдала от неуклонного роста продовольственных цен и квартирной платы. Реальная заработная плата французских рабочих заметно упала в семидесятых годах XVIII века. Эмиграция рабочих в другие страны была

воспрещена законом. Еще в 1739 г. французское правительство воспретило вербовку рабочих в другие страны. Этот запрет имел прямой целью воспрепятствовать перенесению рабочих навыков и разных «производственных секретов», которыми владели французы, — в другие страны. Указ 13 сентября 1739 г. обязывал предпринимателей брать на работу только тех рабочих, которые могли представить так называемый «сертификат»—письменное удостоверение предшествующего нанимателя—о том, что данный рабочий свободен от обязательств. Этот указ был подтвержден в 1749 и 1781 гг. Оставалось только одно средство борьбы за сохранение заработной платы — рабочие стачки. Они применялись во второй половине XVIII века с большой энергией. В одном только городе Невере, например, рабочие стачки и волнения, перераставшие в «мятежи», происходили в 1752, 1754, 1757, 1760, 1768 и 1770 гг. Весьма сильные волнения имели место в Лионе, Руане, Седане, Монбельяре, Лодеве, Каркассонне и других городах.

В течение XVIII века появилось большое количество тайных организаций ремесленного пролетариата.

Вообще говоря, старинные ремесленные объединения, так называемые «компаньоннажи», разделялись на три основные группы — «Enfants de Salomon», «Enfants de maître Soubise» и «Enfants de maître Jaques», члены их назывались компаньонами «дю девуар» или просто «девуаран» и «деворан». Взаимная враждебность компаньоннажей свидетельствовала, конечно, о крайне низком уровне классового самосознания. Тем не менее следует признать, что широкое развитие тайных рабочих организаций являлось чрезвычайно важным фактом исторического развития Франции XVIII века. Замечательно, что автор новейшей французской работы по истории движения крестьян и рабочих в годы революции 1789 г., Соро, в своей оценке итогов развития рабочего класса во Франции в XVIII веке повторил вывод, сделанный еще в 1909 г. русским ученым Е. В. Тарле: «Рабочий вопрос возникает, и рабочие обладают известной солидарностью, известным сознанием...»

Формирование капиталистического уклада

Подводя общий итог данным о социально-экономическом развитии Франции в XVIII веке, следует особенно подчеркнуть, что как ни многообразны были препятствия, стеснявшие развитие капиталистических отношений, последние все же приобрели форму и силу капиталистического уклада.

Вызревание капиталистических форм в недрах феодального общества, наличие этого уклада уже перед революцией представляет, как пояснил товарищ Сталин, первую отличительную особенность буржуазной революции по сравнению с революцией пролетарской. В своей работе «К вопросам ленинизма» товарищ Сталин писал:

«Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при отсутствии, готовых форм социалистического уклада».[1]

Вызревание форм капиталистического уклада сопровождалось и вызреванием классово-политического самосознания буржуазии. Идеологическая подготовка французской революции: теория физиократов, «вольтерианство», Энциклопедия, руссоизм, «Дух законов» Монтескье и «Кодекс Природы, или Истинный дух законов» Морелли, — вся эта великая сокровищница идей своим влиянием, многогранностью и блеском настолько же превосходила творения английских писателей XVI—XVII вв.,

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., М. 1939, стр. 111.

насколько самый капиталистический уклад, сложившийся во Франции к концу XVIII века, был более зрелым, чем в Англии времени английской буржуазной революции.

Промышленный подъем семидесятых и восьмидесятых годов XVIII века, вливая с каждым годом все новые и новые силы в буржуазное общество, не примирял и не мог примирить его с абсолютистско-феодальным правительством Людовика XVI, которое в течение первых семи лет царствования переходило с последовательным непостоянством от реформ к реакции и снова к реформам, а с 1781 г. приобрело устойчивость именно в своей реакционно-абсолютистской политике.

Финансовый кризис и обращение к нотаблям

Ярким симптомом приближающегося конца французского абсолютизма был финансовый кризис. Именно финансовый кризис и послужил непосредственным толчком к ряду событий, приведших с исторической неизбежностью к падению всего феодально-абсолютистского порядка.

Вся система финансового хозяйства французской монархии была порочна, и для правительства Людовика XVI катастрофический финансовый кризис был неизбежен. Чтобы предупредить надвигающуюся финансовую катастрофу, правительство французского абсолютизма прибегало к самым отчаянным средствам. Оно пускало в продажу новые должности, продавало государственные земли, повышало налоги, вводило новые таможенные сборы. Все было бесполезно. Катастрофу можно было предупредить лишь решительными реформами, на которые абсолютистское правительство не было способно. Ни созыв нотаблей, представителей сословий, подобранных самим правительством, ни непрерывные смены контролеров финансов не могли помочь делу.

1787 год — важная дата в истории падения абсолютистско-феодального режима во Франции. Это — год перелома в развитии промышленности и торговли, когда закончился период подъема и начался кризис. Это — год появления идеи созыва Генеральных штатов, совещательного собрания выборных представителей всех трех сословий.

Сопротивление нотаблей и опасность финансового краха, оттолкнувшая от правительства даже наиболее преданную ему часть буржуазии — рантье, — кредиторов государства, всегда смотревших на правительство, как на златорунную овцу, которую выгоднее остричь, чем убивать, — бедствия торгово-промышленного кризиса и начавшиеся народные волнения заставили Людовика XVI в течение 1788 г. далеко отступить от реакционной политики предшествовавших шести лет царствования. 25 августа 1788 г. к власти был призван «министр-реформатор» Неккер. Унизительная необходимость приглашения ненавистного ему министра-буржуа была для короля лишь первым и отнюдь не самым трудным шагом. После долгих колебаний Людовик XVI не только примирился с необходимостью созвать Генеральные штаты (они должны были собраться весной 1789 г.), но согласился изменить и старинный порядок выборов.

Перед началом выборов в Генеральные штаты, еще в декабре 1788 г., король одобрил доклад Неккера, обещавший французскому обществу крупные реформы: периодичность созыва Генеральных штатов, прекращение бесконтрольного расходования государственных средств, право «народа» утверждать налоги, равенство сословий при обложении налогом (за исключением мелкопоместных дворян, лично занятых хозяйством), административную реформу и некоторые другие «вольности».

Но время реформ уже прошло. Глубокое брожение охватило широкие народные массы. И Генеральные штаты, созванные как совещательное сословное представительство, превратились в Национальное собрание революционной Франции.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ К 1789 ГОДУ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ КРУШЕНИЯ АБСОЛЮТИЗМА

Англо-французский торговый договор 1786 г.

На первый взгляд международное положение Франции после американской войны за независимость было блестящим. Однако оно было сильно подорвано еще при абсолютистском режиме. Торжество Франции над Англией в 1783 г. было эфемерным и непрочным. Годы, предшествовавшие революции, оказались периодом быстрого и неуклонного падения престижа французского абсолютизма не только внутри страны, но и вне ее. Непосредственной причиной этого падения являлся все более углублявшийся финансовый кризис, по существу — государственное банкротство, в котором резюмировалось резкое обострение всех противоречий обреченного на гибель режима.

Одним из первых в международном плане симптомов надвигавшегося банкротства был ненавистный французской буржуазии торговый договор 1786 г. с Англией. Исходя прежде всего из узко фискальных соображений, хотя это и маскировалось доводами высокого порядка, французская бюрократия чисто канцелярскими и келейными методами готовилась к этому шагу. Наоборот, в Англии предварительно были детальнейшим образом выяснены нужды и запросы промышленности при широком привлечении «капитанов» английской промышленности. В итоге, Англия едва ли добилась бы более выгодных условий даже в результате победоносной войны.

Англо-прусская интервенция в Голландии 1787 г.

Главным образом финансовой немощью абсолютистского правительства объясняется также и крупнейшая в дореволюционный период капитуляция Франции на международной арене перед лицом дипломатической и финансовой интервенции Англии и военной интервенции Пруссии в Голландии в 1787 г. Франция и Голландия были боевыми соратниками в американской войне за независимость. На этой основе французское влияние в Голландии решительно возобладало над английским. В конце 1785 г. между обеими странами был заключен формальный союз, накладывавший на Францию совершенно недвусмысленные обязательства. Спровоцированное Англией вмешательство Пруссии во внутренние дела Голландии, приведшее к вторжению прусских войск в Гельдерланд в сентябре 1787 г., составляло самый несомненный casus foederis для Франции, и в полном соответствии с союзным договором Голландия потребовала французской помощи.

Англия, в основном уже оправившаяся к этому времени от последствий (прежде всего финансовых) американской войны, готова была выступить на стороне Пруссии в том случае, если бы Франция поступила так, как все того ожидали. Необходимые военные мероприятия были уже осуществлены английским правительством. Война казалась неизбежной. Однако абсолютистская Франция удивила всю тогдашнюю Европу и вызвала волну возмущения в рядах своей буржуазии, отказавшись, вопреки прямым и непосредственным интересам своей страны и недавно принятым на себя обязательствам, встать на защиту своей союзницы Голландии. В результате предательства французским абсолютизмом своих голландских союзников, незначительные военные силы патриотов и демократов были разгромлены, власть штатгальтера была восстановлена

и гарантировалась отныне державами-интервентами — Англией и Пруссией. Влияние Франции было подорвано в корне, Голландия оказалась на ближайшие годы в полной зависимости от Англии.

Конец дипломатической изоляции Англии — изоляция Франции

Не выполнив обязательств по отношению к Голландии, французский абсолютизм нанес непоправимый удар уже не только своему сильно расшатанному внутреннему, но и международному престижу. Последствия этого события сказывались на всем протяжении революции. В 1786 г. Англия одержала бескровную победу над Францией в области экономической; теперь она, в сущности, добилась с минимальными издержками реванша и в области политической. Вся европейская ситуация резко изменилась. Без войны Франция оказалась побежденной. Англия снова стала центральной фигурой европейского концерта. Кризис, разрешившийся исключительно благоприятно для Англии, положил конец тяготившему ее одиночеству. Она сразу же приобрела двух зависевших от нее союзников. Так в 1787 г. были заложены основы Тройственного союза—Англии, Пруссии и реставрированного ими правительства штатгальтера в Голландии.

Лжепророками оказались те, кто после американской войны предрекал и даже констатировал упадок Англии, в то время как здесь в широком масштабе начали обнаруживаться глубокие сдвиги и огромные по своему значению результаты начавшейся промышленной революции. В разряд второстепенных держав опускалась не Англия, а ее недавняя победительница — французская монархия.

Внешнее могущество Франции основывалось в былое время прежде всего на ее относительной централизации, на ее финансовых ресурсах и на системе союзов с рядом государств, издавна связанных с нею. Первое из этих условий парализовалось теперь тем, что политика руководящих сфер, безалаберная и реакционная внутри страны и капитулянтская за последние годы вовне, не могла не вызвать решительного сопротивления народа, шедшего навстречу революции. Финансы были расстроены окончательно, и без радикального изменения государственного хозяйства и революционного преобразования всего социального уклада восстановить их не было никакой надежды. А при таких условиях абсолютистское правительство не могло уже сколько-нибудь последовательно отстаивать международные интересы Франции и не могло субсидировать зависимых от Франции стран-клиентов, что было одной из твердо установившихся традиций французской внешней политики.

1787 год оказался, таким образом, годом крупного перелома. Изолированная со времени американской войны за независимость Англия восстановила и укрепила к концу этого года свое международное положение. Франция же, возглавлявшая в конце 70-х — в начале 80-х годов антибританскую коалицию в составе Соединенных Штатов, Испании и Голландии, при фактической поддержке держав вооруженного нейтралитета,— не только втоптала в грязь свою репутацию и свое первенство в ряду великих держав, но именно с этого времени — почти за два года до революции— оказалась в свою очередь почти полностью изолированной.

Ослабление австро-французского союза и проект четверного союза

Дело мало менялось от того, что союз 1756 г. с Австрией формально сохранял свою силу. Внутри страны договор этот вызывал острую ненависть со стороны французской буржуазии, так как неоднократно оказывался орудием подчинения политики Франции династическим интересам Габсбургов вместо того, чтобы служить средством борьбы с Англией. И в международном плане его реальное значение свелось к минимуму уже к 1784—1785 гг.: на протяжении этих лет

Франция, во-первых, отказалась поддержать свою союзницу Австрию в ее споре с владевшей устьями Шельды Голландией из-за свободы плавания по этой реке и сама заключила союз с Голландией. И, во-вторых, воспротивилась австрийскому проекту обменять Бельгию на Баварию, сочувственно отнесшись к созданному Пруссией антиавстрийскому «фюрстенбунду» (союзу князей). Попытка возродить систему 1756 г. на более широкой базе четверного союза французских и испанских Бурбонов и двух императорских дворов (России и Австрии), занимавшая официальную Францию с 1787 г. под впечатлением зарождения Тройственного союза,— оказалась неосуществимой в виду слишком различных интересов предполагавшихся участников этой явно утопической комбинации. Растянувшиеся вплоть до начала революции переговоры по этому вопросу интересны, главным образом, в том отношении, что в ходе их Франция, становясь все более изолированной, обнаруживала готовность в корне пересмотреть свою политику традиционной дружбы с Турцией с тем, чтобы принять при соответствующих условиях участие в разделе Османской империи. Своего рода «египетский проект» еще до революции переходил, таким образом, в перспективе из сферы публицистики в сферу дипломатических комбинаций.

Новая ориентация традиционных союзников Франции

При таких условиях Турция, воевавшая с 1787 г. с Россией и Австрией, оказывалась вынужденной искать себе новых «покровителей» и нашла их в державах Тройственного союза. В орбиту влияния той же системы попала и союзница Франции Швеция, когда она в 1788 г., по прямому наущению Англии и Пруссии, напала на Россию. Вскоре на Пруссию и Англию стала ориентироваться и Польша, попытавшаяся стряхнуть с себя тяжелое ярмо екатерининской опеки, использовав затруднения России, воевавшей одновременно со Швецией и Турцией.

Еще до революции последние звенья выпадали, таким образом, из когда-то связной цепи союзных отношений Франции. Ее единственной реальной союзницей оставалась Испания, с которой Франция была связана «семейным пактом» 1761 г., а главное — опасностью английской экономической и политической агрессии, грозившей обеим странам, в частности их заморским позициям. Связь эта была достаточно надежной, но при тогдашней слабости Испании ожидать от нее многого было трудно. Потускневший международный престиж и дипломатическая изоляция были, следовательно, не продуктом революции, а наследием старого порядка, и, соответственно, не первое революционное полугодие, а 1787 г. знаменовал в этом отношении перелом.

ВОСТОЧНАЯ И ШВЕДСКАЯ ВОЙНЫ

Ближневосточная политика Екатерины II. Начало турецкой войны. Вступление Австрии в войну

Основным элементом международной обстановки вплоть до 1791 г. все еще оставалась начавшаяся в том же кризисном для Франции 1787 г. война между Россией, а затем и Австрией, с одной стороны, и Турцией — с другой. Эта война осложнилась в 1788 г. выступлением Швеции против России. Война была вызвана ближневосточной екатерининской политикой, нашедшей свое наиболее яркое выражение в пресловутом «греческом проекте». Существеннейшим этапом претворения в жизнь этой чрезвычайно широкой захватнической программы было присоединение Крыма к России в 1783 г. Овладение Крымом было началом окончательного утверждения России на Черном море и первым шагом к захвату Стамбула, или, как его символически предпочитали называть в русских правящих сферах, Царьграда. Этому трофею «не было равного в Ев-

роне... Царьград в качестве третьей российской столицы, наряду с Москвой и Петербургом, — это означало бы, однако, не только моральное господство над восточно-христианским миром, это было бы также решительным шагом к господству над Европой». [1]

Как это ни странно на первый взгляд, разразившаяся в 1787 г. война, предпринятая турками ради возвращения Крыма, застала Россию врасплох. «Хотя мы и давно готовимся, — писал Морков, один из руководящих деятелей коллегии иностранных дел и правая рука Безбородки,— но на деле выходит, что будто война с облаков на нас упала». Войска на юге было мало, страну постиг неурожай, начались эпидемии, казна была истощена, черноморский флот только еще строился. При создавшейся тогда обстановке совсем уже помимо ее воли в войну была вовлечена Австрия. Союз с Россией был необходим Габсбургам, главным образом, для того, чтобы ослабить и изолировать Пруссию, окрепшую свою силу при Фридрихе II в поддержке царицы. Антитурецкое острие секретных статей русско-австрийского соглашения было внушено в основном Екатериной. Австрия не могла предотвратить расширения России за счет подвластных Турции земель и предпочла в лице Иосифа II, одного из наиболее агрессивных по своим наклонностям императоров австрийского дома, обеспечить свое участие в ожидавшемся разделе турецкого наследства, тем более, что таким путем можно было надеяться отвлечь Россию от Пруссии.

Однако к осени 1787 г., когда Иосифу надо было решать, притти ли на помощь действительно подвергшейся на сей раз нападению Екатерине или нет, — обстановка в габсбургской монархии и ее позиции в Европе существенным образом изменились по сравнению с временем заключения австро-русского союза 1781 г. С тех пор Иосиф успел претерпеть ряд крупных дипломатических поражений. Крупнейшим из них была сорвавшаяся в 1785 г. попытка обменять отдаленную Бельгию (т. н. Австрийские Нидерланды), ахиллесову пяту монархии, на Баварию, непосредственно граничившую с Австрией. Результатом этой плохо рассчитанной авантюры, вызвавшей ожесточенное сопротивление держав, было резкое ухудшение международного положения монархии и возросшая зависимость ее от России. То и другое обнаружилось особенно явственно тогда, когда, почти одновременно с началом турецкой войны в 1787 г., началось сближение между Англией и главным соперником Австрии — Пруссией. Вместе с тем, под влиянием внешних неудач, усилилась и без того чрезвычайно упорная оппозиция отдельных частей габсбургской монархии абсолютистским и централизаторским экспериментам правительства «просвещенного» деспота Иосифа II. В ряде мест дело доходило до восстаний. Особенно резкие формы приняло национальное движение в Нидерландах.

Но чем хуже становилось общее положение Австрии, тем больше она должна была дорожить союзом с Россией. Вот почему Иосиф II после некоторых колебаний поневоле вступил в борьбу заодно с Екатериной. Характерно, что объявить войну туркам при их «невежестве турецком» «просвещенный» Иосиф считал ниже своего достоинства и открыл военные действия без всяких предварительных формальностей неудачным, впрочем, налетом на Белград.

Обстановка, при которой разразилась война, не давала особых оснований надеяться, что в ходе ее удастся осуществить что-либо крупное и значительное из захватнической программы-максимум Екатерины — из греческого проекта. Плохо подготовленная война обнаруживала тенденцию приобрести для России явно оборонительный, в стратегиче-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 9—10.

ском смысле слова,характер. Кампания 1788 г. была крайне неудачной для союзников России — австрийцев. На их долю выпал главный удар, они его не выдержали и были разбиты. Русские раскачивались в то время медленно, а на этот раз на их и австрийцев беду главная роль в руководстве войной и лавры победителя были предназначены Екатериной Потемкину. Вокруг вельможного временщика, который, впрочем, значительную часть времени проводил в Петербурге, создалась атмосфера общей расхлябанности и специфически придворной распущенности. Гениальному Суворову и другим боевым командирам не давали развернуться. Вдобавок ко всему в 1788 г. началась война со Швецией. «Дороговизна во всем ужасная», по признанию самой Екатерины, болезни «и к тому же совершенное оскуднение в хлебе», по такому же признанию Потемкина, характеризовали положение в стране. Приходится лишь удивляться, что даже при таких условиях русские войска добились уже на этом этапе крупного успеха — взятия Суворовым Очакова (17/6 декабря). Кампания 1789 г. также еще не привела к решительному исходу, несмотря на блестящие победы, одержанные, благодаря гению Суворова, русскими и австрийцами при Фокшанах (1 августа/21 июля) и Рымнике (22/11 сентября), и на взятие австрийцами Белграда (октябрь).

К концу 1789 г. силы Австрии, которые она могла использовать против турок, были на исходе. Турецкая война с самого же начала была непопулярной в странах габсбургской монархии. Пораженческие настроения были широко распространены в народе уже тогда, когда вся война была еще в сущности впереди. Вызванные ею тяготы способствовали распространению этих настроений во всех частях монархии и проникновению их в различные слои населения. Непосредственно антивоенная оппозиция была наиболее интенсивной в Венгрии, примыкавшей к фронту. Не говоря уже о Нидерландах, крайне тревожное положение было и в Галиции, отошедшей к Австрии по первому разделу Польши. В целом, обстановка войны привела в 1789 г. к максимальному обострению общего кризиса многонациональной габсбургской монархии.

Начало русско-шведской войны

Восточная война затянулась в значительной мере потому, что Екатерина была отвлечена диверсией шведского короля Густава III, пользовавшегося непосредственной поддержкой Англии и Пруссии и субсидией со стороны Турции. Учитывая, что главные силы русской армии были уже к этому времени сконцентрированы на юге, войска Густава III вторглись в июле 1788 г. в принадлежавшую России часть Финляндии. Густав III стремился использовать благоприятную обстановку и добиться возвращения Швеции территорий, уступленных России по Ништадтскому (1721 г.) и Абоскому (1743 г.) мирам. Добавочным соображением было желание Густава укрепить победоносной войной свое положение внутри страны, где он пытался насадить абсолютизм в борьбе с олигархически настроенной аристократией. Эта аристократия опиралась, по традиции, на Россию, гарантировавшую неприкосновенность олигархической конституции 1720г.

Нападение Густава действительно поставило Екатерину на первых порах в чрезвычайно тяжелое положение. На севере войск было мало (первоначально только 6 тыс. человек). Петербург оказался под непосредственной угрозой удара. Однако, когда обнаружилась реальная опасность для столицы, в России начался сильный патриотический подъем, как это всегда и неизменно бывало при угрозе неприятельского вторжения. Тот факт, что «усердие и охота народная против сего неприятеля» были велики, спас страну от шведского нашествия. Кроме того, в шведском лагере начался, при непосредственном участии царской агентуры, офицерско-аристократический, а частично и сепаратистский (в финляндских пол-

ках) мятеж. Мятежники отказались драться с русскими и вступили в переговоры с Екатериной II. Сыграла свою роль и союзная с Россией Дания, двинувшая, под русским влиянием и в силу собственного «исконного» соперничества с Швецией, полки на Гетеборг и осадившая его. Теперь в критическом положении оказался Густав, в самом спешном порядке примчавшийся в Швецию спасать свой трон, а быть может и жизнь.

Тут на сцену выступил Тройственный союз. При одновременном утверждении Екатерины в Черноморье, перспектива дальнейшего усиления русского контроля над Балтикой, которую правительство царицы уже во времена вооруженного нейтралитета объявило «закрытым морем», создавала предпосылки превращения России в первоклассную морскую державу и шла вразрез с английскими претензиями на господство на всех морях мира. Для Пруссии эта перспектива означала непосредственную угрозу десанта в случае каких-либо осложнений с Россией, угрозу тем более опасную, что прусского флота тогда еще не существовало в природе. Кроме того, всякий успех России в Балтийском бассейне ослаблял реальность прусских стремлений овладеть Данцигом (Гданском) и Торном (Торунем), так как Россия предпочитала видеть эти города в руках слабой Польши. Под давлением Тройственного союза Дания была вынуждена снять осаду с Гетеборга и объявить о своем нейтралитете. Самая близкая и непосредственная опасность для Швеции была, таким образом, ликвидирована. Операции датчан на шведской территории оказались для Густава выгодными в том отношении, что придали агрессивной авантюре короля, возмутившей широкие слои его страны, оттенок оборонительной войны. Державами Тройственного союза Густаву была предоставлена и денежная помощь, в которой он нуждался перманентно и без которой, несомненно, не выбрался бы на этот раз из беды. Лишь эта субсидия дала ему возможность восстановить свое расшатанное положение в Стокгольме, укрепить власть и финансовое положение внутри страны при помощи своего рода государственного переворота, продолжать войну и провести в 1789 г. энергичную морскую кампанию против России. Впрочем, самым крупным событием этой кампании была блестящая победа русского гребного флота над шведами в первом морском сражении при Свенска-Зунде (15 июля), этой «второй Чесме», как называла ее Екатерина. В результате русско-шведский конфликт также не получил своего разрешения вплоть до 1790 г.

Очень обременительное для екатерининского правительства совпадение турецкой и шведской войн вызвало осложнения и в Польше,—осложнения, чреватые крупнейшими последствиями для революционной Франции, для всей Европы, а тем самым — и для всего дальнейшего хода мировой истории.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС в 80-х ГОДАХ XVIII ВЕКА

Польша и международная политика царизма в XVIII веке

Царская политика второй половины XVIII века на Западе, где Россия сталкивалась прежде всего с Польшей, была явлением в известном смысле производным, явлением, подчиненным в конечном — но лишь в конечном — итоге основному направлению экспансии царизма в сторону Средиземноморья. Господство над Балканским полуостровом, к которому стремился царизм, привело бы Россию к Адриатическому морю. «Удержать же эту границу на юго-западе было бы немыслимо без соответствующего передвижения всей западной границы России, без значительного расширения сферы ее могущества на Западе». [1]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 10.

Обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали такому расширению. Непосредственная соседка России — Польша — достигла в XVIII веке состояния полного развала. Даже в ту эпоху господства абсолютистско-феодальных порядков эта шляхетская республика с избираемым королем во главе основывалась на более хищнической эксплоатации и более варварском, чем где бы то ни было в Европе, угнетении крестьянства — «хлопов», задавленных нуждой, забитых панами, изнуренных гнетом самого безалаберного в Европе и самого заносчивого дворянства. Общие условия шляхетского господства были таковы, что своя национальная буржуазия все еще оставалась в зачаточном состоянии. Конституция Польши делала страну неспособной к какому бы то ни было общенациональному действию и обрекала ее на то, чтобы стать легкой добычей своих соседей.

Кроме того, Польша была неоднородной в национальном отношении. В результате особых условий своего исторического развития в составе Польши находились Белоруссия и часть Украины. В то время как дворянско-помещичьи элементы этих национальностей действительно насквозь ополячились, основная крестьянская масса упорно продолжала оставаться родственной русским, а не полякам. В силу классовой ненависти к своим польским и ополячившимся помещикам-католикам белорусские и украинские хлеборобы крепко держались за свои национальные особенности, а также за отличавшее их от панов «восточное православие» и заметно тяготели к России. Русская дипломатия того времени, учитывая эти настроения, могла опираться на национальный принцип, выступать в качестве защитницы свободы совести вообще и гонимых единоверцев — в частности.

Успехи екатерининской дипломатии объясняются, главным образом, тем, что дипломатия эта в общем очень последовательно придерживалась главных линий русской внешней политики, намеченных Петром I. А ведь Петр, «этот, — как отмечал еще Энгельс, — действительно, великий человек, — великий совсем не так, как Фридрих «Великий», послушный слуга преемницы Петра, Екатерины II, — первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе».

«При удачном использовании сталкивающихся интересов» европейских держав, «запутавшихся в бесконечных распрях», «единая, однородная, молодая, быстро растущая Россия, почти неуязвимая и совершенно недоступная завоеванию», [1] могла обеспечить для каждого своего дипломатического выступления сильных союзников.

Восприняв общее направление европейской политики Петра, сама Екатерина, выросшая в обстановке династических кляуз и дрязг Германии, внесла в свою «высокую политику» крайнюю расчетливость и удивительную даже для циничного XVIII века беззастенчивость в выборе средств, выработанные германским мелкодержавьем. Умение ориентироваться в сложном переплете внутригерманских отношений дало ей возможность в полной мере учесть тот дальнейший «существенный сдвиг в пользу России», который произошел уже после Петра. Этим сдвигом было возвышение Пруссии, ставшей достаточно сильной, чтобы противостоять Австрии, но все еще слишком слабой, чтобы обходиться при этом без помощи Франции, иногда Англии и особенно — России.

После первого раздела Польши (1772 г.), обусловившего глубокую зависимость Пруссии от царской России, и вплоть до французской революции владычество Екатерины в Польше было юридически обставлено

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 12—13.

гарантированной ею конституцией, с восстановленным liberum veto,[1] этим проклятием Польши. Фактически «гарантия» царицы означала, что изменить конституцию Польша не могла даже в том случае, если бы оказалась в состоянии преодолеть сопротивление своих окончательно деморализованных, продажных, насквозь проституированных магнатов-изменников и буйной, но раболепной шляхты. Согласно действовавшей после первого раздела конституции, навязанной стране после ее ограбления, во главе исполнительной власти стоял Постоянный совет, большинство членов которого в условиях тогдашней Польши всегда оказывалось царскими креатурами. За ним неусыпно наблюдал номинально посол, фактически — наместник Екатерины, в распоряжении которого по просьбе не одной, так другой магнатской группировки в нужный момент всегда оказывалась русская воинская часть. При глубочайшей депрессии, в которую повергло страну хищническое и предательское хозяйничанье шляхты, несколько русских эскадронов были при случае достаточной силой, чтобы разогнать бунтовавшую шляхетскую клику.

Такой маразм польского дворянства не может быть понят, если не учесть, что господствовавший здесь режим создал в конце концов совершенно конкретную угрозу основам классового господства помещиков, заставляя их опираться на Екатерину, пресмыкаться перед ней. Так было уже в один из моментов очень резкого обострения борьбы против царизма накануне первого раздела. Министры Станислава Понятовского оказались тогда вынужденными официально принять решение «не показывать, что польское правительство заодно с русскими». Однако из этого правила было сделано одно симптоматичное исключение: было «позволено требовать русской помощи и соглашать с русскими войсками свои движения только против бунтующих крестьян».

Дипломатическое «наследство» Фридриха II

Порядки, установившиеся в Польше под эгидой Екатерины, в общем вполне удовлетворяли царицу, полновластно распоряжавшуюся там и не чувствовавшую на себе никакой ответственности за эту формально все же «самостоятельную» страну. Екатерине оставалось лишь желать, чтобы такое положение продолжалось: всякий дальнейший раздел вызвал бы со стороны Пруссии, а следовательно, неизбежно и Австрии, требование о выделении и им соответствующей части из остатка Речи Посполитой. Не возражала против status quo и Австрия: параллельное приращение австрийской и прусской территорий за счет Польши относительно ослабляло Австрию, и без того изнемогавшую под бременем своей «лоскутной» структуры. К дальнейшему ограблению Польши активно стремилась, в сущности, лишь Пруссия. Фридрих II и его дипломатическая школа никак не хотели примириться с тем, что при первом разделе и в последующие годы им не дали захватить некоторых крайне лакомых для них кусков, и прежде всего Данцига и Торна.

«Старый Фриц» умер, так и не дождавшись исполнения своей заветной мечты. Первоочередную, с его точки зрения, задачу Пруссии он завещал своим наследникам. Фридрих мечтал завещать им и необходимое условие для ее выполнения. Таким условием был союз с Екатериной, которой Фридрих целиком обязан был своей частью Польши. Играя на австро-прусских противоречиях и имея полную возможность выбирать между Иосифом и Фридрихом, Екатерина, готовясь «избавить Европу от врага имени христианского изгнанием его из Константинополя», нашла гораздо более своевременным сблизиться с Австрией. Уже в 1780 г. состоялось первое свидание Екатерины с Иосифом, а в 1781 г. был заключен союзный договор между

[1] Право каждого шляхтича, члена сейма, приостанавливать своим несогласием принятие законопроекта.

ними, в форме обмена письмами. На ряду с великодержавными претензиями, престарелый Фридрих оставил, таким образом, в наследство своему преемнику не союз с Россией, который действительно представлял собой conditio sine qua non прусского могущества, а все сильнее преследовавший его к концу жизни кошмар повторения Семилетней войны.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ В ПОЛЬШЕ И ПРУССИЯ

Пруссия в системе Тройственного союза

Так как отношения Екатерины II с Пруссией были испорчены еще при Фридрихе, то его преемнику, новому королю Фридриху-Вильгельму II, первоначально опиравшемуся на министров предшествующего царствования, ничего другого не оставалось, как попытаться вести «самостоятельную» и «независимую» политику. В обстановке второй половины 80-х годов это значило, что Пруссия неизбежно должна была попасть в фарватер либо Франции, либо Англии. Ее французской ориентации препятствовал формально все еще существовавший союз между Францией и Габсбургами. Наоборот, английской ориентации содействовала изоляция Великобритании, искавшей, подобно Пруссии, по всей Европе союзника. На этой почве началось англо-прусское сближение, которое, в результате интервенции Пруссии в Голландии в 1787 г., и привело к Тройственному союзу. Однако первый совместный шаг, по вполне понятным причинам, не мог не оставить у Пруссии глубокое неудовлетворение. Непосредственно действовавшей стороной, своего рода «физическим исполнителем», выступала она, а столь же непосредственные выгоды от интервенции целиком достались Англии. Пруссии выпала на долю сомнительная честь таскать каштаны из огня не для себя, а для своего английского партнера. В основном, дальнейшая прусская политика по отношению к Англии свелась к бесконечно возобновлявшимся и систематически ни к чему реальному не приводившим попыткам Пруссии выжать из англо-прусского союза соответствующую мзду за свою «работу» на Англию сначала в Голландии, а затем и в других местах. Англия же, со своей стороны, делала лишь то, что было выгодно ей, и в своих совместных с Пруссией демаршах ни в чем существенном не переступала этой черты. А так как интересы обеих стран были очень различны, то как раз в самых важных для прусского правительства вопросах оно в конечном результате оказывалось изолированным и в сущности лишенным английской поддержки.

Прежде всего это относится к Польше. Очередные приобретения, которых жаждали Гогенцоллерны — Данциг, Торн и т. д., — предстояло сделать непосредственно за счет кровных, национальных интересов Польши, а косвенно — за счет великодержавных интересов России, деспотически опекавшей Польшу. После того как политика Фридриха II, сводившаяся в этом отношении к стремлению получить и эти территории из рук Екатерины II в виде вознаграждения за союз с нею, потерпела полную неудачу; после того как изжил себя и самый союз между Россией и Пруссией, у последней оставались две возможности: надо было либо отказаться, хотя бы на время, от попыток экспансии в этом направлении, либо действовать вопреки и наперекор Екатерине.

Англо-прусско-голландский союз, сформировавшийся в условиях тяжелой для России и Австрии турецкой войны и войны шведской, укрепил в берлинских сферах ложную иллюзию, будто при существующих условиях Пруссия достаточно сильна и может позволить себе роскошь заставить Россию склониться перед фактом аннексии Пруссией облюбованных ею польских земель. В Берлине спешили использовать обстановку, панически боялись, как бы турецкая и шведская войны не кончились

раньше, чем Пруссия добьется своего, нажимали на Англию и, по мере того как время шло, все сильнее раздражались на более чем индифферентное отношение английского правительства к прусским комбинациям и интригам в Польше.

Проект русско-польского союза

Польша в границах, существовавших в XVIII веке, вплоть до второго раздела, представляла собой наиболее уязвимый правый фланг основного фронта России, обращенного к Турции. Особенно ясно это обнаруживалось каждый раз, когда начиналась очередная война с Турцией. Поскольку царизм не желал отказываться от своего продвижения в направлении к Константинополю, он, естественно, не мог отказаться и от попыток разрешить в своих великодержавных интересах также и польский вопрос. Именно это в первую очередь и обрекало Польшу на гибель, если подходить к проблеме польских разделов в международном разрезе. Полный контроль над польским плацдармом, все еще очень обширным и после 1772 г., представлял собой одно из существеннейших условий такой победы над Турцией, о которой мечтали в Петербурге. В этом отношении к началу турецкой войны 1787—1791 гг. дело обстояло, казалось, лучше, чем когда бы то ни было, не столько даже потому, что часть принадлежавших Польше земель отошла к России непосредственно, сколько потому, что и часть Польши, оставшаяся формально самостоятельной, управлялась, в конечном итоге, с берегов Невы, а не Вислы.

Степень и глубина русского влияния в Польше в каждый данный момент целиком зависели от того, насколько высоко стоял международный престиж царизма и насколько он был устойчив. Все, что могло поколебать его, грозило полной потерей захваченных в Польше позиций и освобождением ее от царского контроля и гнета. А между тем, начало турецкой войны и ближайшие перспективы, особенно после выступления Швеции против России в 1788 г., никак не могли содействовать укреплению международного престижа Российской монархии. Вот почему, как только разразилась война, петербургская дипломатия поставила перед собой экстренную задачу — особенно ратовал за это Потемкин — заключить союз с Польшей, втравив ее в войну с Турцией. Интересовала, конечно, не польская армия, не представлявшая собой сколько-нибудь реальной величины. Важно было обеспечить свой правый фланг на случай любых неожиданностей, сохранить возможность свободно и беспрепятственно хозяйничать на польской территории. Главное же — нужно было оформить и закрепить зависимое положение Польши на критический период войны, парализовать неизбежные попытки держав, — прежде всего, разумеется, Пруссии, — укрепить свое влияние в Польше в ущерб России, отвлеченной войной. «Стараться буду, чтобы соглашение о союзе не замедлилось, дабы нация занята была», — писала Екатерина Потемкину, намекая, что больше всего в конечном итоге опасались пробуждения самой Польши.

Но именно то, что заставляло петербургский двор так стремиться заключить союз с Польшей, неизбежно должно было вызвать здесь реакцию прямо противоположного свойства. Перед униженной и порабощенной страной открывалась возможность начать борьбу за свое национальное освобождение. Тяжелое положение Екатерины создало в этом отношении исключительно благоприятные перспективы. Основной расчет, как всегда, был, конечно, не на народ, а на глубоко антинародное магнатство. «Привяжите богатых и знатных, почтив их быть шефами наших полков и корпусов, они сами к России прилепятся, и большие деньги от себя в пользу наших полков употребят», — настаивал в начале 1788 г. в письме к Екатерине тот же Потемкин, купивший даже в Польше имение, «дабы,

сделавшись владельцем, иметь право входить в их [поляков] дела и в их начальство военное».

Польша и план Герцберга

Самоуверенность русских сфер и, в частности, Потемкина оказалась на этот раз недостаточно обоснованной. Раболепство и продажность верхов польского общества заслоняли от Екатерины и ее советников процесс медленно намечавшегося национального возрождения Польши после ее максимального падения в 1772 и в последующие годы. И давления возрождавшейся, а в сущности только еще складывающейся, нации не могло не испытывать на себе даже польское магнатство. Если оно не желало окончательно лишиться последних остатков своего собственного, а не на штыках Екатерины державшегося, политического влияния в стране, так глубоко подорванного всей его предательской политикой на протяжении последних десятилетий, оно не могло не учесть мощной оппозиции страны проектам «союза» с царицей. Основная часть магнатов не могла не сделать попытки поддержать иллюзию в народе, будто они действительно стремятся освободиться от наложенного Екатериной ярма и не пропустят редкой для Польши конъюнктуры.

Но без коренной ломки архаического социального уклада, губившего Польшу, не было никаких шансов успешной борьбы за независимость. Однако дворянство во главе с магнатами отнюдь не желало, хотя бы и ради спасения родины, жертвовать своими интересами. Поднимавшееся национальное движение, лишь чисто внешне выражавшееся в протесте против навязывавшегося русским правительством проекта союза и по существу гораздо более глубокое, правившая Польшей клика попыталась отвести в мелкое русло смены одной ориентации на другую — русской на прусскую. Если бы это с самого же начала сопровождалось достаточно радикальным преобразованием обветшавших и насквозь прогнивших социальных устоев Польши, то такое использование нацией, боровшейся за свою независимость, противоречий в лагере угнетавших ее держав было бы вполне целесообразно и могло бы дать значительный политический эффект. В противном случае освобождение от русской зависимости означало бы переход в политическую кабалу к Пруссии. К несчастью для Польши, это на самом деле и произошло. В условиях, когда промедление было смерти подобно, время оказалось упущенным. И в итоге Польша стала жертвой самой черной интриги Пруссии, которая, заключив союз с поляками, предала их той же Екатерине, выговорив себе за счет Польши свою долю в уплату за предательство. Прусский союз, который, как меньшее зло, предпочли русскому и который, усыпляя бдительность страны, изображали благом, оказался на самом деле еще большим злом. «Incidit in Scyllam qui vult vitare Charibdam» («попадает в Сциллу тот, кто хочет избежать Харибды»), — очень кстати цитировал по этому поводу римского поэта Фокс.

В основе прусской интриги в Польше, а в значительной мере и всей прусской политики с 1787 по 1790 г., лежал пресловутый план Герцберга. Этот план представлял собой типичный продукт дипломатической школы Фридриха. Составляя свой план, Герцберг вдохновлялся примером Фридриха, воспользовавшегося первой турецкой войной Екатерины и получившего по «неотступным докукам», «дипломатическим» путем, или, точнее, путем частично унижения, частично шантажа, часть Польши. Теперь, по мысли Герцберга, представлялась широкая возможность извлечь пользу из второй турецкой и шведской войн и, опираясь на Тройственный союз, получить Данциг и Торн.

План этот одновременно преследовал две цели — «позитивную» и «негативную». В своей «позитивной» — с прусской точки зрения — части

он был направлен против России и сводился к тому, чтобы, отомстив России за ее сближение с Австрией, исконной соперницей Пруссии, понудить ее примириться с захватом Пруссией Данцига, Торна и других смежных территорий (части Познани, Калиша), на которые давно уже разгорелся прусский аппетит. «Негативной» задачей плана было во что бы то ни стало помешать Австрии усилиться и, по возможности, добиться максимального общего ослабления Габсбургов в итоге войны. Исходя из того, что едва ли удастся помешать России и Австрии увеличить свои владения за счет Турции, Герцберг стремился нейтрализовать это с плюсом для Пруссии по такой, примерно, схеме тройного «обмена»: Турция уступает России Очаков и Бессарабию, а Австрии — Молдавию и Валахию. Но Россия, в свою очередь, отдает Швеции часть Финляндии, а Австрия возвращает Польше часть Галиции. В «благодарность» за удовлетворение при прусском посредничестве своих стремлений, Швеция «вознаграждает» Пруссию частью Померании, а Польша — Данцигом и Торном. Все воюют, все проливают народную кровь, все разоряются, — и все ради того, чтобы в результате общего размена в выигрыше оказалась одна лишь Пруссия, действующая в качестве супер-арбитра. Воистину «наместник божий, вселенной распоряжающийся: зазнались совершенно», — как со свойственной ей меткостью и естественной в ее положении злостью отзывалась о Герцберге и его окружении Екатерина.

Политика Пруссии в эти годы не ограничивалась попытками ловить рыбу в мутной воде. Причастная, повидимому, к самому возникновению восточной и шведской войн, в дальнейшем она ставила свою основную ставку на то, чтобы эти войны продолжались как можно дольше—до полного истощения противника: только при этом условии великодержавная по своим претензиям, но не по ресурсам, Пруссия могла надеяться сыграть свою роль третейского судьи, весьма далекого от нелицеприятия, — роль «наместника бога, вселенной распоряжающегося».

На таком общем фоне выступает прусская политика в Польше непосредственно перед французской буржуазной революцией и в начале революции.

Прусско-польский союз

Еще до того, как в 1788 году собрался сейм, которому предстояло решить вопрос о союзе с Россией, прусская дипломатия проявила необыкновенную энергию по всем линиям. Ее тогдашний представитель в Варшаве Бухгольц получил значительную сумму денег для укрепления и субсидирования прусской партии. Фридрих-Вильгельм прямо заявлял, что не потерпит вступления Польши в союз с каким-нибудь другим государством и предлагал свой. Герцберг прибавлял, что Пруссия поможет Польше возвратить Галицию, отнятую у нее Австрией в результате раздела, лишь бы поляки не задирали турок. Проект присоединения Данцига к Пруссии, существеннейший для польско-прусских отношений элемент плана Герцберга, благоразумно держали до поры до времени в тайне. Предпочитавшие тешить себя наивными иллюзиями варшавские верховоды из числа магнатов прусской ориентации нашли наиболее удобным для себя ни о чем подобном не догадываться, хотя и надо было предвидеть, что неожиданная вспышка прусских симпатий к Польше не может быть, конечно, бескорыстной. Русский посланник Штакельберг продолжал надеяться, что ему удастся по примеру прошлых лет овладеть сеймом и провести союзный трактат. Однако, когда сейм в октябре действительно открылся, провозгласил себя «учредительным» и, учитывая нараставший в стране национальный подъем, обещал осуществить реорганизацию и увеличение армии, внутренние реформы и пр., — обстановка стала складываться крайне неблагоприятно для России. В ответ на предложенный рассмотрению сейма проект союза с Россией Бухгольц пере-

дал ноту прусского короля, предостерегавшую Польшу против этого союза и предлагавшую союз с Пруссией. «Его прусское величество» обещал избавить польскую нацию от всякого чужестранного притеснения и от нашествия турок и оказать помощь охране независимости, свободы и безопасности Польши.

Нота произвела впечатление взрыва. Ряды сторонников союза с Россией сразу же растаяли, прусская партия приобрела подавляющее превосходство. Международнополитическая позиция Польши претерпела радикальнейшее изменение. Штакельберг оказался не в состоянии провести союзный договор — даже прямые наймиты Екатерины не решались его поддерживать. Сейм вотировал благодарность прусскому королю. Армию решено было увеличить до 100 тыс. человек Сейм был объявлен бессрочным с тем, чтобы иметь время провести реформы. Протесты русского посланника не были приняты во внимание, равно как и его предупреждение, что нарушение гарантированного Россией устройства будет рассматриваться Екатериной, как разрыв «дружественных» отношений. Претензии русского правительства, ограничивавшие суверенитет страны, были отвергнуты. Было предъявлено требование о выводе русских войск.

Уже в начале декабря на обсуждение был поставлен вопрос о формальном союзе Польши с Пруссией, Англией, Голландией и Швецией. В самом начале 1789 г. проводник русского влияния, Постоянный совет, был ликвидирован. Дипломатические представительства при дворах, враждебных Екатерине, были восстановлены. К началу 1790 г. прусское правительство нашло, повидимому, что поляки достаточно скомпрометировали себя перед Петербургом, и сделало в Варшаве формальное предложение об уступке Польшей Пруссии Данцига и Торна «в обмен» на уменьшение таможенных пошлин.

Даже этот демарш, который предпринял 24 февраля новый (с 1789 г.) прусский посланник в Польше Луккезини, — мастер европейского масштаба по части дипломатической техники и главная пружина прусской политики в Польше накануне второго раздела, — не заставил польские правящие круги насторожиться и сделать все политические выводы из явно обнаружившихся тенденций Пруссии, клонившихся к дальнейшему расчленению Польши, под маской покровительства ей. Убедившись, насколько неблагоприятное впечатление произвело в Польше прусское предложение, в Берлине решили несколько повременить и дали директиву бить отбой: «разъяснили», что не настаивают на своем предложении и сделали его только на тот случай, «если Польша признает его выгодным для своей торговли». 29 марта 1790 г. между Пруссией и Польшей был подписан договор, направленный против всякой державы, которая сочла бы себя в праве «вмешиваться во внутренние дела Польши или зависимых от нее земель». Упоминая «зависимые земли», прямо намекали на Курляндию, присоединение которой усиленно подготовлялось екатерининской дипломатией. Острие союза было, таким образом, совершенно недвусмысленно обращено против России.

Причины слабости Польши

Все эти мероприятия означали прямой вызов Екатерине. Проводить их можно было беспрепятственно только до тех пор, пока у нее были связаны руки. Надо было отдавать себе отчет в том, что царское правительство, как только оно освободится от турецкой и шведской войн, со всей энергией примется за восстановление утраченных в Польше позиций. Борьба предстояла за самое существование страны, уже получившей при первом разделе грозное предупреждение. «Не очень доверяйте вашему новому союзнику, — говорил Фокс полякам, — рассчитывайте на свой патриотизм, на свою энергию, на дух времени, — и вы сумеете обеспечить

свою свободу и независимость». Этому мудрому совету в Варшаве не последовали. Даже такая мера, как усиление армии, осталась в значительной мере декларацией. Эффективность и этой декларации была ослаблена тем, что русский агент, аристократ, крупный землевладелец, коронный гетман Браницкий, женатый на племяннице Потемкина, добился того, что основным родом войск решено было оставить кавалерию. Таким образом, за польской армией был сохранен ее совершенно архаический, средневековый, бутафорски-рыцарский характер. Для содержания стотысячной армии требовалось 50 млн. злотых, а доходы равнялись всего 18 млн. Никаких радикальных мер, которые могли бы обеспечить бо́льшие поступления с разоренной шляхетским господством страны, не было и не могло быть принято без глубокого преобразования всего режима. Цифру в 100 тыс. человек пришлось снизить до 60 тыс., но и эти 60 тыс., в сущности, никогда не были реальной величиной, а тем более способной к серьезным действиям армией. Вопрос о более глубоких реформах поставили лишь к сентябрю 1789 г., но до 1791 г. дальше дискуссии и предварительной разработки проекта дело с пересмотром конституции не пошло. Господствовавшие в Польше помещики не желали поступиться своими привилегиями даже в тот момент, когда такая «жертва» еще могла бы, быть может, спасти страну. Три года были бесплодно потеряны, Польша осталась внутренне столь же неподготовленной к борьбе, как и была. Вызвав озлобление Екатерины, она не могла противопоставить ей ничего, кроме своего союза с Пруссией.

Национальный подъем сопровождался в Польше волнениями крестьянства, к улучшению положения которого никак не могли решиться приступить. Особым напряжением борьба эта, как и всегда, отличалась там, где социальные противоречия усугублялись национальными и религиозными, в частности, в пределах оставшихся у Польши частей Украины и Белоруссии. Вместо того чтобы энергичнейшим образом приняться за устранение коренной причины аграрных в своей основе волнений, помещики, крепко державшие в своих руках монополию представительства в правительстве и на сейме, предпочли свести все к тому, что русские попы, купцы, возчики, коробейники и пр. подстрекали православное население к бунтам. Во всем видели теперь руку Екатерины,—руку, под которую в свое время пошли, главным образом, из страха перед теми же крестьянскими волнениями.

ОБОСТРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ к 1789 г.

Русско-прусские и австро-прусские отношения

Польская политика и так или иначе связанная с ней политика Пруссии очень резко противопоставила Пруссию России. По существу же между ними не было в то время особенно серьезных противоречий: не такое уже значение имела для Екатерины опасность окончательного утверждения Пруссии в Данциге, чтобы подобное противоречие могло возникнуть на этой почве. Конфликт с Россией ослаблял позицию Пруссии по отношению к Австрии.

Первой длительной реакцией на политику Герцберга было сплочение Австрии и России, т. е. именно то, чему Пруссия в тогдашнем своем положении стремилась противодействовать прежде всего. Возможности в этом отношении у нее были немалые. Ведь союз между Россией и Австрией — этими двумя наиболее упорными конкурентами на Балканах — был, как показало все последующее развитие восточного вопроса, сугубо искусственной, чтобы не сказать противоестественной, комбинацией. И недаром Иосиф II, этот русский «наместник и генерал», каким считали его в Петербурге, сознавался, что предпочитает видеть в Стамбуле турецкий тюрбан, а не русскую шапку.

Возглавляемая Герцбергом прусская дипломатия разбрасывалась, раздавала обязательства направо и налево и систематически не выполняла их. В итоге она не только вызывала всеобщее озлобление, но и терпела срыв за срывом и не добилась ничего при ситуации, которую сам Герцберг вполне правильно считал исключительно блестящей. В Берлине становились в позу, будто предписывают законы и диктуют свою волю Европе, а за кулисами робко оглядывались на Англию — поддержит ли она. Сколько-нибудь последовательно и решительно действовали лишь в том случае, если получали утвердительный ответ. Фактически это означало, что сложившаяся вместе с зарождением союза зависимость Пруссии от Англии продолжала оставаться в силе даже в тот период, когда,—после интервенции в Голландии, в обстановке турецкой и шведской войн, антирусского движения в Польше, антиавстрийского движения в габсбургских владениях, начавшейся французской революции и революции бельгийской, — Пруссия приписывала себе гегемонию.

Непосредственным последствием англо-прусского сближения на почве голландской интервенции было направленное в первую очередь против Франции обязательство обеих держав от 20 октября 1787 г. поддерживать и в дальнейшем реставрированные в Голландии в результате их вмешательства реакционные порядки. Слухи о подготовительных шагах к заключению четверного союза между Францией, Испанией, Россией и Австрией несколько задержали расширение и углубление англо-прусско-голландских союзных отношений в виду сильного опасения в Лондоне, как бы это не оказалось лишним стимулом для соглашения бурбонских дворов с императорскими, в ущерб британским интересам. Между тем, потерпели неудачу первоначальные попытки Герцберга добиться присоединения Данцига и Торна не наперекор Петербургу, как впоследствии, а с согласия русского двора. То, что сорвалось в Петербурге, Пруссия пыталась наверстать в дальнейшем, опираясь на Лондон, вопреки России и в борьбе с ней. К весне 1788 г. план Герцберга оформился в более или менее окончательном варианте. У Герцберга возникла мысль о совместном и, быть может, даже вооруженном «посредничестве» Англии и Пруссии на Востоке, за что благодарная Европа должна была вознаградить Пруссию вожделенными польскими территориями.

Начиная с марта, Берлин все более настойчиво добивался от лондонского кабинета расширения ограниченных Голландией англо-прусских взаимных обязательств, односторонне выгодных Англии, до пределов общего союзного договора, распространяющегося, в частности, и на вопросы восточноевропейской политики, интересовавшие Пруссию в первую очередь. Под влиянием настойчивых домогательств и довольно явной угрозы Берлина — сблизиться в противном случае с Францией — Лондон, после некоторых колебаний, согласился: 13 июня в Лоо (Голландия) был подписан прелиминарный, так называемый провизорный, а 13 августа в Берлине — окончательный текст договора, скрепивший «оборонительный» Тройственный союз. Две основные державы, вошедшие в его состав (контрреволюционное правительство штатгальтера в Голландии тащилось на буксире Англии), были одинаково агрессивны, с той лишь разницей, что английская агрессивность распространялась в первую очередь на колонии, а прусская — на континент. Основное своеобразие этого агрессивного блока сводилось к тому, что его участники демонстративно выступали с пальмовой ветвью, в тоге миротворцев.

Первый акт «миротворческой» деятельности Тройственного союза — поддержка, оказанная им Швеции против России осенью 1788 г.,— увенчался полным успехом. Горе-миротворцы полностью добились того,

к чему стремились, — окончание шведской войны было отсрочено на два года. Союз сразу приобретал, таким образом, резко выраженный антирусский характер. Уже в сентябре 1788 г. прусский король предложил свое посредничество, а также посредничество Англии и Голландии, в примирении России со Швецией на условиях status quo, в форме пока еще несколько замаскированной угрозы. В заседании от 29 (18 ст. стиля) сентября Государственный совет, которому переданы были «на рассуждение» предложения Пруссии, нашел в них «не слова, а вещи колкие» и такие «извинения» нападения Густава III, которые квалифицировал «непристойными». Особенно возмутило Совет, что «король прусский ввязался» не только за Швецию, но «распространяет свое настояние и на войну нашу турецкую», а «говоря о союзе своем с Англиею и Голландиею, упоминая об интересе своем же сохранить равновесие на севере и востоке, страшит нас общею от сих держав препоною в успехах наших в том и здешнем краях». «В виде медиятора, — констатировалось в итоге, — зрится восстающий нетерпимый повелитель не токмо на настоящие наши дела, но и на будущие». Исходя из того, что ничего не может быть «уничтожительнее оной крайности, как приять великой империи закон от прусского государя», Государственный совет приходил к выводу, что «всякое уважение к нуждам и к тягости новой войны при сем размышлении исчезает». Соответственно большинство членов высшего совещательного органа империи рекомендовало «с твердостью, но в изъяснениях на сей раз дружеских» «медияцию отклонить», «в ответе пристойно упомянуть королю прусскому..., что самая его держава своим приращением обязана России», учесть опасность новой войны, которая была бы «важнее турецкой» и «без отлагательства готовиться к отражению замыслов сего государя, отделив от наших армий корпус в 20 тыс., которому расположиться в Белоруссии и на нашей лифляндской границе». Так как на стороне Пруссии стояли Англия и Голландия, Государственный совет считал своевременным укрепить союзные связи с Австрией и попытаться осуществить союз с бурбонскими дворами (Францией и Испанией). Екатерина через несколько дней резюмировала положение кратко и несколько вульгарно, но максимально определенно: «Буде два дурака не уймутся, то станем драться». В воздухе, таким образом, нависла угроза общеевропейской войны. До серьезной войны дело на этот раз не дошло, но дипломатическая война между Россией и Тройственным союзом, и особенно Пруссией, началась отныне по всей линии.

Такое обострение отношений с Россией не соответствовало, по существу, как мы частично уже показали выше, интересам Пруссии, хотя последняя и выступала застрельщиком дипломатической перепалки. Ее внимание неизбежно оказывалось теперь в очень сильной степени прикованным уже не к основному своему антагонисту — Австрии, а к более грозному возможному противнику — России. Это, естественно, несколько облегчало положение Австрии и, во всяком случае, поддерживало до поры до времени не очень надежные союзнические узы между двумя империями. Зато Англию все это устраивало как нельзя лучше.

Англо-австрийские отношения

Позиция Англии и по отношению к Австрии и по отношению к России была, как и вся ее континентальная политика, довольно сложным производным от ее острого и глубокого торгово-колониального соперничества с Францией, этой основной оси международной политики XVIII века. Пока Австрия оставалась главным врагом Франции на континенте, она была естественной и желанной союзницей Англии. Франко-австрийские противоречия не были разрешены и ко второй половине XVIII века, но уже к этому времени Франции, в виду ее напряженнейшей борьбы с Англией,

было не до Австрии, а с другой стороны, и у Австрии возникла более непосредственная опасность в лице Пруссии. Отвлеченные борьбой со своими основными антагонистами, Франция и Австрия отложили на время взаимную распрю и, как известно, даже заключили в 1756 г. союз. В той мере, в какой этот союз был реальностью, Австрия оказывалась в противоположном Англии лагере. Однако еще за несколько лет до французской революции союз между Францией и Австрией оставался уже почти лишь фикцией. Таким образом, значение этого момента, противопоставлявшего Австрию Англии, значительно ослабело. Но зато в те же годы англо-австрийские отношения осложнились великодержавной активностью Иосифа и, главным образом, систематически предпринимавшимися императором попытками извлечь бо́льшую, чем его предшественники, пользу из господства Габсбургов над Нидерландами; господство это было ограничено согласно условиям присоединения, а ограничения были гарантированы державами. Добиться этого надеялись либо путем обмена Нидерландов на Баварию, либо путем расширения и укрепления своей власти над ними за счет их внутренних привилегий и за счет прав, предоставленных Голландии в отношении Бельгии по барьерному трактату 1715 г. и другим международным актам. Поползновения Иосифа в корне противоречили очень своеобразной системе австрийского суверенитета над Нидерландами; эта система была установлена после войны за испанское наследство, главным образом — по настоянию Англии, во избежание захвата Бельгии Францией, и оставалась одним из основных принципов английской континентальной политики. В соответствии со своей бельгийской доктриной, Англия не могла допустить обмена, в результате которого маленькой независимой Бельгии грозило бы поглощение Францией. Но, с другой стороны, Англия, исходя из той же доктрины, не желала допустить и сколько-нибудь значительного усиления власти Габсбургов над Нидерландами: при успехе великодержавной абсолютистско-централизаторской политики Иосифа возникла бы «австрийская» опасность для английских интересов в той же Бельгии, в Голландии и пр. В случае же достаточно широкого и упорного сопротивления бельгийского народа деспотическим замашкам Вены, пришлось бы считаться с возможностью революционного отделения нидерландских провинций от владений австрийского дома, со всеми пугавшими Англию последствиями самостоятельного существования этой страны. Политика Иосифа, шедшая вразрез с английской доктриной, естественно ухудшала англо-австрийские отношения. Но, с другой стороны, заинтересованность Англии в сохранении австрийского режима в Бельгии продолжала оставаться настолько серьезной, что не могла не лимитировать более или менее определенно очерченными рамками степень допустимого, с точки зрения Англии, обострения англо-австрийских политических противоречий. Такова была английская позиция по отношению к Австрии, в корне и принципиально отличавшаяся от непримиримого по существу антагонизма, сталкивавшего Пруссию с Австрией.

Зарождение англо-русского антагонизма

Еще сложнее были англо-русские отношения в их развитии, предшествовавшем французской революции и в ее начальный период. Основной и наиболее общей политической предпосылкой традиционной дружбы сен-джемского и петербургского дворов было хронически напряженное состояние взаимоотношений между Россией и Францией. Пока французские Бурбоны оставались верны системе «богохульной унии лилии с полумесяцем», напряжение между Версалем и Петербургом, при основном восточном направлении внешней политики России, не могло ослабеть. Тем более, что на ряду с Турцией Франция была

связана также со Швецией, а до недавнего времени — и с Польшей. Систематические франко-русские трения создавали почву для столь же систематического политического англо-русского контакта. Но еще более прочную и уже непосредственную базу англо-русской близости представляла собой тесная экономическая заинтересованность между обеими странами: четвертая часть всего русского импорта покрывалась Великобританией, в Великобританию шли две трети экспорта из России. Не только английская мануфактура и впервые в мире зарождавшаяся в Англии крупная машинная промышленность оказывались крепко связанными с русским рынком сырья и сбыта,— английские господствующие классы в целом не могли не чувствовать зависимости от поставщика необходимых материалов (железо, лес, лен, пенька и пр.) для своего торгового, а главное — военного флота и дорожили в связи с этим хорошими отношениями с Россией.

Эта атмосфера взаимного экономического тяготения и политического благоволения аристократически-плутократической и мануфактурной, а частично уже и крупнопромышленной Англии и помещичье-крепостнической России омрачилась в годы американской войны за независимость. Считая себя после Чесмы в состоянии выступить в качестве главы морской державы крупного ранга на международной арене, Екатерина в 1780 г.... «в первый раз сформулировала для себя и для своих союзников по «вооруженному нейтралитету» (1780 г.) требования об ограничении прав, на которые претендовала Англия для своих военных судов в открытом море, требования, которые с тех пор оставались постоянной целью русской политики...» [1] Именно в результате этого шага в симпатиях английского народа и правительства совершился полный переворот в отношении России, — указывала в 1788 г. русскому послу в Лондоне Воронцову «особа, в делах участие имеющая». «Правила вооруженного нейтралитета поссорили нас, так что не один двор, но вся английская нация с прискорбием чувствовала сию обиду», — подчеркивал и лидер оппозиции в английском парламенте Фокс. Такая реакция представляла собою не только очень распространенное, но почти всеобщее явление, действительно объединявшее различные и во многом враждовавшие между собой группировки и направления в рядах английской олигархии и господствующих элементов буржуазии. Реакция эта была, кроме того, и очень устойчивой, так как правила вооруженного нейтралитета самым определенным образом оспаривали догму о неограниченном господстве Британии на морях.

Объективные предпосылки англо-русского колониального антагонизма сложились также в значительной своей части еще до французской революции, и, соответственно, на этой канве уже в конце 80-х — начале 90-х годов наметились общие, пока еще расплывчатые очертания и самого антагонизма. В каких-нибудь три десятка лет, предшествовавших революционной буре во Франции, Англия стала великой азиатской державой. Россия была ею уже давно, но в несколько отвлеченном плане и едва ли не больше в географическом, чем в политическом смысле этого понятия. В сущности, лишь екатерининская Россия практически приступила к систематическому политическому освоению необъятных азиатских пространств и множества народов, их населявших и продолжавших в значительной своей части жить своей, все еще более или менее самобытной, жизнью под скорее номинальным, чем реальным владычеством русских царей. Одновременно с возникновением индийской империи Великобритании, Екатерина — первая в ряду «самодержцев всероссийских» —

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 16.

действительно твердой ногой стала в Азии. Активная внешняя политика и территориальные приобретения России усиливали ее влияние в Азии и вообще ее роль в международных отношениях. Следует также учесть быстрое развитие военного флота, на который со времен Петра I в течение некоторого периода не обращалось достаточного внимания. К тому времени Россия стала морской державой, Англия — континентальной, обе вместе — великими азиатскими державами, быстро расширявшимися навстречу друг другу за счет, главным образом, мусульманских народов. Обосновавшись в Бенгале, Англия двигалась не только к югу, захватывая бывшую французскую сферу влияния, но и к северу — к Гималаям. Подойдя вплотную к Черному морю и к Каспию и утвердившись на их северных побережьях, царская Россия готовилась охватить своими владениями оба эти бассейна и усиленно вовлекала в пределы своего активного политического воздействия и непосредственного влияния Кавказ и Закавказье. Екатерина считала уже Грузию своею и торжествовала, что таким образом «стала открыта вся Турция». Русские проникли уже в Среднюю Азию и дошли до своего рода геркулесовых столпов азиатского континента — полулегендарного Окса (Oxus) древних, Аму-Дарьи. Оставалось подняться по этой главной артерии Туркестана к ее истокам — и между русскими и английскими владениями оказалась бы уже, в сущности, лишь последняя и единственная грозная естественная горная преграда. Не случайно уже в 1791 г. некий предприимчивый француз Шене предлагал пройти с четырехтысячным отрядом Среднюю Азию, перебраться через Гималаи и разгромить английские колонии в Индии. Его слушали в Петербурге, об его фантастическом плане писали английские дипломаты в Лондон, и там не могли не ощущать первых признаков тревоги, первого предчувствия того, что стало кошмаром английских империалистов XIX века.

Обострение англо-русских отношений и франко-русское сближение к 1789 г.

К конфликту двух систем морской политики и к зарождавшемуся континентально-колониальному антагонизму в Азии прибавился в 80-х годах XVIII века еще один существенный момент, способствовавший ухудшению англо-русских отношений: накануне революции резко изменились к лучшему русско-французские отношения, натянутость которых в прошлом была главным политическим стимулом англо-русского взаимного тяготения. В основе этой перемены лежало в корне нарушенное во второй половине XVIII века в ущерб Франции соотношение сил в колониальном мире между нею и Англией в результате все того же крупнейшего по своему значению факта — возникновения английской колониальной империи в Индии. В экономическом отношении ущерб, нанесенный Англии в результате потерь ею колоний в Америке, был с избытком компенсирован успехами начавшейся промышленной революции.

Захват Францией того или иного, хотя бы частичного, противовеса в британской Индии, — эта задача становилась основной для французских колониальных кругов. Наиболее реальным объектом компенсации для Франции был Египет. Французское содействие России и Австрии в борьбе за раздел Турции в целях захвата Францией Египта стало теперь казаться гораздо более заманчивой перспективой, чем упорное, но неэффективное сопротивление русскому наступлению на Османскую империю. Помимо Египта, это сулило Франции, в плоскости экономической, завоевание интенсивно создававшегося рынка недавно присоединенных к России причерноморских областей, а в плоскости политической — перемену английской ориентации России на французскую и, в конечном итоге, — союз с Россией. В Петербурге не могли, конечно, не учесть и не попытаться самым

активным образом использовать эти новые для Франции веяния, все сильнее проникавшие в ее официальные круги, особенно после дипломатического поражения французов в Голландии. Петербургские «сферы» обнаруживали полную готовность «вознаградить» Францию долиной Нила, лишь бы французская дипломатия не мешала в Стамбуле, где ее влияние все еще было решающим. За услуги в этом направлении — считали при русском дворе — «французам бы дать можно участие в Египте, а англичане нам в сем деле не помогут».

Таковы были исходные пункты развития новой международной ситуации на почве ближневосточной политики, — развития, характеризовавшегося значительным улучшением франко-русских отношений. Вместе с тем, это означало дальнейшее ухудшение англо-русских отношений, и без того сильно пострадавших в результате обнаружившихся к тому времени непосредственных противоречий между Англией и Россией.

Наиболее яркой фигурой наметившегося к середине и особенно к концу 80-х годов нового курса французской дипломатии накануне крушения абсолютизма был талантливый, блестящий, очень популярный в Петербурге французский посол (с 1783 года) Сегюр. Его основным достижением и крупнейшим шагом по новому пути вообще остался первый франко-русский торговый договор 1787 г. Договор этот отводил во французское русло свежую, быстро крепнувшую внешнеторговую тенденцию заново создававшейся южнорусской экономики. Торговое соглашение, по мысли французов, должно было противопоставить традиционной английской монополии русской внешней торговли через балтийские порты такую же монополию Франции на русском побережье Черного моря. Таким образом, это мероприятие экономической политики оказывалось одновременно также и очень острым, чисто политическим маневром, глубокой по своим потенциальным последствиям политической диверсией за счет того, что составляло самую сильную позицию в России политического соперника Франции, — за счет английской монополии русской внешней торговли.

Экономически выгодный, в первую очередь, Франции торговый договор расценивался в Петербурге, главным образом, с политической точки зрения — как почин к заключению союза. Основной смысл франко-русского договора заключался бы для екатерининской дипломатии в содействии Франции восточным планам России вместо прежнего систематического противодействия им. С конца 1787 и до начала 1789 г. переговоры в этом направлении велись довольно активно в связи с обсуждением проекта четверного союза. Ставился даже вопрос о непосредственном вступлении Франции в турецкую войну на стороне России и Австрии. Окончательно беседы и переписка на эту тему прекратились, в сущности, лишь с начавшейся революцией. В Лондоне франко-русское торговое соглашение и слухи о союзе внушали тем бо́льшую тревогу, что англо-русский торговый договор 1766 г., истекший в 1786 г., никак не удавалось возобновить из-за неприемлемого для Англии требования России включить в него упоминание о принципах вооруженного нейтралитета. Английские же предложения о союзе были фактически просто отвергнуты Россией. Это наводило англичан на подозрения, не заключен ли уже за счет Турции направленный против Англии франко-русский союз, препятствующий России договориться, согласно прецедентам, с британским правительством. Глубокая тень напряженнейшего международного антагонизма эпохи — антагонизма англо-французского — явственно ложилась на англо-русские отношения и, вместе с тем, на восточный вопрос. При всей «бесхарактерности» и «тру-

сости» французского дипломатического руководства накануне революции — по отзывам друг о друге самих же министров — намечалась известная связь между совершенно конкретным русским, на практическую ногу ставившимся «греческим» и сугубо предварительным французским «египетским» проектами. Правда, с французской стороны тенденция к разделу Турции была представлена еще крайне нерешительно и непоследовательно, в резком контрасте с политикой русской дипломатии. Но даже при этом условии она заставляла Лондон настораживаться и превращала в глазах Англии неприкосновенность Турции — как бы это ни было парадоксально с точки зрения предшествующей истории — в орудие прежде всего антифранцузской политики и в барьер для начавшегося франко-русского сближения. Англия не могла допустить даже и мысли об утверждении своего антагониста Франции в Египте: помимо непосредственной ценности, страна эта представляла собой один из наиболее реальных подступов к Индии, несравненно более реальных, чем все наличные владения и потенциальные приобретения России. Вместе с тем, тезис о неприкосновенности турецких владений противопоставил теперь России уже не Францию, как раньше, а Англию.

Ближний Восток, где английские экономические интересы были еще сравнительно незначительны, приобретал теперь для Англии первостепенное политическое значение, как один из вероятных плацдармов будущего столкновения с Францией. Но далеко не только в этом отношении. В то же время он уже оказывался узлом едва ли не всех основных постепенно назревавших и частично уже назревших англо-русских противоречии. Так или иначе, все спорные между Англией и Россией вопросы упирались в Царьград - Стамбул - Константинополь. Англо-русские противоречия уже и сами по себе, а далеко не только в качестве производного от англо-французского антагонизма, приводили к тому, что генеральной программе русской экспансии, «греческому» проекту Безбородки, наиболее талантливого из «екатерининских орлов» после гениального Суворова, был противопоставлен Англией недавний французский, отныне английский тезис о «неделимости» Османской империи. Вступив на путь поддержки Турции, Англия защищала достигнутые уже результаты своей агрессивнейшей колониальной политики против лишь потенциальной в тот момент угрозы ее антагониста XVIII века — Франции — и против реальной непосредственной пока только для Турции, а не для Британии, угрозы ее антагониста в близком будущем — в XIX веке — России.

Внутренние противоречия в недрах Тройственного союза

Для Англии противоречия с Россией становились все более глубокими и острыми, тогда как для Пруссии основными оставались противоречия с Австрией. На всем протяжении конфликта между Тройственным союзом и двумя империями перспективы договориться с Австрией все время оставались у Англии совершенно реальными: стоило только Австрии пойти на уступки в бельгийском вопросе и перестать оказывать поддержку восточной политике России. Столковаться с Россией становилось теперь уже для Лондона гораздо труднее. Наоборот, у Пруссии все время оставалась возможность сторговаться именно с Россией: Екатерина сама ждала лишь повода, благодаря которому она, не унижая своего международного достоинства, снова могла бы «ласкать» и «усыплять» прусского короля — по технической терминологии, применявшейся в данном случае. Что «прусскому королю заплатить нужно» и что в этом, в конечном итоге, все дело — сознавали с самого же возникновения конфликта. С другой стороны, всякий компромисс между гогенцоллернской Пруссией и габсбургской Австрией мог быть лишь очень и очень условным, неполным, временным,

внешним: компромисс такого рода ни в какой мере не разрешил бы антагонизма между этими двумя государствами на почве борьбы за преобладающее влияние в Германии двух династий, двух стоявших за ними бюрократически-крепостнических клик, двух ориентаций буржуазии, связывавшей перспективы своего дальнейшего развития в одном случае с венской, в другом — с берлинской кликой. Ничто так не доказывает зависимости Пруссии от Англии в системе Тройственного союза, как тот факт, что, в полном соответствии с интересами Англии и целиком наперекор интересам Пруссии, комбинированная англо-прусская политика оказалась заостренной в гораздо большей степени против России, чем против Австрии, и была, таким образом, объективно английской, а не прусской политикой. Бо́льшая, нередко внешняя, агрессивность прусской позиции по отношению к России нисколько этого не опровергает. Она говорит лишь о значительно большем авантюризме, более легкомысленном характере прусского абсолютистско-династического и бюрократически-юнкерского руководства: лишившись своей обычной опоры в Петербурге, берлинское правительство систематически плелось на поводу у Англии именно в виду отсутствия у него, или вернее утраты им, твердой базы того или иного внешнеполитического курса. Агрессивные же проявления Англии по адресу России в течение всех трех лет существования Тройственного союза систематически сдерживались тем «союзником» английского правительства, который в это время не имел еще непосредственного доступа к дипломатическим комбинациям кабинета с европейскими дворами, но уже косвенно сильно влиял на них. О нем, об этом «союзнике», Гренвиль сказал в 1786 г. с парламентской трибуны в связи с обсуждением англо-французского торгового договора, что союз с ним является лучшим, какой может заключить Англия, чтобы быть готовой к войне. Гренвиль имел в виду своих собственных английских фабрикантов. А английские фабриканты войны с Россией не желали, так как чрезвычайно дорожили русским рынком. Они стояли за традиционную политику дружбы с Россией. Европейские рынки и, в частности, русский интересовали их на той стадии промышленной революции гораздо больше, чем все колониальные проблемы. Вот почему они относились довольно безразлично к обнаружившимся неожиданно для них англо-русским противоречиям, преимущественно колониальным. Их коммерческие связи с Турцией были еще незначительны. Кто будет владеть Константинополем — не очень их беспокоило. Очаков был для них звуком пустым и ассоциировался в их представлении с пустыней и вообще гиблым местом,— в этом, как и в других отношениях, они охотно поддавались тонко рассчитанным внушениям русского посольства. Внезапная активизация правительства его британского величества по линии восточноевропейской политики вызывала их раздражение. Они опасались за будущее своей торговли с Россией, особенно после заключения первого торгового договора с нею их наиболее опасными конкурентами — французами. Наконец, грозя войной с Россией, о которой они и слышать не хотели, восточная политика Питта могла, казалось, одно время вызвать войну и с Францией. А это поставило бы под удар то международное достижение, ту крупнейшую победу Англии, которою английская буржуазия дорожила больше всего: англо-французский торговый договор 1786 г. Подобные широко распространенные в рядах английской буржуазии настроения мастерски использовала оппозиция в борьбе против агрессивной по своим тенденциям политики Питта, тесно связанного с колониальными кругами. С этими настроениями английской буржуазии, лишь слабым рупором которых — и то далеко не непосредственным — была официальная парламентская оппозиция, Питту приходилось очень

и очень считаться. Таков основной источник совершенно мифического даже в начале революции «миролюбия», который пытаются приписать Питту многие буржуазные историки либерально-пацифистского толка.

Формально — тройственный англо-прусско-голландский, на самом деле — скорее двойственный англо-прусский союз занимал вплоть до своего фактического разрыва в 1791 г. передний план международной арены. Его дальнейшая история после первых шагов, рассмотренных нами выше, представляла собой последовательное, логическое развитие той сложной комбинации международных противоречий, которая создалась в 1787—1788 гг. на базе англо-прусской интервенции в Голландии и вступления сначала России, а потом и Австрии, в войну против Турции. Комбинация эта свелась к весьма искусственному объединению Англии и Пруссии сначала против Франции — во время голландской интервенции, а затем — все еще отчасти против той же Франции, непосредственно же — против России и Австрии, на почве, прежде всего, восточной политики, в связи с турецкой войной. Обстановка, породившая такую группировку держав, еще более осложнилась шведской войной и национальным движением в Польше, а затем — высоким подъемом национально-революционного движения в Бельгии и, наконец, — французской буржуазной революцией.

Французская революция, почти сразу же создавшая общие предпосылки не только новой дипломатической ситуации, но и совершенно новой эпохи международных отношений, далеко не так быстро, как казалось бы естественным на первый взгляд, отразилась в чисто практическом плане во всем своем огромном значении на международной политике. Едва ли не основной причиной несколько замедленной, на два года отсроченной политической реакции крупного масштаба на революцию со стороны абсолютистски-феодальной Европы и со стороны Англии была полнейшая незавершенность к 1789 г. крайне острых международных конфликтов. Эти конфликты вызвали к жизни две враждебные группировки держав и всю последующую, еще гораздо сильнее обострившуюся под их влиянием борьбу, в которую были непосредственно втянуты все остальные страны, кроме Франции. Пока борьба не привела к определенному исходу, державам было положительно не до Франции. Благодаря этому революция получила первую внешнеполитическую отсрочку. Лишь по мере того, как наиболее острые конфликты между державами Тройственного союза и союза двух империй в известной последовательности, в той или иной степени, так или иначе разрешались или, во всяком случае, отодвигались на второй план, французская революция выходила на авансцену международной политики. Решающим этапом в этом отношении в международном плане было дипломатическое поражение, нанесенное в апреле 1791 г. Питту и Пруссии Россией, действовавшей в своеобразном «союзе» с английскими фабрикантами и мануфактуристами. Это поражение фактически привело к полному краху противоестественного англо-прусского дипломатического сожительства и к временному установлению на европейском континенте гегемонии Екатерины.

Вот почему история первого этапа международных отношений периода революции, вплоть до 1791 г., является в основном историей того, как в борьбе между обеими группировками крупнейших держав, образовавшимися еще до революции, и во внутренней борьбе в пределах каждой из этих группировок постепенно разрешались явные конфликты и намечались пути и методы для временного урегулирования остававшихся противоречий. Последнее происходило за счет, главным образом, начавшей уже превращаться в полуколонию Турции и боровшихся за свою независимость Бельгии и Польши, а также — что особенно важно

в данной связи — за счет революционной Франции. Тем самым создавались исходные предпосылки коалиции контрреволюционных монархий против революции.

На этом первом этапе влияние революционной Франции на «высокую политику» европейских дворов было не столько прямым, сколько косвенным. После первой попытки держав использовать временную дипломатическую пассивность занятой внутренней борьбой Франции для сведения счетов без нее наступил известный перелом: руководящие европейские дипломаты стали самым определенным образом проявлять стремление, постепенно нараставшее под влиянием страха перед революцией и ненависти к ней, — форсировать по мере сил и разумения взаимный учет векселей, урегулирование разрывавших реакционную Европу старых и новых претензий, притязаний, домогательств, кляуз, склок, дрязг, всякого рода конфликтов, в том числе войн, и всех других возможных и мыслимых проявлений наиболее резких международных противоречий. Ненависть к революции у «власть имущих» была очень велика: у одних — жгучая и вместе с тем тупая, у других — холодная, расчетливая, сознательная, злостная. Желание «сильных мира сего» объединить Европу в крестовом походе против Парижа, «очага революционной заразы», не подлежит сомнению.

Однако, несмотря на это, никто из европейских хищников не мог при нравах этой волчьей стаи отделаться от совершенно обоснованного и систематически оправдывавшегося в дальнейшем опасения, что при малейшей оплошности с его стороны подобный ему самому хищник не только схватит у него под носом «его» добычу, «его» лакомый кусок, но и вцепится при случае ему в загривок. При таких условиях ненависть к революции вообще, к революции на некотором отдалении, к революции, происходившей не в непосредственных владениях данного династического «дома» или в ближайшем соседстве от него, — была сама по себе еще недостаточным стимулом для выступления против революционной Франции того или иного «королевского», или «императорского», или даже «королевско-императорского» (как в Австрии) правительства. В среде правителей абсолютистско-феодальной Европы достаточным стимулом могли быть лишь чисто хищнические расчеты либо понуждение. Но добиться того, чтобы все крупные хищники одновременно почувствовали себя в перспективе удовлетворенными при условии, что выгода одного воспринималась всеми другими, согласно доктрине «равновесия», как величайший ущерб, представлялась задачей почти невыполнимой. Столь же мало вероятной казалась возможность понуждения той или иной великой державы к активной военной интервенции.

Такова была общая обстановка. Кроме того, необходимо учесть исключительную напряженность международных противоречий к 1789 г. Приходится удивляться не тому, что потребовалось три года на подготовку интервенции, не тому, что в поход против страны, открывшей новую эпоху всемирной истории, так медленно собирались силы старого мира, — а тому, что это произошло относительно еще очень быстро. А удалось это действительно только потому, что были применены очень сильные средства и по линии одновременного удовлетворения алчных аппетитов главных европейских хищников, и по линии понуждения их к активным действиям против Франции. В том и другом отношении исключительная роль принадлежала екатерининской дипломатии, которая завоевала в 1791 г. соответствующие возможности в результате своей бескровной победы над Англией и Тройственным союзом вообще, — победы, обеспечившей за ней на время европейскую гегемонию. Непосредственно и субъективно сама Екатерина, организуя и провоцируя воен-

ную интервенцию, но воздерживаясь от прямого участия в ней, руководилась в первую очередь чисто хищническими видами. Объективно же сыгранная ею тогда роль означала уже первый крупный шаг по пути превращения царской России в жандарма Европы. Не дав ни одного солдата для реальной внешней борьбы против революционной Франции и ограничив свои «жертвы» необременительной для нее финансовой помощью французским принцам и эмигрантам, царица чрезвычайно ловко содействовала тому, что оба ее конкурента и соучастника по разделу Польши — Пруссия и Австрия — были вовлечены в изнурительную, разорительную, бесконечную контрреволюционную войну и надолго увязли на Западе. Львиная доля польской добычи досталась поэтому Екатерине. В то время как царизм демонстративно разжигал вооруженный конфликт между революционной Францией и абсолютистско-феодальной Европой, английская олигархия, во главе с Питтом, с самого же начала выполняла роль основного закулисного организатора контрреволюционной коалиции.

В новой обстановке и в новой форме англо-французский антагонизм XVIII века вплетался таким образом в сложный клубок противоречий между монархиями континента и революционной Францией.

Глава первая

КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ СИСТЕМЫ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ СОЗЫВА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ

РЕШЕНИЕ созвать Генеральные штаты было непосредственно вызвано финансовым кризисом. Но развитие финансового кризиса шло параллельно и в тесном взаимодействии с развитием общего хозяйственного кризиса — торгово-промышленного и аграрного. В основе своей и торгово-промышленный, и аграрный, и финансовый кризисы были различными сторонами кризиса всей абсолютистско-феодальной системы.

Англо-французский договор 1786 г. и торгово-промышленный кризис

Торгово-промышленный кризис 1787 г. обнаружился тотчас же после того, как новый торговый договор Франции с Англией, подписанный де-Рейневалем и Иденом 26 сентября 1786 г., вступил с 10 мая 1787 г. в силу. О заинтересованности английских промышленников договором 1786 г. и о полном одобрении ими этого акта открыто говорил в парламенте Уильберфорс. Глава английского кабинета, Уильям Питт Младший, не без иронии заявлял о явных выгодах договора 1786 г. для Англии: «Я думаю, — говорил Питт, — что хотя договор и выгоден для Франции, он будет еще более выгодным для англичан». В действительности, новый торговый договор, очень выгодный для Англии, лишь незначительно улучшил условия некоторых статей французского экспорта. Хотя, например, пошлины на французские вина, водку и уксус были значительно снижены Англией, Франция все же не получила по договору 1786 г. прав наиболее благоприятствуемой нации. Португальские вина оплачивались еще более низкой пошлиной, и ввоз их в Англию вовсе не сократился после 1786 г. Между тем, положение французской промышленности, вследствие низких импортных пошлин на английские промышленные товары, резко ухудшилось. Кризис обнаружился раньше всего в районах хлопчатобумажного и шерстяного производства Нормандии и в северо-восточной части Франции. Капиталистическая мануфактура, быстро развивавшаяся в этих районах во второй половине XVIII века, начавшая применять простейшие механические станки, в 1787 г. столкнулась с противником, располагавшим гораздо большим количеством таких же и еще более усовершенствованных станков и, сверх

того, фабричным способом производства, правда — еще в начальной стадии.

Сокращение производства, начавшееся в конце 1787 г. в различных центрах бумагопрядильной и шерстяной промышленности, продолжалось беспрерывно до конца 1788 г. В Эльбёфе, где уже в октябре 1787 г. обнаружились первые признаки кризиса, обычное число занятых рабочих сократилось к началу 1789 г. наполовину. Заработная плата рабочих упала с 10 до 8 су в день. В шерстяном производстве в городах Амьене и Аббевиле перед началом кризиса работали 7547 станков (1785 станков в Аббевиле и 5762 — в Амьене). В конце 1788 г. были заняты только 3668 станков. 36 000 рабочих в районе этих двух городов и только в одной этой отрасли промышленности остались без работы. Кроме того, в вязальном производстве в том же районе в конце 1788 г. было 10 000 безработных.

Наполовину сократилось к началу 1789 г. полотняное производство в Шампани, в г. Труа. В такой же мере сократилось число работающих станков в Бурже. Десятки тысяч безработных женщин и детей в седанском и орлеанском районах нищенствовали и страдали от голода с первых же дней кризиса. Та же картина обнищания наблюдалась среди рабочих, занятых в производстве бархата в Сансе. В конце 1788 г. 30 000 безработных насчитывалось в Каркассонне и его окрестностях, 25 000 безработных шелкоткачей в Лионе, тысячи безработных в Туре.

Первый исследователь торгово-промышленного кризиса 1787 —1788 гг., французский историк Шарль Шмидт, писал, что к началу 1789 г. кризис охватил Пикардию, Верхнюю и Нижнюю Нормандию, часть Иль-де-Франса, Шампань, Орлеан, Бурж, Седан, часть Дофине, Каркассонн, Лион, Тур. Во всех других частях Франции положение промышленности еще не ухудшилось.

Какова же была экономическая конъюнктура во Франции в первой половине 1789 г., в тот критический период, когда происходили выборы в Генеральные штаты?

Аграрный и финансовый кризис

К началу 1789 г. торгово-промышленный кризис вступил в новый фазис своего весьма своеобразного развития. Существенно отличаясь от циклических торгово-промышленных кризисов периода крупной промышленности, начавшихся только в 1825 г. (в Англии), торгово-промышленный кризис 1787—1788 гг. внезапно усилился вследствие своеобразного аграрного, а также финансового кризисов. Последний в свою очередь обострился в результате ухудшения всей экономической конъюнктуры.

Известно, что сельскохозяйственные бедствия 1788—1789 гг. всегда объяснялись неурожаем 1788 г. и хлебными спекуляциями. Бесспорно, природные явления сыграли в них известную, но, разумеется, вовсе не главную роль. Градобитие в июле 1788 г. погубило часть урожая в Иль-де-Франсе, Пикардии, Суассоне. Зима 1788/9 г. была исключительно сурова. Температура воздуха в декабре в районе Парижа падала до — 17°. Реки замерзали; мельницы останавливались. Необыкновенные морозы гибельно повлияли на культуру винограда и на огородничество, которое обычно в климатических условиях Франции при соответствующем труде приносит плоды до конца года. Значительный недород шелковых коконов в 1787 г. во Франции, в Пьемонте и в других итальянских государствах резко усилил сырьевые затруднения всей шелковой промышленности и, в частности, привел к сильному сокращению лионского шелкоткацкого производства.

Одной из своеобразных особенностей промышленного кризиса 1787 — 1788 гг. была дороговизна промышленного сырья сравнительно с ценами на готовые изделия.

Так соотношение индексов цен на шерсть и шерстяные ткани характеризуется в период 1786—1789 гг. нижеследующими цифрами:

	Индексы цен на шерсть	Индексы цен на шерстяные ткани
1786 г.	108.5	97.3
1787 г.	112.0	97.3
1788 г.	111.9	99.0
1789 г.	107.8	94.2

Отличительной особенностью аграрного кризиса 1788—1789 гг. были высокие цены на хлеб, равно как и на многие другие продукты первой необходимости.

Тенденция к повышению хлебных цен во Франции ясно обнаруживается в период с 1756 по 1789 г., причем именно летом 1789 г. они достигают наибольшей высоты. Интересны, конечно, не только французские средние цены, но также и цены в отдельных районах Франции. Местами, как видно из нижеследующих данных, разница в цене хлеба (в ливрах) 1785 и 1789 гг. была очень значительна.

	Франция	Район Амьена	Эльзас
1785 г.	23.15	18.60	20.55
1786 г.	22.06	16.60	17.10
1787 г.	22.10	17.35	20.40
1788 г.	25.11	21.00	25.45
1789 г.	34.12	33.75	31.70

Общий рост дороговизны вполне убедительно демонстрируют индексы, установленные современным французским историком Лабрусом. Стоимость 24 видов продовольственных и прочих товаров первой необходимости, выраженная в индексах, была в 1771—1789 гг. на 45% выше, сравнительно с периодом 1726—1741 гг., а в 1785—1789 гг. на 65% выше по отношению к тому же периоду 1726—1741 гг.

В 1789 г. правительство Людовика XVI уже не могло повлиять на движение хлебных цен в сторону их снижения, даже если бы оно искренне пожелало принять все необходимые меры. Издавая в 1787 г. эдикт о свободе хлебной торговли, французское правительство не позаботилось о создании каких-либо хлебных резервов. Осенью 1788 г. Неккер воспретил экспорт хлеба и приказал скупать хлеб за границей. Но в это время, вследствие международных осложнений (русско-австрийско-турецкая война, шведская война, польский кризис), регулярные торговые связи с Балтикой и Левантом отнюдь не были обеспечены. Лишь в ноябре 1788 г. Неккер восстановил обязательность продажи хлеба на определенных внутренних рынках Франции (до того времени, согласно эдикту 1787 г., крестьяне могли продавать хлеб у себя на дому), и только в апреле 1789 г. французское правительство разрешило производить учет хлебных товаров и их реквизицию. Мероприятия Неккера усиливали панику и тем самым облегчали развитие спекуляции.

При общей дороговизне хлеба и других продуктов виноградарство, представлявшее собой очень важную статью сельского хозяйства в предреволюционной Франции, страдало от сравнительно низких цен. С 1785 по 1789 г. цены на вино поднялись незначительно: менее, чем на 13% по сравнению с периодом 1726—1741 гг., между тем как по сравнению с тем же периодом цены на хлеб повысились на 65%.

Сравнительно низкая доходность виноградарства, особенно на мелких земельных участках, становилась катастрофической в условиях общего роста дороговизны. Противоречия между крестьянином-цензитарием,

крестьянином-издольщиком, с одной стороны, и всеми эксплоатирующими их феодальными силами, с другой стороны, обострились особенно резко именно в 1789 г.

Под влиянием усилившейся пауперизации широких масс обострились — как непосредственно, так и в своем взаимодействии — кризис финансовый и кризис торгово-промышленный. В период выборов в Генеральные штаты, т. е. весной 1789 г., французское производство шерсти продолжало сокращаться. В наказах избирателей депутатам отмечалось, что французские шерстяные мануфактуры «закрываются, товарооборот замирает по мере того, как золотая валюта становится все большей и большей редкостью». И если вплоть до конца 1788 г. безработица и нищета наблюдались только в районах текстильного производства, то весной 1789 г. кризис охватил и другие промышленные центры. В тяжком положении оказалась металлообрабатывающая промышленность. Фаянсовое производство в разных частях королевства, например в Марселе и в провинции Ниверне, весной 1789 г. было в состоянии «поразительного упадка».

Ухудшилось также положение всех отраслей текстильной промышленности. Вся Нормандия в период выборов в Генеральные штаты «оплакивала упадок своего ткацкого и прядильного производства». Что касается других отраслей промышленности, то, как явствует из депутатских наказов, например шляпное производство в Марселе сократилось в 1789 г., по сравнению с 1774 г., почти на две трети. В такой же мере в некоторых районах сократилось кожевенное производство.

Кризис феодально-абсолютистского строя

Экономический кризис 1787—1789 гг. был закономерным явлением хозяйственного развития Франции в условиях абсолютистско-феодального режима. Помещичьи хозяйства, применявшие наемный труд сельскохозяйственных рабочих, т. е. хозяйства капиталистические, несомненно, существовали еще до революции. Но свободное и всеобщее развитие капитализма в сельском хозяйстве было несовместимо с неприкосновенностью господствовавших социальных и политических отношений.

Широкое распространение получила до революции система издольного хозяйства. Даже в своем позднейшем виде (скажем, в середине XIX века), когда в расчетах издольщика — половника — с помещиком денежная плата стала играть главную роль и когда часть капитала для ведения хозяйства постоянно доставлял именно арендатор, система издольного хозяйства, как указывал Маркс, представляла лишь «переходную форму от первоначальной формы ренты (von der ursprunglichen Form der Rente) к капиталистической ренте» [1]. Понятно поэтому, какой — по выражению Ленина — «застой в формах производства» порождала издольная система в XVIII веке при полукрепостнической зависимости крестьян от помещиков и при решительном преобладании натуральной платы даже в тех случаях, когда размеры платежей «теоретически» определялись в денежных суммах, как это было, например, на юге Франции, в районе Мийо. Свободное развитие денежной ренты (которую нельзя, конечно, смешивать с капиталистической рентой) не было вполне обеспечено в условиях дореволюционной Франции. Денежная рента во Франции до революции 1789 г. соединялась, как указывал Маркс, с остатками «прежних форм» ренты, преимущественно с «рентой продуктами». Однако, как писал Маркс, непомерное развитие ренты продуктами может стать угрозой воспроизводству условий труда. Полное господство ренты продуктами делает «более или менее невозможным расширение производства», низводя непосредствен-

[1] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2. 1936, стр. 707. K. Marx. Das Kapital. Bd. III, Moskau, 1934. S. 854.

ного производителя к физическому минимуму средств существования. Франция второй половины XVIII века, разумеется, не может быть примером подобного исключительного господства ренты продуктами. Но так как широкая масса французского крестьянства состояла до 1789 г. из цензитариев, плативших своим помещикам невыкупаемый натуральный оброк и прочие натуральные повинности, и, кроме того, поскольку огромное большинство производителей состояло из владельцев мелких и мельчайших хозяйств, то несомненно, что, вследствие самых условий этого способа хозяйства, расширенное воспроизводство было неосуществимо для значительной части крестьянства. В то же время именно крестьянское хозяйство было главным источником государственных доходов. Порочная финансовая система (распределение налогов в обратном отношении к величине доходов) порождала неустранимый, имманентный финансовый кризис и, угнетая крестьян тяжкими налогами, одновременно усиливала затруднения воспроизводства, лишая маломощную разоряющуюся часть крестьянства даже возможности простого воспроизводства.

Французская промышленность сравнительно быстро развивалась во второй половине XVIII в. и, как уже сказано, достигла в своем росте той стадии капиталистической мануфактуры, когда опыт перехода к машинному способу производства становился жизненной потребностью некоторых отраслей промышленности. Но этим достижением и были исчерпаны все возможности экономического роста в условиях абсолютистско-феодального режима. Переход к фабричному способу производства был не осуществим в стране, где сохранялся принцип: «нет земли без сеньера», где не было достаточного рынка свободно эксплоатируемой рабочей силы, где не было единых таможенных условий, единства торговых мер и денег. Создавая обманчивую видимость забот о нуждах промышленности (достаточно отметить денежные субсидии промышленникам, или, например, содействие в организации образцовых предприятий), абсолютистско-феодальное правительство пренебрегало коренными интересами капиталистического производства.

Разработки каменноугольных копей были затруднены, продолжалось хищническое истребление леса. Буржуазные предприниматели были искусственно поставлены в такие условия, при которых им было выгоднее арендовать за высокую плату дворянские заводы, чем строить собственные, работающие на каменноугольном топливе. Понятно, что при таких условиях производства железа металлообрабатывающая промышленность не могла получить дешевого сырья. Коренная реформа, нужная для развития шелкоткацкой и шелкокрутильной промышленности, заключалась, между прочим, в уничтожении мелкого шелкомотального производства, не способного давать высококачественную пряжу. Но мелкие шелководы-мотальщики были арендаторами либо цензитариями, пользующимися помещичьей и церковной землей. Экономическая политика абсолютистско-феодального правительства не могла выйти из орбиты классовых интересов дворянства и церковной знати. Так, задолго до торгового договора 1786 г. во Франции создавались различные социально-политические и хозяйственные условия (в частности, как мы видим, значительные сырьевые затруднения), которые подготовляли почву для глубокого и общего экономического кризиса 1787—1789 гг. Аграрный вопрос приобретал значение главного вопроса революции: в нем соединялись не только одни аграрные проблемы, как, например, проблема развития капиталистической ренты, но и проблемы индустриального развития. Политическое значение аграрного вопроса было также очевидно; только с уничтожением феодальных отношений в деревне рушилась и политическая сила привилегированных сословий.

Феодализм — вот враг! В такой единой, общей формуле могла быть выражена общенародная ненависть к абсолютистско-феодальному режиму в 1789 г. Но в вопросе о средствах и о характере борьбы с феодализмом не было и не могло быть единства даже в среде самого третьего сословия. Во-первых, в третьем сословии, среди буржуазии, были сторонники сохранения некоторых феодальных прав. Во-вторых, огромное значение приобрел тот факт, что одновременно с идейно-политической борьбой буржуазии в течение первой половины 1789 г. во Франции развивалось массовое движение крестьян и рабочих: оно было прелюдией великой народной революции. Колоссальные размеры этого массового движения соответствовали глубине и распространенности общего экономического кризиса 1787—1789 гг.

Если одна только «феодальная реакция» была достаточно мощным двигателем крестьянских восстаний в период 1782—1788 гг., то не трудно себе представить, в какой мере умножились силы революции в 1789 г., когда сотни тысяч крестьян голодали и когда повсюду во Франции появилось множество взрослых, физически сильных нищих, вынужденных впервые в жизни протягивать руку за подаянием. В течение 4—5 месяцев, предшествующих открытию Генеральных штатов, во Франции повсюду — от Пикардии до Прованса и от Пуату до Эльзаса — вспыхивали народные восстания, внушавшие тревогу не только привилегированным, но и буржуазии, точнее — крупной буржуазии. Еще не установлена полная картина этого движения: не исследованы и даже не подсчитаны все крестьянские и рабочие выступления в течение первых шести месяцев 1789 г. Но можно утверждать, что именно накануне открытия Генеральных штатов, в марте и апреле 1789 г., волнения отличались особенной силой. Только на территории одной северной провинции, названной впоследствии Северным департаментом (а департамент составлял приблизительно одну восьмидесятую часть территории Франции), в течение двух месяцев, в марте и апреле, были «восстания»: в Камбрэ — 13 марта, в Гондсхооте — 22 марта, в Газбруке и Валансьенне — 30 марта, в Берге — 6 апреля, в Дюнкерке — 11 апреля, в Лилле — 29 апреля, в Дуэ — 30 апреля. Огромное значение этих весенних народных движений будет понятно, если учесть, что подобные же «мятежи» приблизительно одновременно происходили в провинциях: Пуату, Бретань, Турэн, Орлеанэ, Нормандия, Иль-де-Франс, Пикардия, Шампань, Эльзас, Бургундия, Ниверне, Овернь, Лангедок и Прованс. Как и в прежние годы, продовольственный вопрос в подавляющем большинстве волнений выступал на первый план. Например, в Марселе, Эксе и Тулоне 20 апреля 1789 г. городской плебс требовал снижения продовольственных цен: на мясо до 4 су за фунт, на хлеб — до 2 су. Больше 40 местечек в том же районе, т. е. в провинции Прованс, участвовало в борьбе с дороговизной и непосильными налогами. Народ терроризировал буржуа и чиновников, пытавшихся противодействовать движению. Толпа бросала в них камнями; «иногда начинали на их глазах рыть могилу, чтобы похоронить их, и даже приносили заранее гроб для вящего устрашения упорствующих, которые, конечно, спешили уступить». Движение городской бедноты соединялось и переплеталось с крестьянскими выступлениями. Старинный феодальный налог «октруа», взимавшийся у городских застав за ввозимые продовольственные товары, был ненавистен как для рабочих, так и для крестьян: он повышал продовольственные цены и стеснял торговые обороты пригородных крестьян. И когда, например, в Лионе городские рабочие восстали и разрушили городские заставы, то окрестные крестьяне сразу же привезли в город большое коли-

чество вина, мяса и других продовольственных товаров по удешевленной цене.

Но на ряду с чисто продовольственными требованиями как в городе, так и в деревне, в народных волнениях первой половины 1789 г. выступают, в отличие от движений прежних лет, важные, принципиально новые черты. Выборы в Генеральные штаты и слухи о предстоящих реформах способствовали в некоторых районах Франции превращению чисто «голодного» движения масс в борьбу с основами феодальной эксплоатации. Городские власти писали об апрельских волнениях на юге Франции, в Агде, где восставшие заставили местного епископа отказаться от мельничного баналитета: «Народ вообразил себе, что он — все и что он все может, в виду того, что король якобы желает уравнения сословий».

Корреспондент польского двора, рассказывая о волнениях в Провансе, употребил выражение «война дворцам», ставшее впоследствии одним из лозунгов революции. И действительно, местами еще весной 1789 г. происходили нападения на замки феодалов. Несомненно, что и городские рабочие сыграли немалую роль в этих движениях. «Там, где голод свирепствовал всего сильнее, рабочие шли из городов снимать хлеб в деревнях. Часто взламывали хлебные амбары религиозных общин, торговцев-скупщиков или частных лиц и муку отдавали булочникам». Вполне вероятно, что из соединения разнородных элементов: городских рабочих, беднейших крестьян, сельскохозяйственных рабочих и, может быть, даже контрабандистов — создавались отряды, которые сначала отнимали хлеб, а потом нападали на помещичьи замки, сжигали так называемые terriers (земельные записи) и заставляли помещиков отказываться от своих феодальных прав.

Страдания городских рабочих стали совершенно нестерпимы весной и летом 1789 г. В Париже томилась целая армия безработных. Собственно, рабочий вопрос приобретал в общем политическом кризисе некоторое самостоятельное значение. Замечательно, что ни накануне открытия Генеральных штатов, ни в дни их заседаний рабочие волнения не прекращались: брожение в парижских предместьях, начиная с апреля, становилось все более и более интенсивным. В провинции в конце апреля были сильные волнения в Марселе и Кане; в мае и июне—в Вердене (на Гаронне), в районах Кастра, Мазаме, Бриссака, в Лионнэ.

«Дело Ревельона»

Чрезвычайно важное значение имели волнения, вспыхнувшие в Париже 27 и 28 апреля: они произвели потрясающее впечатление на столичную буржуазию, парижских избирателей и депутатов. К сожалению,это так называемое «дело Ревельона», граничившее с настоящим рабочим восстанием, даже после глубоких поисков ряда историков, поныне остается не вполне освещенной страницей революционной истории Франции вследствие недостатка документов.

Ревельон был богатый парижский промышленник, владелец большой мануфактуры бумажных обоев, на которой было занято около 350 рабочих. Он был ярым противником цехового строя и имел много врагов среди цеховых мастеров и подмастерий Сент-Антуанского предместья, где было его предприятие. Ожесточенная борьба защитников цехового строя с капиталистами — сторонниками «свободы труда» (т. е. безграничной свободы эксплоатации) — в последние годы царствования Людовика XVI все более и более обострялась. Как только в Париже начались заседания первичных избирательных собраний, они приняли форму публичных и шумных столкновений. Дело доходило до физической расправы, и боязливая часть буржуазии даже перестала посещать собрания. Но Ревельон продолжал решительную борьбу с защитниками регламентации. Имя этого промышленника, врага всех ремеслен-

ных мастеров, произносилось в предместье Сент-Антуана с ненавистью еще за несколько дней до самого «дела Ревельона». Мастера несомненно рассказывали своим подмастерьям о борьбе на избирательных собраниях и о выступлениях Ревельона в дистрикте Сент-Маргерит. В том же Сент-Антуанском предместье был и другой ненавистный промышленник — Анрио, владелец селитроварни.

Несущественно, в каких именно выражениях высказывались Анрио и Ревельон о возможности снижения заработной платы рабочих. Всякое заявление подобного рода в эти тяжелые голодные дни воспринималось как дерзкий, оскорбительный вызов. Достоверно, что заявления, обидные для рабочих, были сделаны публично Анрио и Ревельоном еще до 23 апреля. В предместье Сент-Антуан сразу же началось волнение. Однако 23, 24, 25 апреля еще не было никаких столкновений, и положение предместья не внушало опасений начальнику парижской полиции. Но вдруг стало известно, что правительство переносит открытие Генеральных штатов с 27 апреля на 5 мая. Еще одна лишняя неделя голода! Такова была, конечно, первая мысль, которая пробуждалась при известии об отсрочке у каждого бедняка, ждавшего от Генеральных штатов избавления от страданий.

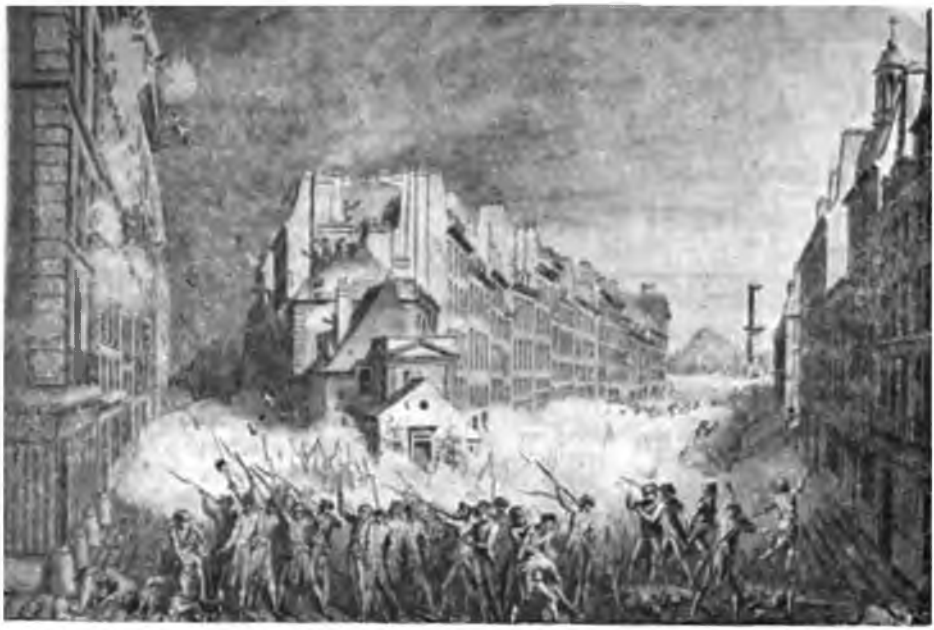
Многотысячная масса трудящихся жителей Сент-Антуанского предместья внезапно поднялась и вышла на улицу 27 апреля.

Через улицы Муфтар, Фоссе и Сен-Бернар прошел грозный поток: около 3000 бедняков, с бледными, изможденными лицами. Демонстранты громко кричали: «Смерть богачам! Смерть аристократам! Смерть спекулянтам! Долой попов!» и т. п. В первых рядах несли нечто вроде виселицы, на которой были повешены манекены, изображавшие Ревельона и Анрио. Домовладельцы, банкиры, купцы, промышленники с ужасом смотрели на небывалое шествие. Торговцы закрывали свои магазины.

Была ли в этом деле рука правительства, которое могло бы рассчитывать, что страх перед народным движением внушит депутатам третьего сословия дух смирения и кротости в Генеральных штатах? Ни один документ, выдерживающий историческую критику, не подтвердил этой версии. Напротив, правдоподобна, хотя и недостаточно выяснена причастность к событиям 27—28 апреля врага Людовика XVI, его родственника — герцога Орлеанского. Никто не отрицает того факта, что карета герцога появилась среди возбужденного народа 28 апреля и что сам герцог приветствовал толпу, из рядов которой раздавались крики: «Да здравствует наш отец д'Орлеан!» «Да здравствует единственный и истинный друг народа!»

27 апреля 50 гренадер охраняли дом Ревельона и его личную безопасность. Дом Анрио в тот же вечер подвергся полному разгрому. Мебель, одежда, кареты — все было сожжено на улице в огромном костре.

На следующий день движение возобновилось с еще большей силой. К жителям Сент-Антуанского предместья присоединилось множество рабочих из предместья Сен-Марсо. Стража у дома Ревельона оказалась бессильной перед натиском рабочих, число которых документы определяют не сотнями, а тысячами. Дом Ревельона был опустошен: вся мебель, все ценные вещи были разбиты и сожжены во дворе. Оба промышленника, Анрио и Ревельон, с трудом спаслись бегством. Но волнения 28 апреля не закончились разгромом дома Ревельона. В тот же день произошла ожесточенная и кровопролитная стычка народа с воинскими частями. Крики: «Свобода!» «Убийцы!» — смешивались с ружейными залпами. У рабочих были только камни, черепица и тому подобные орудия борьбы. Арсенал охранялся спльными военными отрядами и был неприступен. Однако рабочие смело приняли бой и без малейшего смятения выдержали несколько убий-



РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕНТ-АНТУАНСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ. 28 АПРЕЛЯ 1789 г.
Офорт Пелисье, рисунок Вени и Жирарде

ственных ружейных залпов. Но силы противников были слишком неравны. Четыре пушки были поставлены на площади у Оперного театра с тем, чтобы в любой момент перебросить их в наиболее опасный очаг восстания. Начавшееся восстание было в тот же день подавлено при незначительных потерях в войсковых частях. Число раненых и убитых участников восстания трудно установить даже приблизительно: не менее 200 человек убитых и раненых, по мнению одних современников; не менее 200 только убитых, по мнению других. Бесспорно, что именно рабочие составляли основную массу участников схватки 28 апреля. Были опознаны трупы бочаров, токарей, каменщиков, каретников, стекольщиков и других рабочих, среди которых находились даже подростки 14—16 лет.

ВЫБОРЫ В ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ И НАКАЗЫ ДЕПУТАТАМ

Решив созвать Генеральные штаты, Людовик XVI допустил только два изменения в старинном регламенте выборов. В 1789 г. было удвоено число депутатских мест для третьего сословия: привилегированные выбирали по 300, а третье сословие —600 депутатов; кроме того, в 1789 г. были значительно расширены избирательные функции городов. Во всех остальных отношениях архаическая процедура выборов сохранялась, а вопрос о порядке голосования в созываемых Штатах правительство оставило нерешенным. Но увеличение числа депутатов от третьего сословия не имело бы никакого значения, если бы сохранился старинный порядок голосования: в прежних Генеральных штатах голосовали не поголовно, а посословно, и таким образом привилегированные сословия в борьбе с буржуазией всегда могли иметь два голоса против одного. Главными административными подразделениями предреволюционной Франции были интендантства. Однако при выборах в Генеральные штаты избирательными округами были не интендантства, а «бальяжи», или «сенешальства» —

CAHIER
DU TIERS-ÉTAT

A l'Aſſemblée des Etats-Généraux
de l'année 1789.

Il eſt, dans tous les Etats, un Corps que l'on ne peut égarer ſur ſes vrais intérêts; c'eſt le Peuple.

Mém. du Comte d'Entraigues.

1789.

НАКАЗ ГЕНЕРАЛЬНЫМ ШТАТАМ
ТРЕТЬЕГО СОСЛОВИЯ ПАРИЖА

старинные феодальные подразделения, приуроченные к судебным округам.

Главному судье округа, «лейтенанту», поручалось руководить выборами депутатов третьего сословия. Первичные избирательные собрания третьего сословия обычно происходили также под председательством судьи (только в больших городах председательствовали мэры). Бальяжи, или сенешальства (первое название было преимущественно распространено в северной Франции, а второе — на юге), разделялись на главные и второстепенные. Впрочем, система выборов была чрезвычайно запутана и противоречива. Существовали бальяжи, не имевшие одноименных второстепенных подразделений, и были округа, объединявшие несколько смежных бальяжей. Для третьего сословия выборы в Генеральные штаты не были ни всеобщими, ни прямыми. К выборам допускались, поскольку речь идет о третьем сословии, только налогоплательщики, достигшие 25 лет. Таким образом, широкие слои сельскохозяйственного и промышленного пролетариата и полупролетариата совершенно отстранялись от выборов.

Парижский регламент допускал, например, к участию в выборах только тех ремесленных мастеров, которые платили налог не меньше 6 ливров в год. Напротив, каждый дворянин, даже не владевший землей, мог участвовать в выборах. И только для одних дворян выборы были прямыми; для духовенства — частью прямыми, частью двухстепенными, а для третьего сословия — трехстепенными и, местами, четырехстепенными.

Наказы и брошюры

В старинную процедуру входил также обычай проводить перед каждой сессией Генеральных штатов по всему королевству нечто вроде анкеты о нуждах и желаниях народа. Каждое из трех сословий участвовало в такой анкете отдельно, записывая свои пожелания в протоколах.

В широком смысле слова все эти материалы и представляют собой депутатские наказы или, в буквальном переводе, — «тетради жалоб, просьб и заявлений». Но, строго говоря, следует различать три рода материалов: протоколы избирательных собраний, собственно «тетради жалоб» и депутатские мандаты. Соответственно избирательным подразделениям

были различные категории наказов, начиная от первичных наказов общин и корпораций, подвергшихся редакторской сводке в приходских (или городских) собраниях, и кончая наказами «главных бальяжей». Только эти последние наказы, представлявшие в обобщенном и «очищенном» виде волю широкой массы избирателей, поступали в Генеральные штаты. «Трудно было, — писал Мунье, современник и член Генеральных штатов 1789 г., — выдумать что-нибудь более абсурдное, более способное унизить Национальное собрание». Вместо того, чтобы свободно обсуждать любые политические вопросы, депутаты занимались лишь компиляцией строго определенного материала. «Вопрос возбуждался только тогда, когда он был включен в особый наказ; и судьба этого предложения зависела всегда от минимального числа лиц, т. е. от депутатов одной провинции». Но эта абсурдная система была выгодна королям: в прежние времена она успокаивала народ «бесполезной видимостью представительства». И только в конце XVIII в., когда во Франции уже многое изменилось до неузнаваемости по сравнению с временами предшествующих Генеральных штатов, «спасительная» система утратила свое профилактическое значение. В обстановке 1789 г. выборы в Генеральные штаты стали революционизирующим фактором. И наказы 1789 г. запечатлели великое стремление французского народа к освобождению от оков абсолютистско-феодального режима.

CAHIER

DE L'ASSEMBLÉE PARTIELLE

DU TIERS-ÉTAT

DE

LA VILLE DE PARIS,

Tenue en l'Egliſe des Mathurins.

LE premier ſentiment de l'Aſſemblée du Tiers-Etat réuni aux Mathurins, a été un ſentiment d'admiration pour un Monarque qui a ſu ſe convaincre que la gloire la plus ſolide conſiſtoit à rétablir la Nation dans l'exercice de ſes droits primitifs.

Il n'eſt qu'un moyen de lui témoigner une reconnoiſſance digne de ce bienfait. C'eſt de propoſer ce qui peut conſolider ce grand ouvrage.

НАКАЗ ГЕНЕРАЛЬНЫМ ШТАТАМ
ТРЕТЬЕГО СОСЛОВИЯ ПАРИЖА

Но даже в первичных наказах, бесспорно отражавших интересы широких слоев французского общества, почти не представлена такая важная часть нации, как рабочие, если говорить о собственно рабочих интересах. «Читая бесчисленные наказы 1789 г., поражаешься, что встречаешь среди них так мало таких, которые касаются рабочих, их нужд, их прав», — писал французский историк Пикар, специально изучавший именно эту сторону наказов. И не случайно одновременно с наказами стали появляться материалы, свидетельствовавшие о ясном понимании современниками решительного преобладания интересов имущих классов при выборах в Генеральные штаты 1789 г. «Наши депутаты не будут нашими депутатами», — гласила петиция, написанная весной 1789 г. от

CAHIER.

PLAINTES

ET

DOLÉANCES

DE MESSIEURS

LES COMÉDIENS FRANÇAIS,

1789

НАКАЗ ГЕНЕРАЛЬНЫМ ШТАТАМ АКТЕРОВ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМЕДИИ

имени 150 тысяч парижских рабочих и ремесленников. Число рабочих определено петицией произвольно, и автор петиции едва ли принадлежал к рабочему классу. Но заявления петиционеров о том, что среди 400 парижских выборщиков они с трудом могут найти 4—5 человек, серьезно озабоченных рабочими нуждами, было вполне правильно и очень характерно. Нередко случалось, что даже те корпорации ремесленников, которые не были отстранены от участия в выборах, созывались только как избирательные органы и не составляли наказов. Литературно-политическим проявлением смутной, неразвитой идеи классовой обособленности широких слоев трудящихся при выборах 1789 г. были и такие произведения, как «Наказы четвертого сословия», — брошюра Дюфурни-де Вилье, или брошюра «Наказы бедняка», требовавшая избирательных прав для бедноты. Характерен, конечно, и сам факт появления искусственного и неопределенного термина «четвертое сословие», которым обозначалась то городская беднота, то беднейшее крестьянство и сельскохозяйственный пролетариат.

Но не отражая всех классовых интересов французского народа, депутатские наказы 1789 г. представляют собой действительно «рудник ценных указаний», и не только «о людях и событиях той эпохи», как писал Шере, но также и о классовой борьбе и о важнейших политических идеях французской буржуазии накануне революции.

В дворянских наказах и, особенно, в наказах духовенства ярко запечатлелись следы внутрисословных разногласий. Третье сословие открыто и смело высказалось против привилегированных: в Бресте и Провансе, например, оно требовало секуляризации церковных владений.

Поголовное, а не посословное голосование, провозглашение «суверенитета нации» во всех законодательных актах, словом—превращение Генеральных штатов в Учредительное собрание, установление конституционной монархии вместо абсолютизма и замена феодальной эксплоатации эксплоатацией капиталистической — такова сущность требований многих наказов третьего сословия, если выразить эти требования кратко и в современных терминах. Отношение наказов к рабочему вопросу и вопросу о собственности обнаруживает именно буржуазное содержание демократиче-

ЭММАНУЭЛЬ-ЖОЗЕФ СИЕЙЕС (1748—1836)
Гравюра Физингера, рисунок Герена

ских идей того времени. Наказы избирателей из Сен-Мем, в Турэне, требовали, например, предоставления местным властям права применять суровые наказания (вплоть до телесных) к тем работникам, которые после троекратных «увещеваний» откажутся от предлагаемой работы. Воображая, что «буржуазный строй, при котором наемные рабочие вынуждены трудиться в интересах собственников, есть окончательное воплощение права, вполне соответствующее человеческой природе», составители наказов третьего сословия, как правильно указал Жорес, «в двояком отношении» противополагали буржуазную собственность феодально-помещичьей и церковной. Они считали, что источником буржуазной собственности была «свободная» деятельность человека по принципу «естественного» права и по принципу «исторического» права, — поскольку буржуазная собственность рассматривалась, как гарантия развития индивидуальной свободы. Явная классовая ограниченность буржуазного миросозерцания наказов третьего сословия не помешала им, в условиях этой исторической эпохи, играть подлинно революционную роль. Некоторые наказы опережали ход революции. Наказ третьего сословия парижского избирательного округа предвосхищал введение конституции и принятие буржуазной декларации прав. Провозгласив, что «рабство негров противоречит естественному праву», этот наказ поставил задачу, которая даже не была разрешена в первые годы революции.

Замечателен и наказ одной общины близ Шатовиллэна, гласивший: «Даем полномочия нашим депутатам просить сеньера короля дать свое согласие на вышесказанные требования... В случае же, если бы он отказал нам в согласии, — то лишить его королевской власти». Правда, даже наиболее прогрессивно настроенные судьи, руководившие избирательными собраниями, решительно противодействовали всяким «резкостям». Большинство же председателей бальяжных собраний состояло из умеренных либералов, весьма склонных к соглашению с дворянством. И третьему сословию, особенно крестьянам, нередко приходилось прибегать к хитрости, чтобы продвинуть свои действительные претензии и жалобы.

Одновременно с наказами и даже несколько раньше, зимой 1788—1789 г., во Франции появилось множество агитационных брошюр. В XVIII в. газеты еще не имели широкого распространения, и недостаточность развития прессы возмещалась до некоторой степени именно брошюрами. Публицисты различных политических направлений, маркизы, епископы, аббаты, врачи, нотариусы, адвокаты, одни — с громкими именами, известными всей читающей Франции, другие — лишь в эти волнующие дни, зимой и ранней весной 1789 г., взявшиеся за перо, чтобы впервые выразить в литературной форме те мысли, которые уже многократно и горячо обсуждались в тесном кругу друзей, где-нибудь в Ренне, Аррасе, Лионе, с невиданным энтузиазмом ринулись на арену предвыборной борьбы. Так возник «потоп писаний», в котором среди мутного потока демагогических брошюрок аристократии сверкали шедевры буржуазной агитационной публицистики. Особенный успех имела брошюра аббата Сиейеса, доказывавшая, что только третье сословие составляет истинную нацию, что аристократия является злокачественным наростом на народном организме. «Что такое третье сословие? — Все. — Чем оно было до сих пор в политическом отношении? — Ничем. — Чего оно добивается? — Быть чем-то». Эти слова Сиейеса запоминались, как лозунг. Из этого смелого положения Сиейес делал не менее смелый для начала 1789 г. вывод о превращении представительства третьего сословия в Учредительное Национальное собрание.

*

Глава вторая

БОРЬБА БУРЖУАЗИИ С ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ СИСТЕМОЙ

БОРЬБА В ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТАХ И ПРЕВРАЩЕНИЕ ИХ В НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

К НАЧАЛУ МАЯ 1789 г. почти все депутаты, избранные в Генеральные штаты, прибыли в резиденцию королевского двора, в Версаль. Еще до открытия Генеральных штатов депутаты третьего сословия были сознательно унижены правительством: дворяне и духовенство были приняты королем в кабинете, а представители третьего сословия — в спальне. Депутаты отличались и формой своей одежды: согласно регламенту, дворяне являлись в роскошных мантиях и в шляпах, украшенных огромными перьями, епископы важно шествовали в своих непомерно длинных фиолетовых рясах, а депутаты третьего сословия — ученые, врачи, адвокаты, купцы и промышленники,— все были одеты в однотипные черные костюмы присяжного стряпчего того времени. 4 мая депутаты всех трех сословий были приглашены королем на торжественное богослужение в церкви св. Людовика. Но даже и тут депутаты не были равны: заранее приготовленные места в церкви были отведены только для привилегированных.

Открытие Генеральных штатов и борьба за совместное голосование

5 мая 1789 г. состоялось, наконец, торжественное открытие Генеральных штатов. Герольды, читавшие бальяжные списки, долго выкликали имена депутатов, собравшихся в 8 часов утра в галерее одного из версальских дворцов, называвшегося «Малые забавы» («Menus plaisirs»). Неизвестно, в какой мере это странное название оправдывалось раньше, но в 1789 г. французскому королю предстояли здесь, действительно, не очень большие развлечения. Придворный церемониймейстер рассаживал входивших депутатов в большом зале «Малых забав», строго соблюдая сословные различия: духовенство помещалось справа от королевского кресла, дворянство — слева, а депутаты третьего сословия — напротив. Было уже за полдень, когда в зале заседаний появились король и его семья, встреченные приветственными криками. Но речь короля подействовала расхолаживающим образом на верноподданнические чувства депутатов третьего сословия. Людовик XVI не подтвердил больших обещаний, данных в декабре 1788 г. Неутешительна была и невнятная речь хранителя печати —

Барантена. Программа предстоявших финансовых и судебных реформ была обрисована им в смутных чертах. А утомительная трехчасовая речь Неккера, значительная часть которой была прочитана даже не самим министром, но одним из его чиновников, совсем разочаровала и раздосадовала депутатов. Неккер требовал 80-миллионного займа и в то же время давал ложную оптимистическую оценку финансового положения страны. В пятом часу дня заседание было закрыто. Король приказал безотлагательно приступить к проверке депутатских полномочий. Однако этот первый шаг и был труден. Важнейший организационный вопрос — о порядке заседаний и о способе голосования остался нерешенным даже в день открытия Генеральных штатов.

На следующий день, утром 6 мая, депутаты третьего сословия явились в зал «Малых забав». Но оказалось, что депутаты привилегированных уже собрались в других, обособленных помещениях и что дворянская палата уже приступила к проверке полномочий своих депутатов. Положение депутатов третьего сословия было весьма затруднительно. Не «конституируясь» в палату, они рисковали остаться бессильным, неорганизованным сборищем, самая многолюдность которого (около 600 человек) могла стать помехой. «Конституируясь» в палату, депутаты третьего сословия тем самым признали бы законность посословных заседаний. Но выход был найден. Депутаты третьего сословия избрали временного старшину собрания (старейшего по возрасту амьенского депутата Ле-Ру, который 22 мая был сменен по болезни Менюде-Шоморсо; последний по той же причине 3 июня уступил свое кресло парижскому депутату астроному Бальи). В заседаниях 8 и 9 мая они обсуждали временный регламент, который не был «ни принят, ни отклонен», и, наконец, они предоставили временное управление старшине и его заместителям, избранным 13 мая по секциям, соответственно бальяжным делегациям. Не «конституируясь» формально, палата третьего сословия заседала как организованная ассоциация.

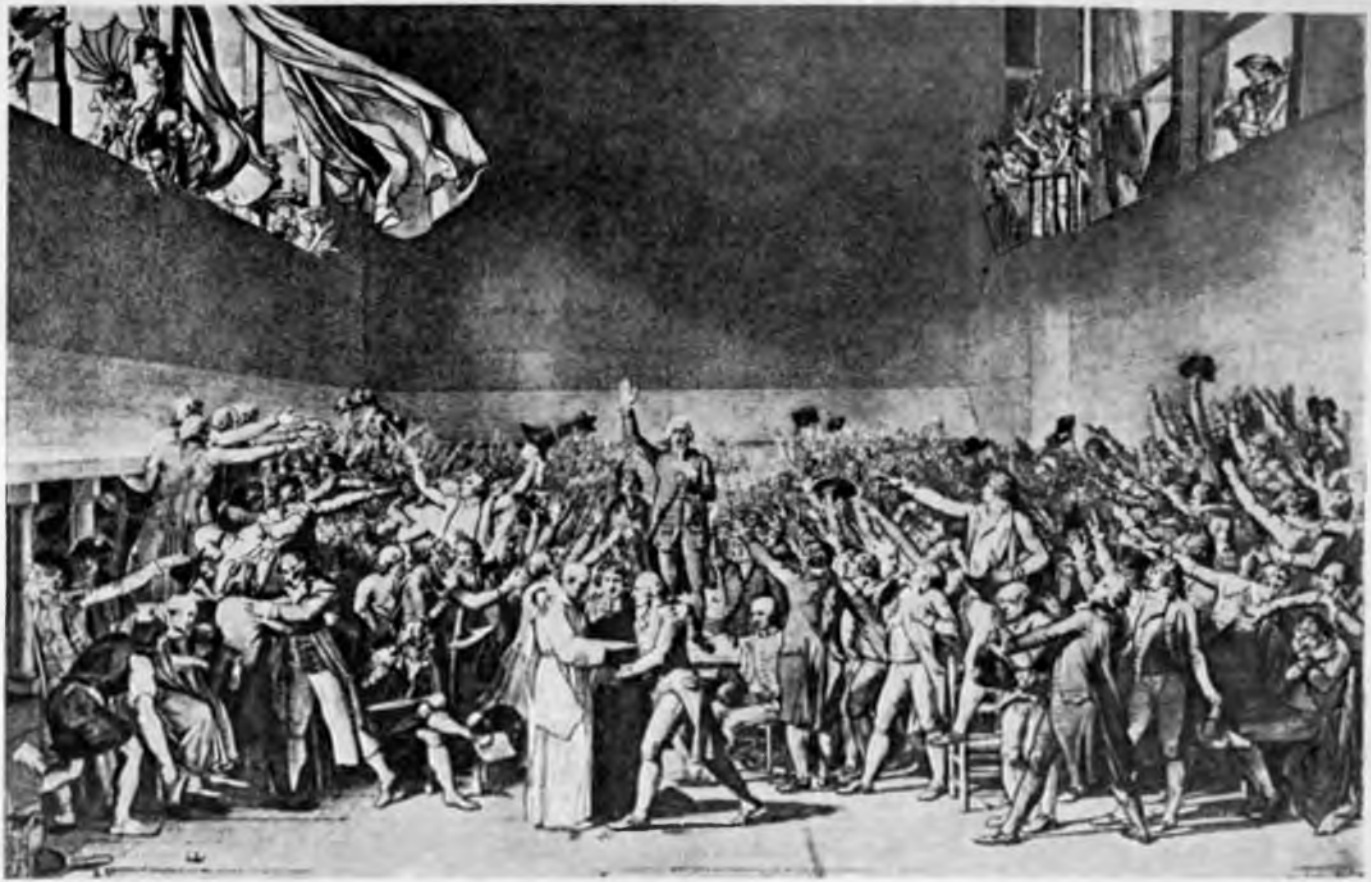
6 мая депутаты третьего сословия решили временно воздержаться от каких бы то ни было переговоров с привилегированными. Но на другой же день, узнав, что часть духовенства палаты не одобряет тактики дворянских депутатов, палата третьего сословия постановила послать к привилегированным своих неофициальных делегатов для приглашения депутатов духовенства и дворянства к совместной проверке полномочий. Так началась упорная, длительная борьба «сословий» по вопросу огромного политического значения: считать ли Генеральные штаты прежним сословным и чисто совещательным собранием или рассматривать их как Национальное собрание. С первых же дней обнаружились противоречия внутри палаты церковников. Архиепископ Вьеннский возглавил группу низшего духовенства, состоявшую из сторонников соглашения с третьим сословием. Приняв участие в сепаратной проверке полномочий, группа архиепископа Вьеннского 7 мая заявила, что она считает свои сепаратные действия лишь предварительным актом дальнейшей совместной проверки полномочий. Напротив, епископ Лангрский, горячий сторонник знати, опубликовал в эти дни брошюру, в которой он требовал разделения Генеральных штатов, подобно английскому парламенту, на две палаты: верхнюю, состоящую из дворян и высшего духовенства, и нижнюю палату, составленную из депутатов третьего сословия и низшего духовенства.

Большинство палаты духовенства высказалось в пользу своеобразного иезуитского компромисса: отвергая мысль о совместном заседании сословий, палата духовенства предложила избрать от каждого сословия особых комиссаров, которым и поручить на своих совместных заседаниях проверить все депутатские полномочия.

ОТКРЫТИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ 5 МАЯ 1789 г.
Гравюра Моро-младшего

Между тем, дворянская палата отложила свои заседания до 11 мая, а через два дня, 13 мая, в палату третьего сословия явилась делегация дворян и заявила, что по решению дворянского собрания их комиссары не будут участвовать в совместных заседаниях с другими комиссарами и что дворянская палата окончательно конституировалась. Почтительно проводив до дверей дворян-депутатов, третье сословие тотчас же приступило к жаркой дискуссии, продолжавшейся пять дней. Обсуждались два предложения. Протестантский пастор Рабо-де-Сент-Этьенн предложил избрать делегацию, которая попыталась бы убедить привилегированных в необходимости найти удовлетворительный выход из создавшихся затруднений. Адвокат Ле-Шапелье, депутат от г. Ренна, возражал против избрания комиссаров-примирителей. Он предлагал объявить привилегированным, что палата «общин» (подразумевалась палата третьего сословия) признает законность лишь тех депутатских мандатов, которые будут проверены на совместном заседании. Замечательно, что депутаты третьего сословия, с первых же дней существования Генеральных штатов 1789 г., называют свою палату «общинами», подразумевая, очевидно, не столько древние французские общины, сколько английскую палату общин. В первые же дни борьбы, по крайней мере в речах некоторых ораторов третьего сословия, появляется и термин «Национальное собрание». Так, например, Ле-Шапелье в заседании 14 мая говорил: «Дух общественности является первой потребностью Национального собрания». Он же предлагал заявить, что «общины» не допустят, чтобы «посредством отдельных решений обособленных палат было сделано покушение на принцип, что ни один из депутатов — после открытия Генеральных штатов — не является более депутатом какого-либо одного сословия, но что все они — представители нации». Большинство депутатов «общин» еще не решалось говорить таким смелым языком. Предложение Ле-Шапелье было отвергнуто, и 19 мая были избраны комиссары-примирители: Рабо-де-Сент-Этьенн, сам Ле-Шапелье, Барнав, Мунье и другие. Привилегированные также выбрали своих парламентеров, и переговоры возобновились. Однако 26 мая комиссары «общин» доложили своей палате, что никакие доводы «факта и права» не могли повлиять на дворянскую делегацию. Тогда большинство депутатов «общин» высказалось в пользу более решительных действий.

Считая, что никакие переговоры с дворянством более невозможны, «общины» обращаются только к духовенству и приглашают его немедленно присоединиться для совместной проверки полномочий. Казалось, выход из тупика был, наконец, найден. Но церковники умышленно затянули обсуждение вопроса. Ответ, полученный депутатами третьего сословия в четвертом часу утра, гласил: предложение палаты «общин» обсуждалось и... еще будет обсуждаться на следующий день, 28 мая. Выиграв время, реакционная часть церковной палаты помогла правительству отсрочить разрешение кризиса. Утром 28 мая «общины» были извещены о желании короля возобновить переговоры комиссаров-примирителей, на этот раз — в присутствии хранителя печати и комиссаров, дополнительно избранных самим королем. Достойно внимания, что меньшинство «общин» 29 мая склонялось к провозглашению Генеральных штатов Национальным собранием. Одно из предложений, обсуждавшихся 29 мая, гласило: «Его величеству будет представлен почтительнейший адрес, дабы выразить нерушимую преданность его особе со стороны его верных общин и... дабы засвидетельствовать почтительную признательность за то, что... его величество созвало не три различных собрания трех разделяющихся по своим интересам и взглядам сословий, но *Национальное собрание*» (подчеркнуто в подлиннике). Большинство приняло другое предложение: возобновить переговоры с обязательным протоколированием прений.



КЛЯТВА В ЗАЛЕ ДЛЯ ИГРЫ В МЯЧ
Давид. Рисунок сепией

Между тем, страдания широких народных масс усиливались с каждым днем. Летние месяцы 1789 г. были кульминационным моментом роста дороговизны. Вся французская общественность с жадным вниманием следила за борьбой, происходившей в Версале. Типографии снова, как в дни избирательной борьбы, едва успевали печатать множество брошюр и других изданий, представлявших мощное орудие политического воздействия на депутатов. Подавляющее большинство депутатов «общин» поняло, наконец, что нельзя более медлить, — «не подвергая себя величайшей опасности», как это заявил депутат «общин» Мирабо на заседании 10 июня. И в тот же день автор знаменитой агитационной брошюры «Что такое третье сословие», аббат Сиейес, предложил обратиться к привилегированным с последним приглашением и с предупреждением, что независимо от их явки или неявки «общины» приступят к общей проверке полномочий. Действительно, 12 июня палата третьего сословия начала перекличку депутатов всех трех сословий по бальяжным спискам. Тем временем разногласия внутри палаты духовенства приняли открытую и резкую форму. Несмотря на незаконченность обсуждения палатой обращения депутатов «общин», три священника из Пуатье 13 июня присоединились к третьему сословию для совместной проверки полномочий. А через три дня на стороне «общин» было уже 19 союзников из палаты духовенства. Но в своем сближении с третьим сословием они ограничивались участием в проверке полномочий, отвергая идею отмены сословных разграничений. Поэтому даже в эти дни начавшегося сближения с духовенством существовала еще целая пропасть между постановлением об общей проверке полномочий и решением провозгласить «общины», т. е. одну только часть Генеральных штатов, — Национальным собранием. Не легко было перешагнуть эту пропасть, и было проявлено не мало колебаний, раньше чем совершить революционный акт. Часто отмечалось, что даже Мирабо предлагал удовлетвориться наименованием: «Представители французского народа». Мунье советовал назваться «Законным собранием представителей большей части нации, действующей в отсутствии представителей ее меньшей части». Были и другие предложения, ясно свидетельствовавшие о расхождениях внутри палаты «общин». Однако в исторической литературе никогда не были достаточно выявлены острота и напряженность этой внутренней борьбы. Характерно, что заседание 16 июня было буквально сорвано умеренной оппозицией, возникшей внутри палаты «общин». Значительная группа оппозиционеров, среди которых было немало парижских депутатов, шумела, толпилась вокруг председательской трибуны, требовала продолжения дискуссии. Оппозиция возобновила «обструкцию», когда Бальи выяснил путем голосования, что из 460 депутатов только 80 стояли за продолжение прений, и, сославшись на несвободу обсуждения, демонстративно покинула зал. Трибуны зала «Малых забав», вмещавшие около двух тысяч зрителей, шумно порицали поведение оппозиции. Пришлось закрыть заседание.

Превращение Генеральных штатов в Национальное собрание

17 июня — после нового выступления аббата Сиейеса — «канат» был «разрублен»; опираясь на подавляющее большинство голосов, «общины» провозгласили себя Национальным собранием и заговорили языком верховной законодательной власти. Национальное собрание постановило, что существующие налоги будут беспрепятственно взиматься впредь до роспуска Собрания; когда же Собрание будет распущено, исчезнет и законная основа взимания налогов.

Народные волнения, усилившиеся весной 1789 г., были источником революционного вдохновения депутатов третьего сословия. В свою очередь, акт 17 июня произвел потрясающее впечатление на все фран-

пузское общество. Глубокое влияние решений 17 июня испытали на себе обе палаты привилегированных. Герцог Орлеанский и парижские депутаты дворянства предложили своей палате присоединиться к третьему сословию. Предложение было отклонено, но голосование обнаружило, что внутри дворянской палаты было 80 депутатов, готовых примкнуть к начавшейся революции. В палате духовенства половина ее состава высказалась 19 июня в пользу присоединения к третьему сословию.

20 июня члены Национального собрания пришли, как обычно, в 9 часов утра, к зданию дворца «Малых забав» продолжать свою работу. Но вход во дворец был прегражден гвардейскими солдатами.

У главного входа белела афиша, извещавшая депутатов о предстоящем «королевском заседании» Генеральных штатов и о временном закрытии зала «Малых забав» в связи с ремонтом помещения. Всем было понятно, что правительство, испуганное решениями 17 июня, хочет подавить движение еще в зародыше. Слух о покушении на Национальное собрание быстро распространился в Версале, в его окрестностях и в Париже. Народ стал с этого момента тесно сомкнувшейся вокруг депутатов силой, охранявшей неприкосновенность Собрания. Депутаты, столпившиеся у дворца «Малых забав», недолго колебались. В сопровождении огромной толпы народа они пошли в расположенный поблизости от дворца Зал для игры в мяч, представлявший собой большое, но почти совсем не меблированное помещение, принадлежавшее частному лицу. Народная масса, среди которой было немало женщин, не расставалась с депутатами. Толпа окружила здание, многие проникли в самый зал, разместившись на галлереях и среди депутатов. С трудом удалось успокоить народ и приступить к делу. Одно, но чрезвычайно важное решение было принято Национальным собранием в этом зале: депутаты дали торжественную письменную клятву не расходиться и собираться всюду, где только будет возможно, продолжая свою работу до тех пор, пока не будет выработана конституция.

Не легко было найти подходящее помещение для следующего заседания. 22 июня владелец Зала для игры в мяч, зависевший от графа д'Артуа, закрыл свое помещение, а дворец «Малых забав» попрежнему охранялся солдатами. Между тем, ожидалось присоединение многих депутатов духовенства. Пришлось собраться в церкви св. Людовика. Народная масса и здесь не оставляла депутатов. «Трогательно было видеть,—писал участник этого заседания, — с каким вниманием люди из народа, расталкивая толпу, очищали путь для прохода депутатов, приносили им стулья и своей грудью оберегали членов Национального собрания от возможных в такой страшной давке несчастных случаев». Народ, окружавший депутатов, состоял уже не только из версальских граждан: тут были и парижане. На заседание 22 июня, кроме многих депутатов духовенства, явились и три представителя дворянства — делегаты от провинции Дофине. Привилегированные заявили, что они пришли только для проверки полномочий.

Королевское заседание (23 июня)

Правительство, депутаты и вся следившая за событиями Франция с волнением ждали объявленного королевского заседания. Никто, конечно, не мог предугадать, какова будет развязка конфликта. С внешней стороны заседание 23 июня напоминало день открытия Генеральных штатов. Депутаты третьего сословия были еще раз унижены: в то время как привилегированные входили во дворец через широко открытые парадные двери, депутаты третьего сословия пропускались с другой стороны здания, с улицы де-Шантье, через узкие двери. «Национальному собранию» пришлось долго простоять на улице, а некоторым депутатам даже под дождем, так как галерея, примыкавшая к дворцу, не могла укрыть всех шестисот человек. В зале заседаний депутаты попрежнему были размещены

ОНОРЕ-ГАБРИЭЛЬ МИРАБО (1749—1791)
Цветная гравюра Анжелики Брисо

посословно, как 5 мая. И только присутствие во дворце вооруженной силы, неявка Неккера и молчание третьего сословия при появлении короля выдавали напряженность и необычайность происходившей сцены. Троекратное выступление короля, чередуемое с чтением королевских деклараций, сводилось к следующему: все предшествующие постановления «общин» отменяются; неприкосновенность церковной десятины и помещичьих прав подтверждается; король знает о содержании наказов и обещает некоторые реформы (например, отмену lettres de cachet и т. п.), но он сам будет руководить этими реформами; после закрытия королевского заседания депутаты всех трех сословий должны немедленно разойтись в отведенные им разные помещения и заседать посословно.

«Если народы не всегда имеют право говорить, они по меньшей мере имеют право молчать, и их молчание — страшный урок для королей». Эту сентенцию аббата Ж.-Б. Бовэ вспомнил участник описываемого заседания 23 июня, утверждавший, что гробовое молчание третьего сословия было своеобразным ответом на речь Людовика XVI. Окончив свою речь, король вышел из зала в сопровождении дворянства и большей части духовенства. Никто из депутатов третьего сословия не тронулся с места. И когда обер-церемониймейстер маркиз де-Дрё-Брезе напомнил старшине «общин» о приказе короля, Бальи с достоинством ответил: «Милостивый государь,

я назначил на сегодняшний день — вслед за королевским заседанием — заседание Национального собрания, и я должен настойчиво защищать право Собрания свободно совещаться». Еще смелее была речь графа Мирабо. Обращаясь к оберцеремониймейстеру, Мирабо закончил свою речь следующими словами: «Да, милостивый государь, мы слышали намерения, внушенные королю... Однако... я объявляю вам, что если вам поручено заставить нас удалиться отсюда, то вы должны спросить позволения применить силу. Ступайте и скажите вашему господину, что мы здесь — по воле народа и оставим наши места, только уступая силе штыков!» Выступил и Сиейес. Видя смущение некоторых депутатов, он сказал: «Ведь сегодня вы те же, что и вчера. Будем же продолжать заседание». Оберцеремониймейстер удалился. Напротив, многие депутаты духовенства, покинувшие зал вместе с королем, вернулись и присоединились к третьему сословию. Рассказывают, что когда королю сообщили о неподчинении депутатов третьего сословия, то будто бы он ответил: «ну, и чорт с ними, пусть остаются!» Однако во дворец «Малых забав» были немедленно же посланы два эскадрона. Но присоединение к «общинам» виднейших аристократов предотвратило кровопролитное столкновение. Само Национальное собрание приняло меры самозащиты: по настоянию графа Мирабо, оно объявило личность депутатов неприкосновенной.

Армия и народ на стороне Национального собрания

24 июня третье сословие одержало новую большую победу: в этот день к Национальному собранию присоединилась большая часть палаты духовенства и — что особенно важно — армия начала переходить на сторону депутатов-революционеров. Желая изолировать депутатов от народной массы, правительство воспретило публике вход во дворец «Малых забав». 24 июня, как и накануне, гвардейские солдаты версальского гарнизона были расставлены у всех дверей. Но вдруг все галереи стали заполняться публикой. При ее появлении — по словам очевидца — собрание точно возродилось. Все поняли, что воинская стража не выполняет правительственного приказа. «Милостивый государь, разве мы не являемся тоже гражданами», — ответил один гвардеец депутату, удивленному ослушанием часовых. Переход версальского «человека с ружьем» на сторону Национального собрания был лишь одним из показателей общенародного революционного движения в эти последние дни июня 1789 г. Привилегированным, еще не присоединившимся к Национальному собранию, стала грозить смертельная опасность. Ходили слухи, что готовится нападение на дворянство. 24 июня толпа преследовала карету архиепископа Парижского, кидая в нее камнями. В тот же день едва не был убит камнем епископ города Бовэ. Тогда же, 24 июня, первая рота французских гвардейских гренадеров, стоявшая в Париже, дала письменно клятву не повиноваться, если им будет приказано стрелять в народ. Через два дня неподчинение французских солдат реакционным командирам приняло в Париже общий характер. И когда начальство арестовало солдат, отказавшихся итти в Версаль, народ ворвался в тюрьму аббатства и освободил арестованных. 30 июня в Париже происходило настоящее братание народа с солдатами. В кафе близ Пале-Рояля освобожденных солдат приветствовали, как героев. На улицах и на собраниях парижских избирателей (для выборов в Генеральные штаты Париж был разбит на 60 избирательных округов, которые стали организационными центрами массового движения) выступали ораторы, призывавшие к захвату оружия. Но среди 405 парижских выборщиков было лишь 137 представителей ремесленных корпораций. Большая часть выборщиков в Париже представляла не мелкобуржуазные слои населения, а среднюю и крупную буржуазию, вместе с примыкающими к буржуазии слоями

КАМИЛЛ ДЕМУЛЕН ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ В ПАЛЭ-РОЯЛЕ

Акварель Оноре Домье

Музей Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина

интеллигенции. Весной и в начале лета вся эта часть парижского общества боялась победы реакции. Но в последние дни июня и в первых числах июля перед буржуазией внезапно появилась и другая опасность — возможность повторения «дела Ревельона» в расширенном масштабе. Некий адвокат Гишон обратился в Национальное собрание с письмом, в котором он жаловался на «бешеную чернь» и с нескрываемой тревогой выражал свое сомнение в возможности подавить народные волнения, так как, писал Гишон, «войска более не повинуются правительству».

Встревоженные парижские выборщики собрались 25 июня и решили организовать буржуазную милицию. Правда, они медлили реализовать это решение. Но сама контрреволюционная придворная партия ускорила развязку кризиса. Сначала она допустила появление королевского приказа, в котором, в противоречии с заявлениями 23 июня, Людовик XVI приглашал привилегированных присоединиться к Национальному собранию. В дни, когда «князья церкви» подвергались нападениям и когда парижские солдаты братались с народом, контрреволюционная партия маневрировала, шла на уступки. Члены Национального собрания облегченно вздохнули, видя, что кризис как будто бы разрешается «бескровной революцией». 9 июля они объявили свое собрание Учредительным, так как, согласно политической теории, распространенной во Франции в XVIII веке, установление и изменение основных законов должно возлагаться на специальные собрания—учредительные. Между тем, контрреволюционная партия готовилась к разгрому Собрания. В первых числах июля стало известно, что к столице стягиваются войска, размещаемые по мере их прибытия между Версалем и Парижем. Слух о возможности отставки Неккера взволновал весь Париж.

Созыв Генеральных штатов, расширение представительства буржуазии, появление декабрьской декларации короля (1788) с обещанием реформ и, в первую очередь, укрепления государственных финансов, короче сказать — целая программа реформ неразрывно связывалась в представлении французского общества с именем Неккера. Для банкиров, государственных кредиторов, для всех держателей государственных бумаг вторичная отставка Неккера означала бы банкротство, разорение. Учетную кассу — своего рода эмиссионный банк, предоставлявший большие ссуды правительству при Неккере, осаждали требованиями обмена процентных бумаг и других обязательств на звонкую монету. Заявление Неккера о том, что он остается у власти, временно успокоило биржу.

Но вдруг рассеялись все иллюзии «бескровной революции»: 12 июля в Париже стало известно, что накануне, т. е. 11 июля, король отстранил Неккера. Популярному министру было приказано немедленно выехать из Франции, и вместо Неккера к власти был призван барон де-Бретейль, ярый реакционер, который говорил: «Если нужно будет сжечь Париж, мы сожжем Париж». Только народная революция могла спасти Национальное собрание. Она началась в Париже в тот же день.

ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ. ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ. «МУНИЦИПАЛЬНАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ

Волнения 12—13 июля в связи с отставкой Неккера

Небывалое зрелище представляли центральные кварталы Парижа 12 июля со второй половины дня. Внезапно умолкли крики уличных торговцев-разносчиков, которые нараспев то медленно и почти торжественно, то быстро и весело оглашали названия своих товаров — фруктов, каштанов, устриц, старого платья. Бросив работу, жители предместий бежали по направлению к центру через кри-

ЗАХВАТ ОРУЖИЯ В СЕН-ЛАЗАРЕ 13 ИЮЛЯ 1789 г.
Гравюра Берто, рисунок Приёра

вые, узкие, как ущелье, старинные улицы. В огромной толпе, теснившейся у Палэ-Рояля, можно было видеть банкиров, промышленников, купцов, конторских служащих, столичную интеллигенцию, смешавшихся с пестрой массой парижского плебса для борьбы с общим врагом. В саду Палэ-Рояля выступали народные ораторы, пояснявшие политический смысл отставки Неккера. «Правительство, — говорили ораторы, среди которых был и молодой красноречивый журналист Камилл Демулен, — готовится к Варфоломеевской резне патриотов» (слово патриот в эпоху, когда французский народ страдал от антинациональной политики правительства, опиравшегося на иностранные наемные войска, было синонимом понятия революционер). Из музея восковых фигур, принадлежавшего немцу Курциусу, который сам принял участие в движении, были взяты бюсты Неккера и герцога Орлеанского. Огромная толпа манифестантов несла их по улицам и бульварам. Неожиданная стычка с кавалерийским отрядом только сильнее воспламенила революционную энергию парижского народа. Кавалерия отступила под градом камней и щебня. И первый же ружейный залп был как бы сигналом к всеобщему вооруженному восстанию.

Народ вооружался, чем только мог: ружьями и ножами, захваченными в магазинах оружейников, экзотическими пиками, найденными в музеях, и т. д. Солдаты Французской гвардии переходили на сторону восставшего народа, но воинские части, составленные из иностранных наемников, сопротивлялись.

На рассвете следующего дня набатный звон загудел со всех городских церквей. Парижские выборщики уже не колебались. Придя в городскую ратушу, они учредили, наконец, новый орган муниципальной власти, избрав так называемый «Постоянный комитет». Характерно, впро-

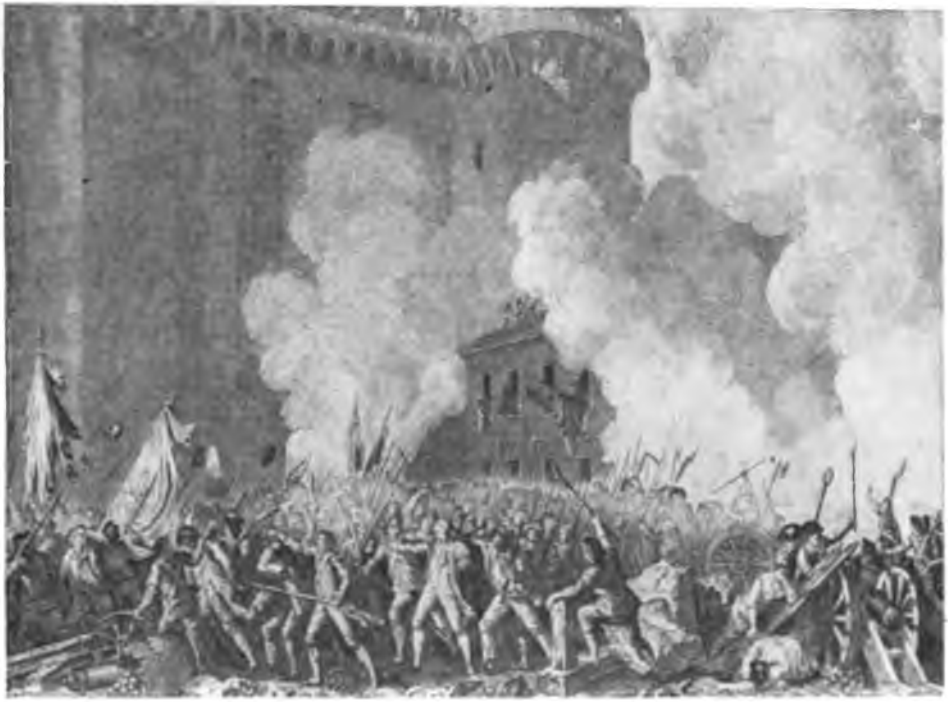
СОЖЖЕНИЕ ЗАСТАВЫ КОНФЕРАНС 13 ИЮЛЯ 1789 г.
Гравюра Берто, рисунок Приёра

чем, что прежние городские власти, возглавлявшиеся преданным королю «купеческим старшиной» де-Флесселем, не были ни арестованы, ни смещены. Напротив, в своей значительной части, не исключая и Флесселя, они соединились с Постоянным комитетом. В этот день — 13 июля — была организована и буржуазная милиция. Она действовала совместно с гвардейскими солдатами и была в руках Постоянного комитета надежным орудием защиты буржуазной собственности, которой, впрочем, еще ничто не угрожало. Народ разрушил лишь заставы и конторы по сбору налогов с ввозимых в город товаров. Производились также энергичные розыски оружия и боевых припасов. Доверяясь Постоянному комитету, народ в течение целого дня и в ночь с 13 на 14 июля доставлял порох и селитру в ратушу; во Дворце инвалидов было захвачено около 30 000 ружей.

Взятие Бастилии

Утром 14 июля весь Париж, за исключением Бастилии, был уже в руках революционного народа.

По многим причинам овладеть Бастилией было необходимо. Эта огромная, мрачная восьмибашенная тюрьма-крепость была как бы олицетворением деспотизма и произвола французской абсолютной монархии. Нередко вовсе невинные люди, благодаря системе произвольных арестов, томились там в течение многих лет. Как крепость, возвышающаяся над всем рабочим Сент-Антуанским предместьем, Бастилия представляла очень важную военную позицию, которую, однако, было нелегко захватить: Бастилия отделялась от улицы двумя рвами с подъемными мостами. Два двора нужно было пройти, раньше чем вплотную приблизиться к входу в крепость: первый двор, отделявшийся от улицы обычными воротами, тянулся до первого рва с подъемным мостом; второй двор, так называемый «комендантский», представлял пространство между пер-



АРЕСТ ДЕ-ЛОНЭ, КОМЕНДАНТА БАСТИЛИИ
Гравюра Берто, рисунок Приёра

вым рвом и каменным мостиком, обрывавшимся у второго рва (продолжением каменного мостика был подъемный мост). Захват Бастилии был необходим также и потому, что в ночь на 13 июля наемные солдаты-швейцарцы втайне от народа перенесли в Бастилию большое количество пороха. Между тем, комендант Бастилии, преданный слуга короля, не скрывал своего враждебного отношения к происходившей революции: он приказал повернуть дула крепостных пушек по направлению к улице Сент-Антуан, т. е. против рабочего предместья. Народ отлично понимал необходимость немедленного проникновения в Бастилию. 14 июля жители Сент-Антуанского предместья с утра толпились около входа в первый двор крепости. Между тем, Постоянный комитет и не думал о каких-либо военных действиях против Бастилии. Узнав о враждебных намерениях коменданта Бастилии де-Лонэ и видя народное возмущение, Постоянный комитет старался найти компромисс, который успокоил бы народ, не заставляя, однако, коменданта Бастилии «нарушить присягу» и «изменить королю». У Постоянного комитета был хороший советчик по данному вопросу — де-Флессель, старавшийся выиграть время. В течение дня, следуя совету де-Флесселя, Постоянный комитет посылает к де-Лонэ последовательно одну за другой три (по другим данным — даже четыре) депутации. Последняя депутация, явившаяся к Бастилии с белым знаменем, была обстреляна случайно. Но первая кровь была пролита раньше, и появление первых жертв ничем, кроме предательских действий де-Лонэ, объяснить невозможно. Известно, что первая депутация была любезно принята комендантом. Он даже будто бы приказал изменить направление пушек и пообещал, что не будет стрелять, если не подвергнется нападению. Противоречивы показания современников о тех обстоятельствах, при которых был спущен первый

ЗАХВАТ ПУШЕК ПРЕДМЕСТЬЕМ МОНМАРТР 15 ИЮЛЯ 1789 г.
Гравюра Берто, рисунок Прие́ра

подъемный мост. Воспользовался ли народ, действительно, тем моментом, когда депутаты, посланные к де-Лонэ, позавтракав с комендантом и договорившись о пропуске в крепость нескольких граждан, возвращались к народу, который, конечно, и не подумал о выборе каких-либо делегатов, но устремился во второй двор беспорядочной толпой, или же случилось так, что сам народ разбил цепи первого подъемного моста, — но один важный факт не подлежит сомнению: ворвавшись во второй двор, народ подвергся обстрелу из крепости. Толпа еще не имела достаточного вооружения, чтобы в этот момент взять крепость с бою; широкий второй ров еще отделял народ от входа в крепость. Но даже тогда, когда в ратушу были принесены раненые, ставшие жертвами коварной тактики де-Лонэ, Постоянный комитет продолжал успокаивать народ речами, не соглашаясь на осаду Бастилии. «Все вы изменники», — кричали люди, принесшие раненых, обращаясь к членам Постоянного комитета. Очевидец описываемой сцены, член Комитета, Питра, также «увещевавший» народ, был схвачен чьей-то энергичной рукой за шиворот. Де-Флессель продолжал сохранять свое влияние в Комитете. Именно в то время, когда в ратушу принесли раненых, проклинавших предателя де-Лонэ, де-Флессель посоветовал послать депутацию во главе с представителем старого муниципалитета — королевским прокурором де-Корни — с белым знаменем и барабанщиком. Депутации поручалось уговорить народ отойти от Бастилии при условии, что де-Лонэ пропустит в крепость представителей милиции. Казалось бы Постоянный комитет должен был отвергнуть этот проект только потому, что он был предложен де-Флесселем: как раз в описываемый момент в помещение ратуши вторглось множество граждан, явившихся на Палэ-Рояля, где только что обнаружился обман де-Флесселя: ящики с надписью «оружие», как оказалось, были

набиты тряпьем. Делегаты, прибывшие из Палэ-Рояля требовали, от имени 20 тыс. граждан, чтобы де-Флессель немедленно явился в Палэ-Рояль. Но несмотря на компрометирующие заявления людей из Палэ-Рояля, Постоянный комитет послушался де-Флесселя. Депутация с белым знаменем подошла к Бастилии. Ее заметили с башен. На одной из сторон Бастилии появился ответный сигнал, и огонь на некоторое время прекратился. Но едва депутация парламентеров приблизилась к крепости, убийственный огонь возобновился. В это время (около 2—3 часов дня) Бастилия осаждалась с разных сторон. Люди, осаждавшие ее со стороны Сент-Антуанского предместья, не видели ответного белого знамени, показавшегося на башне де-ла-Базиньер. Продолжая обстрел, они вызвали ответный огонь, который был понят депутацией и окружавшим ее народом, как вторичное предательство коменданта. Лишь после этого акта Постоянный комитет разрешил использовать пушки, взятые в арсенале. Народ уже выдвинул из своей среды импровизированных саперов — каменщиков, плотников, кровельщиков, сооружавших леса и прочие осадные приспособления. Ко множеству смельчаков, среди которых были не только рабочие Сент-Антуанского предместья и полупролетарская беднота, как жители предместья Сен-Марсо, вооруженные косами, серпами и другими сельскохозяйственными орудиями, но также и служащие и мелкие лавочники, — присоединилась теперь, около 4—5 часов дня, организованная воинская сила. Отряд, возглавляемый офицером Эли и унтер-офицером Юленом, подкатил к самому каменному мосту две пушки. Артиллерийский огонь быстро разрушил цепи второго подъемного моста. Негодующий народ ворвался в крепость: узники были освобождены, де-Лонэ — убит.

Бастилия пала! Рассказывают, что когда Людовик XVI узнал об этом событии, он воскликнул: «Да ведь это — бунт!» — «Нет, ваше величество, — возразил бывший тут герцог де-Лианкур, — это не бунт, а революция!» Действительно, падение Бастилии означало победу революции в Париже. Революция еще не совершилась в тот день в провинции. Но после падения Бастилии можно было не сомневаться в ее повсеместном успехе. Жившии во Франции венецианский посланник Капелло уже 15 июля выразил твердую уверенность в победе революции: он писал, что взятие Бастилии было сигналом превращения Франции в демократическую державу. Впечатление, произведенное падением Бастилии в Европе и Америке, было поистине потрясающим. Именно этот день во всем мире стали считать началом революции.

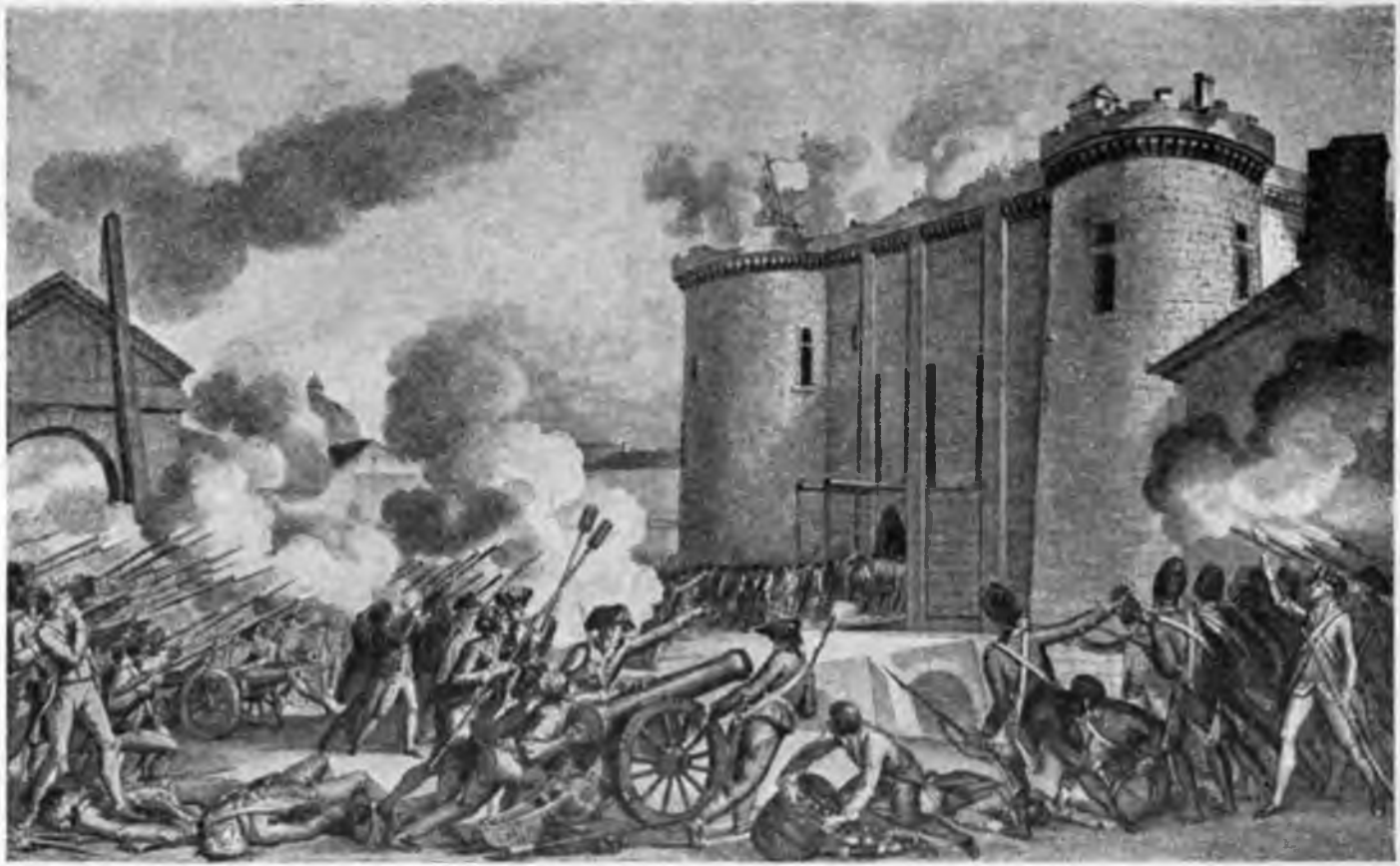
Революция в провинции и «великий страх» имущих классов

Как ни мала, сравнительно, территория Франции, многие провинциальные города не скоро узнали о парижских событиях. Почта в большинстве городов получалась не ежедневно, для переезда из Парижа в Лион требовалось 5—6 дней, из Парижа в Бордо 14 дней.

Еще медленнее проникали политические известия в отдаленные от Парижа провинции. Между тем, именно революции крестьян принадлежала в эту эпоху решающая роль.

«Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплоатации»,[1] — говорил товарищ Сталин, поясняя на Первом съезде колхозников-ударников отличия между революциями и указывая, какие социальные силы играли главную роль в изменении исторических форм эксплоатации. Французские крепостные

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд., М., 1939., стр. 412.



ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ 14 ИЮЛЯ 1789 г.

Гравюра Гельмана, рисунок Монне

и полукрепостные крестьяне ликвидировали феодальную форму эксплоатации.

Во многих провинциальных городах революция происходила в более или менее одинаковых формах. Например, когда в Страсбурге стало известно, что Бастилия пала, народная масса вышла на улицы, город был иллюминован, конторы для сбора налога «октруа» были разрушены. Был разгромлен дом ненавистного городского головы. В ратушу вторглись местные рабочие, «с целью уничтожить акты и документы, имевшие восьмисотлетнее существование и гарантирующие гражданству его сословное положение и привилегии», как с осуждением писали представители местной высшей буржуазии. В Анжере весть об овладении Бастилией была сигналом к осаде местной цитадели Шато-д'Анже.

В Лионе рабочие волнения происходили еще в конце июня. Слух о революции в столице мобилизовал всю широкую массу лионского населения. Рабочие потребовали уничтожения продовольственного налога «октруа». Как и в Париже, в Лионе была организована буржуазная милиция, старавшаяся не допускать в свои ряды пролетариев. В связи с этим, народные волнения усилились. 27 июня рабочее восстание победило, красное знамя появилось над лионской ратушей. Испуганная буржуазия обратилась к содействию буржуазной милиции соседних городов. Рабочих оттеснили в предместья, местами, например в квартале Пьер-Сиз, даже совершенно разоружили.

Там, где армия присоединялась к революции, переворот происходил быстро и мирно: народ ограничивался разгромом оружейных магазинов.

Взятие Бастилии было не только сигналом к началу революционной борьбы в провинциальных городах, но, как отмечал В. И. Ленин, эта народная победа в Париже обеспечила и успех так называемой муниципальной революции во всей Франции. Буржуазия умело использовала народное движение для коренного преобразования системы городского управления в своих интересах. При абсолютистско-феодальном режиме исчезла свобода городского самоуправления. В мелких городах совсем не было выборов городских властей. В крупных городах к участию в выборах допускалась совсем ничтожная часть буржуазии, и фактически все городские власти были в полной зависимости от высших представителей абсолютистской администрации — интендантов. Формы муниципальной революции были неодинаковы. В некоторых городах, как, например, в Вернопе — в Нормандии, старые городские власти были решительно свергнуты. Но очень часто происходило слияние новых муниципальных властей (состоявших либо из местных выборщиков в Генеральные штаты, либо из граждан, избранных на общих городских собраниях депутатов от всех корпораций и общин данного города) со старой, предреволюционной магистратурой. Крупная буржуазия, местами в союзе с либеральным дворянством и духовенством, овладела муниципальной властью.

Что касается крестьянского движения, начавшегося, как уже сказано, также под влиянием народной победы в Париже и, местами, под непосредственным влиянием революционной борьбы в ближайших провинциальных городах, то эта революция крестьян была поистине великой очистительной стихией, выбросившей «на берега буржуазной революции» обломки разрушенной ею абсолютистско-феодальной системы. Около 20 июля крестьянское движение сосредоточивалось преимущественно в Иль-де-Франсе, а затем быстро распространилось по всей Франции.

ЛЮДОВИК XVI

Фарфор-бисквит неизвестного художника Гос. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Еще весной 1789 г. были отдельные выступления против основ феодального строя. Но в двадцатых числах июля революционная борьба крестьянства приняла всеобщий характер, протекала гораздо более бурно, и ее социально-политическое содержание выступило открыто и ярко.

«Дух мятежа, — жаловался страсбургский магистрат, — овладел всеми сельскими бальяжами». Он проявлялся в насильственной смене приходских властей и в открытых притязаниях на «леса и угодья, издревле состоящие в законном пользовании теперешних собственников». В Орлеанэ, Дофине, Провансе и других провинциях крестьяне нападали на помещичьи замки, сжигали феодальные архивы. Многие дворяне бежали из своих поместий в города. Местами крестьяне в сопровождении нотариуса последовательно переходили из одного поселка в другой и, придя к помещичьему замку, собирали огромную толпу местных крестьян, ставили на улице стол и приглашали сеньера либо его управляющего немедленно явиться для подписания акта о клятвенном отречении помещика от его сеньериальных прав.

В Лимузене перед замком маркиза де Лапорт-де-Лиссак появилась виселица с надписью: «Здесь будет повешен всякий, кто вздумает платить ренту помещику, а также и сам помещик, если он решится предъявить такое требование». В других местах подобные же угрозы адресовались епископам и прочим «князьям церкви». В крупных промышленных центрах, например в Лионе, городские рабочие горячо сочувствовали движению деревенской бедноты и старались оказать ей содействие в борьбе за освобождение. В 1789 г. в деревнях, даже отдаленных от промышленных центров, было множество людей пришлых, безработных рабочих, батраков и нищих. Эта отчаявшаяся, изголодавшаяся масса отнюдь не фетишизировала собственности. И вполне вероятно, что кое-где действительно появлялись «косари-разбойники», покушавшиеся не только на помещичий, но также и на крестьянский хлеб. Панические слухи, крестьянское невежество и злая воля контрреволюционеров колоссально преувеличивали число «покушений» и количество «разбойников». «Великий страх» охватил все имущие классы. Важную особенность «великого страха» в июле — начале августа представляет тот факт, что даже в среде крестьянства оказались элементы, напуганные размахом происходившей революции. Настал момент, «когда хозяйственные мужички, мелкие собственники, деревенские жители, обладавшие огороженными участками, огородом, клочком пахотной земли, почувствовали, — по выражению Жореса, — как заколыхалась находящаяся под ними темная беднота». Что касается дворян, духовенства и крупной буржуазии, то они испытывали чувство страха за свою собственность и раньше, весной 1789 г.

Но огромная разница между этими двумя периодами — первым, который предшествует 14 июля, и вторым, начавшимся с падением Бастилии, — заключается в том, что только в дни «великого страха» для многих привилегированных стала очевидной необходимость немедленных уступок народу. Депутаты Национального собрания отовсюду получали письма дворян, умолявших принять меры к спасению их от полного разгрома.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА

Фарфор-бисквит неизвестного художника
Гос. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Решения 4—11 августа

Характеризуя деятельность Национального собрания в 1789 г., английский историк Карлейль писал, что оно занималось составлением «теории неправильных спряжений». Карлейль говорил о якобы «метафизичности» обсуждавшихся вопросов, отсутствии практического смысла в речах ораторов. Достаточно даже краткого обзора деятельности Национального собрания летом и осенью 1789 г., чтобы убедиться в ошибочности подобного мнения. Практичность, классовая определенность дебатов и постановлений Национального собрания — очевидны.

Граф Мирабо еще 8 июля предлагал Собранию организовать буржуазную гражданскую гвардию. «Оцепенение» собрания при известии об отставке Неккера, страх и волнение при известии о народном восстании в Париже продолжались недолго. Король-обманщик заявил о своем примирении с революцией (втайне он только и мечтал о бегстве и контрреволюции). Дважды уволенный Неккер был снова призван к власти. 17 июля состоялось формальное признание королем народной победы: в сопровождении членов Национального собрания Людовик XVI прибыл из Версаля в Париж. Он принял трехцветную кокарду, ставшую символом революции (два цвета — красный и синий — были в старинном гербе города Парижа, а присоединение белого цвета, цвета королевского герба — лилии, символизировало присоединение короля к революции). Народ кричал: «Да здравствует нация!», «Да здравствует король!», «Да здравствуют господа Бальи, Лафайет, господа депутаты и выборщики!» Бальи был избран мэром Парижа, а Лафайет — начальником национальной гвардии, как стала называться буржуазная милиция, преданная интересам имущей части третьего сословия. Но члены Национального учредительного собрания, равно как и парижские выборщики, отнюдь не обольщались иллюзией всеобщего примирения. На следующий же день, 18 июля, парижские выборщики обратились к рабочим с предложением сдать оружие, а Учредительное собрание напомнило всем французским гражданам о необходимости уважения к закону. И тогда же, 18 июля, по предложению Адриена Дю-Пора, Учредительное собрание создало Комитет розысков, которому поручалась не только борьба с контрреволюцией, но и задача «замены неправедных и грубых действий

народа действиями легальными» (в Комитет, кроме Дю-Пора, вошли еще 11 членов).

Решения, принятые 4—11 августа того же года Учредительным собранием, еще более убедительно свидетельствуют о том, что «метафизика» была ему чужда.

Когда крестьянская революция и «великий страх» поставили в порядок дня безотлагательную отмену феодального права, Национальное собрание приняло предложения, «в самых деталях которых обнаруживается глубокий расчет» и которые, как правильно писал Жорес, свидетельствовали «о продуманном и хладнокровно осуществленном плане». На заседании 3 августа Сальмон открыто констатировал, что, судя по письмам из провинции, «повсюду пылают замки, разрушаются монастыри и фермы подвергаются разграблению». В тот же день влиятельная группа членов Национального собрания, образовавшая для своих внепарламентских встреч так называемый Бретонский клуб (учредителями клуба была группа депутатов от Бретани), одобрила предложение герцога д'Эгийона о выкупе сеньериальных прав.

4 августа, на вечернем, затянувшемся до глубокой ночи, заседании Национального собрания (отсюда и выражение «ночь 4 августа») другой представитель аристократии, виконт де-Ноай, просто повторил предложение, сделанное накануне д'Эгийоном в Бретонском клубе, добавив, что без выкупа должны быть отменены только барщинные повинности и формы личной зависимости крестьян.

Социально-политический смысл решений 4 августа понять не трудно. Обуржуазившаяся часть дворянства и та буржуазия, которая еще до революции пользовалась феодальными рентами, более всего ценили реальные, а не личные повинности, о сохранении которых после революции вообще не могло быть и речи. Поэтому понятен энтузиазм, внезапно охвативший депутатов: во-первых, предложение д'Эгийона и де-Ноайя должно было успокоить крестьянство; во-вторых, поскольку оно было сделано представителями аристократии, создавалась иллюзия, будто бы само дворянство, по своему благородству, отказывается от привилегий (между тем, герцог д'Эгийон был из тех аристократов, которые уже давно занимались спекуляциями и биржевой игрой); в-третьих, землевладельческая буржуазия освобождалась от всякого риска быть экспроприированной без вознаграждения. Наиболее дальновидные представители духовенства поняли, что если они не последуют «благородному» примеру дворянства, то весь народный гнев обрушится на их головы. И вслед за выступлениями де-Ноайя и д'Эгийона один за другим депутаты провинций и городов, священники и знатные дворяне стали жертвовать «на алтарь отечества» свои древние привилегии. Духовенство отказалось от своих десятин, дворяне — от своих прав на охоту, рыбную ловлю, на голубятни и кроличьи садки, от своих судебных прав, буржуа — от своих особых податных изъятий.

Как ни ограничены были решения по аграрному вопросу, принятые 4 августа и в последующие дни, итоги и последствия «ночи энтузиазма» были значительны. Крестьяне поняли решения, принятые в августе 1789 г., как закон о полном освобождении от всех феодальных повинностей. Они перестали платить десятину и сеньериальные поборы.

Отмена привилегий, которыми пользовались провинции, расчистила путь для совершенно нового административного подразделения Франции. В октябре 1789 г. Франция была разделена на 83 департамента, почти равные по величине территории и численности населения. Денарта-

менты, разделявшиеся, в свою очередь, на округа (дистрикты) и кантоны, получили новую организацию управления: административные советы и исполнительные директории из пяти членов. С введением единой административной системы, единой системы налогового обложения, с отменой вотчинных судов, с уничтожением внутренних таможен исчезали причины разобщенности отдельных частей Франции. Бретонцы и провансальцы, вандейцы и жители провинции Артуа становились гражданами действительно единого государства.

Глава третья

КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ

ПРИНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

ПОЛИТИЧЕСКОЕ значение принятия Национальным собранием акта, подобного американским Декларациям, было понятно не только для Лафайета и братьев Ламетов, принимавших участие в войне американских колоний Англии за независимость. События и документы американской революции повлияли на многих французских политических деятелей 1789 г.; впрочем, основные буржуазно-демократические идеи не надо было «переводить с английского»: французская просветительная философия XVIII в. опередила появление американских Деклараций. Совершенно естественно, что деятели Учредительного собрания, впитавшие идеи этой философии, считали создание декларации прав одной из своих первоочередных задач. К ее составлению Учредительное собрание приступило уже в августе 1789 г.

Политическое значение Декларации прав

Глубокие следы влияния идей Локка, Кумберленда, Блекстона, физиократов, Монтескье, Мабли, Руссо, равно как и влияние практического примера — английских и американских порядков, запечатлены в статьях Декларации. Она являлась бесспорно революционным документом, произносившим «смертный приговор» феодально-абсолютистскому строю во Франции с его привилегиями и преимуществами двух первых сословий и полным бесправием всей остальной массы населения. Освободительный характер Декларации придавал ей огромную агитационно-пропагандистскую силу и за пределами революционной Франции. Принципы, провозглашенные в Декларации, объединяли под ее знаменем все прогрессивные элементы в отсталых феодальных странах Европы.

Характеризуя идейные источники и огромное прогрессивное значение Декларации, нельзя забывать о том, что она являлась продуктом определенного соотношения классовых сил и исторической обстановки, в которой она была принята. Политическая конъюнктура, создавшаяся в конце июля и в августе, властно требовала немедленного провозглашения подобного акта. В качестве начальника национальной гвардии Лафайет был отлично осведомлен о грозных рабочих волнениях,

происходивших после 14 июля. Материальное положение рабочих не улучшилось. Ближайшим следствием победы революции в городах было появление буржуазных муниципалитетов, которые не считались с тяжелым положением бедноты. Разочаровавшись в непосредственных результатах победы 14 июля, рабочие возобновили борьбу. Между рабочими Сент-Антуанского предместья и их боевыми товарищами — рабочими предместья Сен-Марсо—установилась постоянная связь. Поговаривали о возможности нового восстания 24 июля. 1 августа вспыхнул «мятеж» в Монсо, потребовавший вмешательства национальной гвардии. 15 августа Лафайет лично явился на Монмартр для успокоения рабочих, занятых на «благотворительных» земельных и строительных работах. На Монмартре волнения не прекращались с 1 августа (со дня ареста большой группы местных рабочих-землекопов); парижские власти особенно сильно боялись восстания монмартрских рабочих. 18 августа вспыхнули значительные волнения портных и парикмахеров (подмастерьев, т. е. рабочих, а не хозяев).

Составить декларацию, которая, не подрывая основ буржуазного порядка, внесла бы успокоение и казалась бы идеальной, нетленной формулой всеобщего освобождения, — такова была задача вполне определенного классового смысла, которую поставили перед собой Лафайет, Сиейес, Мунье и другие члены Национального собрания. Даже заботы о придании декларации «всеобщей» значимости (навсегда и для всех народов) не были лишены практического значения. «Задача декларации, — говорил Дю-Пор, — заключается в том, чтобы выразить истины для всех времен и народов. Что в том, если бы она и противоречила отчасти той конституции, какая будет принята нами? Декларации достаточно установить эти истины. Дело конституции внести в нее видоизменения и ограничения». Мысль о последующем отступлении от провозглашенных принципов появилась, таким образом, еще при составлении Декларации.

Вступительная часть Декларации прав человека и гражданина, принятой Национальным собранием 26 августа, гласила, что «единственные причины общественных бедствий и разложения правительств» заключались в забвении «естественных, неотчуждаемых и священных» прав человека. Декларация должна напомнить об этих правах, содействовать их уважению со стороны исполнительной власти и дать народу «простые и бесспорные» принципы, на основе которых все требования граждан будут всегда обращены «к поддержанию конституции и к общему счастию».

«Права человека» были изложены в 17 статьях, провозглашенных «перед лицом и под покровительством «верховного существа».

«Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе»,— гласила первая статья Декларации.

Свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению провозглашались «естественными и неотчуждаемыми» правами человека. Статьи третья и шестая в сильных выражениях заявляли о народном суверенитете: «Принцип всей верховной власти находится существенным образом в нации»... Закон есть выражение общей воли. «Все граждане имеют право лично или через представителей участвовать в издании законов». И так как все граждане равны перед законом, — «то они должны быть одинаково допущены ко всем званиям, местам и общественным должностям, по своим способностям и без иных различий, кроме существующих в их добродетели и талантах». Далее следовали статьи, развивавшие принципы свободы личности, свободы слова, веротерпимости, принцип равномерного распределения налогов, принятых на основе свободного соглашения, отчетность и ответственность администрации.

Последняя же статья гласила:

«Так как собственность есть ненарушимое и священное право, то никто не может быть ее лишен, кроме тех случаев, когда того очевидно требует общественная надобность, законно засвидетельствованная, и под условием справедливого и предварительного вознаграждения».

Освобождая в теории человеческую личность вообще, французские законодатели 1789 г. сохраняли в неприкосновенности цепи наемного рабства. Провозглашая в теории всеобщее равенство, они закрепляли существующее имущественное неравенство.

Рабочие волнения и их влияние на политическую борьбу

Ровно ничего не изменилось после принятия Декларации прав во взаимоотношениях французских рабочих и предпринимателей. Хотя урожай 1789 г. был не плох, дороговизна не уменьшалась. 29 августа Учредительное собрание, сохраняя воспрещение хлебного экспорта, восстановило свободу внутренней торговли хлебом. Но король в течение месяца задерживал обнародование этого закона. А после издания закона сами местные власти саботировали его применение, способствуя процветанию хлебной спекуляции. Золотая и серебряная валюта стала исчезать еще заметнее, чем весной. Различные виды промышленности и торговли, связанные с производством предметов роскоши (что особенно было развито в Париже), сильно сократились; пошатнулось даже положение наиболее устойчивого предприятия — королевской мануфактуры гобеленов. Очень многие аристократы и богачи еще в августе и сентябре 1789 г. выехали из столицы. Слуги, рассчитанные хозяевами, подмастерья и мануфактурные рабочие, уволенные мастерами и предпринимателями, составляли целую армию безработных, голодающих и бездомных. Американский посол в Париже Джефферсон писал в сентябре 1789 г. о «ежечасной» опасности голодного бунта.

Действительно, рабочие волнения не утихали. 27, 29, 30 августа происходили «беспорядки» среди парижских каменщиков, поденщиков, с участием многих женщин. Права человека тут же были практически нарушены: многие рабочие были арестованы. В сентябре происходили волнения аптекарских служащих, сапожников, мясников. Длинные очереди стояли с раннего утра у парижских булочных, охранявшихся солдатами.

Видя, что продовольственные бедствия, кризис и безработица продолжают распространяться, народ задумывался о причинах зла. Политическая борьба, происходившая в Версале, возбуждала в народе в эти осенние дни отнюдь не менее острый интерес, чем летом того же года.

Одним из важнейших политических вопросов в это время был вопрос о королевской санкции законов. Узнав о постановлениях, принятых Учредительным собранием 4 августа, Людовик XVI немедленно заявил в письме к одному архиепископу, что он никогда не санкционирует декретов, лишающих привилегированных их феодальных прав. Но требовалась ли, вообще, королевская санкция решений, принимаемых Национальным учредительным собранием? Этот важный вопрос еще не был решен Национальным собранием. Многие наказы выражали желание предоставить королю право утверждения или отклонения законов, т. е. высказывались в пользу королевской санкции. Но наказы третьего сословия (например, в Ренне) отнюдь не предоставляли королю права абсолютного отклонения законов, так называемого «абсолютного» veto. Реннские наказы предоставляли королю «приостанавливающее» veto. Они гласили, что если король откажется одобрить решение, принятое Штатами, то он должен отослать его обратно в собрание Штатов, с объяснением причин своего неодобрения; но если две трети членов Собрания снова проголосуют

EXTRAIT DES PROCÈS-VERBAUX
DE
L'ASSEMBLÉE NATIONALE,
Des 20, 21, 22, 23, 24, 26 Août et premier Octobre 1789.
DÉCLARATION DES DROITS DE L'HOMME EN SOCIÉTÉ.

EXTRAIT DES PROCES-VERBAUX
DE
L'ASSEMBLÉE NATIONALE,
Des 4, 11, 16, 19, 17, 20, 24, 27, 30 Septembre et 1 Octobre 1789.
ARTICLES DE CONSTITUTION.
ARTICLE PREMIER

RÉPONSE DU ROI

Из протоколов Национального собрания (август — октябрь 1789 г.)
ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И КОНСТИТУЦИЯ

Архив Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

в пользу этого решения, оно приобретает силу закона. Таким образом король мог задержать появление закона, но не мог совершенно отвергнуть решения, принятые большинством депутатов.

В момент, когда Учредительное собрание приступило к обсуждению вопроса о королевской санкции, дальнейшее развитие революции многим членам Собрания, даже из среды третьего сословия, казалось опасным и нежелательным. И в то время как группа депутатов — «патриотов» — настойчиво высказывалась против какой бы то ни было королевской санкции, реакционная часть Собрания (боровшаяся за сохранение сословных Генеральных штатов) в союзе с группировкой «умеренных» депутатов третьего сословия настаивала на предоставлении Людовику XVI абсолютного veto.

Политические группировки в Национальном собрании

К этому времени политические группировки в Собрании приобрели уже большую отчетливость. Крайние роялисты, сторонники абсолютистско-феодального строя, возглавлялись графом Монлозье, Казалесом, д'Эпременилем, аббатами Мори и Монтескью. Умеренные роялисты, готовые мириться с более правой, явно реакционной группировкой, имели своими вождями Лалли-Толандаля, Мунье, Клермон-Тоннера, Малуэ и других. Они высказывались за абсолютное veto короля и за введение во Франции аристократической двухпалатной системы. Подавляющее большинство депутатов третьего сословия состояло из конституционных монархистов; но и среди них все более отчетливо стали обнаруживаться расхождения. Это большинство распадалось на две группы: центр, руководимый вождями Бретонского клуба, в котором, как уже было сказано, либеральные, обуржуазившиеся дворяне, действуя совместно с представителями бретонской и прочей буржуазии, подготовили решения 4 августа, и левую, в которой объединялись более решительные сторонники демократизации (будущие «жирондисты», например, Петион и др.) и самые последовательные буржуазные демократы, сторонники всеобщего избирательного права, эмансипации евреев и т. д. В последней группировке крупнейшую роль играл аррасский депутат, адвокат, будущий вождь якобинцев — Максимилиан Робеспьер.

Робеспьер

Максимилиан Робеспьер родился 6 мая 1758 г. в Аррасе (провинция Артуа) в семье, принадлежавшей к местному «дворянству мантии»: отец Максимилиана Робеспьера был адвокатом аррасского судебного совета.

Блестящие способности и исключительное прилежание юного Робеспьера обратили на себя внимание преподавателей коллежа Людовика Великого в Париже, где Робеспьер заканчивал среднее образование. Все свободное от школьных занятий время Робеспьер отдавал изучению французских просветителей; предметом его страстного увлечения стал Руссо.

Окончив коллеж, Робеспьер поступил в Парижский университет, где в течение трех лет изучал право.

По окончании университета Робеспьер около трех лет работал у прокурора парижского парламента, после чего вернулся в родной город.

Впоследствии, в годы революции, Мирабо говорил о Робеспьере: «Он пойдет далеко, ибо он верит в то, что говорит». Можно сказать, что с первых лет своей деятельности Робеспьер отличался той особенно глубокой и твердой убежденностью, которую подметил Мирабо, не сказавший только, что у Робеспьера была и железная воля к борьбе за осуществление своих идей.

В 1788 г., во время выборов в Генеральные штаты, Робеспьер издал брошюру, бичующую злоупотребления властей по отношению к политически бесправному третьему сословию. Третье сословие Арраса избрало Робеспьера депутатом в Генеральные штаты. На 31 году жизни начался новый этап деятельности Робеспьера.

В Учредительном собрании Робеспьер занял место среди наиболее последовательных демократов, садившихся всегда на верхние места в зале заседаний. Тогда же и появилось шутливое название этой небольшой левой группировки: «Гора» (по-французски — «Монтань»; впоследствии, в 1792—1794 гг., слово *монтаньяры* стало общепринятым наименованием левого крыла Национального конвента). Умеренное конституционно-монархическое большинство Учредительного собрания очень скоро разглядело в скромной фигуре аррасского адвоката сильнейшего, несгибаемого политического противника. Всей своей жизнью и революционной деятельностью Максимилиан Робеспьер оправдал славное прозвище «Неподкупный», данное ему Маратом. Содержание многочисленных речей, произнесенных Робеспьером в Учредительном собрании (только в течение 1790 г. он выступал более 20 раз), можно резюмировать словами: решительная борьба за буржуазно-демократическое преобразование Франции. Особенно замечательны выступления Робеспьера в пользу всеобщего избирательного права.

Мирабо, Барнав, Лафайет и вопрос о veto короля

Граф Мирабо, которого надо причислить к правой части центра Собрания, при обсуждении вопроса о королевской санкции решительно и горячо высказался, как и «умеренные», в пользу абсолютного veto. Трибун, который еще в июне 1789 г. потрясал народ своим революционным красноречием, не далее как в августе того же года стал мишенью острых политических памфлетов. На улицах Парижа продавались брошюры с заглавием: «Великая измена Мирабо». В газете «Народный оратор» («L'Orateur du Peuple») появилось предупреждение: «Мирабо, Мирабо, поменьше таланта и побольше добродетели, а не то — на виселицу».

Центр Национального собрания выдвинул энергичных противников правого крыла — трех виднейших членов Бретонского клуба, — Барнава, Шарля Ламета и Адриена Дю-Пора, так называемый триумвират. Маркиз Лафайет, сочувствовавший больше умеренным, чем триумвирату, попытался примирить обе группировки. Но Мунье продолжал настаивать на двухпалатной системе (соглашаясь лишь, вместо наследственного Сената, ограничиться установлением избираемого Сената). 29 августа невозможность компромисса стала очевидна. Умеренные организовали свой «Центральный комитет».

Зная о расколе в Национальном собрании, придворная контрреволюционная партия стала готовиться к новой попытке подавления революции. Между тем, вожди парижской революционной демократии тогда же, в конце августа 1789 г., выступая в кафе Фуа и резко критикуя умеренных, призывали парижан двинуться всей многотысячной массой в Версаль и оказать должное воздействие на Собрание при решении вопроса о veto. Противодействие парижского муниципалитета, арест многих рабочих — наиболее активных сторонников «похода на Версаль», разногласия среди городских дистриктов и, наконец, компромисс, предложенный 2 сентября Барнавом, о предоставлении королю приостанавливающего veto, с условием, что король санкционирует решения, принятые 4 августа, — все это временно разрядило напряженную атмосферу. Массовый поход в Версаль не состоялся, но сохранилась идея подобного способа воздействия на короля и на Собрание. 11 сентября Учредительное собрание приняло декрет о предоставлении королю права приоста-

МАКСИМИЛИАН РОБЕСПЬЕР (1758—1794)
Рисунок Герена, гравюра Физингера
Музей Института Маркса — Энгельса — Ленина

навливающего veto. А накануне Собрание отклонило проект Мунье о введении во Франции двухпалатной системы. Но это было лишь затишье перед бурей. Поражение умеренных еще теснее сближало их с правыми. Внимательно следя за расколом, придворная партия готовила новое покушение на революцию. Получив от Собрания право приостанавливающего veto, король медлил с санкцией решений 4 августа и Декларации, явно желая выиграть время. 14 сентября король вызвал в Версаль фландрский полк, стоявший в Дуэ. Волнения рабочих возобновились. Некоторые группы рабочих были готовы немедленно итти в Версаль. Революционные публицисты энергично разоблачали замыслы двора. Например, Лустало в «Парижских революциях» писал, что более уже не существует «патриотического очага» и что нужен «второй революционный приступ».

1 октября в Версале, в оперном зале королевского дворца, состоялся торжественный банкет в честь офицеров фландрского полка. Присутствие принцесс и других представителей высшей аристократии, музыка, соответствующая настроению собравшихся (исполнялась ария: «О Ричард, о мой король, все тебя покидают»), вино и, наконец, появление короля, державшего на руках своего маленького сына, — вызвали со стороны ошалевших от радости офицеров неистовый взрыв верноподданнических чувств. Они сорвали с себя трехцветные кокарды, топтали их ногами и требовали белых и черных кокард (на родине королевы, в Австрии, носили черные кокарды).

В Париже стало известно об этом банкете 3 октября. Люди, близкие к Марату, рассказывали, что, узнав о банкете, он волновался и гремел, как те легендарные трубы, которые должны будут в день «страшного суда» разбудить и поднять мертвецов из могил. В своей газете «Друг народа» («L'Ami du Peuple») Марат писал: «Все граждане должны собраться с оружием в руках. Следует послать значительный отряд в г. Эссон для захвата пороха, каждый парижский дистрикт должен взять свои пушки из ратуши».

4 октября огромная толпа окружила Палэ-Рояль. Множество женщин, притом не только из беднейших слоев населения, но и из мелкобуржуазного мира цеховых ремесленников и лавочников, громко осуждали королеву и выражали твердое намерение двинуться в Версаль, потребовать у короля хлеба для народа и самого короля перевезти в Париж. Идея массового похода возродилась, ее повторили и на улицах, в гуще толпы, и в кафе, среди политических деятелей, публицистов, среди солдат и национальных гвардейцев. Мало-помалу даже национальная гвардия, сначала пытавшаяся рассеивать «сборища», склонилась к поддержке массового движения. Крики «смерть попам, смерть аристократам, смерть королеве» не оставляли сомнений в политической остроте и напряженности момента.

Массовое движение 5—6 октября

5 октября торговки Центрального рынка явились в ратушу, чтобы уведомить мэра о намерении пойти в Версаль. Вскоре же вслед за ними народная толпа бурно вторглась в ратушу. Народ требует выдачи боевых припасов, вызывает «волонтеров Бастилии». Активные участники взятия Бастилии Майяр и Юлен еще раз появляются во главе вооруженных граждан. Захватив пушки, колонна демонстрантов-революционеров покидает ратушу, пополняется у Елисейских Полей огромным количеством рабочих и работниц. Около 6000 женщин приняли участие в походе.

Чисто народный характер движения смущал и страшил либеральную буржуазию. Еще недавно маркиз Лафайет опережал развитие событий, провозглашая, например, 13 июля принципы свободы. 5 октября все

НАРОДНЫЕ МАССЫ НАПРАВЛЯЮТСЯ В ВЕРСАЛЬ 5 ОКТЯБРЯ 1789 г.

Гравюра по зарисовке очевидца. Гос. Эрмитаж

изменилось в его отношении к революции. Он не хотел присоединиться к походу на Версаль. Сотни голосов требовали, однако, чтобы начальник национальной гвардии занял свой пост впереди гвардейцев, присоединившихся к движению. Крики «на фонарь» положили конец его упорству. Лафайет был вынужден подчиниться. Но находясь впереди колонны национальных гвардейцев, он политически стоял уже далеко позади масс и нисколько не разделял их революционного гнева.

В пятом часу дня, промокнувшие от дождя и покрытые грязью демонстранты, в первую очередь рабочие, работницы и рыночные торговки, прибыли в Версаль. Многие из них, в том числе и женщины, вторглись в Национальное собрание. Майяр выступил от имени демонстрантов, обвиняя аристократию и духовенство в страданиях народа.

Собрание, в своем большинстве, сочло нужным использовать давление масс для решительной попытки воздействия на короля. Оно поручило Мунье и группе других депутатов пойти к королю и предложить ему безоговорочно одобрить Декларацию прав и те статьи проекта Конституции, которые касались вопроса о veto. Возможно ли было принятие Собранием такого решения без давления присутствовавших в Версале демонстрантов? Нет, и в этом можно не сомневаться.

Влияние массы демонстрантов на поведение короля очевидно. Людовик XVI принял депутацию женщин, дав им обещание позаботиться о снабжении Парижа хлебом. Но широкая масса демонстрантов плохо верила обещаниям и не уходила из Версаля. Тысячи возмущенных людей толпились вокруг дворца, когда к королю явилась депутация Национального собрания. И к 8 час. вечера король согласился безоговорочно одобрить Декларацию прав и соответствующие статьи Конституции.

До исхода вечера в этот день в Версале произошли две кровопролитные схватки: первая — еще до принятия королем депутаций. Лейтенант королевской гвардии ударил саблей солдата, который вел за собой женщин, требовавших доступа к королю. Чей-то выстрел ранил лейтенанта. Тогда лейб-гвардия набросилась на толпу с обнаженными саблями. Вторая схватка произошла около 9 час. вечера. В задних рядах фландрского полка, расположившегося на одной из версальских площадей, послышались выстрелы: это была перестрелка между версальской буржуазной милицией и гвардейцами-аристократами, топтавшими трехцветные кокарды на банкете 1 октября.

ПЕРЕЕЗД ЛЮДОВИКА XVI С СЕМЬЕЙ В ПАРИЖ 6 ОКТЯБРЯ 1789 г.
Гравюра по зарисовке очевидца. Гос. Эрмитаж

Король потерял присутствие духа. Около 11 час. вечера король и королева хотели было покинуть Версаль и бежать в Нормандию. Но национальная гвардия задержала кареты раньше, чем они были поданы ко дворцу.

Бурно протекало вечернее заседание Национального собрания. Множество вооруженных граждан проникло в зал заседаний. Женщины кричали с галерей, смотря по содержанию речей, произносимых с трибуны: «Говорите, депутат!» — «Замолчите, депутат!»

Лафайет, задержавшийся в пути, прибыл с парижской национальной гвардией только к ночи. Можно было не сомневаться в его искренности, когда, явившись во дворец, он заявил королю о своих верноподданнических чувствах.

Король согласился признать Декларацию, Лафайет, командовавший огромным корпусом национальной гвардии, заявлял о своей преданности. Казалось бы, всякая опасность для короля миновала: можно было продолжать охотиться и, оставаясь в Версале, свободно плести паутину контрреволюционного заговора. Но народ довел до конца начатое дело. На рассвете следующего дня, 6 октября, при обстоятельствах, которые еще недостаточно освещены в исторической литературе, народ вторгся в королевский дворец. В помещении дворца произошла третья кровопролитная стычка. Не трудно себе представить, какие размеры приняла бы эта резня во дворце, если бы внезапно появившаяся национальная гвардия не призвала народ к спокойствию и если бы король не вышел к народу, требовавшему немедленного переезда королевской семьи в Париж, и не пообещал, что он немедленно выедет. Парижский плебс совершил «второй приступ революции».

Новая народная победа, воспринятая умеренными слоями буржуазии как победа анархической, неистовой «черни», имела чрезвычайно важные политические последствия. Она вновь разрушила контрреволюционные замыслы двора и помешала Людовику XVI привести в исполнение план разгона Учредительного собрания. События 5—6 октября бесповоротно отбросили вправо группу Мунье, т. е. умеренных, лишив их влияния в Национальном собрании. Часть членов этой группы фактически перестала посещать Собрание. Лафайет, прославленный «герой старого и нового света», все еще сохраняя популярность в определенных кругах буржуазии, становился контрреволюционером. В Собрании образовался «правый центр», вне Собрания — особый союз, так

называемое «Общество 1789 г.», оформившееся, впрочем, лишь весной 1790 г.

Для предотвращения новых массовых движений и в целях охраны собственности Национальное собрание издало вскоре же после похода в Версаль, в момент возобновившихся продовольственных волнений, так называемый loi martiale (буквально: «военный закон»), — декрет 21 октября 1789 г. о военном положении во время народных волнений, позволяющий применять оружие против сборищ народа в тех случаях, когда толпа отказывается разойтись по требованию властей. Национальной гвардии было приказано отбирать на улицах «мятежные сочинения». С октября 1789 г. Марат был вынужден уйти в подполье, чтобы продолжать свою политическую борьбу. В это время Марату было 46 лет.

Марат

Жан-Поль Марат родился 24 мая 1743 г. в Швейцарии, в городке Будри, в небогатой семье учителя. Задолго до революции, будучи еще молодым человеком, Марат изучил английский, итальянский, немецкий, испанский и голландский языки, а также древнегреческий и латинский. Марат сам говорил о себе: «У меня характер пламенный, стремительный и упорный». В 16 лет Марат ушел из родительского дома. Настали долгие годы странствования. Марат был в Голландии, Ирландии, Англии. С 1769 г. он занимался врачебной практикой в Лондоне и был награжден званием почетного гражданина г. Ньюкэстля за свои заслуги по борьбе с эпидемией. Научные исследования Марата были довольно разнообразны. В 1773 г. вышла двухтомная работа Марата по физиологии («Философский опыт о человеке»). В 1775 г. шотландский университет присвоил Марату звание доктора медицины. Только в период 1777—1789 гг. было напечатано восемь научных работ Марата. Марат был одним из образованнейших физиков. На его научных опытах присутствовали Франклин, Вольта и другие замечательные ученые и общественные деятели. Но королевская Академия наук отрицательно и враждебно отнеслась к исследованиям Марата, а печать замалчивала его труды. Лишь провинциальные научные общества, Дижонская и Руанская академии, сумели оценить одну научную работу Марата (о применения электричества в терапии), присудив ему за нее первую премию. Но подлинной стихией этого выдающегося ученого была *политика*. За 15 лет до революции, — в 1774 г. — вышла в свет (в Англии) его книга «Цепи рабства» — пламенный памфлет против абсолютизма — работа, обнаружившая глубокие исторические познания Марата.

Вернувшись в Париж в 1776 г., Марат занялся врачебной практикой. В 1777 г. он выпустил книгу «План уголовного законодательства», написанную под влиянием известного «Трактата о преступлениях и наказаниях» Беккариа (1764).

«План уголовного законодательства» развивает идеи, высказанные Маратом в памфлете «Цепи рабства». «Законы созданы богачами» (в интересах богачей и в целях угнетения бедняков). Бедные не должны подчиняться этим законам. Они имеют право на восстание против своих вековых угнетателей.

С сентября 1789 г. Марат начал издавать свою замечательную газету «Друг народа». Он разоблачал в ней политические маневры Лафайета и других врагов революционной демократии. Марат пользовался всеми доступными для него средствами: своей газетой, личными связями и перепиской с демократическими вождями, чтобы неотступно защищать интересы крестьян, мелких торговцев, ремесленников и рабочих, т. е. широчайшие слои сельского и городского плебса.

ЖАН-ПОЛЬ МАРАТ (1743—1793)
Барельеф работы неизвестного мастера XVIII в. Воск
Музей Института Маркса — Энгельса — Ленина

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

(ноябрь 1789— июнь 1791 гг.)

Все важнейшие акты, принятые Национальным учредительным собранием, убедительно свидетельствуют о том, что большинством Собрания руководили буржуазные интересы. Соотношение политических группировок в Собрании не позволяло, однако, собственно буржуазные мероприятия проводить всегда последовательно и до конца.

Аграрные законы

Временно успокоив крестьянство решениями 4—11 августа, Учредительное собрание медлило с реализацией своих обещаний, поощряя тем самым развитие антикрестьянской политики на местах, выразившейся в повсеместном стремлении муниципалитетов противопоставлять крестьянским выступлениям вооруженную силу буржуазной гвардии. Только весной 1790 г., когда поднялась новая волна жакерии, Собрание вернулось к аграрному вопросу, этому основному вопросу буржуазной революции XVIII века. Глубокое разочарование ждало крестьян, понявших было решения 4 августа, как полную отмену всех феодальных прав. Закон 15 марта 1790 г. воспрещал в дальнейшем так называемые триажи, т. е. выделение в пользу помещика третьей части общинных земель (фактически помещики почти всегда захватывали больше трети). Но закон сохранял за помещиками все ранее захваченные общинные земли. Что касается феодальных помещичьих прав, то закон 15 марта вполне соответствовал пожеланиям либеральных дворян. Он сохранял разделение прав на «личные» и «реальные». Только «личные» права отменялись без выкупа, причем во всех спорных случаях преимуществом пользовался помещик. Доказывая, что та или иная повинность является «личной», а не «реальной», крестьянин должен был представить документ, удостоверяющий, что эта повинность не вытекает из начального помещичьего «пожалования». Известно, однако, что феодальные документы, даже, например, купчая на перепродажу цензивы, хранились в помещичьих архивах. Сумма выкупных платежей и порядок выкупа были определены еще позже, законами 3—9 мая 1790 г. Выкупные операции были чрезвычайно затруднены этими законами: крестьяне должны были оплатить все повинности сразу, единовременно; выкуп должен был производиться лишь на основе свободного соглашения между помещиком и крестьянами. Но если бы даже и не было всех затруднительных формальностей, то самая сумма выкупных платежей делала закон — по крайней мере для подавляющего большинства крестьянства — невыполнимым. Значительно превышая действительную стоимость выплачиваемых крестьянами повинностей, выкупная сумма при реализации являлась бы щедрым подарком для помещиков и землевладельческой буржуазии.

Не разрешив аграрного вопроса даже в тех размерах, какие были возможны при буржуазной революции, Учредительное собрание сделало неизбежным новый революционный подъем в широчайших крестьянских массах. Осенью 1790 г. снова начались мощные крестьянские волнения. Крестьяне отказывались от внесения платежей. Местами опять начались поджоги помещичьих усадеб.

Торгово-промышленное законодательство

Торгово-промышленная политика Учредительного собрания носила характер компромисса между различными буржуазными интересами. Она освободила французскую промышленность от прежних стеснений. В феврале 1791 г. были приняты декреты, отменявшие правительственную регламентацию и упразднявшие цехи. В апреле того же года была объявлена свобода хлебной торговли. Эти постановления осуществляли

программу экономического «либерализма», — программу, которую обосновали теоретически физиократы и пытался провести на практике Тюрго. Но таможенным тарифом, принятым в марте 1791 г., хотя он и не был строго протекционистским, все же устанавливалось полное воспрещение ввоза и вывоза некоторых товаров. Так, например, воспрещался ввоз табака, льняной пряжи, шелковых тканей и т. п. и вывоз строительных материалов, угля, шелковых коконов и прочее.

Отменяя законы, стеснявшие развитие ростовщичества, Учредительное собрание мало заботилось о кредите для промышленности. Характерна и налоговая система, принятая Учредительным собранием: кроме землевладельцев, на которых была возложена главная тяжесть налогов, сравнительно большие налоги устанавливались для мелких промышленников, между тем как крупный капитал подвергался лишь незначительному обложению.

Церковная реформа

Своеобразную позицию заняло Собрание при проведении церковной реформы. Оно не решилось отделить церковь от государства. Католическая религия сохранила силу государственной религии. Декретами июля — ноября 1790 г. служители культа превращались в «чиновников» конституционной монархии, оплачиваемых государством, т. е. в конечном счете — народом, которому, однако, Декларация предоставляла полную свободу вероисповедания. Собрание отнимало у духовенства функцию регистрации рождений, браков и смерти. Законным признавался только гражданский брак. Декретом от 27 ноября Собрание обязало духовенство присягнуть Конституции. Предписав духовенству порвать прежние формы связи с верховным главой католической церкви — римским папой (французские священники не могли более принимать от него сан, а могли только извещать папу о своем избрании), Учредительное собрание само нарушало статью о веротерпимости, вмешиваясь в порядки, которые, — с точки зрения католической ортодоксии, — были основаны на соответствующих догматах.

Национализация и распродажа церковных имуществ и выпуск ассигнатов

Гораздо более твердым и последовательным было отношение Национального собрания к церковной собственности. Провозглашая буржуазную собственность неприкосновенной и священной, Учредительное собрание отменило церковную десятину без всякого выкупа и еще осенью 1789 г. поставило вопрос о секвестре церковных имуществ в целях разрешения финансового кризиса.

По декрету Учредительного собрания 2 ноября 1789 г. все церковное имущество поступало в «распоряжение нации, принимающей на себя обязанность подобающим образом заботиться о доставлении средств для надобностей богослужения, для содержания священнослужителей и вспомоществования бедным».

Несколько времени спустя, 19—21 декабря, Учредительное собрание постановило выпустить в целях разрешения финансового кризиса и для погашения государственного долга так называемые ассигнаты — государственные денежные обязательства, ограничив их выпуск той суммой в 400 млн. ливров, на какую предполагалось продать церковных имуществ. Таким образом, стоимость ассигнатов полностью обеспечивалась. При своем появлении ассигнаты были своего рода доходными пятипроцентными бумагами, доступными лишь для состоятельных граждан, так как вначале они были выпущены только в крупных купюрах — по тысяче ливров каждый.

Декреты 16—17 апреля и 29 сентября 1790 г. превратили ассигнаты в бумажные деньги: они должны были приниматься в обмен на звонкую монету, выпускались мелкими купюрами и, разумеется, утрачивали

значение доходных бумаг. Но, несмотря на эту существенную метаморфозу, курс ассигнатов в 1790 г. более или менее сохранялся. И только в следующем году, по мере увеличения их выпуска, началось заметное их падение, впоследствии достигшее катастрофических размеров.

АССИГНАТ В 500 ЛИВРОВ
Музей Революции

Отнимая у церкви ее имущества, Учредительное собрание руководствовалось не только одними финансовыми соображениями. По расчету инициаторов этой реформы, распродажа церковных, или, как они стали тогда называться — национальных имуществ, должна была отвлечь внимание крестьян от вопроса о помещичьих правах. Декрет 15 мая 1790 г. позволял и даже рекомендовал дробить продававшиеся с торгов национальные имущества. Кроме того, допускалась очень льготная рассрочка платежей: на 12 лет, с уплатой лишь 13% стоимости в момент покупки. Несомненно, этот декрет смягчил разочарование, вызванное постановлениями о выкупе феодальных прав. Но осенью 1791 г. декрет 15 мая был существенно изменен в пользу крупных покупщиков. Новый закон предписывал продажу владений целиком, и только в случае отсутствия желающих купить продаваемое владение целиком оно дробилось на участки, которые и поступали в продажу. Срок погашения платежей за пахотные участки сокращался почти втрое. Крестьянские волнения заставляли, однако, медлить с твердым применением нового закона, и распродажа мелкими участками, равно как и длительная рассрочка, фактически допускались.

Рабочая политика буржуазного правительства

Самым характерным актом рабочей политики Учредительного собрания был так называемый закон Ле-Шапелье.

Зима 1789/1790 г., в противоположность предшествующей, отличалась необыкновенной мягкостью, что способствовало заметному повышению спроса на труд, особенно в строительном деле. В 1790 г. во Франции, хотя и не повсеместно, появились явные признаки экономического оживления. В Париже в 1790 г. улучшилось положение басонщиков и портных, получавших заказы от национальной гвардии. Начавшееся экономическое оживление, однако, не прекратило, а только усилило рабочие волнения. Быстро возрастала численность рабочих союзов. Парижские рабочие организации завязывали и укрепляли связи с подобными же организациями в провинциальных городах.

Рабочие стремились сократить продолжительность рабочего дня с 13—14 до 10—12 часов. Их выступления, возникшие на почве экономических требований, и первые крупные акты зарождавшегося профессионального движения чередовались и переплетались с собственно политическими выступлениями. Аббевильские рабочие весной 1790 г. уничтожают ненавистные английские товары: они сжигают их, топят в реке, и только вмешательство вооруженной силы приостанавливает это движение. Парижские типографские рабочие еще в 1789 г. организуют «Общество друзей человечества», сохраняя, однако, в качестве организационной основы Общества структуру компаньоннажа. Парижские плотники учреждают к весне 1791 г. свой Братский союз, одновременно ведя напря-

женную стачечную борьбу. Десятки тысяч плотников примкнули к Братскому союзу; всем плотникам—не членам союза—грозила суровая расправа со стороны товарищей. В задачи Братского союза входило создание кассы взаимопомощи (для больных и инвалидов), организация школы профессионального обучения и учреждение своеобразной биржи труда (bureau de placement). Упорная стачечная борьба за повышение заработной платы происходила в апреле—мае 1791 г. в Северном департаменте. Большие волнения, прекращенные лишь силой оружия, происходили среди рабочих, занятых на строительстве канала в департаменте Ионны в декабре 1790 г. и в январе 1791 г.

Собственно политические выступления рабочих еще нельзя считать вполне исследованными. Пролетариат в этот период «... не представлял и не мог представлять по своей слабости самостоятельную политическую силу...»[1]. Но первые проблески сознания своей классовой обособленности уже появлялись у некоторых групп рабочих. В Париже не только ремесленные мастера, но и рабочие посещают политические клубы. В Учредительном собрании устанавливается политическая связь неимущего парижского плебса с представителями крайней левой группировки, в частности с Максимилианом Робеспьером. «Общество неимущих» приветствует и поздравляет Робеспьера по случаю его резкого выступления против богачей в клубе Кордельеров 20 апреля 1791 г. Одновременно весной 1791 г. возникает стремление федерировать все парижские союзы и общества.

Чтобы задушить в зародыше политические организации рабочих и парализовать грозное, уже достаточно развитое, стачечное движение, Учредительное собрание приняло 14 июня 1791 г. декрет, предложенный депутатом Ле-Шапелье.

Маркс называл закон Ле-Шапелье «буржуазным государственным переворотом», главное значение которого заключалось в том, что буржуазия отняла у рабочих «... только что завоеванное право ассоциаций».[2] «Декретом от 14 июня 1791 г., — писал Маркс, — она объявила все рабочие коалиции «преступлением против свободы и Декларации прав человека», караемым штрафом в 500 ливров и лишением прав активного гражданина на один год».[3] Маркс, впервые вскрывший классовый характер закона 14 июня 1791 г., обратил внимание и на продолжительность его существования во Франции; он писал: «Этот закон, втискивающий государственно-полицейскими мерами конкуренцию между капиталом и трудом в рамки, удобные для капитала, пережил все революции и смены династий».[4] Закон Ле-Шапелье был отменен лишь в 1864 г.

КОНСТИТУЦИЯ 1791 ГОДА

Цензовый характер Конституции

Важнейшая политическая задача Учредительного собрания, с разрешением которой прекращалось и существование Собрания, заключалась в разработке Конституции, которая была принята и вошла в силу только в 1791 г. (почему она и называется Конституцией 1791 года). Следует, однако, заметить, что важнейшие статьи Конституции были обсуждены и приняты Собранием вскоре после Декларации прав человека и гражданина.

Бесспорно, что в Конституции 1791 г., как и в Декларации, отразилось влияние политических учений Монтескье, Мабли и Руссо. Максим

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М. 1939, стр. 37.
[2] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 811.
[3] Там же.
[4] Там же.

Ковалевский писал, что «Конституция 1791 года — не более, как последовательное развитие и доведение до абсурда теории разделения властей». Но для нас интересны не только идейные основы Конституции. Для понимания происхождения Конституции 1791 г. не меньшее значение имеет тот факт, что ее важнейшие статьи обсуждались в обстановке страшных для буржуазии волнений городского плебса, которые происходили в сентябре и октябре 1789 г.

29 сентября, через 33 дня после принятия Декларации, возвещавшей, что «люди рождаются... равными в правах», Конституционный комитет предложил Собранию лишить избирательных прав всю массу неимущего населения, которая произвольно зачислялась в категорию так называемых «пассивных граждан». «Активными гражданами», т. е. гражданами, пользующимися избирательными правами, могли быть, по мнению Конституционного комитета, только налогоплательщики, платившие ежегодно прямые налоги в размере не менее трехдневной заработной платы (позднее, 15 января 1790 г., Собрание установило произвольно «среднюю» заработную плату, равную 20 су в день). Поскольку, далее, были приняты и другие ограничения (возрастной ценз и проч.), оказалось, что лишь 4 298 360 жителей Франции были «активными гражданами».

Робеспьер и некоторые другие депутаты крайней левой Собрания горячо возражали против имущественного ценза. Робеспьер неоднократно выступал по этому поводу с трибуны Собрания и в политических клубах. Особенно замечательна речь Робеспьера, изданная впоследствии (в апреле 1791 г.) демократическим клубом Кордельеров.

«... Защитники избирательного декрета, — говорил Робеспьер, — сами сознают противоречие его с идеей равенства и, в надежде обмануть нас словами, придумали различие между активными и пассивными гражданами. Но неужели мы будем настолько глупы, чтобы не понять, что... пассивные граждане — просто не граждане, ибо они не имеют политических прав, принадлежащих гражданству...»

«... Как вы можете отнять у меня право участия в общественных делах на том основании, что вы — богаче меня? Уж если равновесие должно быть нарушено, то скорее в интересах наименее состоятельных. Ведь задача законов и общественной власти заключается в том, чтобы защищать слабого против несправедливости и угнетения...»

«... И как отнять право у народа в тот самый момент, когда революция торжествует, благодаря ему. Уж не богатым ли и знатным обязаны вы тем славным восстанием, которое спасло Францию?..»

Вне Собрания гремел голос другого пламенного защитника всеобщего избирательного права, голос Марата.

«Итак, ваша пресловутая Декларация прав, — писал Марат, — оказывается не более, как обманом; вы думаете забавлять ею глупцов, надеясь тем самым избежать их гнева».

Понимая, что народ обманут Учредительным собранием и что основные вопросы буржуазно-демократической революции не разрешены, Марат предвидел неизбежность нового революционного подъема. Он предсказывал социальную революцию, направленную против богачей.

Замечательно также письмо неизвестного современника, обратившегося 27 января 1790 г. к члену Учредительного собрания — Талейрану. Протестуя против ограничения избирательного права имущественным цензом, корреспондент Талейрана писал: «Признаюсь, ваше преосвященство, если бы мне стали доказывать, что бедняк не может участвовать в полном использовании своих прав члена общества, то я дошел бы до того, что сказал бы: в таком случае уничтожьте нищету, уничтожив богатство, уничтожив индивидуальную собственность. Пусть отныне земля

не принадлежит никому, а плоды ее делятся между всеми сообразно характеру и размерам потребностей, исполняемым обязанностям и труду каждого».

Предложения, сделанные Конституционным комитетом по вопросу об «активных» и «пассивных» гражданах, были приняты Национальным собранием в конце октября 1789 г., причем они были дополнены одной характерной оговоркой: в категорию «пассивных граждан» были включены все слуги, банкроты и евреи. И только в сентябре 1791 г., после неоднократных выступлений Робеспьера и других депутатов, в частности, Дюпонаде-Немура, пользовавшегося большим влиянием в умеренно-буржуазном большинстве Собрания, право «активных граждан» было распространено на евреев (а также на актеров). Так был решен вопрос об активном избирательном праве. Но для выборов в будущее законодательное собрание устанавливалась двухстепенная система (22 декабря 1789 г.). Граждане, платившие прямые налоги в размере трехдневной заработной платы, могли лишь принимать участие в избрании выборщиков. В число выборщиков могли быть избираемы лица, платившие прямые налоги в размере десятидневной заработной платы. В конце 1789 г. было решено, что депутатами, избираемыми из среды выборщиков, могут быть только те граждане, ежегодные налоги которых равняются по меньшей мере «марке серебра» или 54 ливрам. Избранными могли быть лишь очень богатые люди. Журналист-демократ Камилл Демулен писал, что при таком избирательном праве ни Руссо, ни Мабли, если бы они еще были живы, не прошли бы в законодательное собрание.

27 августа 1791 г. Собрание отменило постановление о «марке серебра» для избираемых депутатов, но зато имущественный ценз для выборщиков был сильно увеличен.

Политический строй Франции на основе Конституции

По Конституции 1791 г. во Франции устанавливалась буржуазная конституционная монархия или, как гласила соответствующая статья Конституции — «представительный образ правления». «Представителями» являлись, во-первых, депутаты законодательного собрания, избираемого на два года, на основе описанной выше системы, во-вторых, король, обладающий всей полнотой исполнительной власти и пользующийся правом относительного veto. Статья, касавшаяся veto, гласила: «Если король отказался утвердить декрет, то этот отказ носит лишь временный характер. Если два законодательных собрания, идущих вслед за тем, которое приняло декрет, примут его в той же редакции, то король обязан дать декрету свою санкцию». Судебная власть, соответственно учению Монтескье, была отделена от законодательной власти: она вручалась избранным судьям. Король являлся главой сухопутных и морских военных сил. Но война могла быть объявлена королем только с согласия законодательного собрания. Личность короля объявлялась священной и неприкосновенной; но если бы король эмигрировал или встал во главе армии, враждебной нации, или не воспротивился бы контрреволюционной борьбе, начатой кем-либо во имя французского короля, то он считался бы отрекшимся от престола.

Так называемый «муниципальный закон» 21 мая — 27 июня 1790 г. довольно ярко выражает страх Учредительного собрания перед народным, массовым движением. Дистрикты, на которые разделялся Париж в начале революции, очень бурно реагировали на решение Собрания об ограничении избирательного права имущественным цензом. Закон 21 мая — 27 июня 1790 г. упразднял дистрикты. Париж подразделялся этим законом на 48 районов, так называемых секций. В собраниях секций могли участвовать лишь «активные» граждане. Возможность объединен-

ных заседаний секций была чрезвычайно затруднена нарочно придуманным сложным порядком их созыва.

Колониальный вопрос в Конституции

В седьмом разделе Конституции 1791 г. были закреплены итоги продолжительных и жарких дебатов по колониальному вопросу. Особенную остроту приобрела проблема колониальных реформ на островах Сан-Доминго и Мартинике. Франция владела западной частью Сан-Доминго. Население этой колонии состояло из белых, мулатов и негров. Только белое население пользовалось правом избрания местных колониальных собраний, имевших значение лишь совещательных органов. Вообще, колониям не предоставлялось право выборов в Генеральные штаты. Но под давлением общества, носившего название «Колониального комитета», находившегося в Париже и возглавлявшегося маркизом-негоциантом Гуи-д'Арси, часть белого населения французской территории Сан-Доминго получила право представительства в Собрании.

Как уже было сказано, в наказах парижского избирательного округа выдвигалась идея освобождения негров от рабства. Еще в 1788 г. во Франции возникло «Общество друзей чернокожих», филантропическая ассоциация, возглавляемая философом Кондорсе и публицистом Бриссо. К «Обществу друзей чернокожих» примыкали в 1789—1791 гг. вожди крайней левой группировки Учредительного собрания: Петион, Робеспьер и аббат Грегуар. Это Общество горячо пропагандировало идею отмены работорговли и постепенного освобождения негров. В Учредительном собрании предложение об отмене работорговли было сделано в ноябре 1789 г. При первых же слухах о возможной эмансипации негров и приравнении их к белому населению во всех гражданских правах на Сан-Доминго и Мартинике вспыхнули восстания.

На Мартинике, как правильно указывал Жорес, положение осложнялось тем, что значительная часть землевладельцев, принадлежавшая к аристократии, была в долгу у богатых капиталистов города Сен-Пьера. Отстаивая неравноправность мулатов с белыми и не подчиняясь тем компромиссным решениям, которые, как мы увидим ниже, были временно приняты Учредительным собранием, эти плантаторы-реакционеры не побоялись вооружить своих черных рабов против капиталистической буржуазии Сен-Пьера.

Представители крайней левой группировки, Петион и Робеспьер, произносили с трибуны Учредительного собрания горячие речи в защиту негров. Петион описывал тяжкие мучения рабов во время их перевозки из Африки в Америку. Новейшие исследования вполне подтверждают справедливость заявлений, сделанных Петионом. Достаточно сказать, что негры, перевозимые в Америку, укладывались на все время пути вплотную друг к другу. И так как междупалубные пространства были очень низки, то в течение всего мучительно долгого рейса несчастные ни на минуту не могли подняться во весь рост, если не считать коротких прогулок.

Однако многие дворяне-либералы, объединившиеся в Собрании и вне Собрания с собственно буржуазными депутатами, избранными в качестве депутатов третьего сословия, были лично заинтересованы в сохранении рабства. Представители известных аристократических и дворянских фамилий: Ламет, Сегюр, Кастеллан, Галлиффе, Шуазель, д'Аркур, Богарнэ, — не говоря уже о таком совершенно буржуазном «сеньере», как барон де-Дитрих, — участвовали в той или иной мере в колониальной эксплоатации. Глава парижского Колониального комитета маркиз Гуи-д'Арси стал во главе крупной торговли сахаром, кофе и ромом благодаря своему браку. На креолках, дочерях плантаторов, были женаты Шарль Ламет и Богарнэ.

За исключением небольшой группы «Друзей чернокожих», в Учредительном собрании никто и не думал об отмене работорговли. Для большинства депутатов колониальная проблема ограничивалась вопросом об отношении к лично свободным, но не пользовавшимся всеми гражданскими правами мулатам. Колониальный комитет, руководимый Гуи-д'Арси, склонялся к небольшим реформам, касавшимся мулатов: другие представители белого населения колоний, группировавшиеся в так называемом «Клубе отеля Массиак», стояли за абсолютную неприкосновенность прежнего колониального режима.

Барнав, друг братьев Ламет, виднейший член «триумвирата» и влиятельнейший (в 1790 г.) член Якобинского клуба, выступал в Учредительном собрании в марте 1790 г., как ярый сторонник группы Гуи-д'Арси, т. е. против «Друзей чернокожих» и за умеренные реформы в пользу мулатов. Так, под влиянием «триумвирата», появился компромиссный закон 8 марта 1790 г., разрешающий созыв колониальных собраний, с допущением в них представителей наиболее состоятельных мулатов; в праве участия в Национальном собрании мулатам было решительно отказано, и в Конституции, принятой в 1791 г., было записано: «Хотя колонии и французские владения в Азии, Африке и Америке и составляют часть Французской империи, однако данная Конституция на них не распространяется».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ И ПАРТИЙНЫЕ ГРУППИРОВКИ

(осень 1789 г.— лето 1791 г.)

Якобинский клуб

В жизни политических клубов отразились все важнейшие этапы развития революции, которая, как отмечал Маркс, шла с 1789 по 1794 г. по восходящей линии. Особенно характерна эволюция Якобинского клуба. Слово «якобинец» вошло в историю, как понятие, означающее (в широком смысле) стойкого, последовательного революционера-демократа. Однако в первые годы революции подавляющее большинство членов Якобинского клуба состояло из политических деятелей совсем иного типа.

Предшественником и «отцом» Якобинского клуба был Бретонский клуб, возникший, как сказано выше, в Версале летом 1789 г., вероятно, вскоре же после открытия Генеральных штатов. Группа учредителей Бретонского клуба состояла из депутатов от Бретани: от третьего сословия Лежандр — адвокат из Бреста, Ле-Шапелье — адвокат из Ренна, ряд других юристов, врачей, мэров и, кроме того, несколько бретонских купцов; от духовенства — Мешен и другие депутаты.

В Бретонском клубе не было представителей от бретонского дворянства. Известно, что архиреакционное бретонское дворянство отказалось даже от участия в выборах в Генеральные штаты. Обостренная борьба третьего сословия Бретани с местным дворянством особенно содействовала организационному сплочению сил бретонских депутатов.

К организационной группе депутатов-бретонцев в Версале почти немедленно присоединились многие депутаты третьего сословия из других провинций: Мирабо, Барнав, Робеспьер и др. К 23 июня 1789 г. в Бретонском клубе было уже около 150 членов. В это время, в конце июня и в июле 1789 г., к Бретонскому клубу стали присоединяться и некоторые депутаты от дворянства, в первую очередь те обуржуазившиеся дворяне-либералы, среди которых главную роль играли герцог д'Эгийон, братья Шарль и Александр де-Ламет, маркиз Лафайет, его зять виконт де-Ноай, представитель «дворянства мантии» юрист Дю-Пор и др.

С переездом Учредительного собрания из Версаля в Париж (в октябре

1789 г.) сюда переехал и Бретонский клуб. Возможно, что группа депутатов, составлявшая Бретонский клуб в Версале, продолжала еще в течение некоторого времени сохранять свою депутатскую ассоциацию. Но если и была такая обособленная ассоциация, то несравненно большее значение приобрел тот факт, что члены Бретонского клуба учредили осенью 1789 г. новое общество — клуб, официально называвшийся «Обществом друзей Конституции», но прозванный тогда же, в первые годы революции, Якобинским клубом по наименованию помещения, в котором происходили его заседания: это была монастырская библиотека, принадлежавшая ордену монахов-якобинцев, представлявшая собой длинный и сравнительно узкий зал, со скамейками вдоль стен. Особенностью Якобинского клуба по сравнению с Бретонским было то, что в клуб допускался прием не членов Учредительного собрания. Высокие членские взносы (вступительный в 12 ливров и ежегодный в 24 ливра) отдаляли Якобинский клуб 1789—1791 гг. от неимущей массы.

К весне 1790 г. в Париже появился другой, совершенно замкнутый политический клуб: «Общество 1789 г.». Его основателями были — маркиз Лафайет, аббат Сиейес и маркиз Кондорсе. «Общество 1789 г.» заседало как закрытая ассоциация, членские взносы были еще выше, чем у якобинцев, и число членов Общества было строго ограничено. Матьез правильно указывал, что в составе «Общества 1789 г.» встречались такие деятели, которые состояли одновременно и в Якобинском клубе. Матьез писал: «Здесь [в «Обществе 1789 г.»] собираются вокруг Лафайета и Бальи, на торжественных обедах, умеренные революционеры, одинаково преданные королю и конституции. Здесь можно увидеть бретонского адвоката Ле Шапелье, резкого и грубого, который в прошлом году являлся одним из самых решительных противников двора, но теперь значительно смягчился, потому что любил игру и хороший стол; можно увидеть самого Мирабо, публициста Бриссо..., Андре..., пользующегося действительным влиянием на центр Национального собрания..., адвокатов Туре и Тарже, которые будут играть значительную роль при обсуждении конституции..., епископов, как, например, Талейран». Но далее, подчеркивая, что некоторые члены «Общества» — такие люди, как Бриссо и Редерер, — были связаны с обоими лагерями, Матьез настойчиво проводит ту мысль, что между якобинцами и «Обществом 1789 г.» в течение многих месяцев было «лишь личное соперничество», при отсутствии, «по крайней мере вначале, существенных принципиальных разногласий». Подобная характеристика «Общества 1789 г.» и Якобинского клуба не верна. Правда, Лафайет и Бальи еще и в 1790 г. оставались «идолами» для некоторых прослоек революционной части французского общества, но со времени октябрьских событий 1789 г. они уже были, как Янус, двуликими идолами. Момент открытого перехода лафайетистов на сторону реакции и контрреволюции в 1790 г. еще не настал; но вопрос отмежевания от революционной демократии, которая шла вперед, к созданию буржуазно-демократического строя, был уже для них решен. Между тем, члены «триумвирата» — Барнав, Дю-Пор и Ламет, будучи тоже умеренными конституционными монархистами, не боялись блока с мелкобуржуазными радикалами, и уже одно это обстоятельство существенно отличает позиции «Общества 1789 г.» от позиций Якобинского клуба. Тот факт, что некоторые передовые политические деятели, вроде Бриссо и Кондорсе, одновременно были членами обоих клубов, только затемняет, но не устраняет различия в основной части их контингентов, отличавшихся как политической ориентацией, так и своим социальным составом. Сам Барнав, избранный в июне 1790 г. председателем Якобинского клуба, писал своим гренобльским избирателям 25 июня 1790 г., что «Общество 1789 г.» состоит преиму-

щественно из банкиров, финансовых тузов, к которым примыкают, кроме некоторых литераторов, придворные, т. е. люди, источником дохода которых вплоть до 1789 г. были долги или «благодеяния» абсолютной монархии. Сохранить и (постепенно) упрочить связь с силами свергнутого режима и в то же время не потерять господствующего положения в новом обществе, — такова была суть политической эквилибристики большинства членов «Общества 1789 г.». Но ни курбеты Лафайета, ни ораторский талант Мирабо не могли спасти их недавнюю, еще в июле 1789 г. гремевшую популярность. Правда, Мирабо даже в январе 1791 г. председательствовал на некоторых заседаниях Якобинского клуба. Но раздававшиеся там резкие выпады против него сигнализировали о том, что его настоящее место — в «Обществе 1789 г.».

Якобинский клуб первоначально объединял представителей различных групп прогрессивной части буржуазии и примыкающей к ней интеллигенции. Были тут и аристократы, понимающие толк в оптовой торговле сахаром и кофе, знатные друзья промышленности, предлагавшие отказаться от покупки иностранных промышленных товаров, конкурирующих с французскими изделиями (это предложение сделал герцог де-Ноай). Были тут и купцы, возражавшие против покровительства промышленности в ущерб торговле; представители духовенства, защищавшие конституцию и, следовательно, выступавшие против реакционных «князей церкви»; аббаты, из которых многие вскоре, благодаря революции, стали епископами. Они составляли своего рода «новую церковь», требовавшую, между прочим, закона о разрешении брака католическому духовенству. Но тут же, в Якобинском клубе, выступал офранцузившийся немецкий барон, атеист Клоотс. Что касается интеллигенции, то, как правильно писал Барнав, в Якобинском клубе действительно состояли «люди, знаменитые своими знаниями и талантами». К ним принадлежал и сам Барнав, давший оригинальную интерпретацию учения Монтескье и приближавшийся к своеобразному экономическому материализму: видоизменениями «собственности» Барнав объяснял войны, революции, развитие политической жизни. Наконец не забудем, что в Якобинском клубе был Максимилиан Робеспьер и многие другие образованнейшие люди того времени.

В Якобинский клуб стекались со всех сторон «жалобы угнетенных» до представления их в Учредительное собрание. Как говорил Камилл Демулен, «кажется будто клуб выполнял общественные обязанности при высоком Собрании». По регламенту клуба, составленному Барнавом в начале 1790 г., якобинцы действительно обязаны были «заранее обсуждать вопросы, которые подлежали решению Национального собрания». Осенью 1790 г. в Якобинском клубе было уже около 1100 членов.

Замечательно, что Якобинский клуб был не только парижской организацией, но имел филиальные отделения в провинции. Этот важный опыт якобинцев даже в следующем столетии, после революции 1830 г., был усвоен не сразу: например, известное «Общество друзей народа», в рядах которого был знаменитый революционер Огюст Бланки, почти не имело связи с провинцией. В июне 1790 г. Якобинский клуб имел около 100 филиальных отделений (в Лилле, Аррасе, Лиможе, Вердене, Бар-ле-Дюке и т. д.), в августе — 152, в начале 1791 г. — 227, а в июне того же года 406 отделений.

Во главе провинциальных якобинских клубов—отделений «Общества друзей Конституции»—обычно стояли либо чиновники и адвокаты, как, например, в Безансоне, либо местные ученые, как в Дижоне, где руководящую роль играл известный химик и адвокат Гитон-Морво; местами руководство переходило к конституционному духовенству,

к офицерству, к национальной гвардии или, как в Лионе, — к масонам, принадлежащим к средней и мелкой буржуазии.

Но именно разнородность состава Якобинского клуба, бывшая источником его силы в начале революции, впоследствии, в условиях общего обострения классовых противоречий, возобновившихся внутренних диверсий реакционной партии и контрреволюционной заговорщической деятельности эмигрантов вне Франции, — должна была неминуемо привести к его разделению. Барнав и Робеспьер должны были неизбежно разойтись в разные стороны, как разошлись бы и их идейные вдохновители Монтескье и Руссо. С огромным трудом, при сильном сопротивлении Робеспьера, Барнав провел в клубе в марте 1791 г. обсуждение и принятие составленного им очередного директивного послания клуба к его отделениям. Послание гласило: «Скажите народу, что представители его без перерыва посвящают все свое время великой задаче и что усилия их облегчаются королем, добродетели которого сообщают конституционной власти, учрежденной для блага народа и для устойчивости управления, ее подлинный характер». Почти каждое слово в этой тираде было обманом. Король только и думал о контрреволюции; «конституционная власть» учреждалась для буржуазии, а не для «блага народа». Барнав предлагал ограничить народное движение «мирными и законными петициями», когда во Франции уже повсюду шумели бурные потоки революционной стихии.

Организующими центрами этой стихии в 1791—1792 гг. стали народные клубы («общества»).

Народные общества

Народные клубы в Париже начали особенно распространяться приблизительно через год после взятия Бастилии, с лета 1790 г. В начале 1791 г. во всех городских районах, т. е. в каждой из 48 «секций» было по одному и более таких клубов. Наименования их, повидимому, в зависимости от состава и руководства, были очень различны: «Друзья закона», «Друзья свободы и равенства» и т. д. Вообще говоря, народные клубы отличались от «Общества друзей Конституции» (т. е. от якобинцев 1790—1791 гг.) именно своим демократическим составом. В народные клубы входили люди, лишенные, по Конституции, избирательных прав, так называемые «пассивные» граждане, а также женщины и подростки.

Развитием парижских народных клубов руководили Марат и Франсуа Робер, офранцузившийся льежский адвокат, член Якобинского клуба и клуба Кордельеров, «честный и прямодушный пламенный революционер», как характеризует его Олар. Салон жены Робера, писательницы Робер-Керальо, редактировавшей вместе с мужем газету «Национальный Меркурий», стал, по предположению Олара, колыбелью республиканской партии. В конце 1790 г. действительно появилось сочинение Франсуа Робера: «Республиканизм, примененный к Франции», — памфлет, который произвел на монархистов-конституционалистов впечатление разорвавшейся бомбы. Учитывая, что Робер был тесно связан с народными клубами, невозможно согласиться с Оларом, утверждавшим, что происхождение республиканской партии было «вовсе не народное».

Третьим выдающимся организатором народных клубов, учредителем «Братского общества обоих полов», был бедный учитель Клод Дансар, который устраивал заседания «пассивных» граждан, не исключая и рабочих, в том же помещении, где заседали якобинцы, только в другие дни. Тусклый свет сальной свечи, купленной вскладчину, не озарял и десятой части длинного зала монастырской библиотеки. Но темнота отнюдь не мешала сотням трудящихся парижан наводнять помещение клуба по воскресеньям и, слушая политические лекции Дансара,

CERCLE SOCIAL.

LETTRE V.

AU CERCLE SOCIAL.

Paris, Février 1790.

JUNIUS me paroît bien informé. Ce ne sont point là de stériles déclamations. C'est une peinture simple et vigoureuse des attentats des Gardes du Roi contre la Nation (1).

En attendant les nouvelles Lettres de Junius, voici quelques informations bien essentielles, qui pourront lui servir à dé-

(1) *Voyez* Lett. 3. 1. livr., où il est prouvé par les procès-verbaux que ce fut contre le vœu de la Garde Nationale que M. d'Estaing fit entrer le Régiment de Flandres, et de quelle manière il a trompé le Roi.

просиживать там до ночи. Вскоре «от обучения эти общества перешли к действию: они наблюдали, обличали чиновников, делая выговоры администрации парижского департамента, печатали адреса. Они делали то же, что и Якобинский клуб, но с более ясно выраженными демократическими целями» (Олар).

Клуб Кордельеров и Социальный клуб

Огромную роль в развитии народных клубов сыграла организация, официально называвшаяся «Обществом друзей прав человека и гражданина», но представлявшая собой в сущности народный клуб. Это был клуб Кордельеров, названный, подобно Якобинскому, по наименованию помещения, в котором происходили заседания: церкви кордельеров. Наиболее выдающимися членами клуба Кордельеров, возникшего, как и большинство народных клубов, в 1790 г., были: адвокат Дантон, журналист Камилл Демулен, поэт Фабр-д'Эглантин, типограф Моморо, Эбер — бывший театральный билетер, ставший после 1789 г. журналистом; мясник Лежандр, Марат, Фурнье, прозванный «американцем» (раньше он жил в американской колонии Франции, на Антильских островах); публицист литератор Бонвиль, принадлежавший, подобно многим другим членам клуба, к числу парижских выборщиков; Дюфурни — автор брошюры о правах «четвертого» сословия, Франсуа Робер, о котором сказано выше, и др. Многие кордельеры состояли одновременно в Якобинском клубе, но от большинства якобинцев их отличала борьба за всеобщее избирательное право. Были среди кордельеров и организаторы самостоятельных клубов. Бонвиль, вместе с аббатом Фоше, организовал 13 октября 1789 г. Социальный клуб (из Cercle Social). В газете «Железные уста» («Bouche de Fer»), Фоше писал в ноябре 1790 г.: «... Всякий человек имеет право на землю и должен обладать клочком земли, необходимым для его существования; он приобретает это право путем труда, его часть должна ограничиваться правом равных ему». По существу, это была идея «аграрного закона», идея «передела» существующей земельной собственности.

Известно, как Ленин оценивал «эгалитарные» лозунги в буржуазно-демократической революции. Поясняя, что крестьянская надежда создать

КЛОД ФОШЕ (1744—1793)
Гравюра Бонвиля

и сохранить «уравнительность» в условиях товарного производства — утопична, Ленин писал, что «не утопично, а революционно в самом полном, в самом строгом, научном смысле слова стремление крестьян... отнять у помещиков земли и разделить их поровну».[1]

Какое значение придавали Маркс и Энгельс деятельности Социального клуба, видно из приведенного уже нами замечания в «Святом семействе».

«Революционное движение, которое началось в 1789 г. в Cercle Social, которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Ру* и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабёфа, — движение это вызвало к жизни *коммунистическую* идею, которая, после революции 1830 г., снова введена была во Францию другом *Бабёфа*, *Буонарроти*».[2]

Народные клубы распространялись и в провинции. В 1791 г. их было множество в самых различных городах, не исключая и мелких городских

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XI, стр. 251—252.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 147.

поселков. В Лионе даже раньше, чем в Париже, установилась связь между местными народными клубами: был избран центральный комитет.

В Париже центральный комитет клубов был избран в помещении клуба Кордельеров, в мае 1791 года. 15 июня 1791 г. парижский центральный комитет клубов обратился к Учредительному собранию с петицией, требующей отмены разделения граждан на «активных» и «пассивных». Петиция была составлена в ярких, сильных выражениях и в угрожающем тоне:

«К 14 июля 1789 г. в Париже насчитывалось 300 тысяч вооруженных граждан; число активных граждан в списке, составленном муниципалитетом, едва достигает 80 тысяч. Сравните и рассудите».

14 июля 1790 г. была торжественно отмечена при участии всей страны первая годовщина взятия Бастилии.

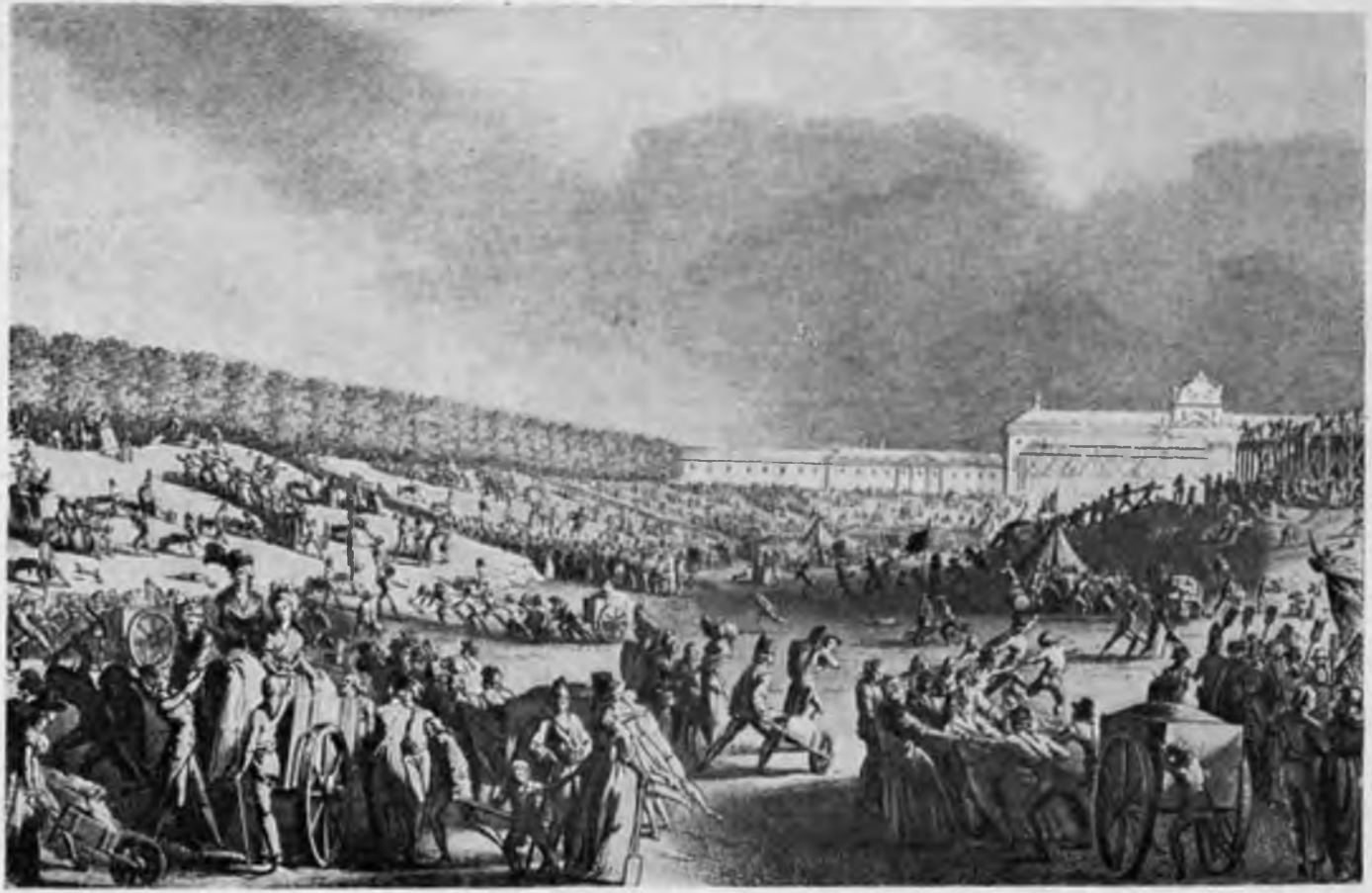
Энтузиазм, вызванный революцией, способствовал сближению граждан, живших в различных частях Франции. Хотя Франция давно уже была единым государством, подчиненным власти одного короля, все же остатки прежней средневековой раздробленности еще давали себя знать. Жители северной и южной Франции говорили на разных диалектах и далеко не все сознавали, что они являются гражданами одной страны независимо от того, живут ли они в Бретани, в Оверни или в Провансе. Революция способствовала усилению национального самосознания.

Праздник «Федерации» 14 июля 1790 г.

Весной 1790 г. возникла мысль о праздновании в Париже, при участии представителей всех департаментов, революционной годовщины взятия Бастилии. Этот праздник решили назвать «днем Федерации». В парижском муниципалитете создан был особый комитет, занимавшийся подготовкой к празднеству; он получил название Комитета Федерации. От имени жителей Парижа было выпущено обращение ко всем французам, с призывом прислать в столицу своих представителей в знак того, что все французы являются братьями.

9 июня Национальное собрание издало декрет, согласно которому из всех департаментов должны были явиться в Париж делегаты, из расчета по одному на 200 национальных гвардейцев. Кроме того, армия посылала в Париж 11 тыс. старых солдат. Главное торжество решено было организовать на Марсовом поле. Нужно было подготовить огромную арену для участников торжества и места для зрителей, а также обеспечить приют приезжающим делегатам. Вскоре выяснилось, что силами одних рабочих, взятых для этой цели, не удастся закончить работу в срок. Тогда парижане решили сами взяться за дело. В течение нескольких дней население активно участвовало в сооружении громадного амфитеатра. Современники рассказывали о том, какой энтузиазм проявляли при этом мужчины и женщины, старики и дети, видные политические деятели и никому не известные граждане. В земляных работах, на ряду с рабочими-добровольцами, приходившими после длительного трудового дня, участвовали депутаты Собрания, разряженные буржуа и члены их семей и даже монахи и монашенки. Между тем, делегаты (или федераты, как их стали называть) съезжались со всех концов Франции. Тщетно контрреволюционеры пытались сорвать подготовку к празднеству, распространяя слух, что готовится избиение, что будут совершены террористические акты и тому подобные небылицы.

Наконец, наступил торжественный день. Несмотря на плохую погоду, весь революционный Париж принял участие в празднике «Федерации». Было организовано торжественное шествие федератов. На Марсовом поле был воздвигнут «алтарь отечества». Около 400 тыс. зрителей с восторженным волнением наблюдали за церемонией присяги. Делегаты произноси-



РАБОТЫ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ В ИЮЛЕ 1790 г.

Гравюра Г. Гос. Эрмитож

ли текст присяги на верность нации, закону и королю — свидетельство того, что монархические иллюзии еще не рассеялись.

Несмотря на то, что в тот момент депутаты департаментов еще плохо ориентировались в политической обстановке и доверяли королю и Лафайету, все же праздник «Федерации» имел большое значение. Он свидетельствовал о том огромном энтузиазме, который вызывала революция во всех частях страны, среди огромного большинства граждан, не принадлежавших к кучке привилегированных.

В день 14 июля на Марсовом поле присутствовало около 300 англичан, украсивших себя лентами с надписью на латинском языке: «Где свобода, там и родина».

Праздник «Федерации» сблизил жителей революционной столицы с жителями самых отдаленных провинций. Он вызвал отклики и за пределами Франции. В Лондоне прогрессивные деятели также организовали празднества, на которых провозглашались тосты в честь великого народа, в честь взятия Бастилии, в честь революции и Франции.

АРМИЯ в 1789—1791 гг.

Организация королевской армии

В классовом обществе политический строй опирается на армию, имеющую организацию, которая соответствует этому строю, т. е. в конечном счете определенному соотношению классовых сил.

Французская революция 1789 г. передала власть в руки нового господствующего класса — буржуазии и создала новую организацию государственной власти, отвечающую интересам этого класса. Правительство буржуазной революции должно было создать и армию, которая поддерживала бы новый социальный и политический строй. Буржуазия, идя на штурм феодально-абсолютистского порядка, с самого начала революции не могла оставить армию в руках представителей этого порядка. Борьба за овладение армией являлась для буржуазии одним из этапов борьбы против королевской власти. Армия вместе со всей страной изживала остатки своей старой феодальной организации. Энгельс в статье «Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.»[1] прекрасно показал, как изменялась армия во время французской революции, как был связан этот процесс с изменением социальных отношений.

С первых же дней революции армия в качестве опоры королевской власти оказалась непригодной.

Королевская армия во Франции перед революцией имела около 172 тыс. человек и состояла из 218 батальонов пехоты, 14 батальонов артиллерии и 206 эскадронов кавалерии и, кроме того, небольшого количества так называемых «иностранных» полков, укомплектованных, главным образом, швейцарцами и немцами. Не только эти иностранные полки, но и вся королевская армия состояла из завербованных солдат-профессионалов, служивших на жалованьи. Набирались они из третьего сословия, по преимуществу из крестьянской и малосостоятельной городской молодежи. Королевские вербовщики с этой целью разъезжали по всей Франции, заключая с завербованными контракты на 7—8 лет.

В последние годы перед революцией, в связи с общим катастрофическим финансовым положением Франции, материальное снабжение армии и выплата жалования солдатам производились крайне неудовлетворительно. Солдаты получали плохой паек; ничтожное жалование (около 8 ливров в год) выплачивалось неаккуратно. Солдат не мог рассчитывать

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 448—453.

на повышение в чинах. Самое большое, чего он мог достигнуть — это чина унтер-офицера. Генеральный штаб в 1789 г. состоял из 11 так называемых «маршалов Франции», 202 генерал-лейтенантов и 644 маршалов (maréchaux de camp). Содержание генерального штаба обходилось государству ежегодно около 10 млн. ливров. Командный состав — от подпоручика до генерала — был совершенно чужд солдатам по своему социальному происхождению. В пехотных и кавалерийских частях офицеры, за единичными исключениями, были дворянского происхождения. Генералитет почти поголовно принадлежал к высшему дворянству, имевшему придворные связи. Даже должности полковых командиров замещались «по праву рождения». Офицерские должности продавались и покупались лицами знатного происхождения. Полки и роты, таким образом, являлись как бы собственностью офицеров-дворян, которые за деньги приобретали право считаться командирами этих частей. Это высшее дворянское офицерство не утруждало себя службой. Молодые 18—20-летние полковые командиры большую часть времени посвящали пребыванию в Версале (при королевском дворе), стараясь поддержать и укрепить придворные связи. Служебную лямку тянуло за них среднее и низшее офицерство, медленно и с трудом продвигавшееся по служебной лестнице.

Почти накануне революции правительство Людовика XVI особым распоряжением закрепило за дворянством все командные должности в армии. В 1781 г. был издан указ, которым предписывалось допускать на офицерские должности только лиц, дворянское происхождение которых являлось несомненным, и «очистить» командный состав от тех немногих представителей третьего сословия, которые занимали офицерские должности.

Надо отметить, что некоторое количество офицеров, вышедших из буржуазных кругов, находилось в специальных войсках — в инженерных и артиллерийских частях. Офицерство этих частей получало специальное военное образование в высшей военной школе в Шалоне, куда попадали иногда и молодые люди, не принадлежавшие к дворянству. Без этих офицеров-специалистов трудно было обойтись, а потому указ 1781 г. в этих специальных войсках не применялся.

Таким образом, во французской армии накануне революции командный состав был дворянского происхождения, а солдатская масса принадлежала к низам третьего сословия. Можно сказать, что армия сохраняла в своей организации больше характерных черт феодального порядка, чем другие элементы государственного строя. Буржуазия была очень оскорблена указом 1781 г., подтвердившим привилегии дворянства.

Волнения в армии

С первых же дней революции Учредительное собрание с тревогой присматривалось к настроению армии. Очень многое зависело от того, за кем пойдет армия — за правительством Людовика XVI или за «представителями нации», как тогда говорили.

Дворянское офицерство открыто проявляло свои монархические симпатии и свою ненависть к революции. Когда военный министр приказал офицерам заменить королевские кокарды национальными, многие из офицеров отказались выполнить это распоряжение. Офицеры пытались вести среди солдат роялистскую пропаганду. Солдат спрашивали, будут ли они верны королю? Но усилия реакционных офицеров не увенчались успехом, солдаты отказывались следовать за ними и отвечали, что они будут верны прежде всего нации, а затем королю. Вскоре стало ясно, что солдатские массы за контрреволюцией не пойдут, что они перешли на сторону революции.

Первым восстал полк Французской гвардии («Gardes Françaises»), который покинул казармы, перестал повиноваться своим офицерам и громко

заявил о своей верности Учредительному собранию. Известно, какую роль сыграл этот полк, перейдя на сторону народа в день взятия Бастилии. Попытка Людовика XVI произвести контрреволюционный переворот, опираясь на армию, окончилась неудачей. Волна аграрного движения, прокатившаяся по Франции летом и осенью 1789 г., не могла не оказать влияния на солдат. Правительство Людовика XVI даже не осмелилось бороться с крестьянским движением при помощи войск.

Из протоколов заседаний Учредительного собрания за 1789—1790 гг. видно, что в Собрание поступало огромное количество солдатских жалоб на притеснения офицеров-дворян. Учредительное собрание опасалось солдатских восстаний и в то же время боялось оттолкнуть от себя солдатскую массу, на которую оно могло опереться в своей борьбе с королем. В течение 1789—1790 гг., а отчасти и в 1791 г., солдаты различных частей восставали против своего командного состава и изгоняли офицеров из полков. Солдатская масса стихийно подымалась против дворян-офицеров, так же, как крестьяне — против дворян-помещиков. Главным мотивом всех солдатских волнений было нежелание повиноваться «благородным». В 1789 г. в Париже, а затем и в других городах, была образована национальная гвардия. По опубликованному позднее положению она должна была состоять из буржуазии, так как национальными гвардейцами могли быть только «активные граждане» и их сыновья. Однако, фактически, с момента образования национальной гвардии, т. е. с осени 1789 г., в нее стали вливаться солдаты разных полков, самовольно уходившие из своих воинских частей. Местные муниципалитеты принуждены были выдавать этим солдатам особые удостоверения о принятии их в национальную гвардию. Военный министр Латур-дю-Пен говорил в Учредительном собрании: «Авторитет трона становится недостаточным. Помогите королевской власти остановить гибельное разрушение военной силы». Весной и летом 1790 г. левая газета «Парижские революции» («Les Révolutions de Paris»), сначала тщательно отмечавшая отдельные случаи солдатских восстаний, начинает передавать известия о них в виде сводки, отмечая лишь города и гарнизоны крепостей, где происходили восстания.

В течение 1789—1791 гг. военные министры непрерывно взывали к помощи Учредительного собрания и жаловались на волнения в войсках. Военное министерство не могло подавить солдатских волнений.

Заслуживают внимания два суждения о состоянии армии, высказанные в 1790 г. и исходившие из противоположных лагерей. Одно из них принадлежит генералу Буйе, маркизу и роялисту, подавившему восстание солдат в Нанси в августе 1790 г. В своих мемуарах он пишет: «Армия королей Франции, находившаяся под командой дворян, не могла оставаться армией той конституции, которая уничтожила дворянство».

Второе суждение принадлежит Прюдому, который писал в редактировавшейся им газете «Парижские революции»: «Исполнительная власть [т. е. Людовик XVI и его министры] должна, наконец, понять, что во Франции существуют две партии — третье сословие и бывшие привилегированные. В армии существует то же деление. Солдаты принадлежат к третьему сословию, офицеры — к дворянству. Солдаты рассматривают своих офицеров как аристократов, а офицеры считают солдат «патриотами» [что на языке того времени означало сторонников нового порядка], различное их происхождение приведет к взрыву, который нужно предвидеть».

Борясь с реакционным офицерством, солдаты начали создавать свои организации. В полках образовались «солдатские комитеты», упоминания о которых мы встречаем в протоколах заседаний Учредительного

собрания в 1790 г. Комитеты различных полков переписывались друг с другом, посылали делегатов в соседние полки и гарнизоны крепостей и собирались на совместные совещания — «конгрессы». Они занимались вопросами экономического и политического характера. В 1790 г. солдатские комитеты жаловались Учредительному собранию на невыплату жалования и захватывали в свое ведение полковые кассы.

Восстание в Нанси

Кульминационным моментом солдатских выступлений было восстание четырех полков гарнизона Нанси (28—31 августа 1790 г.). Поводом к восстанию послужил отказ командира швейцарского полка Шатовьё выплатить задержанное им жалованье солдатам. Шатовьё удалось привлечь на свою сторону другие части гарнизона Нанси. По свидетельству очевидца, после первых же попыток расправы солдат со своими офицерами, в Нанси была двинута гвардейская часть под командой генерала маркиза де-Буйе. Среди гарнизона «некоторыми недоброжелательными лицами» распространился слух о предстоящем наказании солдат «через каждого десятого». В то же время части были взволнованы дошедшими до них сведениями о том, что «враги революции задумали произвести контрреволюционный переворот, что англичане и австрийцы уже в Лотарингии, что Нанси в ближайшие дни будет разгромлен, а гарнизон переколот».

Восставшие создали солдатские комитеты, которые организовали оборону города прежде всего от приближавшегося с карательным отрядом генерала Буйе. Солдатским организациям удалось установить связь и соединиться с небольшим гарнизоном соседнего города Люневиля. Солдатские комитеты провели мобилизацию населения, способного носить оружие, призвали на помощь всех тех, кто служил раньше в артиллерии, поставили у городских ворот пушки и подчинили себе нансийский муниципалитет. Здесь же, у городских ворот, «завязалось сражение». Швейцарцы дали залп из орудий по гвардейцам, но прибывшее подкрепление оттеснило мятежников, бой перешел на улицы города и длился три с половиной часа.

В результате боя генерал Буйе овладел городом и жестоко расправился с уцелевшими частями: каждый седьмой из солдат Шатовьё был повешен, остальные отправлены на каторгу и по разным гарнизонам.

В самом начале восстания нансийский муниципалитет, испуганный его размерами, отправил спешное письмо Учредительному собранию, в котором писал, что безрезультатно пытается противодействовать восстанию, и прибавлял с пафосом, характерным для того времени: «Что бы ни случилось, мы поклялись, по примеру древних римских сенаторов [во время нашествия галлов] умереть для спасения города в наших курульных креслах»... Этим экскурсом в римскую историю члены нансийского муниципалитета пытались лишь скрыть от Учредительного собрания тот факт, что им пришлось подчиниться восставшим солдатам и что они должны были выполнять все, что им предписывалось.

Учредительное собрание, куда со всех сторон поступали сведения и донесения о событиях в Нанси, в результате их обсуждения, сочло нужным вынести благодарность Буйе, усмирявшим частям, директории департамента и муниципалитету.

Такое решение Собрания вызвало негодование широких народных масс Парижа. По свидетельству современника, 2 сентября «толпа в 25 тыс. человек, собравшаяся в Тюильри, производила такой шум, что законодательный корпус мог с трудом заседать. Собравшиеся требовали головы г-на Буйе и ареста министров» — виновников жестокого усмирения восстания в Нанси.

Итак, в 1790—1791 гг. солдаты пытались создать свои организации в противовес дворянскому командному составу, которому они не доверяли, имея для этого полное основание, так как многие из реакционных офицеров-дворян эмигрировали, а оставшиеся тайно поддерживали связь с эмигрантами. В эмиграцию уходили роялистски настроенные офицеры, не примирившиеся с конституционной монархией. Старший из братьев короля, граф Прованский, находившийся с 1791 г. в эмиграции и величавший себя «регентом королевства», передавал через своих агентов «надежным» офицерам-роялистам приказ в кратчайший срок переправиться через границу и явиться на сборный пункт. Колебавшимся угрожали лишением дворянских привилегий, на восстановление которых твердо рассчитывали контрреволюционеры.

С августа по декабрь 1791 г. эмигрировало около 2 тысяч офицеров. Вследствие этого положение с командным составом настолько обострилось, что в Якобинском клубе стали раздаваться голоса, предлагавшие распустить весь наличный офицерский состав, на лояльность которого нельзя было рассчитывать в случае войны. В июне 1791 г. депутаты Редерер и Робеспьер указывали, что солдаты справедливо не доверяют старому командному составу. «В стране дворянство уничтожено, — говорил Робеспьер в Якобинском клубе, — но оно продолжает оставаться в армии». «Недопустимо предоставлять ему защиту Франции».

Робеспьер выступил по этому вопросу и в Учредительном собрании: «Вы заместили все публичные должности согласно принципам свободы и равенства, — говорил он, — и в то же время вы сохраняете вооруженных должностных лиц, созданных деспотизмом». Признавая тот факт, что часть офицеров примкнула к революции, Робеспьер вместе с тем указывал, что офицерство в массе своей крайне враждебно революции, и требовал немедленного роспуска офицерского состава с тем, чтобы набрать новый, более соответствующий духу революции.

Учредительному собранию было известно, что за границей принц Конде формирует эмигрантские отряды. Левые депутаты обращали внимание Собрания на то, что Конде рассчитывает на сильную поддержку внутри Франции со стороны контрреволюционного офицерства. Но разрешение вопроса о командном составе армии стояло в связи с отношением Учредительного собрания к эмиграции вообще, а оно было очень нерешительно в этом вопросе. Большинство его членов опасалось, что меры, направленные против эмигрантов, могут быть истолкованы как выступление против короля, тесно связанного с дворянами-эмигрантами.

В течение 1789—1790 гг. изгнание солдатами офицеров принимало в некоторые месяцы почти массовый характер. Во многих полках солдаты избирали на командные должности младших офицеров из мелкого дворянства или из унтер-офицеров. Так, молодой офицер Даву — будущий маршал Наполеона — в 1790 г. был выбран командиром небольшой крепости Генден.

До 1791 г. Учредительное собрание так и не решилось предпринять решительные меры для демократизации командного состава. Только 28 сентября 1791 г., после длительного обсуждения, был издан декрет о замещении офицерских должностей. По этому декрету, младшие офицерские должности — подпоручиков — должны были замещаться либо унтер-офицерами данной воинской части по старшинству, либо сыновьями «активных» граждан. Эти молодые люди допускались, однако, на офицерские должности лишь после экзамена по установленной программе. Таким образом, только в 1791 г., после того как армия в течение двух лет переживала тяжелый период разрухи и волнений, Собрание решило узаконить доступ к офицерским должностям выходцам из буржуазии,

а частью и из солдатской среды, поскольку унтер-офицеры выходили из солдат.

С сентября 1791 г. демократизация офицерского состава пошла ускоренным темпом. Незамещенных командных должностей в результате бегства офицеров за границу и изгнания их из полков во время солдатских волнений было очень много. Быстро шло продвижение новых людей на командные должности. К концу 1791 г. солдатские восстания начинают затихать. Мы можем поставить это явление в связь с тем, что в состав офицеров проникли новые люди. Однако на высших командных должностях все еще оставался прежний дореволюционный генералитет, прежнее кадровое офицерство, в среду которого лишь влились новые элементы.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

Эмиграция первого периода

Гроза 14 июля 1789 г., разразившаяся над феодально-абсолютистской Францией, заставила многих представителей ее привилегированных верхов бежать за границу. Первыми бежали от народного гнева особенно ненавистные массам принцы королевской семьи и члены придворной камарильи. В ночь с 16 на 17 июля младший брат короля, граф д'Артуа, тайно оставил столицу в сопровождении четырех приближенных — князя д'Энена, графа Водрейля, маркиза де-Блиньяк и барона де-Кастельно. Примеру графа д'Артуа последовал принц Конде со своим сыном — герцогом Бурбонским и внуком — герцогом Энгиенским. В ту же ночь бежали из Парижа герцог и герцогиня Полиньяк, принадлежавшие к числу ближайших друзей королевы. В опубликованном затем «списке лиц, заподозренных в измене нации и бежавших в ночь с 16 на 17 июля», фигурировали и многие другие представители высшей аристократии, например маршал Бройи, герцоги д'Аркур, де-Дюра, де-Лозён, де-Мортемар.

«Мы вернемся через три месяца», — уверенно заявляли эмигранты, покидая французскую территорию. Ослепленные своей ненавистью к «черни», они не представляли себе всей глубины начавшегося переворота и недооценивали силы народных масс, восставших против своих угнетателей.

Эмигранты направлялись в Англию, в Пруссию, в соседние с Францией государства — Швейцарию, немецкие княжества и имперские города левого или правого берега Рейна, в бельгийские владения Австрии, в Испанию, в итальянские государства.

Первоначально центром эмиграции был город Турин — столица сардинского короля Виктора-Амедея III, тестя графа д'Артуа. Здесь был создан специальный комитет для разработки планов борьбы с революцией и подготовки военной интервенции. Во главе этого комитета стояли граф д'Артуа и принц Конде, поддерживавшие непрерывную связь с Людовиком XVI и его двором. Связь эта не прекратилась и после событий 5—6 октября, заставивших короля перебраться из Версаля в Париж, где он оказался под контролем революционного народа. Эти же события вызвали новую волну эмиграции, которой были увлечены и некоторые депутаты правого крыла Национального собрания.

О политических настроениях, господствовавших среди эмигрантов, можно судить по тем контрреволюционным призывам, которые раздавались со страниц эмигрантской публицистики. «Естественное право, естественный закон, права человека — все это пустые и отвлеченные слова», — заявлял анонимный автор эмигрантской брошюры «Политический набат», появившейся в 1790 г. «Пока не поздно, следует приме-

нить силу... щадить — это не значит быть добрым и милостивым, но слабым и бесчеловечным». Та же брошюра выдвигала идею «священного» союза всех монархов для борьбы с революцией: «Короли и князья должны соединиться и образовать лигу для наступления против того духа философии и стремления к новшествам, который известен в Европе под названием французского зла» (mal français).

Агенты эмигрантов, уполномоченные графа д'Артуа — граф д'Эстергази в Петербурге, герцог Полиньяк в Вене, барон де-Ролль в Берлине, герцог д'Аврэ в Мадриде, барон д'Эскар в Стокгольме и ряд других — вели активную агитацию в пользу военной интервенции против революционной Франции. Но международная обстановка 1789—1790 гг. не благоприятствовала интервенционистским планам: Россия была связана войной со Швецией и Турцией; польский вопрос создавал серьезные противоречия между Австрией, Пруссией и Россией; Англия рассчитывала на то, что революция ослабит Францию; испанский король Карл IV испытывал острую нужду в деньгах, делавшую для него невозможной организацию военной помощи французским эмигрантам. То же следует сказать о сардинском и шведском королях.

После того как в феврале 1790 г. Национальное собрание приняло декреты об отмене дворянских титулов и привилегий, началась новая волна эмиграции, захватившая значительную часть среднего провинциального дворянства и многочисленные группы аристократического офицерства. В июле 1790 г. принц Конде опубликовал манифест, в котором открыто заявлял, что подготовляет поход против революционной Франции с целью восстановления в ней старого режима, господствовавшего до революции. «Французский народ обманут мятежниками, — писал Конде, — но он откроет глаза... Он восстановит собственными руками трон своих королей, или же я похороню себя под развалинами монархии... Я защищаю дело всех государей, всех дворян».

В Пьемонте, близ французской границы, скопилось в это время так много эмигрантов, что в Турине возник план произвести с их помощью контрреволюционный переворот в Лионе. Заговорщики предполагали, захватив в свои руки Лион, выступить затем против Парижа, разогнать Национальное собрание и восстановить абсолютизм. Эмигранты рассчитывали на поддержку лионского гарнизона, находившегося под начальством графа де-ла-Шапель. Но их расчеты не оправдались. Когда в конце 1790 г. из Турина прибыл эмиссар эмигрантов граф д'Эгриньи с приказом о восстании, ему удалось привлечь на свою сторону лишь небольшую группу лионских офицеров, и попытка восстания провалилась.

Несмотря на активную контрреволюционную деятельность эмигрантов, Национальное собрание долго не принимало никаких мер против них. Эмигранты продолжали получать жалованье, пенсии и доходы со своих поместий. В конце 1790 г. был, правда, издан декрет, грозивший эмигрировавшим чиновникам и офицерам снятием с должности в случае, если они не возвратятся во Францию в месячный срок, — но этот декрет остался мертвой буквой.

В июне 1791 г. граф д'Артуа перенес свою штаб-квартиру из Турина в Кобленц. Этот небольшой город западной Германии — резиденция трирского архиепископа, родственника династии Бурбонов, — стал теперь центром французской эмиграции. У поселившихся здесь принцев появились пышный «двор», созданный по образцу версальского, «гвардия» и «министры». Во главе этого импровизированного «правительства» стоял бывший министр Людовика XVI, барон де-Калонн, ярый реакционер, невежественный и самоуверенный интриган, имевший совершенно

АРИСТОКРАТКА
Лубок

незаслуженную репутацию государственного человека и дипломата. Неограниченное влияние, которым он пользовался при кобленцском «дворе», объясняется, главным образом, богатством его жены и связями с голландскими и английскими банкирами, субсидировавшими этот «двор». Руководство военными делами было поручено маршалам Бройи и де-Кастри.

Как и в Версале, придворные круги Кобленца разбились на две партии, проводившие время в пустых салонных интригах: крайние реакционеры группировались вокруг графа д'Артуа, более умеренные — вокруг графа Прованского, который бежал из Франции в июне 1791 г. Как и в Версале, большую роль при кобленцском дворе играли фаворитки принцев: графиня де-Бальби (фаворитка графа Прованского), графиня де-Поластрон (фаворитка принца Конде).

«Никаких компромиссов» — таков был девиз большинства эмигрантов, так озаглавлена была записка, составленная одним из них, графом д'Антрегом. «Без всякого внимания к эволюции взглядов, к веку, к влиянию капиталов... к тем изменениям, которые произошли в социальной иерархии, — они предприняли попытку вернуть Францию к XII веку или, что того хуже, восстановить прочный дворец своих предков из пыли старого режима», — так писал Малле-дю-Пан, один из виднейших представителей умеренного конституционалистского крыла эмиграции.

«Что вы намерены сделать с тем блестящим дворянством, которое окружает вас?» — спрашивал графа д'Артуа его ближайший советник граф Водрёйль в письме от 29 июня 1791 г. «Я думаю, что надо восстановить те дворянские полки, которые могут служить к чести и защите монархии... Другая важная статья — это восстановление собственности духовенства. Стоит только допустить нарушение одного вида собственности, и ни одна не останется незыблемой, не исключая и той, которая принадлежит государству».

Один из вождей умеренного конституционалистского крыла эмиграции, Мунье, составил в 1790 г. записку о «Способе положить конец революции и восстановить законный авторитет престола», записку, в которой он высказывался против восстановления абсолютизма и сословного режима. Этот шаг Мунье вооружил против него заправил кобленцского двора. Калонн написал ему от имени принцев письмо, в котором заявлял об их намерении «восстановить различия сословий, должное уважение к духовенству и наследственному дворянству, столь же древнему, как и сама монархия».

Брошюры и памфлеты, в изобилии выпускавшиеся эмигрантами, свидетельствуют о невероятном убожестве политической мысли их авторов, об их полной неспособности понять ход исторических событий. Осо-

КАРИКАТУРА НА КОНТРРЕВОЛЮЦИЮ
Лубок

бенно это относится к рассуждениям эмигрантских публицистов о причинах революции. По их мнению, во всем виноваты честолюбивый Неккер и интриган Лафайет. Указывали также на неспособность и непредусмотрительность министров, американскую войну, созыв нотаблей, расстройство финансов. Характерны и попытки многих эмигрантов объяснить революцию деятельностью тайных обществ. Некий аббат Ле-Фран выпустил в 1791 г. анонимную брошюру, в которой утверждал, что «тайну революции» следует искать в разрушительных действиях масонов, в их проповеди «всемирной республики».

Все свои надежды эмигранты возлагали на военную помощь иностранных государств, на интервенцию. Чтобы добиться этой помощи, вожди эмиграции готовы были поступиться национальными интересами Франции, даже уступить соседним государствам часть ее территории. «Если бы, — писал в 1791 г. принц Конде, — понадобились некоторые жертвы для того, чтобы побудить их [т. е. эти государства] к действиям, то положение Франции не позволяет усомниться в необходимости подать им в этом отношении надежду». Заметим, что это писалось в начале 1791 г., когда Людовик XVI еще прочно сидел на троне. О каких жертвах идет речь, видно из дальнейших слов Конде: «Многие полагают, что колонии скорее вредны, чем полезны для Франции, так как они служат постоянным источником войн с Англией. Разве для Франции было бы уже так обременительно купить свое спасение ценой некоторых из этих отдаленных владений?» Испании можно было бы пообещать Сан-Доминго или какую-нибудь другую колонию, Сардинии — провинцию Бресс, бывшую некогда частью Савойи.

Лучше монархическая Франция, лишенная колоний, урезанная в своей территории, обремененная денежными платежами, низведенная до уровня второстепенной державы, чем могущественная, но революционная Франция — таков был девиз эмигрантов, так выглядел их «патриотизм».

Политика императора Леопольда II, долго избегавшего решительных действий против Франции, приводила эмигрантов в отчаяние. «Признаюсь вам, что я испытываю сильное нетерпение при виде того, как

медленно приближается война; я боюсь, что зима пройдет в бесплодных переговорах, которые дадут нашим тиранам время упрочиться и погубить нас вместе со всей Францией», — писала маркиза де-Бомбель, жена видного деятеля эмиграции и дипломатического агента Людовика XVI, другому видному эмигранту — маркизу де-Рэжкуру.

Бегство короля в Варенн

Вопреки тому, что говорили и писали эмигранты, окружавшие графа д'Артуа и принца Конде, Людовик XVI не примирился с потерей своей абсолютистской власти, с превращением Франции в конституционную монархию. Королевский двор в Париже продолжал оставаться деятельным очагом контрреволюционных интриг. Король и королева поддерживали тесные связи с иностранными дворами и строили планы вооруженной борьбы с революцией. Мария-Антуанетта умоляла своего брата — императора — двинуть войска к французской границе для устрашения революционеров. О том же королева писала и графу Мерси-Аржанто, австрийскому послу в Париже, вынужденному в 1790 г. выехать за пределы Франции вследствие ненависти к нему народа. В таком же духе действовал и главный уполномоченный Людовика XVI при иностранных дворах барон де-Бретейль.

В октябре 1790 г. при дворе возник новый план бегства короля и королевской семьи, на этот раз в Монмеди — крепость, расположенную близ австрийской границы, где стояли войска, находившиеся под командой маркиза де-Буйе, одного из наиболее контрреволюционно настроенных генералов французской армии. Император Леопольд должен был произвести у французских границ военную демонстрацию, которая позволила бы Буйе, под предлогом защиты границы, стянуть свои войска в Монмеди. Отсюда войска должны были во главе с Людовиком XVI двинуться на Париж и разогнать Национальное собрание, после чего все декреты, изданные против духовенства и дворянства, должны были быть аннулированы.

Восемь месяцев ушли на подготовку к осуществлению этого плана, на выбор маршрута для короля, на отбор военных отрядов, которые надо было разместить по пути его следования из Парижа в Монмеди. Активное участие в этих секретных приготовлениях, кроме маркиза де-Буйе и его двух сыновей, принимало несколько человек из ближайшего к королевской семье круга придворных. Одну из главных ролей играл в этом деле шведский аристократ граф Ферзен, приближенный короля Густава III, состоявший на французской военной службе. Ярый монархист, восторженный поклонник королевы, он был своим человеком в Тюильрийском дворце.

Министр иностранных дел граф Монморен не был посвящен в эту тайну. Король тщательно маскировал свои замыслы лицемерными уверениями в своей преданности Конституции. В циркуляре, адресованном 23 апреля 1791 г. дипломатическим представителям Франции за границей, говорилось: «Враги Конституции не перестают повторять, что король несчастен, как будто для короля может существовать другое счастье, кроме счастья его народа. Они говорят, что его власть унижена, как будто бы власть, основанная на силе, более могущественна и прочна, чем власть закона. Наконец, они говорят, что король не свободен... Это нелепая клевета, если принимают за лишение свободы согласие, многократно выраженное королем, оставаться среди граждан Парижа».

Этот циркуляр был в тот же день сообщен Национальному собранию, встретившему его аплодисментами и возгласами: «Да здравствует король». К Людовику XVI была послана депутация, чтобы поздравить его. Король отвечал: «Я бесконечно тронут справедливым отношением ко мне

КАРИКАТУРА НА БЕГСТВО ЛЮДОВИКА XVI В ВАРЕНН 21 ИЮНЯ 1791 г.
Лубок

Национального собрания. Если бы оно могло читать в глубине моего сердца, оно нашло бы в нем лишь чувства, способные оправдать доверие нации. Всякое недоверие между нами исчезло бы, и мы были бы счастливы».

В это самое время при дворе заканчивались приготовления к бегству. Несмотря на глубокую тайну, которой были облечены эти приготовления, слухи о предстоящем отъезде королевской семьи становились все более настойчивыми и особенно усилились в феврале 1791 г., после отъезда в Рим теток короля, принцесс Аделаиды и Виктории. Толпа народа направилась к Люксембургскому дворцу и заставила графа Прованского перебраться оттуда в Тюильрийский дворец и заявить, что он никогда не оставит своего брата — короля.

18 апреля народные массы силою помешали королю и его семье выехать в пригородный дворец Сен-Клу. Подозревали, что король собирается бежать на северо-восточную границу, в крепость Валансьенн. Через два дня после этих событий Мария-Антуанетта писала графу Мерси: «Наше положение ужасно. Мы должны бежать во что бы то ни стало в течение будущего месяца». Первоначально отъезд был приурочен к началу мая, но затем был отложен на несколько недель. Между прочим, отсрочка эта была вызвана желанием дождаться отпуска одной из горничных, которой побаивались, как демократки.

Бегство произошло в ночь с 20 на 21 июня. Король и его семья выехали из Парижа в специально для этого заказанной большой карете. Впереди, в другой карете, ехали две горничные королевы. Беглецы ехали под видом иностранцев, снабженные паспортом, выданным на имя баронессы Корф, вдовы полковника русской службы, поселившейся в Париже после смерти мужа. Паспорт этот был получен из министерства иностранных дел через русского посла И. М. Симолина. Баронесса

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ ИЗ ВАРЕННА 25 ИЮНЯ 1791 г.
Гравюра Берто, рисунок Приёра

Корф была привлечена к организации побега королевской семьи графом Ферзеном, с которым находилась в дружеских отношениях. Получив для себя паспорт на выезд в Германию, она выхлопотала затем дубликат — под предлогом, что подлинник сгорел. Этот дубликат был передан королевской семье. Баронессу Корф изображала герцогиня де-Турзель, воспитательница обоих королевских детей. Король ехал под видом лакея баронессы Корф, королева — под видом ее горничной. Вместе с Людовиком XVI и его семьей бежала и его сестра, принцесса Елизавета. Три лейб-гвардейца старого дворянского рода сопровождали королевскую семью под видом слуг баронессы Корф. Баронесса — дочь богатого петербургского банкира Штегельмана — предоставила Людовику XVI не только свой паспорт, но и большую сумму денег. Часть этих денег была выдана маркизу де-Буйе для распределения среди командиров отрядов, расположенных по пути следования короля и его семьи.

В ту же ночь бежал из Парижа граф Прованский; он выехал из Парижа другой дорогой и беспрепятственно достиг границы.

Людовик XVI и его спутники были в ночь с 21 на 22 июня узнаны и задержаны в местечке Варенн, в нескольких часах езды от Монмеди. Все меры предосторожности, принятые генералом де-Буйе, оказались тщетными. Отряды солдат, расположенные по пути следования короля, отказались повиноваться командирам-аристократам (герцогу Шуазелю, графу де-Дама, Гогела, Буйе-сыну и Рэжкуру) и побратались с народом. Начальник почты Друэ, стойкий революционер, первым узнавший короля в момент остановки королевской кареты в местечке Сент-Менеульде 21 июня, успел дать знать в Варенн, где беглецов и задержали. Весть о побеге короля и его задержании подняла на ноги все население Варенна. Жители вооружились, путь короля забаррикадировали бочками. Тысячи вооруженных крестьян из соседних

сел прибыли в Варенн на помощь национальной гвардии. Король и его семья 25 июня были доставлены обратно в Париж под наблюдением трех комиссаров Национального собрания — Петиона, Барнава и Латур-Мобура, высланных к ним навстречу, и в сопровождении десятков тысяч вооруженных граждан, выделенных близлежащими коммунами.

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Агитация клуба Кордельеров

Весть о бегстве короля и его семьи, облетевшая Париж утром 21 июня, вызвала в городе огромное возбуждение. Население было поставлено об этом в известность набатным звоном и тремя пушечными выстрелами, произведенными по распоряжению городских властей. Толпа народа устремилась к Тюильрийскому дворцу и ворвалась в опустевшие королевские покои. Слышались шутки: «Как эта толстая фигура могла проскользнуть из дворца и не была замечена служащими?» Речь шла о короле. Какая-то торговка фруктами завладела кроватью Марии-Антуанетты, чтобы продавать на ней вишни. «Сегодня очередь нации расположиться поудобнее», — заявляла она.

Бюсты Людовика XVI были или разбиты или прикрыты. Надписи: «король», «королева», «королевский» — были всюду стерты. Министр иностранных дел граф Монморен едва не был растерзан толпой. Угрозы по адресу русского посольства заставили Симолина просить у Лафайета военной охраны, которая и была ему послана.

Многие секции объявили свои заседания непрерывными. Секция Французского театра объявила, что она не признает более деления граждан на «активных» и «пассивных» и принимает в свою среду каждого гражданина, достигшего 25-летнего возраста. Для поддержания более тесной связи с Коммуной, секции выделили особых комиссаров, которые приняли участие в заседаниях ее Совета.

Массы вооружались. В народных кварталах создавались новые батальоны национальной гвардии, составленные преимущественно из рабочих.

Республиканское движение, ранее мало заметное, теперь впервые получило более широкий размах. На улицах раздавались проклятия по адресу Людовика XVI. На Вандомской площади группа рабочих громко требовала суда над королем и провозглашения республики.

Центром республиканского движения был клуб Кордельеров. 21 июня он расклеил по улицам Парижа афишу, в которой проклинал Людовика XVI, как клятвопреступника и тирана, и прославлял убийцу Цезаря, Брута. В тот же день «Общество друзей прав человека и гражданина» приняло петицию на имя Учредительного собрания, в которой требовало свержения монархии. «Мы были рабами в 1789 г., — заявляли члены клуба, — мы вообразили себя свободными в 1790 г., мы стали ими в конце июня 1791 г... Теперь мы опять в том же положении, в каком были после взятия Бастилии: свободны и без короля. Остается узнать, выгодно ли нам назначить другого короля. Общество друзей прав человека... не может скрыть от себя, что королевская власть, особенно наследственная, несовместима со свободой... Оно, может быть, не стало бы требовать теперь же упразднения королевской власти, если бы король, верный своей присяге, сделал из этой власти обязанность для себя... Мы заклинаем вас от имени отечества или провозгласить немедленно же, что Франция уже больше не монархия, что она республика, или, по крайней мере, подождать, чтобы все департаменты, все первичные собрания высказались по этому важному вопросу, прежде чем во второй раз ввергнуть прекраснейшее государство в мире в оковы и цепи монархизма».

Эта петиция была составлена Робером. Она была напечатана, расклеена и разослана всем народным обществам как Парижа, так и провинции. На следующий день тот же клуб принял декларацию о том, что его члены готовы поразить на смерть «тиранов» (иностранных государей), которые посмеют напасть на границы Франции и покуситься на ее свободу.

Значительная часть крупной буржуазии, считавшая необходимым сохранить монархию, встретила враждебно петицию кордельеров. Национальные гвардейцы арестовывали лиц, которые расклеивали эту афишу. Арестован был и сам Робер. Его привели в полицейский комиссариат, где он был избит офицерами национальной гвардии, кричавшими на него: «Ты — поджигатель, негодяй, и ты поплатишься за это». Однако, по требованию народных обществ, Робер был в тот же день выпущен на свободу.

Но большинство клубов отказалось поддерживать требование, выдвинутое кордельерами. В Якобинском клубе, именовавшемся тогда еще «Обществом друзей Конституции», Робер был встречен криками: «Монархия установлена Конституцией! Это — преступно!» Преобладавшие в клубе представители умеренно либеральной монархической буржуазии постановили разослать примыкающим обществам письмо, составленное Барнавом и фактически обелявшее короля. Письмо это гласило: «Король, введенный в заблуждение преступными внушениями, отдалился от Национального собрания. Сохраним спокойствие... Национальное собрание — вот наш руководитель; Конституция — вот наш лозунг». Даже левое, демократическое крыло Якобинского клуба не выдвинуло требования республики. Робеспьер и Дантон напали на министров, на Лафайета, обвиняя их в том, что они способствовали бегству короля. Когда Робеспьер заявил о своей готовности умереть за свободу, раздались голоса: «Мы все умрем с тобою». Под влиянием этой сцены две демократические секции (Центрального рынка и Свободы) выбрали комиссаров, которые должны были охранять Робеспьера от возможных покушений на него со стороны реакционеров.

В прессе республиканские настроения проявились довольно сильно. «Людовик XVI сам разбил свою корону... Не следует только наполовину воспользоваться этим уроком», — заявляла 22 июня газета «Французский патриот» («Patriote Français»), редактором которой был Бриссо. 23 июня та же газета писала: «После такого клятвопреступления король и Конституция несовместимы друг с другом». Газета «Железные уста», орган Социального клуба, выходившая под редакцией Бонвиля, писала: «Пусть все 83 департамента объединятся в федерацию и заявят, что не хотят ни тиранов, ни монархов, ни протекторов, ни регентов». Газета опубликовала петицию, принятую 21 июня клубом Кордельеров. «Если мы сохраним хотя бы тень короля, мы будем иметь одни только бесплодные революции»,— заявлял Бонвиль на страницах своей газеты несколько дней спустя. «Это не простой и честный уход в отставку; это — преступление, это оскорбление нации, это бунт против народа», — с возмущением писала газета «Парижские революции», требуя суда над бывшим королем. «Мы сумеем, — писала газета «Друг революции» («L'Ami de la Révolution»), — последовать примеру Соединенных Штатов Америки. По их примеру мы образовали Национальное собрание. По их примеру мы создадим такую исполнительную власть, которая не могла бы быть опасной для нас». «Республика или смерть!» — восклицал Фрерон в своей газете «Народный оратор».

Марат, еще весной 1791 г. разоблачавший в своей газете «Друг народа» контрреволюционные замыслы двора, обвинял правящие круги в том, что они способствовали бегству короля, и призывал народ восстать, арестовать министров и других представителей власти, разослать в провинцию

комиссаров, разоружить контрреволюционные войска и вооружить патриотов.

В этом смелом призыве к массовому выступлению сказалась революционная последовательность Марата, отличавшая его от большинства других демократических публицистов этого периода, рассчитывавших добиться своей цели одними легальными действиями.

Политический кризис, создавшийся в связи с бегством короля, привел не только к подъему республиканского движения, но и к усилению активности орлеанистов. 21 июня герцог Орлеанский совершил демонстративную прогулку по Парижу в открытой коляске. Он явно старался вызвать манифестацию в свою пользу. Но немногочисленные приветственные возгласы были заглушены тысячью других, явно враждебных. 23 июня герцог был торжественно принят в члены Якобинского клуба. В том же заседании один из его тайных сторонников, писатель Шодерло-де-Лакло, потребовал, чтобы на очередь был поставлен вопрос о низложении короля. 25 июня в одной из газет появился призыв к парижскому населению подать петицию с требованием учреждения регентства. Призыв этот не имел успеха, и герцог Орлеанский поспешил публично заявить, что он отрекается от своих прав на регентство. Но агитация орлеанистов все же не прекратилась.

Какую же позицию заняло в связи с бегством короля Учредительное собрание? 21 июня, при первом известии об этом событии, было отдано распоряжение задерживать всякого, кто захотел бы выехать из Франции. Собрание объявило свои заседания непрерывными, постановило взять в свои руки высшую исполнительную власть, предложило министрам приводить в исполнение принятые декреты без королевской подписи, разослало на места своих комиссаров с соответствующими инструкциями, призвало к оружию национальную гвардию, заявило о своем намерении сохранить монархию. Несмотря на то, что Людовик XVI, уезжая, оставил вызывающее письмо, в котором отвергал Конституцию, Собрание выпустило воззвание, в котором говорилось не о бегстве, а о «похищении» короля. Протестующий возглас депутата Редерера: «Это — ложь. Он подло покинул свой пост»,— остался гласом вопиющего в пустыне.

25 июня Людовик XVI был возвращен в Париж, где был встречен ледяным молчанием народных масс. В тот же день Учредительное собрание постановило приставить к нему стражу. Король был фактически отстранен от власти и превращен в узника. 290 депутатов правой, почти сплошь представители дворянства и духовенства, опубликовали протест против принятого Собранием решения, заявляя, что оно «упраздняет даже видимость королевской власти и фактически устанавливает республиканский строй. Удовлетворившись личными объяснениями короля и королевы, утверждавших, что они не имели в виду бежать за границу, Собрание постановило арестовать лиц, сопровождавших короля во время его бегства. Особой комиссии было поручено представить Собранию доклад «о событиях, касающихся похищения короля и королевской семьи». Характерно это упорное стремление руководящей группы Собрания снять с короля ответственность за его контрреволюционные действия и переложить ее на его советников.

Между тем, республиканское движение не прекращалось. Демократические клубы с восторгом встречали Друэ, задержавшего короля в Варенне. 24 июня клуб Кордельеров принял новую петицию в республиканском духе, которая была в тот же день представлена Учредительному собранию от имени 30-тысячной демонстрации, организованной народными обществами. Демонстранты выделили 12 делегатов, которые и вручили петицию председателю Собрания. Часть демонстрантов, состоявшая из жителей

рабочего Сент-Антуанского предместья, подошла к самому зданию, где заседало Учредительное собрание, и продефилировала мимо него при криках: «Да здравствуют законы! Да здравствует свобода! К чорту короля! Да здравствуют верные депутаты! Пусть прочие поберегутся!» «Законодатели, — гласила петиция, — мы приносим вам пожелания 30 тысяч граждан... Вы дали нам короля, он бежал, он бежал, как враг, и должен быть предан суду. Если бы он перешел границу, он присоединился бы к прочим изменникам, и пролилась бы кровь. Он арестован, его возвращают назад, и его друзья рычат от злости... Подождите, пока все 83 департамента обдумают последствия этого дела».

Учредительное собрание оставило эту петицию без внимания. Та же судьба постигла петицию кордельеров от 9 июля, в которой они вторично просили Собрание не принимать окончательного решения по вопросу о судьбе короля, не посчитавшись с общественным мнением всей страны. Автором этой петиции был пламенный демократ Шомет, будущий прокурор Парижской коммуны 1793—1794 гг.

Несмотря на эти неудачи, республиканцы продолжали вести деятельную пропаганду в клубах и в печати. Появился ряд памфлетов против королевской власти. Некоторые из этих памфлетов отличались крайней резкостью тона. Некий Адриан в брошюре «Что такое король?» заявляет, что «Людовик XVI это боров, откормленный в грязной луже». Характерно заглавие одной из таких брошюр: «Людовик XVI, сам себя лишивший трона». Один из наиболее остроумных памфлетов был озаглавлен следующим образом: «Торжественное посещение девицею Республикой матушки Франции с целью убедить последнюю выгнать из своего дома госпожу королевскую власть и очень интересный разговор между ними». Была основана новая газета под названием «Республиканец, или Защитник представительного образа правления, издание Общества республиканцев». Главными сотрудниками этой газеты были философ Кондорсе и английский демократ Томас Пэн, участник американской войны за независимость, находившийся в это время в Париже. Первый номер газеты появился в июле; всего вышло четыре номера.

8 июля Кондорсе выступил в Социальном клубе с горячей речью в защиту республиканского строя. Он опроверг все возражения, выдвигавшиеся против провозглашения республики во Франции. «Говорят, что республика может привести к тирании, наподобие кромвелевской. Но как возможна тирания при наличии разделения властей и при существовании свободы печати? Говорят, что король будет мешать узурпаторским попыткам законодательных учреждений. Но разве возможна узурпация со стороны органа власти, функции которого строго определены и ограничены? Ссылаются на то, что король необходим, чтобы придать силу исполнительной власти. Но в настоящее время требуется очень небольшая сила, чтобы заставить частных лиц повиноваться. Говорят, что республика может выродиться в военную диктатуру. Но какие же завоеванные провинции сможет разграбить французский полководец, чтобы купить голоса наших избирателей? Или, может быть, честолюбец предложит нам, как афинянам, обложить налогами союзников, чтобы воздвигнуть храмы и устраивать празднества? Может быть, он предложит нашим солдатам, как некогда римским гражданам, ограбить Испанию или Сирию? Нет, конечно. Мы останемся свободным народом именно потому, что не можем быть народом-угнетателем».

Речь Кондорсе вызвала большой энтузиазм в демократических кругах. Роялисты встретили ее крайне враждебно: Кондорсе и его жена, такая же убежденная республиканка, как и он, подверглись оскорбительным нападкам в реакционной печати, в карикатурах. Но эти нападки не испугали

КАРИКАТУРА НА ЛЮДОВИКА XVI
Лубок

Кондорсе. 16 июля он напечатал в газете «Республиканец» ироническое письмо «молодого механика», который брался изготовить конституционной комиссии Учредительного собрания в 15 дней и за недорогую цену «образцового» короля, который участвовал бы во всех торжествах, подписывал бы бумаги и давал бы санкцию решениям Собрания.

Манифестации в провинции

Республиканские манифестации имели место не только в Париже, но и в провинции. 27 июня в г. Монпелье местное «Общество друзей Конституции и равенства», — его представителем был будущий член Конвента Камбон, — обратилось к Учредительному собранию с петицией, требовавшей низложения Людовика XVI и провозглашения республики. «Чтобы быть римлянами, — писали якобинцы Монпелье, — нам недостает только ненависти к королям и изгнания их. Первое у нас есть; второго мы ждем от вас. При настоящей организации правительства исполнительная власть может функционировать без королей. Между тем, это лишнее украшение Конституции обходится так дорого, что его необходимо уничтожить, особенно накануне войны с чужеземцами... Мы полагаем, что при представительном образе правления тридцать пять миллионов слишком опасны в руках одного человека, если этот человек захочет прибегнуть к подкупу... Воспользуйтесь этим случаем: лучшего вам никогда не представится. Сделайте Францию республикой. Это будет для вас не трудно. Выкиньте одно слово из Конституции, и вы воскресите в нас все добродетели Греции и Рима. И какую республику вы создадите, представители! Она вступит в жизнь с 25 миллионами человек и 3 миллионами солдат.

Откроите летописи всего мира, вы не прочтете в них ничего подобного... Если же, благодаря вам, Капеты и их трон еще долго будут тяготеть над нами, мы будем проклинать вас за все бедствия, которые они принесут нам, а они принесут их наверное, потому что порода королей вредоносна. Мы не скажем вам ничего о Людовике: он впал в унизительное положение, и мы слишком презираем его, чтобы ненавидеть его или бояться. Мы передаем судьям меч возмездия и ограничиваемся требованием, которое предъявляем к вам, — чтобы у француза не было отныне другого короля, кроме него самого».

Эта петиция представляет собой одно из самых ярких проявлений республиканского движения в провинции летом 1791 г. Одновременно с этим выступлением Якобинского клуба местные власти Монпелье (директория департамента и округа) обратились к Учредительному собранию с адресом, в котором просили о низложении короля. Ярость, вызванная этой петицией в реакционных кругах, нашла свое выражение в роялистском памфлете «Разбойничья шайка Монпелье». Отрицательно отнеслись к петиции Монпелье и некоторые провинциальные клубы (Лиможа и Перпиньяна). Зато клубы Страсбурга, Клермон-Феррана, Артонна и некоторых других городов одобрили предложение о замене монархии республикой. В Доле, где народное общество высказалось за установление республики, на статуе Людовика XVI появилась надпись: «Первый и последний король французов». Муниципальный совет приказал стереть ее. Более 60 республиканцев было арестовано. В большинстве департаментов сторонники конституционной монархии были в тот момент еще сильнее республиканцев.

Впрочем, так же обстояло дело и в Париже. Клуб якобинцев — наиболее влиятельная политическая организация столицы — продолжал в своем большинстве высказываться против республики. На заседании 1 июля Билло-Варенн, впоследствии известный член Конвента, заговорил о республике, — его освистали. Характерно и то, что многие вожди левого крыла Якобинского клуба проявляли в тот момент полное равнодушие к вопросу о форме правления. «Что касается монарха, — писал Робеспьер в своем «Адресе к французам», появившемся во второй половине июля, — то я не разделяю того ужаса, который внушал титул короля почти всем свободным народам. Лишь бы только нации было предоставлено подобающее ей место, а патриотизму, вызванному нашей революцией, был дан соответствующий простор».

За пределами Якобинского клуба продолжали раздаваться голоса республиканцев, которые в полном согласии с народными массами требовали низложения короля-изменника. Представители крупной буржуазии, движимые страхом перед политической активностью низов, добивались, наоборот, сохранения власти Людовика XVI.

РЕАКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Прения о низложении короля

13 июля Учредительное собрание заслушало доклад комиссии, которая должна была расследовать обстоятельства бегства короля. Выводы доклада сводились к тому, что Людовик XVI должен быть объявлен не виновным в силу принципа неприкосновенности особы короля и восстановлен на троне. Комиссия предлагала привлечь к судебной ответственности генерала Буйе и его сообщников, виновных в «похищении» короля.

Обсуждение этого доклада продолжалось три дня. Подавляющее большинство членов Собрания высказывалось за сохранение власти Людовика XVI. Демократы, не требуя прямо провозглашения республики, решительно возражали против принципа неприкосновенности королев-

ской особы. Робеспьер требовал, чтобы Собрание не выносило решения по этому вопросу до тех пор, пока не выскажется народ. Петион требовал предания короля суду Собрания и избрания Национального исполнительного совета. Вадье требовал созыва особого собрания — Конвента, где было бы провозглашено низложение короля. На созыве Конвента настаивал и Грегуар. Собрание отвергло без обсуждения петицию ста членов народных обществ, принятую 14 июля в клубе Кордельеров. Эта петиция напоминала депутатам, что они были избраны для того, чтобы дать Франции конституцию, а не для того, чтобы восстановить на троне короля, нарушившего свою присягу и обнаружившего свою враждебность Конституции. Когда после оглашения этой петиции с трибун для публики раздались аплодисменты, председатель призвал публику воздерживаться впредь от подобных манифестаций.

15 июля депутат Гупиль-де-Префельн произнес речь, в которой резко нападал на республиканские клубы и утверждал, что они готовятся «ввергнуть французскую нацию в бездну ужасной анархии и смут». С нескрываемой злобой говорил он о клубных вождях — «людях, которых можно назвать клубократами, мятежных интриганах, испытанных в искусстве соблазнять неразумную толпу и руководить ею по своему вкусу». С неменьшей злобой отозвался оратор о демократической пропаганде в печати, о «гнусных и преступных памфлетах». Он поносил Бриссо, он назвал Кондорсе... «человеком, пользующимся славой, неизвестно каким путем приобретенной». Он причислил знаменитого философа к сонму «новых Геростратов».

Еще более характерной была речь Барнава. Этот депутат Учредительного собрания, который вместе с двумя другими депутатами сопровождал Людовика XVI в качестве комиссара из Варенна в Париж, выдал источник монархических чувств верхов буржуазии — ее жгучий страх перед новым революционным выступлением народных низов. Речь Барнава 15 июля 1791 года — один из наиболее выразительных документов классовой борьбы во Франции в период буржуазной революции конца XVIII в. «Нам причиняют огромное зло, когда продолжают до бесконечности революционное движение, которое уже разрушило все то, что надо было разрушить, которое довело нас до предела, на котором нужно остановиться... Подумайте, господа. Подумайте о том, что произойдет после вас. Вы совершили все, что могло благоприятствовать свободе и равенству... Отсюда вытекает та великая истина, что если революция сделает еще один шаг вперед, она сделает его не иначе, как подвергаясь опасности. Первое, что произошло бы вслед за этим в отношении свободы, была бы отмена королевской власти, а в отношении равенства за этим последовало бы покушение на собственность *(аплодисменты)*... Я спрашиваю, существует ли еще какая-нибудь другая аристократия, которую можно низвергнуть, кроме аристократии собственности?.. Вы знаете все, что ночь 4 августа дала революции больше сил, чем все конституционные декреты. Но какую же ночь 4 августа остается еще проделать тем, кто хочет итти дальше, если это не будет принятие законов, направленных против собственности?.. Таким образом, несомненно, что революцию уже сейчас пора закончить... В настоящий момент, господа, все должны чувствовать, что общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась. Те, которые потерпели от революции, должны сказать себе, что невозможно заставить ее повернуть обратно... те же, которые совершили революцию и которые ее хотели, должны признать, что она достигла своего крайнего предела, и что благо их родины, как и их собственная слава, требует, чтобы она прекратилась».

Речь Барнава встретила полное одобрение буржуазно-монархического большинства Учредительного собрания. В тот же день было принято

постановление привлечь к судебной ответственности Буйе, его сына и Ферзена (хотя вряд ли оставалось неизвестным, что все они бежали за границу) и некоторых других лиц по обвинению в заговоре против Конституции и в подготовке иностранной интервенции. Этот декрет, не восстанавливая прямо Людовика XVI на троне, косвенно снимал с него вину и подготовлял его полную реабилитацию.

Соглашательская позиция, занятая Учредительным собранием по отношению к королю-изменнику, вызвала сильнейшее недовольство среди демократических слоев парижского населения. Уже 12 июля клуб Кордельеров принял «Воззвание к нации», составленное Шометом и требовавшее образования «Национальной директории» — нового органа власти, не предусмотренного Конституцией. То же воззвание требовало создания «Верховного национального суда» и отмены постановления об отсрочке выборов нового законодательного собрания. 13 июля «Братское общество граждан обоего пола» приняло воззвание к стране, в котором резко нападало на Учредительное собрание и призывало народ взять в свои руки верховную власть. В тот же день один из членов этого клуба предложил организовать восстание, но это предложение не было принято.

Призывы к восстанию раздавались и в прессе. Эбер в своей газете «Отец Дюшен» («Père Duchêne») угрожал гневом народа «изменникам Национального собрания, которые хотят вернуть корону Капету, бывшему королю Франции». Такие же угрозы исходили от Фрерона и Бонвиля. Газета «Парижские революции» напоминала членам Учредительного собрания об участи коменданта Бастилии Де-Лонэ и призывала «граждан всех городов, всех пунктов республики» выбрать новых депутатов, которые должны образовать новое национальное собрание. «Есть слишком много оснований опасаться, — писал Прюдом, — что нынешний сенат стремится сохранить навсегда свое господство. Если он будет сопротивляться, что ж, бывают случаи, когда восстание оказывается самой священной из обязанностей».

Республиканские настроения среди населения нарастали. 14 июля, во время праздника Федерации, из толпы, находившейся на Марсовом поле, раздавались крики: «Долой Людовика XVI! Не надо короля!» В тот же день газета «Железные уста» опубликовала призыв ко всем народным обществам принять участие в собрании членов Социального клуба, которое созывалось на 15 июля для обсуждения вопроса о создании «национального, или иначе, республиканского правительства». Со своей стороны, клуб Кордельеров направил в Учредительное собрание петицию против восстановления Людовика XVI на троне. О том, как враждебно была встречена эта петиция, говорилось выше.

Расстрел петиционеров на Марсовом поле

15 июля члены клуба Кордельеров и примыкавших к нему обществ собрались на Марсовом поле и здесь, на «алтаре отечества», приняли новую петицию, требуя, чтобы Учредительное собрание отложило решение об участи Людовика XVI до тех пор, пока сама страна не выскажется по этому вопросу. Петиционеры выбрали шесть делегатов, которые направились в сопровождении большой толпы к Учредительному собранию. Но власти успели принять меры к тому, чтобы не допустить демонстрантов к зданию, где заседало Собрание. Сюда были стянуты сильные отряды национальной гвардии. Ими командовал сам Лафайет. Демонстранты были вскоре рассеяны войсками. При этом несколько человек было арестовано. Арестован был и один из делегатов, выбранных на Марсовом поле. Остальным удалось проникнуть в здание Учредительного собрания и добиться свидания с Робеспьером и Петионом, которые заявили, что поскольку Собрание уже вынесло свое решение по вопросу о короле, петиция бесцельна.

Кордельеры не согласились с этим мнением. Выйдя из Учредительного собрания, они направились в цирк Пале-Рояля, где происходило заседание представителей революционных клубов, созванное по инициативе газеты «Железные уста». Собравшиеся постановили не признавать декрета, принятого Учредительным собранием относительно короля. После этого участники собрания в цирке Пале-Рояль — колонной в несколько тысяч человек — двинулись к Якобинскому клубу, где как раз в этот момент происходило заседание, на котором обсуждалось предложение Шодерло-де-Лакло составить петицию с протестом против решения Учредительного собрания о реабилитации Людовика XVI. Маскируя действительные, отнюдь не демократические цели своего предложения, Шодерло-де-Лакло — тайный агент орлеанистской партии — предлагал, чтобы под петицией были собраны подписи граждан без различия пола и возраста. Таким путем, говорил он, можно будет собрать «десять миллионов подписей».

Клуб готовился перейти к голосованию, когда в зал ворвалась толпа, прибывшая из Пале-Рояля. Выступивший от ее имени оратор объявил о намерении прибывших отправиться на следующий день на Марсово поле и там «принести присягу никогда не признавать Людовика XVI королем». Оратор призывал якобинцев поддержать это решение. После долгого обсуждения клуб постановил выбрать комиссию из пяти членов (в нее вошли, между прочим, Бриссо и Дантон) для составления соответствующей петиции.

Она была принята утром 16 июля. «Принимая во внимание, — гласила эта петиция, — что Людовик XVI..., поклявшись защищать Конституцию, дезертировал с того поста, который был ему доверен, что в подписанной им декларации он заявил протест против этой самой Конституции, что своим бегством и своими приказаниями он пытался парализовать исполнительную власть и ниспровергнуть Конституцию..., что его клятвопреступление, дезертирство, протест, не говоря уже о всех других преступных деяниях, которые этому предшествовали и за этим следовали, означают формальное отречение от конституционной короны, которая была ему вручена... что новые обещания со стороны Людовика XVI соблюдать Конституцию не могли бы служить достаточной гарантией для нации против нового клятвопреступления и нового заговора..., нижеподписавшиеся требуют, чтобы Национальное собрание приняло от имени нации отречение Людовика XVI от престола (21 июня) и позаботилось о его замене при помощи всех конституционных средств. Нижеподписавшиеся объявляют, что они никогда не признают Людовика XVI своим королем, если только большинство нации не выразит желания, противного тому, которое выражено в этой петиции».

Слова: «при помощи всех конституционных средств» свидетельствовали о явном стремлении якобинцев не выходить из рамок легальности. Характерно, что газета «Железные уста», публикуя текст петиции, опустила эти слова, а к словам «никогда не признают Людовика XVI своим королем» добавила «ни никого другого».

В тот же день (16 июля) петиция была торжественно оглашена комиссарами Якобинского клуба (среди них был Дантон) на Марсовом поле в присутствии многотысячной толпы, собравшейся по призыву демократических клубов. Петиция была встречена возгласами «Долой монархию! Долой тирана!» В завязавшейся затем дискуссии члены клуба Кордельеров и Социального клуба заявили решительный протест против слов «конституционными средствами». Собравшиеся постановили исключить эти слова из текста петиции. Решено было снова собраться здесь на следующий день для подписания петиции.

Вечером состоялись заседания почти всех демократических клубов Парижа. Центром движения за установление республики продолжал оставаться клуб Кордельеров, избравший своим девизом слова: «Не надо больше королей! Не надо больше тиранов!» На заседании клуба говорилось о необходимости вооружиться, чтобы дать отпор возможной провокации со стороны властей. Но призывы к восстанию, исходившие от некоторых членов народных обществ, не нашли отклика. Решено было ограничиться массовой демонстрацией.

Якобинский клуб после четырехчасовой дискуссии, в которой приняли участие и делегаты клуба Кордельеров, высказался за восстановление первоначального текста петиции — без тех купюр, которые были сделаны на Марсовом поле. В таком виде петиция была отправлена в типографию. Но вскоре пришло известие о том, что декрет, реабилитирующий короля, уже издан Учредительным собранием. Председатель «Общества друзей конституции» аббат Руайе поспешил тогда снять свою подпись с петиции. Утром следующего дня (17 июля) комитет Якобинского клуба постановил приостановить печатание петиции и отказаться от участия в демонстрации. Решение это было принято по совету Робеспьера.

Решение, принятое якобинцами, оказало свое влияние на поведение некоторых других клубов, тем более, что вскоре стало известно, что площадь Бастилии — сборный пункт петиционеров — занята сильными отрядами войск. Правда, некоторые демократы настаивали на том, чтобы поднять Сент-Антуанское предместье, начать восстание, арестовать Лафайета, но эти предложения не встретили поддержки.

Тем временем тысячи людей, среди которых преобладали рабочие и мелкие ремесленники, собрались на Марсовом поле на зов клуба Кордельеров и некоторых других народных обществ. Рабочие отправлялись туда прямо с работы, организованно, по профессиям.

Руководство движением оставалось в руках вождей кордельеров — Робера, Бонвиля, Шомета, Коффиналя, Моморо и некоторых других. По их предложению тут же, на «алтаре отечества», была составлена новая петиция следующего содержания:

«Представители нации!

Вы заканчивали свою работу. Ваши заместители, избранные все по одного народом, должны были вскоре пойти по вашим стопам, не встречая тех препятствий, которые воздвигали вам депутаты двух привилегированных сословий, — эти естественные враги всех принципов святого равенства.

Но вот совершается великое преступление. Людовик XVI бежит. Он недостоино покидает свой пост; государство оказывается на краю пропасти. Граждане задерживают его в Варение; его привозят в Париж. Жители этой столицы настоятельно просят вас ничего не решать относительно судьбы виновного, не выслушав предварительно желаний остальных 82 департаментов.

Вы медлите. Множество адресов поступает в Собрание. Все государство одновременно требует суда над Людовиком. А вы, господа, объявляете, что он невиновен и неприкосновенен, и в своем декрете от 16-го числа решаете, что Конституция будет представлена ему, как только она будет окончательно выработана. Законодатели! Не таковы желания народа, а мы полагаем, что ваша высшая слава, ваш долг заключается в том, чтобы быть органами выражения общественной воли. По всей вероятности, господа, вас склонили к принятию этого решения многочисленные депутаты-отступники, заранее заявившие свой протест против Конституции. Но вы, господа, представители великодушного и доверчивого народа,

РАССТРЕЛ ПЕТИЦИОНЕРОВ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ 17 ИЮЛЯ 1791 г.
Рисунок, приписываемый Лафиту

не забывайте о том, что эти 290 протестующих не имеют более права голоса в Национальном собрании, что, следовательно, декрет недействителен ни по форме, ни по содержанию; недействителен по содержанию, ибо он противоречит желанию суверенного народа, недействителен по форме, ибо он принят при участии 290 человек, лишенных законных полномочий.

Эти соображения, интересы общего блага, настойчивое желание избегнуть анархии, к которой может привести нас отсутствие гармонии между избранниками народа и их избирателями, — все это побуждает нас требовать у вас от имени всей Франции пересмотра этого декрета. Мы требуем, чтобы вы приняли во внимание, что преступление Людовика XVI доказано и что этот король отрекся от престола. Мы требуем, чтобы вы приняли его отречение и созвали новое Учредительное собрание для того, чтобы приступить к суду над виновным и к организации новой исполнительной власти».

Таково было содержание петиции, принятой 17 июля 1791 г. на Марсовом поле. Хотя она и не упоминала прямо о республике, но по существу своему она носила безусловно республиканский характер. Подписалось под ней более 6 тысяч человек (в том числе такие видные демократы, как Шомет, Робер, Эбер, Анрио, Коффиналь).

Сначала все шло спокойно. Петиционеры держались мирно. Только одно происшествие нарушило, впрочем, не надолго это спокойствие. Под «алтарем отечества» были обнаружены два человека, прятавшиеся там с неизвестной целью. Они были приняты за шпионов и убиты на месте. Достаточно было этого случая для того, чтобы Учредительное собрание, в лице одного из своих депутатов Реньо де Сен-Жан-д'Анжели (будущий член государственного совета наполеоновской империи), потребовало немедленного издания «сурового закона против нарушителей общественного порядка и мятежников, подстрекающих к неподчинению законам» и решило расправиться с республиканцами-петиционерами. Предложение это было принято (самый закон был издан на следующий день). В то же

время председатель Учредительного собрания Трейяр обратился к мэру Парижа Бэйли с письмом, в котором предлагал ему принять самые решительные меры «для прекращения беспорядков и выяснения их виновников».

Утром 17 июля, еще до того, как это письмо было получено в ратуше, муниципальный совет принял ряд мер, направленных против республиканского движения. Было издано постановление, запрещавшее всякие уличные сборища и предписывавшее главнокомандующему национальной гвардией разгонять их силой оружия. К Марсову полю были двинуты сильные отряды войск и национальной гвардии буржуазных кварталов. Войсками командовал сам Лафайет; его сопровождали члены муниципального совета во главе с Бэйли.

Люди, заполнявшие Марсово поле, толпившиеся на его валах и вокруг «алтаря отечества», не ожидали этого нападения. Почти все они были безоружны. Лишь немногие запаслись ножами и камнями. Лафайет приказал своим офицерам развернуть красное знамя — предупреждение об открытии огня — и очистить поле от демонстрантов. Последние пытались оказать сопротивление. Тогда против них был открыт огонь. Ружейными и пушечными залпами безоружные демонстранты были скоро рассеяны. «Алтарь отечества» был усеян трупами. Их насчитывалось свыше 50; число раненых достигало нескольких сотен.

Раскол в Якобинском клубе и образование клуба Фельянов

События 17 июля 1791 г. имели крупные политические последствия и оказали большое влияние на все последующее развитие революции. Бойня на Марсовом поле вырыла пропасть между различными слоями прежнего «третьего сословия» — между господствующей верхушкой буржуазии, которая удовольствовалась превращением Франции в конституционную монархию, и более демократически настроенными плебейскими массами и мелкой буржуазией. Резкое обострение внутренних противоречий «общенациональной революции», непрерывно нараставших с 1789 г., привело теперь к разделению всей Франции на два враждебных лагеря. В одном из них находились те, кто считал революцию законченной, в другом — те, кто стремился к ее дальнейшему углублению, к тому, чтобы плоды ее достались широким массам.

Это размежевание политических сил нашло свое отражение в расколе Якобинского клуба, происшедшем 16 июля, после принятия петиции о низложении короля. Умеренно-либеральные члены клуба (в частности, почти все входившие в его состав депутаты Учредительного собрания) перестали с этого дня принимать участие в заседаниях «Общества друзей конституции» в бывшем монастыре св. Якова и образовали отдельный клуб — в здании бывшего монастыря ордена фельянов. Новый клуб принял название «Общества друзей конституции, заседающего у фельянов». В первом списке его членов, датированном 16—18 июля 1791 г., значилось 365 имен. Среди них были такие влиятельные политические деятели того времени, как Лафайет, Барнав, Дю-Пор, Александр Ламет. Трое последних — так называемый «триумвират» — играли руководящую роль в новой организации. Фельяны заявляли, что желают «Конституции, всей Конституции и только одной Конституции»; они клеймили «беспокойных и пылких новаторов», стремящихся к установлению республики. Чтобы оградить новый клуб от проникновения в него демократических элементов, был установлен высокий вступительный взнос (200—250 франков).

Фельяны отражали настроения удовлетворенной своими достижениями крупной буржуазии, боявшейся дальнейшего развития революции и стремившейся поэтому к сохранению монархической власти.

Очистившись от либерально-монархических элементов, Якобинский клуб становится политически более однородной организацией. Руководящая роль переходит в ней к демократам — Робеспьеру и Петиону. Большинство провинциальных организаций «Общества друзей конституции» пошло не за фельянами, а за якобинцами. Некоторые демократы (вроде аббата Грегуара), ушедшие сперва к фельянам, вскоре вернулись к якобинцам.

Крупная монархическая буржуазия поспешила воспользоваться своей кровавой победой над народом, чтобы расправиться с демократами и республиканцами. Уже 18 июля, т. е. на следующий день после бойни на Марсовом поле, Учредительное собрание приняло декрет, грозивший суровой карой (тюремным заключением на срок до двух лет) за «всякий призыв, направленный против национальной гвардии или должностных лиц во время исполнения их служебных обязанностей и имеющий целью заставить их уступить или сложить оружие». Люди, повинные в таких проступках, объявлялись мятежниками. Мятежниками объявлялись и «все лица, виновные в подстрекательстве к убийству, поджогу, грабежу или неповиновению закону как путем воззвании, афиш, напечатания или распространения печатных произведений, так и путем произнесения речей в общественных местах или собраниях». Еще более суровое наказание грозило участникам собраний, повинным в призыве к убийству. Человек, уличенный в таком призыве, наказывался тремя годами каторжных работ, «если убийство не имело места». Если же оно произошло, он должен рассматриваться, как сообщник. «Все присутствующие при этом граждане обязаны оказывать содействие или помощь при его задержании».

В тот же день министр юстиции Дюпор-Дютертр приказал прокурору при трибунале VI округа Бернару начать преследование против всех участников демонстрации 17 июля. Но Бернар опередил министра и уже 17-го числа представил в суд обвинительный акт против «инициаторов, виновников и соучастников» этого дела — «врагов общества или беспокоиных людей и смутьянов, нашедших в кризисе, который переживает государство, благоприятный случай для торжества своего честолюбия или своей системы». «Чтобы подготовить умы к ужасному взрыву, — клеветнически утверждал Бернар, — были наняты люди, не имеющие ни гроша

GRANDE DÉNONCIATION

CONTRE

VADIER LE ROYALISTE,

Par Marat, l'Ami du Peuple, Feuille de l'Ami du Peuple, no. 523, du mardi 19 juillet 1791.

Vitam impendere vero.

PARALLÈLE du Discours énergique du Sieur Vadier, *et de sa conduite pusillanime* (1)

Dans les circonstances actuelles; dans un tems où Paris vient de voir renouveller sous ses murs les scenes atroces

(1) Entre les hommes qui se montrant aujourd'hui inexorables, veulent se faire estimer de véritables révolutionnires, en s'empressant de suivre la pompe de l'Ami du Peuple, combien doivent craindre que son ombre, se ressiment, ne les désigne au milieu du cortege. Nous ne nommerons, après Vadier, que Bourdon de l'Oise, ce Bourdon qui proposa solemnellement aux Jacobins d'en chasser Marat.

ПАМФЛЕТ МАРАТА ПРОТИВ ВАДЬЕ
19 ИЮЛЯ 1791 г.
Б-ка Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

за душой, чтобы декламировать на улицах и площадях стихи из Брута... По всем общественным местам были разосланы агитаторы, чтобы обольщать толпу самыми обманчивыми предложениями и самой нелепой клеветой. Наконец, были предприняты попытки обещанием раздела церковных имуществ привлечь к знамени анархии рабочих благотворительных мастерских, а всех вообще разбойников — соблазнительными обещаниями прав активного гражданина и раздела земель». В заключение прокурор заявлял, что если бы петиция, принятая на Марсовом поле, увенчалась успехом, то за этим «последовали бы внешняя война, гражданская война, государственное банкротство и другие бедствия».

Были произведены многочисленные аресты. К судебной ответственности было привлечено 14 человек. Троим из них — Камиллу Демулену, Лежандру и Сантеру удалось скрыться. Судебное разбирательство началось 12 августа. Оно еще продолжалось, когда была принята общая амнистия, положившая конец этому процессу.

Многие видные демократы, чтобы избежать преследований, должны были временно покинуть Париж или даже уехать за границу. Робеспьер нашел убежище у столяра Дюпле. Дантон, скрывавшийся в провинции, вынужден был затем перебраться в Англию. Он вернулся в Париж лишь 9 сентября. Скрываться пришлось и Роберу, одному из главных руководителей клуба Кордельеров. Помещение, где происходили заседания клуба, было опечатано по распоряжению властей, и клуб возобновил свою работу лишь 25 июля. Марат вынужден был на время прекратить выпуск своей газеты, типография которой была разгромлена. Он смог возобновить ее издание только 7 августа.

25 августа Марат писал в своей газете, что есть только одно средство спасения Франции и революции — это гражданская война. «Я выражаю желание, — писал он 28 августа, — чтобы она разразилась как можно скорее со всей силой, чтобы народ мог, наконец, отомстить своим тиранам и их слугам и расправиться со своими заклятыми врагами-депутатами, предателями отечества». В начале сентября измученный преследованиями, больной, полуослепший Марат решил на время оставить Францию. 11 сентября он писал в своей газете: «Народ мертв со времени бойни на Марсовом поле. Я старался пробудить его к новой жизни, но тщетно. Ну, что ж, в таком случае и я ухожу, и, думается мне, навсегда». 14 декабря Друг Народа отправился в Англию, но уже в феврале следующего года вернулся в Париж.

Реакция, наступившая после бойни на Марсовом поле, выразилась не только в преследовании демократов, но и в поправках, внесенных в Конституцию, в ухудшении избирательной системы и в ограничении свободы печати. 27 августа Учредительное собрание установило новый, еще более высокий ценз для выборщиков депутатов, чем тот, который был установлен в 1789 г., а именно 100—200 рабочих дней (в зависимости от числа жителей данного населенного пункта) и 150—400 в сельских местностях. При этом новый ценз распространялся на выборы всех должностных лиц. Демократы резко протестовали против этого повышения ценза.

Восстановление власти Людовика XVI

Декрет 27 августа 1791 г. не был проведен в жизнь. Собрание отложило его применение до обновления избирательных собраний, т. е. на два года. Выборы в Законодательное собрание состоялись на основе избирательной системы 1789 г. А через год, в результате крушения монархии (10 августа 1792 года), всякий имущественный ценз как для избирателей, так и для депутатов был отменен.

Свою реакционную политику Учредительное собрание завершило восстановлением на троне Людовика XVI. В начале сентября было решено

представить Конституцию на утверждение короля. 13 сентября Людовик XVI сообщил Собранию, что дает Конституции свою санкцию и обязуется защищать ее от всех врагов. Оправдывая свое поведение, он писал, что тогда якобы еще не знал о желаниях нации. Он оговаривался, что считает предоставленные ему по Конституции права и полномочия недостаточными, но добавлял, что лучшим судьею в этом деле должен явиться опыт.

Несмотря на эти оговорки, депутаты с энтузиазмом приветствовали короля, когда он явился в зал заседаний 14 сентября для принесения присяги на верность Конституции. Затем Собрание в полном составе проводило его до Тюильрийского дворца при звуках военной музыки и громе пушечных залпов.

18 сентября в Париже были устроены народные увеселения по случаю окончательной выработки Конституции. Муниципальный совет торжественно провозгласил ее на Марсовом поле, на том самом месте, где за два месяца до того пролилась народная кровь. Вечером Париж был иллюминован, и король со своей семьей проехал по Елисейским полям среди восторженных криков буржуазной публики, заполнявшей улицы этого фешенебельного квартала столицы. Иным было настроение трудового люда Парижа. Какой-то сапожник, желая выразить свой протест, выставил на окне своей мастерской зажженную свечу позади промасленной бумаги с надписью: «Да здравствует король, если ему можно верить».

Прилив монархических чувств среди крупной буржуазии отражался и в театрах, где снова стали ставить роялистские пьесы о Генрихе IV, Ричарде Львиное Сердце и т. п. 20 сентября, при проезде короля в Оперу, ему была устроена новая овация. В Опере артисты, еще недавно рисовавшиеся своим демократизмом, старались теперь перещеголять друг друга в своем преклонении перед королем. Такая же картина наблюдалась 27 сентября при посещении Людовиком XVI Французского театра. Когда несколько молодых людей крикнули «Да здравствует нация!», раздались крики: «Вон этих проклятых якобинцев!»

30 сентября закрылось Учредительное собрание, место которого должно было занять вновь избранное Законодательное собрание. Появление Людовика XVI на этом последнем заседании Учредительного собрания было встречено возгласами: «Да здравствует король!» В тот день король выпустил манифест, в котором заявлял: «Наступил конец революции».

Народные массы не разделяли монархического сервилизма крупной буржуазии. В то время как в зале заседании Учредительного собрания раздавались возгласы в честь короля, на улицах слышались крики: «Да здравствует нация! Да здравствует свобода!» Собравшийся у выхода народ бурно приветствовал появление Робеспьера и Петиона. Их встретили с музыкой, надели им на голову венки из дубовых листьев, несметная толпа провожала их до самого дома. Улицы, по которым проходило это шествие, оглашались криками: «Да здравствуют непорочные депутаты! Да здравствуют неподкупные законодатели!»

РОСТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И НОВАЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ

Итак, крупная буржуазия примирилась с королем, простила ему его бегство из Парижа, восстановила его у власти и пустила в ход силу против тех, кто требовал его низложения. Здесь можно напомнить одну мысль Ленина, хотя она и относится к более позднему периоду: «Буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне

последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве». [1]

«Революция окончена», «революция достигла своего предела и должна остановиться»,—таков был лозунг, выдвинутый в 1791 г. правящей кликой и ее представителями — фельянами. Народные массы держались на этот счет другого мнения. Они не могли не видеть разительного контраста между Декларацией прав 1789 г. и Конституцией 1791 г., между тем, что было провозглашено после падения Бастилии, и тем, что было осуществлено. Сохранение монархии, деление граждан на «активных» и «пассивных», цензовая избирательная система, сохранение некоторых остатков феодализма, запрещение рабочих союзов и стачек, реабилитация изменника-короля и расстрел республиканских демонстрантов на Марсовом поле, — вся эта совокупность реакционных законов и мероприятий резко противоречила демократическим принципам Декларации прав человека и гражданина, лозунгам свободы, равенства и братства.

Крестьянское движение 1791 г.

Аграрный вопрос, являвшийся центральным вопросом французской революции конца XVIII века, в 1791 г., после двух лет революции, все еще оставался не решенным. Законодательство 1789—1791 гг. не ликвидировало до конца феодальных отношений в деревне, не освободило основную массу крестьянства от сеньериальных повинностей. Условия их выкупа были таковы, что воспользоваться ими могла только небольшая, зажиточная верхушка крестьянства.

15 июня 1791 г., т. е. за несколько дней до бегства короля, Учредительное собрание издало специальную инструкцию, выработанную его Феодальным комитетом для урегулирования споров, возникавших между помещиками и крестьянами по вопросу о «законности» тех или иных сеньериальных повинностей. Инструкция эта не удовлетворила крестьян, добивавшихся полной отмены этих повинностей, полного освобождения от феодального гнета, установления полной собственности на обрабатываемую ими землю. Когда же до деревни дошло известие о бегстве короля из Парижа по направлению к границе и об участии в этом контрреволюционном заговоре ряда представителей высшего дворянства во главе с генералом де-Буйе, — начался новый подъем аграрных волнений. Как и в 1789 и 1790 гг., крестьяне вооружаются, громят и жгут дворянские замки.

«Бегство короля, — доносили власти департамента Эро, — вызвало такое брожение в деревнях, что несколько замков были разграблены и сожжены». Особенно серьезный характер крестьянские выступления носили в западной Франции, где дворянство сохранило свои позиции в большей мере, чем где-либо. Много замков было сожжено и в Бретани. Среди них был замок де-Кюйе, принадлежавший бывшему председателю ренн-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 57—58.

ского парламента, де-Фарси. В некоторых случаях инициатива похода против дворянских замков исходила не от крестьянства, а от городской демократии. 1 июля народное общество города Гайяка выделило 18 своих членов для производства обыска в домах аристократов и изъятия у них оружия. Изъятие оружия было произведено и у ряда помещиков департамента Кот-дю-Нор, заподозренных в контрреволюционной деятельности. Один местный помещик, граф де-Тролон, владелец замка Рюмен, оказал вооруженное сопротивление национальным гвардейцам, прибывшим в его замок для производства обыска; в завязавшейся перестрелке трое из них были ранены. В окрестностях Пуатье, в департаменте Вандея, национальные гвардейцы этого города сожгли замок барона де-Лезардьера, где за несколько часов до того происходило секретное совещание представителей местного дворянства, поднявшего голову при известии о том, что Людовику XVI удалось бежать из Парижа. Такие совещания состоялись в эти дни и в других замках западной Франции, владельцы которых поддерживали тесные связи с эмигрантами, проживавшими на острове Джерсее. Известие о том, что король задержан и возвращен в Париж, привело в трепет этих контрреволюционных заговорщиков и расстроило их предательские планы.

Чтобы обезопасить себя от возможного удара в спину — со стороны притаившихся внутри страны контрреволюционных элементов, «Общество друзей конституции» в Пуатье представило Учредительному собранию петицию, в которой предлагалось поручить местным властям во всех 83 департаментах Франции «разрушить все укрепления, известные под названием башен, бастионов, платформ, зубчатых стен и т. п., засыпать рвы, снять подъемные мосты, словом, разрушить все, что может быть разрушено без нарушения неприкосновенности собственности». Предложение это мотивировалось ссылкой на то, что владельцы дворянских замков в Вандее превращают их в склады оружия, в крепости.

Поддерживая это предложение якобинцев Пуатье, «Общество друзей конституции» города Анжера писало 17 августа членам Учредительного собрания: «Вы отменили феодальные права и все эти гнусные привилегии, которые не могли существовать у свободного народа. Вы уничтожили наследственную знать, навсегда упразднили эти смешные гербы, эти непристойные ливреи, эти нелепо пышные титулы, которыми кичились наши бывшие тираны. Вы уничтожили, наконец, все эти рыцарские ордена, которые зиждились не на заслугах, а только на происхождении. Чтобы уничтожить последние следы нашего былого рабства и навсегда обеспечить спокойствие нашего государства, вам остается только снести те укрепления, которые являлись некогда логовищем благородных разбойников и могли бы теперь послужить в момент кризиса и опасности опорными пунктами для врагов общественного блага».

Учредительное собрание осталось глухо к этому требованию якобинцев Вандеи, которое могло бы существенно ослабить позиции контрреволюционного дворянства внутри страны.

Варенский кризис вызвал во Франции одновременно и подъем демократического движения и рост патриотических настроений в массах. То и другое сливалось, конечно, в один общий поток борьбы с внутренней реакцией и ее союзниками за границей. Провинциальные власти принимают меры к изъятию оружия у реакционеров, следят за тем, чтобы оно не вывозилось за границу. Широкие слои населения, особенно в пограничных департаментах восточной, северо-восточной и южной Франции, вооружаются, готовясь дать отпор неприятельскому нашествию. Жители Бордо предложили департаменту Нижних Пиренеев 6 тыс. национальных гвардейцев для защиты границы от возможного вторжения испанских

войск. 25 сентября военный министр сообщил Учредительному собранию, что 60 вновь сформированных батальонов национальной гвардии уже прибыли к месту своего назначения. Приток добровольцев все увеличивался. Число их достигало к этому времени 35 тысяч. Больше всего волонтеров дали департаменты Мёрты, Мозеля, Мёзы, Марны и Арденн. В департаменте Шаранты число добровольцев уже в июле равнялось 3 тыс., т. е. почти в три раза превышало контингент, установленный правительством для этого департамента (1148 чел.). Основную массу добровольцев составляли крестьяне, рабочие, ремесленники, среди которых было немало бывших солдат. Этот революционно-патриотический подъем захватил и мелкую буржуазию и буржуазную интеллигенцию. «Национальное собрание должно, — писал в петиции от 30 июня некий преподаватель коллежа в городе Бар-ле-Дюк, — покрыть Францию штыками, пушками и всем необходимым для вооружения шести грозных армий. Это — единственное средство расстроить заговоры двора и тайные происки иностранных держав». Якобинцы города Валансьенна писали Учредительному собранию: «Мы все дали клятву пролить свою кровь для защиты свободы и счастья родины. Наши внешние враги и враги внутренние встретят мощное сопротивление со стороны свободных граждан, которым грозят рабством». «Жить свободными или умереть!» — восклицает один из членов «Общества друзей конституции» в Тулузе.

А вот ответ солдат-патриотов генералу-изменнику де-Буйе, бежавшему после ареста короля в Люксембург и приславшему оттуда вызывающее письмо на имя Учредительного собрания. «Ваша угроза стать во главе армии, поддерживаемой иностранными государями, не оказала никакого влияния на наше рвение и мужество; вы не только не ослабили его, а, наоборот, увеличили... В течение 14 столетий, лишенные хороших законов, мы были только рабами. Теперь нация дала себе хорошие законы, и мы общими усилиями сбросили тяжелое бремя феодализма и фанатизма. Неотделимые от нации и от Конституции, мы готовы день и ночь давать доказательства нашего рвения и нашей преданности в деле защиты ее основы — прав человека и равенства.

Мы не выпустим из рук оружия до тех пор, пока не дадим решительного боя врагу, кто бы он ни был. Мы никогда не будем ни изменниками, ни клятвопреступниками, ни дезертирами... Пусть вся Европа завидует званию французского солдата и гражданина. Будем готовы отразить всякого, кто попытается угрожать нам».

Таков был голос неизвестных солдат, запечатленный в анонимной брошюре, которая была издана в Париже 15 июля 1791 г. Если допустить, что эта брошюра — не подлинный документ, а лишь литературное обобщение подобных документов, то все же она очень ярко и верно отразила настроения, охватившие солдатскую массу французской армии в момент Варенненского кризиса. Из этих патриотических настроений и родились чудеса героизма 1792 г.

Новая волна эмиграции 1791 г.

Другим последствием неудавшегося бегства Людовика XVI и подъема демократического движения в стране была новая волна эмиграции, которая приобрела более широкие размеры, чем в 1789—1790 гг. В течение одного только октября 1791 г. в Кобленц ежедневно прибывало 80—100 человек. При этом, на ряду с дворянами и офицерами, попрежнему составлявшими основной контингент эмигрантов, эмигрируют и отдельные группы крупной буржуазии, особенно те ее слои, которые были тесно связаны с режимом, господствовавшим до революции. Осенью 1791 г. русский «Политический журнал», на основании полученных им из Кобленца сведений, несомненно сильно преувеличенных, сообщал, что «туда прибыли 122 купца из Бре-

КАРИКАТУРА НА ЭМИГРАНТСКУЮ АРМИЮ ПРИНЦА КОНДЕ
Лубок

тани», что «из Нормандии приехало 500 человек, по большей части детей откупщиков» и т. д. «Множество французов, особенно фабрикантов и ремесленников, — писала в октябре того же года одна парижская газета, — проходят через империю,[1] чтобы поселиться в прусском королевстве. Состоятельные рантье и капиталисты, покидая Францию, увозили с собою свои богатства. Среди эмигрантов попадались и отдельные представители трудового люда, например, портные, парикмахеры, портнихи и модистки, жившие заказами аристократии и оставшиеся теперь без работы.

Основную массу эмигрантов составляли, конечно, помещики и офицеры дворянского происхождения. Они направлялись главным образом в Прирейнскую область. Здесь прибывающие распределялись тотчас же по «компаниям», или «ротам», т. е. по отрядам дворян, происходящих из одной провинции. Каждая «компания» называлась по имени своей провинции и обычно подчинялась какому-нибудь важному сеньеру, «герцогу или пэру» — крупному собственнику данной местности. Заведен «почетный список» — «Liste d'honneur» «защитников алтаря и трона». Горе эмигранту, который, явившись в Кобленц, не запишется в течение двух дней в такой список: его объявят «подозрительным», и он будет почитать себя счастливым, если убережется от кобленцской крепости, превращенной во «вторую Бастилию»; горе ему, если он замешкался слишком долго во Франции, если он прибудет не тотчас же по получении настойчивого приглашения... Ему пошлют на дом прялку или

[1] Имеются в виду германские «имперские города», а также бельгийские владения Австрии, отделявшие Францию от Пруссии.

иную принадлежность женского обихода, и когда он явится в Кобленц, его засмеют, его обругают якобинцем или конституционалистом, и он, со шпагой в руке на дуэли с обидчиком, принужден будет оспаривать свое место в рядах защитников «доброго дела».

С осени 1791 г. в Кобленце, под общим руководством принца Конде, формируются военные отряды эмигрантов, создается «армия», предназначенная для вторжения во Францию. Армия эта достигала едва 15 тыс. человек, блиставших своими дворянскими титулами и великолепием своих мундиров, но годившихся больше для парадов, чем для похода. О дисциплине эти блестящие с виду отряды не имели никакого представления: приказывать хотели все, подчиняться — никто. Главный штаб насчитывал около 800 офицеров, — и это в армии из 15 тысяч человек!

Прусские и австрийские генералы были очень невысокого мнения о боеспособности «армии Конде». Характерно, что при вторжении интервентов во Францию в 1792 г. эмигрантский корпус был включен в арьергард, — к великой радости самих эмигрантов, не блиставших особенным мужеством.

Подготовка интервенции

Не надеясь на собственные силы, эмигранты все свои надежды возлагали на военную помощь иностранных держав — на интервенцию. Но противоречия между державами затрудняли создание коалиции против революционной Франции.

После ареста королевской семьи в Варенне и возвращения ее в Париж, Леопольд II обратился из Падуи с циркулярной нотой к России, Англии, Пруссии, Испании, Сицилии и Сардинии, а также к курфюрсту майнцскому, как главе курфюршеской комиссии, с предложением совместно выступить в защиту французского трона. Циркуляр призывал к совместному освобождению Людовика XVI и признанию французской Конституции только тогда, когда ее признает свободный король. В противном случае Леопольд грозил принять меры для восстановления узурпированной власти. В ответ на падуанский циркуляр Фридрих-Вильгельм решился изменить традиционной антиавстрийской политике и пойти на сближение с Австрией. Так возник договор между Австрией и Пруссией, заключенный 25 июля 1791 г. в Вене.

Леопольд II и король Фридрих-Вильгельм II заявили о своей готовности помочь Людовику XVI в борьбе с революцией. 27 августа 1791 г. в саксонском замке Пильнице была подписана следующая декларация, которая была затем опубликована: «Его величество император и его величество король прусский, вняв желаниям и представлениям старшего из братьев французского короля и графа д'Артуа, совместно заявляют, что они считают положение, в котором находится теперь его величество король Франции, внушающим одинаковый интерес всем государям Европы. Они надеются, что этот интерес может быть признан державами, к которым они обратятся за содействием, и что, следовательно, они не откажутся посильно применить, совместно с их величествами, самые действительные средства, чтобы доставить французскому королю возможность свободно установить основы монархического правления, одинаково соответствующего как правам государей, так и благополучию французской нации. Тогда их величества император и король прусский решатся оказать содействие с необходимыми силами, действовать быстро и по взаимному соглашению, с силами, нужными для того, чтобы достигнуть сообща намеченной цели. В ожидании этого их величества отдадут своим войскам соответственный приказ о том, чтобы они были в состоянии приступить к активным действиям».

Пильницкая декларация разочаровала эмигрантов, добивавшихся

немедленного выступления Австрии и Пруссии против Франции. И все же эта декларация означала угрозу обоих монархов вмешаться во внутренние дела Франции и оказать — раньше или позже — военную помощь Людовику XVI для восстановления старого режима.

Во Франции Пильницкая декларация вызвала огромное возмущение. Король вынужден был официально предложить своим находившимся в эмиграции братьям вернуться во Францию и признать Конституцию. Они ответили решительным отказом, облеченным в крайне резкую форму. Ответ этот был датирован 10 сентября. В тот же день принц Конде, герцог Бурбонский и герцог Энгиенский отправили Людовику XVI письмо, составленное в таком же духе. Опубликование этих писем ставило Людовика XVI в очень затруднительное положение, так как давало новый аргумент революционерам, доказывавшим, что нельзя верить в искренность присяги короля. Королева проклинала принцев и жаловалась, что своей вызывающей политикой они погубят монархию. После Варенна король и его жена считали необходимым маскировать свои действительные антиконституционные чувства и контрреволюционные стремления еще больше, чем до Варенна.

Между тем, эмигранты продолжали настаивать на том, что Конституция не имеет законной силы, так как король лишен свободы действий, и его присяга не может считаться добровольной. Именно в таком духе был составлен «Протест французского дворянства, эмигрировавшего в чужие страны, против санкции, данной королем так называемой конституционной хартии». Протест этот был опубликован в виде анонимной брошюры, изданной в Кобленце и датированной 19 сентября 1791 г. Авторы этого документа заявляли, что «до тех пор, пока король будет находиться на положении пленника» (это писалось уже после того, как Людовик XVI был официально восстановлен на троне), они будут считать для себя законными только приказы графа Прованского и графа д'Артуа. «Мы заявляем, — писали эмигранты, — что не сложим оружия до тех пор, пока не уничтожим мятежников и не восстановим во всей их силе основные законы государства».

Мы уже видели, как отвечал французский народ на это наглое бряцание оружием, доносившееся из-за Рейна, на военные приготовления эмигрантов, на подготовку иностранной интервенции. Приближалась решительная схватка между революционной Францией и феодальной Европой — схватка, которая должна была в 1792 г. привести к падению монархии, установлению республики и победе ее над коалицией. Варенннский кризис 1791 г. явился своеобразной прелюдией к этим событиям.

*

Глава четвертая

РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПА

БЕЛЬГИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789—1790 ГГ.

БЕЛЬГИЯ еще задолго до начала французской революции была в резкой оппозиции к абсолютистской и централизаторской политике Иосифа II. Эта вплоть до конца XVI века исключительно развитая и передовая в экономическом отношении страна переживала в XVII—XVIII веках длительный общий застой. Она стала твердым оплотом заскорузлого социального консерватизма, ограниченного к тому же узко местными, мелочными, партикуляристскими интересами «своей колокольни». Каждая из 10 провинций, составлявших австрийские Нидерланды, все еще называлась здесь «нацией», например «брабантская нация» (этот же термин все еще прилагался и к цехам). Соперничество с отделившейся в результате нидерландской революции Голландией, возвысившейся на основе интенсивного развития мануфактуры и восторжествовавшей под знаменем воинствующего кальвинизма, способствовало тому, что в Бельгии, в противовес Голландии, прочно укрепился католицизм. Католическая церковь не только сохранила здесь за собой свои старые позиции, но и значительно расширила свое влияние. Ее социальной опорой в Бельгии были и оставались вплоть до конца XVIII века верхние и средние слои бюргерства, связанные с цеховыми монополиями и городскими привилегиями. В условиях гордой славными историческими традициями, устойчивой средневековой городской культуры Фландрии и Брабанта эти слои бюргерства все еще играли очень крупную роль, хотя и считались только «третьим сословием». Их верность католическому знамени, связанная с их экономической отсталостью, реакционной утопичностью средневековых социальных идеалов и общим консерватизмом, обусловила здесь тот расцвет, то своеобразное возрождение католицизма, в результате которого Бельгия, подобно Испании, оставалась до конца XVIII века одной из самых «поповских» и «черных» стран Европы. Духовенство владело в Бельгии очень значительной частью всей земельной площади и занимало более высокое положение, чем дворянство.

Основные особенности предшествующего развития Бельгии

Вплоть до Иосифа II, т. е до 80-х годов, австрийское господство здесь было чем-то вроде поверхностной надстройки над этим своеобразным, все еще не сломленным социальным укладом, который являлся анахронизмом для XVIII века. Пока Вена довольствовалась тем, что получала в качестве дани с Нидерландов, все еще остававшихся относительно богатой страной, около 7 млн. гульденов в год, Бельгия в лице ее господствующих элементов более чем лояльно относилась к далекой, не слишком обременительной и импонировавшей своими древними императорскими регалиями иноземной власти. Последняя, как-никак, представляла собой гарантию против неизбежного при других условиях поглощения бельгийских провинций Францией, что привело бы их к гораздо более реальной ассимиляции, чем при австрийском режиме. Задававшие тон расчетливые патриции привилегированных городов и князья церкви не слишком тяготились тем, что, благодаря положению Бельгии в системе габсбургской монархии, ее справедливо считали чем-то вроде «континентальной колонии» Австрии. Среднее и мелкое дворянство в основной своей массе не играло особой роли и было даже частично ограничено в своих политических правах в пользу магнатов, высшего духовенства и корпоративно организованных городов и жило по своим деревням.

Политика Иосифа II в Бельгии

Потерпев неудачу в попытке захватить у Голландии устье Шельды и затем обменить австрийские Нидерланды на Баварию, Иосиф II стремился поставить державы перед совершившимся фактом коренного изменения внутриполитических условий австрийского владычества над этой страной и добиться полного и бесконтрольного распоряжения всеми ее ресурсами. Такова была материальная подоплека бельгийских реформ Иосифа II, лицемерно выдававшихся за «просветительные», а на самом деле — грубо и цинично деспотических. С самого же начала единоличного правления Иосифа II, в качестве предварительного мероприятия австрийским правительством была предпринята попытка подчинения себе духовенства с тем, невидимому, расчетом, чтобы, опираясь в дальнейшем на послушную «жандармерию в рясах», использовать ее, как своего рода суррогат бюрократии при осуществлении политической программы в отношении Нидерландов.

Пока реформы ограничивались церковью, бельгийская оппозиция оставалась немощной даже в клерикальных кругах. Вскоре, однако, начались преобразования и чисто светского порядка: ограничение привилегий цеховых корпораций, усиление контроля над финансами — создание казенной палаты.

Был подготовлен проект организации судебной системы по образцу австрийской. Влиятельное в Бельгии масонское движение было сведено для удобства наблюдения за ним к одной ложе, отданной под надзор полиции. В самом конце 1786 г. была декретирована полная свобода торговли хлебом, подрывавшая один из основных устоев экономического партикуляризма.

Первые мероприятия австрийской власти, направленные против церкви и цехов, сопровождались слухами о введении сорокапроцентной земельной подати с валового дохода, взволновавшими землевладельцев и крестьян.

Момент для начала развернутого наступления правительства был выбран крайне неудачно. 1786 год был первым из трех неурожайных годов. С другой стороны, к этому времени окончательно обнаружился преходящий характер кратковременного процветания, связанного с американской войной. Безработица была широко распространенным явлением. Совпадение недорода с угнетенным состоянием в промышленности вызвало ост-

рую нужду широких народных масс города и деревни, тем более острую, что неизбежные в условиях неурожая недостаток продуктов питания и вздорожание жизни еще усиливались благодаря увеличенным правительством таможенным ставкам. Ремесленники склонны были видеть основную причину постигших их бедствий в мероприятиях власти, в частности в антицеховой политике. На этой почве возникло резкое недовольство. Страна ждала лишь повода к возмущению. Под давлением нараставшего сопротивления австрийской политике в открытую оппозицию начали уже вовлекаться органы провинциального представительства привилегированных. В ноябре 1786 г. Фландрский совет (Conseil de Flandre) — учреждение, аналогичное французским парламентам дореволюционного времени. — выступил с ремонстрацией, проникнутой сильным национальным духом, содержавшей довольно прозрачные угрозы и напоминавшей, конечно, не случайно, о Филиппе II. Нововведениям противопоставлялась конституция, которая существовала издавна и обеспечивала скромное, но сытое довольство. Даже то, что было прогрессивного в отдельных мероприятиях власти, уже отвергалось не только консервативными, но и передовыми элементами.

В целом, таким образом, уже с 1786 г. создались предпосылки общего, хотя и пестрого, антиавстрийского национального фронта привилегированных и демократических, консервативных и прогрессивных элементов.

Движущие силы бельгийской революции. «Штатисты», «фонкисты»

Реформы Иосифа II затрагивали самым непосредственным образом «кровные» материальные интересы и городских патрицианско-цеховых элементов и церковников всех категорий, подрывали их политические позиции и вообще лишали их привычного, исключительно привилегированного положения в стране. Ограничение провинциальной автономии, сеньериальной юстиции, общинного устроиства с круговой порукой крестьян и другие мероприятия оттолкнули от императора даже часть дворянства. На этой почве возникла глубоко и последовательно консервативная оппозиция, не столько даже национальная, сколько местная, провинциально-партикуляристская. Чем глубже было идейное убожество цепко державшихся за свою отсталость, проникнутых цеховым духом городских элементов в рядах этой оппозиции, тем шире оказывалась база для клерикального влияния в ее рядах. Очень многочисленные в Бельгии судьи (нередко наследственные), адвокаты и вообще юристы старой школы, которым осуществление реформ грозило потерей привычного для них куска хлеба, не выходили здесь обычно из той же проторенной колеи католической идеологии. Так сложилась возобладавшая в бельгийской революции 1789—1790 гг. партия «штатистов», отстаивавшая в политической области попранные Иосифом II привилегии провинциальных «штатов». В ходе революции за этой консервативной частью антиавстрийского национального фронта все прочнее закреплялось (особенно с лета 1790 г.) название «аристократической» партии в отличие от ее противницы — «демократической» партии. Официальным вождем консервативного направления был с 1787 г. член Брабантских штатов, адвокат Генрих ван-дер-Ноот. Примитивная, тусклая фигура этого очень ограниченного, крайне ретроградного деятеля представляет собой законченное олицетворение реакционных патрицианско-цеховых тенденций в бельгийском национальном движении того времени. Последние были особенно сильны в трех наиболее привилегированных городах австрийских Нидерландов (в так называемых chefs villes Брабанта) — в Брюсселе, Антверпене. Лувене. Фактически не меньшую роль, чем ван-дер-Ноот, играл у штатистов бывший иезуит, масон, весьма оборотистый антверпенский каноник Генрих ван-Эйпен. К ним же примкнули все епископы (за исключением

одного) во главе с митрополитом Бельгии, архиепископом мехельнским, кардиналом Франкенбергом и влиятельнейшим лидером антверпенских бюргеров-зубров — местным епископом Неллисом. Вся программа сводилась, в сущности, к стремлению восстановить социальный status quo, нарушенный Австрией. Основным и наиболее характерным лозунгом штатистов в их главной цитадели — Брабанте — была неприкосновенность древней, давным-давно устаревшей и даже, строго говоря, практически уже неприменимой брабантской конституционной хартии XIV века, носившей сочное, по-средневековому красочное название «Радостное вступление» («Joyeuse Entrée»). Эта хартия, почти пятисотлетней давности, представляла собой единственную писанную конституцию в ряду существовавших лишь в устной традиции конституционных «кутюмов» остальных провинций. Поэтому-то защита ее стала своего рода национальной задачей консервативных элементов всей страны, равнявшихся в своих конституционных претензиях по Брабанту. Борьба за неприкосновенность конституционного устройства неразрывно слилась в ходе движения с фанатичным отстаиванием незыблемости установившихся церковных порядков. Такова была платформа штатистов, этого блока патрицианско-цеховых и клерикальных элементов и части дворян из числа удостоенных представительства в Штатах.

Нидерланды, расположенные среди наиболее передовых стран Европы того времени, не могли, конечно, остаться целиком в стороне от интенсивного развития капитализма, характеризовавшего этот период. К концу 80-х годов XVIII века и здесь значительно выросла мануфактура. Очень интенсивный экономический подъем Бельгия пережила в годы американской войны за независимость, в связи с участием в этой войне Голландии, когда значительная часть голландской торговли, в частности — транзита, направилась в сторону австрийских Нидерландов. Подъем этот оказался, правда, кратковременным и сменился депрессией после заключения мира в 1783 г. Но его последствия сказывались и в дальнейшем. Капиталистические элементы очень усилились за счет ремесла, экономическая дифференциация углубилась. Депрессия еще больше обострила проблему путей дальнейшего экономического развития страны. Напуганные быстро возраставшей капиталистической конкуренцией и разорявшиеся в условиях депрессии ремесленники стали еще крепче держаться за свои цеховые привилегии, в которых они видели единственное спасение от всех бед. Наоборот, экономически более передовая буржуазия, мануфактуристы, отчасти торговцы и связанные с ними слои интеллигенции начали освобождаться от старомодного груза отечественного консервативного провинциализма и вступали с большим опозданием на путь развития, аналогичного развитию французской буржуазии. В условиях характерного для Бельгии гнета консервативных традиций и католической идеологии это были пока робкие и еще непоследовательные шаги. Но это были тем не менее первые элементы либеральной оппозиции против устаревшего внутреннего режима Бельгии и австрийского господства, которое преследовало свои фискальные и абсолютистские цели, не считалось с интересами бельгийской буржуазии и действовало в лице распущенной австрийской бюрократии грубо деспотическими методами. В бельгийской революции это, еще лишь зарождавшееся, либеральное течение оформилось в некоторое подобие прогрессивной или «демократической» партии, как ее все чаще называли с 1790 г. (довольно, впрочем, условно и произвольно), в противовес консервативному «аристократическому» направлению штатистов. Ее знаменем были «права человека» — в такой же мере, как знаменем штатистов была хартия «Радостное вступление». «Демократы» предпочитали опираться на прецеденты

не из отдаленного средневекового прошлого своей страны, а из опыта недавней борьбы американцев за свою независимость и французской революции, почти совпавшей по времени с бельгийским движением. Наиболее известным, хотя далеко не общепризнанным лидером этого либерального крыла национального движения оказался адвокат Фонк, и поэтому его партийных единомышленников и попутчиков называли «фонкистами».

«Фонкистская» группировка, несмотря на свой более прогрессивный характер, по составу своих кадров была еще менее демократичной и испытывала гораздо большее влияние плутократических слоев, чем штатисты. За последними, как никак, шло большинство городских цеховых, а частично и плебейских, элементов. И, наоборот, наиболее видная, активная часть бельгийского дворянства тяготела к демократам. Это обусловливало отсутствие революционной стойкости «фонкистов» в их борьбе с консерваторами-штатистами.

Крестьянство в бельгийской революции

Отличительной чертой бельгийского национального движения этого времени в обеих его разновидностях было то, что и штатисты и «демократы» фактически совершенно игнорировали основные интересы крестьянства. Для штатистов это было более чем естественно, поскольку их партия представляла собой блок цеховых элементов с клерикальными, а церковь оставалась крупнейшим землевладельцем страны. Поддержка «фонкистов» частью дворянства и роль этих дворян в «демократической» партии связывала руки и ей, если бы даже допустить, что ее буржуазные представители доросли до сколько-нибудь широкой постановки аграрного вопроса. В действительности же это было отнюдь не так. При подобных условиях естественно, что участие крестьянства в национальном движении 1787—1789 и в революции 1789—1790 гг. было довольно ограниченным. Ни в одной из боровшихся на авансцене партий крестьяне не видели и не могли видеть ни своего союзника, ни своего политического руководителя. На первых порах крестьяне начали активно подниматься против разнузданной солдатчины австрийского карателя, генерала Альтона, но затем, разочаровавшись в движении, которое не только ничего реального не давало им, но и не открывало никаких перспектив в дальнейшем, они отошли от него. Этим объясняется в значительной мере та легкость, с какой австрийцам, после устранения ряда затруднений, удалось во второй половине 1790 г. раздавить национальную революцию. Однако 1789—1790 годы сыграли немалую роль в интенсивном,—в итоге этой революции, — освобождении крестьянства из-под клерикального влияния. Крестьяне начали видеть в «патерах» всех категорий уже не духовных «отцов», а бессовестных и наглых обманщиков и своих главных классовых врагов. Именно поэтому таким обычным явлением стали к концу бельгийской революции и после ее подавления расправы озлобленных крестьян с монахами. Исторически еще более важным результатом этих бурных лет оказался активный интерес и сочувствие крестьянства, особенно валлонского, к французской революции, сильно облегчившие впоследствии действия армий революционной Франции на бельгийской территории.

Пассивное в общем отношение крестьянства к антиавстрийскому национальному движению в Бельгии вытекало в конечном итоге из того, что: 1) здесь не было австрийских помещиков и 2) что церковь, — крупнейший местный землевладелец, — играла руководящую роль в этой своеобразной, по формулировке бельгийского историка Пирена, «консервативной революции». В масштабе всей страны гораздо меньшее значение имело, повидимому, то, что экономическая и отчасти даже социальная политика Иосифа II в Бельгии была в некоторых случаях выгодна отдельным категориям крестьянства.

Таковы были особые местные условия, в которых протекала бельгийская национальная революция 1789—1790 гг., — условия, без учета которых остаются непонятными ее весьма парадоксальные ход и развитие.

Исторические корни этого своеобразия уходили в далекое прошлое, когда Фландрия и Брабант были на ряду с Италией странами наивысшего расцвета средневековой городской культуры.

Французская революция и национально-революционное движение в Бельгии

Своего максимального революционного обострения бельгийский кризис достиг под непосредственным воздействием французской революции. Аналогичная с французской революцией ломка вековых устоев была свойственна и революции бельгийской. Но необычайно устойчивые пережитки бельгийского муниципального цехового феодализма с его иллюзиями, не утраченными еще даже широкими демократическими массами городского населения (вплоть до его плебейских элементов), явились едва ли не основной причиной того, что австробельгийские провинции были очень быстро совлечены с подлинно революционного, «французского», восходящего пути всего национального движения и оказались во власти консервативных сторонников сословного представительства и клерикалов. Таким образом бельгийская революция не смогла разрешить задачу ломки старых феодальных устоев бельгийского общества. Сопоставление революции в австрийских Нидерландах с революцией на другой бельгийской территории, в Льеже, показывает с предельной наглядностью, что именно в этом суть проблемы бельгийской, или, как ее нередко называли и называют, брабантской революции 1789—1790 гг.

Революция в льежском архиепископстве, входившем в состав Вестфальского округа «Священной Римской империи», началась восстанием уже 18 августа, т. е. через месяц после взятия Бастилии и за два месяца до открытого возмущения основной части Бельгии. Для нее характерно не только то, что она была, таким образом, первым непосредственным революционным откликом на французскую революцию, но и то, что — в отличие от собственно бельгийской революции — скромная по своему масштабу льежская революция развивалась по классической схеме буржуазных революций той эпохи. Трудящиеся массы города и деревни — «четвертое сословие» — выступали здесь в качестве основной движущей силы революции под руководством и в конечном итоге в интересах новой буржуазии. Они толкали эту новую буржуазию в направлении расширения и углубления революции и применяли в процессе революционной борьбы плебейские способы разрешения прогрессивных задач, стоявших перед буржуазной революцией. Реакционные утопические иллюзии, связанные с идеалами гораздо более слабой здесь цеховщины, не давили в этом духовном княжестве на революционное движение в такой степени, как в соседних валлонских и фламандских провинциях. Дело в том, что на этой бельгийской территории, во всех других отношениях близкой и родственной габсбургской части Бельгии, тяжелый удар цехам был нанесен еще в XVII веке, в частности — законом 1684 г. Таким образом мануфактура достигла в архиепископстве широкого развития, цехи же, наоборот, оказались в корне подорванными.

В отличие от Льежа в основной части Бельгии, где цехи не были подорваны, цеховая буржуазия городов оказалась после победы над австрийской властью противопоставленной и прогрессивным слоям крупной буржуазии и крестьянству, став слепым орудием погромщиков и иезуитов.

Исключительная сохранность средневекового, феодального, муниципально-цехового режима Бельгии коренилась не только в соотношении классовых сил внутри страны, но и во взаимоотношениях между Бельгией и властвовавшими над ней Габсбургами. И для Франции, и для Англии, и,

особенно, для Голландии, Бельгия представляла собой позицию совершенно первостепенного значения. Поэтому не только международный, в собственном смысле слова, но и внутренний политический, социальный и даже экономический status quo Бельгии был одним из основных условий «европейского равновесия». Малейшее нарушение его в любом направлении грозило взорвать тот искусственный компромисс, который с таким трудом был достигнут в результате «войны за испанское наследство». Этот компромисс заключался в том, что, с согласия держав, Бельгия была уступлена удаленной от нее территориально Австрии на условиях международной гарантии конституционных привилегий нидерландских провинций, с передачей Голландии пограничных с Францией бельгийских крепостей (так называемый барьер) и закрепления за ней же права полного контроля над устьями Шельды. Любой сдвиг в этой сложной конструкции мог опрокинуть всю крайне неустойчивую систему, так как неизбежно означал бы усиление одной из заинтересованных в Бельгии держав и столь же неизбежно обострил бы всю сумму связанных с Бельгией международных противоречий. Полное подобие пресловутой «китайской неподвижности» являлось, таким образом, на протяжении XVIII века не только и, пожалуй, даже не столько порождением застойной бельгийской экономики того времени, сколько продуктом соперничества держав за эту богатую по своим возможностям и по своему прошлому страну. Договорившись между собой за счет искусственной, насильственной консервации, навязанной Бельгии при очень тяжелых для нее, калечивших ее, унизительных для нее условиях, — державы оказывались таким образом оплотом всего, что было здесь самого застойного и ретроградного.

В этих условиях казалось бы, что задуманная Иосифом II реформа внутреннего устройства страны могла содействовать исчезновению *отсталых элементов* и развитию прогрессивных сил страны. В действительности этого не произошло. Дело в том, что основным стимулом к «реформам» были чисто фискальные нужды австрийского правительства. Кроме того, в оппозиции к этим реформам передовые силы страны объединились с самыми реакционными.

Январские эдикты 1787 г. и подъем национального движения

Эдикты Иосифа II от 1 января 1787 г. ломали всю освященную веками административную и судебную организацию страны. Это был уже настоящий переворот, а не реформа. Одним росчерком пера ниспровергалось старинное, исторически развивавшееся средневековое устройство, базировавшееся на местном партикуляризме отдельных провинций, на сложной совокупности привилегий и «вольностей». Вместо пестрого, бессистемного, беспорядочного и действительно довольно хаотического режима, правда, уже сильно подточенного, вводилась простая и единообразная административно-бюрократическая иерархия **полицейско**-абсолютистского государства. Генеральный совет (Conseil Général), отныне высший правительственный орган при наместнике с полномочным министром во главе, должен был стать подлинным единым центром всего административного механизма. Все отрасли управления были разделены между девятью функциональными ведомствами, департаментами (так называемыми cercles), и поручались руководству интендантов. Страна, состоявшая из десяти провинций, этих полугосударственных образований с широкой самостоятельностью, составлявших не столько единство, сколько сумму австрийских Нидерландов, была подвергнута насильственной централизации мановением руки Иосифа II и разделена на округа (arrondissements). Окружным начальством должен был стать правительственный комиссар с широкими полномочиями. Упразднялись не только порядки, установившиеся в отдельных

провинциях с незапамятных лет, но частично и прежние названия провинций, связанные с богатыми историческими воспоминаниями и потому дорогие местному патриотизму народа. Прежняя архисредневековая судебная неразбериха, с бесконечным множеством судебных властей всех категорий, рангов и наименований, была сведена к двум судебным инстанциям, к двум Conseils Souverains de Justice, в Брюсселе и Люксембурге, и к 63 трибуналам первой инстанции. Но при этом было совершенно очевидно, что главная задача Вены — развязать себе руки и добиться в конечном итоге свободы распоряжаться финансово-податными источниками Бельгии. Австрийское правительство стремилось к усилению эксплоатации Бельгии, с тем чтобы покрыть расходы своей великодержавной европейской политики, далекие и чуждые бельгийским национальным интересам, интересам всех основных классов бельгийского общества. В условиях другого периода, в другой общей обстановке своеобразно повторялась ситуация кануна нидерландской революции, не столько копией, сколько гротеском которой оказалась в дальнейшем бельгийская революция 1789—1790 гг., как это неоднократно отмечалось сначала ее современниками, а затем — историками. Средневековые провинциальные конституции и конституционные обычноправовые нормы, как-никак представлявшие какие-то, пусть несовершенные, гарантии против явно антинациональной политики иноземной власти, неожиданно приобретали известную ценность даже в глазах тех элементов, которые не допускались ими к участию в политических привилегиях. Разногласия между бельгийскими консерваторами и новаторами стирались перед фактом австрийского вызова, грубо брошенного в лицо всей нации, уже так много давшей человечеству и прогрессу. Национальный фронт оказался консолидированным на основе защиты того, что уже было достигнуто и завоевано страной в ходе ее развития. «Просветительные» по форме, по существу же самодержавные, крепостнические реформы Иосифа II отбрасывали Бельгию назад даже по сравнению с уровнем ее старых, по существу средневековых, политических учреждений и социальных институтов. При таких условиях даже консервативная, и не столько национальная, сколько партикуляристская, часть оппозиции приобретала известный прогрессивный смысл, причем реакционное значение проводившихся Австрией мероприятий в том, между прочим, и заключалось, что они чрезвычайно усиливали в Бельгии консервативные элементы за счет действительно прогрессивных.

В ответ на грубое австрийское вмешательство во внутреннюю жизнь Бельгии с целью полного порабощения страны, сразу же поднялась мощная волна оппозиционного, теперь уже в сущности даже революционного движения снизу. Бельгийский народ, разделенный партикуляристскими рамками, сословными и имущественными перегородками, восстал, как один человек. Впервые — во всяком случае после героического периода нидерландской революции и борьбы с испанской «фурией» — брабантская, фландрская и т. д. «нации» (провинции) и брюссельские, гентские, намюрские «нации» (цехи) почувствовали и осознали себя действительно единой бельгийской нацией, несмотря даже на то, что часть этой нации говорила на валлонском наречии французского, а часть — на различных наречиях фламандского языка.

Взоры всех были обращены в сторону Штатов основных провинций, и голос этих местных органов узко привилегированного представительства должен был прозвучать теперь, как голос всего народа. Первым раздался 12 января 1787 г. протест Штатов Геннегау. Во имя попранных свободы и собственности они настаивали на отмене австрийских эдиктов и уже пытались напугать правительство тем, чего сами привилегированные больше всего боялись: призраком «опасных масс». 29 января последовал,

наконец, протест Брабантских штатов, к которому присоединился Брабантский совет (Conseil de Brabant)— высшая судебная инстанция старого судебного устройства, подлежавшая уничтожению. Разжигаемое памфлетами и активной устной агитацией сопротивление страны нарастало. Учитывая это, Брабантские штаты, в соответствии с хартией, предоставлявшей им такое право, отказались вотировать налоги. Судьи и адвокаты, в свою очередь, отказались содействовать проведению реформы. Цехи в петициях-протестах требовали возвращения отнятых у них привилегии. 23 апреля Брабантские штаты провели на своем заседании крупную антиавстрийскую демонстрацию.

Официальные правители Нидерландов, наместники императора — эрцгерцогская чета, Мария-Христина, сестра Иосифа II, и ее муж Карл-Альбрехт, были не на шутку напуганы широким размахом движения. Пойдя на уступки по вопросу о суде, они добились отмены отказа вотировать налоги со стороны Брабантских штатов. Однако брабантские цехи немедленно опротестовали то, в чем они видели компромисс за счет «Радостного вступления». К брюссельским присоединились антверпенские «нации» (цехи) и лувенский магистрат. Этот протест показал, что Штаты уже не хозяева положения, и продемонстрировал единодушие и твердость брабантского третьего сословия. Непримиримая позиция цехов заставила его представителей в Штатах настаивать на продолжении пассивного сопротивления и привела к тому, что и два других сословия солидаризировались с третьим. Кроме двух аграрных провинций — Лимбурга и Люксембурга, — все остальные поддержали протест Геннегау и Брабанта. Фландрия оказалась, правда, умереннее брабантцев,— здесь привилегии подверглись некоторому ограничению уже в 1754 г. Фландрия соглашалась с необходимостью известных реформ, но и фламандцы требовали, чтобы их привлекли к обсуждению нововведений, и категорически отвергали автократические методы обращения с собой, как со «стадом». По мере того как правители оказывались вынужденными итти на дальнейшие уступки сначала Брабанту, а потом и остальным провинциям, требования возрастали. Началось открытое обсуждение перспектив французского вмешательства в пользу Бельгии и проектов обращения к державам, гарантировавшим ограничительные условия австрийского господства. 30 мая наместникам пришлось, наконец, отступить по всей линии и отменить нововведения.

Это была крупная, но далеко, конечно, не окончательная победа бельгийского народа над деспотическим господством австрийского правительства. Просыпавшаяся после долгой спячки нация имела все основания торжествовать. Однако предстояло еще самое главное — исторгнуть согласие Вены на вырванные у наместников уступки.

В Нидерландах усиленно готовились к дальнейшей решительной борьбе. С успехом шла уже запись добровольцев в отряды городов. Брабантские штаты предложили другим провинциям образовать «коалицию» и обратиться к державам-гарантам. Мероприятия эти были вполне мотивированными: Иосиф II метал громы и молнии, узнав об уступках наместников. Возвратившись в Вену, он вызвал их к себе, назначил в Бельгию генерала графа Муррея и поручил ему «подавить» движение бельгийцев и «главным образом — брюссельской буржуазии». Иосиф II мечтал «дать бельгийцам великий урок суровости» и не прочь был спровоцировать их на восстание с тем, чтобы действовать затем в Бельгии, как во «вновь завоеванной стране». Он подчеркивал, что готов ради этого пожертвовать «последним человеком, последним экю».

Одновременно он попытался, однако, и сманеврировать, рассчитывая таким путем внести раскол в общий антиавстрийский фронт. Приняв позу

своего рода «царя-батюшки», до-нельзя контрастировавшую со всей его системой отнюдь не «патриархального» деспотизма, Иосиф II предложил Штатам прислать к нему в Вену депутацию и обещал временно отсрочить проведение в жизнь эдиктов. Воображению императора уже рисовалась заманчивая картина его собственного появления на главной площади Брюсселя во главе пятидесятитысячного войска в случае отказа Штатов. Депутация была отправлена и принята Иосифом II, который, боясь сорваться со слишком нарочито милостивого тона, произнес свою речь по записке. Результатом был двусмысленный компромисс — восстановление положения, существовавшего до 1 апреля, при условии отказа Штатов от пассивного сопротивления, разоружения и роспуска отрядов бельгийских волонтеров и пр. Страна оказалась менее податливой, чем ее депутация, она раскусила грубую уловку правительства и не приняла компромисса. 28 августа Брабантские штаты отказались от выполнения условий соглашения. Конфликт разгорелся с новой силой. Начались столкновения между волонтерами и войсками императора (их было всего 22 тысячи человек), навербованными, главным образом, среди местного населения, а потому, естественно, не вполне надежными. К тому же угрожала турецкая война, и надеяться на подкрепление было трудно. Было от чего потерять голову. Муррей не нашел другого выхода, как объявить о неприкосновенности конституции и об отмене эдиктов. Нация праздновала свою вторую победу.

Новое наступление австрийского правительства в Бельгии. Революционная ситуация

Иосиф II рвал и метал пуще прежнего, но и ему пришлось в конце концов отказаться от немедленного разрешения вызванного его политикой бельгийского кризиса. Противоречивость задач великодержавной политики «лоскутной» монархии препятствовала решительным действиям: Подготовка белградской экспедиции заставила отложить задачу «искоренения крамолы» в Бельгии. Иосиф II ограничился тем, что сорвал свой гнев на неудачливом Муррее, дав ему отставку. Полномочным министром в Брюссель был назначен дипломат Траутмансдорф, командующим войсками — генерал Альтон, злая карикатура на герцога Альбу. Повидимому, каждый из них, по мысли императора, должен был действовать во вверенной их совместному «попечению» стране по своей специальности, олицетворяя два метода господства.

Иосиф II подчинил обоих непосредственно себе, надеясь регулировать лично взаимоотношения между «гражданской» и «военной» властью. В итоге получилась неразбериха, взаимное подсиживание, еще больше обострявшее и без того напряженную обстановку и немало содействовавшее созданию революционной ситуации.

Приехавшему в конце октября Траутмансдорфу пришлось прежде всего столкнуться с тем, что политические уступки правительства теперь уже не удовлетворяли даже светскую оппозицию. Начиная с осени 1787 г., Штаты все настойчивее требовали отмены также и церковных реформ. А об уступках в этом отношении Иосиф II не хотел и слышать, так как он не отказался от своих абсолютистских видов в отношении Бельгии и отступил лишь временно. План нового наступления Траутмансдорфа сводился к строгому, но чисто внешнему соблюдению формальных требований бельгийских конституций, с обходом, по мере возможности, давно изживших себя, чисто средневековых конституционных гарантий и норм. На первых порах метод действий Траутмансдорфа увенчался успехом. Господствующие элементы клерикально дворянской олигархии бельгийских провинций, напуганные размахом и массовым характером антиавстрийского движения, ждали только повода выйти из вынужденного, не свой-

ственного им состояния резкой оппозиции. Первые шаги нового администратора давали известное основание надеяться, что перспектива добиться сделки с императором, при сохранении за привилегированными наиболее существенных материальных выгод их положения, была не совсем исключена. Штаты сразу же ухватились за эту перспективу. Уже 1 декабря брабантские «сословия» согласились проголосовать налог и постановили разойтись, не обеспечив за народом результатов его побед.

Благодаря соглашательству официальных представителей бельгийских провинций пассивное сопротивление прекращалось, австрийская власть вновь получала в свое распоряжение финансовые ресурсы страны, а главное — известную передышку. Ее шансы, таким образом, сильно повысились. Однако, дальнейшая дипломатическая игра Траутмансдорфа была сорвана Иосифом II. Император уже не скрывал своей ненависти к Бельгии, осмелившейся противопоставить себя его самодержавной воле. Порка, штыки, пушки — вот к чему сводился теперь весь «просвещенный абсолютизм» Иосифа II применительно к Бельгии. Под «монаршим» давлением Траутмансдорф слишком рано сбросил маску. 17 декабря администрация была восстановлена в том виде, в каком она была введена 1 апреля. 28 декабря была восстановлена «генеральная» правительственная семинария. Вместе с тем было «разъяснено», что правительство не признает Лувенский университет «брабантской корпорацией» с присущими таким корпорациям правами, привилегиями и автономией.

Не дав стране успокоиться, едва дождавшись перерыва в работе Штатов, правительство спешило перейти в наступление. Знамя, выпущенное из рук санкционировавшими свой роспуск Штатами, попытались подхватить «советы», органы, аналогичные французским парламентам. В Геннегау (21 января 1788 г.) и в Брюсселе (22 января) «советы» отказались опубликовать декларацию министра. В ответ на это Траутмансдорф запретил брабантским советникам расходиться и распорядился окружить солдатами здание, где происходило заседание. Собрался народ. Атмосфера накалилась. Из толпы полетели булыжники, картошка. Раздался залп. На месте осталось шесть-семь человек. После семидесятилетнего перерыва улицы вновь обагрились кровью. Толпа была рассеяна. Напуганные советники в конце концов капитулировали. Строптивая Бельгия была приведена к покорности. Победа метода «кнута» казалась полной. Альтон торжествовал: его линия одержала верх. Самоуверенность генерала дошла до того, что он счел возможным отправить в Австрию полк венгерских гусар Бендера, — самую надежную в бельгийских условиях военную часть из находившихся в распоряжении местных австрийских властей.

Внешнее спокойствие, установившееся в результате расправы, было, однако, обманчивым. Брюссельский залп возвестил окончательный разрыв между императором и бельгийской нацией. Открытая революция теперь была уже только вопросом времени и соотношения сил. Установившееся в Бельгии впервые со времен Альбы господство военщины могло лишь отсрочить революцию — по существу она была предрешена. Отныне иноземная власть и народ были разделены глубокой пропастью. Первые симптомы этого разрыва обнаружились уже немедленно: заем, который попыталась сделать Австрия на нужды турецкой войны, не дал ни одного подписчика. В памфлетах начали преобладать вызывающие резкие ноты, раздавались прямые призывы к восстанию, к низложению монарха. Развязыванию революционных настроений очень способствовала неблагоприятная для Австрии международная обстановка, в связи с начавшейся в 1788 г. войной с Турцией и, особенно, крупными военными неудачами летом 1788 г. Враждебная позиция, занятая Пруссией по отношению к Австрии и ее союзнице России, казалось, повышала шансы антиавстрийского

движения в Бельгии. Своего рода «бродилом» были многочисленные голландские эмигранты-патриоты, нахлынувшие в Бельгию после англо-прусской интервенции в Голландии в 1787 г. Но самым сильным международным фактором, революционизировавшим Бельгию, еще недавно сонную и захолустную, — было интенсивное брожение, охватившее Францию в последний предреволюционный год.

На новом этапе борьба возобновилась с особой остротой вокруг Лувенского университета, упорнейшим образом не желавшего подчиниться режиму, продиктованному из Вены. Правительство не остановилось перед тем, чтобы разогнать основную часть профессоров, прислать на их место своих людей из Вены и эвакуировать самый университет в Брюссель. В тесной связи с борьбой за университет была борьба против вновь возродившихся, а в сущности и не закрывавшихся, епископских семинарий. Впервые, наконец, подняли голос протеста епископы. Атмосфера настолько накалилась, что семинаристов пришлось «выдворять» вооруженной рукой. В Антверпене, Лувене, Мехельне начались в связи с этим волнения, произошли «беспорядки».

Предписывать политику «твердой власти» было не трудно. Осуществлять же ее становилось все труднее. Траутмансдорф, осознавший необходимость уступок и полную неудачу предпринятого им контрнаступления, получал анонимные угрозы. Смелость клира возрастала. Неллис, избранный антверпенским епископом, выдвигался в руководящие фигуры церковной оппозиции и пользовался одновременно широким влиянием в рядах горожан Антверпена — одного из трех китов брабантского третьего сословия. Слухи о проекте ареста руководителей Брабантских штатов явились сигналом для начавшейся эмиграции. В августе 1788 г. бежал ван-дер-Ноот. Существеннее всего, что, начиная с сентября, повстанческими настроениями была охвачена деревня. Крестьяне собирались в вооруженные отряды, во Фландрии стреляли уже по офицерам и гусарам.

В такой обстановке наступила осень — время созыва Штатов. По традиции, Брабантские штаты собирались первыми. На этот раз правительство созвало их последними, надеясь тем самым добиться капитуляции остальных. Однако этот расчет оправдался лишь в отношении Лимбурга и Намюра. Геннегауские штаты, выступавшие и ранее на ряду с Брабантом застрельщиками сопротивления, отказали в субсидиях 18 ноября. 29 ноября ту же позицию заняли брабантские сословия. Повторялась ситуация предыдущего года. Вступать на путь применения силы вторично, в условиях продолжавшейся и пока неудачной войны с Турцией, значило итти на авантюру. Признать конституции и действовать в соответствии с ними запрещал император. Траутмансдорф положительно не знал, что делать, и откровенно сознавался в этом. Иосиф II решил итти напролом и, стремясь придать хотя бы отдаленное подобие легальности подготовлявшемуся им перевороту, 7 января 1789 г. заявил, что действия Штатов Геннегау и Брабанта освобождают его от присяги их конституциям. Под угрозой репрессий — вплоть до разгона, ареста депутатов — Штаты должны были отказаться от политики сопротивления. Брабантские штаты капитулировали — их пока оставили. Не пожелавшие последовать их примеру Штаты Геннегау подверглись «примерному наказанию» и были распущены. Теперь его «апостолическое величество» может «все себе позволить», «все у его ног» — спешили донести из Брюсселя. С целью закрепить и развить успех, был разработан проект реорганизации Брабантских штатов с тем, чтобы вырвать их в дальнейшем из-под влияния брюссельских, антверпенских и лувенских цехов.

В борьбе против «цехов» основных корпоративно организованных городов правительство рассчитывало опереться не столько даже на остальные городские центры, сколько на деревню, используя острый, в условиях развития мануфактуры, антагонизм между старыми твердынями цехов и всей остальной страной. Новый порядок, предусматривавший снижение удельного веса брабантских привилегированных городов за счет некоторого расширения представительства других слоев населения, был декретирован 29 апреля — за несколько дней до открытия Генеральных штатов во Франции. Брабантский совет отказался его зарегистрировать. Эдиктом от 6 июня устанавливались постоянные субсидии от Брабанта определенного размера. 18 июня Штаты осмелились воспротивиться этому. Брабантский совет солидаризировался с ними. Оба органа — два устоя брабантской конституции — были немедленно же разогнаны. «Радостное вступление», просуществовав почти половину тысячелетия, было попрано открыто и окончательно. Накануне этого дня Генеральные штаты в Версале объявили себя Национальным собранием. Это совпадение обострившегося в Бельгии положения с началом французской революции вносило в бельгийскую обстановку существенно новый элемент. Об утрате «Joyeuse Entree» жалело теперь лишь привилегированное меньшинство бельгийского народа, большинство — под влиянием французского примера — стремилось теперь к гораздо более полной политической свободе, к демократии, к борьбе за социальный порядок и социальные идеалы.

При таком настроении в Бельгии грянула на весь мир победная весть о взятии Бастилии. Как только она достигла австрийских Нидерландов, положение стало здесь угрожающим. В конце июля напуганный Траутмансдорф не сомневался уже в роковой неизбежности взрыва. При взимании налогов в Тирлемоне произошли волнения. Было много убитых и раненых. Нечто подобное повторилось и в Дисте, Турнэ, Лувене. В Брюсселе было разбросано 2 тыс. прокламаций с лозунгом «Здесь, как в Париже!» («Ici comme à Paris!») Начавшаяся агитация за союз с Францией, распространилась уже и на армию. Наконец, в Брюссель пришло известие о разразившейся 18 августа революции на родственной бельгийской территории — в Льеже, — революции французского образца. По количеству выходящих памфлетов Брюссель начинает конкурировать с Парижем. В движение вовлекаются все более широкие массы. Этому способствует не столько даже агитация, сколько дороговизна и продолжающееся угнетенное состояние промышленности. Социальный протест начинает играть все большую роль в движении.

В Лимбурге народ поднимается под лозунгом снижения цен и налогов. На границах, за кордоном, собираются волонтеры, число их все увеличивается. Сосредоточением их является сначала Льеж, а с октября, в связи с прусской оккупацией епископства, изгнавшего своего духовного князя,— Голландия, мстящая Иосифу II за причиненную им в недавнем прошлом тревогу. Росту, распространению и укреплению революционных настроений правительство, напуганное французской революцией, противопоставляет все обостряющийся террор. «Не надо принимать в расчет большее или меньшее количество крови», такова личная инструкция императора, данная Альтону еще в июне. В то же время Траутмансдорф писал: «Несправедливость, с какой действуют против подданных вашего величества под предлогом взятия заложников или удаления вождей заговора, приводит в отчаяние нацию и должна вызвать восстание. Все боятся насилия, все бегут, чтобы не быть захваченными самым возмутительным образом. В настоящее время нет ни одной страны в Европе, жители которой были бы в такой мере лишены безопасности, свободы и собственности,

как здесь». Таково свидетельство полномочного министра Иосифа II в Бельгии. Налицо несомненная революционная ситуация. Неизбежный кризис наступил 24 октября.

Победа народного восстания

В ходе развития национально-революционного движения наступал критический, переломный период размежевания между более или менее прогрессивными, в неодинаковой степени демократическими (по своим требованиям), элементами и элементами консервативными. Привилегированные располагали в лице своих провинциальных органов почти готовым аппаратом государственной власти, что в огромной степени тормозило дальнейшее развитие и углубление революции, а именно превращение борьбы за независимость от Габсбургов в революцию против привилегированных.

Симптомы того, что с полной рельефностью обнаружилось лишь после крушения иноземной власти, сказывались и на предшествующем этапе. Как мы имели случай убедиться, головка привилегированных, представленная в Штатах, всегда проявляла склонность к компромиссу с императором и его представителями в Бельгии. Лишь тогда, когда окончательно обнаружилось полное нежелание Вены удовлетвориться каким бы то ни было компромиссом и настойчивое стремление итти напролом, — Штаты оказались вынужденными вступить на путь открытой борьбы. Но и тогда, опасаясь за свои привилегии, лидеры Штатов всячески избегали апеллировать к массам. Подобно своим современникам — польским магнатам — они предпочитали ориентироваться не на борьбу за независимость самой Бельгии, а на иностранное вмешательство. С весны 1789 г. они развернули в этом направлении активную деятельность, чувствуя, повидимому, что иначе движение может пойти по нежелательному для них руслу, углубиться и смести со своего пути не только австрийцев, но и их самих со всеми их привилегиями. Эмигрировавший в 1788 г. ван-дер-Ноот начал весной 1789 г. свой объезд иностранных столиц с Гааги, где у кормила власти стояло реакционное, более того — контрреволюционное правительство штатгальтера, реставрированное англо-прусскими интервентами в 1787 г. и расправившееся с их помощью с голландскими «патриотами». Ван-дер-Ноот предлагал вознаградить голландское правительство за счет фактического расчленения Бельгии. Пресловутый «барьер», ненавистный бельгийскому народу и уничтоженный, наконец, в 1781 г. Иосифом II, должен был быть восстановлен. Бельгия должна была платить Голландии ежегодную дань в 2 млн. флоринов. В качестве кандидата в штатгальтеры будущей «независимой» Бельгии услужливо спешили выдвинуть брата штатгальтера Голландии. Стремление обеспечить свои привилегии против риска народной революции было так велико, что будущие лидеры штатистов, эти «фанатики» католицизма не отказывались обсуждать даже перспективы объединения католической Бельгии с протестантской Голландией, только бы им гарантировали их привилегии.

Параллельно переговорам в Гааге, демарши того же стиля были предприняты в Берлине и Лондоне. Особенно рассчитывали на Пруссию, которая, начиная с лета 1789 г., действительно обнаруживала полную готовность содействовать отторжению Бельгии от Австрии при поддержке Англии. Англичане были не прочь начать заигрывать с представителями бельгийских эмигрантов, но компрометировать себя не желали, боясь толкнуть Австрию в объятия Франции. Последняя была единственной страной, с которой ван-дер-Ноот и его политические друзья не спешили сблизиться: там началась революция, перспектива которой была их жупелом на родине.

Противники ван-дер-ноотистов, фонкисты, или «патриоты», как они предпочитали называть себя сами, — еще до вооруженного восстания вступили в сношения с французскими конституционалистами: с Мирабо, с окружением герцога Орлеанского и, особенно, с Лафайетом. Впрочем, в их политических планах иностранное вмешательство играло тогда вообще значительно меньшую, не основную, а подчиненную роль: основной их ставкой на данном этапе была борьба самой страны, ибо они рассчитывали возглавить эту борьбу и использовать ее в своих интересах. Группировавшиеся вокруг них «наиболее богатые» («les plus riches») были уверены в своем решающем влиянии. Они смело смотрели вперед. Для них дело шло о том, чтобы закрепить свое пока фактическое влияние соответствующей политической организацией не только за счет абсолютистских претензий австрийской власти, но и за счет местных привилегий феодального происхождения (в частности за счет цехов). Правда, их прогрессивные в этом смысле, но лишь очень условно «демократические» стремления ограничивались в основном требованием известной политической передвижки в их пользу— при этом условии они не возражали даже против прежнего трехсословного представительства. Только очень немногие мечтали теперь о Национальном учредительном собрании по французскому образцу. Строго цензовый принцип при высоком цензе характеризовал едва ли не все течения этого направления. Однако, при всей умеренности их идеалов, патриоты-фонкисты боролись за них на первом этапе революции довольно решительно. Разуверившись в «просвещенном абсолютизме» Иосифа II, они не остановились перед перспективой вступить — по примеру своих французских собратьев по классу — на революционный путь для достижения своих политических целей. Тем самым они завоевали крупное политическое преимущество по сравнению со своими соперниками. Сторонники традиционного строя Бельгии могли опереться на почти полное подобие государственного аппарата, за исключением, в сущности, только армии, которую можно было создать в условиях австрийского господства только революционным путем. Патриоты же, не располагая первоначально никакими государственными органами, оказались зато в состоянии организовать небольшую повстанческую армию и возглавить на первом этапе массовое революционное движение.

В то время как штатисты-эмигранты разыгрывали из себя дипломатов, патриоты готовили восстание. В Брюсселе был создан тайный повстанческий комитет. На льежской территории производилась концентрация бельгийских волонтеров, кадрового ядра будущих военных сил инсургентов. 30 августа было получено согласие полковника ван-дер-Меерша заняться их военной организацией и обучением и вообще возглавить их в военном отношении. Вооружение закупалось, главным образом, в Голландии. Была сделана попытка договориться с ван-дер-Ноотом, к нему в Бреду (Голландия) была отправлена депутация, встреченная им, однако, высокомерно. Лишь перспектива оказаться окончательно отстраненным от руководства надвигавшимся восстанием заставила в конце концов ван-дер-Ноота вступить 18 сентября в соглашение с Фонком и его партией. Решено было обратиться с совместным призывом к восстанию, составлен был «манифест к брабантскому народу», представлявший собой довольно механическую и противоречивую комбинацию принципов французской революции со средневековым традиционализмом бельгийских штатистов. Документ этот не касался религии, повидимому, из дипломатических соображений и опасений оттолкнуть протестантскую Голландию. Его опубликование было приурочено к первому вооруженному выступлению.

Вынужденные перейти с территории Льежа в Голландию, волонтеры готовились здесь к военным операциям. Беспечность Альтона сильно

помогла их планам. Почти все его войска (16—18 тыс.), кроме гарнизонов Антверпена, Льежа и Намюра, были сконцентрированы в Брюсселе и состояли, главным образом, из местных уроженцев, оказавшихся очень сильно распропагандированными. Первый неожиданный налет 30 тыс. волонтеров на бельгийскую территорию в районе Тёрнгаута 24 октября увенчался полным успехом. Местное население стреляло по правительственным войскам из окон. Захватив 3 орудия, волонтеры удалились в Голландию. Моральное значение победы было огромно. Последний и единственный аргумент австрийцев в Бельгии — державшийся на штыках террор — оказался лишенным почвы. Альтон окончательно потерял голову. Не ограничиваясь изданными им 19 октября распоряжениями, согласно которым эмигранты наказывались изгнанием и конфискацией имущества, а присоединяющиеся к волонтерам — смертью, он объявил, что «сожжет все деревни, которые поднимут знамя бунта и в которых кто-нибудь из жителей появится вооруженным с целью оказать сопротивление войскам». После Тёрнгаута такая декларация была сама по себе достаточным поводом к массовому общенародному восстанию.

Последним сигналом к нему было взятие повстанцами Гента 13 ноября. Здесь в увеличенном масштабе повторилось то же, что в Тёрнгауте: население приняло активнейшее участие в вооруженной борьбе с австрийцами. Резня, учиненная в отместку войсками, лишь еще более озлобила всю Бельгию. Австрийская власть оказалась вынужденной капитулировать по всей линии, отменить все свои реформы. Но было уже поздно, эти мероприятия лишь еще ярче подчеркнули слабость ее позиций, безнадежность положения. Массовое дезертирство охватило армию, солдаты вспоминали теперь о своем местном (в большинстве случаев) происхождении, чувствовали свою связь с народом. Начались убийства офицеров, переход на сторону повстанцев. Части таяли не по дням, а по часам. Озлобленные бесчинствами, репрессиями, расправами окончательно деморализованной австрийской военщины крестьяне поднимались, вооруженные классическим оружием народной войны — косами, цепами и пр. Наконец, восстала столица, и 12 декабря Альтон был вынужден покинуть Брюссель. Его «отступление» было, по существу, паническим бегством. Было брошено все—вплоть до казны и архивов, включая даже переписку с Веной, содержавшую богатейший разоблачительный материал, тотчас же использованный бельгийцами. Остатки бегущей армии остановились только под охраной укреплений люксембургской крепости. Кроме провинции Люксембург, все остальные девять провинций Бельгии были очищены от австрийских войск, только антверпенский гарнизон продержался до 29 марта следующего 1790 г. Национальная революция победила — 18 декабря члены эмигрантского комитета, созданного в Бреде, совершили свой торжественный въезд в Брюссель.

Реакция привилегированных

Восстание в Бельгии против австрийского гнета носило чрезвычайно широкий, массовый и в общем стихийный характер; уж очень озлоблена была страна деспотической, но слабой, провокационной, но непоследовательной, а на своем последнем этапе — грубо тиранической иноземной властью. В едином порыве нация поднялась и смела оказавшееся гнилым здание австрийского господства. Выступление волонтеров было лишь поводом, лишь толчком. Если кто-либо и организовал этот «повод» и дал «толчок» движению, то это были патриоты-фонкисты, а отнюдь не штатисты, не ван-дер-Ноот и его сторонники: последние вплоть до кануна восстания — до середины сентября — всячески саботировали подготовку восстания. Только под нажимом наиболее агрессивно настроенных церковников, и в частности Эйпена, ван-дер-Ноот пошел

18 сентября (когда вся подготовка к восстанию, в основном, была уже закончена) на тактическое соглашение с Фонком. И тем не менее, лавры победителя достались ван-дер-Нооту. Появление его в Брюсселе окончилось триумфом со всеми соответствующими аксессуарами (лавровый венок, возлагаемый девушкой, и пр.); в нем Брюссель — цитадель мелкой буржуазии Брабанта — видел своего героя, а не в его политических соперниках — фонкистах, своих наиболее опасных, смертельно ненавидимых экономических конкурентах. В лице ван-дер-Ноота консервативная струя движения восторжествовала на другой же день после победы.

Тремя месяцами ранее духовенство сыграло роль своего рода посредника между избегавшими восстания штатистами и шедшими на него фонкистами. Тогда спор шел о тактике. Угрожаемое в своем совершенно исключительном в Бельгии положении, духовенство не останавливалось тогда перед самыми острыми методами борьбы. Теперь выдвигались на очередь программные вопросы, в которых руководящие круги клира, естественно, занимали крайнюю реакционную позицию. Дальше им было абсолютно не по пути с фонкистами, при известных прогрессивных тенденциях этого направления. Тяготение фонкистов к Франции и торжествовавшим там принципам окончательно предопределило разрыв между ними и руководящими клерикальными элементами и прочный союз между церковью и ван-дер-ноотистами. Вспомним, что именно тогда Национальное собрание в Париже проводило свои первые мероприятия, подчинявшие французское духовенство буржуазному государству. Ярче всего выразил все это экс-иезуит Феллер: «Если бы пришлось выбирать между двумя крайностями: установлением у нас царства французской национальной банды (cohue) или пребыванием под властью нашего свергнутого государя, я не стал бы колебаться, — писал он, — я призвал бы самого Альтона со всеми худшими палачами из среды австрийской военщины».

Опираясь на подавляющее большинство привилегированных, на полную поддержку церковных верхов, располагая такой сравнительно широкой базой, как корпоративно организованные ремесленники, а главное — используя свои ресурсы, ресурсы органов почти государственного типа, провинциальные Штаты с невероятной поспешностью ринулись с целью захвата государственной власти во всей ее полноте. В условиях, когда весь народ в лице его демократического большинства только что кровью отвоевал свою независимость, свое верховенство, свой суверенитет, — привилегированные заботились лишь о том, чтобы вновь обеспечить за собой монополию власти. По существу, это была узурпация; так ее и воспринимали действительно демократические массы, не связанные реальными или иллюзорными цеховыми привилегиями. В Лимбурге народ поднялся против привилегированных, в Геннегау и ряде других мест открыто проявлялась враждебность к провинциальной администрации. Несколько иначе обстояло дело в Брюсселе, Антверпене, Лувене. Ремесленники — активнейший элемент этих привилегированных городов Брабанта — расценивали революцию прежде всего с точки зрения восстановления своего экономически и политически монопольного привилегированного положения. Они рассчитывали выйти благодаря ей из состояния экономической депрессии и взять политический реванш над своими конкурентами — мануфактуристами, побивавшими их экономически. Эти явно утопические мечты связывались у цеховщины с господством Штатов. Узкий, цеховый кругозор превращал ее теперь в орудие реакции. Подобные настроения и иллюзии распространялись не только среди хозяйчиков, но насаждались среди полупролетариата и плебейских элементов этих городов, бившихся в тисках безработицы, в частности — среди грузчиков.

12 декабря австрийцы бежали из Брюсселя, а уже 14-го началась подготовка к государственному перевороту. 27 декабря Брабантские штаты сделали в этом направлении чрезвычайно характерный шаг: избегая присяги народу, что символизировало бы признание народного суверенитета, сословия присягнули друг другу и все вместе — церкви. Это был не только внешний жест — Штаты давали понять, что средневековые порядки Бельгии останутся неприкосновенными, что мечты о бельгийском Национальном собрании, по образцу французского, должны быть оставлены. «Народ имеет прекрасное представительство своих трех сословий, — писали публицисты «штатистского» направления. — Кто может быть лучшими представителями христианской нации, как не ее епископы? Кто знает лучше интересы добрых поселян, чем их сеньеры, их господа и отцы, отождествляющие свои выгоды с выгодами цензитариев?» Глубоко реакционная тактика Брабантских штатов оставалась таковой, несмотря на маскировавший ее слабый «демократический» маневр — незначительное усиление представительства третьего сословия. Примеру Брабанта последовали органы привилегированных остальных провинций, позже всех — и лишь под давлением извне — Лимбург. Штаты Геннегау, где демократические настроения были очень сильны, сделали, однако, при этом важную оговорку в своем манифесте от 21 декабря. «Нация озаботится,—писали они здесь, — об организации исполнительной власти, как только она сможет с достаточным спокойствием заняться этим интересным и деликатным вопросом; временно же (provisionnellement) Штаты соглашаются нести эту тяжелую обязанность». По мере того, как линия сторонников неприкосновенности Штатов брала верх, все стремившиеся к демократическим реформам архаических конституций объявлялись «врагами родины». Немедленно были приняты меры и для организации общебельгийской власти на основе существующих провинциальных Штатов — во избежание все того же Национального собрания. 20 декабря, еще до первого собрания Брабантских штатов, брюссельские лидеры предложили остальным провинциальным Штатам образовать совместно с Брабантом «Генеральные штаты». 27 декабря Эйнен, уже присвоивший себе в порядке чистой узурпации звание «государственного секретаря Бельгийских соединенных штатов» (ван-дер-Ноот тем же порядком стал «государственным министром»), обратился к провинциальным Штатам с предложением прислать своих депутатов на первое заседание Генеральных штатов, назначенное на 7 января. Собравшись, депутаты сразу же постановили вести всю свою работу при закрытых дверях, отгородившись таким образом от неизбежной критики со стороны народа и от прямого воздействия трибун. 11 января 1790 г. была подписана уния на основе доведенного до абсурда федеративного принципа. Было принято название «Бельгийские соединенные штаты». Исполнительная власть поручалась «Конгрессу», законодательная — «Генеральным штатам». Впрочем, и тут и там заседали те же лица. Элементы известного чисто внешнего подражания Америке (по линии федеративных начал конституции Соединенных Штатов) комбинировались здесь с совершенно средневековыми формами, с явным полным преобладанием средневекового содержания, с попытками реставрации феодальных привилегий XIV—XV веков.

Реакционный переворот, молниеносно осуществленный таким образом штатистами, удался только потому, что не встретил достаточного отпора. Элементы подлинно демократической оппозиции штатистам были в Бельгии вовсе не так слабы, как кажется на первый взгляд. Им нехватало лишь организации, руководства. Фонкисты, сумевшие возглавить антиавстрийское движение народа, оказались несостоятельными на поприще руководства борьбой с реакционными Штатами. Критиковали они своих сопер-

ников яростно, нападали на них ожесточенно, но их критика и их нападки не могли вдохновить подлинно народные, действительно демократические массы. Их брюссельский политический центр получил название «Клуба купцов», и это было совершенно справедливо. Оппортунизм Фонка был слишком мелок, слишком узок, слишком классово эгоистичен, чтобы массы могли пойти за Фонком и его сторонниками и дальше. Их политический идеал оказался в условиях революции положительно скудоумным. В общем, они ограничивали свои пожелания одним лишь исправлением — и то не столько бельгийской вообще, сколько брабантской — конституции. Сам лидер решительно отмежевывался от требования созыва учредительного собрания, признавал существующие основные законы в принципе превосходными, соглашался оставить сословный принцип представительства. Он настаивал только на том, чтобы в Штатах дано было место представителям крупной буржуазии, мелкого дворянства, белого духовенства, частично — крестьян, не допускавшихся туда при старом порядке вещей. Наследственную аристократию он стремился заменить «аристократией по избранию» (aristocratie élective), которая противопоставлялась у него не только «аристократии исключительной», но и мало-мальски реальной демократии. Ратуя против привилегий и монополий, чрезвычайно влиятельные среди фонкистов крупные торговцы и гордившиеся своей «просвещенностью» и «вольнодумством» адвокаты особенно болезненно переживали, что политические привилегии предоставлялись конституциями не им, а «грубой мастеровщине, ходившей в церковь», всем этим ремесленникам, которые под защитой покровительственных пошлин «являлись монополистами на рынке, удорожали предметы потребления, разоряя торговлю». Даже наиболее демократичные элементы этой «демократической» партии не могли изжить своей типично либеральной ограниченности.

Слабость фонкизма была чрезвычайно искусно использована штатистами. В то время как «демократы» постепенно утрачивали свое влияние на массы, довольно сильное в результате их решительной борьбы с австрийцами, штатисты, или «аристократы», укрепляли ловкой антифонкистской демагогической агитацией связи со своей массовой базой в городах — ремесленниками. В Брюсселе обсуждалось уже предложение об изгнании из города всех, кто не принадлежит к «штатам»,— ремеслам или духовенству. Активная агитация была развернута штатистами и в деревне, где духовенство фабриковало петиции крестьян с отказом от претензий на предоставление им политических прав.

В напряженных условиях борьбы за власть между двумя политическими кликами, каждая из которых отражала, в конечном итоге, интересы незначительного меньшинства всего народа, небольшая страна, только что сбросившая с себя иго одной из великих держав, должна была готовиться к отпору неизбежной попытки своего бывшего властелина вернуть утраченные позиции. Предстояло закрепить успех, достигнутый в исключительно благоприятной для Бельгии и очень тяжелой для Австрии обстановке. Необходимо было мобилизовать все ресурсы народа, всю его энергию, использовав для этого передышку, длившуюся, благодаря продолжавшимся международным затруднениям Австрии, целый год — вплоть до осени 1790 г. Ни штатисты, ни «демократы» не доросли до широкой постановки этого вопроса в национальном масштабе. Каждая из этих группировок боролась за свои узко классовые и к тому же узко местные интересы. Эти интересы были чужды основной массе народа, и потому народ оставался пассивным зрителем их борьбы. В результате, к моменту решительного столкновения, нация оказалась не только безоружной, в буквальном смысле слова, но и перед лицом морально разоруженной

грозного врага. Беспринципное соперничество боровшихся клик, а затем — безобразное хозяйничанье одной из них, победившей другую, привели к тому, что возвращение австрийцев перестало уже казаться столь страшной перспективой.

Провозгласив господство и суверенитет Штатов на основе их прежних конституций и не допустив к участию в них фонкистские элементы, штатисты еще не добились, однако, единовластия своей партии. Вооруженная сила была еще целиком в руках фонкистов, в частности потому, что волонтеры экипировались долгое время на свой счет и потому вербовались на первых порах преимущественно из буржуазных сынков. В руках симпатизировавших «демократам» слоев были и основные финансовые ресурсы. Наконец, фонкисты пользовались все же известным влиянием в столице. В результате штатисты оказались вынужденными первоначально уступить им руководство финансами, а также военным министерством, куда был назначен герцог Урсель. Вместе с тем штатисты приложили все силы, чтобы сбросить с себя подобную зависимость от фонкистов. Этой зависимости они предпочли зависимость от Пруссии — единственной державы, которая, казалось, обнаруживала склонность оказать бельгийцам более или менее реальную помощь против Австрии. В самом начале 1790 г. прусский генерал Шенфельд был приглашен на бельгийскую службу, и 8 февраля ему поручено было инспектировать полки. Штатисты явно выдвигали его в главнокомандующие вместо ван-дер-Меерша, руководившего борьбой с Австрией. Было ясно, что этой своей позиции фонкисты без боя не уступят. На ответственнейшем участке подготовлялась, таким образом, гражданская война, в то время как необходимо было бросить все силы на укрепление армии.

При такой сгустившейся атмосфере пришло известие о смерти Иосифа II, о нидерландской политике которого даже его союзница Екатерина II сказала, что «в сем деле его оправдать нельзя: то он от них все отнимал, то возвращал, то паки отнимал и паки отдавал». На престол вступил Леопольд, еще до смерти Иосифа II подготовивший манифест к бельгийцам, где он порицал политику своего брата и обещал широкие уступки Бельгии. Уже 3 марта 1790 г. манифест был опубликован. Фонкисты, предвидя трудности борьбы с Австрией, а частично и потому, что они уже начинали, повидимому, предпочитать перспективу возвращения под власть Габсбургов подчинению штатистам, стояли за переговоры с преемником Иосифа II. Этого было достаточно, чтобы штатисты отказались от переговоров. Все свои надежды они возлагали уже на Пруссию, в расчете, что она не допустит насильственного подчинения их австрийцам. Свою же собственную армию они, повидимому, по злой воле, оставляли без всего, не желая содействовать своим соперникам—фонкистам, опорой которых все еще была армия. Тем самым они обрекли Бельгию на превращение ее в игрушку Пруссии.

Борьба между штатистами и фонкистами достигла своего максимального обострения. Штатисты использовали соглашательскую по отношению к Австрии позицию своих противников и развили бешеную агитацию. Фонкистские волонтеры в Брюсселе отказались присягать Штатам. Одновременно в городе появились плакаты, призывавшие к расправе с фонкистами. Ворота многих домов оказались мечеными; полиция и администрация смотрела на это сквозь пальцы. 16 марта собралась толпа. Было много ремесленников, грузчиков, так называемых capons du rivage, славившихся своими буйными нравами. С криками «Да здравствует ван-дер-Ноот» толпа приступила к погрому. Впрочем, разгрому подверглись дома не столько действительных лидеров фонкистов, сколько ростовщиков, наиболее ненавидимых рабочими и ремесленниками, торговцев, мануфактуристов и пр. Движение грозило перерасти в борьбу за социаль-

ные преобразования. «Здесь боятся, как бы настроение не достигло той точки, при которой Брюсселю будет в конце концов грозить судьба Мюнстера по времена анабаптистов», — доносил русский консул Фацпус в Петербург. Как бы то ни было, фонкисты были в Брюсселе разбиты окончательно. Организации их были запрещены, лицеры бросились бежать или капитулировали. Однако набрались страху и все вообще состоятельные элементы, что способствовало укреплению среди них самых реакционных настроений.

Единственной надеждой фонкистов была теперь армия, под охрану которой собралось большинство их руководителей. Здесь господствовало сильное возбуждение, раздавались голоса, требовавшие самых энергичных и крутых мер против штатистов, писались петиции, протесты. Особенно горячились офицеры. Однако к этому времени штатисты успели уже создать и свою вооруженную силу и двинули ее в первых числах апреля против фонкистских волонтеров. В результате происшедшей встречи Меерт дал себя арестовать, — этим все дело закончилось. Фонкисты потерпели поражение и здесь и вынуждены были эмигрировать. Защитники старинных привилегий во всей их полноте одержали окончательную победу.

В результате этой победы штатисты показали себя во всем своем неприглядном виде, со всей своей неспособностью вести народ к борьбе. Среди нации они оказались изолированными. Армию они создать не сумели и продолжали попрежнему уповать лишь на Пруссию. Командование было вручено пруссаку Шенфельду, заинтересованному в том, чтобы полная зависимость Бельгии от Пруссии продолжалась и далее. Бездействовавшие войска разлагались, солдаты дезертировали массами, во всем был недостаток, финансисты саботировали штатистское правительство, повышать налоги правящая клика опасалась, боясь быть свергнутой. Добровольные пожертвования давали очень мало. Отдельные попытки сбросить диктатуру штатистов и установить более демократический порядок (Лилль, Гент) не выходили из местных рамок и лишь еще более подчеркивали безысходный тупик, в который завели Бельгию штатисты. Никакая искусная патриотическая агитация под лозунгом «священной войны», никакие демонстрации крестьян, которых пытались расшевелить угрозами неприятельского нашествия, не могли возместить того, что фактически народ ничего от революции не получил. Привилегированные элементы завели революцию в тупик. Катастрофа была вопросом только времени.

КОНФЛИКТ С ИМПЕРСКИМИ КНЯЗЬЯМИ ПО ВОПРОСУ ОБ ЭЛЬЗАСЕ

По Вестфальскому миру 1648 г. Эльзас перешел во владение Франции. Франция признала феодальные суверенные права немецких имперских князей в Эльзасе при условии признания ими суверенитета французского короля. В свое время немецкие князья сами шли под власть сильного версальского двора, получая грамоты, в которых обусловливалось признание суверенитета французского короля. Если по этим грамотам верховные права эльзасских сеньеров ограничивались королевской властью, то, с другой стороны, сеньеры освобождались от налогов и от подчинения королевскому суду. Тем не менее германский император продолжал рассматривать князей, как полноправных членов империи. Князья охотно соглашались с таким «двойным подданством», так как они извлекали из него некоторые выгоды.

Начало конфликта

Вспыхнувшая во Франции революция и в частности декреты 4—11 августа об отмене феодальных повинностей, при всей их половинчатости, а также декрет о передаче церковных земель государству существенно задевали права немецких феодалов.

Однако, конфликт между французским правительством и имперскими князьями в Эльзасе начался задолго до августовских дней 1789 г. Он возник на почве недовольства владетельных князей эдиктом французского короля от 12 июля 1787 г., которым в Эльзасе вводилось новое управление. В силу этого эдикта имперские князья, не будучи французскими подданными, лишались права участия в представительных собраниях, а следовательно и права защищать свои сословные интересы (привилегии). В среде имперских князей начались разногласия. Одни считали необходимым обратиться к французскому королю с петицией об изменении эдикта, другие же, находясь в материальной зависимости от версальского двора, не хотели осложнять с ним отношения. Министр иностранных дел Людовика XVI Вержен упорно проводил политику мирного проникновения (pénétration pacifique) в Рейнскую область с помощью союзов и субсидий. Князья обладали видимостью суверенной власти, фактически же они действовали по указке Версаля. Герцог Цвейбрюккенский был, например, связан с Францией не только большими денежными субсидиями и займами, но и договором, по которому он обязан был всюду в империи содействовать установлению добрых отношений между Германией и Францией и всегда выступать в интересах Франции. Ясно, что ему было неудобно становиться в открытую оппозицию к версальскому двору.

Когда в январе 1789 г. был издан указ Людовика XVI о созыве Генеральных штатов, столкновения с имперскими князьями обострились. Они не хотели признавать представительных органов Франции, отказывались участвовать в собраниях Генеральных штатов и подчиняться их решениям. Это сопротивление имперских князей всем мероприятиям, которые угрожали их привилегиям, чрезвычайно озлобляло против них население Эльзаса и способствовало еще большему, чем в остальной Франции, росту антифеодальных настроений среди крестьян и бюргерства. «Нигде во Франции народ не присоединился к революции с бо́льшим энтузиазмом, чем в провинциях с немецким населением», — писал Энгельс.[1]

Революция в Эльзасе

Революция в Страсбурге произошла 19—20 июля, как только пришла весть о взятии Бастилии. В некоторых округах Эльзаса население также сразу откликнулось на июльские события. Толпы крестьян двинулись к монастырям и бросились на замки сеньеров. В Феррете крестьяне сожгли архивы, в которых хранились феодальные грамоты, — памятники крестьянского рабства. В начале августа кёльнские газеты много писали о крестьянском движении в Эльзасе, которое не задержалось на границе, а с большой силой перебросилось в соседние немецкие государства на Рейне.

В Трирском курфюршестве, около Кобленца, крестьяне отказались платить десятину. «В Санкт-Венделе, Санкт-Ингберте и в Лосхейме возникли беспорядки»; тот же источник говорит о волнениях в Лошейде, Бетшейде, Гинцерате, Куре, Бероне, Эранге и Фере, во многих общинах на Гунсрюке «дошли до расхищения лесов». В правобережной части курфюршества в августе 1789 г. были волнения в Монтабауре, Нидерзельтерсе и Лимбурге. Крестьяне отказывались от уплаты десятины. В Саарской области крестьяне также отказывались от уплаты многочисленных налогов, от несения барщины и не желали признавать лесных законов. В Саарбрюккене бюргеры подали князю жалобу с 40 требованиями, которые он вынужден был принять. Почти все крестьянские волнения происходили из-за пользования лесом и из-за десятины, говорит один современный автор. «Деревни требовали французских свобод». Чтобы остановить беспорядки в Пфальцской

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 489.

области, курфюрст Пфальц-Баварский в начале августа поставил на французской границе кордон кавалерии. Но у мелких князей не было своих войск, им приходилось вымаливать охрану у более могущественных соседей, которые ее тоже даром не давали. В этом отношении характерно письмо прусского представителя при Нижнерейнском округе Дома к Фридриху-Вильгельму II от 4 декабря 1789 г.: «Князь Нейвидский писал мне, что среди его подданных царит дух восстания и что они показывают пример дерзкого неповиновения, отказываясь платить налоги; что же касается дров и пользования лесом — дело доходит до эксцессов. Чтобы восстановить послушание и в особенности потерю столь значительных княжеских доходов... князь просил меня обратиться к вашему королевскому величеству, не согласится ли в. к. в. ему помочь присылкой из везельского гарнизона команды в 30 человек с одним лейтенантом против его непокорных подданных».

Таковы были отклики на июльские дни 1789 г. в Эльзасе и в пограничных с ним немецких княжествах. Крестьяне подымались, стряхивали с себя гнет феодальных повинностей, бюргеры требовали участия в управлении, князья поспешно мобилизовывали свои силы. В Эльзасе феодальный режим был снесен поднявшейся деревней: «4-е августа лишь санкционировало насильственные действия крестьян и было дополнено конфискацией дворянских и церковных имуществ». [1]

И городская демократия Эльзаса и городов западной Германии не осталась безучастной к великому освободительному движению во Франции. В 80-х годах XVIII века почти во всех крупных городах западной Германии, - в Кёльне, Трире, Бонне, Кобленце, Ахене, — происходили постоянные цеховые волнения, шла ожесточенная борьба ремесленных масс с городским магистратом, который находился в руках нескольких патрицианских семейств города. При этом цехи крепко держались за все старые установления и традиции и видели причину упадка своего материального благополучия в новых формах организации труда и производства, которые создавались растущим капитализмом. Во всех этих городах руководители цехового движения требовали восстановления конституций XVI, а иногда и XIV веков: массы городской демократии видели свое спасение в возврате к давно ушедшим формам жизни. Интересно отметить, что сразу после 14 июля 1789 г. в этих цеховых волнениях, носивших такой архаический средневековый характер, произошли существенные сдвиги, новые лозунги стали проникать в эту среду, и движение начало принимать совсем другие формы. «Бюргеры в цехах сделали себе кокарды на французский манер и приготовились выступить с лозунгом «Париж». — писал имперский советник в Кёльне Боссарт 13 августа 1789 г. В феврале 1790 г. на куркёльнском ландтаге представители городов смело защищали свое требование об уничтожении всей системы налогового обложения, основанной на сословных привилегиях феодального времени, и об установлении такой системы, которая соответствовала бы новому пониманию государства, а также прав и обязанностей граждан государства. В анонимной брошюре, которая была написана по этому поводу в Бонне и должна была служить руководством и наказом для городской курии ландтага, четко сформулирована мысль, что свобода дворянства и духовенства от налогов должна быть отменена, так как все основания для таких привилегий, на которые опирались эти сословия, противозаконны с точки зрения прав человека. Автор этой брошюры, конечно, учитывал августовские события в Париже и грандиозные перемены в политической конъюнктуре на Западе. В заключительной части этого «наказа» прямо говорится:

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 370.

«Никогда еще не было более подходящего момента, чтобы осветить злоупотребления, чем настоящий, когда люди освобождаются от бесконечных ошибок и предрассудков прежних веков, когда во всей Европе просыпается разумное понимание ценности человека как человека, будь он священник, аристократ, бюргер или крестьянин». Обычные городские волнения и требования, которые удавалось раньше задавить или предупредить указом из Вены, или княжеским окриком, или, в крайнем случае, применением военной силы местного гарнизона, — в этот период развертывания революции во Франции принимали гораздо более настойчивый и угрожающий для правящего класса характер.

Протест князей по поводу августовских декретов 1789 г.

Августовские декреты 1789 г. вызвали глубокое возмущение среди имперских князей, считавших себя «почетными иностранцами» во Франции и не желавших уже с 1787 г. подчиняться чужим стеснительным законам. Однако все пострадавшие князья, во главе с наиболее непримиримым и влиятельным из них, епископом Шпейерским, полагали, что это только продолжение обычного их спора с французским правительством, которое не учитывает их специфических договорных прав. Они считали, что этот спор не должен выходить за рамки их отношений с Францией.

Вот почему имперские князья обратились сразу, как обычно, с жалобами в Версаль. Епископ Шпейерский, маркграф Баденский и нижнеэльзасское духовенство писали королю, большинство же князей подало жалобу в Национальное собрание. Людовик XVI и правительство отнеслись теперь гораздо более благожелательно к претензиям имперских князей, чем раньше. Они твердо держались того мнения, что по отношению к Эльзасу декреты надо модифицировать. В этом смысле король и высказался в Национальном собрании 18 сентября, когда ему предстояло санкционировать августовские декреты. Глава сословного государства, он ставил сословные интересы выше национальных интересов государства. Когда эти интересы столкнулись в непримиримом противоречии, он стал на точку зрения имперских князей. Он предупредил Собрание, что применять к имперским князьям такие декреты — значит нарушить мюистерский и рисвикские договоры и вызвать столкновение с империей. Однако, общая политическая ситуация была такова, что король должен был подписать декреты в том общем виде, как ему их представило Национальное собрание. Для имперских князей в Эльзасе не было сделано исключения. Легальный путь обращения их к французским властям был пройден и ничего не принес, несмотря на сочувствие французского правительства. Оставался только путь выступления не в качестве сеньеров Французского королевства, находящихся на особом положении, а в качестве чинов империи, князей, подчиненных императору Священной Римской империи германской нации. На этот путь сразу и решительно встал епископ Шпейерский, наиболее непримиримый крепостник. Он был убежден, что нарушать старые франко-германские договоры нельзя без того, чтобы Франция тем самым не потеряла права на Эльзас. Отсюда, по его мнению, могло быть два выхода: или Франция должна восстановить нарушенные права, или же империя имеет право отобрать Эльзас. Феодальная логика приводила к тому, что нарушение прав имперских князей в Эльзасе представлялось делом общеимперским. На такую «последовательную» позицию стал епископ Шпейерский, к которому присоединился ландграф Гессен-Дармштадский; Вюртемберг и Баден были в нерешительности; герцог Цвейбрюкенский выступил против этой точки зрения; его представитель в Регенсбурге откровенно сказал, что сеньер не может обойтись без французских денег.

Мелкие князья боялись разрыва с версальским двором, авторитет которого был в их глазах гораздо выше венского, и хотели продолжать политику соглашения.

Роль Пруссии в конфликте

Смятение среди немецких князей оказалось в тот момент на руку Пруссии, которая решила использовать создавшуюся ситуацию в своих интересах. Обиженные имперские князья были ей полезны в двух отношениях: во-первых, помогая им осуществить свои претензии и организуя их, Пруссия привлекала тем самым новых членов к Лиге князей, основанной Фридрихом II в год его смерти как бы в защиту имперской конституции против посягательств на нее со стороны Австрии; во-вторых, Пруссия рассчитывала вовлечь в конфликт Австрию, заставить ее порвать договор с Францией и, может быть, вызвать войну между Австрией и Францией. Во всяком случае, прусский посол в Париже Гольц имел инструкцию искать связей с французскими демократами и вести переговоры о союзе. Правда, из этого ничего не вышло, так как Гольц встретил сопротивление Монморена, который держался старого союза с Австрией, но попытки сближения с демократической Францией делались Пруссией до конца февраля 1790 г., когда изменившаяся ситуация внутри империи принудила Фридриха-Вильгельма II отказаться от двойственной игры. В достижении же своей ближайшей цели Пруссия была счастливей. В самом начале сентября 1789 г. прусский король отправил своего представителя в Регенсбурге Герца, опытного и ловкого дипломата, ко дворам обиженных князей, с целью разжечь их ненависть к Франции и крепче привязать их к Пруссии, ослабив тем самым позицию Австрии.

Эльзасский вопрос в Национальном собрании

В результате энергичной деятельности Герцу удалось убедить всех князей Верхнерейнского, а затем и Куррейнского округов направить протест в Национальное собрание. Протесты округов и отдельных князей направлялись в два комитета Национального собрания: Феодальный и Дипломатический. Феодальный комитет был близко знаком с положением дел в Эльзасе, так как среди его членов было много эльзасцев. Из них Ребель и синдик Швендт резко выступали против феодальных привилегий и, в частности, считали нужным игнорировать «смехотворные», — как выражался Ребель, — жалобы имперских князей. Другие же эльзасские представители, как страсбургский бургомистр Тюркгейм или аббат Эймар, стояли на консервативных позициях вообще, а в отношении имперских князей требовали сугубо осторожного решения. К последним присоединялся и Монморен, осаждаемый агентами князей и австрийским послом Мерси. Наконец, Мирабо, возглавлявший Дипломатический комитет, предложил по-иному разрешить конфликт с эльзасскими князьями. Он советовал, не входя в юридические тонкости вопроса, откупить у князей их земли и права. Предложение, казалось, было чрезвычайно выгодно князьям, так как совсем не затрагивало их политических прав в Германии. Мирабо и докладчик Комитета Мерлен боялись, чтобы Национальное собрание не провалило его. Доклад Мерлена по этому вопросу был составлен исключительно ловко, в духе легистов старого режима. Сперва он долго и с большим подъемом говорил, что принадлежность Эльзаса к Франции не может вызывать ни малейшего сомнения, так как эта связь подтверждена не только двумя трактатами, но и положительным отношением населения к революции и поддержкой им Национального собрания. Имперские князья должны быть подвергнуты той же участи, что и другие сеньеры Франции, но, «принимая во внимание дух мира и братства», Мерлен предложил принять декрет о выкупе земель и прав этих князей, рассматривая

эту компенсацию, как милость революционного народа. В такой ловко замаскированной форме декрет прошел 28 октября 1790 г. Но гораздо раньше, еще в мае 1790 г., Монморен поспешил послать к князьям своего доверенного Тернана, который должен был уговорить князей принять французское предложение. Тернан обходил юридическую сторону вопроса, а выдвигал только практическую, но выгода этого дела казалась князьям сомнительной. Особенно непримиримым был Август Шпейерский. Мысль Мерлена, что «права наций регулируются не договорами князей», никак не могла войти в его феодальное сознание. Миссия Тернана не удалась.

Эльзасский вопрос в рейхстаге

В рейхстаге, собравшемся в ноябре 1790 года, образовались две партии: непримиримые во главе с епископом Шпейерским и умеренные, направляемые Ганновером, за которым стояла Англия. Представитель Ганновера требовал, чтобы рейхстаг, прежде чем выносить решение, изучил конкретные требования князей и предложения Национального собрания. Имперские представители отмалчивались, маскируя сдержанным отношением отсутствие решения и неопределенность австрийской позиции в этом вопросе. По существу Австрия, как и Англия, рассчитывала на ослабление Франции без войны, боясь усиления Пруссии в Германии и России — на Востоке. Леопольд II вынужден был, по настоянию рейхстага, послать 14 декабря 1790 г. письмо Людовику XVI. Оно было составлено в мягких тонах, не содержало никаких ультимативных требований, на которых настаивала партия непримиримых. Но когда Людовик XVI представил письмо Леопольда Национальному собранию, оно усомнилось в подлинности этого письма и, на всякий случай, постановило снабдить национальную гвардию новыми ружьями и приняло соответствующие меры защиты юго-восточных границ. Ответ Людовика XVI, последовавший 22 января 1791 г., был проникнут чувством возмущения, которое испытало Национальное собрание при чтении письма Леопольда. В этом ответе говорилось, что Эльзас не имеет ничего общего с Германской империей.

Гражданская война в Эльзасе

6 февраля 1791 г. Национальное собрание низложило страсбургского кардинала Рогана, который с самого начала конфликта с имперскими князьями действовал заодно с епископом Шпейерским. Вместо него 6 марта был избран епископом Нижнерейнского департамента Брендель. Этот факт на ряду с такими событиями, как национализация духовных земель и уничтожение религиозных орденов, вызвал большое волнение среди католического населения Эльзаса и на Рейне. Майнцские газеты писали об этом факте, как о грозном событии, которое может повлечь за собой гражданскую войну. Собственно говоря, гражданская война в Эльзасе была в полном разгаре еще зимой 1790/1791 г. Эльзасское духовенство сохраняло за собой свои должности и земли и проявляло большую активность в контрреволюционной агитации. К тому же оно получало поддержку от высшей духовной власти из-за границы, от кардинала Рогана, епископов Шпейерского, Базельского и др. В сущности, весь Эльзас сотрясался от аграрных и церковных волнений. На контрреволюционный переворот внутри страны рассчитывала французская эмиграция, имперские князья и феодально-абсолютистские монархи.

Роль курфюрста Майнцского

После низложения кардинала Рогана имперские князья и эмигранты приобрели активного союзника в лице могущественного князя империи — Фридриха-Карла фон-Эрталя, курфюрста Майнцского, который был и митрополитом Страсбургским. Как председатель курфюршеской коллегии, Майнцский архиепископ и курфюрст считался первым по рангу князем империи, что совсем не соответствовало политическому и экономиче-

скому значению его княжества. Но хитрому, честолюбивому князю, «любителю больших дел и политических раздоров», — как о нем писал русский посол во Франкфурте, Н. П. Румянцев, — хотелось вести самостоятельную политику, прослыть великим государем, затмить славу Фридриха II и Иосифа II. Главное его внимание было обращено на внешнюю политику, которая приняла при нем очень активный характер. Прежде всего, он решил выйти из зависимого от Австрии положения и искать новых комбинаций, которые помогли бы ему играть первую роль. Для этого он еще в 1785 г., при вступлении на трон нового прусского короля, вошел в Лигу князей против желания Австрии, Франции и России. Этот шаг вызвал большой энтузиазм в Пруссии и сделал Майнцского курфюрста популярным в протестантских странах. После этого Эрталь начал борьбу с папой, поддерживая учение о независимых епископатах, развиваемое Трирским епископом Февронiусом. По известным Эмским пунктам (1785 г.) папские нунции отменялись, а вся власть переходила к местным митрополитам, в чьих руках должны были быть сосредоточены и управление и суд. Приобретенная собственными усилиями независимая власть Страсбургского митрополита была особенно дорога Майнцскому курфюрсту. Напуганный революционными выступлениями не только во Франции, но и в своей резиденции, задетый декретами Национального собрания, как митрополит Страсбургский, Фридрих-Карл решил взять в свои руки и дело эльзасских князей и дело французских принцев-эмигрантов.

Беспокойство «духовного отца» имело под собой вполне реальное основание. В самом деле, революционная пропаганда в прирейнских странах летом и осенью 1791 г. стала особенно оживленной. К этому времени многие немецкие демократы перебрались в Страсбург и Ландау, чтобы оттуда вести пропаганду новых идей через печать. Как только стало известно о готовящемся контрреволюционном выступлении германских князей и французских эмигрантов, так сразу через границу были переброшены листовки и прокламации, призывающие к восстанию и раскрывающие значение революционных событий во Франции. Одним из таких чрезвычайно популярных произведений зарубежной революционной пропаганды была анонимная листовка под заглавием «Крестовый поход против франков. Патриотическая речь, которую можно было бы держать в германском имперском собрании». Автор предлагает не вмешиваться в дела Франции: «Вы боретесь не за короля, а за любовниц, фаворитов, царедворцев, жадных откупщиков, жирных прелатов, монахов-бездельников и т. п. Германские князья опираются на раздробленность страны и на то, что немецкие бюргеры и крестьяне так отстали, что не имеют понятия о государственном устройстве».

Несравненно более выразительно была написана листовка на немецком языке под заглавием «Последнее обращение свободных франков к угнетенным немцам». В ней звучали и призыв и угроза класса, поднявшегося и осознавшего свою силу и правоту. «Почувствуйте свое рабство, благородные немцы, поймите, наконец, что князья хотят сделать вас несчастным орудием смерти против нас, франков, тех, кто предлагает вам дружбу, обещает не трогать ваших конституций и любить вас, как добрых соседей, и которым, тем не менее, ваши деспоты угрожают войной потому, что мы сбросили с себя железные цепи, которые вы еще носите. Мы, франки, хотим бороться за нашу свободу, победить или умереть. А вы, ослепленные немцы, хотите погибнуть за ваших князей, которые высасывают кровь из вас, ваших сыновей, мужей и друзей, чтобы после сомнительной победы приготовить вам еще более крепкие цепи. Послушайте нас! Разорвите рабские цепи ваших расточительных князей и их жадных министров. Мы вам протягиваем руку, чтобы вместе сражаться и

умереть за вас, чтобы защитить вашу свободу, вашу собственность и ваш очаг! С нами вы свободны, вы наши братья! Но если вы все-таки хотите остаться рабами и не слушать голоса свободного народа, если вы хотите протянуть руку для смертоубийства своим князьям и сбежавшим бандам наших гордых злодеев — о, тогда вы недостойны нашей милости, и мы превратим вас, как то сделал сто лет тому назад наш деспот, в нищих, не пощадим вашей крови и собственности и победим или умрем за нашу свободу одни — так как мы франки!». [1] Эти волнующие воззвания распространялись, по свидетельству современников, широко в общественных местах, разбрасывались на рынках, площадях, наклеивались на стены домов, гостиниц и т. д. И естественно, что они находили отклик не только в деревнях, где ненависть к феодальной эксплоатации была особенно сильна, но и в городах среди ремесленников и подмастерьев, не говоря уже об университетской интеллигенции, впитавшей идеи французской революции и презиравшей власть духовных князей. Прусский посол Штейн в своем донесении от 23 июля 1791 г. подробно говорит о распространении демократических настроений в западной Германии и о сочувствии французской революции во всех слоях общества. Он находил даже, что само дворянство и духовенство начинают проникаться этими принципами, что на двадцать дворян вряд ли имеется четверо, которые не являются демократами. Что же касается университетских профессоров, то почти все они приверженцы новой системы, особенно в Геттингене, в Готе, в Брауншвейге и в Веймаре. Конечно, прусский дипломат от страха несколько преувеличил успех революционной пропаганды, но в реальности этого успеха, особенно среди немецкой интеллигенции, не приходится сомневаться.

6 августа 1791 г. рейхстаг формально признал, что защита эльзасских князей есть дело общеимперское, от которого ни один член империи отказаться не может. Но еще до начала сессии рейхстага, когда видные германские князья по инициативе Майнцского курфюрста сговаривались по этому вопросу, у них возникла мысль о привлечении к делу защиты князей держав-гарантов германской конституции по Вестфальскому миру. Таким гарантом оставалась только Швеция, о ней и шла речь в переписке князей в мае и июне 1791 г. Кроме того, епископ Шпейерский, как выясняют документы, хранящиеся в архивах СССР, обратился 20/9 января 1791 г. и к Екатерине II, как гаранту имперской конституции по Тешенскому миру в 1779 г. с просьбой о «покровительстве» пострадавшим князьям империи. Как раз к этому времени, в начале июня, в Ахен для лечения прибыл шведский король Густав III, поэт и ярый защитник принципов абсолютной монархии. В первый момент он сильно поднял воинственный дух немецких князей и французских эмигрантов и своим участием дал понять, что дело французского короля и эльзасских князей может стать не только общеимперским, но и общеевропейским конфликтом.

Присутствие шведского короля в Германии и выступление его, как гаранта имперской конституции, не могли не задеть русского посла Румянцева, который, в свою очередь, должен был напомнить немецким князьям о том, что Екатерина является гарантом имперской конституции. Депешей от 31/20 июля 1791 г. Румянцев запросил Екатерину, хочет ли она быть привлеченной в качестве гаранта против Франции. Ответ на этот чрезвычайно важный запрос последовал не скоро. Депешей от 24/13 августа, которую Румянцев получил в сентябре 1791 г., Екатерина аккредитовала Румянцева к французским принцам и велела ему согласовать свои действия с министрами императора. Когда посол Екатерины

[1] Т. е. свободные люди.

прибыл 20 сентября в Кобленц с аккредитованной грамотой к французским принцам, в лагере эмигрантов наступило большое оживление. Все рейнские газеты сообщили об этом выдающемся событии, весь эмигрантский город, ярко иллюминованный, ликовал, балы давались за балами, Екатерина прославлялась на все лады.

Между тем, Людовик XVI принял 13 сентября 1791 г. новую конституцию и официально сообщил об этом Леопольду, Фридриху-Вильгельму II и всем курфюрстам. Решение рейхстага от 6 августа было ратифицировано Леопольдом 10 декабря при изменившейся конъюнктуре, в сильно смягченном виде, и уже не было похоже на ультиматум. Однако в Париже, в Дипломатическом комитете, а тем более в Законодательном собрании не было прежнего миролюбивого настроения. Шумиха, поднятая французскими эмигрантами при поддержке немецких курфюрстов и епископов, вызвала сильную реакцию в Собрании. 9 ноября 1791 г. оно приняло декрет, по которому все эмигранты, не вернувшиеся к определенному сроку во Францию, объявлялись изменниками. 22, 27 и 29 ноября происходили заседания Законодательного собрания, в которых обсуждался вопрос о деятельности пограничных немецких князей, главным образом— курфюрстов Майнцского и Трирского, и возможной борьбе с ними. Особенно резко выступал эльзасский депутат и член управления департаментом Верхнего Рейна — Рюль, бывший чиновник князя Лейнингена. Он требовал более решительной борьбы с ничтожными, зарвавшимися немецкими князьями. «Фридрих Великий, — говорил он, — когда имел дело с этой породой людей, посылал к ним офицера с письмом, в котором он излагал свою просьбу, и не считал вовсе нужным вступать в дальнейшие разговоры». Депутат Инар говорил: «Король должен говорить в повелительном тоне с этими князьками по ту сторону Рейна, которые имеют наглость покровительствовать изменникам. Скажем Европе, что если правительства предлагают королям начать войну против народов, то мы предложим народам начать войну против королей».

Вскоре после этого Законодательное собрание получило решение рейхстага, ратифицированное Леопольдом 10 декабря. Обсуждение этого имперского заявления вызвало бурные прения на заседании 24 декабря. Страсбургский профессор Кох стоял за прежнюю соглашательскую политику, опасаясь, что война с империей превратится во всеобщую войну. Против него выступали Бриссо и Мэль. Они считали невозможным изолированно рассматривать вопрос о владетельных князьях, которые сами по себе не представляли опасности, но за спиной которых стояла Австрия. По докладу Мэля Собрание приняло 25 февраля 1792 г. декрет о признании суверенитета французской нации над Эльзасом и Лотарингией, об ускорении начатых переговоров с имперскими князьями по вопросу выкупа феодальных прав. В то же время декрет лишал права на компенсацию князей, которые не начали этих переговоров до 1 июня 1791 г.

Этот декрет означал уже разрыв с немецкими князьями и с защищавшей их империей. Тем самым был положен конец проблеме, которая служила как бы прелюдией грандиозного столкновения старого мира с революционной Францией.

НАЧАЛО БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Сложная международная обстановка, вызванная австро-русско-турецкой и русско-шведской войнами, мешала феодально-абсолютистским правительствам Европы выступить против революционной Франции вплоть до 1792 г.

Однако, Англия уже с 1789 г. строила свою международную политику, исходя из неизбежности борьбы с революционной Францией. Составленный Питтом меморандум рекомендовал министерству отвергнуть предложение Пруссии вмешаться в дела габсбургской монархии, в частности оказать содействие подготовлявшейся в австрийских Нидерландах борьбе за независимость. Устраняя вмешательство Пруссии Питт хотел воспрепятствовать объединению восставших Нидерландов с Францией. Он стремился подготовить наиболее благоприятную обстановку для ведения войны с Францией. Эта тенденция пронизывает всю дальнейшую международную политику Англии, вплоть до оформления контрреволюционной коалиции. Первым этапом на этом пути было наметившееся еще при жизни Иосифа II сближение Англии с Австрией, быстро наладившееся со вступлением на престол Леопольда II. Тяжелое положение Австрии вынудило Леопольда искать английского посредничества при заключении мира с Турцией и восстановления своей власти в Нидерландах.

После смерти Иосифа II, Леопольд, будучи тосканским принцем, вступил в переговоры с лордом Гервеем, английским послом в Тоскане, в которых подчеркивал, что он не стремится ни к каким приобретениям, хочет заключить мир с Турцией и просит в этом посредничества Англии. Гервей сообщил об этом английскому кабинету в Лондон. Правительство Англии с радостью приняло это важное заявление и немедленно, через своего посла в Вене Кита, сообщило, что намерение Леопольда соответствует желанию английского правительства. Намечающееся соглашение Австрии с Англией фактически означало разрыв австро-французского союза 1756 г. Придерживаясь принятого политического курса, английское правительство настаивало на заключении сепаратного мира между Австрией и Турцией, на восстановлении строгого status quo, т. е. на возвращении Турции ее прежних владений. Это требование Англии шло вразрез с прусским планом обмена и компенсаций, а также и с некоторыми претензиями самой Австрии. Последняя не хотела отказываться от всех своих завоеваний и требовала закрепления за ней границ, предоставленных ей Пассаровицким договором (1717 г.), передавшим Австрии часть Сербии, Боснии и западной Валахии. Однако Англия последовательно и упорно добивалась разрешения той задачи, которую она поставила в своей внешней политике. Имея все ту же цель изоляции Франции, а также стремясь сохранить status quo на Востоке, она настойчиво давила на Австрию и Пруссию, принуждая их принять участие в осуществлении ее планов.

Англо-испанский конфликт из-за Калифорнии. Рейхенбах (1790 г.)

Вторым этапом планомерного окружения Франции был острый дипломатический конфликт между Англией и Испанией в связи с задержанием испанцами английских судов у берегов Калифорнии в Нутказунде. Испания была единственным еще оставшимся союзником Франции; Англия грозила ей войной, рассчитывая на то, что Франция откажет Испании в поддержке, и таким образом союз между ними будет разорван. Так это и случилось. Когда Англия потребовала удовлетворения за задержание судов, Испания ответила отказом. Опасаясь вооруженного конфликта, испанское правительство обратилось за помощью к своей союзнице — Франции. Конфликт вызвал большую активность европейской дипломатии. Начались переговоры о создании австро-русско-французского блока против Англии. Англия запросила Пруссию о ее позиции в этом вопросе. Пруссия изъявила готовность помочь английскому правительству, но вместе с тем потребовала компенсации за свою союзническую верность. Англия согласи-

лась на это условие. Однако, Франция, не желавшая в тот момент итти на разрыв с Англией, отказалась поддержать Испанию, которой под давлением английского ультиматума пришлось уступить. Англия торжествовала победу, франко-испанскому союзу был нанесен существенный удар.

Наметившееся сближение Леопольда с английским правительством привело к Рейхенбахской конференции, открывшейся 27 июля 1790 г. Целью этой конференции было заключение соглашения между Австрией и Пруссией и определение условий австро-турецкого мира. В Рейхенбахской конференции приняли участие от Пруссии — Герцберг, от Австрии — Шпильман и от Англии — Юварт. Уполномоченные держав, по выражению Шпильмана, «торговались до чахотки». На первом совещании Герцберг изложил свой план обмена и компенсаций. Шпильман потребовал для Австрии границ, установленных Пассаровицким миром. Не встретив поддержки Англии, Пруссия должна была отказаться от своих широких планов, целью которых было максимальное ослабление Австрии и приобретение Данцига и Торна. Дипломатия Герцберга потерпела таким образом неудачу. Австрия же вышла на этот раз сравнительно благополучно из того критического положения, в котором она очутилась вследствие великодержавной политики Иосифа II.

Существенным достижением Австрии в результате Рейхенбахской конференции было согласие Англии и Голландии на подавление Австрией бельгийского национального движения, и обязательства других держав, в первую очередь Пруссии, прекратить свое вмешательство в бельгийские дела. Только получение этого согласия держав дало возможность Леопольду II ввести сильный корпус австрийской армии в Бельгию и привести ее к покорности (ноябрь 1790 г.). Рейхенбахская конференция, таким образом, устранила основное препятствие для привлечения Австрии к участию в подготовлявшейся Питтом контрреволюционной коалиции держав, и ослабила тем самым одно из основных противоречий между Австрией и Пруссией. Однако, оставалось еще не разрешенным противоречие между Тройственным союзом, возглавлявшимся той же Англией, и Россией.

Верельский мир России со Швецией. Торжество России в восточном вопросе

Победа России в Турции, ее неуклонное продвижение на юг и юго-восток Европы и дальше в Среднюю Азию беспокоили Англию в отношении ее колоний. Англия требовала, чтобы русско-турецкая война закончилась восстановлением строгого status quo, Екатерина же продолжала военные действия в Турции, и в декабре 1790 г. русские войска взяли Измаил. 14/3 августа 1790 г. Екатерина без всякого посредничества со стороны Пруссии и Англии заключила Верельский мир со Швецией на основании status quo! Расчеты Пруссии на ослабление России не оправдались. «Одну лапу мы вытащили из грязи, — заявила Екатерина после Верельского мира, — как вытащим другую, так пропоем аллилуя».

Дальнейшая завоевательная политика Екатерины II в Турции вызвала резкое сопротивление Пруссии и Англии. Проект английского ультиматума, составленный в решительных выражениях, был послан в Берлин. Он требовал от России, нарушившей спокойствие Европы, отказа от всех завоеваний. Неожиданно для английских правящих кругов проект при обсуждении встретил оппозицию не столько в самом парламенте, сколько за его стенами: войны и разрыва с Россией не хотели английские мануфактуристы, тесно связанные с Россией своими экономическими интересами. Это нанесло большой удар евро-

пейскому престижу Англии и сильно возвеличило Екатерину II. В августе 1791 г. Екатерина без всякого посредничества заключила перемирие в Галаце, оставлявшее в ее руках Очаков.

Систовский мир

Австрии, между тем, удалось еще более смягчить рейхенбахские решения, главным образом вследствие побед Екатерины в Турции и отрицательного отношения Англии к планам Пруссии, грозившим войной с Россией.

В августе 1791 г. в Систове Австрия заключила с Турцией мир. По этому миру Австрия добилась передачи ей Орсовы с уездом — пункта, имеющего большое стратегическое значение, и урегулирования границы с Боснией до р. Унны. Территориальные приобретения Австрии вызвали резкий протест со стороны Пруссии, грозившей России и Австрии войной.

Однако, давление Англии на Пруссию и на этот раз решило дело, и за Австрией были закреплены полученные ею территории.

Национально-революционное движение в Польше. Конституция 3 мая 1791 г.

Соглашение между Пруссией и Польшей, заключенное 29 марта 1790 г. и направленное против России и Австрии, не повлекло за собой длительного и поочного прусско-польского союза. В результате Рейхенбахского соглашения договор с Польшей терял для Пруссии большую долю своего значения. Что же касается Польш. то возможное в будущем соглашение между Пруссией и Россией грозил ей полной изоляцией. Международная ситуация осложнялась для Польши еще и тем, что России удалось счастливо избежать опасности войны с Англией и Пруссией и заключить мир со Швецией.

Между тем правящие круги Польши совершили шаг, грозивший ей весьма серьезными последствиями. Исполнительный орган польского сейма, так называемый Постоянный совет, созданный на основании конституции 1772 г. после первого раздела Польши и являвшийся проводником русской политики в Польше, был распущен в 1789 г. Польша понимала, что такое положение могло быть терпимо Екатериной только до тех пор, пока она была связана войной с Турцией и Швецией. После заключения мира России со Швецией и накануне мира России с Турцией, Польша могла ожидать, что Екатерина очень скоро примет энергичные меры для восстановления своего влияния.

Не менее сложно было в этот момент и внутреннее положение Польши. Волна крестьянских восстаний, прокатившаяся по стране в 1789 г., давала себя знать и в 1790 г. отдельными вспышками протеста.

Польская буржуазия, так называемое «мещанство», также пробуждалась политически и требовала уравнения в правах с господствующей шляхтой. В ноябре 1789 г. в Варшаву съехались 269 представителей от 141 города Литвы и Польши. В особой записке, составленной членом патриотической партии Коллонтаем, делегаты требовали дарования мещанам права свободного приобретения земельной собственности и доступа к государственным должностям. Горожане держались настолько независимо и демонстративно, что у правящих слоев возникло опасение, как бы влияние французской революции не побудило горожан к революционным выступлениям. В виду этого была организована «депутация» для рассмотрения требований мещанства. Действительно, движение горожан находилось под непосредственным влиянием идей французской революции. В Польше широко развивалась публицистика, издавались памфлеты, брошюры по общественным вопросам. Эта литература выставляла требования уравнения в правах буржуазии, отправляясь при этом от принципов «Декларации прав человека и гражданина». Под названием «Дух покойницы Бастилии» Езерский опубликовал в 1790 г. свой перевод брошюры аббата Сиейеса «Что такое третье сословие».

В виду опасностей извне и напряженного положения внутри страны, в Польше становилась все более популярной идея коренного переустройства и обновления страны конституционным путем по французскому образцу. Возникла партия реформ. В нее вошли члены патриотической партии, представители, главным образом, среднего слоя шляхетского сословия. Вождями этой партии были братья Игнатий и Станислав Потоцкие, итальянец Пиатоли и Коллонтай. Партия реформ меньше всего была сторонницей политических потрясений. Как раз движение народных масс и боязнь их революционизирования и заставляли ее добиваться пересмотра конституции. Однако, сильная оппозиция со стороны польских магнатов, часть которых была сторонниками России, как гетман Ржевусский, генерал Феликс Потоцкий, Сухоржевский и др., вынудила конституционалистов из патриотической партии вступить на путь политического переворота, на путь создания новой конституции.

Проект новой конституции подготовлялся в глубокой тайне. Обсуждение его в сейме было приурочено к пасхальной неделе с той целью, чтобы избежать активного противодействия магнатов, разъезжающихся обычно в это время по своим поместьям. 3 мая 1791 г. в бурном заседании сейма был зачитан проект новой конституции, составленный руководителями патриотической партии Игнатием Малаховским, Пиатоли, Коллонтаем и др. Толпы купцов и ремесленников стремились в этот день проникнуть в зал заседания, чтобы поддержать защитников конституции. Последние не допустили даже второго чтения проекта и, несмотря на протесты части депутатов, заставили сейм немедленно принципиально одобрить проект. Король торжественно принес присягу на верность новой конституции, принятой окончательно в заседании сейма 5 мая. Новая конституция называлась «Правительственной конституцией 3—5 мая».

В городах началось всеобщее ликование и братание. Видные представители патриотической партии заявили о своем желании записаться в мещане. Был провозглашен лозунг «Король с народом, народ с королем». Лозунг этот женщины вышивали на своих поясах.

Что же дала новая конституция польскому государству? Польша становилась наследственной конституциональной монархией, уничтожалось право liberum veto. Законодательная власть вручалась сейму, состоявшему из двух палат, исполнительная власть была оставлена в руках короля и его совета. Шляхта сохранила свои привилегии, но мещанство получило право посылать своих представителей в нижнюю палату сейма с решающим голосом в делах городов и торговли и с совещательным — в остальных. Оно получило также доступ в войсковые части, за исключением национальной кавалерии; ему был открыт доступ в шляхетское сословие, дано право приобретать земельную собственность. Все эти права касались, однако, только больших, так называемых «королевских» городов, и совершенно не распространялись на мелкие города и местечки, находившиеся в частном владении дворян и церкви.

Несмотря на ограниченный характер этой конституции, она была одним из первых результатов влияния французской революции на государственный строй европейских стран.

Конституция 3 мая ничего не изменила в материальном положении крестьян. Правда, крестьяне были объявлены под охраной закона и государства, но только в пределах их договоров с землевладельцами. Договоры эти получили отныне силу закона для обеих сторон. Таким образом закон санкционировал то положение крестьян, которое диктовалось помещиком. Конституция не предоставляла крестьянам личной свободы и не освобождала их от патримониальной юрисдикции — крепостная зависи-

мость оставалась незыблемой. Таким образом новая конституция только утвердила бесправие крестьян.

Несмотря на торжественное провозглашение новой конституции, права, дарованные ею городскому населению, нарушались на каждом шагу. На попытки горожан отстаивать свои права правительство отвечало репрессиями.

Неудивительно, что непосредственными результатами конституции 3 мая были волнения крестьян, массовая эмиграция крестьян и горожан за границу. Крестьянские восстания охватили области, пограничные с Австрией. Литву и Волынь. Правительство не раз применяло вооруженную силу для подавления восстаний и посылало на границу вооруженные отряды, чтобы препятствовать бегству населения за границу. 11 августа 1791 г. правительство издало особое распоряжение (универсал), на основании которого воеводства и гражданско-военные комиссии получили право вооруженной силой подавлять выступления крестьян и горожан. Революционная опасность отбросила часть конституционалистов в лагерь магнатов, которые с самого начала рассматривали народные волнения, как пагубные последствия новой конституции.

Тем не менее на основе набросанного конституцией 3 мая 1791 г. плана были проведены некоторые изменения политического строя. Был создан Совет министров, так называемая «стража законов», был определен состав министерства, во главе последнего был поставлен Игнатий Малаховский. Сейм определил прерогативы королевской власти, ограничив права короля по назначению высшего чиновничества, права помилования, подготовил избирательный закон для городов и т. д. Работа сеима была совершенно не обеспечена от посягательства со стороны как Пруссии, так и России.

Само собою разумеется, что Екатерина II с крайней враждебностью относилась к конституции, менявшей установленный ею порядок в Польше. В письме Булгакову она выражала надежду, что поляки сами обратятся к ней, когда им «надоест играть в конституцию» и вместе с тем приказывала ему приступить к организации партии для борьбы против конституции, для «предотвращения вредных влияний» и «умножить прилепляющихся нашим».

Поддерживаемая Екатериной контрреволюционная партия внутри Польши состояла из представителей польской знати, которых конституция лишила неограниченной власти. Было инсценировано обращение этой партии к Екатерине, как гаранту прежнего государственного строя в Польше, за помощью против сторонников конституции.

Немедленно после заключения мира в Яссах, Екатерина направила свои войска с трех сторон в Польшу.

Непосредственно перед вступлением русских войск в Польшу, в маленьком украинском городке Тарговицы была организована контрреволюционная конфедерация для борьбы с конституцией 3 мая. Ее возглавляли представители польской знати, недовольные конституцией и обязанные своим возвышением или своими владениями Екатерине

Другая конфедерация — литовская — была организована в Вильно и имела то же назначение. Польский король Станислав Понятовский, столь недавно защищавший конституцию 3 мая, изменил и 23 июля 1792 г. заявил о своем присоединении к Тарговицкой конфедерации. Были немедленно отменены все последние постановления сейма, уничтожены магистратуры, «мещан» вернули в прежнее состояние, был отменен избирательный закон для шляхты, закрыты либеральные газеты, введена цензура и т. д.

Измена короля, переход некоторых бывших патриотов на сторону

Екатерины и, что самое главное, превосходные вооруженные силы России привели к тому, что в августе 1792 г. русские войска вступили в Варшаву. Тем самым были подготовлены условия второго раздела Польши.

Подавляя польское национально-революционное движение, уничтожая конституцию 3 мая, Екатерина наносила тем самым первый удар ближайшему к ней очагу влияния французской революции. В этом случае Екатерина действовала быстро и решительно, так как здесь она одновременно боролась против революции и присоединяла новые территории.

Однако, на западе Европы разрастались события, грозившие уничтожением всего феодально-монархического порядка. Французская революция становилась все более заметным и влиятельным фактором в международной жизни Европы. Возбуждая народы в разных концах Европы к борьбе за свою национальную независимость, подымая крестьян против феодального гнета, французская революция тем самым толкала европейские державы к сговору в целях предупреждения и отпора революции. В этом сговоре держав Екатерине на ряду с Питтом принадлежала видная организующая роль.

ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Военные победы России в Турции, ее успешное соперничество с Англией настолько подняли престиж Екатерины в Европе, что сделали ее на ряду с Англией центром коалиции держав против французской революции.

Уже самые первые шаги французской революции—созыв Генеральных штатов и превращение последних в Национальное собрание—заставили Екатерину насторожиться. «Я не верю в великие правительственные и законодательные таланты сапожников и башмачников, — писала Екатерина Гримму. — Я думаю, что если бы повесить некоторых из них, остальные одумались бы... Эти канальи совсем как маркиз Пугачев».

Однако, на этом этапе развития революции Екатерина еще не перестала рассматривать Францию, как своего союзника в международных отношениях, она пыталась использовать презираемое ею Национальное собрание, этот, по ее формулировке, «вертеп разбойников», в своих целях и подкупить некоторых из наиболее влиятельных его членов, в частности Мирабо.

Этого «продажного аристократа», как его называл Маркс, должен был подкупить русский посол в Париже Симолин. Это было тем более возможно, что Мирабо был членом Дипломатического комитета. По планам русского посла, Мирабо должен был в случае враждебной России акции со стороны Англии, способствовать выступлению Франции, мобилизации ее военного флота и укреплению портов. На полях одного из донесений Симолина, в котором он говорит о необходимости подкупить Мирабо для того, чтобы он проводил дружественную России политику и противодействовал намерению Англии послать флот в Балтийское море, Екатерина собственноручно отметила: «И со всей щедростью, если он еще не умер». Последняя часть этого замечания была вызвана тем, что Мирабо был в то время тяжело болен.

Лишь тяжелая болезнь и смерть Мирабо помешали Симолину установить контакт со знаменитым деятелем Национального собрания. «Я более чем когда-либо сожалею о смерти г-на де-Мирабо,—писал Симолин в донесении от 27/16 мая 1791 г., — он смог бы преодолеть препятствия, которые создали г-н Дю-Шатле и г-н де-Монморен к выполнению его плана, и увлек бы их вопреки их воле».

Дальнейшее развитие революции заставило правительство Екатерины все больше переносить центр тяжести от этой политики подкупов к политике прямой подготовки интервенции.

Сговор Екатерины II со шведским королем Густавом III

Важнейшим звеном в политике, подготовлявшей интервенцию во Франции, было соглашение с Густавом III; Екатерина предоставляла ему денежные средства для организации и подготовки вооруженного вмешательства во французские дела.

Густав III ненавидел революцию не только в силу своих резко реакционных взглядов, но и потому, что она лишила его поддержки со стороны Франции, без которой он не мог продолжать борьбу с сепаратистскими элементами. После заключения Верельского мира он очутился в безвыходном положении, без денег, с партикуляристски настроенным дворянством, ненавидевшим короля. Победа над французской революцией открывала перед его воображением блестящие перспективы, он видел себя защитником монархов. Он питал надежду, что революция даст ему возможность «резать золото с помощью сабель», и эта надежда как будто была близка к осуществлению. Враждебные отношения с русской царицей сменились дружбой.

27 июля (ст. стиля) 1791 г. Храповицкий отмечает: «Барон Пален из Ахена пишет, что шведский король стремится защищать короля французского, подговаривая к тому и нас, но попрежнему просит три миллиона за мир; мы с ним часто в мыслях разъезжаем по Сене в канонерских лодках». Дротнингольмский договор, заключенный в октябре 1791 г., окончательно оформил союз между Густавом III и Екатериной II. По плану Густава, правда, не осуществившемуся, король должен был выставить 16 тыс. войска, которые, соединившись с 6 тыс. русских, должны были на кораблях англо-русской эскадры высадиться в Нормандии. 16 марта 1792 г., к большому огорчению Екатерины, Густав был убит одним из представителей шведской аристократии.

Помимо этой попытки организовать контрреволюционный поход против Франции, Екатерина давала приют эмигрантам, субсидировала принцев, графа д'Артуа и др., подговаривала Леопольда II к выступлению против Франции. Румянцев, как мы уже знаем, находясь во Франкфурте, по поручению Екатерины вел переговоры с немецкими государями, чтобы они обратились с просьбой к ней вмешаться в их конфликт с революционной Францией.

В дальнейшем Румянцев вел такие же переговоры и с французскими принцами. Недаром эмигранты называли Екатерину «истинным Геркулесом нашего времени».

Усиление борьбы Екатерины с влиянием идей французской революции и с оппозицией внутри страны

Исключительная активность России, ее стремление направить острие борьбы европейских монархов против французской революции объяснялось отнюдь не только желанием отвлечь внимание европейских держав от польских дел. Это было первое выступление России, в котором сказалась «контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике».[1] Екатерина ненавидела революцию, ее классовый инстинкт не мог терпеть того, что у власти во Франции находилась, по ее понятиям, «чернь». «Мы не должны предать добродетельного короля в жертву варварам, — говорила она, — ослабление монархической власти во Франции подвергает опасности все другие монархии. С моей стороны, я готова

[1] И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР». В кн. «Материалы к преподаванию истории СССР». 1937, стр. 9.

воспротивиться всеми моими силами. Пора действовать и приняться за оружие для устрашения сих беснующихся».

Ненависть Екатерины к революции обусловливалась еще и тем, что у нее были живы воспоминания о пугачевском восстании. В этом смысле не случайно ее сравнение французских революционеров с «маркизом» Пугачевым. Любопытно наблюдение французского поверенного Жене относительно того впечатления, которое производила в России французская революция. «Крестьяне, — пишет он, — среди которых Екатерина II неблагоразумно распространила идеи свободы..., крестьяне, говорю я, близки к тому, чтобы свергнуть иго своих господ. Они пожирают сообщения о французских событиях, печатаемые в русских газетах. Я видел нескольких крестьян, плакавших от радости, когда они узнали, что король признал Конституцию; я слышал, как другие говорили с энтузиазмом, что если их сыновья, братья или родственники будут посланы сражаться с французами, они будут заклинать их во имя самого дорогого стрелять в воздух... Это доказывает, что в Российской империи есть настоящий зародыш демократии».

Жене, французский политический агент при дворе Екатерины, под влиянием организующегося контрреволюционного похода против его страны, эволюционировал в сторону республиканских идей. Сомнительно, чтобы Жене передал подлинную беседу с подлинными крестьянами. Но, тем не менее, крестьянская масса, всколыхнутая Пугачевым, представляла собой, несомненно, горючий материал. За год до начала революции Россию поразил неурожай. Почти одновременно разразился и финансовый кризис. «Отчет о государственных финансах» Неккера разошелся в России в огромном количестве экземпляров. В обществе раздавались нападки на мотовство и расточительность дворянской верхушки. Екатерина II принимала энергичные меры, чтобы оградить свою державу от революционной заразы: она подвергала строжайшей цензуре все сведения, проникавшие в Россию о событиях во Франции, и беспощадно боролась с влиянием идей французской революции.

Карамзин

Одним из первых русских людей, на котором сказалось влияние французской революции, был Карамзин. В начале революции Карамзин совершил путешествие по Европе, длившееся год и четыре месяца. Революция ошеломила Карамзина. В своей записи, относящейся к 1790 г., Карамзин писал, что французская революция принадлежит к числу тех событий, которые «определяют судьбу людей на длинный ряд столетий». Начинается новая эпоха: «Я вижу ее, Руссо ее предвидел».

Карамзин ни разу не перешагнул за грань дворянского и вдобавок весьма туманного либерализма, но в молодости он все же мечтал о каком-то бескровном, идиллически мирном преобразовании, в осуществлении которого совершенно разочаровался именно под влиянием опыта Европы. Это разочарование наложило неизгладимый след на творчество Карамзина 90-х годов, внутренне связанное с французской революцией. «Ужасные происшествия Европы» долго волновали «всю душу» его, и даже у себя в деревне «с милыми людьми, с книгами и с природою» чувствительный поэт не мог ни на минуту забыться. «Бегу в густую мрачность лесов, но мысль о разрушаемых городах и погибели людей везде теснит мое сердце».

Друзья Карамзина рассказывают, что нравственный облик Робеспьера — его бескорыстие и твердость — внушал Карамзину благоговение и что поэт даже прослезился, когда пришло известие о казни вождя якобинцев. И все же никак нельзя сказать, что Карамзин был захвачен настроениями революции. Наоборот, во многих стихотворениях

Карамзина послереволюционного времени настойчиво высказывается одно желание — «укрыться от громов и бури».

Казалось бы, позиция Карамзина и отношение его к революции ясны. Однако, поскольку Карамзин был поклонником Руссо (правда, нереволюционных элементов его философии), постольку в глазах закоренелых неистовых реакционеров, А. С. Шишкова и др., он был чуть ли не якобинцем, поставившим себе целью «воспламенять» читателей «духом республиканским». И они не ограничивались борьбой с Карамзиным на литературной арене, а писали на будущего придворного историографа доносы, как на распространителя революционных идей, что совершенно, конечно, не соответствовало действительности. Карамзин был изрядно испуган французскими событиями, но степень испуга перед ними Шишкова и других ревностных охранителей дворянской монархии перешла все границы.

Радищев и Новиков

В те дни, когда французский народ праздновал взятие Бастилии, книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» лежала в цензурном ведомстве, именовавшемся управой благочиния. Управа, не разобравшись, очевидно, в содержании «Путешествия», разрешила его к выходу в свет. Книга, отпечатанная в 1790 г. без имени автора в его домашней типографии, сразу привлекла к себе внимание Екатерины, перепуганной призраком французской революции.

Радищев, по верному определению Екатерины, был «первым подвигателем французской революции в России». Он вполне заслуживает название первого нашего революционера-республиканца. Берем ли мы его художественную прозу, философские сочинения или стихотворения, всюду ярко сказалась в них эта сторона его мировоззрения, определившаяся под влиянием предшественников, идеологов и деятелей буржуазной революции.

«Путешествие» явилось наивысшей точкой развития русской общественной мысли в XVIII веке, связующим звеном с революционной западной культурой. Несомненно, что Радищев в своих выводах шел дальше европейских учителей, был последовательнее, смелее их. Потому-то Ленин в статье «О национальной гордости великороссов», говоря о русских революционных деятелях, которыми мы должны гордиться, называл первым Радищева.

Призывы Радищева — пламенная проповедь борьбы с абсолютизмом и крепостничеством, с неравенством и угнетением, за права народа, за свободу мысли и слова. Все это роднит идеи «Путешествия» с великими принципами революции, духом которых оно пропитано. С непоколебимой надеждой на русскую революцию в будущем написаны пророческие строки в «Путешествии»: «О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы... бесчеловечных своих господ?.. Не мечта, сие, но взор проницает густую завесу времени... я зрю сквозь целое столетие...»

В поэтических произведениях Радищева мы также слышим голос борца и трибуна, в оде «Вольность» решительно и открыто призывающего к восстанию против деспотизма светской и церковной власти, взаимно утверждающих друг друга:

Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя...

Радищев, лучший сын своего века, воспел его в стихотворении «Осьмнадцатое столетие», которое Пушкин считал замечательным:

О незабвенно столетие! Радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек!
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки
создало.
Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь: они расцветут и низринутся
паки.

Напуганная событиями во Франции, Екатерина II видела в идеях Радищева влияние французской революции и писала в своих замечаниях: «Намерение сей книги на каждом листе видно; сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает всевозможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства... сочинитель везде ищет случай придраться к царю и власти».

В оде «Вольность» Радищев, как это поняла Екатерина II, «царям грозится плахою». В «Слово о Ломоносове» «вмещена хвала Мирабо, который, по мнению Екатерины II, не единой, но многие висельницы достоен».

18/7 июля Екатерина II отдала приказ об аресте Радищева, сказав Храповицкому, что Радищев — бунтовщик хуже Пугачева, и добавила: «Показывали мне, что в конце хвалит Франклина как зачинщика и себя таким же представляет». Как отметил Храповицкий, царица сказала это «с жаром и чувствительностью».

Радищев был приговорен к смертной казни, которая была заменена ссылкой в Илимск.

По воле Екатерины II еще в 70-х годах прекратил свое существование сатирический журнал «Трутень», издававшийся Новиковым (1768—1770 гг.). На страницах журнала велась полемика со «Всякой всячиной», в которой принимала участие сама Екатерина. В 1773 г. Новиков организовал «Общество, старающееся о напечатании книг», и в течение длительного периода занимался издательскою деятельностью. С конца 70-х годов Новиков увлекся масонством, не оставляя, впрочем, своей просветительной деятельности. Позже Новиков напечатал резко критическую книгу об иезуитах, которым покровительствовала Екатерина.

В апреле 1792 г. Екатерина II направила к расследованию «дело» об якобы продаже Новиковым запрещенных церковных книг, затем последовал арест, а с августа 1792 г. — заключение в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет. Новиков обвинялся в «гнусном расколе», в сношениях с иностранцами и т. п. Эти кары и жестокая расправа с Новиковым и Радищевым были вызваны страхом Екатерины II перед «французской заразой».

Екатерина II в роли жандарма Европы. Деятельность Симолина

Таковы были предварительные шаги Екатерины к ее вступлению в коалицию против Франции.

Источники дают прямое указание, на какие державы рассчитывала Екатерина в своих интервенционистских планах. Канцлер Безбородко пишет Кочубею в сентябре 1791 г.: «С прекращением наших хлопот с Пруссией и Англией и заключением прелиминарий с Портой идет дело между нами, венским, берлинским, стокгольмским, туринским, неаполитанским и мадридским дворами о принятии мер прекратить зло во Франции и законное правление монархии восстановить».

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ (1749—1802)
Масло. Гос. музей А. С. Пушкина

Екатерина II не скрывала своего сочувствия эмигрантам, хотя и очень мало доверяла их росказням о том, будто революционеры слабы и будто большинство французского народа на стороне монархии.

Среди русских дипломатов особенно выделяется фигура Симолина, активного деятеля контрреволюции, сделавшегося с течением времени последовательным проводником контрреволюционных замыслов Екатерины. Деятельность Симолина в Париже была чрезвычайно разнообразна. Он наблюдал за политическим поведением русских в Париже, под его руководством велась шпионская работа крупного масштаба. Симолин использовал сведения одного секретного агента, чиновника французского департамента иностранных дел, подкупленного через Машкова, секретаря русского посольства. Через него же он получил шифр, употреблявшийся Монмореном в его переписке с французским

Madame notre sœur et cousine,

Le Roi de Suède a bien voulu se charger de notre auguste part de Votre Majesté l'hommage de notre respect, de nos sentimens et de nos vœux, mais il dit elle a chargé M. de Bombelles pour nous, exige aussi l'avantage de nous et ce n'est que par encourager et égaler à notre reconnaissance, que nous pourrons payer tant de bonté. Il n'est donc, Madame, aucun genre de gloire auquel Votre Majesté n'aspire; elle partage avec Pierre le Grand l'honneur d'avoir créé son vaste Empire, car j'ai lu à ce premier fait sortir du chaos, Votre Majesté a comme Prométhée, dérobé les rayons du Soleil pour l'animer, elle en a reculé les frontières, elle a dompté l'orgueil du croissant, elle a tantôt par sa puissante médiation, tantôt par une neutralité armée plus respectable qu'une déclaration de guerre, affermi le repos de l'Allemagne et celui du commerce de toutes les Nations. Tous de beaux traits suffiraient pour honorer à jamais le règne de Votre Majesté, mais tendre une main protectrice à la vertu malheureuse, au trône opprimé, secourir le Monarque le plus malheureux et le moins digne de l'être que fut jamais, c'est mettre le comble à sa gloire. C'est nous recommander avec confiance à Votre Majesté et nous la supplions de lire avec bonté le mémoire ci-joint, de consulter sa grande âme et de nous faire passer ses ordres par M. de Bombelles, qui déjà assez heureux pour avoir rendu quelques services à Votre Majesté, brûle du désir de lui en rendre encore d'autres, plus analogues peut-être à son générosité sentimens, en servant le Roi dont il est né sujet.

Permettez nous, Madame, de profiter de cette occasion pour assurer Votre Majesté des sentimens avec lesquels nous sommes,

Madame notre sœur et cousine,

De Votre Majesté.

Les très affectionnés frères, sœurs et cousins.

Louis Stanislas Xavier.

Charles Philippe

A Coblentz, ce 31 juillet 1791.

P.S. Nous supplions Votre Majesté de trouver bon que le Prince de Nassau qui a été assez heureux pour mériter son estime et ses bontés par les services qu'il lui a rendus, suive auprès d'elle en notre nom cette importante négociation.

ПИСЬМО ГРАФА ПРОВАНСКОГО И ГРАФА Д'АРТУА ЕКАТЕРИНЕ II
Кобленц, 31 июля 1791 г.
(Автограф графа Прованского)
Гос. Архив феод.-крепостн. эпохи

ПИСЬМО ГРАФА ПРОВАНСКОГО И ГРАФА Д'АРТУА ЕКАТЕРИНЕ II

(Автограф графа Прованского)

Опубликовано в кн. «Louis XVI, Marie Antoinette et Madame Elisabeth. Lettres et documents inédits, publ. par Feuillet de Conches». P. 1864—1876. T. II, pp. 192—194.

ГАФКЭ. Сношения России с Францией. IX. 1791, июль. 23/711.

Государыня Сестра наша и Кузина,

Король Швеции любезно взял на себя труд повергнуть к стопам Вашего величества выражения нашего почтения, наших лучших чувств и пожеланий. Но то, что Вы поручили г-ну де-Бомбелю передать нам, требует и с нашей стороны чего-то большего, и лишь доверием к Вам, равным нашей благодарности, мы можем отплатить Вам за Вашу доброту.

Итак, Государыня, нет того рода славы, которой вы, Ваше величество, не стремились бы быть достойной. Вы разделяете с Петром Великим честь создания обширной империи, ибо, если он первый вывел ее из хаоса, вы, Ваше величество, подобно Прометею, похитили лучи у Солнца, чтобы вдохнуть в нее жизнь; Вы отодвинули ее границы, Вы укротили гордый Полумесяц, Вы обеспечили покой Германии и мирную торговлю всем нациям, как путем Вашего могущественного посредничества, так и путем вооруженного нейтралитета, более внушительного, чем декларация войны.

Столь высокие качества были бы достаточны, чтобы навсегда прославить царствование Вашего величества; но протянуть руку помощи впавшей в несчастие добродетели, угнетенному праву, оказать поддержку самому несчастному и наименее заслуживающему такой участи монарху — это значит достигнуть вершины славы.

Мы с полным доверием прибегаем к помощи Вашего величества и умоляем Вас милостиво прочитать прилагаемый к сему мемуар, поискать ответа на него в своей великой душе и поручить г-ну де-Бомбелю передать нам Ваши повеления; он уже достаточно счастлив тем, что оказал некоторые услуги Вашему величеству и горит желанием оказать еще и другие, которые, возможно, будут более соответствовать его великодушным чувствам, поскольку будут связаны со службой королю, подданным которого он родился.

Преданность, которую мы выражаем Вашему величеству в данный момент, еще не та, которой Вы достойны; когда Генрих IV имел честь принять на себя звание рыцаря королевы Елисаветы, он был уже героем, а мы еще ничего не сделали такого, что могло бы обратить на нас взоры Екатерины II; но, Государыня,

желание заслужить уважение Вашего величества является достаточно мощным рычагом, чтобы сделать нас достойными того.

В настоящий момент вместе с нами находятся г-н принц де Конде, г-н герцог Бурбонский и г-н герцог Энгьенский. Связанные с нами узами крови, одинаковыми принципами и одинаковым усердием нашему королю и отечеству, они объединяются еще ради того, чтобы повергнуть к стопам Вашего величества чувства своей преданности:

Позвольте, Государыня, воспользоваться настоящим случаем, чтобы заверить Ваше величество в чувствах, с которыми мы пребываем,

Государыня Сестра наша и Кузина, Вашего Величества преданными слугами, братьями и кузенами

Людовик-Станислав Ксавье.
Карл-Филипп.

В Кобленце 31 июля 1791.

P. S. Мы умоляем Ваше величество признать за благо, чтобы принц Нассау, который был достаточно счастлив, удостоившись Вашего уважения и Ваших милостей за оказанные Вам услуги, выполнил от нашего имени это важное поручение.

ОТВЕТ ЕКАТЕРИНЫ II ГРАФУ ПРОВАНСКОМУ И ГРАФУ Д'АРТУА

(Автограф чернового письма Екатерины)

Опубликовано в кн. «Louis XVI, Marie Antoinette et Madame Élisabeth. Lettres et documents inédits, publ. par Feuillet de Conches». P. 1864—1876. T. II, pp. 243—245.

ГАФКЭ. Сношения России с Францией, IX. 1791, август. 30/779.

Государи Братья мои и Кузены.

Давно я в мыслях моих, занятая несчастьями короля, моего Друга, в молчании следовала, смею сказать, по стопам Вашим, несмотря на отдаление, в которое Провидение меня поставило, и не взирая на затруднения, вызванные двумя войнами. Я огорчалась вместе с В[ашими] К[оролевскими] В[ысочествами] несчастьями Франции, я считала дело короля Людовика XVI таким, которое должно стать делом всех коронованных особ.

И действительно, как только между королем Швеции и мною был восстановлен мир, этот государь первым из монархов, которые вступают в настоящее время в переговоры по этому делу, сообщил мне о сходстве его образа мыслей с моим по поводу беспорядков во Франции. Я отдаю ему в этом справедливость. Затем он довел до моего сведения из Спа о весьма приятном для меня выражении чувств ко мне В. К. В.; письмо, которое доставил мне от Вас г-н де-Бомбель, является подтверждением мне этих чувств. Я прошу В. К. В. быть уверенными в том, что выраженная Вами любовь ко мне бесконечно дорога для меня, и что я из всех сил буду стараться ответить тем же и оправдать доверие, которое Вы благоволите оказывать мне. Небо судило, чтобы на В. К. В. легла забота и дабы Вам досталась слава выбраться из хаоса, более полного, чем тот, в котором Петр Великий застал свою империю. Получив сведения о Ваших справедливых, благородных и достойных всякой похвалы намерениях, я надеюсь, что все воспрянут духом, что Ваш голос объединит всех рассеявшихся, что Ваш пример придаст новую силу чувству преданности и мужеству дворянства, которое невозможно ни сразить, ни уничтожить, но которому, как и всякому сражающемуся и как во всяком предприятии, необходимы начальники. А где они нашли бы начальников, более знаменитых, чем потомки стольких королей, царствовавших восемьсот лет и более над Францией и придавших этому королевству пышность и блеск во мнении Европы. Она наслаждалась ими до той несчастной поры, когда несколько человек, под влиянием химер, другие под воздействием страстей,

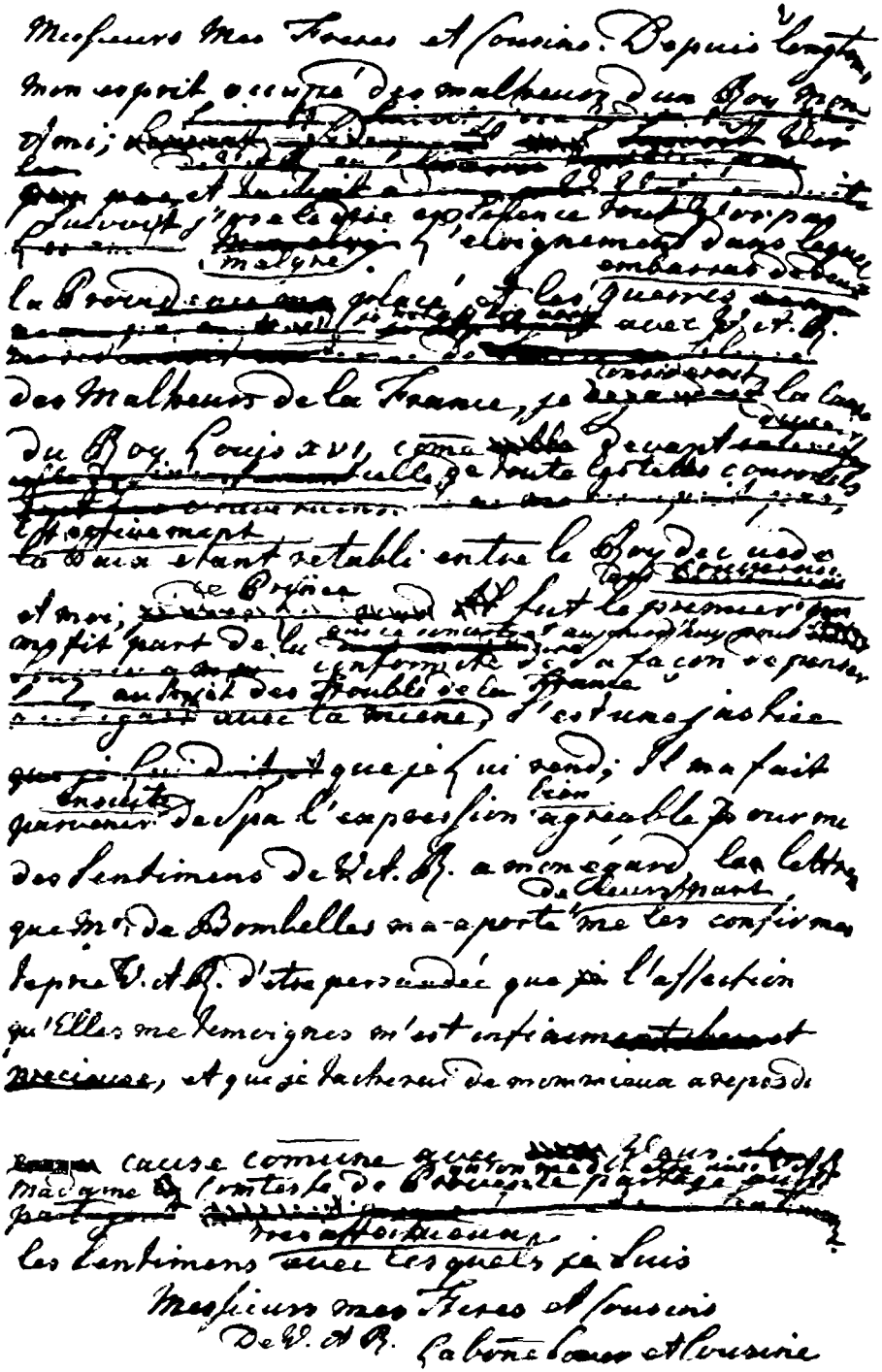
с черной неблагодарностью употребив во зло доброту милостивого монарха, (когда несколько человек во власти химер, думая удивить мир, другие под влиянием страстей, употребив во зло доброту монарха, достойного почитания за его добродетели) [*так в оригинале*] стали трудиться над тем, чтобы превратить правительство в Анархию. Однако они не достигнут своей цели, если Бог дарует свое благословение намерениям Е. И. В.

Я присоединяю к настоящему письму мой ответ на Мемуар, в котором Вы соблаговолили доверить мне свои виды и надежды; я возвращаю Вам его, согласно Вашего желания с г-ном де-Бомбель, которого Вы мне указали с этой целью. Прилагаемое письмо ознакомит В. К. В. еще более близко с моими настоящими намерениями. Благородная скромность В. К. В. приводит меня в восхищение; именно с ней Вы вступаете на поприще Вашего великого предка Генриха IV; без сомнения, на этом трудном поприще разовьются во всем мире зачатки достоинств этого великого государя, которые вместе с кровью текут в Ваших жилах.

Лишь в одном качестве я претендую превзойти королеву Елисавету — в искренности и бескорыстии моей дружбы к В. К. В. Я преисполнена уважения к г-ну принцу Конде, г-ну герцогу Бурбонскому и г-ну герцогу Энгьенскому; я с истинным удовольствием вижу его также в единении с В. К. В. как на основе принципов, так и по крови, и всех их объединенными общей целью с Вами. Г-жа графиня Прованская, о которой мне говорят, что она с В. К. В., пусть также разделит чувства любви, с которыми я остаюсь,

Государи Братья мои и Кузены,
В. К. В.
доброй Сестрой и Кузиной

[Царское Село, 19 августа 1791 (ст. ст.)]



ОТВЕТ ЕКАТЕРИНЫ II ГРАФУ ПРОВАНСКОМУ И ГРАФУ Д'АРТУА
Царское Село, 19 августа 1791 г.
(Автограф чернового письма Екатерины)
Гос. Архив феод.-крепостн. эпохи

поверенным в делах при петербургском дворе, Жене. Шифр был им переслан в Петербург, где им пользовались при перлюстрации донесений Жене. К концу 1791 г. Симолин стал доверенным лицом Марии-Антуанетты и был в курсе ее замыслов. В дальнейшем, после того как Симолин уехал из Парижа, он продолжал получать информации от секретных парижских агентов.

Событие, в котором Симолину пришлось принимать «косвенное» участие, как выше уже было сказано, — было бегство короля и его семьи в Варенн. Хотя вопрос о том, был ли действительно Симолин осведомлен о готовящемся бегстве, окончательно еще не выяснен, но негодование народных масс Парижа против Симолина было очень велико. «На Собрании в Пале-Рояле, пишет Симолин в одном из своих донесений, была вынесена резолюция, подтвержденная на другой день собравшимися в Елисейских полях, схватить меня и расправиться со мной, как с сообщником организации бегства короля».

Каково бы ни было участие Симолина в вареннском событии,— отношение к нему русского императорского двора не оставляет никаких сомнений. Известие о бегстве Людовика XVI было встречено при петербургском дворе с большим удовлетворением. Получив сообщение,— оказавшееся ложным, — о благополучном прибытии французского короля в Монмеди, императрица поспешила поделиться этой «весьма приятной новостью» со своим корреспондентом Сенак де-Мейланом. Когда Симолин в письме к Монморену назвал употребление, которое баронесса сделала из своего паспорта, «необдуманным», то Остерман написал по этому поводу следующее:

«Этот эпитет весьма мало приложим к обстоятельству, о котором шла речь, и если бы вы даже предоставили такой паспорт с действительным намерением оказать содействие христианнейшему королю и тем способствовали бы его безопасности, — то такой поступок был бы во всех отношениях приятен ее императорскому величеству».

В декабре 1791 г. Симолину было предложено выехать из Парижа; русское правительство рекомендовало ему направиться в Кёльн или Брюссель и оттуда продолжать свои наблюдения за происходящим во Франции. Накануне своего отъезда из Парижа Симолин взял на себя ответственнейшее поручение Марии-Антуанетты. При личном свидании Мария-Антуанетта ознакомила его с письмами Екатерины II к ее брату Леопольду II, которые он взялся доставить по назначению. Королева, а затем и король говорили при этом свидании, что они возлагают большие надежды на императрицу.

В марте 1792 г. Симолин направился в Вену, где вел беседу с австрийским министром Кауницем, а также с преемником внезапно умершего Леопольда II — Францем II — о вооруженном вторжении в революционную Францию.

Екатерина была энергичнейшей помощницей и вдохновительницей действий европейских монархов по созданию коалиции. Она энергично поддерживала все планы эмигрантов. Для установления тесной связи с эмиграцией она послала осенью 1791 г. Нассау-Зигена в Кобленц, бывший в то время важнейшим центром эмиграции.

Наконец, она выдала кобленцскому «двору» аванс в размере 2 млн. франков. Из донесений Румянцева Екатерине известно, какие надежды возлагала французская эмигрантская знать на помощь Екатерины, на ее «великодушие и могущество». Все эти славословия Екатерине произносились в присутствии Румянцева при торжественных приемах его у принца д'Артуа и др. Эмигранты обращались к Екатерине и непосредственно. Братья короля, будущие Людовик XVIII и Карл X,

АДРЕС, ПОДНЕСЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИМ ДВОРЯНСТВОМ ЕКАТЕРИНЕ II

(Публикуется впервые.)

ГАФКЭ. Сношения России с Францией. IX. 1791, сентябрь—октябрь. 54/803.

Ваше величество,

Ваше императорское величество давно заслужили восхищение всех народов. Право на него давала Вам Ваша деятельность, ныне Вы получаете право на всеобщую благодарность. Французское дворянство может выразить Вашему величеству оба эти чувства; оно осмеливается сказать, что нет ничего, чего бы не доставало для Вашей славы; упрочение всех тронов, путем возвеличения трона Бурбонов, должно было стать одним из чудес Вашего царствования. Вы выступаете на защиту дела королей и выражаете волю всех держав Европы. Видно таковы были предначертания Провидения, чтобы две великие монархини оказали поддержку своими вооруженными силами и своим именем монархам французского дома. Елисавета Английская, героиня своего века, оказала помощь Генриху IV, боровшемуся с Лигой во главе наших предков. Бессмертная *Екатерина* становится на сторону внуков, за нашем которых и мы следуем по пути чести. Она дозволяет принцу Нассаускому, этому герою, для которого слава есть потребность, достойное имя которого роднится повсюду с подвигами, приехать и встать под знамена великодушных братьев несчастного Людовика. Граф Романцов [Румянцев], достойный такой монархини министр, направляется в качестве представителя Вашего величества к нашим принцам. Так Екатерина первая санкционирует их права и французское дворянство возлагает на нее свою первую надежду.

Вы, Ваше императорское величество, с милостивым великодушием предлагаете нам приют в нашем несчастии. Мы гордились бы возможностью стать под охрану Ваших законов, разделить счастье народов, живущих под Вашей властью, но нам не дозволено помышлять о другом отечестве. Если французская монархия будет сокрушена, дворянство (того требует его честь) должно быть погребено под ее обломками... Но зачем предусматривать неудачи, когда все нам сулит успех под Вашим покровительством: мы не можем в том сомневаться — эта монархия возродится из-под развалин и к ней вернется ее былая слава. Какой внушительный и величественный характер Вы придаете всему своему веку, и какое место Вы обеспечиваете себе в памяти потомства. Дворянство будет обя-

зано Вам новым блеском, религия — своими алтарями, Людовик — своей свободой, королевским саном, сохранением своих прав, Франция — возвращением порядка и счастья, а мир, стоящий перед угрозой общего переворота, умиротворением и спокойствием. Гений Петра вырвал из [состояния] варварства только одну империю, гений *Екатерины* воспрепятствует возврату к нему всей Европы.

С чувствами величайшего восхищения, живейшей благодарности и глубочайшего почтения,

Государыня,
пребываем Вашего императорского величества
нижайшими и покорнейшими слугами.

В Вормсе 26 сентября 1791 г.

Маркиз де-Кокеромон. Маркиз де-Менар. Барон *Шаспо. Маркиз де-Вабенур.* Генерал лейтенант Граф де-Валь. Генерал лейтенант Граф де-Лоно. Маршал королевских войск Граф де-ла-Белинэ. Маршал Граф де-л'Аллие.

[Всего 150 подписей.]

Madame

Votre majesté impériale a depuis longtemps mérité l'admiration de tous les peuples: ses titres étoient ses actions, elle acquiert aujourd'hui des droits à la reconnoissance universelle. La noblesse françoise peut donc vous exprimer tout à la fois ces deux sentiments. Elle ôse dire qu'il n'est rien à votre gloire; affermir tous les trônes en relevant celui des Bourbons devoit être un des miracles de votre regne. Vous embrassés la cause des Rois, et manifestés le vœu de toutes les puissances de l'Europe. Il étoit donc réservé à deux Souveraines de prêter l'appui de leurs armes et de leur nom à la maison de France. Elizabeth d'Angleterre l'héroïne de son siecle secourut Henri-quatre qui combattit la ligue à la tête de nos ayeux. L'immortelle Catherine se déclare pour ses petits fils, dont nous suivons aussi le panache au chemin de l'honneur. Elle permet au prince de Nassau, à ce héros, pour qui la gloire est un besoin, et dont la valeur a partout naturalisé les exploits, de venir se joindre aux braves des généreux freres de l'infortuné Louis. Le Comte de Romanzow digne ministre d'une telle Souveraine vient représenter auprès de nos princes Votre Majesté impériale ainsi Catherine donne la premiere audience

АДРЕС, ПОДНЕСЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИМ ДВОРЯНСТВОМ ЕКАТЕРИНЕ II.
Вормс, 26 сентября 1791 г.
Гос. Архив феод.-крепостн. эпохи

также возлагали большие надежды на помощь Екатерины. Они указывали, что Екатерина, спасая «законный государственный порядок», тем самым борется за спасение всех тронов. Братья королей перечисляли все державы, выразившие согласие принять участие в интервенции, указывали на роль шведского и прусского королей и австрийского императора.

В обращении от 31 июля 1791 г. они просили Екатерину «протянуть руку помощи страдающей добродетели и угнетенному праву, оказать поддержку самому несчастному монарху, наименее заслуживающему своей участи». На последнее письмо Екатерина отвечала: «Я считала, что дело Людовика XVI должно стать делом всех коронованных особ... Как только был установлен мир между королем Швеции и мной, этот государь первый из всех сообщил мне, что он совершенно согласен со мной в отношении волнений во Франции».

К Екатерине обращались не только братья королей, но и многочисленная эмигрантская знать, находившаяся в Вормсе, Кобленце и других центрах. В одном из своих донесений Румянцев сообщает о торжественном визите к нему эмигрантов под предводительством герцога де-Бройи. С криками «да здравствует императрица» эмигранты направились к Румянцеву и передали письмо Екатерине, имевшее около 800 подписей. Содержание обращений довольно однообразно. Одно обращение, датированное 26 сентября 1791 г., имеющее около 150 подписей, направлено из Вормса. Как обычно, оно начинается с признания славы и могущества Екатерины. В дальнейшем указывается, что укреплять все троны, спасти Бурбонов — это дело ее царствования. «Вы защищаете дело короля и тем самым выполняете желание всех европейских держав». Письмо подписано маркизом де-Кокеромоном, бароном Шаспо, маркизом де-Менаром и другими.

Екатерина не оставляла эти просьбы без ответа. Свои расчеты и планы она строила с учетом сил эмиграции.

Политическая программа Екатерины по отношению к эмиграции состояла в следующем: эмигранты должны были создать свою армию и организовать контрреволюционный поход, рассчитывая на свои силы в большей степени, чем на союзные. Одновременно, как уже показано, она стремилась вовлечь в коалицию Австрию и Пруссию, участие которых в интервенции способствовало в то же время захватническим целям Екатерины в Польше. «Я ломаю себе голову, — говорила Екатерина 4 декабря 1791 г. Храповицкому, — чтобы подвинуть венский и берлинский дворы в дела французские... ввести их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных, и надобно, чтобы эти дворы были заняты, и мне не мешали».

Однако международная ситуация в Европе была не такова, чтобы можно было немедленно осуществить задуманную интервенцию. Пильницкое австро-прусское соглашение 1791 г. было направлено не только против революции, но и против Екатерины, домогательства которой в Польше заставляли австрийский и прусский двор относиться к петербургским призывам весьма осторожно.

Глава пятая

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ВРЕМЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 10 АВГУСТА

Выборы в Законодательное собрание и его социальный состав

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ собрание, пришедшее на смену Учредительному собранию, открыло свои заседания 1 октября 1791 г. Выборы в Законодательное собрание, согласно Конституции 1791 г., были двухстепенными. Выборщики, которые должны были избрать членов Законодательного собрания, были сами избраны на первичных собраниях, происходивших в половине июня 1791 г., когда королевская власть еще не была полностью дискредитирована в глазах массы французского населения. Бегство короля в Варенн — открытая измена короля делу революционной Франции — дало, как мы уже видели, сильный толчок росту республиканских настроений не только в Париже, но и в провинции. Испуганное возможностью крушения буржуазно-монархического строя и цензовой конституции 1791 г., Учредительное собрание спасло монархию и постаралось укрепить ее; однако самый факт бегства короля нанес монархии непоправимый удар.

Окончательные выборы в Законодательное собрание в августе—сентябре 1791 г. происходили в обстановке обостряющейся реакции. Но, с другой стороны, на исход выборов оказали влияние первая республиканская манифестация на Марсовом поле и дерзкие заявления эмигрантов об иностранном вмешательстве, возмущавшие патриотические чувства нации. При всем том из 24 депутатов Парижа только пять депутатов были членами Якобинского клуба. Среди них были Кондорсе и Бриссо.

Благодаря цензовой системе выборов члены Законодательного собрания принадлежали в подавляющем своем большинстве к буржуазии и буржуазной интеллигенции. В Собрание попало много писателей, журналистов, представителей судейского ведомства, в особенности много адвокатов. Прошло также значительное количество офицеров, примкнувших к революции. Среди них выделялись Приёр из Марны, Лакомб-Сен-Мишель, братья Карно, в особенности Лазарь Карно — впоследствии видный деятель Конвента и один из организаторов военной обороны Франции против коалиции европейских держав. Депутатов дворянского происхождения было немного. Демократическая масса населения — крестьяне, ремесленники, рабочие — почти не была представлена в Законодательном собрании (было избрано всего три крестьянина и четыре ремесленника).

Политические группировки в Законодательном собрании

Правая Собрания насчитывала 264 человека. Это были конституционные монархисты, отстаивавшие цензовую Конституцию 1791 года. Значительная часть их была членами клуба Фельянов. Эта группа опиралась, главным образом, на финансовую буржуазию, а также на ту часть предпринимателей, которая до революции занималась производством предметов роскоши и поэтому материально сильно пострадала из-за эмиграции высшего дворянства и крушения версальского двора. Правых поддерживала также некоторая часть дворян, оставшихся во Франции и официально «присоединившихся» к конституционным монархистам. Сохранение монархии казалось правым спасением от всех бед, которых они могли ожидать для себя от развивающейся революции. Некоторые из видных фельянов, как Теодор Ламет и Барнав, имели тесные связи с двором Людовика XVI и действовали в качестве его тайных агентов. Другие (Пасторе, Гувион, маркиз Жирарден) были связаны с Лафайетом и рассчитывали через него руководить армией.

Центр составляла многочисленная группа в 345 человек, называвших себя «независимыми», на самом деле постоянно колебавшихся между правой и левой. В первые месяцы — в 1791 г.— центр поддерживал в большинстве случаев конституционных монархистов.

Левая Собрания состояла из 136 депутатов, главным образом — членов Якобинского клуба и клуба Кордельеров. Среди левой Собрания наметились две группы.

Одна из них, по имени своего политического вождя, депутата Жана-Пьера Бриссо, получила название «бриссотинцев». Эта группа впоследствии составила ядро жирондистов в Конвенте. В 1792 г. нередко встречается уже в применении к этим депутатам и название жирондистов. так как некоторые из них (Верньо, Гюаде, Жансонне) были представителями департамента Жиронды. Депутаты эти представляли в Законодательном собрании интересы средней и крупной торгово-промышленной буржуазии по преимуществу юга и юго-запада Франции, стремившейся к расширению рынков и широкому развитию всех своих экономических возможностей, а также интересы новой землевладельческой буржуазии. Эта группа стояла в Законодательном собрании на позициях конституционной монархии и признавала монархическую Конституцию 1791 г. Впоследствии она политически эволюционировала и превратилась в группу буржуазных республиканцев, в качестве каковой и выступала в Конвенте. Многие из бриссотинцев были по профессии адвокатами и литераторами. Составлявшие их основное ядро — Бриссо, Верньо, Гюаде, Инар—обладали выдающимися ораторскими способностями, увлекали слушателей своими речами. Бриссо был видный журналист; за анонимные памфлеты, направленные против Марии-Антуанетты и приписанные его перу, он был перед революцией заключен в Бастилию, где, впрочем, просидел недолго.

Тесно примыкал к группе бриссотинцев Кондорсе, математик, член Парижской и Петербургской академий наук, последний из блестящей плеяды «великих энциклопедистов», лично знавший Вольтера, Д'Аламбера, Тюрго. Кондорсе находился под большим влиянием физиократов. В частности, очень велико было влияние на него экономических и исторических воззрений Тюрго. В своих работах Кондорсе горячо защищал основные положения физиократического учения: полную свободу торговли и промышленности, единый поземельный налог и т. д.

Бриссотинцы были членами Якобинского клуба. Якобинский клуб продолжал играть весьма значительную политическую роль. Клуб посылал в Законодательное собрание многочисленные петиции, которые встре-

чали там поддержку со стороны депутатов, являвшихся членами клуба. В течение 1791 г. и первой половины 1792 г. в Якобинском клубе было очень велико влияние бриссотинцев. Но и Робеспьер, который не был членом Законодательного собрания, пользовался в это время значительным авторитетом в Якобинском клубе. В 1791 г. и в первой половине 1792 г. между Робеспьером и жирондистами не обнаружились еще во всей своей силе те разногласия, какие проявились позднее, в период Конвента.

Крайняя левая Законодательного собрания была немногочисленна. Она группировалась вокруг трех депутатов — Мерлена из Тионвиля, Шабо и Барера. Это были демократы-республиканцы, недовольные монархической цензовой Конституцией 1791 года и стремившиеся к демократической республике. Эта группа была тесно связана с клубом Кордельеров. К клубу примыкали также журналист Камилл Демулен, Сантер, начальник национальной гвардии наиболее демократической части Парижа — Сент-Антуанского предместья, Лежандр и ряд других лиц, приобретших большую известность в последующий период революции. Однако Якобинский клуб имел в рассматриваемый нами период большее политическое значение, чем клуб Кордельеров. Группа бриссотинцев в то же время имела тесные связи с Парижской коммуной, где в ноябре 1791 г. был избран мэром Петион, примыкавший к группе Бриссо в Законодательном собрании. Этот состав Собрания определял в значительной мере всю его политику в отношении крестьян.

Крестьянское движение и Законодательное собрание

Широкая волна аграрного движения, которая прокатилась по Франции в летние месяцы 1789 г., стихла было в 1790 г.; к 1791 г. она стала опять нарастать. Крестьянская масса ясно поняла, что, начав с торжественной декларации об отмене феодального строя во время пресловутого заседания 4 августа 1789 г., Учредительное собрание затем сделало все от него зависящее, чтобы эта отмена стала как можно менее чувствительной для землевладельцев-дворян. В многочисленных петициях крестьяне протестовали против аграрных законов 1790 г., особенно против выкупа случайных повинностей, против одновременного выкупа всех повинностей и против круговой ответственности. Перед Законодательным собранием с первых же дней его существования встал, таким образом, аграрный вопрос. В первые месяцы своей деятельности Законодательное собрание ничего не предпринимало для его разрешения. Оно заслушивало только петиции крестьянских общин, взывавших к «законодателям» и «представителям народа» о том, чтобы «вырвать корни феодализма», которые мартовский закон (1790 г.) хотел сохранить. Петиции эти передавались на рассмотрение комиссий Законодательного собрания. Однако долго отмалчиваться было невозможно. Росла контрреволюционная агитация не присягнувших Конституции священников, появились контрреволюционные листовки, привозимые во Францию из-за границы. Агенты дворянской эмиграции вели свою темную контрреволюционную работу во многих провинциях Франции. Все усиливавшаяся агитация эмигрантов за войну против Франции тревожила и раздражала революционные элементы французского народа.

Как бы законны ни были крестьянские требования скорейшей отмены без выкупа всех феодальных повинностей, сами по себе они бы не особенно волновали буржуазию, если бы не совпали по времени с обострившимися отношениями Франции с Европой. Нужно было так или иначе внести хотя бы некоторое успокоение в крестьянскую среду. Но и к сознанию этой необходимости Законодательное собрание пришло не сразу. Только в начале 1792 г. оно создало комиссию для подготовки мероприятий по аграрному вопросу.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Движение сельской бедноты за таксацию хлебных цен

В конце 1791 г. и в начале 1792 г. крестьяне выступали против растущей дороговизны продуктов потребления, за таксацию цен на хлеб.

В феврале 1792 г. крупное движение вспыхнуло в районе Нойона, где крестьяне целого округа, вооруженные пиками, топорами, а отчасти даже ружьями, останавливали баржи с зерном на реке Уазе, выгружали зерно и пересыпали его в большие склады соседнего опустевшего монастыря. Часть зерна они делили между участниками экспедиции, а остальное распродавали по фиксированной ими цене жителям окрестных деревень. Законодательное собрание в течение нескольких заседаний рассматривало вопрос о том, как поступить с этими крестьянами: оно послало, наконец, в Нойон четырех своих членов, депутатов Ромма, Дюпона и др., для «умиротворения» и «увещания» крестьян, но вооруженные крестьяне не расходились, охраняли добытое имущество и требовали от депутатов Законодательного собрания утверждения установленной крестьянами таксы на хлеб. По возвращении в Париж депутаты вынуждены были провести соответствующий декрет. Двинутые было против крестьян национальные гвардейцы из соседних местностей разбежались, не дойдя до места назначения. Законодательное собрание поспешило вообще предать все дело забвению, боясь дальнейших осложнений.

За событиями в Нойоне последовал ряд других. Так, 27 февраля 1792 г. дровосеки и кузнецы лесных округов Конша и Бретейля с присоединившимися к ним крестьянами соседних округов направились в небольшой город Бо и принудили местный муниципалитет ввести таксацию предметов первой необходимости—хлеба, масла, яиц. В Сент-Омере, Дуэ, Аррасе, Дюнкерке, около Нанта крестьянское население завладевало транспортами зерна и муки, которые частные владельцы посылали из одной местности в другую, и распределяло зерно между участниками нападения по определенной, тут же на месте установленной, таксе.

3 марта 1792 г. мэр города Этампа Симоно отдал приказ стрелять по толпе, потребовавшей установления твердых цен. Возмутившись, толпа убила его. Случай в Этампе на время привлек внимание всей Франции к продовольственному вопросу. Вся Франция собственников пришла в негодование. Симоно был провозглашен мучеником революции. Законодательное собрание организовало траурную церемонию в память убитого мэра. Якобинский клуб отметил его память, заявив, что Симоно стоял «на страже порядка и законности» (только Марат и Робеспьер были против канонизации памяти Симоно).

В Законодательное собрание из очень многих мест поступали известия об аналогичных фактах. С разных сторон шли также крестьянские жалобы на растущую дороговизну и на искусственное вздувание цен спекулянтами. Во многих случаях справедливая ненависть крестьян по отношению к их бывшим помещикам-эмигрантам заставляла их обвинять эмигрантов в росте цен на предметы первой необходимости. «Дворяне бежали и ничего нам не оставили, — писали крестьянские общины Законодательному собранию, — они нарочно продали все имеющиеся у них запасы зерна и муки разным частным лицам, а те придерживают их и взвинчивают цены».

В целом ряде небольших городов местная национальная гвардия присоединялась к крестьянскому движению и поддерживала его. Очевидно, поскольку крестьянские массы стремились своими силами урегулировать продовольственный вопрос, они встречали сочувствие и поддержку со стороны демократических элементов небольших городов.

Во всех своих петициях, обращенных к Законодательному собранию,— как в тех, где крестьяне требовали отмены феодальных повинностей, так и в тех, где речь шла о таксации предметов продовольствия, — крестьянские общины и отдельные крестьянские группы заявляли о своей верности революции.

Во время крестьянских волнений и непосредственно после того, как они стихли, левые демократические газеты «Отец Дюшен» и «Революции Парижа» обращались к правительству и к Законодательному собранию с призывом отнестись внимательно к крестьянским требованиям, продиктованным действительно острой нуждой крестьянской массы. Газеты указывали на тяжелый продовольственный кризис, который начала переживать страна. Но Законодательное собрание, испуганное крестьянским движением, сделало все от него зависящее, чтобы как можно скорее его подавить.

В конце февраля в Законодательном собрании выступил представитель крайней левой — Кутон, один из ближайших единомышленников Робеспьера. Кутон настаивал на необходимости скорейшей отмены всех феодальных прав без выкупа, за исключением только тех, на которые у помещиков сохранятся претензии, подтверждаемые тщательно проверенными документами. Кутон, а также и поддерживавшая его крайняя левая Законодательного собрания стремились повернуть законодательство в пользу крестьянской массы, так как фактически помещики в подавляющем большинстве случаев едва ли могли документально обосновать свои права, получившие начало в XV—XVI вв. Кутон мотивировал свое предложение и тем, что для предстоящей войны Франции с монархическими государствами Европы необходимо единение всего народа, ибо «моральная сила свободной нации сильнее всех армий Европы». Крайняя левая Законодательного собрания понимала, что нельзя призывать крестьян жертвовать жизнью за новую революционную Францию, пока крестьяне не освобождены от всех остатков монархически-феодального уклада.

Рабочие волнения в Париже

В январе — феврале 1792 г. на продовольственной почве вспыхнули сильные волнения рабочих. По времени они почти совпадали с крестьянскими волнениями. В Париже еще до революции было большое количество рабочих, главным образом двух категорий: выделывающих предметы роскоши и занятых строительными работами. Парижская рабочая масса давно уже оторвалась от связи с землей и, кроме заработной платы, не имела никаких других доходов. С самого начала революции парижские рабочие терпели острую нужду, сначала из-за частичной, а затем почти полной ликвидации производства предметов роскоши. Сокращение спроса на эти предметы со времени крушения версальского двора и бегства за границу придворного дворянства давало себя чувствовать в 1789—1791 годах все острее и острее. Мелкие хозяева (крупных предпринимателей в Париже было мало) разорялись и выбрасывали на улицу рабочих, занятых в их предприятиях. При обострившемся продовольственном кризисе парижские рабочие, конечно, в неизмеримо большей степени страдали от повышения цен на продукты питания и предметы широкого потребления, чем буржуазная часть населения города.

Еще в ноябре 1791 г. в Законодательное собрание была подана характерная петиция от парижских рабочих ленточного производства. Рабочие жаловались на свою ужасную нищету и невероятно бедственное положение. Они указывали на то, что выступают от имени не только парижских рабочих, но также ленточников других городов Франции, и умоляли Законодательное собрание запретить применение станков в ленточном производстве, так как один станок, по их расчетам, заменяет собою 20 рабочих.

Эта петиция интересна, как один из сравнительно ранних протестов французских рабочих против введения машин.

В конце 1791 г. продовольственное положение ухудшилось не только в Париже, но и во многих других городах Франции. В Париже тяжесть положения чувствовалась сильнее: бедноты было больше, а связей с деревней у этой бедноты было меньше. В апреле 1792 г. с рынков исчез сахар, а вслед за тем кофе. Сахар еще до революции стал необходимым предметом питания не только в Париже, но почти во всех крупных городах Франции. Только крестьяне отдаленных от центра областей Франции обходились без сахара, заменяя его медом. Франция получала сахар из своих колоний: Мартиники, Гваделупы, Сан-Доминго, где французским предпринимателям принадлежали огромные плантации, обрабатываемые рабским трудом негров. Сахарный песок в виде полуфабриката посылался в крупные порты Франции: Нант, Бордо, Гавр, здесь он рафинировался и отправлялся частью внутрь страны, частью за границу.

В конце 1790 г. и в течение всего 1791 г. французские колонии были охвачены сильнейшим восстанием. В ноябре 1791 г. депутация бордоских торговцев просила Законодательное собрание отправить войска в Сан-Доминго для подавления восстания. К этой депутации присоединились депутации других крупных торговых портов Франции. Все они указывали на то, что торговля с колониями совершенно нарушена и Франция останется без колониальных товаров.

Из доклада жирондиста Дюко, представителя Бордо, сделанного им Законодательному собранию, ясно, что Франция ввозила из колоний, главным образом из Сан-Доминго, огромное количество сахара, но потребляла только восьмую его часть, все же остальное вывозила в другие страны. К январю 1792 г. положение с сахаром ухудшилось — он сразу повысился в цене с 25 су за фунт до 3 ливров, т. е. стал совершенно недоступным для беднейшей части населения.

Грозил ли Франции в действительности сахарный голод в 1792 г.? На этот вопрос на основании имеющихся сведений можно ответить отрицательно. Во Франции у частных предпринимателей еще от прежних лет имелись огромные запасы сахара как в Париже, так и в больших центрах: в Гавре, Орлеане, Бордо, Руане. Парижское население знало о существовании этих запасов и обращалось в Законодательное собрание с петициями о прекращении спекуляции сахаром. Владельцы сахарных складов были крупными торговцами-предпринимателями, обогатившимися, главным образом, с начала революции на всяких продовольственных спекуляциях. В петициях рабочих указывались имена этих спекулянтов и между ними — имя банкира Боскари, депутата от Парижа в Законодательном собрании.

Жирондисты—члены Законодательного собрания—попали сразу в двусмысленное положение. С одной стороны, многие из них были обязаны своим избранием голосам крупной торгово-промышленной буржуазии южных городов Франции (Бордо, Марсель), где буржуазия больше всего была заинтересована в крупных прибылях от торговли колониальными товарами. С другой стороны, беднейшая часть населения Парижа требовала борьбы с дороговизной и обвиняла буржуазию в спекуляции и искусственном взвинчивании цен на продукты, в особенности на колониальные товары. Левые газеты, «Революции Парижа», «Отец Дюшен» Эбера и газета Марата «Друг народа», вели кампанию против спекуляции и «ажиотажа», как тогда говорили.

На почве все растущей дороговизны, главным образом, съестных продуктов, в Париже вспыхнуло в конце января 1792 г. движение рабочих, мелких ремесленников, разорившихся мелких хозяев. 20 января в пред-

местьях Сен-Марсо и Сен-Дени толпы народа бросались к лавкам крупных бакалейных торговцев, угрозами и силой принуждая хозяев продавать все товары по более низким ценам. В последующие дни волнение охватило и другие части города. Особенное негодование народа вызывали крупные торговые фирмы Боскари и Шоль. В их лавках и торговых складах были разбиты окна, толпа требовала снижения цен на все колониальные товары. До 24 января толпы бедняков в разных частях Парижа заставляли торговцев отпускать товары по сниженным ценам: от 24 су до 26 су за фунт сахара.

Беднейшее население Парижа твердо верило в то, что Законодательное собрание своими декретами сможет урегулировать цены на предметы первой необходимости. Требования установления твердых цен были выражены во всех петициях, направленных в эти дни как в Законодательное собрание, так и в Парижский муниципалитет. Петиционеры требовали таксации не только колониальных товаров, но мяса, хлеба, вина, соли, т. е. почти всех предметов первой необходимости. 23 января секция Гравилье отправила в Законодательное собрание петицию, требуя принятия мер против спекулянтов. «В Декларации прав, — писали петиционеры, — ясно сказано, что свобода заключается в том, что гражданин может делать все, что не вредит его согражданам». «Мы спрашиваем вас, граждане законодатели, неужели же не противно Декларации прав то, что торговцы придерживают предметы первой необходимости, чтобы потом продавать их по спекулятивным ценам и этим вредить согражданам?» Еще сильнее и образнее писали петиционеры предместья Сент-Антуан: «Мы ждем от вас, граждане законодатели, справедливого закона, который положил бы предел жадности торговцев. Они (торговцы-спекулянты) готовы были бы наживаться на чем угодно и вздувать цены на кости патриотов, если бы можно было продавать эти кости за границу бежавшим аристократам».

В то же время и крупные торговцы колониальными товарами обращались в Законодательное собрание с просьбой о защите их интересов и собственности от посягательств бедноты. Один из них, крупный торговец и владелец банкирской конторы, упомянутый выше Боскари, крайне недоумевал, возмущался и просил Законодательное собрание избавить его от «раздражения народа». Он заявлял, что с самого начала перешел на сторону революции, всегда являлся защитником порядка и собственности, когда им угрожала опасность, а теперь сам невинно страдает, его собственности угрожает опасность.

Законодательное собрание не приняло никаких реальных мер для удовлетворения требований народных масс. Приводя доводы в духе физиократов в пользу экономической свободы, жирондисты возражали в Собрании против вмешательства государства в сферу экономических отношений. Дюко выступил с доказательством благотворности свободы торговли и естественного развития экономических сил. Сущность его доклада сводилась к следующему: дороговизна на предметы потребления должна временно сократить потребление, поскольку покупательная способность массы населения суживается; торговцы тем самым начнут терпеть убытки и будут вынуждены открыть свои склады и магазины и начать продавать по более низким ценам накопленные у них товары; таким путем в обращение опять поступит достаточное количество товаров; свободная конкуренция между торговцами заставит их в дальнейшем еще более снизить цены. Эта речь встретила со стороны крайней левой протест, который, однако, нисколько не повлиял на изменение политики Собрания в этом вопросе.

Характерно, что в то же время Законодательное собрание внимательно

прислушивалось к петициям группы фабрикантов, которые жаловались на рост цен на промышленное сырье, например на хлопок, чрезвычайно быстро поднявшийся в цене с 240 ливров за квинтал до 500 ливров. Фабриканты требовали запрещения вывоза сырья из Франции. Законодательное собрание пошло навстречу этим требованиям и запретило на определенный срок вывоз через границы шерсти, хлопка и сырой кожи (23 февраля 1792 г.). По продовольственному же вопросу, т. е. как раз по тому вопросу, в котором особенно заинтересована была беднота, ничего не было сделано. Все ограничилось лишь инспирируемой Законодательным собранием проповедью добровольного отказа от потребления сахара. Инициатива в этом направлении была проявлена жирондистами, подхвачена Якобинским клубом, а затем даже отдельными секциями Парижа. 26 января 1792 г. Гоншон, друг Бриссо, выступил в Законодательном собрании с петицией от Сент-Антуанского предместья о том, чтобы потребление сахара было ограничено и разрешено лишь женщинам, старикам и детям. С пафосом, характерным для того времени, он говорил: «Люди 14 июля не будут драться за конфекты... А потому всем мужчинам следует воздержаться от употребления сахара». К заявлению секции Сент-Антуан присоединились и другие секции. В заседании 30 января 1792 г. Якобинский клуб горячо поддерживал это движение за воздержание в употреблении сахара. Один из ораторов, Луве, ставил в пример американские колонии, которые отказались во время борьбы за независимость употреблять чай, обложенный в Англии налогом. Члены клуба клялись совершенно воздержаться от употребления чая и кофе. Среди этого взрыва энтузиазма только одна газета «Революции Парижа» высмеивала всю эту шумиху с отказом от пользования сахаром и выражала уверенность в том, что она не даст серьезных результатов. Редактор спрашивал, будут ли произноситься такие же торжественные клятвы, если дело дойдет до того, что придется совершенно воздержаться от употребления хлеба? Таким образом, движение за таксацию предметов продовольствия, поднятое народными массами Парижа и части департаментов, в общем в первые месяцы 1792 г. не привело ни к каким результатам. Ни центр, ни правая Законодательного собрания не желали слышать ни о каких серьезных мероприятиях в этом направлении. В глазах наиболее активной части Законодательного собрания — жирондистов — какое-либо вмешательство в частные экономические интересы граждан было нарушением провозглашенных ими принципов неприкосновенности собственности и свободы торговли.

Доливье

Движение против дороговизны в конце 1791 г. и в первые месяцы 1792 г. дало толчок развитию социальной мысли. Оно выдвинуло защитников и идеологов городской и деревенской бедноты, пытавшихся теоретически обосновать право народа на улучшение его материального положения. К началу 1792 г. относятся первые выступления Доливье, Жака Ру и Л'Анжа (или Ланжа).

Пьер Доливье был, подобно Мелье, сельским священником. В 1789 г. он сразу и искренне примкнул к сторонникам революции. В связи с делом Симоно Доливье направил в Законодательное собрание послание от имени жителей Этампа. Послание содержало протест против тех демонстраций, которые происходили в Париже в память убитого кожевника Симоно, погибшего, как это подчеркивала вся правая Законодательного собрания, при защите «порядка» и «священной буржуазной собственности». Но наряду с этим оно давало теоретическое обоснование и оправдание движений бедноты. Доливье доказывает необходимость таксации предметов потребления и осуждает чрезмерное скопление богатств

в руках частных лиц. «Не возмутительно ли, — пишет Доливье, — что богатые люди, пребывающие в постоянной праздности, пользуются всеми жизненными благами, которые добываются для них трудом бедняков, в то время, как эти бедняки нуждаются в самом необходимом». Отсюда Доливье делает вывод: во время народного бедствия нельзя допускать в стране неограниченную торговлю съестными припасами, — необходимо регулировать цены так, чтобы бедняки не страдали от дороговизны.

«До сих пор, — говорит Доливье, — боялись даже коснуться вопроса о неприкосновенности земельной собственности. Собственность считалась священной. Однако человеческий разум не должен останавливаться перед общепризнанным политическим догматом, которому по традиции полагается слепое подчинение».

«На самом деле, все собственники на земле получают свое право в силу закона. Закон устанавливается нацией, т. е. государственной властью. Даже если предположить, что нация могла правильно установить существующий способ владения землей (т. е. сосредоточения множества земель в руках немногих), то неужели нация (государственная власть) совершенно отказалась от своего права на продукцию земли. Неужели нация (государственная власть) может установить такой, противный самой природе, закон, по которому бедняк не может пользоваться продуктами земли для удовлетворения своих насущных потребностей». Защищая интересы бедняков, Доливье, однако, не был способен выйти за пределы мелкобуржуазного уравнительства. Тем не менее важно здесь отметить, что в лице Доливье движение против дороговизны нашло своего идеолога, стремившегося теоретически обосновать право на хлеб всякого трудящегося и возвысившего свой голос против принципа неприкосновенности буржуазной собственности.

Послание Доливье было встречено в Законодательном собрании молчанием. Его нападки на имущих и на принцип неприкосновенности частной земельной собственности одинаково не нравились как правой, так и левой Собрания. Даже демократические левые газеты постарались замолчать это выступление. Только Робеспьер в своей газете «Защитник конституции» напечатал петицию Доливье и снабдил ее своими комментариями. Робеспьер нападал на новую буржуазию, которая использовала военные и революционные затруднения для того, чтобы заниматься спекуляцией и набивать себе карманы. В то же время Робеспьер заявлял, что никакой «аграрный закон», т. е. никакие проекты передела земли совершенно не осуществимы и являются вредной утопией. Таким образом, наиболее видный представитель мелкобуржуазной революционной демократии отстаивал принцип частной земельной собственности во всей его неприкосновенности.

Ланж и Жак Ру

Биографические сведения о Ланже, или Л'Анже, очень скудны. Родился он в немецком городе Келе и 16-ти лет переехал во Францию. Он был ремесленником-живописцем. Еще накануне революции он выступал в печати в защиту прямого народоправства, в 1790 г. — против цензовой избирательной системы и против права собственности. В 1791 г. в Лионе была напечатана новая его брошюра: «Жалобы и заявления пассивного гражданина активным гражданам» (Les plaintes et representations d'un citoyen décrété passif aux citoyens décretés actifs»). В этой брошюре мы находим яркую критику главных положений цензовой Конституции 1791 г., разделившей граждан на «пассивных» и «активных». Ланж очень ясно и прямо ставит вопрос об имущественном неравенстве и его причинах. «Излишки богатых создаются трудом бедняков, — говорит он. — Нужно ли оскорблять нас [т. е. тру-

дящихся бедняков] лишением политических прав только потому, что мы своим трудом добываем те излишки, которыми пользуются богатые?» В 1792 г. Ланж являлся членом Лионского муниципалитета. Он — левый демократ, якобинец и в то же время один из первых проповедников кооперации. В 1792 г., в связи с ростом цен и падением курса ассигнат, беднейшее население Лиона, как и других больших городов, переживало сильную продовольственную нужду. В июне, а затем после событий 10 августа, Ланж напечатал в Лионе две брошюры по вопросам организации продовольствия, промышленности и торговли: «Простые и легкие способы обеспечить изобилие и установить справедливую цену на хлеб» («Moyens simples et faciles de fixer l'abondance et le juste prix du pain»). В первой из них он писал: «Для того, чтобы общество могло нормально существовать, нужно, чтобы труд мог обеспечить трудящихся всем необходимым». Ланж предлагает утопический план нового устройства общества: все семьи страны соединяются в свободные, автономные и солидарные между собой группы. По установленным обществом ценам скупается на определенных и постоянных условиях у собственников и торговцев весь урожай и распределяется между этими автономными группами. Ланж, таким образом, предлагает своего рода кооперацию и централизацию в распределении продовольственных ресурсов. Осуществить свою систему Ланж мыслил мирным путем, путем пропаганды своих идей.

Почти одновременно с Ланжем выступает впервые Жак Ру. Своего высшего развития деятельность Ру достигает позже, во время движения так называемых «бешеных», которое он возглавлял, начало же ее относится именно к первой половине 1792 г. Жак Ру был священником, с самого начала искренне признавшим «гражданское устройство духовенства». В 1790 г. он был приходским священником в Париже в секции Гравилье, населенной, главным образом, рабочими и мелкими ремесленниками текстильного производства, выделывавшими ленты, кружева, дорогие чулки и т. п. Эти рабочие, как уже указывалось, переживали тяжелый кризис в течение всего 1790 г. и через посредство Ру обращались с петицией в Законодательное собрание, умоляя о помощи.

В конце мая 1792 г. Ру выступал в ряде церквей с проповедью, отпечатанной под названием: «Речь о средствах спасения Франции и свободы». В ней Ру указывал на бедствия народных масс, нападал на спекулянтов, искусственно взвинчивающих цены на предметы продовольствия. «Нет большего преступления, — писал он, — чем наживаться за счет народных бедствий. Нация, сбросившая с себя иго тиранов, должна наказать происки «аристократии богатства». Нация не может терпеть, чтобы тираны высасывали кровь бедных граждан и путем недостойных сделок подготовляли возвращение рабства». Какие же меры предлагал Ру? «Арестуйте всех лиц, принадлежащих к бывшим привилегированным сословиям, — говорил он, — отстраните от выборных должностей всех сторонников королевской власти». Ру требовал также регулирования хлебной торговли и введения смертной казни за спекуляцию. Таким образом, уже в рассматриваемый нами период Жак Ру выступает, как представитель парижской бедноты — пролетариата и полупролетариата,— в среде которой он вращался после своего переселения в Париж.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Зимой, весной и летом 1791—1792 гг. в целом ряде местностей Франции все сильнее начало обнаруживаться контрреволюционное брожение, временами перераставшее в контрреволюционные выступления. В Вандее, где усиленную контрреволюционную агитацию вели не присягнувшие

Конституции священники и тайные агенты роялистов-эмигрантов, уже стало назревать восстание, вспыхнувшее позже, в марте 1793 г. На юге и юго-востоке Франции в мало населенных местах собирались небольшие группки роялистов, которые при первой для них опасности рассеивались и уходили за границу.

В Лозере организовались значительные банды роялистов, к которым присоединились темные, случайные элементы, не находившие себе заработка и пристанища, выбитые революцией из колеи. В дикой и пустынной местности Жалеса они образовали нечто вроде вооруженного лагеря, который получил название Жалесского лагеря или стана и представлял собой угрозу для местного населения. Этот лагерь несколько раз рассеивался, затем собирался вновь.

Авиньонская резня

В Авиньоне, — папском владении со времени пребывания здесь папского престола (XIV в.), — где население было почти сплошь французским, оно разделилось на сторонников и противников присоединения к Франции. Демократическая масса населения была целиком за присоединение. В августе 1791 г. в Авиньоне «патриотами» был произведен революционный переворот и образован революционный муниципалитет, который отправил в Законодательное собрание просьбу о присоединении Авиньона к революционной Франции. По постановлению Законодательного собрания, Авиньон был включен во владения Франции (14 сентября 1791 г.). Тогда все аристократические и контрреволюционные жители Авиньона подняли мятеж. Была произведена жестокая резня сторонников присоединения к Франции и распущен революционный муниципалитет (16 октября 1791 г.). Через несколько дней, однако, демократическим элементам Авиньона удалось сплотиться и оказать сопротивление. Множество аристократов было арестовано и заключено в бывший папский дворец, некоторые — убиты; прежний муниципалитет восстановлен, присоединение к Франции узаконено местными муниципальными властями. Законодательное собрание стремилось помирить обе враждующие стороны, опасаясь применить сколько-нибудь серьезные репрессии по отношению к контрреволюционным элементам Авиньона и не желая оттолкнуть от себя крупную авиньонскую буржуазию. В конце концов Законодательное собрание объявило общую амнистию всем лицам, обвиненным в убийствах, к какой бы партии они ни принадлежали.

Декреты Законодательного собрания против эмигрантов

Перед Законодательным собранием, гораздо острее, чем перед Учредительным, встал вопрос об эмигрантах. Конец 1791 г. и начало 1792 г. — это было время особенно активной деятельности эмигрантов при прусском и австрийском дворах и при дворах рейнских князей.

Скопление эмигрантов в Кобленце, их постоянное бряцание оружием, их угрозы по адресу «якобинцев», при явном попустительстве всей этой шумихе со стороны австрийского и прусского правительств, не могли не тревожить революционные элементы Франции. Братья короля в Кобленце вели себя вызывающе. Второй брат короля, граф Прованский, объявил себя регентом Франции на основании того, что король Людовик XVI и его маленький сын находятся якобы в плену у якобинцев.

Эмигрантская шумиха за границей, контрреволюционная агитация эмигрантских посланцев и неприсягнувших священников внутри страны заставили, наконец, Законодательное собрание пойти на репрессивные меры в отношении тех и других.

Вопрос об эмиграции был поднят левой Законодательного собрания. Почти все будущие жирондисты (Бриссо, Верньо, Инар) в ярких речах требовали от правительства Людовика XVI решительных мер против эмигрантов. «Пора внушить другим нациям, —говорил Бриссо, — уважение

к Франции и ее Конституции». Одновременно жирондисты произносили воинственные речи против держав, поддерживавших эмигрантов, и доказывали необходимость наступательных действий со стороны Франции для обеспечения ее безопасности. Фельяны безуспешно старались затормозить проведение решительных мер против эмигрантов. Они предложили обязать всех офицеров армии (а из офицеров постоянно пополнялись ряды эмиграции) принести еще раз торжественную клятву верности Конституции. Однако клятвам в верности, которые несколько раз торжественно приносились и почти тотчас нарушались, уже не верили ни левая Законодательного собрания, ни Якобинский клуб, ни сами фельяны, которые предлагали эту меру. Инар резко выступил против эмигрантов и против всех тех, кто пытался усыпить общественное мнение и затушевать опасность внешнего вторжения и внутренней контрреволюции. 9 ноября 1791 г., под влиянием натиска левой, Законодательное собрание приняло декрет об эмигрантах следующего содержания: все эмигранты, которые не возвратятся в двухмесячный срок во Францию (до 1 января 1792 г.), будут рассматриваться как изменники родине; эмигранты, тайно вернувшиеся после этого срока и обнаруженные во Франции, будут рассматриваться как заговорщики, имения их и все имущество должны быть конфискованы, а сами они будут преданы суду за измену родине. На доходы эмигрировавших принцев секвестр накладывался с момента принятия декрета. Офицеры, самовольно прекратившие выполнение своих обязанностей, объявлялись дезертирами. Запрещался вывоз оружия из Франции. Королю предлагалось принять меры против держав, допускавших на своей территории сборища эмигрантов. Чиновники, находившиеся без разрешения вне королевства, лишались места, жалованья и прав активных граждан.

Декрет против неприсягнувшего Конституции духовенства

После принятия декрета против эмигрантов в Собрании открылись прения по декрету против неприсягнувших Конституции священников, которые натравливали обманутых прихожан, и особенно женщин, против присягнувшего духовенства, отказывались допускать к таинствам лиц, купивших бывшие церковные имущества, и вели контрреволюционную агитацию. Жирондист Инар предлагал изгнать их из Франции, но его предложение было отвергнуто 29 ноября 1791 г. Собрание приняло декрет, обязывавший неприсягнувших священников в недельный срок принести гражданскую присягу. Не принесшие присяги лишались права на получение пенсий, объявлялись «подозреваемыми в возмущении против закона», в «дурных намерениях против отечества» и отдавались под надзор властей. Местной администрации предоставлялось право при возникновении религиозных волнений выселять неприсягнувших священников, а виновных предавать суду, который мог карать их двумя годами тюремного заключения. Неприсягнувшие священники лишались права нанимать для поддержания культа церкви и часовни, не занятые официальной церковью.

Veto короля

Вожди фельянов, желая сохранить за своей группой симпатии консервативных элементов, дали Людовику XVI совет — не утверждать декретов против эмигрантов и неприсягнувших священников, но дать согласие на декрет о лишении графа Прованского права на регентство и обратиться к курфюрстам Трирскому и Майнцскому с ультимативным требованием удалить эмигрантов из их владений. Фельяны, члены директории Парижского департамента, просили Людовика XVI принять решительные меры против эмигрантов, но не утверждать декрета против священников, чтобы не возбуждать религиозных страстей. Король наложил veto на оба декрета, но в то же время обратился 16 октября с прокламацией к эмигрантам и 17 ноября с пись-

мом к братьям, убеждая их вернуться во Францию и отказаться от проектов насильственных действий. Это лицемерное обращение к эмигрантам было сделано, как будет видно из дальнейшего, исключительно для отклонения подозрений и для успокоения общественного мнения. Король и королева строили свои планы в расчете на контрреволюционную активность эмигрантов в союзе с державами; они боялись лишь, что преждевременные агрессивные выступления эмигрантов вызовут против королевской семьи гнев народа и немедленную расправу.

Жирондистская пресса разоблачала происки дворцовых заговорщиков «Французский патриот» Бриссо и «Патриотические анналы» Карра писали, что королевское veto на декрет против эмигрантов санкционирует безнаказанность преступных проектов последних. Еще резче нападал на короля и двор демократический орган Прюдома «Революции Парижа», открыто обвиняя Людовика XVI в коварстве и в покровительстве эмигрантам. Указывая, что король злоупотребляет правом veto, накладывая его на важные декреты, одобряемые народом, газета писала, обращаясь к Людовику XVI: «Как вы можете считать, что знаете подлинные настроения, когда вы сидите у себя во дворце, в обществе мстительной супруги и ханжи-сестры, окруженный людьми, вроде Барнава, Дандре, Малуэ и Талейрана?» Королевскому veto газета противопоставляла санкционированное Декларацией право граждан сопротивляться угнетению. 11 декабря 1791 г. десять секций протестовали в Собрании против петиции директории Парижского департамента, в которой петиционеры просили короля не утверждать декрета против неприсягнувших священников. Камилл Демулен, выступая от секции Французского театра, назвал обращение директории к королю контрреволюционным актом, внушенным тому, кто 17 июля 1791 г. расстреливал народ на Марсовом поле. Он напомнил, что «посредством veto нельзя воспрепятствовать взятию Бастилии», и призывал Собрание обрушить удар на вождей контрреволюции. Собрание постановило разослать по департаментам протокол заседания от 11 декабря.

Между тем, слухи о тайных переговорах Людовика XVI и Марии-Антуанетты с австрийским двором волновали общественное мнение парижской демократии. «Австрийский комитет» — так называли тогда кучку придворных, окружавших короля и мечтавших о контрреволюционном перевороте с помощью иностранной интервенции, — деятельно подготовлял почву для переворота. Новая измена короля со всей ясностью была обнаружена позднее, после крушения королевской власти, т. е. после революции 10 августа, но слухи о тайной переписке с иностранными дворами разнеслись еще в начале 1792 г.

Действительно, накладывая veto на декреты против эмигрантов и неприсягнувших священников, Людовик XVI продолжал тайные сношения с европейскими монархами, которых побуждал ускорить интервенцию, грозя распространением революции по всей Европе. Мария-Антуанетта писала через посредство австрийского посланника графа Мерси, а затем, как уже говорилось, через русского посла Симолина своему брату Леопольду II: «Пусть убедится мой брат, что мы не можем признать конституцию, которая составляет несчастье и грозит гибелью королевству». Таким образом, принятие королем Конституции было притворством. Двор хотел лишь выиграть время и ждал интервенции.

В письмах к Ферзену и к Екатерине II королева доказывала, что авантюристские, не подготовленные должным образом проекты эмигрировавших принцев опасны для королевской семьи и могут погубить все планы двора. В инструкции к своему агенту за границей барону де-Бретейль Людовик XVI писал, что если эмигранты «вторгнутся, не

располагая превосходными силами, то они погубят Францию и короля». Король желал, чтобы эмигранты «перестали внушать беспокойство».

В письме к прусскому королю Фридриху-Вильгельму II от 3 декабря 1791 г. Людовик XVI писал, что он обращался с предложением созвать конгресс к императору Германии, к русской императрице и к королям Испании и Швеции. Он считал, что «конгресс, подкрепленный вооруженной силой, является лучшим средством сдержать мятежников во Франции, установить желательный порядок вещей и не допускать распространения зла на другие государства».

Часть фельянов советовала Людовику XVI воспользоваться «малой войной» с прирейнскими немецкими князьями, дававшими убежище эмигрантам; война, по их мнению, увеличила бы популярность короля и дала бы возможность при помощи армии «обуздать» революционеров. Следуя этим советам, Людовик XVI 7 декабря 1791 г. назначил военным министром сторонника «малой войны» Нарбона, честолюбивого авантюриста, связанного с фельянами и поддерживаемого Лафайетом. Прибегая к интриге, притворству и к прямой измене стране, королевский двор в действительности возлагал свои надежды на поражение Франции в большой войне, которая неизбежно последует за малой. 9 декабря королева писала Ферзену: «Мне кажется, что мы [т. е. французское правительство] объявим войну не сильной державе,— для этого у нас слишком мало мужества, — а курфюрстам и некоторым из германских государей, в надежде, что они не в силах будут защищаться. Эти глупцы, — иронизировала она по адресу фельянов-советчиков, — не видят, что поступать так, как они поступают, значит служить нам, потому что, если мы начнем войну, то державы вынуждены будут вмешаться для защиты своих собственных прав».

14 декабря король заявил Законодательному собранию о посылке им курфюрсту Трирскому ультиматума, в котором последнему предлагалось до 15 января 1792 г. рассеять эмигрантские сборища; в противном случае он будет считаться «врагом Франции». В тот же день Людовик XVI так объяснял барону Бретейлю в своем секретном послании мотивы своих действий: «Внутренне я не могу одобрить революцию и нелепую, ненавистную конституцию, которая ставит меня ниже, чем был поставлен польский король». Людовик XVI хотел, чтобы посланный курфюрсту Трирскому ультиматум привел к войне; он рассчитывал при этом на вмешательство держав и на поражение Франции в войне с монархической Европой. «Вместо междоусобной у нас будет, — писал он, — внешняя война, и это значительно улучшит положение вещей... Нравственное и физическое состояние Франции не позволило бы ей долго вести войну, но надо, чтобы казалось, что я действительно готов ее начать... Мое поведение должно быть таково, чтобы в несчастьи народ видел спасенье только во мне».

БОРЬБА ПАРТИЙ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ВОЙНЕ

Позиция контрреволюционных группировок

Возможность близкой войны широко обсуждалась в Законодательном собрании, в Якобинском клубе и в прессе всех направлений. Отношение к ней было далеко не одинаковым у различных политических группировок того времени. Придворная монархическая клика, окружавшая короля, как уже говорилось, ничего не имела против недлительной, небольшой войны, в расчете, что такая война приведет к восстановлению абсолютизма или, по меньшей мере, к укреплению авторитета монарха. Война представлялась ей короткой. но победоносной кампанией против рейнских князей. В случае победы власть Людовика XVI должна была, по мнению этих кругов, укрепиться. Если

же войска революционной Франции будут разбиты, то этим будет нанесен удар революции, отчего выиграет опять-таки королевская власть. Эти наивные рассуждения были основаны на полном непонимании сил революционной Франции и того огромного патриотического подъема, которым были охвачены народные массы. Среди фельянов Законодательного собрания и министров Людовика XVI по вопросу о войне не было единомыслия. Часть министров, как Бертран-де-Моллевиль — морской министр, Гюйе-де-Жервиль — министр внутренних дел, и часть фельянов, Барнав, Дю-Пор, Ламет, стояли за дружбу с Австрией, боялись поражения Франции и не хотели войны. Военный министр, бывший граф Нарбон, принадлежавший к прежнему аристократическому офицерству, желал войны. Его поддерживал Лафайет. У Нарбона сложился план быстрого и, конечно, победоносного вторжения Франции в земли рейнских князей. Он видел развал старой королевской армии и мечтал в военной обстановке укрепить расшатавшуюся дисциплину, создать боеспособную армию, а затем с ее помощью упрочить шатающийся трон Людовика XVI. Нарбон не имел ни малейшего представления о том, какое огромное напряжение всех сил революционной Франции потребуется для войны и какие размеры она примет. Лафайет поддерживал его оптимистические мечтания. Нарбон объездил пограничные крепости Франции и сделал 11 января Законодательному собранию легкомысленный и крайне поверхностный доклад о том, что укрепленные места находятся в хорошем состоянии, что Франция готова к войне, и требовал нового набора 51 тыс. человек. Из доклада это требование вовсе не вытекало, и Собрание не удовлетворило его. Нарбон имел в виду «малую войну», а на деле толкал неподготовленную Францию к большой европейской войне.

Министр иностранных дел Де-Лессар, считая, что война погубит умеренную партию, стремился предотвратить ее. Он предлагал купить в Германии и Польше земли для вознаграждения эльзасских князей. Но Собрание 25 января декретировало, чтобы король потребовал от императора Леопольда II отказа «от всяких договоров и соглашений, направленных против верховенства, независимости и безопасности нации». Отсутствие ответа до 1 марта или уклончивый ответ должны были рассматриваться как объявление войны.

На это прямое требование отказаться от Пильницкой декларации Леопольд II ответил формальным заключением военного союза с Пруссией (7 февраля). В результате последующих переговоров были определены условия соглашения. Каждая сторона обязывалась выставить по 50 тыс. человек. Австрия и Пруссия предлагали Франции вернуть немецким князьям и папе их владения, королевскую семью отослать в безопасное место и гарантировать монархическую форму правления.

1 марта неожиданно умер император Леопольд II. Это ускорило начало войны. Преемник Леопольда II, молодой и ограниченный Франц II, находился под влиянием сторонников войны. Он немедленно скрепил союз с Пруссией и заявил о своей готовности поддержать притязания немецких князей в Эльзасе. Готовясь к войне, Пруссия выдвигала вопрос о территориальной компенсации. Она отвергла предложения Австрии о гарантиях неприкосновенности Польши и о наследственности польской короны, опасаясь соединения под одной короной Польши и Саксонии. Если Леопольд II оттягивал войну с Францией, не желая предоставить Польшу России и Пруссии, то его преемника не удерживали эти соображения.

Фаворит Марии-Антуанетты Ферзен тайно прибыл в середине февраля 1792 г. в Париж и убеждал Людовика XVI бежать. Король соглашался сделать это в момент приближения союзных войск. К новому императору

французский двор послал тайно двух агентов с просьбой о помощи. Министр иностранных дел Де-Лессар скрывал от Собрания заявления, исходившие от австрийского двора и содержавшие оскорбительные выпады по адресу французских республиканцев.

Пропаганда войны бриссотинцами

Революционная Франция несомненно должна была готовиться отразить грозившую ей интервенцию. Но не в ее интересах было ускорять войну. Между тем, самая многочисленная часть левой Законодательного собрания стояла за немедленную наступательную войну. Вся группа жирондистов вела Францию к воине и вызвала ее объявление тогда, когда еще можно было ее отсрочить. В качестве представителей крупной торгово-промышленной буржуазии больших городов юга и юго-запада Франции жирондисты стремились к расширению границ Франции, к упрочению экономического влияния ее в Европе и к завоеванию европейских рынков. Победоносная война (а они мечтали о крупных и быстрых победах) могла создать для этого благоприятные условия. С другой стороны, глухое недовольство народных масс, выливавшееся в движении за регулирование цен и уничтожение свободной торговли, продовольственный и финансовый кризис, который начала переживать страна, — были для них опасным симптомом. Удачная война могла, как им казалось, отвлечь массы от классовой борьбы, поднять патриотические настроения. Победоносная война явилась бы выходом из того ненормального положения, в котором очутилось Законодательное собрание по отношению к королю, тайно изменяющему Франции. Вся совокупность этих обстоятельств заставляла жирондистов толкать страну на скорейшее объявление войны Австрии. «Хотите уничтожить одним ударом аристократию? — говорил Бриссо в Законодательном собрании, — уничтожьте в таком случае Кобленц: тогда глава нации [т. е. Людовик XVI] будет обязан царствовать согласно Конституции».

Парижский Якобинский клуб поддерживал воинственные выступления жирондистов, которые в конце 1791 г. и в первой половине 1792 г. имели огромное влияние в Якобинском клубе.

15 февраля Якобинский клуб обратился с посланием к своим провинциальным отделениям. Парижский клуб предупреждал своих собратьев о том, что во многих департаментах назревают контрреволюционные заговоры. «Спасение отечества, — было написано в этом послании, — зависит от решительной меры. Эта мера — война». «Нам нужна война, чтобы укрепить нашу Конституцию, чтобы обеспечить наше национальное существование. До тех пор, пока будут существовать благородные [т. е. дворянство] и короли, мы все равно будем бороться против их попыток восстановить деспотизм и уничтожить Конституцию». «Нация желает войны. Она горит желанием приблизить момент, когда войска свободы [т. е. французские армии] померяются силами с сателлитами деспотизма, когда великий спор народов и королей разрешится на поле битвы».

17 февраля Якобинский клуб разослал новое обращение к филиальным отделениям в провинции.

«Война неизбежна, — говорилось в этом воззвании, — всякая отсрочка послужит только на пользу нашим врагам». Затем указывалось на сочувствие и поддержку, которые должны оказать Франции порабощенные народы. «Бельгия только и ждет помощи со стороны Франции, чтобы восстать против своих тиранов. Поспешим же скорее на помощь всем жертвам деспотизма, утвердим свободу во всех странах, которые нас окружают; создадим прочный барьер свободных народов между нами и тиранами [т. е. прусским и австрийским правительствами]. Заставим тиранов дрожать от страха на их пошатнувшихся тронах». Якобинский клуб рекомендовал своим отделениям держать тесную связь с армией,

возбуждать патриотизм солдат и поддерживать их дружеские связи с гражданским населением.

Началось вооружение пиками пассивных граждан, не включенных по Конституции 1791 г. в состав избирателей и национальной гвардии. Во главе движения стал Электоральный клуб епископства, объединивший избирателей округа, пославшего Бриссо в Законодательное собрание. Якобинский клуб содействовал этому вооружению народа пиками. Имея за собой поддержку Якобинского клуба и предместий, муниципалитета и некоторых генералов (Лафайета), Жиронда перешла к нападению на министерство Людовика XVI.

1 марта Де-Лессар огласил в Собрании дипломатическую переписку с венским двором, чем вызвал резкие нападки сторонников Бриссо. В этой переписке австрийский министр Кауниц позволил себе высокомерные и бестактные нападки на «необузданность республиканской партии», подстрекавшей к войне, чтобы свалить монархию. Он осуждал «народную анархию» во Франции и выражал опасения относительно «заразительности» ее для других народов. В ответной ноте Де-Лессар выражал надежду на восстановление порядка во Франции, если ее оставят в покое, он допускал возможность поражения Франции, но убеждал императора, что это только лишило бы Австрию союзника и усилило бы ее соперника (Пруссию).

Де-Лессара обвинили в Собрании в трусости и даже в том, что он сам продиктовал этот оскорбительный для Франции ответ, исходивший якобы от австрийского императора. Бриссо продолжал во «Французском патриоте» нападать на Де-Лессара, противопоставляя ему Людовика XVI, который устами этого же министра заявил, что не желает вмешательства императора во внутренние дела французского народа. 10 марта Бриссо от имени Дипломатического комитета потребовал в Собрании предания суду министра иностранных дел Де-Лессара. Он выдвинул против Де-Лессара обвинения в слабости и трусости, в сокрытии от Собрания важных дипломатических документов, в сообщении сведений о внутреннем состоянии Франции и в унизительных просьбах о мире. Бриссо предлагал потребовать от венского двора открытого заявления, что он отказывается от вмешательства во французские дела. Стремясь свалить королевское министерство, Бриссо молчал о роли короля и о контрреволюционных замыслах двора.

Образование жирондистского министерства

Падение Де-Лессара повлекло за собой падение Бертрана де-Моллевиля и других министров, двор был напуган. Дю-Пор советовал королю произвести переворот и распустить Законодательное собрание. Ламеты запугивали короля судьбой английского короля Карла I, пожертвовавшего в аналогичных условиях своим министром Страффордом. Но король решил организовать министерство из представителей партии, желавшей немедленной войны, т. е. из жирондистов. Сообщая о назначении жирондистских министров, король указывал, что он сделал уступку общественному мнению. На самом деле у короля были особые расчеты. Жирондистское министерство давало двору временную передышку. И король и Жиронда стремились к войне, но по разным мотивам. Внешне проявляя согласие с бриссотинцами, король в действительности не переставал действовать против них.

Согласно Конституции, депутаты Законодательного собрания не могли быть министрами. Поэтому министерство было составлено не из видных жирондистов, а из их друзей и единомышленников, не входивших в состав Собрания. Жирондистское министерство сформировалось 23 марта 1792 г. Министерство внутренних дел получил в нем Ролан, который занимал

№. 627.

L'AMI DU PEUPLE,

JOURNAL POLITIQUE ET IMPARTIAL,

Par J.-P. MARAT, Auteur de l'Offrande à la patrie, du Moniteur, du Plan de Constitution, et de plusieurs autres ouvrages patriotiques.

Vitam impendere vero.

Du Jeudi 12 Avril 1792.

Tableau de la situation actuelle des affaires politiques de la France. Coalisation des ministeriels gangrenes avec la faction *Brissot*, meneuse de la bande anti-patriotique. Complot des endormeurs de la Cour. Impunité prévue du sieur Delessart.

CLUB DES CORDELIERS.

Société des amis des Droits de l'Homme et du Citoyen, du 5 Avril 1792.

L'an quatrieme de la liberté.

La Société des Droits de l'Homme et du Citoyen, connoissant la penetration, les principes et l'ardent civisme de l'Ami du Peuple, regarde sa retraite comme une vraie calamite publique. Aujourd'hui plus que jamais, sentant tout le besoin de sa plume énergique, pour dévoiler les éternels complots des ennemis de la liberte, et reveiller le peuple qu'ils s'efforcent d'endormir sur les bords de l'abîme, elle conjure l'Ami du Peuple de la reprendre au plutôt.

La Societé se felicite d'avoir a lui manifester le même

ДРУГ НАРОДА» 1792 г. № 627, ОТ 12 АПРЕЛЯ
Б-ка Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

прежде пост инспектора мануфактур в Амьене, а затем в Лионе. Педагог по профессии, он был автором нескольких экономических работ. Честный, но ограниченный резонер, он считал себя демократом. Портфель министра финансов получил Клавьер. Женевец родом, Клавьер переселился во Францию, был очень близок с Мирабо, затем сошелся с жирондистами; поклонник конституции Соединенных Штатов, он мечтал об устройстве во Франции буржуазной республики. Морским министром сделался Лакост, военным — де-Грав, сменивший Нарбона. На пост министра иностранных дел Бриссо выдвинул 53-летнего генерала Дюмурье. В своем отношении к революции Дюмурье проявил себя, как беспринципный и беззастенчивый карьерист. Он сам говорил Людовику XVI, что необходимо, приспособляясь к обстоятельствам, «действовать в духе якобинцев, усвоить их дух и речь для того, чтобы легче было обмануть их впоследствии». Этот авантюрист думал направлять революцию посредством ловкой интриги. Будучи сторонником войны с Австрией, Дюмурье сблизился с Жирондой и в то же время поддерживал связи с двором через министра двора Лапорта. Подобно Лафайету и Нарбону, Дюмурье стремился к короткой войне, чтобы использовать потом армию для восстановления власти короля; фактически же он мечтал править его именем. Людовик XVI из всего состава нового министерства предпочитал иметь дело с Дюмурье, который, как военный и аристократ, придворными манерами нравился ему больше, чем адвокаты-жирондисты. Дюмурье хотел показать, что является министром-патриотом, а не слугой короля и исполнителем воли последнего. 19 марта Дюмурье явился в красном колпаке в Якобинский клуб и просил помогать ему советами, обещая посвятить свою жизнь «выполнению воли нации».

Очутившись у власти, жирондисты всячески содействовали ускорению решения вопроса о войне. «Все иноземные тираны будут уничтожены свободным народом», — говорил Карра в парижском Якобинском клубе. Многочисленные заявления провинциальных якобинских клубов требовали предупреждения замыслов тиранов и объявления войны. К ним присоединилась также армия. Королевский двор вновь послал своих тайных агентов к венскому и берлинскому дворам с просьбой о помощи. Мария-Антуанетта, вступая на путь прямой измены, сообщила через Мерси в Вену

план кампании, представленный Дюмурье совету министров. Австрия вооружалась и не отказывалась от своего намерения вмешиваться во внутренние дела Франции, но предпочитала, чтобы Франция взяла на себя роль нападающей стороны, что оправдывало бы потом притязания Австрии на территориальную компенсацию в случае восстановления королевской власти во Франции. Дюмурье в ноте от 18 марта потребовал от венского двора решительного отказа от конгресса государей, но Австрия 7 апреля отвергла требования Франции.

Декрет о войне с Австрией

20 апреля по предложению короля и жирондистского министерства Законодательное собрание, подавляющим большинством против семи ламетистов, потерявших свое былое влияние в Собрании, ратифицировало декрет об объявлении войны Австрии. В декрете подчеркивался оборонительный характер войны «свободного народа против несправедливой агрессии королей». Собрание заявляло, что французский народ остается верен принципу не предпринимать никакой войны с целью завоевания и не употреблять никогда своих сил против свободы какого-либо народа.

С апреля 1792 г. Франция вступила в полосу войн, на которых она вышла только после Венского конгресса 1814—1815 гг.

Позиция Робеспьера по вопросу о войне

Необходимо отметить, что в этот знаменательный день объявления войны Робеспьер решительно высказался против войны в данной обстановке и предупреждал о том страшном напряжении всех народных сил, которого она потребует. В речах Робеспьера ясно чувствовалась тревога перед грядущими затруднениями, а также недоверие к королю и к высшему командному составу, который по своему происхождению принадлежал к старой знати. Робеспьер понимал, что для успешной борьбы с интервенцией необходимо покончить с контрреволюцией внутри страны.

После объявления войны Робеспьер еще раз высказал свой взгляд на создавшееся положение. — «Почему Франция объявила войну? — говорил Робеспьер в Якобинском клубе и отвечал: — Люди, окружающие короля, толкают Францию на авантюру, чтобы произвести контрреволюционный переворот». Самая большая опасность, по мнению Робеспьера, заключалась в возможности военной диктатуры. «Для свободы опасен генерал, — говорил он, — который обладает большим честолюбием. Однако, если война начата, ее нужно вести как можно интенсивнее, нужно завоевать Брабант, Фландрию, Льеж. Война должна носить совершенно иной характер, чем прежние войны. Ее должно вести не правительство, а весь вооруженный народ».

Газета «Революции Парижа» также предостерегала против опрометчивого вступления в войну. «Стремление двора заключается в том, чтобы бросить нас в завоевательную войну. Французы, во имя родины, во имя революции, во имя дорогой для нас свободы, откройте глаза, взгляните на пропасть, которая открывается перед нами». Редактор газеты бросает обвинение королю: «Король хочет при помощи войны окончательно подорвать наши финансы, лишить государство военной силы и поставить на карту самое существование нашей страны».

Редактор газеты, так же как и Робеспьер, указывал на то, что во главе армии все еще стоят аристократы, которым нельзя доверять. «Эта война должна вестись против дворянства, а король всегда ставил во главе армии только дворян: маркиза Лафайета, графа Рошамбо, герцога Бирона, графа Ламета [брата члена Законодательного собрания]. Вот кому король поручил командование армией, которая должна бороться за всеобщее равенство».

Paris le 30 mars 1792

N° 27 [illegible]

Robespierre à [illegible]

recevoir mon estime. Monsieur, dans votre n° du 25 de ce mois, j'ai vu avec une espèce de litige [illegible] vous [illegible] vous avez bien senti. Dans votre n° [illegible] vous publiez votre réponse signée [illegible] mais est-ce [illegible] juste [illegible] que nous [illegible] ; car je vous [illegible] quelques [illegible] sur les faits, vos intentions sont toujours pures et vous mériteriez d'être détrompé.

J'ai combattu depuis quelque temps [illegible] qui me paraît tendre à une subversion générale – ceux qui vont dit que je demandais la paix veulent donner le change : la question ne fut jamais de savoir si nous ferons la paix ou la guerre, si la guerre est offensive ou défensive [illegible] avant la mort de Léopold, [illegible] des dangers de [illegible] je disais à mes concitoyens : « employez votre influence à ce que [illegible] troubles du Nord [illegible] et à exprimer nos vœux intérieurs, forcez enfin le ministère de la guerre à armer les gardes nationales, et à [illegible] tems un état suffisant de défense ; et nous entrons en [illegible] et la guerre civile et la guerre étrangère, il ne [illegible] de tout cela et je [illegible] de vouloir [illegible] de la guerre après la mort de Léopold, et quand il ne fut plus permis de douter du projet formé par la cour de [illegible]

susciter une guerre intérieure, combinée avec les troubles extérieurs : je leur ai dit : voilà un moment unique qui peut enfin nous amener la paix ou la guerre : mettons tout à profit pour établir un ordre de choses qui assure la liberté, et pour déterminer toute espèce de coalition la paix dont les cours étrangères ont manqué jusqu'à présent était toute la question : mais j'ai vu qu'on ne voulait que la guerre, à quelque prix que ce fût, et que dans le double cas de la guerre et des troubles qui nous la susciteraient servir remplir. c'est en vain que j'ai voulu me rendre un scélérat ; je n'ai reçu ni aucun applaudissement aucun encouragement, ni aucune louange, ni aucun subside. Jugez par vous-même de mon désespoir de me trouver, en dépit de mon opinion pour la Colombie. l'intérêt inséparable de votre journal peut être regardé comme le résumé de toutes les insinuations perfides que mes ennemis ont répandues contre moi.

Bolivar a lu une lettre de Brutus, où celui-ci paraît comme un homme bien intentionné : mais malheureusement pour lui il est prêt à s'engager, dans une honorable servitude, pourvu qu'on le flatte. Quoique vraisemblablement désavoué par plus de la moitié de ses concitoyens et amis, je n'ai pas plus de rapport avec eux, que Bolivar avec Brutus, il me applique formellement le portrait

il atteste que je suis incapable d'aucune espèce de perfidie, incapable surtout, aujourd'hui principalement, d'aucune [illegible] : mais il prétend que la générale me reproche ma conduite, il parle de la cour que je servirais mal, de la patrie que je trahirais, et dit que le but de [illegible] est de sauver la division parmi les patriotes; [illegible] je cherche à diviser le conseil de la constitution, il me fait beaucoup d'honneur [illegible] De me mettre, je crois, si fort au-dessus de mes collègues; mais je ne vois dans le dénigrement que la manie d'accuser, de défendre; je ne vois pas la liberté : mais l'intérêt personnel.

Que des intrigues avant la Révolution les projets soutenus qu'il ne leur reste d'autre ressource que de nous diffamer, s'il était possible; qu'ils [illegible] m'accusent de fonder des projets contre-révolutionnaires sur le changement des ministres, celui que, membre de l'Assemblée constituante, a provoqué la décret qui exclut de la prochaine législature les membres de l'Assemblée constituante, celui qui a [illegible] demandé [illegible] pour un certain temps les anciens députés de la législature actuelle; qu'ils [illegible] que par une récrimination odieuse ils m'accusent de rassembler [illegible] intrigues que j'ai dénoncées, à tous les [illegible] que j'ai combattues, et à la vengeance desquels je me devrais entier aujourd'hui; que mes ennemis, qui sont tous les ennemis de la chose publique, [illegible] que pour me ravir la confiance de mes concitoyens il ne suffit pas de me calomnier, deux ou trois

ПИСЬМО МАКСИМИЛИАНА РОБЕСПЬЕРА АНТУАНУ ГОРСА О ВОЙНЕ

(Опубликовано в кн. Michaud, G. Correspondence de Maximilien et Augustin Robespierre. P. 1926. Настоящий черновик-вариант публикуется впервые)

Архив Гос. исторического музея

Вы поместили, Милостивый Государь, в Вашей газете, в номере от 28-го текущего месяца своего рода анонимное письмо, в котором я был оклеветан: Вы не откажетесь, без сомнения, опубликовать в ближайшем номере ответ за моей подписью. В этом акте справедливости Вы заинтересованы не меньше, чем я сам, ибо, если Вы иногда и бываете введены в заблуждение относительно фактов, то намерения Ваши всегда чисты и Вы заслуживаете того, чтобы перед Вами была раскрыта истина.

В течение некоторого времени я боролся против политической системы, которая, как мне казалось, ведет ко всеобщему перевороту. Те, которые говорили, что я требовал мира, хотели исказить мою мысль. Вопрос никогда не заключался в том, добиваемся ли мы мира или войны, будет ли эта война оборонительной или наступательной.

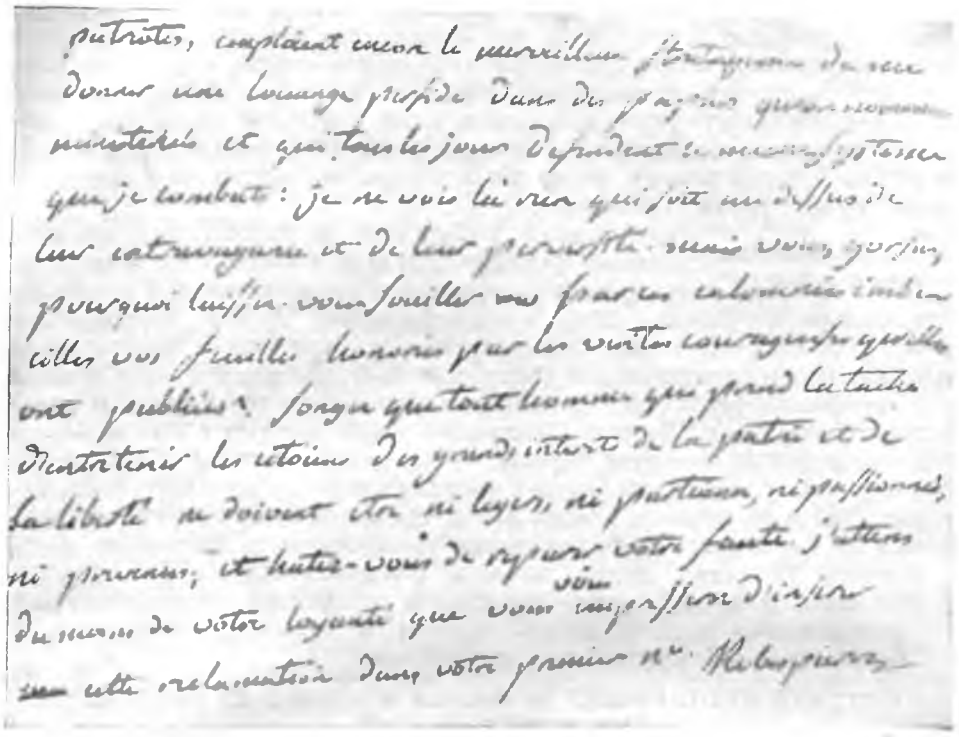
За несколько месяцев до смерти Леопольда я говорил моим противникам: употребите ваше влияние на то, чтобы прекратить волнения внутри страны и подавить наших внутренних врагов, наконец, создать военное министерство, вооружить национальную гвардию и привести хоть сколько-нибудь государство в состояние обороноспособности. Тогда Вы избегнете одновременно и гражданской войны и войны внешней. Ничего из этого они не осуществили и удовлетворились тем, что решили броситься навстречу войне. После смерти Леопольда и когда уже не было дозволено сомневаться в замысле двора вовлечь нас во внешнюю войну, осложненную внутренними волнениями, я им сказал: «вот решительный момент, когда вопрос о войне или мире находится в наших руках. Используем этот момент, чтобы установить внутри страны царство законов и свободы и чтобы укрепить мир, в котором нуждаются сами иностранные державы». В этом заключался весь вопрос, но я видел, что они хотели только войны, какой бы то ни было ценой, и что обоюдное желание двора и честолюбцев, которые ее нам навязывают, будет осуществлено. Напрасно они пытались заставить меня молчать: я не поддался ни на их *софизмы*, ни на их лесть, ни на их похвалы, ни на козни. Как только они отчаялись в возможности сломить меня, они попытались при помощи

клеветы дискредитировать мою точку зрения. Статья, помещенная в Вашей газете, может быть рассматриваема как сводка всех вероломных инсинуаций, которые мои враги осмеливаются выставить против меня.

Аноним цитирует письмо Брута, в котором Цицерон изображается человеком, преисполненным благих намерений, но до чрезвычайности *тщеславным и готовым отдаться в почетное рабство ради лести.* Хотя, повидимому, я имею к Цицерону такое же отношение, как аноним — к Бруту, он решительно относит это изображение ко мне. Он свидетельствует, что я не способен ни на какую предвзятую точку зрения и что прежде всего я неподкупен, но он уверяет, что «Всемирная газета» одобрила мое поведение; он говорит о том, что *двор заигрывает с патриотами только для того, чтобы принести их в жертву, и что его цель — сеять раздор среди патриотов.* И он добавляет, *что я стремлюсь разъединить друзей Конституции*; он предполагает, *что в смене министерства я вижу только средство для личного возвышения и для возбуждения смуты, что я имею в виду не свободу, но личный интерес.*

Пусть эти интриганы, козни которых я разрушаю, особенно если им не остается другого средства, как оклеветать меня, если бы это было возможно, пусть они обвиняют меня в честолюбивых замыслах, основанных на смене министерства, меня, который в бытность мою членом Учредительного собрания был инициатором декрета, лишавшего членов Учредительного собрания права входить в министерство, и другого декрета отстранившего их от нынешнего Законодательного собрания; пусть они нелепым образом перелагают на меня обвинение в том, что я похож на тех интриганов, которых я разоблачил, на тех заговорщиков, против которых я боролся и мщению которых я до сих пор ежедневно подставляю мою грудь. Пусть мои враги, являющиеся врагами отечества, убедившись в том, что недостаточно оклеветать меня в патриотических газетах для того, чтобы подорвать уважение ко мне моих сограждан, применяют изумительный маневр коварного восхваления меня в газетах, именуемых министерскими и ежедневно отстаивающих самую систему, против которой я борюсь, — во всем этом я вижу только то, чего и следовало ожидать от их исступленной извращенности. Но вы, Горса, зачем позволяете вы осквернять глупой клеветой страницы вашей газеты, заслужившей уважение тем, что вы мужественно оглашали в ней правду? Подумайте о том, что те, кто берет на себя задачу говорить гражданам о великих интересах отечества и свободы, не должны быть ни легкомысленными, ни пристрастными, ни ослепленными страстью, ни предубежденными, и поторопитесь исправить свою ошибку. Я, по крайней мере, жду от Вашей честности, что Вы поспешите поместить в ближайшем номере Вашей газеты этот протест.

Робеспьер



ПИСЬМО МАКСИМИЛИАНА РОБЕСПЬЕРА АНТУАНУ ГОРСА О ВОЙНЕ. ЧЕРНОВИК
Париж, 30 марта 1792 г.
Архив Гос. исторического музея

После объявления войны в той же газете появляется еще одна статья, предостерегающая против опасностей, которые влечет за собой война. «Мы всегда рассматривали наступательную войну, как способ погубить общественное благо [т. е. все завоевания революции]. Франция должна стремиться к тому, чтобы быть грозной в защите, а не в наступлении. Что изменилось за последнее время, что мы очертя голову кидаемся в военную авантюру? Разве изменились наши генералы? Разве двор перешел на сторону революции? Мы начинаем войну без всякой в ней надобности, мы ее ведем потому, что ее хочет король, мы действуем в интересах двора, аристократии, Кобленца».

Отношение народных масс к войне

Выступление Робеспьера и предостережения «Революций Парижа» потонули в общем хоре воинственных речей жирондистов в Законодательном собрании, в парижском Якобинском клубе и в его филиалах. По всей Франции известие об объявлении войны было встречено с энтузиазмом. Французские народные массы рассматривали войну, как необходимую меру для защиты всех завоеваний революции против нападения монархов Европы и ненавистных эмигрантов. Лозунг, брошенный жирондистами в массы, — лозунг войны против монархов Европы, — был понятен массам. Жирондисты объявили войну «против тиранов» и обещали «мир всем дружественным народам». Они подчеркивали в своих речах, что война будет вестись с монархами, а не с народами, и это поднимало революционное настроение масс.

Вопреки интригам двора, вопреки замыслам жирондистов, война превратилась в борьбу против внешней и внутренней контрреволюции и с исторической неизбежностью привела к свержению монархии и к установлению демократической республики.

НЕУДАЧИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК НА ФРОНТЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА БОРЬБУ ПАРТИЙ

Ход военных действий. Интриги Лафайета и других генералов

Несмотря на уверения Нарбона, французская армия не была готова к большой войне. Регулярная армия не была доведена до полного боевого состава и была плохо снабжена. Батальоны волонтеров, проникнутые революционным энтузиазмом, были мало обучены и еще не были слиты с регулярной армией. В начале войны французские войска имели численное превосходство: они насчитывали на севере не менее 50 тысяч, которым австрийцы в Бельгии могли пока противопоставить только 35 тысяч. Пруссия же была еще не готова.

Французские генералы — Лафайет, Рошамбо и Люкнер — не хотели серьезной революционной войны, они не использовали имеющихся у них преимуществ и ограничились инсценировкой слабых и неудачных выступлений. Всю ответственность за неудачи они возлагали на недисциплинированность войск и на плохое снабжение. Одна колонна, двинувшаяся от Лилля к Турнэ, отступила без боя при виде австрийских кавалеристов; солдаты, крича об измене, убили генерала Т. Диллона и четырех лиц, заподозренных в шпионстве. Лафайет отступил, даже не придя в соприкосновение с неприятелем. В противовес Дюмурье и Жиронде, которые настаивали на ведении наступательной войны, фельянские генералы придерживались оборонительной тактики. Рошамбо, определенно не желавший воевать с Австрией, вскоре подал в отставку. Он прямо писал королю, что нужно подождать дней пятнадцать с началом военных действий, пока силы австрийцев не станут равны французским.

Лафайет вместе с ламетистами стал на путь прямой измены и предательства: он обратился ко двору с советом предложить австрийцам приостановить военные действия, чтобы двинуть армию на Париж для

обуздания демократов, разгона якобинцев и пересмотра Конституции. Но Мерси знал, что двор не хотел поставить себя в зависимость от Лафайета, и последний не получил ответа на свое предложение. 18 мая контрреволюционные генералы прямо заявили о невозможности вести наступление. Только неподготовленность Австрии и Пруссии спасла в то время Францию от вторжения неприятеля на ее территорию.

К началу войны Австрия и Пруссия не успели сосредоточить значительных сил на Рейне и в Нидерландах. Австрийское и прусское командование плохо координировало свои силы. Большой удачей для Франции было также и то, что правительство Великобритании хотя и отказалось заключить с ней союз, но пока еще оставалось нейтральным.

Первые неудачи на фронте произвели в Париже ошеломляющее впечатление. Однако, вскоре стало ясно, что армия не развалилась и что отступление войск еще не является катастрофой. Положение жирондистов было в высшей степени затруднительным. И в Якобинском клубе, и в Законодательном собрании они должны были выслушивать справедливую критику со стороны крайней левой — Робеспьера, Дантона, Антуана, Колло-д'Эрбуа. Народное недоверие к королю, опасность иностранного вторжения вызывали волнение парижских народных масс. Под влиянием левой Якобинского клуба и клуба Кордельеров ряд парижских секций объявил свои заседания непрерывными. 29 мая около 200 человек из Сен-Марсельского предместья продефилировало через зал заседаний Законодательного собрания, выражая свои патриотические чувства, свое недоверие к королю и свою солидарность с крайней левой Собрания. В то же время в Законодательное собрание и в Якобинский клуб поступали из армии известия о патриотическом настроении солдат. Солдаты и волонтеры рвутся в бой, но они не доверяют высшему командному составу — таково основное содержание этих донесений.

Робеспьер, Марат и члены клуба Кордельеров указывали, что для ведения революционной войны нужно по-революционному организовать армию. 1 мая Робеспьер выступил в Якобинском клубе с обвинением генералов и предложением создать особые легионы солдат-патриотов в числе не менее 60 тыс. В первом номере основанной им газеты «Защитник Конституции» Робеспьер призывал вести войну против внутренних врагов, чтобы сделать успешной войну против внешних врагов. Двор и аристократия, говорил он, ведут войну против народа, нужно вести войну **народа против тирании.**

2 мая депутация от клуба Кордельеров явилась в Собрание с обвинениями генералов в измене революции, но Собрание не захотело ее даже выслушать. Брожение среди народных масс, недовольство солдат толкали жирондистов к сближению с правыми группировками. Они не только оказались неспособны возглавить народное патриотическое движение, они отходили от масс все дальше и дальше. 3 мая жирондисты вместе с фельянами провели постановление о предании суду **Марата** за его призыв к солдатам убивать изменников-генералов. Они добились преследования и осуждения тех, кто принимал участие в убийстве генерала Т. Диллона.

Революционно-патриотический энтузиазм народных масс

Лозунг «**священной** любви к отечеству», исходивший от якобинцев, имел среди масс большой успех. Провинциальные отделения Якобинского клуба организовали призыв волонтеров и сбор денег, ассигнатов и драгоценностей на войну. Якобинское общество города Бордо ассигновало по 50 ливров на каждого волонтера. Особые департаментские комитеты и съезды всемерно помогали укреплению национальной обороны.

Революционно-патриотический энтузиазм народа в этот период отражен Руже-де-Лилем в его боевой песне свободы, составленной им для рейнской армии и получившей позднее название «Марсельезы». Граждане, зачисленные Конституцией в разряд «пассивных», вооружались пиками и стали носить красный колпак свободы. 29 мая 2 тысячи граждан Сен-Марсельского предместья, вооруженные ружьями, пиками, вилами, камнями и палками, явились в Собрание демонстрировать свою солидарность с депутатами-патриотами и сделать грозное предупреждение двору.

Королевский двор стремился ускорить наступление войск коалиции и убедить принцев-эмигрантов не принимать участия в войне, чтобы их выступление не выдало его замыслов. По совету Монморена и Малуэ, Людовик XVI отправил 21 мая в Германию в качестве своего тайного агента Малле-дю-Пана, редактора роялистской газеты «Французский Меркурий».

Неприсягнувшие священники вели среди крестьян контрреволюционную агитацию против войны. Они оправдывали вмешательство австрийского императора во французские дела «необходимостью восстановления христианства» и призывали не платить налогов, установленных во время революции. Для пресечения этой контрреволюционной агитации и в интересах усиления обороны страны Собрание, под давлением демократического движения, приняло три декрета: о высылке неприсягнувших священников по требованию 20 граждан и по предложению директории округа или департамента (27 мая); о роспуске королевской гвардии, составленной из дворян (29 мая), и об образовании под Парижем лагеря из 20 тысяч федератов (8 июня). Фельяны выступили против принятия последнего декрета, предложенного новым жирондистским военным министром Серваном. Они нашли поддержку в аристократически-буржуазных секциях западной части Парижа, которые представили от имени 8 тыс. человек петицию против декрета. В противовес этому патриоты из секции левого берега Сены и центра Парижа обратились к Собранию от имени 20 тыс. человек с адресом в пользу декрета. Штаб буржуазной национальной гвардии в Париже, руководимый лафайетистами, был настроен против образования под Парижем лагеря федератов.

Планы Жиронды, стремившейся обеспечить себе влияние среди вооруженных сил из провинции, казались подозрительными Марату и Робеспьеру, опиравшимся на плебейские массы Парижа. Разрыв между вождями Жиронды и вождями будущей Горы все углублялся. Робеспьер в своей газете «Защитник Конституции» нападал на Бриссо, выдвигавшего на правительственные посты своих ставленников, и обвинял депутатов Жиронды в том, что они ведут политику не в интересах народа и общественного блага, а в интересах своей партии. Он нападал на интриганов, пытавшихся вкрасться в доверие народа, но выражал уверенность в том, что развратить весь народ невозможно, как невозможно отравить океан.

Отказ короля санкционировать декреты о неприсягнувших священниках и о лагере федератов

Король отказался санкционировать декреты о ссылке неприсягнувших священников и об образовании лагеря федератов под Парижем. Королевский двор следовал советам Ферзена, который рекомендовал теперь королю и королеве оставаться в Париже и ждать прихода войск коалиции. В июне Ферзен писал Марии-Антуанетте, что герцог Брауншвейгский, командующий австро-прусской армией, прибудет 5 июля в Кобленц и с 36 тыс. отборных солдат двинется прямо на Париж. В устройстве лагеря федератов под Парижем королевская семья видела для себя опасность; она боялась, что ее увезут на юг Франции раньше, чем войска коалиции

ЖОЗЕФ РУЖЕ-ДЕ-ЛИЛЬ (1760—1836)
Литография Виньореса

вступят в Париж. Людовик XVI не хотел обострять отношений с неприсягнувшими священниками, которые своей агитацией способствовали выполнению планов двора.

Жирондистский министр внутренних дел Ролан написал 12 июня письмо королю, в котором убеждал последнего дать санкцию декретам, не вынуждать народ видеть в короле «друга и соучастника заговорщиков» и предупредить революционные насилия, неизбежные в случае отказа короля утвердить декреты. Письмо это было составлено, как, впрочем, и многие другие литературные выступления Ролана, его женой,

честолюбивой, энергичной женщиной, которая группировала в своем политическом салоне всех главарей жирондистов — Бриссо, Верньо, Жансонне, Бюзо, Гюаде, Инара. Письмо Ролана нисколько не повлияло на Людовика XVI. Он еще раз воспользовался правом, предоставленным ему Конституцией 1791 г., — назначать и увольнять министров — и 13 июня 1792 г. дал отставку жирондистским министрам Ролану, Сервану, Клавьеру. На их место были призваны фельяны.

Дюмурье тоже разошелся с жирондистами по вопросу о лагере федератов, он тяготился их опекой и советовал королю дать им отставку. Сам он принял в новом министерстве портфель военного министра, надеясь ловкими приемами добиться от Людовика XVI согласия на утверждение приемлемых для него декретов. Собрание вотировало сожаление об уходе министров-патриотов и с недоверием отнеслось к Дюмурье, который раньше побуждал к войне, а теперь возлагал ответственность за неподготовленность к ней Франции на прежних военных министров — де-Грава и Сервана. В ответ на указания Дюмурье, что нехватает 40 тыс. войск и 10 тыс. лошадей, депутат Паганель заявил: «Когда министр требовал, чтобы война была объявлена, он должен был знать, были ли мы в состоянии вести ее. Следовательно, он или изменник, или клеветник».

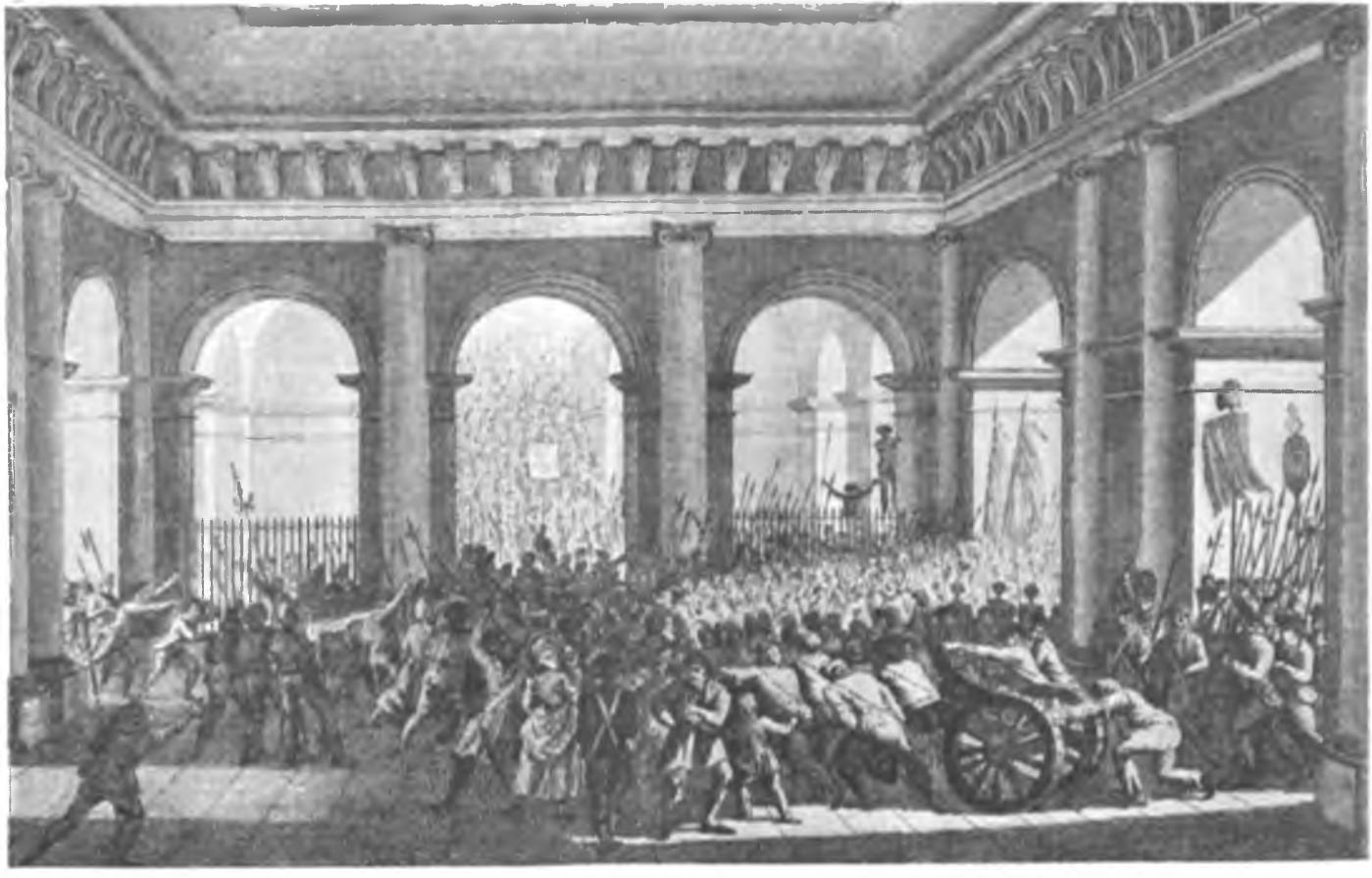
Отставка жирондистского министерства и демонстрация 20 июня

Известие об отставке жирондистских министров вызвало большое возбуждение в секциях предместий и в некоторых секциях центра Парижа. Но Робеспьер и другие демократы совершенно не склонны были призывать к восстанию из-за отставки жирондистских министров. Дантон в Якобинском клубе обрушился на королевский двор и предлагал, чтобы Законодательное собрание издало декрет, обязывающий короля развестись с женой и отослать ее в Вену.

Король, избавившись от жирондистских министров, отказался следовать советам Дюмурье. Тогда Дюмурье подал 16 июня в отставку и уехал в северную армию. 17 июня Собрание образовало чрезвычайную «комиссию двенадцати» (7 фельянов и 5 бриссотинцев), которой было поручено в недельный срок представить доклад о состоянии Франции и о средствах спасения «Конституции, Свободы и Государства».

Фельяны торжествовали. Дюпор советовал королю распустить Законодательное собрание и захватить в свои руки всю власть. Администрация департамента Парижа призывала 12 июня к закрытию Якобинского клуба, как «источника всех беспорядков». Лафайет, считавший себя главою фельянов, прислал королю и Собранию резкое письмо с нападками на Дюмурье и уволенных министров и с призывом «обуздать» якобинцев и «освободить отечество от внутренней тирании». Защищая неприкосновенность и независимость королевской власти, он требовал уничтожить «господство клубов». Фельяны аплодировали письму и требовали рассылки его по департаментам, но Жиронде после бурных сцен в Собрании удалось добиться отсылки письма в «комиссию двенадцати».

Лафайет еще раньше натравливал национальных гвардейцев на Робеспьера. Последний в № 6 «Защитника Конституции» вскрыл тайные замыслы Лафайета, который «сделался идолом скупщиков, финансистов, спекулянтов, всех надменных и эгоистичных буржуа» и стремился к военной диктатуре. Робеспьер обвинял Лафайета в интригах против революционеров, в покровительстве генералу Буйе, убийце солдат в Нанси в 1790 г., в расстреле республиканцев на Марсовом поле 17 июля 1791 г. и в бездействии, давшем возможность коалиции собрать силы. В конце статьи Робеспьер напоминал: «Я сто раз тщетно указывал на абсурдную непоследовательность вручения защиты государства самым опасным врагам свободы». Письмо Лафайета Собранию, в котором тот сбрасывал с себя маску



НАРОДНЫЕ МАССЫ В ТЮИЛЬРИ 20 ИЮНЯ 1792 г.

Гравюра Берта, рисунок Прибра

защитника Конституции, Робеспьер называл «мятежным актом» и покушением на свободу.

19 июня король официально объявил, что он налагает veto на декреты о ссылке неприсягнувших священников и об образовании лагеря федератов. Вечером того же дня жирондистский мэр Парижа Петион условился с командирами батальонов секций предместий организовать народную манифестацию протеста с участием батальонов национальной гвардии. Вождями движения выступили пивовар Сантер и поляк Лазовский, командиры батальонов Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий, работник-серебряник Россиньоль, мясник Лежандр и другие.

19 июня на вечернем заседании Законодательного собрания был прочитан адрес патриотов Марселя, в котором те заявляли, что «французская свобода в опасности», что «настал день народного гнева», что «борьба между деспотизмом и свободой может быть только смертельной битвой» и что «народ хочет завершить революцию и спасти себя». Марсельцы требовали разрешения отправиться к столице и границам для защиты революции. Собрание не решилось высказаться против такого патриотического адреса.

В манифестации 20 июня приняли участие от 20 до 30 тыс. человек, преимущественно из секций Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий — Кенз-Вен, Монтрей, Гобеленов и Обсерватории. Двинувшиеся из предместий две колонны, насчитывавшие сначала только 8 тыс. человек, при приближении к Собранию выросли до 20 тыс. Манифестанты были вооружены пиками, саблями, топорами, вилами и палками. Сопровождавшие манифестантов отряды национальной гвардии везли с собой пушки.

Законодательное собрание вынуждено было допустить петиционеров. Последние, выступая против контрреволюционных заговорщиков, жаловались на бездействие армии и протестовали против увольнения министров-патриотов и против злоупотребления королевским veto. Тон петиции был угрожающим. «Исполнительная власть, — говорилось в петиции, — не согласна с вами; нам не требуется другого доказательства, кроме увольнения в отставку министров-патриотов. Неужели же счастье свободного народа будет зависеть от прихоти короля? Но должен ли этот король иметь иную волю, кроме воли закона? Народ этого хочет, а его голова стоит голов коронованных деспотов. Мы жалуемся на бездействие наших армий. Мы требуем, чтобы вы выяснили причину бездействия. Если оно зависит от исполнительной власти, то пусть она будет уничтожена! Кровь патриотов не должна проливаться для удовлетворения гордости и честолюбия Тюильрийского дворца... Один человек не должен оказывать влияние на волю 25 миллионов людей. Если мы из уважения оставляем его на посту, то только под условием, чтобы он соблюдал Конституцию; если он уклоняется от этого, он теряет всякое значение для французского народа».

Манифестации более часа дефилировала перед трибуной Собрания с криками: «Да здравствуют патриоты! Долой veto! Да здравствуют санкюлоты!»

От Собрания манифестанты направились к дворцу Тюильри. Командующий национальной гвардией имел в своем распоряжении около 12 тыс. человек, но он не решился силою воспрепятствовать движению к королевскому дворцу. Национальные гвардейцы не мешали манифестантам ворваться за ограду дворца, где они стали кричать под окнами кабинета короля: «Долой veto! Санкционируйте декреты, призовите обратно министров-патриотов! Выбирайте между Кобленцем и Парижем!». Лежандр обратился к Людовику XVI с резкими словами: «Вы вероломны. Вы всегда нас обманывали, вы и теперь нас обманываете. Но берегитесь: мера переполнена, и народ устал видеть себя вашей игрушкой». Король ответил, что

он сделает то, что предписывает Конституция. Он надел на себя предложенный ему красный колпак и выпил за здоровье народа вина из бутылки одного национального гвардейца. Из Собрания прибыли жирондисты Инар и Верньо, а потом и мэр Петион; они старались убедить народ разойтись. Один из манифестантов крикнул королю: «Санкционируйте декреты — или вы погибнете». Только к 8 часам вечера манифестанты покинули дворец, не добившись от короля согласия на санкционирование декретов и на возвращение уволенных министров. Часть манифестантов во главе с Сантером прошла через комнаты королевы и дофина, на которого также предложили надеть красный колпак.

Вожди демократии, как Робеспьер, не доверяли жирондистам и не приняли участия в манифестации. Они понимали, что жирондисты решились на этот раз апеллировать к массам лишь в интересах своей партии. Результаты выступления 20 июня не удовлетворили демократию. Демонстрация оказалась только прелюдией к восстанию 10 августа 1792 г.

Король заявил Законодательному собранию резкий протест против событий 20 июня. Умеренная буржуазия Парижа и департаментов также осуждала манифестацию 20 июня. Директории департаментов и округов, в которых преобладали конституционно-монархические элементы, протестовали против событий 20 июня, но некоторые муниципалитеты (г. Марселя и др.) в своих адресах Собранию нападали на монархию. Мэр Парижа Петион и прокурор Манюэль были за покровительство манифестации отрешены от должности. Лафайет, покинув армию, лично явился 28 июня в Собрание и от имени всех армий и «всех порядочных людей» требовал сурового наказания виновников дня 20 июня и разгона клубов.

ПОДГОТОВКА К ВОССТАНИЮ ПРОТИВ МОНАРХИИ

Революционная Франция в опасности. Движение демократических секций

Роялисты и фельяны стремились использовать манифестацию, чтобы очернить и дискредитировать своих левых противников. Они призывали к репрессиям против виновников событий 20 июня, распространяли обращение короля к народу от 22 июня, в котором манифестация изображалась, как «бунт», направленный к низвержению монархии, а административным и муниципальным властям предписывалось «охранять безопасность лиц и имущества». Но мощная демонстрация парижского народа дала толчок новому революционному подъему масс. Секция Сент-Антуанского предместья Кенз-Вен и секция Гобеленов Сен-Марсельского предместья протестовали перед Законодательным собранием против клеветы, распространяемой относительно граждан предместий. 25 июня депутации этих двух секций представили Собранию петиции, в которых изложили взгляды демократов на создавшееся положение вещей.

Петиция секции Кенз-Вен ставила перед Собранием вопрос: «Не является ли Франция жертвою иностранцев и внутренних врагов?» И отвечала: «Это зло станет неотвратимым, если вы не будете тверды и суровы, если благо народа не станет основой ваших суждений». Петиционеры, не ограничиваясь защитой действий своей секции в течение 20 июня, переходили к прямым нападкам на Конституцию 1791 г., творцы которой, выделив активных граждан, заменили аристократию по происхождению аристократией богатых. Они выдвигали демократический принцип действительного суверенитета всего народа и клеймили настоящих заговорщиков, которые, потеряв доверие народа, «примирились со своими прежними тиранами». Напоминая о народных восстаниях в первые годы революции, представители ремесленно-рабочей секции Кенз-Вен со спокойным созна-

нием своей силы говорили Собранию, которое стояло на почве Конституции 1791 г., что сторонники двора «оскорбляют бедных, которых они лишили собственности и прав; они разжигают пламя гражданской войны... Только кровью народа можно смыть преступления тирании и ошибки Учредительного собрания».

Депутации от секций Красного креста, Гренельского фонтана и Бон-Нувель представили первого июля Собранию петиции, обвиняя в составлении заговора Лафайета и фельянское командование парижской национальной гвардии.

Петиция секции Гобеленов носила более умеренный характер и указывала Собранию, что оно, не нарушая духа Конституции, может обойти королевское veto, если оно касается декретов, проведение которых настоятельно требуется чрезвычайными обстоятельствами.

Одновременно в Собрание поступали адресы, защищавшие фельянов и Лафайета. Из них особенно резким тоном отличался адрес активных граждан г. Руана, зачитанный на заседании 29 июня и вызвавший возгласы негодования у левой части Собрания. Этот адрес изобиловал нападками на тех, которые «говорят о республике... требуют апелляции к народу и своими действиями — письменными и устными выступлениями — стараются ослабить уважение и доверие, которое надлежит иметь по отношению к королю и к установленным властям». Осуждая жирондистских министров и протестуя против давления трибун на мнение членов Собрания, авторы обращения восхваляли Лафайета, защищали неприкосновенность Конституции 1791 г. и призывали наказать виновников событий 20 июня.

В конце июня и в начале июля положение на фронте стало угрожающим. Лафайет бездействовал, заботясь не о победе над австрийцами, а о разгроме демократического движения; он побуждал генерала Люкнера присоединиться к нему для борьбы с парижскими революционерами. Старый маршал Люкнер, немец по происхождению, поступивший на французскую службу, лавировал между двором и Собранием. Его войска уже вступили в Бельгию, имея против себя меньшие силы австрийцев, и легко заняли Ипр, Менен и Куртрэ. В Бельгии поднималось новое, более широкое, национальное движение против австрийского господства, опиравшееся на французскую армию. Под влиянием французской революции широкие слои бельгийского крестьянства стремились к освобождению от феодального гнета. Но это разгоравшееся восстание французам надо было поддержать решительными действиями и движением вперед. Между тем, Люкнер, следуя, очевидно, тайным приказаниям двора, 25 июня отступил от Куртрэ, предместья которого были подожжены по приказанию генерала Жарри, под предлогом необходимости остановить наступление австрийцев. Люкнер отвел свои войска к Лиллю и ограничился прикрытием границы. Он ссылался на то, что не имеет достаточно сил для наступления и что не оправдались надежды на восстание бельгийцев и большую помощь с их стороны. Армия была парализована, солдаты-патриоты роптали. А в это время прусские войска появились на Рейне.

Тогда жирондисты снова выступили в Собрании с нападками на министров и двор. 30 июня в Собрании начались прения относительно объявления отечества в опасности. Жансонне говорил о негодовании, которое возбуждала у граждан «показная война». 2 июля Собрание провело декрет, по которому федераты получили разрешение явиться в Париж к 14 июля на праздник Федерации с тем, чтобы потом отправиться в лагерь под Суассон. Король не решился наложить veto на этот декрет, который давал возможность обойти неутвержденный им ранее декрет об образовании

НОВЫЙ ПЛАН ГОРОДА И ПРЕДМЕСТИЙ ПАРИЖА (1791 г.)

Гос. публичная историческая библиотека

НАЗВАНИЯ СЕКЦИЙ

1 — Тюильри. 2 — Елисейских полей. 3 — Руля. 4 — Вандомской площади. 5 — Пале-Рояля. 6 — Библиотеки. 7 — Гранж-Бательер. 8 — Предместья Монмартр. 9 — Улицы Пуассоньер. 10 — Фонтана Монморанси. 11 — Площади Людовика XIV. 12 — Почты. 13 — Хлебного рынка. 14 — Оратории. 15 — Лувра. 16 — Рынка невинных. 17 — Моконсёй. 18 — Бон-Нувель. 19 — Предместья Сен-Дени. 20 — Бонди. 21 — Тампля. 22 — Понсо. 23 — Гравилье. 24 — Ломбардов. 25 — Улицы Бобур. 26 — Арси. 27 — Красных детей. 28 — Королевской площади. 29 — Сицилийского короля. 30 — Ратуши. 31 — Арсенала. 32 — Попенкур. 33 — Улицы Монтрёй. 34 — Кенз-Вен. 35 — Острова. 36 — Богоматери. 37 — Генриха IV. 38 — Инвалидов. 39 — Гренельского фонтана. 40 — Четырех наций. 41 — Французского театра. 42 — Красного креста. 43 — Люксембурга. 44 — Терм Юлиана. 45 — Св. Женевьевы. 46 — Ботанического сада. 47 — Обсерватории. 48 — Гобеленов.

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ СЕКЦИЙ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 10 АВГУСТА 1792 г.

3 — Республики (1793). 4 — Пик. 5 — Дворца Равенства (1792); Бютт-де-Мулен (1792 и 1794); Горы (1793). 6 — Лепелетье (1793). 7 — Монблана (1793). 8 — Мон-Марат (1794). 10 — Мольера и Лафонтена (1792); Брута (1793). 11 — Молота; Вильгельма Телля (1793). 12 — Общественного договора. 14 — Французской гвардии. 15 — Музея (1793). 16 — Рынка (1793). 17 — Бонконсёй. 19 — Севера. 22 — Друзей отечества. 25 — Единения. 27 — Болота. 28 — Федератов (1792); Неделимости (1793). 29 — Прав человека. 35 — Братства. 36 — Разума (1793). 37 — Нового моста (1792); Революции (1793). 40 — Единства (1793). 41 — Марселя (1792); Марата (1793); Марселя (1793). 42 — Красной шляпы (1793). 43 — Муция Сцеволы. 44 — Возрожденная (1792); Шалье (1793). 45 — Французского Пантеона. 46 — Санкюлотов. 48 — Лазусского (1793).

лагеря федератов под Парижем. 3 июля Верньо в пылкой речи возлагал ответственность за бездействие и борьбе с коалицией на советников короля и требовал объявления отечества в опасности. Жирондистский оратор по существу обличал самого короля, который использовал предоставленные ему Конституцией права только для того, чтобы «уничтожить самую Конституцию». Верньо указывал, что Пильницкий договор был заключен «во имя короля», что «во имя короля» мятежные эмигранты готовятся вторгнуться во Францию, а император и прусский король посылают войска против Франции. Верньо высказывал предположение, что двор «боится побед на фронте». Но цель выступления Верньо сводилась к тому, чтобы запугать короля возможностью отрешения его от власти. Вот почему он, с одной стороны, говорил о том, что король, нарушивший по существу Конституцию и предавший народ, «уже не существует для Конституции», а с другой стороны, согласно конституционно-либеральной теории, утверждал, что «король неприкосновенен, что он не отвечает ни за свои ошибки, ни за свои заблуждения, но что за него несут ответственность его агенты». Выводы Верньо были умереннее его речи и сводились к предложениям объявить отечество в опасности, возложить на министров ответственность за вторжение неприятеля на территорию Франции и за волнения на религиозной почве и представить без замедления доклад о поведении генерала Лафайета. Собрание почти единогласно постановило напечатать речь Верньо и разослать ее по департаментам.

Собрание все еще не решалось немедленно объявить отечество в опасности и тем вызвать широкое демократическое движение, руководить которым оно было бы уже не в силах. Большинство Собрания боялось в равной мере как контрреволюционного роялистского переворота, так и республиканского движения. Прения по этому вопросу продолжались и в следующие дни. 7 июля Собрание приняло только декрет о тех мерах, которые должны быть осуществлены немедленно после объявления отечества в опасности.

В тот же день лионский конституционный епископ Ламурет призывал Собрание не навлекать бедствий на отечество взаимными раздорами, выразить свое отрицательное отношение как к республике, так и к двухпалатной системе и заклеймить всякую попытку изменения Конституции. Этот призыв нашел горячий отклик и бросил друг другу в объятия многих членов правой и левой Собрания. Заседание закончилось демонстрацией единства Собрания и короля, который явился по приглашению Собрания и лицемерно заявил, что «нация и король составляют одно целое» и что «их единение спасет Францию».

На следующий же день в Якобинском клубе Билло-Варенн, выражая мнение членов клуба, высказал сомнение в искренности «поцелуя Ламурета» и назвал его «лобзанием Иуды». Резко осуждала «поцелуй Ламурета» и демократическая пресса. Газета Прюдома «Революции Парижа» называла Ламурета орудием двора и находила противоестественным примирение «добродетели и порока», «патриотизма и аристократии».

9 июля министры, неблагосклонно встреченные на трибунах, давали Собранию отчет о положении Франции и жаловались на «анархию, которая парализует защиту». 10 июля они, не желая нести ответственность за создавшееся положение, подали в отставку. В тот же день Ламурет выступил против объявления отечества в опасности, сетовал на внутренние волнения и призывал объявить народу, что между Собранием и королем существует согласие. 11 июля, после демонстративной отставки министров, Собрание, наконец, решилось объявить отечество в опасности и приняло воззвание к армии и французскому народу, призывая всех к борьбе за свободу и Конституцию. Всем департаментским и муниципальным властям предлагалось функционировать непрерывно. Все граждане, способные носить

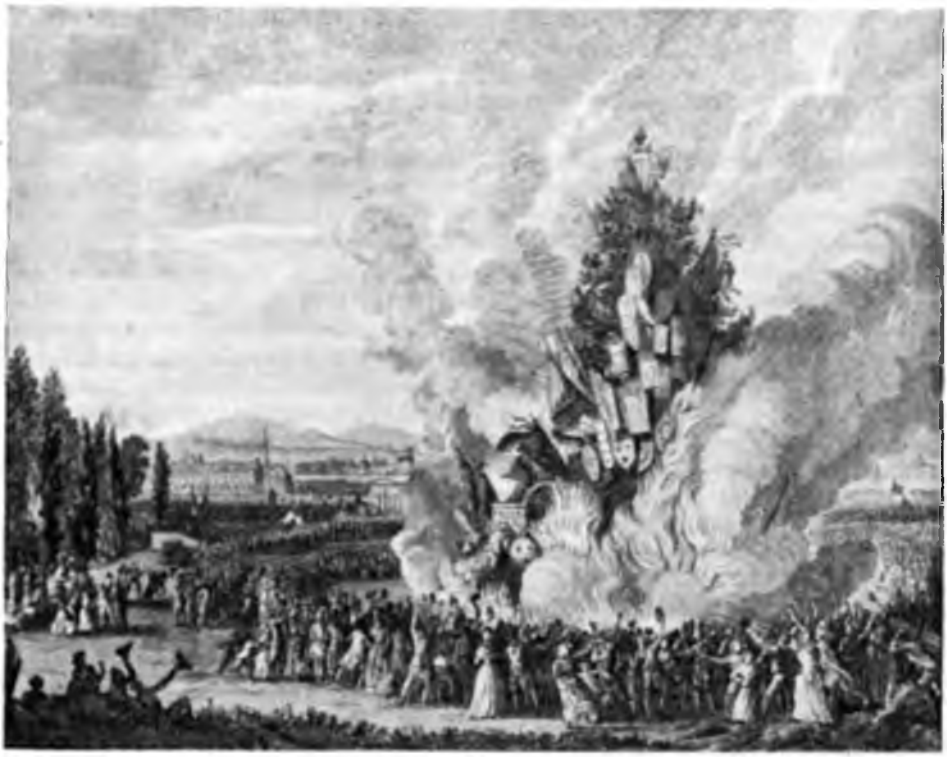
оружие, обязывались быть готовыми к призыву. Все оружие, имевшееся у отдельных граждан, подлежало реквизиции. Для всех мужчин ношение трехцветной кокарды объявлялось обязательным. Национальные гвардейцы каждого округа выделяли из своей среды тех, которые должны были по первому призыву отправиться в поход.

Директория Парижского департамента, не считаясь с «поцелуем Ламурета», утвердила 9 июля отрешение Петиона и Манюэля от должности за покровительство манифестации 20 июня. Не менее 27 секций выразило одобрение поведению Петиона и Манюэля, протестуя перед Собранием против их устранения и требуя роспуска департаментской директории. Однако, король 11 июля, в день объявления отечества в опасности, санкционировал решение директории. Собрание 13 июля отменило это постановление. На этот раз Людовик XVI не решился наложить veto на декрет Собрания.

Приближение войск монархической коалиции к границам Франции, измена генералов, пособничество двору со стороны фельянов, колебания жирондистов, которые вскоре завязали тайные переговоры с королем, — все это было смертельно опасно для революционной Франции. Демократические массы города и деревни мужественно встали на защиту революции. Победа контрреволюции грозила крестьянству восстановлением феодального режима; под угрозой была и новая земельная собственность крестьян и буржуа, купивших национальное имущество. До 1 ноября 1791 г. было уже продано церковных имуществ на миллиард пятьсот двадцать шесть миллионов ливров. Экономическое положение масс летом 1792 г., в период политического кризиса, значительно ухудшилось в связи с падением курса ассигнатов до 57—61% номинальной стоимости их и ростом дороговизны.

Образование в Париже лагеря федератов и борьба партий за влияние на них

Демократическое движение в департаментах росло и ширилось. В Собрание стали поступать от провинциальных клубов и муниципалитетов адресы, враждебные Людовику XVI. Некоторые из них требовали низложения короля. Ряд департаментов, несмотря на то, что король отказал в утверждении декрета об образовании лагеря федератов под Парижем, отправил своих федератов в Париж. Движение, направленное против короля, охватило, главным образом, юг и юго-восток Франции. Петиция 61 гражданина г. Сёрра (департамент Кот-д'Ор) заявляла, что «исполнительная власть открыто разрушает Конституцию при помощи самой же Конституции», и предлагала Собранию взять на себя полномочия Национального конвента для пересмотра организации исполнительной власти. Граждане Нарбонны в адресе от 11 июля требовали сосредоточения «верховной власти в руках народа и организации ответственного правительства». Ряд коммун департамента Устья Роны открыто и прямо ставил перед Собранием вопрос о низложении изменника-короля, нарушившего свою присягу. Коммуна Марселя в петиции от 27 июня 1792 г. заявляла, что «законы относительно королевской власти... противоречат правам человека», что «королевская власть не совместима с принципами равенства и народного суверенитета», — и призывала Собрание уничтожить королевскую власть. 29 июня муниципальные власти Марселя объявили, что 1—2 июля предстоит отправка в Париж батальона в количестве пятисот вооруженных патриотов. Петиция Марсельской коммуны, прочитанная 12 июля в Собрании, была встречена членами Собрания неодобрительно, но вызвала аплодисменты трибун, особенно тех, где сидели федераты. Выступавшие ораторы находили адрес «не соответствующим Конституции» и требовали наказания подписавших его лиц.



ПРАЗДНОВАНИЕ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ 14 ИЮЛЯ 1792 г.
Гравюра Берто, рисунок Приёра

К 11 июля в Париж прибыло и было зарегистрировано тысяча шестьсот тридцать пять федератов. Реакционеры безуспешно пытались расположить их в пользу короля. Об этом заботился и министр внутренних дел Террье, предложивший федератам департамента Юры помещение и питание, но федераты отказались от этой любезности министра. Большую агитацию среди федератов развернули якобинцы, окружая их заботой и вниманием, предоставляя им помещения и устраивая для них «патриотические» обеды. В Якобинском клубе федератам были отведены с 11 июля особые места. В тот же день Робеспьер, выступая по вопросу о необходимости объявления отечества в опасности, призывал французских граждан «спасти самих себя». Лафайета он называл «генералом венского двора» и заявлял, что свобода будет в опасности, пока Лафайет стоит во главе французской армии. Робеспьер указывал также, что заговорщики используют Конституцию против народа для уничтожения свободы. По предложению Робеспьера, было принято обращение к федератам, в котором последние призывались «приносить присягу только отечеству» и обеспечить такую Конституцию, которая «гарантирует суверенитет и права нации».

12 июля депутация от федератов Па-де-Кале заявляла в Якобинском клубе: «Никто из нас не пойдет на границы, пока король не будет отрешен от власти, пока Собрание не приведет в действие национальную исполнительную власть. Мы не пойдем более служить под начальством изменника Лафайета». Решительным тоном говорили и другие депутации федератов, критикуя короля и исполнительную власть.

13 июля в Якобинском клубе Дантон убеждал федератов оставаться в Париже, несмотря на декрет, и содействовать утверждению свободы.

14 июля на празднике Федерации раздавались возгласы: «Да здравствует нация!». Возгласов «Да здравствует король!» больше уже не было.

Центром объединения федератов стал Якобинский клуб. 16 июля Робеспьер доказывал в клубе необходимость пребывания федератов в Париже, пока отечество находится в опасности. К предложению Робеспьера присоединился федерат из департамента Дромы, который заявлял, что «только один народ может спасти Францию». Оратор считал нужным узаконить пребывание федератов в Париже и потребовать временного устранения главы исполнительной власти. 17 июля федераты представили Собранию адрес, подписанный 590 лицами и редактированный, вероятно, Робеспьером. Федераты требовали временного отрешения короля от власти, предания суду Лафаиета, увольнения командного состава, назначенного королем, смещения и наказания департаментских властей, которые выразили солидарность с Лафайетом и двором. «Мы хотим, — заявляли федераты, — победить или умереть за свободу, но мы не хотим сражаться под командованием царедворцев и сообщников наших тиранов».

Марат в своем «Друге народа» от 18 июля, разоблачая предательство генералов и двора, убеждал федератов остаться в Париже и наблюдать за членами королевской семьи, считая их заложниками.

После 14 июля федераты организовали Центральный комитет из 43 членов. Комитет, заседая в помещении Якобинского клуба, поддерживал тесный контакт с якобинцами и, в частности, с Робеспьером. 20 июля этот комитет обратился к 83 департаментам с адресом, в котором федераты разоблачали замыслы двора и генералов и заявляли о своем намерении остаться в Париже для борьбы с врагами свободы и революции.

К 24 июля в Париже находилось уже около четырех тысяч федератов, зарегистрированных в муниципалитете. 23 июля федераты представили Собранию второй, более энергичный, адрес, в котором они требовали: отрешения короля от власти, созыва первичных собраний для выявления воли народа и избрания Национального конвента для пересмотра Конституции. В таком же духе высказывался 15 июля клуб Кордельеров, члены которого вели агитацию среди федератов в том же направлении. С 24 по 30 июля значительные части федератов отправились все же в Суассон, согласно декрету Собрания от 2 июля.

Объявление отечества в опасности. Агитация в секциях за низложение короля

Объявление отечества вопасности состоялось в Париже только 22—23 июля, так как король задерживал санкцию декрета от 11 июля, желая дать австрийцам и пруссакам время вторгнуться во Францию. Патриотический энтузиазм охватил народные массы: в течение трех дней записалось 4 тыс. волонтеров, число которых скоро увеличилось до 15 тыс.

В конце июля в секциях развернулось движение за отставку Лафайета, за низложение короля и за всеобщее избирательное право. Секции подавали петиции в Собрание, сносились между собой и избирали комиссаров для составления адресов Национальному собранию, департаментам и армии. Комиссары от 47 секций, по предложению секции Гренельского фонтана, собрались 24 июля в муниципалитете для составления адреса Собранию. 25 июля секция Лувра, насчитывавшая 2 тыс. активных граждан, много ремесленников и рабочих, составила адрес, в котором требовала отрешения короля, отставки бывших офицеров и должностных лиц из аристократов, наказания Лафайета и предоставления прав активных граждан всем, кто платил какой-либо налог. Секции Моконсей, Красного креста и Гобеленов также требовали от Собрания низложения короля. В этот же день Собрание вынуждено было санкционировать непрерывность заседаний секций. 27 июля, с согласия муниципалитета,

было организовано Бюро корреспонденции секций для усиления связи между ними.

Законодательное собрание все еще отказывалось или медлило проводить в жизнь революционные мероприятия, которые диктовали демократические слои населения. Собрание отнеслось отрицательно к адресу граждан г. Анжера, зачитанному 23 июля депутатом Шудьё, который требовал низложения короля. Но под давлением требований, исходивших от федератов, парижских секций и многих департаментов, Собрание издало несколько декретов о национальной обороне. 24 и 25 июля издано было два важных декрета: один предписывал организацию батальонов волонтеров, а другой —запрещал комендантам крепостей, под страхом смертной казни, сдаваться врагу.

В эти же дни некоторые депутаты демократической левой открыто поставили в Собрании вопрос о низложении короля, как изменника, но жирондисты их не поддержали, а фельяны даже потребовали ареста ораторов, призывавших к нарушению Конституции. Жирондисты в Собрании и в прессе выступали против низложения короля. 25 июля Бриссо резко нападал не только на контрреволюционеров, но и на тех, кто стремился создать республику. 26 июля Гюаде от имени чрезвычайной «комиссии двенадцати» предложил Собранию в последний раз обратиться с посланием к королю и посоветовать ему для спасения отечества и короны призвать к власти министров-патриотов, пользующихся общественным доверием. Адрес королю, составленный Кондорсе, был поддержан Бриссо, который, при аплодисментах правых и криках негодования со стороны трибун, требовал сурового наказания для тех, кто предлагал низложить короля, и напоминал, что нельзя изменять Конституцию, пока продолжается война. Позиция жирондистов поощряла двор саботировать и далее национальную защиту. Но чтобы показать, что судьба короля зависит от воли Собрания, Бриссо предложил, не предрешая вопроса о низложении короля, поручить «комиссии двенадцати» рассмотреть, какие имеются законные основания для свержения короля. Таким образом, жирондисты оставляли открытым вопрос об отрешении Людовика XVI от власти; они считали возможной замену его сыном, при котором правил бы регент, назначенный Собранием. Собрание приняло предложение Гюаде и Бриссо.

Демократическое движение, охватившее департаменты и столицу, пугало жирондистов и толкало их на сделку с королем. Верньо, Гюаде и Жансонне, встав на путь тайных сношений с двором, обратились к Людовику XVI с письмом, в котором указывали, что только назначение жирондистских министров и отставка Лафайета могут предотвратить катастрофу. Король не спешил с назначением новых министров, не желая более назначать жирондистов. 29 июля Верньо вторично обратился с письмом к королю. Гюаде в Тюильрийском дворце имел тайное свидание с королевской семьей. Надеясь на то, что Людовик XVI опять призовет жирондистов на министерские посты, Бриссо усилил нападки на Робеспьера, Марата и всех, кто требовал низложения короля.

В результате этой предательской и двусмысленной тактики жирондисты потеряли влияние в Якобинском клубе. 29 июля там была встречена с негодованием речь жирондиста Ласурса, осуждавшего оставление в Париже федератов, которые готовятся совершить «преступление», т. е. низложить короля.

Тогда же Робеспьер развернул в Якобинском клубе программу, которую патриоты должны были осуществить, чтобы спасти отечество. Он доказывал, что «недостаточно ограничиться низложением короля, так как основная причина наших бедствий коренится как в исполнительной власти, так и в Законодательном собрании: первая хочет погубить го-су-

дарство, вторая — не может или не хочет спасти его». Робеспьер предлагал созвать Национальный конвент, избранный всеобщим голосованием для выработки новой Конституции. Эта программа и была осуществлена в результате революции 10 августа 1792 г.

25 июля в Париж прибыл из Бреста батальон федератов, насчитывавший 300 человек, а 30 июля торжественно вступил давно ожидавшийся батальон марсельских федератов в 516 чел. В тот же вечер марсельцы имели столкновение с роялистски настроенными гвардейцами буржуазных секций Библиотеки и Площади Людовика XVI, которые напали на собравшийся народ. Людовик XVI в обращении к народу обвинял в столкновении марсельцев; одновременно он приказывал привлечь их к судебной ответственности. 2 августа марсельские федераты требовали в Собрании низложения короля. Двор пытался подкупить марсельцев и их вождей. В конце июля он отпустил для этой цели 547 тыс. ливров, а 2 августа еще свыше 447 тыс. ливров.

К августу в Париж прибыло не менее шести тыс. федератов для образования лагеря в Суассоне; из них до двух тысяч осталось в Париже.

30 июля секция Французского театра, где насчитывалось лишь 2600 активных граждан, под влиянием членов Кордельерского клуба, Дантона, Шомета, Моморо, постановила (при участии в голосовании огромного большинства лишенных избирательных прав демократических слоев населения) предоставить всем права активных граждан, в виду того, что все граждане призваны защищать отечество. Таким образом, демократические секции явочным порядком отменили различие между «активными» и «пассивными» гражданами.

31 июля демократическая по своему составу секция Моконсей, насчитывавшая, кроме 1700 активных граждан, значительное количество ремесленно-рабочего населения, приняла знаменитое постановление, в котором заявляла, что секция «не признает более Людовика XVI королем французов». Секция Моконсей приглашала остальные секции и коммуны Парижского департамента присоединиться к ее постановлению и поддержать его 5 августа в Законодательном собрании.

3 августа депутация федератов требовала от Собрания категорического ответа, может ли оно спасти Францию. Председатель Собрания ответил, что «Собрание найдет в Конституции достаточно средств для ее спасения». В тот же день мэр Парижа Петион прочел в Законодательном собрании адрес от имени 47 секций, в котором они требовали низложения Людовика XVI, устранения династии Бурбонов, назначения ответственного перед Собранием министерства и созыва Национального конвента. Адрес представлял собой резкий обвинительный акт против короля, характеристику всей его контрреволюционной и антиконституционной деятельности с первых дней революции. Собрание, не обсуждая адреса, постановило отослать его в чрезвычайную комиссию. Желая все же сделать вид, что оно идет навстречу требованиям масс, оно ограничилось предоставлением прав активных граждан всем вступившим в ряды армии.

Двор и особенно Мария-Антуанетта все свои надежды возлагали на скорое прибытие армии герцога Брауншвейгского. Вот почему королевский двор отвергал разные планы бегства, предлагавшиеся Лафайетом и фельянами. В конце июля Лафайет еще раз пытался предоставить королю возможность бежать под защиту его армии, но двор попрежнему не хотел ставить себя в зависимость от Лафайета. Существовал еще проект бегства короля в Руан, откуда, в случае необходимости, можно было бежать из Франции через Гавр. Департаментские власти г. Руана, принадлежавшие к партии фельянов, фельянские депутаты от департамента Ниж-

ней Сены и командующий там войсками герцог Лианкур подготовили все для осуществления этого проекта, но двор попрежнему ставил ставку на армию интервентов.

Манифест герцога Брауншвейгского

Агент двора за границей Малле-дю-Пан предлагал европейским монархам перед вступлением войск во Францию выпустить манифест к французам с целью устрашения революционеров. 25 июля герцогом Брауншвейгским был внушен манифест, который был составлен эмигрантами и цинично раскрывал перед всей Францией совпадение интересов Людовика XVI и монархов, ведущих войну против Франции. Манифест говорил о намерении интервентов прекратить анархию внутри Франции, пресечь нападки на трон и церковь, восстановить законную власть, вернуть королю безопасность и свободу, которых его лишили, и предоставить ему возможность осуществлять ту законную власть, которая ему принадлежит. Иначе говоря, монархи намеревались задушить революцию и восстановить во Франции прежний, абсолютистско-феодальный порядок. От французской армии манифест требовал немедленного подчинения «законному королю», а национальных гвардейцев и жителей, которые осмелятся сопротивляться армии коалиции, объявлял «бунтовщиками против короля и нарушителями общественного спокойствия». Непосредственную ответственность за неприкосновенность королевской семьи манифест возлагал на жителей Парижа и в первую очередь на членов Собрания, департаментской директории и муниципалитета, угрожая им казнью и беспощадной военной экзекуцией города. Монархи заявляли, что будут признавать только те постановления французского короля, которые он примет после того, как удалится под охраной в ближайший к границе город, где будет пользоваться «полной свободой».

Манифест герцога Брауншвейгского, открыто провозгласивший контрреволюционные цели интервентов и рассчитанный на запугивание революционеров, произвел как раз обратное действие: революционеры решили больше не медлить со свержением Людовика XVI. О манифесте в Париже узнали 28 июля, в разгар движения секций за низложение короля. 30 июля он был зачитан в Якобинском клубе, но официально поступил в Собрание только 1 августа и был оглашен 3 августа.

Разоблачая в обращении к федератам от 7 августа измену, лицемерие и вероломство двора и призывая федератов следить, чтобы Людовик XVI не бежал, Марат так отзывался о манифесте герцога и эмигрантов: «Их наглый вождь, действуя под диктовку тюильрийской шайки, потребовал от имени своих господ, чтобы мы отдались на милость нашего прежнего тирана и вернулись к старым цепям... Он уже угрожает жестокой расправой всем, кто будет мужественно отстаивать свою свободу».

3 августа секция Сент-Антуанского предместья Кенз-Вен приняла решение направиться 5 августа с оружием в руках в Законодательное собрание вместе с Сен-Марсельским предместьем и другими секциями. Однако Петион и Сержан убедили секцию Кенз-Вен и федератов отложить восстание, намеченное ими на 5 августа. В своем постановлении от 4 августа секция Кенз-Вен заявила, что она будет ждать решения Собрания относительно требования секций до 11 часов вечера 9 августа, но если Собрание не удовлетворит к этому сроку народные требования, то «в полночь ударят в набат и пробьют сбор и все разом восстанут».

4 августа секция Моконсей представила Собранию принятый ею 31 июля адрес, в котором заявляла, что не признает Людовика XVI королем. Секция Гравилье, которая насчитывала свыше 3 тыс. активных граждан, но в которой преобладало ремесленно-рабочее население, требовала от имени 30 тысяч граждан немедленного предъявления обвинения Людо-

вику XVI. Оратор депутации закончил свое выступление угрозой: «Мы еще предоставляем вам, законодатели, честь спасти отечество; но если вы откажетесь это сделать, нам придется самим взяться за его спасение». Жирондист Верньо от имени чрезвычайной комиссии провел без прений постановление, аннулировавшее адрес секции Моконсей, как противоречащий Конституции. Адрес осуждала и жирондистская пресса. Кондорсе в редактировавшемся им органе «Хроника Парижа» призывал отказаться от нелегальных средств борьбы.

Жирондисты шли на разрыв с левым крылом якобинцев и присоединились к фельянам. На заседании клуба «Объединение», где собирались преимущественно жирондистские депутаты, Бриссо и Инар требовали привлечения к ответственности Робеспьера и Антуана, которые призывали к низвержению короля.

5 августа депутаты от ряда секций заявили Собранию о своей солидарности с постановлением секции Моконсей. На том же заседании Собрания было сообщено о поступлении большого числа петиций от департаментов и коммун с требованием отрешения или низложения короля. Но в то же время некоторые крупнобуржуазные секции Парижа (Библиотеки, Арсенала и Генриха IV) заявили Собранию о своем несогласии с адресом секции Моконсей. Адрес секции Библиотеки был подписан всего 170 лицами и вызвал протест комиссара секции, Колло-д'Эрбуа.

6 августа Варле, от имени федератов и граждан Парижа, представил Собранию петицию с требованием отрешения короля, созыва Конвента на основе всеобщего голосования, назначения министров-патриотов, осуждения Лафайета, дополнительного набора 400 тыс. и принятия мер против скупок в спекулятивных целях.

В секциях шла борьба. Вначале многие секции отвергли постановление секции Моконсей, но после 5 августа число секций, присоединившихся к этому постановлению, увеличилось до 32. Присутствие федератов, агитация Якобинского клуба и клуба Кордельеров, допущение пассивных граждан в секции, распространение манифеста герцога Брауншвейгского, вызвавшего патриотический гнев, нерешительность Собрания, угрожавшая гибелью революции, — все это способствовало вовлечению в борьбу за низложение монархии до двух третей парижских секций.

В результате борьбы к постановлению секции Моконсей не присоединились лишь 16 консервативно настроенных секций, т. е. одна треть секций Парижа, но из них девять воздержались и только семь высказались за сохранение конституционной монархии. Это были шесть секций, где была особенно влиятельна крупная буржуазия: Елисейских полей, Библиотеки, Площади Людовика XIV, Тампля, Арсенала и Генриха IV и секция Ботанического сада, где демократическое население преобладало, но где активные граждане сохранили свое влияние вплоть до революции 10 августа. Однако и в буржуазных секциях, которые раньше шли за конституционалистами, происходил перелом. Так, буржуазная секция Арсенала во главе со знаменитым химиком Лавуазье, сначала выступавшая против адреса секции Моконсей, потом присоединилась к общему движению демократических секций.

Наиболее решительно действовала известная по июльским петициям секция Кенз-Вен, самая революционная из всех секций Парижа в течение всей революции. В течение месяца перед революцией 10 августа секция издавала республиканский орган «Журнал людей 14 июля и Сент-Антуанского предместья» («Le Journal des Hommes du 14 Juillet et du Faubourg Saint-Antoine»). 27 июля 1792 г. «Журнал» написал: «Мы хотим правительства, еще невиданного до сих пор, в котором вся власть была бы передана в руки выборных и временных должностных лиц, в котором все

делалось бы самим народом и для народа ... Мы желаем полного гражданского равенства».

К наиболее революционно настроенным секциям принадлежали также ремесленно-рабочие секции Монтрей, Гобеленов и Гравилье и ряд демократических секций: секции Моконсей, Французского театра и Красного креста.

После 5 августа тактика клубов и секций меняется. Речь идет уже не о подаче петиций, а о непосредственной подготовке восстания. Роялисты и фельяны в начале августа предлагали несколько планов бегства королевской семьи. Но после 7 августа было уже поздно думать о бегстве. Патрули секций зорко следили за дворцом днем и ночью. Кроме марсельского батальона, находившегося с 5 августа в помещении клуба Кордельеров, в секции Французского театра и брестского батальона, перешедшего в Сен-Марсельское предместье, остальные федераты, не входившие в состав национальной гвардии, образовали 9 августа особый батальон.

Последним толчком к восстанию был отказ Собрания осудить Лафайета. После 14 июля не проходило почти ни одного дня, чтобы в Собрание не поступило адреса с требованием предать суду этого мятежного генерала. 8 августа против Лафайета выступил в Собрании Бриссо, но фельяны поддержали Воблана, защищавшего генерала, и 406 голосами против 224 отвергли предложение большинства чрезвычайной комиссии о предании Лафайета суду.

9 августа Собрание разошлось в 7 ч. вечера, не приняв определенного решения относительно короля. В тот же вечер демократические секции Парижа во главе с секцией Кенз-Вен призывали к восстанию. Против восстания открыто высказались только буржуазная секция Сицилийского короля и комитет секции Ботанического сада.

РЕВОЛЮЦИЯ 10 АВГУСТА 1792 г.

Народная революция 10 августа 1792 г., свергнувшая монархию, подготовлялась совершенно открыто. Двор, министры, Собрание, директория департамента и муниципальный совет — все знали, что секции поднимут восстание в ночь с 9 на 10 августа, если их требования о низложении короля не будут удовлетворены. Собрание осудило себя на роль бессильного зрителя, лишь санкционировавшего позднее результаты революции, которой оно противилось.

9 августа между 8 и 9 часами вечера открылись заседания секций, на которых вместе с «активными» гражданами присутствовали и «пассивные». Оглашение письма мэра города — Петиона, призывавшего к сохранению спокойствия, не произвело впечатления. Вожди движения считали, что Петион, в силу своего официального положения, играет двойственную роль. В действительности, двойственной была роль всей жирондистской группы. В 11 часов вечера секция Кенз-Вен, при поддержке ряда демократических секций и федератов, призвала народ к восстанию для «немедленного спасения общественного дела». Для руководства восстанием решено было выделить по три комиссара от каждой секции. Секции Арсенала и Гренельского фонтана предупреждали секции Кенз-Вен, Гобеленов и Французского театра об опасностях предпринимаемого восстания, но в то же время заявляли о своей готовности выступить, если понадобится, вместе с гражданами предместий. Другим центром восстания была секция Французского театра на левом берегу Сены, где помещался клуб Кордельеров и находился марсельский батальон.

Около двенадцати часов ночи в секции Французского театра ударили в набат, не ожидая приказа собиравшихся в ратуше комиссаров секций.

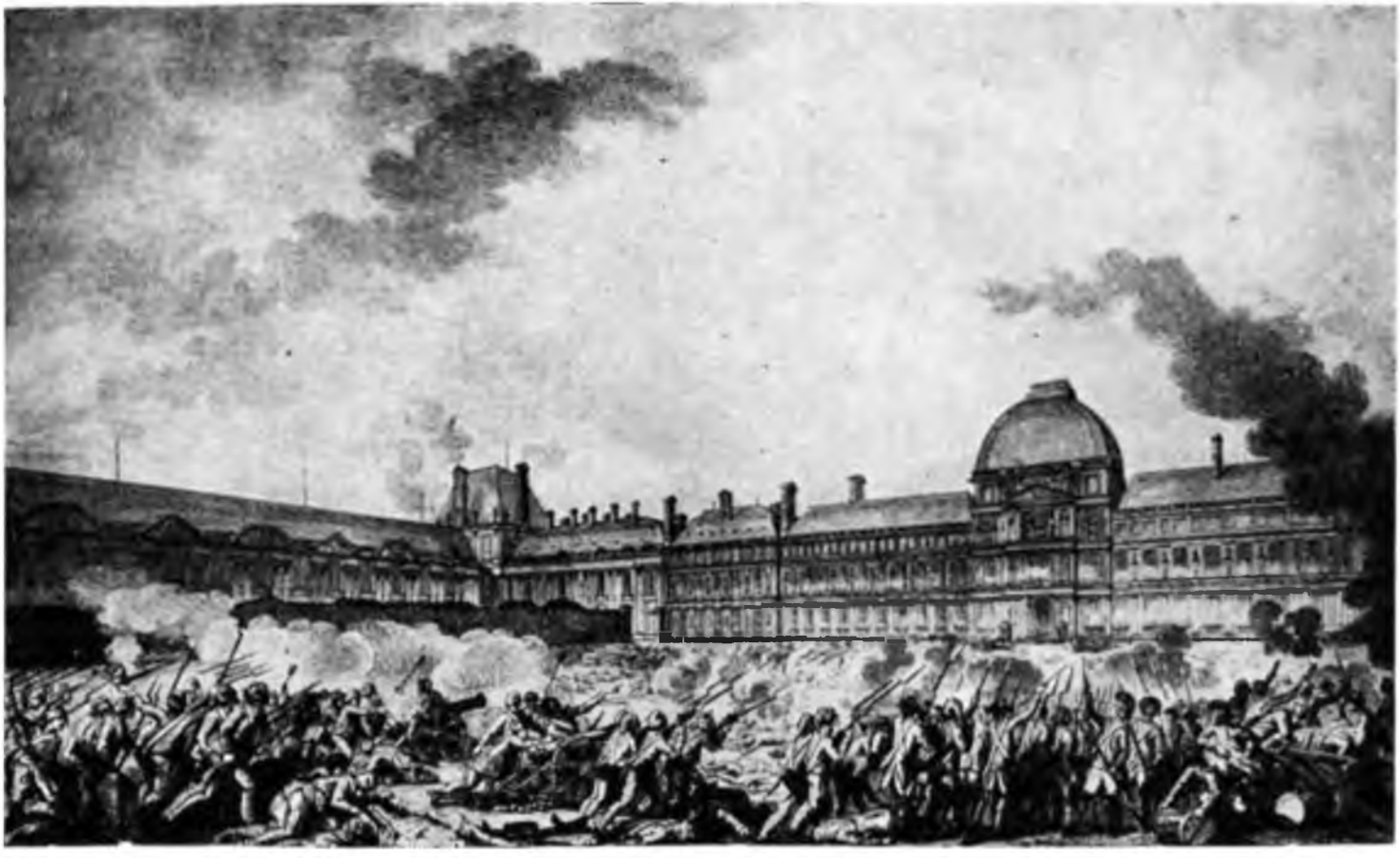
Ударили в набат церкви Сент-Антуанского предместья, секций Гравилье, Моконсей и Ломбар. В полночь в ратуше собрались представители 28 секций, где они и заседали до утра одновременно с легальным Генеральным советом муниципалитета, заседавшим в одной из соседних комнат. Последний безуспешно пытался через посланных муниципальных чиновников прекратить набат.

Между тем, во дворце были сделаны серьезные приготовления к защите. По приказанию преданного двору начальника национальной гвардии Манда, в Тюильри 9 августа прибыло 950 наемных швейцарцев, на дисциплинированность которых защитники двора возлагали больше всего свои надежды. Кроме швейцарцев, во дворце было еще 200—300 дворян из бывшей лейб-гвардии короля. Менее надежны были 900 конных и 30 пеших жандармов, настроенных конституционно, но способных в критический момент перейти на сторону восставших. Наконец, было до 2400 национальных гвардейцев, не расположенных защищать короля. Менее всего склонны были к этому канониры, не доверявшие дворянам и роялистам, прибывшим во дворец. Только батальоны двух секций крупной буржуазии — Библиотеки и Площади Людовика XIV — были настроены роялистски и угрожали, что штыками заставят канониров открыть огонь. Таким образом, из четырех с половиной тысяч человек, которыми располагал двор для защиты дворца, он мог положиться только на одну треть.

Самый дворец Тюильри представлял собой укрепленный замок, окруженный тремя внутренними дворами. Главный вход со стороны площади Карусели защищался 6 пушками; пушки были и во дворце Принцев; четыре пушки были размещены в Тюильрийском саду, защищая подступы со стороны манежа и Королевского моста. Подступы к самому дворцу со стороны площади Карусели, Лувра и Нового моста защищали конные жандармы. Наконец, два отряда были расположены в городе: один — в узком проходе позади ратуши — должен был с тыла напасть на колонну Сент-Антуанского предместья, когда она пройдет мимо ратуши; другому, состоявшему из артиллеристов секции Генриха IV, было поручено защищать Новый мост, не допуская перехода с левого берега Сены марсельского и брестского батальонов и колонны Сен-Марсельского предместья.

Около полуночи Петион был вызван во дворец, куда он явился с некоторыми членами муниципалитета. Петион не скрывал, что королевской семье грозит опасность. Манда упрекал мэра, что ему выдали мало пороха. Когда во дворце услышали набат, роялисты стали угрожать мэру, но Собрание спасло его, вызвав к себе для объяснений. Затем организовавшаяся к утру в ратуше новая повстанческая Коммуна, не доверявшая жирондистскому мэру, подвергла Петиона домашнему аресту.

Около 2 часов ночи в ратуше узнали о приказе Манда стрелять в народ с тыла. По настоянию комиссаров секций старый Генеральный совет муниципалитета вызвал к себе Манда для объяснений. После некоторых колебаний около пяти часов утра Манда отправился в ратушу. На вопрос, почему удвоена стража дворца, он ответил, что сделал это по приказу мэра Петиона. Манда подвергли вторичному допросу в Собрании комиссаров секций. В своих уклончивых ответах Манда ссылался на полученные им приказы и старался преуменьшить число защитников дворца. Когда Манда отказался подписать приказ о роспуске половины сил, собранных во дворце, и когда была принесена копия его приказа о стрельбе в народ с тыла, Собрание комиссаров секций постановило арестовать Манда. Этот арест внес дезорганизацию в защиту дворца.



ВЗЯТИЕ ТЮИЛЬРИ 10 АВГУСТА 1792 г.

Гравюра Гельмана, рисунок Монне

Образование революционной Коммуны

Между 6 и 7 часами утра в ратуше собралось до 89 комиссаров от 28 секций. Они объявили себя «Собранием представителей большинства секций» и устранили прежний легальный Генеральный совет муниципалитета. Новая революционная Коммуна назначила Сантера командующим национальной гвардией и предложила всем батальонам сместить прежний командный состав и избрать новый.

Из 28 секций, представители которых образовали повстанческую Коммуну, 12 принадлежали к секциям с преобладающим ремесленно-рабочим населением; в семи секциях преобладали мелкобуржуазные слои, пять секций имели очень смешанный состав, наконец, к движению примкнули 4 секции с буржуазным большинством, но и с большим слоем демократического населения. В общем, в революционную Коммуну послало представителей большинство секций северо-востока и юга Парижа и более половины секций центра.

К движению не примкнули северо-западные секции Парижа, часть буржуазных секций центра, три секции на левом берегу Сены и одна буржуазная секция Тампль, находившаяся между Сент-Антуанским и северными предместьями. Из непримкнувших к движению 20 секций в одиннадцати преобладала буржуазия; в остальных 9 секциях было сравнительно немногочисленное население со значительной буржуазной прослойкой.

Классовый состав населения той или иной секции, характерные для каждой секции конкретные социальные черты были решающим фактором при определении позиций секций в восстании 10 августа. Во всех секциях, образовавших повстанческую Коммуну, инициативу взяли в свои руки демократические элементы, бывшие «пассивные» граждане, лишенные политических прав по Конституции 1791 г. Они увлекли за собой часть буржуа-патриотов, которые поняли, что неудача восстания грозит гибелью революции. Таким образом, новая Коммуна являлась представительницей большинства демократического населения Парижа. Буржуазные секции в своем большинстве заняли выжидательную позицию, но ни одна из непримкнувших к движению секций не выступила активно против него.

Среди более известных комиссаров секций нужно отметить Югенена, председателя революционной Коммуны в ночь на 10 августа, будущего командира республиканской армии, рабочего-ювелира Россиньоля от секции Кенз-Вен, журналиста Эбера от секции Бон-Нувель, Леонара Бурдона от секции Гравилье, Легра от секции Лувра, Билло-Варенна и Ф. Робера от секции Французского театра; Одуэна от секции Гренельского фонтана, артиста Мишо от секции Тюильри.

После 6 ч. утра артиллеристы из буржуазной секции Генриха IV, охранявшие Новый мост, примкнули к восставшим. К семи часам батальон марсельцев под командованием Муассона и батальон-секции Гобеленов из Сен-Марсельского предместья под командованием Александра, перейдя мосты, вышли на площадь Каруселли. Повстанцы поставили пушки на Новом мосту и на террасе фельянов и навели их на дворец. Защитники дворца пришли в замешательство. Некоторые министры советовали королю обратиться в Собрание, но последнее безмолвствовало, не желая связывать свою судьбу с судьбой монархии. Тогда король произвел смотр дворцовых войск. Аристократы-роялисты и швейцарцы встретили его криками: «Да здравствует король!», «Долой заговорщиков! Долой якобинцев!» Но канониры угрюмо молчали или кричали: «Да здравствует нация!» Такие же возгласы раздавались и в Тюильрийском саду; наконец, с террасы фельянов донеслись крики: «Долой короля, долой veto!» Король не мог уже положиться на национальную гвардию. Канониры заявили генеральному

прокурору-синдику Редереру и членам департаментской директории, что они не хотят стрелять в своих братьев. Между канонирами и сторонниками короля началась перебранка, грозившая перейти в вооруженное столкновение. Национальные гвардейцы, находившиеся во дворце, узнав, что на площадь Карусели прибыли национальные гвардейцы из других секций, чтобы разоружить швейцарцев, хотели начать с ними переговоры.

Король в Собрании под защитой жирондистов

Защитникам дворца было уже известно об образовании новой Коммуны, об аресте Манда и о движении колонн повстанцев ко дворцу Тюильри. Тогда король уступил настояниям Редерера и членов департаментской директории и согласился отправиться в Собрание. Этому противилась только королева, не желавшая покидать дворец. Король с семьей и министрами, в сопровождении национальных гвардейцев и швейцарцев, направился в Собрание. Большая толпа, собравшаяся у решетки, хотела задержать фельянов, сопровождавших короля. Раздавались крики: «Нет, они не войдут в Национальное собрание. Они являются причиной наших зол; надо с этим покончить. Долой, долой!»

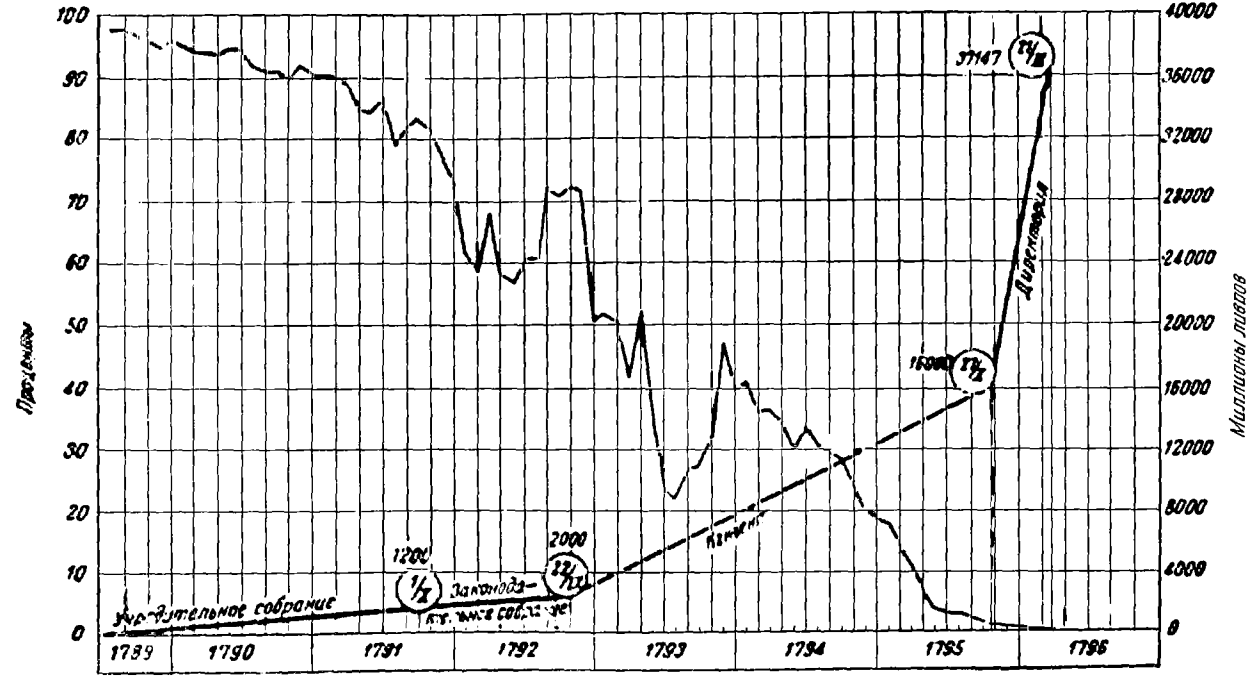
Войдя без стражи в Собрание, король заявил: «Я пришел сюда во избежание тяжкого преступления, я всегда буду считать себя и свою семью в безопасности среди представителей нации». Председатель Собрания жирондист Верньо ответил ему, что Собрание будет защищать «нрава народа и установленные власти». Королевская семья была помещена в ложе редакции «Логографа» (журнала, публиковавшего отчеты о прениях в Собрании), находившейся возле кресла председателя.

После ухода короля из дворца два батальона швейцарцев и жандармы, охранявшие внутренние дворы, получили приказ сосредоточиться в самом дворце. Национальные гвардейцы остались во дворах. Скоро марсельский и брестский батальоны и батальон секции Гобеленов ворвались во внутренний двор через главные ворота. Канониры и часть жандармов тотчас примкнули к ним с криками: «Да здравствует нация!» Нападающие двинулись к главной лестнице и пытались брататься с швейцарцами, которых офицеры, в свою очередь, уговаривали стрелять, если повстанцы попытаются войти во дворец. Эльзасец Вестерман, командир одного из батальонов повстанцев, пытался по-немецки убеждать солдат-швейцарцев не оказывать сопротивления. Его поддерживал Лангланд, командир канониров, примкнувших к повстанцам. Швейцарцы заколебались. Некоторые из них выбросили патроны за окно; несколько человек перешло к повстанцам и дало себя разоружить. Но тут раздался залп из дворца. Очевидно, стреляли собравшиеся там дворяне. Тогда и швейцарцы открыли стрельбу в упор по массе повстанцев, находившихся во дворе. Не менее сотни убитых и раненых осталось лежать на земле и на большой лестнице. Командир марсельцев Муассон был ранен. С криками «измена» марсельцы побежали к площади Карусели, преследуемые швейцарцами, которые овладели четырьмя пушками батальона канониров, перешедших на сторону народа, и снова заняли главные ворота. Но успех защитников дворца был кратковременным. У восставших было около 20 тыс. человек, и еще не все силы подошли к ним. Марсельцы и канониры, оттесненные с площади Карусели, сдерживали швейцарцев, ожидая подхода колонны из Сент-Антуанского предместья. Когда Сантер прибыл со своими батальонами, повстанцы со всех сторон атаковали швейцарцев, остатки которых вынуждены были укрыться во дворце. Начался обстрел дворца из пушек.

В Собрании от Людовика XVI настойчиво требовали дать приказ швейцарцам прекратить бесполезное кровопролитие. Генерал д'Эрвильи, который вызвался отнести приказ, увидев, что борьба еще продолжается,

Курс ассигнатов в 100 ливров по средним месячным данным

	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796		1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795	1796
Январь	—	96	91	72	51	40	18	0.66	Июль	—	95	87	61	23	34	3.09	—
Февраль	—	95	91	61	52	41	17	0.35	Август	98	92	79	61	22	31	2.72	—
Март	—	94	90	59	51	36	13.28	0.36	Сентябрь	98	91	82	72	27	28	2.08	—
Апрель	—	94	89	64	43	38	10.71	—	Октябрь	97	91	84	71	28	28	1.36	—
Май	—	91	85	58	52	34	6.52	—	Ноябрь	96	90	82	73	33	24	0.77	—
Июнь	—	95	85	57	36	30	3.38	—	Декабрь	95	92	77	72	48	20	0.52	—



Условные обозначения:

— Курс ассигнатов в %% к звонкой монете

— Выпуск ассигнатов в миллионах ливров

ВЫПУСК АССИГНАТОВ В ОБРАЩЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ИХ КУРСА В ПЕРИОД 1789—1796 гг.

оставил приказ в кармане и стал подстрекать швейцарцев к сопротивлению. Но к восставшим уже подходили новые подкрепления. Часть швейцарцев, преследуемая повстанцами, отступила по приказанию д'Эрвильи через сад к зданию Законодательного собрания. Они получили приказ сложить оружие и были временно заперты в церкви фельянов. Скоро одна колонна восставших ворвалась в сад со стороны Королевского моста и манежа. Наконец, народ ворвался и в главный двор Тюильри. После непродолжительной кровопролитной схватки дворец был взят. При штурме Тюильри были убиты почти все находившиеся в нем дворяне и две трети швейцарцев. Женщин, находившихся во дворце, не трогали. Всякого, кто пытался грабить, убивали на месте. После победы народа был убит и Манда, по дороге из ратуши в тюрьму, так как его считали виновным в тех больших жертвах, которые понесли восставшие. Из 366 убитых и раненых было 285 национальных гвардейцев и граждан секций и 81 федерат, из них 42 марсельца и 9 бретонцев. Всего насчитывалось почти 100 убитых и 268 раненых. По другим подсчетам, потери народа доходили до 500 человек, большинство погибших были ремесленники и рабочие.

Законодательное собрание, дав убежище королю, выжидало дальнейший ход событий. Правая и центр Собрания, около двух третей его состава, боясь народного гнева, отсутствовали. Когда дворец был взят народом, представители революционной Коммуны явились в Собрание, чтобы продиктовать ему волю победившего народа и потребовать низложения короля и созыва нового демократического собрания. «Законодатели, — заявили члены Коммуны, — вам остается только помогать народу: мы пришли сюда от его имени, чтобы договориться с вами относительно тех мер, которые следует принять для общественного спасения... Народ, пославший нас сюда, поручил нам объявить вам, что он вновь облекает вас своим доверием». Далее, однако, делегаты ука зали, что верховным повелителем является народ, в его первичных собран'иях, и что только он «является судьей относительно чрезвычайных мер к которым необходимость оказать сопротивление насилию вынудила его прибегнуть».

Отрешение короля от власти

Заслушав затем доклад Верньо от имени чрезвычайной комиссии, Собрание с учредительными полномочиями декретировало временное отрешение короля от власти и созыв Национального конвента. Королю прекращалась выплата жалования по цивильному листу. Но Собрание не отказывалось еще от монархической формы правления, так как предполагало на следующий же день назначить воспитателя для наследника. Для пребывания королевской семьи отводился Люксембургский дворец, но это постановление было отменено по настоянию Коммуны; 12 августа король был заключен в Тампль. Беря в свои руки исполнительную власть, Собрание уволило министров, назначенных королем, и оставило за собой право назначать новых. Другим декретом Собрание предоставило избирательные права всем гражданам, достигшим 25 лет, проживающим на одном месте в течение года и живущим своим трудом.

Таким образом, и после победы народного восстания жирондисты, получившие преобладающее влияние в Собрании, не проявили себя ни последовательными республиканцами, ни демократами. Энгельс подчеркивал, что даже в этот момент народной победы жирондисты еще «колебались между королевской властью и демократией».[1]

Народная революция 10 августа покончила с монархией. В этом должны были вскоре убедиться и жирондисты. После 10 августа вос-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 35.

ТРЕБОВАНИЕ НАРОДОМ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ 10 АВГУСТА 1792 г.

Рисунок Жирарде

становление монархической власти в какой бы то ни было форме стало надолго невозможным. Этой победой революция была обязана исключительно народным, мелкобуржуазным и плебейским, массам Парижа и Франции.

КОММУНА 10 АВГУСТА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Революция 10 августа нанесла поражение внутренней контрреволюции, но предстояло еще отразить нашествие интервентов, поставивших своей целью восстановить абсолютизм во Франции. Для устранения внешней опасности и предотвращения победы контрреволюции требовалось обновить военное командование и администрацию, очистить их от контрреволюционных элементов, полностью удовлетворить требования крестьянства, ликвидировать остатки феодализма. Но революционная Коммуна, свергнув монархию, устранив короля, оставила временно у власти Законодательное собрание, большинство которого составляли представители конституционно-монархических буржуазных группировок. Законодательное собрание было создано в результате цензовых выборов. Теперь оно издавало декреты от имени нации и противопоставляло себя Коммуне, избранной только населением Парижа, как собрание представителей всей Франции. Собрание сосредоточило в своих руках всю полноту как законодательной, так и исполнительной власти; оно уволило старых министров и назначило новых. Руководство в нем перешло от фельянов к жирондистам, которые боялись размаха демократического движения и вели борьбу против Коммуны, вышедшей из революции 10 августа. Шесть недель, протекших от революции 10 августа до созыва Конвента (20 сентября 1792 г.), заполнены острой борьбой между

Законодательным собранием и Коммуной Парижа, которая толкала Собрание к более решительным революционным мероприятиям.

Не доверяя Собранию, против воли которого произошла революция 10 августа, Робеспьер в тот же день в Якобинском клубе рекомендовал народу не складывать оружия, пока не обеспечена свобода, и «совершенно лишить своих депутатов возможности вредить делу свободы». Он предлагал, чтобы Коммуна послала по департаментам своих комиссаров для ознакомления с положением вещей и чтобы федераты поддерживали письменную связь с послывшими их департаментами.

Марат после падения монархии советовал установить демократическую диктатуру и не прекращал своих нападок на Собрание, как на контрреволюционное и насквозь прогнившее.

Исполнительную власть Собрание вручило Временному исполнительному совету из шести министров, не входивших в его состав. Прежде всего оно избрало министром юстиции Дантона, который получил 222 голоса из 284, поданных почти исключительно левой частью Собрания. Затем без голосования были назначены три жирондиста-министра, уволенных Людовиком XVI в июне: Ролан—министром внутренних дел, Серван—военным и Клавьер — министром финансов. К ним добавили еще двух ставленников Жиронды, по указанию Кондорсе, морского министра — математика и инженера Монжа и министра иностранных дел—журналиста Лебрена, друга Бриссо и бывшего начальника канцелярии Дюмурье.

Выбор Жиронды пал на Дантона потому, что он был для нее наиболее приемлемым из видных вождей клубов, связанных с демократическим движением. Жирондисты надеялись легче сговориться с Дантоном и использовать его для того, чтобы оказывать сдерживающее влияние на клуб Кордельеров, на Якобинский клуб и на Коммуну. По признанию Кондорсе, Дантон нужен был жирондистам, как «человек, который пользовался бы доверием народа, только что низвергнувшего трон, и который своим влиянием мог бы сдерживать жалкие орудия полезной, славной и необходимой революции». Иначе говоря, Дантон был избран жирондистами с тем, чтобы укрепить авторитет их министерства и сдерживать порывы революционной Коммуны. Еще в марте 1792 г. у Бриссо была мысль ввести в жирондистское министерство Дантона, вместе с которым он агитировал за регентство герцога Орлеанского после бегства Людовика XVI 20 июня 1791 г. Во время острой полемики между Робеспьером и Бриссо по вопросу о войне Дантон сохранял нейтралитет. Выбор Дантона отнюдь не говорит о том, что он играл большую роль в революции 10 августа.

Дантон пользовался в это время значительным влиянием в массах. Но он не был активным вдохновителем и организатором революции 10 августа. Он уехал из Парижа 31 июля, в самый разгар движения секций, и вернулся, по настоянию патриотов, только накануне 10 августа. Позднее Сен-Жюст упрекал Дантона, что тот «бежал от опасности, когда увидел, что надвигается гроза 10 августа». Нет никаких документальных данных, свидетельствующих об активной роли Дантона в ночь с 9 на 10 августа. Он примкнул к победоносному восстанию, но его политические настроения были и в этот момент далеко не столь революционными, как настроения действительных вождей восстания. Его связи с двором были, по меньшей мере, подозрительны. Так, друг Дантона Фабр-д'Эглантин накануне 10 августа вел какие-то переговоры с двором.

На ряду с Собранием и Временным исполнительным советом в Париже осталась у власти Коммуна 10 августа, получившая теперь признание со стороны Собрания. Число членов Генерального совета Коммуны в следующие после 10 августа дни увеличилась до 288, по шести представителей от каждой секции. Дополнительно в нее были избраны

якобинцы: Максимилиан Робеспьер, Шомет, Паш и Флерио-Леско. Из своей среды Коммуна выделила особый комитет наблюдения из 15 лиц, который действовал на ряду с бюро муниципальной полиции.

11 августа Законодательное собрание постановило было выбрать новую департаментскую директорию, но на другой день Робеспьер от имени Коммуны опротестовал создание такой организации, которая «будет только тормозить работу Коммуны». «Народ, — заявил он, — вынужден принимать самые решительные меры, чтобы спасти государство; нужно, чтобы те, кого он сам избрал в качестве своих магистратов, обладали всей полнотой власти, которая принадлежит суверену». Собрание изменило свой декрет и ограничило функции новой администрации департамента контролем над финансовыми операциями Коммуны.

Введение всеобщего избирательного права

Декретом 11 августа Собрание **отменило деление** граждан на «активных» и «пассивных», понизило возраст, требуемый для избирателей, до 21 года, оставив 25-летний возраст для депутатов, и ввело всеобщее избирательное право для мужчин, за исключением «находящихся в постоянном услужении у частных лиц», т. е. домашней прислуги. Выборы в Конвент устанавливались двухстепенные.

Марат приписывал жирондистам двухстепенную систему выборов и резко осуждал ее, так как она облегчала подкуп выборщиков. Робеспьер высказывался также за прямую подачу голосов. В Якобинском клубе Антуан 12 августа защищал систему выборов депутатов первичными собраниями. По его предложению это требование было внесено в петицию Собранию, представленную клубом на следующий день. Революция 10 августа положила, таким образом, начало периоду политической демократии. Коммуна Парижа стала датировать начало свободы с 14 июля 1789 г., а начало равенства — с 10 августа 1792 г.

12 августа Собрание, как уже сказано выше, решило заключить Людовика XVI в замок Тампль и поручило его охрану Коммуне. В публичных актах слово «король» перестало употребляться. Королевские статуи в Париже были низвергнуты. Обнародование бумаг, найденных у Лапорта, управляющего королевскими имуществами, убедило всю Францию в измене короля и королевы, которые поддерживали тайные сношения с эмигрантами и с неприятелем и давали субсидии на издание роялистских газет и памфлетов.

Коммуна закрыла заставы Парижа и установила строгий **контроль за** выдачей паспортов. Министры, находившиеся у власти до 10 августа, были арестованы; из прежних министров короля Монморен был предан суду. Коммуна арестовала также роялистских журналистов, закрыла роялистские газеты и передала их типографии патриотическим газетам. Запрещено было устройство религиозных процессий и появление на улице духовных лиц в церковном одеянии; монастырям предписывалось в трехдневный срок очистить помещения. Из церковных решеток стали выковывать пики, а церковную утварь и колокола из бронзы и меди использовать на литье пушек и другие военные нужды.

Учреждение Чрезвычайного трибунала

Для суда над заговорщиками и швейцарцами, стрелявшими в народ, 17 августа был учрежден по настоянию Коммуны Чрезвычайный трибунал, составленный из судей и присяжных, избранных парижскими секциями. Коммуна добилась издания этого декрета путем угрозы Собранию новым восстанием. Не только жирондисты, но и левые члены Собрания — Шудьё и Тюрио — протестовали против повелительного тона представителей Коммуны. Собрание уступило давлению со стороны Коммуны, но расхождение между жирондистами, задававшими тон

в Собрании, и якобинцами (Робеспьер, Билло-Варенн и др.), оказывавшими влияние на Коммуну, все увеличивалось.

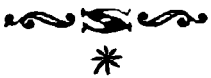
15 августа члены королевской семьи, жены и дети эмигрантов были объявлены заложниками. Родственники эмигрантов не должны были покидать места своего жительства и были взяты под надзор местных властей. Декреты, на которые король наложил свое veto, теперь вступили в силу. По отношению к неприсягнувшим священникам был принят 26 августа более строгий, чем прежде, декрет, по которому всем неприсягнувшим священникам, за исключением больных и стариков (свыше 60 лет), предписывалось в течение 15 дней покинуть Францию, под угрозой ссылки в Гвиану. В Париже многие неприсягнувшие священники были арестованы, как подозрительные. Благодаря революционным мероприятиям Коммуны приверженцы короля в Париже были лишены силы сопротивления.

Опасность грозила со стороны назначенных королем генералов, командовавших армией. Собрание направило в армию 12 комиссаров, по три в каждую. Комиссары получили право отрешать от должности генералов и командный состав, подвергать их аресту и назначать заместителей. Лафайет, узнав 11 августа о революции в Париже, поднял против него Арденнский департамент и муниципалитет Седана и послал приказ генералам А. Диллону и Дюмурье двинуться на Париж. Дюмурье, связанный с жирондистами, отказался повиноваться, но Диллон приказал своим офицерам принести присягу в верности королю и подготовиться к походу. Лафайет арестовал комиссаров Собрания, прибывших 14 августа в Седан, но Собрание послало трех новых комиссаров, сместило Диллона, объявило о привлечении к суду Лафайета и назначило Дюмурье командующим северной армией. Попытка Лафайета поднять армию против Парижа кончилась полным крахом, он бежал 19 августа в Голландию в сопровождении 22 офицеров, но попал в руки австрийцев, которые заключили его в крепость. Диллон написал 21 августа Собранию письмо, в котором клялся соблюдать верность нации и закону; комиссары оставили его на прежнем посту. Часть офицеров северной армии была мало расположена служить новой власти, поэтому некоторые из них были уволены; но массы — солдаты и низший командный состав — были настроены патриотически.

Командовавший восточной армией Люкнер, друг Лафайета, явно враждебный революции, был заменен Келлерманом. Были смещены также те немногие лица командного состава, которые отказались присягнуть нации. Командовавший южной армией генерал Монтескью колебался и был сначала заменен генералом Ансельмом, но потом восстановлен на своем посту. В конце августа исчезли всякие опасения относительно армий, которые готовились отразить нашествие интервентов.

Комиссары Собрания были посланы и в департаменты. Коммуна со своей стороны также посылала туда своих комиссаров. Комиссары проводили ряд революционных мероприятий, арестовывали подозрительных, создавали комитеты наблюдений и производили чистку администрации. Множество коммун прислало Собранию адреса с выражением сочувствия революции 10 августа. Многие якобинские клубы, как, например, клуб в Пуатье, рассматривали 10-е августа 1792 г. как «неизбежный крах монархии и как окончательное торжество свободы над деспотизмом». Ряд народных обществ требовал наказания «коронованного изменника» и Марии-Антуанетты, на которых заговорщики продолжали возлагать свои надежды. Большинство департаментов в лице своей администрации признало революцию 10 августа. Париж поддержали департаменты юго-востока и большая часть департаментов востока и центра Франции. Муниципалитеты Лиона, Марселя, Тулона, Тулузы, Бордо, Меца и Тионвиля приветствовали революцию 10 августа. Только мэр Страсбурга Дитрих,

друг Лафайета, пытался поднять этот город против Парижа. Бретань, пославшая много федератов в Париж, не внушала беспокойства. Брест и Нант были главными центрами патриотов. В Нормандии департаментская администрация состояла из конституционалистов и аристократов. Руан был городом знати и богатой буржуазии, куда стекались неприсягнувшие священники и эмигранты из других частей Франции. Но открыто враждебную позицию, под влиянием Лафайета, занял только Арденнский департамент. Департаментские директории, которые были враждебны манифестации 20 июня, отнеслись отрицательно или, по крайней мере, сдержанно и к революции 10 августа. Те из них, которые объявили декреты Собрания от 10 августа «незаконными», были смещены. Необходимость национальной защиты и опубликование бумаг, компрометирующих двор, способствовали прекращению всякой оппозиции по отношению к революции 10 августа. Таким образом, вся демократическая Франция поддержала новый порядок, созданный революцией 10 августа.



Глава шестая

РЕЗУЛЬТАТЫ КРУШЕНИЯ МОНАРХИИ

БЛИЖАЙШИЕ СЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ 10 АВГУСТА 1792 г.

ПЕРИОД, непосредственно следовавший за революцией 10 августа, был отмечен рядом мероприятий, шедших навстречу требованиям крестьянских масс. Если первый удар по феодальным отношениям был связан с народным движением 1789 г., то второй удар был нанесен им осенью 1792 г. в результате свержения монархии.

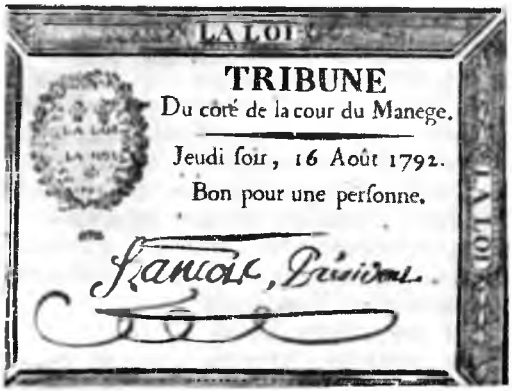
Аграрная политика Законодательного собрания после революции 10 августа

Декретом от 20 августа 1792 г. Законодательное собрание установило постепенность выкупа феодальных прав, не подлежавших уничтожению по декрету от 18 июня 1792 г. По законам, изданным Учредительным собранием, крестьяне должны были документально доказывать свое право на свободу от сеньериальных поборов, по декрету Законодательного собрания от 25 августа 1792 г., наоборот, только те бывшие сеньеры сохранили право на получение повинностей (а следовательно, и выкупа за них), которые могли представить подлинный акт, закреплявший за крестьянином земли сеньера (инфеодация), с указанием соответствующих повинностей (цензуальные условия). Сеньеры в большинстве случаев этого сделать не могли. Так было покончено с принципом феодального строя «нет земли без сеньера».

27 августа 1792 г. Законодательное собрание издало декрет, предоставлявший арендаторам так называемых отпускных владений, широко распространенных в Бретани, право выкупать договорные ренты. Эта мера привязала к революции значительное число крестьян, бывших ранее только условными собственниками земли. Наконец, закон 28 августа окончательно аннулировал триаж и возвращал крестьянам общинные земли, а также и земли общего пользования, права владения которыми сеньер не мог подтвердить документами или сорокалетней давностью.

Что касается земель, конфискованных в годы революции у церкви, дворян-эмигрантов, благотворительных и других учреждений и составивших огромный земельный фонд «национальных имуществ» (по оценке 1790 г. уже 3 млрд. ливров), то крестьянству пришлось вести ожесточенную борьбу за получение доли этих земель в свое владение. Продажа

национальных имуществ производилась с торгов — тому, кто даст больше. Началась спекуляция, и громадное количество земель переходило в руки городской буржуазии. Огромное же большинство деревенской бедноты не имело средств на покупку земли, и в его среде нарастало сильное недовольство торгами.



БИЛЕТ ДЛЯ ВХОДА НА ТРИБУНУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ 16 АВГУСТА 1792 г.
Ленингр. Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина.

Когда восставший народ свергнул королевскую власть, Законодательное собрание попыталось успокоить массу, приняв 14 августа 1792 г. предложение депутата Франсуа-де-Нефшато. Нефшато указывал, что продажа эмигрантских земель крестьянам, удовлетворив их потребность в земле, свяжет крестьян с революцией; он требовал сдачи крестьянам участков от 2 до 4 арпанов за годовую ренту в бессрочное владение. Таким образом, революция 10 августа заставила этого буржуазного деятеля, помещика и агронома, выступить в цензовом собрании с демократическим предложением, совпадавшим с требованиями крестьян. Собрание приветствовало предложение Нефшато оживленными аплодисментами, тотчас же обратило его в декрет 2 сентября 1792 г. с мотивировкой «в целях увеличения числа мелких собственников» и разослало без промедления во все департаменты для опубликования.

По этому декрету эмигрантские земли должны были отчуждаться малыми участками за ренту в бессрочное владение или же в полную собственность с уплатой наличными. Но гроза 10 августа прошла, и уже постановлением 11 ноября 1792 г. Конвент, в котором тогда господствовали жирондисты, приостановил начавшуюся было распродажу эмигрантских земель под предлогом неясности на этот счет декретов Законодательного собрания. Правда, он обещал вернуться к этому вопросу на другой же день, но фактически крестьянам пришлось ждать решения вопроса до прихода к власти якобинцев.

Борьба между Законодательным собранием и Коммуной

19 августа войска коалиции вступили в пределы Франции, но это не остановило нападок жирондистов на Коммуну Парижа, которая развивала энергичную деятельность по организации национальной обороны. Она возводила укрепления вокруг Парижа, заготовила 30 тыс. пик, приступила к новому набору волонтеров и отбирала оружие у подозрительных. Демократическая Коммуна была настроена антироялистски и антиклерикально. Она стремилась к установлению политического равенства, выступала против крупных финансистов и пыталась бороться против спекуляции звонкой монетой. В лице Коммуны мелкобуржуазные и плебейские массы, недовольные колебаниями и медлительностью жирондистов, брали в свои руки борьбу с контрреволюцией. Многие секции добивались опубликования списка лиц, которые, сочувствуя фельянам, подписывали петиции, осуждавшие события 20 июня 1792 г. Коммуна издала декрет о снятии со зданий и памятников в Париже всех королевских эмблем, о запрещении употреблять в разговоре прежние титулы и о замене в обращении слова «господин»

(monsieur) словом «гражданин» (citoyen). Коммуна поощряла браки священников, отменила плату за требы, взимаемые духовенством, и установила для всех граждан одинаковый церемониал похорон.

Секции, названия которых напоминали павший режим, переменили свои наименования: секция площади Людовика XIV стала называться секцией Майль, секция Сицилийского короля — секцией Прав человека, секция Королевской площади — секцией Федератов, секция Палэ-Рояль — секцией Мельничного холма и т. п. В честь марсельского батальона секция Французского театра приняла название Марсельской, а секция Гобеленов стала секцией Финистер в честь брестского батальона из департамента Финистер.

В результате своей двусмысленной тактики, лившей воду на мельницу контрреволюции, жирондисты потеряли всякую популярность в народных массах Парижа. Лишились они и своего былого влияния в Якобинском клубе.

В Законодательном собрании вожди Жиронды уже бросали фразы о том, что «Париж — только часть государства». Крупная буржуазия, напуганная растущей активностью масс, поддерживала Жиронду, которая стремилась окончить революцию и противилась ее дальнейшему углублению. Жирондисты клеймили якобинцев, т. е. восторжествовавших в Якобинском клубе революционных демократов, как «смутьянов и анархистов». Борьба между Собранием и Коммуной была политическим выражением классовой борьбы между имущей буржуазией, с одной стороны, мелкобуржуазными и плебейскими низами, с другой.

Против Коммуны и в особенности против Робеспьера была направлена изданная в эти дни анонимная брошюра «Опасности победы», инспирированная партией Бриссо и Ролана. В ней осуждалось стремление Коммуны выйти из рамок административных функций и соперничать с Собранием. Робеспьер изображался завистливым честолюбцем, стремящимся лишить популярности Петиона, чтобы занять его место.

Особенно острый характер борьба между Собранием и Коммуной приняла в последние дни августа, когда в Париже были получены известия о первых неудачах французских войск.

Вторжение прусской армии во Францию

Революция 10 августа произошла накануне вторжения войск коалиции во Францию и ускорила это вторжение. Еще 30 июля герцог Брауншвейгский двинулся из Кобленца к французской границе. Основное ядро его войск составляла прусская армия. Эта армия насчитывала 42 тыс. человек; в ней господствовали рутина и палочная дисциплина; она не имела боевого опыта и энергичных инициативных генералов. Отсутствовало единство командования. Герцог Брауншвейгский отличался нерешительностью, избегал крупных сражений и предпочитал медленное, методическое движение и осаду крепостей. Прусский король Фридрих-Вильгельм II, находившийся при армии, был нетерпелив и нередко вмешивался в распоряжения командования. Прусская артиллерия уступала французской, которая считалась лучшей в Европе. Плохо было поставлено снабжение армии; обремененная обозами, она двигалась очень медленно. Находясь вдали от своих очагов, солдаты только подчинялись командованию, но в армии не было никакого воодушевления.

Прусская армия занимала центр в расположении всей армии герцога Брауншвейгского, ее правый фланг, под начальством Клерфэ, составляли корпус австрийцев в 15 тыс. и 4 с половиной тысячи малодисциплинированных эмигрантов. На крайнем правом фланге находился, под начальством Гогенлоэ, другой австрийский корпус в 14 тыс. человек, который двигался к Тионвилю и Мецу. Наконец, с прусской армией шли еще пять

с половиной тысяч гессенцев. Таким образом, вся армия герцога Брауншвейгского не превышала 80 тыс. Кроме нее, 25-тысячный корпус австрийцев и 4-тысячный корпус эмигрантов были сосредоточены в Бельгии против Лилля, а 16 тыс. австрийцев оставались в резерве на Рейне.

План герцога Брауншвейгского заключался в том, чтобы, взяв крепости Лонгви и Верден, итти с главными силами на Париж, направив корпус Гогенлоэ против Тионвиля и Меца и оставив корпус Клерфэ против Седана. В армии интервентов не сомневались в успехе, считая французскую армию неспособной к сопротивлению и надеясь, что волонтеры рассеются при первой атаке. Эмигранты рассчитывали на помощь роялистов при взятии крепостей и уверяли, будто большинство французов с нетерпением ждет своего «освобождения».

Границы Франции защищали три армии, насчитывавшие 82 тыс. человек и находившиеся под общим командованием генерала Дюмурье. Северная армия самого Дюмурье состояла из двух групп, из которых одна у Седана насчитывала 23 тыс., а другая в Северном департаменте — 19 тыс. Центральная армия Келлермана в Лотарингии у Тионвиля и Меца имела 18 тыс., а армия Бирона в Эльзасе — 22 тыс. За вычетом гарнизона крепостей Дюмурье мог располагать только 55 тыс. войск.

19 августа прусская армия перешла французскую границу и 20 августа осадила крепость Лонгви, которая имела гарнизон в 2600 человек, 71 пушку и достаточное количество провианта. Но когда 22 августа началась бомбардировка, буржуазные члены муниципалитета изменнически предложили коменданту Лаверню капитулировать. 23 августа крепость сдалась, не оказав никакого сопротивления. Этот успех ободрил пруссаков, 29 августа прусская армия подошла к крепости Верден, которую защищали гарнизон в 4 с половиной тысячи человек и 2 тыс. национальных гвардейцев. В ночь на 1 сентября началась канонада, продолжавшаяся 9 часов. Комендант крепости Борепер и мэр города стояли за оборону до конца, но члены муниципалитета, роялисты, предлагали капитулировать. После бомбардировки герцог Брауншвейгский предложил сдаться, дав 24 часа для ответа. Утром 2 сентября Борепер был найден мертвым в ратуше. Все современники были убеждены, что его убили роялисты. Крепость капитулировала, но гарнизон вышел вооруженным с криком: «До свидания на полях Шалона». Аристократы и крупные буржуа приняли пруссаков с восторгом и прицепили себе белые кокарды, но население города не разделяло этого энтузиазма. Пруссаки установили в Вердене режим террора.

4 сентября австрийский корпус Гогенлоэ обложил Тионвиль. Настроение войск и населения мешало коменданту Вимпфену капитулировать. Интервенты с презрением относились к своему противнику и не сомневались в победе. Солдаты предавались грабежам и убийствам. Эмигранты считали, что грабежей и убийств еще мало: они находили гибельным «милосердие» и призывали истребить всех якобинцев. Население встречало интервентов с гневом и ненавистью, уходило в леса и убивало отставших иностранных солдат.

Известия о вторжении армии интервентов во Францию и об их первых успехах стали поступать в Париж в дни, когда жирондисты открыли поход против диктатуры Коммуны. Чтобы спасти Париж, Коммуна реквизировала оружие, лошадей, колокола, бронзу — все, что требовалось для обороны. 3 сентября она потребовала от Законодательного собрания издания декрета об обязательном обмолоте владельцами собранного ими хлеба и о реквизиции его в случае нужды. 4 сентября пять министров Временного исполнительного совета, за исключением Ролана, подписали по инициативе Дантона циркуляр, который разрешал производить для

нужд войск принудительную реквизицию хлеба, фуража и подвод по ценам, установленным административными органами. Комиссары, посланные в департаменты для содействия набору в армию, получили широкие полномочия «реквизировать все, что они найдут необходимым для спасения отечества». Но грозная внешняя опасность не прекратила борьбы жирондистов и Законодательного собрания против революционной Коммуны. Министр внутренних дел Ролан уже 13 сентября обратился к Собранию с жалобой на злоупотребления комиссаров своей властью. Коммуна постановила обновить состав муниципальной администрации. На другой день буржуазная секция Ломбар, находившаяся под влиянием жирондиста Луве, заявила протест против превышения Коммуной ее полномочий, грозила заявить Собранию о своем несогласии с Генеральным советом Коммуны и отозвать из него своих представителей. 27 августа другая буржуазная секция Коммуны выразила солидарность с постановлением секции Ломбар. В оппозицию к Коммуне стали еще секции Попсо и Арсенала. 29 августа буржуазная секция Рынка невинных послала к Петиону депутацию с выражением сочувствия. В тот же день буржуазные секции Ломбар и Хлебного рынка представили Собранию петиции, в которых обвиняли Коммуну в превышении власти и заявляли об отозвании из нее своих представителей.

26 августа Собрание, получив известие о сдаче Лонгви, предписало набор в 30 тыс. человек. 27 августа Коммуна постановила произвести обыски у подозрительных лиц, чтобы отобрать у них оружие. 28 августа напуганные жирондистские министры задумали покинуть Париж и удалиться в Блуа, захватив с собой казну и короля. В самый критический момент Жиронда не переставала думать о том, чтобы или отделаться от Коммуны, или покинуть Париж. Но этому решительно воспротивился Дантон, который считал, что для успеха национальной защиты нужна поддержка масс и Коммуны. 28 августа он предложил Собранию разрешить домашние обыски, чтобы достать оружие и арестовать изменников. Как министр революции, он говорил: «Враг угрожает стране, но он взял только Лонгви... Надо, чтобы Собрание показало себя достойным нации. Судорожным движением мы сбросили деспотизм, только великим напряжением сил нации мы заставим отступить деспотов. До сих пор мы вели только показную войну в стиле Лафайета; нужно вести более грозную войну. Пора сказать народу, что он должен всей массой обрушиться на врага... Французский народ захотел быть свободным, и он будет свободным. Все принадлежит отечеству, когда оно в опасности». Собрание разрешило произвести домашние обыски с целью разоружения подозрительных лиц.

29 августа Дантон произнес в Коммуне речь в защиту принятия принудительных мер, требуемых обстоятельствами. Для производства обысков в каждой секции было выделено по 30 комиссаров.

Обыски были направлены только против роялистов, но жирондисты воспользовались ими для нападок на Коммуну. Жирондистский журналист Жире-Дюпре выступил 28 августа с резкой статьей во «Французском патриоте», направленной против домашних обысков как меры *принудительного* характера. Когда Коммуна вызвала Жире-Дюпре к себе, он, рассчитывая на поддержку Собрания, отказался явиться и ответил Коммуне дерзким письмом, в котором выставлял себя защитником «свободы печати». 29—30 августа газета Бриссо прямо призывала к устранению «жестокого и ненавистного деспотизма» Коммуны. Воспользовавшись адресами буржуазных секций и делом Жире-Дюпре, Собрание 30 августа, в разгар обысков, постановило распустить Коммуну и произвести новые выборы. Ролан жаловался, что Коммуна дезорганизует снабжение Парижа продовольствием. Ролана поддержал Камбон.

Коммуна после бурных прений постановила обратиться с протестом ко всем секциям и муниципалитетам. Подыгрываясь под настроение масс, один из представителей «болота», будущий термидорианец, Тальен, оправдывал перед Собранием все действия Коммуны, указывая, что все, что она сделала, санкционировано народом. Он заявил, что нанести удар Коммуне — значит нанести его народу, «который совершил революцию 14 июля, укрепил ее 10 августа и будет ее поддерживать».

Сентябрьские дни

1 сентября Коммуна приняла предложенный Робеспьером адрес к секциям, в котором оправдывались действия Коммуны и разоблачались интриги жирондистов. В то же время Коммуна, вопреки совету Робеспьера, решила остаться на своем посту. Но 2 сентября ситуация резко изменилась, и Собрание отказалось от дальнейшей борьбы с Коммуной.

1 сентября в Париже распространился слух о заговоре аристократов, заключенных в тюрьмах. 2 сентября получены были тревожные известия об осаде Вердена, падение которого открыло бы прусской армии путь на Париж. Коммуна приказала бить тревогу, закрыла заставы и обратилась к гражданам Парижа с призывом вооружиться и составить без промедления армию в 60 тыс. для защиты Парижа. Собрание выразило Коммуне признательность за энергичные меры, принятые ею, и Верньо заявил, что Собрание возлагает надежды на мужество участников 14 июля и 10 августа. Он призывал к тому, чтобы посланные комиссары, подавая личный пример, рыли вместе с гражданами окопы под Парижем. «Ведь сейчас, — заявил он, — не время заниматься рассуждениями; надо рыть могилу нашим врагам, иначе каждый их шаг вперед готовит нам могилу». Ролан сообщил Собранию о раскрытии роялистского заговора в Вандее. Дантон громовым голосом произнес одну из лучших своих речей, предлагая издать декрет, по которому отказавшиеся служить в армии лично или сдать свое оружие присуждались к смерти. Под аплодисменты он закончил свою речь мужественным призывом к смелости: «Набат, который вы слышите, это не сигнал тревоги, это угроза врагам отечества. Чтобы их победить, нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость, — и Франция будет спасена». Собрание выделило 12 комиссаров для помощи Исполнительному совету в деле организации национальной обороны и объявило изменником отечества, подлежащим наказанию смертью, всякого, кто откажется служить лично, сдать свое оружие, или же повиноваться отданным приказам относительно защиты. Коммуна выделила новый состав Комитета наблюдения, послав в него и Марата. Комитет предписал выпустить из тюрем тех, кто попал туда за долги и мелкие проступки. В Париже раздавались тревожные речи, что находящиеся в тюрьмах аристократы, неприсягнувшие священники и пощаженные 10 августа швейцарцы прикончат жен и детей патриотов, когда те покинут Париж, чтобы итти навстречу врагу. Народ был недоволен медлительностью суда и снисходительностью Чрезвычайного трибунала. Оправдание роялиста Монморена, бывшего министра Людовика XVI, вызвало большое возмущение. Народная ярость обрушилась теперь на заключенных в тюрьмах контрреволюционеров. В течение 2—5 сентября в тюрьмах, которыми завладел народ, по приговору импровизированных судов, а иногда и без суда было казнено около тысячи заключенных. Из общего количества в 2600 заключенных, находившихся в девяти тюрьмах Парижа, больше половины было пощажено. Казнили, главным образом, неприсягнувших священников, аристократов, королевских гвардейцев, швейцарцев, убивавших 10 августа восставший народ, и фальшивомонетчиков. Уничтожением изменников, заговорщиков и врагов общественного дела стремились обеспечить от контрреволюционного выступления тыл, в то время как неприятель насту-

пал на Париж. Ряд лиц, открыто сознавшихся, что они роялисты, все же были пощажены, так как против них не было конкретных обвинений. Майяр, председатель одного суда в тюрьме, заявил, что народ судит не за убеждения, а за действия. Женщин, за исключением княгини Ламбаль, связанной с королевской семьей, не трогали.

Комитет наблюдения Коммуны в своем обращении к провинциальным муниципалитетам от 3 сентября, оправдывая казни заговорщиков, указывал, что «эти акты правосудия казались народу необходимыми, чтобы удержать посредством террора легионы изменников, скрывшихся в стенах города, в тот момент, когда народ выступал в поход против врага». 3 сентября Комитет наблюдения подписал приказ об аресте Ролана, Бриссо и нескольких жирондистских депутатов, но Дантон воспротивился этому и настоял на отмене этих приказов. Накануне Робеспьер и Билло-Варенн выступали в Коммуне с обвинением жирондистов в заговоре в пользу герцога Брауншвейгского. Эти обвинения основывались на том, что некоторые жирондисты (Карра и Бриссо) летом 1792 г. носились с мыслью о призыве на французский престол иностранной династии, имея в виду герцога Брауншвейгского или герцога Иоркского. В дальнейшем тот же Комитет наблюдения принял меры к прекращению казней. 6 сентября он выпустил прокламацию с призывом обратить оружие против солдат, враждебных республике, против деспотов и предоставить мечу закона наказать изменников.

Остальные органы власти не были в состоянии прекратить казни, стремились только ограничить их. Генеральный совет Коммуны посылал в тюрьмы комиссаров. Их призывы к умеренности и благоразумию встречались часто недружелюбно, в толпе говорили, что они хотят спасти заключенных. Командующий национальной гвардией Сантер, как и Коммуна, не считал возможным силой разогнать тех, кто принимал участие в казни контрреволюционеров. Законодательное собрание также послало в тюрьмы депутатов, которые были там дурно встречены и не имели успеха. Министр внутренних дел Ролан писал 3 сентября Собранию, что на события 2 сентября «нужно набросить покрывало». Дантон не вмешивался, считая вмешательство бесполезным и даже вредным для интересов революции и для своей популярности.

В провинции во время первого нашествия было до 65 случаев применения народного террора, из которых 22 случая касались неприсягнувших священников. Народный террор прекратился, как только войска интервентов были отброшены за границы Франции. Среди современников и очевидцев было распространено мнение, что происшедшие казни контрреволюционеров были необходимы в интересах самозащиты. Это мнение отразила, например, некая Жюлльен, жена депутата из Дромы, принадлежавшая к кругам зажиточной буржуазии. Она писала своему мужу: «Народ восстал. Он ужасен в своем гневе». Но тут же добавляла: «если бы народ не очистил землю от злодеев, находившихся в тюрьмах, последние запятнали бы землю кровью народа... Все становится законным ради справедливой и необходимой защиты».

Жирондистская газета «Курьер 83 департаментов» писала 5 сентября об «ужасном, но неизбежном правосудии народа, вызванном заговором врагов во время войны...»

Легенду об «организации убийств» пустила впервые в обращение мадам Ролан, обвиняя в них Марата, Робеспьера и Дантона. Потом жирондисты превратили эту легенду в орудие политической борьбы против якобинцев. Термидорианцы травили якобинцев, называя их «сентябристами». Роялисты также создали вокруг сентябрьских дней много контрреволюционных легенд.

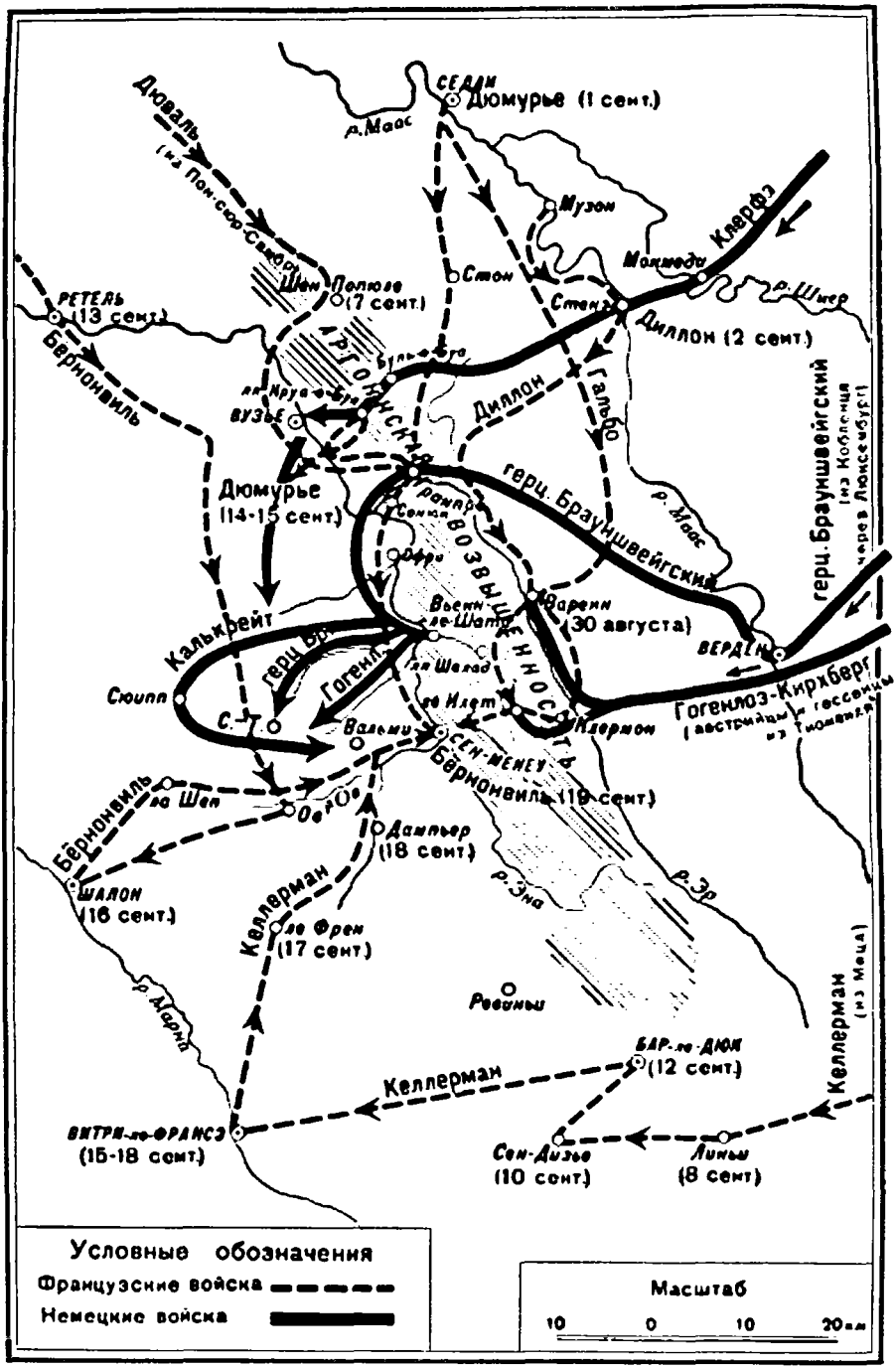


СХЕМА ОПЕРАЦИЙ ПРИ ВАЛЬМИ

Начиная с 5 сентября, некоторые секции, преимущественно буржуазные (Маиль, Красных детей и Мирабо), старались добиться уничтожения роялистских петиций, поданных ими в июне 1792 г. 8 сентября секция Ломбар представила Собранию просьбу уничтожить эти фельянские петиции. Призывая другие секции создать союз для охраны личности и собственности, эта буржуазная секция называла все же сентябрьские события «страшной, но справедливой и необходимой народной местью», которая обрушилась «на голову виновных и заговорщиков». Собрание постановило сжечь оригиналы роялистских петиций, представленных в июне 1792 г.

Победа при Вальми

Узнав о событиях в Париже, прусская армия, перешедшая 5 сентября Маас, ускорила свое движение на Париж. Она направилась к Шалону через Аргоннское ущелье. Дюмурье думал сначала о нападении на Бельгию, чтобы отвлечь силы австрийцев, но, узнав об осаде Вердена и следуя полученным указаниям прикрыть дорогу на Париж, покинул 1 сентября Седан и двинулся к Аргоннской возвышенности, чтобы занять проходы, ведущие из Лотарингии в Шампань. Он имел армию в 18 тыс. пехоты, преимущественно линейных войск, 5 тыс. конницы и значительную артиллерию. Он занял проходы раньше прибытия войск герцога Брауншвейгского, которые находились ближе, но из-за дождя двигались очень медленно. В Граннре Дюмурье ждал подхода армии Келлермана от Меца и армии Бернонвиля от бельгийской границы. Герцог Брауншвейгский не решился прорваться через Исметское ущелье, хотя оно защищалось всего 5 тыс. французов. С главными силами он двинулся в Граннре, где стоял Дюмурье. Между тем, слабо охраняемый северный проход был форсирован корпусом Клерфэ. Дюмурье, чтобы не быть отрезанным, быстрым ночным маршем отступил на юг до Сент-Менеульды. Этим он открыл пруссакам дорогу на Шалон и Париж, но, создав угрозу их коммуникационным линиям, сохранил связь с двигавшейся ему на помощь армией Келлермана. 18 и 19 сентября армия Келлермана в 18 тыс. и армия Бернонвиля в 10 тысяч соединились с армией Дюмурье. Последний мог теперь противопоставить силам герцога Брауншвейгского почти **52 тыс. войска.**

Прусский король, получивший донесение о движении, происходящем в лагере Дюмурье, ошибочно предположил, что последний снова хочет уйти, и отдал приказ атаковать французов. Когда 20 сентября ночной туман рассеялся, прусская армия неожиданно увидела перед собой на возвышенности Вальми армию Келлермана. Против 34 тысяч пруссаков французы ввели в бой 36 тыс. человек. Пушки Келлермана встретили убийственным огнем наступавшую прусскую пехоту. С громким кличем: «Да здравствует нация», батальоны французской армии отбили двухкратную атаку армии герцога Брауншвейгского, который не решился дальше продолжать наступления. Со словами: «здесь мы не будем сражаться», он дал приказ отступать.

Моральное значение победы французской армии при Вальми было огромно. Армия, защищавшая революцию, стойко отразила нападение армии интервентов. Последняя потеряла надежду разбить французов и достигнуть Парижа. Она чувствовала себя окруженной враждебным населением, опасалась завязнуть осенью на полях Шампани и имела много больных дизентерией. Все это вынудило герцога Брауншвейгского двинуться обратно. Гете, сопровождавший прусскую армию в этой кампании, следующими словами охарактеризовал историческое значение битвы французов при Вальми: «С этого места и с этого дня начинается новая эра в истории мира». Огромный энтузиазм охватил всю революционную Францию. Поток добровольцев из всех областей пополнял армию. Устра-

нение непосредственной опасности со стороны интервентов совпало с началом деятельности Конвента и с провозглашением республики.

Битва при Вальми внесла большое смятение в ряды союзников. Они решили начать переговоры с Дюмурье. Но Дюмурье согласился вести переговоры только с пруссаками. Адъютант прусского короля Манштейн приехал 23 сентября в ставку Дюмурье с предложениями Фридриха-Вильгельма, которые сводились к тому, что король желал видеть Людовика XVI на свободе и вести переговоры с ним. Но в тот же день Дюмурье узнал, что Конвент провозгласил 21 сентября республику. Сообщив об этом Манштейну, Дюмурье заявил, что в настоящее время прусский король должен вести переговоры с Конвентом. В письме, посланном Дюмурье Фридриху-Вильгельму, генерал вновь предложил королю порвать с эмигрантами и австрийцами. На это требование герцог Брауншвейгский ответил, что германский император и прусский король требуют освобождения Людовика XVI и восстановления королевской власти. Ответ Дюмурье был краток и энергичен. Он написал, что союзники разговаривают с французами не как с суверенным народом, и что им придется раскаяться в этом. Пока шли переговоры Дюмурье с пруссаками, герцог Брауншвейгский готовился к отступлению. Положение его армии было тяжелое. Непрерывный дождь и разливы рек превратили всю местность в болото, среди солдат развилась эпидемия дизентерии, армия была лишена всего самого необходимого: не было ни хлеба, ни мяса. К концу сентября, когда началось отступление, у пруссаков оставалось всего 17 тыс. человек. Французская армия шла за ними по пятам, не задевая арьергарда союзной армии, между тем как при таком положении ее ничего не стоило уничтожить. Но Дюмурье все рассчитывал на союз с пруссаками; эти его расчеты поддерживали министры-жирондисты, а также Дантон. Прусская армия, преследуемая Келлерманом, 5 октября перешла границу, сдав обратно без боя Верден и Лонгви. Так кончилась первая славная кампания республики.

12 октября на заседании Конвента было решено вести войну в Бельгии против «самого смертельного врага республики» — Австрии и «муниципализировать поповскую улицу», т. е. итти к Рейну, в духовные княжества курфюрстов.

Бельгийская армия Дюмурье уже 6 ноября столкнулась с австрийской армией Клерфэ при Жемаппе. Утро началось с оживленной артиллерийской подготовки, в которой так сильны были французы; атакой руководил Дюмурье. С огромным воодушевлением шли в бой батальоны с пением «Марсельезы» и «Карманьолы». Сражение было выиграно, австрийцы бежали. Эта победа произвела огромное впечатление не только во Франции, но и во всей Европе.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ФРАНЦИИ САВОЙИ И НИЦЦЫ. ОККУПАЦИЯ БЕЛЬГИИ

Савойя и революция

С конца сентября 1792 г. французская армия перешла в наступление и на других фронтах. Южная армия под командой генерала Монтескью стала у границ Савойи, области, входящей в состав Сардинского королевства. Население Савойи говорило на французском языке, ненавидело чуждое ему правительство, власть дворянства и духовенства и было крайне недовольно тем, что король Виктор-Амедей III, тесть графа д'Артуа, вступил в союз с Австрией и Пруссией против Франции. Скопление сардинской армии у границы и толпы французских эмигрантов, подстрекающих к войне, еще больше усиливали раздражение крестьянских и ремесленных масс. Сардинский король решил согласовать свои действия с наступлением герцога

Брауншвейгского. Но генерал Монтескью его предупредил. 25 сентября он перешел границу Савойи, и сардинская армия в количестве 12 тыс. человек бросилась в панике бежать, оставив всю Савойю в руках французов. Население приняло французов с неподдельной радостью, как родных братьев.

Русский посол в Сардинии князь Белосельский-Белозерский описал эти события в Савойе в своих донесениях в Петербург. Он сообщал, что накануне французского наступления на Савойю найдена была у одной церкви следующая «пасквинада», рисующая настроение савойского народа: «Помолимся богу, да избавит он нас от ига мерзких попов, проклятого дворянства и негодного нашего правительства». А когда в Савойю вступили французские воиска, то она, по словам посла, «отдалась на своеволие неприятелеи, которые суть двоякие: французские демагоги и самый савойский народ». Далее посол сообщал, что «французы, как стремительный поток, наводнили всю Савойю; в Шамбери расставили множество дерев вольности, с красною наверху шапкою, и заставили кричать граждан и мужиков, совершенно мысливших заодно с ними: да здравствует равенство! Потом они плясали вокруг этих шестов и пели карманьолу». «Сказывают, — как бы с удивлением добавляет русский князь, — что до сих пор они еще не делали никакого разорения и жестокости в Савойе».

Через три дня после сдачи Савойи сардинские войска так же поспешно покинули графство Ниццу под натиском французской эскадры из пяти линейных кораблей и шести фрегатов, направлявшейся на восток.

Патриотические чувства савойцев и преданность их революционной Франции были так велики, что 2000 молодых савойцев вызвались добровольно служить в рядах национальной гвардии. Но Монтескью не использовал этого настроения и не уничтожил сардинской армии, а дал ей уйти на север. Этот шаг вызвал возмущение Национального конвента, у которого генерал Монтескью был и до того на подозрении. Когда же Монтескью подошел к Женеве и, не желая нарушать нейтралитет швейцарского кантона, согласился подписать с Женевой особый договор, Конвент снял его с поста командующего и вызвал в Париж для объяснения.

Оккупация Бельгии армией Дюмурье

Так начала осуществляться программа освободительной войны революционной Франции, так начала оправдываться уверенность в том, что ее призыв к угнетенным народам встретит живой отклик. Но больше всего в этом отношении рассчитывали на Бельгию и на левый берег Рейна.

Подавление Леопольдом II национального движения и революции в Бельгии сопровождалось бегством значительного числа бельгийских демократов во Францию. К 1792 г. бельгийские эмигранты образовали свою организацию на севере Франции, которая усиленно побуждала французские правящие круги к вмешательству в бельгийские дела. Беглецы из Льежа, как и эмигранты других сочувствующих революции городов и стран, сформировали отряды добровольцев-иностранцев. Это движение вполне отвечало политике изоляции Австрии — стремлению нанести ей удар именно путем восстания в Бельгии и отрыва Бельгии от империи. Перенесение войны на бельгийскую территорию и победа при Жемаппе (6 ноября 1792 г.) отдавали всю Бельгию в распоряжение Дюмурье. Он взял Ахен и продвинулся до Рура.

Однако, Дюмурье не стремился сочетать войну с революционной пропагандой. Тотчас после своего вступления в Бельгию он дал бельгийским патриотам гарантии в сохранении независимости их родины. Это было вызвано не только личными мотивами — желанием стать во главе независимого государства, но и всей политической ситуацией внутри страны. Трудно было не считаться с патриотическим настроением всех

политических партий в самой Бельгии, долгие годы терпевшей гнет Австрии. Как либеральные фонкисты, так и реакционные штатисты требовали независимости Бельгии и не хотели согласиться на ее присоединение к Франции, хотя бы и революционной.

Дюмурье ограничился избранием провинциальных собраний взамен прежних штатов. Руководство в собраниях оказалось в руках фонкистов. Помимо воли Дюмурье стали возникать и организовываться народные клубы, а в Льеже подлинные демократы оттеснили клерикалов.

Политика Дюмурье в отношении распределения среди населения Бельгии бремени военных расходов шла также вразрез с интересами революции и Франции: он черпал средства на содержание армии путем займов у бельгийского духовенства и расплачивался валютой с поставщиками. Таким образом, эти социальные группы оставались в выигрыше, тогда как крестьяне и средние бюргерские слои населения несли значительные тяготы в связи с расквартированием войск, с военным набором и другими мероприятиями.

Ставшая у власти партия фонкистов вовсе не стремилась итти по пути ликвидации феодально-крепостнических отношений в стране.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АНГЛИЯ

Международный резонанс на революцию 10 августа

Лето 1792 г. было переломным моментом в судьбах французской революции и, в частности, в истории отношений монархической Европы и Англии к французскому перевороту. Конечно, нельзя понимать этот перелом так, что до 1792 г. принципиальное отношение монархических дворов к французской революции было одно, а с 1792 г. оно внезапно изменило основной характер. Не только с момента, когда всю Европу облетела весть о штурме и взятии Бастилии восставшим народом, но уже после 17 июня 1789 г., после первого революционного акта третьего сословия, превратившего Генеральные штаты в Национальное общефранцузское собрание, европейские монархи так же, как правящая английская аристократия, нисколько не скрывали своего раздражения и страха перед лицом развертывавшихся во Франции событий. Не скрывали они также и своей уверенности в том, что эта внезапно налетевшая буря окажется кратковременной и прекратится так же быстро, как возникла.

Затем началась «первая эмиграция», возглавленная королевским братом Карлом д'Артуа. Эти первые эмигранты, потянувшиеся из Франции после взятия Бастилии, а особенно после 5 и 6 октября 1789 г., уезжали, ничуть не сомневаясь в скором и победоносном своем возвращении, и на пограничные германские города, где они располагались, они смотрели не как на убежище, где должно укрыться для спасения жизни, а как на плацдарм, на котором удобнее всего развернуть силы для предстоящего нашествия на страну, охваченную «мятежом». Первая эмигрантская волна принесла с собой в 1789—1790 гг. окончательное подтверждение и укрепление при монархических дворах той мысли, что революция — слабое и скоропреходящее явление. Для усмирения революции Франции нужно военное положение и сто тысяч человек войска (cent milles hommes et la loi martiale), — заявила тогда Екатерина II. А она еще была наиболее умной и проницательной из всех тогдашних представителей монархической власти в Европе. Она все-таки читала Монтескье и, очевидно, из этого чтения, почерпнув мысль о происхождении французского дворянства от завоевавших Галлию франков, Екатерина поучала Гримма, своего корреспондента, что французская революция — это восстание порабощенных некогда галлов про-

тив их покорителей—франков. Другие (вроде прусского короля Фридриха-Вильгельма II) и до этого не додумывались, и для них французская революция была просто результатом слабости правительственной репрессии, растерянности короля, трусости военных властей, изменнической деятельности Неккера, коварства и предательства (из личных честолюбивых мотивов) со стороны герцога Филиппа Орлеанского и т. д.

Когда затем, в 1790 г. наступило некоторое внешнее успокоение в Париже и в провинции, то европейские правительства и правящий дворянский класс истолковали это явление, как прямое доказательство, что революция выдохлась и что близится время, когда одним хорошо подготовленным ударом можно покончить со всем этим «бунтом», которому так неосторожно дали разрастись.

Наступила весна 1791 г. Разразились стачки рабочих разных специальностей в Париже, — и ответом был резко и откровенно враждебный стачечникам закон Ле-Шапелье. Получившая во Франции власть буржуазия впервые показала когти. Но на феодально-абсолютистскую Европу все эти и подобные этим события производили лишь одно впечатление, оказывали всегда лишь одно действие: наши враги «начинают между собой ссориться,— значит, нужно поскорее ударить на них». Что, например, самого Ле-Шапелье следует повесить на той же перекладине, на которой будут висеть усмиряемые им стачечники, в этом ни для французских эмигрантов, ни для стоявших за ними европейских правительств, готовивших интервенцию, никаких сомнений не было. Да и в Тюильри пришли к окончательному заключению о необходимости ускорить интервенцию. Только неудача бегства королевской семьи, кончившегося арестом в Варенне и возвращением в Париж, несколько отсрочила вторжение интервентов во Францию.

С поздней осени 1791 г. военные приготовления и дипломатические переговоры между Пруссией, Австрией, Пьемонтом, западногерманскими княжествами и городами продолжались непрерывно. Засевшие в Кобленце вожаки эмигрантов назначили уже на весну 1792 г. триумфальное свое возвращение, ликвидацию революции и беспощадную расправу с революционерами.

При этих-то условиях подготовлялось и произошло 29 декабря 1791 г. знаменитое заседание Законодательного собрания, ускорившее наступление неизбежных событий: жирондистское министерство и жирондистская партия в Законодательном собрании громогласно заявили, что они считают войну не только неизбежной, но и желательной. «Война в настоящее время есть благодеяние для нации, и единственное бедствие, которого следует опасаться, заключалось бы в том, если бы войны не было!» — воскликнул истинный вождь жирондистов Бриссо. Напомним, что Робеспьер и близкие к нему члены Собрания не хотели войны. Но нас тут интересует другое. И в решающем заседании 29 декабря 1791 г., и в январе, феврале, марте 1792 г., когда окончательно решена была война, представители господствующей в тот момент жирондистской партии, с одной стороны, не перестают проповедывать неизбежность и благодетельность войны, а с другой стороны, — силятся доказать, что предполагаемые враги вовсе не так страшны, как кажутся. Эро-де-Сешель утверждает, что в Бельгии произойдет революционный взрыв, который уничтожит австрийское владычество в этой стране. Другие, не уточняя, говорят о союзниках и друзьях, которых французская революция имеет среди тех самых народов, которых «коронованные деспоты» собираются погнать на бойню с целью удушения свободы французского народа.

Что имели в виду ораторы и публицисты революции, когда весной и летом 1792 г. вели такие речи?

Отношение к революции буржуазных классов континентальной Европы

Энтузиазм, возбужденный первыми революционными событиями 1789 г. среди передовой буржуазии в Бельгии, Голландии, западной, а отчасти и центральной Германии, северной Италии (с Тосканой включительно), — не только не остыл, но значительно усилился в 1790 и 1791 гг. и ничуть не уменьшился в 1792 г. ни до, ни после формального начала войны Австрии и Пруссии, а затем и их союзников против Франции. Да и почему буржуазия сопредельных или близких к Франции стран могла бы «разочароваться» в революции, на знамени которой было начертано не только требование полнейшей социально-политической эмансипации буржуазии, но и уничтожение всех феодально-абсолютистских пут и препятствий к свободному развитию капитализма? Никакой «анархии», которой будто бы начала бояться в эту пору буржуазия Германии, Италии, Бельгии и т. д., во Франции не было. Напротив, именно в 1790 и 1791 гг. буржуазия западной Германии — это мы знаем документально — считала, что во Франции прочно утвердился новый конституционный строй, что великие потрясения 1789 г. привели к полной победе новых политических принципов и уже не повторятся, что король искренне примирился с новыми условиями. Мы только что заметили, что монархи и аристократы в той же Германии, в той же северной Италии, в той же Австрии делали из этого факта относительного спокойствия, водворившегося в 1790 г. и продолжавшегося в 1791 г. (до бегства короля), совсем другие выводы: революция выдохлась — и именно поэтому нужно нанести ей окончательный удар. Но самый факт отсутствия анархии во Франции признавали оба лагеря — и феодально-дворянский, и буржуазный. На тайное, а может быть, и вполне открытое сочувствие буржуазии Бельгии, Германии, Голландии, Сардинского королевства (Пьемонта), Ломбардии, Тосканы французы в случае войны могли рассчитывать.

Эро-де-Сешель и его единомышленники имели основание говорить о друзьях революции, существующих в монархической Европе: именно буржуазию они имели в виду, и притом буржуазию почти всей континентальной Европы. Сложнее дело обстояло с Англией, а из континентальных стран — с Голландией. Тут в 1792 г., а еще больше в 1793 и 1794 гг., в некоторых (очень влиятельных) слоях буржуазии в самом деле произошел большой сдвиг.

В 1790 г. в Англии вышел в свет направленный против идей французской революции резкий памфлет, принадлежавший перу одного из крупнейших английских политических деятелей этого времени — Эдмунда Бёрка. Этот памфлет был немаловажным симптомом отношения к революции правящих кругов Англии. Но его никак нельзя считать выражением настроений английской буржуазии. Однако было налицо одно крайне существенное обстоятельство, которое постепенно охлаждало революционные симпатии части английской буржуазии гораздо более, чем это мог бы сделать знаменитый памфлет Бёрка, невзирая на все его красноречие; и любопытно, кстати, отметить, что именно об этом обстоятельстве красноречивый Бёрк стыдливо умалчивает, как будто он об этом и слыхом не слыхал.

Мы говорим о рабовладельчестве и о негроторговле, т. е. о двух явлениях, с которыми теснейшим образом было связано материальное благополучие наиболее состоятельных и влиятельных слоев буржуазии Нанта, Марселя, Бордо во Франции, Амстердама, Саардама в Голландии, Ливерпуля, Плимута в Англии, чтоб уже не пересчитывать десятка других более мелких портовых и непортовых городов. Вопрос о торговле «черным товаром» и о владении этим товаром в колониях теснейшим образом

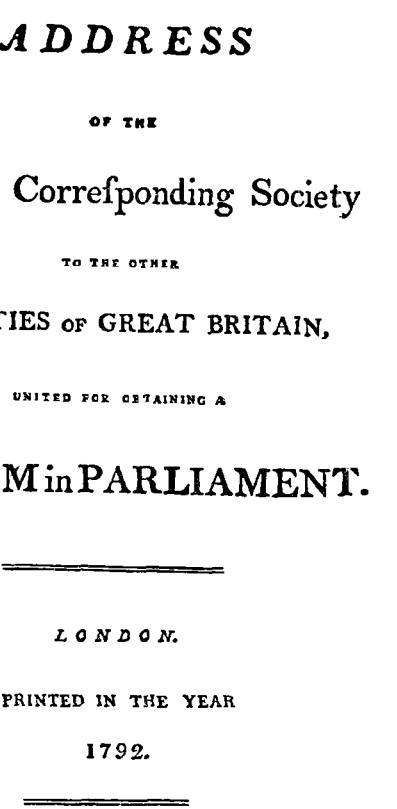
увязывался с общим вопросом об экономическом использовании колоний, о торговле колониальными товарами, обо всем торговом мореплавании.

Если мы вспомним, что в самой Франции в «столице жирондизма», т. е. в Бордо, велась в 1790, и в 1791, и в 1792, и в 1793 гг. оживленная агитация против уничтожения рабства негров, то для нас станет ясно, как обстояло дело в странах, экономически крепко связанных с колониями, вроде Англии или Голландии. Та часть буржуазии, которая загребала неслыханные барыши от непосредственного участия в поимке или скупке негров в Африке и в перепродаже их в Америке и на островах, должна была неминуемо переживать известную борьбу двух взаимоисключающих настроений: с одной стороны, французская революция несла с собой лозунг уничтожения аристократических привилегий и передачу политической власти в руки буржуазии, а, с другой стороны, из принципов французской революции логически следовало уничтожение рабства в колониях и негроторговли. Но для того, чтобы ясное себе представить влияние, которое имел вопрос о рабстве на изменение настроений крупной английской буржуазии, нам необходимо рассмотреть это в связи с другими явлениями английской общественной жизни в 1792—1794 гг.

Отношение английской буржуазии к революции

Явно сочувственное отношение к французской революции со стороны английской буржуазии, так заметно проявившееся в 1789 г., продолжалось и в 1790 и в 1791 гг. «Размышления о французской революции» Бёрка произвели впечатление и вызвали вначале одобрение лишь при дворе и в аристократических кругах. Бёрк, хотя и не был аристократом и не принадлежал к партии тори, стал сразу глашатаем и рупором тех и других, на всю Европу заявивши об истинных чувствах правящей Англии к французской революции. Бесспорно также, — и это факт, который, к сожалению, никогда не отмечают историки, — что книга Бёрка имела больше всего успех не в Англии, а в странах континентальной Европы, и именно в придворных и дворянских кругах континента. Английский торгово-промышленный класс, который уже начинал свою долгую, упорную и труднейшую борьбу за избирательную реформу, вовсе не поддавался красноречивым возгласам Бёрка против французской революции, одним ударом передавшей власть в государстве в руки буржуазии. А кроме того, не следует забывать, что еще в полном действии был англо-французский торговый договор 1786 г., принесший столько выгоды именно английскому купечеству, английским промышленникам, английским судовладельцам. Известное нарушение нормальных порядков на французских таможнях, вызванное взрывом революции, еще более усилило выгодные для англичан последствия этого торгового договора: фактически англичане в 1789—1791 гг. ввозили во Францию все, что хотели, либо ничего не платя, либо платя очень низкие пошлины за ввозимый товар. Это также не располагало буржуазию Англии к особенно суровому негодованию против принципов и практических мероприятий французской революции.

Но в 1792 г. отношение ее стало меняться, и за пределами Франции проникались сознанием, что революция вступает в какой-то новый фазис. Углубление и расширение революционного настроения во Франции сделалось очевидным еще после бегства короля, и расстрел манифестантов 17 июля 1791 г. не прекратил, а скорее усилил это явление. Зима 1791 1792 г. прошла под знаком распространения жирондистских идей о революционной пропаганде за пределами Франции, о борьбе народов против всех отечеств деспотизма, о «братской помощи», которую французские революционеры могут и должны оказать нациям, которые поднимутся для борьбы против своих тиранов.



ADDRESS

OF THE

London Correſponding Society

TO THE OTHER

SOCIETIES OF GREAT BRITAIN,

UNITED FOR OBTAINING A

REFORM in PARLIAMENT.

LONDON.

PRINTED IN THE YEAR

1792.

(Price One Penny, or One Hundred Copies for 6d.)

ОБРАЩЕНИЕ «ЛОНДОНСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТСКОГО ОБЩЕСТВА» К СВОИМ ЧЛЕНАМ 1792 г.

Б-ка Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

«Лондонское корреспондентское общество»

В Англии с самого начала 1792 г. обнаруживается усиленный интерес к французским событиям в тех слоях малоимущей буржуазии, которые до тех пор крайне далеко стояли от политической жизни, а также, отчасти, и среди рабочих. 25 января 1792 г. радикально настроенный, в то время еще начинающий публицист, Томас Гарди созвал первое заседание образованного им нового общества, получившего название: «Лондонское корреспондентское общество».[1] По мысли Гарди, такие ассоциации должны были образоваться и в других городах Англии и вступить между собой в постоянную и оживленную корреспонденцию, обмениваться сведениями и соображениями, касающимися желательных общественных реформ, делиться информацией о том, что делается на свете, а также и в Англии, и за границей, в особенности во Франции, распространять «здравые понятия» и т. д. Другими словами, это общество должно было создать сеть пропагандистских, связанных между собой клубов, которые могли бы повести пропаганду идей французской революции. Тогда же, почти одновременно, создалось в Лондоне и другое политическое общество, открывшее свои заседания в эту же зиму 1792 г.; оно позаимствовало даже название свое у Марата: «Общество друзей народа». Правда, невзирая на «страшное» название, это общество с первых же шагов объявило, что оно домогается не революции, а мирной конституционной реформы. Это общество было вообще менее радикально настроено, чем ассоциация, основанная Томасом Гарди. Главенствующую роль в нем стал играть лорд Грей, и оно превратилось со временем в нечто вроде вигистского клуба, домогающегося умеренной избирательной реформы.

«Общество конституционной информации»

С другой стороны, совершенно неожиданно, под явным влиянием углубления революции во Франции, стало радикализироваться давнишнее, существовавшее в Англии еще до французской революции «Общество конституционной информации». Оно образовалось еще в разгар неудачной

[1] «London corresponding society» — собственно — «корреспондирующее», «ведущее корреспонденцию» общество. Дело в том, что когда оно возникло, то во враждебных ему реакционных кругах указывали на странное название, желающее прикрыть «преступные» революционные цели невинным указанием на «переписку». Мы оставляем здесь, по традиции, слово «корреспондентское».

КАРИКАТУРА НА ПИТТА

Раскрашенный офорт Джильрея. Музей Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

войны Англии против Северо-Американских Соединенных Штатов и было тогда (в 1780 г.) одним из проявлений оппозиции против безумной политики Георга III и его министров. Но с течением времени, в первые годы правления Уильяма Питта, это общество утратило значительную долю своего былого оппозиционного пыла. А теперь, в 1792 г., оно послало в Париж Якобинскому клубу восторженный адрес с выражением полной солидарности и горячего сочувствия. Памфлеты Пэна распространялись всеми этими ассоциациями очень деятельно. Политический радикализм Пэна и его единомышленников требовал демократической реформы избирательного права, частых выборов (некоторые уже тогда склонялись к требованию «ежегодных парламентов», что спустя почти полвека вошло в программу чартистов). Наиболее развитые представители рабочего класса жадно прислушивались к провозглашаемым членами этих ассоциаций учениям.

Питт и борьба против влияния революционных идей в Англии

Ясно было, что правительство и стоящий за ним аристократический парламент ни в коем случае не останутся равнодушными перед лицом внезапно сложившегося нового положения вещей. Конечно, не только такой умнейший и проницательный человек, как глава министерства Уильям Питт, но и самые заурядные члены палаты лордов и даже провинциальные сквайры, заседавшие в тогдашней палате общин в таком значительном количестве, понимали очень хорошо, что ни Англии в 1792 г. не предстоит пережить превращения в республику, ни Георгу III не придется в 1793 г. сложить свою горемычную голову на эшафоте, — что непосредственной опасности для британского государственного строя французские революционеры не представляют. Но что опасность все же есть, что французский пример со временем может оказаться в той или иной степени заразительным, это Уильям Питт сознавал вполне. И особенно раздражало его и в проповеди Пэна и в деятельности всех этих обществ и их разветвлений в провинции, что пропаганда этих английских сторонников французской революции обращалась к таким демократическим слоям, о поддержке которых и, прежде всего, о вовлечении которых в политическую жизнь меньше всего тогда думали не только парламентские тори, но и парламентские виги: лорд Грей имел тогда в своей партии еще очень мало сторонников по этому вопросу.

После низвержения монархии во Франции 10 августа 1792 г., в особенности после сентябрьских событий в парижских тюрьмах, Уильям Питт дал парламенту и правительству такой тон: кто сочувствует идеям фран-

цузской революции, тот сочувствует «парижской резне» и всему тому, что делают якобинцы во Франции. Этот демагогический прием очень удался. Например, приветствие, которое спустя неделю после открытия заседаний Конвента «Лондонское корреспондентское общество» послало на имя французского Национального конвента, рассматривалось в Англии, как нарушение присяги и изменническое действие, хотя процесса все-таки устроить не решились.

Но уже начиная с ноября 1792 г., а в особенности с начала 1793 г., судебные кары посыпались дождем на всех, подозреваемых в сочувствии к «идеям французской революции» и к ее деятелям. За казнью короля Людовика XVI последовало формальное объявление «состояния войны» между Англией и Французской республикой (1 февраля 1793 г.). Эти события придали на первых порах больше смелости лидерам тех политических гуппировок, которые требовали избирательной реформы, но, с другой стороны, эти же события отбросили часть вигов в лагерь решительнейшей консервативной реакции и окончательно сделали партию тори правительственной партией по преимуществу. Уильям Питт в 1793 г. заговорил таким языком, каким он даже еще после 10 августа 1792 г. не говорил. «Ужасы, происходящие в соседней стране», «погибающая от анархии Франция», «злодеи и преступники, управляющие несчастной страной», не сходят со столбцов правительственной печати и с языка правительственных ораторов. Проект реформы избирательного права, представленный Греем, провалился безнадежно (282 голоса против 41) уже в мае 1793 г., реакция в Англии все усиливалась. Сочувствие «французским идеям» стало квалифицироваться как государственная измена. Людей стали сажать на год и на два в тюрьму и выставлять у позорного столба за каждое неосторожное слово.

КАРИКАТУРА НА ГЕОРГА III

Раскрашенный офорт Джильрея.
Музей Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

Крупная английская буржуазия и французские колонии

Руководящие верхи буржуазии во главе с лондонским Сити теперь уже всецело поддерживали непримиримую политику Уильяма Питта. Война против революционной Франции, с одной стороны, позволяла проводить суровые репрессии против той плебейской массы, которая явно находилась под влиянием французской революции и уже начала подавать свой голос, а с другой стороны, победа над Францией сулила в будущем переход всех французских колоний в руки Англии. И в данном случае надежды возлагались не только на британский флот и колониальные войска, но и на явное стремление французских плантаторов поскорее отделиться от революционной метрополии и передаться

англичанам. Законодательство Конвента, отменившее рабство в колониях, превратило плантаторов французских колоний в государственных изменников, которые прямо или косвенно не переставали трудиться над делом передачи колоний в руки англичан или испанцев. При этих изменнических действиях была выработана и особая «благообразная» формула, впервые пущенная в ход представителем плантаторов Сан-Доминго Венан-де-Шармильи 3 сентября 1793 г., когда он подписал от имени союза плантаторов конвенцию с генерал-губернатором английской Ямайки Уильямсоном: плантаторы отдавали французскую часть Сан-Доминго англичанам, «чтобы быть избавленными от угнетающей тирании», причем «окончательное» решение вопроса о суверенитете над островом должно было последовать только «при заключении всеобщего мира». Легко себе представить, до какой степени заразительным при таких условиях оказался пример плантаторов Сан-Доминго.

Негры восставали еще с 1789 г., прослышав о «равенстве» и других принципах, так громогласно и торжественно провозглашенных в Декларации прав человека и гражданина, а затем и в ряде статей вырабатывавшейся Конституции. Во многих местах восстания негров в 1789—1792 гг. плантаторы подавляли только при помощи англичан и испанцев, специально ими для этой цели призываемых. Но только с конца 1792 г. и особенно с 1793 г. углубление революции в метрополии и окончательно вотированное Конвентом уничтожение рабства заставили плантаторов и средний слой кормившихся около них людей (приказчиков, скупщиков продуктов, агентов транспорта и т. д.) утвердиться на решении искать спасения в перемене подданства, а точнее —в предательской передаче французского национального богатства и территории в руки врагов Франции.

До сих пор наука сравнительно очень мало исследовала поистине огромную роль именно этой деятельнейшей агитации плантаторов как в расширении и углублении контрреволюционного движения во французской крупной буржуазии, так и в резком усилении реакции среди того же класса в Англии. С 1793 г. хроническое состояние войны против революционной Франции стало рассматриваться в лондонском Сити, во всех приморских портах Англии, во всех британских колониях как выгоднейшая торговая и завоевательная афера. Чем больше неистовствовал Уильям Питт, предававший людей суду за малейший признак сочувствия революции, чем больше наводнял он Париж и французскую провинцию шпионами всех возрастов и мастей, чем больше английские суды ссылали на австралийскую каторгу и поселение на семь лет за распространение брошюр в пользу всеобщего избирательного права (как сослали в сентябре 1793 г. Пальмера), тем более английская крупная буржуазия рукоплескала всемогущему министру. И все-таки приверженцы революционных идей и друзья революционной Франции не складывали оружия.

В конце октября был созван, а 19 ноября 1793 г. в Эдинбурге собрался «конвент», т. е. съехались делегаты английских и шотландских ячеек «Общества друзей народа». Целью этого собрания была пропаганда идей всеобщего избирательного права, ежегодно избираемого парламента, свободы для всех граждан Британской империи, другими словами — уничтожения рабства в колониях. Этот конвент был, в конце концов, закрыт полицией, а три наиболее революционно-настроенных оратора отправлены в качестве ссыльнопоселенцев в Австралию (каждый — на четырнадцать лет). Однако, митинги, то в закрытых помещениях, то за городом, под открытым небом, продолжались время от времени, при малейшем неосторожном слове вызывая правительственные репрессии. Сохранение

в неприкосновенности старого избирательного права в метрополии и рабства в колониях сделалось как бы главной заботой британского кабинета.

В середине мая 1794 г. Уильям Питт внес в парламент и провел без малейшего труда как через палату общин, так и через палату лордов билль о приостановке действия акта Habeas Corpus, основного закона о неприкосновенности личности. Питт мотивировал необходимость этой меры существованием в Англии (выдуманного им) «огромнейшего заговора во владениях его величества короля». Заговор этот имел будто бы целью ниспровергнуть в Англии все: и образ правления, и общественный порядок, и религию, и частную собственность (прямой намек на вопрос об уничтожении рабства в колониях). После того, как этот билль стал законом, к судебным репрессиям прибавился полицейский произвол в таких размерах, о которых в Англии уже очень давно, пожалуй, со времен последнего Стюарта (Иакова II), не было слышно. И все-таки идеи и настроения французской революции, от которых под влиянием как страха перед демократией, так и по соображениям непосредственной выгоды отвернулась английская крупная, а за ней и средняя буржуазия,— нашли свой путь в низшие (по имущественному признаку) слои народа. И до, и после знаменитых «мятежей во флоте» в 1797 г. Уильяму Питту еще неоднократно приходилось убеждаться в том, что ненавистный призрак революционной Франции продолжает тревожить в Англии мысль и воображение обездоленных и обойденных, несмотря ни на какие «приостановки» Habeas Corpus.

Влияние революции на политические теории в Англии

Коснемся теперь в самой сжатой форме того влияния, которое оказала в эти годы французская революция на английскую теоретизирующую политическую мысль.

В 1792 г. в Англии и враги и друзья революции уже не так относились к ней, не так оценивали ее значение, как в первые полтора года после взятия Бастилии. Уже в ноябре 1790 г., при первом появлении контрреволюционной книги Бёрка, английское читающее общество стало осваиваться с мыслью, что французская революция — такое событие, которое затрагивает не одну Францию, но все человечество, и что, в частности, этому событию суждено иметь серьезное влияние на судьбы Англии. Эту мысль Бёрка восприняли и те публицисты, — вроде Мэри Уолстонкрефт, или Брук-Бусби, или Пристли, — которые резко отвергли злобные выходки автора «Размышлений о французской революции» и утверждали, что пером Бёрка руководят непонимание, незнание и ненависть. Мысль о всемирном значении революции воспринял и Мэкинтош, автор одного из наиболее значительных произведений из всех, какие были непосредственно вызваны памфлетом Бёрка. В 1791 г. появилась книга Мэкинтоша «Vindiciae gallicae». Это латинское название английского трактата означает: «Гальские домогательства», или «Гальские требования», но в слове «vindiciae» есть оттенок, который не вполне передается этими русскими выражениями. Этим словом в древнем Риме обозначался судебный иск, предъявление судебной жалобы, требование о взыскании. В этом слове есть оттенок угрозы, и слово мститель (vindex) одного корня с термином vindiciae. Озаглавив так свою книгу, Мэкинтош доказывает, что французская революция есть всенародное французское дело, а вовсе не результат тех или иных речей, или злоумышленных или неосторожных поступков ораторов Национального собрания, или статей радикальных публицистов. Мэкинтош полагает, что французский народ был вполне вправе создавать новые политические учреждения, которые, по его мнению, должны дать ему больше благополучия, чем

старый, только что сломленный абсолютистско-феодальный режим. Мэкинтош находит, что и тот акт, который тогда, в 1790—1791 гг., возбуждал такое негодование во всех консервативных кругах европейского общества — секвестр церковных земельных имуществ — был совершенно правомерен, и за это также незачем корить революцию.

Спустя несколько месяцев после Мэкинтоша, в том же 1791 г. выступил с книгой «Права человека» Томас Пэн. Этот яркий и убежденный публицист уже давно был знаменитостью, если не у себя на родине,— в Англии, то в Соединенных Штатах. Еще в 1776 г., как раз когда конгресс в Филадельфии готовился провозгласить Декларацию независимости отпавших от Англии колоний, Томас Пэн выпустил памфлет под названием: «Здравый смысл» («The Common Sense»). В этом памфлете, явившемся как бы политико-философским комментарием к американской революции, Томас Пэн провозглашал, что наследственная власть есть нелепый предрассудок и обман, а монархия и гнусна, и бессмысленна, и даже греховна с чисто религиозной точки зрения.

Теперь, в 1791 г., приветствуя французскую революцию, как он приветствовал за пятнадцать лет до того американскую революцию, Томас Пэн выражает гораздо более оптимистические чувства, чем в 1776 г. Тогда он с горечью говорил, что в Европе (в том числе и в Англии) всюду царит угнетение, что свобода, изгнанная из Европы, возлагает все надежды на приют только в Америке. Теперь, в 1791 г., Пэн, напротив, уверен, что монархи и аристократия отжили свой век и осуждены на скорое исчезновение. Мало того, он возмущается нелепостями и несправедливостями, которые находит в прославленной английской конституции с ее монархически-аристократическими основами. Он не верит в то, что живущее поколение должно с каким-то особым почтением относиться к унаследованным от предков историческим учреждениям, законам и обычаям. Всецело стоя на почве учения о естественных, прирожденных человеку правах, Томас Пэн не только восторгается французской революцией, но предвосхищает ее дальнейшее развитие и углубление. Можно сказать, что он уже в 1791 г. видит приближающиеся времена Конвента. В то время как Мэкинтош и другие как бы защищают революцию от несправедливых нападок со стороны реакционеров, Томас Пэн переходит в наступление. Людям, порицающим новую французскую Конституцию, Томас Пэн отвечает, что конституция английская существует, главным образом, в целях предоставления королю денежных средств для подкупа законодательных органов.

Сенсация, произведенная книгой Пэна, была огромна. Правительство, после некоторых колебаний, отдало автора под суд. Но Пэн во-время уехал во Францию. «Мое отечество там, где люди сражаются, чтобы добыть себе свободу», — говорил Томас Пэн. В Англии его осудили — во Франции избрали членом Конвента. Что касается до его книги, то после осуждения автора ее отбирали в Англии через полицию и беспощадно преследовали тех, кто ее давал тайком для прочтения. В 1792 г. сначала в Оксфордском университете, а спустя некоторое время и в Кэмбриджском, студенты торжественно, в присутствии своих профессоров и граждан этих городов сожгли на костре фигуру, изображавшую Томаса Пэна. Контрреволюционный блок, в который вступили обе правящие поочередно партии английского аристократического и буржуазного классов — тори и виги, можно считать окончательно сформировавшимся уже весной 1793 г. Характерно, что прославленный теоретик либеральных доктрин Джереми Бентам уже в 1793 г. решительно выступил против французской революции, хотя еще в начале 1792 г. благосклонно взирал на законодательные реформы французского Национального собрания.

ТОМАС ПЭН (1737—1809)

Гравюра Бонвиля

Но если бурное развитие французской революции создало и консолидировало в Англии единый контрреволюционный блок, твердо решившийся всеми мерами отстаивать свои позиции от возможных покушений со стороны плебейской массы и в частности со стороны рабочих, как раз тогда переживавших все ужасы хронической голодовки и безработицы,— то, с другой стороны, развитие революционного процесса окрыляло радикально настроенных людей самыми радужными надеждами. В 1793 г. вышла в свет книга Уильяма Годвина под названием: «Исследование, касающееся политической справедливости и ее влияния на всеобщую добродетель и счастье».

Годвин идет гораздо дальше Томаса Пэна и гораздо дальше французского Конвента. Он решительно отвергает какую бы то ни было справедливость в господствующем праве собственности, ведущем только к эксплоатации неимущих имущими, и в охране этой эксплоатации всеми силами государственной власти. Более справедлив, сравнительно с этим существующим повсюду принципом, — говорит Годвин, — был бы другой

принцип, согласно которому человек должен быть поставлен в такие условия, что мог бы самолично, не делясь ни с каким эксплоататором, пользоваться полностью всем продуктом своего труда. Но и этот принцип не удовлетворяет Годвина.

Единственно справедливой экономической и социальной организацией он признает такой порядок, когда индивидуум получает все материальные блага, необходимые для удовлетворения его потребностей. Но как же быть, если у данного индивидуума нехватает сил или орудий труда, чтобы самому заработать все нужное для удовлетворения его потребностей? Тут Годвин уповает на разум человека: принцип поведения разумного человека — гармония его личного блага с благом общественным. Когда восторжествует разум, как единственный законодатель, люди имущие сами добровольно отдадут из своей собственности нуждающемуся все, чего ему будет недоставать. Годвин не уничтожает индивидуального владения: он только полагает, что все богатства будут разделены по потребностям, — и все это произойдет в результате просвещения разума, которое неизбежно приведет к моральному преобразованию общества.

Годвин — в основе — анархист: он считает, что государство и право отомрут сами собой за полной ненадобностью, когда победит разум, а вместе с ним тот экономический принцип, который он проповедует. Крайний рационализм и утопизм Годвина не должны мешать признанию за его трактатом (и другими его аналогичными произведениями) известного исторического значения. Подобно позднейшим учениям Фурье и Сен-Симона Годвин четко поставил вопрос о бесплодности чисто политических перемен, если они не ведут к исправлению социальной несправедливости и, прежде всего, к уничтожению экономического неравенства. Но отрицая политическую борьбу, отрицая насильственные меры, возлагая все надежды на моральное усовершенствование человеческих обществ, Годвин делал вполне утопическими все свои рассуждения и всю программу. Идеям французской революции он очень сочувствовал, но, согласно всему укладу своего политического мышления, отрицательно относился к тем мерам, к которым революция в состоянии самозащиты, обороняясь от полчища внешних и внутренних врагов, принуждена была прибегать, чтобы не погибнуть.

Годвина читали в кругах буржуазной радикальной интеллигенции. Рабочая масса его не знала вовсе.

Неизбежность военной интервенции Англии

В течение 1793 и 1794 гг. в Европу постепенно прибывали известия о полнейшей, прочной поддержке, которую английский парламент оказывает Уильяму Питту, а затем, с опозданием в несколько месяцев, с Антильских и Маскаренских островов, с Сен-Пьера и Микелона (в ньюфаундлендских водах) — со всех концов земли, где только были французские колонии, стали получаться вести о победоносных и без особого труда совершаемых англичанами захватах французских владений. К 1792—1793 гг. обнаружился полнейший упадок французского флота и невозможность, по крайней мере в ближайшие годы, ждать его полного возрождения, так как все силы и средства французского народа должны были обратиться на дело сухопутной обороны от интервентов. Все эти обстоятельства делали ясным для политиков и дипломатов континентальных монархий, что война Англии против революционной Франции стала отныне, с 1793 г., основным и могущественнейшим фактором всех международных отношений не на год, не на два, а, быть может, на десяток лет. Что на самом деле эта война будет длиться с двумя перерывами (в восемь месяцев в 1802/1803 г. и 11 месяцев в 1814/1815 г.)

УИЛЬЯМ ГОДВИН (1756—1836)
Гравюра Дени

целых двадцать два года, с 1793 по 1815 г.,—этого, конечно, не предвидел никто.

Этот факт «перманентной войны» Англии против Франции имел огромное влияние на все последующие события. Врагам Франции он придал новую бодрость и уверенность в неминуемой конечной победе интервентов. Англичане помогали пока еще небольшими денежными субсидиями и Австрии, и Пруссии, и Сардинскому королевству, и Испании; англичане выгружали оружие на берегах Вандеи, поднявшей знамя роялистского мятежа; англичане поддерживали постоянную связь между вандейскими инсургентами и укрывшимися в Лондоне контрреволюционными эмигрантами; английский флот отрезал Францию от всех морей; английский десант угрожал Франции в самых разнообразных местах.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ ГЕРМАНИИ. КАНТ, ФИХТЕ И ФОРСТЕР

Германская империя конца XVIII века, политически раздробленная на множество отдельных самостоятельных государств, влачила и в политическом и в экономическом отношении жалкое существование. Глава такого государства, какой-нибудь мелкий князь, смотрел на свою землю, как на источник, дающий ему возможность создавать блестящий двор наподобие Версаля. Слова Маркса о том, что «Француз XVII столетия с изумлением мог бы увидеть двор Людовика XIV, стократно размноженный по ту сторону Рейна...» [1] —в той же мере относятся и к XVIII в. Из остатков обедневшего и замученного войнами населения князьям удалось выдрессировать покорных своей судьбе и терпеливых подданных, а также целую армию чиновников, главной задачей которых было охранять фискальные интересы своего государя. Мелкие ремесленники и торговцы, объединенные в цехи и корпорации, составляли многочисленный класс. Его материальное существование в значительной степени зависело от двора и придворной аристократии, так как они были его главными заказчиками. Что же касается крестьян, то о них франкфуртский юрист Лён писал в 1768 г. так: «В настоящее время земледельцы — это самые несчастные существа. Крестьяне превращены в рабов, а их поденщиков не отличишь от скота, который они пасут». Книгу Лёна «Свободные мысли о крестьянском дворе» читал Гёте и очень ценил в ней правдивое описание крестьянской жизни. Политической прессы в последней четверти XVIII в. совсем не было, суды были негласные, сословное представительство, сохранившееся в некоторых княжествах, было также негласное. Власть церкви, как католической, так и протестантской, была огромна. Бороться с ее изуверствами было опасно. Достаточно напомнить, что еще в 1749 г. в Вюрцбурге была сожжена, как ведьма, какая-то несчастная 70-летняя монахиня. Лучшие люди второй половины XVIII в. задыхались в этой душной атмосфере. «Я себя чувствую так, словно меня заколотили в гроб», — писал Лессинг из Вольфенбюттеля; а сдержанный Иоганнес Мюллер, историк и министр в Майнце, характеризовал положение немцев в 1788 г. следующими меткими словами: «Без закона и справедливости, без защиты, без уверенности в завтрашнем дне, беспомощные в руках высшей силы, без национального самосознания — вот status quo нашей нации».

Несмотря на такую политическую придавленность, проблема имперской конституции стояла в центре внимания немецких публицистов, юристов и историков 80-х годов. Одни предпочитали сохранение малых государств, иные мечтали об едином мощном государстве. Никлас Фогт, майнцский историк, в своей книге «Европейская республика» (1787) так формулирует точки зрения этих двух направлений: «Торговля, богатство и внешний политический вес Германии поднялись бы, если бы государство было едино, но многое говорит и в пользу раздробления его: ошибки князей отмечаются в прессе соседних государств, маленькие армии не могут стать орудиями деспотизма так, как большая армия, и, наконец, при теперешних условиях в Германии легко может найти себе убежище всякий гонимый борец за свободу». «Если бы Германия имела конституцию, которая охраняла бы и стимулировала крупную промышленность, торговлю, судоходство, мануфактуру, то для людей ученых и талантливых нашлось бы больше источников дохода и больше возможностей для применения своих знаний и талантов, чем это наблюдается сейчас. Могут ли у нас прикладные математики найти такое же плодотворное поле для своей деятельности, как в Англии на больших фабри-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 60.

ках или в кораблестроении?» — так писал один анонимный автор в 1792 г. В той же статье автор указывал, что самая большая беда имперского строя заключается в том, что «производительные классы задерживаются в своем росте из-за такой конституции... Германская индустрия поднялась бы выше, если бы ей не подрезали крылья. Когда-то Германия имела значительные суконные фабрики; они и теперь имеются, но не занимают такого положения, как раньше... В каком жалком состоянии теперь немецкое виноделие! Дальнейшее существование наших полотняных фабрик очень непрочно. Когда англичане добьются того, что они будут выделывать такое же хорошее полотно и по более дешевой цене, тогда Германия потеряет рынок сбыта и для этого предмета. Германия должна была бы иметь самые крупные кожевенные фабрики, — **она их не имеет; лучшие** писчебумажные фабрики, — она их не имеет. Я думаю, что опытные статистики согласятся с моим утверждением, что при подъеме индустрии по крайней мере еще миллион человек мог бы жить в Германии. Это гораздо важнее, чем то, что маленькие дворы содержат несколько тысяч человек. Однако для такой индустрии необходимо единение национальных сил, а между тем, мелкие государства находятся в состоянии конкуренции и создают тысячи ничтожных фабрик, которые относятся к английским, как пигмеи к великанам. Рынки ограждены друг от друга рогатками таможенных законов, тогда как англичане имеют рынком весь мир. Германия не является отечеством для производительного класса, и потому многие художники, тонкие ремесленники и ученые ищут счастья в других странах». Из этих высказываний современников видно, в какой степени политическая раздробленность империи мешала деятельности молодой нарождающейся буржуазии и какой протест она вызывала с ее стороны.

В этой атмосфере политической придавленности, заполненной ничтожными интересами ничтожных дворов, стесненная низким уровнем экономической деятельности, новая жизнь стала пробиваться в форме идей. Только в литературе и философии можно было дать выход творческим силам, разрешить назревшие вопросы. Правда, что в условиях немецкой жизни эти «идеи» иногда опускались до уровня локальных интересов и отличались провинциальной ограниченностью, а иногда отрывались от действительности и несли на себе печать космополитического чванства. Так, Шиллер писал в 1789 г. Кернеру: «Отечественные интересы важны только для незрелых наций, для молодежи мира... Это ничтожный, мелкий идеал писать для одной нации; философскому духу такая граница невыносима». Во всяком случае, по словам Энгельса,—«эта позорная политическая и социальная эпоха была в то же самое время великой эпохой немецкой литературы».[1]—«Около 1750 г. родились все великие умы Германии: поэты Гёте и Шиллер, философы Кант и Фихте, а лет двадцать спустя — последний великий немецкий метафизик Гегель. Каждое замечательное произведение этой эпохи проникнуто духом протеста, возмущения против всего тогдашнего **немецкого общества**».[2]

Кант

Наиболее влиятельным германским философом последней четверти XVIII в. был Кант. Его этические, историко-философские и политические произведения сделали его властителем дум молодой, нарождающейся в Германии буржуазии. Если **первая** половина его творческой жизни была обращена к природе, то вторая была посвящена человеку и всем проблемам, связанным с **человеческим коллективом**. «Я сам исследователь по призванию. Я чувствую погребность

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 7.
[2] Там же.

в познании и беспокойное желание двигаться в этом направлении и радуюсь каждому успеху. Было время, когда я думал, что это может сделать честь человечеству, и я презирал чернь, которая ничего не знает. Руссо меня образумил; это ослепление прошло; я научился чтить людей и считал бы себя бесполезнее самых обыкновенных рабочих, если бы не думал, что только такое отношение придает ценность всему остальному, восстанавливая права человечества». Таким образом, по признанию самого Канта, влияние Руссо превратило его в политика буржуазно-демократического склада. Примыкая к Руссо, Кант доказывал, что человек должен действовать так, чтобы его действия могли стать общей нормой поведения, т. е. так, чтобы его деятельность носила социальный характер. Таков был результат кантовской практической философии, имевшей огромное культурно-историческое значение. Понятия обязанности почти не существовало тогда в Германии. Князья не выполняли общественно полезных функций, чиновники похожи были на слуг, угождающих своему господину, дворянство помогало князьям эксплоатировать крестьян. Даже нарождающаяся буржуазия была втянута в этот процесс разложения, что нашло себе отклик в литературе того времени: и Виланд, и Гентц, и Якоби видели высшее назначение человека в достижении счастья индивидуума. Такая антисоциальная этика была чужда Канту. Его этика, при всей ее буржуазной ограниченности глубоко действенная, произвела настоящий переворот в сознании современников. О ее глубоком влиянии писал в 1790 г. молодой Фихте: «Какое влияние имеет эта [кантовская] философия на всю систему мышления человека! Революция, происшедшая во всем моем сознании, прямо невероятна. Я всей душой теперь поверил в свободу человека и вижу,что только из нее вытекают обязанность, добродетель и вообще нравственность. Теперь мне ясно, что принятое до сих пор положение, что все человеческие поступки необходимо исходят из стремления к счастью, имеет чрезвычайно пагубные последствия для человеческого общества и что так называемая порча нравов высшего общества вытекает из этого источника. Я далее убежден в том, что на земле мы имеем не страну наслаждений, а страну труда, и что всякая радость есть не что иное, как закрепление позиций к новому труду».

Социальный характер кантовской практической философии естественно находил свое отражение и в его понимании истории. Но историческое мировоззрение Канта давало ключ не только к пониманию прошлого; оно означало также понимание настоящего, как способного развиваться и осуществлять заложенную в нем тенденцию. С точки зрения идеи развития и прогресса в человеческом обществе, Кант с живым интересом следил за политическими событиями своего времени. Так, во время войны американских колоний за независимость Кант был целиком на стороне американцев. Тогда же у него возникло недоверие к английскому политическому строю, который пользовался до того симпатией передовых писателей XVIII века. С французской революции началась новая эпоха и в жизни Канта. По свидетельству его ученика и биографа Яхмана, Кант в это время буквально жил газетами и все разговоры сводил к событиям во Франции. В личных беседах он со всей резкостью высказывал свои симпатии и принципы, за что прослыл в Кенигсберге якобинцем.События 10 августа и казнь короля не испугали старого Канта, как многих других сторонников французской революции в Германии. На разговоры о том, что народ, видимо, не созрел для свободы, Кант ответил в своей работе «Религия в пределах чистого разума» (конец 1792 г.), что созреть для свободы может лишь тот, кто добудет себе эту свободу, что первые шаги неизбежно должны отличаться грубостью и жестокостью там, где народ раньше привык только повиноваться.

ИММАНУИЛ КАНТ (1724—1804)
Гравюра неизвестного художника

Для Канта 1792 год был годом интенсивных политических переживаний. Он глубоко возмущался робостью и неустойчивостью общественного мнения в Германии, которое вначале восторженно приветствовало зарю свободы и торжество прав человека, а затем в испуге клеймило выступления народных масс и их борьбу с теми, кто предавал дело революции. В конце 1792 г. Кант прочитал книгу Бёрка «Размышления о французской революции», в переводе Гентца. Он понял, что Бёрк дает теоретическое оправдание всем маловерам, испугавшимся революционной грозы, всем тем, кто морально поддерживал интервенцию и оправдывал манифест герцога Брауншвейгского. В то время, когда прусская армия вязла в болотах Аргонны, Кант с исключительной смелостью выступил на защиту не только теории, но и практики французской революции. Его первая политическая статья «О поговорке: это может быть правильно в теории, но не годится для практики» была напечатана в 1793 г. в сентябрьском номере «Берлинского ежемесячника». С возмущением писал он в ней о тех умниках, которые сохраняют теорию только для умственных упражнений в школе, уверяя всех, что школьные идеалы при своем осуществлении на

практике оказываются пустыми философскими мечтами. «В наше богатое словами, но бедное действиями время такие рассуждения очень вредны», — замечал по этому поводу Кант. Не меньшего презрения достоин тот «джентльмен, который дерзко отказывается признать необходимость всякой теории и системы», — пишет Кант, имея в виду Бёрка. Кант полагает, что такому джентльмену лучше замкнуться в своей келье ученого и не вмешиваться в государственные дела. В полемике со сторонниками революции в Англии Бёрк ссылался на английскую конституцию, в которой народу не дано права снимать королей. Кант в этой же статье, не называя имени Бёрка, с иронией замечает, что в английской конституции, которой англичане так гордятся, словно она должна стать образцом для всего света, народу не дано права на восстание, — но именно потому народ сохранил за собой такое тайное право на тот случай, если монарх нарушит договор 1688 г.

Затем Кант указывает принципы, на которых должно строиться государство. Эти принципы почти целиком совпадают с основными лозунгами французской революции: свобода человека, равенство подданных и самостоятельность граждан. Патриархальному правительству, самому деспотическому из всех, он противопоставил правительство «патриотическое», гарантирующее свободу. Совершенно ясно, что под патриотическим правительством Кант имел в виду революционное правительство Франции, так как «патриотами» называли тогда французских революционеров. Под равенством Кант понимал формальное равенство перед законом, допуская любое неравенство в экономическом отношении. Ремесленник по происхождению, Кант всегда выступал против всех сословных привилегий, но право собственности оставалось для него непоколебимым принципом. Вопрос собственности для Канта получил под влиянием французской революции новый антифеодальный смысл. «Для французской революции вопрос собственности состоял в свободе конкуренции и уничтожении всех феодальных отношений собственности: помещичьей власти, цехов, монополий и т. д., которые превратились в цепи для развившейся в течение XVI — XVIII столетий индустрии... В XVII и XVIII столетиях, когда речь шла об отмене феодальных отношений собственности, вопрос собственности был жизненным вопросом буржуазии».[1] С вопросом собственности связан был и третий принцип, выставленный Кантом, — принцип самостоятельности. Под самостоятельными правовыми субъектами Кант понимал не всех людей, а только отцов семейств, обладающих какой-нибудь собственностью и служащих не отдельным лицам, а обществу. И в этом вопросе Кант по существу был близок к Конституции 1791 г., которая лишала избирательного права людей, находящихся в личном услужении, полагая, что эти люди находятся в слишком большой зависимости от своих хозяев. Революционность Канта была, таким образом, ограничена: за пределы буржуазного «правопорядка» он был столь же бессилен выйти, как и защищаемые им французские революционеры. Основной вывод, который делал Кант в своей статье, сводился к следующему: то, что признается в теории, основанной на принципе права, то должно проводиться и на практике. Если признавать принципы революции, то надо признать и самую революцию как исторический фактор. Тем же, которые рассчитывают повернуть назад колесо истории, он напоминал изречение Сенеки: «fata volentem ducunt, nolentem trahunt», т. е. «судьбы ведут хотящего и силой тянут сопротивляющегося». Статья эта приковала к себе внимание всей немецкой интеллигенции; всем было ясно, в каком лагере находится Кант. Совершенно

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 208—209.

точно определил смысл этой статьи Гентц, перешедший впоследствии на сторону контрреволюции; в декабрьском номере «Берлинского ежемесячника» он написал о статье Канта, что она «содержит полностью теорию столь часто восхваляемых и так мало понимаемых прав человека».

Трактат «К вечному миру», написанный после Базельского мира (1795), можно считать политическим завещанием Канта, в котором он выразил все свои заветные политические идеи. Тут он уже прямо говорит, что «гражданский строй в каждом государстве должен быть республиканским» и что принцип интервенции несовместим с принципом суверенного государства: «ни одно государство не должно насильно вмешиваться в устройство и управление другого государства». Но, что гораздо важнее, здесь он уже полным голосом говорит о праве революции на насилие, о диктатуре революционной власти. Эту мысль он развивает так: если для построения гражданского общества на принципах свободы нельзя добиться воли всех людей (коллективного единства объединенной воли), то для осуществления на практике этой идеи нельзя рассчитывать ни на какое другое начало правового состояния, как на начало насилия, на котором дальше уже строится публичное право. Конечно, Кант предпочел бы мирное и постепенное приближение к намеченной цели, но если народ даже неправомерно, через бури революции, вызванной плохим управлением, добивается в конце концов лучшего строя, непозволительно его тянуть обратно в прежнее состояние. Революция, — не как идея, а как переход из одного состояния в другое, осуществленный с помощью примененной силы, — не только признается Кантом как исторически необходимое явление, но оценивается, как прогрессивный фактор, ведущий к более совершенному строю, следовательно, получает и моральное оправдание. В «Споре факультетов» (1798) Кант ставит вопрос, который он считал всегда основным для истории: замечается ли прогресс в развитии человеческого общества? И на примере французской революции 75-летний Кант утверждает идею прогресса. Он обращается к «событию нашего времени», которое «доказывает моральную тенденцию человеческого рода», которое укрепляет социальный оптимизм и вызывает веру в лучшее будущее человечества. «Революция одного одаренного народа, которую мы видели в наши дни, пусть она будет удачна или нет, даже если она сопровождается такими несчастьями и ужасами, что добропорядочный человек не решился бы второй раз даже удачно проделать такой эксперимент за счет стольких жертв, — эта революция, скажу я, встречает у всех зрителей (которые не сами участвуют в игре) такое *сочувствие*, которое граничит с энтузиазмом». И далее Кант не боится предсказать и в будущем повторение революционных взрывов, «так как это событие слишком значительно, слишком связано с интересами человечества... чтобы при случае не дать повода народам вспомнить и повторить этот опыт».

Неудивительно, что Кант оказал огромное влияние на политические настроения широких кругов буржуазной интеллигенции. Современники расценивали кантовскую философию, вернее, его этику и его историко-политические статьи, как систему идей, «способствующих фанатизму свободы», как выразился один из мало известных кантианцев — Иоганн Нееб (из Бонна). Вот почему и молодой Маркс видел в этой философии «*освобождение нового духа от старых форм*». «*Философию Канта*, — писал он, — можно по справедливости считать *немецкой теорией* французской революции...» [1] Можно привести ряд свидетельств современников, указывающих на то, что кантовские идеи вызывали оппозиционные и революционные настроения, расшатывали основы феодального и церковного строя. Видный

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 211—212.

немецкий публицист Геррес в 1798 г. писал о Канте: «В прошлом десятилетии ... совершилась в Германии, как известно, та революция, которая сделала эту страну в теоретической и культурной области столь же славной, как Францию в практической, — я имею в виду реформацию философии через нашего бессмертного Канта». Геррес имеет в виду этику Канта, которая, будучи «надклассовой» по своей форме и буржуазной в своем существе, вполне соответствовала основным устремлениям подымающейся немецкой буржуазии. «Не будет преувеличением сказать, — писал в те же годы один кантианец Виттенбах из Трира, — что именно Руссо подготовил дорогу для французской революции... и тут я не могу не вспомнить о другой революции, которую совершил бессмертный Кант: что не могло стоять, то он свалил!»

Фихте

Под непосредственным влиянием Канта и великих событий во Франции сложились политические и социальные взгляды молодого Фихте, гениального ученика Канта. Фихте был натурой деятельной, не просто ученым. «Для ученого по профессии у меня нет склонности, я не хочу только думать, я хочу действовать...» «Действовать, действовать— вот для чего мы на этом свете». Но и этот борец по натуре должен был ограничиться в Германии только выступлениями на литературной арене. Правда, обе его первые работы: «О требовании свободы мысли от угнетавших ее до сих пор государей Европы» и «К исправлению суждений публики о французской революции», вышедшие в 1793 г., написаны совершенно необычным для Германии резким и смелым языком, беспощадно бичующим существующий строй. Правильно замечает Куно Фишер, что «философская речь дышит в обоих сочинениях пламенем страстного убеждения и часто выливается потоками красноречия, напоминающими язык и пафос революции».

Молодой Фихте, слушавший с благоговением старого Канта, с увлечением следил, подобно своему учителю, за событиями во Франции по французской прессе. Смелость мысли, революционный пафос, наконец, самая постановка вопросов, выдвинутых молодым философом, — все говорит о знакомстве его с выступлениями выдающихся деятелей революции, об идейной его близости к ним. Однако умение теоретически углубить политические вопросы, обосновать философски необходимость революционных актов указывает на его связь с кенигсбергским философом. Опираясь на идейное наследство Канта, Фихте продолжал доказывать, что свобода есть часть существа человека, и потому она не отчуждаема, что свобода и деятельность не отделимы друг от друга и что существующие государства основаны на рабстве и противоречат тем самым своему назначению. Но «нет неизменного государственного строя, — писал Фихте, — необходимость изменения вытекает из самой природы его; дурной строй, противоречащий необходимой конечной цели всякого государственного союза, должен быть изменен». Отсюда следует, что народ имеет право на революцию. Доказывая, что французская революция не только необходима, но и справедлива, Фихте выступил и на защиту тех революционных актов, которые связаны были с конфискацией церковных и помещичьих владений революционным народом. Здесь он впервые столкнулся с проблемой собственности.

Как возникает собственность,— спрашивает Фихте. Она возникает только в том случае, если человек, прилагая свои силы к вещам, превращает их в средство для своих целей. Кто обрабатывает вещь и придает ей известную форму, тому она и принадлежит. Иными словами, только труд создает собственность. «Раз человек взял в свое пользование часть земли, он своим трудом превратил ее в свою собственность, и ясно, что тот, кто больше работает, может и владеть бóльшим, а тот, кто не работает, не имеет права владеть ни-

ИОГАН-ГОТЛИБ ФИХТЕ (1762—1814)
Гравюра Шультгейса, рисунок Бюри

чем». Разрешив так радикально проблему собственности, Фихте, однако, одобрял оппортунистические решения Учредительного собрания, по которым от личного рабства люди должны быть освобождены без всякого выкупа, а от реального рабства, т. е. от всех феодальных повинностей, цензов, барщин и т. д., — путем выкупа. Фихте жестоко нападал на дворянские привилегии, но все-таки защищал систему выкупа, так как, очевидно, у него нехватило смелости лишить класс эксплоататоров прежних средств к существованию. Только в отношении церковных имуществ он смело шел до логического конца. Он считал, что церковь не в праве получать земли в обмен на небесные блага. Договор, заключенный при условии, что одна сторона находится в реальном чувственном мире и выполняет свое обязательство, а другая сторона переносит проблематическое выполнение своего обязательства в небесные сферы, — такой договор не может считаться реальным и обязательным. За церковью, которая должна принадлежать к миру невидимому, Фихте категорически отрицал право пользования какой-либо видимой собственностью.

Этот смелый вывод, сделанный в духе кантовской философии, нашел отклик в Германии, особенно западной, находившейся во власти католицизма. Еще до революции кантовская практическая философия получила большое распространение в католических университетах. Католическая

церковь рано поняла, какую опасность представляет эта новая теория для устоев католицизма. Она начала преследовать профессоров-кантианцев и запрещать книги, написанные в духе Канта. Однако эта борьба была безуспешна: и молодежь и более зрелые ученые с жадностью набрасывались на новое учение. Профессор естественного права в Бонне Фишених писал своему другу Шиллеру, что при упоминании имени Канта, а тем более при чтении отрывков из сочинений Канта, в аудитории наступает благоговейная тишина, так как студенты следят с напряженным вниманием за каждым кантовским словом. Философия Канта подвергалась преследованию со стороны ортодоксальных правительств духовных курфюршеств. В Майнце, например, с лета 1790 г. велась ожесточенная борьба с профессорами Доршем, Блау, Гофманом и Ведекиндом. Дорша отстранили от преподавания, и Форстер в письме от 6 августа 1790 г. просил своего тестя Гейне устроить Дорша в Геттингенском университете. Но Гейне ему ответил, что в такое беспокойное время нельзя даже мечтать о том, чтобы устроить в университете кантианца. Лекции Гофмана по естественному праву были запрещены в Майнце в ноябре 1791 г. Прощаясь с учениками, Гофман им сказал, что придет еще время, когда можно будет открыто и громко говорить о прирожденных правах человечества. И это время пришло, когда французская революционная армия заняла Майнц. Не случайно, конечно, все эти левые кантианцы оказались тогда политическими деятелями, тесно связавшими свою судьбу с французской революцией. Многие из них погибли при взятии обратно Майнца пруссаками, многие эмигрировали во Францию.

Форстер

Среди этих левых кантианцев, носителей революционных идей, был и Георг Форстер. Он родился в Польше, в семье естествоиспытателя Иоганна Форстера, странствующего ученого энциклопедиста XVIII в.; в детстве он побывал в России, воспитывался в Англии; на заре своей юности совершил кругосветное плавание с Куком; свои зрелые годы провел в Германии и умер в Париже в январе 1794 г. Форстер чрезвычайно высоко ставил этику Канта, полагая, что она должна произвести революцию в духовной жизни народа. Также близка ему была и идея прогресса, с которой он знакомился по статьям Канта в «Берлинском ежемесячнике». Когда начались раскаты революционного грома во Франции, Форстер сразу был охвачен верой в революцию, которая не покидала его до конца его бурной жизни. «Мы живем в одну из самых решающих мировых эпох. Со времени возникновения христианства не было в истории ничего подобного», — писал в ноябре 1792 г. Форстер. И в эту решающую эпоху он решил «жить и умереть республиканцем». Уже в июне 1792 г., т. е. до прихода французов в Майнц, Форстер определенно выражает свои симпатии якобинцам: «Без них уже была бы контрреволюция в Париже и тем самым обязательное возвращение к положению 1789 года; ...чтобы не все было потеряно из того, что добыто, нужно именно так действовать, как они». Как и Канта, Форстера не испугала казнь Людовика XVI. «Смерть Людовика — это мера предосторожности, смерть Людовика должна была совершиться не по книгам законов, а по естественному праву», — писал он жене 28 января 1793 г. В Париже он пережил начало террора и казнь жирондистов. Эти события его потрясли, но он скоро обрел свою прежнюю уверенность. «Не думаю, чтоб я республику любил меньше, чем раньше. Я придерживаюсь все тех же основных положений». Движение вещей остановить нельзя, и надо уметь осмыслить исторический процесс,— этому научила Форстера новая немецкая философия. Она ему помогла понять, что «революция не кончена с Бриссо и Верньо». Преждевременная смерть Форстера в парижской мансарде прервала жизнь этого «... немецкого Томаса Пэна, который

ГЕОРГ ФОРСТЕР (1754—1794)
Портрет Тишбейна. Масло

поддерживал французскую революцию в Париже до самого последнего времени, в отличие от всех своих земляков ...»,[1] как писал о нем Энгельс, ставя его в один ряд с Томасом Мюнцером.

Энгельс отметил, что Форстер выгодно отличался от других немецких писателей, которые только на первых порах с радостным ликованием отнеслись к событиям во Франции. В первый период революции «все немецкие поэты воспевали славу французского народа». Действительно, Клопшток еще в конце 1788 г. посвятил особую оду созыву Генеральных штатов в Версале. После взятия Бастилии и событий 4 августа Клопшток, который раньше предостерегал немцев от подражания французам, теперь заклинал их следовать примеру «франков — наших братьев».

В декабре 1789 г. геттингенский историк и публицист Шлецер в своем журнале «Staatsanzeiger» называл 14 июля незабвенным днем не только для французов, но и для всей Европы. Он даже оправдывал эксцессы, так как «раковую болезнь нельзя лечить розовой водой». И Виланд считал тогда, что революция — это великое дело, подобного которому мир еще не видел, и что «слава этого примера будет принадлежать французской нации». С восхищением писал он в марте 1790 г. об уничтожении во Франции религиозных орденов и монастырей и о новой организации клира. От этой меры, по мнению Виланда, «произойдут неисчислимые благоприятные следствия для земледелия, населения, воспитания, даже для самой

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т., V, стр. 17.

религии». Недовольство дворянства и духовенства ему совершенно понятно, так как эти люди, писал он, подобно мышам, крысам и паукам, удобно расположились в старом доме, из которого их выгоняют новые строители.

Талантливый и смелый публицист Шубарт, переживший десятилетнее заточение за свою политическую критику, после 4 августа 1789 г. радовался судьбе эльзасских немцев. В своей «Хронике» он писал: «Так стать французом — это большое счастье, это поймет всякий немец, над которым висит плетка деспотизма». Праздник Федерации, прошедший так торжественно на Марсовом поле в Париже 14 июля 1790 г., вызвал новый взрыв энтузиазма в Германии. Гердер написал стихи об этом «божественном, священном дне», надеясь, что и его внуки когда-нибудь увидят 14 июля. Виланд посвятил этому празднику свой «Разговор богов». Клопшток написал две оды, воспевавшие французскую революцию, которые были прочитаны на празднике, устроенном в честь Федерации, в имении гамбургского купца Зивекинга. На этом празднике присутствовали Клопшток, Книгге, Реймарус и многие иностранные гости. Все приветствовали в своих речах падение деспотизма и выражали надежду на скорое повторение этого события в Германии.

С сентября 1792 г. начинает исчезать это прекраснодушное настроение, появляется скептическое отношение к событиям во Франции, перспектива «анархии» страшит многих. Но все же поход австро-германских войск во Францию летом 1792 г. не вызвал сочувствия в немецкой интеллигенции. Еще в апреле 1792 г. Клопшток написал оду «Война за свободу», в которой предостерегал народ и правителей от этой войны. Он предлагал немецким князьям прислушаться к голосу не придворных, а солдат и тех, «кто идет за сверкающим плугом». Эту оду он переслал герцогу Брауншвейгскому с предложением не брать на себя командования армией против революционной Франции. Даже в Веймаре, герцог которого присоединился к прусскому королю, друзья Гёте не скрывали своего отрицательного отношения к предстоящему походу во Францию. Когда 19 ноября Клопшток благодарил министра Ролана за предоставленные ему по постановлению Национального собрания от 26 августа 1792 г. права французского гражданина, он назвал войну против Франции «несправедливой и дерзкой», но все же выразил пожелание, чтобы «нация наказала чудовищ в Авиньоне и тех, кто действовал 2 сентября, так как немцы, видя эти ужасы, забывают все то, что их увлекало раньше во французской революции». Впрочем, Шиллер еще в ноябре 1792 г., уже после взятия Майнца, думал о переезде во Францию: он писал своему другу Кернеру 17 ноября, что у французов ему жилось бы лучше, чем в Иене.

Окончательно изменилось настроение этих кругов после казни Людовика XVI. Клопшток называл теперь в своих одах Францию «государством палачей и рабов», в котором вместо свободы царит фурия беззакония. Гердер «трижды перекрестил фальшивую свободу новых франков». Виланд и Шубарт писали, что французский народ не созрел для свободы и переносит ее еще хуже, чем свое бывшее рабство. Окончательно отвернулся от Франции и Шиллер, называя французов «жалкими живодерами». Политическое настроение этой части интеллигенции оказалось тем «чисто немецким энтузиазмом», который «сменился фанатической ненавистью к революции», как только «...теории были отодвинуты фактами на задний план....»[1] Более прочными оказались симпатии Шлецера, который продолжал и в 1793 г. сочувствовать французской революции и видеть в ней

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 7.

носительницу прогресса; между прочим, одна статья Шлецера из его журнала «Штаатсанцейгер» («Staatsanzeiger») была напечатана в переводе во французской газете «Монитёр» от 8 декабря 1791 г. В ней Шлецер говорит: «революция на практике научила тому, что мы, немцы, уже с давних пор знали в теории».

В том же Геттингене, где Шлецер так смело критиковал политическую жизнь Германии, образовалась группа лиц враждебного к французской революции направления. Это контрреволюционное влияние шло из Англии, с которой курфюршество Ганноверское было связано персональной унией. Геттинген, центр умственной жизни Ганновера, был хранителем английских традиций. «Мы в Геттингене охотно становимся полуангличанами и не только по платью, нравам и моде, но и по внутреннему облику», — говорил геттингенский историк Шпитлер. Немудрено, что именно в Геттингене и в Ганновере книга Бёрка нашла сразу отклик. Геттингенский государствовед Эрнст Брандес жил в Англии и находился под личным влиянием Бёрка. Его книга «Политические размышления о французской революции» вышла почти одновременно с книгой Бёрка. В ней он старался доказать, что хотя старый режим во Франции и нуждался в изменениях, но что эти изменения можно было внести без вмешательства вооруженного народа, т. е. без революции. Другой ганноверский государствовед Реберг, также под влиянием Бёрка, выпустил в 1793 г. «Исследования о французской революции», затрагивающие общие принципы, которые лежат в основе революции. Так, он критиковал понятие «всеобщей воли» Руссо, полагая, что это — метафизическое понятие, которое невозможно применить к миру эмпирическому. Реберг относился к тому худшему типу ученых, которых заклеймил Кант в своей статье «Это может быть правильно в теории, но не годится для практики». Бёрк оказал влияние и на Фридриха Гентца, который выпустил перевод книги Бёрка в конце 1792 г. Гентц был учеником Канта и, подобно Канту, приветствовал первые шаги французской революции. В марте 1790 г. он писал философу Гарве: «Дух времени живет во мне, человечество должно пробудиться к новой жизни; я молод и сочувствую всеобщему стремлению к свободе». Но книга Бёрка обратила его в традиционалиста, полагающего, что надо во что бы то ни стало защищать традиции, устои, стабильность жизни в ущерб тому новому, что зреет в старом.

Германия в целом не была подготовлена к тому, чтобы активно примкнуть к революционному выступлению Франции, однако события на ее западе оказали большое влияние и на буржуазию и на народные массы Германии, и традиции французской революции прочно утвердились на берегах Рейна.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ РЕЙНСКОЙ ОБЛАСТИ И МАЙНЦСКАЯ КОММУНА

С самого начала кампании, с весны 1792 г. население левого берега Рейна с пристальным вниманием следило за революционными событиями во Франции.

Война в начале особенной тревоги не вызывала, так как казалась еще далекой. Однако в сентябре 1792 г. военная ситуация на Рейне резко изменилась. Военное министерство Франции решило образовать особую Вогезскую армию под командованием генерала Кюстина.

Кюстин, лотарингский граф, участвовал в войне северо-американских колоний за независимость, отличался большим темпераментом, смелостью и честолюбием, но был слабым стратегом. Поставленный во главе отдельной армии, он горел желанием проявить себя на деле. Обнаружив, что австрийцы и пруссаки, занятые в Аргоннах, оставили свои крепости и

склады без достаточной охраны, он решил выступить со своей армией и 24 сентября перешел границу.

Взятие Кюстином Шпейера и Вормса

Кюстин двинул войска на Ландау через Шпейер и Вормс к Майнцу. Майнцский курфюрст был известен как фанатичный и активный враг революции, а Майнцская крепость, находясь у слияния Майна со средним Рейном, по своему географическому положению считалась ключом к Германии; взятие ее дало бы возможность выравнять фронт по линии Рейна и помогло бы северной армии в Бельгии. Кроме того, Кюстин знал, что военные силы Майнца ничтожны, что почти всю свою армию в 3000 человек курфюрст послал под командой полковника Винкельмана на защиту пограничной крепости Шпейер. Рассчитывал Кюстин и на сочувствие населения, особенно крестьянского, стонущего под двойным игом феодалов и попов. Известно было, что, например, в Трирской области, когда было приказано молиться об устранении военной опасности, крестьяне говорили: «Неужели мы должны молиться за сохранение попов с их имениями и десятинами, нет, этого мы делать не будем!» Правительства этих духовных княжеств настолько не доверяли крестьянам и бюргерам своих городов, что боялись их даже вооружить. Почти во всех городах курфюршества, — в Вормсе, Майнце, Кобленце и Бонне, — бюргерство, т. е. буржуазия и интеллигенция, относилось к французской революции с большим сочувствием. Когда Гёте в августе 1792 г. встретился в Майнце со своими друзьями (Форстером, Земмерингом, Губером и др.), то он чувствовал, что говорить о политике с ними нельзя, так как друзья его настроены были республикански, а он спешил в ставку герцога Брауншвейгского.

Из всех духовных княжеств Майнцское курфюршество было наиболее автократичным по своему управлению, так как еще в XV веке в нем были уничтожены все земские учреждения. Ремесленники жили заказами на курфюрста и местную знать; местная промышленность была развита слабо; торговля сильно стеснена сложной таможенной системой и средневековым складским правом. Словом, Майнц, этот город дворцов, монастырей и церквей, даже в Германии того времени казался анахронизмом. Кюстин, готовя поход на Майнц, знал, что он может рассчитывать на доброжелательное отношение к французской армии со стороны крестьянства и интеллигенции, по меньшей мере на пассивное отношение бюргеров и на слабость военных сил курфюрста.

29 сентября Кюстин выступил из Ландау на Шпейер. Винкельман знал о приближении Кюстина и решил принять сражение перед крепостными воротами Шпейера. Но когда французы выпустили первые артиллерийские снаряды, Винкельман приказал отступить за городскую стену. За ним следом ворвались солдаты Кюстина, и бой завязался на улицах Шпейера. Кюстину удалось выгнать майнцских солдат из города, и они бросились к Рейну, надеясь переправиться на другой берег. Но Рейн в результате непрерывных дождей разлился и образовал непроходимые болота; солдаты вынуждены были сдаться. Город был в руках Кюстина. Голодные французские солдаты бросились на продовольственные лавки, потом начали грабить церкви. Кюстин расстрелял перед выстроившимся батальоном одного капитана и двух сержантов, пойманных на месте преступления, и этим остановил грабеж. С этого момента население не могло нахвалиться поведением французской армии. Об образцовом поведении французов в Шпейере писал даже прусский посол в Майнце Штейн. Кюстин действительно старался привлечь симпатии не только населения Шпейера, но и пленных майнцских солдат и офицеров. Офицеры и врачи были отпущены в Майнц под честное слово, что они в течение года не будут служить в армии, сражаю-

щейся с Францией. Даже злобный Винкельман, который мечтал сжечь «нечестивый» Париж, благодарил Кюстина за проявленное им благородство в отношении пленных офицеров. Солдаты были отправлены в Страсбург, где их встретили, как родных братьев. Женатым разрешили вернуться в Майнц по просьбе Дорша, бывшего священника и профессора Майнцского университета. Распропагандированные этим отношением, революционными листовками и брошюрами, напечатанными в Страсбурге для немцев, майнцские солдаты приехали на родину друзьями французской армии. «Лучше бы я узнал, что они грабят и разоряют страну», — воскликнул майнцский канцлер Альбини, услышав об этом.

3 октября Кюстин послал отряд под командой полковника Нейвингера к Вормсу. Город совершенно не был защищен, и Нейвингер вошел в Вормс без всяких затруднений. По приказу Кюстина Нейвингер наложил контрибуцию в 600 тыс. ливров на епископа и капитул и 600 тыс. на магистрат, затем он разрешил последнему дать только 300 тыс., но зато дополнительно наложил контрибуцию на монастыри. Такой же контрибуции подверглось духовенство Шпейера. Дорога на Майнц была открыта, но Кюстин поверил ложному слуху, что к Вормсу подходит большая армия пруссаков, и поспешил отдать приказ 10 октября отступить из Вормса в Шпейер. Перед уходом Кюстин обратился к жителям Шпейера и Вормса с прокламациями, в которых он объяснял им, что наложил контрибуцию на тех, кто открыто поддерживал эмигрантов, что, уходя, он хочет вознаградить город за те убытки, которые он потерпел в момент взятия, и пожертвовал 5 тыс. флоринов беднякам города. После этого он написал Конвенту, что поставил себе целью, чтобы неимущие массы благословляли французов и ту Конституцию, которая должна принести счастье всем народам. Из этого похода Кюстин привез 800 тыс. ливров наличными деньгами, 362 бочки муки, 12 тысяч мешков ячменя и овса, 1500 палаток, 12 тонн белья, реквизированных у сторонников эмигрантов. Но главное, что вызвало огромный энтузиазм в Конвенте, — это множество взятых им имперских знамен.

Взятие Майнца

Первый поход Кюстина вообще был воспринят как большой триумф. В Савойю французы вошли без сопротивления и пролития крови, взятие же Шпейера было первым военным успехом на территории неприятеля. В Германии это событие произвело не менее сильное впечатление. Князья и духовенство были охвачены паникой. «Майнцские жители только о том и думали, как бы спастись бегством», — писал австрийский посол граф фон-Шлик 2 октября. Рейн был покрыт судами и лодками, перевозящими беженцев из угрожаемых мест. В Майнце паника была так велика, что почти все аристократы, дворянство, эмигранты и священники и даже часть университетских профессоров бежали из города. Курфюрст был в своей летней резиденции в Ашафенбурге, но 3 октября он приехал в Майнц, захватил свои драгоценности и тайком бежал из города в карете, с которой велел счистить свой герб. Хозяевами города он оставил канцлера Альбини и коменданта Гимниха. Альбини пытался организовать защиту. Крепость была в плачевном состоянии: внутренняя стена была разрушена, а защитные рвы за внешней стеной были засыпаны и превращены в газоны и цветники. Майнцская армия была разгромлена в Шпейере. Помощи ждать было неоткуда, тем более, что ближайшая дисциплинированная армия ландграфа Гессен-Дармштадского была им нарочно отослана в Гессен, подальше от возможного театра войны. И хотя рейхстаг постановил 8 октября итти на помощь прирейнским княжествам, это решение не имело никакого реального значения, так как при чрезвычайно медленных темпах имперской мобилизации можно было ждать помощи от округов не раньше, чем через год.

Тем временем Кюстин оправился от своей нерешительности. Полученные им сведения о положении Майнца убедили его в возможности нового наступления. Дорога была свободна, население Шпейера и Вормса ждало французов, как освободителей, а немецкие демократы, жившие в Страсбурге, — а также те, которые примкнули к Кюстину в первом походе, — всячески вдохновляли его на прогулку по «поповской улице», как они называли духовные курфюршества.

16 октября Кюстин выступил в поход на Майнц и 18 октября форсированным маршем подошел к Мариенборну у Майнца. Кюстин решил взять Майнц хитростью. По его приказанию, артиллерия, кавалерия и пехота стали так искусно маневрировать, что с высоты сан-стефанской башни в Майнце получилось впечатление, что под стенами Майнца скопилась французская армия в 30 тыс. человек. Не начиная осады, Кюстин предложил Гимниху сдаться, чтобы спасти город от разрушения. Гимних просил отсрочить ответ до 20 октября, а пока собрал совет, на котором все военные, в том числе и прусский посланник Штейн, высказались за сдачу.

21 октября были подписаны условия капитуляции, по которым гарнизону и всему гражданскому населению города разрешено было свободно выехать из него, а оставшимся бюргерам Кюстин обещал сохранить порядок и обеспечить безопасность личности и имущества. На следующий день солдаты революции вступили в цитадель первого князя Германской империи, в город немецких феодалов, духовных князей и французских принцев.

Большинство населения встретило Кюстина сдержанно, молчаливо. Мелкий ремесленный люд был напуган бегством курфюрста и дворянства; это грозило ему безработицей. Сочувствовавшая революции интеллигенция радостно встретила французов. К Кюстину сразу обратились некоторые профессора и врачи (Гофман, Ведекинд, Меттерних, Форстер) с предложением своих услуг. Военный инженер Эйкемайер, получивший образование в военной школе в Париже, возмущенный поведением курфюрста и его генералов, просил принять его во французское гражданство, желая перейти на службу революции. Из Страсбурга приехал философ Дорш, из Вормса юрист Бемер — все они собирались строить жизнь в Майнце на новых основаниях.

По плану военного министерства Кюстин должен был из Майнца спуститься по Рейну в Кобленц, захватить этот военный лагерь французских эмигрантов, взять Трир и соединиться с армией Дюмурье, шедшей из Бельгии вверх по Рейну к Кёльну, превратив тем самым Рейн, — эту естественную границу Франции, как его называли в Конвенте, — в барьер против феодальной империи. Об этом плане знали и немцы. Трир, его крепость на Рейне — Эренбрейтштейн и Кобленц ждали французов. Но Кюстин боялся итти на Кобленц, считая, что у него нет для этого достаточно войска и денег. Он решил захватить богатый и незащищенный город Франкфурт-на-Майне, а затем дать своей армии отдых на зимних квартирах. На следующий же день после капитуляции Майнца Кюстин направил 2000 солдат двумя колоннами под командой Ушара и Нейвингера вдоль Майна к Франкфурту. Сенат Франкфурта, сохраняя нейтралитет, впустил войска в город. Но Нейвингер остановился во Франкфурте и передал сенату письмо Кюстина, в котором генерал требовал контрибуции в 2 млн. гульденов за то, что сенат терпел эмигрантов и позволил им издавать в городе свою газету. Сенат протестовал. Кюстин писал, что контрибуцию должны платить только патриции города, монастыри, церкви и дворянство. Но сенат обратился за займом ко всему населению, и на следующий день ремесленники собрали 300 тыс. ливров. Кюстину, таким образом, здесь не удалось раз-

общить бедных ремесленников и богатых купцов, банкиров и патрициев города. После длительных переговоров Кюстину удалось получить только половину требуемой суммы, но сенат послал своих депутатов в Париж, с тем, чтобы добиться отмены распоряжения Кюстина и возврата денег. По этому поводу мнение французского правительства разделилось: министр иностранных дел Лебрен и министр внутренних дел Ролан были за возврат контрибуции, но министр финансов Клавьер отказался возвратить деньги, заявив, что контрибуции — это необходимый аксессуар войны, что Франция отказывается от завоеваний, но не от контрибуций, которые необходимы для освобождения народов тех стран, куда входят французские армии. Франция находилась в тяжелом финансовом положении, ей необходимо было открыть в новых странах сбыт своим ассигнатам и, кроме того, получить как можно больше твердой валюты. Но эта валютная спекуляция сильно повредила освободительной миссии республиканцев, как это показал пример Франкфурта. Правда, на Майнц, где Кюстин думал обосноваться прочно, контрибуция не была наложена.

Политика Кюстина в Майнце

На другой же день после своего прибытия Кюстин выпустил воззвания к жителям Майнца и «к порабощенному народу немецкой нации». В этих воззваниях, составленных почти в одних и тех же выражениях, Кюстин заявлял: «Я сохраню в силе старые налоги; только с тех потребую контрибуции, которые на вас налагали непосильные тяжести, а сами их избегали. Я буду охранять все конституционные власти, пока не станет известным свободное волеизъявление бюргеров и крестьян архиепископства Майнцского, епископств Вормсского и Шпеиерского и других местностей Германии, где будет развеваться знамя Франкской республики. Я собираюсь привести эту крепость в такое состояние, чтобы ее никто не мог взять, и хотя среди вас распространяют слух, что я ее собираюсь покинуть, я вам клянусь, что буду ее защищать, даже если вся армия наших врагов подойдет к ее стенам...»

Из этих воззваний можно было заключить, что Кюстин не думал отменить феодальные повинности, снять курфюршеских чиновников и изменить старые суды. Не получив никаких политических инструкций ни от Конвента, ни от Исполнительного комитета, Кюстин решил действовать в духе Конституции 1791 г., т. е. ничего не менять в строе чужой страны, но предоставить народу право самому принять ту или иную форму правления. Однако, немецкие демократы, окружавшие Кюстина, расценивали такое поведение Кюстина как политическую ошибку. Под влиянием их критики Кюстин выпустил 4 ноября другое воззвание к населению, составленное, по всей вероятности, философом Доршем. В нем Кюстин старался в отвлеченных юридических формулировках найти оправдание своей нерешительной политике. «Ведь истинная свобода, — говорилось в воззвании, — состоит в том, чтобы подчиниться только тем законам, которые люди сами себе дают; но до того, как вы будете иметь свои законы, нужно подчиняться законам ваших угнетателей, чтобы показать себя достойными лучших и более справедливых законов». Это был язык робкого жирондиста, а не язык революционного генерала. Крестьяне его не понимали и ждали другого. Между тем, вся тяжесть пребывания французской армии в оккупированной местности легла сразу на крестьян. Как только Кюстин вошел в Майнц, он издал постановление об учете всех запасов продовольствия и одежды, которые были приготовлены для австрийской и прусской армий. Но, не дожидаясь учета, армейские комиссары поехали по деревням и реквизировали все запасы. Запасы дров и соли в городе были также взяты для нужд армии. Чтобы

поднять настроение в городе и деревнях, Кюстин разрешил 31 октября свободную продажу продовольствия на рынках и подвоз дров. Положение цеховых ремесленников было также затруднительно, и не потому только, что из города эмигрировала вся знать, но и потому, что за французскими войсками шли французские ремесленники и рабочие, которые не считались с цеховыми порядками и отбивали работу у местных жителей. Транзитная торговля по Рейну и Майну остановилась, и это сильно задевало интересы купеческого сословия.

Когда 26 октября Кюстин обратился к цехам и предложил им высказаться, желают ли они принять французскую Конституцию, создать свою собственную новую или оставить старую, то цехи были в нерешительности и заявили, что присоединятся к решению купеческого, самого богатого, сословия. В купеческом сословии 13 человек было безоговорочно за французскую Конституцию, 81 человек высказались за выработку своих предложений. Вводная часть постановления говорила о величии французской революции, о силе дерзания французского народа, но, добавлялось там, «флегма, свойственная нашей натуре, и наше положение не дают нам возможности вам подражать». Эта теория об особых условиях и свойствах немецкой психологии, видимо, была тогда популярна.

Нота купеческого сословия опиралась на французскую Конституцию 1791 г. Конституционно-монархический строй Франции принимался за образец. Признавая ряд крупнейших недостатков прежнего курфюршеского правительства, купцы все-таки не считали возможным обойтись без князя и Германской империи. Они стояли только за ограничение этого монарха представительным учреждением от бюргерства и дворянства, избираемым каждые два года. Далее они требовали уничтожения налоговых привилегий дворянства и духовенства, владевших двумя третями всей земли бывшего курфюршества, и равномерного распределения налогов. Наконец, купцы просили, чтобы при заключении мира между Францией и империей французы позаботились о том, чтобы новая Конституция была принята и признана императором и империей. Купеческое сословие было настолько тесно связано с Германией как в экономическом, так и в культурно-политическом отношении, что даже не допускало мысли об отрыве от империи, тем более — об образовании самостоятельной республики или о присоединении к Франции.

Большинство цехов отнеслось к политической декларации купцов-конституционалистов сдержанно. Цехи боялись высказываться по вопросу о форме правления, они также не были уверены в прочности французской оккупации и не хотели себя компрометировать тем или иным политическим решением. Они только настойчиво заявляли о своем желании сохранить цеховой строй, считая, что он их гарантирует от безработицы. Немецкие демократы учли эти выступления купцов и ремесленников. Они поняли, что для того, чтобы успешно провести в Майнце революцию, надо привлечь на свою сторону массы городского населения. Вот почему в Майнцском клубе, где с 24 октября собирались все сочувствующие принципам свободы и равенства вожди майнцской демократии (Гофман, Меттерних, Боост, Форстер), в резких и ярких речах разбивали предложения купеческого сословия, их политическую платформу, но не задевали требований цехов. Напротив, в клятве, под которой подписались все клубисты, говорилось, что они принимают французскую Конституцию с удовольствием, «но при единственном условии, что закон, уничтожающий цехи, только тогда вступит в действие, когда потеряют силу местные особенности, которые в настоящее время делают сохранение замкнутых цехов для нашего благосостояния необходимым». Клубисты высказались за то, чтобы Майнц отделился от Герман-

ской империи и установил у себя республиканский строй; относительно присоединения всей области от Ландау до Бингена к Франции или создания особой республики вопрос оставался открытым.

Политическая деятельность майнцских клубистов

В начале войны немецкие демократы склонялись к мысли, что правильнее было бы образовать федеративную республику из Франции и оккупированных областей — Бельгии, Савойи и левого берега Рейна. Еще 25 октября, сразу после прихода французов в Майнц, Форстер писал: «Если французам удастся очистить Бельгию и захватить Рейн, то возникнет федерация республик от Швейцарии до Голландии, по левую сторону Рейна, которой ни один чорт ничего не сможет сделать». На первых же заседаниях майнцского клуба вожди немецких демократов выступили с резкими речами против предложения купеческого сословия сохранить князя и связь с империей. «Монархизм по самой натуре своей содержит в себе все то зло, которым отмечено было правление вашего курфюрста, — говорил Гофман, — а единство империи — это фантом, в который не верят ни Австрия, ни Пруссия». Когда один из представителей купеческого сословия выразил сомнение в том, чтобы такая маленькая республика могла существовать в виде буфера между Францией и Германией, клубисты стали выдвигать идею присоединения к Франции. Замечательная речь Форстера в клубе 15 ноября так и была озаглавлена: «Об отношении жителей Майнца к франкам. Присоединение левого берега Рейна к Франции». С огромным пафосом приветствовал он «покорителей тиранов, которые, как братья, пришли к нам... Наши языки различны, но должны ли поэтому быть различны и наши понятия? С каких это пор различие языков делает невозможным подчинение одному и тому же закону? Разве русская самодержавная императрица не царит над сотней народов, говорящих на различных языках? Разве не говорят на различных языках венгерец, чех, австриец и миланец — все слуги одного императора? Так неужели же свободным народам будет труднее договориться о вечных истинах, лежащих в основании природы человека, чем рабам слушаться своего господина?.. Мы ответим перед богом и миром, если упустим возможность установить у себя новый строй... Рейн, великая судоходная река, является естественной границей большого свободного государства, которое не желает завоеваний, но принимает только те народы, которые свободно к нему присоединятся... Если жители Майнца и прилегающих мест выразят желание быть свободными и стать франками, то вы будете включены в состав несокрушимо свободного государства..., и тогда Французская республика должна вас защищать, как свои собственные провинции».

С большой смелостью развенчал Форстер германскую конституцию, в которой многие политические мечтатели того времени видели «дух германской свободы», во имя которой они звали назад к «доброму старому времени». Форстер прямо сказал, что эта мнимая германская свобода только «дьявол феодального рабства, как это легко узнать по громадным книгам, которые он таскает с собой, и по звону цепей, сопровождающему каждый его шаг. Это ужасное привидение, говорящее о титулах, о феодализме, о пергаментах, в то время, когда разумные люди говорят об истине, о свободе, о нации и человеческих правах, может быть изгнано только в том случае, если итти на него с оружием в руках». Речь Форстера произвела сильное впечатление в Майнце. Несмотря на свое скромное положение университетского библиотекаря, он пользовался большим моральным авторитетом, как ученый и мыслитель, как смелый сподвижник Кука, объездивший весь мир и утвердивший свою славу и во Франции и в Англии. Среди провинциальных немецких политиков он выделялся широтой

своего политического кругозора и пониманием международных отношений. Его вступление в клуб сильно укрепило позиции клубистов и подняло настроение всех тех, кто не решался стать на сторону революции и боялся победоносного возвращения своих прежних повелителей.

Оставленная Кюстином в Майнце старая курфюршеская администрация вызывала возмущение клубистов. Они справедливо боялись, что это произведет плохое впечатление на население, которое привыкло смотреть на чиновников курфюрста, как на своих угнетателей. Кюстин понял свою ошибку и 19 ноября заменил старый правительственный аппарат новым временным, впредь до созыва Национального конвента в Майнце. Президентом этого правительства, или новой администрации, как тогда говорили, стал Дорш, помощником его Форстер. В воззвании, которое по этому поводу выпустил Кюстин, говорилось, что высшие члены администрации имеют право сменять чиновников, которые угнетают народ и не признают принципов свободы. Относительно отмены феодальных повинностей Кюстин вновь повторил, что не в его власти отменить их окончательно, но перемена правительственного аппарата есть первый шаг к тому. Одновременно изменен был и состав муниципалитета. Первый приказ новой администрации за подписью Дорша касался введения политической цензуры. Далее, администрация подчинила всех жителей города городскому суду и этим впервые уничтожила существовавшие до того сословные различия. Администрация ведала полицией, юстицией, финансами и церковными делами всего Майнцского округа, который включал в себя не только Майнц и Бинген, но и захваченную Кюстином область от Ландау до Бингена, в том числе Шпейер и Вормс. Все распоряжения администрации должны были быть санкционированы Кюстином.

Руководство демократического клуба в лице Гофмана, представлявшее крайне-левое крыло майнцской демократии, было недовольно новой администрацией. Эта левая часть клуба высказывалась за присоединение к Франции, полагая, что только при этом условии можно упрочить новый строй. Клуб стоял за укрепление военной диктатуры, в которой он видел единственное средство защиты от коалиционных сил империи. Уже в конце октября майнцские клубисты поставили Кюстину вопрос, обещает ли Французская республика защищать освобожденные ею народы от поползновений тиранов к восстановлению своей власти. Кюстин, в свою очередь, писал об этом военному министру Пашу и предлагал Конвенту объявить французскими гражданами всех жителей стран, занятых французскими войсками, так как это лучший способ привлечения людей к принципам революции. 19 ноября депутат Конвента Рюль сообщил Конвенту следующее: «Клуб друзей равенства и братства, основанный в Майнце, обратился ко мне с вопросом, желаете ли вы защищать майнцских жителей или собираетесь их бросить на произвол деспотов, которые им угрожают. Я предлагаю вам объявить, что народы, которые захотят с нами брататься, будут находиться под охраной французской нации».

Декрет от 19 ноября 1792 г.

В результате обсуждения этого вопроса в Конвенте был принят декрет от 19 ноября 1792 г. о помощи, предоставляемой французской нацией народам, желающим свободы. «Национальный конвент объявляет от имени французской нации, что он предлагает братство и помощь всем народам, которые захотят взять себе свободу, и поручает Исполнительному комитету дать необходимые указания генералам, чтобы помочь этим народам и защитить граждан, которые пострадали или могут пострадать за дело свободы. Этот декрет должен быть переведен и напечатан на языках тех стран, где находятся армии республики».

Так, под влиянием майнцских клубистов был издан первый декрет, давший толчок к более решительным выступлениям против феодального гнета за пределами Франции. Этот декрет настолько обеспокоил англичан, что Лебрен должен был дать успокоительные заверения английскому министру иностранных дел лорду Гренвилю, что он имеет в виду только те народы, которые сами ищут присоединения.

Это не помешало Грегуару в его ответе 27 ноября на приветствие английской демократической делегации выразить надежду, что вскоре Франция, в свою очередь, будет приветствовать рождение республики на берегах Темзы. Жемапп и первые успехи революции в соседних странах подняли волну революционного энтузиазма на новую высоту, и Шомет 16 ноября высказывал уверенность, что вскоре «вся Европа вплоть до России будет муниципализована». Бриссо же писал, что Франция сможет «успокоиться лишь тогда, когда вся Европа будет в огне». Он направил одного из командиров армии Дюмурье, Миранду, на его родину — в Испанскую Америку — для поднятия там восстания.

Все это усиливало определенно враждебную позицию Англии, уже достаточно насторожившейся после оккупации французскими войсками Бельгии. Напряженность положения усилило распоряжение Временного исполнительного совета от 16 ноября 1792 г. об открытии, в нарушение пункта Вестфальского трактата, устья Шельды для торговых судов. Этот акт, с одной стороны, ставил Бельгию в положение уже присоединенной к Франции страны, а с другой — нарушал чрезвычайно оберегавшиеся Англией интересы международной морской торговли. Наступал предусмотренный Питтом в его меморандуме в 1789 г. момент, когда Англия считала для себя своевременным открыто вмешаться в борьбу коалиции против революционной Франции.

Между тем, освободительное движение на Рейне все ширилось и углублялось. Майнцских клубистов декрет 19 ноября удовлетворил вполне. Они сразу принялись за организацию предварительного референдума в области. Для этого были разосланы комиссары, снабженные инструкцией и образцом протокола, под которым собирали подписи. Голосовать должно было все мужское население, за исключением слуг. В протоколе выражалось желание создать конституцию наподобие французской. О присоединении к Франции открыто не говорилось, но завуалированно это высказано было в фразе: «в будущем составить с франками одну семью». Обязательство подчиниться в будущем французским законам ограничено было словами: «поскольку они применимы к нашему положению и климату». Эта фраза была вставлена специально для цехов. В сельских местностях комиссары устраивали праздники древонасаждения и раздавали листовки и текст французской Конституции.

Взятие Франкфурта пруссаками

Тем временем произошло событие, которое резко изменило настроение майнцского населения: 2 декабря пруссаками был взят обратно Франкфурт-на-Майне, и в Майнце началась паника. Успех пруссаков был страшной неожиданностью и для клубистов. Они считали, что коалиционная армия уже не существует, так как пруссаки были разбиты в Аргоннах, австрийцы — в Бельгии, а в возможность скорого создания имперской армии никто не верил, и в майнцском клубе постоянно высмеивались в стихах и песнях планы имперской войны. Никто не подозревал, что прусское командование наметило в Люксембурге новый план кампании, как только было получено известие, что Майнц взят Кюстином. Фридрих-Вильгельм решил спасти Кобленц, где находились арсеналы и склады. Авангард прусской армии уже 26 октября в полночь был у Кобленца. В темноте жители

города приняли прусских солдат за солдат Кюстина и встретили их криками: «Да здравствует Франция!» Пруссаки тем временем перешли Рейн у Неивида, что было бы невозможно, если бы Кюстин вместо Франкфурта держал в своих руках Кобленц. Первая стычка между Кюстином и пруссаками произошла 9 ноября. Пруссаки, еще не пришедшие в себя после неудач в Аргоннах, измученные тяжелыми переходами, отошли после часового боя. Но эта удача не обманула Кюстина; он понял, что прусская армия, отдохнув и получив подкрепление, станет опасным врагом для него, отрезанного от своих баз и от своих армий. Тогда Кюстин попробовал сделать то, чего пытался до него добиться Дюмурье: оторвать Фридриха-Вильгельма от коалиции. 12 ноября Кюстин послал Фридриху-Вильгельму письмо, в котором он старался убедить прусского короля, что его союз с императором чудовищен по своей бессмысленности, что он должен его разорвать и соединиться с Французской республикой. Правда, в Прусском королевстве нехватает денег и людей, но для того, чтобы восполнить этот недостаток, Кюстин посоветовал королю захватить Гессен-Кассельское ландграфство, взять казну этого государства себе и влить его армию в прусскую армию. Тогда Кюстин с помощью 300 пруссаков возьмет крепость Эренбрейтштейн, императорские войска, разбитые Дюмурье в Бельгии, будут отрезаны от Германии, а австрийский дом уничтожен. Так сильно было у французской буржуазии убеждение в непримиримом соперничестве между Австрией и Пруссией, что попытки оторвать Пруссию от Австрии делались и в 1792, и в 1793, и в 1794 гг. Французские революционные деятели не учитывали того, что Фридрих-Вильгельм и прусское юнкерство предпочли на время отложить свою борьбу против Австрии, чтобы вместе с нею выступить против революционной опасности, идущей из Франции.

Фридрих-Вильгельм не ответил на письмо Кюстина и продолжал итти тремя колоннами ему навстречу к Майну: правой колонной командовал принц Гогенлоэ, в центре находились король и герцог Брауншвейгский, левую колонну вел генерал Калькрейт. Кюстин мог перейти на левый берег Майна и сосредоточить свои силы для защиты Майнца, но он не хотел подпускать неприятеля так близко к городу и предпочел принять сражение на правом берегу, укрепившись у маленького города Гехст-на-Майне. Сама по себе позиция была выгодна для Кюстина, но при этом Франкфурт оставался далеко вправо от французских линий. Немцы поняли, что Кюстин не прикрывает Франкфурта, и решили использовать это положение. Герцог Брауншвейгский оставил Гогенлоэ около Гехста, а сам отправился с королем во главе гессенских полков на Франкфурт. 28 ноября гессенские гусары подошли к Франкфурту. Французским комендантом Франкфурта был полковник Ван-Гельдерн, голландский патриот, перешедший в 1787 г. на французскую службу, честный и преданный революции человек. Его положение было чрезвычайно затруднительно; он должен был по приказанию Кюстина ответить, что республиканец не капитулирует перед деспотами и выбирает только между славой и смертью. А между тем, маленький гарнизон во Франкфурте заведомо не мог рассчитывать на победу, тем более, что население города было настроено очень враждебно к французам вследствие наложенной контрибуции. Атака пруссаков началась 2 декабря. Помощь осаждающим пришла из города: значительная часть населения города, вооруженная палками, топорами и ножами, бросилась на французских солдат у самых ворот города, силой открыла ворота и впустила пруссаков и гессенцев. Кюстин послал на помощь Ван-Гельдерну отряд Нейвингера, но он пришел слишком поздно, когда город был в руках прусского короля. После этой неудачи Кюстин вернулся в Майнц, удержав за собой на правом берегу Рейна крепости Кенигштейн и Кастель, пред-

местье Майнца, и деревни Костгейм и Гохгейм также у самого Майнца на Майне.

В Майнце франкфуртская неудача вызвала сильное волнение. Прежде всего это отразилось на референдуме, устроенном в Майнце 17 декабря: напуганные бюргеры боялись прихода пруссаков и неохотно ставили свои подписи под протоколом. Клубисты усилили агитацию, они с возмущением писали о поведении франкфуртских жителей, протянувших руку своим деспотам и тиранам, но сознавали, что нужна сильная организация власти на новых началах, чтобы в Майнце не повторилось то, что было во Франкфурте.

Вопрос о «естественных границах Франции»

Еще яснее понимали это положение вещей в самой Франции. Период первых оптимистических надежд на то, что народы встретят французскую армию, как освободительницу, примкнут к ней и сами помогут расправиться со своими тиранами, — этот период прошел. И в Бельгии и в Германии французские генералы встретились со сложной обстановкой, полной противоречивых интересов, в которой сталкивались и революционный пафос, и пассивность, и недоверие, а часто и просто явная враждебность к новым идеям. В угрожающих условиях военного времени, осложненных катастрофическим финансовым положением, потребности защиты революции создавали почву для успеха идеи присоединения ряда завоеванных французской армией областей. Эта идея, отвечавшая интересам и планам экономической экспансии французской торгово-промышленной буржуазии, нашла свое выражение в формуле «естественных границ», получившей в конце 1792 г. большую популярность. О границах, предписанных природой, говорил осенью 1792 г. Бриссо. Но с наибольшей четкостью требование расширения Франции до «естественных границ» высказал Дантон: «Границы Франции отмечены самой природой. Мы их достигнем в четырех точках, которыми являются: океан, Рейн, Альпы и Пиренеи».

Декреты 15 декабря 1792 г. об организации власти в оккупированных областях

Комиссар в Бельгии и специалист по финансовым вопросам Камбон сумел в своей речи в Конвенте 15 декабря осветить с предельной четкостью все проблемы, связанные с политикой французов в оккупированных областях.

Какова была до сих пор эта политика?

Генералы, вступая во вражеские страны, говорили народам: вы свободны, — но ограничивались одними словами, оставляя в неприкосновенности дворян, привилегии, барщину, феодализм и т. п. «Выходит, что мы обещали, — говорил Камбон, — сделать народ счастливым, освободить от притеснителей, но мы ограничились обещаниями. Народ, порабощенный духовной и дворянской аристократией, не в силах сам разбить свои оковы. Мы же ничего не сделали, чтобы помочь ему освободиться».

Что же Камбон предлагал сделать с этими народами? Прежде всего разрушить старый строй, который держит их в рабстве, т. е. немедленно уничтожить десятины и феодальные права, а также все виды крепостничества. Но только тогда это уничтожение будет реальным, когда будут упразднены все существующие власти. «Ни одно учреждение старого порядка не должно более существовать, коль скоро возникает революционная власть... Необходимо, чтобы упрочилась система народовластия, чтобы все власти были обновлены,—иначе вы будете иметь во главе управления одних врагов. Вы не сможете дать свободу стране, вы не будете там в безопасности, покуда старые чиновники сохраняют свою власть; абсолютно необходимо, чтобы санкюлоты принимали участие в делах управления». Но даже поставив во главе управления новых людей, присягнув-

ших свободе и равенству, Конвент и французское правительство должны продолжать помогать им советами. С этой целью Камбон советовал послать в оккупированные области комиссаров Конвента из числа депутатов и национальных комиссаров от Исполнительного совета, которые гарантировали бы четкость политической линии, помогли бы обеспечить снабжение армии провиантом, а также ввели бы новую денежную систему в этих областях. Вместе с тем Камбон старался использовать отмену старых феодальных налогов для распространения новых революционных денег: «Вступая в страну, отменяя в ней все налоги, предлагая народу часть нашего достояния, чтобы помочь ему завоевать свободу, мы предложим ему наши революционные деньги. Он должен будет принять эти деньги; тогда вам не придется по дорогой цене покупать звонкую монету для того, чтобы в той же стране доставать одежду и съестные припасы; одни и те же интересы объединят оба народа для борьбы с тиранией; тем самым мы увеличим свои силы, так как получим средство уменьшить количество ассигнатов, циркулирующих во Франции, а земельное обеспечение, которое дадут имения, отданные под охрану республики, повысят курс этих ассигнатов».

Такова была новая программа действий в занятых французами областях, предложенная Камбоном и положенная в основу следующего декрета, принятого Конвентом 15 декабря для руководства французского командования в оккупированных областях:

«I. В странах, которые уже оккупированы или будут оккупированы армиями Французской республики, генералы должны немедленно объявить от имени французской нации уничтожение налогов и существующих сборов, десятины, феодальных прав — постоянных или случайных, крепостного права, связанного с землей, личной зависимости, исключительных прав на охоту дворянства и вообще всех привилегий. Они должны объявить народу, что несут ему мир, помощь, братство, свободу и равенство.

II. Они провозгласят суверенитет народа и упразднение всех существующих властей; они должны немедленно созвать народ в первичные или коммунальные собрания, чтобы создать и организовать временную администрацию; они должны опубликовать на языке или наречии страны прокламацию, связанную с настоящим декретом, и вывесить ее в каждой общине.

III. Ни чиновники, ни офицеры прежнего правительства, так же как и бывшие дворяне или члены бывших привилегированных корпораций, не могут быть в первых выборах избраны на временные административные или судебные посты.

IV. Генералы поставят немедленно под охрану и защиту Французской республики все имущество, движимое и недвижимое, принадлежащее фиску, князю, его исполнителям и приверженцам и добровольным сателлитам, общественным учреждениям и организациям светским и духовным; они незамедлительно должны сделать подробную опись, прислать ее Исполнительному совету и принять все меры, которые в их власти, для охраны этого имущества.

V. Временная администрация, избранная народом, должна взять в свое ведение имущество, поставленное под охрану и защиту Французской республики; она должна привести действующий закон в согласие с гражданским и уголовным процессом, с полицией и общественной безопасностью; она должна установить местные расходы и те, которые необходимы для общей защиты, и обеспечить их поступление; она может налагать сборы при условии, что они не лягут бременем на бедную и трудящуюся часть населения.

VI. Как только будет организована временная администрация, Национальный конвент выберет из числа своих депутатов комиссаров для братания с ней.

VII. Исполнительный совет также назначит национальных комиссаров, которые немедленно отправятся на места, чтобы совместно с временной администрацией принять меры для общей защиты и для получения одежды и продовольствия, необходимых для армий республики и для оплаты расходов, произведенных во время пребывания этих армий на данной территории...

VIII. Полномочия временной администрации, избранной народом, и функции национальных комиссаров прекратятся в тот момент, когда жители, провозгласив суверенитет народа, свободу и независимость, установят свободную и народную форму правления».

Отношение населения оккупированных областей к декрету 15 декабря

Этот декрет от 15 декабря был воспринят в разных странах по-разному. И не все французские генералы были способны понять, насколько он был продиктован необходимостью, и не все хотели принять его к исполнению. Так, Бельгия, которой Дюмурье в самом начале кампании обещал сохранить независимость, решительно отвергала этот декрет. Против него резко выступил и сам Дюмурье. Вся его политика в Бельгии расходилась с новыми установками, принятыми в Париже. В Бельгию были посланы комиссары, в числе которых был Дантон, с предписанием секвестровать имущество привилегированных в целях обеспечения ассигнатов, установить подлинно революционное правительство, которое отменило бы феодальные права и десятину и перенесло тяготы обложения на богатых. Дюмурье попытался бороться с этими декретами, поехал 1 января 1793 г. лично в Париж, пугал Конвент тем, что такая политика создаст лишь враждебные Франции настроения в Бельгии. Все было тщетно. В Бельгию было направлено 30 комиссаров, которые занялись проведением декретов Конвента. Они собрали до 611 миллионов с привилегированных, но им не удалось привлечь на сторону Франции и революции широкие демократические слои населения Бельгии. Непопулярность представителей революционной власти в Бельгии объяснялась целым рядом причин. Все политические партии упорно требовали независимости страны и, следовательно, сопротивлялись проведению в жизнь декрета от 15 декабря. Принудительное внедрение французских ассигнатов по паритету воспринималось всем населением, как экономическое ограбление страны. Наконец, давало себя чувствовать недовольство крестьян, которые ничего не получили от революции, так как обширные земельные владения церкви и духовенства не были им переданы и они еще несли тяжелые повинности, связанные с оккупационным режимом. Кроме того, некоторые комиссары, в том числе Дантон, запятнали себя злоупотреблениями в целях личной наживы. Все это создавало благоприятную почву для контрреволюционной пропаганды влиятельного духовенства, и в феврале 1793 г. комиссары сообщали, что при малейшем повороте военных событий французам в Бельгии грозит смертельная опасность. Присоединение Бельгии произошло в феврале 1793 г. Выборы проходили очень вяло, голосующих было мало, и они соглашались на присоединение к Франции со всякими оговорками.

Иначе обстояло дело в Савойе и в Ницце. Там население, — в огромном большинстве крестьяне, говорящие на французском языке, — приняло армию Монтескью, как избавительницу от ненавистного правительства, дворянства и духовенства. Уже в октябре Савойя послала своих депутатов в Национальное собрание в Париж с предложением — составить

из Савойи особый департамент. Но Национальное собрание тогда еще твердо стояло на том, чтобы не завоевывать страны, а только освобождать их от тиранов, сохраняя самоуправление. Поэтому оно объявило депутатам, что Савойя свободна и может составить особую республику под покровительством Франции. Тогда 655 савойских общин выбрали каждая по одному депутату, которые собрались 22 октября в Шамбери и образовали «Национальное собрание аллоброгов». Аллоброги, как известно, — кельтское племя, жившее в нынешней Савойе в I—III веках и стойко защищавшееся от римлян. Савойцы, считавшие себя потомками аллоброгов, желали подчеркнуть этим названием свою самобытность и указать на свою вековую традиционную борьбу с Италией. Каждый депутат имел мандат от своей общины на голосование в пользу присоединения к Франции. На первом же заседании Национального собрания было решено присоединить к свободной Франции свободную Савойю, освобожденную от цепей феодального рабства. Первое постановление Собрания касалось владений и имущества савойских эмигрантов; в нем говорилось, что, если эмигранты не возвратятся до 25 декабря в Савойю, их имения будут конфискованы в пользу республики. Затем последовали декреты об уничтожении феодальных прав и десятины и о национализации всех церковных земель. Быстро освободившись от самого тяжелого наследия прошлого, Национальное собрание аллоброгов возобновило свое предложение Конвенту. На основании доклада Грегуара 27 ноября 1792 г. Конвент всеми голосами против одного решил присоединить Савойю к Французской республике. Присоединение Ниццы последовало 31 января 1793 г.

Благоприятная почва для присоединения была и в пограничных с Эльзасом деревнях. Пропаганда, идущая из Страсбурга, имела успех, и после объявления войны поднялись восстания от Ландау до Вейсенбурга, в землях, принадлежащих Гессен-Дармштадту, отчасти в землях пфальцских, цвейбрюккенских и нассау-вейльбургских. Но особенно широко разлилась эта волна восстания в ноябре 1792 г., когда Кюстин прочно утвердился в Майнце. В Саарвердене население требовало введения французских законов; 13 ноября многие деревни графства Саарбрюккен потребовали присоединения к Франции, а жители местечка Бурбах хотели основать особую республику. Самое большое восстание было в округе Бергцаберн, который принадлежал Цвейбрюккену; 4—6 ноября 1792 г. в округе Бергцаберн, образовался муниципалитет по образцу французского, жители сняли цвейбрюккенские эмблемы, надели кокарды, посадили «дерево свободы», открыли клуб и обратились в Конвент с просьбой о присоединении к Франции. 22 января 1793 г. в Бергцаберне собрались представители муниципалитетов всех восставших деревень с тем, чтобы образовать свободное государство, с общим ландтагом и президентом. Ландтаг был назван «швейцарским» и должен был заседать поочередно в Бергцаберне, Билинггейме и Клингенмюнстере. 14 марта 1793 г. Конвент «принял пожелание, свободно выраженное суверенным народом городов и общин на первичных собраниях, о присоединении к Франции», и объявил их «составной частью Французской республики». Этот третий акт присоединения к Франции касался 12 местечек Цвейбрюккена, 15 курпфальцских деревень и 5 деревень, принадлежавших отдельным графским фамилиям.

Сложнее всего складывались взаимоотношения Франции и Майнца. В Майнце мы не находим такого единодушия в выражении политических симпатий, как в Савойе или в деревнях пограничных государств. В октябре—ноябре 1792 г. население постепенно втягивалось в новый политический строй и находило удовлетворение в кипучих формах жизни, которые сумели создать в короткий срок французы и небольшая группа

немецких демократов. В клуб записалось больше 1000 человек, выходило шесть газет, множество листовок, брошюр, читались доклады, население широко участвовало в обсуждении муниципальных вопросов. Все это было ново и увлекательно для лишенных всякого политического опыта обывателей Майнца. Но в декабре, после взятия Франкфурта, настроение сразу изменилось, на население напал страх, и вернулось недоверие к прочности новой власти. К тому же 19 декабря император Франц II выпустил закон, по которому запрещал своим подданным под страхом тяжелых наказаний поступать на французскую гражданскую или военную службу, а тех, кто уже поступил, призывал ее оставить. Этот закон вызвал большое смятение в бюргерской среде.

Организация Майнцской коммуны

1 января в Майнц приехали комиссары Конвента Ребель, Мерлен из Тионвиля и Гаусман, а вскоре за ними и национальные комиссары Симон и Грегуар. Нужно было провести в жизнь декрет от 15 декабря, подготовить население к выборам в муниципалитеты и Национальный конвент в Майнце. Комиссары Конвента прежде всего старались поднять настроение майнцских жителей. 13 января они устроили праздник «дерева свободы» на главной площади города, при большом стечении народа. Затем они приняли меры по благоустройству города, проверили работу чиновников, предупредили ряд злоупотреблений, наконец, выпустили прокламацию в ответ на имперский закон, запрещавший поступление на французскую службу. В середине февраля Кюстин выпустил воззвание, в котором выборы назначались на 24 февраля и объявлялось об обязательности присяги для всех избирателей. Для успокоения католического населения Кюстин объяснил, что отказ от курфюрста как от владетельного князя не означает еще отказа от него как от епископа. Но для населения самым страшным казалось открытое отречение от князя и империи, что могло повести к большим неприятностям в случае реставрации. Не только духовенство и бывшее чиновничество, но и цехи подали мотивированную записку генералу Вимпфену, замещавшему Кюстина во время его отсутствия, в которой заявляли, что не во власти бюргеров разорвать связь с Германской империей. Строительный цех писал: «Всякий понимает, что мы не можем принести клятву верности франкам, не выставляя себя врагами Германской империи; что есть разница между тем — слушаешься ли завоевателей или делаешь с ними общее дело против империи как суверенный народ». На собрании в муниципалитете 21 февраля представители цехов, духовенства и разных учреждений высказались против принесения присяги. Они предложили дать французам клятву, что будут с ними мирно жить и работать, но не выступят ни против них, ни против их врагов. Однако, ни комиссары, ни французское командование не могли на это согласиться. Надо было всеми способами добиваться перелома в настроении масс.

Инструкция для проведения выборов была составлена Форстером и была сходна с парижской, относящейся к выборам в Конвент в августе 1792 г. Выборы были прямые, но не всеобщие, так как исключались женщины и слуги, и не тайные; последнее объяснялось большим количеством неграмотных. 24 февраля каждая община должна была выбрать муниципалитет, т. е. мэра, членов муниципалитета и прокуратора, который должен был следить за законностью действий муниципалитета и защищать интересы граждан.

19 февраля все майнцские клубисты были отправлены для пропаганды в провинцию. Они нашли в деревнях совсем не то настроение, какое было в ноябре. Облегчения от уничтожения феодальных повинностей, всяческих налогов и поборов, как это объявлялось декретом от 15 декабря, крестьяне

совсем не чувствовали. Крестьян, как раньше на барщину, теперь сгоняли для работ по восстановлению крепости, расплата ассигнатами за приобретаемое у крестьян продовольствие расценивалась ими, как реквизиция. «Не проходило недели, — вспоминал впоследствии один очевидец, — чтобы не приезжал в деревню верховой француз со списком требований на продукты, телеги, рабочую силу для крепостных работ. Хуже всего было тем, кто имел лошадей. Крестьяне должны были везти фураж в город, а затем их не отпускали домой, а отправляли дальше к французской границе». Неудивительно, что многие общины не захотели присягать по революционной формуле. В Майнце избраны были муниципалитет с мэром Макке во главе и шесть депутатов в Национальный конвент, среди которых были Гофман, Форстер и Меттерних.

17 марта открылся в Майнце Национальный конвент при наличии 69 депутатов, из общего числа в 100 человек. Гофман был избран президентом, Форстер — вице-президентом. По предложению Форстера, 18 марта было постановлено, что область от Ландау до Бингена является свободным, независимым и неделимым государством, сувереном же его считается народ, который через своих представителей объявляет связь с германским императором и империей порванной, а права владетельных князей на этой территории — несуществующими. Далее обсуждался вопрос, должно ли это новое свободное государство быть связанным с Францией как союзное или ему выгоднее просить Конвент о присоединении его к Франции. За присоединение выступали Гофман, Форстер, Дорш, Ведекинд и Меттерних; все они доказывали, что в условиях феодального окружения новое государство не может вести самостоятельного существования. 21 марта был принят декрет о присоединении к Франции, так как «независимость нового свободного немецкого государства между Ландау и Бингеном на Рейне могла быть достигнута только при помощи победоносной французской армии». На следующий день была избрана депутация в составе Форстера, Люкса и Потоцкого, которая должна была передать Конвенту в Париже решения майнцского Конвента.

30 марта после речей комиссара Конвента Гаусмана и майнцского депутата Георга Форстера французский Конвент единогласно принял решение о присоединении к Франции левого берега Рейна от Ландау до Бингена.

Взятие Майнца пруссаками в июле 1793 г.

В январе 1793 г. Кюстин был вызван в Париж для обсуждения вопроса о том, нужно ли Франция удерживать за собой Майнц. Большинство в военном совете было за оставление Майнца. Только Кюстин горячо защищал план укрепления Майнца, считая эту крепость опорной для дальнейшего продвижения в Германии. Ему удалось убедить в этом нового военного министра Бернонвиля. Кюстин вернулся в Майнц к открытию там Конвента, 17 марта, а 18 марта произошло поражение Дюмурье при Неервиндене и продвижение армии Кобурга из Нидерландов к Рейну, к левому флангу французской армии. 19 марта Кюстин с 10 тыс. солдат вышел из Майнца в Крейцнах, где стоял Ушар; в Бингене находился в это время Нейвингер. Бои этих французских армий с коалиционной армией под Альсгеймом 30 марта кончился для Кюстина неудачно, и он отступил к Ландау, передав командование в Майнце генералу Дуарэ.

Французский гарнизон в Майнце состоял из 22 тыс. человек; между тем, к Майнцу со всех сторон стягивалась под командой Калькрейта коалиционная армия, состоявшая всего из 36 тыс. человек. Тем не менее, союзники заняли выжидательную позицию, рассчитывая взять Майнц мирным путем, как это сделал в свое время Кюстин. Французы с лихорадочной поспешностью проводили работы по укреплению крепости,

делали запасы продовольствия, но им нехватало денег и мешала оторванность от Парижа. Французскому командованию не было известно положение на других фронтах, и пруссаки старались играть на этом, применяя во время переговоров с французами провокационные методы. 12 апреля они передали французам фальшивое письмо Кюстина с предложением капитулировать; 13 апреля пытались сообщить гарнизону обращение Дюмурье к армии, выпущенное им после его измены. Все это не дало никаких результатов.

Между тем, французы продолжали в мае и июне тревожить многочисленными вылазками пруссаков, которые осаждали город. Особую активность проявил корпус добровольцев, созданный в Майнце, как только началась осада. В промежутках между сражениями происходили встречи французских и немецких солдат, мирное братание, во время которого они угощали друг друга и даже обменивались одеждой. После 30 мая прусский король решил взять город штурмом. Началась бомбардировка, горели монастыри, церкви, целые кварталы домов; 16 июля была обстреляна крепость. Дуарэ стал думать о капитуляции, тем более, что помощь извне не приходила и он ничего не знал о передвижениях французских войск. 19 июля началось обсуждение условий сдачи. Пруссаки согласны были отпустить весь французский гарнизон и французских граждан, но не соглашались разрешить выезд майнцским жителям, имея в виду клубистов. Французы предложили клубистам, о которых в условиях капитуляции вообще не упоминалось, выйти из города незаметно вместе с войском. Но перед воротами города стояли майнцские эмигранты, полные ненависти и мести в отношении клубистов. Они их выхватывали из рядов войск и жестоко расправлялись с ними. Вместе с прусской армией вошел в Майнц и Гёте. Он оставил правдивое описание зверской расправы с клубистом Георгом Бемером, которого у ворот избили до полусмерти, а затем отправили в крепость. Оставшиеся в городе клубисты были переданы в руки властей курфюршества. 29 июля курфюрст отдал распоряжение, которым аннулировались все приказы и законы французов и восстанавливались прежние правление и юстиция. Вернувшийся в сентябре 1793 г. в Майнц Иоганнес Мюллер застал картину полного разгрома города. «За четыре дня, что я здесь, я еще не видел ни одного веселого человека», — писал он.

Глава седьмая

КОНВЕНТ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ГОСПОДСТВО ЖИРОНДЫ

КОНВЕНТ начал свою деятельность 20 сентября 1792 г. Он был избран путем двухстепенных выборов на основе всеобщего избирательного права. Выборы были назначены Законодательным собранием между 2 и 15 сентября. Они проходили в дни, когда французский народ, охваченный тревогой за независимость родины и будущее революции, напрягал все свои усилия, чтобы задержать наступление австро-прусской армии на Париж, и когда роялисты издевательски утверждали, что дни революции сочтены. Эта обстановка не могла не отразиться на результатах выборов. Не только сторонники Людовика XVI, фельяны, изменники родины, защитники трона, были дискредитированы, и поэтому ни одного из них не выбрали в Конвент, — сама монархия, как форма политической власти, была безнадежно скомпрометирована. Вся страна признала революцию 10 августа 1792 г., патриотическую и республиканскую; отвергнув фельянов, французы осенью 1792 г. отвергли также монархию. Вопрос о том, нужно ли сохранить монархию или провозгласить республику, почти не вставал перед борющимися партиями. Вообще же он был по существу предрешен революцией 10 августа.

Предвыборная борьба и выборы в Конвент

В порядке дня во время выборов в Конвент стояли новые вопросы. Самым главным был вопрос о спасении революции, об изгнании с французской земли австрийцев и пруссаков. В департаменте Марны, в Реймсе, выборы в Конвент происходили в день падения Вердена. Ожидали, что неприятель может каждую минуту занять Реймс. И на столе у председателя избирательного собрания «вместо звонка — заряженная двустволка, чтобы в случае приближения врага быть готовым броситься в ряды храбрецов, которые стекаются со всех сторон и наполняют город». Французский народ прежде всего выбирал в Конвент хороших, надежных патриотов, которые сумеют прогнать врага и заключить почетный для Франции мир. Но уже во время выборов в Конвент дали знать о себе чаяния и стремления плебейских масс, выявившиеся с небывалой до того

четкостью и остротой и придавшие французской буржуазной революции с этого времени новый колорит.

Революция 10 августа была провозглашена революцией равенства, и новая Парижская коммуна с первых же дней после революции стала помечать свои официальные документы: «IV год Свободы. I год Равенства». Свергая монархию, плебейские массы были убеждены, что они свергли не только предателей родины; они считали также, что падение трона Людовика XVI и Конституции 1791 г. устранит все препятствия на пути к осуществлению равенства, подлинного равенства, фактического (l'égalité de fait), а не только правового. Это было совсем не то политическое равенство, которое народ завоевал 10 августа и которое вынуждено было признать Законодательное собрание. В слове равенство заключалась для масс неясная идея дальнейшего социального преобразования, выходящего за пределы исторически ограниченных возможностей XVIII века. В дальнейшем на почве этого понимания равенства выросла идея «нового мирового порядка» — идея коммунизма. В самом общем виде требование равенства означало, что народ поставил в порядок дня вопрос об уничтожении нищеты и о более справедливом, равномерном распределении богатств. «Пусть злонамеренные богачи сознательно не признают вас, почтенные бедняки, но пусть они узнают от вас, что не пришло еще время сокрушить аристократию богатых; настанет день, и он уже недалек, он наступит тотчас же после наших войн, — день, когда все состояния будут уравнены на основании закона», — уверяла газета Прюдома 22 сентября 1792 г., уже после того, как Конвент был избран. Та же газета следующим образом определяет задачи, которые Конвент должен будет разрешить в первую очередь: «Немедленное предоставление в пользование народа тех благ, которые им созданы, является настоятельной и неотложной необходимостью; необходимо сделать так, чтобы революция стала для народа его собственным делом; но так как он слишком многочислен, чтобы самому произвести раздел этих благ, вы должны управлять его достоянием так, как если бы он управлял им сам».

Дюфур и Моморо, агенты Коммуны, посланные ею для разъяснения значения революции 10 августа в Беарн, распространяли там «Новую декларацию прав», в которой было сказано: «Нация признает только индустриальную собственность. Равным образом, нация обеспечивает гарантию и неприкосновенность того, что ошибочно называют земельной собственностью, до того момента, пока не будут изданы соответствующие законы».

В это же время впервые в ходе революции ставится вопрос об общественном воспитании. О нем тогда говорили как о средстве, которое разрушит преимущества богатства над бедностью и преимущество знания над невежеством: «это опасное преимущество, которое сегодня еще имеется в количестве ста на сто, будет уменьшено на протяжении пяти—шести лет до 60%...; с течением времени у нас установится равновесие, так что искусный и просвещенный человек никогда не сможет употребить своих знаний во зло». В это же время рождается идея прогрессивного налога. Прогрессивный подоходный налог должен был быть рассчитан так, чтобы он довел страну «до полного проведения уравнения в имуществах, которое всех нас объединит одними и теми же узами, одними и теми же естественными интересами, одними и теми же радостями». «Надо, чтобы тот, кто не имеет 400 ливров чистого дохода, абсолютно ничего не платил деньгами; он уплатит свой долг государству своей работой, своим потреблением, защитой своего очага, тем, что будет иметь многочисленное потомство».

Хотя все эти требования не представляли непосредственной угрозы

для упроченной и возросшей в ходе революции буржуазной собственности, они породили страшную тревогу среди всей французской буржуазии. «На западе, в центре, на востоке, — и Беарне, в Реймсе, в Лонгви, — та же тревога, те же опасения», — говорит Жорес, характеризуя настроения буржуа во время выборов в Конвент. Особенно страшными казались агитация Моморо и Дюфура и их «Декларация прав». Собственники в Беарне их избили; они были арестованы, и их освободили только после настоятельных требований из Парижа. Требования «аграрного закона» были еще сравнительно редкими в это время. Но буржуазия боялась его и раздражалась при малейшем намеке на ненавистный «аграрный закон», под которым подразумевался «раздел земельной собственности». На предвыборных собраниях буржуазия неизменно говорила о собственности, о ее сохранении, о том, что она должна быть священной и неприкосновенной. В департаменте Ло избирательное собрание в своем воззвании утверждало, что как ни страшны внешние враги, осквернившие землю свободы, враги, нечестивые руки которых «несут опустошение и смерть», но есть враг пострашнее, — это враг внутренний, «который, втершись в нашу среду, прикрываясь личиной патриотизма, колебля священное право собственности, безопасности, хочет довести нас до анархии».

До сих пор еще далеко не полностью изучено развитие общественной мысли и социального движения в ходе французской буржуазной революции, и мы знакомы только в самых общих чертах с характером той борьбы, которая происходила во Франции во время выборов в Конвент. Историки французской революции в большинстве своем совсем на ней не останавливаются. Жорес посвящает ей несколько интересных страниц в истории Конвента, но сколько противоречивых суждений он дает в них. С одной стороны, он уверяет читателя, что Франция во время выборов в Конвент показала всему миру пример революционного единства; с другой стороны, он не может не отрицать ожесточеннейшей классовой борьбы, происходившей в это время во Франции. Избирателей разделяет не только отношение к монархии и к привилегированным; одновременно с борьбой против роялистов, против изменников родины ярко сказывается уже борьба между бедными и богатыми вообще, независимо от того, дворянского или буржуазного происхождения богатство.

Жирондисты были законодателями и творцами общественного мнения со времени созыва Законодательного собрания. После революции 10 августа они захватили Исполнительный совет, власть находилась в их руках, и их представители информировали департаменты о делах в Париже. Но что же сообщали они о Париже, о Робеспьере, о Марате, о Парижской коммуне? И Бриссо, и Ролан, и другие жирондисты очень хорошо знали, что Робеспьер, Дантон, Марат никогда не были приверженцами «аграрного закона». Однако они, не смущаясь, изображали их в департаментах, как его защитников. Газета Бриссо говорила о возросшем количестве краж в Париже в первой половине сентября, как о деле рук сторонников «аграрного закона». А когда 17 сентября в Париже из королевской кладовой исчезло много ценных вещей, жирондисты прямо обвинили в этой краже Дантона. Госпожа Ролан первая бросила эту мысль, и ее друзья — жирондисты — распространили слух, что кража из королевской кладовой сделала Дантона богатым человеком.

До выборов в Конвент в провинции еще плохо отличали якобинцев от жирондистов; они казались единомышленниками; Бриссо и Робеспьера многие считали людьми близкими, так как они оба боролись против врагов французского народа. Жирондисты позаботились о том, чтобы в департаментах создалось совершенно неверное, ложное представление о деятелях Парижской коммуны и якобинцах. Барбару рассказывает, как он

ЖАН-ПЬЕР БРИССО (1754—1793)
Гравюра Мавье, рисунок Бонвиля

характеризовал марсельцам Робеспьера: «Я обрисовал им Робеспьера, жадного до мести, господства и крови, я рассказал о его попытках достигнуть диктатуры». Жирондисты валили на якобинцев всю ответственность за сентябрьские убийства. Чтобы окончательно опорочить якобинцев, одна из жирондистских газет 15 сентября писала: «Остервенелая шайка, которая не блещет ни талантами ни заслугами, но одинаково ловко владеет и кинжалом мести и стилетом клеветы, хочет добиться господства путем террора».

Вся эта агитационная деятельность привела к тому, что значительная часть собственников в провинции пошла за ополчившимися против «анархии» и требовавшими «порядка» жирондистами. Вот почему якобинцы имели мало успеха в провинции. Вся Франция крупных и средних собственников объединяется вокруг жирондистов, и они становится выразителями их дум, их интересов. Бриссо, Ролан, Кондорсе, Верньо, Гюаде были избраны в нескольких департаментах. Жирондисты провели

в Конвент не только всех своих сторонников, бывших членов Законодательного собрания, но и еще много новых; из 750 депутатов Конвента жирондистов насчитывалось 165 человек. Это были представители крупной торгово-промышленной буржуазии, ее интеллигенция, философы, теоретики. Среди них было много талантливых людей, блестящих умов, но все они боялись участия масс в революции, ненавидели и презирали народ и, как говорили про них якобинцы, хотели свободы без равенства.

Партийный состав Конвента

Париж, в котором мелкобуржуазно-плебейские массы, или, как тогда говорили, санкюлоты, после революции 10 августа сделались хозяевами положения, послал в Конвент только якобинцев: Робеспьера, Дантона, Марата, Камилла Демулена, Фабра-д'Эглантина, Колло-д'Эрбуа, художника Давида, Билло-Варенна и др. Такие промышленные центры, как Лион, Реймс, Сент-Этьенн, тоже выбрали якобинцев. Среди новых, до того мало известных, членов Конвента очень скоро обратил на себя внимание двадцатипятилетний Сен-Жюст, талантливый, целеустремленный человек «с пламенным умом и холодным сердцем»; среди якобинцев были и безногий Кутон, соратник Робеспьера, и Камбон, руководивший впоследствии финансами Французской республики, и благородный Леба, беззаветно преданный республике, как, впрочем, были преданы ей многие избранные в Конвент якобинцы. Как и жирондисты, большинство якобинцев принадлежало к буржуазной интеллигенции; среди депутатов-якобинцев были адвокаты, врачи, артисты, бывшие священники; но в противоположность жирондистам они были связаны с массами и были выразителями демократических тенденций революционной Франции.

Всего якобинцев в Конвенте было 100 человек. Подавляющее большинство Конвента — 500 человек — называло себя нейтральными. Среди них были купцы, лавочники, предприниматели, землевладельцы, интеллигенты; все это были собственники, буржуа или примкнувшие к революции дворяне. Вскоре Париж прозвал депутатов большинства «болотом», «болотными жабами», «брюхом» за то, что во время обсуждения в Конвенте самых жгучих вопросов и во время самых ожесточенных прений большинство заявляло о своем участии в Конвенте только невнятными возгласами. Пока в Конвенте боролись между собой жирондисты и якобинцы, депутаты болота не выступали с защитой своей самостоятельной точки зрения. До 9 термидора «болотные жабы» оставались статистами, внешне безмолвными зрителями той ожесточенной, страстной, а порой и трагической борьбы, которая происходила в Конвенте и которая потрясала не только Францию, но и всю Европу. Тактика болота в Конвенте определялась двумя мотивами: собственники-буржуа, — а среди них многие стали также обладателями национальных имуществ, — стремились к упрочению буржуазного строя и не хотели реставрации дореволюционных порядков. Но в то же время они не менее сильно боялись народной революции и революционно-демократических требований плебейских масс.

Среди депутатов болота было много людей практического здравого смысла. К их числу принадлежал аббат Сиейес, который в 1789 г., во время выборов в Генеральные штаты, прославился своей брошюрой «Что такое третье сословие?» Были среди членов болота также люди больших знаний и большого ума, например крупный юрист Камбасерес, участвовавший в составлении кодекса гражданских законов и ставший блестящим сановником во времена империи. Но подавляющее большинство этих людей были просто дельцы, видевшие в революции арену для своего личного обогащения и продвижения вперед, не желавшие и не умевшие приносить свои интересы в жертву общему народному делу. Их

сердца никогда не трепетали, их умы никогда не воспламенялись. Никто из них никогда не способен был совершить какой-нибудь героический поступок. «Болотные жабы»—это была самая подлинная, живая, в своей плоти и крови мещанская, обывательская, буржуазная Франция. Они сумели пережить всех деятелей революции и, после их гибели, воспользовавшись результатами проделанной ими работы, утвердиться во Франции в качестве ее настоящих хозяев. Впоследствии одна из этих «болотных жаб» вспоминала, что вплоть до 9 термидора большинство Конвента старалось только существовать, т. е. быть в стороне от борьбы и выжидать. Наиболее яркой и в то же время типичной фигурой болота был Баррас, бывший аристократ, циник, беспринципный, продажный человек, нажившии миллионы за время революции.

Немудрено, что Марат забил тревогу, когда определились результаты выборов: «Французы, чего вы ждете от людей подобного сорта? Они кончат тем, что все погубят, если только небольшому числу защитников народа, призванных бороться с ними, не удастся одержать верх и их раздавить». Марат видел в исходе выборов результат махинаций, помешавших народу послать в Конвент его подлинных представителей. Двухстепенные выборы он справедливо считал «только хитроумным средством, пущенным в ход Законодательным собранием с целью наводнить развращенными людьми Верховный совет нации».

Уже 20 сентября Марат с горечью писал: «Меня удручает только одна мысль: что все мои усилия спасти страну не приведут ни к чему без нового восстания. Видя закваску большинства депутатов Национального конвента, я теряю надежду на общественное спасение. Если на первых восьми заседаниях не будут заложены все основы Конституции, не ждите больше ничего от ваших представителей. Вы погибли навсегда. Вас ждет полная анархия, и вы выйдете из нее только при помощи диктатора. О народ-пустомеля, если бы ты умел деиствовать!»

Многие из депутатов Конвента заслужили почетную известность своим служением делу революции, многие были членами Учредительного или Законодательного собраний. Внимание всеи Европы — и друзей и врагов французского народа — с 20 сентября было приковано к Тюильри, к бывшему дворцу французских королей, а затем к манежу, где стали заседать представители Франции. Справятся ли они с опасностями, обступившими революцию со всех сторон? Сумеют ли они добиться ее торжества или возьмут верх роялисты, и тогда прогресс будет остановлен, а сама страна, к великой радости ее врагов, будет расчленена на части?

Опасности, стоявшие на пути революции, были так велики, что преодолеть их можно было только при условии мобилизации и единения всех революционных сил народа. Но именно единения в Конвенте не было. В самом размещении депутатов было что-то символическое, вскрывавшее соотношение сил в Конвенте. Жирондисты расположились на правой стороне, которую в Законодательном собрании занимали фельяны. Жирондисты образовали в Конвенте самую правую партию, или партию умеренных. В верхнем конце покатой залы поместились якобинцы. Про них говорили, что они заняли вершину горы, и их прозвали горцами, монтаньярами. Болото заняло большую часть зала — его равнину, центр. Жирондисты ненавидели санкюлотов Парижа, не выбравших ни одного из них; клевеща на великий город, они изображали его, как город дезорганизаторов, анархистов. Большинство депутатов Конвента уже заранее относилось к Парижу с предубеждением. Парижская коммуна внушала им ужас. Дантона и Робеспьера они ненавидели, а к Марату питали такое отвращение, что не хотели даже смотреть на вершину горы, в ту сторону, где он сидел. На первом же заседании жирондисты при поддержке болота

избрали председателем Петиона и забаллотировали Робеспьера. В этот же день был избран жирондистский секретариат, и партия Бриссо стала господствовать в Конвенте.

Французский народ в большинстве своем не дал своим депутатам никаких письменных наказов, но на избирательных собраниях очень много говорилось о задачах, которые Конвент призван был разрешить: все ждали, что Конвент немедленно займется работой по созданию новой Конституции, даст стране новое законодательство «на основе свободы и равенства» и добьется мира. Революционная Франция хотела мира, но мира почетного, основанного на признании французской победы и прежде всего влекущего за собой полное очищение территории Франции от интервентов.

Был еще один вопрос, который требовал немедленного разрешения: Законодательное собрание только временно отрешило от престола Людовика XVI, но не согласилось с требованиями санкюлотов Парижа, настаивавших на уничтожении монархии и создании республики. После революции 10 августа были найдены документы, подтверждавшие догадки о том, что король был связан с эмигрантами и интервентами. Во имя равенства народ требовал, чтобы Людовика XVI судили как рядового гражданина, уличенного в предательстве.

Провозглашение республики

Жирондисты стремились отодвинуть обсуждение вопроса о политической форме правления и решить его, в зависимости от дальнейшего развития событий, после того, как они укрепят свое влияние в Конвенте. Но вопрос встал на первом же публичном заседании Конвента—21 сентября. Политические настроения депутатов выявились в этот день в связи с предложением жирондиста Манюэля окружить президента Конвента почестями и поселить его в королевском дворце. Собрание насторожилось: затем ли свергнул народ трон Людовика XVI, чтобы заменить его власть властью президента? Было решено, что французскому народу не нужны президенты, и что Конвент будет работать под руководством председателей, выбираемых раз в месяц. Вне залы Конвента председатель должен быть простым гражданином. Если же захотят с ним вести беседу после заседаний в Конвенте, то к нему пойдут на третий и на пятый этаж: «именно туда, где пребывает добродетель». Но, отвергнув мысль о президенте, никто не предложил республики. В речах депутатов звучало убеждение в том, что Конвент сам не имеет права навязать ее Франции. «Только первичные собрания избирателей, — говорили в этот день в Конвенте,— должны будут сказать, хочет ли французский народ установить республику, и тогда Конвент подтвердит волю народа, но сам он не имеет права решать вопроса о политической форме правления». Эти речи создавали очень удобное прикрытие: они давали возможность уклониться от немедленного провозглашения республики, и тайным монархистам, — а их было совсем не мало в Конвенте и среди болота и среди жирондистов, — эти речи давали возможность выиграть время. Заседание уже подходило к концу. Председательствовавший в этот день Петион уже собирался объявить о его закрытии, когда поднялся якобинец Колло-д'Эрбуа и потребовал, чтобы собрание выполнило желание всей нации и объявило об уничтожении монархии. Он уверял, что такое решение не будет покушением на права первичных собраний, а лишь предвосхитит их решения. Аббат Грегуар, тоже якобинец, горячо поддержал предложение Колло. Его страстная, искренняя речь, в которой он назвал монархию мастерской преступлений, очагом разврата. увлекла собрание. Ведь многие из депутатов Конвента были учениками Руссо. И когда Грегуар заявил что «монархия — мартиролог наций», собрание единодушно с ним согласилось. После речи Грегуара у монархии не нашлось в Конвенте

защитников, по крайней мере таких, которые отважились бы на открытое выступление.

В этот день, единственный день в истории Конвента, депутаты объединились в общем порыве и единодушно решили, что монархия во Франции уничтожена. Долго несмолкающие аплодисменты и радостные крики депутатов: «Да здравствует нация», — приветствовали решение.

«Как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование», [1] — говорит Маркс. 21 сентября Конвент порвал с традицией, имевшей многовековую давность, и решился открыть дверь в будущее, казавшееся таким неясным, туманным и страшным очень многим депутатам.

Якобинец Камбон, много лет спустя находясь в ссылке, писал: «Вот что я знаю о революции. Учредительное собрание зажгло в храме большой светильник перед статуей святого. Свет его делал заметным все недостатки святого. В Законодательном собрании мы опрокинули эту священную статую. Во время Конвента не осталось даже обломков ни от святого, ни от светильника, но мы разбили все стекла в храме, и народ увидел отовсюду свет, всюду проник день». Камбон преувеличивал, конечно, когда думал, что Конвенту принадлежит исключительная заслуга в разрушении старого, уже опрокинутого революцией 10 августа храма монархии. Провозгласив уничтожение монархии, депутаты побоялись назвать имя республики, и ее провозгласил не Конвент, а народ. Когда батальон марсельцев, отправлявшийся на фронт, подошел вечером к Конвенту и узнал, что монархии больше во Франции нет, ликующие крики: «Да здравствует республика!» — провозгласили рождение ее во Франции. Марсельцы разнесли эту весть по всему Парижу, и санкюлоты устроили в честь республики иллюминацию и народное празднество. Всю ночь Париж веселился и танцовал, и всю ночь в Париже раздавались возгласы: «Да здравствует республика!» Таким образом, республика пришла в Конвент извне. Она, по выражению Робеспьера, пробралась туда тайком. Лишь 25 сентября Конвент объявил провозглашенную народом республику единой и неделимой. Принятие этого решения сопровождалось ожесточеннейшей борьбой, начавшейся в Конвенте уже 22 сентября.

Начало борьбы между жирондистами и монтаньярами

Одно обстоятельство выявилось со всей определенностью с первого же дня работы Конвента, и его следует решительно подчеркнуть, так как обычно на него не обращают внимания. Монтаньяры были единственной группой в Конвенте, стремившейся к объединению всех сил революции. «Услыхав о нашем трогательном согласии, австрийцы будут объяты трепетом, и тогда, клянусь вам, наши враги исчезнут», — призывал Дантон. И не только Дантон, но и Робеспьер и даже Марат призывали к тому же. На первом же заседании Дантон спешил успокоить депутатов большинства: «Кажется, некоторые превосходные граждане опасались, как бы пылкие поборники свободы не повредили социальному порядку, доводя свои принципы до крайности. Хорошо же. Откажемся здесь от всяких крайностей. Провозгласим, что всякого рода собственность, — земельная, личная или промышленная, — будет навсегда сохранена и что государственные налоги будут взиматься попрежнему».

Выступление Дантона вызвало бурю; ему восторженно аплодировали. Один из депутатов большинства бросился к трибуне и, обнимая Дантона, с раскаяньем воскликнул: «А я-то утром говорил, что вы мятежник». Чтобы окончательно успокоить умы и показать, что Париж никогда не хотел диктатуры над Францией, Дантон заявил в этот день еще следующее:

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 324.

«Не может существовать иной конституции, кроме той, которая текстуально при всеобщем поименном голосовании будет принята большинством первичных собраний. Пустые призраки диктатуры, вздорные мысли о триумвирате, все эти нелепости, придуманные для того, чтобы запугать народ, исчезнут тогда, так как основным законом будет признано только то, что примет сам народ». Несмотря на то, что Дантон занял такую примирительную позицию, несмотря на всю сдержанность Робеспьера и Марата, жирондисты не хотели слышать о примирении; они отказывались от сотрудничества не только с Маратом и Робеспьером, но и с Дантоном. Гордые своими успехами в департаментах и уверенные в том, что вся Франция с ними, они объявили войну своим противникам в Конвенте и в Парижской коммуне.

Публика, присутствовавшая на заседаниях Конвента, вскоре убедилась, что большинство Конвента и жирондисты ненавидят революционный Париж, что они не доверяют санкюлотам и боятся их. Жирондисты дали это почувствовать на первых же заседаниях Конвента. 22 сентября обсуждался вопрос о реорганизации суда. Депутаты Горы доказывали, что судьями республики могут быть люди, не состоящие в корпорации юристов и не имеющие специального юридического образования. Жирондисты возражали: они боялись, что предоставление права занимать судейские должности лицам, не имеющим специального образования, заполнит судебные должности санкюлотами; им мерещилась в этом угроза собственности. Но якобинцы убедительно доказывали, что законодательство республики, в основе которого будет равенство, станет очень простым, понятным и что тогда каждый честный и умный гражданин сможет отправлять обязанности судьи. Хотя Конвент согласился с ними и принял решение о том, что судьи должны выбираться на первичных избирательных собраниях, независимо от того, являются они юристами или нет, но жирондисты добились принятия ряда поправок к решению и свели фактическое его значение к нулю. А на следующий день, 23-го, Бриссо писал, что монтаньяры льстят народу и стремятся дезорганизовать общество.

Жирондисты с первых же дней открыто перешли в наступление против монтаньяров и прежде всего напали на Марата. Спекулируя на сентябрьских убийствах, они опять обвинили в организации их Парижскую коммуну, Марата, Робеспьера. А ведь еще в начале сентября Ролан предлагал «набросить покрывало» на события сентябрьских дней. По предложению жирондистов Конвент создал комиссию, которой поручалось представить отчет о состоянии умов в Париже, выработать проект закона против подстрекателей к убийствам и решить вопрос о создании для охраны Конвента специальной стражи, набранной в департаментах. «Париж должен иметь лишь $^1/_{83}$ долю влияния», — угрожающе потребовал жирондист Ласурс. И тогда же с трибуны Конвента депутат болота без обиняков потребовал смертной казни для лиц, замешанных в сентябрьских убийствах. «Пора воздвигнуть эшафоты, на которых будут казнены убийцы и все те, кто подстрекает к убийству».

24 сентября разнеслись слухи, что Марат будет арестован и что уже заготовлен приказ о том, чтобы не пускать его в Конвент. 25 сентября он впервые попросил слова. «Если бы в зале внезапно появилась голова Медузы, то она не произвела бы более сильного впечатления». Воцарилось какое-то особенно жуткое молчание. С напряженным вниманием, смешанным со страхом, все наблюдали за Маратом, пока он направлялся к трибуне. «Я рассматривал его с тем тревожным любопытством, с каким мы рассматриваем некоторых отвратительных животных», — вспоминал впоследствии Левассер. Для большинства Марат был каким-то полумифи-

ЖОРЖ-ЖАК ДАНТОН (1759—1794)
Гравюра Сандоза, рисунок Бонвиля

ческим существом, кошмаром, исчадием ада. И вот он стоял на трибуне, собираясь говорить. «У меня в этом зале много личных врагов», — спокойно начал Марат, и тотчас же его слова были прерваны диким, исступленным воем: «Все, все», — кричало большинство депутатов. «У меня в этом зале много врагов, — повторил Марат, — да будет им стыдно». Когда шум утих, Марат изложил Собранию свое политическое credo.

При виде казней, при виде измен, которыми родина была беспрестанно окружена; при виде жестоких заговоров вероломного двора; при виде тайных интриг и измен, таящихся в недрах самого Учредительного собрания; наконец, при виде опоры деспотизма, имевшейся в Законодательном собрании, разве он мог не думать, что единственным выходом из анархии может быть только диктатура? Можно-ли это вменить ему в преступление? «Когда установленные власти служили лишь для того, чтобы сковывать свободу, чтобы во имя закона убивать патриотов, поставите ли вы мне в вину, что я призывал на головы изменников секиру народного мщения? Волнения еще не кончились. Уже сто тысяч патриотов убито, потому что мой призыв был услышан не сразу. Сто тысяч других будет еще убито, и если народ будет слаб, анархии не будет конца». Марат говорил о том, что если ему докажут, что он не прав, он немедленно изменит свои воззрения, потому что хочет «мира, порядка, господства законов, когда они будут справедливы». «Пусть те, кто воскресил сегодня призрак диктатуры, пусть они объединятся со всеми хорошими патриотами и побудят Собрание двигаться вперед к тем великим мероприятиям, которые должны обеспечить благополучие народа, для которого я приношу в жертву все дни моей жизни. Я прошу, чтобы Собрание, прекратив эти постыдные споры, занялось исправлением Декларации прав, чтобы благо народа не находилось в неопределенном положении».

Речь Марата поразила всех своей искренностью и силой убеждения и произвела сильное и благоприятное впечатление. Чтобы испортить его, на трибуну поднялся жирондист Бюзо и прочел статью Марата, опубликованную в первый же день созыва Конвента,— статью, в которой Марат призывал к восстанию. И тогда вновь раздались яростные крики. «В Аббатство его, в Аббатство» (в тюрьму) — вопили, проклиная Марата, депутаты. И все же ему удалось выйти победителем из этой схватки. Марат сумел доказать, что он призывал к восстанию до начала работы Конвента. Он прочел Собранию свою последнюю статью «Новый путь», о которой сказал, что она является «неопровержимым доказательством того, что он желает итти вместе с депутатами Конвента, друзьями народа».

Статья эта могла успокоить собрание, так как Марат отказывался в ней от старых методов борьбы. Правда, он не отказывался от своих воззрений. «Требовать от меня, чтобы я не видел того, что вижу, чтобы я не чувствовал того, что чувствую, — говорил он, — бесполезно. Я могу отвечать за чистоту своего сердца, но не могу изменить своих мыслей».

Собрание успокоилось после выступления Марата: Конвент единодушно принял декрет о том, что Французская республика едина и неделима. Победа Марата в этот день была победой якобинцев. Это поняли жирондисты. В этот же день Верньо напал на Робеспьера, обвиняя его в стремлении к диктатуре, а через некоторое время жирондисты набросились и на Дантона. Они устранили его от работы в Исполнительном совете, где он, будучи министром юстиции, в то же время держал в своих руках все нити внешней политики. Затем жирондисты начали энергичный поход против Парижской коммуны. Они заставили ее отчитаться в своей деятельности с 10 августа и представить документы

на истраченные суммы. Несмотря на то, что Коммуна представила все оправдательные документы, жирондисты распространили клевету, что члены Коммуны расхитили находившиеся в ее распоряжении суммы. Такой же слух они распустили про Дантона. «Наши парижские депутаты не смеют дышать», — писала якобинка m-me Жюльен еще 7 октября.

Программа жирондистов

В октябре Конвент реорганизовал Революционный трибунал и создал Комитет общественной безопасности, который должен был произвести расследование всех арестов, произведенных после 10 августа. Победы французской армии в сентябре — ноябре, изгнание интервентов с французской территории, присоединение Савойи, переход через Рейн, перенесение войны на вражескую территорию, занятие Бельгии — одним словом, триумфальное шествие Французской республики по Европе в это время еще более укрепило позиции жирондистов.

Какова же была их программа и в чем они видели задачи Конвента? Жирондисты никогда не хотели понять, что своим господствующим положением они обязаны революции 10 августа. Известно, что жирондисты не принимали никакого участия в этой революции, что они были против нее. Но со времени созыва Конвента они противопоставили сентябрьские дни революции 10 августа и приписывали себе роль ее руководителей и участников. Теоретик жирондистов Бриссо следующим образом определил задачи революции после 10 августа: «Три революции нужны были для спасения Франции: первая низвергла деспотизм, вторая уничтожила королевскую власть, третья должна убить анархию. И вот этой-то третьей революции я и посвятил, начиная с 11 августа, свое перо и все свои силы».

Лучший оратор Жиронды Верньо говорил о том же: «Со времени уничтожения королевской власти много говорят о революции. Я сказал себе: возможны лишь две революции — такая, которая уничтожит собственность или установит аграрный закон, или же такая, которая вернет нас к деспотизму. Я принял твердое решение бороться против той и другой».

Выражая классовые интересы крупной торгово-промышленной буржуазии, жирондисты полагали, что основная задача революции после 10 августа — это повторить в новом издании законы об охране собственности и несколько демократизировать Конституцию 1791 г. «Дезорганизаторами», «анархистами» Бриссо прозвал всех, кто указывал, что крестьяне ничего еще не получили от революции, что народные массы голодают, что надо бороться с исчезновением продуктов с рынков, что надо немедленно создать такую конституцию, которая дала бы почувствовать народу, что революция принесла ему действительное облегчение его положения. Не хотели видеть жирондисты и того, что опасность реставрации была еще велика и что роялисты не думали складывать оружия. Наоборот, после 10 августа к реакции примкнули новые люди, так как страх за свою собственность сделал многих буржуа тайными сторонниками монархии.

Все буржуазные историки французской революции уверяют, что жирондисты были республиканцами. Однако Жорес, тоже очень сочувственно к ним относящийся, вынужден признать, что они мечтали о создании республики во Франции когда-нибудь, в отдаленном, неопределенном будущем, но отнюдь не ставили своей целью создание республики в 1792 г., тем более такой республики, в которой санкюлоты претендовали играть руководящую роль. Много правильного в утверждении Амара, члена Комитета общественной безопасности, на процессе жирондистов, что они «были республиканцами при монархии и монархистами при республике». Истинную причину их ненависти к республике в 1792 г. выдает Бюзо, верный поклонник госпожи Ролан, один из самых акти-

ных врагов якобинцев, когда в своих мемуарах рассказывает о депутации парижских граждан в Конвент:

«Я чувствовал, насколько терпение было необходимо. Но сколько раз я замечал в себе готовность размозжить голову некоторым из этих отвратительных чудовищ. Что за депутации, великий боже! Казалось, что собрали из всех притонов Парижа и других больших городов все, что там нашли наиболее грязного, наиболее мерзкого, наиболее противного. Гадкие, землистые лица, длинные космы сальных волос черного или медного цвета и глубоко запавшие глаза; своими противными голосами, резкими криками хищных животных они изрыгали самые грубые ругательства». Это презрительное отношение к народным массам — характернейшая черта жирондистов. Это признает и Олар, утверждающий, что жирондисты создали какой-то абстрактный идеал республики, «представленной самыми добродетельными и самыми способными людьми, управляемой гением, украшаемой искусствами и изобретениями в духе афинской демократии». Но за этим абстрактным идеалом скрывалась очень определенная и ярко выраженная ненависть к реальной действительности, к республике, провозглашенной народными массами.

Буржуазные историки утверждают иногда, что в противоположность узким, односторонним фанатикам-якобинцам жирондисты были чрезвычайно гуманны, что они избегали всякой жестокости в политике. Факты говорят о другом. Жирондисты первые, уже в сентябре 1792 г., потребовали эшафота для якобинцев. Инар развивал мысль о том, что надо убивать врагов свободы. «По отношению к политической свободе простить преступление — значит почти участвовать в нем. Подобная строгость приведет, быть может, к пролитию крови, это я знаю, но если вы не прибегнете к ней, то не будет ли пролито еще больше? Не будет ли гражданская война еще большим бедствием? Надо отрезать пораженную гангреной часть, чтобы спасти все тело». Тот же Инар однажды сказал: «Под словом ответственность мы подразумеваем смерть». Чем отличались эти утверждения от того, что печатал и требовал Марат? Тем, что Инар и его друзья требовали смерти для «анархистов» и «дезорганизаторов», т. е. для санкюлотов, а Марат — для врагов народа, для роялистов, для заговорщиков, для эмигрантов, для контрреволюционеров.

Политика жирондистов разжигала классовую борьбу, поднимала активность контрреволюционеров, отвлекала внимание Конвента от насущных вопросов революции и отдаляла французский народ от осуществления тех задач, ради которых Конвент был созван. Стоило только Марату потребовать слова, как с правых скамей тотчас же раздавались неистовые вопли: «Долой злодея! Долой чудовище!» А если он появлялся на трибуне, оттуда же кричали: «Прогнать его, не слушать». Или же: «Когда он сойдет с трибуны, нужно будет очистить ее, чтобы мы могли взойти...» Так же неистово преследовали жирондисты и Робеспьера. 29 октября жирондист Луве на основании случайного и непроверенного сообщения, оказавшегося потом ложным, обвинил Робеспьера в том, что он хотел стать диктатором. И так как Робеспьер не выступил немедленно с опровержением, а обещал ответить Луве через несколько дней, то жирондисты заранее торжествовали победу, в полной уверенности, что их враг трепещет и что обвинение доказано. На следующий день Барбару повторил обвинение против Робеспьера, и Ролан, министр внутренних дел, распорядился напечатать речь Барбару и разослать по всей Франции.

5 ноября Робеспьер взял слово, чтобы ответить своим клеветникам. Его ответа ожидали с одинаковым нетерпением и друзья и враги монтаньяров. Эта речь произвела потрясающее впечатление. Она морально уничтожила врагов Робеспьера и принесла большое торжество монтанья-

рам. Робеспьер сумел доказать вздорность всех обвинений в стремлении его к диктатуре; он показал, что события 2 сентября являются непосредственным результатом революции 10 августа и безумной тревоги и негодования, охвативших Париж, когда он узнал о приближении к городу войск герцога Брауншвейгского; он сумел доказать, что никогда не был инициатором сентябрьских событий и что он не несет за них ответственности. Но Робеспьер не осудил сентябрьского народного террора. «Поборники свободы, — говорил Робеспьер, — которые были в Париже в августе, действовали в качестве уполномоченных от всех департаментов: их действия нужно или всецело одобрить, или всецело осудить. Вменить же им в преступление некоторые кажущиеся или действительные излишества, неизбежные при больших переворотах и поражениях, значит наказать их за преданность, и они были бы вправе сказать своим судьям: «Граждане, пославший вас народ санкционировал все наши действия, — ваше присутствие здесь служит доказательством того, что он не давал вам поручения строгим инквизиторским взором просмотреть факты, ознаменовавшие собой восстание; он уполномочил вас упрочить при помощи справедливых законов свободу, которую это восстание ему вернуло. Мир и потомство увидят в этих событиях лишь те священные побуждения, которые ими руководили, и те великие результаты, которые ими были достигнуты». С галерей публика прерывала его речь восторженными аплодисментами. И как хорошо разгадал он мотивы ненависти жирондистов: «По какому праву хотите вы заставить Конвент служить делу мщения за неудачу ваших самолюбивых замыслов или вашей системы?» Совершенно незамеченным историками осталось то место в речи Робеспьера, где он, подобно Дантону и Марату, во имя интересов революции призывал к примирению: «Лично для себя я не буду ни о чем просить Собрание; я отказываюсь от справедливой мести, которою я имею право преследовать моих клеветников. Я прошу только одного: возвращения мира и торжества свободы».

Речь Робеспьера внесла смущение даже в ряды жирондистов. Они пытались сгладить ее впечатление непосредственным переходом к очередным делам; многие из жирондистов поняли, что они потерпели поражение; понял это прежде всего сам Луве, который, вернувшись домой, сказал жене: «Надо готовиться или к изгнанию, или к эшафоту».

После выступления против Робеспьера следующим шагом в борьбе жирондистов с якобинцами был проект об организации департаментской стражи. 8 октября Бюзо предложил издать декрет о том, чтобы для охраны Национального конвента и общественных складов каждый департамент прислал на каждого своего депутата в Конвенте по четыре пехотинца и по два кавалериста. Собрание не решилось подвергнуть немедленному голосованию подобный проект, и Робеспьер разбил его в своей газете в пух и прах. Со своей стороны, Парижская коммуна разослала во все департаменты подписанный 48 секциями адрес, в котором она возражала против создания департаментской стражи. Депутация Парижской коммуны энергично протестовала в Конвенте против этого проекта: «Вам предложили стать на одну ступень с тиранами, окружив себя особой стражей, не той, которая составляет общественную силу. Парижские секции заявляют вам через нас, что они находят проект возмутительным».

Вопрос о департаментской страже

В начале ноября стали прибывать в Париж федераты для охраны Конвента. Раньше других прибыли марсельцы; их настроение в первые дни было антиякобинским: жирондистская пропаганда в провинциальных центрах все еще имела значительный успех. В Конвенте марсельцы заявили, что республика не имеет иных врагов, кроме агитаторов и лю-

дей, жаждущих диктатуры: «Вы принадлежите 83 департаментам, стало быть — вы наши и нам принадлежит право нести при вас воинские обязанности. Говорят, что стража, которую вам предлагают, может сделаться преторианской гвардией; на это мы ответим вам лишь одно: мы будем защищать вас». Вскоре в Париж съехалось 15 тыс. человек, в большинстве своем принадлежащих к буржуазной молодежи, враждебной якобинцам. Они требовали голов Робеспьера, Дантона, Марата и всех тех, кто их защищал. Имея эту надежную охрану, жирондисты решили разогнать Парижскую коммуну, созданную в ночь с 9 на 10 августа, ту Коммуну, которая имела уже столько заслуг перед революцией и родиной.

Вначале монтаньяры Конвента были разрознены и не представляли собой сплоченной группы. На первых заседаниях Дантон и Робеспьер тщательно отмежевывались от Марата. Кутон и Камбон еще с ужасом говорили о «диктатуре Парижа» и о необходимости крайних средств для борьбы с нею. Но преследования жирондистов сплотили якобинцев. С осени 1792 г. Якобинский клуб отказался от старого названия «Общество друзей Конституции» и стал называться «Обществом Свободы и Равенства». С этого времени клуб приобретает то значение, которое Мишле характеризует следующими словами: «Якобинцы были бдительным оком революции, ее голосом, чтобы все разоблачать, ее руками, чтобы по всему ударять». Депутаты Парижа, преследуемые в Конвенте, нашли надежную опору в Якобинском клубе. Своими нападками на них жирондисты добились только роста популярности Робеспьера и Дантона и сплочения плебейских масс вокруг Марата. Жирондисты тоже были членами Якобинского клуба, но еще до революции 10 августа они утратили свое былое влияние. Обострение партийной борьбы имело своим результатом их исключение из клуба. Уже 12 октября был исключен Бриссо. Потом исключили и других жирондистов. Состав клуба стал однороднее: в его среде осталось теперь лишь ядро, вокруг которого группировались массы, объединенные идеей борьбы за создание демократической революционной Франции. Сила Якобинского клуба заключалась еще в том, что и плебейские массы, группировавшиеся вокруг клуба Кордельеров и Социального клуба, видели в якобинцах настоящих революционеров, выражавших подлинные задачи революции. В Парижской коммуне Якобинский клуб имел руководящий административный орган, тесно с ним связанный. Нападки большинства Конвента на депутатов Парижа и решение о создании департаментской стражи были оскорблением, брошенным всему Парижу санкюлотов. Тогда санкюлоты, в свою очередь, перешли в наступление.

Марат первый открыто заявил о скрытых мотивах ненависти жирондистов к санкюлотам: «Вы хотите республики только для богатых». О том же писала якобинка m-me Жюльен своему сыну 24 октября 1792 г.: «Бриссотинцы хотят республики для богатых; другие хотят народной республики для бедняков, и в этом причина скандального раскола в Конвенте». Робеспьер тоже утверждал, что жирондисты хотят создать республику в интересах богатых и чиновников. «Теперь, когда враг продвигается, обвиняют самых честных людей. И кто же обвиняет? Люди, которые вызвали войну. Без сомнения, они обвиняют нас в своих собственных изменах», — заявил однажды в Конвенте Билло-Варенн. Якобинский клуб и монтаньяры обвиняли жирондистов также в федерализме, в том, что они хотят расчленить Францию на 83 маленьких и слабых республики, которые не смогут оказать сопротивления интервентам. Якобинцы защищали идею «единой, неделимой, централизованной» республики с Парижем во главе.

Марат проникал в казармы федератов, рассказывал им правду о Париже, о его роли в революции. Санкюлоты Парижа окружали департа-

ментскую молодежь вниманием и заботами. Вскоре батальоны департаментской стражи образовали «Общество защитников 83 департаментов». Постепенно оно сблизилось с Якобинским клубом и стало надежной опорой Парижской коммуны. Таким образом, надежды жирондистов на создание собственной вооруженной силы для борьбы против санкюлотов провалились.

Бриссо, Верньо и другие главари жирондистов возлагали также большие надежды на перевыборы Парижской коммуны. Конвент, как и Законодательное собрание, обвинял Коммуну в превышении полномочий; рассчитывая, что при новых выборах якобинцы потерпят поражение, он распорядился о переизбрании Коммуны. Выборы происходили в ноябре, в обстановке напряженнейшей борьбы между монтаньярами и жирондистами, и кончились полным поражением последних. Парижская коммуна в новом составе сконструировалась 2 декабря 1792 г. Фактическим главой ее стал избранный заместителем прокурора Эбер, редактор народной газеты «Отец Дюшен», пользовавшийся популярностью среди санкюлотов. Прокурором Коммуны был избран Шомет, бывший юнга, врач по профессии, человек, вышедший из плебейских масс и решительно защищавший их интересы. Политика жирондистов, ограниченная прежде всего защитой классовых интересов крупной торгово-промышленной буржуазии, привела к тому, что народные массы Парижа отвернулись от Жиронды.

Крайнему обострению отношений жирондистов с санкюлотами способствовала также позиция жирондистов по отношению к Людовику XVI.

Разоблачение Парижской коммуной измены короля и предание его суду

1 октября депутация Парижской коммуны представила Конвенту документы, неопровержимо доказывавшие связь короля с эмигрантами и вскрывшие цепь интриг и происков Людовика XVI против революции; стало известно, что король истратил полтора миллиона ливров на подкуп депутатов Законодательного собрания. Сообщение не только произвело сенсацию, оно вызвало негодование, и якобинцы немедленно воспользовались им, чтобы узнать, кто именно из членов Законодательного собрания был подкуплен Людовиком XVI. Ведь многие из этих подкупленных лиц могли быть членами Конвента. Марат в тот же день сообщил в своей газете о страшном заговоре, открытом Коммуной. 2 октября в Конвенте опять произошла ожесточенная схватка; нападающими теперь были монтаньяры. По требованию жирондистов Конвент создал комиссию из 24 депутатов для срочного обследования документов, представленных Коммуной; эта же комиссия должна была определить степень виновности короля. Для народных масс вопрос был ясен: Людовик XVI изменил родине; разоблачения Парижской коммуны только подтвердили прежние догадки. И поэтому народ требовал суда над королем и применения к нему обычного приговора, полагавшегося за измену родине. Он требовал этого во имя равенства, которое он считал завоеванным 10 августа, того «подлинного» равенства, которое должно было уничтожить всякое различие между королями и простыми гражданами.

Жирондисты хотели спасти короля. Чем глубже становилась пропасть, отделявшая их от революционного народа, тем бережнее склонны они были относиться к монархическим традициям и к настроениям монархических кругов. Правда, открыто выступить в защиту короля они не посмели: для этого у них нехватило ни мужества, ни честности. Прибегая к уловкам, так как на защитников короля смотрели, как на людей, желающих обеспечить себя на случай реставрации, они стремились, главным образом, к тому, чтобы выиграть время. Им казалось,

что во имя спасения Людовика XVI иностранные государства придут им на помощь, и они предлагали на известных условиях освободить его. Но жирондисты обманулись и сильно преувеличили заинтересованность европейских государств в личной судьбе Людовика: у него не оказалось друзей. Питт откровенно заявил, что участь отдельных членов дома Капетов интересует Англию лишь в очень слабой степени и что она борется с революционной Францией. Братья Людовика XVI желали его смерти, чтобы позже использовать имя мертвого короля для усиления борьбы против революции. Один только испанский король сделал попытку спасти своего родственника. 28 декабря министр иностранных дел Лебрен познакомил Собрание с письмом испанского поверенного в делах Оскариса, в котором гарантировался нейтралитет Испании при условии освобождения Людовика XVI. Но Конвент отнесся к заявлению Оскариса, как к вмешательству во внутренние дела Франции. В ответ он издал декрет, запрещавший правительственным агентам вести переговоры с коронованными особами. «Мы не будем больше вступать в переговоры с государями, мы будет вести их с народами», — гордо и с достоинством заявил один из членов Конвента. Под натиском санкюлотов Парижа Конвент вынужден был создать комиссию для расследования поведения Людовика XVI.

6 ноября жирондист Валазе от имени комиссии 24-х представил доклад о деятельности Людовика XVI со времени взятия Бастилии. Доклад этот показал, что король только внешне признал революцию. Среди документов, ставших достоянием Коммуны, имелись точные отчеты Буйе, раскрывшие во всех подробностях организацию бегства в Варенн и военные приготовления в лагере Монмеди; среди документов имелись также письма эмигрантов, советовавших королю приобрести популярность у народа щедрой раздачей милостыни нуждающимся санкюлотам; некоторые документы показывали, как король выполнял советы своих братьев: агенты короля и сам Людовик XVI старались спекулировать на продовольственных затруднениях и росте дороговизны, причем, выражая сочувствие голодавшему народу, они говорили, что у короля слишком мало власти и поэтому он не в состоянии обеспечить материальное благополучие масс. Комиссия установила, что весной 1792 г. Людовик XVI торопил австрийское и русское правительства начать войну; подтвердились также слухи о том, что король выдавал военные тайны австрийцам. Предательство Людовика XVI по отношению к французскому народу было настолько очевидным, что Валазе должен был в заключение сказать, что за свои преступления король подлежит наказанию. На другой вопрос, выдвинутый юристами: «можно ли наказать короля, которому Конституция гарантировала неприкосновенность?» — Валазе вынужден был ответить следующим образом: «Королевская неприкосновенность вовсе не есть абсолютное понятие. Она имеет целью гарантировать монарху полную свободу в области исполнительной власти, а потому простирается лишь на его административную деятельность; король не несет ответственности за те акты, за которые ответственны министры. Но если король совершает беззакония, за которые не ответственны его министры, то он не имеет права уклоняться от наказания под предлогом неприкосновенности. Людовик призвал неприятеля против Франции, содержал на жаловании внешних врагов и всячески старался увеличить число врагов внутренних. Это — преступления против Конституции и страны. Король должен быть судим за них, как простой гражданин». Но какого наказания заслуживает Людовик XVI — этого Валазе не сказал.

Жирондисты все же настояли на обсуждении вопроса о неприкосновенности короля. Ни Бриссо, ни Верньо, эти вожди Жиронды, не рискнули сами выступить против аргументации Валазе, но они

выставили бесчисленное количество второстепенных ораторов, отстаивавших принцип неприкосновенности. Их выступления затягивали принятие решения о предании короля суду и давали жирондистам возможность выиграть время, чего последние и добивались. Неизвестно, насколько жирондисты затянули бы прения, если б совершенно неожиданное обстоятельство не придало спорам о неприкосновенности Людовика XVI новый оборот. В конце ноября слесарь Гамен сообщил министру внутренних дел Ролану о том, что он по заказу короля сделал в его спальне потайной железный шкаф, куда Людовик прятал секретные документы. Ролан один, без свидетелей, вскрыл шкаф, захватил все хранившиеся в нем документы и только после того, как он их предварительно рассмотрел, сообщил о своей находке Конвенту. Сообщение Ролана произвело сенсацию и возбудило негодование монтаньяров. Почему Ролан один обследовал документы железного шкафа? Уж не хотел ли он спасти репутацию некоторых своих друзей-жирондистов? Не они ли были теми подкупленными депутатами Законодательного собрания, о которых, не называя их имен, упоминали документы, представленные в свое время Коммуной?

Жирондисты почувствовали себя неловко. Вскоре стали известны их тайные переговоры с Людовиком XVI летом 1792 г., — после того как министры-фельяны подали в отставку. Все это помешало выполнению планов жирондистов.

Негодование охватило всю Францию. Тогда впервые во Франции узнали о том, что Мирабо в 1790 г. был подкуплен двором, что король вел двойную игру во время издания декрета о гражданском устройстве духовенства. Якобинский клуб разбил бюст Мирабо, этому примеру последовали его отделения по всей Франции. Из всех департаментов потребовали скорейшей организации суда над королем и прекращения бесплодных прений. Большинство Конвента потребовало того же. Жирондисты вынуждены были уступить и согласиться создать комиссию для предъявления Людовику XVI обвинительного акта.

Особенно волновались санкюлоты Парижа. 2 декабря депутация Парижской коммуны заявила Конвенту, что народ хочет не суда, а мести за все страдания, причиненные Людовиком XVI народу. «Чудовище, которое хотело уничтожить свободу и равенство, теперь в цепях. Народ вручает Конвенту свой карающий меч. Перенеситесь воображением в наши равнины, утопающие в крови, посмотрите на эти трупы, застывшие с угрозой на неподвижных чертах, они будто упрекают вас в медлительности; они требуют крови коронованного убийцы. Что сдерживает ваши удары? Отношение к нам заграницы? Кто за границей будет порицать наше поведение? Лишь народы, распростертые ниц перед своими тиранами...» Не суда над королем, а мести требовал в Конвенте также Сен-Жюст. Этого же требовал и Робеспьер в своей речи, произнесенной 3 декабря 1792 г., о которой жирондист Гара сказал, что именно эта речь Робеспьера «склонила весы национального правосудия в сторону казни». «Пресловутый вопрос, занимающий вас, решается в нескольких словах. Людовик свергнут с престола за свои преступления; но он объявил французский народ мятежным и для его наказания призвал оружие своих собратьев-тиранов, а народ-победитель решил, что мятежником был не кто иной, как сам король; следовательно, Людовик не может быть судим; он уже осужден, иначе республике нет оправдания», — закончил свою речь Робеспьер.

4 декаря Бюзо внес предложение издать декрет о смертной казни для всех, стремящихся к диктатуре. Он же предложил изгнать из Франции всех Бурбонов. Предложения эти Бюзо сделал неспроста: за ними скрывалась еще одна попытка отвлечь внимание от Людо-

СУД НАД ЛЮДОВИКОМ XVI В КОНВЕНТЕ

Гравюра Скиавонетти. Гос. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

вика XVI, напугать всех призраком диктатуры и восстановить опять общественное мнение против якобинцев. Но жирондисты никого не обманули. Якобинцы сумели разоблачить тайный смысл предложения Бюзо, и в результате часть депутатов болота отдала свои голоса якобинцам. Предложения Бюзо были провалены. Тогда Конвент назначил на 11 декабря допрос Людовика XVI.

Глубокое молчание царило в зале, когда бывший король появился в Конвенте. Перед этим, за несколько минут до его появления, председательствовавший в этот день Барер напомнил, что «французский народ через посредство Конвента дает великий урок королям и полезный урок нациям, стремящимся к свободе». Он призывал держаться с достоинством. В первые минуты Людовик XVI вызвал к себе всеобщее сочувствие. «Как велик был бы он в моих глазах в этом унижении, если бы он был невинен»,— сказал Марат в этот день. На допросе Людовик XVI все отрицал. Он не хотел признать себя виновным ни в чем. «Это было до принятия Конституции», «я имел на это право», «это касается министров, а не меня», «не помню», «не имею об этом никакого понятия» — таковы были его ответы на все заданные ему вопросы. Они убили всякое к нему сочувствие и уважение. После допроса Людовика в его виновности окончательно убедились даже те, кто до этого защищал его неприкосновенность и его невиновность.

В декабре вопрос о короле вытеснил все другие, и в нем одном, как в фокусе, сосредоточились все вопросы революции. Людовик XVI стал символом контрреволюции; в глазах народных масс он олицетворял интервентов, разоривших северо-восточные области Франции, неприсягнувших священников, богачей, собственников, спекулянтов, прятавших

продукты и вздувавших цены; на личности короля как бы концентрировалась вся веками накоплявшаяся ненависть к дворянско-феодальному строю.

В декабре начались уже серьезные продовольственные затруднения и волнения из-за дороговизны. О Людовике стали говорить, как о виновнике голода; «организаторы голода в Тампле», — так говорили о королевской семье не только в Париже, но и во всей Франции. И многим казалось, что как только вопрос о Людовике будет разрешен, будет разрешен и продовольственный вопрос. «Я требую, чтобы суд был ускорен и чтобы мы затем занялись вопросом о продовольствии», — говорил в Конвенте Робеспьер. «Граждане! Я смело скажу: все затруднения будут жить до тех пор, пока будет жив король», — уверял Сен-Жюст.

В Парижскую коммуну поступали сведения о ночных сборищах у внешней тюремной ограды Тампля, о том, что по ночам у ограды всегда слышалось пение, игра на свирели, возгласы «да здравствует король». Рассказывали также, что неприсягнувшие священники устраивали о спасении королевской семьи ночные моления.

Только в 1925 г. стал известен почти во всех подробностях заговор с целью спасения Людовика XVI, организованный испанским королем после отказа, который Оскарис получил в Конвенте. Французский банкир Кутэ дал испанскому королю в кредит два миллиона франков для подкупа депутатов Конвента с тем, чтобы они потребовали отсрочки суда и вынесения приговора народом. Матьез утверждал, кроме того, что Теодор Ламет нелегально пробрался из Англии во Францию, чтобы подкупить Дантона, что Дантон будто бы за четыре миллиона обещал спасти Людовика, но так как Оскарис получил у Кутэ только два миллиона, то поведение Дантона должно было определиться в зависимости от того, сможет ли Оскарис получить недостающую сумму. Испанский король обратился за деньгами к Питту. Но Питт денег не дал, и поэтому Дантон ничего не сделал для спасения Людовика XVI. Обвиняя в данном случае Дантона, Матьез слишком поспешно принимал свои гипотезы за точные и доказанные факты. Во всяком случае наличие планов спасения Людовика путем заговоров и подкупов не подлежит сомнению.

Всего этого не знал французский народ в 1792 г., но он смутно догадывался о заговоре и поэтому торопил Конвент закончить расследование. А жирондисты все затягивали и затягивали процесс. После первого допроса они опять потребовали от Конвента решения об обращении к народу. Только первичные собрания могут вынести приговор королю, — заявили они, — Конвент же неправомочен это сделать. В конце декабря Гюаде предложил проект декрета о созыве собраний избирателей как для утверждения ими произведенных избирательными собраниями выборов, так и для исключения тех членов Конвента, которые потеряли общественное доверие. Кроме того, жирондисты предложили подвергнуть экспертизе многочисленные документы за подписью короля, которые Людовик отказался признать своими. Монтаньяры не обманывались насчет того, кого Гюаде имел в виду своим предложением. Робеспьер и Марат сумели доказать, что предложение об обращении к народу есть только маневр с целью восстановить департаменты против Парижа и передать решение вопроса о Людовике XVI собственникам, богачам, что это — призыв к гражданской войне. Большинство Конвента согласилось с тем, что в первичных собраниях преобладающее влияние получат тайные и явные роялисты, так как народ, вынужденный зарабатывать себе на хлеб, не сможет уделить достаточно времени для обсуждения вопроса о том, как поступить с Людовиком XVI.

КАЗНЬ ЛЮДОВИКА XVI 21 ЯНВАРЯ 1793 г.
Гравюра Берто, рисунок Дюплесси-Берто

С конца декабря борьба между жирондистами и якобинцами достигла крайнего напряжения. Часто бывало, что Барбару, Ребекки, Бюзо и другие жирондисты срывались с места и со сжатыми, поднятыми вверх кулаками, с проклятиями бросались к монтаньярам, готовые вступить с ними в рукопашный бой. Марата дальше подножия трибуны не пускали.

Жирондисты использовали государственный аппарат, чтобы всячески оклеветать своих противников. «В республике нет деревушки, где они не обесславили бы нас», — говорил Робеспьер. Однако народные массы были против жирондистов, терявших свое влияние также и в департаментах. Влияние же Якобинского клуба в провинции росло. По примеру парижского центра, народные общества во всей Франции стали называть себя «Обществами Свободы и Равенства». В декабре уже вся Франция требовала казни Людовика XVI. Из одного города писали: «Горе всякому, кто станет говорить о прощении. Судите также и Антуанетту». Из другого угрожающе заявляли: «Повторяем вам требование наказать низложенного пленника. На что нужно это зловредное существо?» Даже жирондист Манюэль заявил однажды: «Когда не станет короля, это не значит еще, что стало одним человеком меньше». В январе жирондисты стали терять свое влияние даже в Конвенте. Когда 14 января Кутон негодуя заявил, что Конвент попусту тратит время из-за «какого-то там короля», Собрание решило прекратить прения.

Суд над Людовиком Капетом и его казнь

По предложению жирондистов на голосование были поставлены следующие вопросы: 1) Виновен ли Людовик XVI? 2) Будет ли решение, каково бы оно ни было, подвергнуто обсуждению народа? 3) Какого наказания заслуживает Людовик? Голосование было поименным, — на этом настоял Марат. Оно началось 15 января. На первый вопрос 683 депутата ответили кратким «да». О результатах голосования председатель объявил в следующих выражениях: «От имени французского народа Национальный конвент объявил Людовика Капета виновным в злоумышлении против свободы нации и общей безопасности государства». После этого началось голосование по

второму вопросу. Народное обсуждение было отвергнуто большинством голосов. 16 января 1793 г. началось голосование по третьему вопросу. Оно длилось 37 часов подряд — целый день и две ночи. На трибунах для публики народу было так много, что яблоку упасть было негде. Много было иностранцев. В зале заседаний царила мертвая тишина. Началось поименное голосование. Первые депутаты выражали свое решение очень коротко: «смерть, смерть, смерть». Настала очередь Верньо. Все насторожились: он был одним из самых рьяных защитников Людовика. Но и он произнес: «смерть». Давление масс было так сильно, что многие из жирондистов сочли нужным голосовать за казнь короля. Кондорсе потребовал самого тяжелого наказания, но не смертной казни. Бриссо, Луве, Валазе голосовали за смертную казнь, с отсрочкой ее выполнения до установления Конституции. Результат подсчета голосов показал следующее:

Отсутствовавших		23
по случаю командировок	15	
по болезни	7	
по неуважительной причине	1	
Воздержавшихся		1
Голосовавших		721
за смертную казнь безусловно	387	
за тюремное заключение или за смертную казнь условно	334	

Таким образом большинство — 53 — за смертную казнь.

Многие из депутатов мотивировали свое решение. Робеспьер мотивировал его следующим образом: «Я не признаю той гуманности, которая убивает народ и прощает деспотам. Чувство, побудившее меня потребовать — хоть и тщетно — в Учредительном собрании отмены смертной казни, есть то самое чувство, которое вынуждает меня сегодня настаивать, чтобы ее применили к тирану моей родины и к самой королевской власти в его лице. Я подаю голос за смертную казнь».

19-го после ожесточенных прений Конвент решил выполнить свое решение без всякого промедления. 21 января 1793 г. Людовик Капет был казнен.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ В КОНЦЕ 1792 — НАЧАЛЕ 1793 гг.

Война, вызвав сильнейшее напряжение всех сил страны, отвлекла от промышленности и земледелия сотни тысяч людей. Она ухудшила финансовое положение Франции и в значительной степени способствовала расстройству всей экономической жизни.

Финансовый и промышленный кризис. Рост дороговизны

В октябре 1792 г. ассигнатов было уже выпущено на сумму свыше 2 млрд. ливров. Общая стоимость национальных имуществ равнялась приблизительно 3 млрд. Таким образом, для обеспечения новых выпусков ассигнатов осталось нереализованных национальных имуществ на сумму около 1 млрд. ливров. Однако, уже 17 октября Камбон провел декрет о новой эмиссии ассигнатов на сумму 400 млн. ливров, а затем последовали и другие эмиссии. Когда в конце 1792 г. война заставила Конвент выпустить еще на 600 млн. ассигнатов, они потеряли почти всякое обеспечение. Началось еще более быстрое падение курса ассигнатов; уже в августе за них давали только 61% их номинальной стоимости, но они все продолжали падать. В связи с этим росли цены на все продукты первой необходимости и, в первую очередь,

на хлеб. В обстановке революции вновь во всей остроте встал вопрос, вызывавший столь горячие споры в предреволюционной публицистике — вопрос о регулировании хлебной торговли. В сентябре—октябре 1792 г. цены поднялись очень высоко и стали очень неравномерными: в некоторых департаментах цена сетье хлеба поднялась до 28—40 ливров, а на юге — до 50—60 ливров. Урожай 1792 г. был хорошим; недостатка в зерне не было. «Среди изобилия народу грозит нищета», — говорил 16 ноября в Конвенте якобинец Бефруа. В начале декабря из департамента Эндры и Луары писали в Конвент: «Народ голодает повсюду. Он нуждается в предметах первой необходимости только потому, что они ему недоступны». Богатые крестьяне прятали хлеб, оставляли его необмолоченным в скирдах и не хотели продавать на бумажные ассигнаты. Они прятали его и потому, что боялись реквизиций для армии, разрешенных Законодательным собранием и не отмененных Конвентом. Обращение товаров в стране было очень затруднено. Государство производило большие закупки для армии, и каждый департамент старался задержать продукты на своей территории. Оптовые торговцы скупали продукты и, играя на понижении курса ассигнатов, не выпускали их на рынок. Осенью 1792 г. рынки опустели; а цена тех товаров, которые попадали на рынок, каждый день подымалась, и они стали недоступными для санкюлотов. Между тем, заработная плата осталась на уровне 1790 г. Рабочий получал до 20 су в день и при цене хлеба в 8 су мог на свой заработок покупать себе только потребляемые им 2—3 фунта хлеба в день; на содержание семьи его заработка уже нехватало. Вследствие войны и экономической разрухи на плебейские революционные массы Франции надвигался голод.

Кризис, создавшийся с осени 1792 г. во многих отраслях промышленности, также сильно способствовал ухудшению материального положения рабочих и ремесленников. В лионской шелковой промышленности, потерявшей вследствие войны и эмиграции аристократов всех своих клиентов, лишились работы 30 тысяч рабочих. Осенью 1792 г. лионские ткачи оказались в безвыходно тяжелом положении. Буржуазная революция предоставляла им только одну возможность — умереть с голоду. Когда лионский муниципалитет обратился в Конвент за помощью и предложил, чтобы республика взяла на себя содержание лионской шелковой мануфактуры, Конвент отказался это сделать, мотивируя свой отказ тем, что роскошь во Франции исчезла и французскому народу шелк не нужен.

Но плебейские массы не хотели безропотно умирать с голоду. После революции 10 августа они чувствовали себя хозяевами положения; они возмущались тем, что скупщики и фермеры, обрекая массы на голод, как бы издевались над ними и мешали претворению в жизнь того равенства, которое, казалось, было завоевано 10 августа.

Народное движение против дороговизны

Народ объявил скупщикам и богатым фермерам, виновникам голода, войну. Начиная с сентября, по всей Франции прокатилась новая волна народных возмущений. Распространяясь из департамента в департамент, народные волнения в ноябре охватили весь восток Франции и промышленные центры на юге и юго-востоке. В департаменте Сены и Уазы они вспыхивали почти в каждом местечке, в каждой деревушке. Народные выступления преследовали двоякую цель: рабочие требовали повышения заработной платы и местами добивались его путем стачек; в то же время они, действуя вместе с ремесленниками и крестьянской беднотой, заставляли лавочников продавать хлеб по ценам 1790 г. В Лионе жены рабочих толпами врывались в лавки, брали продукты и платили за них по установленным ими ценам. Они составили таблицу цен, расклеили ее на стенах

и отказывались платить за товары дороже. В Руане население задержало транспорт зерна, предназначенный для армии. В Иль-де-Франсе, в департаментах Эны, Соммы, Нижней Сены, Орна, в Версале, в Рамбуйе население разгромило рынки и установило на все продукты твердые цены.

Осенью 1792 г. народные общества на местах стали создавать продовольственные комитеты. Их комиссары боролись с фальсификацией продуктов, следили за тем, чтобы спекулянты не скупали товаров, в деревнях они производили обыски, заставляли крестьян молотить хлеб, дежурили у городских застав, чтобы помешать разграблению привозимых в город продуктов. Булочники, «ненасытные, жиреющие от народного пота», и мясники, «продающие мясо так же дорого, как при старом режиме», становятся объектом особого наблюдения со стороны народных обществ. Во многих местах эти общества открывали подписку на коллективную покупку зерна для распределения его среди населения. В Руане муниципалитет обложил богатых чрезвычайным налогом для покупки зерна. Парижская коммуна организовала дешевую продажу хлеба, добившись от Конвента ежедневной субсидии в 12 тысяч франков для доплаты булочникам. Народная инициатива изобрела, следовательно, много остроумных и интересных мероприятий в борьбе против надвигающегося голода. Но их было недостаточно. Разрозненные, они имели только чисто местное значение и были бессильны дать серьезный отпор спекулянтам. Народ понимал, что победить их он сможет только в том случае, если ему поможет Конвент. С осени 1792 г. продовольственный вопрос на ряду с войной становится главным вопросом революции. То или другое его разрешение неизбежно должно было оказать прежде всего влияние на положение на фронте и на исход революции. Рост дороговизны и спекуляции усилил классовую борьбу и окончательно придал ей характер борьбы между богатыми и бедными. Богачи, независимо от того, аристократы ли они или буржуа, становятся в мнении народном его врагами, врагами революции. В то же время продовольственный вопрос дал большой толчок развитию социальной мысли. Пытаясь разрешить продовольственные затруднения путем введения таксы на все необходимые продукты, народные массы поняли, что борьба против голода тесно связана с борьбой против святости и неприкосновенности собственности. Депутация Избирательного собрания департамента Сены и Уазы в своей петиции Конвенту от 19 ноября отчетливо и прямо изложила, как народные массы понимают причины голода.

«Из кого состоит наша республика? — спрашивала петиция. — Из небольшого числа капиталистов и из большого числа бедняков. Кто занимается хлебной торговлей? Это небольшое число капиталистов». В петиции дальше указывалось, что капиталист эксплоатирует рабочего не только тем, что заставляет его платить за хлеб столько, сколько ему угодно, но и тем, что он устанавливает также угодную ему заработную плату и продолжительность рабочего дня. Капиталист знает, что, когда ему понадобится один рабочий, «приходит десять, и у богатого есть выбор; он останавливает свой выбор на том, кто меньше требует, и рабочий подчиняется его закону, так как нуждается в хлебе». Петиционеры впервые за время французской революции со всей отчетливостью ставили, таким образом, вопрос о положении рабочих. Они заявляли далее, что никакие полумеры не помогут рабочим. «Установите твердые цены... Уничтожьте крупных фермеров, концентрирующих в своих преступных руках значительные количества зерна... Передайте снабжение продовольствием в руки центральной администрации, набранной народом, и вы увидите, что обилие хлеба и справедливое соотношение между его ценой и стоимостью рабочего дня вернет спокойствие, счастье и жизнь всем гражданам». Петиция, таким образом, требовала вмешательства государства в эконо-

мическую жизнь и контроля над торговлей. Она вызвала в Конвенте бурные прения, и с этого момента продовольственный вопрос, наряду с вопросом о короле, становится предметом постоянных обсуждений в Конвенте.

Жирондисты были против всякого вмешательства государства в экономические отношения, против контроля торговли. Они осудили народные волнения и «противоречащее законам» установление народом твердых цен. Ролан уверял, что самое лучшее, что Конвент может сделать для разрешения продовольственного кризиса, — это ничего не делать. Впрочем, жирондисты нашли одно средство борьбы с кризисом: посылку войск для подавления народных волнений. Догматически придерживаясь экономических воззрений физиократов, они считали, что торговля, промышленность, предоставленные самим себе, придут «естественно» в «нормальное» состояние: тогда цены упадут, и во Франции наступит полное изобилие.

Вопрос о дороговизне в Конвенте

Ролан, самый крайний сторонник невмешательства государства в экономическую жизнь, постоянно подчеркивал, что организаторами народных волнений являются «дезорганизаторы», «анархисты» и роялисты. Он уверял, что никакого продовольственного кризиса нет и что его выдумали агенты Парижской коммуны для борьбы против Конвента. Жирондисты добились издания декрета, предписывающего муниципалитетам подавлять народные волнения вооруженной силой и обеспечить полную свободу торговли. Ролан обвинял Парижскую коммуну в том, что она своей продовольственной политикой льстит народу и разоряет государство, так как Конвент выдает ей ежедневную дотацию в 12 тыс. франков для доплаты булочникам. Вместе с жирондистами большинство Конвента утверждало, что движение народных масс против дороговизны — **дело рук эмигрантов,** неприсягнувших священников и тайных роялистов. Весьма вероятно, что роялисты пытались использовать продовольственный кризис в своих целях. Но жирондисты обнаружили удивительную политическую близорукость, бездушное и пренебрежительное отношение к лишениям народных масс; равнодушие к продовольственному вопросу еще раз показало, что жирондисты были весьма недальновидными выразителями узкоклассовых интересов торгово-промышленной буржуазии.

В конце ноября, когда в департаменте Эры и Луары произошли народные выступления против дороговизны, Конвент послал туда своих депутатов для подавления беспорядков, предложив им прибегнуть для этого к вооруженной силе. И хотя депутаты пытались успокоить массы только путем мирной агитации, их встречали повсюду очень враждебно. В одном селении их встретила толпа в шесть тысяч человек, вооруженных ружьями и пиками. Едва комиссары обратились к толпе, как со всех сторон раздались крики: «Это шарлатаны, аристократы, повесить их надо!» Ораторы из толпы говорили о том, что Конвент враждебен народу, что он ведет народ к гибели, депутатов под дулом ружей заставили подписать установленную населением таксу на товары:

Хлеб	первого сорта	17 ливров 6 су за сетье
	второго сорта	16 » » »
	низшего сорта	14 » » »
Ячмень		8 » » »
Свечи		16 су за фунт
Мясо		5 » » »
Железо		20 ливров за центнер
Башмаки		4 ливра 10 су за пару

Установленная такса соответствовала ценам 1790 года.

Вернувшись в Париж, депутаты рассказали Конвенту, что они видели в толпе переодетых священников. Сообщение депутатов о том, что они вынуждены были подписать требуемые населением твердые цены, вызвало сильное негодование.

«Им давали в руки топор и перо, — сказал Манюэль, — и они должны были взять топор и отрубить себе руку, но не подписывать твердых цен». Конвент осудил поведение депутатов и вынес им общественное порицание.

Позиция монтаньяров по вопросу о разрешении продовольственного кризиса определилась только в конце ноября, когда волнения распространились по всей Франции. Правда, якобинец Бефруа еще до этого решительно требовал контроля государства над торговлей и сурового наказания спекулянтов, запрещения снятия в аренду участков выше определенных размеров. Другой депутат, якобинец Фейо, говорил о торговцах: «Уничтожьте, законодатели, этих жадных людей, которые стали бы продавать воздух, которым дышут им подобные, если бы имели возможность завладеть им». Но Бефруа и Фейо выражали только свои личные взгляды; вожди же монтаньяров долгое время молчали и колебались. Робеспьер соглашался с жирондистами в вопросе о необходимости подавить волнения силой оружия. В противоположность Робеспьеру, Марат был против применения вооруженной силы. «Нам без конца говорят, что народ не уважает установленную власть. Уважение надо заслужить, оно не дается по приказу. Не пушками и штыками, которые вы предлагаете несчастным, требующим хлеба, вы внушите доверие и успокоите их», — убеждал Марат.

29 ноября с большой речью о продовольственном кризисе, его причинах и средствах его преодоления выступил Сен-Жюст. Эта речь сразу создала ему репутацию крупного государственного деятеля. В то время как жирондисты не хотели понять действительных причин продовольственного кризиса и многие из них отрицали его совершенно, Сен-Жюст смело разобрал вопрос о причинах кризиса. Основное зло, по его мнению, исходило от чрезмерного выпуска бумажных денег. Крестьяне, говорил он, не хотят менять хлеб на бумажки. «У нас слишком много денежных знаков и слишком мало продуктов», — утверждал Сен-Жюст. Так как золото исчезло из обращения, то стали скупать и прятать произведения земли, которые и крестьяне и торговцы считают эквивалентом золота. Чтобы восстановить нормальный обмен, следует прежде всего оздоровить финансовое положение республики, в противном случае «наша свобода промчится, как гроза, и победа прозвучит, как удар грома». Он предложил прекратить дальнейшее печатание бумажных денег; продать имущество эмигрантов и уплачивать государственный долг обеспеченными долговыми обязательствами. Крестьяне должны платить налоги государству не деньгами, а продуктами, которые надо собирать в общественных амбарах для распределения среди населения. Свобода торговли должна остаться, но ее нужно взять под контроль народа. «Если вы хотите основать республику, вы должны извлечь народ из состояния нищеты и необеспеченности, губящих его. Нищета создала революцию — нищета может ее погубить», — говорил Сен-Жюст.

В ноябре 1792 г. Сен-Жюст был почти единственным человеком в Конвенте, осознавшим и показавшим непосредственную связь между борьбой за политическое преобразование и уничтожение феодализма, с одной стороны, и социальной борьбой за улучшение экономического положения плебейских масс, — с другой.

2 декабря по вопросу о продовольственном кризисе выступил Робеспьер. Он говорил о несостоятельности ссылок жирондистов на свободу торговли и доказывал, что подлинная свобода торговли ничего об-

щего не имеет с защитой интересов спекулянтов и крупных торговцев, которые создают препятствия для свободного обращения товаров. К вопросу о свободе торговли, по мнению Робеспьера, нельзя подходить догматически. «Возможно ли в самый разгар кризиса, вызванного революцией, применять теорию экономистов, будь она самая прекрасная в обыкновенное время?» — спрашивал Робеспьер, имея в виду жирондистов, и отвечал: «Необходимая человеку пища так же священна, как и его жизнь. Все нужное для сохранения этой последней составляет общее достояние всего общества; только излишек составляет частную собственность, только его можно отдавать коммерсантам. Всякая спекуляция в ущерб жизни себе подобных есть не торговля, а разбой». Чтобы создать условия для действительно свободной торговли, Робеспьер предложил отказаться от невмешательства в торговлю. «Надо принять меры для определения количества зерна, производимого в каждой местности и собираемого каждым земледельцем, надо, чтобы хлебные торговцы были обязаны продавать хлеб на рынке и чтобы была воспрещена ночная перевозка хлеба».

Робеспьер и Сен-Жюст оставили без внимания требование народных масс о введении твердых цен, в их предложениях не было ничего такого, что помогло бы народным массам избавиться от увеличивающихся с каждым днем лишений. В конце ноября во всей области Бос рабочие, крестьяне, ремесленники, вооружившись, чем попало, заставили торговцев ввести твердые цены, и Конвент 8 декабря единодушно принял решение о подавлении движения вооруженной силой. Монтаньяры, следовательно, тоже голосовали против твердых цен и за применение оружия против выступлений в целях установления твердых цен. Жирондисты, благодаря нерешительности и колебаниям монтаньяров, сумели отстоять интересы крупной буржуазии и фермерства.

1792 год заканчивался, оставляя революционную Францию в очень неопределенном и тяжелом положении. Силы контрреволюции внутри страны далеко еще не были сломлены; наоборот, они были еще велики и очень активны. Бездействие жирондистов и их борьба против монтаньяров привели к тому, что Конвент четыре месяца топтался на одном месте и не разрешил ни одного из стоявших перед ним вопросов. Своей антинародной политикой он вызвал обострение классовой борьбы и создал для революции много новых затруднений.

Вскоре после казни Людовика XVI, в феврале 1793 г., война с интервентами вступила в новый, гораздо более трудный период. Присоединение Англии, Голландии, Испании к австро-прусской коалиции и полный разрыв с Россией поставили французский народ перед необходимостью защищаться против всей Европы. Вражеские армии сдавили Францию, как обручем, и лишили ее возможности поддерживать связь с внешним миром. Зимой 1793 г. с Францией сохранили нормальные дипломатические отношения только Швейцария, Дания, Соединенные Штаты Америки. Но на самом деле нормальные связи с этими странами были нарушены, так как Англия зорко следила за тем, чтобы из Америки и Дании во Францию не проникали необходимые ей съестные припасы.

Армия нуждалась в срочном пополнении, и для того, чтобы довести ее численность до 500 тыс., следовало объявить немедленный набор 300 тыс. человек. Финансовое положение республики ухудшалось с каждым днем, так как война требовала все нового и нового выпуска бумажных денег. Отменив реквизиции, Конвент снабжал армию через поставщиков, грабивших республику и вздувавших цены на все продукты. Продовольственный кризис уже зимой 1793 г. принял гораздо более острый характер, нежели осенью 1792 г. Спекуляция стала настоящим бичом санкюлотов.

Такое положение требовало от Конвента быстрых, решительных, смелых и революционных решений. Победить врагов революции и обеспечить торжество революционных завоеваний буржуазии можно было только путем укрепления союза с плебейскими массами. В это трудное для революции время, когда народ отдавал ей свою кровь, буржуазия должна была также пожертвовать ей некоторыми материальными интересами. Но буржуазия, по выражению Робеспьера, хотела «революции без революции». Выразители ее настроений — жирондисты — вели в Конвенте антинародную политику. В январе по постановлению Конвента были прекращены все общественные работы вокруг Парижа, и тысячи людей увеличили армию безработных и нищих.

С начала 1793 г. в буржуазной французской революции борются за руководство революцией два направления. Одно из них — буржуазно-либеральное было представлено жирондистами, стремившимися переложить все трудности революции на плечи санкюлотов. Другое направление — плебейское — выдвигало неясно формулированные, но тем не менее пугавшие крупную буржуазию требования социальных преобразований в целях уничтожения неравенства и нищеты. Это плебейское направление революции зимой 1793 г. не вполне укладывалось в схему буржуазно-демократической программы Робеспьера и других якобинцев. В то время как якобинцы со времени революции 10 августа считали, что основная задача революции состоит в создании демократической республики, что самое важное—это завоевать и упрочить свободу, народные низы полагали, что свобода — пустой призрак, если народ обречен на голод. Робеспьер в апреле 1793 г. определил задачи революции следующим образом: «Конечно... чрезвычайная неравномерность в распределении богатств является источником многих бедствий и преступлений, но это нисколько не уменьшает нашего твердого убеждения в том, что равенство имуществ — только химера. Гораздо важнее заставить уважать бедность, чем уничтожить богатство». Якобинцы подходили к острым социальным проблемам с большими колебаниями. Санкюлоты же, наоборот, с зимы 1793 г. все настойчивее требовали уничтожения бедности. Социальный характер движения и составляет основную черту народной революции с зимы 1793 г.

Требования народных масс на этом этапе революции, в феврале 1793 г. хорошо выразил Шомет: «Бедняк, как и богатый, даже больше, чем богатый, совершил революцию. Все изменилось вокруг бедняка — один только он остался в прежнем положении. Революция, даровав богатому свободу, дала ему бесконечно много. Эту свободу и равенство она даровала и бедняку, но ведь, чтобы жить свободно, надо прежде всего иметь возможность существовать, а если не существует разумной пропорции между заработной платой и ценами на предметы первой необходимости, то бедняк существовать не может». Шомет считал, что революция должна немедленно помочь народным массам и избавить их от лишений, на которые их обрекли спекулянты. Требования введения твердых цен, или максимума, с зимы 1793 г. становятся всеобщими. В максимуме народ видел не только временное средство для избавления от гнета спекулянтов; бедняки городов и деревень считали, что максимум должен лечь в основу экономической политики республики и действовать постоянно; они видели в нем лучшее мероприятие в борьбе с нищетой. На ряду с максимумом довольно распространенным стало требование «аграрного закона». Сторонники его требовали передела земли между всеми общинами Франции таким образом, чтобы на долю каждого бедняка достался кусок земли и чтобы каждый владел только таким участком, который можно обработать собственными руками, без по-

мощи наемных рабочих. Уравнительные тенденции в более неопределенных формах сказывались уже в некоторых крестьянских наказах 1789 г. Они находили выражение и в некоторых предреволюционных памфлетах.

Зимой 1793 г. требования этого рода получили очень широкое распространение среди бедноты, ненавидевшей богатых фермеров-спекулянтов. Наряду с этими требованиями, осуществить которые можно было немедленно, народная мысль создала ряд проектов общего социального переустройства Франции. Еще весной 1792 г., когда с рынков исчезли сахар и кофе, священник Доливье выступил с утверждением, что земля и ее продукты должны принадлежать народу. Доливье утверждал, что земля не может быть частной собственностью; он считал также, что цены на хлеб и другие предметы питания должны регулироваться народом в соответствии с его интересами. Тогда же лионец Ланж написал брошюру: «Простые и легкие средства обеспечить изобилие и установить справедливую цену на хлеб». Он предлагал французскому народу объединиться в кооперативы, чтобы скупать у фермеров урожай по средней цене. Для сохранения собранного зерна он предлагал построить общественные магазины — зернохранилища, из которых хлеб распределялся бы по общинам в зависимости от количества населения.

Проект Ланжа вызвал широкие отклики, много возражений. Главное заключалось в том, что проект сложен и понадобится много времени, пока его можно будет провести в жизнь. Народные массы предпочитали такие средства, которые могли бы оказать немедленную помощь, и поэтому требования максимума получили всеобщее признание.

ДВИЖЕНИЕ БЕШЕНЫХ

Таким образом, уже идеологи санкюлотов — Доливье и Ланж — сделали крайние выводы из лозунгов революционной буржуазии о свободе и равенстве. «Плебейское» равенство могло быть только мечтой в конце XVIII в., когда дело шло о разрушении феодализма и создании буржуазного строя во Франции. Но народные массы были убеждены, что демократия и социальное неравенство противоречат друг другу. Даже жирондист Рабо Сент-Этьен утверждал в этот период, что демократическая республика не удержится во Франции, если не будут приняты меры для смягчения социального неравенства.

Вожди бешеных

В начале 1793 г. в рабочих предместьях Парижа, Лиона и других городов от имени плебейских масс заговорили новые люди. Многие из них вошли в историю французской революции, имена других затерялись. Наибольшую популярность в то время приобретают два человека: уже известный нам Жак Ру и молодой почтовый чиновник Варле.

Жак Ру был представителем секции Гравилье в Совете Парижской коммуны. От имени народа он требовал, чтобы депутаты Конвента выполнили свои обязательства перед избирателями и подчинились общественному мнению, которое «всегда правильно и всемогуще». Жак Ру был автором петиции, которая от имени 48 секций была представлена Конвенту 12 февраля; в петиции говорилось: «Граждане-законодатели, недостаточно еще объявить себя республиканцами, нужно еще, чтобы народ был счастлив, нужно, чтобы у него был хлеб, ибо там, где нет хлеба, там нет законов, нет республики, нет свободы. Вам говорили, что хороший закон о продовольствии невозможен; это все равно, что сказать, что, когда сброшены тираны, невозможно управлять государством». Жак Ру требовал террористических мер против скупщиков съестных припасов, «против тех, кто дискредитирует наши ассигнаты, чрезмерно повышает цену

наших съестных припасов и быстрыми шагами ведет нас к контрреволюции». В своих выступлениях он постоянно повторял: «Требуйте установления во всем государстве одних и тех же мер, одного и того же веса. Требуйте строгих правил для хлебной торговли, требуйте запрещения продажи предметов первой необходимости за пределами государства. Заставьте крупных собственников продавать свои урожаи на определенных рынках, устройте во всех городах общественные магазины». Жирондисты прозвали Жака Ру «бешеным» и вскоре стали называть «бешеными» всех его приверженцев.

Варле выдвинулся как народный оратор, руководитель уличных демонстраций и автор многочисленных петиций еще до революции 10 августа. Свои социальные требования он выразил в брошюре: «Торжественное провозглашение прав человека в социальном состоянии». «Во всех государствах,—говорил Варле,—нуждающиеся составляют большинство, и так как их свобода, безопасность и личное самосохранение представляют важнейшие блага, их самое неотъемлемое право — защищаться от угнетения богатых..., уничтожая при помощи справедливых средств чудовищную непропорциональность в распределении богатств. Собственность, собранная за счет общественного благосостояния, путем воровства, спекуляции, монополий и скупок, должна стать национальным достоянием». В марте 1793 г. бешеные создали свой центр в Париже в бывшем дворце епископства, установили связь с другими городами и стремились согласовать свои действия. Требования их зимой и весной 1793 г. состояли в следующем: установление максимума на все предметы первой необходимости, введение прогрессивного налога, создание национального продовольственного управления, издание суровых законов против спекулянтов. В феврале клуб Кордельеров, Парижская коммуна и федераты находились под большим влиянием бешеных.

Вокруг бешеных с февраля 1793 г. сплотились плебейские низы, пролетарии Парижа и полупролетарии. «Зачем было снимать голову тирану, если вас каждый день пожирают спекулянты, монополисты», — говорили эти люди.

Жирондисты объявили бешеным беспощадную войну. Они распространили слух, что бешеные — агенты Питта и роялистов; что они — переодетые богачи. Якобинцы тоже отнеслись враждебно к их агитации. Когда 22 февраля якобинцы отказались предоставить бешеным свое помещение для проведения собрания, то собравшаяся на трибунах публика шумно протестовала. Она обвинила якобинцев в том, что среди них «много купцов и спекулянтов, обогащающихся за счет народных несчастий». Напрасно младший брат Робеспьера, Огюстен, убеждал, что постоянные дискуссии о продовольствии сеют тревогу в республике и опасны тем, что многие собственники, хорошие патриоты, могут отойти от революции. Дюбуа-Крансе старался доказать, что сперва надо завоевать свободу, а потом уже думать о продовольствии. Тот же Дюбуа-Крансе заявил, что он, как председатель Конвента, отклонит всякую петицию, которая потребует введения твердых цен на продукты. В ответ поднялся такой шум, что Билло-Варенну, председателю Собрания, пришлось надеть шляпу, что означало закрытие заседания. Движение в пользу максимума было таким образом направлено не только против Конвента; оно было также в это время антиякобинским движением.

В феврале 1793 г. Париж испытывал особо острую нужду в продовольствии. Хотя муниципалитету Парижа удалось снизить цены на хлеб до трех су за фунт, парижане зачастую оставались без хлеба: дешевый парижский хлеб привлекал окрестное население, за хлебом с ночи устанавливались длиннейшие очереди.

Движение против дороговизны в Париже в феврале 1793 г.

В двадцатых числах февраля цены на мыло неожиданно поднялись с 14 до 32 су за фунт. Это вызвало сильное возмущение, особенно среди прачек. В эти же дни в Конвенте подходило к концу обсуждение декрета о реорганизации армии. Один из параграфов этого закона разрешал посылать в армию вместо себя других лиц по соглашению.

Буржуазия, следовательно, получила возможность покупать заместителей и уклоняться от призыва в армию. Эта статья закона вызвала большое негодование санкюлотов. Буржуазия освобождалась от всяких жертв и ничего не хотела давать ни республике, ни революции! Принятие этого закона сильно содействовало росту недовольства в Париже, где уже с утра поднявшиеся цены на мыло создали сильное брожение. Днем на Сене показались баржи с мылом, и прачки заставили разгрузить эти баржи и продать им мыло по назначенной ими цене. Депутация женщин ворвалась в Конвент с жалобой, что чистое белье становится привилегией богатых. Она потребовала смертной казни для скупщиков и спекулянтов, «которые называют себя друзьями народа, чтобы удобнее задушить его». Делегация была встречена Конвентом враждебно, и депутаты Конвента пытались уверить женщин, что главной причиной повышения цен на продукты является «запугивание торговли постоянными криками о скупке». Но пришедшая вскоре еще одна делегация от женщин заявила Конвенту, что если он хочет получить 300 тыс. солдат, он должен выполнить требования народа. Это заявление подействовало, и Конвент, пригласив женщин остаться на заседании, обещал им во вторник (дело было в воскресенье) заняться обсуждением продовольственного вопроса. Но женщины на заседании не остались; они громко выразили свое недовольство тем, что Конвент без конца откладывает разрешение такого важного вопроса. «Когда дети просят у нас молока, мы не можем им сказать, чтобы они подождали несколько дней», — кричали они.

На следующий день, 25 февраля, в Париже начались волнения. Видя, что Конвент не думает притти на помощь народу и что он помогает спекулянтам тем, что не ведет против них никакой борьбы, распропагандированные бешеными, бедняки, главным образом женщины, бросились в бакалейные лавки и заставили торговцев продавать им мыло, свечи и другие товары по пониженной цене. Движение распространилось по всему Парижу, оно продолжалось 26 и 27 февраля и прекратилось только в конце недели. В первый день власти растерялись. И в Парижской коммуне, и среди национальных гвардейцев, и среди федератов многие сочувствовали движению. Национальная гвардия была явно ненадежна, и Сантер, ее главнокомандующий, отправился в Версаль для того, чтобы навербовать отряд жандармерии. Известие о том, что происходит в городе, вызвало в Конвенте настоящую битву. Жирондисты обрушились на Марата, в статье которого, опубликованной в этот день, содержался совет — разграбить несколько лавок, чтобы заставить скупщиков снизить цены. Они объявили Марата виновником волнений и потребовали предания его суду. Марат сумел защититься и назвал жирондистов, и в особенности Ролана, виновниками беспорядков, потому что они ничего не предприняли для смягчения дороговизны. В своей речи Марат заявил, что он осуждает беспорядки и что он против максимума. Все монтаньяры согласились с ним. Жирондисты заявили, что движение было спровоцировано роялистами; монтаньяры подтвердили то же самое. Якобинец Дюбуа-Крансе заявил, что бешеные — агенты Питта: «движение было подготовлено. Лорд Гренвиль сам сообщил об этом в английском парламенте». Даже

Робеспьер утверждал, что он сам видел рядом с честными гражданами иностранцев и богатых людей, «переодетых в почетное платье санкюлота».

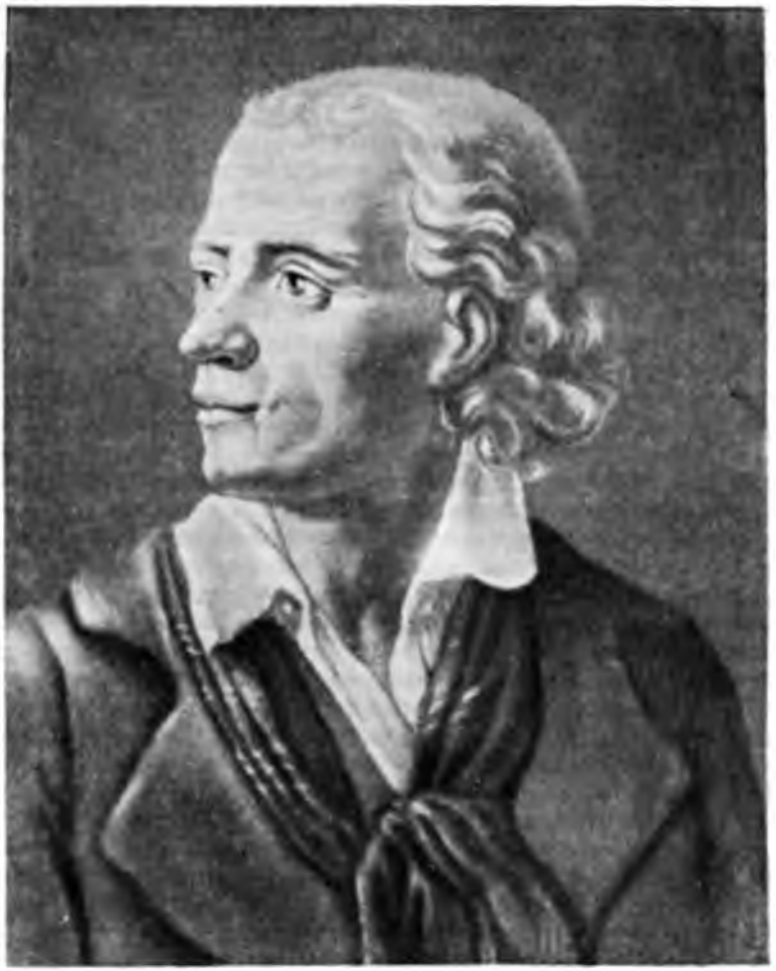
Якобинский клуб присоединился к заявлениям Конвента, и в циркулярном письме от 1 марта к провинциальным обществам, — редактором этого письма был Робеспьер, — бешеные были изображены агентами врагов революции. 26 февраля Конвент принял решение подавить движение. Сантер мобилизовал 80 тыс. национальных гвардейцев. Парижская коммуна объявила подозрительными тех из них, кто не явится на свой пост. По распоряжению Конвента составили список лиц, не имеющих определенных занятий. Начались обыски и аресты. Особое воззвание Парижской коммуны призывало задерживать и предавать правосудию людей, «которые хотят унизить Конвент. Такие люди хотят королей. Они через анархию хотят вернуть нас к рабству». В конце недели порядок, казалось, был восстановлен. На самом деле движение плебейских масс было только приглушено. Обстоятельства, вызвавшие его, продолжали действовать.

Но поражение санкюлотов в Париже дало толчок наступлению реакции во всей Франции.

Положение в провинции

Сигнал реакции был дан из Лиона. В этом, втором по количеству населения, городе Франции классовая борьба достигла крайней степени напряжения. В Лионе укрылось много неприсягнувших священников и тайных роялистов, бежавших из Парижа и из центральной Франции. Большинство из них, в ожидании более благоприятной обстановки, примкнуло к жирондистам. Многие из них стали играть видную роль в Лионском муниципалитете, который ничего не предпринимал для смягчения безработицы и нужды среди лионских рабочих. Хлеб в Лионе продавался по 6 су за фунт (вдвое дороже, чем в Париже). Одно время мэром Лионской коммуны был якобинец Шалье, беззаветно преданный революции и народным массам, которые очень его любили. Он был также руководителем лионского Якобинского клуба, вокруг которого собирались силы местной демократии. Шалье требовал обложения богатых чрезвычайным налогом в пользу бедных, твердых цен на продукты и поддерживал рабочих, настаивавших на введении твердого минимума заработной платы. Лионская буржуазия ненавидела Шалье. 18 февраля 1793 г. объединившиеся роялисты и жирондисты отстранили Шалье от руководства Коммуной; буржуазия разгромила Якобинский клуб, сожгла «дерево свободы», разбила статую Ж.-Ж. Руссо и арестовала 150 якобинцев. Банды роялистской «богатой» молодежи нападали на якобинцев, производили обыски, убийства. Бесчинства реакции в Лионе приняли такой характер, что Конвент счел нужным послать туда своих представителей. Они восстановили Шалье в правах. Но с этого времени в Лионе создалось очень обостренное положение, роялисты из-за угла убивали якобинцев, нападали на санкюлотов, преследовали их. С марта в Лионе началась, по сути дела, скрытая гражданская война.

Такая же мобилизация контрреволюционных сил произошла в Бордо, Марселе и во всех южных департаментах, где буржуазия стала объединяться с роялистами для совместной борьбы против социальных требований рабочих и примыкавших к ним плебейских низов. Сообщения депутатов Конвента, посланных в провинцию, становятся с конца февраля очень тревожными. Все они сходятся на двух общих выводах, характеризующих положение французской революции в то время. Одни из этих сообщений говорят: «Все те, которых прежде называли умеренными, которые некоторым образом были заодно с патриотами и, по крайней мере, соглашались на революцию, в настоящее время не



ЖОЗЕФ ШАЛЬЕ (1747—1793)
Гравюра Левассе

мирятся с ней. Они хотят повернуть ее назад, ... они ждут контрреволюции и они связаны всем сердцем, всеми намерениями, всеми желаниями с аристократами, а скоро они фактически будут связаны с ними и всеми действиями». Другие не менее тревожные сообщения указывают на то, что народ всюду голодает; при этом, все сообщения подтверждают, что хлеба и всяких припасов в стране много; что единственная причина голода — нежелание буржуазии принести революции жертву, ее жадность, заставляющая ее постоянно подымать цены и прятать продукты в ожидании дальнейшего поднятия цен. Спекуляция приняла характер какой-то повальной болезни, и все те, у кого было хоть немного денег, втянулись в нее, покупая запасы продовольствия, чтобы потом перепродать их по более высокой цене.

Столкнувшись на местах с ужасающей нуждой, депутаты Конвента часто не находили других средств для ее смягчения, кроме реквизиций. Даже местные власти все чаще и чаще стали нарушать свободу торговли.

В Юре Совет департамента, «принимая во внимание ужасающий рост нужды, а также и то, что цена зерна превосходит покупательные воз-

можности даже состоятельных граждан и что бедный и, к сожалению, самый многочисленный класс стонет и ропщет», приказал произвести всеобщую перепись и реквизицию продуктов. Колло-д'Эрбуа и Лапланш в городе Ньевр вынуждены были поставить гильотину, чтобы добыть продовольствие. Шабо в Авейроне, чтобы прокормить нуждающихся, обложил богатых военным налогом и обезоружил подозрительных лиц. Нет никакого сомнения в том, что сокрытие продовольственных припасов становится к тому времени одним из методов борьбы против революции. «Общественное дело на краю гибели. Только самые быстрые и самые решительные меры могут еще спасти его. Везде чувствуется усталость от революции. Богатые ненавидят ее, бедные нуждаются в хлебе, и их уверяют, что мы в этом виноваты», — писал из департаментов Ло и Дордонь депутат Конвента Жанбон-Сент-Андре Бареру 6 марта 1793 г.

В марте большинство депутатов Конвента, посланных в провинцию, приходит к следующему признанию: «Настоятельно необходимо дать возможность жить беднякам, если вы хотите, чтобы они помогли вам закончить революцию. В экстренных случаях надо считаться только с великим законом общественного спасения».

Даже в Париже в марте и в апреле положение с продовольствием становится таким напряженным, что санкюлоты целые дни тратят на то, чтобы достать хоть какие-нибудь продукты питания. Ненависть к спекулянтам все возрастает. О настроениях народных масс Парижа можно судить по записям полицейских агентов: «14—15 марта: волнения на хлебном рынке. Булочники хотят повесить Гарена, администратора по продовольственной части; 1 апреля: в Палэ-Рояле говорят о том, что надо отрубить головы скупщикам и пойти в Конвент требовать таксы; 7—8 апреля: хлеба все еще нет. Булочники нарочно не выпекают столько, сколько они должны были бы печь, чтобы принудить Коммуну продавать «по-своему».

Поражение на фронте

В марте дела на фронте приняли очень плохой для французской революции оборот. Дюмурье, всю зиму бездействовавший, не выполнил в свое время приказа Конвента о занятии Голландии. Это дало возможность герцогу Кобургскому увеличить и реорганизовать силы австрийской армии, стоявшей у границ Бельгии. Кроме того, бездействие Дюмурье дало возможность и Голландии подготовиться к войне. Поэтому, когда Дюмурье с большим опозданием начал свой поход в эту страну, расположение и соотношение сил на бельгийском фронте сложилось не в пользу Франции. Вначале операции французских войск были успешны; Дюмурье захватил часть голландской территории; но 1 марта герцог Кобургский напал на французскую армию, стоявшую в Бельгии. Он нанес ей несколько сильных поражений, создал большую растерянность во французских войсках и грозил отрезать Дюмурье от Бельгии. Последний вынужден был уйти из Голландии. На бельгийском фронте создалось настолько тяжелое положение, что, если бы не удалось приостановить движения австрийских войск, война опять могла бы перенестись на французскую территорию.

Париж не сразу узнал о положении на фронте. Жирондисты, пока можно было, скрывали правду. Газеты все время сообщали об успехах Дюмурье в Голландии. Подлинные размеры поражения и вся опасность его стали известны только после того, как Дантон вернулся из Бельгии, куда он поехал с целью поднять революционное настроение в армии и помешать дальнейшему распространению паники в войсках. Сильная тревога и волнение охватили Париж. Бешеные снова

начали открытую агитацию против Конвента. Они обвинили в измене Дюмурье и вместе с ним жирондистов, «эту партию спекулянтов и скупщиков», как они их называли.

Рост активности бешеных. Усиление разногласия между якобинцами и бешеными

Бешеные потребовали немедленного осуществления своих социальных требований. Варле призывал к восстанию и к изгнанию жирондистов из Конвента. Но на этом бешеные не остановились. О настроениях плебейских низов и об их отношении к жирондистам в марте 1793 г. можно судить по адресу, прочитанному в Якобинском клубе 4 марта от имени «Общества защитников Республики»: «Депутаты-изменники не только должны быть отозваны, но их головы должны пасть под ударом меча закона... Имущественная аристократия — крупные торговцы и финансисты, вообще хищники, собираются возвыситься на развалинах аристократии. Никакой коронованный разбойник не осмелился бы напасть на нас, если бы он не был уверен в поддержке целой партии в Конвенте».

Но что же делалось в самом Конвенте в эти тревожные мартовские дни 1793 г.? Какие меры были им предприняты для улучшения дел на бельгийском фронте? Поражение Дюмурье снова дало повод для усиления борьбы между монтаньярами и жирондистами. Дантон, Робеспьер, Марат обвинили в поражении жирондистов, которые, по их мнению, плохо руководили военной политикой. Но они взяли под защиту Дюмурье, заинтересованного, как думал Робеспьер, «в величии республики, так как личные его интересы, самая его слава привязывали его к успехам французского оружия».

Однако якобинцы не пошли и теперь на прямой разрыв с жирондистами. Они не поддержали призыва бешеных к восстанию. Расходясь с бешеными по многим вопросам их социальных требований, якобинцы расходились с ними также по вопросу об отношении к Конвенту: в то время как Жак Ру и Варле считали необходимым разогнать это собрание «друзей покойного короля», пытающихся смирить народ «голодом и нищетой», якобинцы относились к Конвенту, как к революционному органу народного представительства, как центру объединения революционных сил, и боялись, что разгон Конвента приведет к реставрации монархии.

События, разыгравшиеся в Париже 9 и 10 марта, показали, что влияние якобинцев в массах было все еще гораздо более сильным, нежели влияние бешеных. 9 и 10 марта, в дни, когда часть бешеных хотела поднять восстание против Конвента (Жак Ру был против восстания), клуб Кордельеров, несмотря на то, что бешеные были в нем сильны, не примкнул к ним, не поддержала их и Парижская коммуна.

Не поддержали их и секции Парижа: на призыв Варле к восстанию отозвались только четыре секции, из них лишь одна секция Пуассоньер осталась верна им до конца в эти дни; поэтому восстание 10 марта не удалось; выступление бешеных ограничилось тем, что были разбиты две жирондистские типографии и что депутация секции Пуассоньер представила Конвенту петицию, в которой было выставлено требование об изгнании жирондистов из Конвента. Конвент был охвачен возмущением. Требования петиционеров представлялись в это время не только жирондистам, но и монтаньярам посягательством на неприкосновенность депутатов народа. Монтаньяры встали на защиту жирондистов. Марат обвинил секцию Пуассоньер в роялизме. Жирондисты потребовали ареста петиционеров. Правда, это предложение монтаньяры отвергли, но поражение бешеных было несомненным. 18 марта Конвент принял декрет, в силу которого за агитацию в пользу аграрного закона устанавливалась смертная казнь.

Монтаньяры, большинство которых (особенно робеспьеристы) были сторонниками социально-политической теории Руссо, считали, подобно своему учителю, частную собственность неприкосновенной основой общества. Буржуазный принцип собственности и принцип законности тесно связывали в этот момент якобинцев с жирондистами и противопоставляли их бешеным, в борьбе которых против жирондистов якобинцы усматривали опасные для общества тенденции к радикальному имущественному уравнению, подрывающему принцип собственности.

И все же движение 9—10 марта дало некоторые результаты в смысле удовлетворения требований широких масс. По предложению Дантона Конвент 9 марта принял обращение ко всем секциям и департаментам, в котором указал на опасность, создавшуюся в связи с поражением на фронте. Он призывал к записи в волонтеры. В этот же день был принят декрет о выплате пенсий семьям сражающихся на фронте и о том, что республика бесплатно предоставит каждому солдату небольшой участок земли. 10 марта Конвент постановил создать Чрезвычайный уголовный трибунал, в дальнейшем реорганизованный в Революционный трибунал. Трибунал создавался «для расследования всяких контрреволюционных замыслов, всяких покушений на свободу, равенство, единство и неразделимость республики, на внутреннюю и внешнюю безопасность государства, всяких заговоров, клонящихся к восстановлению королевской власти».

В состав трибунала входили пять судей, прокурор, два его заместителя и присяжные заседатели. Все члены трибунала назначались Конвентом. Трибунал выносил приговоры путем открытого голосования, причем решение принималось абсолютным большинством голосов. Приговор приводился в исполнение немедленно, кассация не допускалась. Имущество осужденных на смертную казнь подлежало конфискации. Якобинцы считали, что декрет о трибунале создаст необходимые условия для решительных действий против врагов республики. Между тем, 10 марта, в тот день, когда Конвент принял решение о создании трибунала, в Вандее началось контрреволюционное восстание. В первые же дни восставшие захватили Нант, главный центр области, и устроили резню революционеров в Машкуле, убив в течение нескольких дней около пятисот человек.

Жирондисты не придали серьезного значения вандейскому восстанию, а некоторые из них даже втайне сочувствовали ему; поэтому Конвент ничего не предпринял для того, чтобы сразу же приостановить восстание. Ему дали разрастись, и Вандея скоро превратилась в кровоточащую рану на теле республики. Во второй половине марта Дюмурье дал себя разбить в Бельгии, и французская армия вынуждена была покинуть Брюссель.

РЕВОЛЮЦИЯ 31 МАЯ — 2 ИЮНЯ 1793 г.

Измена Дюмурье и обострение классовой борьбы в Париже

Дюмурье, вызванный Конвентом в Париж для объяснения, не явился. Он прислал наглое письмо, полное угроз, в котором требовал уничтожения Якобинского клуба, республики, в противном случае грозил разогнать Конвент, «это сборище дураков», и настаивал на том, чтобы Бельгия была отделена от Франции. Когда Конвент отправил своих депутатов в ставку к Дюмурье с тем, чтобы его арестовать, то он сам арестовал депутатов и вступил в переговоры с командованием неприятельской армии. Однако его попытка увлечь армию против республики окончилась неудачей. С небольшой группой своих приближенных Дюмурье бежал к австрийцам. Обо всем этом Париж узнал только 1 апреля.

В Париже распространялись самые разнообразные и самые тревожные слухи. Упорно говорили, что Дюмурье увлек с собой армию и что он вместе с австрийцами двигается к Парижу, что падения Парижа надо ожидать со дня на день. Правда, эти слухи не оправдались, но измена Дюмурье была фактом, и притом очень опасным: изменил генерал, которому так доверяли «государственные люди» (так народ называл жирондистов). Престиж бешеных сразу сильно поднялся. Ведь именно они называли Дюмурье изменником еще в начале марта. И если бы к их голосу прислушались, положение республики было бы, возможно, совсем другим! Число сторонников бешеных значительно возросло, и бешеные стали с этого времени большой и очень влиятельной политической силой. За ними шли плебейские массы, им сочувствовала даже значительная часть мелкой буржуазии. Социальная и политическая программа бешеных стала казаться этим слоям единственно пригодной для спасения республики и независимости Франции. А бешеные все настойчивее требовали наказания жирондистов — покровителей изменника-генерала.

Поворот в общественном мнении санкюлотов оказал сильное влияние и на тактику якобинцев. Новую тактику провозгласил Дантон на заседании Конвента в первых числах апреля, когда жирондисты, стремясь отвести от себя обвинение в покровительстве Дюмурье, обрушились на Дантона и Робеспьера, как на защитников и друзей генерала. Обращаясь к Горе, Дантон 2 апреля воскликнул: «Вы, осудившие тирана, объединитесь против трусов, желавших пощадить его. Никаких соглашений с ними». Монтаньяры, бурно аплодируя, поддержали призыв Дантона. Однако, окончательный разрыв Горы с Жирондой произошел не сразу. Тактика монтаньяров с апреля в значительной степени определялась тактикой самих жирондистов.

Измена Дюмурье была не только его личным делом, она не была и случайным явлением: она как бы символизировала резкий сдвиг в политических настроениях крупной буржуазии с весны 1793 г., — без этого сдвига она была бы немыслима. Крупная буржуазия окончательно отходит к этому времени от революции и объединяется с роялистами. И в Париже, и в Лионе, и в Бордо, и в Марселе, и в Дижоне — во всех промышленных центрах Франции, во всех южных департаментах буржуазия начинает вывозить свои капиталы за границу. Спасение для себя она видит теперь в поражении республики. Жирондисты становятся с этого времени опорой роялизма, и это очень хорошо поняли народные массы. Якобинский клуб в циркулярном письме от 5 апреля 1793 г. писал своим филиалам о том, что контрреволюция проникла в Национальный конвент, что «преступные делегаты ткут нити заговора, направляемого английским двором и бандой деспотов, желающих нас задушить». Якобинский клуб предложил департаментам, муниципалитетам, народным обществам действовать дружно и путем непрерывной подачи Конвенту петиций добиться немедленного отзыва депутатов, «не желавших смерти тирана, и в особенности тех, кто вводит в заблуждение огромное число своих коллег: такие делегаты — изменники, роялисты или неспособные люди».

Поведение жирондистов оправдывало этот отзыв. В то время, когда измена Дюмурье и Вандея создали новые опасности для революции и усилили позиции врагов французского народа и внутри и вне республики, жирондисты не смогли выдвинуть никакой положительной программы действий. Ее выдвинули монтаньяры, сделав последнюю попытку — создать возможность общей работы. «Нужно вот что: победить врагов, восстановить внутренний порядок и выработать хорошую Конституцию», — заявил Дантон. 10 апреля Конвент принял решение

немедленно заняться обсуждением Конституции. Конституционный комитет был создан еще 11 октября 1792 г., вскоре после начала деятельности Конвента. Большинство его составляли жирондисты: Бриссо, Петион, Верньо, Кондорсе, Жансонне; Барер и Сиейес принадлежали к болоту; Томас Пэн был близок к жирондистам; только Дантон представлял Гору в этом комитете.

Борьба вокруг проекта Конституции

23 апреля в Конвенте начались прения по вопросу о Конституции. В этот день был заслушан проект Кондорсе; против него выступили Робеспьер и Сен-Жюст. Эти прения характерны в том отношении, что они еще раз ярко вскрыли основные разногласия, существовавшие в этот момент между жирондистами и монтаньярами, не только по вопросам политической организации, но и по вопросам социальным.

Жирондистский проект Конституции заявлял, что право собственности заключается в праве каждого гражданина располагать без всяких ограничений своим имуществом, своим капиталом, своим доходом, своим производством.

Против этого параграфа жирондистской Конституции выступил Робеспьер. За два дня до того Якобинский клуб обсудил написанную Робеспьером Декларацию прав. В этой Декларации за каждым гражданином признавалось право пользоваться и распоряжаться только той долей имущества, которая ему обеспечена законом. Право собственности Робеспьер ограничивал обязанностью уважать чужие права. Право собственности, говорилось в проекте Робеспьера, — «не может наносить ущерб ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности» других граждан. Это понимание права собственности в духе теории Руссо давало конституционное основание для борьбы против спекулянтов, скупщиков, против ажиотажа. Декларация прав Робеспьера шла навстречу интересам широких трудящихся масс. Критикуя жирондистский проект, Робеспьер признал основным его недостатком то, что он не определяет законом границ права собственности. «Ваша Декларация, повидимому, издается не для всех людей, а только для богачей, скупщиков, тиранов и спекулянтов», — заявил Робеспьер 24 апреля в Конвенте. И действительно, жирондистский проект Конституции, санкционируя неограниченную экономическую свободу в духе учения физиократов и освобождая государство от всяких обязательств социального характера, обрекал народные массы на бесконтрольную капиталистическую эксплоатацию. Якобинский проект Конституции стремился возможно более полно обеспечить демократические завоевания народных масс. Это различие между двумя проектами Конституции выявилось также в прениях по вопросу об организации муниципалитетов. Жирондисты требовали их разукрупнения. В городах с населением больше, чем в 50 тыс. человек, они требовали создания нескольких независимых муниципальных организаций. Против этого выступили монтаньяры. Они увидели в этом предложении стремление раздробить, распылить силы демократии. Прения в связи с обсуждением этого вопроса еще больше обострились, когда Бюзо предложил, чтобы центром деятельности народного представительства был не Париж, а какой-нибудь другой город. Монтаньяры справедливо увидели в этом предложении проявление ненависти и страха перед Парижем санкюлотов, перед его революционными массами. Выступая по этому вопросу, Сен-Жюст заявил жирондистам: «Вы боитесь многочисленного населения городов, населения Парижа. Это население не опасно для свободы. Вы хотите раздробить силы Парижа, чтобы угнетать Францию».

Борьба вокруг жирондистского и монтаньярского проектов Конституции еще более способствовала окончательному разрыву между партиями. В этой борьбе якобинцев поддержали бешеные во главе с Жаком Ру и Варле. Таким образом, с конца апреля 1793 г. создался блок якобинцев с бешеными под руководством якобинцев, единый демократический фронт санкюлотов городов и большинства крестьянской массы. «Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным *большинством* народа, с *революционными* и передовыми классами *своего* времени». [1]

Арест Марата и его триумф

12 апреля жирондисты прочли письмо Якобинского клуба в провинцию, в котором предлагалось потребовать отозвания жирондистов из Конвента. Первым, подписавшим это письмо, был Марат. Как в сентябре 1792 г., Конвент был охвачен диким исступлением. «В Аббатство его, в Аббатство!» — кричали жирондисты. Конвент в этот же день издал приказ об аресте Марата и о предании его суду Революционного трибунала. Публика на трибунах выразила свое возмущение этим решением; она обступила Марата плотной стеной и помогла ему скрыться. Народные массы Парижа не дали арестовать Друга Народа. Но декрет об аресте Марата усилил революционное возбуждение. 14 апреля уже 35 секций из 48 потребовали очищения Конвента от руководителей жирондистской партии. К петиции, поданной представителями секций, присоединился и якобинец Паш, мэр Парижа. Весь революционный Париж был против жирондистов. Они потеряли всякое доверие и убедились в этом окончательно 23 апреля, в день суда над Маратом.

23 апреля громадные толпы санкюлотов с раннего утра заняли улицы, прилегавшие к зданию суда,—его залы и коридоры. Марат не защищался, а обвинял жирондистов. Он уверял, что если партия государственных людей погубит его, — борьбу за свободу продолжат другие депутаты Горы. Революционный трибунал оправдал Друга Народа. Санкюлоты подхватили

DÉCLARATION
DES DROITS DE L'HOMME
ET DU CITOYEN.°

PRÉSENTEE
PAR MAXIMILIEN ROBESPIERRE.

LEs Représentans du Peuple Français, réunis en Convention Nationale, A

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, СОСТАВЛЕННАЯ РОБЕСПЬЕРОМ И ИЗДАННАЯ ЯКОБИНСКИМ КЛУБОМ

Б-ка Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XX, стр. 435.

Марата, подняли его на руки, осыпали цветами, украсили его лавровым венком, и на руках, во главе стотысячной ликующей демонстрации, выражавшей свои чувства возгласами: «Да здравствует республика, свобода, Марат!» — санкюлоты внесли Марата в Конвент, где в это время обсуждался проект Конституции. Известие об оправдании Марата вызвало панику среди многих жирондистов. Они поспешили оставить зал заседаний. Торжествующий Марат занял свое место. Он заявил, что по-прежнему, со всей энергией, на какую только способен, он будет защищать права народа.

С этого дня жирондисты перешли в открытое наступление против парижской демократии. Еще 10 апреля Петион обратился с письмом к парижанам: «Ваша собственность подвергается угрозе, а вы закрываете глаза на эту опасность. Разгорается война между имущими и неимущими, а вы ничего не предпринимаете для ее предупреждения... Граждане, встряхнитесь от летаргии и заставьте этих вредных насекомых уйти в свои убежища!»

Письмо Петиона прозвучало как набатный гул и послужило призывом к контрреволюционным выступлениям на юге. Объявив войну демократии, жирондисты открывали дорогу роялистам. Но это их не смущало. В мобилизации роялистских сил в департаментах они видели спасение для себя и опору в борьбе против революционного Парижа. Между тем, положение на фронте становилось все хуже, вандейское восстание ширилось. Народные массы ждали, что Конвент займется, наконец, изданием необходимых законов и организацией национальной обороны. Но жирондисты не давали Конвенту возможности работать, отвлекая его разжигаемой ими борьбой против монтаньяров. Однако в этой борьбе они уже сдавали свои позиции одну за другой. Еще 1 января 1793 г. Конвентом был учрежден Комитет общественной (национальной) обороны из представителей шести комиссий Конвента в числе 18 человек. Большинство, а также руководство в этом комитете принадлежало жирондистам. Под давлением обстановки, в результате усиления влияния Горы бессильный Комитет общественной обороны был заменен по декрету 6 апреля Комитетом общественного спасения из 9 человек. Большинство в нем принадлежало уже якобинцам дантонистского крыла. Комитет получил широкие полномочия. Ему было предоставлено право контролировать и направлять деятельность министров, руководство внешней политикой, а затем и военным делом. Комитет нашел армию в критическом положении: не было ни ружей, ни снарядов, ни боевых припасов, ни обуви, ни одежды. Блокада лишила Францию многих источников сырья, без которых нельзя было обеспечить военное снаряжение войска. Положение на фронте было таким напряженным и опасность вторжения интервентов стала опять настолько реальной, что только революционная мобилизация всех боеспособных сил народа и его героические усилия смогли обеспечить создание условий для успешной борьбы за независимость Франции.

Камбон, знавший, насколько плохо было финансовое положение республики, потребовал чрезвычайного налога на богатых в один миллиард ливров для снаряжения армии. Жирондисты решительно опротестовали это предложение; они затягивали прения, отняли у Конвента много времени, и только во второй половине мая монтаньяры заставили Конвент принять декрет о принудительном займе. Под давлением плебейских масс и в результате выступлений Робеспьера по вопросу о собственности, якобинцы в этих трудных обстоятельствах изменили свое отношение к требованию регулирования цен на съестные припасы и внесли в Конвент проект декрета о максимальных ценах на зерно. 4 мая, при сопро-

тивлении Жиронды, Конвент принял этот декрет о максимуме на зерно (1-й максимум); но жирондисты тысячами способов мешали проведению его в жизнь; они саботировали также постановления Конвента о наборе в армию, о мобилизации сил против Вандеи.

Во второй половине мая неприятельские армии вступили на французскую территорию. Положение стало еще более тяжелым, чем летом 1792 г. Борьба против интервентов за независимость родины стала не отделимой от борьбы против опасности реставрации и против жирондистов, своей политикой развязывавших силы роялистов.

В мае 1793 г. жирондисты окончательно стали помехой для дела революции; их дальнейшее пребывание у власти должно было неизбежно привести к поражению революции, к реставрации. И народные массы это ясно понимали. Опять, как в дни 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, народ взял дело революции в свои руки. Организатором нового революционного движения масс стала Парижская коммуна.

Шомет выразил настроения народа, заявив 16 мая в ратуше: «Причину наших бед я усматриваю в эгоизме богача, который... жалеет о невозможности былых злоупотреблений. Я усматриваю ее в преступных спекуляциях и ажиотаже. Что сделано для бедняка? Ничего». Для того, чтобы буржуазная революция могла победить, она должна была что-то сделать для бедняка.

Епископский дворец, где помещались бешеные, стал одновременно с Коммуной центром объединения революционных сил. Парижские секции прислали в епископство своих уполномоченных, и здесь создалась новая организация — Революционный комитет, или Комитет восстания. Бешеные настаивали на немедленном изгнании жирондистов из Конвента и на их аресте. Парижская коммуна и Якобинский клуб, соглашаясь, что жирондисты стали опасны для революции, все еще колебались. Они не хотели нарушить неприкосновенность депутатов Конвента и хотели путем мобилизации революционных сил и морального давления, мирным парламентским путем добиться того, чтобы жирондисты лишились руководящей роли в Конвенте.

Каждый день к решетке Конвента подходили различные депутации, и по их требованиям борющиеся стороны подсчитывали свои силы. 8 мая депутация из Бордо прочла петицию, в которой Парижу угрожали гражданской войной, если он посмеет посягнуть на неприкосновенность Национального конвента. Такую же петицию представила депутация из Лиона, жаловавшаяся Конвенту на местных якобинцев. Уверенные в поддержке департаментов, имевшие за собой большинство в Конвенте, жирондисты все упорнее наступали. 16 мая председателем Конвента был избран жирондист Инар. Жирондисты предложили перевести Конвент в Бурж, созвать там заместителей депутатов и одновременно разогнать Коммуну. Монтаньяры, горячо поддержанные публикой на трибунах, резко высказались против этого предложения.

Комиссия двенадцати

Тогда Барер, член Комитета общественного спасения, внес примирительное предложение о создании Комиссии из 12 человек для обеспечения общественного спокойствия. Жирондисты ухватились за это предложение. Комиссия была создана, и в ее состав были избраны одни жирондисты. Деятельность комиссии ускорила ту развязку, которая сделалась неизбежной из-за тупого нежелания руководящей группы жирондистов пойти на какие-либо уступки народным массам. Комиссия всячески старалась держать Конвент в постоянном страхе, пугая его несуществующими заговорами. Комиссия двенадцати сеяла тревогу, поощряла доносы, собирала и обобщала всякие непроверенные слухи и превращала в грозы-

ные улики и обвинения разные случайные, смехотворные и нелепые сведения.

23 мая Комиссия двенадцати предложила Конвенту принять чрезвычайные меры предосторожности под тем предлогом, что ею, будто бы, раскрыт большой заговор. Она предложила усилить охрану Конвента, поручить ее буржуазным секциям, преданным жирондистам, и запретить собрания секций после 10 часов вечера. В этот же день Комиссия отдала приказ об аресте Эбера за его статью, в которой он писал, что приближается последний час жирондистов. В этот же день был арестован **Варле**.

Арест Эбера заставил насторожиться Парижскую коммуну. Он был членом Коммуны и, следовательно, тоже пользовался неприкосновенностью. Жирондисты уже во второй раз нарушили неприкосновенность народных представителей: в первый раз они арестовали Марата, теперь Эбера. В своих выступлениях они подчеркивали, что не пощадят изменников даже на «самой Горе».

Жирондисты первые, таким образом, нанесли удар принципу неприкосновенности народных депутатов. Кроме того, арест Эбера был покушением на свободу печати. Ведь Конвент не привлекал к ответственности Бриссо за его нападки на монтаньяров. Депутация Парижской коммуны потребовала немедленного освобождения Эбера. Секции направили своих депутатов в Конвент с теми же требованиями. 24 мая, когда монтаньяры указали на произвол Комиссии двенадцати, Инар поднялся и заявил: «Выслушайте, что я скажу вам. Если бы случилось, что на народное представительство было бы совершено покушение, заявляю вам, что Париж был бы уничтожен». Монтаньяры вскочили со своих мест. На трибунах поднялся неимоверный шум. Марат закричал: «Председатель, вы трус, вы позорите собрание». Но Инар продолжал: «Скоро на берегах Сены стали бы разыскивать то место, где был Париж». Жирондисты дружными аплодисментами поддержали эту угрозу. Угроза Инара произвела в Париже громадное и очень тяжелое впечатление. «Он, вероятно, думает, что председательствует на заседании королевского суда»,—писали про Инара на следующий день после этого заседания.

С 25 мая заседания Конвента превращаются в арену самых ожесточенных столкновений. Такие же бои происходят в каждой секции. На улицах Парижа появились какие-то подозрительные лица, оживилась агитация роялистов. Паш, мэр Парижа, сделал еще одну попытку повлиять на жирондистов. Он заявил: «Если бы Собрание хотело забыть свою злобу и серьезно заняться Конституцией, то во Франции нет другого города, где оно пользовалось бы большим уважением и где его члены были бы в большей безопасности». 27 мая Марат потребовал упразднения Комиссии двенадцати. Не желая обсуждать вопроса о Комиссии, Инар не дал Робеспьеру слова. Это окончательно вывело монтаньяров из терпения. «Такое бесстыдство начинает давить нас. Мы дадим вам отпор!»—воскликнул Дантон. «Мы дадим вам отпор!» — кричали монтаньяры. На трибунах и в зале заседания поднялся такой шум, что председатель два раза надевал шляпу, чтобы успокоить Собрание. Комиссия двенадцати еще раньше отдала приказ окружить Конвент верными жирондистам вооруженными силами. Монтаньяры, ничего не знавшие о распоряжении Комиссии двенадцати, с тревогой оглядывались на окружавший их лес штыков. А вооруженные силы все продолжали подходить к Конвенту, так как члены Комиссии распространили слух, что жирондистам угрожает опасность.

Когда стало ясно, что жирондистам никто не угрожает, депутации многих секций потребовали освобождения арестованных по распоряже-

нию Комиссии двенадцати. Было уже очень поздно. Инар передал свое председательское место дантонисту Эро-де-Сешелю. Много жирондистов ушло с собрания. Тогда Эро-де-Сешель, заявив, что «сила разума и сила народа — одно и то же», поставил на голосование вопрос о дальнейшем существовании Комиссии. Большинство было за роспуск. Известие это немедленно распространилось по Парижу и вызвало всеобщую радость. Но когда 28 мая заседание Конвента возобновилось, жирондисты признали решение о роспуске Комиссии недействительным. Они опять поставили вопрос на голосование и добились большинством в 40 голосов отмены вынесенного накануне постановления. Это решение было знаменательно в двух отношениях: во-первых, оно показало, что жирондисты совсем не хотят считаться с волей парижской демократии; во-вторых, столь незначительное большинство свидетельствовало о том, что болото покидает жирондистов. Якобинцы в этот день окончательно примкнули к восстанию, которое подготовлялось бешеными в епископском дворце.

24 мая Робеспьер произнес в Якобинском клубе речь, в которой он говорил, что если Парижская коммуна не соединится с народом, она нарушит свой долг: «Когда становится очевидным, что отечеству угрожает величайшая опасность, обязанность представителей народа умереть за свободу или добиться ее торжества». К тому времени рядом с Революционным комитетом, заседавшим в епископстве, образовался другой революционный центр — собрание всех представителей власти Парижского департамента, созванное в Якобинском клубе. В последние дни мая оба эти центра объединяются, договорившись на том, что всякая собственность находится под охраной санкюлотов и что всякие покушения на нее будут сурово караться.

Движение против жирондистов охватило всех санкюлотов Парижа. Комиссия двенадцати уже не могла помешать его развитию. В Комитете общественного спасения Дантон ничего не предпринимал, чтобы помешать ему. Марат развернул в эти дни кипучую практическую деятельность. Восстание подготовлялось почти открыто. В Париже не было силы, способной ему противостоять. Даже секции, поддерживавшие ранее большинство Конвента, были теперь против Комиссии двенадцати.

Переворот 31 мая — 2 июня

В 3 часа утра с 30 на 31 мая с собора Парижской богоматери забил набат. Началось восстание. Новая Коммуна была выбрана из представителей секций; она предложила прокурору, Совету и всем должностным лицам прежней Коммуны войти в состав вновь избранной и продолжать выполнение прежних функций. Все они поклялись сохранять верность «республике, единой и неделимой»; поддерживать всеми силами «святую свободу, святое равенство, личную неприкосновенность и уважение к собственности или умереть на своем посту, защищая священные права человека». Первым делом Генерального совета новой Коммуны было назначение командующим национальной гвардией якобинца Анрио. Вскоре вооруженные отряды вышли на улицы. День был прекрасный, и со стороны могло показаться что в Париже праздник и весь народ гуляет. Между тем набат все гудел, барабаны били, заставы были закрыты. В Конвенте жирондисты потребовали у Паша и у министра внутренних дел, Гара, отчета о положении в Париже, ареста Анрио и выяснения, кто приказал ударить в набат. «Кто? Сила сопротивления гнету!» — закричали монтаньяры. Когда раздался пушечный выстрел, Дантон заявил, что это призыв к защите народа против его врагов. «Я призываю вас, представители народа, — обратился он к депутатам, — обнаружить беспристрастие, обратить на пользу родине ту энергию, которую только дурные граждане могут считать опасной». День как будто заканчивался спокойно, и Верньо

даже выступил с примирительной речью, представлявшей такой контраст с теми враждебными речами по отношению к Парижу, которые жирондисты произносили раньше: «Я далек от того, чтобы обвинить большинство или меньшинство жителей Парижа. Достаточно пройти по улицам Парижа и увидеть царящий там порядок, проходящие по улицам многочисленные патрули, чтобы установить, что Париж оказал большую услугу родине». Но когда Барер предложил распустить Комиссию двенадцати, жирондисты возобновили борьбу.

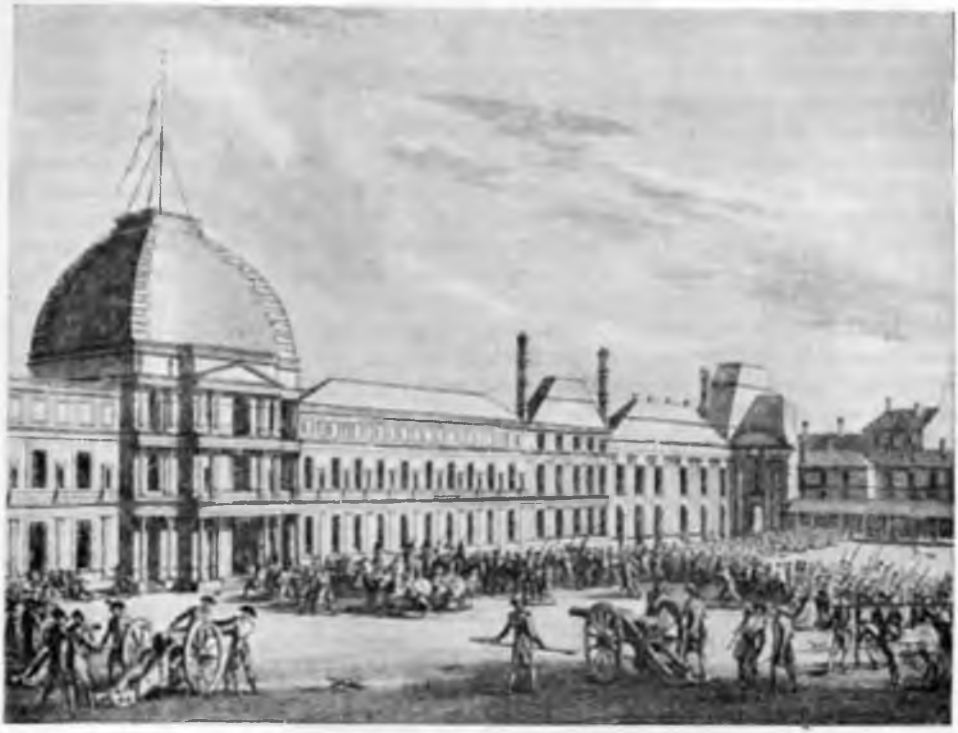
В это время явилась депутация должностных лиц и секций Парижского департамента, и от их имени главный прокурор, синдик Люлье, произнес резкую речь против жирондистов, предающих свободу и открывающих дорогу новому деспоту. Он напомнил об угрозе Инара, о той клевете, которую распространяли жирондисты про Париж, и закончил требованием арестовать многих жирондистов, назвав их всех по имени. «Законодатели, пойдите навстречу желаниям благородной нации; вы установите этим спокойствие и потушите огонь гражданской войны; при помощи святого единения всех граждан вы скоро восторжествуете над осаждающей вас шайкой тиранов. Тогда подготовка Конституции пойдет быстрейшими шагами вперед».

После Люлье выступила делегация Парижской коммуны и еще несколько делегаций. Одна из них потребовала ареста двадцати двух жирондистов, наряду с этим были предъявлены требования, чтобы хлеб во всех департаментах продавался по 3 су за фунт, чтобы всюду были созданы оружейные мастерские для изготовления оружия, чтобы были посланы комиссары в Марсель и другие южные города, где началось роялистское движение.

Прибывали все новые депутации. Депутаты Конвента были окружены многочисленной толпой. «Мы не свободны! Мы окружены людьми, которых не знаем! Неприкосновенность народных представителей нарушена!» — стали кричать жирондисты. Среди шума, криков, всеобщего возбуждения Верньо предложил Конвенту покинуть зал и присоединиться к вооруженному народу. Он вышел сам, но за ним последовало только несколько друзей, болото не двинулось с места. Униженный, слишком поздно понявший, что все потеряно, Верньо вернулся. Его встретили насмешливыми рукоплесканиями.

В эту минуту попросил слова Робеспьер. Он прочел обвинительный акт против жирондистов, «желавших спасти тирана, злоумышлявших вместе с Дюмурье, с ожесточением преследовавших патриотов». В заключение он потребовал издания декрета о привлечении к суду всех сообщников Дюмурье и всех тех, кого называли петиционеры. Никто из депутатов, однако, не присоединился к Робеспьеру. Молча, без прений, Конвент утвердил предложение Коммуны о выплате рабочим, остающимся под ружьем, по 40 су в день. Было также решено, что публика имеет право посещать все заседания Конвента. Комиссия двенадцати была распущена, и ее функции перешли к Комитету общественного спасения. Эти решения как бы разрядили атмосферу. На улицах перед Конвентом началось братание между буржуазными и санкюлотскими секциями. Но революционные центры были охвачены разочарованием, так как в результате движения 31 мая почти ничего не изменилось, — жирондисты остались у власти.

Между тем, Париж уже несколько дней был под впечатлением новых и очень тревожных новостей: еще 29 мая стало известно, что северная армия отступила, что между Камбрэ и Валансьенном прервано сообщение; что вандейцы одержали новую победу и угрожают Фонтенэ-ле-Пеплю, что в департаментах Юры и Лозер готовится контрреволюционное вос-



ВЫСТУПЛЕНИЕ ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЙ ПРОТИВ ЖИРОНДЫ 2 ИЮНЯ 1793 г.
Гравюра Берта, рисунок Свебах-Дефонтена

стание; что в Бордо жирондисты и роялисты грозят гражданской войной, что в Марселе жирондисты обещают покровительство тем, кто готов уехать из Франции и увезти свои капиталы; наконец, что в Лионе идет уже гражданская война и что там уничтожают санкюлотов.

Революционный комитет решил довести дело до конца. В своем воззвании от 1 июня он рекомендовал гражданам оставаться в боевой готовности. «Граждане, оставайтесь на ногах» — призывало обращение Комитета. Марат в зажигательной речи, произнесенной им в тот же день в Коммуне, призвал народ встать на защиту своих интересов. Он вышел, окруженный народом, среди восторженных рукоплесканий поднялся на часовую башню ратуши и стал бить в набат. Во всех секциях дали сигнал к сбору, и вооруженные граждане быстро собрались вокруг ратуши. В 9 часов вечера депутация Коммуны опять явилась перед решеткой Конвента и опять потребовала ареста 27 человек. Позицию болота в этот день выразил Барер, заявив, что Париж был прав в своем возмущении, «потому что намерение провести между департаментами и Парижем разграничительную линию существовало, и она является национальным преступлением».

Конвент постановил обязать Комитет общественного спасения в три дня представить доклад в связи с петицией Коммуны.

Набат не переставал гудеть. На следующий день город с раннего утра был уже на ногах. Национальная гвардия окружила Конвент. Анрио привел к Конвенту всю артиллерию. 163 пушки со всех сторон навели на Конвент свои жерла. Кроме национальной гвардии, Революционный комитет мобилизовал из окрестностей вооруженные отряды. Стотысячная армия заняла все прилегающие к Конвенту улицы.

Комитету общественного спасения пришлось решать вопрос немедленно. Барер думал выйти из положения, предложив от имени Комитета, чтобы депутаты, ареста которых требовала Коммуна, добровольно отказались от своих полномочий. Но монтаньяры восстали против этого решения. «Если они не виновны, пусть остаются, — заявил Билло-Варенн: — если виновны, пусть будут наказаны». Новые известия, полученные Конвентом в этот день, окончательно определили настроения монтаньяров и погубили жирондистов. Депеши из Вандеи, прочитанные в Конвенте утром 2 июня, сообщали о том, что артиллерия республиканцев, провиант, боевые припасы — все попало в руки мятежников. Из департамента Лозер сообщали, что там уже началась гражданская война, что роялисты уже овладели Марвежолем, «что льется кровь патриотов». Но самое ужасное известие привез приехавший из Лиона депутат Конвента: 29 мая там вспыхнул жирондистско-роялистский мятеж, и 800 якобинцев — 800 патриотов — было убито; Шалье, избитого, замученного, полуживого, мятежники бросили в тюрьму.

Эти известия произвели потрясающее впечатление; они создали у монтаньяров непреклонную решимость во что бы то ни стало добиться очищения Конвента от ненавистных жирондистов. Но болото не хотело санкционировать ареста жирондистов. Прения затянулись, к концу дня выступления прекратились. Эро-де-Сешель председательствовал в немом Собрании. Нужно было что-то предпринять. Барер предложил всему Конвенту выйти к вооруженному народу. Он был уверен, что народ расступится перед своими депутатами, и Конвент выйдет из унизительного положения. Большинство последовало его совету. Эро-де-Сешель открыл шествие, за ним двинулось болото и вся правая, а после некоторого колебания — кое-кто из депутатов Горы. Дойдя до ворот, шествие остановилось. Тут стоял Анрио со своим штабом. Эро-де-Сешель потребовал, чтобы пропустили депутатов Конвента. Анрио отказал. Эро-де-Сешель попытался вступить в переговоры: «Чего хочет народ? Конвент озабочен только его счастьем». «Народ восстал не для того, чтобы выслушивать фразы, а для того, чтобы давать приказания. Он хочет, чтобы ему были выданы 32 преступника», — гласил ответ. Когда же Анрио показалось, что депутаты сделали несколько шагов вперед, он скомандовал: «Канониры, к орудиям!» Депутатам оставалось только вернуться обратно. Заседание возобновилось. Началось чтение списка депутатов, ареста которых требовал народ. Монтаньяры отвели нескольких человек из этого списка. Декрет, принятый Конвентом, гласил: «Национальный конвент декретирует подвергнуть нижепоименованных депутатов аресту на их квартирах, где они останутся под охраной французского народа, Конвента и парижских граждан». Среди этих депутатов были следующие: Гюаде, Бриссо, Петион, Верньо, Саль, Барбару, Камбон, Бюзо, Сент-Этьен, Бирото, Ласурс, Луве, Валазе и др. Так как Инар добровольно отказался от звания депутата Конвента, то Конвент ограничился запрещением ему выезда из Парижа. В конце заседания председатель прочел письмо следующего содержания: «Весь народ Парижского департамента посылает нас к вам, граждане законодатели, чтобы сказать вам, что только что принятый декрет спасет отечество. Мы предлагаем себя вам в заложники в числе, равном числу депутатов, которых Собрание повелело арестовать, причем берем на себя перед их департаментами ответственность за их безопасность».

В этот же день Коммуна постановила провести в жизнь декрет о максимальных ценах на зерно, объявить принудительный заем, открыть ружейные мастерские для вооружения санкюлотов.

Революция 31 мая — 2 июня 1793 г. отстранила от власти крупную

ФРАНСУА АНРИО (1761—1794)
Гравюра Бонвиля

торгово-промышленную буржуазию, перешедшую к этому времени окончательно в лагерь контрреволюции, готовую во имя своих узкоклассовых корыстных интересов пожертвовать революционными завоеваниями и открыть границы врагам. 31 мая — 2 июня одержало победу буржуазно-демократическое направление во французской буржуазной революции. Но совершившие революцию санкюлоты были уверены, что переворот 31 мая — 2 июня, устранив все препятствия к победе революции, в конечном счете уничтожит нищету и сделает бедняков счастливыми. Это стремление народных масс к равенству, — стремление, неосуществимое в условиях конца XVIII века, — было мощным рычагом в борьбе за победу буржуазной революции.

Революция 31 мая — 2 июня, независимо от тех надежд, которые она вызвала у санкюлотов, была также патриотической революцией, обеспечившей успех борьбы за независимость Франции. Революция 31 мая — 2 июня поставила во главе революции якобинцев, заключивших блок с бешеными и возглавивших борьбу народа за демократическое преобразование страны. Необходимость мобилизации всех сил на борьбу с бесчисленными врагами революции заставила якобинцев расширить их социальную программу и выполнить некоторые требования плебейских масс.

«Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора, необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели», [1] — говорил Энгельс.

ВОССТАНИЕ В ВАНДЕЕ, КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛИОНЕ И ТУЛОНЕ

В весенние и летние месяцы 1793 г. молодая Французская республика переживала тяжелое время.

Ярким выражением обострившейся классовой борьбы явилось вспыхнувшее весной 1793 г. в западных департаментах Франции крестьянское восстание, использованное дворянами-роялистами и неприсягнувшими священниками в контрреволюционных целях. Восстание приняло чрезвычайно опасный характер. Движение это, центром которого был департамент Вандея, охватило затем и соседние департаменты (Нижней Луары, Майенны, Мэна-и-Луары и Обоих Севров (Deux Sèvres), т. е. значительную часть прежних провинций Анжу, Пуату и Бретани.

Предпосылки восстания в Вандее

Целый ряд экономических и социальных причин способствовал вспышке в Вандее роялистской контрреволюции. Вандея была экономически наиболее отсталым районом Франции. Она представляла собой в значительной своей части холмистую местность, покрытую лесами (Бокаж), а в другой части — трудно проходимые болота (Марэ). Крупных городских центров здесь не было, промышленность была очень слабо развита. Дворянство Вандеи было мелкопоместным, буржуазия, преимущественно торговая, была сосредоточена в небольших городах.

Исключением был Нант, один из крупнейших торговых портов того времени. Буржуазия Нанта, заинтересованная в работорговле, к 1793 г. сильно поправела. В Бретани были широко распространены отсталые феодальные формы крестьянских держаний, как domaine congéable. Там сохранилась форма кабальной аренды исполу, соединенная с барщиной, queveise. При этой форме аренды крестьянин, державший землю, был обременен множеством повинностей крепостнического характера. Были распространены и другие кабальные формы крестьянского держания.

Ко времени французской революции процесс расслоения в бретонской деревне зашел уже далеко, как об этом свидетельствуют новейшие исследования. Выделившийся при этом процессе кулацкий элемент сыграл большую роль в организации вандейского движения. Отсталое бретонское и вандейское крестьянство находилось под сильным влиянием духовенства. В священниках крестьяне привыкли видеть своих «духовных руководителей», они были фанатически преданы католицизму.

Крестьянство Вандеи и других северо-западных районов было в значительной мере изолировано от остальной Франции, и влияние революционных идей и событий в этих глухих углах чувствовалось очень слабо. Кроме того, за первые годы революции крестьяне не почувствовали заметного облегчения своего положения. К 1791—1792 гг. они оказались еще более экономически задавленными благодаря общей дороговизне, введению новых налогов. Между тем, они видели, как обогащалась буржуазия, скупавшая церковные земли. Местное управление оказа-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 297.

лось также в руках буржуазии, и как раз от представителей этой администрации исходили раздражавшие крестьян требования платежей, взноса новых налогов; наконец, весной 1793 г. Конвент потребовал в кратчайший срок провести набор в армию для борьбы с коалицией. У темных крестьян западных департаментов, далеких от наиболее угрожаемой восточной границы Франции, не было четкого сознания, что интервенты идут именно затем, чтобы восстановить не только короля, но и весь только что рухнувший феодальный строй. Цели войны были, таким образом, не понятны крестьянам. Крестьяне отказывались сражаться где-то вдали от своих деревень. При наборе рекрутов имели место злоупотребления. Всем этим воспользовались неприсягнувшие священники, которые в глухих углах скрывались от преследования со стороны революционных властей. Духовенство вело в течение 1791—1792 гг. среди темных, невежественных и фанатически настроенных крестьян Вандеи и Бретани контрреволюционную пропаганду, агитируя против «безбожников-революционеров», против присягнувших Конституции священников, и уговаривая крестьян не подчиняться распоряжениям новых властей. В августе 1791 г. ими были вызваны первые волнения в Вандее, в феврале 1792 г. в Лозере. Дворяне, часть которых по недостатку средств была лишена возможности эмигрировать, притаились в своих поместьях и выжидали удобного момента для организации широкого контрреволюционного выступления.

РОЯЛИСТЫ В ВАНДЕЕ

Гравюра из «Революционного альманаха». Геттинген, 1797

Мемуары современников изображают нам этих дворян перед революцией в совершенно определенных чертах: живя в своих небольших поместьях, они постепенно разорялись, так как полунатуральная форма хозяйства вытеснялась всем ходом развития экономической жизни Франции. Их излюбленным времяпрепровождением была охота и пьянство, иногда с зажиточными арендаторами. Реакционное дворянство с ненавистью относилось к революции. Оставшиеся в своих поместьях дворяне Вандеи и Бретани поддерживали связи с эмигрантами.

Близость Англии облегчала эмигрантам-дворянам возможность тайно возвращаться на северо-западное побережье Франции, проникать в глухие углы Вандеи и вести вместе со священниками роялистскую пропаганду.

Английское правительство субсидировало этих тайных эмиссаров роялизма.

В 1792 г. в Нижнем Мэне также уже вспыхивали восстания, и часть крестьянской массы в августе 1792 г. сгруппировалась вокруг дровосека Коттеро, по прозвищу Шуан. Впоследствии прозвище «шуаны» стали применять ко всем участникам контрреволюционных банд, действовавших и в соседней с Мэном Бретани.

Движение шуанов

В 1793 г. движение шуанов распространилось по всей Бретани. Отдельные небольшие группы крестьян соединялись под командой своих начальников. Банды эти действовали, главным образом, по ночам, они совершенно терроризировали население деревень и небольших городов Бретани. Республиканские власти Бретани не могли справиться с шуанами. Сбор налогов не мог производиться, сколько-нибудь нормального управления более не существовало. Бретань оказалась оторванной от остальной Франции.

Весной 1793 г. контрреволюционное восстание вновь охватило Вандею и ряд других северо-западных районов Франции. После того как на основании декрета Конвента от 24 февраля 1793 г. начался набор 300 000 в армию против коалиции, восстание вспыхнуло сразу более чем в 100 коммунах. В несколько дней (10 марта и в следующие дни) восстание распространилось по территории от побережья Атлантического океана до городов Шоле и Брессюир.

В первые дни мятежа восставшими руководили начальники, выбранные ими из своей среды. Это были отставные солдаты королевской армии, контрабандисты, хорошо умевшие владеть оружием, люди, занимавшие до революции мелкие должности на королевской службе. Иногда банды восставших выступали под предводительством должностных лиц своих деревенских коммун. Некоторые из этих главарей выдвинулись во время возмущения, заняли руководящие посты в вандейском войске и получили громко звучащие чины генералов. Таков был Кателино, крестьянин по происхождению, прославившийся даже среди фанатичной крестьянской массы Вандеи своей необыкновенной религиозностью, за что получил прозвище «Анжуйского святого». Выдвинутый священниками, он был покорным исполнителем их воли. Таков был Стофле, отставной солдат королевской армии, в которой он прослужил 15 лет, вышедший в отставку до революции и служивший в имении богатого помещика. Знакомый с военным делом, человек большого честолюбия, он занимал видные посты в армии повстанцев. Таков был цирульник Гастон, организовавший ряд банд и убитый в начале восстания.

Руководящая роль духовенства и дворян в восстании

Но вскоре во главе движения оказались лица, тайно подготовлявшие его, т. е. дворяне и представители неприсягнувшего духовенства. Эти последние, с началом восстания против революционных властей, покинули убежища, в которых они скрывались до тех пор, усилили агитацию, организуя ночные шествия к местным святыням и обманывая крестьян тщательно подготовленными «чудесами». Комиссары Конвента, посланные в Вандею и Оба Севра для производства рекрутского набора, писали Конвенту о том, что среди восставших появилось много неприсягнувших священников. Некоторые из них играли руководящую роль. Таков был, например, аббат Бернье, член Высшего военного совета вандейского войска. Он принимал активное участие в подготовке восстания и громко заявлял о своей верности Бурбонам, что не помешало ему впоследствии перейти на службу к Наполеону и получить от него, после заключения конкордата, должность

епископа Орлеанского. Другой представитель контрреволюционного духовенства, авантюрист Гюйо-де-Фоллевиль, был провозглашен инсургентским епископом.

Из дворян, занявших командные должности, следует упомянуть Шарета, Боншана, Лескюра, Ларошжаклена, д'Эльбе. Шарет происходил из военной семьи и сам служил лейтенантом королевского флота. В 1790 г. он эмигрировал в Кобленц, затем тайно вернулся во Францию и занял вскоре один из командных постов в вандейском мятеже. Человек огромного честолюбия, интриган, он действовал самостоятельно, не желая согласовать своих действий с планами других начальников, не раз способствуя этим успехам революционных армий. Боншан, тоже бывший офицер королевской службы, был способный и удачливый военачальник; он одержал в начале борьбы несколько крупных побед над республиканцами. Лескюр, бывший маркиз, был арестован во время революции, сидел в тюрьме в г. Брессюире, был освобожден во время вандейского восстания и сделался одним из главнокомандующих вандейской армии. Ларошжаклен, граф, еще совсем молодой человек, так же как и Лескюр, был освобожден из тюрьмы восставшими вандейцами. Он сражался в отрядах, которыми командовал Боншан, в качестве его ближайшего помощника. Д'Эльбе, саксонец родом, перешедший во французское подданство, был типичный офицер дореволюционного времени, смотревший на войну, как на естественное и привычное для дворянина ремесло.

ВАНДЕЕЦ-КУЗНЕЦ
Гравюра из «Революционного альманаха» Геттинген. 1797

Эти руководители, а также поддерживавшие их английские диверсанты придали движению против набора в армию роялистский характер. Уже в мае 1793 г. в прокламациях, издававшихся вандейцами, содержался призыв «вернуть трон и корону законному государю Людовику XVII» (т. е. малолетнему сыну казненного короля).

Восставшие крестьяне двинулись в города, где находились представители новой власти, против которой их натравили попы и дворяне. Вооруженные частью ружьями и саблями, но главным образом вилами, кузнечными молотками, ножами, заступами, самодельными пиками,

крестьяне врывались в небольшие городские поселения (бурги) провинций Пуату, Анжу, Бретани с криками: «Долой войну! Долой набор в армию!»

Национальная гвардия небольших городов не могла противостоять их неожиданному натиску и в большинстве случаев быстро разбегалась, бросая оружие. Регулярных войск в небольших городах западной Франции не было. Муниципальные власти бежали, некоторые из представителей муниципалитетов были убиты. Крестьяне грабили дома патриотов республиканцев, жгли архивы муниципалитетов и запасались оружием, которое имелось в городах. В некоторых местах они не только грабили, но и производили жестокие избиения.

Жестокости в Машкуле и Шоле

Так, в городе Машкуле, под руководством некоего Сушю, бывшего сборщика податей, было произведено жестокое истребление патриотов. Восставшие крестьяне распоряжались в городе почти в течение целого месяца и убили больше 500 человек местных жителей — республиканцев.

Банды, возглавляемые Кателино и Стофле, 15 марта 1793 г. захватили г. Шоле. Восставшие в количестве по 15 тыс. человек, быстро овладели городом, где национальная гвардия была очень немногочисленна, а жителей-мужчин было не свыше 1000 человек. Повторились те же зверства. Многие пленные были расстреляны.

В течение всего марта 1793 г. положение в департаментах Вандеи и Обоих Севров (Deux Sèvres) было в высшей степени напряженным. Комиссары Конвента докладывали о больших отрядах повстанцев, которые захватывали и грабили города и убивали республиканцев. Они указывали на наличие организованных священниками и эмигрантами отрядов в 15—20 тысяч человек, которые по своей численности представляли большую угрозу для слабых республиканских сил. Комиссар Конвента сообщал из Фонтенэ-ле-Пёпль, что эмигранты маленькими группами высаживаются на побережье Атлантического океана, что они прибывают из Англии и что цель их — всеми силами помешать рекрутированию войск Конвентом. Из Пуатье комиссар Конвента Приёр доносил, что восставшие ставят себе целью зажечь гражданскую войну и всячески помешать формированию республиканских армий. Очевидно, агитация неприсягнувших священников и роялистов направлялась именно в эту сторону.

Чем дальше развивалось восстание, тем больше усилий прилагали роялисты-дворяне, чтобы создать из поднявшихся крестьянских масс подобие регулярного войска. Дворяне-военачальники запасались оружием и боевыми припасами в захваченных вандейцами городских поселениях, пытались достать повозки для обозов, создать штабы в больших отрядах, установить иерархию должностных военных лиц. В вандейском войске появились генерал-лейтенанты, дивизионные генералы, начальники штабов армии и т. д. Все эти громкие звания и чины звучали несколько курьезно применительно к вандейским войскам. С другой стороны, совершенно невозможно было ввести какую-либо военную форму; каждый одевался, как мог. Внешних знаков отличия между солдатами и командным составом не существовало. Часто офицеры-дворяне нарочно носили крестьянскую одежду, чтобы походить на солдат. Знаком, который сами восставшие придумали для себя, был знак «сердце Иисуса» («Sacré Coeur»), обыкновенно из красного сукна; солдаты и командный состав нашивали его на свои куртки. Вандейские войска не имели фактически единого главнокомандующего. Отдельные начальники отрядов соперничали друг с другом, многие из них претендовали на первенство; они совершенно не координировали своих действий, что в дальнейшем

нередко являлось причиной их поражений. Завистливый и честолюбивый Шарет упорно не хотел выходить из Марэ, — той части Вандеи, где он был выбран главным начальником.

Одно время был создан Высший военный совет, но функции его, в сущности, не были точно определены. Для того чтобы положить конец раздорам, этот Высший военный совет выбрал в июне 1793 г. главнокомандующим всеми силами вандейского войска Кателино, очень популярного среди крестьян. Кателино, храбрый в бою, не отличался ни малейшими организаторскими способностями. Усилия дворян-роялистов создать из вандейцев настоящее войско постоянно разбивались о нежелание крестьян уходить далеко от своей местности. Как после удачных сражений, так и после поражений, часть войска расходилась по домам. Было, конечно, небольшое постоянное ядро, но вандейские войска то росли, то таяли по своей численности. Овладев каким-либо городским поселением и ограбив жителей, вандейцы обычно долго не задерживались и уходили, унося с собой оружие и кое-какие припасы. Укрывались вандейцы в огромных непроходимых чащах и болотах, которых было так много в этой части Франции. Из взятых внезапным набегом небольших городов высшее командование вандейским войском так и не могло создать опорных пунктов.

Тактика вандейцев и поражение республиканских войск

С военной точки зрения довольно удачна была тактика вандейцев, в частности тот способ нападения, который они применяли, — рассыпной строй. Они применили его впервые, почти инстинктивно, в сражении при Шантенэ 19 марта 1793 г. Прекрасно зная местность, вандейцы наступали длинными цепями стрелков, прячась за естественными прикрытиями; они окружали республиканцев и обстреливали их со всех сторон, оставаясь для них недоступными. Они применяли эту тактику почти во всех сражениях. В открытый рукопашный бой они вступали только тогда, когда на их стороне был подавляющий перевес сил. Этот способ ведения войны среди лесистой, болотистой и холмистой местности действовал угнетающе на республиканские войска, которые чувствовали себя постоянно окруженными невидимыми врагами. «Эта война, — писал комиссар Конвента Гош Комитету общественного спасения, — представляет собою войну постоянных неожиданных стычек. Разбойники постоянно скрываются в лесах. Единственный способ вести борьбу — это жечь леса, где они скрываются».

Кроме того, вандейцы применяли варварский способ обращения с пленными; они связывали их и гнали в первых рядах своих отрядов, чтобы выстрелы республиканцев попадали прежде всего в них.

Первые значительные успехи вандейцев объясняются тем, что центральная власть не сразу приняла против них решительные меры. В Париже все сильнее разгоралась борьба между жирондистами и монтаньярами. Жирондисты, стоявшие тогда у власти, стремились преуменьшать и замалчивать ту опасность, которую представлял для республиканской Франции «кинжал в спину», как называл Мишле вандейское восстание. В то же время положение на фронтах в связи с изменой Дюмурье было чрезвычайно тяжелым. У республики было очень мало свободных военных сил для подавления вандейского восстания; все наличные военные силы были сосредоточены на внешних фронтах. Внутри страны республика располагала только очень немногочисленными отрядами регулярных войск, часть которых состояла из батальонов добровольцев, еще совершенно не обученных. Первоначальный отпор вандейцам был организован департаментскими властями. Ярким примером

самостоятельной организации военных сил местными властями против вандейцев может служить героическая защита маленького укрепленного порта Ле-Сабль-д'Олонн. Одержав победу при Шантенэ над немногочисленными линейными войсками и национальной гвардией, присланными из крепости Ларошель, вандейцы в конце марта 1793 г. окружили с суши Ле-Сабль-д'Олонн, жители которого своими силами организовали защиту. Сабль успел морем связаться с крепостью Ларошель и островом Рэ. Из документов ясно видна энергичная работа местных властей по обороне города. Вместе с представителем Конвента Годэном, который случайно находился в Сабле, они мобилизовали все мужское население, усилили артиллерию на фортах, реквизировали продовольствие в окрестностях. Ночью, в бурную погоду, морем прибыло подкрепление с острова Рэ в количестве 500 национальных гвардейцев, добровольно пришедших на помощь городу Сабль. Все нападения вандейцев были отбиты орудийным и ружейным огнем и вылазками из осажденного города. Мятежники, совершенно не способные к ведению длительной осады, отошли от порта.

Конвент оценил героическую оборону жителей этого маленького порта и благодарил их особым посланием. Это послание было составлено с пафосом, характерным для того времени: «Подобно древним спартанцам, вы не справляетесь о количестве врагов; как они, своим поведением вы доказываете вашим согражданам, что когорта служителей деспотизма будет всегда побеждена теми, кто предан Свободе».

Из докладов комиссаров, посланных Конвентом в Вандею и в соседние департаменты, известно, что департаментские власти по собственной инициативе отправляли национальную гвардию для борьбы с вандейцами. В двадцатых числах марта на помощь регулярным войскам вышли отряды национальных гвардейцев из департамента Жиронды, из ряда отдельных городов, а также отряд марсельцев.

Около Сент-Эрмана вандейцы нанесли поражение отрядам регулярных войск и национальной гвардии. Эта неудача повлекла за собой панику в республиканских войсках. Комиссары Карра и Гош докладывали Конвенту о том, что войска отступали в сильнейшем беспорядке, причем некоторые воинские части, состоявшие из плохо обученных волонтеров, самовольно отошли к Фонтенэ, а другие вместе с артиллерией отступили к крепости Ларошель. Уговоры комиссаров оставались тщетными.

Комиссары Конвента, посланные в Вандею и в соседние департаменты, проявили огромную энергию в деле организации военных сил республики против вандейцев. Они были единственной связью между центральной властью и республиканскими элементами на местах. Бывали случаи, когда комиссары действовали, не ожидая распоряжений Конвента. Они правильно оценили положение дел. 27 марта, т. е. через какие-нибудь две-три недели после начала восстания, они опубликовали воззвание к жителям Вандеи, в котором подчеркивали предательскую роль роялистской эмиграции и священников. Призывая население департаментов, где разыгралось восстание, к верности республике, они указывали на то, что жители сами должны охранять свои очаги и западное побережье Франции от возможной высадки эмигрантов и англичан. Комиссары, посланные в департаменты Мэна-и-Луары и Сарты, в своих докладах Конвенту в апреле 1793 г. указывали на серьезность восстания, на угрозу, которую это восстание создает для республики при существующей опасности на внешних фронтах. Они предупреждали правительство о том, что нельзя замалчивать опасность восстания. «Ни одной минуты не забывайте о вандейском восстании, — писали они, — оно нанесет смертельный удар республике, если тотчас ему не будет положен конец».

НАСТУПЛЕНИЕ ВАНДЕЙЦЕВ НА ГОР. НАНТ 29 ИЮНЯ 1793 г.
Гравюра Берто, рисунок Свебах-Дефонтена

К концу марта 1793 г. вандейские повстанцы сосредоточили в районе Шоле до 30 тыс. человек. Им удалось разбить по частям четыре колонны республиканских войск. Бездарный генерал Беррюйе, был отставлен Конвентом от командования; на его место был назначен генерал Бирон, из старого офицерского состава, аристократ по происхождению.

25 мая все отдельные отряды вандейцев соединились и овладели значительным укрепленным пунктом — г. Фонтенэ. На примирительное воззвание Конвента, в котором он призывал восставших сложить оружие и признать единую республиканскую власть, Высший совет католической армии ответил открытым провозглашением Людовика XVII королем Франции.

Положение республиканских войск в Вандее становилось все более тяжелым. Тогда Конвент спешно отправил на помощь регулярным войскам специально сформированные части: отряд стрелков из северной армии, под начальством боевого генерала Вестермана; специальный легион, где служили Ожеро и совсем еще молодой в то время Марсо — один из лучших воинов республиканской Франции; особый батальон, сформированный из солдат, взятых из всех армий; к этим войскам были присоединены парижские батальоны. Однако эти наскоро сформированные части были плохо снабжены всем необходимым, а в главном штабе республиканской армии, оперировавшем против вандейцев, отсутствовал четкий план действий. Генерал Бирон, которому республиканские солдаты совершенно не доверяли, был вскоре отставлен от командования: он не переставал жаловаться Конвенту на недостаток дисциплины в войсках, просил прислать другие части и вяло вел войну. Вандейцы внезапным натиском овладели Сомюром, где находился главный штаб республиканской армии. Но недостатки, присущие вандейскому войску, давали себя чувствовать даже после крупных успехов: часть их армии сейчас же расходилась по домам, единого командования попрежнему почти не существовало.

Часть вандейского войска дошла до Нанта и пыталась взять штурмом этот укрепленный город. Главари восстания надеялись после взятия Нанта воспользоваться поддержкой английского флота. К открытой помощи Англии роялистские вожди Вандеи обратились в самом начале восстания, и им необходимо было захватить гавань. Жители Нанта организовали энергичный отпор повстанцам. Нантский гарнизон, республикански настроенное население, местная национальная гвардия — все встали на защиту города. 29 июня 1793 г. штурм вандейцев был отбит. Считавшийся главнокомандующим всеми вандейскими отрядами Кателино был смертельно ранен, и вандейская армия отошла от Нанта. Вандейским отрядам не под силу было взять штурмом укрепления большого города. Высшее командование вандейскими войсками перешло к д'Эльбе.

Вандейская война затягивалась. Но в Париже к этому времени произошли события, которые вскоре отразились на всем ее ходе. Революция 31 мая —2 июня 1793 г. покончила с жирондистским господством в Конвенте. Бежавшие жирондисты подняли восстание в департаментах. Новый состав Комитета общественного спасения поставил перед собой задачу в кратчайший срок покончить с вандейским восстанием. Однако лето 1793 г. было в то же время наиболее тяжелым временем на внешних фронтах. Борьба с надвигавшимися армиями коалиции отвлекала почти все силы республики. На подавление вандейского восстания удавалось направлять сравнительно незначительные воинские части.

Репрессии Конвента против мятежников

1 августа 1793 г. Барер сделал доклад Конвенту о положении дел в Вандее. Результатом доклада было решение Конвента применить в районе восстания самые суровые меры репрессии. Войскам предписывалось жечь леса, разрушать жилища инсургентов, отбирать весь урожай и скот.

Против вандейцев был двинут прекрасный боевой отряд из 15 тыс. человек под командой Клебера, переброшенный с восточного фронта после сдачи французами Майнца. Этот отряд геройски выдержал осаду Майнца и капитулировал с правом выйти с оружием в руках. Энергичные и способные комиссары Конвента Ребель и Мерлен из Тионвиля отправились в действовавшую в Вандее республиканскую армию и работали над ее организацией.

Сентябрь и октябрь 1793 г. были периодом наибольшего напряжения вандейской войны. В октябре республиканские войска, получив подкрепление, начали окружать вандейцев с четырех сторон. Войска шли под командой генералов Вестермана и Клебера; 17 октября 1793 г. они окружили вандейцев около Шоле. Не только численный, но и моральный перевес был на стороне республиканцев, многие из них, подобно юноше Бара, проявили геройскую отвагу. Вандейцы были разбиты и потеряли своих главных начальников — Боншана, д'Эльбе и Лескюра. Около 40 тыс. вандейцев, в сопровождении жен и детей, которых они вели за собой, в беспорядке переправились 18 и 19 октября через Луару.

В руках вандейцев находилось до 5000 пленных республиканцев. Раздраженные поражением, озлобленные вандейцы намеревались перебить всех пленных. Смертельно раненный Боншан воспротивился этому, часть пленников, оставленная на берегу Луары, была спасена подошедшими республиканцами.

Хотя вандейская война и не была вполне закончена, но главные силы вандейцев были сломлены. Перейдя Луару, остатки вандейских войск, вместе с женщинами и детьми, пытались пройти в Анжу и Бретань, чтобы там еще раз поднять восстание против республики. В Бретани, где ана-

СМЕРТЬ ЮНОГО БАРА

Гравюра неизвестного художника

чительные слои крестьянства поддерживали Конвент, в это время еще продолжалось восстание шуанов. Отдельные их банды временно объединились под командой некоего Пюизэ, эмигранта, появившегося во Франции и поддерживавшего связь с английским правительством и братьями Людовика XVI. Разбитые республиканскими войсками отряды вандейцев слились с бандами шуанов. Восстание шуанов затянулось вплоть до 1795—1796 гг.

После разгрома вандейцев у Шоле во многих городах были учреждены военные комиссии, которые судили и приговаривали к расстрелу вандейцев, взятых с оружием в руках. Эти комиссии функционировали в Анжере, Туре и Нанте.

К концу 1793 г. республика вышла победительницей из тяжелого испытания вандейской войны. Из начальников вандейских банд остались только Шарет и Стофле. Они командовали отдельными отрядами и до 1795 г. вели мелкую партизанскую войну, получая небольшие субсидии от английского правительства. Молодой республиканский генерал Гош разбил их, и оба они были взяты в плен и расстреляны, Стофле — в феврале и Шарет — в марте 1795 г.

Подводя итоги вандейскому восстанию, следует еще раз подчеркнуть огромную роль в нем диверсионной деятельности английских агентов. Особого внимания заслуживает тот факт, что активизация этой диверсии совпала с такими моментами в жизни вандейского крестьянства, как набор в революционную армию, который вступившая в коалицию против Франции Англия стремилась сорвать, как законы Конвента о максимуме, о реквизиции скота и хлебных запасов, о принудительном займе. Все эти мероприятия революционной власти вызывали сильное недовольство кулацких элементов вандейской и бретонской деревни, что являлось благоприятной почвой для агитации агентуры Питта и эмигрантов. Без английской поддержки восстание никогда не приняло бы таких значительных размеров и не было бы таким длительным и упорным.

Что касается Бретани, то основные массы ее крестьянства в целом ряде районов выступали за Конвент и боролись против контрреволюционных мятежников.

Федералистское восстание. Лион. Тулон

Разгар роялистского восстания в Вандее совпал по времени с восстанием в крупных городах юга, юго-запада и юго-востока Франции. Наиболее значительные восстания вспыхнули в Лионе и Тулоне.

Главный центр французской шелковой промышленности, Лион, переживал в это время острый кризис. Спрос на шелк внутри страны в результате революции резко понизился. Война почти прекратила экспорт шелковых тканей за границу.

Лионские мануфактуры начали закрываться одна за другой, так же как нимские и турские. С другой стороны, война Франции с коалицией европейских государств прекратила почти полностью ввоз во Францию шелка-сырца, необходимого для французской шелковой промышленности. В 1792 г. мы видим в Лионе яркую картину безработицы. «Время не ждет, — писал член Лионского муниципалитета депутатам Конвента, — 24 тысячи человек не имеют ни работы, ни хлеба». Кризис лионской шелковой промышленности так сильно давал себя чувствовать, что один из членов Конвента, Витэ, предложил даже несколько фантастический план для поднятия этой промышленности: ввести форму «национальной одежды из шелковой материи, обязательную для всех патриотов».

В Лионе уже в начале 1793 г. резко обозначались два лагеря. К одному принадлежала торгово-промышленная верхушка лионского населения. Лионская крупная и средняя буржуазия примыкала к жирондистам, громко заявляла о своих республиканских убеждениях и до поры до времени отмежевывалась от роялизма. Но она не сочувствовала якобинству и страшилась дальнейших социальных реформ. Другой **лагерь** составляла беднота, мелкие мастера и рабочие. Вождем и вдохновителем этой группы был Шалье, одна из ярких фигур революционной Франции. Шалье был агентом торговой фирмы в Лионе, затем хозяином торговой конторы. Искренний демократ, он во время своих поездок в Париж близко сошелся с Маратом. Он был членом Лионского муниципалитета, где вел борьбу не только с контрреволюционными, но и с умеренными элементами, находившими поддержку в департаментских властях. Шалье и его сторонники принадлежали к левому крылу якобинцев и стремились к проведению реформ, направленных к улучшению экономического положения плебейских масс.

В Лионе, как и в других больших городах Франции, существовала тайная роялистская агентура. Тайные связи агентов эмиграции с заграницей облегчались условиями жизни большого многолюдного города, где у множества лиц все еще были сношения, знакомства и дела за границей. Член Конвента Лакомб-Сен-Мишель, побывавший в Лионе в начале 1793 г., указывал на рост контрреволюционных настроений, все больше и больше охватывавших богатые слои населения, а также на существование в Лионе большого числа бывших офицеров-дворян, **под** вымышленными именами служивших в торговых фирмах. Эти **тайные** роялисты вели контрреволюционную пропаганду и имели связи с **принцами**, братьями Людовика XVI, и с эмигрантской средой. Агенты и шпионы принцев имелись и в других крупных городах: Тулузе, Тулоне, Нанси, Марселе. Нити роялистско-эмигрантской агентуры опутывали, таким образом, весь юг и весь юго-запад Франции, такие его крупные торговые и промышленные центры, как Бордо, а также северо-**запад**, с центрами в Вандее и Бретани. Граф д'Антрег, политический агент и шпион принцев, работал над тем, чтобы склонить испанского короля к энергичной диверсии на юге Франции. С этой целью в Испании формировались эмигрантские отряды. В пустынных местностях у границы образовались банды, целью которых было захватить Эг-Морт, соединиться с роялистами Арля, а затем помочь диверсии испанцев у Руссильона. Один из предводителей такой банды, Шарье, и священник Алье были захвачены в июне и сентябре 1793 г. Агенты роялистов просачивались **повсюду**.

Муниципальные выборы 1793 г. дали перевес в Лионе левым элементам. Якобинский муниципалитет стремился облегчить тяжелое положение беднейшей части населения: была введена (до общего закона о максимуме)

такса на пищевые продукты, были устроены муниципальные хлебопекарни, в которых хлеб продавался по твердой цене. Шалье призывал бедняков «воспользоваться своей бедностью и овладеть богатствами, вокруг которых они ходят». Но уже к концу мая 1793 г. все состоятельные элементы Лиона сплотились для свержения якобинского муниципалитета. Это движение носило жирондистский, антиякобинский характер. Участники его продолжали заявлять о своей преданности республике. 29 мая департаментские власти, которым оказали поддержку городские секции, где жили зажиточные элементы города и часть национальной гвардии, свергли якобинский муниципалитет. Якобинцы укрепились в ратуше и арсенале, но были разбиты. Шалье и его сторонники были схвачены и заключены в тюрьму.

Антиякобинское, по существу контрреволюционное, восстание лионской буржуазии почти совпало по времени с революцией 2 июня в Париже, положившей конец господству Жиронды. Монтаньяры сразу же поняли всю опасность для революционной Франции контрреволюционных восстаний в департаментах. Жанбон-Сент-Андрэ в речи, полной революционного энтузиазма, предупреждал Конвент об этой опасности. «Со всех сторон поднимается движение, — говорил он, — в Вандее контрреволюция делает успехи, в Лионе патриоты уничтожены аристократией». 5 июня и в последующие дни Конвент обсуждал лионские события.

Восстание было организовано жирондистами не только в Лионе, но и в целом ряде западных и южных департаментов. Оно получило название «федералистского». Название это объяснялось тем, что жирондисты пытались оправдать свое предательское выступление необходимостью дать отпор «тирании» революционного Парижа, противопоставляя ему «федерацию департаментов».

В некоторых департаментах федералистское движение предшествовало изгнанию жирондистских депутатов из Конвента, в большинстве же департаментов развилось вслед за этим событием; в июне и июле оно охватило ряд городов. Часть жирондистов бежала из Парижа и появилась в юго-западных департаментах, повсюду разжигая восстания. Жирондисты Бирото и Шассе приехали в Лион и присоединились к восстанию. Бюзо бежал в департамент Эры и агитировал там против якобинцев и Марата. Несколько раньше, 24 мая, департаментские власти Юры разослали по соседним департаментам обращение с предложением созвать в Бурже собрание или конвент, который предполагалось противопоставить монтаньярскому Конвенту Парижа. Кальвадосский департамент присоединился к движению; затем были получены сведения о присоединении бретонских департаментов Финистера, Иль-э-Вилэн, Кот-дю-Нор, Морбигана и Майенна. Все эти департаменты обменивались обращениями и договаривались о выступлении против революционного Парижа. Генерал Вимпфен, командовавший частью армии Кот-де-Шербур, перешел на сторону восставших. К нему присоединились три батальона волонтеров из Ренна и Бреста, состоявшие из молодых людей зажиточных семей этих городов. В начале июля в Бордо был объявлен набор отряда добровольцев, предназначавшихся для борьбы с республиканскими войсками. Из Бордо было отправлено послание генералу Кюстину с предложением перейти на сторону восставших, но Кюстин ответил отказом. В Ниме был закрыт якобинский клуб; местные патриоты-республиканцы были заключены в тюрьму; отряд волонтеров, который должен был отправиться на итальянский фронт, был задержан. Восстание вспыхнуло и в Тулузе; якобинский муниципалитет был изгнан, ряд местных якобинцев был заключен в тюрьму. В середине мая Корсика

восстала против Франции; французы удержались там только в некоторых портах.

С конца апреля 1793 г. в Комитет общественного спасения начали поступать доклады о подготовляющемся восстании в Марселе. Оно разразилось в конце мая. Секции города провозгласили «законное возмущение» против «самовластия Парижа» и монтаньяров Конвента, арестовали двух комиссаров Конвента и начали формировать отряды добровольцев для борьбы с республиканскими войсками. Восстание шло под лозунгом «защиты и спасения от диктатуры парижских якобинцев» и носило, так же как и в Лионе и других городах, федералистский характер. К концу июня марсельцам удалось собрать отряд в 5 тыс. человек и направить его к Арлю, чтобы утвердить там свое влияние. Марсельские контрреволюционные отряды дошли до Авиньона, но не удержались там и, при появлении республиканских войск, под командой генерала Карто возвратились в Марсель.

Июнь и июль 1793 г. были наиболее трудными месяцами для Французской республики. К середине июля около 60 департаментов восстали против центральной власти. В Париже опасались наступления пьемонтцев для поддержки восставших департаментов. Приходили сведения о появлении английского и испанского флотов у французских берегов Средиземного моря. 10 июля был создан новый Комитет общественного спасения, энергично взявшийся за организацию борьбы с внутренней изменой во всех ее видах, с вандейским восстанием и федералистским движением.

12 июля Конвент принял ряд мер для ликвидации лионского восстания: 1) Лион был объявлен городом, возмутившимся против законной власти; 2) все должностные лица департамента Роны и Луары, присоединившиеся к восстанию, были объявлены отрешенными от должностей, а имущество их — подлежащим конфискации; 3) для подавления восстания было решено направить войска; 4) всем республиканцам-патриотам было предложено помочь подавлению восстания и формировать с этой целью добровольные отряды. На эти меры лионские контрреволюционеры ответили жестокими репрессиями против захваченных ими якобинцев. 17 июля был казнен Шалье, а затем целый ряд его сторонников. Чтобы как-нибудь оправдать эту расправу, лионские жирондистские власти совершенно ложно обвинили Шалье в связях с агентами принцев. Шалье пал жертвой жирондистской реакции и заплатил жизнью за свою верность идеям якобинской республики, за свои стремления социальными мероприятиями облегчить участь лионской бедноты.

С конца июля лионское восстание вступило в свою последнюю фазу. В Лион нахлынули роялисты, и восстание приняло открыто контрреволюционный, роялистский, характер. Во главе созданного в Лионе Комитета общественного спасения, вместо жирондистов, появились роялисты; руководство обороной Лиона попало в руки роялистов, бывших офицеров королевской армии. Жирондисты Бирото и Шассе скрылись из Лиона, не сделав никакой попытки противодействия роялистской контрреволюции.

Часть жирондистов под влиянием жгучей ненависти к якобинцам и оказывавшим им поддержку народным массам открыто присоединялись к роялистам. Напротив, народные массы тех департаментов, в которых вспыхнуло федералистское восстание, были враждебно настроены и по отношению к роялистам и по отношению к жирондистам и не оказывали поддержки контрреволюции, под каким бы флагом она ни выступала. Командующим военными силами Лиона местный муниципалитет назначил графа Пресси, офицера, служившего одно время в швейцарском полку на французской службе. Во время народной революции 10 августа

ВЗЯТИЕ ЛИОНА 9 ОКТЯБРЯ 1793 г.
Гравюра Берто, офорт Дюплесси-Берто

1792 г. он защищал Людовика XVI в Тюильри. Пресси окружил себя офицерами бывшей королевской армии. Весь этот военный штаб лионской обороны имел тайные связи с принцами — братьями Людовика XVI — и с эмиграцией. В то время, когда республиканские войска двигались к Лиону, некий шевалье д'Артэ ездил из Лиона в Берн и Лозанну для переговоров с агентами принцев. Жозеф де-Местр, который в то время был на службе сардинского короля и руководил сардинской контрразведкой, поддерживал связи с Лионом через своих агентов. Однако роялисты были настолько не уверены в том, что открытый роялизм может иметь успех, что опасались сбросить маску. Один из военных начальников лионских инсургентов, де-Нерво, отправился из Лиона в соседний город Сент-Этьенн за помощью. Он сам признавался, что не мог вести открытую агитацию в пользу Людовика XVII, так как боялся противодействия со стороны окружающего Сент-Этьенн крестьянского населения.

В начале августа Конвент двинул против Лиона различные военные части. Руководство военными операциями одно время было в руках комиссара Конвента Дюбуа-Крансе, военного инженера по образованию, убежденного республиканца-якобинца. На помощь этим регулярным войскам подходили отряды добровольцев, которые набирались и организовывались комиссарами Конвента — Кутоном и Шатонёфом. В то же время Конвент сделал последнюю попытку мирной ликвидации лионского восстания. 18 августа в Лион было отправлено письмо, подписанное Кутоном, Робеспьером, Карно и Барером, с предложением «мира и братства». Эта попытка не имела успеха.

К концу августа было ликвидировано восстание в Марселе. В возмутившемся Марселе, так же как и в Лионе, командование военными силами перешло к роялистам, бывшим офицерам королевской армии. Наскоро собранные отряды марсельцев, вернувшись после неудачной экспедиции к Авиньону, чувствовали себя неуверенно, и паническое настроение росло по мере приближения республиканских войск. Целый батальон, выставленный департаментом Буш-дю-Рон, перешел на сторону войск Конвента. При приближении республиканских войск

артиллеристы, которые должны были защищать подступы к Марселю, бросив в панике пушки, разбежались. 25 августа 1793 г. генерал Карто во главе республиканских войск вошел в Марсель.

С середины сентября Лион был окружен со всех сторон. Начался голод, так как город был лишен возможности получать продовольствие из департамента. Наступление пьемонтцев на юго-восточной границе сильно отвлекало силы республиканских войск, но Конвент решил покончить с восстанием. 29 сентября началась бомбардировка Лиона, почти не прекращавшаяся до 9 октября, когда Лион был занят республиканскими войсками. Начальник военных сил Лиона, граф де-Пресси, бежал ночью с несколькими сотнями роялистов. Почти все они были перебиты окрестными крестьянами; Пресси с несколькими лицами удалось бежать за границу. Беднейшая часть населения Лиона с восторгом встретила республиканские войска. В Лионе был восстановлен якобинский клуб и якобинский муниципалитет.

Крайняя левая Конвента и Комитет общественного спасения требовали сурового наказания восставшего Лиона. 12 октября Конвент издал постановление о разрушении Лиона. «Лион восстал — Лион более не существует». Было постановлено разрушить все дома богатых жителей, оставив только жилища бедняков, дома, где жили погибшие во время жирондистского террора якобинцы, и общественные здания. Лион был вычеркнут из списка городов Франции, и то, что осталось после разрушения, получило название «Освобожденного города» («Ville Affranchie»).

Постановление Конвента о разрушении Лиона, вынесенное в разгар гражданской войны, не оправдывалось, разумеется, реальной необходимостью. Разрушение большого промышленного и торгового города могло нанести только экономический ущерб революционной Франции. Декрет о разрушении не был выполнен до конца. Кутон, наделенный неограниченными полномочиями от Конвента, приступил к ликвидации восстания и создал революционный трибунал для суда над участниками восстания, но к разрушению города он, в сущности, и не приступал. Когда против Кутона в Комитет общественного спасения поступил ряд обвинений в медлительности и нерешительности, он был отозван и вместо него были посланы Колло-д'Эрбуа и Фуше. Последний в это время разыгрывал ярого революционера и якобинца, но под этой маской скрывалось лицо беспринципного карьериста и интригана.

Фуше и Колло-д'Эрбуа обложили крупную буржуазию Лиона налогом на содержание семей бедняков и сирот — детей погибших якобинцев — и начали проводить кое-какие мероприятия для обеспечения бедняков жилищами, произведя одновременно реквизицию имущества лионских богачей на нужды республики. Однако эти мероприятия были ими только начаты, но не доведены до конца. Фуше и Колло-д'Эрбуа приступили в то же время к разрушению Лиона, причем были разрушены дома некоторых богачей. Разумеется, восстание, поднятое в Лионе контрреволюционерами и вызвавшее необходимость сурового подавления, не могло не отразиться на положении города и его промышленности. Шелковая промышленность Лиона, пострадавшая как вследствие сокращения внутреннего рынка, так и в связи с восстанием, долго не смогла оправиться.

Взятие Тулона англичанами и его освобождение

Революционная Франция переживала восстание в Тулоне еще более болезненно, чем лионское, так как в Тулоне положение осложнилось английской и испанской интервенцией. Английская интервенция со стороны Средиземного моря могла быть направлена или на Тулон или на Марсель. Марсельское восстание было довольно быстро ликвидировано республиканскими войсками. В Тулоне восстание

ВЗЯТИЕ ТУЛОНА РЕСПУБЛИКАНСКИМИ ВОЙСКАМИ ПОД КОМАНДОЙ БОНАПАРТА 18 ДЕКАБРЯ 1793 г.

Оформ Дюплесси-Берто, рисунок Свебах-Дефонтена

вспыхнуло 12 мая. Так же как и в Лионе, оно не носило сначала открыто роялистского характера. Представители Конвента — Бэйль и Бонне — были заключены в тюрьму, как и целый ряд якобинцев. Якобинский муниципалитет был разогнан. Адмирал Трогоф, командующий всем военным флотом Франции в Средиземном море, присоединился к мятежникам.

Несмотря на бегство морских офицеров-дворян за границу в течение 1790—1791 гг., в высшем командном составе флота все еще сохранилось некоторое количество прежних офицеров. Адмирал Трогоф — роялист и бывший офицер королевского флота — подбирал свой штаб из верных монархии людей. Средний и низший командный состав все время пополнялся со стороны, так как морских офицеров нехватало. Брали молодых людей из торгового флота; значительная часть их состояла из людей состоятельных, которые до поры до времени афишировали свои республиканские чувства, а потом сбросили с себя маску. После разгрома якобинского муниципалитета в Тулоне был образован Высший совет, в который вошли лица командного состава флота с адмиралом Трогофом во главе. В первое время этот Высший совет, опираясь на богатую часть населения Тулона, официально заявлял о своих республиканских чувствах и отводил от себя обвинение в каких бы то ни было связях с «фанатиками» Вандеи. Довольно быстро, однако, роялисты захватили всю власть. Командные посты на укреплениях и фортах Тулона были переданы роялистам.

Представители Конвента Баррас и Фрерон, находившиеся в Ницце, приняли все необходимые меры для борьбы с тулонским восстанием. Именем Конвента они запретили всем французским судам, военным и торговым, находившимся в портах Средиземного моря, повиноваться каким бы то ни было распоряжениям адмирала Трогофа и приступили к формированию отрядов из якобинцев, бежавших из Марселя и Тулона. В конце июля в виду Тулона появился английский военный флот. В этот момент командный состав французского флота стал на путь открытой измены

родине и революции. Английский адмирал Гуд появился с девятнадцатью военными судами, которые эскортировали караван английских торговых судов. В конце июля тулонский порт был блокирован английским флотом: в него не пропускались суда даже нейтральных держав, которые везли товары во Францию. Для демократической массы тулонского населения появление англичан было неожиданным ударом. Портовые рабочие, служащие и рабочие тулонского арсенала и матросы военных кораблей были, разумеется, против сдачи Тулона англичанам. Они пытались протестовать, но не имели сил помешать сдаче города. К английскому флоту присоединилось несколько кораблей испанского флота, и 28 августа соединенный иностранный флот вошел в тулонский порт. Многие из местных якобинцев бежали из Тулона еще перед занятием его англичанами. В момент занятия порта иностранцами сильнейшее негодование охватило экипаж французских военных кораблей. Матросы и рабочие арсенала кричали, что они не хотят «мириться с англичанами». Однако, так как все главные форты тулонской крепости были заняты офицерами-роялистами, то французский флот очутился в безнадежном положении, под угрозой гибели, в тесном пространстве между английским флотом и фортами Тулона. Тогда множество матросов и часть офицеров бросили военные суда и на лодках и вплавь переправились в город. Вместе с оставшимися в городе якобинцами матросы покинули Тулон. Ушедшие из Тулона моряки частью влились в армию Конвента, продвигавшуюся к Тулону, частью были отправлены по распоряжению революционного правительства в военные порты Брест и Рошфор. Позже, когда республиканская армия подошла уже к Тулону, нескольким французским военным кораблям удалось также ускользнуть из порта.

Гарнизон Тулона после занятия его англичанами был очень пестр по своему составу. В него входили отряд национальной гвардии департамента Буш-дю-Рон и небольшая часть моряков французского флота, английский и испанский десант, пополненные затем небольшим отрядом пьемонтцев. Главное военное командование принадлежало англичанам. Иностранное командование опасалось французов и не доверяло им. Оно могло с уверенностью рассчитывать только на роялистов.

В Париже известие о сдаче Тулона англичанам произвело потрясающее впечатление. Теперь дело шло не только о федералистском восстании, но о роялистском заговоре, передавшем в руки внешнего врага один из лучших военных и торговых портов Франции. В особом послании Конвент обратился ко всем гражданам Франции, призывая их на борьбу с изменниками Тулона. «Пусть наказание изменников будет примерным,—сказано было в обращении,—изменники Тулона не заслуживают чести называться французами».

Республиканская армия под начальством генерала Карто подошла к Тулону к концу августа, после ликвидации марсельского восстания. Эта армия состояла из разных частей, взятых с внешних фронтов, и пополнялась добровольными отрядами из соседних департаментов. Как и армии, дравшиеся на других фронтах Франции, она была плохо снабжена одеждой, оружием, продовольствием. Якобинское правительство в эти тяжелые летние и осенние месяцы 1793 г. не могло снабдить всем необходимым революционную армию, боровшуюся сразу и на внешних фронтах и на внутреннем фронте гражданской войны. Но несмотря на это, моральное состояние республиканских отрядов было превосходным. Все, от командного состава до солдат, были охвачены одним стремлением — прогнать англичан из Тулона и уничтожить в корне контрреволюцию в стране. Прекрасно одетые, сытые, не нуждавшиеся ни в чем

англичане были поражены безумной отвагой плохо одетых, иногда даже оборванных республиканцев, которые по внешнему виду едва ли напоминали регулярные войска, а на деле оказались грозным противником. В сентябре 1793 г. в армии, осаждавшей Тулон, появился молодой артиллерийский офицер Наполеон Бонапарт. Он принял меры к тому, чтобы снабдить республиканскую армию достаточным количеством орудий, без чего нельзя было взять Тулон. Ему удалось сформировать несколько батарей, которые под его личным командованием повели правильную бомбардировку тулонских фортов.

Генерал Карто, вяло ведший военные операции, был заменен боевым генералом Дюгомье. К Тулону были стянуты значительные силы, взятые из итальянской армии и из отрядов, освободившихся после падения Лиона. 19 декабря 1793 г. революционная армия взяла форты Тулона. Английское командование увидело, что дело проиграно. Англичане и испанцы спешно эвакуировали Тулон.

*

Глава восьмая

УСТАНОВЛЕНИЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ ЛЕТОМ 1793 г.

РЕЗУЛЬТАТОМ революции 31 мая—2 июня 1793 г. было изгнание жирондистов из Конвента и установление якобинской диктатуры, существовавшей до контрреволюционного переворота 27 июля 1794 г. (9 термидора II года Республики).

Непосредственно после революции 31 мая — 2 июня власть оказалась в руках той группировки якобинского блока, которая возглавлялась Дантоном и близкими к нему людьми, руководившими политикой Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности.

Франция после революции 31 мая—2 июня

Группа Дантона занимала среди якобинцев наиболее умеренные позиции и была настроена примирительно по отношению к контрреволюционной буржуазии. Она представляла по преимуществу интересы *нового* буржуазного слоя, образовавшегося уже во время революции, обязанного революции своим преуспеянием. Эта *новая* буржуазия пока не была склонна порывать с революцией. Но она, с другой стороны, не могла также сочувствовать революционным мероприятиям, угрожавшим в той или иной мере буржуазным интересам. Дантонисты проводили политику соглашения с жирондистами: надзор за арестованными жирондистами был чрезвычайно слаб, «охвостье» Жиронды осталось в Конвенте.

Только под напором масс, в обстановке ожесточенной гражданской войны якобинская диктатура приобретала характер революционно-демократической «диктатуры общественных низов».[1]

В стране разгоралась гражданская война. Комиссары армии брестского побережья Мерлен и Жилле писали 3 июня, что последние заседания Национального конвента вызывают крайнее беспокойство в департаментах. Там полагают, что в Конвенте властвует всемогущая партия, не оставляющая ему никакой свободы решений. Они сообщали также, что департаменты намерены набирать отряды и итти на Париж.

Один департамент поднимался за другим. Комиссары Конвента Дюбуа-Крансе и Альбит сообщали, что бриссотинцы «для восстановления

[1] В. И. Ленин. Соч., т. IX, стр. 372.

деспотизма и двора сделают то, чего не могли сделать ни Лафайет, ни герцог Брауншвейгский, ни Дюмурье». Особенно тревожно были настроены промышленные департаменты Франции и их наиболее состоятельное население, обеспокоенное за свои доходы. Комиссар Конвента Гаспарен следующим образом изображал настроение жителей Бордо и их отношение к событиям 2 июня. «Состояние Бордо,—писал он, — находится меньше в зависимости от событий 2 июня, чем от декрета о миллиардном займе.., коммерсанты гораздо меньше держатся за тех или иных лиц, чем за свой карман».

Республика находилась в отчаянном положении: она, казалось, была на краю гибели.

В самом Париже победа над жирондистами была далеко не окончательной. Жирондисты боролись с успехом против якобинцев в ряде парижских секций и пытались поднять восстание в Париже. Сильнейшее возбуждение царило в секции Красного креста, где аристократы пользовались большим влиянием и где Революционный комитет был распущен. 11 июня Шомет был вынужден выступить в Генеральном совете и указать, что Парижу угрожает новое восстание, что богатые хотят повторить здесь лионские события. Он выразил, однако, надежду, что им не удастся разжечь пламя гражданской войны в Париже.

Жирондисты оставили якобинцам в наследство тяжелое продовольственное положение. В стране росли нужда, голод, дороговизна. Вместе с голодом росла и спекуляция предметами первой необходимости, а также валютой. Однако никакой борьбы со спекуляцией не велось. 27 июня 1793 г. при обсуждении вопроса о продовольственных волнениях один из депутатов, Дентцель, предложил принять меры против ажиотажа. «Вы запретили спекуляцию золотом. Хотите знать, как исполняются ваши декреты? Вчера вечером на улице Вивьен я видал двух частных лиц, продающих золотой луидор за 100 ливров ассигнатами. Я предлагаю затребовать у министра внутренних дел отчета о выполнении декрета». Конвент должен был пойти на известные уступки требованиям мелкой буржуазии и плебейских масс. Он выработал декрет о временном закрытии биржи и прекращении биржевых спекуляций.

Ажиотаж, спекуляция, а самое главное, тот факт, что революция 2 июня была воспринята буржуазией как объявление войны промышленным департаментам Франции,— вызвали дальнейшее падение курса ассигнатов и наводнение страны бумажными деньгами. Мероприятия по ограничению количества ассигнатов, находящихся в обращении, как например, декрет 31 июля 1793 г. об аннулировании всех королевских ассигнатов, не привел к желаемым результатам. Ассигнаты продолжали падать, в августе курс их спустился до 22% — самой низшей точки за весь период революции.

В связи с восстанием 31 мая Генеральный совет Коммуны издал постановление о разоружении всех «подозрительных» граждан и о раздаче их оружия патриотам. В качестве чрезвычайной меры было решено выдать участникам восстания по 6 ливров, как возмещение за потерю рабочего дня. Этим, в сущности, и ограничились мероприятия Коммуны по отношению к тем, кто выступал активно 31 мая — 2 июня.

Социальная программа восстания, как ее понимали массы, наилучшим образом была выражена в адресе Конвенту «Общества друзей Республики» в Аррасе, прочитанном в заседании Конвента 7 июня.

«Вы декретировали великий принцип прогрессивного налога. Почему вы медлите провести его в жизнь? Вы будто бы постановили произвести раздел общественных земель между малоимущими гражданами; вы декретировали принудительный миллиардный заем у богатых; вы постановили,

что значительная армия будет организована за счет богачей. Но этот раздел земли, этот заем, эта армия существуют лишь в ваших проектах. Что вы сделали для их осуществления?»

Эту программу отстаивали непосредственно после революции 31 мая — 2 июня не только вожди бешеных — Жак Ру, Варле, Леклерк, — но и шедшие за ними секции. Ее защищал также Марат и левое крыло якобинцев.

Какова же была политика Конвента и Комитета общественного спасения по отношению к этим требованиям?

Политика первого Комитета общественного спасения

Реализация миллиардного займа, решенная в принципе еще 20 мая, была популярным лозунгом восстания 31 мая — 2 июня. Финансовое положение было таково, что от реализации займа зависело спасение государства от банкротства. По этому вопросу в Конвенте происходили бурные прения, показавшие, насколько правое крыло якобинцев боялось нанести ущерб интересам крупного капитала. Решение вопроса откладывалось с одного заседания на другое. 22 июня Комитет финансов представил шесть проектов проведения займа — из них пять имели в виду обложение дохода и лишь один (Женисьё) предусматривал обложение капиталов.

В итоге прений было вынесено принципиальное решение, что сумма займа будет определяться не на основе «владения имуществом или капиталами, а исключительно на основании доходов с земли, с движимого и индустриального имущества».

Декрет, принятый Конвентом, освобождал от принудительного займа «семейных лиц с доходом не свыше 10 тыс. ливров в год и холостяков с доходом не свыше 6 тыс. ливров». Только в дальнейшем, под давлением масс, был изменен текст закона о принудительном займе. В последней редакции закона, изданного 7 сентября 1793 г., ставка для семейных была снижена до полутора тысяч ливров и тысячи ливров на каждого из членов семьи и до тысячи ливров для холостых людей и для бездетных вдовцов. История прохождения закона о миллиардном займе показывает очень ярко, как менялась политика Конвента. В июне и июле руководящая группа якобинцев стремилась прежде всего к успокоению буржуазии.

Непосредственно после победоносного восстания 2 июня встал также вопрос об аресте жирондистов. Со 2-го июня только руководители жирондистской партии находились под домашним арестом, остальные жирондисты оставались на свободе. «Почему вы так медлите расправиться с нашими врагами? Почему вы боитесь пролить несколько капель крови?» — спрашивает Леклерк 4 июня в Совете Парижской коммуны. Леклерк утверждал, что революция далеко еще не кончена, что необходимо продолжать борьбу с лицами, захватившими власть в Комитетах и в Конвенте. Леклерк обвинял руководителей Конвента и, главным образом, Лежандра и Дантона в модерантизме. «Это он (Лежандр) с Дантоном преступным сопротивлением принудил нас к модерантизму в дни 31 мая — 2 июня, — говорил Леклерк на заседании клуба Кордельеров 27 июня. — Это Лежандр и Дантон воспротивились революционным мерам, которые мы применяли в эти дни, чтобы раздавить партию аристократов в Париже».

И действительно, Конвент не спешил с репрессивными мерами в отношении жирондистов. Фактически, никаких мер не принималось даже против тех жирондистов, которые направлялись в департаменты и вели там самую активную контрреволюционную агитацию. Только после побега находившихся под домашним арестом Петиона и Ланжюинэ Конвент был вынужден поставить вопрос о более суровых мерах по отношению к жирондистам.

Марат проявлял решительное недовольство политическим курсом возглавлявшегося Дантоном Комитета общественного спасения, который пытался найти пути примирения с жирондистами. 17 июня 1793 г. Марат, по его собственному заявлению, «вступил в исполнение своих обязанностей» и с тех пор до самой своей смерти Марат не прекращал борьбы против Дантона и других членов первого Комитета общественного спасения. Он называет членов первого Комитета «усыпителями», а самый Комитет — «Комитетом общественной погибели». Критикуя «усыпителей», Марат в то же время горячо защищал подлинных революционеров — тех якобинцев, которые вели неуклонную борьбу с жирондистами. Узнав об опасности, угрожающей Шалье в Лионе, он направил письмо в Конвент с указанием на необходимость немедленно вызвать Шалье в Париж. Последние дни жизни Марата были посвящены борьбе за углубление революции, за выполнение требований масс. Марат принадлежал к числу тех якобинцев, которые, по словам Ленина, «вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с *классом эксплуататоров*».[1]

Робеспьер в борьбе с жирондистами занял более умеренную позицию. В своих речах 24—25 июня он обвинял в контрреволюционных преступлениях лидеров жирондистов и администрацию департаментов, которые пошли за ними. Робеспьер требовал решительных мероприятий в отношении жирондистов, но считал необходимым проводить четкую грань между контрреволюционерами вождями и обманутыми массами, которые необходимо склонить на свою сторону путем убеждения и увещания. «Вам говорят от имени департаментов, — указывал Робеспьер, — департаменты имеют, однако, только одно мнение. Администрация их, возможно, предана бунтовщикам, но народ с вами».

Та же точка зрения была выражена в докладе Сен-Жюста 13 июня. Сен-Жюст перечислял все действия жирондистов, которые привели к событиям 2 июня. Он говорил о попытке жирондистов восстановить тиранию. Сен-Жюст определял позицию якобинцев в этом вопросе, как позицию победителей, не желающих мстить побежденным: «Не все арестованные, — заявлял он, — одинаково виновны; известная часть их была введена в заблуждение». Контрреволюционеры пытались возложить на якобинцев ответственность за начинающуюся гражданскую войну в стране. «Конвент должен спешно положить конец подобным попыткам, — заявлял Сен-Жюст, — но не следует смешивать ошибки с преступлениями. Закон покарает лишь главных преступников».

Конституция 1793 г.

Между тем, в своих донесениях Комитету общественного спасения комиссары настаивали на принятии Конституции. Конституция должна была в сложившейся обстановке внести успокоение, примирить департаменты с Конвентом. Таковы были соображения, которые заставили монтаньяров в июне 1793 г. спешно, чуть ли не в недельный срок, выработать и представить Конвенту проект новой Конституции.

10 июня Комитет общественного спасения предложил проект Конституции на обсуждение Конвента. В его разработке принимали участие Эро-де-Сешель, Кутон и Сен-Жюст. Прения длились десять дней.

В связи с проектом Конституции вновь были подняты жгучие вопросы об определении собственности, о праве народа на объявление войны, о налоге и т. д. Особенно ожесточенные прения велись по вопросу об объявлении войны. Ряд депутатов Конвента требовал, чтобы решение по этому вопросу зависело от воли народа. Дюкло, представитель правой части Конвента, а также Дантон, Тюрио и другие возражали. Они требовали,

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 506.

чтобы это право было предоставлено исполнительной власти. Левая часть якобинцев указывала на то, что в таком случае исполнительная власть, узурпировав суверенитет народа, может затеять войну тогда, когда ей это заблагорассудится. В окончательном тексте Конституции право объявления войны, так же как и в первоначальном проекте, было предоставлено исполнительной власти.

Большие разногласия вызвали и те пункты Конституции, которые касались социально-экономических вопросов. Окончательный текст Конституции значительно отличался от тех якобинских проектов, которые были выдвинуты в свое время Робеспьером и другими монтаньярами в противовес жирондистскому до событий мая — июня 1793 г. Когда на заседании 17 июня Левассер предложил освободить бедных от уплаты налогов, это вызвало резкое возражение Робеспьера, заявившего: «Если вы декретируете, что бедность избавляет от почетной обязанности участвовать во взносах на нужды отечества, то тем самым вы декретируете унижение наиболее чистой части народа и создаете аристократию богатства. Эти новые аристократы, очевидно, скоро пришли бы к заключению, что люди, не уплачивающие налогов, не должны пользоваться «благодеяниями правительства». В то же время Робеспьер подчеркнул, что народным и справедливым является принцип, по которому общество доставляет все необходимое тем из своих членов, которые не могут добывать его своим трудом. «Я требую, чтобы бедняк, вносящий один обол налога, получал его от отечества для внесения обратно в общественную казну». Конституция была утверждена и принята Конвентом 24 июня 1793 г. Оставшиеся в Конвенте после революции 31 мая — 2 июня жирондисты воздержались от голосования.

Текст Конституции в его окончательном виде не содержал некоторых пунктов, отвечавших социально-экономическим требованиям народных масс. Так, из него выпали пункты о прогрессивном налоге, выпало и ограничительное толкование права собственности, которое предлагал Робеспьер в своей Декларации прав в апреле 1793 г. Тем не менее, составление Конституции 1793 г. имело огромное значение в истории Франции.

Конституции предшествовала Декларация прав человека и гражданина, определявшая общие принципы организации республиканской власти. Этот документ имел ряд преимуществ в сравнении с Декларацией 1789 г., а также с жирондистским проектом Конституции.

Декларация четко формулировала не только естественные права человека, но и вытекающие из них обязанности общества. Основная цель последнего есть свобода и счастье входящих в его состав членов. «Общество обязано, — говорила Декларация, — заботиться о пропитании неимущих граждан путем предоставления им работы и путем обеспечения средств к существованию тем, кто не в состоянии работать». Однако, обещая неимущим массам работу и пропитание, якобинская Декларация не давала никакой гарантии проведения этих обещаний в жизнь. Она сохраняла частную собственность и признавала ее священной и неприкосновенной. Декларация угрожала смертью за узурпацию народного суверенитета. В то время как жирондистский проект предлагал определить законный путь для сопротивления угнетению, якобинская декларация подчеркивала право народных масс на восстание, если правительство нарушает их права.

Конституция 1793 г. давала наиболее яркое выражение демократических принципов. Она обещала превратить Францию в самую свободную буржуазно-демократическую республику в мире. Во главе ее должен был стать законодательный орган, выбранный на основе всеобщего избирательного права и прямого голосования.

На Конституции сказалось влияние Руссо и его идеи прямого народоправства. Отказавшись от полного осуществления этой идеи, якобинцы отдали ей дань, сохранив известные права законодательства за первичными собраниями граждан. Последние имели право санкции, а также право прекращения действия законов, издаваемых Собранием. Первичным собраниям Конституция предоставляла право требовать пересмотра Конституции; Законодательное собрание было обязано в таком случае созвать все первичные собрания республики, чтобы выяснить вопрос о необходимости созыва Национального конвента.

Конституция обещала всем французам равенство, свободу вероисповеданий, всеобщее обучение, право петиций, право объединяться в народные общества и т. д. Якобинцы думали, что демократическая республика, которая дает народу максимальную политическую свободу, обеспечит тем самым все, что нужно для счастья народа. Конституция 1793 г. сделалась своего рода знаменем для революционной демократии последующего периода. На протяжении XIX века отдельные положения Конституции играли роль жизненных лозунгов в борьбе за демократическое преобразование Европы.

Однако эта самая демократическая буржуазная конституция могла только обещать, но не могла гарантировать реализации сулимого ею равенства, поскольку она не выходила за грани, поставленные буржуазным строем. Конституция закрепила основные устои нарождавшегося капитализма — частную собственность, а следовательно, и классовый антагонизм. Конституция сохранила господство буржуазии, т. е. господство меньшинства над огромным большинством; она не могла уничтожить нищету трудящегося большинства и рост богатства немногих, как мечтали лучшие из якобинцев.

Утверждая демократические начала, Конституция 1793 г. не всегда проводила их последовательно. Прямые выборы устанавливались только для избрания депутатов Собрания. При выборах же департаментских и муниципальных органов они были двухстепенными, а при избрании членов Исполнительного совета — даже трехстепенными. Наиболее демократическая из буржуазных конституций, Конституция 1793 г., лишала женщин — половину населения Франции — их политических прав. Наконец, провозглашая принцип «суверенности народа», который сам якобы должен был законодательствовать, Конституция почти ничем не обеспечила возможности реализации этого права для огромного большинства населения, ничего не сделала для того, чтобы эти первичные собрания сделались действительно органами народных масс, а не буржуазии.

Ограниченно-буржуазный характер Конституции 1793 г. особенно ярко вырисовывается в свете достижений пролетарской революции, при сравнении с Конституцией победившего социализма.

Великая пролетарская революция создала совершенно новый тип государства. Русский пролетариат в союзе с крестьянской беднотой сверг власть помещиков и капиталистов и создал Республику Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В кровавой схватке с господствующими классами была установлена диктатура пролетариата. Под руководством коммунистической партии и великих вождей — Ленина и Сталина — пролетариат одержал ряд грандиозных побед, в основном завершил построение социализма.

Французская Конституция 1793 г., как и всякая другая буржуазная конституция, исходила из убеждения о незыблемости капиталистического строя, буржуазной частной собственности на орудия и средства производства. Конституция Союза ССР исходит из факта полной победы социа-

листического производства, полного уничтожения эксплоатации человека человеком, создания новой социалистической экономики, не знающей кризисов и безработицы, не знающей нищеты и разорения.

Французская Конституция не дала равноправия народностям, населявшим Францию и ее колонии. Сталинская Конституция исходит из равноправия всех наций и рас. Она закрепляет основы ленинско-сталинской национальной политики, осуществляет полное братство народов Советского Союза.

Сталинская Конституция — единственная в мире последовательно демократическая конституция. Она не знает оговорок или ограничений, которые так характерны для французской Конституции 1793 г.: «не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе». [1]

Сталинская Конституция обеспечивает действительное равенство всех трудящихся, а не равенство перед законом, дальше которого не может пойти никакая буржуазная конституция.

Сталинская Конституция не ограничивается провозглашением прав граждан, которых не знают буржуазные конституции: права на труд, права на отдых, права на образование, права на обеспечение старости и инвалидности. Она обеспечивает, гарантирует эти права, определяя средства их осуществления.

Всего этого не могла дать даже наиболее демократическая Конституция буржуазной революции, поскольку она оставалась на почве буржуазного порядка. Это могла дать только Конституция победившего социализма.

Выступление бешеных в июне — июле 1793 г.

Нерешительная политика якобинцев в вопросе о миллиардном займе и в вопросах борьбы с жирондистами, их колебания в формулировке некоторых пунктов Конституции — вызвали выступления бешеных, непосредственно выражавших интересы плебейских масс. Основными лозунгами этого движения были введение всеобщего максимума, включение социальных требований в Конституцию.

Декрет 4 мая о максимуме был, в сущности, лишь принципиальным решением вопроса о регламентации торговли. Но декрет этот не выполнялся: в некоторых департаментах он даже не был введен, в других же департаментская администрация смотрела сквозь пальцы на нарушения декрета. Зажиточное крестьянство, удовлетворенное уже проведенными аграрными реформами, отказывалось приносить дальнейшие жертвы революции, прятало излишки и не желало продавать их по ценам максимума. Департаментская администрация, враждебная постановлениям Конвента, сопротивлялась проведению максимума, а Конвент не был в состоянии организовать контроль над исполнением этого закона и даже сам способствовал срыву максимума. 1 июля Конвент издал декрет, разрешивший административным органам, а затем и агентам Конвента по снабжению армии, покупать хлеб непосредственно у частных лиц. Все углублявшийся продовольственный кризис, обесценение ассигнатов, нерешительность и непоследовательность социальной политики Конвента вызывали недовольство и волнения среди плебейских масс.

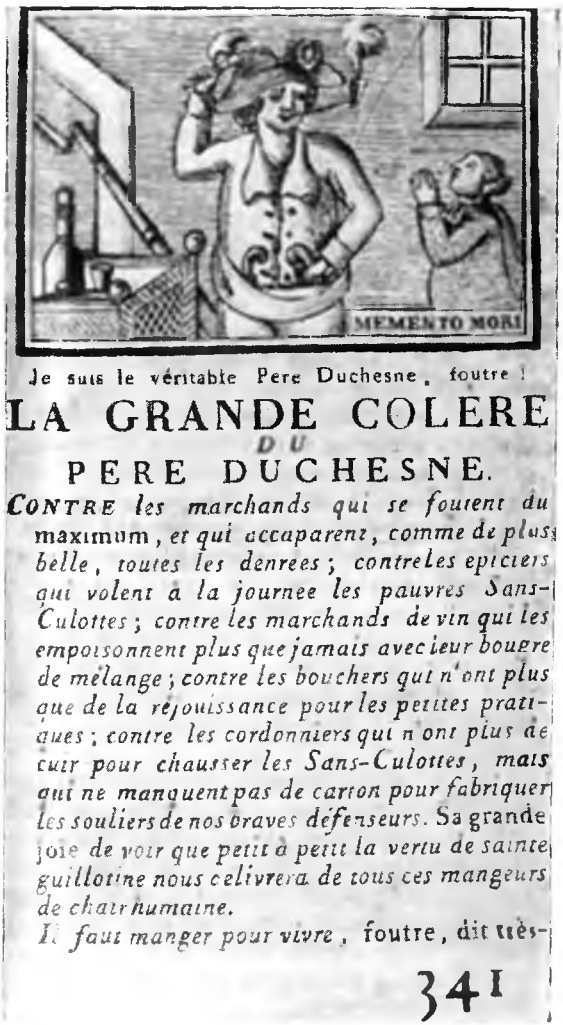
Бешеные, отражая эти настроения, настойчиво требовали введения твердых цен на все предметы первой необходимости, борьбы со скупщиками и спекулянтами, запрещения торговли звонкой монетой, ареста всех подозрительных, создания революционной армии из санкюлотов в Париже

[1] И. В. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. М. 1937, стр. 20—21.

для проведения всех этих революционных мер, обновления Комитета общественного спасения. В июне 1793 г., после победы над жирондистами, к этому прибавилось еще требование включить все эти пункты в конституционный акт, который обсуждался в комиссии Конвента.

Непосредственно после революции 31 мая — 2 июня влияние бешеных в Кордельерском клубе, в Парижской коммуне и в секциях значительно усилилось: 16 июня делегация клуба Кордельеров настаивала на скорейшем создании революционной армии. 20 июня Жак Ру выступил в клубе Кордельеров с требованием включить в Конституцию пункт, карающий смертью за спекуляцию, барышничество и торговлю звонкой монетой. В этом же заседании вожди бешеных — Жак Ру, Варле и Леклерк — были избраны клубом Кордельеров редакторами адреса, который должен был быть зачитан в Конвенте.

23 июня депутация клуба Кордельеров огласила проект этого адреса в Якобинском клубе. 25 июня адрес был зачитан в Конвенте. В нем повторяются важнейшие требования бешеных: «Здесь на вашу верховную санкцию будет представлен проект Конституции. Изгнали ли вы из нее ажиотаж? Нет. Установили ли вы в ней смертную казнь для скупщика? Нет. Определили ли вы, в чем состоит свобода торговли? Нет... Итак, мы заявляем вам, что вы ничего не сделали для счастья народа». Бешеные предлагали также производить принудительные реквизиции продовольствия. Недопустимо, говорили они, чтобы «изнуряли налогом и морили голодом тех, кто защищает свои очаги».



«ОТЕЦ ДЮШЕН». НОМЕР СО СТАТЬЕЙ ПРОТИВ СПЕКУЛЯНТОВ ХЛЕБОМ

Б-ка Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

Жак Ру требовал в своей речи исключения дворян из армии, ареста родственников дворян-эмигрантов, исключения из Конвента всех тех, кто выступал в защиту жирондистов или возражал против закона, запрещавшего ажиотаж и скупку товаров в целях спекуляции.

Выступление Жака Ру в Конвенте встретило сильную оппозицию, во главе которой стал Робеспьер. В этот день, 25 июня, все якобинцы Конвента ополчились на вождя бешеных. Робеспьер, Марат, Леонар

Бурдон, Эбер и Шомет старались опорочить Ру и его петицию. «Варле только безмозглый интриган, но маленький Леклерк, повидимому, очень ловкий жулик», — писал Марат 4 июля в своей газете. По мнению Марата, «самый жестокий бич, который мы должны уничтожить во имя торжества свободы, это не аристократы, роялисты и контрреволюционеры, а экзальтированные лжепатриоты, кичащиеся своей гражданственностью для того, чтобы ввести в заблуждение добрых граждан и вынудить их на безрассудные, случайные и гибельные выступления».

Борьба против бешеных происходила не только в Конвенте, она имела свое продолжение в Коммуне, в Якобинском и Кордельерском клубах. Правые якобинцы — дантонисты — должны были видеть в программе бешеных прямую угрозу защищаемым ими интересам новой буржуазии. Группа Робеспьера боялась вступить на путь социальных мероприятий, резко противоречащих буржуазному принципу экономической свободы, боялась оттолкнуть от себя те слои «состоятельного» французского общества, которые еще оставались верны революции. Вскоре после того якобинцы оказались вынуждены осуществить основные требования бешеных, — но они сделали это лишь под мощным давлением масс. Марат, хотя и сочувствовал некоторым положениям бешеных, все же видел в их движении опасность подрыва складывавшейся якобинской революционной власти, и без того, по его мнению, недостаточно прочной.

26—28 июня в Париже происходили волнения из-за недостатка мыла, которые еще больше обострили борьбу якобинцев и бешеных. Якобинцы, во главе с Робеспьером, решили нанести бешеным решительный удар. 28 июня Робеспьер, выступая в Якобинском клубе, обрушился на Жака Ру и обвинил бешеных в том, что они борются против Конституции.

«Под предлогом того, что Конституция не содержит пункта, направленного против барышников, он проповедует, что она не подходит для того народа, для которого она создана... Я утверждаю,— продолжал Робеспьер,— что единственными врагами народа являются те, кто выступает с проповедями против Горы Конвента. Когда мы станем бриссотинцами, нам придется нести последствия нашего отступничества, но, пока этого не случилось, остерегайтесь интриганов под маской патриотизма, лишь стремящихся снова ввергнуть вас в пропасть, из которой вы едва только начинаете выбираться».

Робеспьер требовал направить все силы на укрепление республики, на создание всех условий для усиления ее обороны и гарантировать Конвент от всяких посягательств на него.

В конце июня борьба якобинцев против бешеных закончилась победой якобинцев. Те революционные организации, в которых их влияние было до этого особенно сильно, отреклись от бешеных. Жак Ру и Леклерк под давлением якобинцев были исключены из Кордельерского клуба. Варле было запрещено посещать заседания клуба.

Дальнейшие события показали, однако, что победа якобинцев была временной, что с бешеными далеко не было покончено.

Убийство Марата

В эти горячие июльские дни враги революции нанесли ей тяжелый удар. Жертвой их пал Марат. Полуослепший, совершенно больной, он оставался на своем посту, несмотря на запрещение работать со стороны врачей. Некоторое облегчение его страданиям давали теплые ванны. Принужденный проводить большую часть своего времени в ванне, Марат не прекращал своей работы. В начале июля 1793 г. к нему явилась делегация клуба Кордельеров справиться о состоянии его здоровья. «Меня нисколько не беспокоит, — заявил Марат, — проживу ли я на десять лет больше или меньше. Мое

«ДРУГ НАРОДА» № 678 ОТ 13 АВГУСТА 1792 Г.
(Перевод надписей, сделанных на полях и внизу.)

Эти листки, окрашенные кровью Марата, находились на столике его ванны, когда он был заколот кинжалом Шарлотты Кордэ; они были собраны и сохранены его сестрой, Альбертиной Марат, которая согласилась пожертвовать их мне для пополнения моей коллекции патриотических документов эпохи.

Париж, 26 мая 1837 г.

Морэн

По смерти полковника Морэна эти кровавые листки были перенесены со всеми его книгами в отель гр. А. де-ла-Тредуайер. У этого дворянина мрачные листки вызвали чувство отвращения, и он принудил моего отца убрать их; отец дал их мне — и таким путем они попали ко мне.

Анат. Франс

No. 678.

L'AMI DU PEUPLE,

JOURNAL POLITIQUE ET IMPARTIAL,

Par J.-P. MARAT, Auteur de l'Offrande à la patrie, du Moniteur, du Plan de Constitution, et de plusieurs autres ouvrages patriotiques.

Vitam impendere vero.

Du Mardi 13 Août 1792.

Le Peuple abusé par ses Représentans, ou les nouvelles trahisons des peres conscrits depuis la prise du chateau des Tuilleries.

Le 9 août 1792, les deux tiers de l'assemblée nationale se montroient, non seulement archigangrenés, mais effrontement contre-révolutionaires : et le 10, ils se disent non seulement bons patriotes, mais brûlans de zele pour la loi de l'egalité qui les désespere, mais intrepidément dévoués au salut de la patrie, dont ils machinoient la ruine, Que dis-je, le 10 à neuf heures du matin, ils se *montroient effrontés oppresseurs* (1) du

(1) Quand le lâche Louis va chercher un asyle avec les siens au milieu de ses complices : en leur annonçant qu'il va, pour épargner au peuple qu'il allait faire égorger, LE GRAND CRIME DE LE PUNIR DE SES FORFAITS et en les assurant qu'il se croit en sûreté parmi eux : le president lui répond fièrement, au nom de ses confreres, « Votre Majesté peut compter sur la fermeté de l'assemblée nationale, ses membres ont jurés de mourir à leur poste, en soutenant les autorités constituées. Et au premier bruit du canon, tous ses traîtres se levent pour s'échapper ; retenus par les reproches sanglans des patriotes, ils vont chercher leur salut en se confondant parmi eux, et une grande gaucherie de patriote Merlin, [illegible]

единственное желание — сказать при последнем издыхании: я умираю удовлетворенный, так как отечество спасено».

В это время враги подготовляли ему гибель. Часть жирондистов, находившихся под домашним арестом, бежала из Парижа в Нормандию и организовала контрреволюционный центр в городе Кан. Здесь находились известные вожди Жиронды: Барбару, Бюзо, Луве и др. Еще 18 июня Барбару выпустил воззвание к французам, призывающее их «обрушить месть на головы Марата, Дантона и Робеспьера». Жирондисты нашли исполнителя своих замыслов в лице дворянки Шарлотты Кордэ, которая была послана в Париж специально для убийства Марата. Обманным путем, объявив себя патриоткой, приехавшей в Париж для того, чтобы сообщить Другу Народа о событиях, происходящих в Кане, Шарлотта Кордэ 13 июля проникла к Марату в тот момент, когда он сидел в ванне и просматривал корректуру издаваемого им органа «Публицист».

Шарлотта назвала себя и вручила письмо с «разоблачениями» врагов. Марат склонился над письмом. В этот момент Шарлотта Кордэ вонзила ему нож в сердце. Ужасный замысел жирондистов удался: Марата не стало, не стало одного из лучших вождей революционного народа.

Конвент постановил устроить торжественные похороны Марата. Художник Давид должен был выработать церемониал похорон. Депутат Шабо, сообщая Конвенту о допросе Шарлотты Кордэ, сказал, что убийство Марата есть только звено в цепи заговоров, направленных против якобинцев. В клубе Якобинцев депутат Конвента Шаль призывал продолжать дело Марата и попрежнему издавать его газету.

Убийство Марата, как и следовало ожидать, повело к новому усилению агитации бешеных. Ру и Леклерк выпустили журнал, посвященный памяти Друга Народа, где Леклерк прямо требовал смерти всем откупщикам и очень отчетливо формулировал программу бешеных: строгое применение декрета о максимуме, арест «эгоистов-банкиров» и откупщиков, всех тех, у кого «революция на языке и контрреволюция в сердце».

Марат был убит в очень трудную для республики минуту. Гражданская война не прекращалась. Вандейцы осадили и заняли Бокаж и произвели там беспощадное избиение революционеров.

В Лионе и Марселе произошли контрреволюционные восстания против Конвента. В Лионе был казнен Шалье. В то же время прусские и австрийские войска снова перешли в наступление. За короткое время они заняли Майнц, Конде, Валансьенн. Войска коалиции направлялись к границам Франции.

11 июля происходили новые беспорядки в Париже. Сначала вспыхнули волнения среди прачек, которые требовали понижения цен на мыло. Волнения кончились кровопролитными стычками. Якобинцы, под влиянием внешних опасностей и напора со стороны бешеных, должны были сделать ряд уступок требованиям масс.

Создание робеспьеристского Комитета общественного спасения

10 июля был обновлен Комитет общественного спасения. Первый комитет не проявил необходимой решительности в борьбе с жирондистским и федералистским движением. Он не проявил также должной активности и гибкости в борьбе с многочисленными враждебными армиями, угрожавшими республике. 10 июля Конвент решил переизбрать Комитет и уменьшить состав его до 9 человек.

Дантон не вошел в состав нового, второго, Комитета, а робеспьеристы получили в нем перевес. Власть перешла в руки более радикальной группы из состава Якобинского клуба, — группы, способной, хотя и с колебаниями, пойти навстречу требованиям плебейских низов.

27-го июля Робеспьер вошел в Комитет общественного спасения и фактически возглавил правительство.

Обновление состава Комитета общественного спасения знаменовало собой поворот в сторону более решительной социально-экономической политики. На июль падает издание ряда важнейших декретов: декрета об отмене без выкупа феодальных повинностей (17 июля), декрета о закрытии бирж (17 июля), закона против спекулянтов (27 июля). Все барышники и скупщики, укрыватели товаров первой необходимости и все спекулянты, по закону 27 июля, карались смертной казнью. Декрет 27 июля давал очень широкое определение того, что следует понимать под предметами первой необходимости; за сокрытие их он грозил суровыми наказаниями. Этот закон был значительной уступкой требованиям бешеных, хотя он и не уничтожал полностью свободной торговли.

ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ В АВГУСТЕ — ОКТЯБРЕ 1793 г.

Поражения на фронтах в конце июля определили дальнейшее направление политики якобинцев. Грозная внешняя опасность, а также обстановка гражданской войны, заставили якобинцев признать необходимость введения политической централизации в управление страной. По постановлению Конвента, Конституция должна была подвергнуться голосованию на первичных собраниях. Она была принята большинством 1 801 918 голосов против 11 610. Однако введение в жизнь Конституции, роспуск Конвента, выборы нового Законодательного собрания на основе прямого голосования по кантонам, создание Исполнительного комитета, члены которого выдвигались департаментами, — все это должно было вызвать новый взрыв партийной борьбы, которая грозила уничтожить завоевания революции. Учтя эти обстоятельства, якобинцы единодушно высказались за отсрочку введения Конституции. «Нельзя было,— по выражению Робеспьера, — пустить в море корабль Конституции во время бури, на волю бушующих волн». Для спасения Французской республики в это опасное и грозное для нее время необходимо было создание сильных и авторитетных органов революционной власти.

1 августа в Конвенте, во время прений по вопросу о прерогативах Комитета общественного спасения, Робеспьер и Дантон со всей энергией настаивали на необходимости передать этому учреждению всю полноту власти, превратив Комитет общественного спасения во «временное правительство», направляющее деятельность министров. Конвент согласился с этим предложением.

Предоставив Комитету общественного спасения 2 августа чрезвычайно широкие полномочия, Конвент отдал в его распоряжение и материальные ресурсы. Вначале ему было отпущено 50 млн. ливров. Затем эта сумма была увеличена. Одновременно Конвент высказался за необходимость сохранения существующего состава Комитета общественного спасения; с этого дня ежемесячные перевыборы превратились в простую формальность. Комитет общественного спасения фактически превратился в постоянный и несменяемый орган революционной диктатуры. Одновременно с укреплением центральной власти шло укрепление обороноспособности республики и усиление борьбы с контрреволюцией.

28 июля Конвент утвердил мероприятия, принятые Комитетом общественного спасения против заговорщиков, и предоставил ему право подписывать приказы об аресте подозрительных и обвиняемых в государственных преступлениях лиц.

6 августа Конвент постановил послать в департаменты 18 комиссаров со специальным поручением—произвести чистку департаментских властей

ЖОРЖ КУТОН (1756—1794)
Гравюра Готье, рисунок Бонвиля

и сместить всех должностных лиц, обвиняемых в федерализме, враждебных единству и нераздельности республики. 23 августа Конвент издал декрет о массовом ополчении — очень важное постановление, значение которого для защиты республики было огромно.

Эти мероприятия дали возможность вести борьбу с контрреволюцией более эффективно. 25 августа республиканские войска вошли в Марсель. В октябре подчинился власти Конвента и Бордо.

Хотя ряд фактов июля — августа 1793 г. свидетельствовал о стремлении якобинцев пойти навстречу требованиям плебейских масс, однако борьба бешеных против якобинцев в августе 1793 г. еще более обострилась на почве разногласий по вопросам об отсрочке Конституции и о прерогативах Комитета общественного спасения. Бешеные настойчиво требовали проведения Конституции в жизнь. Усиление власти Комитета общественного спасения бешеные считали антиконституционным заговорщическим мероприятием. Робеспьер выступил 5 августа в Якобинском клубе против оппозиции бешеных. Нападая на Ру и Леклерка, он говорил: «Два человека, оплачиваемые врагами народа, унаследовали или полагают, что унаследовали, идеи писателя-патриота [имелся в виду Марат].

Но ожесточенность, с которой они клевещут, доказывает их злой умысел. Этих людей нам надо знать. Один из них священник, человек, известный своей преступной агитацией за истребление всех купцов и лавочников, так как они слишком дорого продают свои товары, за непризнание народом Конституции в виду ее несовершенства». Леклерк, прибывший, по мнению Робеспьера, в Париж из Лиона, где он работал рука об руку с Шалье, для того, чтобы «интриговать и клеветать на Конвент», «в настоящее время находится в сообщничестве с Ру». «Эти два человека, — продолжал Робеспьер, — заставляют народ поверить тому, что они — его новые друзья, более преданные, чем другие; они расточают величайшие похвалы умершему Марату, чтобы унизить патриотов живых...»

Арест Жака Ру и Варле

Выступление Робеспьера с его несправедливыми нападками ярко характеризует ожесточенность борьбы. Бешеные не оставались в долгу. Жак Ру вел усиленную агитацию против якобинцев и 19 августа пытался произвести нечто вроде переворота в своей секции. По свидетельству Революционного комитета секции Круа-Руж, ему удалось «сместить председателя, заставить выбрать себя на его место» и даже «произвести несколько незаконных и произвольных арестов». Немедленно по распоряжению Конвента в секцию были направлены комиссары для «восстановления порядка», а полицейские власти арестовали Жака Ру, предъявив ему ложное обвинение в растрате общественных сумм в бытность его казначеем Кордельерского клуба. Правда, отсутствие улик и заступничество секции Гравилье заставили полицию выпустить Жака Ру на поруки. Но 5 сентября он был снова арестован. Арест Жака Ру до некоторой степени уменьшил активность бешеных.

Но Жак Ру, даже находясь в тюрьме, продолжал издание своей газеты и вел против Конвента и Комитета самую ожесточенную кампанию. Бешеные выступили с требованиями немедленного проведения в жизнь новой Конституции, роспуска Конвента и ликвидации революционного правительства. Это указывало на некоторый поворот в тактике бешеных. С тех пор как введение Конституции было отсрочено, бешеные изменили к ней отношение и стали настаивать на проведении ее в жизнь.

Жак Ру писал: «Нельзя добиться уважения и любви к правительству путем террора», и напоминал в связи с террором о временах Нерона и Калигулы. «Наша революция завоюет весь мир другим путем, а не опрокидывая все, не сжигая все, не покрывая кровью Францию, не превращая ее в одну сплошную Бастилию... Обвинять людей за их дворянское происхождение — это значит воскресить фанатизм».

Несомненно, этот выпад против террора, противоречивший тому, что бешеные говорили раньше, не отражал настроений городских низов, следовавших за бешеными. Но отношение к террору Жака Ру разделялось в это время многими из людей, близких к бешеным по своим социальным симпатиям. Массы, напротив, требовали казни Марии-Антуанетты и Бриссо и ареста жен эмигрантов. Агитация Ру и Леклерка была тактической ошибкой, так как грозила поднять против якобинцев низы в такой момент, когда надо было напрячь все силы для борьбы с внешним врагом и когда только Конвент и якобинцы могли спасти революцию. Жак Ру бурно требовал немедленного вступления в силу Конституции, т. е. всеобщих выборов для переизбрания Конвента. «Еще несколько дней, — писал Жак Ру, — и с врагов свободы будут сорваны маски; мы увидим, засидятся ли они на своих местах, дали ли они нам прекрасную Конституцию только для того, чтобы на каждом шагу нарушать ее...» Жак Ру,

ПЬЕР-ГАСПАР (АНАКСАГОР) ШОМЕТ (1763—1794)

Гравюра Лерьена, рисунок Бонвиля

несомненно, рассчитывал на близкое выступление своих приверженцев и на их решительную победу на выборах.

Варле созывал делегатов секций для подписания петиции против декрета, отменявшего беспрерывность собрания секций. Этот декрет сокращал число собраний секций до двух в неделю и устанавливал вознаграждение в 40 су для неимущих граждан, посещающих общие собрания секций. 17 сентября Варле зачитал в Конвенте петицию большинства секций: «Вы хотите закрыть око народа, усыпить его бдительность... в момент, когда республика провозглашает себя в состоянии революции и мобилизует людей и оружие, в момент, когда она нуждается во всех услугах, которые могут оказать ей ее сыны». Варле требовал отмены вознаграждения в 40 су, как унизительной подачки. Ряд видных деятелей Конвента, в том числе и Робеспьер, обрушился на Варле. На другой день Комитет общественной безопасности издал приказ об его аресте.

Трагично закончилась жизнь вождя бешеных Жака Ру. Трибунал исправительной полиции Парижской коммуны обвинил его в «организации беспорядков и смут», «в проповеди насилия над людьми и собственностью и в унижении установленных властей». К этим политическим обвинениям было приплетено ложное обвинение в присвоении денежных средств. Дело Жака Ру было передано Революционному трибуналу. По условиям того времени его могло ожидать здесь только одно решение — гильотина. Не дожидаясь суда, Жак Ру в тюрьме покончил с собой (10 февраля 1794 г.).

Поражение бешеных отнюдь не прекратило революционной борьбы плебейских масс. Ее возглавили другие вожди, представители левых фракций якобинцев — Жак-Рене Эбер и Пьер-Гаспар Шомет.

Шомет и Эбер выражали интересы наименее обеспеченных полупролетарских слоев мелкой буржуазии. Осенью 1793 г. за ними шли также и рабочие. Требования Шомета, по существу, почти не отличались от требований бешеных. Как и бешеные, Шомет и его сторонники уделяли большое внимание социально-экономическим, в частности продовольственным, вопросам.

Эбертисты сосредоточивали свою агитацию, по преимуществу, на вопросах политических: они настаивали на ускорении делопроизводства Революционного трибунала и на создании «революционной армии».

Эбертисты протестовали также против того, что в Вандее дантонисты — комиссары Конвента — отстранили от командования эбертистского генерала Россиньоля, что некоторые комиссары создают затруднения агентам эбертистски настроенного военного министра Бушота, что бывшие дворяне все еще занимают видные посты в армии, в частности в штабах, и тормозят военные операции. Эбертисты зачастую совершенно правильно отмечали слабость и непоследовательность действий революционной власти. В Нанси,— говорили они,— патриоты подвергаются преследованиям. Комитет общественной безопасности также небезупречен: он покровительствует аристократам, бесконечно откладываются процессы королевы Марии-Антуанетты и нескольких десятков жирондистов, бывших депутатов Конвента. В некоторых парижских театрах даже ставятся пьесы, возбуждающие монархические настроения и симпатии к находящимся в заключении королеве и ее сыну или вызывающие сочувствие к Англии с ее правительством и аристократией — непримиримыми врагами революционной Франции.

Опасения эбертистов находили свое оправдание в отдельных выступлениях явно контрреволюционных элементов, препятствовавших массовому набору солдат и возбуждавших волнения в различных районах страны (департаменты Сены и Марны, Верхней Гаронны, Арьежа, Па-де-Кале, города Ренн, Аббевиль, Руан, Лан и др.). Эти выступления

и обострение продовольственного кризиса побуждали эбертистов с особой остротой ставить вопрос о беспощадном применении силы, о мерах террористического характера.

Движение 4—5 сентября. Усиление революционного террора

В начале сентября 1793 г. среди парижских пролетарских и полупролетарских масс, лишившихся в лице Ру своего популярного вождя, вновь началось брожение.

4 сентября Шомет доложил в Конвенте о волнениях, происходящих среди рабочих. «Сегодня утром, — говорил он, — часть рабочих, отправившись в мастерские, вызвала работавших там и собралась на бульварах близ воинского присутствия. Отсутствие хлеба и военный набор используются врагами республики, чтобы ввести в заблуждение народные массы».

В движении принимали участие строительные рабочие, слесари и каменщики. Волнующиеся массы жаловались на недостаток хлеба, а рабочие, кроме того, требовали повышения заработной платы.

Движение имело серьезный характер. Началось оно в Сент-Антуанском предместье, перекинулось в секции рабочих кварталов, причем секция Кенз-Вен потребовала, чтобы все секции послали в епископство комиссаров, наделенных неограниченными полномочиями, как это делалось 10 августа и 31 мая. Большая часть секций заседала до глубокой ночи, и одна из них — секция Санкюлотов — объявила себя в состоянии восстания против богатых.

Уже 4-го вечером толпа народа заполнила площадь, бульвары, городскую ратушу, где демонстранты организовали бюро.

Шомет и Эбер были среди демонстрантов. Они пытались овладеть движением и, поддерживая требования манифестантов, добиться того, чтобы дело ограничилось мирной петицией. Шомет был избран для выступления в Конвенте от имени демонстрантов. Он предложил потребовать у Конвента декрета об организации революционной армии и усиления террористических мероприятий. Предложения Шомета были приняты. Было решено направить адрес Конвенту с требованием немедленной организации революционной армии для борьбы с продовольственной разрухой и с эгоизмом богатых и скупщиков.

На следующий день, 5 сентября, произошло бурное заседание Конвента. Под влиянием требований и петиций, направленных в Конвент как участниками выше описанного события, так и солидарными с ними секциями, Конвент должен был поставить «террор в порядок дня».

Заседание открылось докладом Мерлена (депутата от г. Дуэ), предложившего, чтобы революционному суду, организованному еще в марте 1793 г., была предоставлена возможность творить суд с большей быстротой. Для этого Мерлен предлагал разбить трибунал на четыре секции, которые должны были действовать одновременно, а также увеличить количество судей и присяжных. Мера эта была сейчас же декретирована.

На заседание явились представители от 48 секций, а также депутация от Коммуны с петицией и с требованием организации революционной армии. Шомет зачитал свой адрес, составленный накануне. Этот адрес утверждал, что единственные виновники переживаемого голода — богачи и скупщики. Единственный метод борьбы с богачами — это террор. «Новые господа, — говорил Шомет, — не менее ужасные, не менее жадные, поднялись на развалинах феодализма. Они захватили собственность, принадлежавшую их старым господам, и продолжают двигаться по пути, проложенному преступлениями. Они овладели предметами первой необходимости. Враги народа, со словами свободы на устах,

останавливают движение жизни. Несмотря на ваши благодетельные законы, они закрывают житницы, они равнодушно подсчитывают, какой доход принесет неурожай, восстание или битва. Вы передаете административным управлениям ключ от житниц и адскую счетную книгу этих чудовищ. Но где та сильная рука, которая повернет этот фатальный для изменников ключ? Где то благородное существо, непоколебимое и недоступное для всех родов интриг и подкупа, которое разорвет листки этой книги, написанные кровью, и принесет смерть душителям?»

Шомет сурово осуждал нерешительность Конвента в борьбе с богачами и скупщиками, наживающимися на народной нужде. «Настал день суда и гнева, — продолжал он далее,— пусть сформируется революционная армия, пусть она ходит дозором по департаментам, пусть вступят в нее люди, желающие единой и нераздельной республики. Пусть за этой армией последует неподкупный и непоколебимый трибунал, орудие, одним ударом пресекающее заговоры, пусть на ее знаменах будет начертано: «Мир доброжелателям, война организаторам голода, покровительство слабым и война тиранам, торжество справедливости и гибель угнетению».

Кроме Шомета, выступили также представители от 48 секции Парижа и от Якобинского клуба. Требования их сводились к быстрому суду над арестованными жирондистами. «Спутники тирании, — говорил представитель от 48 секций,—жестокие островитяне, тигры Севера [идет речь об англичанах, захвативших Тулон], которые вносят опустошение в нашу страну, значительно менее опасны, чем те, которые вооружают нас один против другого; все друзья свободы видят, что проповедники федерализма не несут никакого наказания за свои преступления. В общественных местах республики с ненавистью говорят о преступлениях Бриссо. Его имя произносится с ужасом. Мы требуем, чтобы он был предан суду, так же как и его сообщники». Орудием открытой борьбы с врагами революции, по мнению представителя секций, должен быть террор: «Поставьте террор в порядок дня. Будем на страже революции, ибо контрреволюция царит в стане наших врагов». Должна быть организована «революционная армия» для изъятия излишков хлеба из деревень и отправки его в голодные города, в частности — в Париж.

Робеспьер в ответ на горячие речи Шомета, представителей секции и Якобинского клуба выступил очень сдержанно. Он сказал, что «Конвент примет во внимание их требования», и пригласил их к почетному присутствию на заседании. Очевидно Робеспьер не собирался ставить предложения секций и Коммуны на голосование и скоро даже покинул зал заседания. Конвенту, однако, пришлось пойти на уступки. На сторону требований, выдвинутых в петициях, встали видные представители якобинской партии, близкие к эбертистам Билло-Варенн и Бурдон. Билло-Варенн в своих речах 5 сентября оказался наиболее настойчивым сторонником решительных и срочных репрессивных мер, решительного удовлетворения всех требований Коммуны и секций. Он требовал немедленного ареста всех подозрительных лиц и организации «революционной армии»: «Военный министр должен немедленно представить план организации этой армии для того, чтобы сегодня же вечером республика была в состоянии отразить своих врагов, чтобы об этом декрете экстренно известили все департаменты и предоставили комиссарам, разосланным от первичных собраний, право принять все меры для борьбы с продовольственными затруднениями».

Леонар Бурдон определил полномочия «революционной армии». Ее задача — снабжать провиантом Париж и бороться с врагами свободы. Эту армию должен сопровождать Революционный трибунал, с правом творить скорый суд (в течение 24 часов).

Если и были в этом заседании слабые попытки внушить членам Конвента необходимость большей осторожности в террористических мероприятиях, то они выслушивались с явным недоброжелательством. Когда Сент-Андре сказал, что надо весь вопрос о репрессивных мерах передать в Комитет общественного спасения, то на это ему возразил Билло-Варенн, заявивший: «Надо действовать, надо действовать немедленно, я требую прекращения прений».

Обсуждение закончилось оглашением сводки всех петиций, внесенных за день. Сводку эту сделал Барер, официальный докладчик Комитета общественного спасения. «Только что происшедшее в Париже движение должно быть последним, — заявил Барер, — оно вызвало организацию революционной армии, которая выполнит великий лозунг, провозглашенный Коммуной Парижа: поставьте террор в порядок дня. Роялисты хотят крови, так дадим же им кровь заговорщиков — Бриссо и Марии-Антуанетты. Роялисты хотят разрушить труды Конвента, — заговорщики, Конвент разрушает ваши труды! Вы хотите погубить Гору, так Гора раздавит вас».

Конвент немедленно приступил к выработке новых декретов, признав в том же заседании необходимость введения всеобщего максимума, реорганизации Революционного трибунала и создания «революционной армии».

Разработка проекта организации «революционной армии» была закончена в течение нескольких дней. Армия должна была состоять из санкюлотов и включать в себя 6 тыс. пехотинцев и 1200 артиллеристов. 9 сентября был определен порядок набора в эту армию. Состав армии определялся революционными комитетами, а затем утверждался особой комиссией из департаментских и коммунальных властей. Командный состав утверждался Комитетом общественного спасения. Так была создана «революционная армия» для борьбы с виновными в укрывательстве товаров, и в различного рода спекуляциях, с теми, кто наживал большие капиталы, используя тяжелое положение молодой республики.

В результате движения 4—5 сентября эбертисты были привлечены к участию в правительстве. Уже 6 сентября Комитет общественного спасения пополнился близким к эбертистам Билло-Варенном и Колло-д'Эрбуа. Комитет вступил в более тесное общение с клубом Кордельеров, с секционными организациями, с революционными комитетами и с народными обществами.

Дантон отказался войти в состав обновленного Комитета. С некоторого времени он стал центром оппозиции и вызывал недоверие у большинства членов Комитета. Последний дантонист, состоявший в Комитете, Тюрио, 20 сентября вышел из состава Комитета. Обновлен был также и состав Комитета общественной безопасности. В него оказались избранными сторонники решительных террористических мероприятий — Вадье, Вулан, Амар и другие.

Закон 5 сентября против иностранцев и закон 17 сентября о подозрительных

5 сентября Конвент издал закон против иностранцев. Закон против иностранцев был предложен Леонаром Бурдоном и был мотивирован тем, что иностранные державы содержат во Франции массу агентов, которые ведут контрреволюционную пропаганду. Закон предписывал арестовывать всех иностранцев, уроженцев враждебных Франции государств, за исключением рабочих мануфактур и других предприятий, если подтверждалась их благонадежность двумя гражданами Коммуны; декрет не относился также к тем, кто «во время своего пребывания во Франции выказал преданность революции».

17 сентября был издан декрет о подозрительных, по которому подозрительными объявлялись все те, кто не докажет, чем живет и как исполняет свои обязанности, все лица, не получившие свидетельства о

гражданской благонадежности, государственные служащие, удаленные от должности Конвентом или комиссарами, а также лица, эмигрировавшие из Франции в период с 1 июля 1789 г. до издания закона 8 апреля 1792 г., бывшие дворяне, связанные с эмигрантами, лица, проявившие себя поведением или речами как враги свободы.

Все подозрительные должны были быть подвергнуты аресту, надзор за ними и права ареста были переданы секциям. Декреты о подозрительных и об иностранцах действительно терроризировали роялистов, священников и агентов контрреволюции, что и обеспечило успех защиты республики.

На ряду с перечисленными декретами в течение сентября 1793 г. Конвент принял целый ряд постановлений большого значения.

3 и 7 сентября был точно установлен порядок платежей по принудительному займу, ложившемуся прежде всего на состоятельных людей; 5 сентября были преданы суду бывшие жирондистские министры Клавьер и Лебрен; 8 сентября был наложен секвестр на иностранные банки во Франции; 11 сентября был окончательно определен в национальном масштабе максимум цен на зерновые продукты, 21-го был принят закон о мореплавании, в известной мере копировавший знаменитый английский навигационный акт 1651 г. и фактически сильно затруднявший импорт; 29-го был установлен общий максимум; 9 октября закон от 21 сентября был дополнен специальным запрещением ввоза во Францию английских товаров. В армии получил отставку и затем был арестован генерал Ушар, после чего в конце сентября во главе двух армий были поставлены талантливые молодые полководцы: Журдан — в северной и Пишегрю в рейнской армиях; в конце октября Гош получил назначение командующим мозельской армией. 25 сентября Конвент постановил предать суду Революционного трибунала королеву Марию-Антуанетту и двадцать одного бывшего депутата-жирондиста; 16 октября издан был декрет об аресте находящихся во Франции подданных воюющих с ней государств. Все эти разнообразные меры имели единую основную цель: укрепить революцию, сосредоточить полноту власти в руках правительства, которое официально провозглашено было постановлением Конвента от 10 октября «революционным до заключения мира»...

Процессы Марии-Антуанетты и жирондистов

В течение октября в Революционном трибунале были заслушаны процессы лиц, обвиняемых в контрреволюции. Одним из первых прошел процесс бывшей королевы Марии-Антуанетты. Обвинительное заключение по делу вдовы Людовика XVI указывало на изменническую политику королевской четы по отношению к французской нации, на организацию королем и королевой заговоров против народа. «Рассмотрение дел, представленных общественным обвинителем, приводит к заключению, что... за все время революции вдова Капет беспрерывно поддерживала преступные отношения и переписку с иностранными державами, наносящими вред Франции, а внутри республики — со своими тайными агентами, подкупленными ею..., что в разное время она всякими способами, какие она считала годными для достижения своих коварных целей, пыталась вызвать контрреволюцию». Мария-Антуанетта справедливо обвинялась в организации во дворце тайных сборищ контрреволюционеров и в интригах против Национальных Учредительного и Законодательного собраний, наконец, в организации побега в Варенн. Вдова Капет обвинялась также в организации в день 10 августа 1792 г. заговора, который не удался только благодаря «усилиям и необычайной храбрости патриотов». Смертный приговор Марии-Антуанетте был вынесен 16 октября 1793 г., и в тот же день она была казнена.

За процессом Марии-Антуанетты последовал процесс жирондистов, который начался 24 октября. Обвинительным актом против Жиронды была та тяжелая действительность, которую переживала Франция. Восстания, поднятые департаментами против Конвента, шпионаж, диверсии были в значительной степени делом рук жирондистов; в прошлом за ними была попытка спасти монархию; когда же это не удалось, они поставили ставку на спасение короля. По словам обвинительного заключения, жирондисты «были республиканцами при монархии и роялистами при республике».

Далее, жирондисты обвинялись в организации департаментской стражи и «Комиссии двенадцати» в целях подготовки уничтожения якобинцев и, наконец, в убийствах лучших вождей революции, завершившихся убийством Марата. В виду того, что процесс жирондистов сильно затягивался, 28 октября был издан декрет, упростивший судопроизводство в Революционном трибунале и ускоривший окончание процесса. 30 октября процесс был закончен, и все обвиняемые жирондисты — 21 человек — были приговорены к смертной казни.

Якобинская диктатура после сентябрьских дней все больше опиралась на мелкобуржуазные и плебейские массы; в поддержке масс она черпала свою силу.

Ленин, характеризуя этот важнейший этап французской буржуазной революции, писал, что в 1793—1794 гг. «Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты, ...учреждением, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем: «пролетариат и крестьянство». [1]

Якобинская диктатура нашла правильные пути руководства и нужных ей людей, приобрела гибкость, которая была так необходима в сложных условиях защиты республики от внешних врагов и раздирающей ее гражданской войны. Опасности, угрожавшие республике, продиктовали ей и методы руководства. Она стремилась к упорядочению того аппарата власти, который сложился в пылу революционной борьбы из обломков правительственного механизма, существовавшего еще до революции 10 августа, и тех новых учреждений, которые без системы и плана спешно создавались в ходе революции, в зависимости от обстоятельств.

Летом 1793 г. чрезвычайно повысилось активное участие секций Парижа и их влияние при обсуждении вопросов революции: 20—22 сентября в отдельных секциях Парижа начали функционировать благотворительные комитеты, ответвления центральной благотворительной комиссии, возникшей еще в апреле. Шомет выдвинул проект организации общественных работ, на которых должны были получать кусок хлеба неимущие. Комитеты ведали раздачей благотворительных пособий старикам, инвалидам, беременным и кормящим грудью женщинам, наконец, людям, обремененным семьей или попавшим во временные материальные затруднения; выдача пособий производилась еженедельно, после надлежащего обследования материального положения претендовавших на них лиц.

Еще в августе 1793 г. специальным постановлением Конвента было узаконено, что секции привлекают малоимущих граждан к работам по снабжению армии одеждой; шесть общественных мастерских, организованных с этой целью в Париже, получали от секций списки граждан, в первую очередь подлежавших привлечению к этим работам для обеспечения им средств к существованию. В конце августа Конвент предоставил секциям через избираемых ими комиссаров право надзора за рас-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. IX, стр. 217.

пределением работы между нуждающимися, причем увеличено было и количество раздаточных пунктов с целью избавить граждан от слишком далеких хождений за работой. Была создана целая система секционных мастерских, преимущественно в более бедных кварталах Парижа, причем секции обычно не получали прибыли от этих мастерских, мастерские должны были только окупать свои расходы. Эта система, правда, не вытеснила совершенно частных подрядчиков, поставлявших армии обмундирование, но несомненно она имела значение для малоимущих плебейских слоев парижского населения.

5 сентября 1793 г. Конвентом было проведено постановление о сокращении числа секционных собраний до двух в неделю, с оплатой их посещений в 40 су. Практически эта мера несколько сковывала политическую активность секций, и эбертисты, поэтому, против нее протестовали, но у них оставался способ парализовать отрицательные последствия постановления: организация секционных клубов, заседавших в дни, свободные от секционных заседаний, в помещениях секций и подготовлявших дела для решений секционных собраний.

Свыше двенадцати подобных секционных обществ возникло в Париже с 11 по 19 сентября 1793 г., т. е. в первые же дни после сокращения секционных собраний; иногда в одной секции возникало несколько клубов, которые позднее сливались.

Дошедший до нас регламент секционного общества Пуассоньер от декабря 1793 г. дает представление об организации подобных обществ и о той обстановке, в которой они функционировали. Общество избирало сроком на месяц председателя, переизбрание которого допускалось лишь после двухмесячного перерыва, вице-председателя, двух секретарей, двух инспекторов, контролировавших впуск в зал членов организации, двух цензоров, поддерживавших порядок в зале заседаний, казначея и архивариуса. Особая комиссия «представления и рассмотрения», в составе семи выборных членов, ведала непосредственно приемом в организацию новых лиц на основе рекомендации одного члена общества, поддержанной двумя другими; «административная» комиссия из пяти лиц распоряжалась денежными средствами организации; каждые три месяца производилось очищение состава организации от политически сомнительных элементов. Помещение общества было украшено бюстами мучеников свободы — Марата и Лепелетье, несколькими национальными флагами, фригийским колпаком и патриотическими надписями, весьма в то время распространенными: «Республика или смерть» и «Единство, неделимость республики; свобода, равенство, братство или смерть». С раннего утра открывалось заседание, и так изо дня в день в этих мелких, но часто проникнутых боевым революционным духом первичных организациях не прерывалась политическая жизнь, кипучая и страстная.

Оплата секционных заседаний и сокращение числа их не примирила секции, находившиеся под влиянием бешеных и эбертистов: так секция Прав человека вынесла под влиянием известного вождя бешеных Варле постановление об отказе от оплаты заседаний; в секциях Кенз-Вен, Общественного договора и Хлебного рынка раздавались голоса: «Мы бескорыстно делали революцию и мы будем и впредь действовать так же».

Усиление деятельности революционных комитетов в Париже

Закон о подозрительных усилил власть революционных комитетов. Они и ранее имели право ареста и выдачи свидетельств о благонадежности. Теперь же, по закону о подозрительных, им поручалось составление списков заподозренных и их арест. Вся Франция покрылась сетью революционных комитетов. Благодаря их бдительности многие враги революции и заговорщики всякого рода понесли

заслуженную кару. Революционные комитеты, в громадном большинстве состоявшие из представителей городской бедноты и рабочих, несмотря на всю их энергию, едва справлялись со своей задачей, так велико было количество лиц, совершавших преступления против революции. 18 октября 1793 г. Конвент издал постановление, которым он вменял в обязанность революционным комитетам объяснять арестованным точные причины их ареста. Все списки арестованных в течение трех дней должны были представляться Комитету общественной безопасности. Списки эти должны были сопровождаться объяснением причин всех арестов, имевших место до момента их представления.

Постановление о необходимости объяснения в каждом случае мотива ареста было предложено робеспьеристами. Оно показывает, что робеспьеристы держались более умеренных воззрений на террор, чем эбертисты. Однако в дальнейшем Робеспьеру пришлось потребовать отмены этого постановления, в виду опротестования его революционными комитетами. «Нравственное убеждение часто определяет те меры, какие направляются против этих людей, — говорилось в петиции, поступившей в Комитет общественной безопасности, — а потому было бы трудно изложить в протоколе мотивы их ареста. Кроме того, революционные комитеты, состоящие из санкюлотов, стали бы часто делать в редакции протоколов невольные ошибки, которыми пользовались бы контрреволюционеры для того, чтобы освобождаться от ареста». Робеспьер после протеста стал на сторону революционных комитетов. «Требование указания мотивов ареста, — говорит он, — лишило бы решимости... граждан, имеющих мужество подвергнуть себя всей злобе аристократии. ...Не время ослаблять народную энергию». Декрет был отменен 24 октября 1793 г.

ОРГАНЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Доклад Сен-Жюста и декрет об организации временного революционного правительства

10 октября Сен-Жюст выступил в Конвенте с большой речью, в которой он изложил новый план организации власти, своего рода революционную конституцию республики.

К этому времени Сен-Жюст являлся уже признанным и любимым вождем мелкой буржуазии и плебейских масс Парижа. Молодой, энергичный и решительный, прославленный своей революционной деятельностью, своими подлинно республиканскими взглядами, он был несомненно одним из лучших «представителей революционной силы», одним из лучших представителей «действительно революционного класса». [1] Во всей своей деятельности он был решительным борцом за единую и неделимую республику, против федералистов и их защитников. В своей речи 10 октября Сен-Жюст доказывал необходимость продлить существование временного правительства революционной Франции впредь до заключения мира и создать еще большую политическую централизацию. Сен-Жюст начал с чисто практического вопроса, каким образом выйти из затруднений, в которые попала в данный момент республика.

Республике угрожают федерализм, заговоры и голод. «Нельзя дольше щадить врагов нового строя: свобода должна победить какой угодно ценой... Нужно наказывать не только предателей, но и равнодушных; надо наказывать всякого, кто безразличен к республике и ничего не делает для нее». Сен-Жюст нарисовал картину чудовищных преступлений, связанных с продовольственными затруднениями республики и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 159.

ЛУИ-АНТУАН СЕН-ЖЮСТ (1767—1794)
Давид. Масло

мешающих борьбе с иностранной коалицией. Среди администрации господствуют измена и предательство; заведующие госпиталями снабжают мукой вандейских мятежников; администрация, призванная охранять законы, занимается казнокрадством; чиновники, обязанные выполнять закон о скупщиках, сами занимаются скупкой и т. д. «Всюду надо поместить меч рядом с возможным злоупотреблением». Управление должно быть построено на принципах самого строгого контроля над действиями властей, на самой неукоснительной бдительности.

Из этой характеристики положения республики Сен-Жюст делал ряд практических выводов в отношении организации власти. Чтобы добиться выполнения приказов Комитета общественного спасения, доказывал Сен-Жюст, надо под его надзор передать не только Исполнительный совет, как было до сих пор, но генералов, министров и все учреждения. Выборный принцип должен быть временно устранен, все органы исполнения и все чиновники должны назначаться Комитетом общественного спасения и подчиняться ему.

На основе принципов, изложенных в докладе Сен-Жюста, был создан известный закон 10 октября (19 вандемьера). Было постановлено, что временное правительство Франции «будет революционным до заключения мира». Временный Исполнительный совет, министры, генералы и все учреждения, как указывал закон, должны были подчиняться надзору Комитета общественного спасения. Этот же декрет отнимал у Исполнительного совета право назначать генералов. Их назначал сам Конвент по представлению Комитета общественного спасения. Так создалось революционное правительство, получившее характер «неограниченной, опирающейся на силу, а не на закон власти».[1] Эта власть, будучи отрицанием принципов буржуазной демократии, осуществляла революционную диктатуру, совершенно необходимую в обстановке напряженной борьбы с многочисленными внутренними и внешними врагами.

Сен-Жюст являлся сторонником революционного террора. Революционное правительство должно быть сильным, иначе оно не сможет осуществить те великие задачи, которые возложены на него. Сила должна быть направлена против врагов революции. Сен-Жюст подчеркивал в своих речах, что неправы те, кто обвиняет существующее правительство в насилиях. Он рисовал картину белого террора монархического режима в дореволюционной Франции и Европе и показывал, что в сравнении с ним террор французской революции очень снисходителен. В «Докладе об арестованных» Сен-Жюст утверждал: «Можно считать доказанным, что сильная власть может быть создана только в борьбе, что только мечом укрепляется свобода».

Революционное правительство опиралось, как говорил Ленин, «на вооружение массы, на восстание, а не на те или иные «легальные», «мирным путем» созданные учреждения».[2] Вооруженные массы санкюлотов, многочисленные организации секций Парижа, революционные комитеты и народные общества как Парижа, так и отдельных округов — такова была опора революционного правительства.

Закон 10 октября (19 вандемьера) был в дальнейшем дополнен и развит декретом 4 декабря (14 фримера), изданным на основе доклада Робеспьера «О принципах революционного правительства». Декрет 4 декабря точно определил компетенцию установленных властей и подчеркнул преобладающую роль Комитета общественного спасения. Компетенция последнего была значительно расширена. Когда в дальнейшем, 1 апреля

[1] В. И. Ленин. Соч., т. IX, стр. 95.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 62.

1794 г. (12 жерминаля), Исполнительный совет был заменен 12 исполнительными комиссиями, то и эти комиссии были подчинены Комитету общественного спасения. Так постепенно складывалась власть Комитета — органа, игравшего исключительную роль и сочетавшего в себе исполнительную власть и контроль над проведением постановлений Конвента.

Деятельность Комитета общественного спасения

Кратковременное существование второго Комитета (с июля 1793 г. по июль 1794 г.) было наполнено кипучей деятельностью, требовавшей от его членов исключительного напряжения. Эро-де-Сешель писал: «Я тороплюсь жить, я хочу в один день прожить десять лет». «В наши расчеты не входят преимущества долгой жизни», — говорил Робеспьер. Если Конвент за три года издал 11 200 декретов, то Комитет общественного спасения за несколько месяцев принял 8 тыс. постановлений. Ежедневно Комитет общественного спасения рассматривал 400—500 дел. Для выполнения этой огромной работы он был разделен на шесть секций, по два члена Комитета в каждой.

Комитет непрерывно укреплял свой авторитет, объединяя в своих руках всю полноту власти. Он подчинил себе и Парижскую коммуну и Якобинский клуб. Комитет заставил Коммуну уважать декреты Конвента, отказаться от посылки своих комиссаров в армию и в департаменты и от арестов государственных служащих без разрешения Комитета общественной безопасности. Что касается Якобинского клуба, то он пытался оспаривать власть Комитета общественного спасения, давал ему советы, почти приказания. Но и с этим сопротивлением Комитет справился. 13 сентября Конвент постановил, что переизбрание его комитетов, в том числе Комитета общественной безопасности, должно производиться по спискам, представленным Комитетом общественного спасения. Благодаря этому состав всех комитетов Конвента фактически определялся Комитетом общественного спасения, что очень увеличивало его значение.

Хотя формально финансы и юстиция оставались в ведении Конвента и были вне сферы действий Комитета общественного спасения, но, по существу, Комитет имел неограниченные кредитные возможности, юстиция косвенным образом была также в его руках. Только такая централизованная власть действительно способна была нанести сокрушительный удар как внешним, так и внутренним врагам революции, совершить то дело, память о котором хранит история.

«Необходимо было вооружить и снарядить полмиллиона человек. В целях снабжения армии Комитет общественного спасения реквизировал сырье, заводы, мобилизовал ученых и рабочих... Нехватало обуви, были мобилизованы сапожники, и их обязали сдавать для армии определенное количество пар обуви в декаду. Для того, чтобы экономить кожу, гражданскому населению было предложено носить деревянные башмаки. Для надобностей флота, которому нехватало канатов, были реквизированы веревки от колоколов». Весь коммерческий флот был реквизирован для военных целей. Иностранная валюта была конфискована. Биржа была закрыта. Финансовые общества упразднены. Курс размена определялся декретом. Необходимо было кормить громадные армии, продвигавшиеся к границам, массу рабочих, мобилизованных для военных заводов, и все городское население, в целом часто рисковавшее оказаться совершенно без хлеба.

Комитетом производились также общественные работы по строительству мостов, шоссе, каналов, портов, укреплений, государственных зданий.

Уделяя главное внимание вопросам национальной обороны, Комитет должен был серьезно заняться вопросами флота. К моменту наиболее

напряженной борьбы с силами коалиции французский флот был в состоянии дезорганизации. Морское командование в большинстве своем было враждебно настроено к новому порядку вещей и саботировало дело борьбы Франции с иноземным нашествием. Разложение во флоте привело к восстанию в Рошфоре, Шербурге, а также в двух наиболее важных портах — Бресте и Тулоне.

В феврале — марте 1793 г. в коалицию против Франции вступил ряд морских держав. Это означало борьбу с первоклассными морскими силами. Во французском флоте в этот момент было 66 военных судов, а в одной лишь Англии их было 158. В Комитете один лишь Жанбон-Сент-Андре понимал морское дело, и ему оно было поручено. Однако и он, несмотря на свои способности, активность и организационный талант, не мог заменить собой необходимых специалистов. Сначала его действия носили осторожный характер. Он старался не нарушать резко старых порядков во флоте, но позорная измена контр-адмирала Трогофа и сдача Тулона англичанам заставили Сент-Андре занять более решительную позицию.

Он объявил Трогофа вне закона, начал проверку офицерского состава флота и провел ряд других мероприятий по оздоровлению флота. В виду того, что французский флот в Тулоне был почти весь уничтожен, Комитет общественного спасения принял меры к восстановлению разрушенного флота. Он отпустил для этой цели 100 млн. и разрешил реквизицию всего необходимого для строительства и снабжения флота. Благодаря деятельности Комитета, была также проведена реконструкция средиземноморской, океанской и брестской эскадр.

Комитет общественного спасения пытался наладить дипломатические отношения с главнейшими европейскими государствами и обеспечить доброжелательный нейтралитет второстепенных держав. Однако было невозможно расстроить планы коалиции дипломатическим путем. Только военная победа Франция могла создать условия для переговоров революционного правительства с многочисленными врагами. В тот период борьбы, по выражению Барера возможна была «только лишь дипломатия пушек и побед».

Основная программа и цель внешней политики революционного правительства заключались в том, чтобы, противопоставив великим державам сильную армию, привлечь на свою сторону нейтральные страны, а главное — воодушевить революционным энтузиазмом и верой в будущее народные массы европейских государств.

«Весь мир заинтересован в нашем существовании, — говорил Робеспьер. — Пусть вся Европа восстанет против нас — мы сильнее всей Европы. Французская республика непобедима, как разум, бессмертна, как истина».

Однако Комитет общественного спасения не избегал вовсе дипломатической деятельности. Конвент поручил ему изыскать средства к укреплению дружбы и связи между республикой и ее возможными союзниками, а именно швейцарскими кантонами и Соединенными Штатами. Комитет предпочитал, конечно, иметь дело с республиками, а не с монархиями. Барер заявил как-то в Конвенте, что королей нужно бить. Однако, чтобы бить одних королей, приходилось прибегать к помощи других или, по крайней мере, заручиться их нейтралитетом.

Результаты этой дипломатической деятельности были ничтожны. Ни один монарх открыто не принимал представителя Французской республики, а если некоторые второстепенные державы принимали их, то в качестве агентов правительства de facto, а не de jure. Но Комитет общественного спасения был прекрасно осведомлен обо всем, что его интересовало

в Европе. У него было около 20 тайных агентов во вражеских государствах: Дикель в Лондоне, Пробст в Нюрнберге, Парандье в Лейпциге и др. Главным информационным пунктом была Швейцария, где находился самый ценный французский агент — Бартелеми.

Комитет общественной безопасности

Комитет общественной безопасности был организован в первые дни работы Конвента и был органом, которому была поручена борьба с внутренней контрреволюцией. В момент своей организации он состоял из 30 членов, в дальнейшем, с увеличением функций и с усложнением задач Комитета, его состав был увеличен вдвое.

Декрет об организации Комитета общественной безопасности (2 октября 1792 г.) формулировал задачи Комитета в самой общей форме: наблюдение за врагами «общественного дела», арест их, выявление и арест шпионов.

В дальнейшем, в связи с обострением классовой борьбы, гражданской войной и нашествием коалиции, функции Комитета общественной безопасности были значительно расширены. Основной задачей его стала борьба с монархической, жирондистской и федералистской контрреволюцией, шпионажем и диверсией, борьба с многообразной спекуляцией, с нарушением закона о максимуме и т. д. Комитет общественной безопасности работал в тесном сотрудничестве и контакте с Комитетом общественного спасения. Летом 1793 г., в разгар жирондистской контрреволюции, Конвент по докладу Лакруа (26 июля 1793 г.) декретировал право Комитета общественного спасения производить аресты, однако это постановление не умалило значения Комитета общественной безопасности: попрежнему борьба с контрреволюцией входила в его компетенцию и была единственной и основной его обязанностью. Комитеты заседали иногда совместно, сообща обсуждали особо важные вопросы и принимали общие решения. Так было с целым рядом приказов об аресте, изданных в начале 1794 г. и подписанных обоими Комитетами. В период перед 9 термидора в Комитете общественной безопасности сформировалась оппозиция Робеспьеру, и его отношения с Комитетом общественного спасения обострились.

Комитет общественной безопасности брал на себя иногда инициативу некоторых мероприятий государственного масштаба. Так, например, он декретировал отправку 41 жирондиста в Революционный трибунал, произвел арест 75 других депутатов по докладу Амара от 3 октября 1793 г. Часто член Комитета общественной безопасности выступал докладчиком от обоих Комитетов, как было по делу Шабо, Фабр-д'Эглантина и т. п. Так Комитет общественной безопасности в этот период сделался ревностным помощником главного и руководящего органа власти — Комитета общественного спасения.

Главными агентами, самыми ценными помощниками Комитета общественной безопасности, были революционные комитеты, которые в Париже и на местах ведали борьбой с контрреволюцией. При помощи революционных комитетов Комитет общественной безопасности распространял свое влияние на периферию.

Если молодой Французской республике удалось справиться с огромной задачей спасения республики от внутренней и внешней опасности, то большая заслуга в этом принадлежит интенсивной и бесперебойной деятельности Комитета общественной безопасности.

Революционный трибунал

Судебные функции по делам политического характера, как в Париже, так и на местах, были возложены на Революционный трибунал. Созданный 17 августа 1792 г. Чрезвычайный уголовный трибунал был реорганизован 9 марта 1793 г. и получил право суда над нарушителями законов республики, без права апелляции и кассации.

В основу деятельности Революционного трибунала был положен принцип революционной целесообразности; но трибунал учитывал и социальное происхождение. Принадлежность к господствовавшим ранее классам играла решающую роль в судьбе обвиняемых. Знатные люди за малейшее преступление отправлялись на гильотину. Если обвиняемые были ремесленниками или рабочими, революционный суд имел право смягчать наказание. Однако в силу условий революционного времени трибунал должен был часто отступать от этого принципа и карать со всей беспощадностью преступников, независимо от их социального происхождения.

Квалификация преступлений, с которыми приходилось бороться революционному суду, определялась задачами защиты республики от внешних и внутренних опасностей. Франция была со всех сторон — с суши и с моря — окружена армиями враждебных революции государств, которым помогали эмигранты и которые имели свою агентуру внутри страны в лице бывшей знати. Шпионаж, сношения с неприятелем, с эмигрантами и агентами их во Франции карались трибуналом. Борьба с преступлениями, подрывавшими боеспособность армии, в частности, с недобросовестными поставками, расстройством боевого снабжения армии и ее продовольствия, также входила в сферу его деятельности.

Тяжелое финансовое и экономическое положение вызвало ряд чрезвычайных мер для спасения страны от голода и разрухи. Такими чрезвычайными мерами являлись: декрет о конфискации золотых монет и золотых и серебряных вещей, а также об изъятии ассигнатов с изображением короля. К ним же относились также и закон о максимуме и законы против барышничества.

Преступления против этих декретов были особенно многочисленны. Ажиотаж, спекуляция, сокрытие ценностей, припрятывание продовольствия и других предметов первой необходимости и продажа их по повышенным ценам — все это составляет главную массу преступлений, которыми занимался Революционный трибунал.

В этой области революционному суду приходилось иногда иметь дело с крупными хищниками, такими, как, например, неуловимый барон Батц, создавший широко разветвленную организацию для шпионажа и темных финансовых афер и имевший своих агентов во всех военных и гражданских учреждениях республики. В эту организацию, на ряду с бывшими аристократами и крупной буржуазией, входили также и представители мелкой буржуазии.

Революция до основания потрясла весь экономический строй, разрушила все основы старого феодального хозяйства. Значительная часть мелкобуржуазного городского населения, выбитая из своих привычных позиций, обратилась к новым источникам наживы — военным поставкам, спекуляции и ажиотажу. Вот почему Революционный трибунал зачастую карал эту «мелкоту». Надо иметь в виду, что для этой мелкоты была совершенно не характерна прежняя основная профессия мелких торговцев и мелких ремесленников. Это была, в сущности, новая буржуазия, выросшая на почве легкой наживы, созданной условиями военного времени и экономической разрухи.

Комиссары Конвента

Политику Комитета общественного спасения на местах осуществляли подотчетные ему «депутаты в миссии», называвшиеся комиссарами Конвента. Первоначально направление комиссаров на места практиковалось в виде исключительной меры, но вследствие затянувшейся как внешней, так и внутренней борьбы это мероприятие стало носить постоянный характер. 9 марта 1793 г. Конвент декретировал направление в каждый из департаментов

комиссаров из числа своих членов для контроля над деятельностью местных властей и для установления порядка.

В силу этого декрета комиссары Конвента получили право отрешения чиновников от должностей, ареста подозрительных лиц, проверки продовольственных запасов и пр. На основании декрета от 16 мая администрация департаментов обязывалась выполнять все постановления комиссаров, декретом же от 17 июля их постановления приобретали силу временных законов. 11 сентября 1793 г. Исполнительному совету было предоставлено право посылать своих уполномоченных в департаменты и армии. Фактически это означало, что посылку комиссаров сосредоточил в своих руках Комитет общественного спасения, ибо Исполнительный совет был его послушным орудием. О роли комиссаров в армии говорится в другом месте. Здесь необходимо только указать, что эти миссии на фронте сыграли колоссальную роль в деле освобождения Франции от коалиционных войск.

Основной задачей комиссаров Конвента на местах, в департаментах, была борьба с федералистским движением. После разгрома федералистов комиссары производили чистку местной администрации, выборы новых муниципалитетов из патриотов и санкюлотов. Все это комиссары осуществляли с помощью народных обществ и революционных комитетов. Таким образом, им удавалось подчинить местную администрацию распоряжениям центральной революционной власти при помощи хорошо подобранных исполнителей.

Преданные революции и понимавшие задачи Конвента комиссары способствовали согласованности действий центральных и местных органов власти и придавали власти ту гибкость, которая позволяла Конвенту руководить всей Францией. Комиссары были лучшими проводниками революционной диктатуры на местах.

Революционные комитеты на местах

Громадную помощь оказывали органам центральной власти революционные и наблюдательные комитеты в провинции.

Это были организации, проводившие на местах директивы Конвента. Они мобилизовали общественное мнение, выдвигали подлинных патриотов республики, выявляли контрреволюционеров.

Революционным комитетам приходилось сосредоточивать у себя всю полноту власти на местах, совмещать в себе самые разнообразные функции, главными из которых была борьба с контрреволюцией, с федерализмом, с происками агентов иностранных держав и аристократов и т. п.

21 мая 1793 г. декретом Конвента было установлено, что в каждой коммуне или секции коммуны должен быть избран комитет из 12 членов. Бывшие дворяне и духовенство лишались права избрания в эти комитеты. Обязанностью комитетов было наблюдение за благонадежностью иностранцев, проживающих в данном департаменте, подданных тех стран, с которыми республике приходилось вести войну.

Эти комитеты были сначала названы наблюдательными. В сентябре 1793 г. они подверглись реорганизации: согласно декрету 5 сентября 1793 г. членам революционного комитета было назначено определенное жалование; по декрету 17 сентября 1793 г. на комитеты была возложена обязанность составлять списки подозрительных, издавать приказы об их аресте и опечатывать их бумаги. В распоряжение комитетов была предоставлена вооруженная сила. С этого момента они стали называться революционными комитетами.

«Если вандейскому восстанию не удалось слиться с чужеземным нашествием, если роялистский мятеж не распространился настолько, чтобы оказать помощь австрийской, английской и испанской армиям, то этим

Франция обязана в известной степени революционным комитетам», — правильно отмечает историк Олар.

В течение некоторого периода революционные комитеты были аренои партийной борьбы, отражавшей столкновение основных сил французскои революции. После революции 31 мая — 2 июня нередки были случаи, когда жирондисты делали очагом своей деятельности тот или иной революционный комитет провинции. Однако обычно Конвенту удавалось парализовать происки жирондистов и направить деятельность революционных комитетов по нужному руслу.

Чрезвычайно интересны материалы, рисующие жизнь и деятельность революционного комитета в Нанси. Эти материалы особенно важны потому, что Нанси в начале 1793 г. был центром аристократии и очагом контрреволюции.

Муниципальная власть в Нанси, не дождавшись приезда представителей Конвента, создала в марте 1793 г. Бюро общей безопасности, с функциями, которые закон 21 марта 1793 г. возлагал на революционные комитеты. По инициативе комиссаров Конвента Антуана и Левассера был организован наблюдательный комитет. Этот комитет очень часто переизбирался, но в сентябре 1793 г. комиссар Конвента Фор создал новый революционный комитет, составленный, в отличие от предыдущих, из одних только санкюлотов, — рабочих, мелких ремесленников. Некоторые члены этого комитета играли в Нанси большую роль. Это были: переплетчик Кейон, сапожник Тиссеро и др. Эти люди выдвинулись на руководящие посты, управляли не только городом, но и всем департаментом.

Комитет занимался не только борьбой с контрреволюциеи, он играл активную роль во всех мероприятиях, способствовавших успеху революции: в изъятии церковных ценностей, в борьбе с дезертирством, в конфискации золота и серебра. Комитет стремился к усилению влияния плебейских масс во всех органах управления, и часто ему это удавалось.

Позднее, после 9 термидора, комитет героически протестовал против ареста Робеспьера и организовал в связи с переворотом 9 термидора манифестацию протеста.

На ряду с основной своей деятельностью комитет Нанси принимал деятельное участие в кампаниях по сбору налогов и по снабжению армии всеми необходимыми предметами, многое сделал для смягчения очень острого продовольственного кризиса в Нанси. Ему приходилось подчас усмирять голодные бунты. Комитет, состоявший из представителеи рабочих и мелкой буржуазии, в течение шести месяцев осуществлял власть плебейских масс, которые в Нанси были хозяевами положения и при помощи комитета управляли городом.

Не менее интересна жизнь революционного комитета в дистрикте Грасс. И здесь революционный комитет в течение некоторого времени был основным органом революционного правительства и также не ограничивал своей деятельности только борьбой с контрреволюцией.

Комитет действовал в Грассе все время в тесном контакте с комитетами других городов. В архивах найдена переписка комитета Грасса с комитетами Ниццы, Марселя, Авиньона, Нарбонна и др. Он переписывался также с Комитетом безопасности, с народными обществами и т. д. Комитет занимался вопросами снабжения, распределял среди бедноты суммы, отпущенные Коммуной, согласно закону 1 февраля 1794 г. (13 плювиоза II года) и, наконец, провел, по требованию представителей Конвента, мобилизацию всех граждан от 18 до 25 лет.

Революционный комитет в Каннах занимался выдачей свидетельств цивизма, рекрутировал солдат в армию, заботился о том, чтобы плодородные земли не оставались незасеянными, и энергично боролся против контрреволюционных заговоров.

Революционным комитетом Грасса руководили комиссары Конвента при армии — Рикард и Робеспьер-младший. Эти военные комиссары определили состав комитета. Грасскому комитету приходилось бороться с контрреволюционными обществами, в числе которых было «Общество художников», состоявшее из пятидесяти членов и субсидировавшееся крупной буржуазией. Общество вело активную пропаганду в деревнях, оказывало сопротивление республиканским властям, дискредитировало законы Национального конвента и т. д. В результате энергичной работы комитета контрреволюционное общество было ликвидировано. Все члены этого «Общества художников» были объявлены подозрительными и после произведенного обыска и следствия арестованы.

Количество арестованных комитетом Грасса сравнительно не велико — оно не превышало 70 человек. Некоторые из них были арестованы по обвинению в оскорблении женщин-патриоток и в произнесении контрреволюционных речей, в распространении клеветы о деятельности Конвента; были среди них спекулянты, сторонники федералистов, покровители неприсягнувших священников, сообщники эмигрантов и пр. Революционный комитет на ряду с этим занимался вопросами продовольствия и вербовкой солдат для армии.

Изучение деятельности революционных комитетов показывает нам скромных революционеров, которые вдали от центральной власти, а зачастую помимо нее, проводили большую работу по организации революционных сил, охраняли границы Франции от покушений врагов, стойко стояли на страже завоеваний революции.

Картину самоотверженной борьбы представляет деятельность революционного комитета в Даксе, где было сильное федералистское движение. Революционный комитет был организован там в период репрессий; его задачей была ликвидация остатков федералистов. Сюда был направлен представитель Конвента Пине. Положение в Даксе было угрожающим, потому что Дакс был центром аристократов, которые подчас перекрашивались под санкюлотов. Комиссары Конвента при содействии революционного комитета вели решительную борьбу с контрреволюцией и вынуждены были иногда прибегать к террору, неизбежному в тех условиях.

Не менее опасным центром контрреволюции был Шалосс (деп. Ланды). Представители Конвента считали Шалосс маленькой Вандеей. В одном из найденных документов говорится о надеждах контрреволюционеров на скорый приход испанцев. Чрезвычайная комиссия революционного комитета напала на следы заговора. На основании этого в Сен-Севере было гильотинировано 22 человека и арестовано 80 дворян.

Не менее активным был революционный комитет в северном приморском городе Дьеппе. В 1793 г. Дьепп управлялся революционным комитетом, состоявшим из двух секций. Деятельность революционного комитета выражалась в выдаче свидетельств цивизма и в изобличении подозрительных. Конвент все время относился с большим недоверием к секциям комитета, обвиняя их в недостаточной революционности, модерантизме, бриссотизме и федерализме. В конце концов, Конвент распустил секции и создал новый революционный комитет из настоящих санкюлотов. Этот революционный комитет был ответственен только перед представителями Конвента — Лежандром и Делакруа. Административные и судебные власти не имели права вмешиваться в его постановления. Комитету

приходилось здесь бороться с теми же преступлениями, какие мы встречали и в других местах: сопротивление неприсягнувших священников, оскорбления по адресу депутатов Конвента. Между революционным комитетом и парижскими властями все время шла переписка, причем комитет Дьеппа сообщал, что в Дьеппе появились контрреволюционеры, замышляющие повторение Вандеи, и что ему приходится принимать спешные меры для обеспечения безопасности республики.

Революционный комитет г. Туля оказал огромные услуги стране во время массового набора в армию. Он набирал, одевал, снабжал, вооружал и оплачивал добровольцев, которые уходили на фронт.

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА ДЕПАРТАМЕНТА ВАР

Музей Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

Революционные комитеты, предоставленные подчас самим себе, боролись в очень тяжелых условиях. Революционные комитеты мобилизовали плебейские массы, подлинных санкюлотов. Обязанности комитетов были так многообразны, им приходилось так расширять свои функции, что они иногда становились единственным органом революционной власти в районе своего действия.

Народные общества на местах

На ряду с революционными комитетами на периферии играли большую роль народные общества. Если революционные комитеты были правительственными органами, то народные общества были организациями общественными, находившимися под идейным руководством Якобинского клуба. 13 сентября народным обществам предоставлено было особым декретом право сообщать Комитету общественного спасения обо всех недобросовестных или подозрительных чиновниках, в особенности о чиновниках по снабжению армии; тем самым якобинские организации на местах становились как бы официальным орудием государственной власти.

Народные общества в отдельных провинциях играли огромную роль при проведении мероприятий революционного правительства. Изучение роли отдельных народных обществ дает в этом отношении поучительный материал.

Примером может служить народное общество г. Монпазье. После событий 31 мая общество одобрило все мероприятия Конвента. Постепенно из членов общества выделилась наиболее революционно-настроенная группа, резко враждебная модерантизму. С осени 1793 г. в обществе преобладали истинные санкюлоты, ярые защитники свободы, равенства, братства и единой и неделимой республики. Количество членов общества увеличилось и стало более однородным. После тщательной чистки оно приняло название Республиканского общества Монпазье.

В наиболее острые моменты борьбы республики с ее многочисленными врагами эти общества приходят на помощь депутатам Конвента, информируют их о состоянии провинций, разоблачают враждебные элементы в администрации, выдвигают взамен их новых, преданных революции людей из плебейских масс и подготовляют общественное мнение к проведению мероприятий правительства. На ряду с этим, общества принимают активное участие в снабжении армии, выявляя припрятанные материалы, собирая пожертвования и участвуя в заготовках.

Нередко народные общества брали на себя заботу о семьях защитников родины. Покидая семью для армии, солдат был спокоен за свою землю, которая будет обработана без него. Он знал также, что в случае его смерти о его близких позаботятся, и его дети станут приемными детьми родины. Общество того или иного дистрикта или города распространяло свое влияние за пределы данного пункта, связывалось с сельскими коммунами, где оно также вело агитационную работу.

Связь обществ с Якобинским клубом осуществлялась не непосредственно, а через провинциальные клубы, объединявшие народные общества департамента. Хотя и нельзя утверждать, что провинциальные клубы подчинялись парижскому, а общества дистриктов — департаментскому, но все же известная нерегламентированная иерархия существовала, и влияние более крупных клубов на мелкие несомненно имело место. В середине 1793 г. нередко даже организовывались департаментские и междудепартаментские съезды обществ. Но по декрету 4 декабря 1793 г. (14 фримера II года) эти съезды были запрещены, так как революционное правительство считало их опасными для единства и неделимости республики. Секции, революционные комитеты, народные общества были теми организациями, которые давали революционной демократии возможность проявить свою политическую активность.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин уделяли большое внимание организации власти якобинцев, роли революционного правительства, они придавали большое значение политической централизации, установленной якобинской диктатурой; но они подчеркивали в то же время, что революционное правительство дало возможность проявить политическую активность всей революционной демократии, которая осуществляла свою власть, сорганизовавшись в секции, революционные комитеты и народные общества.

Яркую характеристику деятельности якобинцев и Конвента дал Ленин: «Чтобы быть Конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контрреволюции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса. Для этого надо, чтобы он был поддержан всей массой городской и деревенской бедноты (полупролетариев)». [1]

Период якобинской диктатуры был высшей фазой в истории французской революции. Якобинцы были тесно связаны с народными массами и под напором масс применяли «плебейские» методы не только в борьбе с силами старого феодального общества, но и в борьбе с отшатнувшейся от революции крупной буржуазией. Именно поэтому только якобинская диктатура, только революционное правительство смогли провести необходимую для торжества революции реорганизацию армии и уничтожить без остатка феодальную эксплоатацию крестьян.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 51.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ

Состояние французской армии накануне ее реорганизации

В течение 1791—1792 гг. во Франции на ряду с регулярными полками и национальной гвардией был создан еще новый вид войска — добровольческие батальоны. В августе 1791 г. Учредительное собрание издало декрет о формировании этих новых военных частей, игравших впоследствии большую роль. «Национальные батальоны волонтеров» набирались в предвидении внешней опасности и имели иное назначение, чем национальная гвардия. В то время как последняя должна была оставаться на местах, чтобы «поддерживать порядок и защищать свободу и внутренний мир», батальоны волонтеров, так же как и линейные войска, предназначались для защиты государства в случае войны. Организационная структура этих новых военных частей была сходной с организационной структурой национальной гвардии. Командный состав этих батальонов был выборным, так же как и в национальной гвардии. Волонтер заключал контракт на один год, по истечении которого он мог уйти в отставку, предупредив об этом свое начальство за два месяца до срока. Согласно декретам 3 февраля и 4 апреля 1792 г., департаментам, формировавшим батальоны, предписывалось снабжать их обмундированием. Для этой цели военное министерство выдавало департаментам денежные авансы. Как и солдаты регулярной армии, волонтеры получали жалование. В виду падения курса бумажных денег, которыми военное министерство выплачивало авансы департаментским властям, при постоянной задержке этих авансов снабжение добровольческих батальонов было с самого начала в высшей степени неудовлетворительным. В январе 1792 г. в Законодательное собрание стали поступать сведения о тяжелом положении волонтеров. «Наши волонтеры нуждаются решительно во всем, — писал один из командиров. — Многие из них не имеют другого белья, кроме того, что на них надето».

Однако эти плохо снабженные и плохо обученные военные части были ядром новой армии революции. Они являлись настоящим детищем революции. Их командный состав выбирался из их же среды и пополнялся лицами, выдвинутыми народными массами.

Прилив добровольцев принял массовый характер. Некоторые департаменты обращались за разрешением сформировать большее количество добровольческих батальонов, чем было предложено вначале. Лица с физическими недостатками просили разрешить им вступление в ряды армии. Первоначально предполагалось, что в добровольческих батальонах, как и в национальной гвардии, будут служить только «активные» граждане и их сыновья, но вскоре власти были вынуждены отказаться от этого разграничения. «Пассивные», т. е. малоимущие, патриоты возмущались тем, что им разрешается служить лишь в линейных частях в качестве наемников и профессиональных солдат; они требовали, чтобы им был открыт доступ в добровольческие батальоны. Они заполняли бюро, где производилась запись, и требовали включения их в списки. Так, против воли буржуазных законодателей, которые боялись вооруженного народа, вырастали новые кадры революционной армии, состоявшие в значительной части из плебейских элементов.

С начала войны во Франции стали распространяться многочисленные контрреволюционные агитационные листки. При попустительстве Законодательного собрания и влиятельных жирондистских кругов агенты Кобленца открыто вели свою пропаганду в армии. Они сеяли панику, призывали к дезертирству, заявляя, что подлинная французская армия находится не во Франции, а в Кобленце. Но в солдатской массе эта контрре-

волюционная агитация производила эффект как раз обратный тому, на который она была рассчитана: она вызывала недоверие и озлобление против короля и аристократов и патриотический энтузиазм народа.

Объявив войну, Франция не была к ней готова. Армия, в течение двух лет переживавшая жесточайший внутренний кризис, должна была в боевой обстановке найти новые организационные формы. Численный состав армии был недостаточен. По заявлению военного министерства, в линейной, как тогда говорили, армии нехватало более 50 тыс. человек, и никак не удавалось пополнить ее до необходимой нормы регулярными наборами. Спустя три месяца после начала войны в армии было 82 тыс. человек, не считая личного состава гарнизонов.

Армии нехватало около 2500 офицеров, т. е. около трети требующегося числа; их так и не успели набрать к началу войны. Лучшими частями оставались артиллерийские и инженерные войска: в этих частях почти не наблюдалось ни бегства офицеров, ни их изгнания солдатами.

Влияние на армию первых неудач на фронте

Вместо победоносного наступления, война началась отступлением и дезорганизацией. Характерно, что в условиях отступления панике поддавались одинаково и линейные войска и батальоны волонтеров. Рошамбо подал в отставку, заявив, что не может командовать армией, в которой солдаты не доверяют командирам. Вслед за Рошамбо собирались подать в отставку многие из представителей высшего командного состава, считавшие, в духе традиций старого времени, что война является профессиональным занятием офицера, которому он может посвящать себя по своему усмотрению. Но совершенно иначе смотрела на это дело новая, революционная Франция. Левая Законодательного собрания и члены Якобинского клуба с полным основанием считали просьбы об отставке во время войны изменой родине и революции, саботажем со стороны контрреволюционного офицерства. Рошамбо получил отставку, но получил ее именно потому, что ему не доверяли. Остальным же офицерам было отказано в их просьбе.

В мае Якобинский клуб разослал всем своим провинциальным отделениям особое обращение, в котором было сказано: «Война объявлена, наши батальоны у границы. Тысячи граждан готовы придти к нам на помощь. Между тем наши генералы бездействуют. Некоторые из них намерены уйти в отставку в момент острой опасности. Внутри государства гнездится измена». Якобинский клуб предъявил высшему командному составу определенные требования: «Генералы должны побеждать». Якобинец Дюбуа-Крансе заявил, что офицеры, которые просят дать им отставку, так как не могут справиться с недисциплинированными солдатами, сами не заслуживают доверия.

Первые известия о поражениях на фронте произвели ошеломляющее впечатление на членов Законодательного собрания, но затем наступило некоторое успокоение. Небольшие поражения у Лилля и Валансьенна не привели к катастрофе, как этого опасались вначале. Для всех было ясно, что, несмотря на ряд неудач, армия сохранилась, но ясно было и то, что необходимо в кратчайший срок, не прерывая военных действий, наладить дисциплину и создать из разрозненных частей единое целое. Армия, состоявшая, с одной стороны, из совершенно не обученных добровольческих батальонов, а с другой, — из прежних королевских войск, только что переживших длительный период внутреннего брожения, не могла сразу выступить как единое целое. Но панические настроения первых дней войны, неуверенность и робость постепенно исчезли. Солдаты требовали, чтобы их вели в бой, и те, кого не отправляли на передовые позиции, жаловались на свое бездействие. Из разных мест поступали сведения,

что солдаты проявляют хладнокровие и уверенность. Дисциплина налаживалась. Бегство офицеров за границу, в некоторых частях принимавшее до войны угрожающий характер, с началом военных действий почти прекратилось.

Деятели Законодательного собрания выражали надежду на то, что эмиграция офицеров-аристократов прекратится окончательно, что они останутся на своих местах и будут выполнять свой долг. Будущее показало, что в отношении ряда представителей дворянского офицерства эти надежды были совершенно не обоснованы. Многие из них впоследствии изменили Франции и перешли в лагерь ее врагов. Но некоторые представители среднего и высшего командного состава, до начала войны колебавшиеся и подумывавшие об отставке или эмиграции, действительно остались на своих местах и выполнили свой долг, очутившись перед лицом наступающего на Францию неприятеля. Очень большое значение имел тот факт, что в командный состав влилось много новых людей из буржуазной и мелкобуржуазной молодежи, искренно готовой защищать родину и революцию. Командный состав демократизировался. Армия, которой нужен был младший и средний командный состав, пополняла его довольно интенсивно в течение первых месяцев войны.

Между тем, положение дел на фронте требовало ряда решительных мероприятий. 2 июля 1792 г. в Париже стало известно, что северная армия отступает к Лиллю и Валансьенну, 11 июля Законодательное собрание объявило отечество в опасности. Все граждане, способные носить оружие, должны были по первому призыву явиться на защиту Франции. Это еще не было объявлением всеобщей воинской повинности — это был лишь учет населения, которое в случае необходимости можно призвать под ружье. Каждый гражданин должен был предоставить в распоряжение своего муниципалитета все имеющееся у него оружие. Усиленно набирались также добровольцы как в регулярную армию, так и в специальные батальоны волонтеров.

11 августа, т. е. на другой день после свержения монархии, Законодательное собрание послало на фронт двенадцать депутатов, которые должны были разъяснить армии смысл событий, происшедших в Париже.

Очень показательно было отношение армии к выступлению Лафайета. Узнав о совершившейся в Париже революции, Лафайет опубликовал воззвание к своей армии, призывая ее остаться верной Конституции 1791 г. и выступить против «заговорщиков, подкупленных внешними врагами». Под заговорщиками он подразумевал Якобинский клуб и левую Законодательного собрания. Воззвание не имело никакого успеха: «Мы получили оружие от нации и никогда не будем поддерживать предательские замыслы врага», — говорили солдаты. Лафайет, не найдя поддержки в армии, понял, что для него все кончено, и бежал за границу.

В газете «Парижские революции» мы находим подробные сведения о том, как армия отнеслась к революции 10 августа. Повсюду известие о совершившемся перевороте было встречено с огромным энтузиазмом. Комиссаров, посланных Законодательным собранием и выступавших с речами перед волонтерами и регулярными войсками, восторженно приветствовали. С высшим командным составом не обошлось, однако, без курьезов. Во многие части армии известие о совершившемся перевороте было доставлено курьерами раньше, чем прибыли комиссары Законодательного собрания. Генерал Артур Диллон, старый кадровый офицер, плохо разбиравшийся в политических событиях, поспешил на всякий случай подтвердить свою клятву верности Конституции, той самой монархической и цензовой Конституции 1791 г., которую только что уничтожила

революция 10 августа. Это «недоразумение» разъяснили генералу приехавшие в его армию комиссары Законодательного собрания.

Робеспьер был глубоко прав, когда он указывал на ту опасность, которую представлял в этот период для дела свободы «генерал, обладающий честолюбием». Он был прав и тогда, когда говорил, что революция может быть спасена лишь в том случае, если войну будет вести не правительство Людовика XVI, а весь вооруженный народ. Измены и дезертирство генералов не привели к развалу армии именно потому, что ее рядовой состав был предан революции.

Организация и снабжение армии в период господства Жиронды

Период от 10 августа 1792 г. до летних месяцев 1793 г., когда произошел решительный разрыв с Жирондой, можно разделить, с точки зрения истории войны Франции против реакционной коалиции, на три части: 1) время неудач на фронте, до поворотного момента — сражения при Вальми 20 сентября 1792 г., первой победы республиканской Франции; 2) время военных успехов, когда французы не только отбросили вторгшегося во Францию неприятеля, но одержали ряд побед, заняли Бельгию, прирейнские государства, Савойю, Ниццу (до конца 1792 г.); 3) время новых неудач, когда Франция, потерпев ряд жестоких поражений, лишилась всех присоединенных к ней государств и территорий (до лета 1793 г.).

С 10 августа по 3 октября военным министром был Серван — человек очень близкий к Жиронде; затем, с 3 октября 1792 г. по 4 февраля 1793 г., — Паш, назначенный по настоянию Ролана, и с 4 февраля по 5 апреля, т. е. до измены Дюмурье, — Бернонвиль. После измены Дюмурье, 6 апреля 1793 г., был учрежден Комитет общественного спасения, в котором главную роль играл Дантон. Комитет непосредственно занялся делами армии. Таким образом, начиная с 10 августа 1792 г. до апреля 1793 г., организация военного дела была сосредоточена преимущественно в руках жирондистов.

На Жиронду падала, таким образом, ответственность за плохую материальную организацию армии, за ее снабжение, за внутреннюю, чисто военную структуру. Что же касается общего направления политики в отношении армии, то здесь жирондисты были вынуждены считаться с влиянием в Париже и в армии тех группировок, с которыми Жиронда в то время вела борьбу. Тем не менее, Жиронда все время тормозила революционную перестройку армии; ее ставленники в армии были часто виновниками неудач на фронте.

Снабжение войск как оружием, так и боеприпасами с первых же месяцев войны оказалось далеко не удовлетворительным. Ни жирондистское министерство, начавшее войну, ни большинство Законодательного собрания совершенно не учитывали возможности продолжительной войны и тех материальных затрат, которые будут необходимы для ее ведения. С осени 1792 г. сведения о плохом снабжении армии стали поступать все чаще.

Особенно плохо снабжались батальоны добровольцев. Даже парижские батальоны, снабженные несколько лучше других, отправляясь на фронт, имели только по два патрона на человека. В октябре 1792 г. комиссары Конвента доносили, что многие волонтеры, стоявшие лагерем под Шалоном, едва одеты. Генерал Бирон докладывал Конвенту, что в частях, которые в порядке подкрепления посланы в рейнскую армию, девять десятых людей не снабжены оружием, не обмундированы и что, кроме того, они совершенно не обучены военному делу. Местные власти также плохо снабжали волонтеров. При этом департаменты взваливали всю вину на военное министерство, а военное министерство — на департаменты. Во время наступления французских войск в Бельгии, поступали сведения

о недостатке оружия, обмундирования, боевых припасов. Такие же сведения шли из рейнской армии. Комиссары сообщали, что солдаты в холодное время года лишены палаток, теплых шинелей, обуви. «Огромное количество граждан Франции, — писали комиссары, — достаточно хорошо одеты, и поэтому можно заставить всех портных республики в течение двух недель шить исключительно шинели для армии». Полевые госпитали находились в ужасном состоянии, больные и раненые солдаты лежали на полу, медикаментов и перевязочных средств нехватало.

В мемуарах Дюмурье, полных злых выпадов и против жирондистов и против монтаньяров, имеются, однако, интересные подробности, характеризующие полную дезорганизацию военного министерства. «Военный министр Серван совершенно не справлялся с организацией военного дела,— писал Дюмурье. — В конце концов, среди полной дезорганизации он сказался больным, получил отставку, а затем сам себя назначил командующим пиренейской армией». Его преемник Паш был столь же слаб. Канцелярии военного министерства, интендантская часть, военные склады— все это было в руках неопытных людей. Сперва все снабжение армии всецело находилось в ведении частной компании. Нашем при военном министерстве была образована комиссия, которая выполняла все закупки, но доставка в армию и распределение по военным частям были оставлены в руках частной компании. Отсюда целый ряд несогласованных действий, волокита и дезорганизация. Например, кожу для сапог во время пребывания французских войск в Бельгии закупали там, отправляли в Париж, где в частных мастерских изготовляли обувь, затем эту обувь переправляли обратно в Бельгию, в армию: в результате сапоги, которые могли бы стоить четыре ливра, обходились в девять.

В финансовом управлении военного министерства царил полнейший хаос, отсутствовала всякая дисциплина, огромные затраты на военные нужды шли не по назначению. Все расходы рассчитаны были на армию в 600 тыс. человек, в действительности же под ружьем было меньше половины. После энергичных выступлений Сен-Жюста в Конвенте, поддержанных всеми монтаньярами, жирондисты сняли с поста военного министра Паша, но заменили его ставленником Дюмурье, Бернонвилем. Новому военному министру дали шесть помощников, но это нисколько не изменило системы.

Во время занятия французскими войсками Бельгии особенно сильно обнаружился еще один недостаток в организации армии, а именно — краткий срок службы волонтеров. Волонтеры записывались в армию на один год, поэтому весь людской состав набора начала 1792 г. имел право разойтись по домам к 1 января 1793 г. Между тем, близкого конца воины не предвиделось, а внешнее положение Франции все осложнялось. К январю 1793 г. у Франции был уже такой новый и серьезный противник, как Англия.

Уход волонтеров с фронта начался с конца 1792 г. Комиссары, посланные Конвентом, отправляли в Париж полные отчаяния донесения, требуя особых мер, чтобы воспрепятствовать уходу волонтеров. Однако центральная власть никаких реальных шагов в этот период не предприняла. Комиссары Конвента, находившиеся в Бельгии, по собственной инициативе отдали распоряжение всем должностным лицам — военным и гражданским — возвращать в ряды армии уходивших волонтеров. В период господства жирондистов в управлении армией совершенно отсутствовала централизация. Армией управляли и Конвент, и Комитет общественного спасения, и военное министерство.

Чем дальше затягивалась война, тем яснее становилась ненормальность

существования двух параллельных начал в организации армии. И это тем более, что ведь после переворота 10 августа 1792 г. и установления республики линейные войска стали такими же республиканскими войсками, как и батальоны волонтеров. И те и другие сражались бок о бок на фронте, и высшее военное командование у них было общее. Та идея, которая оправдывала вначале создание батальонов волонтеров, как особых частей,— идея формирования на ряду с королевской армией национальной и революционной армии, после революции 10 августа и установления республики потеряла свое значение.

Борьба между Горой и Жирондой по вопросу о реорганизации армии

В феврале 1793 г. вопрос о реорганизации армии был поднят в Конвенте. В качестве докладчика от Военного комитета Конвента выступил монтаньяр Дюбуа-Крансе. Он указал на большой недостаток людей в линейных войсках и на то, что число бойцов в батальонах волонтеров, которое по планам военного министерства должно было равняться 800 человек, в действительности доходило едва до 100. Общее число людей в линейных войсках и батальонах волонтеров к 1 декабря 1792 г. упало до 40 тыс. человек. В заключение Дюбуа-Крансе внес предложение о полном слиянии батальонов волонтеров с линейными войсками. «Необходимо, — говорил он, — слить линейные войска с их братьями по оружию и создать из них «единый фронт против врагов родины». Принцип избираемости командного состава, применяемый в добровольческих батальонах, следовало бы, по его мнению, сохранить во всей его полноте для армии в целом. «Если при выборах командного состава, — говорил Дюбуа-Крансе, — преимущество будет за голосами бывших волонтеров, — тем лучше, так как давно пора уничтожить в армии все остатки аристократизма» (т. е. остатки дворянского офицерства).

Слияние обоих видов войск, по мнению Дюбуа-Крансе, было необходимо не только потому, что в сражениях армия должна представлять собой единое боевое целое, но также и потому, что линейные войска почти не пополнялись. Проект слияния — «амальгамы» — был поддержан монтаньярами, с Сен-Жюстом во главе. Против проекта Дюбуа-Крансе выступили жирондисты, возражая, однако, не против самого слияния, а против применения принципа выборности командного состава во всей армии. Жирондисты опасались, что при выборности командного состава может произойти быстрая его демократизация. В этом, как и в других вопросах, касающихся армии, они вели политику полумер и боялись решительных действий.

Несмотря на противодействие Жиронды, Конвент высказался за проект Военного комитета, внеся, однако, в него некоторые поправки. Декрет об «амальгаме» был принят Конвентом 26 февраля 1793 г., но применение его было отсрочено из-за технических причин до конца текущей кампании, которую предполагалось завершить в ближайшие месяцы. Декрет уничтожил всякое различие между батальонами волонтеров и регулярными войсками. В вопросе о выборности командного состава Конвент остановился на компромиссном решении. Повышение в военных чинах (до бригадного генерала) должно было совершаться двояким путем: треть всех вакантных должностей должна была замещаться по старшинству и две трети — по выбору той военной части, где открывалась вакантная должность. На должности бригадного генерала и выше назначало военное министерство; командующих армиями утверждал Конвент. Необходимость слияния линейной армии с добровольческими частями была так очевидна, что, несмотря на решение Конвента отсрочить проведение декрета в жизнь, высший командный состав самовольно осуществлял это слияние в разных

частях армии. Командующие армиями докладывали об этом Конвенту, и Конвент не возражал против таких частичных слияний там, где этого особенно требовали обстоятельства.

К началу 1793 г. внешняя политическая обстановка осложнилась все обострявшимися отношениями с Англией. Не ожидая объявления войны английским правительством, Конвент 1 февраля 1793 г. объявил войну Англии. В тот же день была объявлена война Голландии, 7 марта — Испании, а 22 марта имперский сейм Германии от имени «Священной Римской империи германской нации» объявил войну Франции.

Одновременно все сильнее разгоралась борьба между жирондистами и монтаньярами. В Якобинском клубе Жиронда теряла свои позиции, терпела одно поражение за другим. Неустойчивое положение французской армии в занятых областях, а затем начавшиеся военные неудачи еще более обостряли внутреннюю борьбу. И в парижском и в провинциальных якобинских клубах жирондистов обвиняли в вялом ведении войны, в дезорганизации военного аппарата, наконец, в измене революции.

Отношение армии к измене Дюмурье

Когда в Париже были получены известия об аресте Бернонвиля, об измене Дюмурье, Конвент 3 апреля 1793 г. опубликовал воззвание к армии и стране. В этом воззвании Конвент объявил Дюмурье изменником отечества и послал трех комиссаров для его ареста.

Вскоре из армии Дюмурье начали приходить успокоительные вести. Армия не пошла за Дюмурье. «Можно надеяться, — доносили Конвенту комиссары, — что завтра Дюмурье будет генералом во главе нескольких десятков офицеров, без солдат и без пушек». Одна военная часть за другой покидала Дюмурье и приходила в Валансьенн, где находились посланные Конвентом комиссары. Войска бросали главнокомандующего, изменившего Франции, и стягивались к пункту, где находилась единственная законная власть — представители Конвента. В Валансьенн прибыла и главная часть артиллерии крепости Сент-Аман, в количестве 1400 человек, с восемьюдесятью пушками, и часть Арденнской армии, в состав которой входили парижские батальоны волонтеров. Комиссары Конвента, встречая эти войска, обращались к ним с речами, солдаты и офицеры в ответ заверяли их в своей верности Конвенту. 5 апреля комиссары окончательно убедились в том, что Дюмурье никакой опоры в войсках не имеет. Видя, что все потеряно, Дюмурье бежал к австрийцам в сопровождении нескольких офицеров и небольшого числа солдат.

Комиссары Конвента по собственной инициативе назначили главнокомандующим генерала Дампьера. «Все дело окончено, — писали они Конвенту, — нам остается только привести в порядок всю эту армию, которая в хаотическом беспорядке, отдельными частями приходит сюда» (т. е. в Валансьенн).

Итак, среди страшнейшего хаоса, вызванного изменой главнокомандующего, армия сама нашла точку опоры в комиссарах Конвента и сплотилась вокруг них.

Из мемуаров самого Дюмурье видно, как мало было у него шансов осуществить контрреволюционный переворот и восстановить монархию. К мемуарам Дюмурье как к историческому источнику нужно относиться осторожно, так как Дюмурье старается оправдать свою измену рассуждениями о своих «патриотических» намерениях. Однако в этих же самых мемуарах очень ясно обрисовано отношение солдат к контрреволюционным замыслам главнокомандующего. Дюмурье откровенно признает, что «не мог итти на Париж спокойно, как в первое время надеялся, и не мог рассчитывать на сочувствие большинства своей армии». Он сознается, что не решался говорить с солдатами и офицерами о восстановлении монархии

и мог «представить им только в общих чертах необходимость перемены правительства и уничтожения анархии». Совершенно очевидно, что он пытался некоторое время обманывать свою армию, не раскрывая ей своих настоящих планов и рассчитывая на поддержку австрийцев.

Укрепление армии в период якобинской диктатуры

Якобинское правительство в летние месяцы 1793 г. приняло ряд решительных мер, направленных к организации боевой силы Франции в тяжелых условиях начавшейся гражданской войны.

После измены Дюмурье и ряда военных неудач отступление французской армии из Бельгии происходило в очень тяжелой обстановке. Во время этого отступления приходилось считаться со всем тяжелым наследством, оставшимся от предшествующего периода. С фронта в Конвент и Комитет общественного спасения поступали сведения о дезорганизации в области военного управления. Комиссары Конвента в своих докладах постоянно жаловались на полный беспорядок в военных канцеляриях; они называли их ямами, в которые проваливаются все дела.

Карно и Дюкенуа, посланные в качестве комиссаров в бельгийскую армию, указывали на то, что дисциплина в армии сильно расшаталась. Дезорганизация, плохое снабжение, запаздывающие распоряжения военного министерства — все эти явления не могли быть сразу изжиты с наступлением якобинской диктатуры. Тем не менее можно указать на ряд новых фактов. Вскоре после измены Дюмурье было назначено экстренное инспектирование армий с целью выяснения точного количества людей, входящих в регулярные части и батальоны волонтеров. Эта инспекция проводилась под непосредственным руководством комиссаров Конвента. Целый ряд генералов, — Стенгель, Лану, Миранда, — заподозренных в сочувствии планам Дюмурье, был отстранен от должностей. Впрочем, Миранда вскоре был восстановлен. Часть офицеров высшего командного состава была снята с занимаемых ими постов.

Принимая меры по борьбе с контрреволюцией в армии и в ее высших командных слоях, Комитет общественного спасения и Конвент были в то же время озабочены поднятием дисциплины в войсках. Требование строгого соблюдения дисциплины подхватывается Якобинским клубом, пропагандируется прессой. «Послушание является священным долгом, нарушение которого подвергает отечество опасности», — писала газета «Парижские революции» в обращении к армии. — «Пусть закон суров, но кто же может на это жаловаться, если каждый гражданин будет солдатом!» Поворот общественного мнения в пользу строгой дисциплины в войсках совпадает с моментом перехода власти к монтаньярам. Дисциплина считается необходимым условием успешной борьбы с контрреволюцией и с внешним врагом. Но в то же время Конвент рассматривает весь личный состав армии, как граждан, которые должны участвовать в политической жизни страны. Армия, на ряду с первичными собраниями, была привлечена к обсуждению якобинской Конституции 1793 г. Комитет общественного спасения разослал по всем военным частям экземпляры проекта Конституции. Имеется ряд сведений о том, что Конституция действительно обсуждалась в воинских частях и была ими одобрена. Так, например, офицеры и выборные от 16 тыс. солдат лагерей Кассель и Байёль писали в Комитет общественного спасения, что они приняли Конституцию, «которая составляет счастье французов и послужит причиной гибели всех тиранов». Аналогичные заявления поступали в Комитет общественного спасения от целого ряда других воинских частей.

Армия революции не была оторвана от революционных общественных организаций. Следует особо отметить ее связь с Якобинским клубом. По отношению к армии деятельность клуба выражалась в революци-

онной и патриотической пропаганде, а также в борьбе с контрреволюционными настроениями некоторой части высшего командного состава. Из армии в Якобинский клуб поступали просьбы о присылке «патриотических», как тогда говорили, газет; особенно часто требовали газету Эбера «Отец Дюшен». Удовлетворяя эти просьбы, Якобинский клуб вместе с тем посылал в армию особый бюллетень, которым осведомлял армию о важнейших политических событиях. Клуб сносился с комиссарами Конвента по вопросам, касающимся политической пропаганды в армии. Высшее военное командование внимательно прислушивалось ко всему, что говорилось в клубе, рассматривая его, как политическое учреждение, перед которым надлежит отчитываться в своем поведении. Поэтому генералы и в предшествующий якобинской диктатуре период иногда посещали клуб. Однако с начала господства якобинцев эти отношения вылились в новую форму. Генералы не только демонстрировали свою лойяльность, апеллируя к клубу, но и подвергались допросам комиссий, избранных из состава клуба, что могло иметь более реальные последствия. В сентябре 1793 г. Конвент особым распоряжением предложил всем якобинским клубам посылать в Комитет общественного спасения списки должностных лиц, политические установки которых не вызывали доверия. В особенности это относилось к тем, кто работал по снабжению армии. Организация управления армией после изгнания жирондистов из Конвента явилась одной из важнейших задач революционного якобинского правительства. Вместе с организацией революционного правительства, реорганизовалось и управление армией.

Уже в августе 1793 г. в Комитет общественного спасения вошли два члена — Приёр и Карно, которым и была поручена организация военного дела. Оба они в свое время были офицерами инженерных войск. Приёр ведал преимущественно управлением и техническим снабжением армии, Карно — разрабатывал планы операций, руководил всем высшим командным составом армии, набором и рекрутированием войск. За Конвентом оставалось высшее руководство армией, так как назначения на должности командующих утверждались Конвентом по представлению Комитета общественного спасения. Таким образом была достигнута централизация в деле руководства армией.

Деятельность комиссаров Конвента

Живую, действенную связь между Комитетом общественного спасения и армией осуществляли комиссары Конвента. Комиссары из числа членов Конвента посылались в армию и в предшествующий период. После измены Дюмурье и создания монтаньярского по составу Комитета общественного спасения, командированные в армию представители нации, или комиссары Конвента, начали играть значительную роль. Они были наделены неограниченными полномочиями в смысле контроля и правом распоряжаться всем снабжением армии. Они должны были инспектировать военные склады, арсеналы, магазины и принимать меры к тому, чтобы все распоряжения центральной власти, касающиеся материального и боевого снабжения войск, приводились в исполнение; они входили в тесную связь с муниципалитетами и департаментскими властями, побуждая их снабжать войска всем необходимым. По предписанию комиссаров, местные муниципальные власти должны были своими средствами изготовлять необходимые для армии сапоги, белье, чулки и доставлять все это в воинские части. У состоятельного населения комиссары реквизировали съестные припасы для армии. В июле 1793 г. Конвентом было издано постановление, которым комиссарам предписывалось контролировать денежные суммы, расходуемые в отдельных частях, и по своей инициативе изменять назначение этих сумм.

Комиссары периодически отчитывались перед Конвентом и в то же время непосредственно были связаны с Комитетом общественного спасения, переписываясь с ним по всем текущим делам и получая от него инструкции и утверждение своих распоряжений. Комиссарам вменялось в обязанность наблюдать за политическим настроением командного состава и гражданских должностных лиц в районе их (комиссаров) деятельности. Комитет общественного спасения пытался ограничить компетенцию комиссаров в области чисто военных, стратегических, распоряжений высшего командного состава. Но комиссары неизбежно выходили за пределы политического наблюдения. Так как Конвент все еще не доверял полностью многим представителям высшего командного состава, военные, стратегические, распоряжения генералитета сплошь и рядом подвергались критике комиссаров с точки зрения политической лояльности того или другого генерала.

Во время отступления французской армии из Бельгии комиссарам сразу пришлось играть значительную роль. Так, после измены Дюмурье, как мы уже говорили, комиссары, не ожидая распоряжений Конвента, назначили командующим генерала Дампьера, а когда он был убит, они, опять-таки не ожидая распоряжений из центра, назначили ему преемника. Конвент только санкционировал распоряжения комиссаров.

В летние и осенние месяцы 1793 г. происходило интенсивное очищение штабов от всех лиц, которые внушали подозрение в своей верности или не проявляли достаточной энергии и распорядительности. Комиссары Конвента, таким образом, отстранили от должностей целый ряд лиц из высшего командного состава.

Деятельность Сен-Жюста, Леба и Огюстена Робеспьера в армии

Сен-Жюст и Леба докладывали в ноябре 1793 г. Комитету общественного спасения, что они изгнали из армии всех «подозрительных офицеров». Одновременно комиссары Конвента продвигали на более высокие посты младших и средних командиров, зарекомендовавших себя своей преданностью революции.

Такие энергичные комиссары, как Леба, Сен-Жюст и Робеспьер-младший, интересовались всеми сторонами военной жизни. Суровые и требовательные к командному составу, они старались в то же время улучшить положение солдат, стремились всеми средствами упрочить дисциплину в войсках, наблюдали за обучением молодых солдат.

Достойны быть отмеченными приказы Сен-Жюста по Страсбургу. Суровый к богачам, он потребовал от них в кратчайший срок покрыть заем в 9 млн. ливров на нужды армии и беднейшего населения. Обращаясь к муниципалитету Страсбурга, Сен-Жюст заявил: «Десять тысяч солдат ходят босиком; разуйте всех аристократов Страсбурга, и завтра, в 10 часов утра, десять тысяч пар сапог должны быть отправлены в главную квартиру». Сен-Жюст потребовал также реквизиции у богачей города 2000 кроватей для раненых солдат.

Официальная переписка Карно как члена Комитета общественного спасения с комиссарами рисует картину огромной, напряженной деятельности комиссаров и вскрывает ту непосредственную связь, которую они поддерживали с Комитетом общественного спасения по всем многочисленным вопросам как технического, так и политического руководства армией. Распоряжения, прокламации и воззвания комиссаров осведомляли армию обо всем, что происходило в стране. Особенное внимание уделяли политическому воспитанию армии Сен-Жюст и Робеспьер-младший. Иногда обстоятельства складывались так, что комиссарам Конвента приходилось брать на себя командование отдельными частями войск. Ребель и Мерлен находились в осажденном Майнце и непосредственно участвовали в его героической защите. Карно,

посланный в северную армию, которою командовал Журдан, подготовил всю операцию по освобождению Мобежа и участвовал в сражении при Ваттиньи 15—17 октября 1793 г. Робеспьер-младший способствовал освобождению Тулона, захваченного роялистами и англичанами. Сен-Жюст и Леба руководили переходом армии через Самбру под огнем неприятеля. Приёр (из Марны) и Жанбон-Сент-Андре были направлены в Брест и работали без устали над созданием и организацией морских сил Франции. Жанбон находился на адмиральском корабле во время морского сражения с англичанами 28 мая — 2 июня 1794 г. Один из комиссаров — Фабр, — посланный в южную армию, был убит в бою с испанцами, командуя воинской частью. Комиссарам приходилось в боевой обстановке обсуждать с командующими армиями планы предстоящих сражений, осматривать крепости и принимать меры к их укреплению, непосредственно руководить передвижением отдельных частей войск.

Широта полномочий комиссаров вызывала иногда столкновения высшего командного состава с комиссарами, бывали случаи несправедливых или слишком поспешных отставок от должности и арестов комиссарами отдельных лиц из командного состава. В пылу напряженной борьбы с внешним врагом, вторгшимся в пределы Франции, в обстановке гражданской войны, комиссары действовали иногда слишком поспешно, слишком сурово. Но главная цель их деятельности была ясна и для армии и для страны. Молодые, выдвинутые революцией, командующие армиями — Гош, Марсо, Журдан, а также многие другие командиры, занявшие в 1793 г. ответственные посты в армии, а вместе с ними и солдатские массы революционной армии понимали огромную задачу, стоявшую перед армией, — победить внешнего врага, угрожающего всем завоеваниям революции. Для нового командного состава и для всей армии комиссары являлись представителями якобинского правительства, которое напрягало все силы страны для победы. Поэтому деятельность комиссаров служила всегда живой, необходимой связью армии с центром революционной Франции, и комиссары Конвента были организаторами победы над европейской коалицией, необходимым звеном в системе революционного якобинского правительства.

Всенародное ополчение

В начале 1793 г. французская армия насчитывала в своих рядах около 220 тыс. человек. 24 февраля 1793 г. Национальный конвент объявил дополнительный добровольный набор 300 тыс. человек. Для ускорения набора в департаменты были посланы 82 депутата Конвента, облеченные неограниченными полномочиями.

Опасность, угрожавшая Франции, заставила Конвент декретировать всеобщее ополчение. Следующие обстоятельства подготовили проведение этого мероприятия: к 10 августа в Париж съехались делегаты первичных собраний Франции, чтобы торжественно сообщить Конвенту о результатах народного голосования, принявшего и одобрившего якобинскую Конституцию 1793 г. Делегаты этих первичных собраний были полны революционного энтузиазма. Только что принятая Конституция провозгласила, что каждый француз является защитником родины. Идея всенародного ополчения как средства спасения страны и революции была естественным выводом из этого положения Конституции. Неудивительно, что о всеобщем ополчении говорили и делегаты первичных собраний, и Якобинский клуб, и Комитет общественного спасения, и Конвент.

12 августа 1793 г. Барер от имени Комитета общественного спасения предложил Конвенту принять обращение ко всему народу, начинавшееся призывом: «К оружию, французы! К оружию! Встанем все, как один. Свобода зовет на защиту всех, кто дал ей клятву в верности». Конвент, заслушав предложение Комитета общественного спасения, положил его в основу

декрета от 23 августа 1793 г. о всенародном ополчении. Сущность этого декрета заключалась в следующем: до тех пор, пока враг не будет изгнан с территории республики, все французы будут находиться в состоянии постоянной мобилизации (реквизиции); никто из призванных на военную службу не имеет права заменить себя другим лицом; не имеющие семьи молодые люди первые пойдут сражаться, женатые будут призваны делать оружие, женщины — шить одежду и ухаживать за ранеными.

Практическое осуществление всеобщего ополчения требовало, однако, определенных организационных форм, невозможно было призвать сразу всех годных к военной службе мужчин. Призванных нужно было обучить и вооружить. Поэтому декретом от 23 августа 1793 г. на военную службу призывались в первую очередь молодые люди от 18 до 25 лет, холостые и бездетные вдовцы. Остальные возрасты должны были призываться постепенно, по мере необходимости. Таким образом, система периодических пополнений регулировала принцип всенародного ополчения. Первая реквизиция дала 450 тыс. человек. К концу 1793 г. система реквизиций довела численность армии до 642 тыс. человек.

Реорганизация армии, проведение «амальгамы»

Только якобинское правительство провело в жизнь слияние добровольческих батальонов с линейной армией, решенное еще в феврале 1793 г., 12 августа Конвент декретировал осуществление «амальгамы». Однако операция эта была чрезвычайно сложна, и завершение ее затянулось до 1794 г. Ко времени фактического осуществления «амальгамы» армия состояла из трех частей: линейные войска, добровольческие батальоны 1792 и 1793 гг. и лица, призванные по обязательному набору с конца августа 1793 г. Слияние происходило следующим образом: один батальон линейных войск сливался с двумя батальонами волонтеров или призванных. Эта новая боевая единица составляла полубригаду. Следующими, более крупными, единицами являлись дивизии, из которых каждая состояла из артиллерии, кавалерии и пехоты. К июню 1794 г. вся операция по слиянию была закончена, и численный состав дивизий был установлен в количестве от восьми до девяти тысяч человек в каждой.

В начале 1794 г. Франция смогла выставить против коалиции свыше 600 тыс. человек, в то время как коалиция располагала лишь 400 тыс. человек. Огромные усилия, затраченные для спасения страны, увенчались успехом. Лето 1793 г. было временем наибольшей внешней опасности. С сентября 1793 г. были сделаны первые успешные шаги. 6—8 сентября командующий северной армией Ушар разбил неприятеля при Гондсхооте. 15 октября заменивший Ушара Журдан выполнил план, предложенный Карно для спасения осажденного Мобежа, и разбил неприятеля при Ваттиньи. Северная и эльзасская границы были очищены от неприятеля. Поголовный набор давал непрерывное пополнение армии. Каждое удачное сражение увеличивало энтузиазм французских войск. Во главе армий и на всех ответственных постах находились люди, выдвинутые революцией, получившие свое назначение за боевые успехи, люди, которым доверяла солдатская масса и революционная Франция.

Обновление командного состава. Выдвинувшиеся деятели армии

Как мы уже упоминали, чрезвычайно трудно было разрешить вопрос комплектования высшего командного состава. Национальное собрание выдвинуло на командные посты кадровых офицеров из дворян, участвовавших в войне за независимость Соединенных Штатов Америки (Бирон, Кюстин и др.). Это участие рассматривалось, как признак сочувствия революционным идеям. Лафайет стал командиром национальной гвардии (т. е. той вооруженной силы, которая, предполагалось, должна защищать завоевания буржуазии), как человек, известный

по американской войне. Жирондисты передали командные посты в армии малоизвестным до того времени штаб-офицерам королевской армии. Таково было выдвижение Дюмурье, занимавшего в королевской армии второстепенные должности. Якобинская диктатура доверила управление революционной армией новым людям. Командные посты на фронтах заняли люди, тесно связанные по своему происхождению с мелкой буржуазией: сыновья адвокатов (Брюн, Жубер, Марсо, Шарпантье), сыновья кузнецов (Келлерман, Ушар), сыновья мелких торговцев или лица, сами занимавшиеся ранее мелкой торговлей (Журдан, Леклер, Ожеро), сын мелкого винодела (Пишегрю), солдаты старой армии (Массена, Сульт, Латур-д'Овернь); люди безвестного происхождения, вроде Миранда, Руска и метиса Александра Дюма, — стали бригадными, дивизионными генералами и командующими армиями. Почти все они были произведены в генералы до 25-летнего возраста. Якобинская диктатура с чрезвычайной быстротой продвигала даровитых людей. Сын смотрителя королевской псарни Гош — до революции сначала солдат, а затем — сержант гвардейского полка; в 24 года — лейтенант, в 25 лет — бригадный генерал (1793 г.); в октябре того же года он становится дивизионным генералом, и в том же году — командующим армией. Такова же по быстроте прохождения военная карьера десятков генералов французской революции.

Создание морского флота

Одновременно Франции приходилось бороться на море с таким грозным противником, как Англия. Перевес морских сил на стороне Англии был огромным. На 115 крупных линейных английских судов приходилось только 76 французских. За все время войны 1792—1794 гг. французам не удалось добиться успехов на море. Этот период отмечен морскими сражениями, в которых численно слабый французский флот заслужил славу своей героической борьбой с превосходящим его во много раз противником. Нужно отметить огромные усилия, затраченные в это время революционной Францией на то, чтобы создать флот, который мог бы вести борьбу с английским флотом.

С начала революции в эмиграцию ушло большое количество морских офицеров-дворян. Комиссары Конвента — Приёр (от Марны) и Жанбон-Сент-Андре, посланные в Брест, проявили чудеса энергии в деле оборудования военного флота. Из сухопутных частей перебрасывались артиллеристы, моряки торгового флота были мобилизованы для службы в военном флоте. Корабли торгового флота снабжались пушками, чтобы отбиваться на море от нападения англичан. Во время войны, несмотря на напряженное положение Франции, было выстроено 70 новых военных кораблей. Французская революционная армия усвоила новую тактику, во время боя применявшуюся потом Наполеоном. В течение всех военных кампаний 1792—1794 гг. поспешно набираемые войска не имели возможности пройти предварительно длительную боевую подготовку. «Для того, чтобы сражаться в старом линейном порядке с многочисленными армиями, вторгшимися или грозившими вторгнуться в страну, — говорит Энгельс, — французам потребовались бы хорошо обученные люди, а таких было немного, в то время как необученных волонтеров было вдоволь». [1] Вместо системы заранее рассчитанных движений, французское командование начало применять тактику удара по неприятелю беспрерывным потоком в один и тот же пункт неприятельской линии. «...Французские армии, — по словам Энгельса, — были организованы весьма отлично от армий противника. Они формировались не из однообразных, негибких линий батальонов, а из армейских

Энгельс о новой тактике боя

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 2, стр. 487.

дивизий, из которых каждая состояла из артиллерии, кавалерии и пехоты».[1] «Сразу был вновь открыт великий факт, что для исхода боя важно не то, сражается ли батальон на «правильном» месте в боевом строю, а то, чтобы он вступал по приказанию в боевую линию и хорошо сражался».[2] «Боевая линия, — говорит далее Энгельс, — не должна была быть, как прежде, обязательно прямой и непрерывной; она могла изгибаться по всем направлениям, как того требовала местность». Французы не стремились выбирать для места битвы гладких равнин, ...«французы предпочитали пересеченную местность, и их стрелки, образуя цепь впереди всей боевой линии, устремлялись в каждую деревушку, ферму или рощицу, которой они могли овладеть».[3] «Если батальоны первой линии развертывались, то обычно они скоро превращались в стрелковые цепи; батальоны же второй линии всегда оставались в колоннах и обыкновенно с большим успехом атаковывали в таком строю тонкие линии противника. Таким образом, тактическое боевое построение французской армии свелось к двум линиям, каждая из которых состояла из батальонов в сомкнутых колоннах, расположенных en échiquier (в шахматном порядке) со стрелковыми цепями впереди и компактным резервом в тылу. В этой стадии развития и застал тактику французской революции Наполеон».[4]

Новые командующие французскими армиями — Гош, Журдан, Клебер, Марсо — умели использовать во время боя огромный энтузиазм французских войск; после артиллерийской подготовки (а французская артиллерия была лучшей в Европе) или после ружейной подготовки, пехотные батальоны устремлялись массой в один пункт линии противника с пением марсельезы или с веселыми криками: «Ça ira!» («наша возьмет»).

К этому следует прибавить еще огромную подвижность французской армии. В то время как за армиями всех европейских держав следовал громадный обоз, загроможденный офицерским багажом, в революционной армии Франции в 1792—1794 гг. обоз был упразднен: офицеры брали с собой только то, что они могли нести на себе. «...Французы, — говорит Энгельс, — достигли подвижности и легкости при построении боевого порядка, совершенно неизвестных их противникам. Потерпев поражение, они через несколько часов были вне преследования, при наступлении же могли появляться в неожиданных пунктах на флангах противника, прежде чем тот мог их заметить».[5] Низший и средний командный состав 1793—1794 гг. по внешнему виду и своему образу жизни во время военных кампаний мало чем отличался от солдат. С мешком за плечами, в запыленном и затасканном мундире, офицер ел ту же пищу, что и солдат, спал на соломе, где попало, вместе со своей ротой. Единственное внешнее отличие офицеров составляли мало заметные шерстяные нашивки.

Роль Комитета общественного спасения в снабжении армии

В течение 1793—1794 гг. Комитет общественного спасения напрягал всю свою энергию для снабжения армии всем необходимым. Из переписки Карно с комиссарами Конвента и из постановлений Комитета общественного спасения видно, какая огромная задача стояла в этот период перед якобинским правительством по снабжению численно возросшей армии. Генерал Журдан в ноябре 1793 г. докладывал Комитету общественного спасения, что в одной из дивизий солдаты обертывают ноги соломой из-за недостатка прочной обуви. Когда французские батальоны после тяжелого зимнего похода подошли

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 2, стр. 487.
[2] Там же, стр. 488.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 488—489.
[5] Там же, стр. 488.

к Амстердаму, жители города, восторженно встречавшие республиканские войска, с удивлением увидели стройные ряды хорошо вооруженных солдат, хотя все еще в изорванных мундирах, без шинелей и плохо обутых.

Якобинское правительство проявило исключительную энергию, чтобы выйти из кризиса оружия и боеприпасов. В сентябре 1793 г. в Арсенале Парижа имелось всего 9 000 старых ружей, требовавших ремонта. Из имевшихся мануфактур огнестрельного оружия важнейшая, в Сент-Этьенне, была в руках федералистов, Мобежская — уничтожена интервентами. С необычайной быстротой в Париже было организовано массовое производство ружей. К концу II года государственные и частные мастерские, заводы и кузницы Парижа давали уже до 700 ружей в день. Продукция почти в пять раз превышала довоенную. В Париже была открыта специальная школа, которая получила название Революционных бесплатных курсов, на которых в течение трех декад обучают искусству выделывать селитру, порох и пушки. На заводах, работавших на оборону, наблюдался огромный энтузиазм. Полуголодные, плохо одетые рабочие трудились не покладая рук, сознавая, что они работают на оборону страны. Рабочие с гордостью заявляли, что они «куют молнии против тиранов». Мастерские создавались повсюду: в церквах, монастырях, в домах эмигрантов. Весной 1794 г. в Париже удалось повысить выработку селитры с 28 892 до 265 280 фунтов в декаду. Но надо было позаботиться также о снабжении солдат обувью и одеждой. В Париже, как и в других местах, частные сапожные мастерские были реквизированы для изготовления обуви для армии. Сапожникам запрещалось в течение некоторого времени (конец 1793 г.) принимать частные заказы. В Париже одно время распространилась даже мода носить деревянные башмаки, сабо, для того чтобы Комитет общественного спасения мог собрать запасы кожи для армии. Все дело снабжения армии находилось под наблюдением Комитета общественного спасения, который поручал его частным предпринимателям. Правительственные комиссары, вместе с представителями от муниципалитетов, наблюдали за кройкой и шитьем мундиров в частных мастерских. Частные поставщики обманывали военное ведомство, мошенничали. Надо было установить над ними строгий контроль, пресечь их попытки поставлять гнилые, негодные материалы, получая на них огромные барыши. К концу якобинского господства все эти мероприятия дали весьма реальные результаты.

ЛИКВИДАЦИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Аграрная политика жирондистского Конвента

Законодательное собрание даже после 10 августа не завершило крестьянской реформы, и революционное разрешение аграрного вопроса осталось в наследство Конвенту. Однако во время господства жирондистов в Конвенте происходила лишь борьба между фракциями по этому основному вопросу, не давшая реальных результатов.

Большинство Конвента устами Камбона и Шарля Делакруа решительно высказывалось в этот период против льготного распределения земли среди неимущих, как меры, не совместимой с финансовыми интересами государства и подрывающей принцип собственности.

Докладывая 4 марта 1793 г. проект отчуждения имуществ национальных, эмигрантских и др., Делакруа с одобрением говорил о раздроблении участков и продаже их с торгов, как о средстве усилить конкуренцию и поднять цену земли; но он решительно отвергал проект Законодательного собрания о льготном наделении землей неимущих. Такая мера не допустима и не только по финансовым соображениям: «Опыт веков доказал, что раз-

дел земли почти всегда бесполезен для неимущего класса. Если бы даже оказалось практически возможным поделить землю — это общее достояние людей — на равные участки, то все же леность, пьянство и все другие пороки, которые развивал деспотизм и которые завоеванная свобода не могла сразу уничтожить, не замедлили бы вернуть неравенство и вытекающие из него бедствия». От этого мнения Конвент не отказывался вплоть до революции 31 мая — 2 июня.

Еще 14 августа 1792 г., когда в Законодательном собрании обсуждался вопрос об эмигрантских землях, депутат Франсуа-де-Нефшато внес предложение, имевшее целью успокоить крестьян. «Существуют,—сказал он,— общинные земли, которые не принадлежат никому,— ими пользуются все, и богатые их присваивают. Настало время уничтожить эту несправедливость и разделить эти земли между бедными». Распределенные участки, по предложению Франсуа-де-Нефшато, должны были перейти в полную собственность новых владельцев. Собрание одобрило это радикальное мероприятие, которого давно добивалось крестьянство в своих петициях, и постановило в ближайшее время решить, на каких основаниях будет произведен раздел. 8 сентября Законодательное собрание признало, что раздел должен быть обязательным. Но Законодательное собрание разошлось, не приняв окончательного решения. Закон 14 августа имел только то последствие, что внес в деревню, и без того волновавшуюся, новый элемент раздора, ибо, не будучи в состоянии дождаться раздела общинных земель, крестьяне начали самовольно захватывать их.

11 октября 1792 г. Конвент отсрочил проведение в жизнь решения об общинных землях, пообещав возвратиться к вопросу в ближайшие дни. Однако решения этого вопроса крестьянам также пришлось ждать до прихода якобинцев к власти.

Таким образом, задача расширения земельного владения крестьян, поставленная ходом развития революции, была в начале 1793 г. еще далека от разрешения. В этом решающем году революции она и заняла центральное место в революционной борьбе крестьянства.

Петиции общин о разделе земель

Одним из проявлений этой борьбы было множество петиций, которые посылали в Конвент сельские общины, различные группы и отдельные представители сельского населения. Среди них встречаются такие, которые требуют раздела земель, т. е. перехода их в индивидуальную собственность крестьян. Требование «аграрного закона», т. е. раздела земли между крестьянами, конечно, не могло быть теоретически обосновано в крестьянских петициях, но на деле сельское население часто осуществляло его, захватывая и распределяя между собою землю сеньера. Чаще, чем требование раздела земель, встречается в петициях предложение уменьшить размеры ферм, т. е. лишить владельца права свободного распоряжения своими участками; нередки также возражения против сдачи ферм в аренду «пришлым».

Защищая крестьянские сервитуты, т. е. право пользования землей соседа, в лесах и на землях бывших сеньеров, петиции придают этому требованию наступательный, классовый смысл: они указывают, что, поскольку с давних пор все крестьяне имели право пользоваться этими землями, они после уничтожения феодальных отношений должны перейти в полную собственность крестьян.

Крестьяне, недовольные условиями распродажи имуществ, требовали в петициях коренного изменения этих условий. Средние слои крестьянства желали, кроме отмены торгов, большего дробления отчуждаемых участков. Беднейший полупролетарский слой крестьян рвался к парцелле, желая получить ее безвозмездно или за небольшую плату.

В земельных требованиях крестьян многое было неприемлемо для правящего класса крупной буржуазии. Уничтожение торгов и распределение земли между крестьянами лишало казну хорошего дохода; перспектива полного дробления земли угрожала, казалось, подрывом хозяйства, основанного на эксплоатации наемного труда. Самочинные захваты земли бывших сеньеров означали, как казалось буржуазии, торжество «аграрного закона», который в то время был страшилищем для буржуазии. Понятна поэтому медлительность, которую проявлял жирондистский Конвент в вопросе о национальных имуществах, он не хотел решать вопрос, как того желало крестьянство, и не мог решить его вразрез с крестьянскими требованиями. Поэтому, казалось бы, Конвенту следовало ускорить реализацию другого земельного фонда: произвести бесплатное распределение между крестьянами общинных земель и земель общего пользования.

Экономическое учение физиократов, в соответствии с классовыми интересами поднимающейся буржуазии, считало необходимостью переход от общинного владения землей к индивидуальному; физиократы были против сохранения этих земель в нераздельном владении сельской общины. С приходом буржуазии к власти, казалось бы, переход к аграрному индивидуализму мог совершиться беспрепятственно и с той же легкостью, с какой восторжествовал принцип индивидуальной собственности в торговом и промышленном законодательстве. Однако, это не было сделано, несмотря на неоднократные обещания, даже и во втором периоде революции, после 10 августа 1792 г.

Многие историки считают, что сторонниками раздела общинных земель были обычно зажиточные верхи деревни и некоторые помещики, надеявшиеся скупкой земли у малоимущих крестьян расширить свои владения. Основная же масса крестьянства, по их мнению, стояла за сохранение общинного землепользования.

На иной точке зрения стоял Жорес. Он считал, что «порядок пользования общинными землями был совершенно олигархическим»; «одни богатые, или почти они одни, пользовались ими»; следовательно, беднейшее крестьянство не было заинтересовано в сохранении общинного порядка пользования землей. На преобладающей части французской территории, а особенно там, где общинные земли играли значительную экономическую роль, — на северо-востоке, востоке и юго-востоке страны, — они составляли как бы запасный фонд помещичьего и кулацкого хозяйства.

Владельцы скотоводческих ферм, занимавшиеся разведением скота для продажи, использовали в своих целях леса и выгоны общины в ущерб мелким крестьянским хозяйствам. Дело иногда доходило до запрещения маломощным хозяйствам пользоваться общинными пастбищами. Значительные участки общинных земель, пригодных для распашки, расчищались заимщиками и становились их собственностью. Среди таких заимщиков бывала и сельская беднота, но все же бо́льшая часть общинной земли переходила в руки зажиточного крестьянства и помещиков. Кроме этого, в некоторых местностях, особенно на севере и отчасти на северо-западе Франции, общинные земли утратили свое прежнее экономическое назначение вследствие внедрения в хозяйство кормовых трав. Они могли быть поделены без ущерба для устойчивости отдельных крестьянских хозяйств, и весь вопрос заключался в том, какой слой деревни станет главным наследником отмирающей общины.

Значительное количество петиций, поступавших в Конвент, касалось вопроса об общинных землях. За девять месяцев из 56 департаментов поступило около 220 таких петиций. Они не оставляют сомнения в требованиях основной массы сельского населения. Большинство деревенских пе-

тиций высказывается за раздел общинных земель, и лишь немногие лица — но не коллективы — из среды сельской буржуазии и администрации возражают против него. В своих заявлениях девять директорий департаментов, два комиссара Конвента в департаментах, четыре директории дистриктов высказываются так или иначе за раздел общинных земель; при этом одни стараются избежать демократических условий раздела, пугая сходством его с «аграрным законом», другие готовы пойти на наиболее демократические условия раздела, лишь бы успокоить бедняков. Но при этом все они торопят Конвент с разрешением наболевшего вопроса, во избежание столкновения бедных с богатыми, возникновения гражданской войны в департаментах; торопят, чтобы наглядно доказать сельскому населению выгоды революции, чтобы обеспечить его стойкость при защите отечества на фронтах.

Петиции требуют освобождения всех общинных земель от все еще не ликвидированного господства прежних сеньеров (об этом говорится в петициях 13 департаментов), требуют уничтожения всех последствий прежнего королевского законодательства об общинных землях, враждебного крестьянским интересам, и решительно выступают против некоторых статей декрета 28 августа 1792 г. о праве земельных собственников на деревья, посаженные вдоль дорог, проходящих по их землям, и о сохранении права собственности за владельцами участков бывших общинных земель, купленных у сеньеров. Раздел общинных земель — один из способов окончательной ликвидации сеньериального строя, и вместе с тем, это один из способов избавления крестьян от безземелья и малоземелья. Так ставят вопрос сельские петиционеры, которым реакционные историки напрасно приписывают консервативную привязанность к общинной традиции. Они торопят Конвент с проведением раздела, протестуя против постановления Конвента от 11 октября 1792 г. об отсрочке раздела.

Крестьяне не всегда согласны между собой по вопросу о способе раздела земель и, поскольку обычным в деревне в то время было объединение среднего крестьянства с бедным против крупных землевладельцев, иногда умышленно ограничиваются общими выражениями, требованием раздела по «закону равенства»: этот закон различно понимали зажиточные крестьяне, желавшие равного раздела по домохозяйствам, и бедные, требовавшие подушного раздела между всем населением общины или только между бедняками, а иногда даже обратно пропорционально зажиточности.

Крестьянское движение за раздел общинных земель и национальных имуществ

Крестьяне, однако, не ограничивались посылкой петиций о разделе общинных земель; во многих местах они производили раздел самочинно. Местами это произошло еще в первые годы революции, до декретов Законодательного собрания, но по большей части после этих декретов, в особенности же после декрета Конвента от 11 октября, лишавшего деревню надежды на быстрое разрешение вопроса путем закона. Петиционеры двадцати двух департаментов из общего числа 56 департаментов сообщают Конвенту о стихийном распространении у них самочинных разделов. В некоторых департаментах борьба за общинные земли сопровождается крестьянскими волнениями (департаменты Уазы, Сены и Уазы, Ло, Гар), самочинные разделы получают массовое распространение, как, например, в дистрикте Авен, департаментах Северном, Эны, Мерты, Вогезов, Гар. В Эльзасе дело дошло до того, что директории департаментов Верхнего и Нижнего Рейна санкционировали раздел, назвав его «предварительным», чтобы «не было обидно» медлящему с решением Национальному конвенту. Во многих случаях стихийный процесс индивидуального освоения общинных земель и земель общего пользования не соответствовал в строгом смысле понятию

раздела. Это относится к захвату тех земель, которые крестьянские верхи производили именно для того, чтобы предотвратить общий раздел, не обещавший им ничего хорошего. Такие выступления сельской буржуазии отмечаются во многих местностях: в департаментах Сены и Марны, Вогезов, Верхней Соны, Гар, но в этих же департаментах и во многих других получил распространение также и демократический раздел, осуществлявшийся основной массой среднего и беднейшего крестьянства.

Движение за «предварительный» раздел общинных и пустопорожних земель сливалось с движением за захват и раздел земель из фонда национальных имуществ, в особенности эмигрантских и королевских, отобранных в казну, но не пущенных в продажу. Движение не ограничивалось покушениями на собственность, оставшуюся без хозяев. Любопытно заявление землепашцев одного селения департамента Верхней Гаронны: «Многие граждане, без сомнения, обманутые проповедниками «аграрного закона», хотят разделить земли бывших сеньеров. Они по собственному усмотрению устанавливают их площадь и размеры». Дело идет не о разделе земель, оставшихся без хозяев, а о частичной экспроприации земель помещиков, имевших прежде сеньериальные права. Проповедники «аграрного закона», очевидно, не были оторванными от жизни книжниками, если французские крестьяне, не читавшие их книг, осуществляли в жизни то, о чем они писали.

Если, таким образом, «предварительный» раздел был замаскированным земельным захватом, то и торги для продажи национальных имуществ часто прикрывали действия, мало походившие на лойяльное участие отдельных соискателей в государственном аукционе. Нередко аукцион представлял собою пустую формальность: на нем выступала согласованно действовавшая группа покупателей, заранее устранявшая возможных конкурентов путем соглашений или угроз. Но помимо этих объединений спекулянтов «черной банды», большое распространение получили и широкие «ассоциации» для покупки земли, охватывавшие большую часть членов сельской общины, только таким путем имевших возможность повернуть торги в свою пользу. В Пикардии муниципалитеты нередко брали в свои руки операцию покупки земли, предотвращая этим повышение цен на торгах, где они создавали такую обстановку, что любителю земельного обогащения бывало страшно принять в них участие.

От подобной скупки земли до массового ее захвата был один шаг. Действительно, во многих местностях крестьяне захватывали земли фонда национальных имуществ. Особенно грозным массовым движением эти выступления становятся в 1793 г. в департаменте Сены и Уазы, где малоземелье и безземелье крестьян были ужасающими, где особенно велики были необработанные пространства охотничьих парков, где со времени свержения монархии образовался огромный фонд национальных имуществ из прежних королевских имений и владений высокой знати. Крестьянские выступления за раздел общинных земель и национальных имуществ были здесь настолько грозными, что, не говоря уже о сельских муниципалитетах, даже власти Версальского дистрикта и местное управление государственным доменом становятся невольными глашатаями крестьянских требований. Они молят Конвент о скорейшем выполнении тех обещаний, которые он давал и которыми они в течение долгого времени старались успокоить крестьян. «Сельские жители потеряли терпение, ожидая раздела необработанных земель, так давно им обещанного. Они хотят обработать землю и за это уплатить. Они разделили между собой эти земли», — пишет один из агентов администрации домена. Движение вспыхнуло в феврале. В марте для успокоения крестьян Конвент посылал в Версаль комиссаров Гюфруа и Шаля с чрезвычайными полномочиями. Оба они в то

время выдавали себя за ярых монтаньяров и не чуждались демагогии. На словах они пошли на уступки крестьянам и на время их успокоили. Но вскоре крестьяне, не ограничиваясь посылкой делегатов в Париж для переговоров, снова самовольно делят землю, прогоняя арендаторов.

В середине апреля Директория департамента Сены и Уазы, испуганная вестями с мест об угрозе общего крестьянского восстания, приступила к обсуждению вопроса о сдаче земель национального домена в аренду мелкими участками. Но крестьяне не дождались решения Директории и сами разделили землю.

Крестьянское движение и жирондисты

В ответ на крестьянские выступления жирондистский Конвент проводил политику репрессий. 11 февраля он отказался распространить на «виновников опустошений лесов и общинных земель» действие амнистии, предоставленной участникам продовольственных беспорядков, а 24 апреля, по докладу Шарля Делакруа, принял декрет об упорядочении продажи национальных имуществ. Цель декрета — поддержать свободу торговли для обеспечения продажи имуществ по высшей цене. Декрет угрожал репрессиями за участие в беспорядках во время торгов и карал «беззаконные соглашения» целых общин или «значительной части их членов», заключенные для совместной покупки земельных участков и последующего распределения и раздела их между участниками соглашения. Декрет получал обратное действие: покупки ассоциаций объявлялись недействительными, и однажды проданные участки подлежали новой продаже, на законных основаниях. Таким образом, в ущерб интересам крестьян, декрет лишал их права на коллективную покупку земли, делавшую возможным переход в их руки участков, которые в виду их размеров и стоимости не могли быть приобретены крестьянами единолично.

В то же время, борясь за сохранение своего влияния, некоторые жирондисты выступали с демагогическими речами. Живой отклик в деревнях имело выступление «добродетельного» Бертрана-де-ла-Хосдиньера, предложившего раздел всех невозделанных земель между гражданами без различия пола и возраста, не имеющими земельной собственности или имеющими менее 100 ливров дохода. «Во все времена друзья человечества смотрели на общинные земли как на достояние бедных, но в течение веков ими пользовались богатые», — говорил этот жирондистский депутат.

В большой программной речи 27 апреля жирондист Барбару говорил о том, что за все время революции ничего не сделано для земледелия, сельское хозяйство в загоне. Подобные выступления жирондистов и умеренных были вызваны двумя причинами: во-первых, ростом крестьянского движения, во-вторых, соображениями, продиктованными борьбой с политическими противниками — якобинцами.

Демагогические выступления жирондистов и их сторонников продолжались еще и в мае 1793 г. Но в это время уже стало ясно, что судьба аграрного вопроса зависит от иных сил. На это указывала речь Бефруа от 28 апреля; в его лице Гора, наконец, показала, что она понимает важность аграрного вопроса. Высказываясь по продовольственному вопросу, Бефруа говорил об условиях создания сельскохозяйственных излишков в стране. «Земля и только земля, — говорил он, — кормит и одевает людей». Первое условие достатка — обработка невозделанных земель. Для этого надо в кратчайший срок, до 15 мая, издать закон о разделе общинных земель, чтобы они еще могли быть засеяны для удовлетворения потребностей населения и 600-тысячной армии. Второе условие — оживить земледелие, уничтожив бедность путем раздробления крупных хозяйств и общего уравнения земельных участков.

Среди других выступлений по продовольственному вопросу обращает на себя внимание доклад малоизвестного депутата департамента Эндры Пепена, напечатанный по постановлению Конвента и приложенный к протоколу от 4 мая. Это едва ли не самое радикальное предложение по земельному вопросу, сделанное с трибуны Конвента. Пепен, говоря о средствах создания изобилия, напоминает: «Они уже были вам предложены, но так как вы не уделили им достаточного внимания, я принужден изложить их вновь». Пепен предложил распределить между малоимущими общинные и пустопорожние земли участками в размере 5, 10, 20 и не свыше 40 арпанов за трехпроцентную ренту с правом выкупа в собственность; ренту взимать, начиная с пятого года пользования участком, при освобождении от налога на 20 лет; беднейшим крестьянам, известным своим цивизмом, выдать по две коровы и несколько штук мелкого скота из живого инвентаря национальных имуществ. Пепен протестовал против крупных ферм, стоящих, по его мнению, в агрикультурном отношении значительно ниже мелких. Ферма «в три плуга» должна быть предельной по размеру.

Аграрные преобразования после революции 31 мая — 2 июня 1793 г.

Резюмируя содержание аграрной политики Конвента в период господства жирондистов, можно сказать, что фактически, с установлением режима жирондистов, аграрный вопрос оказался снятым с очереди. Демагогические выступления отдельных жирондистов не могли обмануть широкую крестьянскую массу, а правительственные репрессии не в состоянии были остановить рост крестьянских волнений. Во время революции 31 мая — 2 июня 1793 г. крестьяне многих районов Франции находились в состоянии открытого восстания.

После революции 31 мая — 2 июня 1793 г. монтаньяры взялись за дело, которое не осуществили жирондисты. В проект об общинных землях они внесли изменения, подсказанные восстающей деревней. Как ни скупы и бледны протоколы Комитета земледелия, однако из них видно, что в Комитете началась новая жизнь. Поправки к проекту вносил Бефруа; ему же было поручено сделать доклад о петиции трех общин департамента Жиронды, требовавших расширения права изъятия захваченных бывшими сеньерами общинных земель. Депутации этих общин было уделено большое внимание в виду особенно сильного влияния в них жирондистов. Началось обсуждение вопроса об уменьшении размеров слишком больших земельных владений. Доклад был поручен Купе и через две недели Купе доложил Комитету свои соображения «о разделе ферм».

3 июня, на другой день после революции 31 мая — 2 июня, Конвент обсудил три вопроса, к которым практически сводились все реальные планы якобинцев по аграрному вопросу. Меоль предложил издать закон об уничтожении феодализма, разрешающий все вопросы, не решенные в предшествующем законодательстве. Делакруа, докладчик Комитета отчуждений, представил проект общего закона о разделе эмигрантских имуществ, устанавливавший порядок их распродажи. Проект получил силу закона в тот же день. Неизвестно, повторил ли Делакруа 3 июня то, что он говорил и предлагал 24 апреля, но после обсуждения в Конвенте проект был несколько изменен.

В этом проекте, как и в предыдущем, сохранялись обычные торги, но предоставлялась рассрочка платежа на десять лет. Закон, предписывал дробить продаваемую землю, «насколько это будет возможно без ущерба для цельности каждой фермы или имения». На ряду с этим порядком раздела устанавливался и другой — с целью обеспечить малоимущих земельной собственностью и таким образом «привязать их к отечеству». Статья 2-я гласила: «В тех местах, где нет общинных

земель, подлежащих разделу, но где имеются земли, принадлежащие эмигрантам, из этих земель должно быть выделено по арпану земли каждому главе семьи, который владеет участком менее арпана или не владеет землей вовсе». Арпан земли должен быть предоставлен под условием уплаты ренты из 5% средней цены пашни за годы революции, с правом амортизации капитала десятью равными взносами. Реальное значение этой уступки требованиям малоимущего крестьянства было весьма незначительно. Она была ограничена двумя условиями: наличием в данной местности эмигрантских земель (только эмигрантских, а не национализированных вообще) и отсутствием общинных. Но уступка эта была первой победой принципа земельного обеспечения неимущего сельского населения за счет свергнутого господствующего класса, первой данью новой власти крестьянским требованиям.

Затем Конвент поспешно перешел к обсуждению третьего пункта программы — законопроекта об общинных землях, прерванному 23 апреля. Из решения, принятого при обсуждении вопроса об эмигрантских землях, видно, что земли эти представлялись членам Конвента наиболее существенной частью земельного фонда, предназначенного для удовлетворения беднейших крестьян. Но обсуждение этого вопроса вновь вызвало много споров и продолжалось в течение шести заседаний. Только 10 июня проект был окончательно принят. Протоколы Конвента не сообщают о содержании прений. Видно только, что и после устранения жирондистских вождей возражения против подготовлявшегося решения отнюдь не прекратились. С другой стороны, сопоставление текста декрета с текстом первоначального проекта показывает, как сильно отразились на решениях Конвента при новой власти многочисленные крестьянские петиции, делегации и угрожающее поведение крестьян в ряде департаментов.

Декрет шел дальше первоначального проекта, отменяя постановления декрета 28 августа 1792 г., против которого все время протестовали крестьяне. Вопреки проекту, доложенному Фабром еще 23 апреля, новый декрет признавал, что общине принадлежат все пустоши (les terres vaines et vagues), находящиеся на ее территории. Права и притязания бывших сеньеров аннулировались. Доказывая свои права на спорные земли, бывшие сеньеры не могли больше ссылаться на сорокалетнюю давность владения, что допускал декрет 28 августа 1792 г.; они должны были предъявлять документы, и эти документы имели силу только в том случае, если они не носили феодального характера, а были связаны с законной покупкой. Эти два положения прямо подсказаны крестьянскими требованиями, как показывают поступавшие в Конвент петиции. В согласии с этими петициями потеряли свою неприкосновенность владения, образовавшиеся путем покупки у сеньеров узурпированной ими земли. Охранявшая их давность, которая по проекту равнялась тридцати годам, составляла по декрету сорок лет до 4 августа 1789 г., т. е. к 1793 г. возрастала почти до сорока четырех. Владения более позднего происхождения подлежали пересмотру. Владельцы, купившие по закону и расчистившие купленный участок, могли быть легализованы на определенных условиях; остальные пользовались лишь правом преимущественного приобретения.

Декрет представлял самим общинам решение вопроса о разделе земель, но разрешал делить их только поровну между всеми членами общины. Всякий раздел, совершенный ранее и противоречивший этому требованию, подлежал аннулированию. Из раздела исключались общинные леса, болота до их осушки и участки, предназначенные для общественных надобностей. Что же касается судьбы других земель, то декрет,

как и проект, не ограничивался разрешением раздела, но открыто ему способствовал: достаточно было трети голосов, высказавшихся за раздел, чтобы раздел был произведен, и это решение не подлежало пересмотру. Продать или сдать в аренду участок общинной земли можно было только с разрешения Директории департамента и по представлении Директорией дистрикта отзыва, свидетельствовавшего, что раздел в данном случае неприменим и интересы общины требуют продажи или аренды. Поделенные участки составляли частную собственность владельцев, но не подлежали продаже в течение десяти лет: это ограничение должно было затормозить процесс концентрации бывшей общинной земли в руках деревенской буржуазии.

Эти два декрета о земле, от 3 и 10 июня, принятые в течение первой недели существования диктатуры якобинцев, были, очевидно, максимумом тех уступок, которые якобинцы готовы были сделать крестьянству. Совершенно очевидно, что эти участки были значительно меньше тех, которые были обещаны крестьянам в тревожные дни августа и начала сентября 1792 г. Ничего похожего на уравнительное распределение земли сделано не было, и обещание, содержавшееся в декрете 14 августа, не было исполнено. Не был вовсе затронут вопрос о «разделении ферм», за который взялись было под угрозой крестьянского восстания. Зато в деле разрушения сеньериального строя, в своем натиске на земельные притязания бывших сеньеров декрет 10 июня 1793 г. шел дальше декрета 28 августа 1792 г. и представлял собой одно из важнейших завоеваний революции.

Последующее законодательство 1793 г. отчасти делало необходимые выводы из принятых в июне декретов, отчасти ограничивало их действие. Декрет 25 июля, принятый по докладу Комитета отчуждений (докладчик Делакруа), «после нескольких поправок и небольших дебатов», как гласит протокол, представлял собою кодификацию всего законодательства об управлении национальными имуществами и о порядке их отчуждения.

Статья декрета о праве льготного приобретения эмигрантских земель неимущими недолго сохранялась в действующем революционном законодательстве. 13 сентября она была отменена и заменена следующим постановлением: «Главы семьи, не владеющие землей, не внесенные в налоговые списки и проживающие в коммунах, где нет общинных земель, получают возможность купить земли эмигрантов на 500 ливров каждый, с рассрочкой платежа равными частями на 20 лет без начисления процентов». Для этого администрация дистрикта должна была выдавать неимущим соответствующие боны.

Полная ликвидация феодализма

Конвент выполнил намерение издать закон о полной ликвидации феодализма не сразу после прихода к власти якобинцев. Только 15 июля вопрос был поставлен на обсуждение. Монтаньяр Изоре, сам землевладелец и сельский хозяин, внес предложение декретировать сожжение всех феодальных грамот; предложение было принято с поправками Шарлье и Делакруа. Это было новое 10 августа.

Правда, законодательство в данном вопросе лишь легализовало требования крестьян, проводившиеся ими в жизнь и помимо закона. В некоторых местах уже к осени 1792 г. прекратилось взимание сеньериальных повинностей, и бывшие сеньеры перестали обращаться к суду за поддержкой своих притязаний. Однако так было далеко не повсюду: имеются документальные доказательства претензий и исков бывших сеньеров к лицам, «обязанным» платить им повинности, и поэтому борьба крестьян за окончательное освобождение от феодального гнета все еще продолжалась. Бывшие сеньеры, пытавшиеся в конце 1792 г. в департаментах Обы и Обоих Севров оказать сопротивление крестьянам, только

вызвали новые выступления: крестьяне отобрали и сожгли сеньериальные грамоты, не встретив противодействия властей. Олар приводит документальные доказательства купли-продажи прав сеньериальных взиманий, отдельных платежей феодального характера и выкупа цензуальных повинностей даже в 1793 г. Подобные явления становятся реже, но они не исчезают. В виде курьеза можно отметить один случай, когда расписка от 10 июля удостоверяет поступление цензуального платежа в пользу государства (так как земля была эмигрантская), т. е. через месяц после прихода якобинцев к власти и за неделю до исчезновения последних следов сеньериальных поборов. И это — не единичное явление. Поэтому мероприятия якобинского Конвента, воплотившиеся в декрете 17 июля, были важным и необходимым делом, а не простым итогом предшествовавшего законодательства.

Повидимому, на основе предложения депутата Изоре сжечь феодальные документы, был разработан законопроект 17 июля, в обсуждении которого участвовали разные представители нового большинства Конвента: дантонист Лакруа, представитель болота Мэль, неустойчивый монтаньяр Мерлино и левый якобинец Билло-Варенн. Ни протокол, ни печать не передают содержания этого «общего обсуждения», вылившегося, по сообщению газет, в «долгие прения». Были установлены основные положения законопроекта: полная отмена феодальных прав; уничтожение феодальных грамот; прекращение в судах всех дел о феодальных взиманиях. Докладчиком законопроекта в заседании 17 июля выступил левый якобинец Шарлье. В его редакции, принятой Конвентом в тот же день, статьи 1-я и 2-я гласили: 1. Все прежние сеньериальные обязательства, феодальные, цензуальные, постоянные и случайные, единовременные (casuels), включая и те, которые были сохранены декретом 25 августа прошлого года, уничтожаются безвозмездно. 2. Из действия предыдущей статьи исключаются ренты и платежи, связанные с чисто земельными, а не с феодальными отношениями. Декрет предоставлял трехмесячный срок для сожжения феодальных документов, а в наказание за сохранение их устанавливал до пяти лет каторги. Дополнительная статья декрета предписывала министру внутренних дел разослать его для исполнения непосредственно муниципалитетам. Конвент справедливо опасался враждебного противодействия декрету со стороны Директорий департаментов и дистриктов.

Принципиально новым в этом декрете было то, что всякий сеньериальный титул и сеньериальное притязание превращались из права, хотя и плохо защищаемого законом, в преступление, караемое по всей строгости революционного закона.

Конвент ради уничтожения остатков феодализма должен был нарушить интересы буржуазных собственников, которые приобрели некоторые из феодальных прав. 2 октября он отклонил ограждавшее эти права предложение Комитета законодательства, настаивая на том, что всюду, где буржуазные права связаны с феодальным порядком, разрушение последнего неизбежно связано с ущербом для первых. При этом решении Конвент остался и 25 февраля 1794 г. (7 вантоза II года). Только выполнение статьи 6-й декрета — о сожжении в трехмесячный срок документов, содержавших упоминания о феодальных правах, — откладывалось с месяца на месяц, и 29 июня 1794 г. (11 мессидора II года) было отложено на неопределенное время. Это было вызвано многочисленными жалобами, особенно со стороны нотариусов, которые часто записывали на одном и том же документе обязательства чисто земельные и обязательства феодальные.

Ко второй половине июля, в разгар внешних и внутренних затруднений Французской республики, было, таким образом выковано мощное

оружие для защиты ее демократического режима. Этим оружием было аграрное антифеодальное законодательство якобинского Конвента.

В отличие от жирондистской власти, якобинская диктатура, пришедшая волей широких народных масс на смену Жиронде, привела к полному торжеству исконных требований французского крестьянства об освобождении земли от феодальной зависимости. Что касается требований крестьян на землю, то и якобинцы не в полной мере их удовлетворили. Они не шли в своей аграрной политике по пути радикального удовлетворения потребности крестьянской массы в земле. Передача эмигрантских земель крестьянам без торгов за умеренную ренту; раздел крупных ферм на меньшие; обеспечение арендного землепользования за умеренную ренту,— все эти лозунги борьбы крестьянских масс якобинцы, несмотря на свое обещание, не осуществили. Но все же крестьяне понимали значение для них общей политики якобинцев и в начавшейся гражданской войне приняли их сторону. Несмотря на продолжительную демагогическую агитацию жирондистов, несмотря на их попытки противопоставить деревню городу, несмотря на всевозможные посулы, жирондисты не нашли поддержки в крестьянских массах. Поддержку крестьян получили якобинцы и благодаря этому вышли из борьбы победителями.

Якобинское аграрное законодательство не везде и не во всех своих частях применялось с одинаковой строгостью. Но если обещанное по декрету 3 июня дробление продаваемых участков и не всегда происходило на деле, как явствует это из жалоб, поступавших в Конвент, то все же отнюдь нельзя сказать, как это делает Лучицкий, будто в ходе распродажи все осталось по-старому, и декреты от июня и июля 1793 г. оказались благими пожеланиями. Из многих мест различных районов страны в течение всего якобинского периода поступают известия о большем, чем прежде, дроблении продаваемых участков. Эти сообщения местной администрации, национальных агентов и комиссаров Конвента подтверждаются документальными данными о переходе земли участками, иногда очень дробными, к различным приобретателям, чаще всего к местным более или менее зажиточным крестьянам, прикупавшим землю. Такой порядок и такая практика распродажи сохранялись и после падения якобинцев до лета 1795 г., когда прериальский декрет Конвента кладет конец действию законов 1793 г. и возвращает распродажу национальных имуществ в прежние условия, восстанавливая действие декрета 3 мая 1790 г.

Уничтожение остатков феодализма без выкупа относится к тому «великому, неискоренимому», что принесли с собой и установили якобинцы. Декрет 17 июля, — как и декрет об общинных землях, восстанавливавший фонд крестьянских земель и благоприятствовавший их разделу, — представлял собою важное антифеодальное мероприятие. При этом он расходился с владельческими интересами некоторой части буржуазии. Издавая его, якобинский Конвент имел основание опасаться попыток его обойти. В отдаленных от центра департаментах его действительно старались замолчать, перетолковать или просто игнорировать. Гражданская война также мешала повсеместному и быстрому проведению декрета в жизнь. Конвенту и правительственным органам приходилось не раз напоминать о декрете 17 июля. 8 августа Конвент требует от министра внутренних дел, чтобы декрет об общинных землях и декрет об отмене всех феодальных рент без выкупа были опубликованы, а не выполняющие их представители местной власти — смещены с должностей. 7 сентября Конвент грозит лишением прав состояния тем, кто будет взимать феодальные цензуальные платежи. 17 сентября управление регистрации направляет на места инструкцию о применении декрета от 17 июля,

который «установил новые мероприятия, чтобы уничтожить феодальный режим вплоть до малейших его следов». Конвенту понадобилось после 17 июля издать 46 декретов по общим и частным вопросам ликвидации феодализма. Таким образом, издание декрета 17 июля отнюдь не завершило борьбу за окончательное уничтожение феодализма. Эта борьба, потребовавшая больших усилий, еще не освещена в историографии французской революции.

Аграрно-крестьянское законодательство якобинцев занимает почетное место в истории революции. Оно окончательно «превратило полукрепостных крестьян в свободных земельных собственников».

«Революционная расправа с отжившим феодализмом, — говорит Ленин, — переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими, к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, *переродив*, *обновив* ее хозяйственную основу». [1]

Будучи исторически прогрессивным, якобинское аграрное законодательство, однако, не могло выйти за пределы буржуазных отношений. Как всякая буржуазная революция, французская революция даже в период своего высшего подъема была неспособна разрешить до конца аграрный вопрос. Якобинцы не уступали жирондистам в своем враждебном отношении к «аграрному закону». Это значило, что и после политического поражения земельной аристократии помещичье землевладение, как вид неприкосновенной частной собственности, будет продолжать свое существование, хотя и на площади, несколько сокращенной революцией.

В буржуазной революции конца XVIII в. боровшееся за свое освобождение крестьянство свергло господство феодалов, но оно не добилось экономической независимости, экономического благосостояния. «Корни, пускаемые во французскую землю мелкой земельной собственностью, лишали феодализм всяких питательных соков».... «Но в течение XIX столетия... место аристократической земельной собственности занял буржуазный капитал», для которого «крестьянская парцелла стала лишь предлогом, позволяющим капиталисту извлекать из земли прибыль, проценты и ренту, предоставляя земледельцу самому заботиться о том, как бы выколотить для себя заработную плату». [2]

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 189.
[2] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М. 1938, стр. 103.

Глава девятая

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ ВНУТРИ ЯКОБИНСКОГО БЛОКА (ОСЕНЬ 1793 Г. И ЗИМА 1793-1794 Г.Г.)

БОРЬБА ЗА ВТОРОЙ МАКСИМУМ

СОБЫТИЯ 5 сентября явились поворотным пунктом в социально-экономической политике Конвента. Грозная опасность, которую переживала молодая республика осенью 1793 г. в связи с гражданской войной, с поражениями на фронтах, определила ту обстановку, в которой со всей остротой был снова поднят вопрос о максимуме. Борьба с голодом, проблема продовольствия и снабжения народных масс стали решающими вопросами. Успешное разрешение их должно было привести к спасению республики, в противном случае угрожала гибель. Исключительное значение поэтому имел принятый Конвентом 11 сентября декрет о единых твердых ценах на зерно, муку и фураж на территории всей республики. Статья первая этого декрета гласила: «Запрещается продавать зерно и муку где-либо, кроме рынков». Ограничение продажи зерна и муки территорией рынков объясняется тем, что только на рынках возможен был контроль над соблюдением твердых цен. За нарушение максимума устанавливался штраф с продавца в двойном размере стоимости проданного товара. Владельцам зерна и муки вменялось в обязанность подавать местным властям заявления о наличных запасах для всеобщей переписи зерна и муки; на муниципалитеты возлагалась обязанность проверять правильность этих сведений путем домашних обысков. Мельникам запрещалось торговать зерном или хлебом. Нарушение закона каралось 10 годами тюремного заключения. Для всех мельников была введена обязательная общественная служба; за прекращение работы или неповиновение реквизициям устанавливался штраф до 3 тыс. ливров. Цена квинтала (100 кг) пшеницы высшего качества утверждалась в размере 14 ливров, цена самой лучшей муки — в 20 ливров за квинтал. Администрация получила право реквизиции зерна и муки. Войска должны были снабжаться только путем реквизиции. Министерству внутренних дел поручалось объявлять в хлебных департаментах реквизиции, «необходимые для снабжения нуждающихся департаментов и округов».

Твердые цены на предметы первой необходимости

Чем объяснить, что Конвент, большинство которого состояло из приверженцев свободы торговли, принял этот декрет, усиливающий действия закона 4 мая? Чем объяснить, что Комитет общественного спасения фактически превращал в закон ряд программных требований бешеных?

Суровая действительность военного времени заставляла Конвент встать на путь принудительных мер, на путь реквизиций и максимума. 5 сентября собравшаяся на Гревской площади огромная толпа требовала от Конвента немедленного введения всеобщего максимума. Конвент обещал в течение недели выполнить требование народа и ввести твердые цены на все продукты первой необходимости. Однако закон о всеобщем максимуме был принят только 29 сентября. Комиссия шести, которой Конвент поручил разработать проект закона о всеобщем максимуме, не слишком спешила с этим чрезвычайно важным делом. Поэтому 14 сентября Женисьё в самой категорической форме потребовал, чтобы Комиссия немедленно представила Конвенту законопроект о всеобщем максимуме. «У торговца, — заявил Женисьё, — должна быть отнята возможность продавать в дальнейшем по дорогой цене сукно, тогда как он будет покупать хлеб по дешевой цене». Женисьё защищал интересы широких масс крестьянства; введение всеобщего максимума должно было восстановить равновесие между ценами на сельскохозяйственные продукты и на промышленные товары. Конвент пополнил Комиссию пятью новыми членами. Однако Комиссия продолжала работать медленно. Некоторые из членов ее явно саботировали. Они даже перестали являться на заседания Комиссии, чтобы выиграть время. И трудно сказать, долго ли топталась бы на месте Комиссия, если бы не новое вмешательство народных масс Парижа.

22 сентября возмущенная медлительностью законодателей Коммуна и ее 48 секций отправили в Конвент депутацию, чтобы напомнить Конвенту об его обещании. Народное вмешательство возымело свое действие. На следующий же день, 23 сентября, Комиссия представила Конвенту свой законопроект. Сторонники свободы торговли выступили в прениях против законопроекта. «Граждане, — восклицал Тюрио, — для счастья народа необходимо сохранить торговлю во всей ее силе». Дискуссия в Конвенте продолжалась до 29 сентября, когда закон о всеобщем максимуме был окончательно утвержден.

Всеобщий максимум

По закону 29 сентября предметами первой необходимости, подлежащими действию закона о максимуме, считались: мясо, сало, масло, рыба, водка, сидр, топливо, свечи, соль, сахар, кожа, черный и цветной металл, материи и сырье, полуфабрикаты, мыло, табак и пр.

Максимум на дрова устанавливался из расчета цены 1790 г. с надбавкой половины прежней цены. На табак, соль и мыло устанавливались единые для всей республики цены, подобно максимуму на зерно, муку и фураж. На все же остальные предметы первой необходимости цены устанавливались, исходя из цены этих товаров в 1790 г. с надбавкой в одну треть. Первые статьи закона шли навстречу интересам широких народных масс. Но последние два пункта закона распространяли действие максимума на заработную плату рабочих; она устанавливалась коммунами на базисе ставок 1790 г. с надбавкой в 50%; одновременно муниципалитетам предоставлялось право «реквизировать» рабочую силу и «наказывать, смотря по обстоятельствам, тремя днями ареста рабочих, ремесленников и других занимающихся физическим трудом лиц, если они без уважительных причин откажутся от исполнения своих обычных работ». Таким образом, в качестве дополнения к максимуму на предметы первой

необходимости, к этому требованию санкюлотов, Конвент ввел максимум на заработную плату и право принудительного найма рабочих.

На первый взгляд отношение между максимумом на цены товаров и максимумом на заработную плату было в пользу рабочих: товарные цены 1790 г. увеличивались на одну треть, а к ставкам заработной платы 1790 г. прибавлялась половина. Но это преимущество на стороне рабочих было лишь кажущимся: максимум на товары гораздо легче можно было обойти, чем максимум на заработную плату. Вот почему статьи о максимуме на заработную плату вскоре явились одним из существенных пунктов разногласий между якобинцами и плебейской массой города и деревни.

Принятый Конвентом в результате настойчивых и грозных требований санкюлотов в городах и части крестьянства в деревнях всеобщий максимум был с удовлетворением встречен народными массами республики.

Интересные и убедительные данные об откликах на закон о максимуме собраны А. Матьезом в его работе «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора».

1 октября Лежандр (из Ньевра), комиссар Конвента в Алье, сообщает из Шарите на Луаре, что «население его департамента приняло декрет... как одно из самых больших благодеяний Конвента; он поднял дух народа». Якобинцы из Сен-Жан-дю-Гар 10 октября приветствуют Конвент за то, что он «одним сильным ударом поразил интриганов и умеренных, декретировав твердые цены на предметы первой необходимости». 9 октября якобинцы из Бона пишут Конвенту: «Законодатели, вы совершили великий акт справедливости... Вы разбили козни интригующей аристократии, которая стремилась добиться контрреволюции, организуя голод... Ваш декрет хорош уже тем, что богатые осуждают его и клевещут на него. Обездоленные, бедняки, народ благословляют закон о максимуме, а одобрение народа — лучшая из всех санкций... Объявите врагом рода человеческого честолюбивого купца, который посмеет обратиться к вам с лживыми заявлениями, диктуемыми его ненасытной жадностью. Постановите, чтобы имя его было напечатано и обнародовано по всей республике, дабы во всей Франции его считали пятном и позором страны». Ряд других городов тоже шлет приветствия Конвенту, соединенные с угрозами по адресу торговцев.

Борьба крупной буржуазии и кулачества против максимума

Если закон о максимуме нашел сочувственный отклик в массах, то проведение его в жизнь далеко не соответствовало тому, чего ожидали от него народные низы. Торговцы крупные и мелкие, промышленники, «алчные фермеры», мельники, зажиточные крестьяне всеми способами обходили и нарушали закон о всеобщем максимуме. Как писала обо всей этой бесчисленной своре закононарушителей газета Эбера «Отец Дюшен», «они плевали на декрет Конвента».

Продажа товаров и продуктов из-под полы, вне рынка, с нарушением таксы, злостное сокрытие товаров, крупная и мелкая спекуляция, фальсификация продуктов, срыв закона об обмолоте зерна — со всем этим пришлось столкнуться революционному правительству в первые же дни действия закона 29 сентября. Всюду процветала торговля из-под полы; спекуляцией занимались люди самого различного положения и звания: бывшие монахини и бывшие графини; бывший маркиз торговал сапогами, кузнец — материей, сапожник — кофе и сахаром, булочник — вином и водкой.

Торговцы усиленно прятали продукты, и делегаты секций требовали организации домашних обысков для обнаружения скрытых товаров. Исключительно тяжело было продовольственное положение революцион-

ного Парижа. Из восставшей Вандеи прекратился ввоз быков в Париж, в Нормандии иссякли запасы скота, с войной прекратился ввоз мяса из-за границы, а между тем нужно было кормить еще огромную армию.

В Париже ежедневно можно было наблюдать такие картины: «На мясном рынке сбилась в кучу громадная, рвущаяся к лоткам толпа; тысячи людей теснятся в узких проходах рынка, в страшной давке не щадят никого, нередко в толпе давят беременных женщин. Охрана рынка, сама не всегда безупречная по части спекуляции, грубо выстраивает женщин гуськом, и они, стуча зубами от холода, шаг за шагом подвигаются к лоткам, но не всегда получают продукты, которые часто оказываются уже распроданными. До рассвета перед булочными возникают длинные очереди (впервые именно тогда получившие кличку «хвостов» — queues), а спекулянты-булочники нередко прячут и даже гноят хлеб в земле, в сырых подвалах своих домов. В гавани по несколько ночей дежурят за углем. Парижанам приходится ходить за дровами в пригородные леса или распиливать на дрова свои кровати. Замерзли водоемы, подвоз воды сильно вздорожал, а когда водоемы оттаяли, около них образовался хвост людей, которые сами носили себе воду».

Характерны донесения секретных агентов министерства внутренних дел:

«... Торговцы съестными припасами, очевидно, находятся в связи с агентами деспотов. Последние пытаются уничтожить сограждан железом, а первые — ядом. Масло, продаваемое в бакалейных лавках, и вино максимально фальсифицируются» (из доклада о положении в Париже 17 октября 1793 г.). 15 сентября сообщается, что булочники кладут в хлеб золу для того, чтобы он был тяжелее, а также, чтобы вызвать недовольство. «Рынки снабжены очень плохо. Стоит только крестьянину появиться, как фурии, переряженные в женщин, бросаются на него и забирают все его товары. Затем они спорят о цене, и случается, что несчастный не знает, кто же забрал его товар. Вчера один из этих крестьян был избит женщинами за то, что он хотел продать свои продукты выше максимума».

Многие товары, в особенности различные предметы первой необходимости, становились с каждым днем все более редкими. Не было ни сахара, ни растительного масла, ни мыла.

В декабре 1793 г. один из агентов министерства внутренних дел, Гривель, пишет: «Мясники — это каста, столь же жестокая, как и аристократия. Повсюду слышны жалобы на них; все граждане жалуются, что они сосут народную кровь... Другая категория людей, еще более опасная, которая препятствует свободному применению благодетельного закона о максимуме, — это маклера. В бакалейных лавках уверяют, что они занимаются тайной торговлей». «Мясники не продают телятины санкюлотам, говорят, что у них ее нет, или что она им самим дороже стоит». Один из агентов обращает внимание на убой коров мясниками, что вредно отразится на поголовье крупного рогатого скота. «Торговцы дровами совершенно прекратили торговлю». «Повсюду жалуются на плохое качество хлеба... Когда хлеб трудно было получить, он был хорош, а теперь, когда он доступен всем, он стал настолько отвратителен, что многие от него заболевают. Этот хлеб не переваривается организмом, он вызывает расстройство желудка; нужно опасаться, что это приведет к эпидемическому заболеванию»... «Цены на все самые необходимые предметы возрастают с каждым днем по капризу торговцев. Народ все время требует, чтобы этому был положен конец». «Повсюду требуют, чтобы министр внутренних дел выяснил, почему в Париже нехватает сливочного масла и яиц; говорят, что крестьяне предпочитают, чтобы их товары портились, чем продавать их в Париже по максимальной

лене; они не делают масла из молока, а поят им скот»... «На жалобы покупателей торговцы отвечают: «Через месяц и этого не будет, — заберут для армии»... «Мясники продают бычьи головы и ноги, говоря: «Вот вам максимум!» Многие стараются сделать запасы мяса. В народе большая тревога».

Помимо мер карательного характера в борьбе с нарушениями максимума революционное правительство принимает целый ряд организационных и экономических мероприятий, чтобы улучшить проведение в жизнь закона о максимуме. В Париже под давлением секций Коммуна 29 октября ввела хлебные карточки. Уже с августа эту меру применяло несколько секций Парижа. На заседании Якобинского клуба 27 октября один оратор заявлял: «Если ввести хлебную карточку, каждый гражданин должен будет обращаться только к своему булочнику и не сможет два раза требовать хлеба; не будет больше толпы у булочных... Злонамеренные лица не смогут больше притеснять матерей семейств, иногородние не смогут вывозить хлеб из Парижа; не будет больше ни штыков у дверей булочных, ни кордонов у застав; все это окажется ненужным». С введением хлебной карточки все население обязывалось подать сведения о потребном количестве хлеба. Выпечка хлеба каждой пекарней обусловливалась этими заявками. На печатание карточек и их раздачу ушло два месяца, и лишь к концу декабря их стали применять во всех секциях Парижа.

В донесениях секретного агента министерства внутренних дел Гривеля, наблюдательного и образованного якобинца, разбиравшегося в экономических вопросах, отмечаются положительные результаты введения хлебных карточек: хлеба достаточно, очередей нет. 21 декабря Гривель сообщал: «Выдача хлебных карточек заканчивается. У дверей булочных нет больше толпы... Враждебные элементы... огорчены таким положением».

В упомянутой нами работе А. Матьеза собран ценный материал о введении хлебных карточек в провинции. Многие города (Бовэ, Оксер, Мамер, Безансон и др.) ввели у себя хлебные карточки. Городские власти в ряде городов производили реквизицию запасов, регулировали закупки продовольствия, держали под ежедневным контролем продажи. Безансонский муниципалитет по требованию безансонских якобинцев регулировал снабжение населения города хлебом. Пекарь, уличенный в выпечке хлеба плохого качества или с примесями, лишался права продолжать свое ремесло; за его счет нанимали рабочих, которые пекли хлеб в его хлебопекарне. Хлеб, выпеченный этим пекарем, подлежал конфискации, и на дверях его жилища делалась надпись: «Этот пекарь злоупотребил доверием, он враг народа».

«Хлеб равенства»

В целях экономии зерна Конвент 25 ноября (5 фримера) запретил на территории всей республики выпекать хлеб повышенных сортов. Разрешалось выпекать и продавать только хлеб одинакового помола, так называемый «хлеб равенства». Комиссары Конвента решительно подавляли сопротивление булочников и зорко следили за выполнением этого закона, подчеркивая, что выпечка хлеба различных сортов «противоречит духу равенства между всеми гражданами» и что, в особенности, «во времена нужды не следует являть бедняку зрелище богатого эгоиста, уписывающего белый хлеб, тогда как бедняк вынужден питаться хлебом более низкого качества».

В Париже и в некоторых крупных городах пришлось ввести также мясные карточки. Вначале предполагалось закрыть на определенные сроки скотобойни, но вместо этого прибегли к мясной карточке. Частично в Париже и некоторых других городах вводили карточки также и на мыло, масло, сахар, соль и пр.

Революционная действительность опрокинула теоретическую доктрину буржуазной революции — свободу торговли и промышленности. Постепенно торговля предметами первой необхдимости все более и более концентрировалась в руках государства. По образному выражению Барера, вся Франция превратилась в «одну сплошную осажденную крепость», в которой «все объявлено было общим, для того, чтобы отразить врага».

Террор и максимум требовали диктатуры центральной власти. Принципы революционного правительства сформулированы в знаменитых декретах 10 октября и 4 декабря 1793 г. На ряду с централизацией политической власти необходимо было провести экономическую централизацию.

Для упорядочения и централизации снабжения во всей республике и для контроля за проведением всеобщего максимума Конвент декретом от 22 октября создал Центральную продовольственную комиссию; с 12 ноября она получила исключительное право на производство реквизиций и на распоряжение всем урожаем. Для проведения в жизнь своих мероприятий Продовольственная комиссия имела право опираться на вооруженную силу в департаментах, округах и муниципалитетах; с разрешения Комитета общественного спасения комиссия прибегала к помощи созданной 5 сентября революционной армии, в задачу которой входило «приведение в исполнение всюду, где это понадобится, революционных законов и мер общественного спасения, декретированных Конвентом», и, в частности, «помощь продовольственному снабжению».

В виду того, что местные власти сплошь и рядом устанавливали «свой» максимум с более высокими ценами на товары местного происхождения, Конвент (1 ноября) поручил Продовольственной комиссии выработать всеобщую и единую таблицу твердых цен всех товаров на местах. К цене товара 1790 г. с надбавкой на одну треть прибавлялись еще: накидка на транспорт, прибыль оптового торговца в 5% и розничного в 10%.

Грандиозная работа по составлению этой таблицы максимума была проведена в течение трех месяцев. «Естествоиспытатели и врачи ценой долгих работ составили таблицы смертности рода человеческого, — заявлял Барер, — мы за три месяца составили таблицы жизни народа».

Поддержка якобинской диктатуры плебейскими массами и деревенской беднотой

Целый ряд продовольственных мероприятий этого периода носит на себе в известной мере печать влияния эбертизма, сыгравшего такую выдающуюся роль в событиях 5 сентября. В этом смысле характерны высказывания правительственного официоза «Антифедералист» («Antifédéraliste»). Они приведены у Матьеза. В номерах от 13, 14 и 15 октября 1793 г. серия статей отражала взгляды Шомета и Эбера. Причины недостатка продуктов, как указывалось в этих статьях, прежде всего—в реквизиционной неразберихе. Три инстанции: комиссары Конвента, комиссары городов и местная администрация уполномочены производить реквизиции. Функции их скрещивались, и они мешали друг другу. Необходимо ликвидировать применявшиеся до сих пор «ограниченные, частичные и медленные средства». Дело вовсе не в отсутствии хлеба. Наоборот, амбары полны, урожай выдался хороший. «Препятствия лежат в самих людях». В статьях бичуется далее скрытый федерализм департаментских властей. Они опираются на арендаторов «с душою собственников, а не республиканцев». Автор громит злонамеренных, которые сеют панику, и тех, которые восприимчивы к ней. Он говорит о всех видах открытых или тайных контрреволюционеров, которым осталась лишь надежда на продовольственные волнения.

В заключение предлагалось для упорядочения продовольственного дела «объявить весь урожай национализированным». «Все то, что необ-

ходимо всем, есть общественная собственность, которая эксплоатируется частными лицами». Во время революции нельзя «оставлять в частных руках торговлю предметами первой необходимости, а тем паче торговлю, возникшую и выросшую при режиме деспотизма». Автор признает, что уже нанесены чувствительные удары злоупотреблениям во всех областях торговых сделок, но подчеркивает, что «необходимо направить эти удары в самый корень». Эти идеи имели, очевидно, широкое распространение и большую популярность.

«... Вся Франция является магазином, зернохранилищем, арсеналом республики; все запасы и магазины принадлежат ей», — так писали французские газеты того времени. «Вся продукция нашей страны, — заявлял Барер 22 октября, — составляет собственность всей нации, всякая недвижимость принадлежит государству».

«Отец Дюшен» Эбера обвинял в контрреволюции всех торговцев, арендаторов, спекулянтов, которые игнорируют декреты Конвента. Газета утверждала, что недостаток хлеба в Париже есть результат заговора контрреволюционеров, жирондистов; как только «головы последних очутятся в мешке», «серебро, золото и мука вернутся в изобилии. Вот тот гордиев узел, который мы собираемся разрубить».

Утверждения эбертистов, что недостаток хлеба в Париже есть результат заговора, не лишены были известного основания. Еще в 1792 г. жирондистская печать грозила прекращением подвоза продуктов. Со дня принятия первого максимума жирондисты пугали крестьян пагубными последствиями этой меры. Руководители продовольственного дела в Париже — Дефаван и Гарен — говорили в своем докладе министру внутренних дел Гара о существовании плана уморить Париж голодом. Округ Понтуаз запретил вывоз хлеба, а департамент Сены и Уазы оставил в силе это запрещение, несмотря на протест парижских властей. Этот же маневр — запрещение вывоза хлеба — был повторен, например, в начале федералистского движения в ряде нормандских департаментов, особенно в Кальвадосе.

Жирондисты старались уверить население департаментов, что в Париже имеется масса продуктов, что вся Франция голодает из-за того, что парижане получают хлеб по пониженной цене. Один из методов борьбы контрреволюции 1793—1794 гг. состоял в том, чтобы помешать ввозу продуктов в Париж и обречь на голод «великий» город, мозг и сердце революции.

Обострение классовой борьбы в деревне в период второго максимума

Применение на практике законов о максимуме привело к новому сильнейшему обострению классовой борьбы в деревне.

До 11 сентября разрешалось реквизировать лишь излишки урожая. Крестьянин имел право оставить для себя годичный запас хлеба, и, кроме того, семена для посева. Чрезвычайные нужды военного времени, в первую очередь снабжения армии, заставили Конвент декретировать 15 ноября 1793 г. (25 брюмера) отмену так называемого семейного запаса. Весь урожай объявлялся национальной собственностью, поступал в распоряжение Продовольственной комиссии и концентрировался в государственных зернохранилищах. Отныне революционное правительство должно было взять на себя руководство распределением всего продовольствия между производящими и потребляющими районами. Рыночная продажа хлеба прекратилась. Таким образом, как городское, так и сельское население должно было снабжаться из общегосударственных фондов.

Зажиточные крестьяне, имевшие наибольшие запасы хлеба, подрывали продовольственную политику Конвента; они уклонялись от реквизиций,

старались переложить тяжесть хлебных поставок на сельскую бедноту. Среди состоятельных элементов деревни процветала спекуляция хлебом, продажа его на сторону горожанам и подпольным хлеботорговцам. Нередки были случаи прямого сопротивления фермеров властям при реквизициях. В качестве примера приведем случай с саботажником Брюньоном, фермером из Восьена (из Эпернейского округа, департамента Марны), который отказался выполнить приказ властей о доставке в Эперне 40 буассо хлеба. Когда власти решили принудительно обмолотить хлеб в риге самого Брюньона, фермер моментально известил крестьянок соседней деревни, что продает им хлеб ниже максимума. Прибежавшие на зов Брюньона женщины мгновенно разобрали хлеб. Когда местные власти направили к Брюньону полицейских, он упрямо твердил, что он хозяин своего хлеба. Тогда окружные власти конфисковали у Брюньона весь оставшийся хлеб. Но департамент отменил это постановление. В это дело вмешалось местное республиканское общество и довело его до Конвента.

Нередки были случаи сокрытия и заведомой порчи хлеба. В одной коммуне, например, зерно нашли спрятанным в навозе. Богатый крестьянин заявлял: «Я хозяин своего хлеба, умирайте с голоду, а я своего хлеба не дам никому».

Секретный агент министерства внутренних дел Сире сообщает 15 января 1794 г. о саботаже среди фермеров в окрестностях Парижа: «Они бьют и скрывают свиней». Министр внутренних дел Паре в прокламации от 23 октября 1793 г. (2 брюмера II года) «Ко всем собственникам зерна и муки» с величайшим возмущением писал об «алчных собственниках», которые предпочитают кормить рожью своих лошадей, лишь бы не продавать ее по твердым ценам. Иногда фермы оказывались настоящими центрами вооруженной борьбы и мобилизации контрреволюционных сил кулачества против революционного правительства.

Тяжелое положение крестьянской бедноты

Продовольственный кризис конца 1793 г. значительно ухудшил положение беднейших слоев деревни. Обстоятельства вынуждали бедняков обращаться за хлебом к их зажиточным односельчанам, мельникам и пр., а те продавали им хлеб по спекулятивным ценам. Хуже всего было положение батраков. Вот почему беднейшая часть французской деревни приветствовала издание «благодетельного закона» о максимуме и горько жаловалась впоследствии на его невыполнение.

Согласно закону 11 сентября батракам в тех деревнях, где не было рынков, предоставлялось право приобретать хлеб у местных землевладельцев по бонам, выдававшимся муниципалитетами. Но деревенская беднота не получила права реквизиции хлеба у среднего и зажиточного крестьянина. Зажиточный фермер сплошь и рядом отказывал бедняку-крестьянину в продаже хлеба по твердым ценам. И это вовсе не считалось нарушением закона.

Когда во главе коммун и муниципалитетов стояли деревенские санкюлоты, они, подобно своим собратьям, городским санкюлотам, превращали боны на покупку хлеба у местных фермеров в своеобразные ордера на производство реквизиции. Для выявления хлебных излишков у крестьян-богатеев они прибегали нередко к домашним обыскам. Но деревенской бедноте лишь в очень редких случаях удавалось захватить руководство в коммунах и муниципалитетах. По большей части беднейшие элементы деревни оказывались беззащитными перед «алчностью» этих «чудовищ революции», спокойно смотревших на то, как бедняк «умирает с голоду даже с деньгами в руках».

«Общество свободных людей» в Ле-Реженеран жаловалось на «антро-

пофагов» революции, которые «презирают благодетельный закон о максимуме. Когда патриоты довольствуются полуфунтом хлеба в сутки... у этих чудовищ хватает варварства отказывать нам в предметах первейшей необходимости, которые они продают частным лицам за 138 ливров, тогда как по закону мы не можем давать им более 16».

Такого рода действия собственнических элементов обостряли классовую ненависть бедняков и приводили к тому, что деревенская беднота обычно оказывала содействие властям в выявлении хлебных излишков, припрятанных богатыми фермерами, разоблачала случаи продажи хлеба по спекулятивным ценам, саботажа с обмолотом, сокрытия хлебных излишков и пр. По закону 11 сентября 1793 г. граждане, разоблачившие факты купли-продажи вне рынка, имели право получить половину штрафа, установленного за нарушение закона (в размере двойной стоимости конфискованного товара); другая половина штрафа поступала в пользу коммуны.

В некоторых случаях коммуны и муниципалитеты раздавали конфискованное зерно нуждающимся; это стимулировало бедноту к разоблачению кулаков-закононарушителей. Но бывало иногда и так, что крестьянин-бедняк, вынужденный приобретать хлеб выше таксы у зажиточного фермера, становился как бы соучастником преступления и не выступал в качестве разоблачителя.

Там, где были организованы отряды «революционной армии» или продовольственные отряды из национальной гвардии, или же дружины санкюлотов, имелось значительно больше возможностей для осуществления революционной продовольственной политики. Рекрутировались такие отряды из преданных революции «добрых санкюлотов». «Многочисленные отряды революционной армии будут переходить из округа в округ, из коммуны в коммуну, вселяя ужас в души аристократов и эгоистов», — писал комиссар Конвента в Верхней Гаронне.

Однако революционное правительство не обеспечило сельской бедноте влияния в муниципалитетах, наблюдательных комитетах и народных обществах. Реквизиция хлебных излишков у кулаков проводилась им недостаточно энергично. Деревенская беднота не получала даже самого незначительного пайка (по твердой цене), и потому содействие революционных санкюлотов деревни продовольственной политике Конвента не дало ощутительных результатов.

Но по своей классовой природе революционное правительство и не могло последовательно защищать интересы деревенской бедноты (к ней следует отнести: non récoltants, manouvriers, ménagers). Поэтому оно не могло также прочно привязать к себе деревенскую бедноту и оторвать широкие слои среднего крестьянства от кулацкой верхушки деревни. И лишь в отдельных случаях некоторые агенты правительства, особенно комиссары Конвента (например, Мор, Лебон, Лоран и др.), принадлежавшие к левому крылу монтаньяров, сознательно проводили политику решительного нажима на крупных землевладельцев и деревенских кулаков и более или менее последовательно поддерживали бедноту в ее борьбе против сельской буржуазии.

Борьба сельскохозяйственных рабочих против нанимателей

Крайне обострилась классовая борьба в деревне в связи с законом Конвента о принудительном засеве полей безлошадных крестьян, а также с объявлением поголовного ополчения. Первый из них — закон о принудительном посеве для безлошадных — требовал от односельчан обязательной помощи безлошадным в сельскохозяйственных работах. Сплошь и рядом за такую «подмогу» зажиточные крестьяне брали от бедняка чрезмерную плату, заставляли его отра-

батывать эту плату на самых кабальных условиях. Все это вызывало справедливые нарекания безлошадных крестьян. Они заявляли, что лучше уж совсем откажутся от обработки своего клочка земли, и сдавали свои участки тем же кулакам.

Осенью 1793 г. замечается значительное ухудшение отношений между сельскохозяйственными рабочими и их нанимателями. К этому времени весьма усилился спрос на рабочие руки в связи с проведением массового набора в армию. В борьбе сельскохозяйственных рабочих за повышение заработной платы робеспьеристское правительство всегда защищало интересы нанимателей. Закон 29 сентября 1793 г. ввел максимум на заработную плату. Этот максимум устанавливался деревенскими муниципалитетами, во главе которых стояли середняки и зажиточные крестьяне. Революционное правительство предоставило местным властям также право принудительной мобилизации сельскохозяйственных рабочих для уборки хлеба и его обмолота. Закон грозил рабочим, не подчиняющимся этой мобилизации, суровой карой. Закон Ле-Шапелье от 14 июня 1791 г. не только не был отменен якобинским правительством, но был даже усилен рядом новых постановлений.

«Весьма характерно для Робеспьера, — писал Маркс, — что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 г. считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания *против* рабочих продолжали сохранять свою силу»[1]

По закону 16 сентября 1793 г. поденщики, мобилизованные в распоряжение фермеров и осмелившиеся бастовать, чтобы добиться повышения заработной платы, карались заключением в тюрьму сроком на 9 месяцев и содержались в кандалах. Специальные постановления Комитета общественного спасения от 26 и 30 мая 1794 г. (7 и 11 прериала II года) грозили рабочим судом Революционного трибунала не только за участие в стачке, но и за отказ подчиниться реквизиции рабочей силы. Как центральные, так и местные власти выступали во всех случаях конфликтов против сельскохозяйственных рабочих на стороне нанимателей.

Несмотря на всю противоречивость экономической политики якобинского Конвента в целом, необходимо признать, что эта политика спасла революционную Францию.

Несомненно, максимум и реквизиции спасли плебейские массы в городах (и прежде всего в Париже) от голодной смерти и в тяжелой обстановке гражданской и внешней войны, блокады и разрухи обеспечили регулярное снабжение армии оружием, снарядами и продовольствием. Конечно, городским низам и деревенской бедноте в обстановке «осажденной крепости» приходилось терпеть большие лишения, — об этом ярко свидетельствуют вышеприведенные донесения секретных агентов, — но не будь максимума, реквизиций и террора, положение низов было бы еще несравненно хуже.

ЯКОБИНСКИЙ БЛОК ОСЕНЬЮ 1793 г.

Борьба робеспьеристов с эбертистами

По своим социально-политическим тенденциям якобинцы непосредственно представляли интересы мелкобуржуазной демократии Франции. В условиях революционного времени из мелкобуржуазных слоев города и деревни непрерывно вырастала «новая буржуазия». Распродажа национальных имуществ, затруднения в снабжении городов продовольствием и спекуляция на продовольственных продуктах, по-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 234.

ставки на армию — все это создавало благоприятную почву для роста «новой буржуазии». Ее тенденции и интересы представляла в среде якобинцев «правая» группа Дантона. Отсюда стремление дантонистов к соглашению со старыми буржуазными группами — жирондистами. Отсюда их противодействие всему, что могло представляться препятствием для капиталистического накопления. С другой стороны буржуазная революция не могла остановить процесс пролетаризации низших слоев мелкой буржуазии и крестьянства. Это создавало почву для образования в среде якобинцев «левой» группы — группы Шомета и Эбера. После расправы якобинцев с бешеными эта группа усваивает значительную часть лозунгов бешеных и выступает в качестве защитницы интересов плебейских масс.

В период от революции 31 мая — 2 июня до конца июля 1793 г. у власти стояла дантонистская группа. Необходимость более решительных мероприятий в борьбе с контрреволюцией и интервенцией, необходимость пойти в известной мере навстречу социальным требованиям плебейских масс, как надежнейшей опоры революции, вынудили Конвент устранить от власти Дантона и его сторонников. С этого момента руководящую роль играли робеспьеристы. Робеспьеристы, как и Руссо, социальной теорией которого они вдохновлялись, были очень умеренны в своих социальных взглядах, отнюдь не выходивших за пределы буржуазного строя. Сила робеспьеристов была в том, что они поняли необходимость известных временных ограничений частной собственности. Под давлением плебейских масс, возглавлявшихся в этот период эбертистами, якобинцы провели ряд законов, отвечавших интересам масс. В этот период — с сентября 1793 г. до марта 1794 г. — диктатура якобинцев «была подлинной диктатурой низов». Но в своих мероприятиях, шедших навстречу требованиям плебейских масс и деревенской бедноты, якобинская диктатура далеко не отличалась той твердостью и ясностью, которая так свойственна ей в борьбе за уничтожение феодализма, за политическую демократию. Проведенные робеспьеристами социальные мероприятия зачастую осуществлялись на практике лишь в сравнительно скромных размерах, а иногда и вовсе не осуществлялись. Робеспьеристы очень часто останавливались в нерешительности перед тем сопротивлением, которое оказывали этим мероприятиям «имущие». Социальная политика робеспьеристов была полна колебаний; на ряду с такими законами, как законы о максимуме, о реквизициях, о конфискации имущества контрреволюционеров, издавались законы, серьезно затрагивавшие интересы рабочих масс. Тем не менее историческое значение якобинской диктатуры огромно. Оно определяется тем, что якобинцы, действуя в союзе с народными массами, опираясь на них, спасли буржуазную революцию в труднейший период внешней интервенции и внутренних контрреволюционных заговоров; тем, что они «плебейскими» методами ликвидировали феодализм и расчистили путь для развития капитализма; тем, что они были наиболее решительными и наиболее последовательными борцами за дело революционной буржуазии своего времени.

Период революции с осени 1793 г. до весны 1794 г. включительно отмечен ожесточенной борьбой внутри якобинской партии. В августе — сентябре 1793 г. значительно возрастает политическая роль и активность эбертизма.

Эбертисты далеко не представляли собою однородной группы, как далеко не были похожи друг на друга и их вожди.

Жак-Рене Эбер пользовался большой популярностью, как издатель народной газеты «Отец Дюшен», имевшей, несомненно, громадное поли-

тическое влияние. Тираж ее быстро вырос с 3 до 12 тыс. экземпляров, она продавалась нарасхват. Комиссары Конвента вынуждены были иногда перепечатывать ее на местах для распространения в войсках; то же приходилось порой делать и местным отделениям Якобинского клуба, в особенности на юге Франции, в районе, очищенном от федерализма, где революционные настроения были особенно сильны. На санкюлотов производил большое впечатление самый язык «Отца Дюшена» — своеобразная грубовато-развязная подделка под народный язык, даже с ругательствами. Но еще большее воздействие оказывало, конечно, самое содержание газетных статей, в которых Эбер чутко отзывался на злобу дня, выражая накипевшую в плебейских массах ненависть к их политическим и социальным противникам.

Эбер писал, что «богач — эгоист, бесполезное существо,... он лопнет от стыда или нищеты, или, вернее, что эта зачумленная раса совсем исчезнет». Он спрашивал: «Что бы с нами было без святой гильотины»? Наконец, он давал добрый совет всем республиканцам: они не должны признавать никакого иного богослужения, кроме служения свободе и равенству. Его статьи звали на борьбу за революцию против богачей и спекулянтов и контрреволюционной церкви. Санкюлот видел в Эбере выразителя своих настроений, несмотря даже на то, что по существу у Эбера не было цельной социальной программы.

Более способным к самостоятельному политическому мышлению был другой видный вождь эбертистов — Пьер-Гаспар, или, как он себя назвал уже в период революции в честь античного философа, — Анаксагор Шомет. Бывший юнга на корабле, фельдшер и школьный учитель, Шомет с началом революции весь ушел в политическую жизнь и вскоре занял ответственный пост: осенью 1793 г. он был избран прокурором Коммуны, т. е. одним из руководящих лиц парижского городского самоуправления, игравшего в общем ходе революции огромную роль. Трудолюбивый и добросовестный, с педантической аккуратностью отсиживавший в городской ратуше установленные рабочие часы, Шомет был далек от использования своего положения в целях личного обогащения: он жил и умер бедняком. Скромный и нетребовательный в отношении материальных благ, Шомет был близок к бедноте и не забывал о нужде, в которой она вечно билась. Он являлся неуклонным сторонником строгого проведения максимума, в котором видел средство для некоторого улучшения положения масс; он выступал в качестве непримиримого врага крупных спекулянтов; он вел борьбу за улучшение положения бедноты в этом мире и был решительно враждебен католическому культу и религиозным представлениям о загробном мире, — не только потому, что считал католическую церковь контрреволюционной силой, но и потому, как он однажды выразился, что «парижский народ достаточно созрел для царства разума». Шомет стремился поднять в интересах масс народное просвещение, в частности — библиотечное дело. Шомет возмущался тем, что в больницах бедняки валяются вповалку в страшной тесноте на убогих деревянных кроватях и добивался предоставления им возможности пользоваться просторными, благоустроенными больничными помещениями. Он считал нужным придать более привлекательный вид даже моргам, куда отправляют трупы, подобранные на улицах; он негодовал против пренебрежительного отношения к умершему бедняку. Зато Шомет был беспощаден к буржуа, предающимся роскоши и наслаждающимся жизнью. Его до глубины души возмущала проституция, и в качестве прокурора Коммуны он вел с нею и с развратными прожигателями жизни непримиримую борьбу. В тот период, когда Шомет был одним из руководителей Парижской коммуны, ряд улиц столицы получил характерные назва-

ЖАК-РЕНЕ ЭБЕР (1757—1794)
Гравюра Бовине, рисунок Бонвиля

ния, связанные с «добродетелями»: например, площадь Рынка превратилась в площадь Воздержания, соседние улицы — в улицы Трезвости и Умеренности, около Верховного суда появилась площадь Правосудия, вокруг него — улицы Справедливости, Нелицеприятия, Строгости.

Шомет в большей мере, чем Эбер, способен был подняться до широких планов социального преобразования. Социально-политическая программа Шомета и близкой к нему группы эбертистов (Паш, Моморо, Любен), нашедшая свое отражение в их речах, предложениях и голосованиях, была более продумана, чем те требования социально-политического характера, которые можно извлечь из статей и выступлений Эбера. Шомет требовал свободы от обложения доходов, не превышающих прожиточного минимума в 400 ливров, прогрессивного подоходного и поимущественного налога, передачи части национальных имуществ мелкими участками в аренду малоимущим. В заседании совета Парижской коммуны 23 октября 1793 г. (2 брюмера II года) Шомет заговорил о «передаче республиканцам земель, находящихся в руках врагов общественного дела», как бы намечая содержание будущих вантозских декретов революцион-

ного правительства. Более того, в заседании 14 октября (23 вандемьера) Шомет грозил спекулянтам и хозяевам промышленных предприятий, прекратившим торговлю и пугавшим народ отсутствием товаров, что республика возьмет их предприятия в свое ведение и реквизирует сырье, так как у нее хватит рабочих рук, чтобы пустить их в ход. Он подходил, таким образом, к идее национализации торговли и промышленности, хотя и обосновывал необходимость такой меры соображениями революционной целесообразности определенного исторического момента.

Еще с одной характерной фигурой встречаемся мы в первых рядах эбертистов: это немецкий выходец, голландско-вестфальский барон, обладатель крупного состояния, анархист и космополит, «оратор человеческого рода», как он себя величал, Анахарсис Клоотс, переименовавший себя в подражание древним из Жана-Батиста в Анахарсиса. Клоотс объявил себя «личным врагом бога» во имя пантеизма и страстного чувства любви к природе и во славу революции, которую произвел новый «избранный народ» — французы.

Клоотс еще до революции отказался от своего привилегированного положения, с головой уйдя в политическую жизнь. В своем выступлении в Конвенте 17 ноября 1793 г. (27 брюмера II года) он вспоминал: «При господстве королей и священников мне никогда не прощали моего излюбленного девиза: «Истина и свобода»... Я оказывался в Риме, когда меня хотели засадить в тюрьму в Париже, я попадал в Лондон, когда меня собирались сжигать в Лиссабоне; лишь перебрасываясь с одного конца Европы в другой, я успевал спасаться от сбиров, альгвазилов, сыщиков, от всех господ и всех лакеев. Наконец приходит революция, и я — в своей родной стихии».

А за этими наиболее крупными фигурами — вождями эбертизма — стоял ряд других фигур, менее заметных, но также игравших известную политическую роль. Таков был Моморо, не раз выступавший в качестве оратора в бурные дни революции, ознаменованные эбертистскими демонстрациями и боевыми речами. Еще в 1792 г. он составил проект «Декларации прав», в котором провозглашалось, что «люди рождаются и остаются свободными и равными юридически и фактически», что «социальные различия, основанные на общей пользе и не нарушающие равенства, могут быть сохранены лишь с согласия нации, но по желанию могут быть отвергнуты», и что «сопротивление угнетению делает восстание законным и превращает его в самую святую обязанность». В то же время Моморо считал возможным гарантировать земельную собственность лишь до момента, когда нация «установит законы по этому предмету». Это был явный намек на планы социальных перемен, роившиеся в его голове.

К этой же группе принадлежали Ронсен и Венсан. Они оба руководили подавлением восстания в контрреволюционной Вандее и были устранены по проискам дантонистов. Ронсен успел после этого побывать в Лионе, где участвовал в качестве одного из руководителей в усмирении мятежного федералистского города, а по возвращении в Париж оказался с начала сентября 1793 г. командующим «революционной армией», созданной по настоянию эбертистов для неуклонного проведения закона о максимуме. Что касается Венсана, то он попал на работу в военное министерство в качестве главного секретаря министра Бушота, близкого к эбертистам.

Хотя между вождями эбертизма не было полного единства в их политических и социальных требованиях, хотя у эбертистов не было единой программы, эбертисты представляли собой в августе — сентябре 1793 г. внушительную силу, являясь по преимуществу выразителями настроений плебейских масс Парижа и провинции. В Париже одним из

оплотов эбертизма являлась Коммуна, в которой Шомет занимал пост прокурора, а Эбер — его помощника. Эбертистскими являлись и некоторые секции, в частности секции Марата и Муция Сцеволы.

Важным опорным пунктом эбертистов был также клуб Кордельеров, более демократический по своему составу, чем Якобинский клуб, поскольку кордельеры с самого начала установили в своем клубе очень низкий вступительный членский взнос — всего 2 су в месяц. Наконец, с начала сентября 1793 г., когда учреждена была «революционная армия» с Ронсеном во главе, эбертисты получили и военную силу, так как эта армия в значительной мере находилась под их политическим влиянием.

«Эбертистский натиск» с конца лета 1793 г. выражался в разнообразных формах и вызывался разными причинами. Эбертисты усиленно подчеркивали недостаточно энергичное, по их мнению, ведение внешней войны и недостаточную активность руководящих политических органов в борьбе с внутренней контрреволюцией.

На ряду с этим эбертисты выражали недовольство продовольственными затруднениями и слабостью борьбы со спекуляцией, недостаточной заботой правительства о нуждах бедноты. Эбер в одной из своих речей заявлял, что «Торговцы — чорт их побери! — не имеют отечества, что они во время революции сокрушали дворянство и парламенты (верховные суды) только для того, чтобы самим занять место аристократов». В бурные дни эбертистской демонстрации на улицах Парижа, в начале сентября 1793 г., Шомет, вторя Эберу, говорил об «открытой войне богатых против бедных». Благоприятную почву для выступлений эбертистов создавала усилившаяся внешняя опасность: 2 сентября 1793 г. было получено правительством и 4 сентября было официально опубликовано известие о вступлении англичан в Тулон.

В августе и начале сентября 1793 г. среди эбертистов возникают и дебатируются проекты, имеющие целью ослабить в правительстве влияние Робеспьера и возглавляемого им Комитета общественного спасения. Эбер выступает в «Отце Дюшене» с предложением поставить министров, всецело подчиненных в это время Комитету общественного спасения, в положение, независимое от Конвента и его комитетов, а в Якобинском клубе после назначения Конвентом в конце августа Паре, близкого к Дантону, на пост министра внутренних дел, Эбер выдвигает проект назначения министров народом через избирательные собрания. Робеспьеру стоило немалых усилий добиться отклонения якобинцами проектов Эбера.

Эбертисты не однажды переходили в наступление в Якобинском клубе: в заседании клуба 11 сентября Эбер своим резким выступлением против дантониста Бурдона вызвал бурную сцену. Вскоре после этого, в связи с предъявленными эбертистами в петиции, составленной Венсаном, новыми требованиями об изменении порядка подбора министров, Робеспьеру пришлось заявить в Якобинском клубе, что «система организации в настоящий момент конституционного министерства привела бы только к разгону самого Конвента», что «дать в руки министров всю власть, отведенную им по Конституции, значит допустить торжество интриганов за счет патриотов и убить отечество под предлогом упрочения его спокойствия. Сам Питт, — угрожающе добавил Робеспьер, — чтобы вернее нанести удары свободе, мог бы позаимствовать этот предлог». Только при помощи таких угроз эбертистские планы реорганизации правительства были похоронены.

Эбертисты со всей остротой поставили 5 сентября вопрос о беспощадном применении террора. В результате движения 5 сентября Конвент выработал ряд мероприятий по усилению борьбы с контрреволюцией. В значительной степени под впечатлением этого же движения

был декретирован «всеобщий максимум» и усилена власть Комитета общественного спасения. Все эти разнообразные меры имели единую основную цель: укрепить революцию, сосредоточить полноту власти в руках правительства, которое, как уже известно, официально провозглашено было постановлением Конвента от 10 октября «революционным до заключения мира».

Нельзя, конечно, сказать, что вся совокупность этих мероприятий была проведена исключительно под воздействием эбертистов: прежде всего, не в их руках находилось руководство Комитетом общественного спасения, власть которого теперь неизмеримо усилилась; но надо учесть, что близкие к эбертизму Билло-Варенн и Колло-д'Эрбуа были включены в состав Комитета общественного спасения 6 сентября, а 5 сентября, в день выступления эбертистов, Билло-Варенн был избран в президиум Конвента.

Дантонисты и их вожди

«Эбертистский натиск» изменил тактику даже представителей политического течения, в самых основах своих враждебного эбертизму, — тактику дантонизма. Жорж-Жак Дантон, возглавлявший это течение, окончательно определившееся лишь на данном этапе, был великим оппортунистом, но вместе с тем безусловно крупным политическим деятелем и выдающимся организатором. Близкий к нему Гара, занимавший одно время пост министра юстиции, метко однажды назвал его «грансеньером санкюлотов». Политической честностью Дантон, повидимому, никогда не отличался, и недаром один из крупнейших французских историков революции, Матьез, в своих работах составил против Дантона, как и против его друзей, целый обвинительный акт, обличая его даже в закулисных сношениях с иностранными правительствами. Так, в бумагах Дантона после его ареста весной 1794 г. найдено было попавшее к нему неизвестно какими путями письмо банкира Перрего в Париже об оплате некоторых тайных агентов Англии за услуги, оказанные ими правительству Питта. Письмо давало основание умозаключить о тайных связях Дантона с организацией английского шпионажа в Париже. Альбер Матьез считает, что именно это письмо было сообщено присяжным Революционного трибунала в совещательной комнате и решило окончательно судьбу Дантона.

Матьез обвиняет Дантона в прямой измене, но обвинения его основаны скорее на цепи косвенных улик, чем на твердо установленных исторических фактах. Более обоснованы факты иного порядка: с точностью судебного следователя учтя размеры состояния Дантона в различные периоды его политической карьеры, подсчитав в частности его расходы на приобретение национальных имуществ и сопоставив время приобретения тех или иных земельных участков с косвенными данными о получениях из того или другого мутного источника, Матьез твердо установил, что состояние Дантона все время росло и за время революции увеличилось примерно раз в десять. Возможно также, что национальные имущества приобретались им не только лично, но и через подставных лиц. Во всяком случае, не отличаясь честностью, Дантон был не просто сторонником частной собственности, подобно представителям других течений среди якобинцев, но и решительным защитником неограниченного приумножения крупных состояний. Именно он призывал Конвент провозгласить, что «всякого рода собственность, — земельная, личная, промышленная, — должна на вечные времена оставаться неприкосновенной», и именно по его инициативе Конвент установил смертную казнь за предложение «аграрного закона». Взгляды Дантона на собственность привели его к тому, что он готов был установить контакт с Жирондой

КАМИЛЛ ДЕМУЛЕН (1760—1794)
Гравюра неизвестного художника

и сожалел об ее падении: дантонистские «нувориши» шли на соглашение со старой торгово-промышленной буржуазией. Недаром Дантон, не слишком разборчивый и не стеснявшийся в средствах накопления, выразился однажды в беседе с Робеспьером по поводу ригоризма нравственных требований последнего: «Дело наше страдает от того, что строгость наших принципов очень многих озлобляет».

Близким к Дантону человеком был журналист Камилл Демулен, выступавший в прессе с первого же года революции. Плохо разбираясь в людях, он, по его собственному признанию, сделанному однажды в Якобинском клубе, всегда почитал республику, но постоянно обманывался в таких деятелях революции как, Мирабо, Ламет и др., однако же всегда первый готов был открыто признать свою ошибку. Памфлет Демулена «Разоблаченный Бриссо» сыграл в свое время известную роль в судьбе жирондистов. Впоследствии же неустойчивый в политике Демулен вспоминал об этом со стыдом и отвращением. Демулен выступал против

жирондистов с требованиями террористических мер,— в дальнейшем он же требовал прекращения террора, когда террор стал грозить ему лично и его единомышленникам. Таланты публициста и революционная горячность (не забудем, что в июле 1789 г. речь Демулена сыграла большую агитационную роль накануне штурма Бастилии) не искупают политической беспринципности Демулена.

Но среди вождей дантонизма были люди, стоявшие гораздо нижеДантона и Демулена по своему политическому и моральному уровню. Таков был Шабо, бывший монах-капуцин, автор небезынтересной и довольно широко распространенной агитационной брошюры «Катехизис санкюлота». Вместе с Дантоном Шабо можно было встретить в светском салоне г-жи Амарант за веселыми ужинами и карточной игрой; Шабо участвовал в попытках спасения короля, организованных иностранными правительствами, причем на его долю выпала крупная сумма — 500 тыс. ливров. Характерно, что тот же Шабо в одной из своих речей выражал пожелание, «чтобы все люди, имеющие меньше 100 тысяч ливров собственности, были заинтересованы в поддержании нашего дела». Предел состояния для активного участника революции Шабо устанавливает, как видим, достаточно высокий.

Другой видный дантонист — Фабр-д'Эглантин—был одно время, после падения монархии, личным секретарем Дантона и уже тогда запятнал себя продажностью, отличавшей его и в дальнейшем. Второстепенный поэт, он на заданный ему в Якобинском клубе вопрос о размерах его состояния нагло отвечал, что «своим благосостоянием он обязан исключительно своему литературному таланту».

Отношение Дантона и Робеспьера к выступлениям эбертистов

«Эбертистский натиск» в августе — сентябре 1793 г. все же заставлял и дантонистов настраиваться на террористический лад. В выступлениях самого Дантона, еще недавно взывавшего к умеренности, проявляется стремление показать, что он отхопит от своих позиций. В заседании Конвента 31 июля Дантон выступает в прениях по поводу спекуляции ассигнатами с изображением короля: «Действуйте беспощадно, какое вам дело до ропота аристократов». В тот же вечер в Якобинском клубе, вторя Эберу, он восклицает: «Мы не должны больше делать уступок врагам революции... Железо должно притти на помощь разуму». «Станем грозными, — призывал Дантон, — будем вести войну, как львы. Почему не создать нам временное правительство, которое усилит национальную энергию?» «Дадим исход народной мести, опустив меч закона на головы внутренних заговорщиков», — заявлял он, выступая в Конвенте 12 августа. А 5 сентября, во время бурного эбертистского выступления, Дантон счел уместным целиком поддержать эбертистские требования. Шумный успех имела его речь, в которой он заявил, что «когда народ предъявляет свои требования, когда он предлагает итти против своих врагов, не надо применять других мер, кроме тех, которые он выставляет сам».

Однако громовые речи и громкие фразы были для Дантона лишь средством приспособления к обстановке. Они показывают, что Дантон был ловким и гибким в своей оппортунистической тактике. Льстя революционному инстинкту масс, он старался, по существу, подчинить их своему влиянию. Именно по предложению Дантона Конвент провел 5 сентября декрет об ограничении числа секционных собраний до двух в неделю что фактически сковывало политическую активность масс и вынуждало эбертистов прибегать к организации народных клубов.

Дантон, выступая с революционными фразами, стремился, в сущности, затормозить дальнейшее развитие революции. Не менее отрицательно

отнесся к выступлению парижских плебейских масс и Робеспьер. Он боялся все возрастающих социальных требований плебейских масс, — требований, грозивших выйти за пределы буржуазного порядка; практически его очень пугала организация «революционной армии»: в своей записной книжке он уже в октябре 1793 г. указывал на опасность, которую она собой представляла. На местах отношение к «революционной армии» тоже было далеко не однородным. Кое-где (в Версале, Тоннере, Пуатье) местные клубы приняли самое активное участие в организации «революционной армии», а средства на ее содержание, — довольно значительные, поскольку оплата этих отрядов была выше, чем в регулярной армии, — добывались путем обложения богатых граждан. Но это повышенное вознаграждение «революционной армии» вызывало враждебное к ней отношение в военных гарнизонах тех городов, где были размещены ее отряды, и местами (в Аррасе, Лорпане и др.) на этой почве дело доходило до столкновений. В Тюлле организация «революционной армии» совсем не была допущена местным клубом, а в Шатору она просуществовала (в сентябре 1793 г.) только шесть дней и была ликвидирована по постановлению местного Якобинского клуба.

БОРЬБА ВОКРУГ «ДЕХРИСТИАНИЗАЦИИ»

Одним из постоянных поводов к столкновениям между эбертистами и робеспьеристами с самой осени 1793 г. была «дехристианизаторская» политика, усиленно проводившаяся эбертистами, в частности Парижской коммуной.

Борьба с католической церковью диктовалась самой революционной обстановкой и легко перерастала при своем углублении в борьбу с религией: разве не вели представители церкви борьбу с революцией с самого начала ее, разве не пошла значительная часть духовенства против требований государства в вопросах церковной организации во имя сохранения канонической связи с папой римским? И даже «конституционное» духовенство, порвавшее с папой, разве оно не поддерживало во многих случаях федералистическое движение? Антицерковное движение становилось антихристианским.

Уже в сентябре 1793 г. в Конвенте был поставлен вопрос о выработке нового «революционного» календаря. Показательно, что главным деятелем по составлению нового календаря стал Фабр-д'Эглантин, поэтические дарования которого нашли здесь своеобразное применение; он же в октябре 1793 г. выступил от имени комиссии с докладом в заседании Конвента. В этом докладе Фабр-д'Эглантин подчеркивал антицерковное и антифеодальное значение нового календаря в противовес старому — католическому: «Каждая страница календаря, которым мы пользовались, была осквернена предрассудками и ложью, исходящими от трона и церкви», — говорил он. При составлении проекта нового летосчисления Фабр-д'Эглантин со своими товарищами обнаружил немало творческой фантазии, направленной к тому, чтобы создать календарь, проникнутый революционным патриотизмом.

В основу закона о календаре, принятого Конвентом 24 октября 1793 г. и был положен проект Фабр-д'Эглантина. Календарь имел большое революционное значение, и некоторые комиссары Конвента, особенно из числа более близких к эбертизму, энергично насаждали и популяризировали его.

Вопрос о революционном календаре представлял собою лишь часть более общего вопроса — об отношении к католической церкви и духо-

венству и даже к религии вообще. Церковь и духовенство, даже присягнувшее Конституции (во многих случаях порвавшее с папой лишь страха или выгоды ради), никак не могли внушать доверия носителям революционной власти. Неудивительно, что комиссары Конвента, особенно — близкие к эбертизму, нередко сообщают в донесениях Комитету общественного спасения о своих резких выступлениях против служителей и обрядов культа.

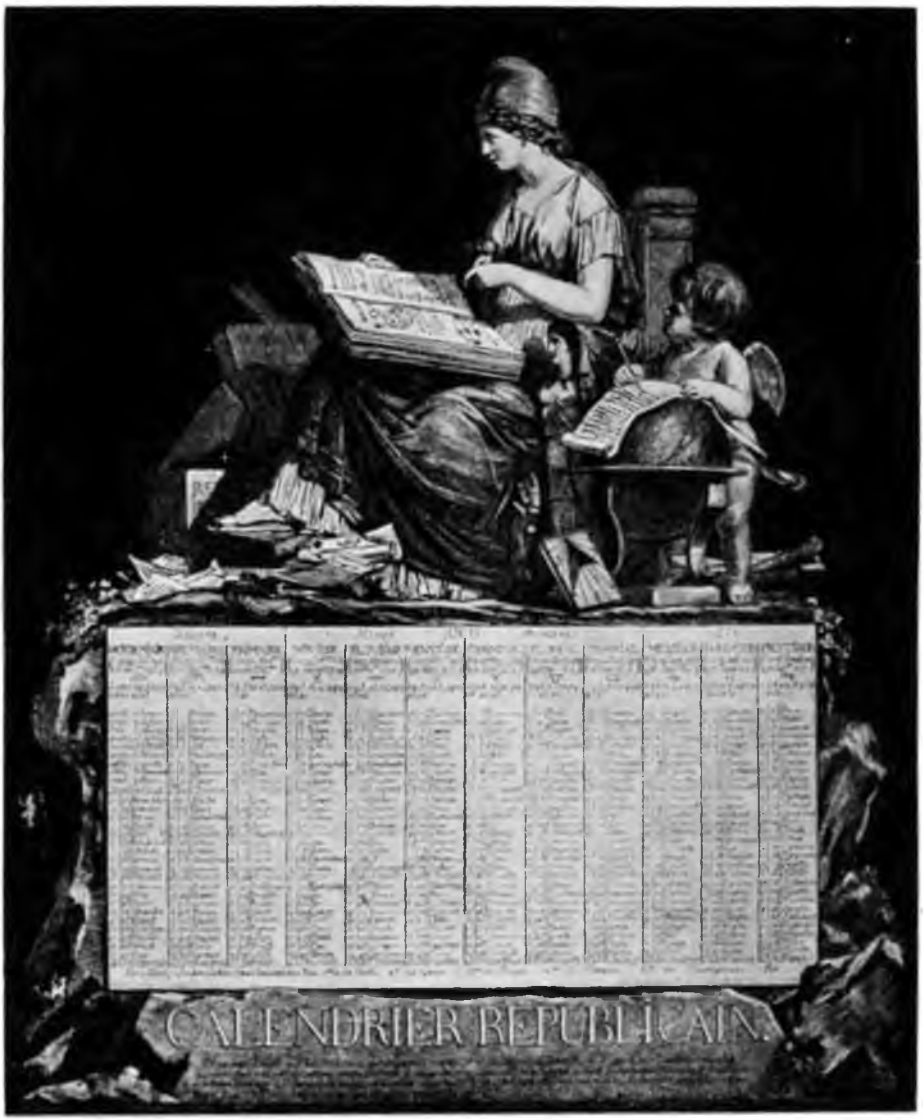
Рост «дехристианизаторского» движения и политика эбертистов

Толчок к «дехристианизаторскому» движению в провинции исходил в большой степени из Парижа, в первую очередь — от Парижской коммуны с Шометом во главе. Стоит отметить, что в конце сентября 1793 г., Фуше организовал антикатолические празднества в Невере, а Шомет, временно находясь там, принимал личное участие в этих празднествах, выступая с речами против религии. В Париже именно Коммуна руководила «дехристианизацией». Шомету принадлежала здесь главенствующая роль.

5 октября 1793 г. (14 вандемьера II года) он потребовал в заседании Коммуны аннулирования старых свидетельств о цивизме, выданных в Париже дворянам и священникам, и одновременно поставил вопрос о введении и принятии нового «республиканского» календаря, составленного атеистом Сильвэном Марешалем. Предложение было принято, и революционный календарь Марешаля вошел таким образом в жизнь ранее введения республиканского календаря Фабр-д'Эглантина в общегосударственном масштабе. По инициативе Коммуны, при участии, главным образом, Шомета, была закрыта через несколько дней часовня в здании городской думы; затем, по его же предложению, последовало запрещение духовенству совершать обряды культа вне специально предназначенных для того зданий. Коммуна ликвидировала продажу на улицах предметов и книг, имеющих отношение к культу, и запретила торговцам закрывать лавки по воскресеньям; она приказала уничтожить публично выставленные изображения (главным образом, статуи) религиозного характера; поддержала представленную в Конвент Центральным комитетом парижских народных обществ (клубов) петицию об отмене оплаты государством служителей культа и разработала инструкцию о порядке отобрания церковных ценностей; затем, опять-таки по инициативе Шомета, решила организовать перевод на итальянский язык своих антицерковных постановлений с целью передачи их папе римскому «для излечения его от заблуждений». Масса церковных предметов и книг религиозного характера была сожжена в Париже, был поставлен вопрос о сносе церковных колоколен, как возвышающихся над другими зданиями и тем «нарушающих принцип равенства»; командующему национальной гвардией было поручено разгонять собрания «ханжей и фанатиков» вокруг чаш со святой водой, которые являлись предметом почитания.

Парижская коммуна не ограничивалась этими мерами; она выступала против самого отправления католического культа. Надо, впрочем, отметить, что стремление к ликвидации католического богослужения проявлялось не только в Париже, единичные попытки в этом направлении сделаны были в провинции даже раньше, чем в Париже. В Сент-Омере, например, церкви были закрыты, по инициативе некоего Тулота, 20 ноября (30 брюмера). В Страсбурге аналогичное постановление принято было властями через день — 22 ноября (2 фримера).

Парижская коммуна провела постановление о запрещении культа лишь 23 ноября 1793 г. (3 фримера). Решено было, что «все существовавшие в Париже церкви или храмы всех религий и всех культов будут немедленно закрыты; тот, кто потребует открытия храма или церкви,



РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Гравюра Дебюкура

будет арестован в качестве «подозрительного»; священнослужители различных культов объявлялись индивидуально ответственными за беспорядки, могущие возникнуть на религиозной почве; они подлежали отстранению от общественных должностей и службы на предприятиях, изготовлявших оружие и вообще обслуживавших национальную оборону. Первоначальное постановление Парижской коммуны было сформулировано даже резче; оно предусматривало устранение служителей культа от какого бы то ни было производительного труда; но вскоре Шомет понял, что нельзя обрекать духовенство на голодную смерть и тем толкать его на еще более резкую борьбу против революции.

Постановление Коммуны о ликвидации в Париже религиозных культов было теснейшим образом связано с ранее (7 ноября — 17 брюмера) принятым постановлением о выделении в революционном календаре дня Разума. В тот же день Коммуной и управлением парижского департамента было решено организовать 10 ноября (20 брюмера) в соборе Парижской богоматери специальное празднество в честь «успехов в уничтожении фанатизма» — знаменитое празднество в честь Разума.

Те же дни ознаменовались еще одним актом, подрывавшим положение «конституционного» католического духовенства: это был отказ парижского присягнувшего епископа Гобеля от своего звания. Побудили Гобеля к этому акту эбертисты. В ночь с 6 на 7 ноября (с 16 на 17 брюмера), когда Гобель уже лег спать, к нему явились Анахарсис Клоотс и близкий к нему банкир Перейра и заявили ему, что настало время «принести себя в жертву общественному делу», отрекшись от своих церковных функций, что и было сделано Гобелем в Конвенте. За отречением Гобеля последовали в тот же день и в ближайшие следующие дни и месяцы массовые отречения от своего звания духовных лиц Парижа и провинции.

Старый господствующий католический культ вытеснялся новым культом Разума и празднованием декадного дня. Характерно, что на праздниках иногда раздавались и вспомоществования неимущим гражданам.

«Дехристианизаторское» движение в Париже и провинции нельзя рассматривать как цельное и однородное; неодинакова была и идеология его виднейших представителей. Для Фуше смерть была «вечным сном»; экспансивный пантеист Анахарсис Клоотс утверждал, что после смерти человек возродится в растениях; Эбер решался говорить лишь о том, что существование бога «не слишком очевидно», а Шомет, стоя в общем на почве «гражданской религии», склонялся, однако, в отличие от Руссо, к пантеизму.

При всем различии индивидуального подхода к религии, «дехристианизаторов» сближало одно — горячий революционный патриотизм, выражением которого являлся в значительной мере и самый культ Разума. Историку нет нужды скрывать те крайности, до которых в отдельных случаях доходили эбертисты при проведении в жизнь культа Разума. Но историк не может не отметить, что антихристианское движение усилилось в 1793 г. в связи с тем, что папа римский и католическая церковь выступили открыто, как активная контрреволюционная сила. Интересен и тот факт, отмеченный уже Олларом, что социальный состав последователей культа Разума вовсе не был исключительно плебейским: «Юные девушки..., принадлежавшие к самым избранным кругам буржуазии», добивались, как особой чести, права изображать богиню Разума в церемониях посвященного ему культа; любопытно и признание Олара, что «без Вандеи не было бы культа Разума»; недаром с особенно горячим чувством отправлялся культ Разума в районах Франции, находившихся под угрозой неприятельского нашествия.

Отношение к «дехристианизации» в крестьянской среде оказывалось в общем более спокойным и безразличным, чем могли бы ожидать и сторонники и противники католической церкви (исключение в данном отношении составляла Вандея). Присягнувших священников крестьяне нередко и раньше плохо признавали, сомневаясь в их канонической законности, неприсягнувшие были в большинстве своем уже ранее устранены; иногда они даже вызывали недовольство крестьян, отказываясь давать отпущение грехов приобретателям национальных имуществ. К тому же крестьяне часто тяготились содержанием за свой счет священников.

Борьба робеспьеристов против «атеизма»

Разбираться во всех этих сложных отношениях пришлось в первую очередь представителям того политического течения, которое играло руководящую роль в революционном правительстве, в Конвенте и в Якобинском клубе, — а именно робеспьеристам во главе с их вождем. У робеспьеристов в ряде случаев неизбежно возникали расхождения с дантонистами. С другой стороны, у робеспьеристов столь же неизбежно возникали расхождения и с эбертистами, выступавшими в этот период с требованиями таких ограничений собственности, которые даже мелкой буржуазии казались опасными.

Робеспьер обладал огромным политическим авторитетом, которым он был обязан стойкой защите демократических принципов с первых лет революции, глубокой политической принципиальности и безусловной честности. Робеспьер стоял фактически у руля государственного корабля, и ему в первую очередь пришлось выдерживать «эбертистский натиск» и подчас уступать ему. Но многое в эбертизме было для Робеспьера неприемлемо: в частности, сугубо неприемлемой представлялась Робеспьеру антицерковная политика эбертистов. В период проведения революционного календаря он сделал в записной книжке пометку о необходимости затормозить его проведение в жизнь, — что, впрочем, ему не удалось. Робеспьер был верным последователем «Общественного договора» Руссо. Он считал, что религия является необходимым условием государственного порядка. Государству нужна религия, которая заставляет гражданина любить свой долг и уважать законы. Гражданская религия есть устанавливаемая верховной властью совокупность догм, без которых, по мнению Руссо, нельзя быть свободным гражданином. Культ Разума возмущал Робеспьера и с других точек зрения: бог и идея будущей блаженной жизни представлялись ему необходимым утешением для бедняка и сдержкой для богача в условиях земного существования; с другой стороны, он опасался оттолкнуть от революции крестьянскую массу, привязанную к религии по традиции. Наконец, он опасался, как бы антицерковная политика революции не обострила отношения к Франции остальной Европы, не затруднила продвижения французских войск в соседнюю католическую Бельгию и замирения Вандеи. Вот почему, лишь только представилась возможность, Робеспьер ополчился со всей силой на эбертистов, обвиняя их в атеизме. Обвинения эти едва ли правильны: Шомет был скорее пантеистом, обожествлявшим природу, у Клоотса это обожествление сказывалось гораздо сильнее; но с деизмом, характерным для Руссо и Робеспьера, — с признанием бога личным существом — эта религиозная идеология расходилась весьма сильно.

Уже в ночь перед отречением Гобеля, когда Клоотс явился в Комитет общественного спасения, чтобы сообщить о предстоящем отречении, Робеспьер обрушился на него с обвинениями, что он хочет оттолкнуть от Франции бельгийцев. Делая 17 ноября 1793 г. (27 брюмера II года) в Конвенте доклад о политическом положении республики, Робеспьер не упустил случая упомянуть о «внутренних изменниках», которые «громили

АНАХАРСИС КЛООТС (1755—1794)
Гравюра Леваше

здесь в речах священников, а на юге и западе благоприятствовали бунту». В той же речи Робеспьер квалифицировал «дехристианизаторов» как агентов иностранных держав, — быть может, под впечатлением только что поступивших сведений об «иностранном заговоре», о котором речь будет ниже.

В речи произнесенной 21 ноября (1 фримера), в Якобинском клубе, Робеспьер подчеркивал, что преследование фанатизма — лучшее средство сильнее разжечь его, что «атеизм аристократичен, идея же верховного существа, которое защищает угнетенную невинность и карает торжествующее преступление, в высшей степени демократична». В результате Эбер должен был сдать свои позиции в Якобинском клубе, а немного позже, 11 декабря (21 фримера), он заявил, что признает высокие моральные достоинства Христа, «основателя народных обществ», и уважает мораль Евангелия. Шомет провозгласил в Коммуне еще 28 ноября (8 фримера): «Не будем допытываться, кто ходит к обедне, или в синагогу, или на проповедь; осведомимся только, республиканец ли он».

6 декабря (16 фримера), по предложению Барера, внесенному накануне и поддержанному Робеспьером в его новом выступлении, Конвент декретировал, что «запрещает всякие насилия или угрозы, направленные против свободы культа»; в начале следующего месяца соответствующие

директивы даны были Комитетом общественного спасения комиссарам Конвента на местах. Этим решением объясняется частичное сохранение католического культа в Париже, несмотря на постановление Коммуны о закрытии церквей.

Практика комиссаров Конвента и местных властей в отношении культа до получения правительственных указаний была чрезвычайно пестрой: на ряду с департаментами и более мелкими районами, где «чудовище фанатизма» было почти задушено, встречались другие, в которых культ отправлялся открыто. Впоследствии Грегуар считал, что даже весной 1794 г. (в жерминале III года) обедни служились публично приблизительно в 115 приходах, не считая, конечно, многочисленных случаев тайного отправления культа. Разница в отношении местных якобинских клубов к отправлению культа была тоже очень велика.

Неудивительно поэтому, что и директивы о свободе культа встретили на местах далеко не однородный прием, тем более, что приходилось считаться с усилением опасности контрреволюции при оживлении деятельности служителей культа. В иных местах отрекшиеся от сана священники возвращались к своим функциям и даже уверяли граждан, что патриоты обманули их, принудив к отречению вопреки закону. Комиссары Конвента на местах или провинциальные якобинские клубы не считались с постановлениями Конвента и даже возбуждали иногда ходатайства об их отмене. Близкий к эбертистам Каррье доносил в Комитет общественного спасения: «Что касается внутренней Бретани,... то я думаю, что там нужен революционный объезд толстокожего депутата в сопровождении 1200 или 1500 кавалеристов... Объезжая сельские местности, он под видом кстати приключившихся несчастных случаев сжег бы все церкви, задал бы хорошую трепку все еще имеющимся там неприсягнувшим священникам и увел бы оттуда конституционных священников, причиняющих почти столько же зла». Робеспьеристский Комитет общественного спасения одергивал иногда, — как до, так и после формального провозглашения свободы культа, — зарвавшихся комиссаров вроде Дюмона и Лекиньо. Но распоряжение Конвента об обеспечении свободы культов выполнялось далеко не везде, и «дехристианизаторское» движение продолжалось.

В общем, робеспьеристы могли активно выступать против «дехристианизации» в значительной мере потому, что к началу зимы 1793 г. по этому вопросу (как и по некоторым другим, о которых скажем дальше) наметился своего рода «блок» между ними и дантонистами. Как раз в середине ноября Дантон вернулся в Париж после длительного пребывания на родине в отдалении от политической жизни. Он застал в Париже и в остальной Франции разгар «дехристианизаторского» движения, в котором, как мы видели, и его политические друзья нередко принимали, по тактическим соображениям, активное участие. В Конвент то и дело являлись антирелигиозные процессии, принимавшие иногда вид настоящих антирелигиозных маскарадов: участники процессии были переряжены в церковные облачения или пародировали руководителей церкви и церковные обряды.

22 ноября (2 фримера) Дантон заговорил в Конвенте о том, что священников, отрекавшихся от сана, нельзя лишать средств к существованию, иначе это толкнет их в сторону вандейцев, а 26 ноября (6 фримера) он категорически потребовал — и добился — прекращения в стенах Конвента «антирелигиозных маскарадов».

В этом же духе выступил по религиозному вопросу и Робеспьер. Робеспьеристы шли на сближение с дантонистами, и Дантон учитывал это, как благоприятное обстоятельство для отпора натиску эбертистов.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ МЕЖДУ ЭБЕРТИСТАМИ И РОБЕСПЬЕРИСТАМИ ПО ВОПРОСАМ МАКСИМУМА, СИСТЕМЫ ТЕРРОРА, ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Максимум

Отношения между эбертистами и робеспьеристами стали настолько напряженными, что Робеспьер объявил даже эбертистов агентами иностранных держав, якобы умышленно насаждающими во Франции атеизм, с целью вызвать внутренние осложнения и восстановить против нее остальную Европу. Но дело было не в «атеизме»: под внешней оболочкой шумной борьбы вокруг вопроса о «дехристианизации» в значительной мере скрывалась борьба по вопросу о пределах накопления собственности. Робеспьер не отрицал верховного права государства вмешиваться в отношения собственности. Но резко нарушать эти отношения он отнюдь не был склонен, как и учитель его Руссо. Между тем, как мы уже видели, одной из руководящих идей Шомета было представление о непримиримой войне богачей против бедняков в обстановке революции и связанной с ней внешней войны. У эбертистов не было идеи диктатуры трудящихся, выдвинутой впоследствии Бабёфом, но всякого рода злоупотреблениям собственностью в ущерб бедноте они готовы были решительно положить предел и самое пользование собственностью стремились ввести в довольно узкие рамки. Недаром в заседании Якобинского клуба 14 октября 1793 г. эбертист Брише заговорил о том, что можно смело казнить как спекулянта фермера, если только при появлении в его деревне «революционной армии» выяснится, что он богат. Напомним также об эбертистских требованиях, чтобы отряды «революционной армии» при походах против деревенских скупщиков и спекулянтов сопровождала гильотина. Иными мерами эбертистам казалось невозможным преодолеть преступные стремления к нарушению максимума, на проведении которого они так страстно настаивали.

Исходя из подобного же рода представлений, эбертистски настроенные комиссары Конвента на местах решительно налагали на состоятельных людей контрибуции для самых разнообразных надобностей, связанных с делом революции. В особенности характерна в этом отношении деятельность комиссара Лапланша в Орлеане и Бурже. В донесении Комитету общественного спасения из Орлеана от 23 сентября 1793 г. он хвалился, что «нашел рог изобилия», что налагаемые им революционные налоги имеют успех, превосходящий его ожидания: «Делается благое дело, и бедные санкюлоты получают облегчение в своих нуждах»; да и местный клуб и муниципалитет обязаны комиссару «некоторой признательностью» за то, что тот дал им по нескольку десятков тысяч ливров на расходы и на покрытие долгов «неизменно за счет богачей». «Богачи объявили нам войну — богачи и оплатят ее до мелочей». «Я всюду самолично облагал в революционном порядке богачей и аристократов», — писал тот же Лапланш 4 октября из Буржа. «Равным образом, я отдал приказ моим уполномоченным о том, чтобы они подражали моему примеру... Я горжусь этой революционной мерой. Разве не справедливо, чтобы эгоисты, алчные спекулянты, скаредные аристократы оплачивали издержки войны, которую они нам объявили? Подобает ли, при господстве равенства, чтобы дворяне, купцы, попы, люди из замков, с дворянскими привилегиями, утопали в изобилии, между тем как патриоты терпят недостаток во всем и не имеют жизненных припасов, потому что их скупают богачи? Нет, граждане, Декларация прав не пустое слово... Наконец, я обращаю ваше внимание на то, что поступления от этого налога идут в благотворительную кассу каждого округа и немедленно используются для снабжения рынков продовольствием и для помощи недостаточным семьям наших храбрых защитников. Часть денег из этого источника идет также на покрытие издержек народных обществ,

на экстренные нужды попавших в беду граждан; наконец, на все, что имеет важное значение для страждущего человечества и для торжества свободы».

Помощники Лапланша едва ли не превзошли его самого: они собрали 249 тыс. ливров контрибуции в дистрикте Вьерзон около Буржа, 313 тыс. ливров в дистрикте Сансер, в том же районе. А известный уже нам по своей «дехристианизаторской» работе Фуше открыто заявил, что в управляемом им округе «стыдятся быть богатыми», и также широко развернул практику контрибуций и реквизиций.

Сен-Жюст тоже осуществлял иногда политику реквизиций: он разувал в Страсбурге тысячи богачей, чтобы передать их сапоги сражавшимся на фронте солдатам; но он делал это под давлением военной необходимости. Точно так же Комитет общественного спасения, — в большинстве робеспьеристский, допускал реквизиции у богачей для покрытия различных нужд революции, но это не было для него принципиальной линией поведения. Самый максимум, как известно, принят был Робеспьером и его ближайшими соратниками только под давлением бешеных, а в дальнейшем применение его углублялось под воздействием плебейских масс, руководимых эбертистами, и нужд революции. Робеспьер не проводил максимума с беспощадной строгостью, а в отдельных случаях его правительство допускало немало отступлений от него.

Террор

На террор Робеспьер смотрел тоже несколько иначе, чем Эбер и Шомет, отношение которых к террору уже показано выше. Робеспьер призывал не ослаблять революционной энергии масс и для этого требовал отмены обязательной мотивировки приказов об арестах, производимых по постановлению революционных комитетов; но когда во время суда над жирондистами в заседании Конвента, 29 октября 1793 г. (8 брюмера II года), поставлен был вопрос о том, что процесс затягивается бесконечными судебными формальностями, под влиянием Робеспьера было принято относительно мягкое решение: председателю суда предоставлено было право прекращать дальнейший допрос свидетелей по истечении трех дней судебного разбирательства, если присяжные заявят, что дело уже достаточно ясно для них. В отличие от Робеспьера, близкий к эбертизму Билло-Варенн доказывал, что в свидетелях по делу жирондистов вообще нет надобности, так как заговорщическая роль подсудимых ясна всей нации, и контрреволюционеры Лиона, связанные с ними, расстреливали патриотов без всякого суда и следствия. Смыкавшиеся с эбертистами Колло-д'Эрбуа и Фуше, в качестве комиссаров Конвента на практике осуществлявшие террористическую политику, проявили при усмирении федералистского Лиона гораздо большую жестокость, чем робеспьерист Кутон; Каррье, также близкий к эбертизму, был в конце концов отозван Комитетом общественного спасения за жестокости в Нанте. Отношение Робеспьера к системе революционного террора вполне определяется его словами в докладе «о принципах революционного правительства»: «революционное правительство должно приближаться к обычным нормам поведения во всех случаях, когда они могут быть строго применены без нарушения общественной свободы... Оно должно избегать двух подводных камней: слабости и безрассудной отваги, модерантизма и эксцессов; максимум храбрости и политической мудрости — вот что требуется от этого правительства». Ясно, что, говоря об «эксцессах», Робеспьер имел в виду эбертистов и что террор провозглашался им только в рамках революционной необходимости.

Внешняя политика

Вопрос о терроре связывался, конечно, не только с необходимостью поддержания максимума и борьбы с внутренней контрреволюцией в широком смысле, — он связан был и

с международным положением революционной Франции, для ограждения которой от европейской феодально-монархической коалиции оказывалось необходимым сосредоточение революционных сил. И как раз по вопросам внешней политики расхождения между Робеспьером и эбертистами были также очень значительны. Эбертисты выступали уже во время сентябрьской демонстрации 1793 г. как бурные пропагандисты войны до конца против феодально-монархической Европы. Во время выступления 5 сентября манифестанты несли плакаты не только с надписями «Война аристократам», «Война скупщикам», но и с надписью «Война тиранам». Не случайно правительством усилены были после сентябрьского выступления эбертистов репрессии в отношении эмигрантов-космополитов, подданных воевавших с Францией стран.

Особенно яркую фигуру революционного эбертистского пропагандиста с интернациональными связями представлял собой Анахарсис Клоотс. В Париже было немало иностранных революционных эмигрантов, и Клоотс поддерживал с ними тесные сношения. Осенью 1793 г. к Клоотсу поступили из Амстердама от революционных элементов Голландии три вопроса: намерены ли Конвент и якобинцы продвинуться к Рейну, забудет ли Франция революционных голландцев, если заключит мир со своими врагами, и, наконец, — продвинется ли она дальше в Голландию, если войска ее вступят в Бельгию.

В речи, произнесенной 5 октября 1793 г. в Якобинском клубе, Клоотс как бы наметил со своей точки зрения ответы на эти вопросы, поставленные голландскими сторонниками санкюлотов. Франция должна была, по его мнению, быть доведена до былых границ Галлии; заключение мира ценой уступки врагам Савойи и Ниццы, Льежа и Жемаппа немыслимо; «усечение» Галлии с севера сатрапами с Дуная и Шпре — недопустимо; и, наконец, невозможно, чтобы, вопреки прежним клятвам, Монс и Брюссель, Льеж и Майнц не были присоединены к Франции. Народ, провозгласивший Декларацию прав, не может подписать смертный приговор человеческому роду, — иначе «филантропу» остается лишь одно: заколоться при виде победы негодяев. Белги, батавы, аллоброги должны помнить, что все люди — братья, тем более являются братьями галлы. Чтобы не принадлежать никому, нужно принадлежать к республике Прав человека. Плуты, готовые пожертвовать Голландией ради дипломатической сделки с Англией, не ведают, что творят. Бесполезно говорить о мире — никакая сила на земле не сдержит могучего порыва Галлии к объединению. Ничто не может остановить санкюлотского потока, и если французы остановятся на Рейне, то лишь из снисхождения, из жалости к глупцам. Бельгия будет присоединена к Франции не на правах союзника, а в качестве составной части ее, Франция сокрушит меркантильные оковы, которыми Кромвель душил оба земных полушария (разумеется английский навигационный акт 1651 г.). Народы, вошедшие в огромную Французскую республику, выиграют от этого в смысле уменьшения государственных расходов, падающих на отдельных граждан. Блокада Франции будет снята с открытием устьев Рейна для революционной армии: французы хотят не принимать, а диктовать мир; между Рейном и Францией недопустимо существование аристократической державы. Франция или погибнет с честью или продиктует мир тиранам; свергнута будет в Голландии власть штатгаудера, и нанесенным ей ударом разрушен будет Карфаген (Англия), из Текселя выйдут революционные эскадры; воскрешая батавов, французы убьют тиранов.

Изложенные нами основные положения речи Клоотса, построенной не систематически, но кипевшей революционной страстью, дают достаточно отчетливое представление об его революционно-пропагандистских

устремлениях. Стремления Клоотса и других эбертистов к войне вплоть до сокрушения тиранов во всей Европе отодвигали, разумеется, окончание европейской войны в далекое будущее. Но именно по этому пути пошла в дальнейшем — уже после падения эбертистов — внешняя политика революционной Франции, и недаром впоследствии Энгельс отмечал в одном из своих писем, что «... партия войны, беспощадной (à outrance!) войны за освобождение народов, оказывается вполне права, и республика побеждает всю Европу, но только уже после того, как эта партия сама давно обезглавлена...» [1]

В противовес эбертистским стремлениям к пропагандистской войне Робеспьер выдвигал необходимость совсем иной политической линии, лучше всего сформулированной в декрете Конвента об основах внешней политики, принятом 17 ноября 1793 г. (27 брюмера II года). В этом декрете подчеркивалась необходимость продолжения дружественных отношений между революционной Францией, с одной стороны, Швейцарским союзом и Соединенными Штатами Америки,— с другой. Робеспьер опасался дальнейшего расширения антифранцузской коалиции и окончательного разрыва экономических связей, — и без того уже очень ослабевших, — с теми немногими странами, которые сохранили дружественные отношения с Францией. Заслуживает внимания указание декрета, что французы обязуются «уважать и заставить уважать территорию всех нейтральных или союзных наций» — явное выражение совсем иного направления внешней политики, чем стремления, свойственные эбертистам. Видимо, революционное правительство хотело успокоить другие страны, подчеркивая, в противовес эбертистам, что Французской республике чужды цели пропагандистской внешней политики. С другой стороны, Робеспьер обнаруживал готовность мириться с Пруссией и другими врагами Франции, но категорически выступал против примирения с Англией и 12 января 1794 г. даже поставил на обсуждение Якобинского клуба специальный вопрос о злодеяниях английского правительства. Эта антианглийская война была как бы своеобразным продолжением в новой форме той борьбы, которая происходила между дореволюционной Францией и Англией в течение всего XVIII века.

С этой точки зрения особенно неприемлемым представлялся Робеспьеру интернационализм Клоотса, и неудивительно, что в начале декабря 1793 г., когда уже образовался блок робеспьеристов и дантонистов, Робеспьер в заседании Якобинского клуба 12 декабря 1793 г. беспощадно напал на Клоотса, заявляя, что немецкий барон не может быть патриотом; обладатель свыше 100 тыс. ливров ренты не может считаться санкюлотом; что не является республиканцем человек, связанный с банкирами и контрреволюционерами, что космополит не может быть хорошим французским гражданином, что Клоотс в прошлом сидел «то среди болота, то выше Горы», что он — «пруссак», по существу — иностранный шпион. Клоотс был немедленно исключен из среды якобинцев, и это было только началом его злоключений. Вскоре после того поползли слухи о предстоящем выходе Клоотса из состава Конвента; на другой день после речи Робеспьера о принципах революционного правительства, содержавшей прямые выпады против Клоотса, Конвент принял постановление об исключении из своей среды иностранцев. Решено было подвести под это постановление депутатов, родившихся за границей, и Клоотс оказался механически выбывшим из Конвента. Вслед за тем 27 декабря (7 нивоза II года) Комитет общественной безопасности принял решение об его аресте, и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Под ред. Адоратского, 4-е изд., 1931, стр. 363.

он оказался на краю гибели. Эбера и Шомета пока еще оставляли в стороне, поскольку приходилось учитывать их популярность в плебейских массах.

Оживление деятельности дантонистов в конце 1793 и начале 1794 гг.

Эбертисты представляли одну из самых активных боевых сил революции и энергично толкали ее вперед, особенно в области экономической. На другом фланге якобинства стояли дантонисты. По всем основным вопросам, — о рамках буржуазной собственности, о терроре, об отношениях революционной Франции к другим государствам, о «дехристианизации», — дантонисты радикально расходились с эбертистами.

Осенью 1793 г., зимой 1793/1794 г. и в начале весны 1794 г. Дантон находится в компрометирующем его окружении ряда подозрительных финансовых дельцов и спекулянтов, нередко связанных с враждебными революционной Франции иностранными державами запутанными нитями, в которых не всегда легко разобраться историку. Австрийский подданный, бельгийский делец Бертольд Проли, до начала войны с Австрией—издатель выходившего, повидимому, за счет секретных фондов австрийского правительства, австрофильского журнала «Космополит» («Cosmopolite»), был связан с Демуленом и с близким к дантонистам Эро-де-Сешелем, одним из руководителей внешней политики Комитета общественного спасения. Дантон доверял ему секретные дипломатические поручения. В то же время Проли сошелся с Дефьё, деятелем «комитета переписки» Якобинского клуба, он сблизился также с рядом монтаньярских депутатов. С дантонистами был связан и сам Дефьё, торговец вином, близкий к игорному притону m-me Амарант. Дантонистов (Шабо и особенно Камилла Демулена) можно было встретить в компании тех же Проли и Дефьё в доме банкира Мишеля Симона, перебравшегося в Париж из Брюсселя и состоявшего тайным агентом германского императора. Франция жестоко страдала весной 1794 г. от голодной блокады. Симон ввозил продовольствие и порох из-за границы. За такие услуги его долго не привлекали к ответственности по подозрению в связях с дантонистами. Когда гибель последних была совсем уже близка, он своевременно ускользнул, выехав в Дюнкерк, затем в Гамбург. Таким же образом, спасая себя и не мало наживая при этом, вкладывал свои средства в снабжение Франции и банкир Перрего.

В окружении Дантона и его ближайших друзей можно отметить еще ряд не менее подозрительных фигур. Таковы были, например, моравские евреи, братья Зигмунд-Готлиб и Эммануил Добруска, получившие за снабжение австрийской армии в войне с турками дворянскую фамилию Шенфельдов. Они прибыли во Францию после объявления ею революционной войны Австрии, выдали себя в Страсбурге за преследуемых политических эмигрантов, приняли во Франции фамилию Фрей («свободный»), перебрались в Париж и сблизились с целым рядом депутатов Конвента. Они занимались ростовщичеством и спекулятивными операциями по скупке национальных имуществ. Благодаря рекомендации Шабо, они были приняты в число членов Якобинского клуба, а осенью 1793 г. Шабо женился на сестре Фреев Леопольдине (взяв за ней приданое в 200 тыс. ливров), хотя о Фреях уже ходила молва как о шпионах. Шабо связан был также с английским банкиром Вальтером Бойдом, открывшим совместно со своим компаньоном Кером филиал своего предприятия в Париже. Через Шабо, за взятку в 200 тыс. ливров, этот делец, банкир Питта и английского министерства иностранных дел, добился снятия со своего парижского филиала печатей, наложенных на него, как на предприятие врага Франции. Когда же ему стал грозить арест, он ускользнул из Франции с паспортом, доставленным ему тем же Шабо, и благополучно пробрался в Англию.

В особенности ярко выступила подкупность дантонистов в сильно нашумевшем процессе Ост-Индской компании. Еще летом 1793 г. многие из дантонистских депутатов Конвента, в надежде на получение взяток от разоблачаемых, а также с расчетом на приобретение дешевой популярности в плебейских массах, начали вскрывать темные махинации финансовых компаний: уклонение от налогов, спекуляции с ассигнациями, субсидии на контрреволюцию Людовику XVI, нелегальную пересылку ценностей за границу. К этой же спекулянтской группе примыкали депутаты Шабо и Базир. Эта группа была связана с крупнейшим аферистом бароном де-Батцем и со спекулянтом д'Эспаньяком, нажившим огромные барыши на организации перевозок для армии и арестованным властями летом 1793 г. Де-Батц в молодости служил в армии, куда, судя по некоторым данным, поступил едва ли не по подложным дворянским документам; во время революции он попал даже в депутаты Учредительного собрания, выдавал тайно авансы королевскому двору, затем эмигрировал, побывал в эмигрантской армии и, незадолго до падения монархии, вернулся во Францию. Он дал крупную ссуду королю Людовику XVI, сумел сблизиться с жирондистским министром Клавьером, после падения монархии перебрался в Англию, снова появился в Париже незадолго до казни короля и с необычайной дерзостью приветствовал Людовика XVI, в то время когда его везли на казнь, благополучно ускользнув затем от полиции. Перед падением Жиронды он еще в 1792 г. через своего секретаря Бенуа, близкого к дантонистам, сблизился с рядом дантонистов депутатов Конвента и обсуждал с ними вопрос о возможности спасения королевы Марии-Антуанетты и вождей Жиронды, находившихся в заключении. Он был одним из руководителей Ост-Индской компании.

8 октября 1793 г. Конвентом был принят, по предложению дантониста Делонэ, декрет, предоставлявший Ост-Индской компании ликвидироваться самой — лишь под наблюдением уполномоченных государства. Такой порядок ликвидации давал компании возможность уклониться от части платежей, причитавшихся с нее государству. Фабр-д'Эглантин внес поправку, по которой ликвидация компании должна была производиться государственными агентами, что и было принципиально принято Конвентом. Окончательный текст декрета был передан в комиссию для редактирования. Через три недели текст этот был представлен секретарю Конвента Фабр-д'Эглантином и Делонэ и напечатан без просмотра. Позднее вскрылось, что в текст были внесены поправки, восстанавливавшие первоначальные предложения Делонэ, за что Делонэ, Шабо, Базир, Жюльен из Тулузы и Фабр-д'Эглантин получили от компании взятку в 500 тыс. ливров.

Фабр-д'Эглантин занимался кроме того и другими спекуляциями, связавшись с банкиром Левра, и выступил против Ост-Индской компании в рассчете, запугавши ее руководителей, заставить их дать ему приличного размера взятку за прекращение этих выступлений. Чтобы внушить правящим сферам доверие к себе, Фабр-д'Эглантин одновременно донес членам Комитетов общественного спасения и общественной безопасности о существовании в Париже «иностранного заговора» с участием Проли, Дефьё, Перейра и друга Проли, литератора Дюбюиссона, выведывавших якобы секреты правительства и связанных с группой банкиров иностранного происхождения. В этом заговоре участвовали также брюссельские агенты императора (Валькьерс, Симон, Де-Монтс), швейцарские агенты (Греню) и другие подозрительные финансовые дельцы (в их числе был втянут в дело голландский банкир Ванденивер). Донес Фабр и на связанных с иностранными шпионами депутатов: Жюльена из Тулузы, Шабо, Эро-де-Сешеля, отметил родственную связь Шабо с Фреями, а Эро-де-Се-

шеля обвинял в ведении тайных переговоров с иностранными державами через секретных агентов (Перейра, Дюбюиссон, Куэндр, Лафэ).

Некоторые из указанных Фабром лиц, вроде Ванденивера или Перейра, были близки к эбертистам: первый был близок к Клоотсу, второй вместе с Шометом приходил к Гобелю, чтобы побудить его отречься от сана. Среди арестованных в связи с этим доносом мы встречаем и других эбертистов (Луи Конт, Майяр, Ретледж и упомянутый выше Ванденивер).

На Шабо вслед за тем поступил еще донос со стороны Росена, бывшего служащего д'Эспаньяка. Через месяц, дрожа за себя, Шабо сам сделал донос на Батца и Бенуа, Делонэ и Жюльена из Тулузы, указывая на подкуп в деле Ост-Индской компании. Он заявил, что и сам получил 100 тыс. ливров, но для подкупа Фабр-д'Эглантина. Отводя подозрения в сторону людей из противоположного лагеря, он объявил агентами Батца, Эбера и эбертистов Дюфурни и Люлье, приписывая Эберу намерение вызвать, злоупотребляя террором, отвращение к революции в народе и толкнуть массы на восстание. Донося на Батца, он сообщил о его былых намерениях спасти королеву и жирондистов. Допрошенный вслед за тем дантонист Базир подтвердил сообщенные Шабо данные о подкупе депутатов в интересах Ост-Индской компании, но не дал материала, компрометирующего эбертистов. В результате, аресту подверглись как сами Базир и Шабо, вызывавшие своим поведением основательные подозрения, так и депутат Делонэ, банкир Дюруа, тоже фигурировавший в деле, Дюбюиссон и Проли, первоначально скрывшийся, и еще кое-кто из случайных лиц. Так, был задержан по недоразумению будущий социалист-утопист Сен-Симон, которого перепутали с банкиром Симоном, успевшим благополучно скрыться за границу; ускользнули от ареста Жюльен из Тулузы, Батц, Бойд и привлеченный по доносам Бенуа. Называлось в ходе дела и имя Дантона, на которого доносил Базир, но прямых улик против него не было, и члены Комитетов Конвента, разбиравшие дело, даже предложили Базиру исключить материал против Дантона из своих показаний. Неприкосновенным остался пока Фабр-д'Эглантин — он даже сам участвовал в разборе дела. Эбера к данному делу не привлекли. Что касается самого Дантона, то он, после неудачной попытки спасти Марию-Антуанетту и жирондистов, в середине октября уехал из Парижа на родину. В течение месяца перед этим он оставался безгласным — не произнес ни одной речи в Конвенте. На родине он жил с молодой женой, изящно обставляя свой дом и занимаясь скупкой национальных имуществ. Однако привлечение к суду близких ему политических друзей заставило его во второй половине ноября 1793 г. вернуться в столицу, принять активное участие в борьбе.

Осенью 1793 г. и в начале зимы достигнуты были очень значительные успехи в борьбе с внешними врагами и с внутренней контрреволюцией: англичане, австрийцы и немцы отступали на бельгийской границе и на Рейне, испанцы отступали на юге, освобождена была Савойя, вырваны из рук контрреволюционеров Лион и Тулон, нанесен ряд серьезных ударов мятежникам в Вандее. Это улучшение внешнего и внутреннего положения Франции создавало благоприятную ситуацию для борьбы дантонистов за смягчение революционного режима, в первую очередь за смягчение террора. Эта борьба в полной мере соответствовала настроениям новой буржуазии: она мечтала о том, чтобы получить, наконец, возможность обогащаться, не рискуя подвергаться опасности.

Вернувшись в Париж, когда началось дело Ост-Индской компании, Дантон призывал в Конвенте «щадить человеческую кровь». 1 декабря (11 фримера) он же выступил в Конвенте в интересах «нуворишей» против декрета о принудительном обмене звонкой монеты на ассигнаты, приравнивая

эту «ультрареволюционную», по его мнению, меру к выступлениям контрреволюционеров, и добился отклонения законопроекта. Тогда же он заговорил о необходимости самого строгого соблюдения революционной законности и об отозвании комиссаров Конвента, позволяющих себе нарушать ее. Он настаивал на сочетании в деятельности революционной власти «правосудия и гуманности», на переходе от «силы к мудрости», он резко выступал против произвольных арестов. В одной из речей в Якобинском клубе он протестовал вообще против тех, «кто хочет повести народ за пределы революции».

Еще до возвращения своего главы в Париж дантонисты выступали против террора, значительно усилившегося под эбертистским влиянием: так, 18 октября Лекуэнтр заявлял в Конвенте протест против терроризма революционных комитетов парижских секций, переполнивших тюрьмы. В результате его выступления Конвент того же 18 октября постановил, что приказы об аресте должны быть мотивированными. Однако, уже через 6 дней в виду протестов революционных комитетов и заявления Робеспьера, что «не время парализовать народную энергию», постановление было отменено.

Террор был связан с войной: необходимым условием для смягчения террора являлось примирение с выступавшей против революционной Франции феодально-монархической Европой, и неудивительно, что Дантон все время пытался содействовать этому примирению. Уже значительно раньше он делал попытки договориться через секретных агентов с отдельными участниками европейской коалиции о возможных условиях мира. И теперь, осенью 1793 и зимой 1793/1794 г., Дантон борется за тот же лозунг мира. Еще летом 1793 г. министр иностранных дел Дефорг, поднятый на высокие ступени правительственной лестницы Дантоном, посылал представителям Франции—Сулави в Женеве и Жене в Соединенных Штатах, инструкции о невмешательстве во внутреннюю политическую жизнь этих государств, не порвавших с Францией. От стремлений эбертистов к содействию революции в международном масштабе это было, как мы видим, очень далеко, в этом вопросе дантонисты сходились с робеспьеристами. В конце августа Дефорг через различных лиц (барона Эзебека, Форстера, Метьюза) пытался зондировать почву в Германии и Англии относительно возможных условий соглашения. Под давлением эбертистов пришлось, однако, действовать иначе и принять ряд мер против враждебных Франции держав (прежде всего Англии) и их подданных. Однако, еще в декабре 1793 г. и январе 1794 г. тот же Дефорг предлагал завязать мирные переговоры со всеми противниками Франции, рекомендуя обмануть их следующими обещаниями: «Австрию обольстить, предлагая ей Баварию, Англию — предложением Антильских островов: Сардинию — обещанием Милана». В результате этих хитроумных комбинаций, Дефорг надеялся «истребить Австрию и Англию; низложить испанских Бурбонов; разорить Голландию; победить Пруссию; следить за Россией; устрашить и сдержать Португалию, Италию и Германию; объединить союзом, по крайней мере, в смысле нейтралитета, Швецию, Данию, Соединенные Штаты, Геную, Венецию, Швейцарию и Порту». Изложив эти планы Дефорга, один из крупнейших исследователей внешней политики революционной Франции, Сорель, замечает: «Это было применением к обстоятельствам того плана..., который Дюмурье пытался превратить в систему и который отчасти принимал Дантон».

Надо думать, что не из одного корыстолюбия, а действительно в надежде на соглашение с иностранными государствами, Дантон вступал в связь с темными дельцами из числа участников «иностранного заговора». С этой точки зрения, Дантон осуждал, как препятствие к примирению с Европой,

и возбуждение процесса против Марии-Антуанетты. В начале 1794 г. Дантон имел в руках письма Майльза, агента Питта, предлагавшего устройство мирной конференции в Швейцарии. Голландия, Испания и Австрия начали тайно зондировать почву относительно возможности мирного соглашения через французских агентов, и Дантон — будь он у власти — не преминул бы ухватиться за эти предложения.

Эта политическая линия Дантона, направленная к миру во что бы то ни стало, была очень далека от направления внешней политики, намечавшегося Робеспьером, для которого прежде всего Питт был настоящим жупелом, соучастником и чуть ли не организатором всяческих внутренних заговоров во Франции. У Энгельса в уже цитировавшемся письме к В. Адлеру мы найдем яркое противопоставление позиции Робеспьера и Дантона в области внешней политики: «Комитет общественного спасения занимался дипломатией, боялся европейской коалиции, искал мира путем разделения союзников. Дантон хотел мира с Англией, т. е. с Фоксом и английской оппозицией, которая надеялась в результате выборов получить власть. Робеспьер в Базеле надувал Австрию и Пруссию и хотел притти к соглашению с этими странами». В одном, однако, Робеспьер и Дантон сходились: «Оба были противниками Коммуны и добивались прежде всего свержения тех людей, которые желали войны для революционной пропаганды и распространения во всей Европе республиканского строя» [1].

«Старый кордельер» Камилла Демулена

Главным выразителем настроений дантонистов, направленных в первую очередь против террористического режима, стал близкий к Дантону Камилл Демулен. Корыстолюбием, подобно многим другим вождям дантонизма, он себя не запятнал и принадлежал к дантонистской интеллигенции, а не к новой спекулянтской буржуазии. Его привлекали слава политического публициста, политическая карьера. В конце 1793 г. он начал выпускать газету «Старый кордельер» («Le Vieux Cordelier»). Выбор самого названия для газеты был показательным: «Старый кордельер» — это не поклонник эбертизма, подчинившего Кордельерский клуб своему влиянию, а кордельер тех более ранних времен революции, когда в клубе господствовали еще дантонисты. В плебейских массах Парижа новоявленный печатный орган

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Под ред. Адоратского, 4-е изд., 1931, стр. 362.

LE VIEUX

CORDELIER,

JOURNAL RÉDIGÉ

Par Camille-Desmoulins,

DÉPUTÉ A LA CONVENTION, ET DOYEN DES JACOBINS,

VIVRE LIBRE OU MOURIR!

III.

Quintidi frimaire, 3e décade, l'an II de la république, une et indivisible.

Des que ceux qui gouvernent seront haïs, leurs concitoyens ne tarderont pas à être admirés.

(Machiavel).

Une différence entre la monarchie et la république qui suffirait seule pour faire repousser avec horreur, par les gens de bien, le gouvernement monarchique, et lui faire préférer la république, quoiqu'il en coûte pour l'établir, c'est que si, dans la démocratie, le peuple peut être

«СТАРЫЙ КОРДЕЛЬЕР» № 3,
ОТ 5 ДЕКАБРЯ 1793 г.

Б-ка Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

дантонистов скоро заслужил прозвище «состарившегося кордельера». В течение декабря 1793 и января 1794 г. вышло шесть номеров газеты Демулена. Несколько основных идей пронизывают в это время все литературное творчество Демулена, и одна из них — страстная враждебность к эбертистам. Они для него — платные агенты Питта; он высмеивает Эбера и возводит на него ряд обвинений, не только политических, но и личных; он выступает против Парижской коммуны, присваивающей себе, по его утверждению, законодательную власть. В этих обвинениях он по существу сходится с робеспьеристами. По тактическим соображениям он поет дифирамбы Робеспьеру — между прочим, даже за то, что «к стыду священников, он выступил на защиту того бога, которого они трусливо покинули». В этом выпаде против антицерковной политики эбертистов он опять-таки сходится с робеспьеристами. Особо отмечает Демулен одну из примирительных в отношении к дантонистам речей Робеспьера у якобинцев и делает вывод, что после этого «немыслимо было осмелиться возвысить голос против Дантона, не давая, так сказать, явной расписки в получении денег от Питта». В № 5 своей газеты Демулен тщательно очищает себя самого от сыпавшихся на него политических обвинений.

Для борьбы против «ультрареволюционных» эбертистов Демулен использует античные воспоминания, — прием, с которым мы встретимся у него и в других случаях. Он приводит пример древнеримского трибуна Друза, предлагавшего распределить между малоимущими бо́льшую территорию и понизить цену на хлеб в более значительной степени, чем предлагал Тиберий Гракх. Оттолкнув своей демагогией от Гракха народные массы, Друз дал возможность аристократу Сципиону Назике расправиться с Гракхом, прикончив его ударом кресла. Демулен следовал в данном случае распространенной в то время в республиканских кругах моде сравнивать французскую действительность с отдельными моментами из истории древнего Рима. Но кое-что в исторических фактах он перепутал: Друз выступал не против Тиберия, а против Гая Гракха — в то время, как Сципион Назика убил Тиберия.

На ряду с выпадами против эбертизма, которым мог сочувствовать Робеспьер, в писаниях Демулена этого времени ярко звучат мотивы, в корне расходившиеся с тем, что допускала революционная обстановка и что Робеспьер в качестве представителя власти считал возможным осуществить. Горько жалуется Демулен на стеснение свободы слова для депутатов самого Конвента: «Свобода мнений или смерть», — восклицает он, пародируя известный революционный лозунг, и тут же продолжает: «Я настаиваю... не только свобода мнений должна быть неограниченной для депутата, но даже свобода печати для журналиста». Демулен подчеркивает, что Англия, — не забудем, Англия Питта, — обеспечивает свободу печати в гораздо большей степени, чем революционная Франция. «И я, француз, — возмущается он, — я, Камилл Демулен, буду менее свободен, чем английский журналист? Я негодую при этой мысли».

Но стеснение свободы «мнений» для депутатов Конвента и ограничение свободы печати являются в глазах Демулена далеко не единственным злом: он обрушивается также на революцию, объявляя ее несостоятельной в смысле улучшения экономического положения масс: «Свобода... — не красный колпак, не грязная рубашка или лохмотья»; «свобода — не нищета...; она состоит не в том, чтобы носить потертое платье с продранными локтями..., ходить в деревянных башмаках»; «свобода состоит не в равенстве лишений, и... прекраснейшей похвалой для Конвента было бы, если бы он мог засвидетельствовать о себе: я нашел нацию без штанов, а оставляю ее в штанах», — явный иронический намек на наименование революционных санкюлотов.

Демулену очень важным представляется скорейший переход Франции от революционного режима к конституционному, введение в действие, несмотря на исключительную революционную обстановку, Конституции 1793 г. «Свобода,— заявлял Демулен, — это — счастье, это — разум, равенство, справедливость, это — Декларация прав, это — ваша возвышенная Конституция». В тесной связи с требованием перехода к конституционному режиму стояло у Демулена требование о прекращении революционного террора, сделавшееся в это время как бы основным в его публицистической деятельности. С особой страстностью выражает он эту мысль в № 4 «Старого кордельера»: «Откройте тюрьмы тем 200 тыс. граждан, которых вы называете подозрительными... Нет подозрительных людей, а есть уличенные в проступках, определенных в законе. И не думайте, что эта мера была бы пагубна для республики. Это была бы самая революционная из всех мер, какие вы когда-либо проводили».

Демулен имел в виду создать специальный «комитет милосердия» для пересмотра дел арестованных. Он обращался к Робеспьеру, призывая его вспомнить, что «любовь сильнее и прочнее, чем чувство страха».

В № 3 «Старого кордельера» Демулен опять обращается к истории, делая из нее орудие политической борьбы, — он пространно изображает террористические приемы древнеримских императоров, используя в значительной мере исторический материал «Анналов» Тацита. Правда, он отмечает затем чрезвычайную трудность обстановки, в которой действует Революционный трибунал, и пытается как бы оправдать его суровые меры. Но для читателей «Старого кордельера» должно было быть ясно, что ссылки на окружающую обстановку — только маскировка, и что Революционный трибунал, по мнению Демулена, не лучше самых самовластных римских цезарей. Какой иной смысл могли иметь, например, пространные рассуждения о «подозрительных» в древнем Риме: «Все возбуждало подозрительность тирана. Был ли гражданин популярен, — он являлся соперником государя, способным вызвать междоусобную войну... он подозрителен. Если вы, напротив, избегали популярности, — эта уединенная жизнь обращала на вас внимание, вызывала к вам уважение,— вы подозрительны. Если вы были богаты,— грозила опасность, как бы народ не совратился: благодаря

J. R. HÉBERT,

AUTEUR DU PÈRE DUCHESNE,

A CAMILLE DESMOULINS

ET COMPAGNIE.

La paix est fort bonne de soi,
J'en conviens; mais a quoi sert-elle
Avec des ennemis sans foi?
LAFONTAINE.

IL est un grand homme que vous avez oublié; il faut que vous soyez bien ingrats, car il prétend que sans lui, il n'y auroit jamais eu de Révolution Il s'appelloit autrefois le Procureur-Général de la Lanterne; vous croyez que je vous parle de ce fameux coupe-tête, dont la barbe si célèbre faison fuir tous les aristocrates; non, celui dont il s'agit, se vante, au contraire, d'être le plus pacifique des humains. A l'en croire, il n'a pas plus de fiel qu'un Pigeon; il est si sensible qu'il n'entend jamais parler de *Guillotine* sans frissonner jusques aux os; c'est un grand

ПАМФЛЕТ ЭБЕРА ПРОТИВ КАМИЛЛА ДЕМУЛЕНА

Б-ка Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

вашим щедротам,— вы подозрительны. Если вы были бедны... Нет никого предприимчивее неимущего,— вы подозрительны».

Ясно, что Демулен скатился на откровенно контрреволюционные позиции, и неудивительно, что «Старый кордельер» расхватывался реакционерами, несмотря на повышение цены номеров. С полным правом мог Робеспьер поставить на вид Демулену, что аристократы никогда не стали бы так раскупать Тацита, как они раскупали отрывки из него, подобранные Демуленом.

РАСПАД ЯКОБИНСКОГО БЛОКА. ПАДЕНИЕ ЭБЕРТИСТОВ И ДАНТОНИСТОВ

Борьба робеспьеристов и дантонистов

Поскольку политические и социальные устремления дантонистов и эбертистов были совершенно непримиримы, борьба между ними кипела и в Якобинском клубе в Париже и на местах, где политическая жизнь сосредоточивалась опять-таки в значительной мере в клубах. В сентябре 1793 г. Эбер в заседании парижского Якобинского клуба назвал клеветником и трусом дантониста Бурдона, содействовавшего отстранению от командования в Вандее эбертистского генерала Россиньоля. В свою очередь, дантонист Шабо несколько позднее обрушился на космополитическое «Послание к батавским патриотам», составленное Клоотсом. Еще позже Эбер решительно ополчился в Якобинском клубе на предложение, проведенное дантонистами Шабо и Тюрио через Конвент, но вскоре отмененное, — о предании суду членов Конвента лишь после предварительного выслушивания их объяснений самим Конвентом. Он заявил, что считает «контрреволюционерами» тех, «кто хочет двинуть революцию назад»; вслед за тем он добился исключения Тюрио из клуба, а на одном из следующих заседаний эбертистами было выдвинуто предложение о расследовании особой комиссией поведения Шабо. В том же заседании (16 ноября) председателем клуба избран был Анахарсис Клоотс. Эбертисты, таким образом, временно восторжествовали. Но это продолжалось только до начала декабря, когда сформировался для борьбы с эбертистами блок робеспьеристов и дантонистов. В это же время Парижская коммуна, противопоставляя себя Комитету общественной безопасности, попыталась устроить совместное заседание своего генерального совета с революционными комитетами секций, что было категорически воспрещено Конвентом. Правда, эбертисты и позднее торжествовали в отдельных случаях,— например, в начале января 1794 г. из Якобинского клуба были исключены: Демулен, писания которого Эбер назвал «отравой», Филиппо, Фабр-д'Эглантин и Бурдон из Уазы, — все дантонисты. Демулен, впрочем, оказался вскоре восстановленным, благодаря заступничеству Робеспьера. Победой эбертистов можно считать и тот день в начале февраля, когда они добились освобождения арестованных было Ронсена и Венсана. Но эти успехи оказывались теперь ненадежными: блок робеспьеристов и дантонистов все упорнее наступал на эбертистов...

Политические тенденции в якобинских клубах на местах были чрезвычайно пестры: в Ле-Мане (на северо-западе) в Якобинском клубе решительно преобладали дантонисты; в специальном адресе они воздавали хвалу близкому к Дантону Филиппо и изгоняли из клуба всех, не разделявших их убеждений. Эбертисты господствовали в клубах Каркассонна, Мулена, Дюнкерка. Неудивительно, что то и дело то в том, то в другом пункте происходили столкновения, причем комиссары Конвента различных политических оттенков резко расходились в оценке этих столкновений и в суждениях об отдельных лицах. Так, комиссар Жавог, эбертист, и комиссар Альбит одновременно обвиняют комиссара Гули в организации контрреволю-

ции в департаменте Эн. Альбит говорит, правда, более мягко о покровительстве Гули аристократам. Жавог же решительно утверждает, что контрреволюция существует в самом Комитете общественного спасения, за что и платится потерей своего положения. А всего за несколько недель до того Альбит сам подвергался порицанию со стороны комиссаров Барраса и Фрерона за мягкость, проявленную им в отношении марсельских мятежников. Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить.

Действуя против эбертистов в союзе с Дантоном, Робеспьер, естественно, вынужден был до поры до времени щадить в известной мере дантонистов. Вот почему Камиллу Демулену все его явно контрреволюционные писания долго сходили с рук. Когда в Якобинском клубе на него посыпались обвинения в связи с контрреволюционерами и заступничестве за аристократов, Робеспьер выступил на его защиту, подчеркнув, что Демулен «любил свободу инстинктом и чувством» и неоднократно разбивал идолов, которым незадолго до того поклонялся, обманываясь в людях. В результате осмелевшие с середины декабря 1793 г. дантонисты пытались даже, — правда, неудачно, — поставить вопрос о переизбрании Комитета общественного спасения, срок полномочий которого истекал: с этим была связана уже упоминавшаяся статья Демулена о терроризме Комитета общественного спасения в № 3 «Старого кордельера».

Неудивительно, что в заседании Якобинского клуба 21 декабря робеспьерист Никола все же поднял вопрос о контрреволюционных выступлениях Демулена и об исключении его из клуба. Эбертисты во главе с своим руководителем использовали момент для атаки на дантонистов, хотя на самого Дантона Эбер напасть не решился и даже провозгласил его и Робеспьера «двумя столпами революции».

Робеспьер пытался в заседании 23 декабря успокоить страсти и спасти своих соратников — дантонистов, подчеркивая, что якобинцы находятся «между двумя рифами — модерантизмом, навсегда побежденным, и «прусским» вероломством людей, желающих всемирной республики или, скорее, — всеобщего пожара». Это была, как мы видим, попытка отвлечь внимание от дантонистов, якобы уже не опасных, и направить его в сторону эбертистов. Дантон спрашивал в то же время: «Убьют ли препирательства хоть одного пруссака?» Несколько дней спустя, говоря в Конвенте о народных обществах, Робеспьер, снова метя в эбертистов и в секционные общества, подчеркнул, что клубы эти заполнены множеством интриганов: «народа там нет... народ находится в мастерских». А через месяц с небольшим против тех же секционных клубов выступил Кутон, и сам Эбер вынужден был признать наличность «секционной контрреволюции».

Поддержка Робеспьера придавала все больше смелости Демулену, статьи которого приобретали все более контрреволюционный характер. При всей терпимости к нему, Робеспьер вынужден был допустить обсуждение последних его статей в нескольких заседаниях Якобинского клуба в начале января 1794 г. Страсти разгорелись, ибо дантонисты использовали момент для нападок на Эбера. Робеспьер пытался отстоять Демулена, предложив сжечь номера его журнала, не привлекая его к ответственности. Демулен, однако, упорствовал, заявляя, что «сжечь — не значит ответить». Тогда Робеспьер вынужден был заговорить уже резко, отмечая, как и в других своих выступлениях, существование двух партий, одинаково вдохновляемых иностранцами: «Они борются друг с другом, но, в сущности, вопрос о победе одной из этих партий над другой не имеет значения; обе системы, несомненно, приведут республику к гибели: они добиваются одного и того же определенного результата — роспуска

Национального конвента». «Остается раздавить всего несколько змей», — говорил он, продолжая речь, в результате которой произошло уже известное нам исключение дантонистов из клуба. Это не было, однако, полным разрывом Робеспьера с самим Дантоном, тем более, что последний учитывал усиление натиска со стороны эбертистов, неизбежно связанное с исключением дантонистов, и счел целесообразным сделать уступку эбертистам, поддержав в Конвенте их требования об освобождении арестованных Венсана и Ронсена. Демулен был, как мы видели, восстановлен в звании члена Якобинского клуба после нового вмешательства Робеспьера в его пользу.

Таково было положение в феврале 1794 г. Робеспьеристы чувствовали себя,—по выражению Робеспьера в одной из его февральских речей в Конвенте, — между двумя партиями, из которых «одна хочет обратить свободу в вакханку, другая — в проститутку». Назревал разрыв Робеспьера с обеими «факциями» («factions»—группами «заговорщиков»), как их называл Робеспьер. Гибель эбертистов и дантонистов была близка.

Разрыв робеспьеристов с эбертистами и дантонистами

К концу 1793 г. граница была почти в безопасности. 1794 г. начался благоприятно, французская армия почти всюду продвигалась. Пропаганда революции сделалась помехой и для Робеспьера, и для Дантона, которые — каждый по-своему — хотели мира.

Такова была основная внешнеполитическая причина падения эбертистов. Рядом с этим приходится отметить и причины внутриполитического порядка. Эбертисты выступали в качестве представителей городских плебейских масс. В их лице плебейские массы как бы заявляли претензии на полную гегемонию в революции. Такая гегемония была им в эту эпоху не по силам, и попытка эбертистов осуществить эти претензии неизбежно должна была вызвать решительный отпор со стороны всех групп, опасавшихся осуществления социальных требований плебейства. Между тем, продовольственное положение к концу зимы 1794 г. толкало эбертистов на выступление против зажиточных слоев и обостряло напряженность их отношений к робеспьеристам и дантонистам. «В феврале 1794 г. экономический кризис усилился и ускорил развязку. Хлеба было мало и он был плохого качества; мяса не было; крестьяне, напуганные секционными комиссарами, захватывавшими их продукты для распределения, привозили их все меньше и меньше. Эбертисты возбуждали санкюлотов, советуя требовать решительных мер».

Неудивительно, что в этой обстановке Эбер в № 345 «Отца Дюшена» счел уместным обрушиться на торговцев, даже на мелких. «Я не буду щадить торговцев морковью больше, чем самого крупного торговца, так как... я вижу объединение, созданное всеми продающими против покупающих, и нахожу столько же мошенничества в лавчонках, как и в больших магазинах». В клубе Кордельеров стали раздаваться требования усиления революционной армии для борьбы со скупщиками; Парижская коммуна и секции подали 23 февраля в Конвент ходатайство о беспощадном применении закона против скупщиков; 28 февраля в одном из секционных собраний некий Бо, сапожник, заговорил даже о том, что нужно направиться к тюрьмам и расправиться с заключенными. Казалось, вновь надвигались дни начала сентября 1792 г.

Негодование широких плебейских масс эбертисты стремились направить против правительства Робеспьера, которого они причисляли к «усыпителям». С точки зрения эбертистов правительство провинилось и в том, что отозвало эбертистски настроенных комиссаров, и, среди других, в Париж должен был возвратиться Каррье. Враждебность эбертистов робес-

пьеристскому правительству сильнее всего выразилась опять-таки у кордельеров, в особенности в заседаниях 2 и 4 марта. Еще 2-го Ронсен заговорил о необходимости нового 31 мая, но Эбер выступил с призывом к выжидательной политике. 4-го он, однако, сам уже взывал: «Восстание, восстание!»— заявляя, что не может больше терпеть, что сам Робеспьер введен в заблуждение, что патриотам зажимают рот, что в правительстве остаются министры-дантонисты — Паре, Дефорг, Детурнель. «Восстание, святое восстание», — призывал также Каррье. Декларация прав человека, висевшая в клубе, была задернута черным покрывалом до тех пор, «пока народ не вернет этих прав путем низвержения предательской партии». Еще до того, 27 февраля (9 вантоза), руководители дантонизма — Филиппо, Бурдон, Фабр-д'Эглантин и Демулен — объявлены были в заседании кордельеров недостойными «заседать на Горе, на этой Тарпейской скале, с которой они должны быть сброшены».

Позднее эбертистам приписывался в Якобинском клубе целый детально разработанный план переворота с убийством части арестованных в тюрьмах и использованием другой части, освобождаемой из тюрем, для массового истребления патриотов.

В этих утверждениях было, разумеется, немало преувеличенного; по крайней мере, Паша, якобы предназначавшегося в диктаторы в случае успеха переворота, не сочли даже нужным арестовать и привлечь по делу эбертистов, — но сам по себе призыв к восстанию был налицо, несомненной была и угроза эбертистского переворота.

Однако в оценке своих реальных сил эбертисты жестоко просчитались: пылкий Моморо увлек было за собой секцию Марата, но попытка повести на путь восстания Парижскую коммуну закончилась полной неудачей: Шомет в своей речи в Коммуне 6 марта (16 вантоза), в противовес делегации секции Марата, говорил о неуместности хотя бы малейших беспорядков в Париже в такой момент, когда на фронте начинается новая кампания против внешних врагов, и когда сам Конвент идет навстречу неимущим гражданам. Пришлось эбертистам отступить, — они даже уверяли, что Декларация прав была завешена уже месяц тому назад, и что в заседании Кордельерского клуба вообще не говорилось о восстании. Ясно, что эти успокоительные заявления никого не убеждали, ибо сведения прямо противоположного характера печатались открыто в газетах.

«Вантозские декреты»

В решительный момент эбертисты не получили поддержки со стороны широких масс; объясняется это в значительной мере тем, что правительство пошло на известные уступки и провело ряд мер для облегчения материального положения масс. 21 февраля Барер представил на рассмотрение Конвента проект нового общего максимума; 27 февраля был поставлен на обсуждение проект нового закона против скупщиков; 26 февраля (8 вантоза) Сен-Жюст выдвинул в своей речи план не только освобождения неправильно арестованных патриотов, но и распределения имущества, конфискованного у врагов революции, между нуждающимися патриотами. Этот принцип был положен в основу так называемых «вантозских декретов». 8 вантоза объявлено было о конфискации собственности врагов республики, 3 марта (13 вантоза) коммунам предписано было составить списки нуждающихся патриотов, а «наблюдательным комитетам» представить в Комитет общественной безопасности списки всех арестованных по политическим мотивам за время с 1 мая 1789 г. с замечаниями о каждом из них; затем Комитетам общественного спасения и общественной безопасности поручено было совместно установить, чьи именно имущества подлежат конфискации, а Комитету общественного спасения — составить список

JUGEMENT

RENDU

PAR LE TRIBUNAL

REVOLUTIONNAIRE

ETABLI PAR LA LOI DU 10 MARS 1793, SÉANT AU PALAIS, A PARIS,

QUI, sur la déclaration du Jury du jugement, portant : « Qu'il eſt conſtant, 1°. qu'il a exiſté une conſpiration contre » la liberté et la ſûreté du Peuple Français, tendant à » troubler l'Etat par une guerre civile, en armant les ci- » toyens les uns contre les autres et contre l'exercice de » l'autorité légitime ; par ſuite de laquelle, dans le cou- » rant de Ventôſe dernier, des conjurés devoient diſſoudre » la repréſentation nationale, aſſaſſiner ſes membres et » les patriotes ; détruire le gouvernement républicain, s'em- » parer de la ſouveraineté du Peuple, et donner un tyran » à l'État, 2° que Jacques-René HÉBERT, Charles-Philippe RONSIN, François-Nicolas VINCENT

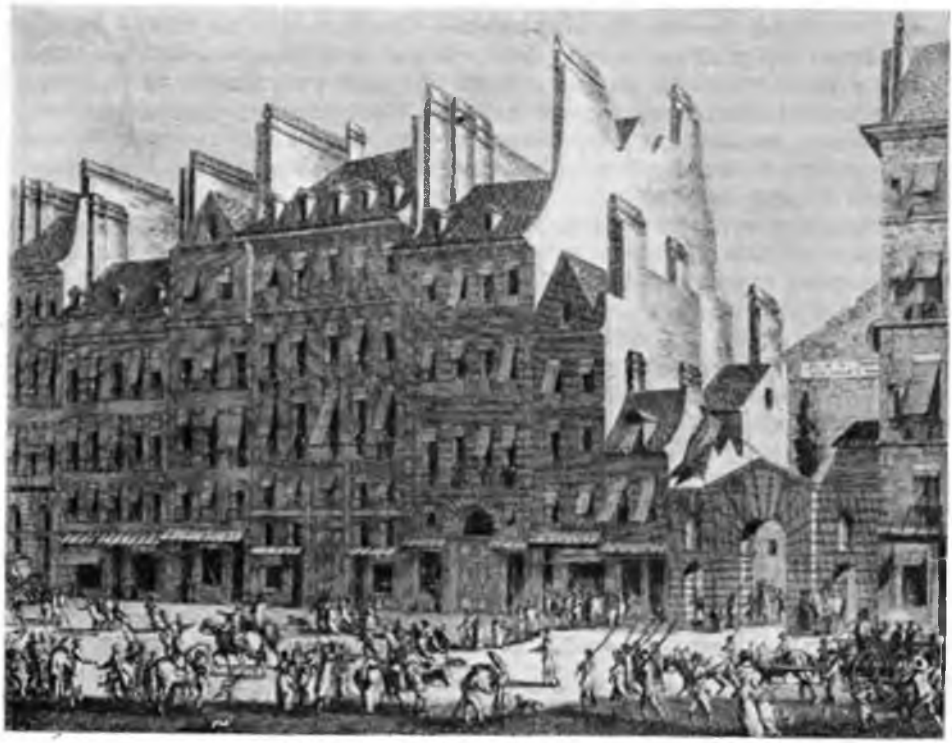
ПРИГОВОР, ВЫНЕСЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛОМ ЭБЕРУ, ВЕНСАНУ И ДР.

Б-ка Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

нуждающихся патриотов, между которыми конфискованное имущество должно быть распределено.

А. Матьез видит в этих «вантозских декретах» осуществление робеспьеристами целой социальной программы, по своему размаху далеко превосходившей программу эбертистов. Однако, не говоря уже о том, что робеспьеристы не сумели быстро и решительно провести в жизнь свои декреты, вряд ли даже они имели в виду социальные мероприятия широкого масштаба. Они шли навстречу бедноте, в первую очередь исходя из тактических требований в условиях борьбы с эбертизмом, под давлением плебейской массы. Во всяком случае, вантозские декреты, казалось, открывали перед беднотой известные перспективы на будущее. Не случайно Шомет, отказываясь вступить на путь восстания во главе Коммуны, ссылался на то, что «по превосходному и основательному докладу Сен-Жюста Национальный конвент издал благодетельный декрет, один из самых демократических, какие только существуют, декрет о наделении бедноты собственностью за счет конфискованных имуществ врагов революции». Сам Шомет, как мы знаем, высказывал мысль о передаче защитникам революции земель ее врагов, а теперь Сен-Жюст как бы подхватывал его мысль и начинал осуществлять ее.

Надо отметить, что «вантозские декреты» в значительной мере сбивали эбертистов с позиции исключительных защитников интересов плебейских масс и облегчали правительству Робеспьера решительное сведение счетов с эбертистами. Характерно, что арест вождей эбертистов последовал очень скоро после «вантозских декретов», несмотря на то, что в это время вожди эбертизма склонны были сложить оружие. Впрочем, не все эбертисты поняли необходимость отступления: не успокаивался и выступал с шумными заявлениями Венсан, плебейская секция Финистер настаивала на усилении нажима на скупщиков, указывала на необходимость более энергичной деятельности «революционной армии», а эбертистски настроенная секция Брута бурно требовала от Конвента истребления тайных роялистов, «федералистов», «умеренных» и «снисходительных», метя, конечно, в первую очередь в дантонистов, но косвенно обличая и робеспьеристов в попустительстве.



КАЗНЬ ЭБЕРТИСТОВ 24 МАРТА 1794 г.
Гравюра Берто. Рисунок Дюплесси-Берто

Процессы и казнь эбертистов и дантонистов

В ночь с 13 на 14 марта подверглись аресту многие из вождей и рядовых участников эбертистского движения; Шомета, переменившего свою позицию, пока не тронули; но Эбер, Ронсен, Венсан, Моморо были арестованы; к ним присоединили ранее арестованного Анахарсиса Клоотса — его дело хотели использовать, чтобы показать связь эбертистов с иностранными агентами. В процессе фигурировали для той же цели Проли, Кок, Перейра, Дефье, Дюбюиссон, а на ряду с ними целая группа работников военного министерства, которое было одним из оплотов эбертизма (кроме Венсана — Леклерк, Буржуа), и другие лица разного звания и положения. За обвинениями дело не стало: сношения с иностранными государствами, даже стремление к восстановлению монархии, намерение оставить народ без продовольствия и перебить патриотов — членов Конвента, — все это инкриминировалось подсудимым, хотя улики по существу были по многим пунктам более чем слабы, по другим — вовсе отсутствовали. По существу дело было, однако, не в этих действительных или фиктивных преступлениях, а в готовности эбертистов вступить на путь вооруженного восстания против Конвента и Комитета общественного спасения. Толпы народа во время процесса переполняли двор около здания суда и соседние улицы. В массе собравшихся встречались сторонники подсудимых, жаловавшиеся, что «им не дают свободы защиты». По существу, подсудимые были уже осуждены. Казнь их совершилась 24 марта. Только один — Лабуро, игравший, повидимому, роль агента в эбертистской организации и доносивший на нее властям, был оправдан Революционным трибуналом. Большинство осужденных достойно встретило смерть.

С разгромом эбертистов Парижская коммуна потеряла свой эбертистский характер: состав ее стал фактически регулироваться Комитетом общественного спасения, ее деятельностью стали руководить лица, назначенные этим Комитетом. Ослабела связь Коммуны с широкими массами плебейского населения Парижа. Замерла и кипучая политическая жизнь секционных клубов. «Революционная армия» была распущена 29 марта (9 жерминаля).

В процессе эбертистов фигурировал ряд лиц, которые прежде были связаны с дантонистами: Комитет общественного спасения, возглавляемый Робеспьером, явным образом стремился создать впечатление, что «иностранный заговор» имеет, так сказать, два крыла. Характерно, что еще 13 марта Сен-Жюст так составил декрет о предании эбертистов суду Революционного трибунала, что отдельные статьи его можно было применить и к дантонистам. Декрет гласил, что лица, дававшие приют эмигрантам, объявлялись изменниками отечеству, — как раз Дантон еще в 1793 г. дал временно приют у себя эмигрантке графине Шарри. Изменниками отечеству объявлялись и те, кто стремился открыть тюрьмы, — под это определение можно было, при желании, с успехом подвести Демулена с его проповедью «милосердия». А Демулен как раз становился все более развязным в своих нападках на революцию: особенно показателен в этом отношении № 7 «Старого кордельера», увидевший свет, правда, только после смерти Демулена, в период термидорианской реакции. В этом номере подчеркивалась допустимость атак в печати на Конвент и Комитет общественной безопасности; на ряду с нападками на павших уже Эбера, Венсана, Моморо в нем были выпады против отдельных членов Комитета общественной безопасности. И снова звучали здесь старые мотивы — идеи безграничной свободы слова для депутатов Конвента и свободы печати: «Нужно признать, что трибуна Конвента не пользуется свободой мнения английской трибуны»; «я не понимаю, как можно признавать республику там, где нет свободы печати» — писал Демулен. Здесь же находила себе выражение тоска по миру с внешними врагами, — миру во что бы то ни стало. «Робеспьер, — утверждал Демулен, — забывает то, что когда-то он сам подчеркивал, что «свобода не нуждается в пушках и делает больше всего завоеваний во время мира, так как царит не благодаря страху, а благодаря своему обаянию». В одном из отрывков, возможно предназначавшемся для того же № 7, но затем, видимо, опущенном в виду невозможности напечатать его, Демулен идет дальше и открыто призывает к контрреволюционному выступлению против Конвента: «Что должен был сделать Конвент? — кончить дело, дать Конституцию Франции. Если это большинство Собрания хочет удержать свои полномочия, то произведем еще одну революцию против большинства Собрания».

Путь Демулена к контрреволюции оказался, таким образом, пройденным до конца. К этому времени дантонист Тальен, будущий виднейший термидорианец, сделался председателем Конвента, а дантонист Лежандр — председателем Якобинского клуба. В такой обстановке Робеспьер, выступая в Якобинском клубе, вынужден был обрушиться на дантонистов, указывая, что они так же опасны, как и эбертисты, и уничтожение их является необходимостью.

Еще до процесса и казни эбертистов Амар, робеспьеристский депутат Конвента, подготовил обвинительное заключение против арестованных за спекуляцию дантонистов Шабо, Базира, Делонэ и Фабр-д'Эглантина. После казни эбертистов в Якобинском клубе заговорили о производимом по предписанию полиции удалении из публичных мест бюстов Шалье и других героев свободы. В связи с этим близкий в свое время к эбертистам Колло-д'Эрбуа открыто заявил, что умеренные напрасно полагают,

будто ради них якобинцы сражались с заговорщиками-эбертистами. Билло-Варенн, близкий по политическому настроению к Колло-д'Эрбуа, стал требовать от Комитетов общественного спасения и общественной безопасности ареста Дантона, вокруг которого объединялись все контрреволюционеры. Над головой Дантона явно нависла угроза. Дантон знал о намерениях робеспьеристов, но ничего не мог предпринять. «Они не посмеют», — повторял он, но чувствовал себя обреченным. Неблагоприятно для Дантона сложилась обстановка и в сфере внешней политики. «Выборы в Англии прошли благоприятно для Питта, Фокс был временно отстранен от правительства, — это испортило положение Дантона»,[1] — отметил Энгельс. Есть известия, — правда, не могущие претендовать на полную достоверность, — что в последние дни своей жизни Дантон пытался найти почву для соглашения с Робеспьером. Они встретились, будто бы, у монтаньяра Паниса за обедом; Дантон жаловался Робеспьеру на ненависть к нему Сен-Жюста и Билло-Варенна, на предубежденность в отношении к нему самого Робеспьера и призывал к объединению. Робеспьер отклонил соглашение и ушел первым со свидания.

В ночь с 30 на 31 марта (с 10 на 11 жерминаля) вопрос об аресте Дантона обсуждался Комитетами общественного спасения и общественной безопасности. На аресте настаивали Робеспьер, Сен-Жюст и Билло-Варенн; Робер Ленде и Рюль остались в меньшинстве. Вопрос об аресте был решен, соответствующее постановление подписано всеми представителями большинства, а затем приведено в исполнение в ночь на 1 апреля. Одновременно с Дантоном были арестованы Камилл Демулен, а также сторонники Дантона — Филиппо и Делакруа.

11 жерминаля в Конвенте царило страшное волнение. Дантонист Лежандр, сообщив депутатам новость об аресте Дантона и его политических друзей, громогласно заявлял, что считает Дантона невинным и что арестованные депутаты должны быть доставлены в Конвент и выслушаны. Дантонисты Дебри, Куртуа и Дельмас, по некоторым сведениям, кричали в заседании, указывая на членов Комитетов общественного спасения и общественной безопасности: «Долой диктаторов, долой тиранов!» В ответ выступил Робеспьер, угрожающе заявив: «Мы не хотим идолов...; дело идет о том, чтобы узнать, одержит ли верх интерес некоторых честолюбивых лицемеров над интересами французского народа... Дантон — продолжатель дела жирондистов и враг отечества... и тот, кто содрогается в данный момент, тот преступен». Вслед за Робеспьером выступил Сен-Жюст. Он напомнил обо всех темных сторонах политического прошлого Дантона и его друзей — о связях их с Мирабо, королевским двором, Дюмурье, Бриссо и другими жирондистами, с герцогом Орлеанским; об их уклончивой тактике в дни падения монархии и Жиронды; об усилиях спасти короля и его семью; об отрицательном отношении к Марату; о призывах к миру и милосердию; о борьбе против энергичных революционных мер и революционного правительства; о связи с иностранной коалицией, спекулянтами, даже с эбертистами; он очертил общую политическую линию Дантона, охарактеризовал его как человека, который «ко всему приспособлялся», и призывал Конвент быть беспощадными. Болото, получившее к тому же со стороны Робеспьера успокоительное для него заверение, что «число виновных не так уж велико», присоединилось к монтаньярам в шумной овации Робеспьеру, а Лежандру пришлось заявить, что, видимо, Робеспьер плохо его знает, если не считает его способным пожертвовать одним человеком

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Под ред. Адоратского, 4-е изд., 1931, стр. 362.

ради свободы. В Якобинском клубе об арестах докладывал Кутон. Бичуя «старых заговорщиков», присвоивших себе «славное имя старых кордельеров», Кутон торжествующе восклицал: «Политический горизонт проясняется, небо расчищается, и друзья республики вздыхают свободно». Досталось и Лежандру, которому пришлось снова, уже во второй раз, отмежеваться от Дантона и заявить, что он теперь «убежден в его преступности».

В дни 2—5 апреля дело Дантона и его единомышленников разбиралось в Революционном трибунале. На ряду с Дантоном и остальными тремя депутатами, арестованными вместе с ним, среди подсудимых оказались спекулянты — Базир, Делонэ, Шабо, Фабр-д'Эглантин, оба брата Фрей, д'Эспаньяк, бывший испанский гранд Гузман и банкир датчанин Дидерихсен. Здесь же находились Эро-де-Сешель, друг Клоотса, Проли, и генерал Вестерман — друг Дантона, в прошлом близкий к Дюмурье. Как мы видим, состав подсудимых давал возможность резче подчеркнуть, с одной стороны, связь Дантона с темными дельцами, с другой стороны— связь дантонистов с эбертистами,а в прошлом — с Жирондой. С целью сильнее опозорить Дантона, процесс начали как раз с выяснения дела Ост-Индской компании. Дантон шумно выражал свое негодование по поводу того, что его заставляют присутствовать при разборе этого грязного дела. На допросе, как и в тюрьме до суда, он держался вызывающе. Он заявлял, что на челе таких людей как он, «огненными знаками оттиснута печать свободы республиканского духа»; он кричал так, что раскаты его голоса слышны были на улице пред зданием суда, где собралась громадная толпа, и его заявления приобретали, таким образом, агитационное значение. Дело затягивалось, состав суда был испуган. Общественный обвинитель Фукье-Тенвиль писал о подсудимых Комитету общественного спасения, что «они апеллируют ко всему народу». В это время извне подготовлялось, повидимому, освобождение дантонистов: по крайней мере, в Комитет общественного спасения поступило сообщение одного из заключенных в Люксембургской тюрьме, бывшего дипломата Лафлота, о том, что генерал Диллон совместно с депутатом Конвента Симоном и при участии другого депутата — Туре—составил проект насильственного освобождения заключенных и что жене Камилла Демулена Люсили передана тысяча экю на организацию восстания толпы, собиравшейся вокруг Революционного трибунала. Это дало повод Конвенту постановить, по докладу Билло-Варенна, что дело «каждого из обвиняемых в заговоре, кто будет противиться или оскорблять национальное правосудие, будет немедленно снято с обсуждения». Весть о «заговоре в тюрьмах» была оглашена и в Революционном трибунале. Потрясающее впечатление произвела она в особенности на Демулена. Вслед за тем обвиняемые, действительно, были устранены от судебного разбирательства, несмотря на их шумные протесты, и суд вынес им смертный приговор. Оправдан был только Люлье, один из бывших руководителей парижского департаментского управления, отданный под суд на третий день процесса по обвинению в соучастии с Шабо. Осужденные отправлены были на гильотину в тот же день, 5 апреля. Дантон, когда его провозили мимо дома, где жил Робеспьер, крикнул громким голосом: «Робеспьер, я жду тебя». Демулен пробовал на пути к месту казни взывать к народу, стоявшему по обеим сторонам улиц, но все оставались безмолвными и безучастными. Казнь всех осужденных совершилась при громадном стечении народа, но сочувствия им, по крайней мере сколько-нибудь открыто, не выражал никто.

Процесс Дантона и его сотоварищей и более ранний процесс эбертистов имели свое продолжение: 10 апреля перед Революционным трибуналом предстали жена Демулена и другие обвиняемые по делу о «заговоре в тюрь-

мах» — и вместе с ними Шомет, арестованный еще 18 марта, Гобель, жена Эбера и ряд других менее заметных лиц. В частности, Шомету вменялось в вину стремление противопоставить Коммуну Конвенту в качестве законодательного органа, получение денег от Питта, — в чем он вовсе не был повинен,— и его «дехристианизаторская» работа, обострявшая с точки зрения обвинителей отношения между Францией и остальной Европой и возбуждавшая возмущение во Франции. Ему ставили в вину также мнимые посягательства на собственность. 13 апреля большинству подсудимых был вынесен обвинительный приговор, и к вечеру они были гильотинированы: в их числе погибли Шомет, Гобель и Люсиль Демулен.

Террор, таким образом, продолжался и углублялся; при создавшихся условиях группа Робеспьера могла удержать свою власть только при помощи террора.

Но положение Робеспьера и его последователей становилось, несмотря на разгром и казнь эбертистов и дантонистов, все более шатким. В рядах якобинцев стали намечаться дальнейшие расхождения, которые, при наличии новой международной ситуации, и обусловили падение якобинской диктатуры летом 1794 г.

Глава десятая

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯКОБИНЦЕВ

УСТАНОВЛЕНИЕ якобинской диктатуры произошло в годину самых тяжелых испытаний для Франции. Внутренние мятежи слились в единое целое с нашествием армий феодальной Европы, которое финансировала Англия. Десятки департаментов пылали пожаром гражданской войны, сплошная линия фронта опоясывала территорию Франции и вдавалась вглубь страны. 12 июля 1793 г. союзники овладели Конде, 28 июля они захватили Валансьенн, и новая угроза, отодвинутая, главным образом, внутренними раздорами в среде коалиции, нависла над Парижем. Успехи вандейцев совпали во времени с предательской сдачей английскому и испанскому флоту 28 августа важнейшего французского порта Тулона. Лион, Марсель, Бордо, Канн, Ним были захвачены мятежниками, открыто принимавшими помощь врагов французского народа. Тогда же, как нечто совершенно неизбежное, ожидалась высадка десанта английских войск и эмигрантских банд в Бретани.

Положение республики многим, даже доброжелательно к ней настроенным людям, казалось критическим и безнадежным. И нужна была революционная отвага и решимость якобинцев для того, чтобы, преодолевая предательства жирондистских мятежников, развал государственного аппарата, измены генералитета, панику обывателя, различные капитулянтские и примиренческие настроения в собственной среде, — поднять всю толщу народных масс на непреклонную борьбу против поползновений феодального мира остановить дело человеческого прогресса. Совершенно естественно, что в первые дни и месяцы своей диктатуры занятые, главным образом, обороной страны и укреплением революционно-демократической власти якобинцы не могли уделять вопросам дипломатии большого внимания. Только поэтому находившийся формально под арестом и постоянно конвоируемый жандармом жирондистский министр иностранных дел Лебрен продолжал исполнять свои обязанности. В первые же дни существования якобинского режима было опубликовано сообщение о новых назначениях на дипломатические посты и о состоявшемся уже выезде назначенных лиц. Так, Ноэль был назначен в Венецию, Маре — в Неа-

поль, Шовелен — во Флоренцию, Грувиль возвращался в Копенгаген, Жене в Соединенные Штаты, а Семонвиль находился на пути в Константинополь. Бросается в глаза, что все упомянутые дипломаты были далеки от робеспьеристов, а некоторые из них, как Шовелен или Жене, были даже враждебны якобинцам. Ноэль был испытанным другом Дантона, не раз исполнявшим его личные поручения, особенно по дипломатической части, и имел значительные связи в Лондоне, куда ездил с предложениями спасти короля за соответствующее возмещение от ожидавшей его справедливой кары. Таким образом, события 31 мая — 2 июня непосредственно не привели к изменению в составе руководящего персонала министерства иностранных дел. Да это и понятно, если принять во внимание, что в составе Комитета общественного спасения вопросами внешней политики ведал Дантон, а после удаления его из Комитета — Эро-де-Сешель.

Поэтому министерство иностранных дел пыталось продолжать политику различных построенных на песке дипломатических комбинаций, тайных переговоров и торгов: эта политика весьма мало соответствовала задачам последовательной освободительной борьбы за мир и независимость Французской республики.

Осуждение политики революционной экспансии и борьба за независимость Франции

Правда, линия поведения, усвоенная министерством иностранных дел, была косвенно, но решительно осуждена 18 июня, когда Конвент обсуждал проект главы XXV Конституции, посвященной отношениям республики с иностранными государствами. Когда поступило предложение Грегуара о том, чтобы статью, трактующую о невмешательстве во внутренние дела других наций и о недопущении их вмешательства во французские дела, дополнить Декларацией прав, оно было отклонено без возражений. Барер заметил, что «не следует изливаться в филантропических рассуждениях». Это означало, по сути дела, осуждение той пропаганды освобождения народов, которою занимались во Франции представлявшие различные народности космополитические круги, группировавшиеся вокруг Анахарсиса Клоотса. Затем был зачитан проект другой статьи Конституции, в котором гордо и безоговорочно заявлялось, что французский народ «никогда не заключит мира с врагом, занимающим его территорию». Услышав это, некоторые депутаты запротестовали и потребовали голосования. Они прекрасно понимали, что, выражая веру якобинцев в силу вооруженного народа, эта статья определенно и недвусмысленно говорит о продолжении войны вплоть до изгнания неприятеля с французской территории, исключает возможность каких-либо компромиссов, требует от всей страны, а следовательно, и от буржуазии полного напряжения сил и значительных жертв и удовлетворения определенных требований широких народных масс.

Депутат Мерсье заявил, что заключение выгодного мира возможно и в том случае, если враг занимает французскую территорию, и обратился к Конвенту с насмешливым и издевательским вопросом: «Вы льстите себя надеждой быть всегда победоносными? У вас, вероятно, договор с победой?» Под аплодисменты ему тотчас же ответил Базир: «У нас договор со смертью». Продолжая, Мерсье сказал, что здесь пытаются разыгрывать роль новых римлян. Поддерживая Мерсье, депутат Ру потребовал голосования проекта статьи, названного им абсурдным. Тогда взял слово Робеспьер: «Я никогда не поверил бы, что представитель французского народа посмеет проповедывать здесь принципы рабства и низости... Где вы видели этого человека, низводящего нас до римлян?.. Видели вы, чтобы народ, проливающий свою кровь за всеобщую свободу, был ниже римлян, бывших не героями свободы, но притеснителями народов?.. Народ, идущий на соглашение с врагом, находящимся на его территории, есть народ уже

побежденный и отказывающийся от своей независимости». Затем Робеспьер резко потребовал утверждения проекта статьи Конституции. Мерсье, атакованный столь решительно, попытался оправдаться. Выступивший за ним Барер поддержал Робеспьера и явно угрожающе бросил по адресу депутатов Мерсье, Ру и др. «На оскорбление, нанесенное ее республиканской добродетели, нация ответит в Вандее. Предложенная статья уже декретировалась в Лонгви и Вердене... Величие римлян, — продолжал Барер, — несло войну народам, а вы подготовляете всеобщий мир».

Конвент одобрил предложенную статью Конституции

Таким образом, в Конституции были закреплены достаточно отчетливо начала внешней политики якобинской диктатуры. Целью этой политики должны были стать последовательная защита любыми средствами абсолютной независимости и целостности государства, достижение справедливого мира и дружеских отношений с другими странами. Тем самым были осуждены политика революционной экспансии и пропаганда освобождения народов силой оружия.

АНГЛИЯ — ОРГАНИЗАТОР ПЕРВОЙ КОАЛИЦИИ И ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕАКЦИИ

Для приведения дипломатии в соответствие с этими задачами Лебрен был, наконец, фактически отстранен от дел, а 21 июня 1793 г. на его место назначен Дефорг. Достаточно близкий к Дантону, новый министр не являлся последовательным выразителем новых начал в области внешней политики, но под давлением обстоятельств он был все же более способен усвоить революционные принципы.

Дипломатические военные и экономические шаги Англии для сплочения блока против Франции

Тяжелое положение, в котором находилась страна, не представляло сколько-нибудь серьезных возможностей для дипломатических акций революционного правительства. Его агентам, аккредитованным в Швейцарии, в Соединенных Штатах и в некоторых итальянских государствах и находившимся полуофициально также при правительствах Дании и Турции, в первую очередь предстояло парировать все усиливавшиеся попытки Англии совершенно изолировать Францию от внешнего мира, лишить ее всякой не только военной, но и продовольственной поддержки извне.

Выступая «наиболее злостным душителем народных революций», находясь «в первых рядах громителей освободительного движения человечества»,[1] английская буржуазия развернула летом 1793 г. исключительную дипломатическую активность, всеми средствами добиваясь сплочения феодальных и полуфеодальных сил всего мира для борьбы с французской буржуазной революцией. 25 марта 1793 г. Англия заключила договор с Россией о взаимной поддержке и общих мерах, направленных к изоляции Франции; 25 апреля за обещанную ей крупную денежную субсидию и территориальное приращение,— возвращение Савойи и Ниццы,— Сардиния обязалась предоставить в распоряжение Англии крупные воинские контингенты; 25 мая в Аранхуэце был подписан союзный договор Англии с Испанией, 12 июля — с Неаполем; 15 июля Португалия заключила союзный договор с Испанией, что, естественно, привело к заключению аналогичного договора и с Англией (26 сентября); 14 июля обширное соглашение было заключено с Пруссией, 30 августа — с Австрией; рядом тайных соглашений и сделок Англия купила воинские контингенты множества мелких немецких властителей, торговавших кровью своих подданных. Так

[1] И. Сталин. Об оппозиции. М. 1928, стр. 610.

КАРИКАТУРА НА КОАЛИЦИЮ
Лубок

лицемерно прикрываясь словами о спасении Европы и гражданского общества, английская буржуазия вербовала «дураков, готовых таскать для нее из огня каштаны». [1]

Встречая какое-либо противодействие своим намерениям, английское правительство не останавливалось перед мерами военного и экономического воздействия на отдельные правительства, почему-либо не склонные примкнуть ко всеобщему походу на французскую революцию. Лорд Гервей, английский посол в Тоскане, поддержанный всем дипломатическим корпусом и в первую очередь русским поверенным в делах, еще в мае потребовал отказа тосканского правительства от политики лояльного нейтралитета по отношению к Франции. В июле и августе притязания лорда Гервея возросли еще больше. А когда после захвата Тулона часть французской эскадры прибыла в тосканский порт Ливорно, лорд Гервей нашел в этом достаточный аргумент для того, чтобы 8 октября предъявить ультиматум с требованием разрыва отношений с Францией. Срок ультиматума был установлен 24-часовой, затем была дана 48-часовая отсрочка, и, уступая оказанному давлению, тосканское правительство было вынуждено предложить представителям Франции покинуть страну. Французский поверенный в делах в Риме, временно проживавший во Флоренции, с полным основанием мог писать: «В настоящее время Тоскана управляется двоякого рода властью: великим герцогом с советниками... и лордом Гервеем, приказывающим, что ему угодно, от имени союзных держав»!

Еще более сильные меры воздействия были применены по отношению к правительству Генуэзской республики. В виду блокады всего французского побережья, захвата Тулона и восстания Марселя, генуэзский порт летом и осенью 1793 г. играл исключительную роль в снабжении Франции

[1] И. Сталин. Об оппозиции. М. 1928, стр. 611.

предметами средиземноморской торговли. Значительно обогащаясь, генуэзская буржуазия не только с коммерческой точки зрения, но и по политическим соображениям, не была заинтересована ни в разрыве с Францией, ни в ее поражении: разрыв с Францией лишил бы Геную крупных доходов, а поражение Франции, провозгласившей мирные отношения со всеми государствами основой своей внешней политики, поставило бы Геную под удар не только Сардинии, но и крупных хищников — Австрии и Англии, издавна делавших попытки наложить руку на маленькое, но богатое государство.

В начале октября командующий появившейся около Генуи английской эскадры потребовал высылки из Генуи французских представителей и разрыва отношений с Францией. Грубо нарушив суверенитет Генуэзского государства и совершая акт полного произвола, 5 октября английские корабли вторглись во внутренние воды генуэзского порта и напали на находившиеся там французские суда. Генуя была вынуждена временно удовлетворить требования Англии.

Только лишь потому, что возможность прямого военного воздействия на Швейцарию была исключена, попытки Англии вывести ее из состояния дружественного нейтралитета по отношению к Французской республике в общем остались безрезультатными. Все же в среде швейцарских кантональных властей, частично связанных с Австрией, частично напуганных революцией, раздавались отдельные голоса в пользу союза с коалицией, а некоторые кантоны ссудили деньгами германского императора.

Некоторый успех имело давление, оказанное английским правительством на Турцию. В силу своих естественных интересов Турция была не прочь ударить в тыл Австрии, хотя это и грозило войной с союзницей Австрии Россией. У Франции имелись реальные основания для предположения, что тогда в русско-турецкую войну ввяжутся Польша и Швеция, что объединенные силы этих держав, поддержанных Францией в войне с Северной империей, выйдут победителями. Подобные планы лежали в основе восточной политики и Лебрена и Дефорга и встречали одобрение в Константинополе, Стокгольме и в среде польской эмиграции. Но после захвата Тулона, установления английского господства на Средиземном море и резкого ухудшения международного и военного положения Французской республики, Турции пришлось удовлетворить английские требования о строгом нейтралитете и отказаться от планов реванша за свои поражения.

Не довольствуясь давлением на нейтральные державы, Англия приняла исключительные меры, намереваясь удушить Французскую республику голодом. Инструкцией, данной 8 июня английскому флоту, английским кораблям предписывалось захватывать всякое судно, вне зависимости от флага, направляющееся во французские порты. Объявление подобного рода блокады совершенно противоречило установившемуся международному праву и затрагивало насущные интересы ряда нейтральных государств — Соединенных Штатов, Швеции, Дании. Дания, в частности, все еще пытаясь играть роль великой морской державы, категорически отвергла английские притязания, и министр иностранных дел Бернсторф заявил, что датское правительство мало трогает, что «нейтралитет Дании более полезен одной из воюющих стран, нежели другой».

Шпионаж и диверсия против Французской республики

Чрезвычайно опасным оружием, примененным Англией в борьбе с революцией во Франции, была организация широчайшей службы шпионажа и провокации. Буквально вся Франция кишела английскими агентами, которыми очень охотно становились преследуемые дворяне, священники и другие представители господствовавших кругов дореволю-

ционного режима. Вред, наносимый деятельностью этих агентов, был исключителен. Они не только собирали и препровождали секретные сведения, но и являлись организаторами различных беспорядков, возмущений, мятежей. Еще 8 июня, в своей речи в Конвенте, Робеспьер требовал повышения революционной бдительности. Предлагая принять закон об изгнании иностранцев и предостерегая против шпионов и предателей, он говорил: «Мы раскрываем объятия агентам наших врагов». Следует отметить, что Дантон тотчас поспешил рассеять впечатление, произведенное словами Робеспьера, и, беря под свою защиту иностранцев, пытался заверить Конвент, что некоторые из них «бо́льшие патриоты, чем многие французы».

Карательные органы революционно-демократического правительства в очень слабой степени справлялись с возложенными на них обязанностями в отношении борьбы против шпионажа. Число разоблаченных иностранных агентов в первое время было весьма незначительно, и сообщение от 6 июня о процессе нескольких иностранных шпионов в Чрезвычайном уголовном трибунале является исключением. Случайно обнаруженные бумаги одного из руководителей английской шпионской службы во Франции со всей остротой поставили вопрос о преступной деятельности английских и иных агентов. Из расходной книжки этого агента явствовало, что им была налажена разветвленная шпионская служба, охватывавшая Париж, Лилль, Дюнкерк, Тур, Блуа, Орлеан, Нант и другие города. Особое внимание не может не привлечь последняя пометка в записной книжке английского шпиона: «Июль 2. Послано Ж. с М. в Кан 60 000 ливров». Как известно, из Кана 11 июля прибыла в Париж убийца Марата — Шарлотта Кордэ, показавшая во время судебного процесса, что в случае, если бы ей удалось скрыться, она собиралась бежать в Англию.

В портфеле того же агента был обнаружен ряд неотправленных писем и инструкций на английском языке. В этих письмах шпионам говорилось о необходимости сближения с отдельными руководителями вооруженных сил республики; о необходимости проникновения в военные лагери, арсеналы, штабы; о необходимости собирать сведения о планах, о состоянии войск, крепостей, запасов; о необходимости дезорганизации военной жизни, экономики страны, снабжения городов и армий; о необходимости расстроить финансы республики; о необходимости актов диверсии и индивидуального террора. «Старайтесь поднять курс до 200 ливров за 1 фунт стерлингов... Нужно по возможности подорвать кредит ассигнаций и отказываться брать все те, на которых нет изображения короля, — говорилось в одном из писем. — Заставьте поднять цены на все товары. Прикажите вашим купцам скупать все предметы первой необходимости. Если можете уговорить Котт... и покупать сало и свечи по любой цене, то заставьте публику платить до 5 ливров за фунт. Милорд весьма доволен действиями Б... Т... З... Мы надеемся, что убийства будут совершаться с осторожностью: переодетые священники и женщины всего лучше годятся для этой операции. Пошлите 50 000 ливров в Руан и 50 000 ливров в Кан...»

Террористические акты, случаи измен и подкупов командиров и чиновников правительства, крупные спекуляции на биржах, скупка предметов первой необходимости, диверсионные акты в артиллерийских складах близ Шемийе и Сомюра, поджоги в Дуэ, Валансьенне, Лориане говорили о том, что в этих письмах заключалась не пустая угроза, что подрывная деятельность английской разведки достигла исключительного размаха. День за днем в Конвент, в Комитет общественного спасения стекались отовсюду сообщения о разрушительной работе иностранных аген-

тов. «Департаменты Севера и Па-де-Кале, — пишут, например, из этого прифронтового района комиссары Конвента, — переполнены агентами Питта, священниками и эмигрантами».

В обширном докладе Конвенту от имени Комитета общественного спасения Барер пытался нарисовать картину той кропотливой, отвратительной и опасной работы, которую проводили многочисленные действующие в тылу и на фронтах республики английские и другие шпионы и диверсанты. Барер мог констатировать, что не только отдельные вредительские и диверсионные акты исходили от иностранных агентов, но что именно эти агенты и получаемая ими помощь из-за границы сделали возможным самое воспламенение очагов гражданской войны в стране. Так, с целью поддержать мятеж в Лионе, Питт послал туда через Женеву не только доверенных лиц, но и деньги. «Английское правительство, — говорил Барер, — засылает эмиссаров, шпионов, возмутителей во все наши департаменты, особенно в морские местности, пограничные города и Париж». И с полным на то основанием Барер приходил к выводу: «Гражданская война подготовлена Англией, питается Англией, проводится за счет Англии...»

Негодование французского народа и его решимость отстоять свою независимость и свободу вылились в настоятельное требование обратить против всех врагов революции силу народного террора и поручить осуществление его самому народу. Но и до того момента, когда народ заставил правительство воспринять революционно-террористическую политику, Комитет общественного спасения принял значительные меры, давшие свой положительный эффект. По докладу Барера были вотированы декреты, требовавшие в первую очередь ликвидации мятежа в Вандее, восстановления порядка в департаментах Севера и Па-де-Кале, изъятия вкладов французских собственников из лондонских банков. Особый пункт одного из декретов обличал коварство методов борьбы, примененных английским правительством: «Национальный конвент от имени оскорбленного человечества указывает всем народам и также английскому народу на подлое, вероломное, гнусное поведение британского правительства, которое содержит наемных убийц, отравителей, поджигателей и преступников всякого рода ради торжества тирании и уничтожения прав человека».

Меры, принятые против держателей капиталов в английских банках, преследовали не только финансовые, но и серьезные политические цели: английские банки и их отделения в Париже, функционировавшие под различными названиями, вместе со связанными с ними крупными французскими капиталистами являлись основными организаторами широчайших спекуляций предметами первой необходимости и подрывали всеми средствами устойчивость французской валюты. Наибольший ажиотаж создавали в Париже английский банкир Бойд, бельгийский банкир, австрийский подданный Проли, ставший затем секретарем Эро-де-Сешеля, испанец Гузман и др. Иностранные банкирские дома и связанные с ними французские банкиры и оптовики занимались во Франции своеобразной экономической интервенцией. Помимо того, они же были рассадниками шпионажа, источниками финансирования разведывательной работы и умело втягивали в свои сети наименее устойчивых или враждебных революции депутатов Конвента, протягивая нити в самые ответственные правительственные органы. За спиной многих из банкирских домов Парижа стояли, на ряду с английским правительством, вожаки роялистов, в частности — крупнейший организатор контрреволюционных заговоров барон де-Батц.

Систематически повторявшиеся акты диверсии и, в частности, сожжение арсенала в Гюнингене заставили Конвент торжественно объявить Питта врагом рода человеческого.

Расширяя политику экономической обороны страны и пытаясь парировать удар, наносимый французской торговле английским законодательством и действиями английского флота, Конвент, после продолжительного обсуждения в своих комиссиях и в прессе, 21 сентября принял навигационный акт, запрещающий перевоз товаров на английских судах. Позднее была подвергнута запрету торговля всеми предметами английского происхождения или привозимыми из подвластных Англии стран.

Кроме Англии, наиболее коварного, непримиримого и ненавистного врага революции, у нее были и другие весьма серьезные враги. Позорное первенство Англии, возглавившей поход на освобождавшуюся от пут феодализма нацию, пытались оспаривать Австрия и Пруссия. Эти две крупнейшие феодальные державы центральной Европы лишь на весьма ограниченный отрезок времени преодолели разделявшие их исконные противоречия; уже очень скоро, сразу после Вальми, убедившись в том, что поход на Париж сопряжен со значительными трудностями, они вернулись к своим старым планам грабежа слабых соседей и стали ревниво наблюдать друг за другом.

Так, один из союзников—Пруссия, по мере того как росли трудности и сомнения в успехе предприятия, по мере того как становилось очевидным, что удача сможет благоприятствовать лишь Австрии, торгуясь и домогаясь реальных приобретений, все больше внимания уделяла положению в Польше, рассматривая остатки от нее как легкую и доступную добычу. Когда затем, летом 1793 г., армии союзников одержали значительные победы и казалось, что война идет к концу, противоречия, разделявшие союзные правительства, выступили наружу в полном объеме.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ВНУТРИ КОАЛИЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ

Боясь и ненавидя якобинцев и санкюлотов, уверенные в своем торжестве над ними, страны коалиции стремились использовать успех интервенции, каждая в строгом соответствии со своими собственными эгоистическими планами. Поэтому, после захвата Конде и Валансьенна, английская армия, вместо того чтобы совместно с союзниками итти на Париж, отделилась от австрийской и начала осаду Дюнкерка. Питт стремился получить порт, открывающий возможность свободного и постоянного проникновения в глубь Франции, и могущий служить орудием давления на любое французское правительство.

Лишенный английской поддержки герцог Кобургский с австрийской армией не рискнул пробиваться вперед и безнадежно завяз на севере Франции. Другая австрийская армия генерала Вурмзера пыталась овладеть Эльзасом, но, не получая подкрепления от праздно стоящих прусских войск, вскоре была вытеснена оттуда французами. Прусская же армия ограничилась изгнанием французов из Майнца (23 июля) и застыла на месте, так как прусский двор считал всякое продвижение вперед отвечающим интересам только Австрии и с тревогою смотрел на благоприятный для России ход дел в Польше. Вскоре прусский король распорядился вовсе прекратить наступательные действия на Западе и обратил все свое внимание на Восток, ибо отказ Австрии поддержать план нового раздела Польши создавал для Пруссии новые осложнения.

На Востоке Екатерина II энергично осуществляла свои планы в отношении Турции и Польши. Бесконечно враждебная французской революции, она считала невыгодным преждевременное прямое вмешательство в западноевропейские дела и стремилась в максимальной степени использовать преимущества, которые создавала для нее война. Поэтому

УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

изъ Правительствующаго Сената

Объявляется всенародно.

Въ имянномъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указѣ, данномъ Сенату за собственноручнымъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ въ 8 й день сего февраля написано: „Замѣшательства во франціи отъ „1789 года произшедшія не могли не возбуждать вниманія въ каж„домъ благоустроенномъ Государствѣ. Доколѣ оставалась еще надежда „что время и обстоятельства послужатъ къ образумленію заблуж„денныхъ, и что порядокъ и сила законной власти возстановлены бу„дутъ, терпѣли Мы свободное пребываніе французовъ въ Имперіи „НАШЕЙ, и всякое съ ними сношеніе. Видѣвъ послѣ буйство и духъ „возмутительный противу Государя ихъ далѣе и далѣе возрастающій „съ неистовыми намѣреніями правила безбожія, неповиновенія верьхов„ной Государской власти, и отчужденныя всякаго добраго нравоученія „не токмо у себя утвердить, но и заразу оныхъ разпространить „во вселенной, прервали Мы политическое сношеніе съ франціею отво„звавъ Министра НАШЕГО съ его свитою, и выславъ изъ Столицы „НАШЕЙ повѣреннаго въ дѣлахъ французскаго, къ чему и то еще „имѣли право, что какъ взаимныя миссіи завсдены были между НАМИ „и Королемъ, то по разрушеніи бунтовщиками власти его, при со„держаніи его въ страхѣ и неволѣ не свойственно уже было имѣть „видъ сношенія съ похитителями Правленія. Нынѣ когда ко всеобщему „ужасу въ сей нещастной землѣ преисполнена мѣра буйства, когда „нашлося болѣе семи сотъ изверговъ, которые неправедно присвоен„ную ими силу до того во зло употребили, что подняли руки свои „ка умерщвленіе помазанника Божія законнаго ихъ Государя въ 10 й „день Генваря сего года лютымъ мучительнымъ образомъ въ дѣйство „произведенное, Мы почитаемъ себѣ долгомъ предъ Богомъ и совѣ„стію НАШЕЮ не терпѣть между Имперіею НАШЕЮ и фран„ціею никакихъ сношеній, каковыя между Государствами благо„устроенными существуютъ, доколѣ правосудіе Всевышняго на„кажетъ злодѣевъ и его Святой водѣ угодно будетъ положить „предѣлъ нещастіямъ сего Королевства, возстановя въ немъ по„рядокъ и силу власти законной. Въ слѣдствіе того повелѣваемъ: „*Первое*, Дѣйствіе торговаго договора между НАМИ и покойнымъ Ко„ролемъ французскимъ Людовикомъ XVI въ 30 й день Декабря 1786 „года заключеннаго, до вышеписанной епохи возстановленія порядка и „власти законной во франціи прекратить. *Второе*, До того же вре„мяни запрещается впускать въ порты НАШИ на разныхъ моряхъ на„ходящіяся суда подъ флагомъ національнымъ французскимъ; равнымъ „образомъ запрещается и НАШЕМУ купечеству и хозяевамъ кораблей „посылать торговыя ихъ суда во французскіе порты. *Третіе*, Быв„шихъ французскихъ Консулей, Вице-Консулей, Агентовъ и прочихъ „къ симъ принадлежащихъ выслать изъ обѣихъ Столицъ НАШИХЪ „и изъ прочихъ мѣстъ гдѣ они находятся, объявя имъ, что дается „каждому изъ нихъ для разпоряженія дѣлъ срокъ трехъ-недѣльный, „по истеченіи котораго обязанъ онъ непремѣнно оставить мѣсто „настоящаго своего пребыванія, въ полагаемое же въ паспортахъ

„ихъ

„отправленія дѣлъ его на законномъ основаніи; которые же изъ означенныхъ французовъ суть исповѣданія Протестантскаго, должен„ствуютъ отрицаніе ихъ подъ присягою учинить въ церквахъ того „исповѣданія, а гдѣ ихъ нѣтъ, въ самомъ присутственномъ мѣстѣ. „*Осьмое*, Исполненіе сего начать тотчасъ по полученіи указа НАШЕГО „въ обѣихъ Столицахъ НАШИХЪ, собравъ по частямъ города въ Управу „Благочинія живущихъ здѣсь обоего пола французовъ одной части за „другою и по объявленіи имъ воли НАШЕЙ для тѣхъ кои пожелаютъ „учинить отрицаніе назначить дни и часы для приведенія ихъ къ при„сягѣ; о тѣхъ же которые не пожелаютъ сдѣлать вышеписаннаго отри„данія представить губернскому Правленію, дабы оное относительно „высылки ихъ разпорядило сходно пятой статьѣ сего указа НАШЕГО: „впрочемъ НАША коллегія Иностранныхъ дѣлъ не оставитъ по вос„требованію губернскаго Правленія снабдить на сіе время потребны„ми для переводовъ людьми то Правленіе или Управу Благочинія. „*Девятое*, Срокъ трехъ-недѣльный для разпоряженія домашнихъ дѣлъ „каждому высылаемому французу данный по третьей и пятой статьямъ сего указа имѣетъ считаться со дня объявленія ему о выѣздѣ; „въ паспортахъ же ихъ прописывать имянно чрезъ которыя мѣста „слѣдовать и во сколько времяни оставить границы Россійскія назна„чая оное безъобидно и по соображенію возможности. *Десятое*, Всѣмъ „подданнымъ НАШИМЪ запрещается ѣздить во францію, или же имѣть „какое бы то нибыло сообщеніе съ французами въ отечествѣ „ихъ или же въ Арміяхъ ихъ пребывающими, до того времяни, „покуда съ возстановленіемъ устройства и законной власти въ „той землѣ послѣдуетъ отъ НАСЪ разрѣшеніе. *Первонадесять*, „Запрещается ввозить въ Россію вѣдомости, журналы и про„чія періодическія сочиненія во франціи издаваемыя. *Второенадесять*, Строжайше возбраняемъ впускать какъ сухимъ путемъ, такъ „и водою въ Имперію НАШУ изъ за границъ французовъ, изключая тѣхъ „которые чужды бывъ неистовства своихъ соотчичей похотятъ жить „при исповѣдании природной ихъ Христіанской вѣры подъ защитою НА„ШИХЪ законовъ; но и таковые не инако впускаемы быть должен„ствуютъ, какъ по свидѣтельству французскихъ Принцовъ и имянно „обоихъ братьевъ покойнаго Короля, Графа Прованскаго и Графа Д' Артоа, „такожъ Принца Конде и по предварительномъ чрезъ ближайшихъ НА„ШИХЪ къ нимъ Министровъ изпрошенія дозволенія НАШЕГО на при„бытіе таковымъ въ Россію для вступленія въ службу, или же для ху„дожествъ и ремеслъ, съ тѣмъ что по въѣздѣ ихъ въ границы НАШИ „обязаны они учинить сказанное въ шестой статьѣ сего указа подъ „присягою отрицаніе.„ Правительствующій Сенатъ Приказали: Для надлежащаго о семъ Высочайшемъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволенія свѣденія и должнаго исполненія объявить всенародно публичными указами. О чемъ симъ и публикуется.

Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ февраля 14 дня 1793 года.

вполне прав был Робеспьер, когда отмечал, что «в то время, когда соперничающие с ней державы разбиваются об утес Французской республики, императрица России бережет свои силы и умножает свои ресурсы... Она надеется дождаться момента, когда сможет диктовать законы Европе или по крайней мере Пруссии и Австрии».

Перелом в военных действиях. Победа при Гондсхооте

Между тем, все своекорыстные расчеты держав коалиции неожиданно разбились о мощный отпор французского народа, ставшего с оружием в руках на защиту завоеваний революции. Комитет общественного спасения придавал особое значение необходимости разгрома герцога Иоркского, справедливо полагая, что поражение английской армии ослабит позиции Питта в парламенте и в стране и принудит его к изменению политического курса. Поэтому все свои лучшие силы республика бросила в район Дюнкерка. Но поставленный во главе северной армии Ушар не использовал представлявшихся ему возможностей для дальнейшего развития одержанной вопреки ему победы при Гондсхооте (6—8 сентября). Этой победой Франция была обязана инициативе Журдана, Вандама, Леклера, блестяще проявившего себя в осажденном Дюнкерке, энергии Гоша и комиссаров Конвента Левассера и Дельбреля. Вскоре после того армия Ушара потерпела ряд поражений. Некоторый свет на их скрытые причины пролила обнаруженная среди бумаг Ушара компрометирующая корреспонденция между ним и иностранными государями. Ушар был арестован, судим по обвинению в измене и казнен.

Сражение при Гондсхооте, выигранное несмотря на предательское руководство, ярко свидетельствовало о том, что, невзирая на пожар гражданской войны, якобинцы сумели использовать ту своеобразную передышку, которую породили раздоры среди коалиции. С необычайной энергией они создали новые национально-революционные армии.

Заменивший Ушара Журдан с помощью прибывших к нему Карно и Дюкенуа после серьезной подготовки дал сражение австрийцам при Ваттиньи, близ Гиза (Реюньон-сюр-Уаз, как его тогда наименовали), и после боев 15—16 октября принудил герцога Кобургского отступить за Самбру, где в это время находилась и армия англичан, отошедшая из-под Дюнкерка.

Напомним, что еще 25 августа, не успев воспользоваться помощью Англии, мятежники были изгнаны из Марселя, 9 октября сдался Лион, в октябре же нанесено было решающее поражение вандейцам, пытавшимся у Гранвиля овладеть выходом к морю и установить связь с англичанами. Одновременно республика оказалась в состоянии освободить от интервенции Эльзас. Отличившийся под Дюнкерком Гош был поставлен во главе мозельской армии, Пишегрю был назначен командующим рейнской армией. Сен-Жюст, Леба, Лакост и Бодо, в качестве комиссаров Конвента, помогли им восстановить порядок в войсках, приостановить продолжавшееся еще и в октябре медленное отступление и перейти в решительное наступление. К концу декабря мозельская и арденнская армии освободили давно осаждавшийся австрийцами Ландау и овладели укрепленными линиями Вейсенбурга. Если бы не поддержка, оказанная в последний момент пруссаками, австрийская армия Вурмзера была бы уничтожена. В весьма потрепанном состоянии она перешла Рейн и остановилась в Филиппсбурге. В итоге этих операций Эльзас оказался освобожденным от неприятеля. Не менее значительны были и победы на юге, среди которых особое место приобретало изгнание 19 декабря интервентов и мятежников из Тулона.

Успехи революционных армий производили ошеломляющее впечатление. Даже такой махрово-реакционный орган, как немецко-русский «Политический журнал», в январе 1794 г. с сокрушением, но отдавая дань долж-

ного уважения французскому народу, сообщал читателям: «Беспримерная храбрость опытных войск долженствовала, наконец, уступить множеству орд, которые тысячами падали, чтобы выиграть один шаг, которые хладнокровно смотрели на костры мертвых, на реки человеческой крови, на заразительные болезни, на недостаток в платье, на самую наготу в лютейшие морозы, на все страдания человеческой натуры... Французы вели войну на всех своих границах против англичан, испанцев, португальцев, итальянцев, австрийцев, пруссаков, голландцев, имперских войск в Нидерландах, при Мозеле, на Рейне, в сопредельных местах Испании, в Савойе, в Вест-Индии, в Ост-Индии, да и внутри своего государства против так называемых роялистов, в Поату, в Нормандии, против городов Лиона и Тулона, во многих сторонах Лангедока, Прованса, при Марселе и прочая». Не будучи в состоянии вскрыть причины французских успехов, журнал довольно правильно отмечал далее необычные тактические приемы, примененные революционными полководцами: «Они нападали на имперские войска четыре недели сряду, почти каждый день, и каждый день с новыми и свежими солдатами. Опытные генералы избегают сколько возможно так называемой мелкой войны... Но французские предводители не смотрели на потерю; их намерение состояло в том, чтобы сими беспрестанными и часто кровопролитными битвами утомить и ослабить и без того несильную имперскую армию, дабы напоследок, при всеобщем нападении превосходным числом своим, тем легче одержать победу».

Деятельность французской дипломатии осенью 1793 г.

Победы поздней осени 1793 и зимы 1793/1794 г. открывали новые перспективы для французской дипломатии. 15 сентября по предложению Сент-Андре Конвент одобрил основные положения, которыми должны были руководствоваться республиканские генералы в иностранных владениях. Затем Комитет общественного спасения составил соответствующую инструкцию, предусматривавшую право брать заложников из среды господствующих социальных элементов в оккупированных областях, право налагать контрибуции, производить конфискации, обезоруживать жителей и т. п. 16 сентября Комитет общественного спасения утвердил «временные дипломатические основания», устанавливавшие некоторые формы отношений и способы получения информации из-за границы, в частности указывавшие на необходимость развертывания тайной осведомительной службы внутри враждебных стран и чрезвычайной осторожности в распространении письменных инструкций. Последнее указание было вызвано тем, что в ряде случаев секретные инструкции и секретная переписка попадали в руки врагов. Это произошло, например, когда Семонвиль и Маре, представители республики в Константинополе и Неаполе, были захвачены австрийцами, вторгшимися на нейтральную территорию для того, чтобы задержать французских дипломатов.

Правительства держав коалиции не останавливались ни перед какими средствами борьбы, перехватывая французских курьеров, послов, агентов, принуждая нейтральные страны изгонять французских представителей (так, из Триеста был выслан французский вице-консул, был арестован французский резидент в Данциге). Многих из них союзники пытались завербовать к себе на службу.

Комитету общественного спасения пришлось особое внимание уделить вопросу очистки состава сотрудников министерства иностранных дел от враждебных или сомнительных элементов. Постановлением от 16 сентября все бывшие дворяне освобождались от службы в этом ведомстве и его представительствах. Но эта широкая мера оказалась недостаточной для того, чтобы в целом оздоровить министерство иностранных дел. В нем

продолжали свою работу как англо-прусские наемники, так и сторонники враждебных якобинцам партий; целая группа последних была разоблачена и передана в Революционный трибунал осенью 1793 г. Новые сотрудники министерства иностранных дел были также далеко не все преданными революции людьми. Так, главою третьего отделения министерства, занимавшегося вопросами, связанными с Россией, Турцией, Польшей и другими странами, 12 ноября 1793 г. был назначен Шарль Рейнгард, уроженец Вюртемберга, связанный с жирондистами и Талейраном. Генеральным секретарем министерства иностранных дел был Мио, после термидорианской контрреволюции ставший руководителем ведомства. Когда же в министерство назначались робеспьеристы, то прочий персонал прилагал все усилия к тому, чтобы выжить их и всячески затруднить им работу.

Наконец, значительные подозрения вызывал Эро-де-Сешель, ведавший дипломатическими делами в Комитете общественного спасения. Не только аристократическое происхождение и близость в прошлом к королевскому двору служили основанием недоверия, окружавшего этого человека, — все возраставшая настороженность по отношению к Эро обусловливалась его весьма подозрительными связями. Так, его любовницей была Адель де-Бельгард, жена офицера, сражавшегося в армии интервентов; его секретарем был Проли, считавшийся незаконным сыном бывшего австрийского имперского канцлера, князя Кауница. Проли, впоследствии разоблаченный как австрийский шпион и гильотинированный, был арестован еще в октябре, но освобожден по ходатайству Эро-де-Сешеля и Колло-д'Эрбуа.

Тогда же, в октябре, Сен-Жюсту был передан формальный донос на шпионскую деятельность близких к Эро Проли, Перейра, Дюбюиссона; в доносе указывалось, что и сам Эро, возможно, связан с иностранной разведывательной службой. В своей обвинительной речи против дантонистов 31 марта 1794 г. (11 жерминаля) Сен-Жюст заявил, что Эро, «который возглавлял дипломатию, использовал свое положение, чтобы широко разглашать проекты правительства». «Из-за него, — говорил Сен-Жюст, — наиболее секретные совещания Комитета, посвященные внешней политике, становились известными вражеским правительствам. Он заставил Дюбюиссона предпринять ряд поездок в Швейцарию для заговорщических целей... Мы перехватили письма Ласказаса, испанского посла в Венеции, в которых он докладывает о дипломатических совещаниях Комитета во времена Эро».

Не может быть сомнений, что политика, инспирируемая Эро, была не только противоположна планам якобинцев, но и опасна для республики. В то время как якобинцы положительно оценивали нейтралитет Швейцарии, считая его даже более полезным, чем военный союз с этой в сущности слабой страной, Эро под предлогом революционизирования и объединения всего свободного человечества вызывал недоразумения с Швейцарией, подрывая ее политику нейтралитета и облегчая тем самым происки врагов французского народа, стремившихся к герметической блокаде Франции. Посылая своих агентов в Швейцарию, Эро вменял им в обязанность агитировать в пользу изменения образа правления и заключения союза с Францией. Те же задания, кроме Дюбюиссона, были возложены на официального представителя республики в Женеве Сулави, на Обрие и многих других агентов. Между тем Бартелеми, французский посол в Швейцарии, писал, что с любой точки зрения швейцарский нейтралитет гораздо выгоднее и удобнее для Франции, чем союз с этой страной, влекущий ухудшение положения Франции. Бартелеми настаивал на соблюдении политики нейтралитета.

Одновременно действуя и другими путями, Эро в августе послал бывшего эмигранта Катюса в маленькую союзную с кантонами Мюльгаузенскую республику с поручением подготовить аннексию этого района. Расчет здесь мог быть только один: аннексия Мюльгаузена вызовет резкое ухудшение отношений со Швейцарией и облегчит вовлечение ее в число враждебных Франции держав.

Провокационный характер деятельности уполномоченных агентов Эро-де-Сешеля был столь очевиден, что Дефорг неоднократно предупреждал Бартелеми о необходимости быть чрезвычайно осторожным с «частными агентами» и особенно с Дюбюиссоном. В десятых числах октября Комитет общественного спасения заставил отозвать Катюса из Мюльгаузена.

Эро пытался использовать в своих целях эбертистов, бывших сторонниками войны до полного низвержения тирании во всем мире и до установления всемирной республики. Его попытки найти среди них поддержку были не безуспешны, тем более, что в среду эбертистов проникло довольно много шпионов. Эта чисто показная близость Эро к эбертистам, конечно, не дает ровно никаких оснований причислять Эро к эбертистам.

Еще в середине октября Эро почувствовал, что почва под его ногами колеблется. Он получил резкий отпор в Комитете общественного спасения, который начал понимать пагубность проводимой им линии. Постепенно Эро был отстранен от руководства внешней политикой. Но упорно пытаясь осуществить свои замыслы и все еще пользуясь своим положением члена Комитета общественного спасения, Эро выехал из Парижа в Эльзас, на восточную границу Франции.

Тем временем Комитет общественного спасения получил встревожившие его сведения о подрывной деятельности официального французского представителя в другой нейтральной стране — в Соединенных Штатах Америки.

Жене, бывший поверенный в делах короля Франции при петербургском дворе, являясь жирондистской креатурой на посту посла в Филадельфии, развернул там деятельность, совершенно не отвечавшую интересам французского правительства и угрожавшую дружеским взаимоотношениям обеих республик. Вооружая корсаров, вмешиваясь во внутриамериканскую политическую борьбу, интригуя с противниками Вашингтона, разрабатывая фантастические планы восстаний в Канаде и Луизиане, осуждая американское правительство и воодушевляя на борьбу с ним федералистские элементы, Жене настолько нарушал дипломатические обычаи, что государственный секретарь Джефферсон был вынужден в резком письме уведомить Комитет общественного спасения о некорректном поведении французского посла. Письмо Джефферсона пришло в Париж 8 октября, и уже 9 октября Комитет общественного спасения решил дезавуировать политику Жене, а его самого отставить и арестовать. Быстрота ответа на американское представление не может вызвать удивления, ибо известно, что Робеспьер очень ценил возможность использовать связи с Соединенными Штатами в интересах революции и стремился к установлению максимально дружеских с ними отношений, в то же время считая, что военный союз с заатлантической республикой не принесет пользы и только лишит Францию некоторых удобств, предоставляемых нейтралитетом.

Иным было отношение Робеспьера к возможности и целесообразности союза с Турцией. Бесполезная при нейтралитете, она могла бы явиться прекрасным партнером в борьбе против Австрии, угрожая последней с тыла и дробя ее силы между двумя фронтами. Поэтому Комитет общественного спасения принимал энергичные меры к тому, чтобы побудить Турцию к войне, ассигновал в распоряжение находившегося в Константи-

нополе Декорша крупную сумму денег и решил отправить группу офицеров для инструктирования турецкой армии и флота. Австрия — «наш общий враг», говорил Робеспьер, и нейтралитет Турции «более пагубен для ее собственных интересов, чем для интересов Французской республики». Понимая, что не менее существенным врагом Турции является Россия, Робеспьер, в виду очевидного превосходства сил последней, предостерегал турецкое правительство от борьбы с ней.

Однако, в силу давления на Турцию со стороны России и в силу господства Англии на Средиземном море, попытки привлечения Турции на сторону Франции потерпели неудачу. Более того, Турция направила в Лондон чрезвычайную миссию, хотя и отказалась от войны на стороне коалиции.

Внимание Французской республики поглощали, конечно, в большей степени воевавшие против нее державы, чем державы нейтральные. Ни для кого не было тайной, что объединенные общей ненавистью к французской революции союзники имели резко противоположные интересы. В наибольшей степени этот внутренний антагонизм держав коалиции сказывался в отношениях Австрии и Пруссии. «Как два разбойника, дерущиеся из-за раздела добычи, убитого ими путешественника, забывают о своей грызне для совместной погони за новой жертвой,—образно говорил Робеспьер,—так монархи Вены и Берлина отложили сведение старых счетов для того, чтобы наброситься на Францию и поглотить рождающуюся республику». Неудача, постигшая их в попытках грабежа Франции, открывала возможности использовать разделяющие эти державы противоречия, углубить их и, в перспективе, довести дело до соглашения с одной из сторон и развала коалиции.

Успехи армии прокладывали дорогу дипломатии.

Доклады Робеспьера о внешней политике республики

Так как основные принципиальные стороны внешней политики республики выкристаллизовались с достаточной отчетливостью, и победы революционной армии открывали путь к почетному и справедливому миру, то Робеспьер счел момент подходящим для выступления по внешнеполитическим вопросам. 17 ноября 1793 г. (27 брюмера II года) им был сделан в Конвенте обширный доклад о политическом положении республики.

Робеспьер заявил, что, отстаивая развитие прогресса, культуры, цивилизации, «французский народ, единственный во вселенной, борется во имя общего дела». Поэтому интересы всех народов совпадают с интересами французского народа, и лишь интригами и вероломством удается сохранить состояние борьбы между ними. Революция дала толчок развитию всего мира, и она органически враждебна всем окружающим монархиям, но от этой враждебности еще далеко «до опасного решения объявить войну французскому народу, особенно до чудовищного союза стольких держав, по существу глубоко различных по своим интересам». Застрельщиком этого союза, подчеркивал Робеспьер, выступила Англия, стремившаяся истощить и раздробить Францию, пытавшаяся овладеть Тулоном, Дюнкерком, французскими колониями. Достойными партнерами ее являлись Австрия, желающая овладеть Лотарингией, Эльзасом, французской Фландрией; Испания, покушающаяся на Наварру и Руссильон, а также Голландия, Пруссия и другие.

Победа коалиции над революцией, продолжал Робеспьер, нанесла бы удар не только делу прогресса, не только французскому народу, но и всем слабым и малым народам и государствам. Англия попыталась бы тогда восстановить свое владычество в Соединенных Штатах, на юге которых и без того много ее агентов и сторонников. Под угрозу было

бы поставлено существование огромного количества мелких немецких и итальянских государств. Ведь уже сейчас «итальянские государства, быть может, более достойны жалости, чем гнева Франции: Англия рекрутирует их как своих матросов...» Уже сейчас, во время напряженной войны деспотов всего мира против Французской республики, Россия грабит Польшу и Турцию. Поэтому поражение Франции будет равносильно гибели второстепенных мелких государств, естественные интересы которых должны вызвать их сочувствие французской революции и призвать их к оказанию ей поддержки.

Народы Соединенных Штатов и Швейцарии нашли в себе мужество оказать поддержку революции. Чтобы отравить отношения с этими государствами, изменники вроде Жене пытались «возбудить американское правительство против нас»; другие инсинуировали о якобы готовящихся захватах швейцарской территории и т. п. Но для мощной республики «дипломатия заключается в чистосердечии». Враги Франции далеко не едины и их разделяют глубокие внутренние противоречия. Некоторые из монархических государств, как Дания и Швеция, защищая собственные интересы, придерживаются мудрой политики нейтралитета. Пруссия, отворачиваясь от политики, отвечающей интересам Австрии, совместно с Россией делит Польшу.

Французский народ должен напрячь все силы для победы и прежде всего остерегаться раздоров и оставаться единым. Обращаясь к депутатам, Робеспьер говорил: «Ваши враги знают, что отныне они могут вас погубить лишь с вашей помощью... Они хотят вас разделить; оставайтесь тесно сплоченными... Все мы будем достаточно великими, когда все мы спасем отечество». «Принципы нашей славной революции должны быть распространены господством разума, а не силой оружия», — заявил Робеспьер. То же осуждение как пропагандистской войны, насильственного освобождения других народов помимо их собственной воли, так и внешних завоеваний звучало в словах предложенного Робеспьером декрета, тотчас утвержденного Конвентом: «Воля республики состоит в том, чтобы устрашать своих врагов, быть великодушной по отношению к своим союзникам и справедливой по отношению ко всем народам». Таков был принцип, положенный в основу внешней политики республики.

Ряд статей принятого декрета относился к Соединенным Штатам и Швейцарии, подтверждал верность Французской республики договорам, ее полное уважение к территории всех нейтральных и союзных наций, лойяльность, уважение к их интересам. Чтобы окончательно положить конец враждебным интригам, ареной которых стала Швейцария, и проверить деятельность французских представителей, в Швейцарию был послан друг Робеспьера Пэйян, будущий национальный агент Парижской коммуны. Миссия Пэйяна, имевшая место в начале декабря, способствовала выпрямлению линии поведения французских агентов и укреплению дружеских отношений между Швейцарией и Францией.

Спустя несколько недель, в течение которых дело Ост-Индской компании помогло разоблачить крупный заговор иностранных и эмигрантских агентов, связанных с рядом депутатов Конвента, Робеспьер 5 декабря (15 фримера) вторично выступил с докладом о внешней политике республики и предложил принять ответ на манифесты королей, сплотившихся против республики. В этом ответе, который можно считать синтезом внешнеполитических воззрений робеспьеристов, говорилось: «Народы, если у вас нет сил внести вашу долю в общее достояние (commun héritage), если вам не дано еще пользоваться теми правами, которые мы вам вернули, остерегайтесь, по крайней мере, нарушать наши права или клеветать на наше мужество. Французы вовсе не охвачены манией делать какую-либо

нацию счастливой и свободной помимо ее воли. Все короли могли бы по-прежнему прозябать или умирать на своих окровавленных тронах, если бы они умели уважать самостоятельность французского народа». Так, развивая положения якобинской Конституции, правительство республики в период ожесточенной борьбы вовне и внутри страны декларировало свою последовательную политику защиты независимости и свободы народа и подчеркивало, что ему чужда как идея насильственного освобождения других народов, так и идея подчинения их своей власти.

24 декабря Барер сообщал Конвенту о возвращении республике Тулона: «Французская нация, несмотря на столько преступных измен, сделала последнее усилие против бесчестных тулонцев. Итак, англичане сели на мель в Дюнкерке, в Сен-Мало, в Гранвиле, в Шербурге, в Бресте, в Бордо, в Марселе и в Тулоне. Средиземное море отвоевано! Путь для французской коммерческой навигации свободен! Гром победоносных пушек, выставленных против англичан и испанцев, грозно отдается уже в Дарданеллах и по всей Италии». На следующий день с большим докладом о принципах революционного правительства выступил Робеспьер, вновь уделивший значительное место проблемам внешней политики. Резко выступая против пропаганды всемирной республики, говоря, что республика нуждается в утверждении революционных принципов внутри страны, Робеспьер доказывал, что проповедь освобождения всех народов сродни планам контрреволюционеров, мечтающих об ослаблении революции и бесконечной войне. Основная мысль Робеспьера состояла в том, что опасность для революции кроется не в прекращении войны на справедливых и достойных революции условиях,— опасность заключается как в стремлении окончить войну гнилым компромиссом, так и в попытке превратить ее в борьбу за мировую республику, к чему стремятся космополиты типа Анахарсиса Клоотса.

Победы революции делали все более реальными перспективы окончания войны, к чему определенно стремился Робеспьер. Реагируя на выступления Робеспьера, еще в большей степени учитывая силы французского народа, все острее ощущая раскалывавшие их противоречия, державы коалиции одна за другой стали проявлять интерес к условиям приемлемого для Франции мира.

Первые попытки мирных переговоров

В начале декабря, своеобразно знаменуя итог осенней военной кампании 1793 г., испанский посол в Копенгагене Мускис, во время тайного свидания с французским поверенным Грувилем, поднял вопрос о подготовке мирных переговоров при посредничестве датского министра Бернсторфа.

Австрийские представители также пытались прощупать почву для возможных переговоров. В среде руководящих кругов Австрии все больше сочувствия вызывали новые проекты Тугута: предоставить Францию и ее противников собственной судьбе, отказаться от проекта обмена Баварии на Бельгию, предоставить дело защиты Бельгии англичанам и голландцам, повернуться на Восток, вызвать новую русско-турецкую войну и захватом Сербии и Боснии компенсировать неудачу на Западе.

Пруссия безучастно смотрела на развитие событий за Рейном, целиком отдаваясь борьбе за Вислу Свое дальнейшее участие в войне она откровенно связывала с получением английской субсидии. В январе 1794 г. Грув был извещен Бернсторфом о готовности Пруссии прекратить войну и о необходимости быстрейших переговоров, так как делаются энергичные усилия укрепить связь Пруссии с коалицией. Грозные слова манифеста герцога Брауншвейгского уступили место откровенному финансовому

БЕРТРАН БАРЕР-ДЕ-ВЬ ЗАК (1755—1841)
Давид. Масло

расчету, и сам герцог был заменен на посту главнокомандующего прусской армией противником продолжения войны генералом Меллендорфом.

Пытаясь скрепить готовую расползтись по всем швам коалицию, английское правительство спешно отправило в Берлин специальную миссию во главе с лордом Мальмсбери. Зная, как его войска необходимы Англии, прусское правительство пыталось шантажировать и англичан и австрийцев проектом нейтрализации северной части империи под эгидой Пруссии и слухами о продвинувшихся далеко вперед переговорах с Францией.

Впрочем, подготовка к переговорам действительно велась в течение длительного периода времени. Уже в докладе Конвенту 11 июля 1793 г. Камбон упомянул о встречах прусских представителей с французскими;

эти встречи значительно участились осенью 1793 г., а в январе 1794 г. в Париж был отправлен специальный прусский уполномоченный.

В докладе Конвенту 22 января Барер, руководивший дипломатическими делами после отстранения Эро-де-Сешеля, заявил, что тайные переговоры опасны, так как они, в первую очередь, направлены со стороны держав коалиции не к действительному прочному миру, а к тому, чтобы парализовать военную силу республиканских армий. В мире заинтересованы «Брауншвейг, Кобург, Питт», — утверждал в своей речи Барер. «Им нужно время, чтобы восстановить свои силы, высосать последние соки из народа, запасти продовольствие, пополнить армию». «Мир нужен монархиям, республике нужна воинственная энергия... Да,—говорил он,— ни мира, ни переговоров, ни перемирия с объединившимися тиранами». Речь Барера правильно отражала то самоочевидное положение, что недовершенная победа не может быть гарантией прочного мира, плоды которого, в первую очередь, достанутся врагам революции. Поэтому, требуя окончательного разгрома вдохновительницы коалиции — Англии, Барер повторял: «Карфаген будет разрушен».

Барер не случайно упомянул Питта в числе сторонников мира. Стремясь во что бы то ни стало выиграть войну и задушить республику, глава английского правительства и вдохновитель международного похода реакции на буржуазную революцию отдавал себе отчет в слабости коалиции, неисправимости сделанных ошибок, недостаточности контрреволюционных сил. Кроме того, находясь перед лицом не только значительной парламентской оппозиции, но и демократического движения внутри Англии, Питт тоже стал склоняться к непродолжительной мирной передышке. Очевидно, отражая эти настроения и рассчитывая миром проложить себе дорогу к власти, 19 декабря (29 фримера) дантонист Бурдон (из департамента Уазы) объявил о готовности Англии к мирным переговорам. Вскоре Дантон получил через французского поверенного в Венеции Ноэля предложения официального агента английского правительства о прекращении враждебных действий. Дантонисты, стремясь сдержать размах социальных мероприятий, необходимость которых была связана с революционной войной, ухватились за проекты опасного и рискованного мира, коварно подсказываемого из Лондона. Седьмой номер «Старого кордельера» призывал к проведению мирной политики и к отказу от войны.

Понимая как трудности создавшейся обстановки, так и совершенную неопределенность мирных предложений, Барер 1 февраля доложил Конвенту об их неприемлемости, так же как и о неприемлемости двухлетнего перемирия, предложенного некоей страной. При одобрении Собрания, он заявил о необходимости продолжать войну вплоть до полной и решительной победы.

Выяснив, что французское правительство до приобретения прочных гарантий мира не пойдет на мир, видя слабость дантонистов и тревожась слухами о сношениях Вены и Берлина с Парижем, английское правительство стало особенно торопиться с подготовкой к весенней кампании; 5 февраля 1794 г. оно сообщило заинтересованным правительствам о готовности взять на себя две пятых расходов из общей суммы в 2 млн. фунтов стерлингов, необходимой для содержания 100-тысячной прусской армии, в том случае, если остальную часть суммы в равных долях покроют Австрия, Голландия и сама Пруссия. Но Австрия, рассчитывая, что Англия вынуждена будет согласиться на любые условия, категорически отказалась участвовать в покупке прусских контингентов. Между державами коалиции завязались длительные, полные неприязни и взаимного озлобления переговоры.

Многочисленные французские агенты, посланные правительством в различные политические центры Европы, подробно и в достаточной мере правильно информировали о состоянии коалиции и степени готовности ее к возобновлению войны.

Внешняя политика якобинцев зимой 1793/1794 г. и военная кампания весной 1794 г.

В эту полную знаменательными событиями зиму французские агенты развернули особенно сильную активность в государствах Апеннинского полуострова. В Неаполе, Риме, Турине они прилагали все усилия к тому, чтобы принудить враждебные Франции правительства к изменению политики, к отходу от коалиции. Правительство Генуи еще в декабре 1793 г., после временного вынужденного подчинения английскому ультиматуму, предложило всем иностранным гражданам, за исключением французов, в шестидневный срок покинуть территорию республики и воспрепятствовало использованию генуэзского порта для перевозки австрийских войск в Тулон на помощь мятежникам и интервентам. Французский агент Тилли занимался в Генуе организацией якобинских обществ, распространял агитационную литературу, пропагандировал идеи французской революции. Все это отвечало той стратегической необходимости в нарушении генуэзского нейтралитета, перед которой находилась одна из армий республики — так называемая итальянская: только использование территории Генуи позволило бы ей быстро и решительно покончить с пьемонтскими силами. В предшествующем году сама пьемонтская армия прошла по генуэзской земле, ее нейтралитет нарушили также англичане, напав в порту Генуи на французские корабли, наконец, были совершенно реальные основания полагать, что Генуя вновь может стать плацдармом для вторжения во Францию пьемонтской и австрийской армий.

Вскоре после начала весенней военной кампании, после ряда побед, одержанных над испанцами, оттесненными за Пиренеи, французские войска действительно вступили на территорию нейтральной Генуэзской республики. Комиссары итальянской армии — Робеспьер-младший, Салисети и Рикорд—30 марта обратились с воззванием к генуэзскому народу: «Французский народ, осведомленный о проектах, задуманных тиранами, с которыми он вынужден сражаться в Италии и которых он должен победить, оповещенный об овладевшем ими намерении захватить Геную, чтобы отдать ее во власть деспота Пьемонта и облегчить этим возможность проникновения на территорию Французской республики, — видит себя вынужденным ради собственной безопасности и в целях предупреждения намерений врагов, направленных против его независимости и счастья, провести свои войска через часть территории Генуэзской республики». Естественно, что полное невмешательство во внутренние дела Генуи при этом гарантировалось. Приветливо встреченная населением французская армия на этом участке фронта добилась быстрых и значительных успехов.

В связи с укреплением позиций республики становилась более дружественной и смелой политика ряда нейтральных государств. В Соединенных Штатах принимались меры к ускорению отправки во Францию огромного каравана судов с продовольствием; запасы зерна, скот, промышленное сырье в большом количестве поступали из Швейцарии; скандинавские государства возвращались к мысли о создании вооруженного союза в целях защиты от Англии нейтралитета и свободы морской торговли. Шведский посланник в Париже барон Сталь вновь взялся за осуществление этого плана, оставленного было в момент установления якобинской диктатуры, и 27 марта добился подписания в Копенгагене договора Швеции и Дании о вооруженном нейтралитете. Но шведский представитель, прибывший

в Париж с требованием субсидий на содержание военных судов, предназначенных для охраны свободы морской торговли, не добился ассигнований.

В самом дипломатическом ведомстве в это время произошли крупные перемены: 1 апреля Конвент упразднил все министерства, заменив их двенадцатью комиссиями; 2 апреля Дефорг был арестован. Тогда же министром внутренних и иностранных дел (звание министра сохранялось еще некоторое время) был назначен депутат Гужон, уже 8 апреля замененный в обоих министерствах другом Робеспьера, председателем парижского Революционного трибунала Эрманом. 10 апреля во главе созданной Комиссии внешних сношений был поставлен незначительный, мало инициативный адвокат Бюшо.

В этот период, все больше доверяясь своим силам, революционное правительство все настойчивей стремилось к быстрейшему окончанию войны. Лишь под таким углом зрения, имея в виду нежелание Комитета общественного спасения запутывать обстановку и отодвигать развязку, можно понять его отношение к ставшему во всей своей остроте польскому вопросу.

15 апреля в Париже узнали о начавшемся в Польше восстании под руководством Костюшко. Для людей осведомленных в этом не было ничего неожиданного. Еще в феврале в Париж прибыли французский агент в Лейпциге Парандье и представитель польских патриотов варшавский адвокат Барс. Продолжая добиваться определенного содействия польским национально-революционным элементам, они, как и Костюшко в бытность его летом 1793 г. в Париже, забрасывали министерство иностранных дел требованиями о помощи и союзе. В ряде меморандумов Барс настаивал на отпуске крупной суммы денег и на отправке офицеров, могущих командовать польскими повстанцами. Непосредственная заинтересованность Франции в польском восстании для Барса очевидна; он усматривает ее в том, что польское восстание поставит Пруссию между двух огней и побудит Турцию ввязаться в войну с Россией и Австрией; если же польские патриоты будут предоставлены самим себе, то последует уничтожение Польши, расчленение Турции и для армий России откроется дорога к берегам Рейна. Но министерство иностранных дел и Комитет общественного спасения молчали.

После прибытия специального курьера от Костюшко по представленному в Комитет общественного спасения докладу Рейнгарда было вынесено решение: «Не давая никаких обещаний, выслушать польского агента. Послать секретного агента для наблюдения и подачи советов восставшим. Побудить Порту к выступлению против Австрии и России...» В отношении основной просьбы поляков, — о материальной помощи, — было решено: «Денег не посылать, республиканская армия располагает всеми богатствами страны».

Между тем военная кампания была в полном разгаре. 30 апреля австрийцы с большим трудом захватили важную французскую крепость Ландреси, но тотчас натолкнулись на непоколебимое сопротивление революционных армий. Как раз в те же дни восстание передало Варшаву и Вильно в руки Костюшко. Внимание центральных держав — Австрии и Пруссии—все более отвлекалось на восток, в сторону Вислы.

Убедившись, что Австрия не возьмет на себя никаких новых обязательств, английские, голландские и прусские дипломаты 17 апреля, под давлением Англии, заключили в Гааге соглашение, по которому 62-тысячная прусская армия Меллендорфа должна была быть использована там, где это будет соответствовать интересам морских держав. Вскоре этот Гаагский договор подвергся тяжелому испытанию.

Начало распада первой коалиции

Положение в Польше, а также боязнь соглашения между польским повстанческим правительством и Веной, о чем усиленно говорили в то время, побудили Россию обратиться к Австрии с предложением принять участие в борьбе против Костюшко. Обойденная при втором разделе, Австрия, таким образом, приглашалась принять участие в неизбежно предстоящем третьем... Здраво предполагая, что приободренная успехами 1792 г. Пруссия может снова оказаться чересчур самостоятельной и жадной, Екатерина II предпочитала прусским войскам присутствие в Польше австрийских войск. Тугут и император Франц находили, что это вполне отвечает их планам, тем более, что только что подписанный Гаагский договор позволял рассчитывать, что на защиту Бельгии, являющейся естественным подступом к Голландии и, как позднее сказал Наполеон, пистолетом, направленным в грудь Англии, — будут поставлены прусские войска. Спеша выпутаться из западных дел, Австрия в начале мая через датских дипломатов обратилась к Бартелеми и Грувилю с сообщением о своем желании заключить мир. Заметив исключительную пассивность австрийских войск перед лицом громадных сил врага, англичане потребовали быстрейшей переброски армии Меллендорфа в Бельгию. Но Пруссия, не желая предоставить Австрии монополию совместного с Россией грабежа в Польше, боясь быть вытесненной при третьем разделе, вовсе не стремилась защищать интересы все той же Австрии в Бельгии. Пруссии, опираясь на параграф Гаагского договора, предоставляющий выбор места действия прусского корпуса взаимному соглашению Англии, Голландии и Пруссии, отказалась направить корпус Меллендорфа в Бельгию, пообещав поддержать усилия союзников операциями против Эльзаса и Лотарингии. Это было действительным началом столь долго искусственно задерживаемого конца первой коалиции.

Вслед за этим волнуемый слухами об австро-французских переговорах, и боясь опоздать к польскому дележу, прусский король 14 мая отдал приказ об отправке 50 тыс. солдат в Польшу и предупредил, что прусская армия будет защищать только границы империи.

Чтобы не порывать окончательно с союзниками, прусская армия, затратив немало усилий, захватила 23 мая Кайзерслаутерн. Но эта отдельная операция не меняла положения вещей, тем более, что вскоре дипломатическое поражение Австрии, Англии и Голландии было дополнено военным: 18 мая французские войска из северной армии под командованием Моро, Вандама и Макдональда неожиданно атаковали и разбили под Туркуэном австрийские дивизии, продвигавшиеся к Лилю. Туркуэнская битва создала угрозу правому флангу сосредоточенных у франко-бельгийской границы союзных армий. Тогда же арденнская армия, воодушевляемая Сен-Жюстом и Леба, начала упорный натиск на левый фланг австрийских сил, стремясь форсировать Самбру и овладеть Шарлеруа. Превосходство сил, инициативы, энергии, подвижности, настойчивости французов становилось день ото дня все более очевидным. В австрийском штабе вопросы подготовки эвакуации из Бельгии стали привлекать большее внимание, чем задачи обороны страны. Начальник главного штаба Макк подал в отставку. Циркулировали никем не опровергаемые и все более упорные слухи о предстоящем отступлении и выходе Австрии из войны.

Как бы подготовляя общественное мнение, император Франц, прибывший весной в Бельгию, в конце мая публично принял некоего Рока, авантюриста, выдававшего себя за представителя Комитета общественного спасения. Комплименты по адресу Робеспьера, преувеличенные затем в рассказах об этом свидании, но бесспорно имевшие место, не оставляли

сомнений, что недалек час начала австро-французских переговоров. Когда 13 июня император Франц покинул Бельгию, все поняли, что отступление уже началось. Продолжающиеся бои должны были как прикрывать это отступление, так и служить залогом более выгодных условий мира.

Сила английского золота оказалась не в состоянии преодолеть сопротивление французского народа и сохранить контрреволюционную коалицию. Как и раньше, Англия хотела продолжать борьбу, но, как и ранее, предпочитала вести ее чужими руками. Ведь при подобном своеобразном положении вещей именно Англия сделала крупные приобретения: действуя своими силами на второстепенных, не решающих участках борьбы, она захватила в 1793 г. в Индии Чандернагор, Пондишери, а также Сен-Пьер, Микелон, Табаго, к которым в 1794 г. прибавились Корсика, Мартиника, французская часть Сан-Доминго. Приобретения окупали расходы. Богатеющая английская буржуазия, процветающие английские помещики не хотели мира.

Но европейский мир стал неизбежным, когда 17 июня французская северная армия овладела Ипром, а 26 июня армия Самбры и Мааса, заняв накануне Шарлеруа, разгромила перед Флерюсом основные силы австрийцев. Пути в Бельгию, как с запада по побережью, так и с востока в долинах Самбры и Мааса, были открыты. Австрийская, голландская, английская, ганноверская и другие армии в панике отступали. Рейнские позиции союзников были под ударом. Истинный организатор побед — Сен-Жюст мог с удовлетворением спешить в Париж, куда его призывали безотлагательные дела — усилившаяся борьба против революционного режима.

Разгромленные враги Франции готовы были итти на мир. Испанское правительство, в результате поражений и народных движений в стране, склонялось к миру; в Голландии с каждым мгновением, приближавшим французские войска к границам этого государства, росло желание не только кончить войну, но и в союзе с Францией обратиться против фактического сюзерена — Англии, вытеснявшей голландцев из важных пунктов колониальной и морской торговли; правители итальянских государств метались между союзом с Англией и ориентацией на Францию; Австрия и Пруссия все больше запутывались в восточных делах и, потерпев поражение в попытках навязать свою волю французскому народу, искали путей примирения с ним. Россия, временно отказавшись от своих планов, непосредственно направленных против Турции, целиком была занята польскими делами. Только Англия попрежнему непреклонно стремилась продлить и усилить крестовый поход европейской реакции против буржуазной революции.

Пришло время для французского правительства окончательно высказаться по польскому вопросу. Теснимые со всех сторон силы Костюшко приняли на себя всю мощь удара восточноевропейских государств. Польские эмиссары в Париже, Барс и другие, торопили Комитет общественного спасения с обсуждением мер помощи повстанцам. Было известно, что Костюшко пытался установить дружеские отношения с Австрией, а внутри страны, сдерживаемый магнатством, проводил политику чрезвычайно умеренных социальных реформ. Не желая ввязываться в новые осложнения, достигнув порога победы и мира, робеспьеристы решили отказаться от вмешательства в польские дела. Свой отказ они мотивировали тем, что их не удовлетворяет общий характер политики Костюшко. Поэтому 13 июля Барс был приглашен в Комитет общественного спасения. Здесь Сен-Жюст коротко и резко сообщил ему, что «Франция не даст ни малейшей крупицы золота, не рискнет жизнью ни единого человека для упрочения революции в Польше...» «Интернационализм» буржуазных революционеров должен был отступить перед соображениями

практической политики: и к каждому событию международной жизни они не могли не подходить прежде всего с точки зрения интересов самой Франции. Сейчас эти интересы заключались в прекращении войны и в установлении мирного сожительства республики с ее соседями. Помощь полякам могла стать непреодолимым препятствием к миру с Австрией и Пруссией, — поэтому революционные поляки были принесены в жертву миру.

Но так как средства республики чрезвычайно возросли, а ее национальные армии и примененная ими новая тактика, словом военная и экономическая мощь страны, на ряду с социальным превосходством над другими государствами, представляли исключительные преимущества, то новая, окрепшая французская буржуазия (спекулянты, поставщики, оптовые торговцы, крупные промышленники, дельцы, наживавшиеся на грабеже оккупированных территорий, связанная с ними верхушка генералитета) уже не хотела прекращения победоносной войны и толкала на путь превращения ее из освободительной, революционной, в агрессивную, захватническую, грабительскую. Напрасно Робеспьер предупреждал 9 июля якобинцев: «О благоденствии государства судят не столько по внешним успехам, сколько по счастливому внутреннему состоянию». Основная масса буржуазии слушать не хотела о мире в то время, когда открывалась дорога к завоеваниям. Несомненно, во внутренней политической борьбе, разбушевавшейся летом 1794 г., когда национальные задачи буржуазной революции оказались разрешенными, вопросы внешней политики играли значительную, хотя, возможно, и подчиненную роль. И недаром Робеспьер в своем последнем выступлении, в речи в Конвенте 26 июля (8 термидора), много говорил об опасностях, вызванных победой, и о необходимости закрепления ее плодов: «Вам говорят о ваших победах с академической легкостью, которая заставляет верить, что они не стоят нашим героям ни крови, ни трудов: рассказанные с меньшей помпезностью, они казались бы более великими. Что сделано, чтобы использовать наши успехи для укрепления наших принципов, чтобы предупредить опасности или обеспечить плоды победы? Следите за победой... Наши враги отступают и предоставляют нас внутренним распрям. Подумайте о конце кампании; бойтесь внутренних фракций; бойтесь интриг, которым благоприятствует внедрение в иностранные территории... Военная аристократия находится под покровительством, преданных [республике] генералов преследуют...»

Контрреволюционный заговор 9 термидора бросил Францию в новую бездну войн и испытаний, продиктованных стремлением французской буржуазии к завоеваниям и к гегемонии над Европой.

*

Глава одиннадцатая

КРУШЕНИЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

РОБЕСПЬЕРИСТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1794 г.

Освободившись от оппозиции эбертистов и дантонистов, робеспьеристы в первую очередь занялись укреплением режима революционной диктатуры. Комитет общественного спасения, руководящий правительственный орган, подчинил себе все остальные комитеты Конвента. Руководство вопросами ведения войны, снабжения, дипломатии, производства сосредоточилось в его руках, министры были фактически лишены влияния, а 1 апреля 1794 г. (12 жерминаля II года) были заменены 12 исполнительными комиссиями. Руководство местной администрацией осуществлялось исключительно Комитетом общественного спасения. Лишь Комитет общественной безопасности сохранял элементы независимости и руководил, в течение некоторого времени вместе с Комитетом общественного спасения, карательными и контрольными органами революционного правительства.

Национальные агенты, назначаемые Комитетом общественного спасения, стали заменять местные выборные власти. 29 марта (9 жерминаля) национальным агентом Парижской коммуны был назначен близкий сотрудник Робеспьера Пайян. Таким образом инициатива местных властей оказалась подчиненной воле революционного правительства. Стремясь упорядочить управление и освободить его от частных влияний, неизбежно разнородных и зачастую болезненно отражавшихся как на административном аппарате, так и на гражданах, Комитет общественного спасения резко сократил посылку депутатов на места и 19 апреля (30 жерминаля) сразу отозвал 21 депутата. Очень скоро, 18 мая (29 флореаля), были упразднены, за исключением очень немногих, созданные депутатами во время командировок трибуналы и революционные комиссии. Еще до этого последнего мероприятия, декретом 16 апреля (27 жерминаля) дела всех обвиняемых в заговорах были объявлены подлежащими суду парижского Революционного трибунала.

Между тем вантозское законодательство, сыгравшее большую роль в деле закрепления гегемонии за робеспьеристами, находило лишь слабое отражение в практической деятельности правительства. Значительная

часть крестьян все еще оставалась без земли. Национализация церковных и эмигрантских имуществ в основном подорвала помещичье землевладение и создала источник для утоления земельного голода широких кругов крестьянства; но буржуазный характер революции незамедлительно сказался: выделившаяся деревенская буржуазия превратила сельскохозяйственных рабочих и крестьянскую бедноту в объект эксплоатации. Система продажи национальных имуществ с торгов благоприятствовала зажиточным элементам, имевшим достаточно средств для того, чтобы поднять цену и перехватить тот или иной участок у бедняка. Нет нужды говорить о том, что продажа с аукциона национальных имуществ являлась прежде всего одним из крупнейших способов пополнения запасов казначейства. Так, в дистрикте Лангр 42 участка, оцененные в 51 593 ливра, были проданы за 160 330 ливров; в департаменте Нижнего Рейна участок, оцененный в 7 580 ливров, был продан за 39 765 ливров; в 472 дистриктах 20 754 участка, оцененные на общую сумму в 203 945 113 ливров 6 су 3 денье, оказались проданными за 426 611 419 ливров 15 су 11 денье, т. е. в два с лишним раза дороже по сравнению с первоначально объявленной ценой. Как видно из предшествующих примеров, отдельные участки продавались не только в 2 раза, но и в 3 и даже в 5 и более раз дороже объявленной цены. Совершенно очевидно, что не курс ассигнатов, в которых производились платежи, влиял главным образом на образование разницы между ценой, установленной к началу торгов и запродажной ценой, а те накидки на первоначальную цену, которые во время торгов делала деревенская буржуазия. В конечном счете, эта последняя концентрировала в своих руках огромную часть национализированной собственности и оказывалась социальной категорией, наиболее выигравшей от революции. В Северном департаменте, например, на долю 4.5% крупнейших крестьянских покупщиков пришлось 49.17% всей купленной крестьянами этого департамента земли. По мере удовлетворения своих земельных вожделений, деревенская буржуазия все больше и больше отворачивалась от революционного правительства и, чувствуя, что новое право собственности прочно обеспечено победами армий республики над интервентами, оказывала сопротивление экономической политике Комитета общественного спасения.

Третий максимум

Упразднив 27 марта (7 жерминаля) декретом, принятым по инициативе Парижской коммуны, комиссаров по борьбе со спекуляцией и смягчив карательные меры против спекулянтов, упразднив 29 марта (9 жерминаля) «революционные армии», Комитет общественного спасения сохранил политику максимума и регулирования снабжения и производства. Новые таксы, введенные в жерминале, охватывали значительное количество предметов широкого потребления и первой необходимости и были дифференцированы не только для каждого департамента, но и для каждого дистрикта. По сути дела, устанавливался новый, третий максимум. Не только ослабление системы контроля над его соблюдением, но и самое изменение расценок нового максимума обеспечивало защиту интересов потребителя меньше, чем предшествующее законодательство. Так, в одном из дистриктов департамента Севр цены на мясо повышались с 11 су до 14 и 17 су, на сало — с 12 су 6 денье до 19 су 3 денье и 1 ливра 3 денье. Аналогичные изменения были произведены по всем основным предметам потребления во всех дистриктах страны.

Как бы подчеркивая, что новый максимум идет в известной мере навстречу пожеланиям мелких собственников и мелких торговцев, декрет от 1 апреля (12 жерминаля) отменял обязательность представления деклараций розничными торговцами. Но этот же декрет подтверждал сохранение отчетности оптовых торговцев перед местными властями.

Если в городах муниципализация торговли и установившееся с весны 1794 г. в Париже и некоторых других центрах государственное снабжение муниципализированной торговли обеспечивали снабжение санкюлотов хлебом и мясом по установленной цене, то деревенская беднота и беднота местечек, приобретая продовольствие большей частью у зажиточных крестьян и не связанных декларациями мелких торговцев, постоянно сталкивалась с нарушениями максимума, который терял таким образом свое значение для санкюлотов. А как раз в это время, весной 1794 г., перед поступлением нового урожая, положение с продовольствием было напряженней, чем в иные предшествующие годы революции. Все позволяет заключить, что, принуждая торговлю и производство служить в первую очередь задачам национальной обороны, робеспьеристы делали это зачастую, не принимая во внимание интересов трудящихся потребительских масс.

В основном, практическое значение вантозских декретов свелось к тому, что они создали в народных массах настроение, облегчившее разгром эбертистов. Все последующие шаги правительства, связанные с проблемой ликвидации бедности, фактически означали подмену реформ, намеченных «вантозскими декретами», чрезвычайно скромными мероприятиями чисто благотворительного свойства. Работа на местах по составлению списков патриотов, имеющих право на подлежащие секвестру имущества подозрительных, разворачивалась очень медленно. А декрет от 11 мая (22 флореаля), принятый Конвентом по докладу Барера, окончательно заслонил собою «вантозские законы». Согласно этому декрету, наделение неимущих патриотов секвестрованной собственностью подозрительных уступало место организации вспомоществования немощным и увечным. Декрет предлагал составление «Книги национальной благотворительности», обеспечивающей внесенным в нее лицам получение определенных пособий; поэтому даже там, где списки патриотов, имеющих право на имущество подозрительных, оказались уже составленными, как, например, в дистрикте Сен-Жермен л'Орм департамента Пюи-де-Дом, они подлежали замене списком калек, инвалидов, сирот, нетрудоспособных и необеспеченных стариков и т. п. Таким образом, вопрос о наделении неимущих землей оказался как бы подмененным вопросом об установлении системы государственной филантропии.

Тот факт, что в своей инструкции от 19 июня (1 мессидора) Комитет общественного спасения напоминал национальным агентам о необходимости продолжать составление списков неимущих на основе закона от 3 марта (13 вантоза), не меняет положения вещей, так как никакой практической роли в аграрной политике правительства эти списки не сыграли. Безрезультатна оказалась также деятельность двух комиссий, из предусмотренных законом шести, которым надлежало пересмотреть всю массу дел подозрительных под углом зрения возможности применения к ним законов о секвестре. Только в начале термидора, в силу тактических соображений, Комитет общественного спасения вспомнил о работах этих комиссий и приступил к обсуждению вопроса о своевременности дополнения их еще четырьмя, указанными в законе.

В целом, аграрная политика, проводившаяся якобинцами с зимы 1794 г. в противоположность аграрной политике предыдущего периода, не отвечала интересам ни деревенской бедноты, добивавшейся хотя бы реформы системы распродажи национальных имуществ, ни значительных прослоек мелкособственнического крестьянства. На ряду с этим, регламентация экономической жизни вызывала все большее сопротивление и враждебность зажиточных крестьян, погруженных в свои текущие интересы, не желавших считаться с общими задачами упрочения буржу-

азного строя в стране. Ожесточенная социальная борьба между деревенской буржуазией и крестьянской беднотой особенно усилилась с весны 1794 г. Деревенская буржуазия, за которой шли в значительной части и средние слои крестьянства, была недовольна экономической политикой правительства; рассматривая ее как препятствие к развитию своего хозяйства и как известную моральную опору санкюлотам, она становилась все более враждебной якобинцам. Деревенская беднота, со своей стороны, была глубоко разочарована чрезвычайно робкой и умеренной политикой в области перераспределения земельной собственности и открыто протестовала против поддержки правительством буржуазии в деле эксплоатации трудящихся масс.

Положение рабочих

Плебейские массы городов, недовольные новым максимумом, с особой тревогой следили за роспуском народных обществ некоторых секций, происходившим в силу навязанных им решений о самоликвидации. В течение флореаля почти полностью исчезли эти наиболее характерные санкюлотские организации. Давление, которое оказывалось якобинцами в этих целях на народные общества, отказы в их просьбах о присоединении к Якобинскому клубу свидетельствовали о недоверии якобинцев к этим организациям. Правда, в народные общества кое-где пробрались люди, более чем подозрительные в контрреволюционном отношении, ничего общего с санкюлотами не имевшие, но в целом эта мера серьезно задевала интересы городской бедноты. Некоторые из народных обществ-секций, вынужденных принять решение о самороспуске, переходили на нелегальное положение, устраивая тайные собрания, где подвергались обсуждению вопросы, связанные с предстоящими собраниями секций.

Якобинцы начали поход также против других массовых организаций. Так, ряд членов революционных комитетов при секциях был смещен и заменен ставленниками Комитета общественного спасения. В Якобинском клубе Кутон решительно выступал не только против секционных, но и против народных обществ вообще, а Пэйян клеймил вознаграждение в 40 су, выплачивавшееся санкюлотам, участвовавшим в заседаниях секций, как развращающую дантонистскую меру поощрения лени и бездельничанья.

Робеспьеристская Парижская коммуна враждебно встречала попытки рабочих бороться за улучшение своего материального положения.

21 апреля (2 флореаля) работники парижской табачной мануфактуры Робийяра послали в Коммуну депутацию ходатайствовать о повышении заработной платы. Робеспьерист Пэйян заявил: «Меня нисколько не занимают требования петиционеров; они не должны нами рассматриваться; но к одному более важному явлению я призываю все ваше внимание и всю строгость законов». Далее Пэйян доказывал, что собрание, проведенное табачниками без разрешения муниципалитета, противоречит закону и является нелегальным. Оратор депутации был арестован и препровожден в полицию. Трудящимся наглядно напоминали, что все законы Учредительного собрания, направленные против рабочих, остаются в силе. Не лишено интереса, что на полицейском сообщении Комитету общественного спасения об этом инциденте рукой Сен-Жюста сделана надпись: «Отправить в полицию для выяснения организаторов сборища и законности требований».

28 апреля (9 флореаля) парижский муниципалитет распорядился произвести аресты организаторов объединения портовых рабочих. 2 мая (13 флореаля) подмастерья-пекари были предупреждены, что всякое требование увеличения заработной платы и мясного пайка или оставление работы без предварительного уведомления администрации за месяц

повлечет за собой отнесение нарушителей к категории подозрительных, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Борьба за улучшение экономического положения против наступления предпринимателей, охватывает в это время самые различные отрасли производства. Рабочие Севрской мануфактуры, мануфактуры гобеленов, гвоздильщики Версаля, кузнецы Бордо, печатники Парижа протестуют против тяжелых условий труда, бросают работу, требуют повышения максимума заработной платы.

В ответ на рабочее движение, Конвент 4 мая (15 флореаля) по докладу Барера объявил мобилизованными всех лиц, занятых в производстве, на транспорте и занимающихся продажей предметов первой необходимости. 5 мая (16 флореаля) Парижская коммуна обратилась ко всему рабочему населению Парижа с угрожающей прокламацией, в которой прямо ставила рабочее движение в один ряд с контрреволюционным. «Злонамеренные лица, не сумев лишить Париж средств существования, — говорилось в этой прокламации, — пытаются прибегнуть к другим контрреволюционным средствам. Они распространили среди рабочих, занятых производством предметов первой необходимости, дух мятежа и неповиновения, который законы революции карают смертью. Мы видим, что почти одновременно табачники, булочники, сортировщики, сплавщики леса и табельщики потребовали от своих работодателей заработной платы, превосходящей нормы, установленные законом; они организуют нелегальные сборища, угрожают прекратить работу и даже бросить ее вовсе... В частности, портовые рабочие совершенно отказывались работать. Мы не сомневаемся, что среди этих людей есть много опасных или подкупленных нашими врагами... Мы объявляем всем рабочим, что в качестве орудия закона мы будем столь же неумолимы, как и сам закон, что мы будем немедленно предавать компетентному суду всех рабочих, которые вопреки закону бросят работу...» Это было прямым провозглашением террора против рабочего движения.

В особенно тяжелом положении находились трудящиеся, занятые в милитаризованных военных производствах. Заработок их зачастую был много ниже заработка лиц неквалифицированного труда, — так, квалифицированный рабочий военной мануфактуры получал 16 ливров, в то время как кучер или посыльный зарабатывали от 20 до 24 ливров. Комитет общественного спасения, учитывая особую важность военных производств, разрешил занятым в них рабочим выделять уполномоченных для переговоров с агентами Комитета, но на удовлетворение пожеланий рабочих не пошел. Более того, рядом последующих мероприятий (от 21 фримера, 19 и 22 прериаля, 25 мессидора и др.) в военных предприятиях был установлен суровый режим.

Революционные мероприятия якобинцев в предшествующем периоде сделали их очень популярными в массах городского плебса и деревенской бедноты. К лету 1794 г. якобинское правительство в результате своей экономической политики оказалось в состоянии серьезного конфликта не только с деревенской беднотой, но и с большей частью городского плебса. Понятно, что это обстоятельство неминуемо ослабляло ту силу сопротивления, которую якобинская диктатура как выразитель интересов «низших слоев тогдашней буржуазии» [1] могла оказывать политическим и экономическим контрреволюционным поползновениям спекулянтов и других представителей крупной буржуазии.

А между тем эти поползновения возрастали по мере расширения военных успехов республики.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXIII, стр. 489.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В КОНВЕНТЕ ЛЕТОМ 1794 г. И ОФОРМЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО БЛОКА

Деревенская буржуазия, недовольная реквизициями и максимумом, крупная промышленная и торговая буржуазия, сдерживаемая в своих спекулятивных стремлениях суровыми мерами Комитета общественного спасения, были настроены явно враждебно по отношению к революционной демократической диктатуре якобинцев, с другой стороны, деревенская беднота, не удовлетворенная в своей тяге к земле, санкюлоты городов, преследуемые за их попытки добиться повышения заработной платы, — все более разочаровывались в желании и способности якобинской власти удовлетворить их нужды. Отталкивая от себя неимущих и с каждым днем все полнее обнаруживая свою неспособность разрешить проблему фактического равенства, робеспьеристы сдерживали, однако, уздой террора свободную игру капиталистической стихии, подчиняя интересам буржуазного отечества интересы каждого отдельного буржуа и отдельных прослоек буржуазии. Пока задачи национальной защиты оставались не разрешенными, недовольная этими ограничениями буржуазия не могла выступить решительно против революционной диктатуры. Но это была лишь временная отсрочка. Якобинцы, по существу, не могли вырваться из того заколдованного круга, в котором они оказались.

Будучи до известной степени сдерживающим фактором, внешняя опасность не только не исключала внутренней ожесточенной борьбы, но зачастую являлась одной из основных причин ее. Разгром эбертистов и дантонистов покончил с двумя определившимися политическими течениями. После уничтожения этих течений сколько-нибудь открытая политическая оппозиция оказалась невозможной, пресса — в строжайшем подчинении. В то же время не только в Конвенте, но и в правительственных Комитетах достаточно влиятельные группы и лица продолжали быть враждебными основной политической линии, проводимой Робеспьером при ближайшем сотрудничестве Сен-Жюста и Кутона.

Разногласия в Комитете общественного спасения

Из одиннадцати членов Комитета общественного спасения два — Билло-Варенн и Колло-д'Эрбуа — были в прошлом в какой-то степени связаны с эбертистами. Хотя ими, в особенности Колло, немало было сделано для того, чтобы изолировать эбертистов от масс и подставить их под удар, но все же они относились неодобрительно к антирабочей политике правительства, к изменению максимума в неблагоприятном для народа направлении, к ограничению мер борьбы со спекуляцией. 17 апреля, выступая в Якобинском клубе, Колло-д'Эрбуа говорил: «Революцию сделали рабочие, санкюлоты, именно они поддержали ее и увенчали успехом; они же доведут ее до конца». В одной из своих брошюр Билло-Варенн писал: «Люди, имеющие что-либо, не могут, оставив других без всяких средств к существованию, зажимать рот тем, кто не имеет ничего, кроме таланта и рук». Эти и им подобные выступления не мешали Колло и Билло санкционировать все намечаемые робеспьеристами экономические мероприятия. Но зато с тем большей враждебностью они относились лично к Робеспьеру.

Ни для кого не был тайным смысл достаточно смелого выступления Билло-Варенна 20 апреля: «Каждый народ, ревнивый к своей свободе, должен держаться настороже даже против добродетелей тех людей, которые занимают высокие места». Напоминая о тиранах древности, он говорил: «Лукавый Перикл пользовался цветами, которыми украшал его народ, чтобы прикрыть цепи, которые он ковал афинянам. И он долго

заставлял верить, будто, поднимаясь на трибуну, он твердил самому себе: «Знай, что ты будешь говорить свободным людям». И этот же Перикл, добившись абсолютной власти, сделался кровожадным деспотом». Брошюркой, воспроизведшей эту речь Билло, вскоре стали пользоваться враги революции, которые со злорадством объясняли, что под Периклом понимается Робеспьер, что власть последнего явно невыносима и опасна, что будто бы подтверждается выступлением такого завзятого революционера и террориста, как Билло-Варенн. Независимо от их субъективных пожеланий борьба этих «левых» против Робеспьера вскоре приобрела объективно контрреволюционный характер, пока, наконец, в своей борьбе они не сомкнулись с открытыми контрреволюционерами.

В силу ряда причин обострялись также отношения между группой Робеспьера и группой Карно. Последний, руководя совместно с Приёром (из Кот-д'Ор) всем кругом военных вопросов, находившихся в ведении Комитета общественного спасения, представлял собою весьма влиятельную фигуру не только для генералитета, но и для ряда крупных специалистов, работавших на оборону, а также являлся своего рода центром притяжения сил для всевозможных военных поставщиков, спекулянтов и т. п. Самоуверенный и преисполненный высокого уважения к собственным знаниям и поступкам, Карно стремился отгородиться от других членов Комитета и вести совершенно независимую политику. В его инструкциях генералам проглядывало идущее вразрез со взглядами Робеспьера стремление к наступательным действиям во имя закрепления за республикой новых территорий. Эта политика группы Карно—Приёра соответствовала интересам крупной буржуазии, мечтавшей об эксплоатации богатых рейнских земель, Фландрии, Бельгии, Голландии. Сен-Жюст в речи от 16 апреля, осуждая планы внешней экспансии, заявил, что «революционное правительство... не имеет завоевательных планов...» Поэтому робеспьеристы, принципиальные противники захвата чужих территорий, стояли на пути не только хищническим кругам буржуазии, но и некоторым группам военных,— и как выразители определенной внутренней социально-экономической политики, и как сторонники добрососедских отношений с другими странами.

Такие члены Комитета общественного спасения, как Жанбон-Сент-Андре и Приёр (из Марны), не принимали активного участия в делах Конвента и, находясь постоянно в командировках в портовых городах, всю свою энергию отдавали делу создания военно-морского флота. Робер Ленде, занимавшийся продовольственными вопросами, совершенно открыто показал себя противником Робеспьера еще в апреле, когда отказался подписать приказ об аресте Дантона, хотя и после этого он лойяльно и добросовестно выполнял свои прямые обязанности. Барер, лукавый карьерист, не занимавший твердой позиции, предпочитал дать определиться ходу событий.

В свое время при разборе дела Ост-Индской компании докладчик Комитета общественной безопасности Амар приложил максимум усилий, чтобы затушевать политическое значение процесса. С тех пор Комитет общественной безопасности — второе по важности после Комитета общественного спасения правительственное учреждение — возбуждал явное недоверие Робеспьера. Стремясь к полному сосредоточению руководства и контроля над государственным аппаратом в Комитете общественного спасения, Робеспьер и Сен-Жюст, по докладу последнего Конвенту 16 апреля, добились создания при Комитете общественного спасения бюро общей полиции, во главе которого встал, как руководитель, Сен-Жюст, а в его отсутствие — Робеспьер или Кутон. С организацией этого

бюро Комитет общественного спасения получил возможность контролировать сферу деятельности Комитета общественной безопасности, ибо в составе последнего лишь Леба и Давид были связаны с робеспьеристами.

Враждебные робеспьеристам группировки в Конвенте

В Конвенте, внешне достаточно покорном воле Комитета общественного спасения и его руководителей — Робеспьера, Сея-Жюста и Кутона, — настроение большинства депутатов становилось явно враждебным робеспьеристам. Ярким свидетельством этого служит достаточно показательный факт — постоянное избрание в председатели Конвента противников Робеспьера. Так, 21 марта (1 жерминаля), председателем Конвента был избран Тальен, а после него председательское кресло в Конвенте поочередно занимали Амар, Ленде, Карно, Приёр из Кот-д'Ор—все противники робеспьеристов. В бытность свою в миссии в Бордо Тальен приобрел славу лихоимца, покровителя спекулянтов, использовавшего террор в целях сведения личных счетов и собственного обогащения. Через Терезу Кабаррюс, дочь испанского банкира, он связался с бордоскими негоциантами и, вместе с другим депутатом Изабо рьяно охранял их интересы в ущерб интересам санкюлотов. Огромная сумма в 1325 тыс. франков, ассигнованная на строительство городской больницы, бесследно исчезла, присвоенная Тальеном и его компанией. Спекулянт и делец, жаждущий богатств и власти, он ненавидел революционно-демократический режим и страшился его. Однако, избранный председателем Конвента, он начал исполнение своих новых обязанностей лживой и льстивой речью по адресу Робеспьера, которую Робеспьер запретил печатать.

Достойной опорой Тальена был такой же вымогатель и лихоимец — Фрерон. Оба они, как и многие другие враги революционной демократии, не имея ни сил, ни мужества для открытой борьбы, нарочито компрометировали режим безудержными злоупотреблениями и террористическими мероприятиями. Хищный и расчетливый Баррас, грубый Бурдон (из департамента Уазы), беспощадный и предприимчивый Мерлен (из Тионвиля), крупный спекулянт и бывший маркиз Ровер, взяточник и спекулянт Бернар (из Сента) составляли ближайшее окружение Тальена и Фрерона. Это окружение смыкалось с приутихшим дантонистским охвостьем — Лекуэнтром, Тибо, Бреаром, Дельмасом — и нащупывало связи в среде молчаливых, но сильных своим количеством депутатов, принадлежавших к «равнине», «болоту». Так складывался авангард контрреволюционной буржуазии.

Среди этих людей особое место принадлежало Жозефу Фуше. Приказом Комитета общественного спасения от 27 марта (7 жерминаля), написанным рукою Робеспьера, Фуше был отозван в Париж из Лиона, где он преследовал по преимуществу искренних революционеров и истребил тысячи ни в чем не повинных людей. Фуше был гораздо менее примитивен и поэтому более опасен, чем Тальен, Фрерон и им подобные. Ловко используя различные приемы демагогии, играя своим атеизмом, вероломно прикрывая всякий свой шаг революционной фразеологией, обманывая направо и налево, попеременно то льстя, то угрожая, пресмыкаясь и нападая, — этот контрреволюционер, выше всего ставивший собственные интересы и безопасность, умел довольно долго сохранять видимость революционного якобинца, близкого к левому крылу, осуждавшего скромность и умеренность террористической, социально-экономической и религиозной деятельности Комитета общественного спасения. То, что преступления Фуше в равной степени могли быть инкриминированы бывшему в миссии в Лионе Колло-д'Эрбуа, связывало их общностью ответственности и потому сразу же по возвращении в Париж открыло

доступ Фуше в среду той оппозиции Робеспьеру, которая в исторической литературе получила название фракции левых якобинцев. Тут Фуше получил возможность влиять на самого Колло-д'Эрбуа, Билло-Варенна, общаться с фанатически настроенным террористом Каррье, членом Комитета безопасности Вадье, выяснять настроение близких к ним по общей неприязни к робеспьеристам Камбона, Ромма и др.

Фуше был незаменим для буржуазной контрреволюции, он был полезнее Тальенов, Фреронов и Баррасов своими связями с левыми, своей «левой» репутацией, позволявшей до поры до времени, прикрываясь «левизной», умело маскировать происки против Комитета общественного спасения.

Но возвращении в Париж, скрывая свою злобу к Робеспьеру и к режиму, связанному с его именем, Фуше искал встречи с Робеспьером. 7 апреля (18 жерминаля) он пытался угодливо объясниться с ним на квартире у Шарлотты Робеспьер. Но эти заискивания не принесли никаких плодов, и 19 жерминаля Робеспьер выступил против Фуше в Якобинском клубе.

Установление культа «верховного существа»

Сложность окружающей обстановки не составляла для робеспьеристов никакой тайны. Экономическая политика, усвоенная Комитетом общественного спасения после вантоза, ослабила возможности укрепления его связи с массами на почве улучшения их материального положения. Робеспьеристы, однако, понимали значение этой связи; им оставалось, следовательно, отыскивать какие-то новые, иные пути для завоевания симпатий народных масс. Один весьма важный вопрос — религиозный — оставался не разрешенным. Хотя формально признавалась свобода отправления культа, но власти всё еще преследовали священнослужителей, закрывали храмы, подозрительно относились к верующим. Искусственно создававшийся культ Разума не пользовался успехом. Между тем, в руках государства религия могла стать важным орудием идеологического воздействия на массы. Робеспьеристы в вопросах философии примыкали к школе Руссо; они отрицательно относились к материализму французских просветителей второй половины XVIII века. Атеизм рассматривался ими, как признак отсутствия добродетели, как безнравственность. Сам Робеспьер всегда, даже в период расцвета дехристианизации, осуждал материализм и атеизм с точки зрения разделявшейся им теории «гражданской религии» Руссо. В своей речи 21 ноября (1 фримера) он превозносил в Якобинском клубе «народную идею о верховном существе, охраняющем угнетенную невинность и карающем торжествующее преступление». Идея «верховного существа» была необходимым и весьма важным элементом в мелкобуржуазной социальной философии робеспьеристов. В их идеальном обществе, основанном на частной собственности, эта идея должна была служить сдерживающим началом для сильных и злых и поддержкой в жизненных невзгодах для слабых. Нет ничего удивительного, что в поисках новых источников влияния на массы робеспьеристы поставили на очередь в трудные для них дни апреля и мая 1794 г. вопросы религии и культа. Уже 6 апреля (17 жерминаля) Кутон предупреждал о скором внесении «проекта празднования десятого дня декады в честь «верховного существа».

7 мая (18 флореаля) Робеспьер от имени Комитета общественного спасения сделал в Конвенте доклад «Об отношениях религиозных и нравственных идей к республиканским принципам и о национальных празднествах». В декрете Конвента, принятом по этому докладу, объявлялось, что «французский народ признает верховное существо и бессмертие души» и что «культом, достойным верховного существа, является исполнение человеком его гражданских обязанностей». Далее говорилось

ПРАЗДНИК «ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА» 8 ИЮНЯ 1794 г.

Гравюра Берто, офорт Дюплесси-Берто, рисунок Себах-Дефонтена

о посвящении «верховному существу» празднеств, ближайшее из которых назначалось на 8 июня (20 прериала), и о посвящении дней декады отдельным проявлениям нравственности, добродетели, трудолюбию и т. п. Полная свобода отправления иных культов сохранялась.

Установление государственного культа «верховного существа» было попыткой преподнести народу в виде «гражданской религии» «очищенное» христианство. Выступив его первосвященником, Робеспьер компрометировал себя в глазах свободомыслящих. А с другой стороны, и католическая церковь должна была встретить новый культ враждебно, тем более, что его установление было связано для католицизма с большим материальным ущербом (передача церквей и т. п.).

Даже на заседании Конвента 7 мая (18 флореаля) пришлось прибегнуть к усиленному нажиму для того, чтобы заставить воздать должное затее Робеспьера. Уже тогда, демонстрируя свою враждебность начинанию робеспьеристов, Барер потребовал, явно противопоставляя свое предложение празднеству в честь «верховного существа», декретирования празднества в память героически погибших подростков-патриотов Бара и Виала.

Вечером 7 мая Робеспьер повторил доклад в Якобинском клубе. Как показали последующие события, за внешним одобрением якобинцев скрывалось осуждение нового политического шага правительства. 13 мая Парижская коммуна одобрила декрет о «верховном существе»; Якобинскому клубу также было предложено высказаться. После оживленной дискуссии и вмешательства Робеспьера и Кутона в прения Якобинский клуб неохотно принял 15 мая соответствующий случаю благодарственный адрес Конвенту, который был зачитан там 16 мая. Председательствовавший Карно ответил сдержанной речью, свидетельствовавшей о его неодобрительном отношении к широко развернувшейся общественной кампании восхваления нового культа.

Социально-экономическая политика якобинцев летом 1794 г.

Вслед за декретом о новом культе Комитет общественного спасения поспешил с другим крупным мероприятием — с учреждением 11 мая упоминавшейся уже выше «Книги национальной благотворительности». 24 мая для немощных и увечных нищих Парижа было установлено ежедневное пособие в 15—25 су. Эта паллиативная мера не могла играть сколько-нибудь серьезной роли, хотя и свидетельствовала о стремлении в какой-то мере удовлетворить интересы плебейских масс Парижа. Однако в то же время Комитет общественного спасения был вынужден провести 4 мая мобилизацию всех лиц, работающих на производстве, на транспорте и занятых продажей предметов первой необходимости.

С началом весенних полевых работ резко обострилась борьба между деревенской буржуазией и беднотой, пытавшейся использовать недостаток рабочих рук — в связи с массовыми наборами в армию — для повышения оплаты труда. По прямому требованию деревенской буржуазии местные власти в ряде случаев устанавливали систему принудительного труда для батраков и сурово охраняли ограниченную максимумом заработную плату. Но авторитет местной администрации был не всегда достаточен, да и не всегда она шла на поводу у богачей; в такой обстановке частично под нажимом буржуазии, а частично вследствие тяжелых продовольственных затруднений, Комитет общественного спасения принял в течение мая и июня целый ряд постановлений, клонящихся к мобилизации сельскохозяйственных рабочих.

Декреты, инструкции, предписания от 30 мая, 1 июня, 8 июня, 17 июня, 25 июня объявляли всех сельскохозяйственных рабочих и лиц, постоянно

занимавшихся полевыми работами, мобилизованными и поступающими в распоряжение коммун. Несмотря на то, что дороговизна возросла в несколько раз, заработная плата фиксировалась всего в полтора раза выше заработной платы 1790 г.; в тех же случаях, когда вознаграждение выплачивалось натурой, оно сохранялось без всяких надбавок на уровне 1790 г. Малейшее нарушение закона или отказ от работы влекли за собой судебное преследование по законам против подозрительных.

О том, как реагировала деревенская беднота на декреты, нарушавшие ее интересы, красноречиво говорит ряд фактов. Жнецы Бобиньи (Парижский департамент) решительно протестовали против невыгодной для них таксации. Батрак Фабр из Неуар (Нюи-де-Дом) призывал других батраков отказаться работать по установленному максимуму, за что и был отправлен в Революционный трибунал. В департаменте Шер говорят, что «лучше пойти в тюрьму, чем работать за этот максимум»; в департаменте Эндр поносят «проклятый максимум», в департаментах Уазы, Сены и Марны, Вогезов бурно протестуют... Наблюдательный комитет Булони (дистрикт Франсиада) исключает из своего состава одного из членов за нарушение максимума. В Верхней Гаронне Революционный трибунал арестовывает группу батраков, не желающих признавать максимум и реквизицию рабочей силы. Бесчисленны индивидуальные и групповые отказы подчиниться принудительной мобилизации рабочих и невыгодному максимуму. Вся деревня бурлила: происходили ожесточенные столкновения богатеев и властей с беднотой. И никакие религиозно-догматические начинания, никакие «Книги национальной благотворительности» и т. п. не могли скрыть того, что революционно-демократическая диктатура по самому существу своему оказалась не в состоянии удовлетворить требования бедноты, хотя и пыталась это сделать неоднократно.

Некоторыми своими мерами робеспьеристы развязывали руки крупной буржуазии, облегчали разгул спекуляции. 25 мая были отменены все продовольственные зоны, за исключением хлебной и фуражной. Но для того чтобы избежать продовольственных затруднений и сохранить контроль над продажей предметов питания, 26 июня 1794 г. Конвент принял решение о полной реквизиции всего урожая текущего года. Этот шаг, имевший непосредственной целью обеспечение снабжения армии, вполне соответствовал интересам деревенской бедноты и плебейских масс города; подобного рода мероприятия бесспорно поддерживали союз якобинцев с плебейской массой. Но они являлись недостаточными, хотя бы потому, что для потребителя плоды этого решения могли сказаться в лучшем случае лишь осенью. Деревенский буржуа, хлебный спекулянт, оптовый торговец — все они встретили этот акт взрывом дикой ненависти к революционному правительству.

Обострение политической борьбы в Конвенте летом 1794 г.

В самом Конвенте скрытая политическая борьба стала обнаруживаться все в большей степени. 22 мая, по инициативе Робеспьера, была арестована Тереза Кабаррюс. Это было началом наступления робеспьеристов на группу Тальена—Фрерона. В этот же день некто Адмираль, один из немногих добровольцев, защищавших 10 августа Тюильри, пытался произвести покушение на Робеспьера, но не встретив его, неудачно стрелял в Колло-д'Эрбуа. 23 мая была арестована Сесиль Рено, пытавшаяся проникнуть на квартиру Робеспьера и замышлявшая против него террористический акт. Эти события свидетельствовали об активизации контрреволюционеров всех мастей, прекрасно учитывавших ослабление позиций правительства и хорошо понимавших, против кого должен быть направлен главный удар. Понимая, что завязывается серьезный конфликт и назревают решающие события, Тальен, Фуше и др.

обнаруживают исключительную энергию, завязывают и крепят самые разнообразные связи, подбирая повсюду людей, по тем или иным причинам недовольных правительством и Робеспьером.

Доклад Барера 23 мая в Конвенте о событиях последних дней не оставлял сомнений в том, что в Комитете общественного спасения разногласия увеличиваются. Фальсифицируя перехваченное письмо одного англичанина, Барер стремился оттенить исключительное личное влияние и значение Робеспьера. Вынужденный 25 мая признать допущенную им неточность в изложении письма, Барер еще сильнее подчеркнул руководящую роль Робеспьера, как бы давая понять, что личные интересы Робеспьера начинают преобладать над интересами государственной политики. Не без задней мысли Барер заявлял: «Как я уже говорил, изолировав одного члена Комитета, хотели сделать его средоточием всей власти революционного правительства, которая распределена между всеми членами Комитета. Это могло повлечь за собой опасные заблуждения и навести на мысль, что Конвент уже более не существует, не имеет никакой власти, что армии борются за благополучие одного человека, к которому мы должны быть более справедливы: этот человек чист...»

Как бы по предварительной договоренности, в этот же день бывший агент Дантона, некто Русселен, связанный с Баррасом, сделал в Якобинском клубе провокационное предложение окружить членов Комитета общественного спасения личной гвардией. Чувствуя, что за этим предложением кроется стремление изобразить его властолюбивым диктатором, Робеспьер добился отклонения предложения, исключения Русселена из Якобинского клуба и препровождения его в Комитет общественной безопасности. Когда 26 мая в обширном сообщении о внешнеполитическом и военном положении республики Барер вновь с особой силой подчеркивал, что за границей французских солдат повсеместно называют солдатами Робеспьера, у последнего не осталось сомнений, что он имеет дело с попыткой противников политически дискредитировать его. Робеспьер тотчас выступил с импровизированной речью, защищаясь от происков врагов и клеймя «шайку мятежников и интриганов», действующую в среде народных представителей. Это была прямая угроза, и она возымела свое действие: 4 июня, за несколько дней до празднования «верховного существа», Робеспьер был единогласно избран председателем Конвента.

Происходившие через два дня выборы председателя в Якобинском клубе ознаменовались тяжелым ударом для робеспьеристов: избранным оказался их явный враг Фуше. Значительную роль при этом сыграло то, что Фуше, близкий к правому крылу оппозиции, хотя и маскировавший искусно эту близость «левыми» выступлениями, был известен своими атеистическими убеждениями и мог быть выразителем скрытого недовольства религиозной политикой правительства и ролью Робеспьера как первосвященника. Выборы Фуше являлись, несомненно, серьезным предостережением Робеспьеру и его сторонникам, которые не замедлили сделать отсюда некоторые, но далеко не достаточные выводы.

Празднество, посвященное «верховному существу», происходившее 8 июня (20 прериаля), при многочисленном стечении народа, прошло с холодной торжественностью. Как весь церемониал, так и поведение большинства членов Конвента подчеркивали исключительность положения Робеспьера, единственного официального оратора, возглавляющего шествие, почтительно сопровождаемого депутатами Конвента и встречаемого гимнами и кантатами.

Многие демократы начали признавать правдоподобным измышление, пущенное в ход врагами революционной диктатуры, о постепенном превращении ее во власть триумвиров — Робеспьера, Кутона, Сен-Жюста,

трех руководящих членов Комитета общественного спасения, — а затем и личную диктатуру самого Робеспьера. Такая персонификация режима была тем более удобна для его врагов, что позволяла им скрывать свои политические цели под видом борьбы с якобы деспотическими замашками отдельного человека. Опасение, что Робеспьер может стать диктатором, родилось у некоторых демократов уже давно. Билло-Варенн первым высказал его во всеуслышание еще 20 апреля (1 флореаля). Правые, используя для своих целей любые средства, непрестанно нашептывали, что революции угрожает опасность установления личной диктатуры и пытались повсеместно сеять семена недоверия к Робеспьеру.

Закон 10 июня 1794 г. (22 прериаля II года)

Широкое поле для контрреволюционных происков открылось 10 июня, когда по докладу Кутона Конвентом был принят новый террористический закон о врагах народа, о реорганизации Революционного трибунала и об упрощении революционного судопроизводства. По этому закону предварительный допрос обвиняемых отменялся, институт защитников подлежал упразднению, в качестве меры наказания по делам, подлежащим ведению Революционного трибунала, устанавливалась смертная казнь. Самый состав трибунала был укреплен испытанными робеспьеристами. Основным в декрете было то, что понятие «подозрительный» было значительно расширено, и к категории врагов народа можно было отнести обвиняемого в любом преступлении, тем более, что для осуждения присяжные могли руководствоваться исключительно «моральными доводами» и своим внутренним убеждением. Предложение Кутона должно было дать возможность робеспьеристскому Революционному трибуналу беспощадно карать партийных врагов.

В прериале II года, когда вантозское законодательство уже превратилось фактически в историческое воспоминание, когда аграрные реформы сменились репрессивными мерами против деревенской бедноты, после введения нового максимума, террор сделался для Робеспьера и его сторонников средством удержать власть в своих руках.

Слушая с огромным вниманием речь Кутона, многие депутаты понимали, что новый закон имеет в виду именно их. Опасность в равной степени нависала и над антидемократической правой и над левыми. Но левые, принципиальные сторонники террора, не могли, не насилуя своих взглядов, выступить против законопроекта. Правые же набрались смелости и запротестовали. Едва Кутон окончил доклад, как Рюам потребовал отсрочки принятия декрета, угрожая в противном случае самоубийством. Его поддержал Лекуэнтр. Используя эту активность правых, Барер также предложил отсрочить обсуждение и принятие декрета хотя бы на три дня. Этот срок был достаточен для того, чтобы сговориться, подготовиться, а затем добиться, если не полного отклонения декрета, то, во всяком случае, существенного его изменения. Робеспьер в сильной речи потребовал немедленного вотирования декрета. Бурдон (из департамента Уазы) пустился на грубую хитрость, посоветовав утвердить состав судей и присяжных и отсрочить принятие остальных частей декрета. В новой резкой речи Робеспьер вторично потребовал немедленного принятия декрета. Тогда почти без прений закон был вотирован, и сразу же были продлены полномочия Комитета общественного спасения.

На следующий день, используя отсутствие Робеспьера на заседании Конвента, Бурдон выступил против основного положения принятого накануне декрета, разрешавшего Комитетам и общественному обвинителю привлекать к суду Революционного трибунала всех граждан без исключения, т. е. и членов Конвента. Бурдона поддерживали и Бернар (из Сента),

Мерлен (из Дуэ) и др. Конвент вотировал поправку о неприкосновенности депутатов. Вечером того же дня Робеспьер произнес в Якобинском клубе большую речь, направленную против бывших соучастников Дантона и Шомета. «Есть люди, — говорил Робеспьер, — с громадным пылом защищающие Конвент и в то же время оттачивающие против него кинжал... Патриоты, будьте на страже более, чем когда-либо: люди развращенные идут на все для того, чтобы задушить защитников отечества и уничтожить Конвент».

В этот же день бурная сцена имела место в Комитете общественного спасения, где Билло-Варенн решительно протестовал против поведения Робеспьера, навязывающего Конвенту свою волю, и упрекал его в желании гильотинировать весь Конвент. Не установлено, но возможно, что действительно Билло-Варенн назвал Робеспьера контрреволюционером... Все эти обвинения звучали более чем странно в устах Билло-Варенна, который, как известно, сам был горячим сторонником террора. «Левые», сторонники самых крайних террористических мероприятий, хотели теперь благочестиво умыть руки и свалить ответственность за весь террористический режим на робеспьеристов. Это столкновение можно считать началом полного разрыва между робеспьеристами и пестрой группой «левых», открывших вскоре поход против Робеспьера.

12 июня Кутон и Робеспьер заставили Конвент отменить поправки, внесенные накануне в закон 10 июня. Они открыто обвинили Бурдона, Мерлена, а затем и Тальена в интригах, угрожающих интересам страны. Тальену не дали говорить, и даже Билло-Варенн заявил: «Бесстыдство Тальена достигает крайних пределов, он лжет Собранию с невероятной дерзостью». Выступление Билло-Варенна заставляет полагать, что в этот момент для левых якобинцев — не относя к их числу двурушников типа Фуше — не был еще решен окончательно вопрос о возможности блока с контрреволюционной группой правых.

Борьба этих дней закончилась бесспорно победой робеспьеристов. Но удивительнее всего то, что закон 10 июня (22 прериаля) ни разу не был применен против заговорщиков — депутатов Конвента. Постоянно угрожая им и обладая большими возможностями, чем когда бы то ни было, Робеспьер ни разу не захотел обрушить силу нового закона на своих явных врагов. Например, он был уведомлен, что Лекуэнтр и восемь других депутатов уже 24 мая (5 прериаля) составили и распространяли обвинительный акт против него, где призывали убить его. Но и на этот раз дальше неопределенных угроз он не пошел, и ни в одном своем выступлении после 12 июня, ни в одной из речей в Якобинском клубе он не назвал прямо ни одного из главных врагов режима. Усиливавшийся террор обрушивался на второстепенных персонажей различных контрреволюционных групп, оставляя неприкосновенными руководивших ими лиц. Чем же объяснить, что монтаньяры — и в первую очередь робеспьеристская часть их, в свое время сокрушившая Жиронду, затем бешеных, эбертистов, дантонистов, — остановились в нерешительности перед лицом новых врагов?

Сила якобинцев заключалась в прочности их связей с народом. Опираясь на народ, поддерживая его инициативу, поднимая его и поднимаясь вместе с ним, они могли проявлять решительность и оказаться непобедимыми. Но теперь, когда основные задачи буржуазной революции были разрешены, с исчерпывающей полнотой обнаружилась буржуазная ограниченность политики якобинцев и руководящей их группы — робеспьеристов. Неминуемым следствием этого было то, что они стали терять опору в тех слоях населения, которые были основным источником их силы, вместе с тем они потеряли и свою былую способность смело разить врагов. Но не следует забывать, что субъективно Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон

никогда не переставали искренно, с беззаветной преданностью служить революции, не переставали питать глубокое убеждение, что в конечном счете, когда революция восторжествует над всеми своими внутренними и внешними врагами, круто изменится к лучшему и экономическое положение плебейских масс. Недаром нараставшая, хотя и притаившаяся, буржуазная реакция первоочередной своей задачей ставила именно уничтожение Робеспьера и его ближайших друзей.

Атаки «левых» на Комитет общественного спасения

Рассматривая учреждение культа «верховного существа» и закон от 10 июня (22 прериаля) только как шаги к диктатуре и к превращению террора в орудие личной воли, стремясь опередить контрреволюционную группировку Тальена — Фрерона, «левые» со своей стороны готовили широко задуманную интригу против Робеспьера. Основным оплотом «левых» стал Комитет общественной безопасности. От имени этого комитета Вадье сделал 15 июня сообщение Конвенту о новом большом заговоре. Согласно его докладу, в центре заговора стояла полусумасшедшая старуха Катерина Тео, проповедывавшая скорое пришествие нового мессии. Тео была преисполнена восхищением перед Робеспьером, и из ее проповедей можно было заключить, что он-то и является пророком, мессией, который спасет мир. С этой проповедницей якобы была связана группа бывших аристократов, поддерживавших корреспонденцию с Лондоном и Женевой, а также бывший член Учредительного собрания — монах Жерль. Всех их Вадье обвинял в контрреволюционной деятельности и пропаганде и добился от Конвента решения о предании их суду Революционного трибунала.

В действительности поучения Катерины Тео не содержали в себе ничего враждебного республике. Впрочем, Вадье не только исказил суть дела. Вадье скрыл также установленный следствием факт, что среди поклонниц Тео были члены семьи Дюпле, у которой квартировал Робеспьер, и что документ, по которому он проживал, Жерль получил у Робеспьера. Все это намерен был установить во время процесса тайно враждебный Робеспьеру общественный обвинитель Фукье-Тенвиль. Организацией этого раздутого процесса надеялись сильнейшим образом скомпрометировать Робеспьера и этим облегчить отстранение его от власти.

Робеспьер прекрасно понял уловку «левых». Он тотчас же затребовал дело у Фукье-Тенвиля и вскоре сделал попытку заменить общественного обвинителя преданным себе человеком. Прикрываясь буквой закона, не допускающей нарушений декретов Конвента, большинство Комитета общественного спасения, в составе которого и это время не было Сен-Жюста, находившегося при армии, долго сопротивлялось требованиям Робеспьера приостановить дело Катерины Тео. Отношения внутри Комитета потеряли последние черты товарищеского сотрудничества. Ожесточенная внутренняя борьба выливалась в непрерывные громкие ссоры, так что Комитет, пытаясь хоть немного уберечь происходившее в нем от огласки, перенес свои заседания в другое помещение, этажом выше. С большим трудом Робеспьеру удалось добиться 26 июня (8 мессидора) приказа об отсрочке дела Тео. Это была его последняя победа.

Она совпала с грандиозной и решающей победой, одержанной в тот самый день армиями революции.

Организация обороны и победы при Туркуэне и Флерюсе

Если в основе военных успехов лежало революционное обновление страны, делавшее каждого гражданина заинтересованным в победе, то самая победа оказалась возможной благодаря мобилизации всех ресурсов государства, благодаря тому, что наука была поставлена на службу обороне, благодаря тому, что организация обороны

велась по-революционному. Огромное военное строительство, с энтузиазмом осуществлявшееся народом, покрыло всю Францию сетью военных мастерских и заводов, среди которых, как гигант своего времени, выделялся мощный Гренельский пороховой завод, с числом рабочих, достигавшим двух и более тысяч человек. Артиллерийский завод в Гренобле начал изготовлять пушки, выбрасывавшие 4-фунтовые ядра на расстояние в 400—500 метров. Особые краткосрочные курсы готовили специалистов военного дела, научно-популярные брошюрки и листовки разносили повсеместно знания и опыт. Правительственные комиссары сокрушали саботаж и измену, подталкивали нерадивых; система максимума и реквизиции обеспечивала снабжение армий; централизованное руководство Комитета общественного спасения позволяло наиболее эффективно использовать их силы и создавало условия для выполнения единого плана военных операций.

Весну 1794 г французская армия встречала как подлинно национально-революционная армия с уверенностью в победе, в состоянии органического единства, с достаточными запасами боевого питания, с командными кадрами, накопившими известный опыт и приобретшими определенный авторитет.

Началу весенней кампании Комитет общественного спасения предпослал суровую инструкцию к генералам, автором которой был Сен-Жюст. «Генералы, если мы охотно признаем заслуги некоторых из вас, — говорилось в этой инструкции, помеченной 24 февраля, — то мы не скрываем и совершенных вами ошибок. Много говорилось о неподчинении солдат, но неподчинение генералов причинило больше вреда общественному делу... В свободном государстве военную власть следует как можно больше ограничить. Она — лишь пассивный рычаг... Отмечено, что успех всегда являлся следствием подчинения постановлениям Комитета, а поражение порождалось неподчинением им. Генералы, времена невыполнения приказов прошли».

Основные силы коалиции интервентов находились на территории между Шельдой и Самброй, где они сохраняли за собой Конде, Валансьенн, Ле-Кенуа. Главнокомандующий, герцог Кобургский, предполагал разбить удерживавшие его наступление северную и арденнскую армии и через Ландреси и Гиз прорваться внутрь Франции. Начало военной кампании было неудачно для французов, и 30 апреля (11 флореаля) герцог Кобургский овладел Ландреси. Разбросанность англо-австрийских сил, инертность союзнического командования, медлительность воинских передвижений, неорганизованность снабжения помешали ему, однако, развить этот успех. Находившиеся при северной армии Сен-Жюст и Леба, спешно организуя оборону, центром которой должен был стать укрепленный лагерь в Гизе, потребовали от генерала Пишегрю энергичного развития действий. Было решено ударить по флангам, находившимся позади выдававшихся далеко вперед главных сил герцога Кобургского. Одновременное наступление между Шельдой и Маасом, с одной стороны, и у Шарлеруа, переименованного в Шарль-сюр-Самбр, с другой, неминуемо приковали бы силы герцога к двум противоположным пунктам фронта и, в случае успеха, позволили бы не только перенести действия в тыл основных англо-австрийских сил, но и отрезали бы последние от баз снабжения. Захват Шарлеруа изолировал бы северный фронт от западного и открывал бы свободный доступ в Бельгию. Герцог Кобургский понял угрожавшую ему опасность и, укрепляя свой правый фланг, двинул несколько корпусов к Лиллю. Не давая им соединиться, находившиеся под командованием Пишегрю Суам, Моро, Вандам и Макдональд перехватили инициативу у неприятеля

и, выйдя ему навстречу, одержали 18 мая (29 флореаля) при Туркуэне серьезную победу, подготовившую захват Ипра 17 июня (29 прериаля). Этот захват открыл путь в глубь Бельгии по прибрежной полосе.

Значительно более упорные бои разыгрались на другом участке французского контрнаступления — у Шарлеруа. Сен-Жюст хотел во что бы то ни стало форсировать Самбру и овладеть западными проходами в Бельгию. Пять раз арденнская армия с боем переходила реку. Помимо чисто военного значения, которое имела эта операция, она представляла определенный партийный интерес, ибо с ней связывалась надежда, что в случае успеха исключительная роль Сен-Жюста позволит безболезненно передать ему руководство всеми военными делами и удалить Карно из Комитета общественного спасения.

На помощь арденнской армии 1 июня (13 прериаля) пришел Журдан с частями мозельской армии. Шестая попытка перейти Самбру окончилась неудачей, и только седьмая увенчалась успехом. 25 июня (7 мессидора) Шарлеруа капитулировал. Герцог Кобургский, спешивший на выручку с главными силами, встретился с мощной группой республиканских войск, вышедших к нему навстречу из захваченного Шарлеруа и успевших создать за сутки серьезно укрепленные позиции. 26 июня у Флерюса, близ Шарлеруа, произошло сражение. В бой были втянуты с обеих сторон все резервы, все участники битвы сознавали ее значение. Известную услугу оказал французам впервые примененный привязной аэростат, с корзины которого наблюдатели непрерывно уведомляли обо всех перемещениях неприятеля. К концу дня герцог Кобургский был разбит. Это поражение решало исход кампании, оно вынуждало герцога эвакуировать крепости Ландреси, Валансьенн, Ле-Кенуа и Конде, открывало новый путь уже не только в Бельгию, но и на восток, прерывало коммуникационные линии сосредоточенных в Бельгии и Голландии войск коалиции и изолировало их от остальных фронтов.

Положение на других фронтах также было благоприятно для революционной Франции. Оттеснив врага к границам, одна армия за другой переносила военные действия все дальше в глубь неприятельских территорий. 28 мая (9 прериаля) произошел крупный морской бой, открывший доступ в Брест большому каравану торговых судов из Америки. День за днем Барер возвещал с трибуны Конвента о победоносном продвижении французских армий. «Комиссии эвакуации» следовали за каждой армией и налаживали эксплоатацию, большей частью хищническую, захваченных территорий.

Каждый новый шаг французских армий вперед все определенней и острее ставил вопрос как об изменении характера войны, так и об изменении режима внутри страны. Война становилась доходным делом, и могущественная верхушка буржуазии, поставщики и спекулянты, способствовали превращению ее в захватническую, грабительскую войну. В одном из своих писем Карно, считая, подобно Камбону, что вести войну надо за счет побежденных стран, заявлял, имея в виду Бельгию: «Надо обобрать эту страну...» Успехи революционных армий разжигали также своекорыстные аппетиты притаившихся за кулисами террористического режима буржуазных хищников; спекулянты, мародеры, накипь на поверхности революции, — все они стремились к тому, чтобы обобрать Бельгию, Испанию, итальянские и германские государства.

На пути этого грабежа стояли не только внешние препятствия, но и политика робеспьеристов, оставшихся верными революционно-освободительным задачам войны и решительно противившихся превращению ее в агрессивную, хищническую.

Между тем победы при Турнэне и Флерюсе послужили исходной точкой энергичного наступления на Бельгию, Рейн и Пьемонт. Каждая миля, отодвигавшая французские армии от границ родины, наглядно обнаруживала все большее противоречие между продолжавшей действовать чрезвычайной системой управления, порожденной и оправданной борьбой с неприятельским нашествием, и фактом изгнания неприятеля. Многое в революционном режиме перестало казаться необходимым.

Раскол в Комитете общественного спасения

Разногласия в Комитете общественного спасения обострялись с успехами республики. Робеспьер настойчиво требовал скорейшего возвращения Сен-Жюста в Париж. После победы при Флерюсе Сен-Жюст поспешил из армии и уже 29 июня (11 мессидора) участвовал в бурном заседании Комитета общественного спасения. Билло-Варенн и Колло-д'Эрбуа обвиняли Робеспьера в диктаторских замашках. Карно упрекал Сен-Жюста в отдаче нецелесообразного приказа о направлении части сил Журдана в северную армию к Пишегрю, считая, что этим могла быть сорвана победа при Флерюсе. Упреки имели тем большее основание, что приказ Карно находился в явном противоречии со значением и размахом операции, проводившейся Сен-Жюстом на Самбре. Сен-Жюст назвал Карно «аристократом», Кутон, имея в виду в первую очередь Колло, повторял, что у многих руки красны от крови невинных. Столкновение кончилось тем, что Робеспьер и Сен-Жюст покинули заседание: «Это было, — замечает в своих мемуарах Барер, — как бы объявлением войны между обоими Комитетами и триумвиратом».

Следствием этого разрыва было выступление Робеспьера 1 июля (13 мессидора) в Якобинском клубе. «Теперь, как и всегда, — говорил он, — действия патриотов стараются выставить в свете несправедливости и бесчеловечности... В то время как небольшое число людей с неослабным рвением занимается делом, возложенным на них всем народом, множество негодяев и агентов иностранных держав ткут в тиши клеветнические вымыслы и готовят преследование порядочных людей.. Эта партия выросла из обломков всех остальных... Они стремятся изобразить деятельность Конвента как дело нескольких человек. Осмелились распространить в Конвенте слух, что Революционный трибунал создан только для удушения самого Конвента... Что касается меня, то несмотря на усилия, которые проявляют, чтобы закрыть мне рот, я считаю себя в праве говорить так же, как во времена Эберов, Дантонов и др. Из Лондона меня изображают и глазах французской армии диктатором, та же клевета повторяется в Париже... Когда события развернутся, я объяснюсь более пространно...»

Вся речь Робеспьера представляла собой настоящий вызов большинству Комитета общественного спасения и стоявшим за ним правым и «левым». С середины мессидора Робеспьер постепенно перестает посещать Комитет общественного спасения и Конвент, стремясь в первую очередь усилить свои позиции в Якобинском клубе. Но избрание 17 июля (19 мессидора) председателем клуба Барера обнаружило с несомненностью непрочность позиции робеспьеристов в клубе. В этот день в клубе установили бюст Вильгельма Телля, и это дало повод Колло-д'Эрбуа выступить с речью, где восхваление Телля и Брута смешивалось с угрозами всем тиранам прошлого и настоящего.

Оформление контрреволюционного блока

Правые и «левые» пустили в ход все средства, чтобы создать общественное мнение, враждебное революционному режиму, расчищая этим дорогу для торжества будущей термидорианской контрреволюции. Полагая, что угар побед усыпит народную бдительность, вселит спокойствие и возбудит сомнения в необходимости сохранения революционной дикта-

туры, Барер почти ежедневно оповещал с трибуны Конвента о продолжающихся успехах французской армии, явно их преувеличивая.

Организуя на улицах «братские» трапезы и празднества, контрреволюционные буржуа пытались навязать народу мысли о необходимости и возможности гражданского мира, в вопиющем противоречии с которым стоял непрекращающийся террор. Теперь и самый террор становился средством борьбы против Робеспьера. Враги робеспьеристов отлично понимали, что усиление террора можно представить, как осуществление правительственной директивы, вдохновленной Робеспьером. Революционный трибунал, которым руководил Фукье-Тенвиль, непрерывно загружал гильотину. Между 10 июня (22 прериаля) и 27 июля (9 термидора) в Париже было казнено 1375 человек. В отдельные дни выносилось до 50—55 смертных приговоров. Инспирируя процесс заговорщиков люксембургской тюрьмы, Фукье-Тенвиль хотел было одним ударом сразить 156 человек. Упорно муссировались слухи о предстоящем массовом аресте членов Конвента. Самую Конституцию 1793 года стремились использовать против ее творцов и защитников: секция Горы, одна из первых примкнувшая в дни контрреволюционного переворота к заговорщикам, открыла сбор подписей лиц, одобрявших Конституцию, пытаясь тем самым косвенной агитацией за немедленное введение Конституции подточить устои режима революционной диктатуры.

Укрепить под собой почву робеспьеристы могли лишь путем более тесного сближения с плебейской массой. Но Парижская коммуна не проявила должных усилий в этом направлении. Робеспьер хорошо понимал, что в своей борьбе он, без решительного изменения курса политики, не может рассчитывать на готовность масс самоотверженно отстаивать существующий режим. Не изменяя политической линии, он предавался пагубной иллюзии, будто враги не посмеют открыто атаковать его и пытался разрешить весь конфликт в рамках Конвента, Коммуны, Якобинского клуба.

В клубе левые пользовались исключительным влиянием. Их состав был далеко не однороден. На ряду с честными убежденными демократами, сторонниками Конституции 1793 года, встревоженными призраком личной диктатуры, в их среде значительную роль играли представители буржуазной контрреволюции типа Фуше или сильно скомпрометированные лица, страшившиеся революционной законности, как Колло-д'Эрбуа, Каррье. Под руководством этих людей, после неудачной попытки раздуть дело Катерины Тео и замешать в него Робеспьера, левые пошли на беспринципное, предательское соглашение с правым крылом якобинцев — буржуазными врагами демократии. Представляя собой лишь небольшую группу, состоящую по преимуществу из членов Конвента и Якобинского клуба, не имея никаких организаций, не будучи связаны с народом, левые должны были видеть, что их сотрудничество с правыми, расшатывая революционный режим, не только не способствует углублению демократии и революции, к чему они продолжали призывать, но и ставит под угрозу сохранение завоеваний народа, которые революция могла записать в свой актив. Блокируясь с противниками буржуазной демократии, с врагами максимума, революционной диктатуры, политического равноправия народа, — левые служили прикрытием для прятавшихся за их спиной несомненных контрреволюционеров — Тальенов, Баррасов, Фреронов, Фуше, Роверов, Тюрио, Рюамов, Сийесов. Левые были нужны контрреволюционерам, чтобы усыпить народные массы, чтобы представить борьбу с робеспьеристами, как дело, предпринятое в защиту интересов народа, а затем предать народ на поток и разграбление спекулянтам, банкирам, интендантам, крупным промышленникам,

взяточникам и биржевикам. То, что многие из левых, — Ромм, Вадье, Дюруа, Дюкенуа, Левассер (из Сарты), Камбон, Гужон, Бодо, Бурбот и другие,— впоследствии осудили это свое гибельное для революции объединение с правыми и считали его трагическим недоразумением, нисколько не меняет ни положения вещей, ни ответственности, которая ложится на них, как на организаторов и участников контрреволюционного переворота.

Борьба Робеспьера в Якобинском клубе

9 июля (21 мессидора) Робеспьер пытался в Якобинском клубе разоблачить уловки врагов революции, стремившихся, компрометируя террор, отвратить массы от революционной диктатуры. Он говорил: «В республике существует революционный комитет; вы полагаете, быть может, что он считает своей задачей уничтожение аристократии? Совсем нет: он думает, что нужно арестовывать всех граждан, оказывающихся по праздникам пьяными. Благодаря такому удачному применению закона, все контрреволюционеры остаются спокойными и в полной безопасности, в то время как ремесленников и добрых граждан... безжалостно арестовывают... Мы умеем также распознавать ложных патриотов, преследующих народ и одновременно попустительствующих аристократам...» По существу, Робеспьер констатировал, что революционное правительство не имеет твердой почвы под ногами.

Любопытным штрихом, дающим представление о том, насколько оппозиции удалось уже оттеснить робеспьеристов от реальной власти, может служить то, что эта речь от 9 июля (21 мессидора) была опубликована спустя девять дней, а не как обыкновенно — через два-три дня после произнесения. Следующее выступление Робеспьера — речь его у якобинцев 11 июля (23 мессидора) вовсе не была напечатана в правительственном органе. В этот день Робеспьер сумел добиться исключения из клуба Дюбуа-Крансе и вызова Фуше для объяснений. Парируя удар, нанесенный ему в клубе, Фуше через день добился постановления Конвента, предложившего Комитетам общественного спасения и общественной безопасности представить доклад о его деятельности во время его командировок.

Предвидя возможный переворот, Робеспьер-младший заявил в клубе 11 июля (23 мессидора) после речи брата: «я не ищу иной славы, чем славы общей могилы с ним». Кутон сказал: «Все патриоты — друзья и братья. Что касается меня, я хочу разделить кинжалы, направленные против Робеспьера». Тогда в зале многие закричали: «И мы тоже».

14 июля в Якобинском клубе было прочитано письмо Фуше, просившего предоставить ему возможность выступить после того, как Комитеты общественного спасения и общественной безопасности представят доклад о его деятельности. Воспользовавшись письмом Фуше, считая почву достаточно подготовленной, Робеспьер выступил с громовой речью, открыто изобличая Фуше, как главу заговорщиков, связанного с большим кругом лиц и в первую очередь с тем, кто вместе с ним действовал в Лионе. Это было все равно, что прямо назвать Колло-д'Эрбуа по имени. Фуше тотчас же исключили из Якобинского клуба.

Контрреволюционные заговорщики сразу же усилили свои происки. Оказавшись на положении официально заклейменного, Фуше усиленно вербовал сторонников, выяснял единомышленников, пугал колеблющихся. Он подходил к членам Конвента и с видом полной осведомленности и с величайшей осторожностью сообщал каждому депутату, что он внесен якобы в составленный Робеспьером список лиц, подлежащих уничтожению. Среди болота, молчаливого и внешне покорного, почти не было депутата, который не имел бы какого-нибудь пятна и преступления на своей совести. Пользуясь страхом этих людей перед революционным пра-

восудием и их скрытой враждебностью к революционной демократии Фуше и ему подобные постепенно крепко связывались с большинством Конвента. Надо иметь в виду, что за депутатами болота стояли круги буржуазии, до поры до времени мирившиеся с диктатурой во имя интересов буржуазной революции, но тем сильнее жаждавшие наступления момента, когда можно будет от нее избавиться. Такой момент, казалось, уже приближался...

14 июля (26 мессидора) была очень скромно отмечена годовщина взятия Бастилии: в непосредственной близости к новым столкновениям было не до чествования старых. Но «братские» трапезы и кампания «всеобщего примирения» не прекращались. 13 и 15 июля (25 и 27 мессидора) Пэйян в энергичных речах пытался изобличить коварный смысл распространяемого мнения о скором окончании войны, о возможности снисхождения к врагам народа и клеймил «братские» ужины, инициаторами которых могли быть только враги отечества.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 9—10 ТЕРМИДОРА II ГОДА РЕСПУБЛИКИ (27—28 июля 1794 г.)

Внешнее положение республики складывалось в этот момент вполне благоприятно. Наступающие французские армии смело продвигались вперед. 3 июля они овладели Остенде, 8 июля вошли в Брюссель и уверенно направлялись к границам Голландии, к Рейну, за Альпы и за Пиренеи. Каждый день приносил свидетельства об успехах революции и приближал окончание войны. Но все более широкие круги буржуазии склонялись к политике завоеваний и ограбления других народов, используя для этого революционную национальную армию.

Городская и деревенская буржуазия видела теперь в революционно-демократической диктатуре только помеху к беспрепятственной безудержной эксплоатации народа, помеху к осуществлению захватнических планов; ее раздражало в якобинском режиме его революционное народное происхождение, его освободительные традиции, его преданность идеям демократии. Окрепнув и прочно став на ноги, буржуазия спешила устранить диктатуру, ликвидировать революционный террор.

С устранением угрозы внешней опасности, необходимость в мобилизации народных масс для защиты буржуазной революции отпадала; открывались возможности обнажить действительный смысл происшедшего в 1789—1794 гг. буржуазного переворота как смены одной формы эксплоатации другой.

«Буржуазная революция, — пишет товарищ Сталин, — не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми»... [1]

К лету 1794 г. якобинская диктатура, в силу ослабления ее связей с плебейскими массами, обнаружила неспособность отразить нарастающую угрозу контрреволюционного переворота. Буржуазные заговорщики только ждали подходящего момента для удара по робеспьеристам.

Об антиробеспьеристском заговоре не только циркулировали слухи по всей стране, о нем не только информировали и запрашивали находившиеся в миссии депутаты и отдельные чиновники, даже иностранная пресса с ручательством за достоверность сообщала о нем своим читателям. Депутат Жилле переслал 11 июля в Комитет общественного спасения № 361 брюссельской газеты «Универсальный вестник» («Mercure Universel»), в котором сообщалось, что Тальен и Бурдон возглавляют фракцию,

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М. 1939, стр. 112.

готовящую свержение революционной диктатуры. Робеспьеристам это было известно лучше, чем кому-либо другому.

19 июля (1 термидора) председателем Конвента был избран Колло д'Эрбуа. После публично установленной Робеспьером связи между Фуше и Колло, избрание последнего говорило о решимости большинства Конвента к открытому выступлению против робеспьеристов. Стремясь внести раскол во враждебное большинство и перетянуть на свою сторону часть болота, Робеспьер в тот же день в Якобинском клубе говорил: «Конвент в целом чист; он вне опасений так же, как вне преступлений. Он не имеет ничего общего с горсткой заговорщиков». Большинство клуба враждебно реагировало на речь Робеспьера, избрав тогда же председателем клуба Эли Лакоста, члена Комитета общественной безопасности, безусловного противника робеспьеристов.

На следующий день, 20 июля (2 термидора), Барер, после сообщений Конвенту об очередных триумфах армии, в достаточно ясных выражениях осудил якобы диктаторские поползновения Робеспьера.

Фуше в тот же вечер писал сестре: «Еще несколько дней — и истина и справедливость блестяще восторжествуют». Нет нужды пояснять, что под торжеством истины и справедливости Фуше скромно подразумевал переход власти в руки заговорщиков.

23 июля (5 термидора) на заседании Комитетов заговорщики, после бурного объяснения с Робеспьером, видимо, сделали попытку лицемерного примирения и даже поручили Сен-Жюсту подготовить обширный доклад Конвенту. О скрытых целях своего поведения Барер, в частности, признавался впоследствии с полной откровенностью. Так, 27 марта 1795 г. (7 жерминаля III года), он говорил: «Мы полагали, что с Робеспьером, который был тогда популярен, надо притворяться, что надо льстить его тщеславию и путем расхваливания побудить его перейти к открытой атаке...»

Заговорщики не игнорировали ни одной из деталей общей обстановки. Полагая, что стоящие в Париже артиллеристы сочувствуют робеспьеристам, Карно и его подчиненные приняли меры к их удалению из столицы. Одновременно усиленно отправлялись из Парижа орудия и другое вооружение. Все это делалось из опасения, что в решающий момент робеспьеристы будут апеллировать к армии и поднимут ее против контрреволюции, а также вооружат народ.

Но робеспьеристская Парижская коммуна, как нарочно, сыграла на руку заговорщикам. Задевая интересы рабочих, как раз 23 июля (5 термидора) она утвердила новые ставки максимума заработной платы, вызвавшие открыто выраженное недовольство в предместьях.

Удовлетворенный Фуше писал в этот день другу: «Еще несколько дней — и мошенники и убийцы будут опознаны... Сегодня, быть может, мы разоблачим изменников». По мере приближения кульминационного момента кризиса Фуше наглеет и не прикрывается больше словами об истине и добродетели.

Заговор заметно ширился, он выходил за рамки Конвента и Якобинского клуба. 5 термидора два члена Комитета общественной безопасности — Амар и Вуллан — посетили тюрьмы и вступили в контакт с заключенными в них жирондистами.

На другой день у дверей Конвента раздавались возмущенные крики революционной толпы: «Надо повторить 31 мая». Робеспьер поспешил осудить этот призыв, чем лишний раз продемонстрировал, что он отклоняет народную поддержку и не желает вмешательства масс в борьбу. Кутон, обращая внимание якобинцев на вывод гарнизона и вывоз оружия из Парижа, предложил направить в Комитет общественного

ВЫСТУПЛЕНИЕ РОБЕСПЬЕРА В ЯКОБИНСКОМ КЛУБЕ 26 ИЮЛЯ 1794 г.
Гравюра неизвестного художника

спасения делегацию для осведомления об этих фактах. Клуб решил направить делегацию в Конвент.

Открытое наступление контрреволюционного блока на якобинцев

7 термидора заседание Конвента открылось выступлением этой делегации, оратор которой указал на необходимость борьбы с интригами и призывал к суровой справедливости, успокаивающей честных людей и устрашающей заговорщиков. Эти общие слова произвели слабое впечатление, и Конвент с исключительным одобрением отнесся к Дюбуа-Крансе, поднявшемуся после депутации на трибуну. Отозванный из миссии по обвинению в покровительстве лионским мятежникам и в других преступлениях, Дюбуа-Крансе, учтя обстановку, дерзко и прямо назвал Робеспьера клеветником и интриганом. Конвент тотчас же предложил Комитетам в трехдневный срок представить доклад о поведении Робеспьера. Это был вызов на открытый бой. Барер в длинном выступлении обрушился на тех, кто якобы замышлял новые проскрипции. Вечером заговорщики встретились на квартире у Колло-д'Эрбуа.

8 термидора (26 июля) Робеспьер, после небольшого перерыва, выступил в Конвенте. Его речь клеймила интриганов, клеветников, заговорщиков, он подтверждал необходимость революционного режима и разоблачал злоупотребления террором: он обрушился на Карно, Барера, Камбона, на Комитет общественной безопасности, призывал к справедливости и требовал чистки правительственных комитетов, подчинения Комитета общественной безопасности Комитету общественного спасения и укрепления верховной власти очищенного Конвента. С презрением говорил он об этих людях, которые называют его тираном, но которые ползали бы у его ног, если бы он действительно захотел злоупотребить своею властью и осыпал бы их золотом.

Напуганные внезапно развернутым наступлением, заговорщики сначала смешались. Лекуэнтр предложил даже напечатать речь Робеспьера, но, поняв опасность игры в такой ответственный момент, Бурдон энергично запротестовал и потребовал передачи речи на предварительное рассмотрение Комитетов. После полной уверток речи Барера и страстного выступления Кутона Конвент принял решение отпечатать речь Робеспьера и разослать ее по секциям, но тотчас же Вадье, Камбон, Билло-Варенн обрушились на Робеспьера. Теперь, когда левые вступили в бой, Панис потребовал у Робеспьера и Кутона сообщения имен обвиняемых ими депутатов. Бантаболь, Шарль, Амар, Тюрио, нападая на Робеспьера, предложили отменить декрет о рассылке его речи. Их поддержал Барер. Конвент отменил только что принятое решение.

Борьба робеспьеристов в Конвенте была проиграна. Ее нужно было перенести за стены Конвента, на улицы. Робеспьер ограничился Якобинском клубом. Вечером он повторил свою утреннюю речь в Якобинском клубе, и ему удалось добиться видимого успеха: Колло-д'Эрбуа и Билло-Варенн были исключены якобинцами из клуба. Но на апелляцию к массам робеспьеристы не решились.

В тот же вечер и в ту же ночь на 9 термидора заговорщики распределяли роли и проводили последнюю подготовку к перевороту. Они перетянули на свою сторону виднейших представителей болота, которые обещали голосовать против Робеспьера, если будет отменен террористический режим. Было ясно, что ближайший день должен решить исход этого конфликта. Зная, что влияние робеспьеристов в Якобинском клубе парализуется агитацией левых, что генералы ненавидят террор и связаны с Карно, что плебейские секции ропщут против введенного Коммуной нового максимума на заработную плату, что внешнеполитические успехи революции притупили бдительность патриотов, что авторитет Робеспьера сильно поколеблен, — заговорщики спешили с развязкой.

События 9—10 термидора

Когда 9 термидора (27 июля 1794 г.) Сен-Жюст начал в Конвенте порученный ему Комитетом доклад, он был прерван Тальеном, обвинившим его и Робеспьера в отрыве от Комитетов. Билло-Варенн сообщил о событиях, имевших место накануне в Якобинском клубе. Леба попытался выступить, но ему не дали слова. Продолжая свою речь, Билло,—под возгласы: «да погибнут тираны»,—обвинял Робеспьера в попытках свергнуть власть Конвента, в покровительстве врагам народа, в спасении от ареста одного из служащих Комитета общественного спасения, укравшего 114 тыс. ливров. Робеспьер бросился к трибуне. Его встретил крик: «Долой тирана!» Председательствовавший Колло предоставил слово Тальену. Громя «нового Катилину», «тирана», «новых Верресов», Тальен потребовал ареста начальника парижской национальной гвардии, робеспьериста Анрио. Это был переход к практическому осуществлению программы переворота. Билло-Варенн предложил арестовать также робеспьеристов Дюма, Буланже, Дюфреса. Конвент декретировал эти аресты. По дополнительному предложению Дельмаса было решено арестовать помощника и адъютантов Анрио.

Робеспьер многократно пытался добиться слова. Он охрип от крика и закашлялся. Тогда Гарнье крикнул ему: «Тебя душит кровь Дантона!». Робеспьер ответил: «Значит, вы мне мстите за Дантона!»

По инициативе Барера были приняты угрожавшие Коммуне и Анрио постановления. Наконец, когда Колло уступил председательское кресло Тюрио, малоизвестный депутат Луше, тайный агент роялистов, потребовал ареста Робеспьера. Робеспьер-младший и Леба заявили о том, что разделят судьбу Робеспьера. Были арестованы оба Робеспьера, Сен-Жюст, Кутон, Леба. Приближался вечер.

ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА НА ПЛОЩАДИ ПЕРЕД РАТУШЕЙ
Гравюра Гельмана, рисунок Монне

А как раз в это время у здания Коммуны толпились рабочие, протестуя против невыгодных ставок максимума заработной платы. Парижские каменщики готовили стачку.

Когда попытались арестовать Анрио, он оказал сопротивление, велел бить сбор и созвать секции. В порыве безрассудной отваги, он бросился в Комитет общественного спасения, надеясь освободить Робеспьера, но был арестован сам. Всех задержанных депутатов спешили развести по тюрьмам. К вечеру, однако, сторонники робеспьеристской Коммуны ворвались в Конвент, нашли там Анрио и освободили его. Не завершив дела, не использовав явной удачи, робеспьеристы допустили ошибку: они не попытались закрепить за собой здание Конвента, разогнать депутатов, арестовать вождей заговора. Им было тем легче сделать это, что они имели на своей стороне Коммуну, значительную часть Якобинского клуба и национальной гвардии, по крайней мере ее командиров. Однако дело было погублено медлительностью и нерешительностью восставших.

Постепенно перед Коммуной собирались вооруженные группы. Коммуна, по требованию Пэйяна, провозгласила восстание, мобилизовала канониров секций с их пушками и декретировала арест четырнадцати депутатов-заговорщиков. Созданный из девяти членов Коммуны Исполнительный комитет должен был возглавить восстание. С нетерпением ждали прибытия Робеспьера, которого, как было известно, администрация люксембургской тюрьмы отказалась принять. Но Робеспьер медлил и лишь около 9 часов вечера появился в Ратуше. Кутон, освобожденный Коммуной вместе с другими арестованными, долгое время не желал покинуть тюрьму и прибыл в Коммуну далеко за пол-

АРЕСТ РОБЕСПЬЕРА В ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ В НОЧЬ НА 28 ИЮЛЯ 1794 г.
Гравюра Тассера, рисунок Монне

ночь. Лишь Леба и Робеспьер-младший активно помогали Исполнительному комитету.

Якобинский клуб ограничился установлением связи с Коммуной и объявлением своих заседаний непрерывными. В самой Коммуне явно царила растерянность, обнаруживалось полное отсутствие программы действий. Робеспьер все еще не решался апеллировать к народу. Правда, было принято воззвание, делавшее ответственным за новые ставки заработной платы Барера, но ничего не было сделано для распространения воззвания. Народная масса столицы была оставлена вне поля битвы якобинцев с буржуазной контрреволюцией.

В полночь соотношение сил изменилось в пользу Конвента. На сторону последнего сразу и без колебаний встало около одной трети секций, и скоро число их увеличилось до половины. Это были прежде всего секции с очень значительным буржуазным составом населения. Позиция мелкобуржуазных секций отличалась нерешительностью и изменчивостью. Ряд из них высказался за Конвент только после колебания и внутренней борьбы. В секции Брута произошел раскол. Секция Республики осталась нейтральной. Целый ряд мелкобуржуазных секций высказался за Коммуну, но потом в ходе событий перешел на сторону Конвента. Из секций со значительным ремесленно-рабочим населением активно поддержали Конвент две центральные секции — Гравилье и Бон-Нувель, в которых раньше было сильно влияние Жака Ру и Эбера.

Северо-восточные и юго-восточные секции предместий Парижа, где было много рабочего населения, обнаружили большую нерешительность и фактически в большинстве своем остались нейтральными. Представители их комитетов, а иногда и общих собраний, делали заявления в Коммуну о верности ей, но потом большинство секций и предместий высказалось за Конвент.

ЗАКРЫТИЕ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА В НОЧЬ НА 28 ИЮЛЯ 1794 г.
Гравюра Малапо, рисунок Дюплесси-Берто

Одна из самых революционных секций — секция Кенз-Вен — объявила о своем нейтралитете. Из секций южных предместий только одна секция Обсерватории оставалась до конца верной Коммуне. За Коммуну высказались общие собрания только восьми демократических секций — четырех мелкобуржуазных и четырех ремесленно-рабочих. Созданные в последних комитеты принесли присягу Коммуне. Но и эти восемь секций не оставались до конца верными ей. Враги Робеспьера ловко маневрировали: они использовали в своих целях недовольство и раздражение рабочих против нового тарифа заработной платы, установленного 5 термидора. Будущие термидорианцы вели агитацию, разжигая недовольство во всех слоях населения: и среди буржуазии аристократических кварталов и среди измученных рабочих парижских предместий. Они рассылали своих агентов и подготавливали восстания. Рабочим они обещали уничтожение максимума заработной платы, крупной буржуазии — уничтожение диктатуры.

С другой стороны, Коммуна и сторонники Робеспьера были недостаточно энергичны, — не сумели увлечь за собой секции; поэтому демократические секции, которые были на стороне Коммуны, проявили пассивность, оказались нейтральными. Пассивность демократических секций при активности буржуазных секций и погубила восстание, поднятое робеспьеристской Коммуной.

Заседание Конвента началось в 7 часов вечера. Бурдон (из Уазы) и Мерлен (из Тионвиля) доложили о восстании, поднятом Коммуной и Якобинским клубом; они указали на всю серьезность положения. Билло-Варенн сделал заведомо ложное сообщение, будто Анрио направил отряд национальной гвардии с пушками против Конвента.

Таким образом, вечером 9 термидора, позиция Конвента была сперва выжидательной; но вскоре Конвент сумел проявить ту решимость,

которая при пассивности робеспьеристов привела его к победе. Конвент спешно мобилизовал силы. Одна за другой на его призыв являлись буржуазные секции. Он объявил вне закона Робеспьера и арестованных 9 термидора депутатов, Коммуну и всех ее сторонников.

К 2 часам ночи перевес вооруженных сил окончательно был на стороне Конвента. Гревская площадь, заполненная вечером 9 термидора канонирами и пушками, теперь почти опустела, наоборот около Конвента собрались под начальством Барраса колонны секций, ставших на сторону Конвента.

После двух часов ночи Баррас, узнав, что Гревская площадь почти опустела, решил перейти в наступление. Две колонны вооруженных сил Конвента проникли почти без сопротивления на Гревскую площадь и в 2—2½ часа ночи неожиданно вторглись в здание Коммуны. Жандарм Меда выстрелом раздробил Робеспьеру нижнюю челюсть. Робеспьер-младший бросился из окна и сломал себе ребро. Леба застрелился. Сен-Жюст с достоинством ждал того исхода борьбы, который он считал неизбежным при позиции, которую занял Робеспьер, отказавшийся, вопреки его совету, от диктатуры. Арестованные депутаты были приведены в Конвент, а потом отосланы в Комитет общественной безопасности, где и провели под строгой охраной последнюю ночь. Наступили дни казней. На следующий день, 10 термидора (28 июля), в 6 часов вечера без суда были казнены Робеспьер и 22 его ближайших соратника, а в следующие два дня было гильотинировано еще несколько десятков его сторонников. Большинство среди них принадлежало к членам Коммуны.

Когда Робеспьера и его друзей везли на гильотину, из толпы кричали «к чорту максимум».

Секции, обнаружившие накануне колебания, старались теперь доказать Конвенту свою преданность. Конвент же стремился показать, что все секции были на его стороне.

В ряде мест Франции не хотели верить известиям о происшедшем перевороте и даже пытались арестовывать тех, кто сообщал об аресте Робеспьера. Республиканские армии, успешно сражавшиеся на неприятельской территории, не подозревали, что демократической республике нанесен смертельный удар. Некоторые искренние сторонники бедноты, как Бабёф, сначала не понимали реакционного характера переворота 9 термидора.

Переворот 9—10 термидора открыл путь к власти контрреволюционному большинству буржуазии и был направлен против тех социально-экономических и политических мероприятий якобинской диктатуры, которые казались стеснительными для безудержного развития новой и старой буржуазии. Он был началом пути, приведшего к установлению военной диктатуры наполеоновского правительства, «...которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии». [1]

[1] И. Сталин. О недостатках партийной работы и о мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. М. 1937, стр. 10.

Глава двенадцатая

ФРАНЦУЗСКИЕ КОЛОНИИ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

САН-ДОМИНГО

КОЛЛИЗИЯ классовых и международных противоречий отразилась как нельзя более ярко в колониальной политике Франции и в событиях, происходивших в ее колониях.

Созыв Генеральных штатов застал население колонии Сан-Доминго в очень возбужденном состоянии. Пример Соединенных Штатов пробуждал у местных плантаторов желание также освободиться от экономической эксплоатации метрополии и если не порвать с ней совсем, то, во всяком случае, добиться автономии. Существенную роль в общем недовольстве играло стеснение торговых сношений законом 1727 г. об исключительном праве метрополии на торговлю с колониями и, как следствие этого, неудовлетворительное снабжение их. Раздражало также искусственное снижение цен на сбываемое колониальное сырье, что являлось неизбежным результатом монопольного положения покупателей. Свободное население колоний было охвачено волнением в ожидании открытия Генеральных штатов, оставаясь в полной неизвестности, будут ли допущены туда его представители. Как бы то ни было, делегаты были избраны и отправлены во Францию.

Классовые противоречия в Сан-Доминго

Население Сан-Доминго делилось на несколько резко обособленных и враждебных групп. Первенствующее положение занимали крупные землевладельцы-креолы, т. е. французы, родившиеся в колонии, так называемые «grands blancs», за ними следовали мелкие белые плантаторы, адвокаты, коммерсанты, ремесленники, составлявшие группу «petits blancs». Особняком стояли мулаты, к которым белые относились с нескрываемым пренебрежением, несмотря на то, что среди них было не мало таких же видных коммерсантов и землевладельцев, и почти треть кофейных и сахарных плантаций в колонии принадлежала им. На последней ступени общественной лестницы находились сотни тысяч чернокожих рабов, которых ни белые, ни мулаты не считали за людей, «безвольная, забитая, лишенная способности к сопротивлению масса».[1] Под впечатлением доходивших из Франции

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 172.

слухов о намерении Национального собрания предоставить политические права «цветным» и дать свободу рабам, классовые противоречия еще более обострились. Ни белые, ни мулаты не желали лишаться даровой рабочей силы, а «grands blancs» не допускали и мысли об уравнении с ними в правах «цветных», мечтая, наоборот, об увеличении своих привилегий за счет прав метрополии.

Мулаты же с трепетом прислушивались к принципам свободы и равенства, провозглашаемым Учредительным собранием, и ожидали призвания их к участию в политической жизни колонии на равных правах с белыми.

По мере поступления все новых волнующих известий надежды белых и мулатов разгорались, и возбуждение возрастало. Всех охватил революционный энтузиазм. Все стали носить трехцветные кокарды; в приходах, на которые делились провинции Сан-Доминго—Северная, Западная и Южная, — возникли комитеты, появились патриотические общества.

Известие о провозглашении Учредительным собранием прав человека и гражданина напугало «белых» (grands blancs). Они усматривали в этом событии угрозу своим прерогативам и, не теряя времени, пошли прямо к намеченной цели — захвату власти над колонией, в расчете на отложение ее от Франции.

Во главе сепаратистского движения стояла Северная провинция с ее многочисленным и богатым белым населением, поддерживающим «белых» (grands blancs). Именно здесь, в главном городе провинции — Кап-Франсэ, была избрана в 1788 г. делегация, посланная в Генеральные штаты с поручением добиться для Сан-Доминго права представительства. Здесь же образовалось из делегатов всех провинциальных приходов первое Провинциальное собрание Севера, открывшееся 1 ноября 1789 г. под председательством крупнейшего землевладельца, Бакон-де-ла-Шевальри, который сразу направил его по заранее намеченному руслу.

Провинциальное собрание немедленно объявило себя единственной законной властью провинции, подчинило себе расположенные в ней военные части и полицию, приняло на себя контроль над финансами и аннулировало составленный в начале года наказ делегатам в Генеральные штаты. На робкое напоминание губернатора о существовании верховной власти Собрание устами своего председателя категорически ответило, что колония «Сан-Доминго... присоединилась к Франции по доброй воле, с условием платить только те налоги, на которые она изъявит свое согласие», и что «получив власть от провинции, Собрание сделало то, что должно было сделать».

Затем введена была строжайшая цензура книг и корреспонденции, как частной, так и официальной, которая не пропускала ни малейшего намека на желательность или возможность равноправия мулатов и освобождения чернокожих.

Вопрос о колониях и о рабстве в Учредительном собрании и политических организациях Парижа

Между тем, прибывшие в Париж 18 делегатов Сан-Доминго были встречены довольно холодно. Их усилия добиться представительства колоний не вызывали сочувствия. Политические круги метрополии разделялись в это время, по своим взглядам на колониальный вопрос, на две группы, отражавшие разногласия по этому вопросу внутри буржуазии.

К одной из них принадлежали влиятельные аристократы—богатейшие землевладельцы и рабовладельцы колоний, крупные судовладельцы и коммерсанты, наживавшиеся на поставке рабов в Вест-Индию в обмен на колониальные продукты и потому кровно заинтересованные в сохранении существующего положения, а также колониальные администраторы, вроде Малуэ, горячо отстаивавшего неприкосновенность права

ФРАНЦУЗСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В САН-ДОМИНГО в 1789 г

По карте к книге 1797 г. «Описание французской части о-ва Сан-Доминго» Морэ де Сен-Мери (Moreau de St.-Mery) из атласа А. Бретта (A. Brette).

ВЕСТ-ИНДИЯ в 1789 г.

Принадлежность островов показана сокращениями: (В) — Великобритания, (Д) — Дания, (И) — Испания, (Н) — Нидерланды, (Ф) — Франция.

собственности на людей. Часть этой группировки образовала клуб «Колониальный комитет», под председательством маркиза Гуи-д'Арси. Другим центром объединения сторонников status quo явилось «Корреспондирующее общество французских колонистов», более известное под именем клуба «Массиак», по имени маркиза де-Массиак, в особняке которого происходили с июня 1789 г. собрания этого общества.

Несмотря на некоторые расхождения в методах деятельности, идеология и цели обеих организаций были одни и те же: ограждение прав крупного землевладения и незыблемость классового неравенства, рабовладения и работорговли. Особенной активностью отличался клуб «Массиак». Пользуясь своими связями при дворе, его члены воздействовали на правительство, а депутатов Национального собрания привлекали в свою среду искусной тактикой и подкупами. В члены клуба вступили Барнав и братья Ламеты, не чуждались его и первые члены Якобинского клуба, например Сантонакс и Польверель и даже Робеспьер, приглядывавшийся к своим политическим противникам. «Отель Массиак» поддерживал теснейшую связь и оживленную корреспонденцию с крупными промышленниками и коммерсантами Бордо, Кале, Дюнкерка, Руана и пр., а также с Сан-Доминго, с депутатами которого у него впоследствии установился полный контакт.

На диаметрально противоположной позиции стояло «Общество друзей чернокожих», основанное в 1788 г. Бриссо, Кондорсе и Сиейесом, по образцу английского «Общества уничтожения рабства». В него входили по преимуществу представители буржуазной интеллигенции, выступавшие под флагом «гуманности» и прав «человека». Но были среди его членов и промышленники и финансисты, заинтересованные в свободной торговле и нуждавшиеся в свободном труде. В числе прочих к обществу примкнули Лафайет, Мирабо, Неккер, Петион, Лепелетье-де-Сен-Фаржо. «Друзья чернокожих» пользовались всяким представлявшимся случаем, чтобы настаивать, устно и в печати, на необходимости воспрещения работорговли, постепенного освобождения рабов и уравнения «цветных» в правах с белыми.

Как клуб «Массиак», так и «Друзья чернокожих» приняли сан-доминг-ских делегатов недружелюбно: первые — потому, что не хотели колониального представительства в Генеральных штатах, которое закрепило бы подчиненное положение колонии, тогда как они стремились к ее самостоятельности; вторые — потому, что не считали вновь прибывших правомочными представителями всего населения Сан-Доминго. Тем не менее, делегаты были временно допущены в Собрание и участвовали в клятве в зале для игры в мяч, 20 июня 1789 г. Но при дальнейшем обсуждении колониального представительства и отводимых для него мест вопрос о том, кого именно представляет делегация, был поставлен ребром. На заседании 27 июня один из депутатов отказался признать законность делегации на том основании, что «рабы не могут быть представлены своими господами». А 3 июля Мирабо обрушился на делегатов со всей свойственной ему горячностью, крича: «К кому причисляют колонии своих негров и цветных, к людям, или к скоту?.. Цветные [мулаты] свободны, владеют имуществом и платят налоги, и все же их не допустили к выборам! Если колонисты желают считать негров и цветных людьми, то пусть они освободят первых, чтобы все могли избирать и быть избранными. Если же нет, то просим их заметить, что при установлении относительного числа депутатов французского населения мы не принимали во внимание количество лошадей и мулов, и претензии колоний на 20 депутатских мест просто смешны». После долгих препирательств, 4 июля Собрание постановило, наконец, предоставить Сан-Доминго шесть мест и дать право

еще шести делегатам присутствовать на заседаниях, не принимая в них участия.

Национальное собрание, с согласия морского министра де-ла-Люзерн, в ведении которого состояли колонии, предоставило колониям право созыва временных совещательных колониальных собраний с допущением в них «цветных». Но еще до получения декретов от 8 и 28 марта 1790 г. о компетенции и правах собраний в Сан-Доминго возникли Провинциальные собрания.

Сен-Маркское генеральное собрание

Северное собрание вступило бесповоротно на путь суверенного управления краем и обратилось к остальным провинциям с призывом последовать его примеру. В Южной провинции Провинциальное собрание открылось 15 февраля 1790 г. в г. Кэй, в Западной — несколько позже. Следующим шагом было их объединение и созыв Колониального собрания в составе 80 депутатов от Севера, 64 — от Запада и 58 — от Юга. Оно открылось 25 марта 1790 г. в г. Сен-Марке, в Западной провинции.

По своему классовому составу оно было исключительно представительством интересов крупных аграриев и крупной буржуазии, т. е. «белых» плантаторов, называвших себя скромно «земледельцами», а также негоциантов и адвокатов. 15 апреля они объявили себя «Генеральным собранием французской части населения Сан-Доминго» под девизом: «Сан-Доминго, закон, король и единение — наша сила».

Игнорируя напоминания губернатора о совещательной роли Собрания, предусмотренной декретом, Сен-Маркское собрание продолжало присваивать себе одну прерогативу власти за другой, умаляя мало-помалу значение Провинциальных собраний и совершенно не считаясь с колониальной администрацией. Вотированная им 28 мая Конституция подводила итоги сепаратистским стремлениям «белых» (grands blancs), поставив Сен-Маркское собрание на равную ногу с французским Учредительным в отношении законодательной власти в колонии. Принятие Конституции было равносильно объявлению автономии Сан-Доминго.

В то же время, чувствуя некоторую непрочность своего положения, в виду начавшихся разногласий с Провинциальными собраниями, Сен-Маркское генеральное собрание потребовало от населения подтверждения своих прав, но, не дожидаясь результатов голосования, объявило себя 6 июня 1790 г. утвержденным и установило ежегодное празднование этого дня. Это не остановило, однако, нарастания противоречий как среди единомышленников сен-марковцев, так и среди прочего населения. Воинские части из добровольцев из среды мелких коммерсантов и ремесленников отказались присягать Сен-Маркскому собранию и Конституции, решительно заявляя о своей преданности метрополии, любви к королю и покорности законодательной и исполнительной власти во Франции. Французское население разделилось на две партии: верных метрополии и королю «белых помпонов» и приверженцев Сен-Маркского собрания «красных помпонов».

Собрание издало 20 июня 1790 г. декрет об открытии портов для свободной торговли с иностранцами, с правом оплаты импортируемых товаров местными продуктами, и об изъятии контроля над товарообменом из юрисдикции агентов метрополии с передачей его в ведение муниципалитетов. Этот декрет не дал ожидаемых выгод. Усиленная агитация в сухопутных военных частях и на кораблях также не привела к желательным результатам. Полного успеха сен-марковцы достигли только на корабле «Леопард», стоявшем на рейде Порт-о-Пренса. Восставший экипаж «Леопарда» захватил даже 22 июня пороховые погреба в г. Леогане, но это не решало исхода борьбы.

Видя, что почва уходит из-под его ног, Собрание декретировало роспуск всех войск с заменой их наемной «национальной гвардией», а «Леопарду» поручило охрану Порт-о-Пренса. В ответ на приказ губернатора Пейнье «Леопарду» немедленно отплыть во Францию, корабль был отведен в Сен-Марк, гарнизон которого один во всей колонии поддерживал Собрание.

Губернатор, до этого момента проявлявший полную растерянность, применил решительные меры, начав с разгона Комитета собрания Запада в Порт-о-Пренсе. При поддержке Провинциального собрания Севера национальным войскам удалось окружить Сен-Марк. Собранию было дано 18 часов на самоликвидацию. Безвыходное положение заставило оставшихся 85 членов 7—8 августа 1790 г. сесть на «Леопард» и отплыть вместе с мятежным гарнизоном во Францию, где они были торжественно встречены по прибытии в Брест местным Якобинским клубом, не осведомленным об их сепаратистских тенденциях, а в Париже — членами клуба «Массиак».

Деятельность Сен-Маркского собрания, признанная декретом Учредительного собрания от 12 октября 1790 г. незаконной, послужила как бы исходным моментом восстаний и кровопролитной гражданской войны.

Недовольство белого населения усиливалось. «Белые» образовали приходские федерации, отказывавшиеся от повиновения администрации. Почти весь Юг слился в одну такую федерацию. Движение среди белого населения совпало с началом восстания мулатов и негров-вольноотпущенников.

Восстание мулатов

Свободное «цветное» население, численно почти равное «белому», оставалось долгое время спокойным, несмотря на недопущение к выборам депутатов в Генеральные штаты в конце 1788 г. и отстранение от участия в местных комитетах в августе — сентябре 1789 г. Только слухи о провозглашенном во Франции принципе равенства заставили мулатов и свободных негров встрепенуться. Но малейшие намеки на намерение использовать эти веяния свободы вызывали самый свирепый отпор со стороны «белых». Мулаты не умели или боялись сорганизоваться для отстаивания своих прав. Тем не менее им удалось избрать делегатов, и «белые» приходили в ярость при одном предположении, что уехавшим в Париж представителям «цветных» удастся добиться равноправия с ними. Преследованиям подверглись не только мулаты, но и «белые», осмелившиеся их поддерживать. Сенешаль-де-Бандьер в г. Пти-Гоав был осужден местным комитетом и повешен осенью 1789 г. за то только, что написал для мулатов петицию.

Если жившие в Париже плантаторы, члены клуба «Массиак», и соглашались выбросить мулатам небольшие подачки вроде участия в первичных выборных собраниях, но без права быть избираемыми, то «белые» в Сан-Доминго твердо стояли на своей непримиримой позиции, считая, что малейшие уступки «безумным требованиям цветных... стерли бы демаркационную линию между ними и «белыми»... спутали бы все основные конституционные принципы колонии». Рабство признавалось ими «благодетельным учреждением и фундаментом всего государственного здания» [1].

Мулаты не были допущены к участию в выборах в Сен-Маркское собрание, но к присяге ему их призвали, напоминая при этом, что их долг повиноваться «белым» и почитать их. Хотя закон не делал различия между «белыми» и свободными «цветными» жителями колонии, но на практике мулаты были обременены повинностями, им запрещалось носить европейские имена, есть за одним столом с «белыми», одеваться в те же материи, ездить

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 2, стр. 235—236.

в экипажах и т. п. Для них были закрыты профессии врачей, хирургов, золотых дел мастеров, они не допускались к занятию административных или военных постов и т. п. А между тем, по занимаемому ими положению в хозяйстве колонии они имели полное право претендовать на уравнение в правах с «белыми».

Представители мулатов в Париже — Оже, Жоли, Монбрен и Реймон — тщетно добивались в клубе «Массиак» и в Учредительном собрании признания прав свободного «цветного» населения Сан-Доминго. Упорное отрицание этих прав мулатов белыми привело мулатов в отчаяние и толкнуло на путь открытого сопротивления. Что касается негров, то мулаты заботились об их интересах так же мало, как белые о правах мулатов.

21 октября 1790 г. вернувшийся из Франции Оже высадился близ Кап-Франсэ, запасшись предварительно оружием в Соединенных Штатах для борьбы с привилегированными белыми. Ему удалось поднять восстание в ближайших поселках, и во главе нескольких сот мулатов он захватил и сжег несколько плантаций. Головы убитых плантаторов были унесены в качестве трофеев. Выпущенная Оже прокламация призывала депутатов Провинциального собрания Севера к исполнению мартовских декретов, указывая на тождество интересов депутатов с интересами мулатов в отношении рабовладения и колониальных нужд вообще. Если бы Оже не поспешил, а дождался подкреплений, ему удалось бы, по всей вероятности, широко развернуть восстание, так как почва для него была достаточно подготовлена. Но он стремительно бросился на Кап, и это его погубило. Белые и красные «помпоны» объединились перед лицом общей опасности. Мулаты были рассеяны, а Оже и его помощник Шаван бежали на испанскую территорию острова. Восстание было подавлено, белые ликовали и мстили мулатам всеми доступными им средствами. Последовал ряд репрессивных мер и казней. Более 100 мулатов было казнено, многие приговорены к тюремному заключению. Выданные испанским губернатором по требованию Северного собрания Оже, его брат и Шаван были колесованы.

Когда известия о восстании в Сан-Доминго достигли Парижа, Учредительное собрание реагировало на них решением послать в колонии гражданских комиссаров с широкими полномочиями для «беспристрастного» обследования и восстановления порядка и в сопровождении военных сил, достаточных для поддержания их авторитета.

Репрессии не удовлетворили белое население Сан-Доминго. Оно было недовольно и губернатором и особенно присылкой из метрополии двух батальонов в подкрепление гарнизону колонии. Когда прибыли корабли с солдатами, «красные помпоны» Порт-о-Пренса сумели возбудить их против нового губернатора Бланшеланда как представителя старого режима. Взбунтовавшиеся матросы и солдаты вместе с солдатами местного гарнизона и выпущенными ими из тюрьмы заключенными убили нескольких офицеров. Произошло это 4 марта 1791 г. Комитет Запада немедленно принял на себя управление провинцией, закрыв все организации «белых помпонов», и отдал приказ прервать сообщение с Францией, пока им не будет послан туда доклад о происшедшем в соответствующем освещении.

Таким образом, борьба креолов с мулатами осложнялась внутренней борьбой среди креольского населения.

1 августа 1791 г. в Леогане открылось созванное по декрету 8—28 марта 1790 г. Колониальное собрание, сразу же разделившееся на партию Севера, желавшую оставаться под суверенитетом Франции, и партию Запада (в которую входило много «леопардинцев»), стремившуюся к пол-

ВОССТАНИЕ НА САН-ДОМИНГО

Гравюра Жирарде, рисунок Аутвайта
Музей Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

ной независимости. Вскоре оно перебралось в Кап-Франсэ и погрузилось в свои организационные «белые» дела, в уверенности, что с «цветными» покончено, и не предвидя новой, страшной опасности, надвигавшейся на белых в виде восстания рабов.

Восстание рабов

Несмотря на строжайшее воспрещение законом каких бы то ни было сношений между рабами отдельных плантаций, негры все же умудрялись только им одним понятными способами поддерживать связь между плантациями и держать друг друга в курсе развертывающихся событий. Пока в Париже «Друзья чернокожих» доказывали в горячих прениях с «массиаками» необходимость дать, на основании естественных прав человека, свободу сотням тысяч безвинно страдающих в неволе негров (в 1789 г. в Сан-Доминго было 465 тыс. рабов, на Мартинике — 83 тыс. и на Гваделупе — 89 тыс.), священник Букман, управляющий плантацией в районе Капа, такой же раб, как и его товарищи, сумел сорганизовать рабов своего района и повел их в наступление против рабовладельцев. Совершенно неожиданно для администрации с 16 августа 1791 г. запылали плантации, начались избиения плантаторов и их семейств восставшими рабами, Кап-Франсэ наполнился беженцами. В четыре дня почти вся восточная часть Северной провинции покрылась пожарищами. За отсутствием достаточных сил для подавления принявшего грозные размеры восстания, Колониальное собрание решило обратиться к испанским властям, к англичанам на Ямайке и к Соединенным Штатам с просьбой «во имя человечности и обоюдных интересов» помочь французскому населению Сан-Доминго. Мулаты, испугавшиеся восстания рабов не менее белых плантаторов, предложили Собранию свою помощь для борьбы с неграми, которую последнее милостиво приняло. Губернатору было предоставлено руководство подавлением «мятежа».

Не трудно было разбить плохо организованные и плохо вооруженные негритянские полчища, особенно после того, как пал в бою их вождь Букман. Пленников истребляли без всякого милосердия. Однако к середине сентября восстание было только приостановлено, но не подавлено: волнения продолжались, и «белые» несли тяжелые потери. Судя по докладу делегатов Сан-Доминго Законодательному собранию 30 ноября 1791 г., за это время в одной только Северной провинции лишилось жизни более 1000 «белых», было сожжено свыше 1400 кофейных и сахарных плантаций, составлявших главное богатство колонии, и исчезло без вести более 15 тыс. рабов. К ноябрю восстанием была охвачена вся Северная провинция, и оно разлилось по Западной и Южной.

Белые плантаторы хорошо понимали, что для того, чтобы удержать мулатов в качестве союзников, необходимо было хотя бы частично удовлетворить их требования. Ведь за капскими мулатами, предложившими руку помощи перепуганным белым, стояли тысячи западных и южных плантаторов — мулатов и вольноотпущенников, озлобленных и потерявших терпение. Они не отказались от мысли силой добыть себе права; хорошо памятуя разгром Оже, они подготовляли восстание, втайне организуя комитеты, объединенные между собой. Когда же у властей возникли подозрения и начались обыски, множество мулатов Порт-о-Пренса и других городов удалилось на гору Шарбоньер, образовав там вооруженный лагерь под командой Бовэ (31 августа 1791 г.).

Теперь «белым» приходилось бороться на два фронта: с неграми и с мулатами; после понесенного ими от мулатов поражения, они оказались вынужденными заключить соглашение, которое закрепляло за мулатами политические права и безопасность.

Однако, как и следовало ожидать, в Порт-о-Пренсе это соглашение сочли незаконным. Преследования мулатов продолжались, договор грубо и умышленно нарушался на каждом шагу. Отчаявшиеся мулаты приняли тогда революционный девиз: «Жить свободными или умереть» и поклялись не слагать оружия, пока не добьются цели. Под влиянием проявленной ими твердости белые сами предложили заключить новое соглашение, что и было приведено в исполнение 19 октября. Претензии мулатов к этому времени повысились: они требовали роспуска Провинциального собрания Запада и отозвания белых депутатов Колониального собрания, допущения «цветных» во все представительные учреждения, полной амнистии, полной отмены квалификаций «свободный негр», «мулат», «квартерон», образования мулатского полка для обороны Западной провинции и т. п.

Примирение и заключение конкордата были отпразднованы торжественным молебном в присутствии командующих обеих сторон. После этого мулаты возвратили прежним владельцам большинство бежавших рабов, вставших под их знамена, оставив только 217 человек вожаков с тем, чтобы выпустить их на волю где-либо за пределами колонии. Несчастных возили с места на место, в заключение интернировали их возле Капа и там всех перебили.

Как и можно было предвидеть, успокоение носило временный характер. 21 ноября, после пожара, уничтожившего две трети города Порт-о-Пренса, произошло вооруженное столкновение между белой национальной гвардией и мулатскими войсками. Обвиненные в поджоге и изгнанные из города мулаты засели в вооруженном лагере Порт-о-Буке, откуда они могли ежечасно обрушиться на деморализованный страхом город. Некоторые мелкобуржуазные приходы Западной провинции встали на сторону мулатов, и в мулатские войска влились белые подкрепления, а во главе объединенных сил встали мулат Бовэ и «белый» Жюмекур. Движение охватило Северную и Южную провинции.

Деятельность гражданских комиссаров

В это время, 28 ноября 1791 г., долгожданные комиссары французского правительства, Мирбек, Рум и де Сен-Леже, высадились в Кап-Франсэ. Общей для всех посылаемых в колонии комиссаров инструкцией им предлагалось изучить причины волнений, «объединить вокруг себя наиболее уважаемых членов враждующих партий, образовав примирительный комитет, и добиться искреннего согласия», умиротворения, порядка и счастья местного населения, не исключая негров. При этом им давались широкие полномочия в области административных мероприятий.

То, что представилось глазам комиссаров, превзошло все их ожидания и опасения. Вся колония находилась в состоянии гражданской войны. Мулаты воевали с белыми и черными; «белые земледельцы», как они себя называли, враждовали с мелкобуржуазными креолами, черные рабы отказывались повиноваться как тем, так и другим и третьим. Комиссары потребовали от мулатов подчинения закону, но в их распоряжении не оказалось вооруженной силы для того, чтобы заставить сделать это. А вести со всех сторон становились все тревожнее. Север и Запад вовсе не повиновались властям, на Юге власть почти ускользнула от белых. Наконец, в январе 1792 г. столица колонии, Кап, подверглась нападению инсургентов, и только с трудом удалось отбросить их.

Колониальное собрание не только не желало оказывать помощи комиссарам, но всячески противодействовало им и дискредитировало их деятельность в глазах населения. Покушения на жизнь комиссаров заставили их, наконец, пригрозить, что они покинут колонию. Мирбек действительно уехал 1 апреля 1792 г.; Рум и Сен-Леже остались.

Порт-о-Пренс находился под постоянным страхом нападения объединенной бело-мулатской армии. Большая часть его лежала в развалинах, водоснабжение было прервано, съестные припасы доставлялись в самом ограниченном количестве путем реквизиции с торговых судов. Но всякие намеки на уступки и примирение встречали яростное сопротивление Провинциального собрания и муниципалитета. Они обвинили Сен-Леже в потворстве мулатам, в том, что он будто бы «поощрял преступления своими речами», возбуждали против него население и постановили выслать его из колонии. По словам самого Леже, «Провинциальное собрание, муниципалитет и командующий национальной гвардией противодействовали» всем его попыткам облегчить беды провинции. Они «обходили закон, заявляя, что будут подчиняться ему; никогда не оказывали сопротивления настроению толпы, а, наоборот, всегда следовали его поворотам; их мероприятия постоянно создавали препятствия к умиротворению». 10 апреля Сен-Леже также покинул колонию, чтобы лично доложить Законодательному собранию о создавшемся положении.

В Сан-Доминго оставался один Рум, местный креол, все еще не потерявший надежды достигнуть посредством ловкого маневрирования соглашения с Колониальным собранием и осуществления своих полномочий. Неожиданная помощь ему явилась в виде декрета 28 марта 1792 г., утвержденного 4 апреля, о предоставлении политических прав «цветным» людям и свободным неграм и об отправке подкреплений в Сан-Доминго. Пункт 2-й декрета предусматривал, что «все цветные и свободные негры допускаются к голосованию во всех приходских собраниях и могут занимать выборные должности при условии, что они достигли 25-летнего возраста, владеют недвижимым имуществом или же проживают в данном приходе не менее двух лет и платят налоги».

Доклады Мирбека и Сен-Леже показали депутатам Законодательного собрания, в каком ложном положении оказывались комиссары, не имея

никакой существенной опоры на местах. Борьба с интригующими друг против друга партиями и с разбушевавшейся гражданской войной оказывалась им не под силу.

Поэтому, приняв решение послать новых комиссаров, Законодательное собрание усилило их полномочия декретом от 15 июня 1792 г., который давал им право роспуска представительных собраний всех видов и степеней, приостановки действия изданных на местах указов, временного восстановления прежних судебных установлений. Колониальным властям повелевалось оказывать всемерную поддержку комиссарам; неподчинение им квалифицировалось как государственная измена. Декрет был вручен вновь отправленным комиссарам: Эло и якобинцам — Польверелю и Сантонаксу. Одновременно отправлялись подкрепления гарнизону Сан-Доминго: 5 тыс. национальных гвардейцев и 2 тыс. линейных солдат под командой генерала д'Эспарбеса.

Прибывшие в Кап 17 сентября 1792 г. новые комиссары встретили самый почтительный прием; но им было указано в то же время, что «никакое хозяйство в Сан-Доминго не может существовать без рабства. Не для того были куплены и привезены из Африки 500 тыс. дикарей-рабов, чтобы ввести их во французскую колонию в качестве французских граждан и с правами таковых. Превращение их в свободных людей физически несовместимо с существованием... европейцев.., свобода сделала бы из них бродяг, грабителей, убийц». Сантонакс отвечал на это, что судьба рабов зависит от организованных согласно Конституции Колониальных собраний. а еще несколько дней спустя, в воззвании комиссаров к населению, рабовладение объявлялось «необходимым для хозяйства и для процветания колоний». С первых же дней выявились, однако, симпатии комиссаров к «настоящему третьему сословию Сан-Доминго—мулатам», — и их враждебное отношение к касте «белых», «аристократов кожи». Д'Эспарбес, назначенный губернатором вместо Бланшеланда, встал во главе контрреволюционных элементов. Однако войска его не поддержали, и комиссары отправили его во Францию. Оставшись господами положения, комиссары разделились: Польверель уехал в Западную провинцию, Эло — в Южную, Сантонакс остался в Северной, где и занялся объединением мулатов и укреплением их положения, не упуская, впрочем, из виду волновавшихся рабов, подходивших по временам совсем близко к Капу. К февралю 1793 г. движение рабов в Северной провинции свелось к отдельным разрозненным нападениям.

Неловкая политика Польвереля в Западной провинции дала возможность роялисту, маркизу Борелю, которого сам же он допустил занять пост командующего национальной гвардией, снова поднять Порт-о-Пренс против метрополии.

Восставший город был окружен с моря и с суши. Комиссары — Польверель и поспешивший ему на помощь Сантонакс — вооружили не только мулатов, но и рабов негров. 14 августа, после двухдневной бомбардировки, наполовину уничтоженный ею город сдался. Комиссары потребовали с него 450 тыс. ливров контрибуции и отдали его на разграбление. Множество креольских аристократов погибло. Бо́льшая часть была посажена на корабли, которые должны были отвезти их во Францию. В колониальной гвардии образовался батальон «черных и цветных».

Разгром столицы колонии вызвал среди креолов взрыв негодования против комиссаров, потребовавший военного вмешательства. Одновременно усилились выступления негров на Севере, угрожавшие жителям Капа. Белых поддерживал новый губернатор, пытавшийся восстановить порядок в городе при помощи армии. Комиссары воспротивились этому и, видя слабость своих сил, призвали на помощь себе рабов. Около 10 тыс.

рабов обрушились на Кап-Франсэ, сея всюду смерть и разрушение, довершенное пожаром. Самый богатый город колонии, недавно еще центр цветущей провинции, был превращен в развалины. Этим был нанесен последний удар богатейшей из французских колоний. Убытки исчислялись сотнями миллионов. Более десяти тысяч колонистов эмигрировало в Соединенные Штаты.

Комиссары объявили свободными поддерживавших их негров, но успокоить негров и привести провинцию в состояние хотя бы относительного порядка они не сумели. Их неосторожность и неопытность, а с другой стороны — их нерешительность, вытекавшая из непонимания специфических черт сложившихся на острове своеобразных отношений, — привели их к политическим и тактическим ошибкам, которые облегчили врагам Франции возможность использовать тяжелое положение колоний в своих интересах.

В феврале 1793 г. Франция объявила войну Англии, в марте — Испании. Отдаленность Вест-Индских колоний от метрополии, их беззащитность, а особенно внутренняя борьба в колониях делали их легко уязвимым местом для нападения как со стороны Англии, так и со стороны Испании. Многотысячная армия восставших негров образовала на время заслон для французской колонии на границах испанского Сан-Доминго. Испанские власти постарались привлечь негров на свою сторону, снабжая их провиантом, оружием, подкупая негритянских вождей титулами и орденами и проводя усиленную роялистскую агитацию. В распоряжении комиссаров имелось полторы тысячи солдат на все три дезорганизованных провинции, в которых насчитывалось до 25 тыс. восставших рабов. Комиссары попытались послать парламентера к вождям негритянской армии, Жану Франсуа и Биассу, но те отказались иметь дело с представителями революционной Франции, не разрешившей негритянского вопроса, и перешли в наступление. Войска комиссаров, совершенно деморализованные, не выдержали натиска, и часть их бежала на испанскую территорию. Тогда (29 августа 1793 г.) Сантонакс провозгласил освобождение всех невольников, предвосхитив, таким образом, декрет Конвента об уничтожении рабства, от 4 февраля 1794 г. (16 плювиоза II года). Таким образом, единственно правильное и радикальное решение рабовладельческой, а с ней в значительной мере и колониальной проблемы периода буржуазной революции было принято с громадным опозданием.

Декрет Конвента, помимо того, что он был принят слишком поздно, не дошел до колоний: в результате интриги членов клуба «Массиак» и других плантаторов Сан-Доминго, проживавших в Париже, а также и леопардинцев, отправка декрета была задержана до 1795 года. Но даже если бы декрет и дошел до жителей колонии, он уже не спас бы положения. Он не мог погасить пламени классовой борьбы и не мог воспрепятствовать отпадению колоний от Франции.

Оккупация Сан-Доминго англичанами и испанцами

К этому времени во главе негритянской армии встал генерал Пьер-Доминик Туссен-Бреда, или Туссен-Лувертюр, сын раба плантации Бреда, талантливый организатор и полководец, с 1792 г. состоявший на испанской службе. Под его руководством негритянская армия продолжала борьбу с остатками республиканских «белых» и «цветных» войск. Тогда деморализованные белые офицеры и солдаты прибрежных городов прибегли к помощи англичан. Они поддерживали сношения с Лондонским кабинетом с самого начала восстания рабов, но до того времени Англия считала несвоевременным вмешиваться в дела Сан-Доминго. Теперь подходящий момент наступил: освобождение рабов было чревато опасными последствиями и для английских колоний.

3 сентября 1793 г. Венан-де-Шармильи заключил в качестве представителя Сан-Доминго с генерал-губернатором Ямайки Уильямсоном соглашение, по которому Англия должна была освободить «белых» от «угнетавшей их тирании», а 19-го два английских полка взяли городок Жереми и в скором времени овладели, почти без сопротивления, всей прибрежной полосой Западной провинции, кроме Порт-о-Пренса.

В свою очередь, к маю 1794 г., испанцы заняли две трети Северной провинции. Англия и здесь применила свои традиционные методы борьбы с противником: метод загребания жара чужими руками. Для захвата французских колоний она использовала эмигрантские армии Конде, сформировала отряды «белых» и мулатов, снабжая их продовольствием и вооружением.

После такой предварительной подготовки, англичане в результате трехдневной бомбардировки захватили 4 июня 1794 г. главный город колонии Порт-о-Пренс. Французы удерживались еще в Кап-Франсэ и Порде-Пэ на севере да на крайнем юге.

«Жемчужина Антильских островов» была отнята у Франции почти без борьбы.

МАЛЫЕ АНТИЛЬСКИЕ ОСТРОВА (МАРТИНИКА, ГВАДЕЛУПА И ДР.)

Классовые противоречия на Мартинике

Экономическое положение на Мартинике накануне революции как нельзя более благоприятствовало вспышке гражданской войны. Две группы ее белого населения оспаривали друг у друга власть и превосходство. С одной стороны — крупные землевладельцы, с другой — негоцианты столицы острова Сен-Пьера, в руках которых сосредоточилась не только торговля, но и кредит. К Мартинике приложимы в известной мере слова Энгельса: «Борьба буржуазии с феодальным дворянством есть борьба города против деревни... и решающим оружием буржуа в этой борьбе была их экономическая мощь, которая непрерывно возрастала...»[1] Связанные законом об исключительном праве метрополии на торговлю с колониями, плантаторы оказывались часто в самом стесненном положении: при чрезвычайном изобилии сахара, Мартиника, как и Сан-Доминго и другие острова Вест-Индского архипелага, постоянно нуждались в муке и других предметах. В таких случаях на помощь им приходили негоцианты, поставлявшие со своих складов товары и ссужавшие деньгами. К 1789 г. долг плантаторов сен-пьерским купцам достиг суммы в 20 млн. ливров. Плантаторы составляли олигархию острова, — в силу своего богатства, знатности, влияния — и относились с равным презрением как к своим рабам, так и к пришлому элементу — купцам. В политическом отношении их идеалом было самоуправление под протекторатом Франции. Революция была встречена и плантаторами и купцами с восторгом, как начало конца деспотизма метрополии.

К этим двум классам надо прибавить более 80 тыс. черных рабов, в восемь-девять раз превышавших численностью своих владельцев, и мулатов, стремившихся избавиться от стеснительных и оскорбительных обычаев и предрассудков, но первое время безмолвствовавших.

В 1789 г. на первый план выступил антагонизм между сен-пьерскими негоциантами и крупными землевладельцами «grands blancs», поддерживаемыми администрацией. Созданное по указу 17 июня 1787 г. Колониальное собрание, конечно, не могло разрешить классовых противоречий. Наоборот, оно обострило их, переложив всю тяжесть налогового об-

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М. 1938, стр. 134.

ложении с землевладельцев на горожан и коммерсантов. Раньше налоги были распределены между теми и другими поровну, но с 1788 г. на долю первых осталась одна шестая часть их, а остальные пять шестых должны были платить вторые.

Когда 14 сентября 1789 г. прибывший из Франции корабль привез в Сен-Пьер известие о взятии Бастилии и трехцветную кокарду, это было ознаменовано всенародным торжеством, во время которого исполняющий должность губернатора де-Вимениль продемонстрировал свою преданность принципу равенства тем, что публично обнял и поцеловал какого-то мулата, вызвав тем великое негодование креольской аристократии. На 16 ноября было созвано Генеральное собрание для выбора представителей во французское Национальное собрание и для составления наказа. Собрание это, заседавшее до 10 января 1790 г., занялось, однако, превысив свою компетенцию, административными реформами, отвечавшими интересам «белых», и открыло пять портов для торговли с иностранцами. Остров оказался под олигархическим управлением кучки землевладельцев, спешивших освободиться от зависимости сен-пьерских кредиторов: введение свободной торговли в четырех других портах явно подрывало значение Сен-Пьера. Сен-Пьер тщетно протестовал.

По словам одного жителя Сен-Пьера, Колониальное собрание состояло в большинстве своем из аристократов, «задолженность которых превышала стоимость их имущества, которые поддерживали беспорядок, чтобы не платить долгов, которые почти все считали себя дворянами, хотя некоторые из них были меньше чем ничто». Полномочия Колониального собрания были признаны только 19 приходами из 27. Тем не менее, оно объявило о своем намерении принять на себя законодательную власть в колонии. Уверенное в своей силе, Собрание приступило с благословения Вимениля к организации федерации приходов, чтобы изолировать Сен-Пьер. Избранные депутатами в Национальное собрание Артур Диллон и Моро-де-Сен-Мери получили наказ защищать интересы колонии, иначе говоря «белых» (grands blancs).

Наперекор всем обычаям Собрание решилось даже, с разрешения нового генерал-губернатора де-Дамà, мобилизовать себе в помощь целую армию негров, свободных и рабов. Сен-пьерцы, со своей стороны, начали тоже готовиться к вооруженной борьбе.

Собрание взяло в свои руки всю полноту власти, распоряжаясь губернатором как своим агентом и не замечая возрастающего беспокойства мулатского населения, отстраненного от всякого участия в политической жизни. Мулаты с лихорадочным волнением прислушивались к вестям из Франции и из Сан-Доминго. Декреты от 8 и 28 марта 1790 г. дали им полное основание домогаться равных с креолами прав. Между тем Сен-Пьер был занят войсками Колониального собрания, воспользовавшегося столкновением между белыми и мулатами, чтобы подвергнуть город репрессиям. Многие видные жители его, в ряде случаев крупные кредиторы членов Собрания, были приговорены к высылке, и только возмущение сен-пьерского гарнизона избавило их от нее.

Собрание объявило мятежными города Сен-Пьер и Фор-Руаяль, гарнизон и муниципалитет которого, при помощи белой и «цветной» милиции, поддержали сен-пьерцев. Собрание открывало порты для свободной торговли, сен-пьерцы запрещали ее. Эти противоречия сильно вредили французской торговле, но об интересах метрополии ни та, ни другая сторона уже не помышляли. Плантаторы вооружали своих рабов, образуя из них целые отряды.

Возбуждение росло и распространялось по всему острову, разгоралась настоящая гражданская война: Сен-Пьер олицетворял революцию, «белые» — феодальный режим. Мулаты соединились с «белыми», поскольку

борьба за политические права отошла на второй план перед борьбой за экономическое освобождение от ростовщического капитала сен-пьерцев.

Положение на Гваделупе

Аналогичный, если и не столь обостренный, антагонизм наблюдался на Гваделупе между портами Пуэнт-а-Питр и Басс-Терр. Указом 1784 г. открыт был для свободной торговли Пуэнт-а-Питр, но в 1786 г. новый указ отнял у него это право и перенес его на Басс-Терр. Оба города были готовы приветствовать ту власть, которая поддержит их претензии. Для примирения соперников право свободной торговли было предоставлено Колониальным собранием им обоим, и на некоторое время наступило спокойствие. Но роялистская политика губернатора де-Клюньи снова резко разделила два города: Пуэнт-а-Питр, куда переехали и Собрание и губернатор, встал на сторону старого режима, Басс-Терр — на сторону революции.

Гражданская война на островах

На помощь сен-пьерцам прибыла 17 сентября белая милиция с Гваделупы и Сент-Люси, но это не помогло им. Их поражение дало возможность генерал-губернатору де-Дамà привести в повиновение местные войска и население, напуганное военными действиями, а еще больше —эксцессами беглых негров-рабов. Союзники Сен-Пьера с других островов были немедленно удалены. Правительственные фрегаты блокировали порты Сен-Пьера и Фор-Руаяля, с суши их осаждала армия де-Дамà, и все же их жители не сдавались.

Как докладывал впоследствии Законодательному собранию член его Колониального комитета Гонен, «Мартиника разделилась на две сильные партии: с одной стороны, самая нетерпимая аристократия заняла место самого крайнего деспотизма; с другой стороны, восстание против злоупотреблений властью выродилось в полную анархию. Обе партии стремились только ко взаимному уничтожению; но они уравновешивали друг друга, обладая почти одинаковыми силами. На стороне плантаторов были большая часть землевладельцев, офицеры гарнизонов, корабли, стоявшие на рейдах, свободные мулаты, рабы-негры; за них стояли генерал и Колониальное собрание. В распоряжении партии Сен-Пьера имелись артиллерия, укрепления; его многочисленное население и значительная часть жителей Фор-Руаяля, гарнизоны Мартиники и Гваделупы; многочисленные добровольцы с соседних островов составляли его армию. Но пришельцы поглощали его запасы; Фор-Руаяль испытывал муки голода; ни из того, ни из другого города нельзя было выйти, не подвергая себя опасности погибнуть от пуль цветных или рабов, которые... угрожали Сен-Пьеру близким разрушением...»

Только верховная власть могла разрешить конфликт, и обе стороны призывали ее на помощь. Выслушав доклад Комитета колоний о положении на Мартинике, Учредительное собрание декретировало еще 27 ноября 1790 г. роспуск мартиникского Колониального собрания и посылку гражданских комиссаров, 4 линейных кораблей и 6 тыс. солдат на Малые Антильские острова для восстановления порядка.

Победа контрреволюции

По недосмотру или преднамеренно, декрет об отправке комиссаров не дошел до Антильских островов. На Мартинике узнали о нем случайно и не желали с ним считаться, так что прибывшим туда 12 марта 1791 г. комиссарам Лакосту, Маньято, Ленже и Монденуа и сменившему Дамà де-Бэагу пришлось принять экстренные меры для приостановки военных действий. Однако возникшие вскоре разногласия между комиссарами и новым губернатором, активным противником революционных преобразований, ни в коей мере не способствовали действительному успокоению острова.

Упорное противодействие Колониального собрания и губернатора при-

нудило Лакоста и Маньито уехать во Францию, не добившись никаких результатов. После их отъезда Мартиника и Гваделупа остались в полной власти генерал-губернатора де-Бэага и губернатора де-Клюньи, которые получили снова полную возможность, не стесняясь оставшихся комиссаров, Ленже и Монденуа, при их бездействии, а может быть, и потворстве, обратиться к старым методам управления островами, искусно объединив все контрреволюционные силы. Декрет от 28 марта 1792 г., дававший равноправие «цветному» населению, оставался без применения за отсутствием каких бы то ни было выборов. Контрреволюция одержала временную победу.

Мероприятия Законодательного собрания. Волнения. Деятельность Лакроса

В течение лета 1792 г. Законодательное собрание не раз возвращалось к вопросу о колониях. Декретом от 15 июня оно признало незаконными действия и постановления всех колониальных собраний в Сан-Доминго и на Малых Антилах, воспретило колониальным властям высылать жителей; декрет от 5 июня регулировал деятельность Колониального собрания и гражданского комиссара в Кайенне и французской Гвиане, где также начались беспорядки; наконец, декретом от 22 августа определялось количество депутатов от колоний в Национальный конвент, а именно: для Сан-Доминго — 18, для Мартиники — 3, для Гваделупы — 4, для Сент-Люси — 1, для Табаго — 1. Французская Гвиана с Кайенной получила 1 место, острова Бурбон и Иль-де-Франс — 2, французские поселения в Индии — 2 места.

Реагируя на все более тревожные вести из Вест-Индии, Законодательное собрание постановило декретом от 2 июля немедленно отозвать генерал-губернатора Бэага, губернаторов Мартиники — Клюньи и Гваделупы — д'Арро и бездействующих комиссаров и привлечь их к ответственности. На смену им отплыли из Бреста 10 августа генерал Рошамбо в качестве нового генерал-губернатора, новые губернаторы и новые три комиссара с 2 тыс. солдат. Однако Бэаг и мартиникское Колониальное собрание не допустили даже высадки их на берег. Верными французскому национальному правительству остались только острова Сент-Люси и Мари-Галант. Мартиника и Гваделупа, поддерживаемые в своем упорстве директивами из лагеря эмигрантов, стали в положение независимых княжеств. Как раз в тот день, когда Рошамбо должен был покинуть Мартинику, «регент Франции», будущий король Людовик XVIII, назначил некоего Кунь-як-Миона, богатого сан-домингского землевладельца, в свое время члена Сен-Маркского собрания и «леопардинца», «комиссаром принцев при колониях Сан-Доминго, Мартиника, Гваделупа, Сент-Люси и Табаго, дабы установить между ними и принцами всякого рода сношения». В конце концов Рошамбо все же удалось высадиться в Кап-Франсэ на Сан-Доминго, но обескураженные комиссары вернулись во Францию.

Осенью 1792 г. Законодательное собрание снарядило в Вест-Индию новую эскадру из 7 судов под командой капитана Лакроса, которому поручалось разъяснить населению островов значение революции 10 августа и привлечь его на сторону республики.

Лакрос направился прежде всего в Сен-Пьер, на Мартинику, надеясь встретить там поддержку. Но белый флаг, развевавшийся над городом, и информация о создавшемся положении заставили его отказаться от первоначального плана и уехать в Пор-дю-Розо (на небольшом островке Доминике), где он завязал сношения с бежавшими от преследований роялистов жителями Мартиники и других островов и откуда отправил 4 декабря «послание к инсургентам», призывая их «низвергнуть постыдное знамя деспотизма, схватить зачинщиков, главарей мятежа». Затем он отправился на остров Сент-Люси, остававшийся попрежнему спокой-

ным, если не считать кое-каких незначительных недоразумений, и принявший его с восторгом. Отсюда Лакрос повел искусную, выдержанную и последовательную борьбу с разлагающей пропагандой Куньяк-Миона и с бунтовщиками, увенчавшуюся к началу 1793 г. полным успехом.

Лакрос сумел, используя классовые противоречия, привлечь к себе «цветное» население: «Ваши братья станут нашими, — писал он им, — образуя одну семью, они будут сидеть за одним столом с нами, разделять наши развлечения в обществе и наши труды и опасности на войне... Неужели вы предпочтете старый режим, при котором унизительная демаркационная линия отделяла вас от белых?»

Первыми заявили о своей преданности республике мулаты Пуэнт-а-Питра на Гваделупе, за ними последовали на призыв Лакроса креолы. Не прошло и двух месяцев, как и Гваделупа и Мартиника возвратились под трехцветное знамя республики, а мартиникское Колониальное собрание даже вручило Лакросу управление островом. Арро и Бэаг бежали. Рошамбо встал во главе колониального правительства.

Измена роялистов. Оккупация Малых Антильских островов англичанами

Для роялистов все средства борьбы были хороши. Желая привлечь к себе симпатии населения, Генеральный комитет колоний (Мартиники, Гваделупы, Сент-Люси и Табаго) дал даже в конце 1791 г. пассивное избирательное право квартеронам и активное — мулатам, рожденным свободными. Одновременно роялисты поддерживали непрерывные сношения с Лондоном и Кобленцем. Стремясь добиться активной поддержки Англии, они послали в Лондон своего человека, достаточно авторитетного и испытанного, который сумел бы укрепить связи с коалицией и эмигрантами. Выбор пал на крупного плантатора, кавалера Дю-Бюка, главу контрреволюции на Мартинике; 15 ноября 1792 г. он отплыл в Лондон и сумел там убедить соответствующие круги в необходимости вмешательства Англии в дела французской Вест-Индии. Английская эскадра, посланная в Антильские воды, заняла 14 апреля 1793 г. остров Табаго, население которого было заранее подготовлено английскими агентами к предстоящей оккупации, а губернатор бежал перед тем в английские владения.

Отсюда адмирал Гарднер с 13 фрегатами и 2 тыс. человек для десанта направился к Мартинике. Против всякого ожидания, англичане встретили под Сен-Пьером энергичный отпор организованных Рошамбо республиканцев и вынуждены были уплыть к своему опорному пункту на остров Барбадос, увозя с собой беженцев-роялистов.

Рошамбо, понимавший, что английская агрессия этим не ограничится, принял самые энергичные меры для обороны Малых Антилл. Он конфисковал имения бежавших плантаторов и церковные имущества, чем пополнил оскудевшую колониальную казну, восстановил форты Сен-Пьера, пользуясь трудом рабов эмигрантов, подготовлял национальную гвардию для защиты фортов и побережья. Конечно, с 1200 человек гарнизона и 29 пушками трудно было надеяться на успех, но Рошамбо был уверен, что если бы Конвент прислал подкрепления, он сумел бы перейти в наступление и восстановить и упрочить власть Французской республики на всех островах Колонии. Он просил прислать 10—12 линейных кораблей и 3—10 тыс. солдат. Но англичане опередили Конвент присылкой на Барбадос еще 30 кораблей под командой адмирала Джервиса. 5 февраля 1794 г. началась осада Сен-Пьера, а 21 марта Рошамбо капитулировал: остаток его сил не превышал 300 человек. Весь остальной остров был уже оккупирован. 31 марта англичане заняли почти без сопротивления Сент-Люси, 20—21 апреля — Гваделупу. Малые Антильские острова перешли в руки англичан.

ФРАНЦУЗСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ИНДИИ И МАСКАРЕНСКИЕ ОСТРОВА

Французские владения в Индии

От обширных в середине XVIII века владений Франции в Индостане, в результате англо-французских войн, к 1789 г. оставалось лишь пять прибрежных городов-факторий Ост-Индской компании — Чандернагор, Пондишери, Карикал, Янаон и Махе.

Известие о революции в Париже дошло до индийских поселений, как и до американских, случайно из английских источников и с большим опозданием — в конце февраля 1790 г. Как и в Вест-Индии, европейское население факторий приветствовало совершившийся переворот, видя в нем освобождение от «министерского деспотизма», не помышляя пока о перемене режима, а еще менее — о возможности предоставления политических и социальных прав «цветным», в данном случае индусам. Пределом желаний большинства французского населения в индийских колониях, принимавшего значительное участие в торговых операциях Ост-Индской компании, было пока уничтожение ее монополии.

Каждая из факторий реагировала по-своему на революцию в метрополии, в зависимости от своего экономического положения и состава своего населения.

Дни 23—26 февраля 1790 г., непосредственно следовавшие за получением известия о парижских событиях 1789 г., прошли при большом и всеобщем одушевлении. Единственно, что омрачало горизонт, это полученный одновременно приказ французского правительства об окончательной эвакуации французских войск из Пондишери в силу предшествовавшего требования англичан о низведении Пондишери на положение простого складочного пункта. Губернатор Пондишери, шевалье Де-Френ, не сочувствовал революционному перевороту, но не мог воспрепятствовать организации в Пондишери Генерального собрания граждан численностью около 250 членов — само собой разумеется, исключительно «белых»,— открывшегося 1 марта 1790 г. Но когда это собрание решило выделить из своей среды Представительный комитет (Comité représentatif) из 53 членов, Де-Френ сумел повлиять на выборы в желательном для себя смысле: в Комитет попали преимущественно королевские агенты и нотабли, которые оказывали в дальнейшем всемерное сопротивление революционным мероприятиям Собрания. Отсюда—внутренняя борьба и распри среди членов Собрания, закончившиеся победой Комитета. На основе известных уже мартовских декретов Учредительного собрания он был превращен в Колониальное представительное собрание в составе 21 члена, в том числе 15— от Пондишери, 3— от Чандернагора и по одному — от остальных городов. Собрание открылось 8 июля 1791 г. Индусы не были допущены и в Колониальное собрание, несмотря на их требование. Это осложнило дальнейший ход событий.

Другая из наиболее крупных факторий — Чандернагор, когда-то богатейшая среди индийских колоний, к моменту революции пришла в состояние полного упадка и нищеты, хотя и оставалась еще в Бенгалии центром французской торговли опиумом, солью из Янаона и Карикала и селитрой. Здесь скопилось много случайного, пришлого, иногда деклассированного элемента — разорившихся дворян и торговцев, бывших солдат и матросов. Сразу же по получении известий о революции в мае 1790 г. в Чандернагоре началось движение этих слоев против властей и существующего порядка, что испугало состоятельных людей и вызвало бегство многих из них в Калькутту. Так, первые шаги революционного движения сопровождались созданием своей местной эмиграции, прибегнувшей к покровительству английских властей.

Активным революционным элементом в Чандернагоре явились малоимущие — мелкая буржуазия и ремесленный пролетариат; они вступили в борьбу с роялистскими властями и созванным вскоре «Учредительным» собранием. Подчиниться Пондишери и послать депутатов в Колониальное собрание чандернагорцы отказались. Они послали туда 4 августа 1791 г. «зажигательное» письмо с призывом к восстанию против «аристократического» Собрания, желающего будто бы восстановить «министерский деспотизм».

Чандернагорцы клялись «содействовать с ревностным единодушием установлению в Индии конституции, той великой Конституции, которую установило собрание мудрецов...» Это послание встретило сочувственный отклик среди мелкобуржуазного меньшинства населения Пондишери.

Революционный комитет Чандернагорского собрания, назвавший себя «патриотической администрацией свободной колонии», выработал Конституцию, в которой, однако, не был даже затронут вопрос о положении туземного населения.

Между тем, мелкая туземная буржуазия, ткачи и другие ремесленники, не получив ничего от революции, покинули город; торговля и навигация замерли.

Экономические затруднения, происки эмигрантов, а вскоре и война с Англией положили конец существованию самостоятельной колонии. В июне 1793 г. Чандернагор был взят англичанами без выстрела, почти в одно время с Янаоном и Карикалем. В июле та же участь постигла Махе.

Собрание Пондишери занялось законодательством и реформами, часто несовместимыми с интересами туземных промышленников и ремесленников. Этим не замедлили воспользоваться мадрасские англичане, всегда чутко прислушивавшиеся к тому, что делалось во французских факториях, в намерении окончательно подорвать их торговое значение. На почве классового антагонизма в сентябре 1792 г. в городе разразились беспорядки, подавленные при помощи войск и сопровождавшиеся человеческими жертвами. Вскоре после этого в Пондишери прибыл комиссар Законодательного собрания Лескалье, искренний патриот, энергичный администратор, преданный делу революции. Первым его делом была военная реорганизация и воспрещение торговли рабами. Затем последовал созыв нового Колониального собрания из 16 членов. Собрание выработало Конституцию индийских поселений, по которой они делились на три округа, каждый под управлением своего муниципалитета. Но политические права предоставлялись исключительно белым; туземцы игнорировались, об их правах не возникало и речи. Приезд второго комиссара Дюморье 16 февраля 1793 г., декрет о предоставлении индийским поселениям двух мест в Конвенте и провозглашение республики не произвели на жителей Пондишери почти никакого впечатления. Все их внимание было поглощено слухами о начинающейся войне с Англией и катастрофическим положением местной промышленности. Из 50 тыс. туземного населения, в результате отлива его на английскую территорию и в туземные княжества, в Пондишери осталось только 20 тыс.

Когда, наконец, действительно разразилась война, и англичане в начале июля 1793 г. окружили Пондишери, оказалось, что у колоний нет ни средств, ни наличных сил для оказания сопротивления, и 22 августа город капитулировал. Гарнизон его принял белую кокарду.

Маскаренские острова

В ноябре 1789 г. главное управление французскими колониями в Индийском океане было перенесено из Пондишери в Пор-Луи на Маскаренских островах. В экономическом отношении они находились под контролем Ост-Индской компании. Население их делилось только на свободных и рабов; отсутствие крупного землевладения и бо́льшая или меньшая од-

народность свободного населения островов тормозили развитие классовых противоречий и не давали поводов к резким выступлениям, так что в первое время мир не нарушался.

Первое Колониальное собрание открылось на острове Иль-де-Франс (теперь о. Реюнион) 27 апреля 1790 г. К этому времени жители островов уже знали о допущении депутатов Сан-Доминго в Национальное собрание. Через месяц делегация от Собрания сообщила генерал-губернатору графу Де-Конвэ о своем намерении взять власть в свои руки. С этого момента началась борьба между сторонниками старого и нового режима и столкновения вновь созданной национальной гвардии с гарнизоном и командами кораблей, которыми командовал граф де-Мак-Немара. Роялисты намеревались уже разогнать Собрание, когда до Иль-де-Франса случайно дошло известие о декрете 8 марта 1790 г., утверждавшем его права на существование. Морской министр де-Люзерн и в этом случае не счел нужным официально сообщить декрет.

Собрание ввело на островах муниципалитеты и избрало двух депутатов в Национальное собрание. Слухи о том, что королевская администрация помешает их отъезду, послужили причиной уличных беспорядков, во время которых был убит Мак-Немара. Но избранникам колонии не пришлось попасть в Париж. Корабль, на котором отплыли депутаты, потерпел крушение, и оба они утонули. Их заменили проживавшие в Париже, избранные одновременно с ними, заместители.

По Конституции 21 апреля 1791 г., Колониальное собрание объявило себя единственным носителем власти на островах, другими словами, провозгласило их автономными. На основе Конституции было созвано второе Колониальное собрание, открывшееся осенью 1791 г. Оно предоставило политические права мулатам и свободным неграм и тем разрешило классовую проблему на островах. Прибывшие из Франции 17 июня 1791 г. правительственные комиссары, — Лебуше на остров Иль-де-Франс и Тироль на остров Бурбон (теперь остров св. Маврикия), — застали острова в состоянии полного спокойствия. В свою очередь острова приняли комиссара, и тем самым вопрос об автономии получил также мирное разрешение.

Вскоре после объявления Конституции, в главном городе Иль-де-Франса Пор-Луи организовалось «Общество друзей Конституции». После 10 августа 1792 г. оно переименовалось в «Народное общество друзей республиканской свободы и равенства». Но с развитием событий наиболее передовая часть общества сочла его слишком умеренным, и некий Гийон сгруппировал патриотов в якобинское «Общество санкюлотов», получившее вместе со своими филиалами кличку «шомьеров» («хижин») по названию первого своего места собраний.

Целью шомьеров было «постоянно и всеми законными средствами работать для упрочения республиканской свободы и равенства, усваивать дух декретов Конвента, бороться со злоупотреблениями, выявлять изменников, разбивать планы злонамеренных лиц, наблюдать за политическими корпорациями».

Весть о казни короля была получена в Пор-Луи почти одновременно с известием о начавшейся войне с Англией, открывавшей блестящие возможности каперства. Началась деятельная подготовка к снаряжению каперских кораблей. Санкюлоты потребовали от командующего вновь прибывшей из Франции эскадры адмирала Сен-Феликса поддержки и охраны их; не получив его согласия, они повели агитацию среди команды судов и достигли того, что матросы стали угрожать жизни адмирала. Он переехал на одном из фрегатов в Сен-Дени на острове Бурбон,

где якобинцы не пользовались достаточным авторитетом, чтобы захватить его. Только после получения декрета о подозрительных (от 17 сентября 1793 г.) в апреле 1794 г. якобинцы Пор-Луи добились от генерал-губернатора Малартика приказа об аресте адмирала и еще нескольких лиц. Дальше этого, впрочем, дело не пошло. Шомьеры не встречали поддержки среди инертного населения, и ввести по примеру метрополии режим террора для борьбы с реакционными элементами им не удалось. Они даже оправдывались перед Конвентом тем, что «в виду изолированности островов террор не может оказать влияния на другие части республики». С получением известий о 9 термидора «Общество санкюлотов» распалось, а новая реакционная власть постановила совсем закрыть шомьеры.

Глава тринадцатая

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ XVIII ВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТАХ РЕВОЛЮЦИИ

ФРАНЦУЗСКАЯ революция XVIII века, разрушив феодальный общественный строй и уничтожив феодальную монархию, расчистила почву для построения нового буржуазного государства. Основные принципы этого государства были разработаны еще до революции во французских политических теориях XVIII века, а основные его институты были воплощены в жизнь уже в первых опытах конституционного творчества, осуществленного революцией.

Французская революция дала всему миру «такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы».[1]

Каковы же эти устои и в чем состояли основные принципы буржуазного государства, реализованные французской революцией?

Принцип народного суверенитета

Буржуазная политическая идеология XVIII века исходит из принципа народного суверенитета. Принцип этот признавали бесспорным почти все французские политические мыслители предреволюционного времени. Мы встречаем его у Гольбаха, Кондорсе, Мабли и др.; с особенной силой он был развит в «Общественном договоре» Руссо.

Народу принадлежит суверенитет единый, неделимый, неотчуждаемый — таково основное положение Руссо. Только общая воля народа в праве создавать законы и устанавливать правительство. Руссо выводил из этого положения требование непосредственной демократии и отрицал допустимость народного представительства. У деятелей революции принцип народного суверенитета, вопреки Руссо, послужил фундаментом для обоснования и развития теории народного представительства, для защиты буржуазного парламентского строя.

Суверенитет принадлежит народу, повторяли они вслед за теоретиками XVIII века. Но в больших государствах невозможен порядок, при котором народ в его целом (le peuple en corps) осуществлял бы законодательную власть; поэтому народ должен выбрать тех, кому он

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 304.

доверяет осуществление своего права. Петион в речи, произнесенной в Учредительном собрании, выразил эту мысль следующим образом: «Почему народы избирают представителей? Потому что действовать самому для народа почти всегда представляет непреодолимую трудность; если бы эти большие массы могли быть организованы так, что могли бы двигаться легко и точно (avec régularité), депутаты были бы бесполезны, я скажу более, — они были бы опасны». Робеспьер также говорил в речи от 12 сентября 1789 г.: «В больших монархиях народ может осуществить свое всемогущество, лишь назначая представителей». Мунье, признавая бесспорной истиной начало народного суверенитета, в то же время заявлял: «Нация не может управлять сама собой. Чтобы быть свободными и счастливыми, все народы вынуждены оказать доверие депутатам».

Сиейес прибавляет к этому соображения о невозможности для большинства граждан непосредственно участвовать в законодательстве в силу недостатка образования и досуга. Они, говорит он, «сами понимают, что должны ограничиться избранием представителей. Не отчуждая своих прав, они препоручают их осуществление. В интересах общественной пользы они назначают представителей, более способных, чем они сами, понимать общественный интерес и сообразно истолковывать их собственную волю».

Из начала народного суверенитета делают, таким образом, вывод в пользу установления народного представительства. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. соединяет в ст. 6-ой начало народного суверенитета с идеей народного представительства. Она гласит: «Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать в его образовании, или лично или через своих представителей». Конституция 1791 г. прямо говорит: «Нация, от которой одной исходят все власти, не может пользоваться ими иначе, как через делегацию».

Как мы увидим ниже, ближе всего к теории Руссо стояла Конституция 1793 г., по которой законы, принятые Законодательным собранием, должны были поступать на последующее утверждение народа, т. е. на рассмотрение всех общин республики, а учредительная власть целиком сохранялась непосредственно за народом.

Эро-де-Сешель в докладе по поводу проекта Конституции 1793 г. делал отсюда тот вывод, что «французское правительство лишь постольку представительно, поскольку в известных случаях народ не может действовать сам». При этом предложение ограничить право народа на утверждение закона лишь конституционными законами вызвало решительный протест с его стороны. «Было бы оскорблением народа, — сказал Эро-де-Сешель, — расчленять различные акты суверенитета».

Провозглашение «естественных, неотчуждаемых» прав

Другим принципом французского буржуазного государства является провозглашение буржуазно-демократических свобод, вытекающих из «естественных неотчуждаемых» прав индивида. Эта сторона политической идеологии французской буржуазии XVIII века нашла свое выражение, на ряду с другими принципами, в знаменитой Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

«Свободы», провозглашенные в Декларации, выражают собою самую сущность буржуазного государства, основой которого является общество, построенное на началах свободной конкуренции. Буржуазное государство должно признать своей естественной основой «независимого человека, связанного с другим человеком исключительно узами частного интереса и *бессознательной* естественной необходимостью».[1] Буржуазное

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 140—141.

DÉCLARATION
DES DROITS DE L'HOMME
ET DU CITOYEN
PREAMBULE.
ARTICLE PREMIER
ARTICLE IX.
ART. XIII
ART. XVII

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Архив Ин-та Маркса — Энгельса — Ленина

государство должно признать и провозгласить в качестве своей основы «всеобщие *права человека*».

Абстрактный «человек вообще», свободный от вмешательства в его жизнь государственной власти, свободно вступающий в сношения и связи с другими индивидами, — таков исходный пункт политической философии либерализма, отражающий принципы свободной конкуренции.

Еллинек в своей работе о Декларации прав человека и гражданина утверждает, что идея неотчуждаемых прав индивида не могла иметь своим источником «Общественный договор» Руссо и что французская Декларация 1789 г. имеет свои исторические корни в американских декларациях XVIII века. «Не будь американских bills of rights, французы не провозгласили бы прав человека и гражданина», — говорит Еллинек.

Декларация прав, по мнению Еллинека, «хочет провести вечную грань между государством и индивидом, которую законодатель постоянно должен иметь в виду как предел, раз навсегда положенный ему «естественными, неотчуждаемыми священными правами человека». Она стремится «провести демаркационную линию между государством и индивидом», исходя из противопоставления индивида обществу. Так создается представление о «сфере субъективных прав, не зависящей от государства и подлежащей безусловному признанию с его стороны». «Общественный

договор» Руссо решительно противоречит указанному кругу идей. Руссо требует полного отчуждения всех прав индивида в пользу общества.

Возражения, сделанные Еллинеку французским ученым Бутми, не смогли поколебать выводов Еллинека об англо-американских влияниях на Декларацию и о своеобразном понимании свободы индивида у Руссо, далеко не совпадающем с трактовкой свободы личности в Декларации.

Действительно, хотя Руссо и признавал теорию естественных, неотчуждаемых прав, но, исходя из веры в полное совпадение интересов индивида с интересами демократически организованного государства, он решительно отрицал необходимость каких-либо «гарантий» для индивида против организованного в государство народа.

Руссо шел дальше буржуазных либералов, для которых государство оставалось внешней границей деятельности индивида, силой, которая могла своим «вмешательством» лишь стеснить свободу индивида. Государство, в котором господствует общая воля, по мнению Руссо, не может наносить ущерба не только общему благу, но и благу каждого отдельного индивида. «Образуясь из частных лиц, которые ее составляют,— говорит Руссо,— суверенная власть не может иметь интереса, противоположного их интересу: вследствие этого она не нуждается в гарантиях по отношению к подданным: невозможно, чтобы организм захотел вредить своим членам». В связи с этим буржуазные ученые обвиняют Руссо в пособничестве деспотизму и абсолютизму власти, в установлении безграничного всемогущества государственной власти (Б. Констан), приводящего к поглощению индивида общественным целым (Жане, Гирке, Рем и др.), или обвиняют его в противоречиях (Морлей, Чичерин). Упускают из виду при этом, что для Руссо свобода и благо индивида являются высшим критерием, который определяет собою как правомерность государственного строя, так и правомерность всех актов правительства и даже действий самого суверена — народа, что Руссо считает жизнь в демократическом государстве не чем иным, как наилучшим средством реализации неотчуждаемых естественных прав индивида.

Руссо отказывается от идеи самодостаточности изолированного индивида и ждет от государства удовлетворения потребностей личности. Поэтому, оставаясь индивидуалистом и не покидая исходных позиций естественно-правовых теорий XVII—XVIII вв., Руссо, однако, выходит за пределы тех механистических представлений о взаимоотношениях индивида и государства, которые понимают свободу индивида, в первую очередь, как независимость его от государства и как гарантию против государственной власти.

Авторы Декларации прав человека и гражданина испытали, несомненно, и другие влияния. Идею неотъемлемых прав мы находим у целого ряда французских мыслителей XVIII века. Невозможно было бы отрицать также влияние, оказанное на деятелей революции английскими теориями XVII в. (левеллеры, Мильтон, Локк и др.). Но и американские bills of rights играли здесь не последнюю роль, поскольку они устанавливают постоянные границы государственной власти, стремятся создать, говоря словами Еллинека, «сферу прав индивида, не зависящих от государства и неприкосновенных для него». Самая форма Декларации, во всяком случае, возникла под влиянием американского опыта.

Принцип разделения властей

Еще один принцип буржуазной демократии — принцип разделения властей, — выдвинутый Монтескье в его знаменитом «Духе законов» и реализованный в американской Конституции 1787 г., также был воспринят конституционными актами и политическими доктринами французской революции. Так, ст. 16 Декларации прав 1789 г. провозглашает: «Ни одно

общество, в котором не обеспечена гарантия прав и не установлено разделение властей, не имеет конституции». А Конституция 1791 г. пытается дать конкретную реализацию этого принципа в государственном устройстве Франции.

Принцип разделения властей был направлен против неограниченности полномочий, сосредоточенных в руках одного органа или одного лица. Он был продиктован, прежде всего, стремлением покончить с абсолютизмом феодальной монархии. Он означал стремление ограничить власть короля, разделив его суверенные права между различными органами власти. В первую очередь, он выражал умеренную программу либеральной буржуазии, ее желание создать конституционную монархию, которая легко могла стать политической формой компромисса буржуазии с феодальным помещичьим классом. Буржуаз забирала в свои руки законодательную власть, а исполнительную оставляла в руках дворянства и короля. При этом, однако, исполнительная власть на деле должна была, вопреки заявлениям теоретиков о независимости и равновесии властей, занять зависимое, подчиненное положение в отношении законодательной власти.

Король, который раньше располагал всей полнотой государственной власти, теперь становился всего-навсего главою исполнительной власти главою правительства. Поскольку исполнительная власть согласно принципа разделения властей не могла осуществлять законодательных функций, все действия органов исполнительной власти, органов администрации должны были соответствовать закону, объявлялись подзаконными. Отсюда — тесная связь принципа разделения властей с буржуазным учением о законности. Эта связь обнаруживается уже у самого Монтескье.

Свобода, по утверждению Монтескье, состоит в возможности делать все то, что дозволено законами. Свобода существует поэтому лишь в странах, в которых граждане обеспечены от произвола и злоупотреблений должностных лиц, т. е. в странах, где господствует над всем закон, а такими странами являются лишь те, в которых обеспечено разделение властей.

Сочинение Монтескье имело шумный успех во Франции. Современники утверждают, что книга вскружила головы всем французам и что ее можно было найти и в кабинете ученых и на туалетных столиках светских дам. Вольтер называет сочинение Монтескье кодексом разума и свободы, Д'Аламбер причисляет Монтескье к благодетелям человеческого рода.

Однако, в наказах, которые были вручены депутатам Национального собрания, теория разделения властей далеко не занимала превалирующего положения: cahiers Парижа настаивали на полновластии народа, дворяне пытались ограничиться отдельными поправками к «готической» сословной монархии.

В Учредительном собрании принцип разделения властей отстаивали Лафайет, Русье, Мерсье, Мунье и др., причем у всех этих приверженцев Монтескье принцип разделения властей означал защиту конституционной монархии. Так, Русье говорил: «Франция есть государство монархическое, в котором народ составляет законы, а король обязан предписывать их исполнение. Это различие и разделение властей законодательной и исполнительной составляет сущность французской монархии». Вимпфен называл французское правительство королевской демократией, а Мирабо в своей речи от 1 сентября 1789 г. говорил о необходимости монархического правительства в большом государстве, которое могло бы соединять все его части и направлять их деятельность к общему центру. В первые же годы революции Клермон-Тоннер, один из деятелей Конституанты, выдвинул мысль о необходимости различать королевскую власть от власти

исполнительной, как особую власть. Эту мысль впоследствии подхватил и развил известный теоретик конституционной монархии Б. Констан.

Уже та защита абсолютного veto короля, с которой выступил ряд депутатов, — Лалли-Толландаль, Мунье, аббат Мори и др., — хотя и соответствовала воззрениям Монтескье, но в сущности противоречила принципу разделения властей, предоставляя королю участие в образовании закона.

Декларация прав человека и гражданина

Принятая 26 августа 1789 г. Декларация прав человека и гражданина отобразила все основные требования, выдвинутые буржуазной политической мыслью XVIII века.

Права человека, «droits de l'homme» — это «права члена *гражданского* общества, т. е. эгоистического человека, человека, обособленного от людей и общежития».[1] «Свобода,— гласит ст. 4 Декларации, — состоит в праве делать все, что не вредит другому». Границы, в пределах которых каждый может пользоваться этой свободой, определяются законом. Маркс, комментируя эту статью Декларации, говорит: «Речь идет о свободе человека как изолированной, уединившейся в себя монады»,[2] — и далее продолжает: «...право человека на свободу не покоится на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека от человека. Оно — *право* этого обособления, право *ограниченной*, в себе ограниченной личности».[3]

Право на свободу в этом его понимании находит свое практическое осуществление в праве человека на частную собственность. Поэтому ст. 2 Декларации, перечисляя «права человека», рядом со свободой ставит собственность, а ст. 17 Декларации объявляет, что собственность есть ненарушимое и священное право, которого никто не может быть лишен, кроме тех случаев, когда этого явно требует общественная необходимость, и при том под условием справедливого и предварительного вознаграждения.

Наряду со свободой и собственностью Декларация провозглашает в качестве естественных прав человека равенство и безопасность. Равенство замкнутых в себе монад не может означать ничего иного, как формальное равенство индивидов перед законом, прикрывающее их фактическое неравенство. А безопасность означает, говоря словами Маркса, что «все общество существует лишь для того, чтобы обеспечить каждому его члену неприкосновенность его личности, его прав и его собственности».[4]

Формулируя основные начала буржуазного общественного строя, Декларация вместе с тем объявляет ликвидированными все сословные ограничения и привилегии, связанные с феодальными общественными отношениями. Цеховые стеснения ремесла и торговли также объявляются отмененными.

В условиях борьбы буржуазии за разрушение феодального строя, идея равенства приобретала революционный характер. За ней стояло требование об уничтожении феодальных преимуществ, об отмене всех сословных привилегий дворянства, в особенности об отмене свободы дворян от налогов, об уничтожении их безнаказанности в судах.

Рядом с естественными правами человека Декларация провозглашает политические права индивида — права гражданина, причем единственной целью политической организации объявляется сохранение «естественных» прав человека. Революция разрушила феодальные оковы в виде сословных делений, корпораций, цехов, привилегий, и буржуазия пользуется этим для того, чтобы объявить эгоистические стремления индивида-собственника свободными от всяких стеснений.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 385.
[2] Там же, стр. 386.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 387.

Свобода в распоряжении собственностью, свобода конкуренции собственников, связана неразрывно с идеей установления «границ» государственной власти. Отсюда—статьи Декларации, провозглашающие неприкосновенность личности от произвольных арестов, право на свободный обмен мыслями и убеждениями, т. е. свобода слова и печати, религиозная свобода.

Декларация обрушивается со всей силою на произвол, царивший при абсолютной монархии. Вслед за английским Habeas Corpus Act 1679 г. она провозглашает, что никто не может быть обвинен, задержан или арестован иначе, как в случаях, определенных законом, и по предписанным им формам. Как бы осуждая со всею решительностью практику lettres de cachet, она объявляет, что те, кто испрашивают, отдают, исполняют или заставляют исполнять произвольные приказы, подлежат наказанию. Она выдвигает принцип: нет наказания без закона (nulla poena sine lege). Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, установленного и обнародованного до совершения преступления (ст. 8).

Однако Декларация неизменно сопровождает провозглашение свобод весьма существенной оговоркой — ссылкой на границы этих свобод, установленных законом. Свобода предоставлена гражданам лишь в пределах, установленных законом, лишь постольку, поскольку осуществление свободы не нарушает «порядка, установленного законом». По меткому выражению Маркса, каждый параграф «содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату».[1]

В перечне свобод, содержащихся в Декларации, отсутствует свобода собраний и свобода союзов. Свобода собраний появляется в Конституции 1791 г., но отсутствует попрежнему ссылка на право союзов. Это умолчание логически связано, несомненно, со свойственным буржуазной индивидуалистической идеологии XVIII века представлением о недопустимости и вреде частных объединений граждан, как бы теряющих при этом свое значение «уединившихся в себя монад». В отрицательном отношении к таким объединениям сходятся столь непохожие друг на друга мыслители, как физиократ Мерсье-де-ла Ривьер и демократ Руссо; по мнению Руссо, всякие частные группировки граждан искажают выявление общей воли. С другой стороны, в этом умолчании сказалось, конечно, отрицательное отношение буржуазии к союзам рабочих. Отражая позицию буржуазии в этом вопросе, Учредительное собрание 14 июня 1791 г. приняло закон о запрещении собраний и союзов лиц одной и той же профессии, закон, известный под именем закона Ле-Шапелье. По этому закону воспрещались корпорации и собрания граждан одного и того же состояния и профессий (ст. 1 и 2), а все собрания ремесленников, рабочих, подмастерьев и поденщиков, «имеющие целью стеснение свободы заниматься промышленным трудом», признавались мятежными сборищами, которые должны караться «по всей строгости законов». Любопытна мотивировка этого закона. Закон лицемерно объявляет, будто запрещение союзов продиктовано стремлением воспрепятствовать восстановлению средневекового цехового строя. Об этом говорил в своем сообщении Собранию докладчик Ле-Шапелье.

Представляя собою изложение всего политического мировоззрения буржуазии XVIII века в целом, Декларация 1789 г., на ряду с провозглашением «свобод», формулирует и другие принципы буржуазной демократии. Так, ст. 3 объявляет, что источник всякой суверенной власти — нация в целом, ст. 6 гласит, что закон есть выражение общей воли и т. д.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 335.

Конституция 1791 г. Конституция 1791 г., подобно Декларации прав человека и гражданина, дает выражение основным принципам буржуазного государства, провозглашенным политическими теориями XVIII века.

В разделе III она устанавливает принцип народного суверенитета. Народ объявляется единственным источником всякой власти. Суверенитет народа един, неделим, неотчуждаем и не погашается давностью. Власть короля имеет производный характер. Подобно Законодательному собранию, король осуществляет власть лишь по поручению народа, в качестве представителя последнего. Однако, провозглашая принцип народного суверенитета, Конституция 1791 г. открыто отступает от него, устанавливая ценз для участия в выборах. По предложению Сиейеса, законом 22 декабря 1789 г. было введено деление граждан на «активных», — имеющих избирательное право, и на «пассивных», — его лишенных. По Конституции 1791 г. активными признавались только лица, уплачивающие прямой налог в размере не меньше трехдневной заработной платы, достигшие 25-летнего возраста и проживающие в данной местности не менее одного года (ценз оседлости). Кроме того, лишались избирательного права все лица, находящиеся на положении наемных домашних слуг. В результате этих ограничений, из 25 млн. населения в выборах в 1791 г. могло принять участие всего лишь 4 300 тыс. избирателей.

Кроме того, выборы были двухстепенные. Для выборщиков законом 22 декабря 1789 г. установлен был налоговый ценз в размере десятидневной заработной платы, а для права быть избранным в депутаты — высокий налоговый ценз в размере 1 марки серебром (около 54 франков). Конституция 1791 г. отменила повышенный ценз для депутатов (ст. 22), но зато значительно повысила его для выборщиков, устанавливая для них ценз в виде обладания недвижимостью, приносящей доход в размере 200-дневной заработной платы, или найма помещения, приносящего доход в размере 150-дневной заработной платы.

В Учредительном собрании Дюпон-де-Немур, защищая ценз для пассивного избирательного права, сказал: «У кого ничего нет, тот не член общества. Управление и законодательство — это дело собственности, а потому только собственники действительно заинтересованы в них». Неккер в своем сочинении «Об исполнительной власти» писал: «Человек, лишенный собственности, не может считаться настоящим гражданином. Он неизбежно будет равнодушен к большей части вопросов, волнующих страну. Только люди, обладающие собственностью, располагают средствами, необходимыми для получения того образования, которое одно может гарантировать издаваемым законам значение и вес в глазах общества».

Против ценза выступал в Учредительном собрании Робеспьер, произнесший 25 января 1790 г. свою известную речь в защиту всеобщего избирательного права. «Народ, — заявил он, — не является сувереном, если бо́льшая часть индивидов, его образующих, лишена избирательного права. Различие активных и пассивных граждан позорит и наш кодекс и наш язык. И если мы не откажемся от него, то слово «свобода» окажется бессодержательным и даже смешным».

Несмотря на логичность этих доводов, Собрание игнорировало соображения Робеспьера. Французская буржуазия в первой же своей Конституции вступила на путь ограничения избирательного права имущественным цензом. Избирательное право по Конституции 1791 г. не было также и равным. Из общего числа 745 представителей двести сорок девять распределялось по департаментам в зависимости от суммы платимых по департаменту налогов.

Депутаты рассматриваются не как представители отдельных депар-

таментов, но как представители нации в целом, и избиратели не в праве давать им никаких наказов. Конституция порывает, таким образом, с принципами, на которых было построено сословное представительство, и формулирует те положения, которые отныне становятся повсеместным достоянием буржуазной конституционной теории и практики.

Отметим здесь еще одно ограничение, содержащееся в Конституции 1791 г. и весьма характерное для буржуазного понимания принципа народного суверенитета. В последней статье Конституции значится: «На французские колонии и владения в Азии, Африке и Америке, хотя они и составляют часть Французской империи, настоящая Конституция не распространяется».

Конституция 1791 г. проводит также принцип разделения властей, вверяя законодательную власть однопалатному парламенту — Законодательному собранию, исполнительную власть — королю и его министрам, а судебную — выборным судьям. «Власть судебная ни в коем случае не может осуществляться ни Законодательным собранием, ни королем» (ст. 48).

Король рассматривается как носитель одной лишь исполнительной власти. Он не более, как глава правительства, и только. «Правительство имеет монархическую форму» — гласит ст. 4 раздела III Конституции. «Власть исполнительная вверена королю и осуществляется от его имени министрами и прочими ответственными органами в порядке, предусмотренном ниже».

Король перестает, таким образом, быть полновластным сувереном, стоящим над законом, каким он был раньше при абсолютной монархии, а становится должностным лицом, главой всего лишь одной из властей. Теперь не воля короля, а воля Законодательного собрания объявляется законом. «Во Франции нет власти, стоящей над законом. Король царствует лишь в силу закона, и лишь во имя закона он может требовать повиновения».

Издание законов составляет исключительную прерогативу Законодательного собрания. Власть исполнительная не может издавать никаких законов, даже временных, — она может издавать лишь воззвания, призывающие к исполнению законов.

Разделение исполнительной и законодательной власти понято как подчинение первой последней. Конституция вся проникнута стремлением как можно более сузить и ограничить права короля, поставить короля и его министров в зависимость от Законодательного собрания. Король лишен законодательной инициативы, он не имеет ни права созыва, ни права роспуска палаты. Представители собираются сами в первый понедельник мая и сами заканчивают свои сессии. Если король найдет желательным продление сессии или сокращение ее срока, он может с этой целью отправить палате послание, которое Законодательное собрание должно обсудить. Король в праве присутствовать на открытии и закрытии сессии. Однако, пока он присутствует в собрании, обсуждение дел не должно иметь места. Король имеет лишь задерживающее veto. Его отказ в утверждении постановления Законодательного собрания имеет отсрочивающее действие. Законопроект вступает в силу без утверждения его, если палаты двух последующих созывов (легислатур) последовательно вновь выскажутся за принятие того же законопроекта.

Законодательному собранию Конституция вручает некоторые функции правительственного характера, чем способствует усилению его влияния. Сюда относятся вотирование бюджета, раскладка прямого обложения между департаментами, определение ежегодного контингента войск. У короля отнято даже право назначать пенсии и награды независимо от Законодательного собрания.

Министры назначаются королем, причем министрами не могут быть члены палаты. В этом сказывается верность Конституции принципу разделения властей. Административный аппарат с министрами во главе буржуазия готова была сохранить за королем и сделать в этом отношении уступку дворянству. «Высшая исполнительная власть сосредоточивается исключительно в руках короля», гласит Конституция. «Король — верховный глава общего управления королевством».

Министры, однако, ответственны, подлежат надзору и контролю Законодательного собрания. В этой контролирующей деятельности палаты сказалось стремление буржуазии создать гарантии против возможного произвола со стороны исполнительной власти. Следует отметить, однако, что контролирующая деятельность палаты носит достаточно неопределенные контуры. Право своим вотумом недоверия устранять министерство, право влиять таким путем на его состав Конституцией парламенту не предоставлено.

Якобинская Конституция 1793 г.

10 августа 1792 г. конституционная монархия была низвергнута, и 22 сентября 1792 г. была установлена республика.

Уже 29 сентября Конвентом была учреждена комиссия для разработки новой конституции, в которую вошли Сиейес, Дантон, Бриссо, Верньо, Жансонне, Кондорсе и др. Жирондисты преобладали в комиссии, и проект был продуктом творчества представителей этой партии. Он был доложен Конвенту в феврале 1793 г.

Проект значительно отличался от Конституции 1791 г. Он вводил всеобщее избирательное право, понижая возрастной ценз до 21 года и ценз оседлости до трех месяцев. Законодательная власть вручалась одной палате — Законодательному собранию (в комиссии, разрабатывавшей проект, обсуждался, однако, вопрос, не ввести ли две палаты). Вместе с тем, из принципа народного суверенитета сделан был вывод в пользу широких прав первичных собраний, т. е. собраний избирателей. По проекту, народ в своих первичных собраниях не только избирает непосредственно своих представителей — членов Законодательного собрания, — но и осуществляет «народную цензуру» актов Законодательного собрания, т. е. проявляет законодательную инициативу, выдвигая требование об издании нового закона или об изменении существующего. Первичным собраниям предоставлено также право изменения конституции, т. е. право потребовать созыва Конвента для разработки проекта конституции, и право утверждения или отклонения этого проекта. «Народ сохраняет всегда право пересмотреть, изменить или отменить свою конституцию. Одно поколение не в праве подчинить своим законам будущие поколения, и всякое наследство в этом отношении абсурдно и тиранично». Так гласит ст. 33 жирондистской Декларации прав.

Исполнительную власть проект вручал Исполнительному совету из семи министров и одного секретаря. Они должны были избираться на два года на первичных собраниях, причем половина их должна была выбывать ежегодно, сохраняя право быть перевыбранными. Проект вводил выборность всей администрации: в департаменте — выборный административный совет, в коммунах — выборные муниципалитеты, в секциях коммун — выборный низший агент. Жирондистский проект выдвигал, как известно, упразднение округов и укрупнение коммун, — мероприятие, которое должно было ослабить влияние Парижа.

Вследствие оппозиции монтаньяров обсуждение проекта в Конвенте затянулось, и ко дню переворота 31 мая оно далеко не было закончено.

Составление конституции перешло в руки якобинцев. 24 июня 1793 г. Конвент принял Конституцию, разработанную Комитетом общественного

ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ 1793 г.

Гравюра Берто, рисунок Свебах-Лефонтена

спасения при участии лиц, присоединенных к нему специальным постановлением Конвента (Эро-де-Сешель, Сен-Жюст, Кутон и др.). В июле Конституция была утверждена первичными собраниями республики.

Начало народного суверенитета проведено в якобинской Конституции 1793 г. весьма последовательно. «Закон,— гласит ст. 4 якобинской Декларации прав человека и гражданина, помещенной в начале Конституции,— есть свободное и торжественное выражение общей воли». «Суверенитет,— гласит ст. 25, — покоится в народе, он един, неделим, непогашаем давностью и неотчуждаем».

В полном соответствии с доктриной Руссо Декларация продолжает: «Никакая часть народа не может осуществлять власти, принадлежащей всему народу» (ст. 26). «Каждый, кто присвоит суверенитет, — гласит следующая статья, — да будет немедленно предан смерти свободными гражданами» (ст. 27).

Конституция 1793 г., хотя и отдает некоторую дань идее непосредственной демократии, однако выдвигает на ряду с нею принцип народного представительства. «Каждый гражданин, — гласит Конституция, — имеет право участвовать в образовании закона и в назначении своих доверенных представителей (mandataires)» (ст. 29 Декларации). В соответствии с этим «народ французский собирается ежегодно первого мая для производства выборов» (ст. 33 Конституции). Прямым голосованием он образует Законодательное собрание, которое неделимо и действует постоянно (ст. 39 Конституции).

Но, как мы уже сказали, Конституция не порывает полностью с идеей непосредственной демократии, развитой в «Общественном договоре» Руссо. В разделе «Суверенитет народа» обсуждение законов объявляется функцией суверенного народа, т. е. совокупности всех французских граждан (ст. 7). И действительно, по Конституции Законодательное собрание лишь предлагает законы, а их принятие или отклонение составляет прерогативу первичных собраний, т. е. всего суверенного французского народа (ст. 78).

Проекты законов, рассматриваемые Законодательным собранием, рассылаются всем коммунам республики. Закон считается принятым, при условии, что в течение ближайших сорока дней после рассылки предложенного текста закона в половине департаментов и еще в одном одна десятая часть первичных собраний каждого из них, созванных надлежащим образом, не отклонит его (ст. 58, 59).

Таким образом, признается, что национальный суверенитет пребывает в первичных собраниях, в так называемых assemblées primaires. Эту мысль выразил член Конвента Ласурс, когда в речи 16 апреля 1793 г. заявил, что «национальную волю могут выражать одни только первичные собрания». «La volonté ne se délègue pas»,—говорил жирондист Жансонне.

Избирательное право якобинской Конституции в отличие от Конституции 1791 г. решительно порывает с имущественным цензом. Различия «активных» и «пассивных» граждан Конституция не знает. Возрастной ценз понижается с 25 лет до 21 г., ценз оседлости с годичного пребывания в кантоне — до шестимесячного. Избирательное неравенство, связанное с неравномерным распределением парламентских мест по департаментам, также отпадает. Но избирательные права, как и в Конституции 1791 г., предоставляются только мужчинам; женщины его лишены.

Выборы судей, как и некоторых должностных лиц, двухстепенные.

Руководство общим управлением и наблюдение над ним принадлежит Исполнительному совету из 24 членов. Он избирается Законодательным собранием из числа кандидатов, выбранных на избирательных собраниях департаментов, причем избирательное собрание каждого департамента

выбирает одного кандидата. Разделения властей, таким образом, Конституция 1793 г. не знает. Исполнительный совет, будучи избран Законодательным собранием, образует как бы его комитет. Однако нужно отметить, что Исполнительный совет избирается не из числа членов Законодательного собрания.

Исполнительный совет имеет право присутствовать в заседаниях Законодательного собрания и должен быть выслушан всякий раз, когда ему необходимо представить отчет. Он назначает исполнительные органы и в праве сместить назначаемых им лиц. Однако Законодательное собрание определяет число и обязанности агентов, которым поручается общее управление.

Подчинение исполнительной власти закону предусматривается и Конституцией 1793 г. Ст. 24 этой Конституции, как сказано выше, требует, чтобы границы правительственной деятельности были определены в точности законом. Ст. 65 указывает, что Исполнительный совет может действовать лишь во исполнение законов и декретов Законодательного собрания.

Конституции 1793 г. предпослана новая Декларация прав человека и гражданина, более обширная (35 статей вместо 17) и более радикальная, чем Декларация прав человека и гражданина 1789 г.

Прежде всего Декларация 1793 г. расширила круг свобод по сравнению с Декларацией 1789 г. Декларация 1793 г. присоединила к перечню свобод право петиций (ст. 32), право свободно отправлять богослужение, право собраний [«право собираться вместе, соблюдая спокойствие» (п.3)], а также право на сопротивление угнетению и право на восстание, которое объявляется не только самым священным правом, но и самой необходимой обязанностью граждан в тех случаях, когда правительство нарушает права народа (ст. 35). Вместе с тем, однако, Декларация требует повиновения со стороны граждан в случае их задержания. «Каждый гражданин, вызванный или задержанный именем закона, обязан тотчас же повиноваться; он становится виновным в случае сопротивления» (ст. 10).

Конституция 1793 г. прибавила к этому «право объединения в народные общества» и повторила указание на свободное отправление вероисповедных обрядов (ст. 122).

Робеспьер возражал против свободы отправления богослужения, опасаясь возникновения под этим покровом контрреволюционных объединений. Мы знаем, однако, что Робеспьер считал религию совершенно необходимой в государстве, мы знаем, что он был сторонником «гражданской религии» Руссо и не только никогда не доходил до признания свободы антирелигиозных убеждений, но рассматривал атеизм как явление, враждебное государству и демократии. Характерно, что в Декларации 1793 г. провозглашение прав человека и гражданина объявляется происходящим в присутствии «верховного существа».

Вместе с тем, Декларация содержит ряд положений, выводящих за пределы буржуазной теории «экономической свободы» и как бы возлагающих ряд положительных задач на демократическое государство. Как было уже указано, Декларация 1793 г. включает статью об обязанностях общества обеспечить пропитание неимущим (malheureux) как приискивая для них работу, так и предоставляя средства существования для нетрудоспособных; ст. 22 Декларации гласит: «Общество должно всеми своими средствами способствовать успехам умственного развития и должно делать просвещение достоянием всех граждан». Цель общества, по Декларации 1793 г., уже не ограничивается охраной естественных прав; целью общества объявляется общее счастье (ст. 1): «Закон может, — согласно ст. 4, — повелевать лишь то, что справедливо и полезно обществу».

В этих статьях воспроизводятся некоторые из положений, провозглашенных ранее в проекте Декларации, составленном Робеспьером и оглашенном им в апреле 1793 г. еще при обсуждении жирондистского проекта Конституции. В этой Декларации Робеспьера упоминается об обязанности общества заботиться о существовании всех своих членов, говорится о священном долге имущих помогать неимущим, с тем чтобы способ выполнения этого долга устанавливался законом. В проекте этой Декларации записано также прогрессивное обложение граждан и освобождение малоимущих от несения государственных расходов.

Но особенно интересны статьи этого проекта, посвященные праву собственности. Они пытаются наметить какие-то границы частной собственности. Здесь объявляется, что право собственности, как и все другие права, ограничено необходимостью уважать права других людей (ст. 8), что «оно не может наносить ущерб ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности наших ближних». Собственность и сделки с нею, нарушающие этот принцип, являются по самому своему существу безнравственными и беззаконными, гласит Декларация. Самое право собственности определяется в Декларации Робеспьера, как право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той частью имущества, которая гарантируется ему законом, т. е. собственность, в соответствии с учением Руссо, ставится в зависимость от соизволения государства.

Однако Декларация 1793 г. не пошла в этом отношении за проектом Робеспьера. Она со всей определенностью объявила, говоря словами Маркса, что «право человека на частную собственность есть... право, по своему усмотрению (à son gré), безотносительно к другим людям, независимо от общества, пользоваться своим имуществом и распоряжаться им, право своекорыстия».[1]

Она повторяет вслед за Декларацией 1789 г., что никто не может быть лишен ни малейшей части своей собственности без его согласия, если этого не требует законно установленная необходимость, и не иначе как под условием справедливого и предварительного вознаграждения.

Вместе с тем объявляется свобода промыслов и торговли (ст. 17) и сейчас же вслед за этим разъясняется, что каждому предоставляется по договору отчуждать свои услуги и свое время, т. е. что рабочая сила является одним из объектов, на который распространяется «свобода торговли».

Конституция 1793 г., как известно, не была введена в действие. Напряженное положение на фронте и активность контрреволюции внутри страны заставили якобинцев отложить проведение Конституции в жизнь и объявить, что Франция будет управляться временным революционным правительством до тех пор, пока она будет находиться в состоянии войны.

Конституция 1793 г., несмотря на то, что она не была действующим законом, остается, однако, в истории революции документом большого значения. Конституции 1791 и 1793 гг. послужили отправными пунктами для различных линий в развитии буржуазного государственного права. Если Конституция 1791 г. отражает испуг крупной буржуазии перед размахом революционного движения и ее склонность к компромиссу с дворянством, то Конституция 1793 г., напротив, отражает более смелые демократические настроения мелкобуржуазных кругов, их готовность итти на предоставление политических прав плебейским массам. И в то же время, как самая демократическая из буржуазных конституций, она ярко показывает неизбежную ограниченность всякой демократической буржуазной конституции.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 386.

ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789—1794 гг.)

Дореволюционное право

Та область общественных отношений, которая в буржуазном государстве находит свое выражение и регулирование в гражданском праве, в феодальной и королевской Франции выражалась и регулировалась целой группой разнородных и плохо увязанных между собой ветвей права.

Так, вопросы гражданского состояния и брака регулировались, главным образом, каноническим правом; область земельных отношений и личных привилегий «благородного сословия» — в основном феодальным правом; обязательственные отношения — в основном римским правом; остальные вопросы гражданского права в одних провинциях — «кутюмами», т. е. обычным правом, в других, — по преимуществу римским правом. По всем этим предметам было издано, кроме того, много королевских ордонансов.

Южная, несколько меньшая часть Франции, а также Эльзас назывались «pays de droit écrit», так как там применялось преимущественно римское право. Остальная часть Франции была страной, главным образом, обычного права — «pays de coutumes».

«Кутюмы» отличались огромной пестротой и были очень индивидуализированы по провинциям, городам, иногда даже деревням. Римское право там, где оно действовало, было также не вполне однородно, так как видоизменялось под влиянием «кутюмов», а также королевских ордонансов, нередко распространявших свое действие только на отдельные провинции.

Если при этом учесть, что в дореволюционной Франции не было, да и не могло быть при таком положении единой и устойчивой судебной практики, то можно себе представить, какая путаница царила в «гражданских» правоотношениях того времени. Такое состояние права естественно было одним из тормозов для развития экономики страны.

Революция не только ломала и изменяла содержание права в соответствии с потребностями буржуазного общества, вступающего в промышленный период, но и должна была очень скоро поставить вопрос об его объединении. Невзирая на сопротивление ряда депутатов, цепко державшихся за правовые особенности своих провинций, Учредительное собрание 16 августа 1790 г. постановило «издать общий Кодекс законов, простых, ясных и согласованных с Конституцией». Это постановление было подтверждено Конституцией 1791 г.

На путь реального объединения гражданского права революция стала с самого начала. Декреты революции издавались едиными для всей страны. Новое буржуазное общество, созданное революцией, создало единую Францию с единым гражданским законодательством. Основы этого законодательства были заложены в период подъема революции, до переворота 9 термидора. Последующее законодательство в общем лишь отсекало «крайности» законодательного творчества народной революции.

В период нарастания революции была сделана и первая попытка кодификации гражданского права новой Франции. В разгар самой яростной борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией якобинский Конвент нашел время подготовить и обсудить первый проект гражданского Кодекса. С 22 августа по 28 октября 1793 г. Конвент обсудил его и принял в первом чтении. Проект прост, ясен и четок. Формулировки его сжаты, выразительны и заострены. Он проникнут пафосом и идеологией революции.

В противоположность всем последующим буржуазным кодексам проект был рассчитан не на юристов, а обращался непосредственно к народу. Но

Конвенту проект представлялся слишком сложным. Он передал его в комиссию для переработки.

Закончить эту работу Конвенту не удалось. Гражданский Кодекс буржуазной Франции появился только в период Консульства. При этом был использован, конечно, и опыт первой попытки кодификации, сделанной комиссией Конвента, но использован он был «очищенным» от всего, что было неприемлемо для крупной буржуазии.

Право собственности

Основным вопросом гражданского права был, конечно, вопрос о собственности.

Расщепленная, иерархически построенная, связанная в отношении распоряжения и пользования разнообразнейшими ограничениями, феодальная собственность уступила место собственности буржуазной, целостной, свободной, ясной, четкой, ничем почти не ограниченной.

26 августа 1789 г. Декларация прав человека и гражданина объявляет собственность естественным и неотчуждаемым правом. Она ненарушима и священна. Никто не может быть ее лишен, иначе как в случаях очевидной общественной необходимости и под условием справедливого и предварительного вознаграждения.

Одновременно происходит освобождение промышленности и торговли от оков цехового строя, мелочной королевской регламентации производства, монополий и феодальных стеснений товарооборота и кредита. Средневековые привилегии и ограничения сменяются свободой промысла, товарооборота и конкуренции. Собственность всех видов превращается в товар.

Как же юридически конструируется новое право собственности? Классическое построение права частной собственности было дано еще римским правом, отражавшим отношения общества простых товаропроизводителей. Не было надобности сочинять что-либо новое. Абстрактная, резко очерченная частная собственность римского права охватывала в своем определении как трудовую, так и капиталистическую собственность. С этой стороны формулы римского права были очень удобны для буржуазии. Они прикрывали классовые противоречия буржуазного общества, давали законодателю возможность выступать в качестве защитника интересов всех и каждого и в то же время предоставляли буржуазии широкую возможность через «свободный» договор и свободную игру экономических сил осуществлять эксплоатацию равных перед законом, но лишенных средств и орудий производства пролетариев и разорять крестьян.

«Собственность на имущество — это право лица, которому оно принадлежит, пользоваться и распоряжаться своим имуществом», — гласит ст. 2 раздела II книги 2 первого проекта гражданского Кодекса.

Конституция 1793 г. дает собственности еще более широкое определение: «Право собственности — это принадлежащее всякому гражданину право пользоваться и распоряжаться *по своему усмотрению* своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла» (ст. 16).

Исходя из буржуазного понимания права собственности, Учредительное собрание отменило не только сеньериальное право выкупа земель, но и право «родового» выкупа земли родственниками продавца.

Первый проект гражданского Кодекса запрещал даже оговаривать выкуп в договоре между продавцом и покупателем, независимо от характера вещи (движимость или недвижимость). «Священное» право собственности — для буржуазии дело серьезное. Переход его должен быть ясен, четок и бесповоротен.

Такая же устойчивость требуется для договоров вообще.

Старое римское правило, допускавшее расторжение договора купли-продажи при его явной убыточности и действовавшее в дореволюционной Франции, отменяется.

В условиях громадного падения стоимости ассигнатов такое правило было особенно жестким. Однако сам Конвент принципа безусловной стабильности договоров не выдерживал и делал отступления в интересах собственников земли в их расчетах с арендаторами. В остальном, в области обязательственного права, как правило, сохраняют силу прежние нормы римского права. Они отражали и ограждали формы буржуазного уклада, созревавшие в недрах феодального строя, еще до революции. Серьезно менять их не было надобности.

Если первые, неизбежно незрелые, попытки пролетариата осознать непосредственно свои собственные классовые интересы (заговор Бабёфа) были направлены к отмене частной собственности и замене ее коллективной, с установлением всеобщего аскетизма и грубой уравнительности, то мелкобуржуазные уравнители XVIII века искали способа уничтожения голода, нищеты и социального угнетения на базе частной собственности. Простейший, хотя и очень наивный, способ решения этой задачи представлялся в виде уравнительного передела имущества.

Другой, более сложный, но менее опасный, с их точки зрения, путь — это ограничение частной собственности, сглаживание ее наиболее острых углов. Требования такого сглаживания выдвигались плебейскими массами и деревенской беднотой многократно.

Под их нажимом Конвент шел на чрезвычайные меры по борьбе с продовольственным кризисом (установление максимума цен на хлеб, а затем и на другие предметы первой необходимости, жесткие кары спекулянтам, постановления об обсеменении полей, о реквизиции излишков хлеба в провинциях и т. д.). Но все эти меры рассматривались, как временные и чрезвычайные.

Правда, в конце апреля 1793 г. Робеспьер провел сначала через Якобинский клуб, а затем 24 апреля пытался провести через Конвент несколько принципиальных положений, которые примирили бы собственность с нравственностью и установили бы границы ее свободы, исключающие нарушение прав и интересов других граждан. Робеспьер как будто придавал этим предложениям огромную важность и даже предлагал включить их в новую Декларацию прав человека и гражданина. Но когда в июне 1793 г., т. е. уже после разгрома жирондистов, принимался текст Декларации, Робеспьер своих предложений не возобновил.

Наиболее энергично на ограничении права собственности настаивали бешеные. Разумеется, в обществе, основанном на частной собственности, экономической эксплоатации, анархии производства и конкуренции, предложения об ограничении наживы не имели под собой почвы.

В результате, если не считать временных чрезвычайных мероприятий, сыгравших громадную роль в защите революции, то в ее законодательстве мы не найдем никаких особых ограничений права собственности. Свобода эксплоатации труда капиталом не была стеснена ничем. Даже чрезвычайные меры, принимавшиеся в этот период, — установление максимума цен, — приводили нередко не к ослаблению, а к усилению эксплоатации, так как максимумом таксировалась и заработная плата.

Права мелких арендаторов и, в частности, половников ограждены не были.

В интересах домсвладельцев первый проект гражданского Кодекса включил правило об обязанности квартиранта меблировать снятую площадь, дабы было обеспечено взыскание квартирной платы.

Даже ограничение размера процентов, содержавшееся в первом проекте гражданского Кодекса (лимит был установлен в 5% годовых), не было проведено Конвентом в жизнь и получило силу для гражданских сделок только при Наполеоне в 1804 г. Как легко эти лимиты обходятся в буржуазных странах — общеизвестно.

Вантозские предложения Сен-Жюста о бесплатном наделении «нуждающихся» за счет имуществ подозрительных природы собственности, конечно, не меняли. Конвентом, как известно, они осуществлены не были.

Можно поэтому с полным основанием утверждать, что определение собственности, данное Кодексом Наполеона, было вполне естественным завершением законодательства революции о праве собственности. «Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами самым абсолютным образом, лишь бы не было допущено такое их употребление, которое воспрещено законами или регламентами» (ст. 544 Кодекса).

Единственное серьезное ограничение права собственности, признанное революцией, касается недр: недра объявляются собственностью нации. Собственники земель в праве производить без концессии от государства только мелкие разработки. Но в этом вопросе революция, во-первых, следовала традиции дореволюционного французского права, а во-вторых, действовала в интересах крупного промышленного капитала, который освобождался от необходимости значительную часть своей прибыли отдавать землевладельцу.

Права личности

Задача, стоявшая перед революцией в области прав личности, гражданской правоспособности и равенства могла как будто быть гораздо легче разрешена, чем вопрос о собственности. Формальное равенство всех граждан перед законом было одним из элементарных лозунгов буржуазной идеологии. Свободный договор равного с равным в области экономики, свободная конкуренция, свободная продажа и покупка рабочей силы были жизненной необходимостью для буржуазии и открывали ей лишь простор для капиталистической эксплоатации и накопления.

Остатки крепостничества, «серваж», прикрепляли население к земле, стесняли свободу его передвижения, привязывали к ногам «отходника» тяжелое ядро оброка в пользу феодала, затрудняли для буржуазии получение необходимой рабочей силы и тормозили развитие внутреннего рынка.

Привилегии дворянства вызывали всеобщую ненависть. Крепостное право, существовавшее, правда, перед революцией, лишь в виде редких исключений, подлежало немедленной отмене, и оно пало в «знаменитую» ночь с 4 на 5 августа 1789 г. Впрочем, пожары феодальных замков не оставляли Национальному собранию выбора. Но дальше начались трудности.

Как быть с рабами в колониях? Ведь там царит самое откровенное варварское рабство. Французские капиталисты обогащаются не только за счет рабского труда в колониях, но и за счет торговли рабами.

Учредительное собрание, как и в других случаях, лавирует. Принимается компромиссное решение: «Каждое лицо свободно, как только оно является во Францию» (декрет 28 сентября — 16 октября 1791 г.). Но в колониях рабство сохраняется.

Только Конвент доводит дело в этой области до конца, и декретом 4 февраля 1794 г. отменяет рабство также и в колониях.

Этот декрет, однако, долго не удерживается. При Консульстве рабство в колониях там, где оно еще не было фактически уничтожено, было восстановлено Бонапартом.

Что касается других категорий граждан с ограниченной гражданской правоспособностью, в частности по мотивам религиозным и расовым, то и их уравнение в гражданских правах также производится не сразу.

Принципиально они уравнены уже в правах первой Декларацией прав человека и гражданина. Но это только принципиальное положение. По пониманию законодателей того времени, оно должно быть реализовано путем издания соответствующих декретов.

Декретом 24 декабря 1789 г. Учредительное собрание делает это в отношении не католиков, т. е. протестантов, а 10—16 июля 1790 г. даже выносит постановление о возврате им и их наследникам всего конфискованного у них с 1685 г. имущества, если это имущество остается еще в руках управления протестантскими имуществами.

После ряда промежуточных актов, колебаний и отсрочек 27 сентября 1791 г. решается вопрос о евреях, и им предоставляется равноправие и французское гражданство.

С отменой сословных привилегий в августе 1789 г. падают и связанные с ними гражданские правоограничения духовенства и дворянства.

Отменяются, наконец, по крайней мере в основном, гражданские ограничения дееспособности и правоспособности женщины. Но политических прав революция женщине, как известно, не дает. Избирательными правами она не пользуется. Действительное освобождение женщины приносит только революция социалистическая.

Очень тяжело проходил вопрос о секуляризации актов гражданского состояния. Это, казалось бы, чисто формальное мероприятие вызывает бешеное сопротивление духовенства. С ним связаны «прерогативы» духовенства, его право авторитарно вмешиваться в семейную жизнь населения и оформлять такие важные для граждан акты, как брак, развод, рождение и смерть. С тем же мероприятием тесно связаны и доходы духовенства.

Учредительное собрание отступает перед натиском реакционеров и дважды — 31 декабря 1790 г. и 19 июля 1791 г. — откладывает решение вопроса.

Только падение королевской власти 10 августа 1792 г. прекращает наконец, колебания. Конвент 20 сентября 1792 г. издает декрет о секуляризации брака и актов гражданского состояния. Составление актов и ведение актовых книг поручается муниципалитетам.

Но, радикально разрешая вопрос о формальном равенстве лиц в области гражданских правоотношений, французская революция, если отвлечься от временных чрезвычайных декретов, почти ничего не делает для ограждения реальных интересов граждан. Все предоставляется свободной игре экономических сил. Но договор тверд и непоколебим.

Жесткость революционного законодательства в отношении формы сделок была, конечно, выгодна для имущих, хорошо осведомленных в этих вопросах.

Но революция делает значительный шаг вперед в области ответственности должника. Декретом 9—12 марта 1793 г. личное задержание за долги отменяется. Запрещается даже обусловливать его в договоре. Исключение сделано только для ответчиков государства. Однако Кодекс Наполеона восстанавливает личное задержание должников.

С вопросом о правах личности теснейшим образом связан вопрос об охране труда. В этом отношении законодательство французской революции не сделало ничего.

Пролетариат был еще слишком слаб, чтобы сформулировать и организованно отстаивать свои требования. Давление пролетариата на буржуазию было еще не столь велико, чтобы побудить ее в ее же интересах

ограничить поле классовых столкновений с пролетариатом и обеспечить последнему минимум санитарно-гигиенических условий.

Любопытно, что первый проект гражданского Кодекса даже не отделяет договора трудового найма от договора найма имущества. Последствия неисполнения те же, что и при имущественном найме — «плати убытки»!

Единственное ограничение, которое проект вносит в «свободу» трудового найма, сводится к указанию на недопустимость договора, не ограниченного сроком. «Никто не может обязаться услугами навсегда. Это обязательство, противное естественной свободе людей, совершенно не признается законом».

Больше никаких статей. В остальном все — дело свободного соглашения сторон — «laissez faire, laissez passer».

Однако первый проект гражданского Кодекса,— проект якобинцев,— не содержит той всецело служащей интересам эксплоататоров статьи, которую ввел Кодекс Наполеона и которая отдавала нанявшегося на полный произвол нанимателя: «Утверждениям хозяина дается вера относительно размера жалования, относительно уплаты жалования за истекший год и относительно платежей в счет текущего года» (ст. 1781).

Особенно жестоко нарушало интересы рабочих запрещение стачек и профессиональных союзов, установленное декретом Ле-Шапелье 14 июня 1791 г. Этот декрет оставался в силе и при Конвенте.

Якобинская диктатура ничего не сделала для ограждения интересов рабочего класса как таковых. «Весьма характерно для Робеспьера, — говорит Маркс, — что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 г. считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого Собрания *против* рабочих продолжали сохранять свою силу».[1]

Но усматривая в объединениях рабочих прямое нарушение свободы труда и промыслов и опасность возрождения цехового строя, законодательные собрания революционной Франции не видели ничего предосудительного в объединении капиталистов для осуществления их промысловой деятельности в целях извлечения прибыли.

Правда, не было устойчивого законодательства в отношении акционерных обществ. Но товарищества продолжали свободно и беспрепятственно действовать. Первый проект гражданского Кодекса, невзирая на свою краткость, отводит им отдельный раздел.

Законодательство в области семьи и брака

Глубокие изменения революция подготовила и частично провела в области семьи и брака. Но последующая реакция значительную часть этих нововведений и начинаний свела на-нет.

В революционном законодательстве по этим предметам далеко не было той последовательности, как в области утверждения свободной буржуазной собственности и свободы договоров. Буржуазный правопорядок сам по себе вовсе не требует уравнения женщины в правах с мужчиной, сведения родительской власти к родительским обязанностям и ликвидации бесправного и унизительного положения внебрачных детей. Но все же необходимо признать смелость и радикализм, с которыми были разрешены революцией некоторые вопросы брачного и семейного права.

О секуляризации актов гражданского состояния, и в том числе брака, мы уже говорили. Но секуляризация брака — только часть вопроса. Оставались еще в силе очень стеснительные препятствия для вступления в брак, установленные каноническим правом. Оставались также

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 234.

жесткие правила королевских ордонансов, которые требовали согласия родителей на брак — для мужчины до 30 лет и для женщины до 25 лет. Нарушение этих правил грозило лишением наследства, аннулированием брака и жестокими наказаниями, вплоть до смертной казни. Запрещались браки между католиками и некатоликами и т. д. Революция смела бо́льшую часть этих препятствий. Согласно революционному законодательству были запрещены браки только между родственниками по прямой линии, братьями и сестрами, усыновленными и усыновителями. Согласие родителей на брак требовалось только для несовершеннолетних, т. е. не достигших 21 года. Брачный возраст для мужчины устанавливался в 15 лет, для женщины в 14 лет. С объявлением свободы культов, религиозные различия теряли свое значение. Были разрешены браки священников.

В дореволюционной Франции церковь не допускала развода. Она разрешала — и то в исключительных случаях — только «разлучение от стола и ложа», без расторжения брака.

Законодательные собрания медлили с решением вопроса, но революция не любит ждать. Браки стали часто расторгаться фактически. Это должен был признать в вводной части и сам декрет от 20 сентября 1792 г., установивший условия и порядок развода.

Декрет предусматривал три рода причин для развода: законные поводы; взаимное согласие супругов; требование одного из супругов по несоответствию характеров. Законными поводами признавались: безумие или помешательство, преступление, жестокое отношение или серьезное оскорбление супруга; явное уклонение от норм нравственности; оставление мужем жены или женой мужа; безвестное отсутствие одного из супругов в течение пяти лет; эмиграция.

Для борьбы с злоупотреблением правом развода декрет устанавливал сложный порядок оформления разводов. Вопрос о разводе, кроме случаев установления законных поводов к разводу по суду, должен быть предварительно рассмотрен одним или несколькими последовательными собраниями родителей или друзей.

Если развод производится по законному поводу, то дети распределяются между родителями семейным собранием; если же развод происходит по взаимному соглашению супругов или по требованию одного из них и супруги не договорятся о детях, то последние распределяются так: девочки передаются матери, а мальчики старше семи лет — отцу.

Разведенные супруги вправе вступать в брак, однако не раньше одного года после развода.

Конвент отменил законные поводы, как излишние при свободе развода и ведущие нередко к скандальным разбирательствам. Но это постановление было связано с гражданским Кодексом и не вошло поэтому в силу. По проекту Кодекса была очень упрощена и сокращена также процедура развода.

Не ожидая введения в действие Кодекса, Конвент декретом от 28 апреля 1794 г. установил, как законный повод для развода, — отсутствие одного из супругов в течение шести месяцев, и санкционировал разводы, произведенные до издания декрета 20 сентября 1792 г.

Декреты о разводе были широко использованы в крупных городах, в особенности в Париже. Характерно, что к разводу прибегали значительно чаще женщины, чем мужчины. Объясняется это, конечно, угнетенным положением женщины в семье.

Очень радикальное для того времени законодательство революции о разводе полностью не удержалось. Кодекс Наполеона отменил развод «по несоответствию характеров». Правительство реставрации в 1816 г.

отменило развод, и он был восстановлен только в Третьей республике в 1884 г. и то в очень урезанном виде. Развод по взаимному согласию, а тем более по одностороннему заявлению, допущен не был.

В имущественных отношениях мужа и жены в дореволюционной Франции царила большая пестрота, но в личных — на всей ее территории существовало полное единство. Как в провинциях писаного, так в провинциях обычного права, жена была подчинена мужу.

С точки зрения основных идей революции — равенства и свободы — проблемы, стоявшие перед революционными законодателями в этой области как будто не должны были представлять затруднений. Достаточно было установить равноправие супругов, полную дееспособность жены, свободу брачных договоров по установлению имущественного режима, но без отступления от указанных выше принципов, и тот или иной режим на случай отсутствия брачного договора.

В первом проекте гражданского Кодекса вопрос в основном так и решался. Муж и жена равноправны. Обязанность жены следовать за мужем не устанавливается. «Муж и жена пользуются одинаковыми правами по управлению их имуществами». Имущественный режим устанавливается соглашением сторон, но это соглашение не может изменять положений, особо перечисленных в законе. При отсутствии соглашения устанавливается раздельность на имущества недвижимые, а также движимые, принадлежавшие супругам до брака, и общность на имущества движимые, приобретенные во время брака. При разводе общее имущество делится поровну. Кроме того, нуждающийся супруг имеет право на алименты от другого супруга, если последний в состоянии их платить. По проекту супругу предоставлялось также в случае смерти другого супруга право пользования имуществом последнего, но Конвент заменил это алиментами по назначению семейного совета. Конвент также не согласился с предложением проекта отменить ипотеку в обеспечение приданого. Родительская власть была отменена и заменена попечением над детьми. Это попечение возлагалось и на отца и на мать, без преимущества одного перед другим.

В общем, по смелости, радикальности и простоте проект для того времени в этой части был громадным шагом вперед и вплотную подводил к последовательно-демократическому разрешению вопроса о супружеских отношениях.

Но дело не было доведено до конца даже в стадии первого обсуждения проекта в Конвенте. Уважение к «священной» частной собственности и вековые навыки мужского господства стали на пути формального раскрепощения женщины. Один из основных пунктов проекта — о равных правах супругов по управлению имуществом — встретил горячие возражения некоторых членов Конвента. Конвент отложил обсуждение спорной статьи на три дня, но к обсуждению ее больше не возвращался. Последующая реакция, как известно, не оставила камня на камне от передовых начинаний Конвента в этой области. Кодекс Наполеона установил очень решительно власть мужа в семье и почти бесправное положение замужней женщины.

Деспотизму феодально-абсолютистского строя соответствовал и деспотический строй семьи. В провинциях писаного права господствовала patria potestas (отцовская власть) римского права. В провинциях обычного права кутюмы устанавливали более мягкий режим в семье. Но королевские ордонансы ввели повсеместно жесткую власть родителей. Последним, в особенности в Париже, была дана очень широкая дисциплинарная власть, вплоть до заключения своих непокорных детей — до 25-летнего возраста — в тюрьму. Очень суровые кары полагались, как

было указано выше, также за вступление детей в брак без согласия родителей.

Разумеется, для революции такой порядок был неприемлем. Речь шла не только о проведении принципа индивидуальной свободы, но и о необходимости защитить революционнонастроенную молодежь от реакционеров отцов.

Декретом от 16—20 августа 1790 г. право родителей заключать детей в тюрьму было ограничено сроком в 1 год и поставлено под контроль семейного совета (собрания) и председателя суда.

Декретами от 28 августа и 20 сентября 1792 г. было установлено совершеннолетие в 21 год. С момента наступления совершеннолетия родительская власть прекращается, если не была прекращена до того вступлением в брак.

Конвент пошел значительно дальше.

Декрет 20 сентября 1792 г., требуя родительского согласия на брак несовершеннолетнего, говорил только об отце, но не о матери. Первый проект гражданского Кодекса во всех случаях, когда говорится о правах родителей, говорит об отце и матери. Супруги в семье равноправны. Проект не ограничивал родительскую власть, а смело, по-революционному ставил вопрос об ее отмене, с чем Конвент согласился.

Характерна для просветительных устремлений Конвента, который декретом 19 декабря 1793 г. установил бесплатное обязательное обучение в школе первой ступени, статья проекта, которая обязывает родителей, под страхом пожизненной уплаты алиментов, научить своих детей какой-либо полезной профессии.

Обратная обязанность алиментирования не могущих прокормить себя родителей и других восходящих возлагается на детей и их нисходящих.

С 16 лет подростку предоставлялась юридическая дееспособность, если он имеет самостоятельное занятие. Если нет, то он управляет своим имуществом при участии попечителя.

Последующая реакция круто повернула и здесь назад. Кодекс Наполеона восстановил жесткую отцовскую власть, вплоть до права отца сажать детей под арест на срок до 6 месяцев, если им больше 16 лет, и до 1 месяца, если им меньше 16 лет.

Но если в отношении регулирования семьи в целом французская революция вплотную подходила к последовательно-демократическому разрешению вопроса, то того же, к сожалению, нельзя сказать о внебрачных детях.

По дореволюционному праву, внебрачные дети обычно находились в исключительно тяжелом положении. Они были вне семьи отца и матери. Они не наследовали ни тому ни другому, а тем более родственникам. В быту внебрачные считались как бы отверженными. Но в то же время они имели право на существование: их естественные родители обязаны были их содержать. Отыскание отцовства в этих ограниченных алиментных целях допускалось. Присуждали алименты сравнительно легко.

Передовым людям того времени положение внебрачных детей представлялось явно несправедливым. Дети должны пользоваться равными правами. Этот принцип как будто входил обязательным элементом в символ веры искренних революционеров того времени. Однако он очень легко, без серьезной оппозиции в Конвенте, был ограничен двумя совершенно инородными оговорками. Во-первых, было оговорено, что уравнение в правах не распространяется на детей, происшедших от прелюбодеяния и кровосмешения, во-вторых, что оно распространяется только на детей, признанных родителями. При этом отыскание отцовства было воспрещено. Мотивом недопущения исков об отцовстве были ссылки на трудность

его установления и на злоупотребления, с этим связанные. «Общественный интерес не допускает расследования факта, на который природа набросила непроницаемое покрывало»[проект Кодекса].

Вот к чему запрет отыскания отцовства очень скоро привел на деле. В Париже в VIII году республики родился 16 021 ребенок в браке и 4690— вне брака. Признано внебрачных 165. В первые шесть месяцев IX года рождено в браке 7212 детей, вне брака — 2301 ребенок, признано отцами — 106.

Фактически внебрачные дети были, таким образом, лишены отцов и материальной помощи от них. В целом, их положение на деле было не улучшено сравнительно с дореволюционным, а ухудшено.

Уважение к «священной» частной собственности сковало в этом вопросе даже якобинский Конвент. Запрет отыскивать отцовство был, конечно, подхвачен наступившей вскоре реакцией и составил печально знаменитую ст. 340 Кодекса Наполеона: «Отыскание отцовства запрещается».

В виду задержки с изданием гражданского Кодекса декрет о внебрачных был издан Конвентом самостоятельно 2 ноября 1793 г., но он урегулировал вопрос только о тех внебрачных детях, отцы и матери которых умерли после 14 июля 1789 г. и до 2 ноября 1793 г. Этим детям было предоставлено право наследовать после своих родителей, без права, однако, требовать пересмотра произведенных уже разделов наследства.

Процессы об отыскании отцовства, начатые до издания декрета, подлежали завершению по законам, действовавшим до издания декрета. Наследственных прав по отношению к имуществу восходящих, кроме родителей, внебрачные, однако, не получили. Что касается внебрачных, родители которых были живы к моменту издания декрета 2 ноября 1793 г., то урегулирования своей судьбы они должны были ждать до будущего гражданского Кодекса. Последний, как известно, был издан только в 1804 г.

Довольно большой интерес законодательные собрания революции проявили к вопросу об усыновлении. Речь шла не только об устройстве сирот, но и о желании путем усыновления содействовать дроблению наследств.

Сам Конвент подал пример гражданам и по образцу Греции и Рима, не ожидая закона об усыновлении, декретировал усыновление нескольких лиц от имени республики.

В принципе вопрос об усыновлении был решен еще Законодательным собранием 18 января 1792 г. Статьи о нем были включены в первый проект гражданского Кодекса. Дабы усыновление не могло служить передаче крупных наследств, было постановлено, что усыновленный может по наследству получить только имущество, доход с которого не превышает 300 квинталов пшеницы в год. Имена усыновителей заносятся на доску почета в муниципалитетах.

Кодекс Наполеона допустил усыновление, обставив это право многочисленными формальностями.

Наследственное право

Выдающееся место в законодательстве революции в области гражданского права занимал вопрос о наследовании.

Вопросу придавалось большое политическое значение. Мелкобуржуазные уравнители XVIII века рассчитывали путем законов о наследовании предупредить чрезмерное накопление богатств в руках отдельных лиц, ослабить имущественное неравенство между гражданами и тем хотя бы в некоторой степени сгладить разрыв между политическим равенством и экономическим неравенством.

Пиэтет к неприкосновенной и «священной» частной собственности не позволял даже самым радикальным деятелям революции вторгаться

в ее заповедную область при жизни собственников, если не считать временных чрезвычайных мер. Но в отношении права наследования простор у защитников интересов мелкой буржуазии был как будто шире. Однако и здесь не смели итти так далеко, чтобы отменить самое право наследования, — это было бы безвозмездной конфискацией и противоречило бы Конституции. Зато постарались сделать все, чтобы наследование не закрепляло, а ослабляло имущественное неравенство, чтобы оно вело к образованию возможно большего числа собственников. Для этого нужно было, во-первых, установить равенство долей наследников, во-вторых, отсечь или, по крайней мере, свести к минимуму то, что Маркс впоследствии назвал «произвольным и суеверным преувеличением самого принципа частной собственности», — право завещательных распоряжений.

Законодательство о наследовании в дореволюционной Франции было не менее пестрым, чем остальные отрасли гражданского права. На юге применялось римское право с характерными для него равенством долей и широкой свободой завещаний. На севере, в провинциях обычного права свобода завещательных распоряжений была очень ограничена, но в ряде местностей сыновья получали больше, чем дочери. На ряду с этим на всей территории Франции для владельцев «благородных» земель действовала система феодального наследственного права с правом первородства, с исключением из наследования дочерей и с допущением субституции, т. е. подназначения наследников, и договоров о наследовании.

Декретом 15 марта 1790 г. Учредительное собрание отменило систему феодального наследственного права, однако сохранило в силе соглашения о наследовании в брачных договорах. Вопрос о завещательных распоряжениях декретом был оставлен открытым.

Но наследование по мужской линии и право старшинства допускались и рядом кутюмов для непривилегированных. Декретом от 8—15 апреля 1791 г. право старшинства и неравенство долей были отменены и в этих случаях. По вопросу о свободе завещательных распоряжений происходили в Собрании горячие прения. Они прикрывали либо непосредственно выражали борьбу классов. Свобода завещаний выгодна крупной буржуазии и феодалам, она расширяет содержание частной собственности, способствует ее концентрации, усиливает авторитет крупных собственников в семье. В землевладении она ослабляет чрезмерное дробление хозяйств и тем содействует образованию емкого рынка и избыточной рабочей силы. Но для мелкой буржуазии, собственность которой очень ограничена и обычно является результатом коллективного труда всей семьи, свобода завещаний вовсе не так привлекательна. Она источник произвола в семье. Неимущим она не нужна вовсе. В период обостренной классовой борьбы с феодалами и крупной буржуазией отношение к ней могло быть только отрицательным.

24 октября 1792 г. Конвент отменил субституции, а вместе с ними — и все остатки феодального наследственного права.

7 марта 1793 г. было отменено право завещания по прямой линии. С этого момента наследователь уже не имел возможности нарушать равенство наследственных долей своих прямых наследников. Но реформа еще не завершена. Необходимо было урегулировать вопрос о дарениях наследователем еще при его жизни и пределы завещания им своего имущества на сторону.

Первый проект гражданского Кодекса предлагал ограничить право завещаний одной десятой частью имущества наследователя, если у него есть потомство по прямой линии, и одной шестой, если такого потомства

нет. Что касается дарений при жизни, то, во-первых, было воспрещено дарить наследникам, а подарки по случаю брака предписывалось засчитывать в наследственную долю, и, во-вторых, предусматривались правила, которые исключали возможность обогащения за счет дарений. Размер дарений был лимитирован. Можно дарить только имущество, годовой доход которого не превышает 1000 квинталов пшеницы (декрет 6 января 1794 года определил лимит в 10 000 ливров капитальной суммы). Одаряемый, в свою очередь, не может иметь больше указанной суммы. Дарение не должно создавать новых богачей.

Наконец, для сокращения дарений проект объявлял их безотзывными и требовал для них нотариальной формы. Деление имуществ на родовые, недвижимые и движимые при наследовании было отменено. Все идет в единую наследственную массу. В первую очередь к наследованию призываются дети, а в случае их смерти — их нисходящие по праву представления. В случае отсутствия прямых потомков наследство расщепляется: одна половина идет нисходящим отца и другая — нисходящим матери. Если у них нисходящих нет, то наследуют сами отец или мать — каждый свою половину. Молодежи дается преимущество перед стариками. Если нет также отца и матери, то происходит новое расщепление наследства и наследство переходит к нисходящим дедов и бабок и т. д.

Наследство между детьми делится поровну. Между боковыми раздел производится поколенно. При последовательных расщеплениях и праве представления до бесконечности дробление наследств в боковых линиях часто должно было быть очень значительным, но это как раз то, к чему и стремился законодатель.

Если невзирая на призыв наследников по крови до бесконечности, их все же не оказывается, то к наследованию призывается переживший супруг. Если не оставалось пережившего супруга, то имущество становилось выморочным и переходило к государству.

Так как окончательное принятие гражданского Кодекса задерживалось, то часть его, касающаяся наследования и дарений, была опубликована с небольшими изменениями в качестве самостоятельного закона (25 октября и 2 ноября 1793 г). При этом Конвент, как он делал и в некоторых других случаях, придал закону обратную силу с 14 июля 1789 г., с оговорками в пользу социально слабых.

Естественно, что законы Конвента о праве наследования и в особенности придание им обратной силы встретили очень энергичное сопротивление со стороны имущих классов и лиц, которым приходилось возвращать полученное. Декретами от 26 августа и 25 сентября 1795 г. термидорианский Конвент отменил обратную силу законов о наследовании. Последующее законодательство внесло в них ряд изменений по существу, а Кодекс Наполеона их основательно переработал. Характерно, однако, что два основных принципа законов революции о наследовании — равенство долей наследников по закону, независимо от пола, и ограничение свободы завещательных распоряжений, — сохранились, хотя ограничение завещательной свободы Кодексом Наполеона было значительно смягчено.

Значение гражданского законодательства французской буржуазной революции было огромно. Оно юридически оформило и закрепило отношения нового гражданского общества, созданного революцией.

Феодальная собственность была заменена собственностью буржуазной. Привилегии и правоограничения уступили место формальному равенству гражданской правоспособности. Монополии, мелочная регламентация и другие стеснения в области хозяйственной деятельности сменились буржуазной свободой промысла, торговли и труда. Отгороженные участки окрепшего крестьянского землевладения, освобожденного от пут

феодализма, стали прочным оплотом против восстановления феодальных отношений. Наступило царство капитала, свободной конкуренции и свободного договора.

В этих пределах гражданский правопорядок, созданный революцией, выдержал все удары последующей реакции и королевских реставраций и в основном остался незыблемым. Основные положения гражданского законодательства революции в этой области перешли в Кодекс Наполеона и вместе с ним совершили победное шествие по Европе.

Менее благоприятна была судьба законодательства революции в области семейных отношений. Законодательство ее, направленное к замене деспотического строя семьи демократическим, было в большей части разрушено реакцией и реставрацией, но оно оказало большое влияние на законодательство буржуазных демократических стран.

РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Общие принципы старого и нового международного права

Родившееся в огне французской буржуазной революции 1789 г. буржуазное государство пришло на смену феодально-абсолютистскому строю, т. е. последней форме феодального государства, характеризуемой концентрацией всей политической власти господствующего класса в руках самодержавного (абсолютного) ее носителя. Отсюда — патримониальный (вотчинный) характер государства, режим «полицейского государства» и соответствующие формы международной политики и международного права (династические войны, «семейные пакты» и пр.). По свидетельству Людовика XV, «расширение пределов государства есть самое приятное и достойное занятие для государей». Аналогичного мнения придерживалась и Екатерина II, утверждавшая, что «тот теряет, кто ничего не выигрывает». А Фридрих II в своей «Истории моего времени» к немалому огорчению немецких историков откровенно признавался, что причинами, побудившими его начать Семилетнюю войну, были «армия, готовая выступить в поход, наполненная касса, а может быть, и желание создать себе имя...»

Войны ведутся для поддержания «равновесия», с помощью которого «преобладающая сила одной монархии уравновешивается соединенными силами нескольких других суверенов» (Фридрих II). Идет непрерывный торг народами и государствами: польский престол обменивают на Лотарингию, Лотарингию на Тоскану, Баварию на Бельгию и т. д. Троекратный насильственный раздел Польши обосновывается принципом равенства приобретений («система соразделительная»). Аргументы международного права используются чаще всего по рецепту Фридриха II: «Вопрос о правах — дело министров... войскам уже отдан приказ». К большинству государей применим отзыв Торси об австрийском императоре Карле VI: «Он смотрит на все государства, которыми не владеет, как на сделанные у него захваты». Французский король Людовик XIV организует «палаты присоединения», куда вызывает в качестве ответчиков иностранных государей, или заочным решением присуждает себе их территории. Предлогом для войн служит «наследство испанское», «наследство австрийское», «наследство баварское», родство и свойство королей («фамильный пакт» Бурбонов) и любое выдвинутое ими соображение «государственной пользы» (raison d'état).

От подобной международной политики и соответствующей ей международноправовой практики глубоко отличаются международноправовые принципы французской буржуазной революции.

На смену королевского «благоусмотрения» (bon plaisir) приходят представительные собрания, возводящие в государственный закон и в между-

народный договор волю нового господствующего класса. Монархов «божьей милостью» сменяет «народный суверенитет». Основные начала международного права становятся частью революционных конституций. Принципы формального равенства и буржуазной демократии становятся канонами как внутренней, так и внешней политики. Из прав «человека и гражданина» вырастают «основные права» государств.

Для иллюстрации новых международноправовых принципов нового господствующего класса приведем несколько программных документов французской революции, касающихся международного права.

18 мая 1790 г. в Национальное собрание член Собрания Вольней вносит проект декларации, ставший затем в переработанном виде декретом 22—27 мая 1790 г. и частично главой VI Конституции 3 сентября 1791 г. Согласно декларации, весь человеческий род «составляет единое общество, предмет которого — мир и счастье всех и каждого из его членов» (ст. 1); в этом обществе «народы и государства, рассматриваемые как личности, пользуются одинаковыми естественными правами и подчинены одинаковым правилам справедливости» (ст. 2); «ни один народ не имеет права захватывать собственность другого народа или лишать его свободы и его природных преимуществ» (ст. 3); «всякая война, предпринятая по другим мотивам и для другой цели, чем защита справедливого права, является актом угнетения, который всякому великому обществу надлежит подавлять, потому, что вторжение в одно государство со стороны другого угрожает свободе и безопасности всех..; отныне французский народ воспрещает себе предпринимать какую-либо войну, направленную к увеличению его теперешней территории (ст. 4).

24 апреля 1793 г. Робеспьер вносит в Конвент проект Декларации прав, четыре пункта которой посвящены определению международноправовых принципов революционной Франции; «1) Люди всех стран — братья, и различные народы должны помогать друг другу по мере возможности, как граждане одного государства. 2) Тот, кто угнетает один народ, заявляет себя врагом всех. 3) Ведущие войну с народом, с целью задержать успехи свободы и уничтожить права человека, должны подвергнуться преследованию всех, не только как обыкновенные враги, но как убийцы и бунтовщики — разбойники. 4) Короли, аристократы, тираны, кто бы они ни были, суть рабы, возмутившиеся против верховного повелителя земли, т. е. человеческого рода».

23 апреля 1795 г. Конвент обсуждает проект декларации международного права, внесенный членом Конвента, присягнувшим Конституции аббатом Грегуаром.[1] Декларация Грегуара состоит из двадцати одной статьи и охватывает основные проблемы международного права. Отметим наиболее важные из них: «Народы по отношению друг к другу независимы и суверенны, каково бы ни было количество составляющих их лиц и размер занимаемой ими территории» (ст. 2). «Каждый народ должен действовать по отношению к другим народам так, как он хочет, чтобы действовали по отношению к нему» (ст. 3). «Народы должны во время мира делать друг другу как можно больше добра, а во время войны — как можно меньше зла» (ст. 4). «Ни один народ не имеет права вмешиваться в правление других» (ст. 7). «Только те правительства соответствуют правам народов, которые основаны на равенстве и свободе» (ст. 8). «Каждый народ — хозяин своей территории» (ст. 10). «Посягательства на свободу одного народа являются покушением на всех» (ст. 15). «Каждый народ может предпринять войну для защиты своего суверенитета, своей свободы, своей

[1] Этот проект являлся воспроизведением декларации, предложенной Грегуаром в 1793 г., когда Конвентом она была отклонена по мотивам, сформулированным Барером: «Чтобы не увязнуть в философских теориях».

собственности» (ст. 17). «Договоры между народами священны и нерушимы» (ст. 21).

Ряд принципиальных установок по вопросам международного права находим мы также во французских конституциях революционной эпохи. Так, согласно разделу VI Конституции 3 сентября 1791 г., «Французский народ отказывается предпринимать какие-либо войны в целях совершения завоеваний и не употребит никогда своих сил против свободы какого-либо народа». По Конституции 24 июня 1793 г. «французский народ является естественным другом и союзником свободных народов» (ст. 118). «Он не вмешивается в дела правительств других народов. Он не терпит, чтобы другие народы вмешивались в его дела» (ст. 119). «Он дает убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества за дело свободы. Он отказывает в таковом тиранам» (ст. 120). «Он не заключает мира с врагом, который занимает его территорию» (ст. 121). Точно так же в ряде других актов Учредительного и Законодательного собраний и Конвента (например, декларация от 29 декабря 1791 г., от 22 апреля 1792 г., декрет от 14 ноября 1793 г. и др.) формулированы международноправовые принципы французской революции. Не углубляясь в подробности, можно признать приведенную выше документацию достаточной, чтобы констатировать глубокое качественное отличие новых начал международного права от тех, по которым жило феодально-абсолютистское государство.

Это положение становится еще более наглядным при переходе к изучению отдельных институтов международного права в их революционной постановке. Ограничим наш анализ четырьмя основными разделами международного права: проблемами субъекта международного права, территории, населения и права войны.

Субъект международного права

Основным субъектом международного права феодально-абсолютистской эпохи был суверен — король. Отсюда монархический и патримониальный характер тогдашнего международного права. На образном языке французской революции, в этот период «мир принадлежал двум или трем расам тиранов, как африканские пустыни — тиграм и змеям; мы вернули его человечеству...» (из манифеста Робеспьера от 5 декабря 1793 г.). Для революционной Франции субъект международного права — суверенный народ (в буржуазном его понимании), осуществляющий свою волю (volonté générale) через соответствующие государственные органы. Поэтому, например, по Конституции 1791 г. «решение о войне не может быть принято иначе, как декретом законодательного корпуса» (ст. 2, разд. I, гл. III, тит. III). Согласно якобинской Конституции 1793 г., объявление войны отнесено к законам (ст. 54). И даже Конституция III года резервирует это право за Законодательным собранием (тит. XII, ст. 326, 328). Признание народного суверенитета в международном праве было выводом из признания естественных прав человека и гражданина внутри государства. Из признания всех народов «суверенными» вытекает признание равенства и международного их равноправия, сменяющего нескончаемые феодальные споры об иерархии и первенстве между государями, послами и пр.

В декларации Грегуара мы читаем: «Нет преимущества (préférance) между государственными агентами отдельных наций» (ст. 20). Точно так же § 3 «Генеральных инструкций дипломатическим агентам Французской республики», одобренных Комитетом общественного спасения 7 июня 1793 г., предписывает представителям Франции за границей: «Заявить во всеуслышание, что французский народ видит во всех народах братьев и равных себе и что он желает устранить всякую идею верховенства и преимуществ», при условии, «чтобы и другие державы отказались бы равным

образом от своих претензий в этом отношении». Из формального равноправия государств правительства революционной Франции делали и материальные выводы (свобода морей, свобода международных рек) в тех, разумеется, пределах, в которых в этом было заинтересовано буржуазное государство.

Из признания «народного суверенитета» вытекало право каждого народа быть полновластным хозяином на своей территории, не допуская вмешательства и контроля со стороны иностранных государств над своей экономической и политической жизнью. Международноправовое оформление этого требования — принцип невмешательства.

Вышеприведенная ст. 119 Конституции 1793 г. дает законодательное закрепление этого принципа. Инструкция французским дипломатическим агентам на этот счет не менее категорична. Послам Французской республики вменяется в обязанность настаивать на праве каждого народа «давать себе такую конституцию, которая кажется ему наиболее способной обеспечить всеобщее благо». Представители французского народа «торжественно декретировали, что республика никогда не будет вмешиваться во внутреннее правление другой державы; но она не потерпит также, чтобы иностранный народ присвоил себе право контролировать внутреннее управление французской нации» (§ 6).

Из других французских официальных документов аналогичного содержания можно напомнить декларацию Законодательного собрания от 20 ноября 1791 г., декрет Конвента от 13 апреля 1793 г. и др.

Территория как проблема международного права

Вопрос о территории в международном праве был поставлен французской революцией в новой плоскости. В феодальном государстве в лице князя-феодала верховная собственность на землю сливалась с его же территориальным верховенством, причем первая обусловливала второе. Отсюда — заклад территорий, передача их по завещанию, в приданое. Конечно, уже с начала государственного объединения Франции феодальные владельцы лишились права отчуждать свои владения в пользу иностранных монархов. После победы французской революции территориальное верховенство окончательно — и по закону и фактически — оказалось аттрибутом государственного суверенитета, отличным и отделенным от частной собственности на землю. Коренное изменение внутригосударственного правового статуса территории повлекло за собою и ряд международноправовых последствий.

Являясь одним из элементов «народного суверенитета», территориальное верховенство, с точки зрения революционной Франции, может передаваться только путем выявления «общей воли» народа. Отсюда — требование плебисцита как обязательной предпосылки территориальных изменений.

14 сентября 1791 г. французское Национальное собрание декретировало присоединение к Франции Авиньона, ссылаясь на свободное волеизъявление населения присоединяемой области. В голосовании, предшествовавшем присоединению, участвовали все мужчины, достигшие 25-летнего возраста, не находившиеся в услужении и плативше не менее 1 франка 50 сантимов налога. 52 коммуны высказались за присоединение, 19—против и 10—воздержались.

27 ноября 1792 г. Конвент вотировал присоединение к Франции Савойи «на основании свободного и всеобщего желания суверенного народа Савойи». Перед голосованием командующий французской армией в Савойе ген. Монтескью отвел армию до старых границ, предоставив проведение плебисцита самому населению. Все дальнейшие присоединения территорий, — Ниццы, Порантрюи, бельгийских провинций, Майнца,— делались

Конвентом только после проведения соответствующего плебисцита в присоединяемой области (декреты 31 января, 1, 2, 3, 4, 6, 8, 11, 19, 30 марта 1793 г.), что не исключало в отдельных случаях (главным образом, в Бельгии) попыток давления на голосование со стороны местных представителей французской власти. С конца 1793 г. французское правительство применяло даже плебисцитарные присоединения крайне сдержанно: так, например, Конвент дезавуировал своего представителя Бернара, провозгласившего присоединение к Франции Монбельяра, хотя последнее было поддержано народным голосованием, доложенным Конвенту 11 февраля 1794 г., и присоединение было произведено только после подписания мирного договора с Вюртембергом.

В отношении водной территории французская революция провозгласила принцип свободы плавания и торговли по рекам, протекающим по территории нескольких государств. До французской революции собственники берегов реки, хотя бы и протекавшей через несколько стран, считали себя в праве эксплоатировать в свою пользу протекавшую через их владения реку (сборы за остановку, за вынужденный заход и пр.) используя, по выражению правительства Зеландских штатов (в Голландии), «удобства и преимущества, которые бог и природа им предоставили».

Декрет французского Временного исполнительного совета от 16 ноября 1792 г., изданный в связи с оккупацией французскими войсками Бельгии, признает, что ограничение свободы плавания и торговли по Шельде и Маасу «противно основным началам естественного права» (ст. 1); что «течение рек — общая и неотчуждаемая собственность всех стран, омываемых их водами», и что всякое ограничение этого права в интересах одного государства «является пережитком феодальных сервитутов или ненавистной монополией, которая могла быть установлена только силой и признана только бессилием» (ст. 2). Резолютивная часть декрета предписывает командующему французской армией в бельгийском походе «принять самые решительные меры и употребить все находящиеся в его распоряжении средства, чтобы обеспечить свободу навигации и транспорта на всем течении Шельды и Мааса». Режим, установленный для Шельды и Мааса, впоследствии был распространен (Раштадтский конгресс 1798 г. и Парижская конвенция 1804 г.) на Рейн и на другие «международные реки».

Борьба французской революции за «свободу рек» восполняется ее же кампанией за «свободу морей». Феодально-абсолютистский период характеризуется претензией сильнейших морских держав на монопольное господство над торговыми путями в открытом море. Венеция с XIII в. претендует на сбор с судов всех государств, пересекающих Адриатическое море. Генуя выступает с аналогичными претензиями на Лигурийское море. Испания претендует на Атлантический океан. Португалия — на ост-индские моря. Эти претензии оспаривает Голландия (Гроций «Mare liberum»). Англия выставляет свое право на все моря, омывающие английские владения. Дания предъявляет свои требования на Балтийском море, Турция — на Черном. Революционная Франция — от Учредительного собрания и до Наполеона — выступает последовательным защитником «свободы морей». Франция выступила пионером и в вопросе ограничения длины береговых вод, установив ее размер (декрет 6—22 августа 1791 г.) в 2 морских лье, удлинив ее затем (декрет 4 марта 1794 — 4 жерминаля II года) до 4 лье.

Проблема населения. Существенны нововведения французской революции и в отношении международноправового положения населения Франции — как самих французов, так и иностранцев. В отношении французов, вместе с революцией, впервые появляется понятие «гражданин» (citoyen), предполагающее не только односторонние обязанности «подданного» (sujet) по отношению к государству, но и право быть

участником «общей воли» народа, т. е. одним из элементов «народного суверенитета». Не менее глубоко меняет революционное законодательство и правовой режим иностранцев, находящихся на французской территории.

Учредительное собрание постановлением от 6 августа 1790 г. упраздняет прежние ограничения гражданской правоспособности иностранцев, касавшиеся преимущественно их наследственных прав. В мотивировочной части декрета сказано, что «свободная Франция должна открыть свое лоно всем народам земли, приглашая их воспользоваться, под свободным правлением, священными и неотчуждаемыми правами человечества». Закон 1790 г. не обусловливал расширения прав иностранцев требованием взаимности.

Революционная Франция устанавливает также право убежища для политических изгнанников. Еще декларация Национального собрания от 29 декабря 1791 г., адресованная «ко всем народам» в связи с подготовкой монархической коалицией войны против Франции, обещает, что «убежище, которое она [Франция] открывает иностранцам, не будет закрыто для жителей тех стран, государи которых вынудили ее вступить с ними в войну». Согласно французскому объявлению войны от 20 апреля 1792 г., «французская нация заранее принимает всех иностранцев, которые отрекутся от дела ее врагов и станут под ее знамена, посвятив свои усилия защите ее свободы». Декларация Конвента от 19 ноября 1792 г. предписывает генералам французской армии «защищать граждан, которые подверглись или могли бы подвергнуться преследованиям за дело свободы». Наконец, якобинская Конституция 24 июня 1793 г. в ст. 120 предоставляет «убежище иностранцам, изгнанным из своего отечества за дело свободы», и «отказывает в нем тиранам».

Право войны

Поскольку всякая война есть продолжение политики господствующего класса другими (насильственными) средствами, постольку и те правовые нормы, которые применялись воюющими странами во время французской революции, являлись с обеих сторон выражением политики боровшихся в войне классов. В то время как противники Франции, ведя против нее войну контрреволюционную и захватническую, руководствовались международноправовыми принципами феодально-абсолютистского государства, революционная Франция закладывала в своих войнах основы нового «права войны». Говоря словами Ленина, «как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны...» [1]

Так же, как и в других областях права, изменение соотношения классовых сил внутри Франции последовательно отражалось и на международной политике Франции и на оформлявших ее правовых институтах. В период Директории и Бонапарта война постепенно утрачивала для Франции свой первоначальный смысл, превращаясь из войны оборонительной в завоевательную. Однако во-вне, для феодально-абсолютистской Европы, Наполеон, охранявший те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии, оказывался разрушителем феодального общества и в других странах (но не везде: например, не в России в 1812 г.) применял в форме войны «режим террора, который сделал свое дело во Франции»; [2] поэтому даже наполеоновские методы войны

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXX, стр. 334.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 8.

и правовые ее формы были в целом выше соответствующих методов и международноправовой практики окружавших Францию государств.

Переходим к разбору отдельных институтов международного права военного времени. Формальное начало революционных войн — объявление Францией войны Австрии декретом Законодательного собрания от 20 апреля 1792 г.

Объявление войны Францией представляет большую ценность с точки зрения развития более прогрессивных методов войны. Во-первых, оно наглядно свидетельствует, что вопрос о справедливости или несправедливости войны, формальным моментом — кто начал войну, кто первый перешел границу, ибо как нападение, так и «вторжение не исключается ни в какой войне». [1] Война 1792 г. была для Франции навязанной, строго оборонительной, хотя формально Франция первая объявила войну. Франция своим объявлением войны 20 апреля 1792 г. вносит в международный обиход новый социально-политический критерий справедливых войн (если не считать аналогичных документов национально-освободительной борьбы Соединенных Штатов) в корне отличный от феодальных, формальных и церковных, критериев «справедливой» войны. С другой стороны, Франция устанавливает прецедент, перешедший во все последующие конституции революционной эпохи, согласно которому «война не может быть решена иначе, как декретом законодательного корпуса (титул III, гл. III, раздел I, статья 2 Конституции 1791 г.). А это значило ввести в международную практику правило предварительной нотификации войны, формального объявления войны противнику до начала военных действий.

Понятие «комбаттанта» и режим пленных и раненых

Из других институтов международного права военного времени наиболее существенные новшества внесла французская революция в понятие «комбаттанта» и в режим пленных и раненых.

В то время как античное и феодальное право считало врагами и объектами военного насилия всю совокупность подданных неприятельского государства, революционная Франция, соответственно формуле Руссо («Война не является отношением человека к человеку, но отношением государства к государству, при котором частные лица бывают врагами только случайно — отнюдь не в качестве людей, ни даже в качестве граждан, но как солдаты»), считает «комбаттантом» только вооруженного бойца: «Каждый французский гражданин имеет право на обращение с ним, как с солдатом, в том случае, если он взят неприятелем с оружием в руках» (Проект декрета, внесенный в Законодательное собрание 16 июля 1792 г., а также декрет 1 августа 1792 г.). Французский военно-уголовный кодекс устанавливает (раздел V) самые суровые кары за насилия над безоружным («мирным») населением. Противопоставление понятий «комбаттанта» «мирному населению» и признание за обеими категориями определенных прав и обязанностей неразрывно связано с переходом Франции от системы пополнения армии наемными и крепостными рекрутами к системе всеобщей воинской повинности (декреты Конвента от 24 февраля и 23 августа 1793 г.).

В основном, ту же эволюцию можно проследить и в вопросе режима военного плена. Убийство пленных и выкуп пленных — повседневная практика феодального средневековья. Каторжный труд (галеры) — обычная участь пленных, равно как и частое принуждение их (например, в войнах Фридриха II) сражаться против своего отечества.

Через две недели после начала первой из французских революционных войн, 4 мая 1792 г., Законодательное собрание издало декрет о плен-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XIX, стр. 325.

ных. В докладе об его мотивах указывается, что пленный должен быть «неприкосновенным, как суверенитет народа, и священным, как несчастье». Согласно декрету, военнопленные «находятся под охраной нации и под особым покровительством закона». Всякое насилие или оскорбление, нанесенное военнопленному, карается так, как если бы оно было нанесено французскому гражданину (ст. 2). Пленные получают во Франции жалованье и содержание, «которыми пользуются соответствующие чины французской пехоты» (ст. 5). Пленные, давшие обещание не покидать отведенного им местожительства, пользуются правом на льготный режим (ст. 6, 7). Регламент от 20 июня 1792 г. уточняет детали содержания военнопленных. По декрету 25 мая 1793 г. допускается полное освобождение пленных, при условии дачи ими обещания не участвовать в военных действиях. Запрещается также принуждение пленных к вступлению во французскую армию. Постановление Временного исполнительного совета от 21 июня 1793 г. предписывает «бережное обращение с людьми, которые по праву войны, находятся под охраной и покровительством великодушного народа». Постановление Комитета общественного спасения от 6 августа 1793 г. предлагает также обеспечить пленным «гуманное обращение». В соответствии с новыми принципами военного плена французское правительство отказалось (декреты от 19 сентября 1792 г., 25 мая и 3 июня 1793 г.) от выкупа пленных («рансонирование») и установило порядок обмена пленных на началах полного равенства офицеров и солдат. Использование пленных как рабочей силы в первые годы революции являлось исключением. Использование, вернее, эксплоатация труда пленных относится ко временам директории, консульства и империи.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в отношении к раненым бойцам. Для феодала раненый наемник или крепостной — обременительная обуза; отсюда — частое прикалывание раненых. С утверждением абсолютистского режима и с появлением постоянных наемных армий появляются первые проблески «заботы» о раненых: «Для сохранения солдат, равно как и лошадей, необходимо заботиться об их хорошем состоянии» (Фридрих II). Еще в худшем положении находились неприятельские раненые. Убийство их и ограбление были повседневным явлением и составляли одну из функций феодальной пехоты. Совершенно иначе был поставлен вопрос о раненых в законодательстве и практике революционной Франции. Декретами Законодательного собрания от 21 и 27 апреля 1792 г. предписывается организация лечебных учреждений, «где воин мог бы найти помощь от болезни», одновременно с признанием за ним права на заботу со стороны государства-отечества. В силу декрета Конвента от 25 мая 1793 г. (ст. 23) «больные и раненые, захваченные в плен, получат в военных госпиталях республики, подвижных и постоянных, тот же уход, что и французские солдаты». Впервые во французском революционном законодательстве медицинский персонал в порядке мобилизации привлекается на военно-санитарную службу (закон 21 февраля 1792 года и другие). Впервые в революционной Франции начала развертываться и общественная помощь военно-санитарным учреждениям в виде многочисленных пожертвований, индивидуальных и коллективных.

Шпионаж, диверсии, подкупы и прочие способы ведения войны

Международное право феодально-абсолютистского государства не было разборчиво в отношении средств войны. Так, Бинкерсгук и другие международники того периода считают допустимым на войне и яд, и убийство военачальников, и истребление частной собственности. Практика XVII и XVIII столетий не отставала от теории (такова, например, практика войн Людовика XIV, Семилетней войны). Неограниченный произвол в выборе средств войны применяла коалиция

монархов в борьбе с революционной Францией, аргументируя, в лице английского правительства (нота от 17 июля 1793 г.), тем, что «Франция сама поставила себя вне европейского публичного права». В войне с Францией противники последней прибегали к отравлению колодцев и пуль (в Шалоне, в Кайзерслаутерне и др.), к похищению и убийству французских дипломатических агентов (Маре, Семонвиль, Басвиль, Бонье, Робержо), к подделке французских денег («фабрика» Пюизэ и Каллона), к применению в невиданных ранее масштабах шпионажа, диверсий, к провокации, к подкупу и измене.

Поджоги и взрывы во французских арсеналах и военных мастерских, деятельность дипломатических соглядатаев, вроде Симолина, Морриса, де-Местра, Викгэма, дворянских и церковных агентов-диверсантов международной контрреволюции, эмигрантов-разведчиков, предательские связи жирондистов и дантонистов, военных и штатских изменников и двурушников достаточно ярко говорят о разнообразии методов интервенции.

Ответом французского революционного правительства на методы войны, применявшиеся контрреволюционной коалицией, была беспощадная борьба с неприятельской агентурой во Франции. Эту задачу выполнил грозный якобинский террор, поставленный «в порядок дня» Конвентом, который в это время был орудием «диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии». Историческая заслуга Робеспьера и его ближайших соратников в том, что они неуклонно и систематически разоблачали деятельность агентуры неприятельских правительств во Франции, не только срывали маски с отдельных предателей, но и раскрывали самые приемы их вредительства.

Революционный Конвент не ограничился сокрушительным ударом по вражеской агентуре внутри страны. Заклеймив способы ведения войны монархической коалиции, как «поведение трусливое, вероломное и жестокое», как «подкуп для совершения убийств, отравлений, поджогов и всяких преступлений в целях торжества тирании и уничтожения прав человека» (постановление от 1 августа 1793 г.), Конвент и руководимые им французские революционные армии ответили врагам Франции новой военной тактикой и новыми методами революционной войны.

Вместе с тем следует отметить, что всякого рода предложения, делавшиеся французскому правительству о применении к неприятельским королям и военачальникам индивидуального террора (проекты «тираноубийц»), им систематически отклонялись. Точно так же, когда Комитету общественного спасения сделано было одним англичанином предложение о подделке билетов Английского банка, Комитет не только категорически отверг это предложение, но и заключил в тюрьму его автора (доклад Барера от 26 июня 1793 г.).

24 сентября 1793 г. Комитет общественного спасения постановил: во всех государствах, кроме двух (Соединенных Штатов и Швейцарии), иметь свою секретную агентуру. Записка «о плане наблюдений» требовала от французских секретных агентов, кроме информации, ведения активной пропаганды («указаний на недостатки правительств, на тягость и бесполезность войны»).

Революционная пропаганда

Одним из наиболее грозных средств международной борьбы в руках революционной Франции была революционная пропаганда и сотрудничество с национально-освободительным движением в неприятельских странах. Базой для этой деятельности послужил знаменитый декрет от 19 ноября 1792 г., обещавший «братство и помощь всем народам, которые пожелают вернуть себе свободу». Согласно официальному комментарию (нота французского

министерства иностранных дел от 9 декабря 1792 г.), декрет предусматривал, во-первых, поддержку со стороны Франции восстания, вспыхнувшего на неприятельской территории, и, во-вторых, помощь Франции народам, совершившим у себя революцию, если их революционные правительства обратятся за нею.

Военная оккупация

Новые принципы внесла французская революция и в институт военной оккупации.

Военная оккупация в феодальном международном праве не знала никаких ограничений. Захваченная войсками одного феодала, территория другого становилась собственностью завоевателя, его население — его подданными. Оккупация, как правило, сопровождалась ограблением занятой местности и произвольно-жестоким обращением с ее жителями. По выражению современников, короли, занимая неприятельскую территорию, грабили ее «по-королевски».

Другими принципами пытались обосновать военную оккупацию в практике французских революционных войн. Декрет Законодательного собрания от 20 апреля 1792 г. гласил: «Мирные граждане, страна которых будет занята войсками, отнюдь не будут для них врагами; они не будут даже подданными. Государственное принуждение, временным носителем которого является армия, будет употребляться только для обеспечения их спокойствия и для поддержания их законов... Солдаты будут вести себя на иностранной территории так, как они вели бы себя на французской территории, вынужденные сражаться на ней. Невольные страдания, которые войска могли бы причинить гражданам, будут возмещены». «Наше оружие, — разъясняет инструкция французского министерства иностранных дел, — не должно присваивать ни чужого золота, ни чужих земель».

19 ноября 1792 г. Конвент, обещая «братство и помощь всем народам, которые пожелают вернуть себе свободу», предлагает правительству дать необходимые указания французским генералам «для оказания помощи этим народам, для защиты тех граждан, которые подверглись преследованию за дело свободы или могут ему подвергнуться».

Ноябрьские декреты получают свое дальнейшее развитие и дополнение в декрете 15 декабря 1792 г., согласно которому генералы, командующие французскими армиями, немедленно по занятии неприятельской территории провозглашают упразднение всех феодальных прав, налогов и повинностей (ст. 1). Они созывают население на первичные собрания для избрания временных властей, взамен упраздненных (ст. 2). В выборах участвуют принесшие присягу свободе и равенству (ст. 3). Набранные власти действуют совместно с комиссарами Конвента (ст. 5, 7). Их полномочия оканчиваются после организации населением свободного народного правительства (ст. 9). Франция будет обращаться, «как с врагом», с населением, которое «откажется от свободы и равенства» и пожелает сохранить феодально-абсолютистский строй («привилегированные касты»; ст. 11). Французские ассигнаты получают хождение на оккупированной территории; имущество «привилегированных» секвеструется; чрезвычайные контрибуции взимаются только с привилегированных и богачей, по принципу «мир хижинам, война дворцам». 21 января 1793 г. декабрьский декрет был распространен на все оккупированные французскими войсками территории.

Трудная борьба за сохранение Бельгии имела своим следствием издание декрета 15 сентября 1793 г., предлагающего французским генералам «осуществлять в отношении стран и лиц, покоренных их оружием, обычное право войны». Декрет уточняется инструкцией Комитета общественного спасения от 18 сентября 1793 г. Это, однако, не значит, что прежние либеральные методы обращения с населением совсем изгоняются из французского оккупационного режима, но последний, в первую очередь, опре-

деляется соображениями военного порядка и безопасности (взятие заложников, обеспечение снабжения и экипировки войск за счет местных средств, реквизиция лошадей, продовольствия, металлов, пеньки, полотна, шерсти и пр.).

В документах французской революции мы находим ряд описаний совершенно исключительных форм осуществления оккупационного режима. Так, например, в донесениях комиссаров Конвента от 8 апреля 1794 г.—19 жерминаля II года описывается «бесподобное (sublime) поведение» французских войск на генуэзской территории: «Защитники отечества, утомленные, жаждущие отдыха, не решались мять зеленую траву, приглашавшую их к отдохновению... Если кто-нибудь по неосторожности ложился на траву, которую считал бесполезной, то он предлагал, по первому заявлению собственника, оплатить ее стоимость и т. д.». Не подлежит, однако, сомнению, что во французской оккупационной практике встречались довольно часто и эксцессы и злоупотребления (например, при «эвакуации» Пфальца, вымогательства поставщиков в армии Дюмурье, деятельность Кюстина в Майнце). Якобинец Пэйян, один из близких друзей и соратников Робеспьера, горячо клеймит «ярость муниципализировать и присоединять, внушенную изменниками и глупцами». Но отдельные эксцессы не меняют той общей характеристики исторической сущности французской оккупации, которая дана была Лениным: «В революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами. Но это нисколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой крепостнической Европы». [1]

Право морской войны

Институты права морской войны в период феодально-абсолютистского государства отражали в себе феодальный произвол (Faustrecht), соединенный с хищничеством первоначального капиталистического накопления. Для этой эпохи типичны претензии отдельных держав на господство над искусственно закрытыми морями («mare clausum»), каперство, граничащее с пиратством и неуловимо в него переходящее, фиктивная («кабинетная», «бумажная») блокада и беспощадная борьба с неприятельской частной собственностью на море.

Будучи на море относительно слабой, революционная Франция вынуждена была в основном ограничиться здесь обороной. Однако и в этой области ею сделана была попытка глубокой реформы исторически сложившихся институтов права морской войны. 29 мая 1792 г. в Законодательное собрание был внесен проект декрета (Керсэн) о полном запрещении как каперства, так и захвата частной собственности на море. Собрание поручило правительству вступить в переговоры с другими государствами об отмене каперства. 19 июня 1792 г. французское правительство делает соответствующий запрос, но положительный ответ получает только от Гамбурга. Сильнейшая морская держава — Англия — уклонилась от ответа и с начала войны против Франции широко применяла каперство, что побудило и французское правительство вступить на тот же путь (декрет Конвента от 31 января 1793 г.).

Точно так же и в вопросе борьбы с неприятельской собственностью на море Франция начала с применения принципов франко-американского договора 1778 г. (флаг покрывает груз, кроме военной контрабанды), но затем вынуждена была ответить на мероприятия своих врагов (английская нота от 17 июля 1793 г. и Orders in Council от 8 июня и 6 ноября 1793 г., и т. д.) соответствующими ответными мерами.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 193—194.

Морская политика французской революции, естественное продолжение провозглашенного ею же принципа свободы международных рек, была выражением жизненных интересов молодого французского капитализма, отвоевывавшего от монополистов лондонского Сити и их полуфеодальных союзников право на свободную конкуренцию, на открытые двери и открытые моря.

Нейтралитет

Заканчивая обзор международноправовых новелл французской революции в области права войны, необходимо остановиться на режиме нейтралитета.

Нейтралитет понимался феодально-абсолютистским государством, как предоставление обеим воюющим сторонам одинаковых возможностей. На этом основании допускался проход воюющих армий через нейтральную территорию (passage innoffensif), вербовка солдат воюющими в нейтральном государстве и даже односторонняя поставка войск одному из воюющих, если она производилась в силу заключенного ранее договора.

Напротив, декрет Конвента от 17 ноября 1793 г. «обязывает граждан и всех гражданских и военных служащих республики уважать и заставлять уважать территорию всех нейтральных или союзных наций» (ст. 4). Исходя из этих принципов, Франция считала нарушением обязанностей нейтралитета пропуск нейтральным государством через свою территорию неприятельской армии. Поэтому германские княжества, допустившие проход австро-прусских войск, рассматривались Францией как враждебные государства. Отдельные германские государства (Гессен-Нассау-Сешен и др.), выставив свои воинские контингенты в составе имперской (австрийской) армии, продолжали считать себя нейтральными, ссылаясь на свою «готическую конституцию». Франция отвергла этот тезис, утверждая, что государство, «выставив свой контингент, не может называться нейтральным иначе как в насмешку». По франко-прусскому соглашению 17 мая 1795 г. Франция соглашалась признавать нейтральными германские государства, расположенные к северу от р. Майна, при условии, что они отзовут свои контингенты из имперской армии и будут строго соблюдать обязанности нейтралитета. Точно так же, признавая нейтралитет швейцарских кантонов, французское правительство не возобновило прежних франко-швейцарских капитуляций, предоставлявших Франции право вербовать себе солдат в Швейцарии.

Французские нововведения в области нейтралитета, вошедшие в практику XIX столетия и закрепленные, в частности, в V и XIII гаагских конвенциях 1907 г., связаны как с новой системой организации армии (отказ от наемных и иностранных контингентов), так и с характером войн революционной Франции («народный суверенитет», новое понятие территории и пр.), не допускавшим того обращения с нейтральными государствами, которое типично для феодально-абсолютистского периода. Наконец, ставка якобинского Конвента на международное сотрудничество буржуазии против феодальной реакции также сыграла немалую роль в утверждении новой концепции нейтралитета.

Нам остается подвести итоги и ответить на вопрос — что внесла нового французская буржуазная революция 1789 г. в международное право.

Ключ к правильному уяснению международноправовых позиций французской революции следует искать в социально-экономических изменениях, которые происходили во Франции того времени, в политике классов и групп, которые стояли у кормила ее государственной власти. В некоторых вопросах классовая подоплека сама бьет в глаза. Так, например, когда революционная Франция защищала пред лицом монархической коалиции

принцип народного суверенитета, отвергала право одного государства вмешиваться во внутренние дела другого, когда ее победоносные армии содействовали ликвидации в оккупированных областях пережитков феодального строя или когда французское правительство добивалось отмены каперства и «свободы морей» как коррелата к «свободе торговли», то ясно и без комментариев, чьи классовые интересы поставлены были здесь на карту. В других случаях для выяснения классового характера новых принципов требуется предварительный анализ. Так, например, чтобы понять новые принципы обращения с ранеными и пленными, нужно уяснить себе не только новые методы пополнения французской армии, но всю сложную систему новых моральных и политических идей, выработанных буржуазией в период ее борьбы против феодализма.

Таким образом, в соответствующих институтах международного права новый класс, ставший господствующим во Франции, стремился закрепить в международных отношениях порядок, угодный и выгодный буржуазии. Но, говоря о порядках, угодных и выгодных буржуазии, не следует, конечно, впадать в упрощенство и отождествлять классовую выгоду с узко карманными интересами французского купца или промышленника.

О влиянии международноправовых принципов французской революции на современников ярко говорит тот факт, что даже враги ее, абсолютистские правительства, вынуждены были, пусть лицемерно и обманывая массы, обращаться к языку и приемам революции (конфискация церковных ценностей в Испании, провозглашение поголовного восстания в Австрии, спекуляция национально-освободительными лозунгами в Пруссии и т. д.). Не приходится говорить о том могучем отклике, который имели международноправовые идеи французской революции для буржуазно-демократических и национально-освободительных движений в других государствах земного шара, вплоть до далеких стран Южной, и Центральной Америки.

В связи с дальнейшими победами буржуазии над феодалами в ряде стран Европы и Америки международноправовые новшества французской буржуазной революции завоевывали себе все более широкое международное признание и многие из них получили свое юридическое оформление как «общепризнанные начала международного права» и в качестве таковых вошли в различные договоры и конвенции XIX в. Известное указание Ленина, что весь XIX век, «тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции»,[1] применимо полностью и к международному праву: для этого достаточно простого сопоставления содержания, например, международных соглашений о «законах и обычаях войны» (женевские и гаагские конвенции), с международноправовой практикой французской революции, положенной в их основу.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 304.

Глава четырнадцатая

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА

В ТРУДАХ буржуазных историков французской революции XVIII в. культурные завоевания этого периода не получили должной оценки: их историческое значение до сих пор признается лишь немногими и то со всякого рода ограничениями. Внимание большинства историков заострялось на разрушительной силе революции; число неизбежных ее жертв они преувеличивали; сравнительно незначительные разрушения культурных памятников они оплакивали не в меру и клеймили как «вандализм». По свидетельству одного из историков революции, сына Карно, «число этих печальных фактов было чрезвычайно преувеличено, многие предметы, которые считались уничтоженными, позднее были найдены; злоба и невежество обвинили революцию в разрушениях, в которых она совершенно неповинна: многие шедевры феодальной и церковной архитектуры погибли гораздо ранее, еще со времени религиозных войн, или были разрушены Ришелье...» Наконец, огромные потери, понесенные страной в результате войны, относились на счет революции. В то же время все созидательное, творческое в области культуры старательно замалчивалось.

Между тем, деятельность созданной уже в 1790 г. Комиссии по охране памятников культуры и протоколы Временной комиссии ремесл и искусств (Commission temporaire des arts), сформированной Конвентом в августе — декабре 1793 г., с полной убедительностью свидетельствуют о том, что революционные власти не только издавали декреты, грозившие суровой карой за разрушение памятников, но осуществляли реальные энергичные мероприятия по спасению их и по передаче в национальное пользование всякого рода культурных ценностей, сосредоточенных до того в индивидуальном владении таких категорий лиц, как эмигранты или члены королевского дома, а частью во владении церкви. Эти документы, на ряду с протоколами Комиссий народного образования, опубликованными Гийомом, а также материалами Комитета сельского хозяйства и промышленности и Исполнительных комиссий, с поразительной силой обнаруживают ту пропасть, которая существовала в феодально-королевской Франции между высококультурной прослойкой буржуазии и привилегированных сословий, с одной стороны, и лишенными элементарного

образования народными массами, с другой; и те же документы говорят о громадной напряженной борьбе передовых демократических деятелей революции за уничтожение этой пропасти, за распространение благ культуры и цивилизации на более широкие слои населения.

Чрезвычайно характерны в этом отношении мероприятия революции, направленные на статистическое изучение богатств и нужд страны. Всевозможные анкеты, начиная с общеэкономического обследования Франции 1791—1792 гг., по инициативе Ролана, предпринимаются в продолжение всего периода революции.

В своем культурном строительстве Конвент, Комитет общественного спасения и созданные при нем Исполнительные комиссии опирались на всю страну, на все живые силы на местах, обращались к содействию ученых. Сохранилось, например, письмо Исполнительной комиссии по народному образованию к натуралисту Добантону от 13 июня 1794 г. (25 прериаля II года), из которого видно, что в разгар борьбы с коалицией Конвент намеревался предпринять научное обследование и описание страны.

Комитет общественного спасения действительно разослал департаментам 1 сентября 1795 г. (15 фрюктидора III года) циркуляр, содержащий «вопросы о положении сельского хозяйства, наук, ремесл, фабрик, мануфактур, торговли и пр.». Комитет призывал ответить на эти вопросы «в интересах общественного блага», «науки, техники и управления», при содействии «граждан, известных своими знаниями и опытом». Ответы на анкету, к сожалению, не опубликованы. Они могли бы осветить относящиеся непосредственно к культуре вопросы «третьего раздела» анкеты о количестве «людей, занимающихся наукой», «выдающихся своими талантами в области литературы, искусства, например, живописи, архитектуры, скульптуры». Анкета осведомляется о наличии академий или ученых обществ и об их заслугах. Непосредственно за этим вопросом следуют вопросы о фабриках и мануфактурах, имеющихся в департаменте, их техническом оборудовании, причем предлагается дать подробное описание технических и технологических процессов и применяемых машин, сообщить о желательности их распространения на другие предприятия или отрасли.

Ясно, что вопросы культуры в сознании авторов анкеты тесно переплетаются с вопросами ее материального базиса, и это не случайное, а характерное для периода революции явление.

Легенда о «вандализме» французской революции, подхваченная реакционной историографией (достаточно напомнить формулировку Адольфа Шмидта — «жажда разрушения, лишенная творческих сил»), имела одним из своих мутных источников термидорианскую реакцию. Немалую роль в создании этой легенды сыграл выдающийся научный и политический деятель конца XVIII века химик Фуркруа. Как ученый он имел большие заслуги в деле упрочения и распространения антифлогистонной химии Лавуазье и не меньшие в создании, на ряду с другими учеными, под руководством Комитета общественного спасения, оборонной химической промышленности. Один из радикальных членов Конвента и его Комитета народного образования, видный член Якобинского клуба, Фуркруа примкнул затем к термидорианцам и даже вошел в состав термидорианского Комитета общественного спасения.

В своем выступлении в Конвенте (вскоре после переворота) в связи с созданием Политехнической школы Фуркруа изобразил побежденных робеспьеристов не только «тиранами», но и обскурантами, хотя как раз проект этого замечательного просветительного учреждения был принят в основных своих чертах прежним Комитетом за 4 месяца до 9 термидора.

Фуркруа позволил себе клеветническое утверждение о существовавшем

будто бы «заговоре против прогресса человеческого разума». «Необходимо довести до сведения Конвента, — говорил он в другом своем докладе 3 января 1794 г. (14 нивоза), — что... гений наук и искусств, преследуемый узурпаторами народных прав, изгнанный тиранами, которые опасались их полезного воздействия... нашел защиту и был в некотором смысле укрыт... чистыми его членами... в недрах самого Комитета [общественного спасения] от взоров триумвирата».

Блестящий оратор и стилист, Фуркруа не отличался ни политической, ни моральной устойчивостью: он, по словам историка Ришара, «не поколебался сыграть на страстях, которые кипели тогда среди большинства Конвента, и сознательно исказить истину».

Лживость этой басни доказывают многочисленные подписанные, а также собственноручно составленные Робеспьером и Сен-Жюстом декреты и постановления Комитета общественного спасения, направленные на привлечение и использование научных сил страны. Организация Секции вооружений (Section des armes et des poudres) под специальным руководством Карно, Ленде и в особенности Приёра с привлечением в нее ученых была осуществлена согласно взглядам Робеспьера на разделение труда по управлению среди членов Комитета общественного спасения. Нелепость утверждения об «укрытии ученых от взора триумвирата» явствует с очевидностью из того, что Карно, Приёр и Барер в своих публичных отчетах в Конвенте 3 ноября, 4 декабря, 1 февраля и 14 июля (13 брюмера, 14 фримера, 13 плювиоза и 26 мессидора II года) о ходе развернутой ими грандиозной кампании по созданию вооружений полностью отдавали дань заслугам ученых и помощи, оказанной ими Комитету.

Однако отражение версии, пущенной в ход Фуркруа, нашло себе место уже в первом «Очерке по истории науки во время революции», вышедшем в 1803 г. и принадлежащем перу крупного и разностороннего ученого — Жана-Батиста Био, допустившего ряд резких выпадов против Конвента и Робеспьера, «соорудившего себе кровавый трон». Факты вынуждают и этого явно жирондистски настроенного историка признать, что «положение наук в период Конвента было беспримерно», что «революционный деспотизм обеспечил им политическое влияние и использовал их, чтобы внушить доверие народу и гарантировать победу». Но и в этих положительных оценках и отзывах Био слышатся отголоски термидорианских обвинений: «все средства защиты [отечества], — говорит он, — вышли из темной мастерской, куда укрылся было гений науки».

Лишь в 30-х годах XIX века у историка Фурси, посвятившего свой труд о Политехнической школе сыну Карла X, мы находим, несколько неожиданно, вполне беспристрастное освещение деятельности Комитета общественного спасения и той роли, какую играли при нем ученые Франции. Он пишет: «В то время при Комитете общественного спасения находился своеобразный конгресс ученых, в котором была достойно представлена бо́льшая часть точных и естественных наук. Именно оттуда в ответ на призыв всемогущего Комитета исходили те замечательные по своей ясности [технические и технологические] инструкции, те молниеносные изобретения, те гениальные и ускоренные методы, которые высвобождали технические процессы из-под власти рутины и поднимали производство сразу на уровень огромных потребностей революции».

Последующая историография этого вопроса, чрезвычайно важного для характеристики культуры революционного периода, блестяще показала на богатейшем архивном материале творческую, созидательную роль революции и в особенности Конвента и Комитета общественного спасения. И если тезис Эжена Депуа, выдвинутый им в конце 60-х годов

XIX века о том, что «II год республики является важной датой в истории французской науки», мог еще в свое время казаться парадоксом в глазах большинства, то в настоящее время можно считать установленным следующее положение: революционная и особенно республиканская Франция 1793—1794 гг. с ее Комитетом общественного спасения второго созыва вписали полные пафоса страницы в историю создания буржуазной культуры.

Деятели буржуазной революции, — в частности периода якобинской диктатуры, — среди которых мы встречаем имена крупнейших ученых, показали себя прямыми продолжателями и преемниками великих теоретиков, корифеев «просветительной философии». Они на практике осуществили ряд поставленных ими задач и проложили новые пути для дальнейшего роста материальных оснований буржуазной культуры, которые, по определению Ленина, состояли «в развитии капиталистической техники, росте товарного хозяйства и обмена, приводящих людей в более частые столкновения друг с другом, разрушающих средневековую обособленность отдельных местностей».[1]

ВВЕДЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕР И ВЕСА

Одной из наиболее важных и характерных реформ этого рода, проведенных революцией, является введение единой системы мер и веса. Это именно тот участок культурного творчества революции, на котором особенно ярко выступает его связь с потребностями экономики. Величие созданной системы обнаруживается в ее живучести и универсальности. Она была введена в XIX веке в целом ряде государств Европы и Америки, а после Октябрьской социалистической революции — в Советской России. Она так прочно вошла в быт большинства культурных народов, что представляется чем-то естественным, обыденным, и только более обстоятельное историческое освещение ее проведения помогает осознать всю грандиозность этого предприятия и уяснить его всемирно-историческое значение. Изложение этапов проведения реформы дает возможность установить с несомненностью, что именно Конвенту, а не «предшествующим Собраниям», как утверждал в свое время хотя бы тот же Био, а в самое последнее время Фавр, принадлежит честь завершения этой «революции».

Пережитки средневековья в области мер и веса сказывались во Франции к началу революции сильнее, чем в других крупных государствах; пестрота и запутанность единиц измерения в отдельных провинциях была, по свидетельству Артура Юнга, «безграничной и невообразимой» и чрезвычайно тормозила развитие хозяйства Франции, особенно ее торговли.

Различия в мерах существовали «не только между провинциями, но и в одном и том же городе, поселке, селении». Особенные затруднения вызывала «пестрота содержания, скрывавшаяся под одними и теми же названиями», как это констатировал в своем докладе по данному вопросу в Учредительном собрании один из инициаторов реформы, Талейран. Особая пестрота царила в единицах измерения поверхности земли. Пять названий (арпан, сетере и др.) обозначали 43 различные по величине меры.

Для измерения длины тканей на севере Франции употреблялась мера, называемая «он» (aune); на юге она же называлась «кон» (caune), но под этими двумя названиями в разных местностях Франции обращалось свыше десятка реальных единиц измерения длины, различных по своим размерам.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 152.

Уже с XVI века королевская власть делала попытки внести какую-то регламентацию в этот хаос, но эти попытки не дали почти никаких результатов.

Даже основные единицы, установленные королевскими ордонансами, страдали большими недостатками и имели к тому же накануне революции значение не общепринятых, а лишь наиболее распространенных мер. Отношение к ним прочих мер пытались установить еще со времен Кольбера, создавая справочные таблицы; но даже относительно лучшей из них, — «Метрологии» Пауктона, содержащей сравнение мер лишь нескольких провинций, Артур Юнг заметил, что она «может так же часто ввести в заблуждение, как и дать руководящие указания».

Что касается отношений французских мер к иностранным, то они были еще менее известны. Астроном Лаланд приступил к составлению сравнительной таблицы такого рода, но затем отказался от продолжения ее. Таблицу Лаланда использовал позднее тот же Пауктон, но предприятие это явно превосходило силы одного человека.

История усилий монархии, направленных на установление единства в системе мер и веса, есть история ее бессилия. Последний из королевских министров, взявшихся было за проведение реформы, Неккер, отступил перед ее сложностью.

Между тем, положение было тем более остро, что право хранения образца и право надзора за мерой и весом принадлежало сеньерам и лишь оспаривалось королевской властью. Среди 23 сеньериальных прав, перечисленных в тексте отменявшего их декрета 15 мая 1790 г., имеются «право эталоннажа», «онаж», просто «мера и вес» и т. п. Можно себе представить, какое широкое поле для злоупотреблений всеми этими правами открывал существовавший еще в этой области хаос.

В ряде «наказов» 1789 г. фигурирует лозунг: «Единый для всей Франции король, единый закон, единые мера и вес», но большей частью этот вопрос затрагивается очень осторожно и сдержанно. Дворяне опасались за свои привилегии, а буржуазия не желала конфликта с дворянством на этой почве. С другой стороны, некоторые группы торговцев открыто отстаивали доход от различия мер и веса, как необходимый коммерческий стимул.

Приход Мулиньона пишет в своем наказе: «О, как давно жаждут этой реформы и скольким процессам и распрям она положила бы конец»; но опасаясь, как бы трудности реализации реформы во всем объеме не заставили от нее вообще отказаться, он добавляет: «установите единство, хотя бы в пределах возможного (autant que faire se pourra), хотя бы в отдельных провинциях или даже бальяжах».

Итак, реформа объективно назрела; для дальнейшего экономического развития Франции, для ее политического и культурного объединения она была совершенно необходима; но освобождение Франции от остатков феодальных пут и в этой области могло произойти только путем открытой борьбы, революционными методами.

Принципиальные основания реформы к началу революции также оказались в значительной мере выработанными.

Академия наук вынуждена была несколько раз заниматься уточнением эталона для практических целей торговли. Потребность в точной единице измерения для научных целей возникла и стала проникать в сознание уже в XVII веке. Ла Кондамин определенно связывает «потребность в скрупулезной точности при проверке измерительных приборов» с двумя обстоятельными и уже довольно точными измерениями, произведенными впервые во второй половине XVII в. и продолжавшимися в дальнейшем, — измерением длины секундного маятника и определением размеров и формы

земли путем измерения градуса меридиана на различных широтах. Великий изобретатель часов с маятником и автор знаменитого трактата о его качании — Гюйгенс — свидетельствует, что впервые мысль об использовании маятника для контроля эталонов длины родилась в недрах Лондонского королевского общества. Французский ученый аббат Габриэль Мутон, математик и астроном, в своей работе «Идея новых геометрических измерений и новый метод превратить их и всякие другие меры в неизменные и сохранить их таковыми» предложил в 1670 г. сохранить за маятником значение контрольного аппарата, а за основу эталона взять часть дуги меридиана с подразделением ее на десятые, сотые, и так далее, доли. Так, собственно, была уже установлена в то время единая не только для Франции, но и для Англии и Нидерландов, морская миля. Мутон добавил к этому оригинальный проект применения данной системы ко всем измерениям длины, ко всем геометрическим измерениям — поверхности и объема. Здесь налицо уже почти все элементы метрической системы, и особенно, ценный принцип десятичного деления. Но этот проект в исторических условиях Франции XVII и XVIII веков остался лишь гениальным предвосхищением.

Только в революционной Франции оказались на-лицо материальные и социально-политические предпосылки для реализации новой системы. Победа буржуазии над абсолютизмом, над землевладельческой аристократией, «превращение ее из сословия в класс», вынудившее ее «организоваться не в местном, а национальном масштабе» и «придать своему общему интересу всеобщую форму» [1], открыли дорогу метрической системе.

Учредительное собрание, где этот вопрос стоял уже с начала 1790 г., предпочло проект Талейрана осторожному и узко практическому проекту Тилле и Абейя, членов Королевского сельскохозяйственного общества, предлагавших распространить парижские меры на всю территорию Франции. Проект Талейрана сводился к тому, чтобы совместно с Англией создать метрическую систему, которая не преминет вскоре стать универсальной, поскольку она будет «неизменной», построенной на единице, взятой из природы. Из двух возможных Талейран предпочитал длину секундного маятника на средней для цивилизованного мира широте — 45°. В это же время (13 апреля 1790 г.) в английскую Палату общин, в свою очередь, был действительно внесен проект введения в Великобритании единой системы мер, созданной на основе секундного маятника Лондона, «среднего для всей Европы» эталона. Проект был разработан членом палаты Джоном Риггс-Мюллером, с которым Талейран вступает по этому вопросу в дружескую переписку. Дипломатическая подоплека этого плана ясно проступает в этих письмах и в докладе Талейрана Собранию. «В таком сотрудничестве двух наций, совместно стремящихся получить у самой природы ответ на существеннейший вопрос, можно усмотреть основу для заключения политического союза при посредстве науки»... «Слишком долго суетные претензии и преступные интересы вызывали раздоры среди этих двух наций; настало время, чтобы оба свободных народа объединили свои усилия и направили свой труд на изыскания на пользу всего человеческого рода».

Этот призыв вполне отвечал универсалистским настроениям первых лет революции и практическим международно-политическим задачам момента—предотвращению угрозы осложнений с Англией в связи с надвигавшейся англо-испанской войной. 8 мая 1790 г. Учредительное собрание постановило «умолять короля обратиться с письмом к английскому

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. М., 1935, стр. 52.

королю» о совместном проведении метрической системы. Но за четыре дня до издания декрета Англия, угрожая Франции, привела свой флот в боевую готовность. Это осложнение взаимоотношений, а также связанный с ними роспуск английского парламента, были причиной провала попытки международного решения проблемы совместными усилиями двух наций.

В то же время выяснилось, что английское правительство вообще отступило перед сложностью задачи проведения реформы в Великобритании. Соединенные Штаты были на пути к ее осуществлению по проекту Джефферсона. Но сенатская комиссия задержала (1 марта 1791 г.) проведение реформы под предлогом, что еще «нет ответа на сделанное французскому и британскому правительствам предложение о введении международного эталона». Соглашение, однако, уже не могло состояться и с Соединенными Штатами, поскольку Джефферсон был сторонником маятника, а комиссия французской Академии наук после отказа Англии от участия в реформе изменила основу эталона. 25 марта 1791 г. Национальному собранию был представлен проект единицы мер, разработанный комиссией но уже на основе длины одной четверти меридиана. Для установления ее длины Академия предлагала снарядить специальную экспедицию и провести измерение дуги длиной в 9.5° между Дюнкерком и Барселоной.

Чем объяснить такую перемену решения комиссии? Лаланд и другие высказывали предположение, что эта экспедиция была затеяна под влиянием Борда, который незадолго перед тем изобрел прибор для очень точного измерения углов и ухватился за этот «исключительный случай», чтобы быстро внедрить его в научных кругах и одновременно «оказать услуги географии и астрономии» путем более точного «измерения земного шара».

Мотивировка этого предприятия, конечно, была иная, — декрет 26 марта 1791 г. гласил: «Национальное собрание считает, что... единственный способ распространения такого единообразия на другие нации... это избрать единицу, которая в своем определении не содержала бы ничего произвольного и ничего, говорящего об особом положении какого-либо народа на земном шаре...» Франция отнюдь не стремится создать себе какое-либо преимущество: избранная часть дуги меридиана пересекается почти посередине 45° широты, которому соответствует средняя длина маятника, это «единственный меридиан, где имеется дуга, концы которой находятся на уровне моря», и пр. и пр. Собрание утвердило проект, ассигновав 100 тыс. ливров на экспедицию и другие мероприятия с обещанием дальнейших субсидий, и, таким образом, положило начало реализации реформы на самых широких основаниях.

Но осуществления намеченных Академией мероприятий пришлось ждать долго: в королевской Франции плохо обстояло дело с научной аппаратурой, и Борда пришлось потратить год на создание геодезического инструментария; геодезист и астроном Деламбр только в июне 1792 г. смог приступить к измерению порученной ему части меридиана. Работать ему пришлось в тяжелых условиях обостренного недоверия со стороны местной администрации, постоянной проверки документов, с опасностью для жизни. Мешен, который вел промер на Барселону, был некоторое время отрезан от Франции.

25 ноября 1792 г. Борда сообщил в Конвенте, что рассчитывает закончить работу в начале 1794 г. Однако на деле геодезическая часть работы затягивалась: она потребовала еще ряда лет. 29 мая 1793 г. Борда представил на утверждение Академии все прочие элементы научно разработанной метрической системы. Особенными достижениями ее были прин-

цип простейших отношений между единицами длины, поверхности, объема и емкости, а также между этими последними и единицей массы, принцип десятичного исчисления и новая простая номенклатура. При этом Борда высказался за немедленное проведение системы в жизнь, не ожидая конца геодезических работ, и приняв временно за основу результат измерения меридиана аббатом Лакай в 1740 г.

1 августа 1793 г. математик Арбогаст, член Комиссии народного образования Конвента, куда последний направил проект на заключение, сделал в этом духе доклад Конвенту. Обстановка в этот момент была такова, что немедленное введение единой системы мер было необходимо, помимо всего прочего, из соображений единства и неделимости республики. В том же заседании Барер сообщал, что, кроме Майнца, капитулировал Валансьенн; он разоблачал английский шпионаж и в громовой речи требовал «ударить одновременно по Англии, Австрии, Вандее, Тамплю и по Бурбонам». Декрет о новой метрической системе прошел в этот знаменательный день наряду с декретами о предании Марии-Антуанетты суду Революционного трибунала, о закрытии парижских застав и об изгнании из Франции подданных враждебных стран. Система попрежнему универсальна, но теперь это ее свойство не так подчеркивается. Она прежде всего должна сплотить Францию в единое целое, положить предел спекуляции на старых мерах и уничтожить «ненавистные остатки тирании».

Лишь 7 апреля 1795 г. Конвент решил возобновить операции для замены временной единицы измерения постоянной. Декретом 7 апреля 1795 г. за новыми мерами официально устанавливается название «республиканских», и первая статья декрета гласит, что «пользуясь новыми мерами еще до того, как они будут объявлены обязательными, граждане дадут доказательство своей преданности единству и нераздельности республики». Для предохранения эталона от порчи решено воздвигнуть памятник, который увековечит «это творение республики, триумф французского народа и достигнутые им успехи в области культуры» (ст. 25). И действительно, платиновые образцы—прототипы эталонов—вызывали впоследствии восхищение Международной комиссии метра на съезде ее в Париже в 1873 г. «совершенством осуществления самого великого научного предприятия революции».

Так было завершено «предприятие, результаты которого,—по верному прогнозу Талейрана,—должны будут в один прекрасный день стать достоянием всего мира». И недаром на метре был выгравирован гордый девиз. «На все времена всем народам».

Метрическая система — это один из первых примеров научной рационализации, проникновения обобщенного научного знания в экономику и быт общества. И если первый этап революции заложил основы и выработал принципы новой системы, то практически решительные меры по ее введению в жизнь были приняты только Конвентом в период революционной диктатуры второго Комитета общественного спасения. История введения метрической системы — яркая иллюстрация тезиса Маркса и Энгельса о том, что «революция — движущая сила истории».[1] Для осуществления вполне созревшей идеи реформы понадобилось не только наличие необходимых материальных предпосылок, но и полный переворот в существующих общественных отношениях. Это понял и Талейран, когда подчеркнул, что именно революция устранила «единственное препятствие реформе», ликвидировав противоречия интересов сеньеров и вассалов, связанные с взносом натуральных повинностей.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. М. 1935, стр. 28.

СОЗДАНИЕ НОВЫХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПЕРЕСТРОЙКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Творческая, созидательная роль революции сказалась также в коренной перестройке высшей школы, в создании ряда специальных школ, венцом которых явилась знаменитая Политехническая школа, и, наконец, в реорганизации системы научных учреждений. Здесь с той же наглядностью выступает теснейшая связь «духовного обновления» Франции как с «материальным, производственным», так и с политическим обновлением ее, — связь, которую так подчеркивал Ленин.[1]

Высшее образование во Франции до революции сосредоточивалось в 22 университетах, разбросанных по территории страны. Они не представляли чего-то однородного, не отражали никакой системы преподавания; высшее образование в них часто не было отграничено от среднего; даже по признанию историков, враждебных революции, они, находясь и материально, и идейно под сильнейшим влиянием католической церкви, всегда стояли в стороне от развития общественной мысли. Известный уже нам Био, приписывая развал университетов «общему возбуждению, порожденному революцией», в то же время признает, что «ничего не стоило дезорганизовать эти уже устаревшие учреждения, не пользовавшиеся никаким весом в общественном мнении», так как они «отстали во всем, что касается науки и техники, на несколько столетий». «Перипатетические в то время, когда ученый мир вместе с Декартом отказывается от философии Аристотеля, они делаются картезианскими, когда все становятся ньютоньянцами».

Перед революцией критика университетов раздается повсюду, старой системе противопоставляется требование «национальной системы образования и вытекающей из нее реформы университетов»; но конкретных проектов такой реформы мы не встречаем ни в литературе, ни в наказах.

С началом революции существованию университетов нанесен был ряд ударов, подорвавших, в частности, их материальную базу. С установлением гражданского состояния духовенства (12 июля 1790 г.), с упразднением конгрегаций и с уничтожением светских корпораций (18 августа 1792 г.) устраняется от преподавания, а затем распыляется основная часть преподавательского персонала университетов и коллежей, закрываются общества, субсидировавшие эти очаги католического влияния; уничтожение десятины и муниципальных пошлин лишает их до двух третей их доходов. Декрет 15 сентября 1793 г. об «упразднении богословских, медицинских, юридических и технических [ремесленных] факультетов на всей территории республики», принятый Конвентом по настоянию депутации от парижских секций, Коммуны и народных обществ, являлся лишь юридическим оформлением фактической смерти этих выродившихся учреждений старой Франции.

Упразднение Академий

Перестройка научных учреждений прошла несколько этапов. Во Франции накануне революции существовало три специализированных Академии в Париже: Французская академия, Академия надписей и Академия наук. В первых двух разрабатывались вопросы литературного, исторического и лингвистического характера. Последняя занималась исключительно точными и естественными науками. Кроме того, во многих провинциальных центрах (Бордо, Монпелье, Дижон и другие) существовали научно-литературные общества, также носившие наименование «Академий». Еще Мирабо было поручено сделать об Академиях доклад Учредительному

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 190.

собранию. После его смерти доклад этот был отредактирован и опубликован Кабанисом, другом Мирабо. В этом докладе все Академии клеймились в нем как «школы сервилизма и лжи», как привилегированные корпорации, подлежащие упразднению. Финансовый комитет Национального собрания, учитывая при обсуждении государственной сметы связь науки и практики, высказал, однако, надежду, что Академии будут поставлены на службу интересам нации. «Академия наук может быть безгранично полезна нашим ремеслам, нашим мануфактурам». Никаких сокращений государственных расходов Комитет не допускал ни в отношении Обсерватории, ни в отношении Медицинского королевского общества, «которое имеет большие заслуги и которое может оказать еще бо́льшие услуги обществу».

Дальнейшее развитие революционных событий показало, что значительная часть членов парижских Академий, тесно связанных различными привилегиями с королевской властью, с королевской семьей и с крупной аристократией, неспособна пойти за революцией. Десять членов одной лишь Французской академии эмигрировали в первые же годы. Академии делаются предметом ожесточенных нападок со стороны демократической прессы. В номере «Друга народа» от 27 января 1791 г. Марат, направляя свои главные стрелы против Лавуазье, называет академиков «шарлатанами», а затем выпускает специальную брошюру под заглавием: «Современные шарлатаны, или Письма об академическом шарлатанизме, опубликованные Маратом, Другом народа».

Марат, медик, физик-экспериментатор и изобретатель физических приборов, переводчик «Оптики» Ньютона, стоял в стороне от официальной науки и тщетно добивался признания со стороны Парижской Академии наук своих идей, ценности своих работ.

Марат был глубоко не прав, расценивая в своем памфлете создание французской школы химиков, объединенных новой теорией и установивших новую номенклатуру, как «группирование паразитов вокруг Лавуазье», которого они «превозносят до небес». Однако, обвиняя академиков в лице Лавуазье — «корифея шарлатанов», — Марат выступал на борьбу с ними не по мотивам личного свойства, как это до сих пор, с легкой руки Мишле и Араго, утверждают многие историки, но по мотивам политическим и социальным. Друг народа видел, что некоторые академики, и в частности Лавуазье, принявшие деятельное участие в революции на первом ее этапе, скоро внутренне отшатнулись от нее, хотя и продолжали вести большую работу.

5 февраля 1790 г., вскоре после принесения им в Национальном собрании присяги депутата-заместителя, Лавуазье писал Франклину: «Пользуюсь случаем поговорить о нашей политической революции; мы считаем ее совершившейся, и совершившейся удачно, бесповоротно; впрочем, еще остается аристократическая партия, которая, несмотря на все прилагаемые ею усилия, очевидно, побеждена. Демократическая партия имеет на своей стороне численный перевес и, кроме того, образование, философию, просвещение. Умеренные люди, сохраняющие хладнокровие в этом общем возбуждении, полагают, что обстоятельства увлекли нас слишком далеко, они очень сожалеют, что пришлось вооружить народ и всех граждан; они считают, что неполитично давать силу в руки тем, кто должен повиноваться, и опасаются, что новая Конституция встретит препятствия со стороны именно тех, в пользу кого она была создана... Мы очень сожалеем, что в настоящий момент вы не во Франции; вы были бы нашим руководителем и указали бы нам тот предел, которого мы не должны были бы переходить».

По мере углубления революции ряды ученых раскалывались. Лавуазье даже в июне 1792 г. верил в «патриотические чувства» Людо-

вика XVI и его «нежную заботу о счастии народа», как о том свидетельствует его письмо к королю. «Я не якобинец и не фельян, я считаю, что Законодательное собрание вышло из пределов, намеченных Конституцией», — писал он, отказываясь от предложенного ему поста министра государственного обложения (contributions publiques). С другой стороны, Фуркруа уже 25 апреля 1792 г. внес на заседание Академии наук предложение об исключении из ее состава эмигрировавших членов Академии, а также академиков, известных своим контрреволюционным образом мыслей, подобно тому, как это сделало Медицинское общество. Математик Кузен предложил передать этот вопрос на усмотрение министра внутренних дел, который и пересмотрел состав Академии.

Между тем, в связи с обсуждением бюджета Академии и выплатой гонорара академикам, в недрах Конвента и его Комитета народного образования возникла острая борьба между противниками всякого рода «корпораций» и сторонниками сохранения Академии наук, «которая, — как говорили ее защитники, — всегда состояла из первых во всей Европе ученых, описала более 400 машин, опубликовала 130 томов, представляющих один из прекраснейших памятников человеческого ума», которая «продолжает с удивительной энергией работу над порученными ей Конвентом исследованиями... как производство селитры, измерение градуса меридиана и т. п.».

В Комитете народного образования выход из создавшегося положения нашел Грегуар; был подготовлен проект декрета, первый пункт которого гласил: «Все привилегированные (patentés) и содержащиеся на средства нации Академии и литературные общества упраздняются». Но в дальнейших пунктах проекта для Академии наук временно делалось исключение, в виду того, что «ей были поручены Конвентом важные работы». Одновременно Комитету народного образования вменялось в обязанность «представить незамедлительно план организации общества для развития наук и технических искусств и ремесл... поскольку граждане имеют право объединяться в свободные общества, чтобы способствовать прогрессу человеческих знаний». Однако выступление в Конвенте Давида против Академии живописи и скульптуры увлекло Собрание на путь полного упразднения всех учреждений этого рода, и первый пункт проекта был вотирован, а остальные отложены. Это произошло 8 августа, а 14-го, под влиянием представления Лавуазье, казначея Академии, о гибели, угрожающей всем ее научным предприятиям, — в частности составлению минералогических карт Демаре, работам Фуркруа, Сажа и Бертолле, принятым на счет государства, исследованиям по анатомии Вик-д'Азира, на которые уже затрачены 6 тыс. ливров, подготовке новой метрической системы, — Лаканаль провел в Конвенте декрет, в силу которого «членам бывшей Академии наук разрешалось собираться в обычном месте для изучения вопросов как уже внесенных, так и могущих быть в дальнейшем предложенными Конвентом». Но когда академики явились 17 августа на заседание, помещения Лувра оказались опечатанными по распоряжению директории Парижского департамента, проводившей в жизнь декрет 8 августа и либо не осведомленной о декрете 14 августа, либо намеренно уклонившейся от его выполнения.

После горячих прений в Комитете между сторонниками Лаканаля, добивавшегося простого проведения в жизнь декрета Конвента от 14 августа, и единомышленниками Фуркруа, победа осталась за последними: Академия была закрыта и образована лишь временная Комиссия мер и веса.

Между тем жизнь страны и самая борьба на внутреннем и внешнем фронтах предъявляла ежечасные требования, которые могли быть раз-

решены только с помощью науки и техники. Из среды ученых выдвигаются кадры более радикально настроенных представителей науки, — главным образом из рядов мелкой буржуазии и молодежи, — заслуживших доверие масс и революционного правительства Конвента. Создается ряд новых, революционных научных и научно-технических организаций, в которых лихорадочно осуществляются давно созревшие и вновь рождающиеся планы и проекты.

Высшее образование в проектах Талейрана, Кондорсе и Лавуазье

Еще Талейран, констатируя «прекращение деятельности университетов» в своем докладе по народному образованию, представленном им от имени Конституционного комитета Учредительного собрания, предлагал передать высшее образование специальным школам в департаментских центрах и Национальному институту в Париже. Но проект не удовлетворил радикально-демократических элементов буржуазии, стремившихся лишить королевское правительство влияния в вопросах народного образования и взять его в свои руки. Поэтому Законодательное собрание не вернулось к обсуждению этого проекта, отложенного Учредительным собранием.

По проекту Кондорсе, представленному им 30 января 1792 г. Комитету народного образования Законодательного собрания, предусматривалось два лицея для преподавания всех наук «во всем их широком объеме», в которых должны были формироваться ученые и профессорский состав, и Национальное общество наук и технических искусств (Société nationale des sciences et des arts). В этом стройном плане народного образования нашло свое отражение материальное производственное обновление Франции и ее острая потребность в формировании специалистов для различных отраслей хозяйства, технических кадров всех степеней.

Однако задачи Национального общества были формулированы неудачно, расплывчато, слишком подчеркивалось «общее совершенствование человеческого разума». Именно в этой части положения Кондорсе, сохранившиеся и в новом проекте, внесенном в Конвент, подверглись наиболее острой критике.

Дюран-Майян, католик и реакционер, выступил в прениях 12—14 декабря 1792 г. против «засилия науки», против создания «ученой корпорации», своего рода «государства в государстве». Сиейес и Дону, которые в 1795 г. используют мысль Кондорсе для создания Национального института (Institut de France), в 1793 г. возражали против «государственной монополии в области прогресса человеческого разума». В июле — сентябре 1793 г., в разгар гражданской борьбы, остро сказывалось в народных массах опасение восстановления аристократии, «новой аристократии ученых». Выразительницей этих настроений была специальная депутация от Парижской коммуны и народных организаций в Конвенте 15 сентября 1793 г. В то же время Камбон и особенно Фабр-д'Эглантин протестовали против «восстановления Академий под другим названием».

Другой характерный для периода революции проект был представлен в Комитет народного образования Конвента в сентябре 1793 г. от имени Бюро консультаций. Проект — без подписи автора, но известно, что он был составлен Лавуазье. Бюро консультаций по вопросам прикладного искусства и ремесла было создано Учредительным собранием декретом от 13 сентября 1791 г. по проекту генерала Морена. В задачу его входило указание правительству на полезные для государства изобретения и выдача наград за них. Этому своего рода техническому консультационному бюро и обществу поощрения изобретательства была поручена и забота о технологической стороне печатания ассигнатов. В состав его входили многие члены Академии наук. Бюро в ряде своих

функций являлось непосредственным предшественником Консерватории (Хранилища) технических искусств и ремесл.

Проект Лавуазье предусматривал создание в Париже Центрального лицея для высшего народного образования, состоявшего из шести музеев. Преподавание литературы должно было производиться на фондах и в помещении Национальной библиотеки; для изучения «приятных искусств» намечался Лувр; для астрономии — Обсерватория, для естественно-исторических наук — Ботанический сад, в котором позднее и был организован Естественно-исторический музей. Медицина и фармация должны были преподаваться в Хирургической школе, Музеи математических и физических наук намечался в помещении так называемого Коллежа четырех наций, где должен был быть образован особый, открытый для публики склад всех машин и технических изобретений. Именно идея этого склада нашла свое осуществление в обширной Консерватории, или Хранилище, технического оборудования. Характерен в этом проекте чисто практический, наглядный метод преподавания на конкретных объектах, представленных в специальных музеях.

Возглавлять всю эту систему должны были, по проекту Лавуазье, четыре ученых общества: Общество физических и математических наук (взамен прежней Академии наук), Общество по приложению науки и техники, Общество моральных и политических наук, Общество литературы и искусств (взамен бывших Академии архитектуры и живописи и Французской академии). Это — зародыш созданного Конвентом в 1795 г. Института Франции.

Проект Лавуазье, содержавший также общий план народного образования, проникнутый такими же тенденциями распространения практического профессионального образования на всех ступенях, отвечал в значительной степени интересам и стремлениям трудового населения и потому был поддержан депутацией массовых организаций Парижа в Конвенте.

Нормальная школа

Для обеспечения проектировавшихся в большом количестве школ и для преподавания в них новых доктрин и по новым методам необходимо было подготовить в спешном порядке преподавательские кадры. Проект школы, «в которой преподавались бы не науки, а искусство преподавания», принадлежит Комитету общественного спасения, который поручил Бареру внести его в Конвент (1 июня 1794 г.), где он и получил принципиальное утверждение. 30 октября 1794 г. была учреждена в Париже Нормальная школа. Это были 4-месячные курсы «революционного обучения граждан, уже имеющих подготовку в полезных науках, искусству преподавания, под руководством самых искусных профессоров». Учащиеся Нормальной школы избирались муниципалитетами по одному на каждые 20 тыс. жителей и должны были удовлетворять определенному возрастному цензу (быть не моложе 25 лет) и представлять собой образцы «чистоты нравов и испытанного патриотизма». Им ассигновалось годовое содержание в размере 1200 франков, к их услугам были предоставлены все сокровища науки и искусства и штат преподавателей, включавший в себя замечательных ученых того времени. Математику преподавали Лагранж, Лаплас, Монж, которому этот курс дал возможность впервые опубликовать «Начертательную геометрию», написанную им еще до революции, но недопущенную к опубликованию. Физику читал кристаллограф и минералог Аюи; естественную историю — Добантон; химию — Бертолле, историю — Вольней, литературу — Лагарп и т. д.

Впервые наўки и их преподавание с блеском заняли то место в жизни страны, которое они, по состоянию своего развития и по практическому

их значению для дальнейшего прогресса техники и хозяйства, должны были занять в буржуазном обществе и которого они не могли добиться в обществе феодальном, дореволюционном. «Это была поистине великая идея,— читаем в недавно опубликованном письме Лапласа Лаканалю от 2 декабря 1795 г. (12 фримера IV года). — Я очень сожалею, что Нормальная школа не просуществовала дольше; несмотря на очень суровую зиму и острый недостаток продовольствия, она дала прекрасные результаты, которые скоро скажутся на преподавании в центральных школах».

Созданной революцией школе надо было обеспечить и новые учебники. 28 января 1794 г. (9 плювиоза II года) Конвент издал соответственный декрет, но дело это затянулось, и лишь в III году республики Комитет народного образования поручил различным ученым их составление. Из той же опубликованной недавно переписки ученых с Лаканалем видно, с какой серьезностью и с каким энтузиазмом крупнейшие математики Франции взялись за составление элементарных школьных учебников.

Политехническая школа

К числу созданных Конвентом специальных высших школ относится Политехническая школа, начавшая свое существование 30 ноября 1794 г. под именем Центральной школы для общественных работ, с узкой прикладной задачей подготовки гражданских и военных инженеров. В ней была такая острая потребность, что по докладу Барера 11 марта 1794 г. было сразу вынесено решение Конвента о ее создании; но проект, подготовлявшийся Фуркруа, при деятельном участии инициатора школы инженера Ламбларди, а также Монжа, Карно и Приёра, получил утверждение лишь 28 сентября 1794 г. 1 сентября 1795 г. школа была преобразована в Политехническую с трехгодичным курсом. Прием учащихся производился по конкурсу; они обеспечивались стипендией в 1200 франков в год. Обставлена школа была прекрасно. Она помещалась во дворце Бурбонов с его 40 залами и большим амфитеатром, имела физический кабинет, химические лаборатории, минералогическую коллекцию и библиотеку. Ее первыми профессорами были лучшие математики и инженеры — Лагранж, Ашет; Прони — ученик и сотрудник Перроне, преподававший механику; Монж, читавший курс «стереотомии». Монжу принадлежала разработка всей системы преподавания как теоретического, так и практического; он был душой всего дела. К преподаванию в школе были привлечены лучшие химики: Бертолле читал органическую, или «животную», как тогда говорили, химию, Гитон-Морво — минеральную, Шапталь — химию растений и Воклен и Фуркруа — общую. Все они пропагандировали идеи новой химии Лавуазье. В результате Политехническая школа стала центром и широким рассадником математических и физико-химических дисциплин, тогда как до революции первые ютились в военно-инженерных привилегированных учреждениях, какой была Мезьерская школа, где Монж был преподавателем в течение 20 лет и где получили подготовку Карно и Приёр. Из Политехнической школы в следующие 20 лет вышла целая плеяда выдающихся математиков, физико-химиков и инженеров: Ампер, Араго, Био, Гэй-Люссак, Коши, Малюс, Пуэнсо, Пуассон и другие.

«Школы здоровья», школы навигации и другие

С упразднением университетов медицинское преподавание было организовано на новых началах, по типу Политехнической школы. 4 декабря 1794 г. были открыты в Париже, Монпелье и Страсбурге три специальные школы («Школы здоровья»), прежде всего — в целях подготовки врачебного персонала при армиях.

Изучение медицины и ее преподавание на факультетах, страдавшее, по определению Кондорсе, от изобилия «ложных теорий, педантического жаргона, мертвящей рутины и рабского подчинения авторите-

ту», превратилось в руках Корвизара, Биша, Дюпюитрана, Кабаниса в живое дело, построенное на опыте, на практике, на истории медицины и на теориях научного характера. Впервые примененный во Франции Корвизаром в 1789 г. клинический метод изучения больного был распространен на ряд больниц; «вековой спор», борьба отвлеченной медицины с хирургией, решен в пользу последней, важнейшей отрасли медицинской науки и искусства. Замечательный хирург Дезо, один из «руководителей реформы», создал при госпитале Отель-Дьё (Hôtel Dieu) первую клиническую школу. Другие крупнейшие хирурги, Перси и Ларрей, находившиеся при армиях, обучали тут же, на месте, применяя девиз «быстрота и решительность».

Из числа других специальных школ, созданных революционной Францией, отметим основанные в 1791 г. 34 школы навигации, к которым Конвент добавил три военно-морских — в Бресте, Тулоне и Рошфоре; так называемую революционную военную «Школу Марса» или, вернее, — трехмесячные курсы обучения «военному искусству, любви к родине и ненависти к королям», и серию организованных Конвентом 2 апреля 1795 г. курсов восточных языков в Специальной школе восточных языков. Для нужд дипломатического и коммерческого представительства было введено преподавание языков персидского, малайского, арабского, турецкого и татарского. Эта школа являлась своего рода дополнением к Французскому коллежу, единственной из прежних школ, заслуженно сохраненной Конвентом как важный очаг научного развития и взятой им 13 июля 1795 г. на иждивение государства.

Музей естественной истории

Преобразование бывшего Ботанического сада в Музей естественной истории началось еще с 1789 г. При Конвенте он был превращен в центральное научно-исследовательское учреждение Франции для развития естествознания, в обширную лабораторию для наглядного изучения главным образом органической природы и для постановки научных экспериментов в практических хозяйственных целях. По настоянию Бернардена де Сен-Пьера из Версаля были переведены в сад остатки королевского зверинца и тем положено основание зоологическому отделу. 10 июня 1793 г., по докладу Лаканаля, при нем были учреждены десять новых кафедр и библиотека, а в 1795 г. сооружена обширная аудитория.

Во главе Музея был поставлен Добантон, 80-летний старик «с горячим сердцем», много поработавший с Бюффоном, а профессорами были приглашены: по химии—Фуркруа, по минералогии—геолог Александр Броньяр, по ботанике — Антуан-Лоран де-Жюссьё, по зоологии — Ламарк, а с 1795 г. — Кювье и др. Хранителем зоологического кабинета и ассистентом Добантона был юноша Жоффруа-Сент-Илэр, оставивший минералогию для зоологии. Он был главным организатором Зоологического сада, возглавившим его вскоре в качестве директора.

Консерватория технических наук и искусств

10 октября 1794 г. было реализовано намеченное в плане Лавуазье Хранилище (Консерватория) технических искусств. Представляя доклад Конвенту от имени Комитетов сельского хозяйства, технического и народного образования, Грегуар предложил создать специальную школу-музей для развития промышленности. «Энциклопедия д'Аламбера принесла свои плоды, и униженные технические профессии займут с этого момента подобающее им почетное место в преобразованном обществе», — писал об этом Депуа. В докладе Грегуара отразились все надежды прогрессивных элементов буржуазии на мощное развитие французской индустрии на основе распространения научно-технических знаний в массах, освоения ими машин и других усовершен-

ствованных орудий труда; в нем ясно выступало стремление буржуазии к национальной экономической независимости и к победе над конкурентом на внешнем рынке.

Чтобы «не отделять практику от теории», Комитет общественного спасения создал при Консерватории мастерскую, сперва для усовершенствования производства оружия (декрет 3 мая 1795 г.), а затем вообще для экспериментирования с новыми изобретениями, для производства машинных моделей.

В ноябре 1794 г. Комиссия техники и мануфактуры организовала курс лекций по вопросам промышленности. В Консерватории собирались фабриканты, негоцианты, ученые, администраторы и обсуждали «способы поднятия промышленности и ее распространения».

Особой заботой и вниманием окружает Комитет общественного спасения Школу горного дела, основанную еще в 1778 г. И это понятно, если учесть, что важнейшие отрасли промышленности Франции, в том числе металлургическая и уже достаточно тесно связанная с ней в период революции каменноугольная, переживали стадию бурного роста и развития в связи с войной и остро нуждались в специалистах. Созданная при Комитете общественного спасения Комиссия по производству оружия и пороха выделила Управление горным делом (Agence des mines) в самостоятельный орган, изъяв его из ведения министерства внутренних дел, в котором оно находилось с 1790 г. К Управлению была прикреплена школа, реформированная 2 июля 1794 г. Кроме зала заседаний, аудиторий для чтения публичных курсов, соответствующее постановление Комитета общественного спасения предусматривало специальную «библиотеку по вопросам литологии или изучения каменных пород, минералогии, досимазии,[1] металлургии, кабинет моделей печей, горнов, машин по эксплоатации рудников, картографический кабинет, хранилище рукописей по истории каменных пород, минералогический кабинет, содержащий горнорудные образцы всего земного шара и всех пород, имеющихся на территории Франции, расположенные в порядке их местонахождения, наконец лабораторию для производства опытов. Это грандиозное по своему размаху начинание не получило, видимо, полного осуществления, но основанный при этом орган «Горный журнал» («Journal des mines») стал регулярно выходить, отражая на своих страницах научно-техническую мысль и экономику Франции этого периода.

Выводы из настоящего обзора конкретных фактов напрашиваются сами собой. Революция стремилась заложить прочные основы дальнейшего развития наук, особенно математических, физических и естественно-исторических. Громадным достижением революции была полная секуляризация науки, научных организаций и высшей школы и установление связи последней с научными учреждениями. Не менее важная связь была установлена в системе преподавания и в разработке научных проблем между теорией и практикой, между наукой и техникой. Именно эта связь обеспечивала дальнейший прогресс науки и техники, на ряду с дальнейшим экономическим подъемом страны.

В центре внимания революционной Франции, особенно в период Конвента, стоял также вопрос о широком распространении высшего образования, тесно увязанного с жизнью страны и ее новыми потребностями и доступного значительным кругам буржуазии.

Эта тенденция демократизации высшей школы и науки имела, конечно, огромное историческое значение, но она не была и не могла быть про-

[1] Наука об определении количества металла в рудах и искусственных соединениях.

ведена последовательно буржуазией: для масс высшее образование продолжало оставаться недоступным.

Кондорсе, стоявший на позициях рационализма XVIII века и теории гармонии интересов, слишком оптимистически определил срок достижения полной демократизации в этой области, когда писал в своем предсмертном «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума»: «До этой эпохи [девятой, по его периодизации] науки были неотчуждаемым достоянием немногих людей, они уже стали общедоступными, и приближается момент, когда их элементы, их принципы, их простейшие методы станут истинно народными».

Полуторавековая история господства буржуазии, с одной стороны, и блестящие достижения всего каких-нибудь двадцати лет строительства страны Советов, с другой, — со всей убедительностью показали, что истинно народными наука, техника и высшее образование могут стать и становятся лишь с победой социализма.

УСПЕХИ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК И ТЕХНИКИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

По прекрасной формуле, данной Энгельсом, науки становятся совершеннее, примыкая «с одной стороны к философии, с другой — к практике».[1]

Наука периода революции продолжала дело великих представителей французского просвещения: она в еще большей мере сблизилась с философией и содействовала дальнейшему развитию материалистического миропонимания. Ряд ученых-мыслителей сделал крупный шаг вперед от философии природы XVIII в., усвоив идею развития, идею становления мира — первое условие перехода от метафизического материализма к эволюционному учению XIX в. и к диалектике.

Что касается сближения науки с практикой, то, как видно будет из дальнейшего, особое место заняли в этом отношении физика и химия, блестящее развитие которых открыло новые пути к пониманию материи и овладению ее свойствами в целях служения новому, буржуазному обществу, в целях спасения революционной Франции от натиска реакционной Европы.

Математика, астрономия и механика

Математика, астрономия и механика — «ведущие» дисциплины всего предыдущего периода истории науки — продолжают развиваться и в революционной Франции и вглубь и вширь. Если во второй половине XVIII века эти науки, достойно представленные в ряде научных центров Европы, все же более всего тяготеют к петербургской Академии наук с ее «солнцем» — великим математиком Леонардо Эйлером, то после его смерти в 1783 г. наблюдается сосредоточение первоклассных ученых этих отраслей знания вокруг парижской Академии наук, особенно со времени переезда в Париж Жозефа-Луи Лагранжа в 1787 г.

Лагранж периода революции — это уже совершенно сложившийся зрелый ученый с мировым именем, сделавший крупный вклад в разработку математической и астрономической проблематики своего времени.

К началу рассматриваемого нами периода Лагранж создал свой основной труд — «Аналитическую механику», вышедшую первым изданием в Париже в 1788 г. Вплоть до 1813 г. одной из важнейших работ Лагранжа была подготовка к печати второго издания «Аналитической механики». В то же время Лагранж был председателем и членом комиссий по реализации охарактеризованного выше грандиозного предприятия революции —

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 348.

создания метрической системы и ее научной, главным образом астрономической, базы; наконец, детище революции — Политехническая школа обязана Лагранжу курсом анализа. История культуры, и в частности науки, периода революции теснейшим образом связана с именем этого ученого.

Сущность научного творчества Лагранжа, его миропонимание, при всем его индивидуальном своеобразии, отражает как положительные, так и отрицательные черты, характерные для французского просвещения всей второй половины XVIII века, — в том числе и периода революции.

В своих трудах периода революции Лагранж является представителем механистического антитеологического материализма, не порвавшим еще с метафизикой. После пережитого им накануне революции кризиса — неверия в возможность дальнейших плодотворных математических исследований — Лагранж не сразу возвращается к научному творчеству.

Учредительное собрание, стремясь окончательно удержать во Франции Лагранжа, подданного сардинского короля, хотя и француза по происхождению, особым декретом обеспечило ему определенное содержание и должность одного из администраторов Монетного двора. Специальным постановлением Комитета общественного спасения было разъяснено, что на него не распространяется декрет Конвента об изгнании иностранцев из Франции. В связи с военными нуждами его «мобилизовали» для продолжения расчетов по теории баллистики. Так ценила революционная Франция этого ученого. Кипучая, творческая деятельность Монжа, Карно, Лежандра и других собратьев Лагранжа по науке захватила и его. Под их влиянием он остался во Франции и возвратился сперва только к преподаванию математических дисциплин, а вскоре и к дальнейшей их разработке. Результатом трудов Лагранжа этого периода и как бы синтезом всех его исследований в области анализа были два его шедевра: вышедшая в 1797 г., а затем вторым изданием в 1812 г. «Теория аналитических функций» и «Решение численных уравнений» 1826 г.

Другой великий математик этого времени, Монж, восхищал Лагранжа тем, что он всегда был «полон новых и смелых идей». И действительно, Монж — скорее творец, чем восстановитель начертательной геометрии в ее описательной и аналитической формах; он владеет чувством пространства и его элементов в такой степени, что «может одним гениальным движением руки обрисовать формы самых сложных пространственных объектов и сделать их как бы осязаемыми». Его идея тесной связи и соответствия между геометрией и анализом («надо уметь написать аналитически все движения, которые можно представить себе в пространстве, и обратно — все время представлять себе движущееся изображение в пространстве, письменным выражением которого является каждая аналитическая операция»), — эта идея плодотворна не только для практика-геодезиста, инженера, картографа; она представляет собой ценный вклад в развитие теоретической геометрии. Монжу всецело принадлежит «прекрасная теория кривых», которой так завидует Лагранж. Первую законченную формулировку ее Монж дал в своих лекциях в Политехнической школе («Приложение анализа к геометрии» 1794 г.) и окончательную — в большой работе 1799 г. Под названием «уравнений Монжа-Ампера» известны его первоклассные исследования в области дифференциальных уравнений.

Один из первых учеников школы Монжа — Лазарь Карно — еще с 1783 г. составил себе имя работой «Опыт о машинах вообще», благодаря глубине и оригинальности содержащихся в ней идей. Его труд, как и труд Монжа, еще непосредственнее, чем механика Лагранжа, подсказан живой действительностью, потребностями растущих капиталистических форм хозяй-

тва, необходимостью технического переоборудования промышленности и сельского хозяйства для успешной конкуренции с английским. Революционный поток увлек Карно настолько, что у него почти не оставалось времени для научного творчества. Однако вышедшие в 1797 г., а написанные им, по его словам, за несколько лет до того его «Размышления о метафизике исчисления бесконечно малых» сохранили значительный исторический интерес. Правда, «честь создания нового фундамента математики» выпала на долю Коши и других ученых, а не Карно. Тем не менее, и до сих пор высоко ценится данная им «принципиально-теоретическая постановка проблемы обоснования анализа». «Подводя итоги работе лейбницевской математики и резюмируя XVIII век, Карно своим пониманием близости понятий предела и бесконечно малого стоит на грани новой эры в истории математики» (А. П. Юшкевич).

В 1794 г. нашумела работа Лежандра «Элементы геометрии». Она была переведена на все европейские и на арабский языки, выдержала много изданий, хотя принципиально нового ничего не давала. Ее значение было в том, что она удовлетворяла острой потребности в строго и ясно построенном руководстве для преподавания. Среди многочисленных достижений этого труженика на поприще математики, геодезии, астрономии, надо отметить формулированный им впервые принцип метода наименьших квадратов, внесший большое упрощение в геодезические съемки. Этот метод, разработанный Лапласом и являющийся основанием теории ошибок, подсказан Лежандру практикой: математическими и астрономическими работами по определению длины меридиана и метра.

Важнейшая проблема астрономии и философии естествознания, — проблема устойчивости мировой системы — разрешалась Лагранжем и Лапласом еще до революции в духе механического детерминизма и материализма: мировой системе не грозит, по их мнению, никакая катастрофа, никакое нарушение равновесия.

Этот вывод являлся громадным шагом вперед по сравнению с ньютоновским пониманием мироздания и с выводами Лейбница. Ньютон признал замечательное устройство мира делом всемогущего и разумного существа, но предусматривал, что установленный порядок будет нарушен в результате пертурбационных движений и что тогда творцу предстоит новое вмешательство для восстановления системы. Лейбниц нашел такое представление о мудрости божества слишком узким и создал учение о предустановленной гармонии, которую Ньютон определил как постоянно повторяющееся чудо.

Астрономия, механика и математика конца XVIII века, в лице Лагранжа и Лапласа, разрешили проблему вполне научно, без допущения каких-либо теологических гипотез.

«Изложение системы мира» Лапласа, — эта стройная и последовательная попытка объяснения всех накопленных наукой астрономических наблюдений при помощи принципа тяготения и законов физики и в особенности механики, — оперирует лишь с материей и ее движением. «Теория Лапласа предполагает только движущуюся материю», — констатирует Энгельс.[1] Категорически отказываясь искать «начальные причины» и «внутреннюю природу существ», которые, по его мнению, «останутся нам вечно неизвестными», Лаплас считает целью науки отыскание «общих явлений, от которых происходят все частные факты», и «приведение этих великих явлений к возможно меньшему числу». Дойти до этих обобщений можно, «вопрошая природу и подвергая ее ответы анализу».

Резко отмежевывается Лаплас в своей методологии от всякого телеоло-

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. М. 1936, стр. 5.

гизма, от тех «философов, которые пытались определять» законы передачи движений «рассмотрением конечных причин». Это характерная для конца XVIII века реакция против типичной для первой половины его «плоской,— по выражению Энгельса, — вольфовской телеологии, согласно которой кошки были созданы, чтобы пожирать мышей, мыши — чтобы быть пожираемыми кошками, и вся природа, чтобы доказать мудрость творца».[1]

Лаплас борется с извращенным телеологическим толкованием принципа наименьшего действия. «Это начало», которое «Лагранж вывел из основных законов движения», в сущности не что иное, как результат этих законов, «самых естественных и самых простых из всех вообразимых и которые, поэтому, кажутся исходящими из самого существа материи». И, несмотря на «скудость наших сведений относительно существа материи, это «начало» не должно быть принимаемо за «конечную причину». Оно не только не породило законов движения, но даже не способствовало их открытию».

Полагая, что сущность того, что «обозначается названием силы», т. е. того «особенного видоизменения, вследствие которого тело переносится с одного места на другое, не известна и навсегда останется для нас скрытой», Лаплас стремится ограничиться «определением действия силы и законов этого действия», основанном на опыте. «Все не составляющее необходимого следствия малочисленных данных, которые мы имеем о сущности вещей, должно быть для нас только результатом наблюдения». «Два закона движения, именно закон инерции и закон силы пропорциональной скорости, даны наблюдением» и являются единственными «заимствованными механикой из опыта».

Стремление Лапласа базироваться на изучении природы, наблюдении и опыте и освободить основные понятия небесной механики от метафизического налета характеризуют не только науку и мировоззрение «просвещения», но и период революции.

Заключительные строки «Изложения системы мира» свидетельствуют о том, что научная идеология времен революции характеризуется прогрессивными чертами великого рационалистического века. Эти строки — гимн человеческому разуму, гимн борьбе с суеверием и предрассудками. «Человек долгое время считал себя центром вселенной под влиянием иллюзий, чувств и самолюбия; он был наказан за свое пустое тщеславие тем страхом, который испытывал перед небесными светилами. Наконец вековые труды человечества сняли завесу с системы мира, и вся вселенная предстала перед ним в истинном свете, — он постиг великие тайны вселенной... Будем же ревностно сохранять и умножать сокровища человеческих знаний, составляющих возвышенное наслаждение мыслящих существ»,—восклицает Лаплас. Эти знания оказали важные услуги мореплаванию и географии; но величайшее благодеяние их для человечества заключается, по его мнению, в том, что они «искоренили заблуждения, порожденные неведением истинных отношений человека к природе. Эти заблуждения и этот страх возродились бы тотчас, если бы вдруг какими-нибудь судьбами погас светоч науки». Безграничная вера в силу научного знания и массового просвещения составляет яркую черту предреволюционной, как и революционной науки.

Естествознание первой половины XVIII века характеризуется Энгельсом как «окаменелое», в том смысле, что «за природой отрицали всякое изменение, всякое развитие».[2] Первая брешь в нем была пробита (в 1755 г.) не естествоиспытателем, а философом — Кантом в его «Всеобщей естественной истории и теории неба». Но ученые не обратили на нее тогда долж-

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. М. 1936, стр. 89.
[2] Там же, стр. 89—90.

ного внимания. Мало того, Лагранж во втором издании своей «Аналитической механики» вновь высказывает «категорическое убеждение в правильности найденных им формул, касающихся планет» и «устойчивости системы... на все времена прошедшие и будущие». Революция не повлияла на строй его идей, на его строго механистическое мировоззрение. Она была им воспринята, очевидно, по аналогии с «вековыми возмущениями планет» или, быть может, как «действие внешней для системы причины», какой является «комета или сопротивляющаяся среда». Тем самым он остался на позициях метафизического материализма, оперирующего с количествами и игнорирующего категорию качественных изменений в природе.

Не то мы видим у Лапласа. В годы революции он своей космогонической гипотезой происхождения солнечной системы, совершенно независимо от Канта, пробил новую брешь в метафизическом понимании природы. Лаплас уделил этому гениально смелому и стройному наброску истории возникновения солнечной системы незначительное место в XII примечании последней главы первого издания «Изложения систем мира». С большой осмотрительностью строгого эмпирика становится он на чреватый опасностями путь гипотез. И, тем не менее, Лаплас не может пройти мимо вопроса, который уже был поставлен Бюффоном, но разрешался последним вразрез с законами небесной механики. Взгляды Бюффона, помимо всего прочего, находились в противоречии с тем, что уже в то время было известно о природе комет. С опровержения Бюффона Лаплас и начинает изложение своей гипотезы. О гипотезах Райта и Сведенборга Лаплас, повидимому, не знал так же, как и о кантовской. Наличие всех этих гипотез говорит о том, что они, очевидно, подсказывались всем ходом развития астрономии, главным образом сведениями о туманностях, полученными при помощи мощных английских телескопов, в частности благодаря наблюдениям Гершеля. Большую роль в создании этих гипотез играло более детальное ознакомление с кольцом Сатурна.

Рост технических возможностей в науке позволял, таким образом, наблюдать мир в его становлении. Это будило философскую мысль естествоиспытателя, толкало его на путь смелых научных гипотез о происхождении мира естественным, а не божественным путем. Бурный ход исторических событий в революционный период не мог не подчеркнуть и даже усилить родившуюся уже идею изменчивости, этот существеннейший элемент для перехода от метафизического понимания природы к диалектическому, историческому.

Лапласу же обязан своей дальнейшей разработкой, и именно во время революции, один из интереснейших разделов математического анализа — теория вероятностей.

Возникновение этой теории в ее современном значении связано с попытками определить шансы на выигрыш в азартных играх. Голландские и английские ученые «применили исчисление вероятности к человеческой жизни». На базе этой биостатистики в результате развития денежных форм хозяйства были созданы сперва в Италии и в германских городах, затем в Англии и, наконец, во Франции всевозможные институты и организации, как то: пожизненные ренты, различные виды страховых обществ, кассы погашения государственного долга и т. д. Формулы, таблицы для исчисления этих рент и пр. разрабатывались рядом ученых, которые собрали большое количество «драгоценных данных о населении, рождениях, браках и смертности». Революция с ее интенсивной жизнью политических собраний, голосований создает потребность в применении теории вероятности к «политическим и нравственным наукам», к решениям собраний, выборам, судебным приговорам, свидетельским показаниям.

Для Лапласа теория вероятностей — это всеобъемлющий метод научного исследования. С помощью этого аналитического метода он, по его словам, совершил все свои астрономические открытия. Принципы и общие результаты применения теории вероятностей Лаплас изложил впервые в 1795 г. в курсе лекций, прочитанных им по предложению Конвента в Нормальной школе. В несколько более развернутом виде этот курс вышел позднее в свет под названием «Опыт философии теории вероятностей» в качестве введения к труду Лапласа «Аналитическая теория вероятностей». «Опыт философии» представляет собой изложение философского credo ученого конца XVIII века. Здесь в еще более отчетливой форме, чем в «Изложении системы мира» выступают элементы детерминистической концепции Лапласа, его материализм с некоторым налетом агностицизма.

«Можно даже сказать, если уже говорить точно, что почти все наши знания только вероятны, — пишет Лаплас, — и в небольшом кругу предметов, где мы можем познавать с достоверностью в самой математике главные средства достигнуть истины, индукция и аналогия основываются на вероятностях; таким образом, вся система человеческих знаний связана с теорией, изложенной в этом труде».

Рассматривая ошибки в оценке вероятностей, проистекающие от «законов устройства ума», Лаплас развивает целую теорию «физиологических причин» предрассудков и суеверий. «На границе видимой физиологии начинается другая физиология, — устанавливает Лаплас, — явления ее, гораздо более разнообразные, чем явления первой, подчинены, подобно им, законам. Эта физиология, которую мы обозначим именем психологии, является, без сомнения, продолжением физиологии видимой. Нервы, волокна которых теряются в мозговом веществе, распространяют по нему впечатления, полученные ими от внешних предметов, и оставляют в нем постоянные впечатления, которые изменяют неизвестным нам образом сенсориум, или местопребывание мысли».

Идеи Лапласа об изменчивости в природе получили в этой работе дальнейшее свое развитие. Но самым интересным является то, что в ней явственно выступает истинный источник идей Лапласа об изменчивости и всей его космогонии; эти идеи идут не столько из астрономии, сколько из естествознания, и главным образом из геологии, метеорологии, быстро развивавшихся во второй половине XVIII века. Астрономические наблюдения и применение анализа к закону всемирного тяготения приводили до того времени скорее к мысли об устойчивости, но «зарождавшемуся пониманию того, что природа не *есть, а становится и погибает*... явилась помощь с другой стороны, со стороны геологии», замечает Энгельс.[1] «Постоянство настоящего состояния,—пишет Лаплас,—как будто устанавливается одновременно и теорией и наблюдениями. Но это состояние нарушается различными причинами, которые внимательное рассмотрение позволяет заметить и которые невозможно подвергнуть исчислению. Действия океана, атмосферы и метеоров, землетрясения и извержения вулканов колеблют беспрестанно земную поверхность и со временем должны в ней производить значительные изменения. Температура климатов, объем атмосферы и отношение газов, ее составляющих, могут изменяться незаметно». Причиной того, что эти изменения не поддаются еще точному учету, Лаплас считает «новизну инструментов и способов, годных для их определения», т. е. состояние технических средств науки конца XVIII века. И все же, «длинный ряд веков дает возможность познать изменения, испытываемые всеми этими элементами, столь существенными для сохранения организованных существ. Хотя исторические памятники не восходят к самой глубокой древности,

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. М. 1936, стр. 90.

они все-таки указывают довольно большие изменения, последовавшие в результате медленного и продолжительного действия естественных агентов». Итак, история земли, воскрешенная наукой к концу XVIII века на основании литературных, географических и других памятников, а также в результате непосредственных наблюдений путешественников-натуралистов и колонизаторов, внедряет идею изменчивости; успехи геологии, теснейшим образом связанные с успехами промышленности, а именно — с горным и рудным делом, раздвинули к концу XVIII века хронологические рамки в изучении природы, и естествознание переходит от систематизации накопленного обширного материала на новую, высшую ступень исторической периодизации его. «Проникая в недра земли, — читаем мы у Лапласа, — исследователи открывают многочисленные остатки природы, некогда существовавшей и совершенно отличной от настоящей природы. Кроме того, если вся земля первоначально была жидкой, как все, повидимому, на это указывает, то понятно, что при переходе из этого состояния к тому, в котором она находится теперь, поверхность ее должна была испытать громадные изменения. Даже небо, несмотря на порядок в своих движениях, не неизменно. Сопротивление света и других эфирных жидкостей и притяжение звезд должны, после очень большого числа веков, значительно изменять движение планет. Изменения, уже замеченные в звездах и в форме туманностей, заставляют предчувствовать те изменения, которые будут произведены временем в системе этих великих тел». Эта концепция ярко характеризует мировоззрение революционного периода, которое и в данном вопросе является прямым переходом от XVIII к XIX веку, идущему под знаком идеи развития.

Не случайно именно мысль Лапласа о последовательном, причинно обусловленном изменении в природе была в свое время отмечена К. А. Тимирязевым. В качестве эпиграфа к статье об «Историческом методе в биологии» он дал ее в следующей формулировке Лапласа: «Мы должны смотреть на настоящее состояние вселенной как на результат ее предшествующего состояния и как на причину ближайшего будущего состояния».

Итак, в мировоззрении периода революции, поскольку оно отражено в работах Лапласа, ясно различаются две струи: одна механистическая, идущая от небесной механики, являющейся в этот период образцом для всех других наук в отношении метода, другая, историческая, питаемая, с одной стороны, новыми фактами астрономии (туманности, кольцо Сатурна), вошедшими в науку, благодаря дальнейшему развитию техники научных приборов и наблюдениям Гершеля, а с другой стороны, — поразительно быстрыми во второй половине XVIII века успехами естественных, в частности биологических, наук. Одним из первых естествоиспытателей, которым пришло в голову «заметить противоречие между учениями об изменяющейся земле и о существующих на ней неизменных организмах», и был Лаплас и как раз в трудах, написанных им в период революции. Отмечая, что «естествознание все больше и больше превращается в историческую науку», Энгельс добавляет: «стоит напомнить хотя бы астрономическую теорию Лапласа...» [1]

Биологические науки

Установленная выше живая и тесная связь между отдельными отраслями научного познания природы, связь, получившая отражение в области методологии и мировоззрения, позволяет при рассмотрении развития наук, в период революции, отойти от принятого, основанного на классификации наук порядка изложения и охарактеризовать сначала развитие биологических наук, а затем перейти к физике и химии.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 220.

«Новое направление описательных [биологических] наук получило начало во Франции, которая одновременно с величайшим развитием своей народной мощи оказала и весьма оживляющее влияние на науку», — констатирует Даннеман в своей «Истории естествознания».

Новое направление в ботанике и зоологии сводилось к замене искусственной системы классификации Линнея системой естественной, которая выражала действительное родство между отдельными видами органической природы. Уже сам Линней поставил эту задачу перед наукой, но установил на основе естественного родства лишь ряд групп растительного мира.

Французский ученый, профессор «Королевского сада» в Трианоне, Бернар-де-Жюссьё распространил этот принцип классификации на весь растительный мир, а его племянник Антуан-Лоран де-Жюссьё, директор Ботанического сада в Париже, в 1789 г. опубликовал его научно обоснованную систему классификации растений с ясной и в основном правильной характеристикой общих признаков семейств («Роды растений, расположенные в естественные семейства»).

Переход к естественной классификации мог быть совершен только благодаря новому методу в изучении строения организмов — сравнительному изучению одинаковых органов у ряда особей. Большая заслуга в этом отношении принадлежит уже упоминавшемуся Луи Добантону, сподвижнику Бюффона, автору ряда работ по зоологии и сравнительной анатомии.

Однако именно в революционный период принцип естественной классификации получил свое обоснование в более отчетливом понятии родства. Родство понималось уже не в рационалистическом духе в смысле «близости к природе», взаимного сходства, а базировалось на происхождении и на идее градации, постепенного изменения. Разработка соответствующих взглядов и представлений,составивших основу эволюционного учения, принадлежит двум крупнейшим ученым Франции конца XVIII и начала XIX века, Ламарку и Жоффруа-Сент-Илэру. Различными путями эти столь различные между собою люди приходят к сходным в основном положениям трансформизма, которые не встретили признания в свое время и с трудом проложили себе путь лишь во второй половине XIX века.

Ламарк к началу революции — известный ботаник, автор трехтомного практического определителя растений—«Флоры Франции» и составитель ботанического словаря для «Методической энциклопедии», начавшей выходить в 1783 г. В 1789 г. он получил место хранителя гербариев при кабинете естественной истории «Королевского сада».

В 1791 г. Ламарк предпринимает большую работу по составлению «иллюстраций родов растений» для той же «Энциклопедии» (два тома текста и три тома таблиц). В 1792 г. он начинает издавать совместно с Оливье, Аюи, Брюгьером и Пеллетье «Журнал естественной истории», в котором помещает ряд своих статей по ботанике, а также статей общего характера: «О естественной истории вообще», «Об изучении естественных отношений». Основной задачей работ этого, так называемого «ботанического» периода в жизни и творчестве Ламарка, и является установление естественной системы классификации растений.

В 1793 г., при реорганизации Конвентом Ботанического сада в Музей, кафедры ботаники в последнем оказались занятыми прежними профессорами, и Ламарку, пришлось принять впервые учрежденную кафедру зоологии низших животных — «насекомых и червей». Пятидесятилетний Ламарк после года подготовки становится зоологом, и в своих лекциях, которые читает вплоть до 1818 г. (когда он окончательно ослеп), на огромном материале Музея и собранных им самим коллекций создает свой капитальный семитомный труд «Естественная история беспозвоночных животных» (1815—1822). Однако следует подчеркнуть, что при всем значении

этой сводной работы, она является в основном повторением того, что Ламарк сформулировал уже в своей замечательной «Философии зоологии» в 1809 г.

Важнейшие же положения «Философии зоологии», составляющие основу эволюционной концепции Ламарка, слагаются у него, по его собственному признанию, непосредственно в связи с «курсом беспозвоночных», который он был «уполномочен читать в Музее с весны 1794 г.», и следовательно возникают в период революции. В революционное время сложилась и формулировка некоторых основных его выводов о влиянии внешней среды и упражнения органов на развитие форм организованных существ. Средства природы, путем которых она создает все многообразие своих произведений, неистощимы: климат, изменения температуры, атмосферы и всех окружающих сред... «В результате этих различных влияний способности [того или другого организма] расширяются и укрепляются путем употребления, разнообразятся вследствие продолжительного сохранения новых привычек, и незаметным образом конфигурация, консистенция, одним словом, природа и состояние частей так же, как и органов, испытывают на себе результаты всех этих влияний, сохраняются и передаются по наследству».

Поистине революционный сдвиг, произведенный Ламарком в мировоззрении, объясняется тем, что ко времени революции естествознанием был накоплен большой фактический материал. «Возникла геология, которая выявила не только наличность... геологических слоев, но и сохранившиеся в этих слоях раковины и скелеты вымерших животных, стволы, листья и плоды несуществующих более растений. Пришлось признать, что историю во времени имеет не только земля, взятая в целом, но и ее теперешняя поверхность и живущие на ней растения и животные».[1]

Кроме того, уже до Ламарка существовали — хотя туманные и робкие, — представления об изменчивости органической природы у таких ученых, как швейцарец Бонне с его идеей «лестницы», Вольф, который «произвел в 1759 г. первое нападение на теорию постоянства видов, провозгласив учение об их развитии»,[2] Бюффон и др. Революция дала новый плодотворный импульс этим идеям. Этот импульс был воспринят именно Ламарком.

О том, как реагировал Ламарк на пережитый им революционный сдвиг в области производства и общественных отношений, свидетельствует посвящение и предисловие, которыми он сопроводил свое вышедшее в свет в 1794 г. «Исследование о причинах основных физических фактов». Печать непосредственного влияния Руссо, с которым Ламарка связывала личная дружба и увлечение ботаникой, лежит на посвящении этой книги «Французскому народу»: «Прими, о народ великодушный и торжествующий, победу над всеми врагами, народ, который сумел вернуть себе священные права, принадлежавшие ему от природы, прими не льстивый привет, какой при старом режиме приносили пресмыкающиеся рабы королям, министрам или знати, им покровительствовавшей, но дань удивления и восхищения, заслуженную твоими добродетелями и энергией, развитыми благодаря мудрости и неустрашимой настойчивости твоих представителей».

Физика и химия

Быстрые успехи капитализма в недрах французского феодального общества, наличие высокообразованной прослойки буржуазии, увлекавшей за собой и некоторые элементы дворянской, преимущественно придворной знати, сделали возможным

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. М. 1936, стр. 90—91.
[2] Там же, стр. 92—93.

уже в 80-х годах XVIII века возникновение ряда более или менее крупных мануфактурных предприятий, во главе которых стояли ученые, главным образом — химики и физики. Они были иногда единоличными владельцами предприятий, как Бюффон, Монж, Шапталь, иногда пайщиками акционерных компаний, как Лавуазье, Леблан, Гитон-Морво, братья Перрье, иногда же только организаторами и администраторами.

Они ставили производство на своих предприятиях на научных основах, создавая при них лаборатории (Шапталь), проводя ряд предварительных экспериментов как в лабораторных условиях (Гитон-Морво), так и на самих заводах; привлекали английских и немецких специалистов; применяли последние достижения техники, например паровые, или, как их называли, «огневые» машины, домны на коксе, нового типа отражательные печи и пр.

Отсюда, от этих потребностей и этого теснейшего союза и взаимодействия практики и теоретического знания, исходит дальнейший громадный импульс, который идет и в том, и в другом направлении. Этим объясняется блестящее развитие наиболее близких к жизни наук — физики и особенно химии, — в результате которого складывается целая школа, так называемая французская школа химии. Обе дисциплины приходят в исключительно близкое соприкосновение, испытывают взаимное влияние. Это влияние плодотворно для физики, но особенно выигрывает от него химия: в ней начинает применяться строго экспериментальный математический метод, каким владела уже физика. Все это в итоге позволяет приурочить начало новейшего периода развития химии и физики именно к этому времени — к 80-м годам XVIII века, несмотря на то, что важнейшие физико-химические представления были выработаны Ломоносовым еще к середине века. В силу отсутствия надлежащих исторических условий, отсутствия материальных и культурных предпосылок в России, идеи Ломоносова не были в то время вовлечены в общий кругооборот идей естествознания, и не Ломоносову, а французским ученым удалось практически совершить переход к новому этапу физико-химических наук.

Как раз к началу буржуазной революции во Франции был завершен тот знаменательный процесс в физико-химических науках, который Лавуазье верно определил как революцию. Он писал Шапталю: «Ваше присоединение к принципам, которые я первый провозгласил, является большой радостью для меня. Все, на что я рассчитывал, сводилось к завоеванию вас, г-на де-Морво и небольшого круга химиков, рассеянных по Европе; успех превзошел мои ожидания... Вся молодежь восприняла новую теорию, и я заключаю на этом основании, что революция в химии совершена».

В 1789 г. вышел «Трактат по химии» Лавуазье — основной курс новой антифлогистонной химии с кислородной теорией горения и кислородной теорией кислот, построенный на базе обновленной химической номенклатуры, на базе первой систематики веществ. Мало того, в нем были опубликованы также изыскания Лавуазье 1787—1788 гг. о брожении алкогольных веществ, — изыскания, в которых он впервые формулировал всеобщий закон сохранения материи, основной закон естествознания: «Ничто не создается ни при искусственных операциях, ни при естественных процессах, и можно выдвинуть в качестве принципа, что во всяком превращении имеется одинаковое количество материи, как до, так и после него...»

Плодотворность этих новых физико-химических принципов для всего дальнейшего развития науки неоспорима; Энгельс отмечает «удивительно быстрое развитие химии после Лавуазье».[1] Быстрое распростране-

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы. М. 1936, стр. 92.

АНТУАН-ЛОРАН ЛАВУАЗЬЕ (1743—1794)

Цветная гравюра Аликса, рисунок Гарнери с портрета Давида

ние новых представлений в химии среди широких кругов во Франции и за рубежом произошло в период революции, благодаря переизданию «Трактата» Лавуазье (1793), выходу в свет стилистически блестящих руководств Фуркруа, его лекциям в «Королевском», а затем Ботаническом саду, его же работам по «Философии химии» (1792, 1795 гг.), а также лекциям и учебникам Шапталя «Элементы химии» (1789) и другим изданиям. Эти научные достижения в значительной степени сделались возможными благодаря законодательству Учредительного собрания в области промышленности, открывшему дорогу широкому применению физики и химии на практике.

В 1789 г. коллективом химиков и физиков был основан журнал «Химические анналы» («Annales Chimiques»). Его первыми редакторами были: Гитон-Морво, Лавуазье, Монж, Бертолле, Фуркруа, Дитрих, Гассенфрац и Аде. Фактически руководили делом Лавуазье и Аде. Самое название журнала в его полном виде говорило о том, что на его страницах будут печататься статьи о приложении химии к «зависящим от нее тех-

ническим искусствам». Появление этого журнала чрезвычайно показательно для курса, взятого учеными.

Научная жизнь революционного периода, если взять только область физики и химии, была в достаточной мере интенсивна. Ее отражением была громадная журнальная продукция (свыше десятка названий научно-технических и экономических журналов, из которых половина была основана в годы революции). Научная жизнь бьет ключом и предпочитает эту периодическую форму своего выражения, подвижную, соответствующую бурным темпам революционной действительности, практическим потребностям каждого дня и все ускоряющемуся развитию европейской науки и техники.

Развитие технико-изобретательской мысли (Бертолле, Леблан)

Параллельно в течение всего первого этапа революции продолжается, на основе растущего взаимодействия науки и практики, развитие технико-изобретательской мысли, расширение масштаба промышленных предприятий, возникновение новых отраслей промышленности. Если сосредоточить внимание только на химических мануфактурах, отнеся к ним металлургию, то и тогда картина получится внушительная. Достижения периода революции в области химической технологии и промышленности, в частности в области металлургии, были бесспорно значительны.

Бертолле — ученый, усыновленный Францией, подобно Лагранжу, справедливо признаваемый новейшими историками «величайшим химиком» за его необычайную способность теоретически осмысливать химические явления, за его широкий синтез, — творец учения о химическом сродстве, был в то же время крупнейшим практическим деятелем, изобретателем-организатором. Открытый им и усовершенствованный при содействии мануфактуристов-практиков (Бонжур, Декруазиль, Вельтер и др.) метод беления тканей при помощи хлора ускорял и удешевлял производственный процесс, освобождал громадную площадь для сельского хозяйства, устраняя необходимость расстилать пряжу и ткани для беления на солнце. Тем самым освобождались для промышленности и крупные капиталы, вкладывавшиеся до того в эти земельные участки и лежавшие без движения. В одном из своих докладов в 1790 г. Бертолле мог с удовлетворением констатировать громадный успех своего изобретения и в то же время отметить, что во Франции «впервые стало возможным создание в четырехлетний срок ряда крупных мануфактур на основе научного эксперимента». Тому же Бертолле текстильная мануфактура обязана своими быстрыми успехами в области крашения тканей. В 1790 г. он собрал все свои предыдущие изыскания этого рода и издал двухтомное руководство по крашению ткани. Он научно объяснил и обосновал все, что было известно в этой области лишь эмпирически, и дал направление дальнейшим усовершенствованиям. Кювье говорил позднее об этой книге: «Вот уже тридцать лет, как она является руководством для всех работающих в этой области; а чтобы оценить достигнутые результаты, достаточно сказать, что Индия, которая когда-то одна посылала нам хорошо окрашенные ткани, получает их теперь от нас».

Производство собственных красителей развилось во Франции, особенно в период революции и империи, вокруг Руана, Авиньона и в Эльзасе. В 1789 г. Франция смогла уже вывезти марены (garance) на сумму 378 тыс. франков, хотя одновременно продолжала еще ввозить ее из Леванта на 831 тыс. франков.

Связь науки и технологии с экономикой и сознание плодотворности этой связи обнаруживается на примере создания в начале революции содовой промышленности. Проблема соды стала в порядок дня в связи

с ростом химических производств, в которых стали стремиться заменять ввозившийся из России поташ более чистым продуктом—содой. Это имело место в производствах мыла, стекла, бумаги, в красильном и типографском деле и особенно в производстве селитры. Сода же ввозилась из Испании, что крайне удорожало продукцию этих производств. В 1736 г. Дюамель-де-Монсо установил, что сода имеет общее основание с поваренной солью; это послужило отправной точкой для настойчивых попыток заменить природную соду искусственной и добывать ее из морской соли. Но способы, предложенные в работах, представленных на соискание премии (дважды устанавливавшейся Академией наук), не были признаны удовлетворительными и экономически выгодными. Гитон-Морво дважды пытался накануне революции организовать производство соды, но безуспешно: только во время революции, после упразднения (21—30 марта 1790 г.) налога на соль (gabelle), этой язвы феодальной Франции, были открыты широкие возможности в этом деле.

Вопрос получил полное разрешение в 1790—1791 гг., когда профессор прикладной химии Палэ-Рояля Леблан и его ассистент Дизе создали на основе открытого ими способа обработки морской соли серной кислотой крупное предприятие на паях с герцогом Филиппом Орлеанским, прозванным несколько позднее Эгалите. Основанная ими мануфактура «Франсиады» стала давать 300 килограммов щелочи в день, причем была резко снижена ее стоимость. По замыслу Леблана, эта мануфактура должна была постепенно обрасти подсобными производствами.

Значение этого подлинно великого открытия для культуры человечества таково, что известный химик Дюма приравнивал его к изобретению паровой машины.

В то время как машины действуют с огромным шумом, сода и ее продукты «бесшумно проникают в наши жилища, как предметы прямого или косвенного потребления,.. применяются во всех химических предприятиях, как неотъемлемые элементы или как вспомогательные продукты производства». «Фабрики соды, основанные на применении способа Леблана, были как бы школой современной химической промышленности. Они нанесли решительный удар эмпирике, впервые разрешили проблему замены продуктов, имеющихся в ограниченном количестве среди природных запасов страны, искусственным производством их в широком масштабе на началах научно-технического изобретательства и крупного капиталовложения». Не случайно, что именно содовая промышленность и именно во Франции уже с 1810 г. одна из первых проявляет тенденции к объединению ряда связанных между собой производств в одно структурное целое.

Едкие растворы серной кислоты (купорос), необходимые французской промышленности при промывке и окраске вновь вошедших в середине XVIII века в моду цветных тканей и для других целей, стали в широких размерах производиться в самой Франции, что освободило ее от необходимости ввоза сырья из Англии и Голландии. К 1769 г. выходец из Англии Джон Хокер организовал первую крупную купоросную мануфактуру в Руане. Вслед за тем появился ряд аналогичных предприятий в районе расположения ситценабивных мануфактур известного фабриканта Оберкампфа, в Лилле, Марселе. Позднее Шапталь ставит на своем предприятии в Монпелье опыты промышленного производства купороса на местном сырье. Благодаря изобретению Леблана, — а с 1793 г. также вследствие прекращения связей с Сицилией, откуда еще ввозилось некоторое количество сырья, — был дан новый толчок для расширения местной индустрии серной кислоты.

На примере металлургии можно показать такое же благотворное

влияние связи и взаимодействия новых физико-химических представлений и новой производственной практики на первом этапе революции.

Благотворность этого влияния с особой силой сказалась в период Конвента, с началом интервенции.

Потребность в боеприпасах и снаряжении для четырнадцати армий, сражавшихся на многочисленных фронтах Франции, стала необъятной.

Путем громадного напряжения всех сил страны якобинский Комитет общественного спасения, опираясь на ученых, так блестяще справился с этой задачей, что не только остановил наступление врага, но и вызвал его изумление.

Из всех наук именно на долю химии и физики выпали наиболее сложные и ответственные задачи в этот бурный период; в то же время в области именно этих дисциплин произошли неоспоримые сдвиги, как теоретического, так и технического значения.

Химическая промышленность и оборона отечества

Громадное значение химической промышленности для войны, вполне ясное сейчас, было неожиданным для революционной Франции: война застала ее врасплох в этой области. «Проблема азота встала тогда перед Францией с той же беспощадной остротой (avec la même brutalité), как и для большинства наций, вовлеченных в мировую войну», — пишет автор новейшего исследования по истории химической промышленности Франции, инженер-химик Поль Бо. Азот, как известно, является составной частью селитры, из которой в значительной пропорции ($^3/_4$ на $^1/_4$ примеси угля и серы) изготовлялся порох для пушек. Селитра добывалась по большей части кустарным способом, из естественных залежей в различных районах Франции, в частности там, где в большом количестве скоплялись отбросы, голубиный помет и т. п.

Лавуазье, стоявший во главе Управления производством селитры и пороха (Régie des poudres et salpêtres), организовал несколько специальных предприятий по производству селитры. Закупив 20 тыс. квинталов селитры в Восточной Индии, он увеличил ее запас в 1788 г. до 3770 тыс. фунтов. Но с началом революции добыча на территории Франции упала, так как население еще со времен селитряного откупа ненавидело сборщиков селитры, проникавших в частные погреба, в голубятни, рывшихся в конюшнях. Наступление войск коалиции, особенно вступление в нее Англии, с ее флотом, явно превосходившим французский, блокировало Францию и с суши и с моря. После захвата англичанами 28 августа Тулона и средиземноморского флота, всякий подвоз селитры из Индии и из Северной Америки, а также поташа из России, серы из Сицилии прекратился. Запасов пороха было, по свидетельству Приёра в его «Воспоминаниях», в четыре раза меньше необходимого для снабжения одних только крепостей. Усиленное уже более чем вдвое производство пороха — 4500 тыс. фунтов в год — было предельным, но и оно было несоизмеримо ниже потребности.

Комитет общественного спасения стал на путь экстраординарных героических мер, привлек к участию в этом деле все население, свободное от непосредственной борьбы в рядах армии. Для обследования мест скопления сырья (по указанию ученых), для технического руководства добычей селитры, поташа, выделкой пороха, постройкой новых селитряниц и пороховых заводов были отправлены по всем направлениям Франции энергичные доверенные комиссары, а позднее, 25 декабря, на места были назначены восемь инспекторов по селитре. Цены на сдаваемую населением селитру были подняты; на все это дело была ассигнована крупная по тому времени сумма — несколько сотен тысяч ливров.

Хотя эти мероприятия и оправдали возлагавшиеся на них надежды,

но полученной благодаря им селитры было все еще недостаточно. 4 декабря (14 фримера II года) Конвент по докладу Приёра от имени Комитета общественного спасения издал свой знаменитый декрет о «революционных методах» добычи и производства селитры. «Национальный конвент полагает, — гласил первый параграф декрета, — что все французские граждане равно призваны на защиту свободы, что все руки должны быть вооружены,.. что все виды собственности должны содействовать уничтожению тирании»... В виду того, что «необходимо увеличение производства селитры соразмерно с увеличенным производством огнестрельного оружия...», Комитет предлагает «всем и каждому промывать землю своих погребов, конюшен, овчарен и коровников, амбаров, а также разрушенных строений».

В декрете было указано, что для руководства будут разосланы соответствующие инструкции, выработанные учеными специалистами. Муниципалитетам предлагалось организовать коллективные мастерские для промывки земли, содержащей селитру, для выпаривания ее и просушки. В каждом департаменте специальное доверенное лицо назначалось для руководства и наблюдения за этой работой и сдачей готовой продукции на склады государства.

«Если бы каждый гражданин вменил себе в обязанность доставить хотя бы 1 фунт селитры, — заключает декрет, — то почти в один момент было бы получено 25 млн. фунтов, которых было бы почти более чем достаточно, чтобы сразить всех рабов своих тиранов».

За этим первым призывом последовал поток инструкций, напоминаний, циркуляров со стороны трех министерств, двух специально созданных при Комитете общественного спасения и при Коммуне революционных управлений (Agences) с Шапталем и Декруазилем во главе и Центральной комиссией по производству селитры, пороха и разработке недр.

Выразительность и красочность этого рода документов, сохранившихся в местных архивах, такова, что нельзя не привести здесь хотя бы кратких выдержек из одного из них.

Еще 24 июня 1793 г. (6 мессидора II года) Фресин, «народный представитель, ведающий рафинированием селитры», разослал национальным агентам при дистриктах и агентам по добыче селитры и производству пороха для республики следующий циркуляр:

«Те, кто пренебрег бы обязанностью извлекать из недр земли основной элемент для молниеносного поражения тиранов (foudres tyrannicides) были бы подлецами или контрреволюционерами... Взгляните на наших неутомимых парижских братьев, сдающих каждую декаду 50—60 тыс. фунтов селитры. Полюбуйтесь двумя истинно революционными мастерскими этой Коммуны, одна из которых рафинирует ежедневно 20 тыс. этой драгоценной соли, в то время как другая превращает ее в порох. Знайте, что в них выработано вдвое больше селитры и пороха, чем вырабатывалось на всей территории Франции в царствование ненавистных деспотов.

Знайте же, что скоро они будут вырабатывать 50 тыс. фунтов в день.

Ускорьте же, друзья и братья, ускорьте всевозможными способами эксплоатацию селитряных залежей вашего округа.

А вы, народные общества, надежная опора (fermes colonnes) Свободы и Равенства, вы, которые, как весталки, храните священный огонь патриотизма, разожгите пламя его в сердцах ваших сограждан, наэлектризуйте их!».

Ежедекадные сведения, поступавшие с мест, говорили об энтузиазме мобилизованных для руководства работами химиков и фармацевтов, о реквизиции котлов и другого оборудования для выпаривания селитры,

о превращении церквей в селитряницы, наконец, о научных опытах, которые производились Декруазилем для искусственного обогащения растворов селитры одновременно в Руане и Дьеппе; о публичных опытах, организуемых «Обществом соревнования по добыче и обработке селитры» в Руане же и о ряде других.

В итоге на основе декадных отчетов было установлено, что за год с 4 декабря 1793 г. (14 фримера II года) продукция селитры составила 16 754 039 фунтов, а по отчету Шапталя Комитету от 18 января 1795 г. (29 нивоза III года) за 11 месяцев было изготовлено 22 млн. фунтов селитры и 6 млн. фунтов пороха — «результат изумительный, которому потомство поверит с трудом», — добавляет Шапталь.

Однако природные ресурсы Франции не были безграничны, и Комитет, по настоянию одного из своих членов, постановил 16 сентября 1793 г. ассигновать определенную сумму на производство опытов по изысканию «способов производить селитру в любых количествах», искусственным путем, «поскольку возможность таких методов признана химиками». Монж должен был руководить постановкой экспериментов и представить о них отчет 30 декабря 1793 г. (10 нивоза II года). Решено было для усовершенствования приготовления селитры искусственным способом по методу, предложенному химиком-изобретателем Декруазилем, ассигновать 1000 ливров на его опыты в Дьеппе. 11 июля (26 мессидора II года) Барер заявил в Конвенте, что Комитет производит изыскания для сооружения искусственных селитряных заводов, для оборудования их по всей республике в необходимом количестве. Аргументируя необходимость этого мероприятия, Барер говорил, что организация и эксплоатация этих заводов чрезвычайно просты, а главное, что это «избавит от необходимости причинять огромные стеснения гражданам».

Комитет общественного спасения, ознакомившись с опытом Гитона-Морво, организовавшего в 1779 г. такое производство, решил оказать широкую государственную помощь развитию на научных основаниях производства остродефицитного и жизненно необходимого стране продукта. Насколько это ему удалось, пока не установлено. В своих «Воспоминаниях» Приёр выражает сожаление, что Совет пятисот отказался поддержать это предприятие, опасаясь его дороговизны и недостаточной продуктивности.

На ряду с этими экспериментами научно-технического, промышленно-производственного характера Комитет общественного спасения поддерживал опыты с открытыми Бертолле в последние годы перед революцией сильно взрывчатыми составами, применение которых могло бы вовсе устранить надобность в селитре для производства пороха.

В законе от 8 июня 1792 г. отмечалась необходимость «в интересах безопасности государства оказывать содействие всяким открытиям, могущим усовершенствовать фабрикацию пороха». В частности, 3-й пункт декрета гласил: «министру народных финансов (Contribution publique) поручается организовать повторение опытов для установления преимущества замены селитры [хлорноватокислым калием] при выработке пороха».

Речь идет о бертолетовой соли, которая находит и в настоящее время такое широкое применение при изготовлении взрывчатых веществ. При первых опытах в Эссоне в 1788 г. от неумелого обращения с этими составами погибло пять человек; Лавуазье с женой спаслись лишь благодаря случаю. Поэтому для повторных опытов Комитетом общественного спасения было отведено отдаленное от жилья поле и соответствующие помещения в Медоне, где опыты производились под наблюдением самого Бертолле. Последний, на ряду с Монжем был, по свидетельству Кювье, «душой» всего описанного выше «колоссального движения», созданного вокруг во-

проса об изготовлении пороха и других взрывчатых веществ; оно «направлялось согласно их инструкциям; химики, которым поручалось производство необходимых опытов для такого количества новых технологических процессов, работали только по их указаниям, и «говорят, — добавляет Кювье, — что если бы они пожелали реализовать все открытые ими секреты, из их лабораторий вышли бы несравненно более мощные разрушительные средства уничтожения неприятеля, чем те, какими мы располагаем в настоящее время», т. е. ровно 30 лет спустя.

Работа с опасными ядовитыми химикалиями требовала мужества и самопожертвования, и французский ученый того времени шел на все для спасения родины. Так, химик Плювине во время опытов в Медоне и других местах разрушил свое здоровье и умер преждевременно в 1796 г. Шапталь в своих воспоминаниях дает яркое представление о жуткой обстановке Гренельского порохового поля, которым он заведывал и на котором 2 сентября 1795 г. произошел взрыв. На Гренельском поле производилось ежедневно сначала 32, а затем 35 тыс. фунтов пороха. Оно представляло собой настоящий первобытный «хаос». Среди свыше двух с половиной тысяч рабочих, занятых на этой территории по производству пороха, работало 1200 человек строительных рабочих, в числе которых было много недисциплинированных, которых то и дело заставали с трубкой во рту. «Все предвещало неминуемую катастрофу», и она произошла.

Организаторы производства пороха, достигнув большой добычи селитры, были крайне озабочены отставанием в деле ее переработки, вследствие применения устарелых технологических приемов. Химику Карни удалось исправить ошибку, допущенную Лавуазье в его исследованиях по селитре, и доказать возможность быстрого рафинирования селитры путем промывки ее холодной водой без выпаривания. Это было ценным достижением революционного периода в области химии и блестящим разрешением одной из проблем, связанных с обороной страны.

В связи с острым дефицитом поташа вновь встал вопрос о наиболее эффективных и дешевых методах фабрикации искусственной соды. Организована была специальная экспертная комиссия; она рассмотрела и испробовала на практике семь представленных методов, в том числе и способ Леблана, который для пользы дела по призыву Комитета общественного спасения опубликовал свой засекреченный патент. Позднейшие буржуазные правительства Франции, вернувшиеся к охране собственности изобретателей, вынудили Леблана, как известно, искать оценки своих знаний за пределами родины, у царского правительства России. Потерпев неудачу и здесь, он в 1806 г. в порыве отчаяния кончил жизнь самоубийством. Этот факт часто приводится буржуазной историографией как пример «вандализма» революции, тогда как он является естественным следствием капиталистических отношений, беспощадной конкуренции между промышленниками и безразличного отношения со стороны государственной власти послереволюционного периода.

Кроме перечисленных открытий периода революции, надо указать на найденный Фуркруа способ извлечения бронзы из колоколов для переливания их на пушки, на способ Сегена, сокращавший сроки дубления кожи, что дало возможность ликвидировать остроту положения с обувью для армии.

Все это, даже в настоящее время, при всей еще неполноте изучения вопросов истории науки и техники, а также в значительной мере и экономики периода революции, убеждает, что «режим II года был благоприятен для прогресса промышленной техники» (Саньяк), и прежде всего химической технологии. Что касается собственно металлургии, то результаты даже первых изысканий о состоянии этой области техники уже подтверждают приведенное положение.

Развитие металлургической промышленности в связи с войной

Вся металлургическая промышленность Франции была с необыкновенной быстротой, энергией и преданностью народному делу поставлена на службу обороне созданной Конвентом «Комиссией по вооружениям», во главе которой стоял якобинец-ученый Гассенфрац. За девять месяцев кипучей деятельности Комитетом общественного спасения при помощи таких патриотов ученых и промышленников, какими были Монж, братья Перрье, а также при громадном содействии со стороны местных органов революционной власти и патриотических обществ, было создано 39 новых орудийных заводов, 18 мануфактур холодного орудия. Из этого числа, по данным Гитона-Морво, к февралю 1795 г. действовало 30 крупных, хорошо оборудованных чугунолитейных орудийных заводов; между тем как в 1792 г., к началу войны, во Франции было всего четыре таких завода; производительность их поднялась с 900 до 12—13 тысяч орудий в год. Кроме того, было переоборудовано большое количество старых металлургических предприятий, рассеянных по всей стране и в своем огромном большинстве мелких и технически отсталых.

Комиссары Конвента при армиях и в департаментах и четыре специальных агента Комитета — Ферри, Дейдье, Ромм и бывший рабочий оружейник Ноэль Пуэнт,—преодолевая колоссальные трудности в стране, экономически и технически отсталой, охваченной огнем восстаний и подвергнутой извне блокаде, при помощи полуголодных рабочих достигли в кратчайший срок громадных результатов.

Основой успехов и достижений в деле производства орудий был, с одной стороны, энтузиазм масс и руководителей, а с другой, — такие мероприятия, как краткосрочные «революционные» курсы подготовки рабочих и техников, организованные в Париже в Музее естественных наук, — с участием таких лекторов, как Гитон-Морво, Фуркруа, Бертолле, Монж, Гассенфрац, Перрье, Дюфурни, Карни и Плювине, — и издание специальных руководств по применению новых ускоренных методов работы. Так, во II году республики Монж издал книгу «Описание техники литья пушек», которая содержала новые инструкции научно-технического характера для отливки на заводах чугунных и медных орудий; для изготовления холодного оружия и инструментов было издано в ноябре 1793 г. «Руководство для рабочих... по выделке стали», составленное Монжем, Бертолле и Вандермондом.

Комитет общественного спасения, а отчасти и Комитет торговли и сельского хозяйства субсидировали научно-технические опыты в области металлургии, особенно по производству стали. Из работы Бекка по «Истории железа и его роли в истории культуры» известно, что Франция, сильно отставшая от Англии в области металлургической промышленной практики, значительно опередила и Англию и другие европейские страны, кроме Швеции, в области теоретического изучения и научного объяснения физико-химических процессов в металлургии. Со времени исследования Реомюра и работ Жара наиболее крупным шагом вперед в области металлургии были указанные работы революционного периода, поскольку в них, благодаря новому, правильному пониманию процессов горения и окисления металлов, благодаря успехам в области измерения тепловых явлений впервые давалось надлежащее теоретическое объяснение химических и физических процессов, связанных с обработкой железа, чугуна и выделкой стали. Особенно ценно было то, что авторы этих работ, как Бертолле, Вандермонд, так и в особенности Монж, одновременно с разработкой проблем новой химии и физики практически изучили металлургическое дело. Еще в самый канун революции в 1788 г. Бюро тор-

ГАСПАР МОНЖ (1746—1818)
Гравюра неизвестного художника

говли при королевском правительстве констатировало, что лишь в результате «предубеждения» по отношению к возможностям Франции не удавалось изготовить абсолютно необходимой ей литой стали. Бертолле было поручено изучение и описание новых, заимствованных из Англии и других стран методов литья и цементации стали на организующихся во Франции заводах. Монж, получивший в 1777 г., благодаря женитьбе, железоделательный завод, совместно с Бертолле и Вандермондом изучал этот вопрос. Гитон-Морво занимался им по заказу Бюффона; он же лабораторно изучал метод чугунного литья на коксе с каменным углем из Монсени и своим положительным отзывом о нем в мемуаре Дижонской академии (15 февраля 1771 г.) содействовал созданию известного завода Крезо. Все указанные лица, а также заводчик и ученый-академик Перрье и такие металлурги-практики, как Вендель и Дитрих, значительно подвинули вперед металлургию. В 1793 г. в результате совместных усилий этих ученых проблема выделки стали из отечественных материалов в нужном количестве была разрешена. Гассенфрац суммировал все теоретико-практические достижения в области металлургии в работе, опубликованной им в 1812 г. под названием «Сидеротехния».

Необходимо отметить, кроме научно-технического значения трактатов Монжа и других, их политический характер. Ученый и техник сливаются в них в одно неразрывное целое с экономистом, с гражданином, борющимся за спасение своего отечества.

ЗАВОД КРЕЗО БЛИЗ МОНСЕНИ, В БУРГУНДИИ
Гравюра неизвестного художника

«Предоставленная своим собственным силам перед лицом соединенных морских флотов Англии, Голландии, Испании, России и Неаполя, республика не имела достаточного числа кораблей. Ей нехватало 6 тыс. чугунных орудий», — так начинается руководство Монжа по литью пушек. В другом документе ученые обращаются к «друзьям рабочим» с призывом направить всю энергию на то, чтобы извлечь средства обороны из отечественной почвы, в то время как их братья проливают кровь в борьбе против врагов свободы.

«Нам недостает стали, той самой стали, которая должна служить для выделки оружия, необходимого каждому гражданину, чтобы, наконец, завершить борьбу свободы против рабства».

Черты ученого-гражданина, ученого, преданного своему народу, характерны для большинства представителей науки революционной Франции. Крупный физик и инженер Мёнье не один преждевременно сложил свою голову в рядах армии.

С именем Мёнье связаны первые серьезные труды по вопросам воздухоплавания, но не ему, а Гитону-Морво принадлежит идея использования аэростатов в военных целях. Гитон, один из первых во Франции поднимался на свободных воздушных шарах, изобретал способы управления полетом. В 1793—1797 гг. ему поручается руководство сооружением и испытанием аэростатов, световой сигнализации. Наконец, в качестве комиссара он руководит применением привязного шара для наблюдений во время боя при Флерюсе 26 июня (8 мессидора) 1794 г. «Я с удовлетворением увидел, — писал Гитон 29 июня Конвенту, — что генералы оценили применение аэростата, они сами поднимались для наблюдений»... По свидетельству военных, основная роль воздушного шара заключалась в том, что он внес смятение в ряды неприятеля. «Чего только не изобретут эти негодяи!» — воскликнул будто бы при этом сам Кобург. Окрыленный успехом, Комитет предпринимает дальнейшие шаги по созданию военного воздухоплавания. Вандермонду поручается обеспечить

ЛУИ-БЕРНАР ГИТОН-МОРВО (1737—1816)
Гравюра неизвестного художника

производство в Лионе 5000 метров специальной тафты, создаются отряды «аэронавтов».

Идея первого телеграфа, не встретившая должного отклика со стороны Учредительного собрания, была живо воспринята Конвентом и практически осуществлена Комитетом общественного спасения. Изобретателю Шаппу были предоставлены необходимые материальные ресурсы, обеспечены рабочие руки для установки первой линии оптического телеграфа, соединившего Париж с Северной армией. По этой линии 28 термидора в Париж пришла радостная весть о возвращении бельгийской крепости в руки французов. Эта весть, дошедшая из Лилля за один час, была передана на новом языке, «прекрасном языке» телеграфного кода. Сообщая об этом достижении, облегчающем связь революционного правительства с самыми отдаленными частями республики, Барер восклицает — «Так техника и наука служат свободе!»

Успехи, достигнутые Конвентом и Комитетом при содействии ученых, были все же исторически ограничены: ученые-патриоты времени революции были буржуазными революционерами; выйти за пределы буржуаз-

ного кругозора они не были способны даже тогда, когда это диктовалось потребностями национальной обороны. Их буржуазная ограниченность сказывалась в их отношении к собственности, которое помешало им сделать решительный шаг к национализации недр и предприятий в целях обороны. Идея национализации была им чужда, как она была чужда и политическим вождям революции даже на ее наивысшем подъеме — в период якобинской диктатуры.

Однако «внутренняя логика событий была смелее логики людей» (Жорес) и она толкала революционное правительство на путь вторжения в право частной собственности. Шомет выступил в Коммуне с речью, которую Жорес назвал «бесспорно первым официальным предложением национализации промышленности, которое когда-либо делалось». По предложению Шомета, Коммуна приняла резолюцию о петиции Конвенту, содержавшую следующий вопрос: «не отдать ли фабрики в распоряжение республики, у которой хватит рук, чтобы пустить их». В том же заседании Коммуны депутация от департамента Ньевр, описывая богатства своего департамента, заявляла: «во сколько раз большую пользу для республики принесли бы его необъятные леса и рудники, если бы он сам взялся за их эксплоатацию». Якобинский клуб Монтобана, в котором преобладали рабочие, принял в августе 1793 г. резолюцию, в которой говорилось: «Если бы нация смогла сама занять все рабочие руки, она разом уничтожила бы аристократию во всех ее проявлениях и навсегда предупредила бы возможность ее возвращения». Один из депутатов-заместителей в Конвенте писал (его письмо опубликовано Матьезом в 1929 г.), что «нужен не аграрный закон, который не может просуществовать и 24 часов, после того как будет предоставлена свобода игре личных стремлений, — общность (la Communauté) вот великий принцип республиканского строя... Посмотрите, какое могущество приобретает республика, объединяя в себе все личные притязания!»

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Если изучение явлений природы продвинулось к концу XVIII века настолько, что позволяет говорить о сложившихся «физических» и складывающихся биологических науках, то в области изучения социальных явлений в силу ряда причин имеются все еще лишь попытки построения научных теорий на основе применения «единого естественно-научного метода».

Громадным завоеванием было, конечно, уже то, что со второй половины века, со времени знаменитой «Энциклопедии», была установлена, как предпосылка, идея единства человеческого знания и единства проникающего его метода. Но шаткость и незрелость представлений о совокупности наук, выводимых нами теперь за пределы естествознания в широком смысле слова, иллюстрируются хотя бы следующим: в своем «энциклопедическом древе наук» Д'Аламбер исходит, вслед за Бэконом, из положения, что разные отрасли «души» или интеллектуальных способностей порождают и соответствующие науки. На этом основании вся система знаний распадалась у него на три группы: «историю, относящуюся к памяти, философию, являющуюся плодом рассудка, и изящное искусство, создаваемое воображением». В понимании общественных явлений в XVIII веке господствуют идеалистические представления. Рационализм, дедуктивный метод преобладают и зачастую оттесняют изучение исторической действительности. У некоторых мыслителей имеются проблески материалистического и диалектического понимания истории. Эрудитами филологами накапливается фактический материал. Но история отстает в своем развитии от экспериментальных наук.

КОНСТАНТЭН ВОЛЬНЕЙ (1757—1820)
Гравюра Тардьё по скульптуре Давида д'Анже

В период революции в философско-исторических и социологических идеях наблюдается значительный сдвиг, который можно показать на анализе произведений трех наиболее влиятельных представителей буржуазной общественной мысли этого времени — Вольнея, Кондорсе и Барнава оставивших потомству более или менее крупные труды.

Вольней

С именем Вольнея связана, прежде всего, открытая научная критика религиозных представлений человечества с позиций материализма и атеизма. Вышедшая в 1791 г.,в разгар борьбы за проведение антицерковных декретов Учредительного собрания, книга одного из видных депутатов третьего сословия — Шасбёфа, известного под именем Вольнея, носит название философско-исторического характера: «Руины, или Размышления о революциях империй». Это типичнейший для XVIII века трактат, дающий обильный материал для определения идей, усвоенных революцией от энциклопедистов, от философии просвещения, и на ряду с этим—для характеристики новых философских представлений и социологических обобщений. Но при всем том — и в первую очередь — это талантливейший антирелигиозный памфлет, боевой, темпераментный призыв ко всем народам «воздвигнуть несокрушимую стену», «отделяющую мир химер от мира действительности..., религию от очевидности и истины».

Остроумно используя аллегорию «всеобщего собрания народов», Воль-

ней предоставляет слово некоему «Гению» и его устами мастерски бичует каждую из представленных на собрании религий и сект, в полных сарказма и блеска характеристиках. На этом диспуте «не перед судом одного человека..., а перед лицом всех сознательных людей», — на диспуте, где посредником и судьей является «природный здравый смысл всего человечества»,— вскрываются вопиющие противоречия этому здравому смыслу и законам природы, содержащиеся в тысячах вероучений, их взаимные заимствования, взаимная нетерпимость.

Используя эту живую, доступную широкому кругу читателей форму диспута, полемики, Вольней дает острый анализ социальной роли служителей культа на протяжении веков. «У всех народов дух священников, система их поведения, их действия были абсолютно одними и теми же», — говорит он; на основе наблюдаемых им в живой действительности социальных антагонизмов, на основе опыта практической борьбы 1789—1791 гг. он определяет это «поведение», эту роль духовенства как социальной группы. «Повсюду, — говорит он, — оно присвоило себе преимущества, неприкосновенность, свободу от всех повинностей... от всех тяжестей, обременяющих другие классы общества. Нигде духовенство не щадит трудящихся, не проявляет сострадания ни к труду рабочего, ни к опасностям войны, ни к риску предпринимателя».

То новое в области социологии, что дала революция Вольнею как ее идеологу, — это более реальное понимание общественных групп, их борьбы, движущих сил в этой борьбе и роли, какую играют в ней религиозные предрассудки. Свой анализ общественного содержания религии Вольней завершает следующим выводом из изображенной им дискуссии. Религиозные споры ведутся «вовсе не из-за истины»: они представляют собой «борьбу за власть, которую стараются захватить, защиту интересов, которые стараются обеспечить, стремление к преимуществам, которые стараются сохранить за собой» определенные группы каждого конкретного общества на определенной ступени его развития.

Выросшее и созревшее к началу революции классовое самосознание буржуазии вырабатывает у ее идеологов более четкое понимание не только классовой структуры общества, но и борьбы классов. В одной из своих брошюр («Lettres des bourgeois aux gens de la campagne»), относящейся еще к марту 1789 г., тот же Вольней вскрывает классовое расслоение в самом третьем сословии, а Дюфурни-де-Виллие в апреле того же года выпускает брошюру, которой придает форму и название «Наказа четвертого сословия, сословия бедняков - поденщиков...» Эти памфлеты давали нечто новое по сравнению с попытками физиократов — и особенно Тюрго— научно обосновать учение о классовой дифференциации общества: при всей их эскизности в них дана более глубокая характеристика классовых противоречий. В «Руинах» идее гармонии классов, проводившейся физиократами, четко противопоставлена мысль о борьбе экономических интересов, перерастающей в политическую борьбу, о борьбе духовенства в союзе с монархом и аристократией за власть над трудящимися; при этом религиозные суеверия и культовая дисциплина трактуются как средства держать массы в повиновении.

Мало того, интересна самая теория происхождения религиозных представлений, как она дана у Вольнея в «Руинах», а также у члена Конвента и члена Академии Шарля Дюпюи в его трехтомной работе «Происхождение всех культов, или Естественная религия» (1795). При всех ее ошибках с точки зрения новейших научных представлений — как-то астральное объяснение происхождения религии и др.—она делает все же значительный шаг вперед по пути объяснения одного из важнейших социальных явлений, по пути приближения к материалистическому пониманию истории культуры.

Идея бога является, по Вольнею, отражением естественных сил, материальных предметов, приносящих добро или бедствия. Всякая религия— продукт чувствований человека, его потребностей, условий жизни, постепенного развития знаний.

«На первой стадии развития, для первых людей вселенная была переполнена бесчисленными богами... Находясь в условиях равенства и независимости, люди не создавали посредников между собой и богами, как и они, люди, никому не подчиненными и нищими. Так как не было никаких излишков, то не существовало паразитов под названием жрецов, ни податей под названием жертвоприношений, ни политической власти под прикрытием алтаря».

Вольней все время подчеркивает, что религиозный культ всегда связан с ростом общественных потребностей и со способом производства, а общественное развитие зависит от природных условий и климата. Это положение Вольней иллюстрирует конкретным примером из истории. Природные условия берегов Нила, говорит он, заставляли население страны заниматься земледелием; необходимость ежегодно измерять участки своих владений привела его к занятиям геометрией. Благодаря легкому способу сношений с другими народами население берегов Нила занимается торговлей. Всегда открытое небо вызывает в нем стремление изучать астрономию. Благодаря всем этим условиям, говорит Вольней, — «египтяне первые перешли из дикого состояния к общественному и первые достигают уровня естественных и нравственных познаний, свойственных культурному человеку».

Социологические и исторические взгляды Вольнея сложились в значительной степени под влиянием его путешествия в Египет и Сирию, детального, пристального изучения им в течение четырех лет страны и ее истории. Восемь месяцев прожил Вольней среди друзов в арабском монастыре в горах Ливии в созерцании величественных руин Пальмиры, что и навеяло форму его книги. Описание этого путешествия было издано Вольнеем в 1788—1789 гг. Оно имело колоссальный успех. Впоследствии генерал Бертье в своих реляциях о египетской кампании сообщал, что «описания памятников Египта у Вольнея, история нравов и обычаев различных народов, населяющих его, так точны и основательны,... что его книга была путеводителем французов по стране, единственным гидом, который никогда не обманывал».

«Руины» составляли как бы вводную часть к той работе Вольнея, которая была и для него и для его современников основной. Это— изложение новых основ, на которых должна строиться «мораль», освобожденная от гнета религиозных суеверий. Это сочинение, являвшееся осуществлением революционной задачи Вольнея, называется «Естественный закон, или Физические принципы морали, выведенные из организации человека и мира» («La loi naturelle ou Principes physiques de la morale, déduits de l'organisation de l'homme et de l'univers»).

В своем предисловии Вольней указывает, что это — элементарное руководство для «рода человеческого, который до того времени трактовался педантами, как ребенок; поскольку отныне он вырос, настала пора обратиться к нему от «разума» и доказать людям, что движущие силы его совершенствования извлекаются из его собственной организации», что «мораль — это наука физическая и геометрическая, подчиненная правилам и вычислениям, наравне с точными науками». Руководство это вышло впервые в 1793 г. под заглавием «Катехизис французского гражданина». Оно содержит, в форме вопросов и ответов, определения того, что такое закон вообще, а также естественный закон, с его десятью основными чертами — универсальностью, разумностью, неизменностью и пр., и не

представляет ничего оригинального по сравнению с общеизвестными представлениями предреволюционных теоретиков.

Несравненно больший интерес для характеристики успехов в развитии социологических и философско-исторических идей в период революции представляют «Лекции по истории» Вольнея, которые он успел прочесть в Нормальной школе до ее закрытия в 1795 г.

Вольней задумал этот курс как «Всемирную историю», но по новому, им впервые определенному методу. Этой истории предпослано большое введение, единственная часть плана, которую ему удалось реализовать. Введение посвящено определению истории как науки, критическому обзору предшествующей историографии с позиций этого нового понимания метода и задач истории и подробному анализу достоверности исторических источников.

Если сравнить высказанные здесь Вольнеем мысли, формулировки, оценки с соответствующими взглядами его непосредственных предшественников, то бросается в глаза его большая зависимость от Вольтера и Тюрго, хотя несомненно также влияние идей Монтескье и Рейналя. Самая мысль Вольнея предпослать конкретному изложению всемирной истории развернутый план ее напоминает план Тюрго, но выполняет он эту задачу иначе. Он старается свести все высказанные до него положения по вопросам истории воедино, дать теоретическую основу самому историческому познанию, и это — факт новый, ценный, чрезвычайно плодотворный.

По мнению Сент-Бёва, Вольней в своих «Лекциях» проявляет такой скептицизм по вопросу о достоверности исторического знания, что высказывается скорее «против» истории, чем «за нее». Это, конечно, преувеличение. Вольней действительно предъявляет большие требования истории, «если рассматривать ее как науку», но это лишь здоровый критицизм по отношению к прошлому этой дисциплины, стремление поднять ее на возможно высшую ступень достоверного знания, попытка установить четкие границы этой достоверности.

Вольней начинает с утверждения, что история «абсолютно отлична от физических и математических наук». Основу этого коренного различия он усматривает в том, что «в последних мы наблюдаем факты», продолжающие свое существование, тогда как в истории «факты мертвы, они прекратили существование» и приходится их как бы воскрешать, восстанавливать. Вследствие этого достоверность исторического научного знания никогда, по его мнению, не сравняется с достоверностью математического и физического; воздействие природы, окружающего физического мира производится непосредственно на наши чувства; исторические же факты преломляются, как в кривом зеркале, прежде чем доходят до воспроизводящего их историка. Поэтому степень достоверности в каждом отдельном случае должна определяться историком, как если бы он был судьей, и взвешиваться с одной стороны, с точки зрения соответствия сообщаемого факта естественным законам, а с другой стороны —с точки зрения отдаленности события от сообщающего его. Базисом для более или менее точного учета достоверности в каждом отдельном случае должна служить разработанная математикой теория вероятности. Окончательно же устранить известную недостоверность, неидентичность факта невозможно, поскольку человек, в силу своей организации, является «фабрикой ошибок». Вольней, под влиянием громадного прогресса физических, опытных наук, невольно преувеличивает истинность, достоверность результатов единичного восприятия, индивидуального опыта в этих науках и преуменьшает возможности такового в науках общественных, в частности исторических.

В его время еще не было ясно, что всякая наука становится объ-

ектпвным знанием лишь благодаря коллективному опыту человечества. Производя путем повторных опытов различных индивидов все более полный анализ любой действительности, мы лишь постепенно исключаем все личное, случайное и таким лишь путем «фабрика ошибок» превращается в «фабрику» положительного научного знания. И сам же Вольней, ставя задачей исторической критики путем исследования добраться до факта, каким он был, не считал это дело безнадежным. Из тройной альтернативы «верить всему, ничему не верить и верить, взвешивая и измеряя», каждый человек, говорит Вольней, «выбирает согласно своему темпераменту», которому Вольней, находившийся в тесном общении с медиком-материалистом Кабанисом, придает большое значение. Скептицизм чужд Вольнею и его эпохе: «Если Пиррон получил от греков звание философа, то от философов он заслужил название безумца, а от медиков — больного»,— замечает Вольней. Сам он — сторонник «пытливого сомнения». Он строго различает традицию от письменных и особенно печатных источников. В его скрупулезной заботе об освобождении исторического изложения событий от всяких устранимых ошибок и извращений сказывается уже большая историческая школа, в частности, влияние такого эрудита, как Николай Фрере, секретарь Академии надписей.

Вкус к раскрытию ошибок у античных историков Вольней обнаружил уже в ранней молодости: его первой работой, представленной им в Академию, был «Мемуар о хронологии Геродота».

Неудивительно поэтому, что он дает истории как науке такое определение: это «изыскание», «расследование» истин, фактов, «установление их в том виде, как они происходили в действительности». Так представлял ее себе, по мнению Вольнея, Геродот; история — не «повествование», как думают, по словам Вольнея, современные ему историки, «претендующие на то, что они уже нашли истину».

История должна, по мысли Вольнея, «рассматривать род человеческий в целом, как единое общество, народы же — как индивиды...» Поэтому Вольней считает необходимым писать историю только как «Всемирную». Все это, казалось бы, не ново. Достаточно напомнить Боссюэ с его провиденциальной историей рода человеческого, Тюрго с его настойчивыми, но не осуществленными попытками написать «Всемирную историю». Но Вольнея такая «Всемирная история» уже не удовлетворяет. Он говорит в своем труде: «У нас действительно имеются книги с названием «Всемирной истории», но они все еще сохраняют тот порок, что в сущности представляют частную историю народов, панегирики родов (familles)... Греции, Рима, Иудеи на том основании, что мы являемся если не потомками их, то наследниками в отношении гражданских и церковных законов, языка, наук, территории». Таким образом, мне представляется, — говорит Вольней,—что история еще никогда не разрабатывалась в духе такого универсализма, как она того требует».

На эту узость исторического горизонта обратил внимание еще Вольтер в своей скрытой полемике с Боссюэ. В своем «Опыте о духе и нравах народов» он указал на необходимость исторического изучения Востока — «колыбели всех искусств, которым он [Восток] научил Запад». Вольтер уже прямо говорил о необходимости отказа от европоцентризма. Вольней в результате своего путешествия на Восток сделался горячим адептом этого требования расширения географических и этнических рамок всемирной истории.

Сознание такой необходимости пробуждалось в историографии под влиянием тех все расширявшихся экономических связей между народами, которые создавал быстро развивавшийся капитализм. В своей знаменитой

главе о «Действительном базисе идеологии»[1] Маркс и Энгельс показали с исчерпывающей наглядностью, как создавался мировой рынок и прежде всего для Англии, как он в свою очередь вызвал «третий со времени средневековья период частной собственности, породив крупную промышленность», как «крупная промышленность универсализировала конкуренцию»,.. «создала средства сообщения и современный мировой рынок» и как «она впервые создала всемирную историю, поскольку поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной нации и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира и поскольку уничтожила прежнюю примитивную обособленность отдельных наций». [2]

Заслуживает внимания, что Вольней уже в то время дошел до понимания зависимости идеологических построений от совокупности исторических условий, установив следующее плодотворное положение в изучении истории: «история носит характер эпох и времен, в которые она составляется». В период революции, к концу XVIII века, вполне назрела потребность в написании всемирной истории, и эта потребность четко выражена в «Лекциях по истории» Вольнея.

Трудности реализации такого предприятия были ему ясны. Он говорил лишь о попытке набросать краткую картину всеобщей истории («tableau sommaire de l'histoire générale»), чтобы извлечь из нее «наиболее интересные истины».

Что разумел Вольней под такими истинами, — судить уже труднее, поскольку положения его на этот счет несколько противоречивы. Однако он ясно говорит о том, что при рассмотрении истории отдельных народов следует различать многочисленные повторяющиеся факты, результаты которых составляют то, что Вольней называет «принципами»; дальше он поясняет, что принципы — это общие, суммированные факты, а не какие-либо абстракции, существующие вне и независимо от человечества. Это положение он иллюстрирует примером из ближайшего опыта революции: «основной принцип современных движений Европы — все люди рождаются равными в правах — что это, как не коллективный, сводный факт, выведенный из множества частных фактов?» Словом, задача Вольнея, — как он сам и формулирует ее — «сравнительная история народов», которая стремится установить общие многим народам типовые явления.

У Вольнея, кроме того, есть уже мысль о возможности применения результатов такого анализа прошлого для суждения по аналогии о «сходных положениях» в будущем, для регулирования этого будущего. Вольней называет такое построение истории «философским» и раскрывает его сущность. Этот метод применяется, по его мнению, лишь примерно с начала XVIII века и состоит в том, что «в серии событий стремятся установить генеалогический порядок причин и следствий, чтобы вывести из них теорию правил и принципов, могущих служить руководством для отдельных лиц и народов в целях обеспечения их существования или их совершенствования».

Вольней раскрывает нам, какие стороны исторического процесса являются для него наиболее интересными и важными. На первое место он ставит материальную основу человеческой жизни и деятельности и, прежде всего, «земледелие, торговлю, мореплавание», которые он обобщает широким понятием «arts» — ремесла. На втором месте у него — науки, как астрономия, география, физика. Только на третье место он ставит «мораль, частную и публичную» («privée et publique»), и те «представле-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. М. 1935, стр. 40—50.
[2] Там же, стр. 50.

АНТУАН-НИКОЛА КОНДОРСЕ (1743—1794)

Гравюра Сент-Обэна, рисунок Бонвиля

ния, которые о них создаются в различные эпохи». На последнем месте Вольней ставит «развитие и прогресс законодательства».

В этом признании первенствующей роли за условиями материальной жизни сказалось влияние экономического роста Франции и ее буржуазии, интересы которой представлял Вольней. Образец такого построения истории Вольнею был несомненно известен — это многотомная «Философская и политическая история европейских учреждений и торговли в Обеих Индиях» Рейналя (1770 г.), которая придавала значение основного исторического фактора формам обмена и распределения благ. Вольней более последовательно кладет в основу истории все виды экономической деятельности общества, направленные на удовлетворение потребностей, и под явным влиянием физиократов, а также своего путешествия в Египет, ставит на первый план земледелие.

Влиянию географических факторов, — климата, почвы, — на нравы и характер наций Вольней, следуя Монтескье, придает и в этом своем труде большое значение и предполагает проследить в своей истории их связь с законодательством.

Вольней в плане «Всемирной истории», в очерке по истории культуры, каким являются его «Руины», разработал некоторые элементы истории как научной дисциплины. Он расширил ее задачи, раздвинув географические пределы исторического изучения. Он сделал попытку применить метод сравнительного причинно-следственного анализа к изучению исторических явлений; он выделил в качестве основных объектов исторического изучения экономику, культуру, политику, поставив на первый план материальные потребности человека и их удовлетворение; под влиянием революции он раскрыл с большей полнотой роль классов и классовой борьбы в обществе.

Вольнеем были установлены, наконец, возможность и необходимость изучения исторического процесса в его целом, во всемирном масштабе, со всеми его конкретными особенностями. Работы Вольнея представляли большой шаг по пути, приближающему историческое исследование к научному, к установлению закономерности в истории. Но при наличии у него тенденций к материалистическому толкованию общественных явлений, при наличии более или менее реалистического представления о классовой борьбе, Вольней все же не дошел до понимания ряда существенных моментов, например, развития производительных сил и производственных отношений как основы исторического процесса.

Кондорсе

Вклад, сделанный Кондорсе в идеологию буржуазной революции XVIII века, довольно значителен и более изучен. Его большая публицистическая работа, участие в различных комиссиях Законодательного собрания и Конвента, его проект Конституции, дают повод некоторым буржуазным историкам считать его «вождем» революции (Алангри). Действительное место Кондорсе гораздо скромнее.

Разносторонний ученый и философ, Кондорсе принадлежал к младшему поколению энциклопедистов. По своим социальным взглядам он был верным учеником физиократов. Подобно им он защищал неограниченную экономическую свободу, подобно им он считал собственность «естественным» правом. Накануне революции Кондорсе выступил с рядом памфлетов, в которых пропагандировал идею народного суверенитета. В 1788 г. он писал, что «право участвовать в законодательстве есть право каждого члена общества» «и если оно не равно для каждого гражданина, то оно вообще перестает существовать». С другой стороны, в те же годы он защищал мысль, что подлинным и полноправным гражданином является «собственник». В последних своих произведениях, в период подъема революции на ее высшую ступень, Кондорсе расширил понятие «гражданина», включив в него также и пролетарские элементы городов. В этом смысле он высказывался в своем памфлете «О марке серебра» и в ряде других, признав таким образом принцип всеобщего избирательного права.

Являясь сторонником конституционной монархии в начале революции, Кондорсе в июле 1791 г. пришел к отрицанию ее, а позднее заклеймил эту форму государственного устройства как «систему непоследовательную и раболепную» («incohérent et servile»). Движение клуба Кордельеров, общение с Томасом Пэном и самый ход революции оказали большое влияние на Кондорсе, и 5 сентября 1792 г. мы видим его в лагере активных республиканцев. В редактированном им проекте Декларации прав, предпосланной Конституции 1793 г., содержатся «право сопротивления притеснению» и требование «социальной гарантии». При всем том, на практике, в политической борьбе, как и в проекте Конституции, Кондорсе не пошел за якобинцами и разделил судьбу вождей жирондизма, с которыми был тесно связан.

В историю науки Кондорсе вошел, прежде всего, как теоретик прогресса. Его нельзя считать родоначальником этой философско-исторической концепции, — поскольку отчасти Вольтер, большое влияние которого на Кондорсе бесспорно, а еще более Тюрго, его ближайший вдохновитель, — проводили эту идею в своих работах. И тем не менее, первая разработанная теория единого последовательного процесса изменений в истории человечества как целого, и притом изменений к лучшему с точки зрения этого целого, принадлежит Кондорсе, изложившему ее в 1793 г. в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума».

Этот предсмертный набросок Кондорсе можно было бы рассматривать

как реализацию задуманного Вольнеем плана «Всемирной истории», но лишь в одном из намеченных им аспектов, — в аспекте истории развития наук.

Поразительно быстрые успехи математики и естествознания XV—XVIII вв. дали обильный материал и вызвали потребность исторического обзора источников и хода развития как науки в целом, так и отдельных научных дисциплин. С половины XVIII в. начинают появляться большие конкретные исследования, подобные «Истории математики» Монтюкла, а также своего рода философские схемы развития науки и техники, каковой можно считать речь Тюрго в Сорбонне 11 дек. 1750 г. о «Последовательных успехах человеческого разума». Схема Тюрго явилась образцом и прототипом «Эскиза» Кондорсе.

Свойственное большинству мыслителей XVIII века идеалистическое понимание исторического процесса господствует и в «Эскизе» Кондорсе: развитие человеческого разума лежит в основе развития всех функций человеческого общества. Если в характеристике начальных стадий развития общества мы встречаем у Кондорсе элементы понимания значения потребностей и способов их удовлетворения, то в дальнейшем переход человечества из одного периода в другой объясняется у него в основном успехами просвещения.

Не отдавая себе ясного отчета в специфике общественных явлений, теоретически Кондорсе считает возможным и необходимым распространить на изучение социальной жизни методы, применяемые математическими и физическими науками.

В соответствии с этими ее общими идеалистическими установками социология Кондорсе носит все еще метафизический, абстрактный характер. В силу этого, самый ход прогресса, как он изображается у Кондорсе, лишен на первый взгляд правильной исторической перспективы. Так, средневековье представлено у Кондорсе как период «упадка», «несчастной эпохи», когда «человеческий разум быстро спускается с высоты, на которую он поднялся». Необходимо, однако, напомнить, что этот период упадка Кондорсе простирает лишь до крестовых походов, когда, по его мнению, начинается возрождение просвещения. Самый упадок характеризуется им с точки зрения энциклопедиста и представителя философии просвещения, вольтерьянца, борца с религиозными предрассудками, с церковным засилием, с насилием со стороны авторитета духовенства над свободой научного творчества. «Теологические бредни, суеверные обманы — единственные проявления человеческого духа, религиозная нетерпимость» — вот что создает этот «глубокий мрак ночи».

Но эту отрицательную оценку средневековья до крестовых походов не следует толковать так, будто Кондорсе не признавал связности, непрерывности в смысле причинной обусловленности этапов исторического прогресса. И не против «Эскиза» Кондорсе направлен упрек Энгельса философам XVIII в. в том, что они «на средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетним всеобщим варварством», что «никто не обращал внимания на великие шаги вперед, сделанные в течение средних веков». [1]

Для Кондорсе период «упадка» прогресса означает лишь «бурный и трудный переход от грубого общества к состоянию цивилизации просвещенных и свободных народов». Это не «дегенерация человеческого рода, но неизбежный кризис в поступательном ходе к абсолютному совершенствованию».

[1] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах, в кн. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 648—649.

Таким образом, Кондорсе признает закономерность истории, как и вообще социальных явлений. Его теория прогресса есть теория закономерного развития, эволюции, и здесь он является предшественником эволюционных теорий XIX века, предшественником позитивизма.

Понимание закономерности у Кондорсе метафизично: его представление о развитии лишено элементов диалектики. Согласно такому пониманию эволюции развитие происходит на основе простого количественного увеличения, путем постепенного роста того, что дано в самом начале. Такая трактовка приводит логически к отрицанию противоречия как движущей силы развития.

Механистическое понимание развития в применении к общественным явлениям приводило Кондорсе, как и позднейших буржуазных эволюционистов к отрыву этих явлений от реальной почвы, от исторических условий, от борьбы классов.

Если Кондорсе и показал изменчивость «моральных» идей, то он рассматривал ее как приближение к раз навсегда установленному абстрактному идеалу человечества, а самый этот идеал был у него окрашен в цвета эпохи победного шествия буржуазии к социальному и политическому господству; он не понимал зависимости идей от классовой природы общества, и в этом он уступает Вольнею и Барнаву. Его учение о прогрессе — результат успехов точных наук конца XVIII века, с одной стороны, а с другой — величественного политического и социального преобразования страны в период революции. Но, как и сама революция, эта первая история прогресса носит печать победившего класса — буржуазии: это буржуазная теория прогресса.

Однако самый размах революции сообщил и Кондорсе известный размах мысли, и в десятой главе «Эскиза», посвященной наметке прогресса будущего, имеются прекрасные предвосхищения, которые представляют большой интерес в свете дальнейшего развития исторических событий и общественных теорий. Кондорсе ставит, например, вопрос о том, обусловлено ли «различие знаний, средств или богатств, наблюдаемое до настоящего времени между различными классами каждого из цивилизованных народов, это неравенство, которое изначальный прогресс общества увеличил и, так сказать, создал,—обусловлено ли оно самой цивилизацией или современными несовершенствами социального искусства». И ему представляется несомненным, что неравенство «должно беспрестанно ослабляться, чтобы уступить место тому фактическому равенству,—последней цели социального искусства,—которое, уменьшая даже следствия естественного различия способностей, оставляет только неравенство, полезное интересу всех, ибо оно будет благоприятствовать прогрессу цивилизации, образования, промышленности и не повлечет за собой ни зависимости, ни унижения, ни обеднения».

Такое равенство возможно лишь в бесклассовом коммунистическом обществе. Кондорсе не понимал, что оно несовместимо с принципом частной собственности, который он отстаивал; и он утопически ставил задачу осуществления равенства как конечную цель развития идеализируемого им буржуазного общества.

Барнав

Небольшое литературное наследие Антуана Барнава, собранное и изданное лишь в 40-х годах XIX века, представляет значительный интерес для истории социологических и исторических представлений, сложившихся под непосредственным влиянием революции и ее предпосылок. Грандиозное по своему размаху политическое и социальное переустройство страны, которое происходило под знаком философских идей XVIII века, было своего рода проверкой их на практике. Такие активные участники революции, как

АНТУАН БАРНАВ (1761—1793)
Гравюра неизвестного художника

Барнав, естественно стремились подытожить результаты своей деятельности в период революции, а также уяснить основные причины этого исторического события. И вот одни из них пишут историю революции в форме мемуаров, а другие, как Барнав, как Рабо-Сент-Этьен, Дезодоар, — в форме научных и философских трудов, в которых описывают события, дают их анализ и пытаются осмыслить по-своему опыт великой исторической эпохи. Революция заставила даже ее наблюдателей со стороны внести существенные поправки в готовые теории исторического прогресса: под впечатлением французской революции Гердер впервые включил законодательство и государственное устройство в число «орудий и символов» прогресса, тогда как прежде он придавал такое значение лишь языку, письменности, науке и искусству.

Сочинения Барнава и особенно его «Введение к французской революции», а также «Политические размышления о революции» представляют интерес не только для историографии французской революции, но и для истории развития исторической науки как таковой. Они показывают, как отразилась революционная ломка производственных отношений, победа нового класса на исторических воззрениях одного из наиболее видных представителей буржуазии первого этапа революции.

Барнав начинает свое «Введение» с определения того, в какой мере политические революции, «как и все те явления, которые зависят от страстей и воли человека», могут быть «подведены под определенные и поддающиеся исчислению законы». Он признает, что, в отличие от мира физических явлений, факты и события общественные не определяются математическими законами; однако «среди множества причин, совокупное влияние которых вызывает политические события», имеются причины, «настолько связанные с самой природой вещей, непрерывное и правильное действие которых настолько преобладает над влиянием причин случайных, что за известный промежуток времени они неизбежно производят свое действие». Именно эти причины подготовляют великие исторические эпохи, подобные революции 1789 г.

Пытаясь уловить эти основные причины, Барнав прослеживает историческое развитие человеческих обществ, начиная с охотничьего и пастушеского состояний. Он устанавливает, во-первых, что переход от одного к другому происходит под влиянием «прироста населения», а во-вторых, что уже на второй ступени общественного развития — в стадии пастушеской — «*собственность начинает влиять на учреждения*». Дальнейшее развитие и распространение прав собственности все в большей мере влияет на распределение власти. Таким образом, «природа вещей, ступень социального развития (le période social), достигнутая данным народом, населяемая им земля, ее богатства, его потребности...» определяют форму правления, «создают новые источники власти, изменяют соотношение сил» в обществе.

Земельная собственность, возникающая, по мнению Барнава, чаще всего в результате завоеваний, является, основой аристократических правлений, тогда как движимая собственность — результат труда свободных коммун — принципом демократии. Развитием движимой собственности Барнав объясняет полное освобождение Европы от светской власти пап и сокращение наполовину их духовной власти, т. е. реформацию; тем же развитием движимой собственности объясняет он также создание единых национальных государств и возвышение власти народа.

В концепции Барнава со всей силой сказалось влияние окружавших его условий: Барнав — выходец из семьи кальвиниста и сам кальвинист — был представителем одной из самых развитых в промышленном отношении провинций Франции — Дофине; в Дофине при личном участии Барнава произошло одно из первых решительных выступлений в защиту политических прав третьего сословия. Представление Барнава о движимой, т. е. буржуазной собственности, как такой, которая является «плодом труда и достоянием деятельной и трудолюбивой части народа», которая составляет ее силу и обеспечивает ее свободу, весьма характерно для настроений французской буржуазии конца XVIII века. Эволюция этой формы собственности и подготовила, по мнению Барнава, «демократическую революцию, разразившуюся в конце XVIII в.»

Для Барнава еще в большей степени, чем для Вольнея, характерны материалистические тенденции, которые сказываются как в его общих философских и методологических положениях, так и в объяснении исторического процесса. Вслед за Монтескье он подчеркивает роль естественной среды, вслед за Рейналем — роль экономического фактора, ставя во главу угла изменения в распределении «собственности» на протяжении истории. Некоторые определения Барнава предвосхищают попытки так называемой «органической школы» в социологии (Спенсера и др.) объяснять общественные явления путем простого перенесения понятий биологии на общество. Барнав высказывает такое положение: «С известной точки зрения можно рассматривать население, собственность, нравы и просвеще-

ние как элементы и субстанцию, образующие общественное тело, и видеть в законах и правительстве ткань, которая их связывает и охватывает». Если «ткань» расширяется по мере роста «субстанции», то развитие общественного тела может совершаться без сильных потрясений, — но если она не достаточно эластична, настанет момент, когда она вынуждена прорывать сдерживающую ее оболочку и выливаться наружу».

Революция 1789 г. — по мнению Барнава — пример такого нарушения «нормального» роста политического организма.

На основе своих общих положений об историческом процессе, Барнав переходит к конкретной истории Англии, Франции и Испании и прослеживает развитие их политических форм, исходя из борьбы недвижимой и движимой собственности вплоть до революции. Барнав отмечает, что географическое положение Франции, расположенной в центре широчайшего торгового движения европейских народов, омываемой двумя морями, казалось, определяло ее будущее как государства индустриального, страны движимых ценностей; однако обширность ее земельных пространств обеспечила в ней длительное преобладание аристократии. Лишь постепенно, «при содействии городских коммун» и армии монархическая власть получила решительное преобладание над «феодальной анархией». Силы народа росли, в то время как аристократия дряхлела, земля ускользала из ее рук. Основные предпосылки «демократической» революции были налицо. Остальное довершили причины более случайного порядка, как, например, бездарный, безвольный, хотя и добродетельный монарх, правительство, вставшее на путь восстановления военной и других привилегий аристократии и, наконец, война на стороне восставших английских колоний. Благодаря войне развитие идей свободы, неповиновения довершило философскую подготовку революции, разложило армию, финансы пришли в окончательное расстройство, и таким образом рушились два основных устоя, на которые непосредственно опиралась монархия.

Таковы исторические взгляды Барнава и его анализ причин революции. Она была подготовлена пяти-шестивековой социально-экономической революцией, которая подчиняла формы политической власти изменяющимся формам собственности. Расцвет промышленной «движимой» собственности обусловил приход к власти третьего сословия, и революция стала исторической необходимостью.

Но дальше этого в своем социологическом анализе Барнав не пошел; лишь на крутом переломе революции, при падении монархии, он понял, что народ состоит не только из буржуазии, «трудолюбивого класса городов», как он часто выражается, а из антагонистических групп владельцев собственности и лишенных таковой. Жорес справедливо отметил, что во всей его книге нет «ни слова о положении рабочих, ни одного намека на будущую эволюцию наемного труда». Больше того, Барнав, как представитель идущего к господству класса, в своих обобщениях неизбежно проникался «иллюзиями этого класса о самом себе».[1] У Барнава имеется очень характерное в этом смысле идиллическое изображение отношений труда и капитала: «Промышленное богатство (la richesse industrielle)— удел трудящейся части народа, заявляет он, его источник — труд; именно при посредстве этого богатства богатый становится данником в пользу бедняка-мастерового (tributaire de l'industrie du pauvre); именно с его помощью искусный мастер-бедняк постепенно привлекает к себе частицы собственности богача и в конце концов приобретает некоторую часть его земли; именно через его посредство он приобретает на ряду с материальным довольством, то образование, то сознание своего досто-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология, М. 1935, стр. 37.

инства, которое сопутствует первому; именно благодаря ему народ собирается в большие мастерские, мануфактуры, называемые городами, и в силу этого объединения достигает того, что оказывает действенное сопротивление притеснению крупных земельных собственников; таким образом собственность промышленная и движимая являются основой демократии...»

Явная идеализация Барнавом отношений труда и капитала сказывается здесь прежде всего в том, что накопление, создание промышленной собственности представляется им как результат труда капиталиста.

Социологические и исторические идеи Барнава отражают весьма существенный момент в развитии классового самосознания буржуазии. Барнав ясно видит общественное противоречие между «земельной» и «движимой» собственностью, т. е. между силами феодализма и силами растущего капитализма. Но он закрывает глаза на противоречия внутри идущего к революции «третьего сословия». Теория Барнава вполне соответствует той позиции, которую он занимал в реальной политической борьбе его времени.

ПОЛИТИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ В 1789—1794 гг. В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Состояние народного образования в дореволюционной Франции

В дореволюционной Франции народное образование не было организовано в национальном масштабе. В стране было немало народных школ, так называемых petites écoles, но все они были сосредоточены в руках церкви, которая боялась просвещения народных масс и рассматривала школу исключительно как средство насаждения и укрепления религиозной догмы. Феодальная аристократия стремилась удержать культуру масс на самом низком уровне, так как видела в развитии народного просвещения прямую угрозу своим привилегиям. Королевская власть и ее чиновники совсем не интересовались делом народного образования: они ограничивались лишь формальным требованием обязательного начального обучения и заставляли население давать средства на оплату учителей и содержание школ. Но в действительности охват детей школами был весьма ограниченным. Выбор учителей формально был предоставлен отцам семейств, фактически же осуществлялся церковными властями, и наблюдение за учителями находилось в руках местных священников. Учителя, плохо оплачиваемые, в некоторых местах даже не постоянные, а странствующие, в подавляющем большинстве своем были невежественны (педагогических учебных заведений во Франции в то время не существовало). Школьное преподавание сводилось к обучению чтению, письму, реже счету, в основном же — к изучению катехизиса. О состоянии грамотности населения Франции того времени можно судить по тому, что при записях брачных договоров за 1789 г. процент подписавших свое имя мужчин колебался от 13.63 до 88.93, а женщин — от 5.94 до 64.99 по различным провинциям. Особенно низок был уровень грамотности среди женщин. Примером может служить провинция Беарн, где при 71.91% подписавших брачный договор мужчин процент подписавшихся женщин не превышал 9.19. Большинство населения дореволюционной Франции (53% мужчин и 73% женщин) оставалось неграмотным; в некоторых местностях, например, в Дофине, подчас трудно было найти человека, который мог бы подписать свое имя. Необходимо добавить, что значительная часть населения Франции даже не знала французского языка и говорила на различных наречиях: гасконском, лангедокском, пикардийском и др.— и даже на различных языках: баскском, каталонском, итальянском,

немецком, фламандском, бретонском — и не принимала никакого участия в культурной жизни страны.

Среднее образование, в общеобразовательных коллежах и немногих профессиональных школах, и высшее — в университетах и высших специальных школах, разумеется, было доступно лишь незначительному числу детей знати и богатой буржуазии. Немногочисленные коллежи, сосредоточенные в городах и тесно связанные с университетами, представляли собой оплот средневековой схоластики и давали крайне ограниченное и одностороннее образование. Большинством коллежей руководили иезуиты, после изгнания которых из Франции (в 1762 г.) коллежи пришли в полный упадок. В несколько лучшем положении находились коллежи, руководимые ораторианцами, т. е. членами конгрегации «Оратория Иисуса». Ораторианцы стремились итти в ногу с веком; они в известной степени пытались приспособиться к запросам буржуазии, заигрывая с рационализмом и другими популярными в то время идеями. Когда началась революция, многие ожидали, что ораторианцы окажутся в революционном лагере, так как некоторые из них высказывали свое сочувствие революции. Однако вскоре большинство ораторианцев отказалось признать Конституцию. Это показало истинное лицо «передовой» конгрегации, и популярность, которой она пользовалась до революции в некоторых буржуазных кругах, быстро исчезла. В высшей школе, оторванной от жизни и в подавляющем большинстве случаев высшей лишь по названию, было засилие схоластики и очень мало действительной науки.

Университет накануне революции переживал период разложения, ярким показателем которого может служить то, что ученые степени стали предметом купли-продажи.

Взгляды просветителей XVIII в. на народное образование

Неудовлетворительность такого состояния народного образования стала очевидной еще задолго до революции. Развитие торговли и промышленности, рост городов, успехи буржуазии требовали развития и распространения знаний,— знаний жизненных, реальных, требовали более широкой организации народного образования. Передовые представители буржуазной идеологии, — просветители XVIII века (энциклопедисты, Руссо, Кондильяк, Тюрго и др.),— критикуя феодально-абсолютистские порядки дореволюционной Франции, уделяли в своих произведениях большое внимание проблемам народного образования. Идеалистическое понимание явлений общественной жизни заставляло просветителей придавать воспитанию почти самодовлеющее значение. Просветители считали, что правильное воспитание должно приблизить человека к природе и развить все его способности — как физические, так и духовные; образование должно быть доступно всем и носить светский характер; руководство им следует сосредоточить в органах государства, изъяв его из сферы влияния церкви. Все эти передовые для того времени идеи превратились накануне революции в положения, которые разделялись всеми прогрессивными элементами французского общества. Особенно велико было в этой области влияние философии Руссо. Учение Руссо о «естественном воспитании» («Эмиль, или О воспитании») стало для буржуазных революционеров источником вдохновения в их политике в области народного просвещения.

Требования большинства наказов в отношении народного образования могут быть сведены к четырем основным: во-первых, организация национальной системы воспитания с целью надлежащего формирования будущих граждан; во-вторых, предоставление возможности получить образование детям всех граждан, независимо от их происхождения и без разли-

чия пола; в-третьих, подготовка компетентной и сильной учительской корпорации; в-четвертых, создание центрального органа для руководства делом народного образования во всей стране.

Общее направление политики народного образования в Учредительном собрании

Учредительное собрание, однако, не уделило вопросам народного просвещения того внимания, какого они заслуживали. Оно не включило право на образование в Декларацию прав человека и гражданина, принятую 20—26 августа 1789 г., и не создало даже специальной комиссии по вопросам народного образования.

В течение первого года своей деятельности Учредительное собрание касалось лишь второстепенных вопросов народного образования, но и то лишь косвенно: в различных декретах, относящихся к другим областям. Между тем, в распоряжение Собрания поступил ряд письменных докладов, посвященных проблемам народного образования (проекты Госсена, Вилье, Дону, Оже и др.).

Лишь 13 октября 1790 г. Собрание, по предложению бывшего епископа отёнского Талейрана, поручило своему Конституционному комитету собрать все представленные проекты и на основе их изучения составить общий доклад об организации народного образования. Одновременно Собрание решило отложить обсуждение всех частных вопросов, относящихся к делу народного образования, до обсуждения намеченного доклада в целом. 1 января 1791 г. вопрос об основах народного образования был включен в число вопросов, постоянно стоящих на повестке дня Собрания, но, несмотря на это решение, вопрос был поставлен на обсуждение лишь в сентябре. За месяц до того, 5 августа 1791 г., при утверждении проекта Конституции в первый раздел ее была включена особая статья, которая гласила: «Создать и организовать систему всеобщего народного образования, бесплатного на тех стадиях обучения, которые необходимы для всех людей».

Идеи Мирабо о народном образовании

Необходимо упомянуть об опубликованном летом 1791 г. произведении, озаглавленном «Труд о народном воспитании, найденный в бумагах Мирабо-старшего и опубликованный П.-Ж.-Ж. Кабанисом, доктором медицины». Независимо от того, принадлежит ли это произведение действительно перу умершего 2 апреля 1791 г. Мирабо (есть основание полагать, что составляющие книгу четыре речи написаны по просьбе Мирабо женевцем Рейбазом и отредактированы Кабанисом), значение его исключительно велико, поскольку здесь впервые и с большим блеском формулированы основные принципы просветительной политики буржуазного либерализма. В этих непроизнесенных речах, приписываемых Мирабо, воспитание рассматривается как средство подготовки новых людей для нового общественного порядка, как единственная возможность развития нравственного человека. Невежество народных масс рассматривается как явление социально опасное и указывается, что дело организации народного образования является одной из важнейших функций государственной власти. Для осуществления этой задачи должны быть учреждены: начальные школы — повсеместно, коллежи — в каждом департаменте, один национальный лицей в качестве высшей школы — в Париже; кроме того, культурно-политическую и воспитательную роль должны играть Национальная академия, специальные школы, музеи, Ботанический сад, публичные библиотеки, театры и народные празднества. Но выдвигая такую широкую программу просветительной деятельности государства, проект существенным образом ограничивает ее. Исходя из буржуазного принципа «свободы» (в данном случае этот принцип являлся как бы частным применением

к области народного образования излюбленного положения буржуазии («laissez faire»), составитель проекта отвергал обязательность и бесплатность обучения и необходимость создания единой корпорации просвещенцев, руководимой государственной властью. Это произведение, пропитанное духом буржуазного либерализма, не имело непосредственного влияния на законодательство, но отдельные высказанные в нем идеи отразились на дальнейшем развитии народного просвещения во Франции.

План Талейрана

Конституционный комитет представил Учредительному собранию обширный доклад об организации народного образования, составленный Талейраном и сопровождавшийся семнадцатью законопроектами. Ход политической борьбы во Франции заставил Талейрана, ловкого и беспринципного политика, говорить о «народном суверенитете» и о создании психологических и моральных предпосылок «свободы и равенства». Он требует всеобщего образования возможно более полного, многостороннего, приспособленного к потребностям и возможностям каждой личности и развивающего все ее способности. Он признает необходимость не только всеобщего, но и бесплатного начального образования. Однако, следуя либеральному принципу «свободы образования», он отвергает обязательность государственного обучения.

По плану Талейрана, начальное образование включает не только начала французского языка, счета и мер, но и основы гражданской морали и учение о конституции; известное место отводится при этом в школе и религиозному обучению. Помимо начальных школ, подлежавших учреждению повсеместно, в каждом кантоне, проект Талейрана предусматривал создание средних школ в окружных центрах и специальных школ в департаментских центрах, наконец, в качестве завершения всей системы народного образования, — Национального института в Париже. Характерно при этом типично буржуазное отношение Талейрана к женскому образованию: формально признавая за женщинами право на образование, проект, однако, сводит это образование к пребыванию в начальной школе до восьми лет, после чего девочки должны воспитываться дома, причем воспитание должно готовить их к роли жены, матери и хозяйки.

Доклад Талейрана заслушан был Учредительным собранием 10, 11 и 19 сентября 1791 г., т. е. незадолго до истечения срока его полномочий. Собрание отказалось обсуждать представленный проект в целом, мотивируя свое решение недостатком времени для рассмотрения всех деталей сложного и обширного проекта. Талейрану не удалось, несмотря на все его настояния на заседании 25 сентября, добиться даже обсуждения принципиальных основ проекта: было решено передать доклад с приложенными к нему законопроектами Законодательному собранию, открытие которого назначено было на 1 октября. Причина неудачи проекта Талейрана заключалась в том, что в этом проекте сохранялось слишком многое из старого. В частности королевской власти предоставлялось назначение органов, руководящих народным образованием; учительство, таким образом, всецело должно было зависеть от короля. Это шло вразрез с общими политическими устремлениями буржуазии, утверждавшей свое господство путем укрепления и расширения власти представительных учреждений. «Учреждение комиссии народного просвещения, назначаемой королем, — заявил депутат Камюс, — является по самой своей природе чрезвычайно опасным установлением: это — создание корпорации, которая изъяла бы народное просвещение из распоряжения нации». Фактически доклад Талейрана был отклонен: Законодательное собрание, занявшись делом народного образования, не воспользовалось этим наследием Учредительного собрания.

Общее направление политики народного образования в Законодательном собрании

28 октября 1791 г. Законодательное собрание избрало Комитет по народному образованию в составе 24 членов. Формально комитет этот проявил довольно большую деятельность, но фактические результаты этой деятельности были весьма незначительны: Комитет ограничился борьбой против засилия церкви в области народного просвещения и подготовкой общего плана организации народного образования.

6 февраля 1792 г. Законодательное собрание одобрило доклад выделенной Комитетом народного образования комиссии в составе Годена, Карно и Жиберга об отстранении религиозных конгрегаций от школьного дела. 18 августа 1792 г. был утвержден декрет о ликвидации конгрегаций и об отчуждении в пользу государства их имуществ, за исключением зданий и садов, находящихся в пользовании действующих коллежей. Это был решительный удар революционной буржуазии по церкви, как по одному из оплотов абсолютистско-феодального режима. На ряду с этим Комитет по народному образованию поручил 10 ноября 1791 г. комиссии в составе Кондорсе, Ласепеда, Арбогаста, Пасторе и Ромма разработать заново план общей организации народного образования. 30 января 1792 г. новый план был готов, и Кондорсе представил его Комитету. После двух месяцев обсуждения Комитет одобрил этот план и поручил Кондорсе доложить его Собранию. 20 апреля 1792 г., в день объявления войны Австрии, началось чтение доклада, закончившееся на следующий день.

План Кондорсе

Кондорсе представил исчерпывающий и чрезвычайно стройный, с большой логической последовательностью разработанный доклад об общей организации народного образования с приложением к нему проекта декрета. Глубокая вера в силу познающего человеческого разума, в могущество научного знания — основа плана Кондорсе. Народное образование, по его идее, должно представлять собой единую целостную систему, обеспечивающую сохранение обществом добытых его предшествующим развитием знаний и накопление новых. В образовательном процессе народ должен узнавать только подлинную истину, независимую от политической догмы. Народное образование должно содействовать совершенствованию людей путем развития всех физических, интеллектуальных и моральных способностей каждого поколения, развивать все таланты на благо личности и отечества. Будучи всеобщим и бесплатным на всех ступенях, равно доступным для всех, народное образование, по мысли Кондорсе, становится одной из обязательных задач государства; образование должно превратиться в общественную силу, которая поведет к высшей цели — к устранению всякого неравенства, к осуществлению равенства действительного, а не только формального. Организационный план Кондорсе предусматривал пять ступеней в системе народного образования: первичные (начальные) школы, вторичные (высшие начальные) школы, институты (средние школы), лицеи (высшие школы) и — во главе всего — Национальное общество наук и искусств; школьное образование должно было дополняться внешкольной просветительной работой при помощи лекций, библиотек, научных коллекций, лабораторий и т. п. Программа народного образования, по мысли Кондорсе, значительно расширялась не только в целях повышения общей и политической культуры народа, но и в целях вооружения народа профессиональными и техническими знаниями; введение в эти знания должна была давать уже начальная школа. Осуществление всего дела народного образования возлагалось, по плану Кондорсе, на независимую от государственной власти корпорацию, пополняемую путем выборов.

План Кондорсе, идущий дальше предшествовавших ему планов по пути демократических преобразований в области народного образования, не был, однако, обсужден Законодательным собранием; военные дела заслоняли тогда все прочие, да и крайний либерализм, получивший в докладе весьма яркое выражение, не встретил сочувствия среди ведущих политических деятелей. Доклад Кондорсе в Законодательном собрании постигла та же участь, что и доклад Талейрана в Учредительном собрании: обсуждение доклада было дважды отложено — после первого чтения 21 апреля и после второго чтения 25 мая. Несмотря на ряд запросов, обращенных к Собранию, и на решение открыть дебаты по вопросу об организации народного образования при первой возможности, Законодательное собрание до самого конца своей деятельности так и не нашло для этого времени. Наиболее существенные мысли и предложения, содержавшиеся в докладе Кондорсе, вошли впоследствии в видоизмененной форме в социально-культурное законодательство Конвента.

Общее направление политики народного образования в Национальном конвенте

Национальный конвент уделял вопросам народного образования исключительно много внимания. Создавая различные комитеты, Конвент предусмотрел в числе их и Комитет по народному образованию, который был избран 13 октября. Комитет этот работал весьма интенсивно. Состав Комитета и направление работ его менялись в зависимости от изменения соотношений партийных группировок в Конвенте. Кроме Комитета по народному образованию, некоторое время (летом 1793 г.) действовала также специальная Комиссия национального воспитания; в конце 1793 г. вопросом организации народного образования занимался и Комитет общественного спасения.

К вопросам народного образования Конвент подходил с точки зрения политической борьбы, борьбы с реакцией. Этим объясняется факт, казавшийся непонятным ряду буржуазных исследователей: в самые острые моменты борьбы, в моменты высшего напряжения революционных сил, — 18 декабря 1792 г. (начало процесса Людовика XVI), 21 января 1793 г. (день казни короля), 30 мая 1793 г. (канун изгнания жирондистов), 15 сентября 1793 г. (в период обострения борьбы за утверждение революционной диктатуры), — Конвент принимает важнейшие решения по вопросам народного образования. Известно решение Конвента от 9 сентября 1793 г. о том, чтобы посвящать три заседания в неделю этим вопросам, пока организация народного образования не будет завершена; известно принятое в августе 1793 г. постановление, что, «прекращая всякие частичные дебаты по этому большому вопросу, Конвент будет ежедневно обсуждать план народного образования в целом».

К началу законодательной деятельности Конвента положение в области народного образования было весьма тяжелым. Учредительное и Законодательное собрания, как мы видели, практически ничего не сделали в этом направлении, если не считать отделения школы от церкви. Многие местные самоуправления, состоявшие из реакционно настроенных крупных собственников, враждебно относились к реорганизации народного образования; значительная часть старого учительства, находившаяся под влиянием церкви, саботировала постановления новых властей; новые педагогические силы были еще крайне малочисленны и слабы. Все это, вместе взятое, тягостно отражалось на состоянии народного просвещения. Между тем, масса стремилась к просвещению, и непосредственные задачи революции требовали скорейшего упорядочения дела народного образования.

Уже в октябре 1792 г. Комитет по народному образованию приступил

к работе по подготовке общего декрета на основе плана Кондорсе, переданного ему Законодательным собранием. Но внутри самого Комитета возникли расхождения по некоторым существенным вопросам, в особенности — по вопросу о бесплатном образовании: жирондист Лантена, назначенный докладчиком, отражая боязнь буржуазии перед революционными массами трудящихся, соглашался на бесплатное обучение только в начальных школах, отвергая его для остальных ступеней образования. Конвент, недовольный тем, что Комитет затягивает работу над общим планом народного образования, 19 ноября потребовал безотлагательно представить на его рассмотрение доклад по вопросу первоочередной важности — об организации начальных школ. 23 ноября доклад Лантена был роздан членам Конвента, но чтение и обсуждение его начались несколько позднее. Тем временем Комитет по народному образованию рассмотрел, утвердил и представил Конвенту другой доклад — доклад Арбогаста о конкурсе на создание новых школьных учебников.

12 декабря Конвент заслушал доклад о начальном образовании и начал обсуждение представленного проекта. Первая, общая статья законопроекта — о начальных школах — не вызвала никаких споров. Затем развернулись прения, которые продолжались в течение двух заседаний (12 и 14 декабря), носили весьма бурный характер и сосредоточились на принципиальных вопросах. Консервативный депутат, католик Дюран-Майян, выступил против отмены религиозного обучения в школе, против «засилия науки», против широкого плана народного образования, против создания «ученой корпорации», которая стала бы «государством в государстве». Против создания подобной «корпорации» выступил и депутат Мазюйе, добавив, что такое предприятие обошлось бы нации слишком дорого. С решительной отповедью апологетам невежества выступил бывший аббат Жакоб Дюпон. Он горячо защищал науку и просвещение, открыто объявил себя атеистом и провозгласил «религию отечества и свободы, природы и разума». Из других выступлений можно отметить речь Рабо-Сент-Этьена о значении воспитания для формирования нового общества и заявление Мишеля-Эдма Пти о том, что первой и безусловной предпосылкой народного просвещения является уничтожение нищеты и обеспечение работы и хлеба всем.

18 декабря Комитет по народному образованию принял основные положения общей организации народного образования в духе плана Кондорсе, подтвердив принцип бесплатности на всех ступенях и устранив все, что могло быть понято как попытка создания независимой от государственной власти и оторванной от народа учительской корпорации. Докладчиком в Конвенте был назначен монтаньяр Ромм, который в своей речи 20 декабря всесторонне обосновал широкий план народного образования и выдвинул тезис: «Народное образование не долг и не благодеяние, оказываемое нации, это — необходимость».

21 января, в день казни Людовика XVI, Конвент признал за вопросами народного образования первостепенное значение, приняв решение о том, что «финансы, война и организация народного образования будут постоянно в порядке дня». Но Комитет по народному образованию, в котором в этот период большинство принадлежало Жиронде, затягивал подготовку общего плана организации народного образования и занимался вопросами второстепенного порядка. Вскоре инициатива в этой области перешла в другие руки: делом народного образования энергично занялся сформированный 6 апреля 1793 г. Комитет общественного спасения.

29 мая 1793 г. Конвент принял предложенный ему Комитетом общественного спасения текст новой Декларации прав человека, в которую включена была статья, гласившая: «Образование является потребностью

всех, и общество должно предоставлять его в равной мере всем своим членам». В соответствии с этой статьей Комитет общественного спасения разработал проект декрета о начальном образовании, в котором предусматривалось, что учителя начальных школ будут заниматься также и со взрослыми. Этот проект был представлен Барером Конвенту, который немедленно утвердил его.

Революция 31 мая —2 июня 1793 г. положила конец господству контрреволюционной Жиронды. 3 июня Конвент принял решение об обновлении состава всех своих комитетов. Однако в отношении Комитета по народному образованию это мероприятие было осуществлено со значительным опозданием. Правое большинство Комитета воспользовалось этим: оно объединилось вокруг нового его председателя, Сиейеса, и сделало попытку противостоять влиянию революционной демократии в области народного образования.

18 июня Конвент, по предложению Робеспьера, поручил Комитету общественного спасения подготовить поправки и дополнения к Декларации прав и Конституции. В новом тексте Декларации, рассмотренном и утвержденном Конвентом 23—24 июня, имеется дополнение, которое гласит: «Общество всем своим могуществом должно способствовать прогрессу общественного разума и сделать образование доступным всем гражданам». Конституция 1793 г. провозглашала среди прочих «прав человека» также право на «общее для всех образование» (ст. 122). Комитет общественного спасения признал необходимым безотлагательно представить на рассмотрение и утверждение Конвента доклад об общей организации народного образования.

Попытки правых группировок ограничить образование народных масс (Сиейес, Дону, Лаканаль)

В этот момент Сиейес, воспользовавшись отсутствием ряда влиятельных членов Комитета по народному образованию (Кондорсе, Ромма, Барера и др.) и заручившись содействием двух правых членов его — Дону и Лаканаля, провел через Комитет проект, ограничивавший национальную организацию народного образования одними только начальными школами и предоставлявший дальнейшие ступени образования частной инициативе. Этот проект устанавливал сокращенную сеть начальных школ, обходил молчанием вопрос об обязательности и бесплатности обучения и о курсах для взрослых. Несмотря на ряд хитрых тактических приемов Сиейеса, который, стремясь провести свой проект и в то же время оставаться в тени, выдвинул в качестве докладчика молодого и ловкого политика Лаканаля, — действительное авторство этого проекта было раскрыто, и попытка Сиейеса была сорвана. Конвент заслушал доклад Лаканаля, но прения отложил. 30 июня в Якобинском клубе выступил с блестящей речью один из активных членов Революционной коммуны, видный ученый — Гассенфрац, который разоблачил чуждую народным интересам сущность проекта Сиейеса — Дону — Лаканаля и требовал создания такой организации дела народного образования, которая отвечала бы интересам нации: образование, по его мнению, должно быть действительно всеобщим и готовить подрастающее поколение к производительной трудовой жизни. Выступление Гассенфраца заставило Комитет по народному образованию спешно внести в проект некоторые поправки, но это не помогло; на заседаниях 2 и 3 июля проект был подвергнут жестокой критике и отвергнут Конвентом; по предложению Робеспьера, было решено создать специальную комиссию, которой и было поручено в кратчайший срок представить план организации национального воспитания и образования.

«Комиссия шести» и план единого общественного воспитания детей (Лепелетье)

Комиссия национального воспитания, прозванная «Комиссией шести» (Рюль, Лаканаль, Грегуар, Купе, Робеспьер и Леонар Бурдон) своей деятельностью открыла новый период в развитии просветительной политики французской революции. Работы Комиссии развернулись в период подъема революционного движения масс, который нашел свое отражение и в деятельности Комиссии. В основу своей работы Комиссия положила план национального воспитания, принадлежавший перу депутата Конвента Мишеля Лепелетье, убитого 20 января 1793 г. Лепелетье исходил из того, что широкое общее образование, в сочетании с производительным трудом, с физическим и моральным развитием, необходимо дать всем гражданам. В отношении организации образования он был согласен с планом Кондорсе. Но интересы нации, полагал Лепелетье, требуют не только образования, но прежде всего единого, всеобщего национального воспитания, и для этого недостаточно школ. Если до пятилетнего возраста детей приходится предоставить материнскому воспитанию в семье, при известном влиянии государства и на это воспитание, то далее, по мысли Лепелетье, должно следовать воспитание общественное: «Начиная с пятилетнего возраста до двенадцати лет для мальчиков и до одиннадцати для девочек, все дети без различия и без исключения будут воспитываться совместно, за счет республики, и все они, под сенью святого закона равенства, будут пользоваться одинаковой одеждой, одинаковым питанием, одинаковым обучением, одинаковыми заботами». Такое национальное воспитание всех детей должно быть не только общеобязательным, но и бесплатным: средства на содержание домов общественного воспитания должны изыскиваться путем особого прогрессивного обложения граждан с таким расчетом, чтобы «ребенок бедняка воспитывался за счет богача». Участие родителей в воспитании детей при такой системе Лепелетье считал возможным путем создания родительских советов при домах национального воспитания. Результатом такой организации воспитания, по идее Лепелетье, должно было явиться приближение к осуществлению действительного, не только политического, равенства: «Здесь,— восклицает он, — перед нами революция бедняка,.. но революция мягкая и мирная, революция, не затрагивающая собственности и не нарушающая справедливости. Усыновите детей неимущих граждан,— и нищета исчезнет для них».

Демократическая просветительная утопия Лепелетье чрезвычайно характерна для периода якобинской диктатуры. Его идеи равного для всех воспитания, неосуществимые в буржуазном обществе, нашли сочувственный отклик в широких народных массах.

Робеспьер, получивший рукопись Мишеля Лепелетье от брата его Феликса, с увлечением прочел ее. На следующий день, по поручению Комиссии национального воспитания, он огласил с трибуны Конвента план Лепелетье. Принципы, изложенные в этом проекте, сказал Робеспьер, будут приняты Комиссией за основу при выполнении возложенной на нее задачи. Чтение неоднократно прерывалось восторженными аплодисментами Собрания, которое сейчас же постановило напечатать и распространить план Лепелетье. 19 июля проект был зачитан Феликсом Лепелетье в Якобинском клубе, где его выслушали с неменьшим энтузиазмом. Однако в «Комиссии шести» проект Лепелетье встретил серьезные возражения со стороны Грегуара, Купе и Лаканаля, и благодаря этому доклад Комиссии в Конвенте, назначенный на 23-е, не состоялся. Конвент выразил свое недовольство этой задержкой и потребовал безотлагательного представления доклада и проекта декрета на основе плана Лепелетье.

ЛУИ-МИШЕЛЬ ЛЕПЕЛЕТЬЕ-ДЕ-СЕН-ФАРЖО (1760—1793)

Давид. Рисунок пером к картине «Убитый Лепелетье»

В результате Робеспьеру и Бурдону удалось добиться формального согласия Комиссии, и 29 июля Робеспьер огласил в Конвенте предложенный Комиссией проект декрета об общественном воспитании, представлявший собой почти точное (с незначительными поправками) воспроизведение проекта Лепелетье.

Проект единого общественного воспитания вызвал в Конвенте горячую дискуссию, продолжавшуюся семь заседаний. Грегуар, Фуркруа и др. выступили против проекта. Они протестовали против «нарушения прав семьи» и возражали против огромных расходов, которых потребовало бы осуществление такого плана. Представители революционной демократии (Робеспьер, Леонар Бурдон, Лекиньо и др.), чувствуя за собой поддержку народных масс Парижа, отстаивали проект и развивали ту идею, что на первом месте должны стоять интересы нации, откуда следует, что «ребенок принадлежит республике». Но Робеспьер, очевидно, не решился до конца отстаивать идею обязательного общественного воспитания, и, уступая давлению умеренных, «Комиссия шести», собравшись 31 июля, внесла в проект ряд поправок, из которых наиболее существенные: увеличение срока семейного воспитания до семи лет, факультативность общественного воспитания и распространение его только на мальчиков. 1 августа Леонар Бурдон от имени Комиссии доложил Конвенту проект с этими изменениями, но и после этого дебаты продолжались. Робеспьер в своем новом выступлении указал на социальный характер той борьбы, которая развернулась вокруг проекта: «Я вижу, — сказал он, — с одной стороны, класс богачей, который отвергает этот закон, а с другой, — народ, который его требует. Я больше не колеблюсь, он должен быть принят». Но все же и на этот раз Робеспьер воздержался от ясного и решительного выступления по вопросу об обязательности или факультативности общественного воспитания. Бурдон, Дантон, Делакруа и Шарлье высказались за необязательность. Дантон заявлял о том, что необходимо «примирить то, что соответствует принципам, с тем, что соответствует обстоятельствам». «Против плана говорили, — заявлял он, — что отцовская любовь противится выполнению его. Но если мы не декретируем принудительного воспитания, мы не должны лишать воспитания детей бедняка». На возражения финансового порядка он отвечал: «Если вы хотите засеять обширное поле республики, вы не должны считаться с ценой этого посева. После хлеба, воспитание — первая потребность народа». Решающим было вторичное выступление Дантона 13 августа: «Итак, — заявил он, — введем общественное воспитание: в домашнем воспитании все суживается, в воспитании общественном все растет. Здесь возражали, ссылаясь на отцовские чувства; я тоже отец... и что же... мой сын не принадлежит мне, он принадлежит республике: пусть она укажет ему его обязанности, чтобы он мог хорошо служить ей...» Дантон закончил компромиссным требованием учредить за счет республики национальные интернаты бесплатного общественного воспитания, но сделать воспитание в них необязательным, создав одновременно классы для обучения детей, остающихся в родительских семьях. Это предложение было встречено аплодисментами и принято Конвентом.

Декрет 13 августа 1793 г. вызвал большое разочарование плебейских элементов, которые решительно высказывались за всеобщее и обязательное общественное воспитание всех детей в особых национальных учреждениях. По инициативе лионского агитатора Леклерка, секция Ломбар составила петицию, которая была поддержана девятью другими секциями и 25 августа оглашена в Конвенте; поступали и другие петиции — от имени молодежи и учительства — о пересмотре принятого решения. Но Конвент, целиком занятый в это время напряженной борьбой против контрреволюционных мятежников и интервентов, не имел возможности

обсудить эти петиции: он направлял их в Комитет по народному образованию, где они оставлялись без внимания.

Проекты Гассенфраца и др. и требования Парижской коммуны

«Комиссия шести» не проявляла в этот период заметной активности: Робеспьер выбыл из ее состава с избранием его в Комитет общественного спасения и был заменен рядовым депутатом Конвента Понсом, а Кутон, Грегуар и Лаканаль всячески мешали творческой работе. Что касается Комитета по народному образованию, то он, со времени образования Комиссии, перестал заниматься вопросами общей организации народного образования и перешел к рассмотрению некоторых специальных вопросов — о национальных праздниках, о телеграфе, о новой системе мер и веса, о ликвидации академий и др. Но общественно-политическая мысль революционной Франции в этот период высокого напряжения классовой борьбы усиленно работала над вопросами народного воспитания и образования: летом 1793 г. опубликовано было немало относящихся к этим вопросам интересных планов ряда депутатов Конвента (Ванделенкура, Фора, Дюваля, Рафрона, Делейра, Дюпона и др.). К этому же времени относятся и замечания Сен-Жюста о республиканском воспитании подрастающего поколения в спартанском духе, изложенные в его «Фрагментах о республиканских учреждениях», а также «Общие размышления о народном образовании» члена Парижской коммуны Гассенфраца и «Размышления о народном образовании» Лавуазье, в которых доминирует идея трудового воспитания и профессионального образования. Доклад Лавуазье, одобренный 10 сентября специальной комиссией Консультационного бюро искусств и ремесл, был представлен Комитету по народному образованию, с приложением проекта декрета о национальном образовании.

К началу сентября 1793 г. центром революционных сил сделались Парижская коммуна, городские секции, народные общества. Роль плебейских масс в низовых органах революционно-демократической якобинской диктатуры возрастает, усиливается и давление этих масс на Конвент и его органы. Революционная часть «Комиссии шести», стремясь осуществить план организации бесплатного, доступного народу образования вплоть до высших ступеней, устанавливает в это время связь с Комитетом по народному образованию департамента Парижа, и 15 сентября, в разгар самой острой революционной борьбы, в Конвенте появляется многочисленная депутация от Парижской коммуны и департамента, секций и народных обществ с петицией об организации народного образования высших ступеней. Требования эти были практическим выражением теоретической постановки вопроса о народном образовании в проектах Гассенфраца и Лавуазье. «Мы не желаем более, — заявляли в этой петиции представители парижских секций, — чтобы преимущества образования были исключительно достоянием касты богачей, которая слишком долго была привилегированной; мы хотим привлечь к нему всех наших сограждан». Исходя из интересов работников физического и умственного труда, авторы петиции предлагали поставить над сетью первоначальных школ учебные заведения трех ступеней: «гимназии», готовящие к занятиям различными видами производительного труда; «институты», дающие дальнейшее научное образование и знание языков, и «лицей» — учреждение для особо одаренных, дающее им возможность высшего образования. Петиционеры настаивали на том, чтобы соответствующий декрет был принят безотлагательно, с тем, чтобы, уже начиная с текущего учебного года, новые учебные заведения были открыты для народа. Конвент приветствовал петицию аплодисментами и после краткого обмена мнений, несмотря на возражение члена «Комиссии шести» Кутона, декретировал внесенные петиционерами предложения. Одна-

ШАРЛЬ-ЖИЛЬБЕР РОММ (1750—1795)
Гравюра Порро

ко некоторые депутаты Горы (Купе, Шабо, Приёр, Ромм, Фабр-д'Эглантин, Камбон), по различным соображениям недовольные принятым декретом, на следующем же заседании Конвента потребовали его отмены. После энергичных возражений Фуркруа и Базира им удалось добиться решения о том, что вступление в силу декрета от 15 сентября временно приостанавливается; через три дня должно было произойти широкое обсуждение вопроса. Намеченные дебаты, однако, не состоялись, и практически декрет был сорван.

Проект установления государственной монополии образования (Ромм)

16 октября 1793 г. Конвент, стремясь укрепить Комиссию национального воспитания и усилить ее радикальное крыло, довел число членов Комиссии до десяти, включив в нее Гитона-Морво, Арбогаста, Ромма и Мишеля-Эдма Пти. Комиссия рассмотрела план Кондорсе, поправки к нему Арбогаста и поручила Ромму представить Конвенту новый «проект декрета о национальных школах». В своем проекте Ромм, ссылаясь в вводной части на идеи петиции от 15 сентября, предусматривал создание «национальных школ» трех ступеней, а именно — первых школ детства, вторых школ детства и третьих школ, или школ юношества. Намечено было также подготовить вслед затем проект декрета о специальных школах. 25 сентября доклад Ромма был

передан в Конвент и 1 октября оглашен с трибуны, но обсуждение его было отложено из-за других срочных дел. Тем временем, вслед за обновлением Комитета общественного спасения, проведено было обновление всех Комитетов Конвента. 6 октября (15 вандемьера II года по революционному календарю, принятому накануне) Конвент, утверждая новый состав Комитета по народному образованию, постановил включить в него активных членов Комиссии национального воспитания. 19 октября (28 вандемьера) проект декрета о национальных школах с приложением учебного плана был вторично зачитан в Конвенте Роммом и подвергнут обсуждению. Но к этому времени значительная часть якобинцев успела уже отказаться от целого ряда эгалитарных идей. Это отразилось на прениях: никто не высказался за сохранение национального общественного воспитания; депутаты Ж. Лебон и Понс выступили против декретированных 13 августа домов национального воспитания, а Дюэм позволил себе даже открыто издеваться над этой «спартанской утопией»; даже Леонар Бурдон, прежде восторженный сторонник плана Лепелетье, предложил отменить декрет от 13 августа, и Конвент вынес постановление об отмене. Такое отступление от принятых демократических решений вызвало недовольство революционных плебейских элементов, отразившееся в прессе, в частности,— в статьях газеты «Антифедералист», официоза Комитета общественного спасения. Но на законодательство Конвента это не оказало влияния. 21 октября (30 вандемьера) после краткого обсуждения, был одобрен основной декрет о национальных школах, устанавливающий государственную монополию образования, а затем 26, 28 и 30 октября 1793 г. (5, 7 и 9 брюмера), был принят ряд уточняющих его постановлений о «первых школах детства».

Несколько дней спустя, 4 ноября 1793 г. (14 брюмера), когда Ромм внес, наконец, на утверждение Конвента окончательный текст этого декрета в целом, против него были выдвинуты новые возражения, и Собрание решило поручить Комитету общественного спасения выделить специальную комиссию для пересмотра текста декрета; это решение было дополнено 19 брюмера другим, предоставляющим самому Комитету по народному образованию также пересмотреть декрет. Однако выделенная Комитетом общественного спасения комиссия в составе Робеспьера, Дантона, Гранэ и др. ничего не предприняла, а в Комитете по народному образованию дело через несколько дней приняло совершенно неожиданный оборот. После внесения в декрет нескольких поправок по частным вопросам Комитет по народному образованию, воспользовавшись тем, что обсуждение вопроса в Конвенте было отложено, приступил к рассмотрению вопроса об общей организации национального воспитания и назначил к слушанию 1 декабря 1793 г. (11 фримера), кроме доклада Ромма, также доклад Фуркруа, составленный в духе петиции от 15 сентября. Но выступления Ромма и Фуркруа в назначенное время не состоялись; вместо них заслушан был план нового члена Комитета по народному образованию, умеренного якобинца Букье, и после его обсуждения Комитет постановил выделить первую часть этого нового плана, касающуюся начального образования, и представить ее, на ряду с пересмотренным декретом Ромма, на рассмотрение Конвента.

Провозглашение «свободы образования». (План Букье)

Букье отказался от принципа единого государственного воспитания и вернулся к либерально-буржуазному утверждению «свободы образования». Каждому гражданину, по представлении «свидетельства о гражданственности» и выполнении соответствующих формальностей, предоставлялась возможность открыть школу и вести преподавание «под непосредственным наблюдением муни-

ципалитета, родителей и всех граждан», причем государство обязывалось оплачивать труд преподавателей в соответствии с числом учащихся, посещающих занятия. В то же время проект Букье требовал обязательной подготовки молодежи по окончании начального образования к общественнополезному труду. На ряду с этим он предлагал сократить объем обязательного начального образования (чтение, письмо и счет) и в качестве основного источника народного просвещения, источника более важного, чем научное образование, выдвигал политико-просветительное влияние национальных празднеств, народных обществ, клубов.

8 декабря 1793 г. (18 фримера II года) на заседании Конвента Ромм огласил пересмотренный Комитетом по народному образованию проект, основанный на декретах 21 октября 1793 г. (30 вандемьера), 26, 28 и 30 октября (5, 7 и 9 брюмера), а вслед затем выступил Букье со своим докладом и проектом декрета. Прения, развернувшиеся 9, 11 и 12 декабря 1793 г. (19, 21 и 22 фримера) показали, что Конвент настроен против плана Ромма, за план Букье, что в качестве основы для декрета принимается последний. Фуркруа решительно выступил за «свободное образование», за предоставление дела народного образования «индивидуальной инициативе» и «свободной конкуренции». Тибодо подверг план Ромма жестоким нападкам и демагогически требовал покончить с «духом регламентирования»; его поддержали другие члены Конвента. Сторонники более демократического проекта при создавшейся ситуации не проявили твердости и ограничились весьма осторожными замечаниями; так, например, Пти сказал, что «Конвент не может предоставить случайности обстоятельств заботу о детях республики». Один только Ромм, вторично взяв слово, выступил против демагогических формул, вроде «свободы образования» и т. п., и разоблачил их классовую сущность: «Декретировать свободу образования, — заявил он, — это значит поддерживать ненавистное различие между богатым и бедным и оставить последнего, как и раньше, в лачуге». Но Ромма не слушали. Оспаривали даже пункт об обязательности посылки детей в школу. Этот пункт был включен только после горячего выступления Дантона в его защиту (12 декабря — 22 фримера), но в окончательной редакции декрета продолжительность обязательного обучения была сокращена до трех лет (вместо четырех—в первой редакции).

Якобинский клуб, который в эти дни обсуждал вопрос об организации народного образования, тоже высказался за план Букье, за буржуазный принцип «свободы образования», который по существу исключал обязательность равного для всех образования и предусматривал организацию его на началах свободного предпринимательства.

В этом духе еще несколько ранее высказался член клуба, эбертист Анахарсис Клоотс; он заявил: «Воспитание и образование должны обращаться, как и всякий иной товар: все, что мы стали бы декретировать сверх того, было бы делом момента, как наши революционные мероприятия — максимум и реквизиции».

План Букье, устанавливая в качестве обязательного и бесплатного трехлетнее начальное образование, ограничивал, однако, программу элементарного обучения. Буржуазная революция отказалась таким образом от широкого национального плана всеобщего образования. План Букье был принят 19 декабря 1793 г. (29 фримера II года); государство отказалось от обеспечения равных возможностей образования для всех. Позднее, после 9 термидора, контрреволюционная буржуазия развернула наступление против народного образования в более решительных формах.

Культурно-политические мероприятия Конвента

Заканчивая обзор деятельности законодательных собраний революционной Франции в области народного образования, необходимо отметить еще ряд имевших существенное значение культурно-политических мероприятий Конвента.

Придавая огромное значение народному образованию, революционное правительство при реорганизации органов исполнительной власти декретом от 1 апреля 1794 г. (12 жерминаля II года) выделило народное образование в самостоятельное ведомство. Задачи, стоявшие перед ним, были грандиозны. Правительство поручило Комиссии по народному образованию охрану национальных памятников, музеев, публичных библиотек, научных кабинетов и ценных коллекций, заботу о школах и методах обучения в них, научные изобретения и исследования, установление системы мер и веса, организацию зрелищ и народных празднеств, перепись населения и даже рассмотрение вопросов политической экономии.

Расширение школьной сети требовало подготовки новых учителей. Комитет по народному образованию в своем заседании от 18 апреля 1794 г. (29 флореаля II года) решил «принять революционные меры для распространения народного образования по всей территории республики подобно тем мерам, какие были приняты для вооружения армии». 18 июля 1794 г. (30 прериаля II года) Комитет по народному образованию заслушал проект декрета «О мерах к революционизированию народного образования», который затем был одобрен Комитетом общественного спасения. Сущность декрета сводилась к подготовке нового учительства. Для этого в Париже были организованы краткосрочные курсы, на которые из каждого округа посылались лица обоего пола, изъявившие желание посвятить себя учительскому делу. В выборе этих лиц местные муниципалитеты должны были считаться с мнением народных обществ.

В заседании 20 февраля 1794 г. (2 вантоза II года) Конвент заслушал доклад и проект Барера от имени Комитетов общественного спасения о необходимости распространения в стране единого французского языка. Множество наречий, на которых говорили народные массы в департаментах: Нижней Луары, Финистере, Верхнем и Нижнем Рейне, Нижних Пиренеях, Северном, на о. Корсике и др., где значительная часть населения не владела французским языком, сильно тормозило участие этих масс в революционной жизни страны. «Основной закон воспитания, — говорит Барер, — это воспитание гражданина, но гражданин должен подчиняться законам, а чтобы подчиняться законам, надо их знать... У свободного народа должен быть единый для всех язык».

Декрет, изданный Конвентом 20 февраля 1794 г. (8 плювиоза II года) по докладу Барера, предусматривал необходимость введения обучения французскому языку в тех местах, где распространенным языком является местное наречие. Согласно декрету, учителя французского языка оплачиваются местными муниципалитетами. Они назначаются комиссарами Конвента по указанию народных обществ. Учителями не могут быть представители религиозных культов. Декрет предусматривает также, что учебным материалом при обучении французскому языку должны служить Декларация прав человека и республиканские законы, главным образом — аграрные и законы о правах гражданина. Комитет по народному образованию разработал на основе этого декрета проект организации в каждом округе «нормальной школы» для подготовки учителей французского языка.

Комитетом по народному образованию был представлен Конвенту 13 апреля 1794 г. (24 жерминаля II года) составленный Букье проект ор-

ганизации повышенного образования, дополнявший декрет от 19 декабря 1793 г. (29 фримера) о начальном образовании. В области высшего образования Конвентом проведена была реорганизация ряда специальных школ и созданы были революционные специальные школы нового типа: Школа военного дела (позднее — Марсова школа), Центральная школа общественных работ (позднее — Политехническая школа), Нормальная (педагогическая) школа.

Стремясь к широкому просвещению народных масс, Конвент уделял много внимания делу политического просвещения, борьбы с религиозными предрассудками и распространению научных знаний и достижений техники в массах. Среди мероприятий в этом направлении необходимо особо отметить декрет от 27 февраля 1794 г.(9 вантоза II года) о национальных празднествах и позднее разработанный Комитетом по народному образованию и переданный Комитету общественного спасения проект организации празднования декад.

Большую роль в деле просвещения масс должна была сыграть также новая организация библиотек, архивов и музеев, делавшая сокровищницы наук и искусств доступными народу.

Широкое законодательное творчество Конвента в области народного образования, как мы видели, не было последовательным осуществлением какой-то единой линии; напротив, для него характерна крайняя неустойчивость, оно полно колебаний, и колебаний часто весьма резких, свойственных политике революционного Конвента вообще. Необходимо также отметить поразительный разрыв между проектами и планами Конвента, с одной стороны, и действительной жизнью французской школы этих лет, с другой: широкие начинания революционных буржуазно-демократических законодателей оставались только бумажными проектами. В области народного образования, как и в других областях, «французский Конвент — как говорит Ленин, — размахивался широкими мероприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры». [1] Но просветительное законодательство Конвента имело, тем не менее, большое принципиальное значение: это было законодательство победившей, тогда прогрессивной буржуазии, — законодательство нового общественного строя, которое означало, выражаясь словами Маркса, «победу нации над провинциализмом», «победу просвещения над суеверием». [2] Впервые в истории провозглашены были идеи единой национальной системы просвещения, всеобщего и обязательного образования, образования бесплатного, научного и светского, — идеи, которые стали с того времени и до наших дней знаменем борьбы демократии всех стран за народное образование; это — идеи, до сих пор в полном объеме ни одним буржуазным государством не осуществленные. Эти прогрессивные демократические идеи развивали в годы французской революции не законодатели либеральной буржуазии, а деятели Конвента в период якобинской диктатуры, в период самой напряженной классовой борьбы, когда для закрепления победы нового строя якобинцы должны были опираться на широкие плебейские массы. Именно участию народных масс во французской буржуазной революции мы обязаны тем, что Национальный конвент в момент наивысшего подъема его революционного творчества не только сформулировал требование единой национальной системы всеобщего и обязательного, бесплатного научного и светского образования, но, отражая чаяния трудящихся и уступая их давлению, одно время воспринял идею общест-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 164.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 54—55.

венного воспитания всех детей, включая и содержание их, за счет государства, а также идею связи научного образования с трудовым обучением, физическим развитием и нравственным воспитанием в духе социального равенства. Эти идеи вскоре были подхвачены Бабёфом и великими социалистами-утопистами.

Основоположники марксизма, творцы системы научного коммунизма, в своих произведениях четко и последовательно формулировали основные требования пролетариата в области народного образования. Эти требования в полном и законченном виде могли быть осуществлены только после победы пролетариата. В буржуазном обществе народные массы не могут добиться полного и неурезанного права на образование.

Октябрьская социалистическая революция дала рабочему классу и крестьянству это право, и оно включено, как одно из важнейших неотъемлемых достижений трудящихся, в великую Сталинскую Конституцию, конституцию победившего социализма.

ЛИТЕРАТУРА ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Французская литература времени революции была соединительным звеном между литературной культурой XVIII и XIX столетий. Важность этого звена недооценивает буржуазная наука, упорно повторяющая, что французская революция не создала великих художественных произведений. Буржуазные ученые забывают, что в конечном итоге именно последнее десятилетие XVIII в. подготовило и обусловило создание «Героической симфонии» Бетховена, музыки Берлиоза, романтической поэзии Гюго, реалистического романа Бальзака и отраженно повлияло на создание «Фауста» Гёте, на творчество Байрона, на поэзию Пушкина. История литературы французской буржуазной революции — это история тех изменений, которые вносились в уже существующую художественную культуру передовой буржуазии XVIII в. процессом ее революционной борьбы. Вместе с тем это история становления тех новых элементов литературной культуры буржуазии, которые явились следствием ее социально-экономического господства, окончательно утвержденного революцией, и предвосхитили дальнейшее развитие европейского литературного движения XIX в. Наконец, история литературы французской буржуазной революции — это история появления и распространения таких литературных образований, которые рождались в процессе борьбы и подъема революционной демократии. Они, эти «плебейские» формы литературного творчества революции, как, например, ее песенно-поэтический фольклор, заслуживают нашего особого внимания.

Ознакомление с основными жанрами литературы французской революции убеждает нас в том, что здесь в основном сохраняется ближайшая идейная и художественная традиция литературы века Просвещения. Крупнейшие просветители — Вольтер, Дидро и Руссо — уходят из жизни почти на пороге революции. В революционный период вступают их ученики, сотрудники, свидетели их трудов и почитатели. Революция берет на себя осуществление в жизни того «светлого царства разума», которое было идеально начертано на страницах Энциклопедии и «Общественного договора». Традиции века Просвещения продолжают жить в литературе революции порой в неприкосновенном виде, порой подвергаясь тем или иным изменениям, в зависимости от непосредственных условий времени. В течение десятка лет совершается процесс накопления этих изменений, приводящий в конце концов к новой литературной культуре XIX в. Параллельно этому процессу идет создание новых видов литературного творчества, новых форм литературной жизни и новых типов искусства

слова. Революционная публицистика, революционное ораторское искусство, массовая политическая поэзия, публицистическая драматургия — все это придает своеобразный колорит литературной жизни эпохи и накладывает свой отпечаток на литературное движение не только современности, но и ближайшего будущего.

Культ античности и «чувствительность»

Два начала определяли собою характер творчества людей революции — культ античности и чувствительность. И то и другое было унаследовано от XVIII в. И то и другое приобретало в революционную эпоху новые устремления. Буржуазно-революционный классицизм продолжал тот «возврат к античности», которым в особенности было ознаменовано литературное и художественное движение 70-х гг. «Камилл Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, — замечает Маркс, — герои, равно как партии и масса старой французской революции, — в римском костюме и с римскими фразами осуществили дело своего времени, — они освободили от феодальных уз и возвели здание современного *буржуазного* общества... В классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии». [1] Революция подчиняет античность своим идейным устремлениям. Она ищет в ней образцов героики и добродетели. Спарта и республиканский Рим как бы возрождаются к новой жизни. В их учреждениях, в их героях, в их преданиях буржуазная революция черпает высокие примеры для современности. «Спарта сверкает, как молния в сумраке вечной ночи», — восклицает Робеспьер в своей речи о «верховном существе» 7 мая 1794 г.

Рука об руку с культом античности развивается и владеет сознанием современников чувствительность. Руссоистское направление сентиментализма, культ природы, сердечной добродетели, волнующих переживаний и душевной чистоты вступает в сочетание с республиканской доблестью, спартанской суровостью и стоическим героизмом. Вводимая Робеспьером религия «верховного существа» вся проникнута руссоистской чувствительностью. Руссо читают наравне с Плутархом, и Сен-Жюст в своих «Фрагментах о республиканских учреждениях» требует от истинного революционера совмещения спартанской доблести с чувствительностью добродетели.

Революционная поэзия

Поэзия французской буржуазной революции — продолжение поэзии XVIII в. Типичным и крупнейшим представителем этой поэтической преемственности является Понс-Дени Экушар Лебрён (1729—1807), прозванный современниками Лебрёном-Пиндаром, — тот самый Лебрён, о котором, как о «возвышенном галле», вспоминает Пушкин в первой строфе своей оды «Вольность».

Носитель высокого понимания задач и целей поэтического искусства, страстный почитатель классического века французской литературы, энтузиаст античности, Лебрён обладал настоящим большим поэтическим дарованием. На его поэзию наложили свой отпечаток характернейшие идейные черты века Просвещения. Возвышенный пафос сочетается в ней с рационализмом просветительной философии. Патриотические мотивы его лиры сливаются с мотивами республиканизма. Образы большого масштаба влекут Лебрёна по пути смелой поэтической метафоры.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 323—324.

Нельзя не присоединиться к отзыву Сент-Бёва, который видит в поэзии Лебрёна «нечто сильное, благородное, обнаженное, прямое... нечто греческое и академическое, трудолюбивый возврат к простоте и правде...»

Этими сторонами своего творчества Лебрён сближается с такими представителями искусства эпохи революции, как Давид в живописи и Госсек в музыке.

Уже в некоторых дореволюционных одах Лебрёна мы встречаем резкие выпады против королей-тиранов, врагов своего народа. Поэт не раз гневно обличает правящие верхи, ведущие страну к катастрофе. Вместе с тем мыслью он устремляется к «золотому веку», когда богатство было общим достоянием, и на земле не существовало ни дворцов, ни темниц, к веку, когда первобытное, — изображаемое вполне в руссоистском духе, — счастье человечества не было еще разрушено цивилизацией, корыстолюбием, собственностью и войнами. Собрание нотаблей в 1787 г. внушило Лебрёну «поэтическое рассуждение» о злоупотреблениях старого порядка. Он ждет от Людовика XVI нового расцвета своей родины и прежде всего отмены феодального гнета. Однако эти либерально-монархические иллюзии поэта скоро рассеиваются. К моменту суда над Людовиком XVI он выступает с гневными строфами по адресу короля — предателя народа. Еще более гневные строфы обращает он к Марии-Антуанетте — «королеве, дарованной нам небесным гневом», «королеве, пьяной от нашей крови».

Ряд прекрасных произведений Лебрён посвящает революционному народу. Его «Ода на энтузиазм» принадлежит к числу лучших поэтических памятников революции. В победе при Флерюсе поэт видит грядущее торжество республики и свободы. В историю французской поэзии вошла также великолепная патетическая ода Лебрёна на гибель в неравном сражении с английским флотом республиканского крейсера «Мститель». Ее финальные строфы, являющиеся гордым гимном трехцветному знамени революции, чрезвычайно типичны для республиканского патриотизма поэта.

Близкий Лебрёну в первую пору своей поэтической деятельности, Андре Шенье (1762—1794) вскоре же после начала революции пошел иным политическим путем. Вступив в 1791 г. в «Общество друзей Конституции», молодой поэт стал на сторону контрреволюционных правобуржуазных группировок. Своими публицистическими выступлениями он возбудил против себя всю передовую революционную общественность и после 10 августа 1792 г. покинул Париж. В дни суда над Людовиком XVI Шенье вернулся в столицу, пытался выступить в защиту короля и вскоре нашел себе убежище в Версале. Обвиненный в контрреволюционной пропаганде, в сочувствии роялизму и в подготовке контрреволюционного заговора, он взошел на эшафот за два дня до 9 термидора. Пушкину принадлежит наиболее правильное определение поэтического творчества Шенье: «Никто более меня, — писал наш великий поэт П. Вяземскому в 1823 г., — не уважает, не любит этого поэта, но он истинный грек, из классиков классик...Это ученый подражатель... От него так и пышет Феокритом и Антологией». Шенье — автор изумительных по чистоте и прозрачности поэтического языка идиллий, элегий и буколик. Его творчество — наиболее законченное воплощение того «возврата к античности», который в данном случае был осуществлен путем кропотливой, археологически-реконструктивной работы. Лозунг Шенье «Sur les pensées nouvelles faisons des vers antiques» («будем писать античные стихи на новые мысли») предполагал воссоздание античного поэтического мира, насыщенного философским и эстетическим сознанием конца XVIII в.

Жизненный и литературный путь Мари-Жозефа Шенье (1764—1811 был не похож на путь его старшего брата. Уйдя с военной службы в 1783г., будущий автор «Карла IX» целиком отдался литературе. В 1786 г. на сцене была поставлена его первая трагедия «Аземира». К этому же, приблизительно, времени относятся и его первые поэтические произведения. Типичный представитель молодой просветительной литературы, поклонник Вольтера и Монтескье, Мари-Жозеф Шенье не остался чужд революции. В то время как Андре Шенье примкнул к буржуазно-аристократическому клубу Фельянов, Мари-Жозеф усердно посещал демократический клуб Кордельеров. Публицистические выступления Андре вызвали полемику между двумя братьями, окончательно определившую различие их политической ориентации: Андре избрал для себя путь контрреволюции, Мари-Жозеф эволюционировал в сторону якобинизма. Эволюция эта, однако, имела свои пределы. Якобинский террор поставил Мари-Жозефа Шенье в ряды умеренных. Однако ни термидорианская реакция, ни Директория, ни тем более Империя не нашли в нем полного приверженца.

Поэзию Мари-Жозефа Шенье можно разделить на две части. К одной следует отнести его оды, послания и сатиры, к другой — его гимны и тексты песен, сочиненные для различных революционных празднеств и общественных церемоний. «Одой к Национальному собранию» (1789 г.) открывается цикл революционных стихотворений Шенье, а «Элегией на смерть генерала Гоша» заканчивается период его поэтической деятельности, связанный с эпохой республики.

Свободу, ту классическую свободу буржуазной революции, которая дала Декларацию прав и Конституцию 1793 г., Шенье воспевал в течение всей своей жизни. Уже в «Оде к Национальному собранию» (1789 г.) поэт славит «свободы дух могучий... лик святой». Ода направлена в равной степени как против тирании, так и против рабства, невежества и суеверия. Другая ода «Смерть Мирабо» (1791 г.) развивает те же мотивы борьбы с фанатизмом, тиранией и рабством. В обеих одах мы встречаем целую серию античных реминисценций. Самый характер этих произведений внушен древним дифирамбом. Такой же дифирамбический стиль свойственен и «Песне 14 июля», посвященной взятию Бастилии.

Серия гимнов открывается «Гимном на перенесение праха Вольтера во французский Пантеон» (1791 г.), положенным на музыку Госсеком. В этом гимне развернут весь типичный для лирического творчества Шенье материал — и дифирамбическое построение строф, и обильные уподобления античности, и славословие вольности, и воспевание «верховного существа» — «исконного воплощения добра и правды», и призыв к «свободе чистой» и к законам, стоящим на страже ее.

«Гимн равенству», положенный на музыку Каттелем, отражает руссоистские настроения Шенье, оформляющего в стихах основные идеи «Общественного договора». Возврат к античным формам лирики ясно сказывается в «Гимне в честь победы» (1793 г.) с его строфами и антистрофами, прославляющими победы республиканских армий на северных границах Франции.

10 ноября 1793 г. в Соборе парижской богоматери состоялась в честь свободы торжественная церемония, для которой Шенье написал «Гимн свободе», проникнутый идеей международной революции, идеей, занимавшей очень большое место в политической поэзии 1793—1794 гг. Для торжественной церемонии в честь Разума Шенье написал «Гимн Разуму» (музыка Мегюля). Типичные для рационалиста-просветителя мотивы сплетались здесь с мотивами руссоистской мысли. Риторический характер, сближающийся со стилем ораторской речи и политической

прокламации, носит «Гимн на взятие Тулона» (музыка Госсека), с его гордыми угрозами по адресу Альбиона, с его мечтой о водружении «знамени вольности» над «Темзой мрачною и сонной». Незадолго до термидорианского переворота Шенье опубликовал «Песнь выступления» — эту «вторую Марсельезу» революции, пользовавшуюся в музыкальном изложении Мегюля огромной популярностью вплоть до того момента, когда освободительные войны Французской республики превратились в захватнические военные экспедиции Наполеона. «Песнь» была написана в ораториальной форме и требовала для своего исполнения соединенных мужских, женских и детских хоров с солистами. В том же героико-патриотическом духе была написана и «Песнь побед» (1794 г.), под впечатлением победы при Флерюсе.

На ряду с Мари-Жозефом Шенье целая плеяда поэтов воспевала различные эпизоды революции в подобных же гимнах и песнях. Особенно много сочинялось их в период якобинской диктатуры. Отметим «Гимн в честь Марата, Друга народа, мученика свободы» Т. Руссо, «Гимн Разуму» Гретри, гимны Теодора Дезорга, Купиньи и другие.

До якобинской диктатуры особой популярностью пользовалась песня «На страже отечества», сочиненная полковым врачом рейнской армии Адрианом Симон-Буа. Эту песнь справедливо можно назвать предшественницей «Марсельезы». Отличительной особенностью ее является тема всемирной революции, которую несет с собой выступающая против своих врагов Франция. Большое количество аналогичных революционно-патриотических гимнов и песен было вытеснено «Марсельезой» Жозефа Руже-де-Лиля, капитана саперных частей рейнской армии. В момент объявления войны Австрии Руже-де-Лиль вместе со своим полком находился в Страсбурге. Всеобщее патриотическое воодушевление, массовые манифестации, возбуждение, царившее в народных обществах и клубах, вдохновили его на сочинение песни, впервые исполненной в доме большого любителя музыки, страсбургского мэра Дитриха в конце апреля 1792 г. Друзья Руже-де-Лиля распространили ее в рукописных списках и в печатных изданиях под названием «Боевая песня рейнской армии». Минуя Париж, песня проникла в Марсель. Ее подхватили там местные патриоты, давшие ей название «Песни марсельцев». Летом 1792 г. «Песнь марсельцев» вместе с марсельским батальоном, прославившим себя участием во взятии Тюильри, попала в Париж и после падения монархии стала наиболее популярным патриотическим гимном республики.

Текст «Марсельезы» представляет собою стихотворное оформление тех агитационных лозунгов и прокламаций, которые выпускались страсбургскими властями и революционными клубами в первые дни объявления военных действий против Австрии. Патетический стиль «Марсельезы» роднит ее с высокими жанрами революционной поэзии, с одой и гимном. Вместе с тем эта патетика насыщена глубокой эмоциональностью, особенно ярко выступающей в музыкальном тексте.

В 1795 г. на смену «Марсельезе» была выдвинута сочиненная Л. М. Суригером контрреволюционная антиякобинская песнь—«Пробуждение народа против террористов». Исполнялась она в общественных местах термидорианскими погромщиками, в особенности тогда, когда слышались звуки ненавистной им «Марсельезы». Скоро разгорелось соперничество этих двух гимнов, получившее название «песенной войны». «Марсельеза» олицетворяла собой республиканские и демократические традиции революции, а «Пробуждение народа» — надежды и чаяния разнуздавшейся контрреволюционной «раззолоченной молодежи». Правительство Директории сочло уместным запретить исполнение реакционного гимна. Гимном республики осталась популярная в массах «Марсельеза». Она продол-

жала жить и при империи, хотя Наполеон отдавал предпочтение песне «На страже отечества».

Роль, сыгранная «Марсельезой» в буржуазной революции, огромна. По ее образцу сочинялись национально-освободительные и революционные гимны в ряде европейских и внеевропейских стран. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции «Марсельеза» пользовалась огромной популярностью и в русской революционно-демократической среде, получив здесь в ряде вариантов свой самостоятельный текст, начиная с известного переложения Плещеева и кончая анонимными вариантами: «Рабочей марсельезой», «Солдатской марсельезой» и «Студенческой марсельезой».

С «Марсельезой» мы вступаем в область той огромной песенно-поэтической продукции, которая составляет своеобразный раздел массовой революционной поэзии.

Революционные массы в своем поэтическом творчестве развили и необыкновенно расширили песенные традиции, издавна жившие в устной и письменной форме в широких кругах французского народа. Сатирические куплеты, застольные песни, любовные песенки и т. д. — все это нашло себе в революционных событиях и в сознании их главного действующего лица — широкой демократической массы — новую почву и новые творческие истоки. Было бы ошибочно толковать эту поэзию, сопутствовавшую развитию революции, только как поэзию агитационную. Ее громадная сила воздействия объяснялась тем, что она, в основном, верно отражала мысли и настроения революционной демократической массы. Выливаясь из народных глубин и обращаясь там, поэзия была могучим голосом революции в самых различных ее аспектах и переживаниях. В ней перед нами проходит вся история революции, начиная с созыва Генеральных штатов. По песням прослеживается и развитие революционного сознания масс, от жалоб королю восходящего к гневу, к революционному энтузиазму и республиканскому патриотизму. Сатирические куплеты высмеивают дворянство, эмиграцию и духовенство. В лирических куплетах воспеваются достоинства истинных санкюлотов. Песни, приближающиеся по своему характеру к гимнам, отражают патриотический пафос революции в ее борьбе с интервенцией, прославляют героев революционных войн, воспевают планы санкюлотизации и раскрепощения всей Европы.

Особую популярность во времена французской буржуазной революции приобретают две подлинно народные песни, бывшие достоянием широчайших масс санкюлотов и надолго пережившие те события, в атмосфере которых они зазвучали в первый раз, — это «Ça ira» и «Карманьола».

Впервые задорная, танцовальная по своему ритму «Ça ira» появилась во время работ на Марсовом поле в Париже в дни подготовки к празднику Федерации 1790 г. Мотив ее был заимствован из популярного контрданса, сочиненного скрипачом Бекуром для театра Божоле. Слова подбирались, видимо, сами собою, хотя впоследствии ряд лиц выступили с претензиями на их авторство. Самое выражение ça ira, по свидетельству некоторых современников, было одним из любимых присловий весьма популярного в Париже американского посла Франклина, когда он говорил о событиях революции. В своем исходном тексте эта песенка была типичной рабочей песенкой, объединявшей группы и массы граждан, вышедших равнять землю и строить трибуны к празднику Федерации.

Ah, ça ira, ça ira, ça ira!
Наплевать на аристократию и лужи!
Отдохнем мы скоро, — придет пора!—

Постепенно популярный мотив и бодрый задорный припев собрали вокруг себя огромное количество вариантов. Среди них встречается, между прочим, и известный текст: «Аристократов на фонарь». Во всех этих вариантах песенка не теряла, однако, своего веселого, задорного и бодрящего характера. Она надолго пережила события революции, продолжая вплоть до наших дней воспроизводить новые варианты на основе своего припева.

Аналогична истории «Ça ira» и история «Карманьолы». Родина ее танцовально-хороводного мотива — Пьемонт. Из пьемонтской «Карманьолы» этот мотив был занесен в южную Францию рабочими, приходившими на сбор винограда и другие полевые работы. В Париж песню принесли с собою, так же, как и «Марсельезу», марсельские батальоны. Здесь «Карманьола» в связи с событиями 10 августа 1792 г. обрела свой исходный антимонархический текст, откликавшийся на взятие Тюильри и падение королевской власти. В дальнейшем мы встречаемся со множеством вариантов этого текста, с еще большим количеством новых текстов на популярный мотив, приуроченных к самым различным событиям революции. В демократических революционных массах «Карманьола» остается одной из любимых песен. В 1848 г. появляется «La Carmagnole Sociale» с ее эгалитарно-социалистическими мотивами. В 1871 г. К. Б. Клеман на развалинах Парижской коммуны пишет по образцу «Карманьолы» и на ее мотив свою «La Communade». В 1926 г. Морис Бушор по этому же образцу сочиняет песню «La Syndicale». К двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции появляется «Новая Карманьола», совмещающая строфы, построенные по образцу «Карманьолы», с припевом ça ira. Наконец, в дни героической борьбы за Мадрид в 1937 г. в рядах интернациональных бригад, боровшихся вместе с испанским народом против вражеских легионов, звучала все та же старая «Карманьола» с новым припевом, родившимся уже в условиях гражданской войны в Испании.

Рядом с безымянной массовой песнью в годы революции широчайшее распространение получили многие из песен, сочинявшихся профессиональными поэтами и «песельниками» (chansonniers). Нередко в этих песнях связываются воедино традиции фольклорной поэзии с традициями высоких поэтических жанров — оды, гимна и т. д. Большое влияние на композицию и фразеологию песен оказывают публицистика и ораторское искусство революции. Ряд песен Руссо, Ладре, Персона и выступающих одновременно с ними поэтов-песельников, вроде Нииса, Дезорга и других, представляют собою настоящие прокламации в стихах, обращенные к массам слушателей и читателей так же, как обращались к ним воззвания Коммуны и патриотических обществ, расклеивавшиеся на стенах парижских домов. Исключительный интерес в этом отношении представляют собой поэтические произведения Пьера-Сильвэна Марешаля, автора ряда антирелигиозных сочинений, позднее активного участника «Заговора равных» и автора его знаменитого манифеста. Перу Сильвэна Марешаля принадлежит несколько драматических произведений и довольно большое количество стихотворений и гимнов, из которых часть была положена на музыку Гретри. Наибольшую популярность из произведений Сильвэна Марешаля получила «Новая песнь для предместий», сочиненная им в дни подготовки революционного выступления участниками «Заговора равных». Песня направлена против богачей и правительства Директории. Она призывает к восстанию рабочие кварталы Парижа и обращается за поддержкой к солдатам, которые вместе с народом стерли с лица земли Бастилию и монархию. Песня эта имела большой успех в предместьях Парижа. Директорианская полиция усиленно конфисковывала ее печатные тексты и арестовывала ее исполнителей. Этой

ПЬЕР-СИЛЬВЭН МАРЕШАЛЬ (1750—1803)
Гравюра Девриена

песнью, строго говоря, заканчивалась история массовой демократической поэзии французской буржуазной революции. Она создала ряд произведений, которые сохранились и перешли к позднейшим поколениям как наследие революционных традиций 1789—1794 гг. Именно со времен французской буржуазной революции массовая поэзия оформляется как своеобразный жанр политической поэзии и продолжает жить в творчестве многочисленных chansonniers, начиная с Беранже и кончая революционными песельниками современности, одного из которых — Монтегюса, популярного в рабочих кварталах Парижа, отметил В. И. Ленин, как сообщает Н. К. Крупская в «Воспоминаниях» (стр. 159).

Зачатки реалистической и романтической прозы

Художественная проза эпохи революции представлена менее богато, чем поэзия. Новые ориентации литературы вызревали медленно и заявили о себе лишь в период империи. Основная масса прозаической литературы появляется уже в послетермидорианский период. Однако и в 1789—1794 гг. можно отметить в этой области некоторые интересные явления.

Экзотизм и чувствительность характеризуют роман Лавалле «Негр, каких мало белых» (1791) — единственный в своем роде литературный отклик в повествовательной форме на горячие дебаты в Законодательном собрании о положении и гражданских правах цветных народов в колониальных владениях Франции. Лавалле заявляет о себе как о негрофиле, он выступает в качестве адвоката негритянского племени и защитника идеи распространения Декларации прав и на рабов сахарных плантаций французских тропических колоний. Жирондист Луве де-Ковре в дни созыва Законодательного собрания заканчивал свои «Любовные похождения кавалера Фоблаза». Позже он выступил с чувствительным романом «Эмилия де-Варнон, или Необходимый развод, или Любовь кюре Совена». В романе нашли отражение революционные реформы брака и гражданское устройство духовенства.

Чувствительность, развивавшаяся под влиянием «Новой Элоизы» Руссо, продолжала питать вдохновение авторов и встречать отклик у читателей во все революционные годы. В то время как поэзия и театр отдают обильную дань классицизму, подвергая его тем или иным преобразованиям, роман вращается почти исключительно в кругу сердечных переживаний и воображения. Литературные герои в особенности говорят языком риторической страсти.

Таковы истоки того изменения руссоистской чувствительности и руссоистской концепции любви, которое мы наблюдаем в последние годы директорианской литературы.

Рядом с культом чувствительности шло накопление и реалистических повествовательных тенденций. В 1794 г. Ретиф де-ла-Бретонн начинает публиковать свое сочинение «Monsieur Nicolas», в котором говорит уже не языком риторической метафизики чувств, а языком их физиологии и реалистического анализа. Несколько ранее он пишет «Парижские ночи» — интереснейший дневник революционных впечатлений, переживаний и беглых зарисовок типов, событий и происшествий парижской улицы периода 1789—1797 гг. Внимательный анализ обнаруживает, что Ретиф далеко не был очевидцем всех описываемых им сцен. Многое является плодом заимствования, переделкой газетного материала, многое порождено обывательской сплетней и слухами, многое присочинено в целях драматизации собственных чувств автора. При всем том «Парижские ночи» остаются любопытным образчиком мемуарно-очерковой литературы, обладающим своим реально-гротескным стилем с довольно заметной склонностью к натурализму описаний и к фиксации бытовых деталей современности.

«Новый Париж» Себастьяна Мерсье является продолжением его знаменитого произведения «Картина Парижа». В нем собрано множество фактов, типов, странностей и обыденностей этого необыкновенного времени. Автор стремился описать и отметить все то новое, что внесла в будничную парижскую жизнь революция. С особым вниманием он останавливается на характеристике нравов, и в этом отношении его книга остается ценнейшим документом революционной современности, предвестником позднейшей городской повествовательной прозы. Вместе с «Парижскими ночами» Ретифа она является первым опытом «физиологии города» с его типичными криминальными, бытовыми и социально-психологическими мотивами.

Революционная драматургия

История революционной драматургии открывается трагедией Мари-Жозефа Шенье «Карл IX, или Школа королей», написанной в 1789 г. до революции, в традициях вольтеровской гражданской трагедии. «Карл IX» с его национально-историческим сюжетом стал яблоком раздора между различными классо-

выми группировками французской общественности первых лет революции. Имея в основе историю Варфоломеевской ночи, эта трагедия поднимала ряд волнующих вопросов современности. Борьба придворной клики за уничтожение еретиков, проблема королевской власти в ее отношении к народу, вопрос о засилии клерикализма и фанатической пропаганде духовенства, образ короля-народолюбца, короля-гражданина в лице Генриха Наваррского — все эти элементы трагедии, обличавшей деспотизм, тиранию, дурных королевских советников, нетерпимость, и наконец, королевскую власть, коль скоро она становится врагом народа, нашли живейший отклик в буржуазно-революционной общественности.

«Карл IX» открыл серию пьес высокого трагического жанра. Мари-Жозеф Шенье оказался наиболее крупным представителем этого жанра вплоть до империи. Его можно назвать последним мастером классической трагедии XVIII в., последним значительным представителем той литературной школы, у истоков которой стоял великий Корнель. После «Карла IX» Шенье написал «Генриха VIII» (1791), «Жана Каласа, или Школу судей» (1791), «Кая Гракха» (1792), «Фенелона» (1793), «Тимолеона» (1794) и ряд других трагедий. Развивая свои взгляды на трагический жанр в предисловиях к своим произведениям, Шенье боролся за чистоту классической традиции, за возврат к истинному смыслу философии трагического у Аристотеля. Он выступал против трагедии интриг и мелодраматических эффектов в духе Кребильона. Во всем этом не трудно узнать основные положения того «возврата к античности», который был характерен для поэзии, живописи, скульптуры, музыки и танца кануна и эпохи революции. Вместе с тем, развивая свои просветительные взгляды на трагедию, Шенье ставит перед нею определенные идейные задачи: внушение ненависти к тирании, к предрассудкам, ужаса перед преступлением, любви к свободе, уважения к законам и к нравственности — этой «всеобщей религии». Он приветствует Расина за то, что в его театре можно усмотреть тенденции к высокой морали, и Вольтера за то, что философия является у автора «Магомета» электричеством театра (l'électricité du théâtre). Романтико-любовная трагедия Лагранж-Шанселя и Кребильона отжила свой век. Трагический писатель должен быть историком и политиком. Он обязан, в частности, обратиться к важнейшим моментам национальной истории. История должна быть освещена светом истинной философии и направлена на служение патриотическим целям современности. Драматургия Шенье отразила в себе политическую эволюцию ее автора. «Кай Гракх» с центральным образом народного трибуна и массовыми сценами, написанными не без влияния шекспировского «Юлия Цезаря», был насыщен демократизмом. Это была антидеспотическая и, более того, республиканская трагедия. Но в основе ее лежало зерно модерантизма — «умеренности». «Фенелон», созданный в условиях классовой борьбы 1793 г., в еще большей степени был проникнут модерантистскими настроениями. «Тимолеон» оказался под запретом якобинской цензуры. Впоследствии в «Тиберии» Шенье наиболее полно развернул свои политические убеждения, четко выразил свое отрицательное отношение к якобинской диктатуре.

В драматургии Шенье особенно ярко выявились основные устремления классицизма в условиях буржуазной революции. Ряд драматургов представил в своих трагедиях те же устремления, обнаружил в них ту же зависимость от политических интересов дня, ту же готовность отзываться на проблемы современности. Античность повсюду является в них покровом действительности. Тем самым классическая трагедия 1789 г. и следующих ближайших лет отходит от принципов рационалистической абстракции и придает своим образам известную реалистиче-

скую конкретность, пользующуюся к тому же красками гражданской чувствительности, философской лексикой XVIII в. и пафосом современности.

«Высокая» классическая комедия, незадолго до революции отступившая на второй план перед буржуазной драмой, в революционные годы переживает период своего возрождения и дает французской драматической литературе двух последних значительных представителей мольеровской, или, вернее, реньяровской традиции — Фабра д'Эглантина (1750—1794) и Коллэна д'Арлевиля (1755—1806).

Наиболее нашумевшим произведением в жанре классической комедии был «Друг законов» Лайа (1761 — 1833), премьера которого состоялась в тревожные январские дни 1793 г., накануне суда над Людовиком XVI, и своими сатирически-злобными выпадами против вождей якобинства возбудила негодование широких кругов революционной общественности. Постановка «Друга законов» носила характер провокационной роялистской демонстрации и явилась основной причиной закрытия Театра Нации и ареста его труппы, произведенного в конце 1793 г. после постановки пьесы роялиста Франсуа-де-Нёфшато «Памела» с ее антидемократическими и англофильскими репликами.

Гораздо значительнее в репертуаре революционной сцены был удельный вес тех драматургических произведений, которые продолжали традиции чувствительной драматургии, буржуазной драмы и мещанской трагедии. Пьеса Ниго-Лебрёна «Шарль и Каролина, или Злоупотребления старого порядка» (1790) наиболее близка к традициям семейной драмы XVIII в., изображая борьбу любви с сословными предрассудками, заканчивающуюся торжеством буржуазной добродетели ее героини. Значительно острее по содержанию драма Монвеля (1745—1812) «Монастырские жертвы» (1791), мелодраматическая интрига которой вращается вокруг насильственного заключения в монастырь молодой девушки Евгении, не пожелавшей согласиться на брак, навязывавшийся ей родителями. Последний акт драмы, в котором национальная гвардия спасает замурованных монахами Евгению и ее возлюбленного, производил потрясающее впечатление на зрителей. Аналогичные темы разрабатывались в ряде пьес 1790—1798 гг. К ним следует причислить и «Крестьянина - магистра» Колло-д'Эрбуа (переделку «Саламейского алькальда» Кальдерона) с его антифеодальной темой крестьянского суда над дворянином-насильником. Вся эта группа пьес представляет собою соединительное звено между буржуазной драмой XVIII в. и мелодрамой, появившейся как самостоятельный драматургический жанр уже накануне XIX в. и нашедшей своего первого выдающегося мастера в лице Гильбера Пиксерекура (1773—1844).

Рядом с классической комедией и буржуазно-чувствительной драмой уже в 1790—1792 гг. наблюдается рост политической драматургии, той драматургии, которая непосредственно откликается на политическую злобу дня и несет на себе прямые агитационно-политические функции. Расцвет этой драматургии мы наблюдаем в период якобинской диктатуры с ее «санкюлотизацией» театра. Однако и до этого периода в драматургии намечаются и создаются новые жанры политических обозрений, фарсов, водевилей.

Период 1789—1791 гг. еще не очень богат подобного рода произведениями. Наибольший успех в это время имели «Никодем на луне и мирная революция» Кузена Жака (Бефруа де-Рейньи) и «Пробуждение Эпименида в Париже» Карбона Фленса. Обе пьесы построены на принципе обозрения. В первой действие происходит на луне, где совершается «мирная» революция в духе идеального буржуазного конституционализма

1790 г. Герой второй пьесы, древний грек Эпименид, после двухтысячелетнего сна пробуждается в Париже и с изумлением наблюдает незнакомые ему общественные нравы и политические события. Карбон Фленс, подобно Кузену Жаку, также стоит на платформе «мирной революции». Его Эпименид с восторгом взирает на то, что король вернулся в свой верный и добрый город Париж, любим народом, избавился от дурных советников и правит, руководствуясь советами честных людей, избранных представителями всей нации. Тема «мирной» революции и объединения всех сословий вокруг короля-гражданина является господствующей темой политической драматургии вплоть до 1792 г. Не мало пьес изыскивают в прошлом образы королей-граждан и королей-демократов. В ряде драматических произведений, вместе с тем, изобличаются короли-тираны. Колло-д'Эрбуа в 1790 г. пишет пьесу «Патриотическое семейство, или Федерация», в которой мирно, в интересах нации и общего счастья, разрешает конфликты между фабрикантом и рабочими (надо полагать, в предвидении знаменитого закона Ле-Шапелье о стачках и рабочих организациях). Шедевром политического соглашательства является пьеса Бефруа де-Рейньи «Клуб честных людей, или Французский кюре», где политические споры между соседями разрешаются общим примирением и полной значения репликой сельского священника: «Не надо больше споров и волнений, пусть наше счастье будет общим. О, каким величием будет исполнено зрелище Франции, когда сердца всех ее граждан сольются в одном порыве. Люди одной нации не созданы для взаимной ненависти и мести. Чтобы между ними царило согласие, обнимемся и заключим мир...»

Мощный толчок развитию политической и патриотической драматургии дала начавшаяся борьба Франции с австро-прусской интервенцией и армиями контрреволюции. Множество пьес, вроде «Лиги фанатиков и тиранов» Ронсена, «Осады Лилля» Жуаньи и Триаля и другие, уже в 1791—1792 гг. составляют оборонно-патриотический раздел революционного репертуара. В их числе следует отметить несколько пьес, в которых героизм древних греков при Фермопилах, Саламине и т. д. применяется к текущим событиям.

Якобинская диктатура принесла с собой на сцену санкюлотскую драматургию с типичными для нее жанрами политического водевиля, политфарса, патриотической драмы, театрального апофеоза и проч. Пьесы оборонно-революционной тематики занимают едва ли не преобладающее место в репертуаре 1793—1794 гг. Их основной мотив — мобилизация широких масс против контрреволюционной интервенции.

Господствовавшая тематика буржуазного конституционализма уступает место тематике республиканского санкюлотизма, свержения монархии и всеевропейской революции.

Антикатолическое и антирелигиозное движение нашло также немедленный отклик в санкюлотской драматургии. Появляется серия пьес на тему о папессе Иоанне, в основных своих чертах совпадающих с сюжетными планами Пушкина, как известно замышлявшего написать драму на материале легенды о женщине-папе. Во множестве водевилей и комических опер фигурируют служители культа и разоблачаются их проделки над суеверным народом и их далеко не благочестивые нравы. Группа пьес посвящена тематике гражданского устройства духовенства и сложению с себя его представителями духовного сана.

Конфликты между богатством и бедностью, между чванством денежной аристократии и великодушием истинных санкюлотов наполняют многие пьесы якобинского репертуара. В них находит свое выражение борьба с теми элементами новой спекулятивной буржуазии, против

которых роптали и выступали широкие трудящиеся массы и которых они ненавидели в не меньшей степени, чем представителей старого барства.

Сравнивая буржуазные революции с грядущей пролетарской, Карл Маркс отметил, что первые «быстро несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты—один ослепительнее другого, люди и вещи как бы утопают в бриллиантовом огне, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего зенита, и обществу приходится пережить продолжительное похмелье, раньше чем оно в состоянии трезво усвоить себе результаты своего периода бурных стремлений». [1] В состоянии подобного похмелья буржуазная революция перевалила рубеж XIX в. уже в качестве добычи буржуазного цезаризма. С революцией, которая поразила весь мир своим героизмом и своими дерзаниями, было, как казалось, покончено. Однако наследие ее и утвержденный ею новый порядок уже не могли быть вычеркнуты. Французская революция «всему миру дала такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже не устранимы».[2] С этим связано и огромное значение французской буржуазной революции для всего дальнейшего развития европейской литературы и искусства. Открыв путь буржуазной культуре XIX в., французская революция тем самым явилась исходным пунктом мощного движения в области литературы и искусства, путь которого лежал от прогрессивного романтизма к реализму величайших представителей буржуазного искусства и буржуазной литературы XIX века.

ПОЛИТИКА РЕВОЛЮЦИИ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА

Художественная политика французской буржуазной революции отразила новые взгляды на задачи искусства, — взгляды, чуждые старому феодальному обществу. Революционная буржуазия обратилась к искусству как к одному из средств общественно-политического воспитания. Как формулировались ею задачи искусства?..

Искусство должно оказывать влияние на моральные и политические идеалы человечества, поддерживать в широких слоях народа черты доблести и гражданской добродетели и воспитывать в них чувство и понимание красоты. Художник Давид, игравший ведущую роль в художественной политике периода Конвента, в одном из докладов говорил: «Памятники искусства достигают цели не только тем, что очаровывают зрение, но и тем, что проникают в душу, производят на нее глубокое впечатление, подобно самой действительности. Вот тогда-то черты героизма, гражданских доблестей, открытые перед взорами народа, электризуют его душу и порождают в нем стремление к славе, к самопожертвованию на благо отечества».

В противоположность взглядам, царившим в дореволюционной Франции, деятели французской революции считали, что произведения искусства уже не являются достоянием лишь привилегированных, — они должны быть доступны каждому гражданину, к какому бы сословию он ни принадлежал. Они должны распределяться по всей территории Франции, а не концентрироваться в одном только Париже. Искусство должно находиться под постоянным покровительством и охраной государства и занять одно из важнейших мест в республике.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 326.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 304.

Демократизация художественных салонов

В первые годы революции крупная буржуазия, господствовавшая в Учредительном собрании, занятая борьбой за политическую власть и укрепление своего политического положения, не уделяла большого внимания художественной политике страны. Граф д'Анживилле, в ведении которого находились салоны живописи, человек враждебный новым течениям в искусстве, не разрешил Давиду выставить в салоне 1789 г. его картину «Ликторы приносят Бруту тела приговоренных им к смерти его сыновей». В газете «Наблюдатель» появилась острая заметка: «Со времен Кольбера глупость и невежество — удобный способ скрыть ничтожество, — вот те немногие качества, которыми обладают руководители искусства. Слепые покровители низкой посредственности, они беспощадно преследуют художников, проникнутых благородством своего искусства и не желающих заискивать перед ними». Заметка кончается просьбой к королю — «обеспечить художникам достойное их руководство». Король, вынужденный прислушиваться к общественному мнению, удалил д'Анживилле. Давид получил право выставить свою картину, и в июле 1789 г. в Лувре открылся первый революционный салон. В этом салоне тематика картин самая разнообразная. Моро-младший, известный художник XVIII века, радостно принявший революцию, выставляет свои рисунки: «Открытие Генеральных штатов» и «Заседание Национального собрания 17 июля 1789 г.», Дюрамо — рисунок «Заседание Генеральных штатов», Калле — «Портрет Людовика XVI». На ряду с художниками, отражающими в своих произведениях события дня, выставляют свои картины такие старые художники-академики, как Вьен (учитель Давида), Лагрене, Венсан, Лебарбье. Жерар выставляет заказанную ему для часовни в Фонтенбло картину «Снятие с креста». Но главное внимание привлекает «Брут» Давида. Эту картину рассматривают как событие в искусстве, как первый дар патриотизма, который новая школа живописи приносит революции.

В 1790 г. выставки не было, так как по старой традиции салоны устраивались через год. С 1791 г. началась новая эра в организации салонов. До сих пор право выставлять картины было привилегией только членов Королевской академии, представлявших собой замкнутую корпорацию. Непривилегированные художники выставляли свои картины один раз в год на площади Дофина на открытом воздухе или на выставке Академии св. Луки, которая также, по примеру Королевской академии, не всех допускала в свою корпорацию. Такое неравенство положения художников совершенно не соответствовало духу нового буржуазного общества, уничтожившего все монополии и привилегии.

Давид, вождь передовых художников Франции, вел ожесточенную борьбу против Академии. Он писал Учредительному собранию, что не выставит своих картин в предстоящем салоне, если всем художникам не будет дано право в нем участвовать. Результатом этих протестов было издание Учредительным собранием в июле 1791 г. декрета, который гласил, что на выставке этого года могут выставлять свои работы все художники, независимо от того, французы они или иностранцы, члены или не члены Академии. Этот декрет 1791 г. был первым завоеванием революции на художественном поприще.

Выставка открылась в залах Лувра, специально для этого предназначенных. На этот раз салон уже не пользовался покровительством короля, как это бывало во время академических выставок. Теперь салон стал государственным предприятием; организация его и надзор за ним были поручены директору Парижского департамента Талейрану-Перигору и

шести комиссарам: Давиду, Катрмер-де-Кенси, Пажу, Леграну, Бервику и Венсану. Число экспонатов, сравнительно с 1789 г., возросло с 350 до 794—больше чем вдвое. Выставка, открывшая свободный доступ всем гражданам, вызвала громадный интерес, и в записках современников встречаются указания на значительную посещаемость выставки.

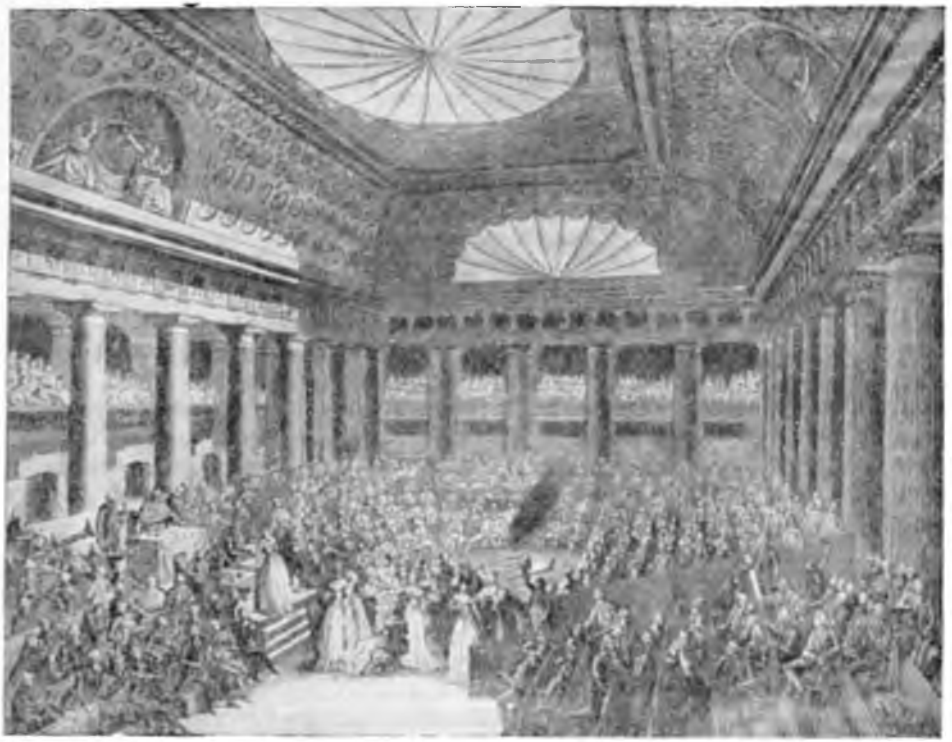
В салоне 1791 г. Давид снова выставил «Брута», «Клятву Горациев», «Сократа, выпивающего яд», и новый рисунок «Клятва в зале для игры в мяч». Академики занимали еще много мест: Венсан, Лебарбье, Сюве выставили свои старые и новые произведения; но наибольший успех выпал на долю Реньо. На этой выставке можно было видеть жанристов — Тонэ, Демарна, Буайи, Свебаха.

Одной из задач революционного правительства на всех этапах его деятельности была организация национальных празднеств. С одной стороны, в них выражался революционный пафос эпохи, с другой стороны, преследовались политические цели — воспитание масс и их патриотических настроений. Прилагалось много усилий, труда, энергии, чтобы художественно оформить эти праздники, — в них бился творческий пульс революционной эпохи. Самые видные архитекторы, художники во главе с Давидом работали над созданием планов празднеств, над сложными декорациями, над «алтарями отечества», «триумфальными арками», к которым направлялись процессии.

Охрана произведений искусства

На всех этапах французской революции вопросы, связанные с охраной произведений искусства, занимали видное место в политике революционного правительства. Учредительное собрание декретом от 13 октября 1790 г. поручило департаментам при помощи всех имеющихся в их распоряжении средств следить за сохранностью памятников в церквах и других зданиях, являющихся достоянием нации, и присылать об этом сведения Комитету по отчуждению имуществ. В том же декрете Парижской коммуне предписывалось принять меры к охране многочисленных памятников художественного значения, находящихся в Париже. Наблюдение за выполнением декретов Учредительного собрания было поручено Церковному комитету и Комитету по отчуждению. Эти комитеты организовали специальную Комиссию по охране памятников (Commission des monuments). Для совместной работы с Комиссией привлекались ученые, художники, библиографы, могущие своими специальными знаниями помочь ей в деле классификации, описании памятников и их охраны. Результатом работы этой Комиссии было составление соответствующих инструкций, которые рассылались по департаментам. В процессе работы Комиссии организовывались запасные хранилища (среди которых был и Лувр), где складывались картины, статуи, медали, ювелирные изделия и другие памятники искусства. Организация Комиссии по охране памятников была первым серьезным мероприятием революционного правительства по ограждению произведений искусства от разрушения и уничтожения. Законодательное собрание продолжало эту работу, но главная заслуга в этой области принадлежала Конвенту.

Из всех периодов французской революции период якобинского Конвента — самый значительный и плодотворный для искусства. Нельзя не удивляться той несокрушимой энергии и стойкости, с которой Конвент вступает на путь защиты и покровительства искусствам в такое страдное для Франции время. В этих тяжелых условиях Конвент находит время для регулирования вопросов, связанных с искусством. Издаются декреты, охраняющие старые памятники искусства и покровительствующие расцвету современного искусства, учреждаются художественные комиссии, общества, создаются и растут новые музеи.



ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРИНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ 7 СЕНТЯБРЯ 1789 г.

Гравюра Берто, рисунок Приёра

Упразднение Королевской академии живописи и скульптуры

Одной из главных заслуг Конвента надо считать упразднение старой Королевской академии живописи и скульптуры. Борьба с Академией началась с первого года революции. Сначала казалось, что все симпатии академиков были на стороне революции: в сентябре 1789 г. их жены и дочери, в количестве 130 человек, подражая женщинам древнего Рима, приносят в Учредительное собрание свои драгоценности, которые просят принять, как скромный дар революции. В 1790 г. Мирабо говорил: «Я признаю, что в этот напряженный момент Академии обнаруживают большой патриотизм, но не надо рассчитывать на продолжительность этих благоприятных настроений». И действительно, их патриотический порыв продолжался недолго.

Устав Академии с началом революции не подвергся реформе. Между тем, по этому уставу состав Академии делился на три категории: действительные члены, академики и причисленные (agrégés). Только первая категория, в которую входили директор, ректор и профессора, имела решающий голос и вершила все дела Академии. Вторая категория присутствовала не на всех заседаниях Академии и имела лишь совещательный голос. Третью категорию — причисленных — составляли художники, получившие это звание после того, как их картины были приняты на одну из академических выставок. Они не считались членами Академии и не имели права присутствовать на заседаниях. Но в течение года они обязаны были представить новую работу, так называемую «работу для приема», чтобы получить звание академика.

Этот режим Королевской академии противоречил лозунгам свободы и равенства, отраженным в Конституции. В декабре 1789 г. группа академиков подала петицию в Академию с просьбой о созыве общего собрания Академии, на котором все члены без различия приняли бы участие в избрании нескольких комиссаров для пересмотра устава Академии. Но ни эта петиция, ни докладная записка, поданная академиками-диссидентами в Парижскую коммуну, не сломили упорства «административного корпуса» Академии.

Среди оппозиционеров начался разлад, стали появляться различные группировки. В сентябре 1790 г. одна группа художников организовала «Коммуну искусств», которая должна была взять на себя все функции Академии. Другая группа, более умеренная, которая хотела иметь лишь несколько реформированную Академию, представила Учредительному собранию проект устава и правил «Центральной академии живописи, скульптуры, архитектуры и гравюры». В этом проекте были изложены следующие скромные требования: 1) присоединить к названию «Академия живописи и скульптуры» также слова: «архитектуры и гравюры»; 2) дать возможность причисленным к Академии присутствовать на заседаниях и принимать участие в прениях. Далее, проект требовал увеличения числа профессоров, организации конкурса, открытия школ для изучения античного мира, истории нравов, костюма и т. д.

Академия отвечает на этот вызов своих врагов особой запиской: «Дух статутов и регламентов Королевской академии живописи и скульптуры. Ответ хулителям ее строя». Записка эта, в которой лишь подтверждаются все те принципы, против которых боролись оппозиционеры, еще более обостряет борьбу. Декрет 1791 г. о свободном доступе в салоны всех художников несколько подорвал значение Академии, но все же и Учредительное и Законодательное собрания, и жирондистский Конвент в течение четырех лет оказываются бессильными в борьбе с ней, и лишь в период монтаньярского Конвента, когда власть переходит безраздельно к якобинцам, падает академическая Бастилия, и Академию берут в свои руки молодые художники. В августе 1793 г. прошел декрет об упразднении Академии и создании взамен ее Общества содействия прогрессу наук и искусств. Комитету народного образования было предложено представить соответствующий проект. Реализацией этого проекта и было открытие в октябре 1795 г. специального отдела в составе «Института Франции».

После упразднения Академии образовавшаяся несколько ранее «Коммуна искусств» объединила вокруг себя художников и скульпторов, но вскоре она сделалась пристанищем тех же академиков, которые стремились создать из нее подобие своей прежней alma mater. Коммуна искусств была закрыта Конвентом в ноябре 1793 г. Взамен ее более революционно настроенные художники, при активном участии Давида, организовали «Народное и республиканское общество искусств». Заседания их происходили в Лувре, в зале Лаокоона. Это общество, состоявшее, главным образом, из молодежи, с первых же шагов начало проявлять свой революционный пыл. Оно организовало приемную комиссию, где каждому новому члену задавались вопросы: имеет ли он «карточку гражданина» или удостоверение в прохождении службы в Национальной гвардии, не был ли участником каких-либо антигражданских выступлений, не состоит ли членом какого-нибудь клуба, заклейменного общественным мнением. Составленное с таким строгим отбором общество пользовалось большим авторитетом и принимало самое активное участие в художественной политике Конвента. Членами его были, кроме Давида, живописцы: Топино-Лебрён, Прюдон, Жерар; скульпторы: Дардель, Эсперсье; граверы: Сержан,

Бервик, Анселен; архитекторы: Детурнель, Шоде. На его заседаниях обсуждались декреты Конвента, относящиеся к искусству, организация празднеств, вопросы реставрации картин, реформа костюма. Велись нескончаемые споры о теоретических основах искусства, которое должно отражать революционный патриотизм и революционную добродетель.

В августе 1793 г., вскоре после упразднения Академии, открылся третий революционный салон. Каталог этой выставки начинался словами: «Суровым республиканцам может показаться странным, что мы занимаемся искусством в то самое время, когда европейская коалиция со всех сторон осаждает убежище свободы. Художники не боятся упрека в равнодушии к интересам своей родины ... Мы напоминаем Протогена, создавшего образцовое произведение в осажденном Родосе, или лучше еще — Архимеда, решавшего научные вопросы во время разграбления Сиракуз. Такие черты неразрывно связаны с гениальностью, а гений отныне должен парить над Францией и подниматься до уровня свободы. Мудрые законы придадут ему новые силы; Национальный конвент расширяет поприще его деятельности. Он свободен».

Однако качественно эта выставка была гораздо ниже предыдущей (1791); в частности, Давид, занятый интенсивной политической деятельностью, не участвовал в ней: его картина «Мишель Лепелетье на смертном одре», привлекавшая всеобщее внимание, была выставлена в одной из зал Конвента; школа Давида была представлена Жераром и Жиродэ. Среди картин, отражавших революционную действительность, наиболее значительными были: «Торжество санкюлотов на развалинах Бастилии» Пурселли, «Гора и болото» Бальзака, «Осада Тюильри храбрыми санкюлотами» Дюфона. Но на ряду с молодыми художниками 77-летний Вьен выставил свою картину «Елена», которая была приобретена на средства нации. Его школа была представлена Тайяссоном и Сюве, жанровая живопись — Тонэ, Шалем, Буайи, Тренкесом.

В октябре 1793 г. Конвент, по мысли Давида, объявил конкурс на произведения живописи, скульптуры и архитектуры. Темы были предложены самим Конвентом. На заседании Конвента Давид сделал доклад по этому вопросу, составленный им по поручению Комитета народного образования.

«Ваш Комитет полагает, — говорил Давид, — что в эпоху, когда искусства, как и нравы, должны возродиться, предоставить суждение о созданиях гения одним только художникам значило бы покинуть художников на проторенной дороге рутины, по которой они раньше влачились, склоняясь перед деспотизмом, воскуривая ему фимиам. Только сильные души, которых изучение природы обогатило чувством истинного, великого, смогут дать новый толчок вперед искусствам, смогут указать им принципы истинно прекрасного. Таким образом,—люди, одаренные от природы тонким вкусом, — философ, поэт, ученый, люди, могущие с различных сторон судить художника — ученика природы, — должны быть судьями в искусстве и составлять жюри. Они наиболее способны выразить вкус и знания народа в целом, когда дело идет о присуждении от его имени «пальмы славы» республиканским художникам».

В списке членов жюри, предложенных Давидом, мы находим двенадцать художников (среди них Фрагонар, Прюдон, Жерар), восемь скульпторов, десять архитекторов, четырех ученых, четырех писателей, двух актеров, одного торговца картинами, одного садовника, одного сапожника и одного крестьянина. Такой смешанный состав жюри должен был показать народу, что каждый гражданин не только имеет право, но даже

обязан интересоваться произведениями человеческого гения, могущими способствовать национальной славе. Это мероприятие было направлено в то же время и на воспитание общества в духе уважения к произведениям искусства.

Для соискания премий на конкурс были даны три темы. Одна для скульпторов: «Учитель школы в Фалерии, побиваемый детьми Фалисков, которых он хотел изменнически предать Камиллу». Другая для живописцев: «Всадники везут в Рим тело убитого в бою Брута». Третья для архитекторов: «Казармы для 600 кавалеристов». Обсуждение представленных на конкурс вещей было публичным и вызывало горячие прения. «Что могут представлять собой люди, которые занимаются скульптурой, когда их братья проливают кровь за отечество»,—заявил общественный обвинитель: он отказался голосовать за выдачу премий. К нему присоединился и Эбер. 40 голосов высказались против выдачи премии за скульптуру, так как представленные работы не отражали ни патриотических, ни революционных чувств. Жюри по присуждению премий за живопись присудило вторую премию художнику Арриэ, ученику Давида, за его картину «Брут». Жерар говорил об этой картине, что общее впечатление, которое выносишь от нее, — это «чувство благородства и красоты, которое могло бы еще более способствовать устранению тиранов». При обсуждении архитектурных проектов архитектор Дю Фурни так формулировал требования конкурса: «Надо, чтобы архитектурные памятники были так же просты, как добродетель. Архитектура должна быть близка к геометрии». В виде поощрения вторая премия была присуждена юному артиллеристу Протону. Жюри закончило свои заседания, не присудив никому первой премии, а скульптура осталась вовсе не премированной. Повидимому, конкурс не имел ожидавшегося успеха, и жюри, закончив свои работы, преобразовалось в Революционный клуб искусств, во главе которого встали Прюдон, Жерар, Дардель, Топино-Лебрён, Шоде. В этом клубе велись горячие споры о задачах революционного искусства и о том, какие меры нужно принимать для его процветания.

Комитет общественного спасения даже в самые напряженные моменты продолжал предлагать для конкурсов все новые и новые темы. Заботясь о красоте Парижа и желая в то же время оказать материальную поддержку нуждающимся художникам, Комитет давал различные задания по украшению дворца и сада Тюильри, оформлению площади Революции, по сооружению памятников деятелям 10 августа 1792 г., памятника Ж.-Ж. Руссо, проекта храма Равенства (в саду Божон). Художникам-живописцам предлагали также отразить в своих картинах наиболее славные моменты французской революции. Выставка эскизов на заданные темы была назначена на 10 термидора. Переворот 9 термидора помешал ее открытию. Но следует отметить, что большинство задуманных проектов не было осуществлено. В условиях буржуазной революции все эти мероприятия имели другое классовое содержание и не могли иметь того размаха, который доступен лишь социалистическому государству.

Создание «Временной комиссии искусств»

Деятельность Конвента в области охраны памятников искусства отмечена большой энергией и планомерностью. Вскоре после упразднения Академии Конвент издал декрет, предписывавший снять печати с помещения Академии и поручил Комиссии из четырех лиц, среди которых был и Давид, переписать предметы, находящиеся в кладовых Академии и принять все необходимые меры к их сохранению. Кроме того, на Комиссию был возложен надзор и за другими хранилищами конфискованных вещей. Так как работа в таких хранилищах, где сосредоточивались самые разнообразные ценности, требовала специальных знаний, то число членов этой Комиссии

было увеличено до 36 человек; в Комиссию были включены специалисты самых различных областей науки и искусства. Так была организована в августе 1793 г. Временная комиссия искусств (Commission temporaire des arts), сыгравшая большую роль в деле охраны национальных ценностей. Первое время эта Комиссия существовала одновременно со старой Комиссией по охране памятников, организованной в 1790 г., но недостаточно точное разграничение функций этих комиссий, постоянное соперничество между ними, привели вскоре к упразднению Комиссии по охране памятников. Новая Комиссия энергично принялась за работу. Поддержку и руководство она получала от Комитета народного образования, но Комитет общественного спасения проявлял постоянный интерес к деятельности Комиссии и принимал непосредственное участие в руководстве ею. Комиссия составила новую «Инструкцию о способах инвентаризации и хранения во всех областях республики всех предметов, могущих служить искусству, науке и образованию». Эта инструкция была строго продумана, предусматривала все детали работы. В ней говорилось о способах хранения и предупреждения возможных повреждений картин, статуй, гравюр. В то же время она предостерегала от неумелой реставрации. Инструкция была разослана в департаменты, где, по образцу парижских, были также организованы хранилища реквизированных предметов. Комиссия придавала большое значение инвентаризации как одному из способов предохранения коллекций от расхищения.

Деятельность Комиссии простиралась и за пределы Парижа. В случае надобности в провинцию отправляли комиссаров, которые следили за соблюдением инструкции. На обязанности Комиссии лежали не только охрана, инвентаризация и классификация произведений искусства, но предупреждение возможности разрушения тех памятников, которые не могли быть перенесены в хранилища (дворцы, замки, церкви). Комиссия наблюдала за всем происходящим в республике. Ее деятельность оказалась очень полезной; ей удалось предупредить разрушение многих памятников. Из крупных памятников Комиссия спасла, например, замок Шантильи, замок Прален, в котором были плафоны, расписанные Лебрёном, Амьенский и Шартрский соборы и др. памятники.

Комиссия получала поддержку со стороны Конвента: так, в 1793 г. был издан декрет, запрещающий «разрушать, повреждать каким бы то ни было способом, под предлогом уничтожения следов феодализма и королевской власти, картины, рисунки, гравюры, книги, статуи, барельефы, медали, древние вазы и другие предметы, которые представляют ценность для искусства, истории и преподавания». В том же 1793 г. был издан декрет о наказании двумя годами тюрьмы за разрушение памятников искусства.

Создание музеев

Какова была политика Конвента по отношению к музеям? Следует напомнить, что представляли собой художественные собрания предреволюционной Франции. В середине XVIII века королевская власть пошла навстречу высказываемым в печати пожеланиям об организации постоянной выставки, и в 1750 г. в Люксембургском дворце была организована выставка 110 картин и 20 рисунков. Она была открыта два раза в неделю. Но такое положение продолжалось недолго: в 1785 г. Людовик XVI отдал приказ о возвращении всех выставленных в Люксембурге предметов в Версаль, на старое место. Таким образом, за четыре года до революции королевские художественные собрания снова оказались недоступными для широких слоев населения. Начало революционного музейного строительства можно отнести к 1791 г., когда Учредительное собрание издало декрет об устройстве в Лувре Цент-

рального музея. Для организации его была назначена особая Музейная комиссия. Но ни Учредительное, ни Законодательное собрания не проявляли большой активности в деле организации музеев, и лишь Конвент, с характерной для него энергией, издал 27 июля 1793 г. декрет о создании музея в помещении Лувра. В августе того же года официально был открыт Национальный музей искусств, а 8 ноября был открыт доступ в него для посетителей. Но не все национальные сокровища были в нем собраны. Версаль получил разрешение от Конвента оставить во дворце картины, которые были раньше принадлежностью «Кабинета короля». Там был учрежден специальный музей французской школы, но часть картин вскоре все же была перевезена в Лувр. Туда стекались сокровища не только из королевского собрания, из церквей, из дворцов свергнутой аристократии, но и из завоеванных стран.

В декабре 1793 г. по докладу Давида была упразднена прежняя Музейная комиссия. Ее работа была признана неудовлетворительной. В своем докладе Давид дал резкую характеристику ее членам, не умеющим ни охранять, ни описывать, ни реставрировать вверенные им произведения искусства. Те, кто входил в Музейную комиссию первого состава, «погубили много шедевров, пользуясь для реставрации услугами неумелых людей». Давид перечислил эти картины: «Антиопа» Корреджо, «Святая дева» Гвидо Рени, «Мессинский порт» Клода Лоррэна и несколько картин Верне. «Пусть Конвент, — говорит Давид, — поспешит исправить ошибки злонамеренности и нерадения, пусть он поскорее доверит знающим художникам-патриотам заботу о сохранении для передачи потомству возвышенных произведений великих художников всех стран». В январе 1794 г. по предложению Давида взамен Музейной комиссии был организован новый музейный орган под названием «Хранилище Музея искусства». Хранилище разделялось на четыре секции. К секции живописи были прикреплены Фрагонар, Бонвуазэн, Лесюёр и Пико; к секции скульптуры — Дардель и Дюпаскье; к секции архитектуры — Давид, Леруа и Делоне; к секции древности — Викар и Варон.

Якобинское правительство придавало большое общественно-политическое значение музейному строительству. В докладе Конвенту о Музейном хранилище Давид говорил: «Музей—вовсе не бесполезное собрание предметов роскоши и суетности, служащее лишь к удовлетворению любопытства. Надо, чтобы музей сделался школой большого значения. Преподаватели поведут туда своих юных учеников, отец поведет туда сына... Не забудем, что культивирование искусств является одним из средств импонировать нашим врагам». Одновременно с Центральным музеем была организована Люксембургская галерея, в которой собирались картины современных художников. Кроме того, вырос новый музей особого типа. Честь его организации принадлежала художнику Ленуару, заведывавшему складом у Малых Августинцев, куда стекались различные конфискованные предметы искусства. Ленуар постепенно собрал прекрасную коллекцию произведений романского и готического искусства — алтарей, статуй, барельефов, витражей, эмали, мозаичных полов. Такое собрание было единственным во Франции и представляло собой большую ценность. В августе 1793 г. Конвент разрешил открыть музей для публики, причем Ленуар приготовил к этому времени специальное описание всех экспонатов. В 1795 г. это собрание получило название Музея памятников Франции (Musée des monuments français). В провинции также создавались музеи, которые вырастали из организованных ранее хранилищ. Таким образом, и в области музейного строительства якобинское правительство сумело провести ряд важнейших мероприятий.

В своей политике якобинское правительство проводило мысль, высказан-

ную одним из членов Конвента: «В настоящее время Конвент должен сделать для искусства, для науки, для философии то, что искусство, наука и философия сделали для завоевания свободы. Они являются кредиторами революции, для которых она должна сделать все, что в ее силах». Однако осуществить эти принципы в сколько-нибудь полной мере Конвенту не удалось.

ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА, СКУЛЬПТУРА

Новый классицизм

Десятилетия, предшествовавшие французской буржуазной революции, являются в истории французского искусства временем завершения идущего через весь XVIII век процесса разложения и упадка дворянско-аристократического искусства. В эти же десятилетия искусство буржуазии, начавшее формироваться задолго до буржуазной революции XVIII в., ограничивавшееся в предыдущий период утверждением эстетической ценности мирного буржуазного быта, вступает в новый этап своего развития.

Нарастающие в среде французской буржуазии революционные настроения ставят перед искусством задачи, резко отличающие его от безидейного искусства уходящей с исторической арены аристократии. С переходом буржуазии к революционному действию, с ростом ее революционных настроений искусство встало перед задачей создания образов мужества и подвига, образов долга и самоотвержения, перед задачей изображения больших общественных явлений и героических деяний.

Но буржуазная действительность не давала материала для создания подобных образов.

Из потребности идеализации буржуазной жизни, из стремления возвысить буржуазные идеалы над их реальным, жизненным основанием, скрыть ограниченность буржуазной революции, возник новый классицизм как официальный стиль французской буржуазной революции.

Развитие классицизма как художественного течения непосредственно связано со всей идеологической подготовкой революции. Художники третьего сословия видели в античной Греции и республиканском Риме воплощение своих общественных идеалов. Они охотно проводили параллели между различными событиями древней истории и современной им действительностью. Борьбу против феодальной монархии во Франции они представляли в героических образах античности. Эти исторические параллели нужны были предреволюционному искусству XVIII века для того, чтобы придать своим сюжетам и действующим лицам черты героического и общечеловеческого. Именно эта идеализация современности лежит в основе классицизма, именно этим объясняется настойчивое стремление художников буржуазной революции одевать своих героев в костюмы Горациев, Гракхов, Брутов, Сократов.

С другой стороны, искусство классической древности привлекало мастеров XVIII века своей последовательной логичностью и «разумностью». Идеи энциклопедистов о примате человеческого разума, рационалистическая установка буржуазной философии предреволюционных десятилетий нашли в области искусства свое конкретное подтверждение в принципах классической композиции. В этой последней видели идеальное воплощение рационалистически понятой гармонии. Именно в этом смысле истолковывались характерные черты античного искусства: логически ясное построение композиции, господство в ней начал симметрии и равновесия, простота и четкость художественного образа, строгая последовательность форм. Рационалистическая концепция энциклопедистов была созвучна

эстетике классицизма. Но не менее отчетливо эта эстетика связана с кругом идей такого руководящего мыслителя предреволюционной Франции, как Руссо. Проповедь «верности природе», учение об «естественности» как первичном критерии всей человеческой деятельности, переложенные на язык эстетических понятий, указывали художникам тот же курс на античное искусство. Они находили черты «естественности» и в образах, созданных античными ваятелями и зодчими, и в пропорциях, применявшихся ими и как бы заимствованных из самой природы, и в деталях декоративного порядка, всегда исходивших из реальных элементов растительного или животного мира. «Разумность» и логичность соединялись, таким образом, в одних и тех же произведениях классической древности с «естественностью» и «близостью к природе», и все эти свойства, органически между собою связанные, формировали новый эстетический идеал, столь далекий от манерного, декоративно изощренного и вычурного искусства рококо.

Новая школа классицизма принесла новые художественные начала. Прежде всего — сурово-героическую сюжетику. Мифология уступает место истории, у которой новый классицизм берет мотивы гражданской доблести и отваги, стойкости и несокрушимой воли. Центральными образами искусства становятся образы самоотверженных патриотов, тираноненавистников, мучеников свободы, образы бесстрашных народных трибунов.

Новой идейной основе соответствует новая формальная трактовка. Рационалистическая строгость композиции, суровая простота колорита, преобладание и в композиции и в колорите волевых элементов над чувственно-эмоциональными — вот основа формальной структуры нового стиля. Главными средствами выражения являются строго гармонические пропорции тела, отчетливость моделировки, красота положений, величественный ритм движений, решительные патетические позы и жесты. Скупы живописные средства, линия преобладает над светом и цветом, пластика развивается в ущерб живописи; никаких капризов кисти, никакой декоративной тонкости.

Живопись

В живописи этот стиль французской буржуазной революции получил свое наиболее полное выражение в творчестве Жака-Луи Давида (1748—1825). Три произведения Давида предреволюционного пятилетия; «Клятва Горациев» (1784), «Сократ принимает цикуту» (1787) и «Ликторы приносят Бруту тела приговоренных им к смерти его сыновей» (1789) — должны быть рассматриваемы как начало нового направления в живописи.

Сюжетным источником «Клятвы Горациев» служит прославленный преданием эпизод из истории древнего Рима. Три брата Горации в едином порыве клянутся самоотверженно бороться с Куриациями, врагами Рима. Старик-отец благословляет своих сыновей на борьбу и смерть. Тут же женщины, исполненные страха за судьбу своих близких. Картина композиционно разрешена в плане противопоставления гражданского долга личным чувствам. Отправляющиеся в бой братья и принимающий их клятву и благословляющий их отец помещены на первом плане, женская группа отодвинута вглубь. Изобразительная плоскость распределена между обеими частями композиции далеко не равномерно. Группа мужчин занимает приблизительно две трети пространства, и лишь третья часть его отведена женской группе. Исполненные мужества и решимости фигуры мужчин, их пластическая строгость, их могучие и широкие движения, повторность жеста их протянутых рук, подчинение каждой отдельной фигуры общему ритму — контрастируют с горестно поникшими женскими фигурами, со скорбной неподвижностью всей женской группы. Строгая простота дори-

АВТОПОРТРЕТ ЛУИ ДАВИДА (1748—1825)
Масло
Музей Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина

ческих колонн на втором плане усиливает сурово-героический характер изображенного момента.

В «Сократе» центром композиции являются фигуры тюремщика, подающего приговоренному мудрецу чашу, наполненную ядом, и самого Сократа, спокойно берущего ее из рук тюремщика. Остальные персонажи размещены по обеим сторонам центральных фигур и являются лишь комментирующим дополнением по отношению к ним. И тюремщик и мудрец не глядят на чашу с ядом: первый отводит свой взгляд от нее в ужасе перед зрелищем смерти; второй в сознании правоты своего учения побеждает самое смерть; он обращает взор к окружающим его ученикам и в свой последний час говорит им бесстрашные слова о дальнейшей борьбе за истину. Лаконизм этого композиционного приема подымает это произведение на высоту подлинно героического.

В едином патриотическом порыве идут на смерть за родину юные Горации. Приговоренный к смерти Сократ в сознании долга отказывается от бегства и спокойно выпивает цикуту — презрение к смерти во имя истины. Римский консул Брут побеждает отцовские чувства и приговаривает к смерти своих сыновей, присоединившихся к заговору против свободы. В конфликте личных чувств и гражданского долга гражданский долг решительно побеждает.

Образ гражданского мужества становится центральным образом нового искусства. Одновременно с «Клятвой Горациев» Давида появляется картина Жан-Жермена Друэ (1763—1788) «Марий в Минтурнах» (Лувр) — героический образ прославленного римского полководца в опале. Картина произвела сильное впечатление в Париже и соперничала с «Горациями» Давида.

Социальная устремленность, идейная основа первых работ нового направления были осознаны во всей полноте уже в самый момент их появления. В «Горациях», «Сократе», «Бруте» впервые отразился пафос приближающейся революции. Эти три картины воспринимались как произведения, предвосхитившие революцию. Дюбуа-Крансе, выступая 28 июля 1790 г. в Якобинском клубе с предложением поручить Давиду увековечить сцену клятвы в зале для игры в мяч, заканчивает свою речь словами: «Для того чтобы воплотить нашу мысль на полотне, мы избрали автора «Брута» и «Горациев», этого французского патриота, чей гений приблизил революцию». И сам Давид рассматривал свои произведения предреволюционного пятилетия как провозвестников революции. Давид, выставив в 1791 г. «Клятву в зале для игры в мяч», первую свою вещь, написанную на сюжет конкретного революционного события, вместе с ней вторично выставил уже бывшие на выставках «Сократа», «Горациев» и «Брута», подчеркивая этим единство идейной основы и формальных средств выражения этих произведений с «Клятвой в зале для игры в мяч». Официальное руководство художественной жизнью Франции накануне революции, в лице графа д'Анживилле, встретило «Горациев» явно враждебно. Картине было отведено на выставке темное место. Давиду было отказано в уплате за картину лишь потому, что ее размер превосходит установленный при заказе. Когда в самый канун революции Давид закончил «Брута», тот же граф д'Анживилле пытался запретить Давиду выставить картину. «Брут» появился в салоне, открывшемся непосредственно после взятия Бастилии. Парижский народ и печать восторженно встретили картину и единодушно расценивали ее как образец революционного искусства. Для людей, только что штурмовавших Бастилию, явившийся из дали тысячелетий идеализированный образ непримиримого защитника республиканского отечества был окрашен в цвета политической свободы; он воспринимался как самый современный. Образ Брута, не пощадившего своих сыновей во имя свободы отечест-

ва, в 1792 г. противопоставлялся Людовику XVI, изменнически подготовлявшему иностранную интервенцию.

И после того как революция уже разразилась, в то время как во Франции происходили крупнейшие революционные события, художники продолжали зачастую обращаться к античности. В 1792 г., в год свержения королевской власти и провозглашения республики, появляются такие произведения, как картина Анн-Луи Жироде-Триозона (1762—1824) «Гиппократ отказывается от подарков Артаксеркса». Как известно, когда слава о великих знаниях Гиппократа дошла до персидского царя Артаксеркса, он отправил к «отцу медицины» послов с богатыми дарами в надежде привлечь его к своему двору; но Гиппократ отверг царские дары; он отказался покинуть отечество и отдал свои знания родному народу. К тому же моменту революции относится и картина Летьера (1760—1832) «Смерть Катона Утического»: неустрашимый и неподкупный защитник республики, непримиримый враг Цезаря, не желая пережить республику, убивает себя.

Но подобные произведения становятся все более редкими. Буквально с первых же месяцев революции начинают появляться работы на непосредственно революционные сюжеты. Уже в 1789 г. появляется гравюра Франсуа-Мари-Исидора Кевердо «На возрождение Нации», а затем его же «Апофеоз Равенства»: кавалеры ордена Людовика братаются с угольщиками и кладут знаки своего достоинства на алтарь отечества. Искусство героизирует действительность, и вместе с тем в классические формы все глубже проникают элементы реалистической трактовки ее.

В 1793 г., в год установления революционной диктатуры, в Салоне появляется ряд произведений живописи, отмечающих главнейшие революционные события: Тевенен — «Взятие Бастилии», Пурселли —«Праздник санкюлотов на развалинах Бастилии», Дефонт — «Осада Тюильри», Дюплесси-Берто — «Взятие Тюильри». В том же 1793 и следующем 1794 гг. появляются наиболее значительные работы Давида, которые одновременно представляют собой самые выдающиеся памятники искусства всего периода: «Портрет Барера», «Смерть Марата», «Убитый Лепелетье», «Жозеф Баррас».

1793 год является периодом самой интенсивной революционной деятельности Давида. Избранный в сентябре 1792 г. в члены Конвента, Давид занимает место в рядах монтаньяров, подает свой голос за казнь Людовика XVI. В октябре он входит в состав Комиссии по народному образованию, а затем — в Комиссию по делам искусства, в которой он после упорной борьбы добивается закрытия Академии, цитадели искусства старого режима. Завязавшаяся еще в 1791 г. связь Давида с якобинскими кругами, личная близость к Робеспьеру приводят его в 1793 г. к непосредственному участию в работе Якобинского клуба, председателем которого он избирается в июне и в июле. В сентябре Давид входит в состав одного из высших органов диктатуры — в Комитет общественной безопасности.

Первая работа Давида в годы революции — «Клятва в зале для игры в мяч» — создана еще в 1791 г. Эта многофигурная композиция не была выполнена в картине, она осталась в рисунке. Но и в таком виде она представляет собою одно из самых характерных произведений эпохи. В бурных порывах приносящих клятву депутатов, в их чрезвычайно патетических позах с большой полнотой показано вошедшее в ту пору в обыкновение громогласное выражение своих чувств. В то же время распределение фигур на первом плане в один ряд, как на барельефе, их пластически строгая трактовка и скульптурная статуарность говорят о том, что здесь разыгрывают новый акт всемирной истории. Композиционная деталь, взметнувшиеся в порыве ветра занавеси на окнах, сквозь которые видна разразившаяся гроза, усиливает величие момента.

КЛЯТВА ГОРАЦИЕВ
Давид. Масло

Чем ярче становилась революционная действительность, тем более усиливалась реалистическая струя в новом искусстве. Все возрастающая в 1793 г. революционная активность Давида вносит в его творчество новые тенденции, которые надо рассматривать, как стремление к единству героического и реалистического. Барер изображен Давидом на трибуне, произносящим свою речь против Людовика XVI. Вся работа проникнута суровой простотой: фигура оратора поставлена в середине изобразительной плоскости, твердые, неумолимые линии, четкие контуры — и лишь одна деталь: правая рука Барера лежит на обвинительном заключении против Людовика XVI. Картина «Убитый Лепелетье» до нас не дошла; в период реставрации картина была уничтожена наследниками депутата как документ, компрометирующий их аристократическую семью; по их настоянию были уничтожены также гравюрная доска, нарезанная Тардьё с картины, и оттиски с этой доски. Об этом произведении мы можем судить лишь по оригинальному рисунку Давида и по фрагменту гравюры Тардье с сохранившимся изображением тела Лепелетье. Сравнение этой картины с портретом Лепелетье, нарисованным при его жизни, делает ясным стремление Давида создать героический портрет, не отходя от реалистической трактовки действительности. На портрете Лепелетье изображен в полный профиль, и неправильность черт его лица, их непропорциональность выражены крайне резко. В картине Давид не отходит от реальности, но изображение Лепелетье дано в таком повороте, что резкость его черт теряется. Найденный Давидом в картине раккурс головы значительно уменьшает подвижность лица Лепелетье, усиливает выражение величавого спокойствия в положении всей фигуры и общей композиции. В своей речи в Конвенте 29 марта 1793 г. при поднесении картины,

изображающей убитого Лепелетье, Давид сам определяет героический характер созданного им образа, говоря, что в этой картине он пытался показать своим соотечественникам «проявление высокого героизма».

В «Марате» Давида реалистическая струя в искусстве эпохи французской буржуазной революции достигает наивысшего выражения. В композиции «Марата» Давид прежде всего исходит от действительности, от подлинного Марата, каким художник видел его накануне его смерти. На заседании Конвента 15 июля 1793 г., при решении вопроса о том, как выставить перед народом набальзамированное тело Марата, Давид сказал: «Накануне смерти Марата Общество якобинцев послало меня и Мора навестить его. Я застал его в положении, которое меня поразило. Рядом с ним стоял деревянный обрубок, на котором находились чернильница и бумага, и его рука, выступая из ванны, записывала его последние слова о народном благе. Я полагаю, что было бы интересно выставить его в том положении, в котором я его застал, — когда он писал для счастья народа». В этом рассказе Давида композиция его Марата дана почти во всех ее деталях. От действительности, от реальности идет Давид и в очертании лица Марата: они совпадают с выполненным Давидом с натуры эскизом головы Марата. Художественное претворение действительности достигается лишь через предельный лаконизм композиции, через суровую ее простоту. Друг Народа представлен на картине Давида лежащим мертвым в ванне. Но в раскрытие темы художник не вносит ни единой бытовой черты. Упомянутый деревянный чурбан возле мертвого — единственная деталь, введенная Давидом в его композицию.

Волна народного возмущения, вызванная вестью о предательском убийстве Марата, бурные выступления революционных масс подняли событие на высоту исторической трагедии. Героикой были насыщены момент и обстановка, в которых возник «Марат». На траурном заседании Конвента 13 июня Гиро, выступивший от имени делегации парижского народа, закончил свою речь обращением к члену Конвента Давиду: «Где ты, Давид? Ты оставил грядущим поколениям образ Лепелетье, умершего за родину. Тебе предстоит создать еще одну картину». Среди воцарившейся в зале тишины послышался голос поднявшегося с места Давида: «Да, я напишу ее». Когда четыре месяца спустя, 15 ноября, Давид передает Конвенту законченного «Марата», он произносит слова, характеризующие работу над «Маратом» как выполнение воли народа: «Народ обращался к моему искусству, желая вновь увидеть черты своего друга... Я услышал голос народа, я повиновался ему». Таков сюжетный мотив «Марата», общественная атмосфера в которой он возник, импульсы работы над ним художника: героический показ его не нуждался в искусственных исторических аналогиях, в каких-либо условно-античных элементах.

«Марат» является самым ярким художественным документом французской буржуазной революции, самым потрясающим изображением эпохи.

«Убитый Лепелетье» и «Марат» — высшая точка революционного изобразительного творчества буржуазии эпохи французской революции. В этих работах, рожденных в якобинскую эпоху, искусство Давида полностью проникается политической злобой дня, приобретает явный пропагандистско-агитационный характер. Это выразилось в ряде композиционных деталей и в надписях, введенных в самые картины. Над мертвой головой Лепелетье висела шпага с королевским гербом, пронизывающая лист бумаги с надписью: «Я голосую за смерть тирана». В верхней части картины была надпись: «Мишелю Лепелетье, убитому за то, что вотировал смерть тирана». В руке мертвого Марата — письмо Шарлоты Кордэ, где легко можно прочесть обманувшие Марата строчки: «Достаточно того, что я была не-

ЗЕЛЕЩИЦА
Давид. Масло

счастна, чтобы иметь право на вашу благожелательность». На чурбане, стоящем возле ванны, лежит ассигнация и записка: «Вы передадите эту ассигнацию бедной матери пятерых детей, чей муж отправился на защиту отечества». В свисающей мертвой руке зажато перо, и тут же окровавленный нож убийцы. Эти детали и надписи, придающие наглядность, поясняю-

щие, актуализирущие, увеличивают эмоциональную силу образа, заостряют его политико-агитационную функцию.

Скульптура

Значительно медленнее проникали новые идеи в скульптуру. Причины этого явления лежат как в самой природе искусства ваяния, так и в путях развития скульптуры во Франции в XVIII в. Скульптор в своей работе больше живописца связан специфичностью материала, он лишен такого мощного средства выражения, как цвет, он значительно более ограничен в использовании света и тени. Таким образом, поиски новых путей в скульптуре гораздо труднее, напряженнее. В годы французской революции конца XVIII в. искусство лишь в краткий период якобинской диктатуры по-настоящему привлекает к себе общественное внимание, только в период якобинской диктатуры вопросы искусства поднимаются до степени общественных проблем, они стоят на повестке дня законодательных органов якобинской власти. К периоду якобинской диктатуры относятся самые значительные документы, свидетельствующие об огромном интересе революционной власти к проблемам искусства. Конечно, тринадцать месяцев якобинской диктатуры были слишком кратким сроком для разрешения скульптурой проблем, поставленных перед нею революцией. Наконец, и это главное, ваяние во Франции XVIII в. было главным образом сосредоточено на портретной скульптуре. Связанное с конкретными физическими чертами искусство портрета было мало подходящей областью для создания условных образов нового классицизма.

Тем не менее, новые веяния коснулись и скульптуры, причем и здесь, как в живописи, первые произведения появились задолго до того, как разыгралась революционная буря.

В предреволюционное десятилетие элементы нового стиля находят свое выражение в скульптуре в героизированных портретах мыслителей, философов, провозвестников прав человека и гражданина. Эти работы прежде всего характеризуются приподнятым восприятием натуры. Жан-Батист Пигаль (1714—1785) заканчивает свой долгий творческий путь рельефными портретами Вольтера и Дидро. Но работой Пигаля, наиболее характерной для искусства кануна революции, является его статуя Вольтера, изображающая философа в виде совершенно нагого старца, сидящего на скале и вдохновенно глядящего в небо. Жан-Антуан Гудон (1741—1828) с самого начала своей художественной деятельности был близок к энциклопедистам и, в частности, к Дидро. С своей стороны, энциклопедисты видели в Гудоне человека, способного средствами своего искусства содействовать развитию новых идей. И действительно, скульптор в известной мере оправдал эти надежды. Мировая слава Гудона основана на его портретных работах, и путь его к новому движению лежит через портретные образы. В предреволюционное десятилетие Гудон создает портретные бюсты Руссо, Вольтера и Дидро. Автор «Общественного договора» смотрит строго и проницательно, его лицо выражает угрюмое спокойствие, о котором уже не раз было сказано, что оно похоже на глубокую тишину моря перед бурей. На большом, открытом и слегка округленном лбу Дидро отражается широкий, смелый плодотворный ум. Сам Гудон сознавал значение этих своих портретных образов. Он писал: «Одним из лучших свойств столь трудного искусства ваяния является возможность со всей правдивостью сохранить формы, сделать неизгладимым образ людей, составлявших славу своего отечества. Эта мысль постоянно сопровождала меня в моих трудах». Всего ближе подошел Гудон к намечающемуся новому течению в своем «Сидящем Вольтере». Великий старец, облаченный в римскую консульскую тогу, сидит в кресле античного стиля. Наконец, Гудон приходит к образам древнего Рима: в 1783 г. он создает бюст Брута.

СМЕРТЬ МАРАТА

Давид. Масло

Даже в революционное пятилетие скульптура не подходит вплотную к конкретным революционным событиям, к созданию образов революционных деятелей. Скульптура революционных лет не выходит за пределы воплощения в образы ваяния революционных лозунгов. Так, Огюстен Пажу (1730—1809) создал в эти годы статуи «Разум» и «Свобода». Гудон, продолжая начатую им в предреволюционное десятилетие линию изображения героев республиканского Рима, создал статую Цицерона, в которой «отец отечества» дан в момент, когда он изгоняет Катилину из сената. Но в то же время (1793) Гудон высек из мрамора фигуру «Философия», которая была установлена в Конвенте.

Скульптура значительно чаще живописи прибегает к аллегории, символу, олицетворению. Таковыми были исполненные к празднику Федерации 10 августа 1793 г. по рисункам Давида и воздвигнутые в макетах в разных пунктах Парижа статуи: «Источник Возрождения», «Свобода», «Французский народ, повергающий на землю федерализм». В виду огромного успеха этих статуй у народа Комитет общественного спасения 24 апреля 1794 г. обратился к художникам республики с предложением «принять участие в конкурсе по исполнению из бронзы и мрамора монументов, долженствующих запечатлеть для потомства главные моменты французской революции, которые были представлены во время празднования Федерации». Наступившее спустя три месяца после объявления этого конкурса 9 термидора исключило возможность его осуществления. Упомянутые работы остались нам неизвестны. По весьма скудным и случайным упоминаниям и зарисовкам можно составить себе весьма приблизительное представление лишь об «Источнике возрождения», который в макете был воздвигнут на развалинах Бастилии. Это был чрезвычайно величественный монумент: колоссальная статуя, изображавшая сидящую женщину, руками поддерживавшую груди, из которых била вода. Ряд аллегорических скульптур создал в 1792 г. молодой скульптор Жозеф Шинар (1756—1813): «Свобода венчает гения Франции», «Народ в виде Юпитера поражает аристократию», «Разум в образе Аполлона попирает ногами религию».

Героизм нового классицизма — героизм отдельной личности, его пафос — героическая смерть. Эти черты отмечают все творчество Давида: «Андромаха у трупа Гектора», «Убитый Лепелетье», «Смерть Марата», «Мертвый Бара». Эти образы проходят перед нами и в произведениях других художников школы нового классицизма: «Марий в Минтурнах» Ж.-Д. Друэ, «Смерть Катона Утического» Летьера. Пафос борьбы и героизма восставших масс, которыми буквально дышала вся всколыхнувшаяся до основания страна, остались чужды новому классицизму.

Реализм массовой революционной графики

Официальным искусством французской революции не исчерпывается изобразительное творчество эпохи. Рядом с этим искусством развивалось и другое, идущее из иных социальных источников, из более глубоких общественных пластов. «Разве Великая французская революция была адвокатской революцией, а не революцией народной, которая победила, подняв громадные народные массы против феодализма?»[1]. Под мощным влиянием высоко поднявшейся активности народных масс возникло и широко развилось иное искусство, иное по всему своему художественному строю, по своим сюжетным мотивам, по композиционным разрешениям. Народным массам, стремившимся к углублению революции, к радикальному переустройству общества не нужны были абстрактные лозунги, лишними были для них исторические аналогии, уподобления, не нужна была антич-

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М. 1939, стр. 609.

ная героика. Ему нужно было искусство реалистичное в своей основе, устремленное к непосредственному отражению революционной действительности, к показу конкретных эпизодов революционной борьбы. В выборе сюжетных мотивов это искусство явно отдает преимущество движению народных масс перед выступлением отдельной героической личности. Это искусство иное и по средствам художественного выражения. Эпоха огромного напряжения народных сил, время гигантского роста народной активности вызывают к жизни массовые формы искусства. В это время получают широкое развитие все виды и ответвления графики. По своим свойствам графика более гибка, чем другие виды изобразительного искусства, она более пригодна для отклика на современные темы, для пропаганды массовых идей, она обладает бо́льшими возможностями широкого охвата людской массы. В эту пору широко распространяется гравюра, возрастают ее функции, значение. Рисунок, на ряду со своим подсобным, служебным характером эскиза, наброска, обретает теперь и свой собственный, отличный от живописи язык. Рисунок начинает самостоятельное существование, приобретает значение, как особый вид художественного изображения, как способ выражения творческого замысла, дающий образцы большой силы художественного обобщения. Это искусство не знает больших полотен, «вечных» творений. Оно редко выходит за пределы рисовального листа, редко превышает размеры гравировальной доски. Но оно монументально в своем стремлении последовательно развернуть революционные события в связанных между собою листах.

Первые шаги этого искусства, развивавшегося под прямым влиянием движения народных масс, посвящены волнениям среди рабочих парижских мануфактур накануне революции. Таковы работы Вени и Жирарде «Народ в предместье Сент-Антуан», изображающие восстание рабочих на бумажной мануфактуре Ревельона 27—28 апреля 1789 г.

Из множества имен здесь должны быть прежде всего названы Шарль Монне (1732 — после 1808), Жан-Франсуа Свебах, прозванный Дефонтен (1769—1823) и, главным образом, — Луи Приёр-младший (1759—гильотинирован в 1795).

От Монне осталась сюита в 15 листов «Главные дни революции», гравированная Гельманом. Работы Монне далеко не равноценны по своему выполнению. Большинство этих листов носит следы некоторого ретроспективного подхода к изображаемым революционным событиям. Среди работ Монне выделяется лист «День 10 августа 1792 г.», изображающий взятие народом Тюильри и созданный непосредственно после этого события. В этом произведении видно влияние выросшей революционной активности масс. Лист Монне представляет собою композиционно строгую и во всех деталях законченную картину. Основой композиции этой работы является стремление художника выявить широкое пространство, занимаемое наступающей массой, чтобы таким образом ярче выразить большой размах события, напряженность революционного момента. Архитектурный ансамбль дворца, тянущийся на втором плане вдоль всей плоскости листа, параллельно наступающей массе, усиливает впечатление большой пространственной протяженности.

Свебаху было лишь двадцать лет к началу революции, он едва успел закончить свое художественное образование. До нас дошли его работы на революционные сюжеты: «Праздник федератов на Марсовом поле» 1790 г., а также лист 1792 г. «Перевезение Людовика XVI и его семьи в Тампль». Основные же работы Свебаха за революционное пятилетие относятся к 1793 г. Они изображают события этого года: «Убийство Лепелетье», «Казнь Людовика XVI», «День 1 июня 1793 г.», «Смерть Марата». Тонкий

рисовальщик, значительный мастер композиции, Свебах был склонен к деталям, он не обладал достаточным чувством художественного обобщения, и ему была не под силу напряженность больших исторических событий. Но ясный, широко доступный художественный язык Свебаха позволяет отвести его работам значительное место в искусстве эпохи.

Наиболее яркой в этой области искусств является серия работ «Картины революции» Луи Приёра-младшего, выполненные в гравюре Берто. В своей серии, состоящей из 68 листов, Приёр закрепляет в художественных образах историческую цепь событий, начиная от клятвы в зале для игры в мяч и взятия Бастилии. Здесь запечатлены: октябрьский поход в Версаль, революция 10 августа, бойня на Марсовом поле 17 июля 1791 г. Серия Приёра доведена только до 1793 г., когда его художественная деятельность была прервана напряженной политической работой (он был членом Революционного трибунала и пр.). Главным, и почти единственным, героем работ Приёра является народ, масса. Из революционных событий Приёр отбирает те, в которых масса является центральным действующим лицом. Так, народному восстанию 12—14 июля художник посвящает 16 листов и несколько раз возвращается к событиям 5—6 октября, показавшим рост активности широких масс. В серии Приёра произведение, наиболее убедительное по трактовке темы, наиболее углубленное по созданному образу, наиболее совершенное по форме, посвящено одному из моментов наивысшего напряжения революционной активности масс — взятию Тюильри. В основе работ Приёра лежит стремление художника шире, глубже показать активность народных масс в революции. На листах Приёра народ наводняет улицы, заливает городские площади, заполняет большие пространства. Приёр показывает могучее наступление многотысячных масс, непреодолимость их мощного натиска.

Исполнены грозного народного гнева листы «Сожжение народом королевских застав», «Штурм Бастилии», «Низвержение народом статуи Людовика XIV», листы «Бойня на Марсовом поле 17 июля 1791 г.», «На площади Людовика XV 12 июня 1789 г.», где изображен момент первого пролития народной крови — расстрел безоружного народа принцем де-Ламбеском. Дышит подлинным народным ликованием произведение Приёра «Праздник Федерации 14 июля 1790 г.». К наиболее яркому выражению этого ликования устремлены все моменты композиционной структуры работы: предельно широкий охват пространства, занятого народной массой, могучее ее движение и единый его ритм. Неподвижная каменная громада арки на первом плане еще больше подчеркивает неудержимое движение торжествующих людей. Лист «Осада Тюильри» — исполненное истинного монументализма произведение, воплощающее в художественный образ героическое действие восставших широких народных масс. Размещенные на плоскости листа отряды осаждающих, путем показа ритмической последовательности их движений приведены в одно целое огромной выразительности. Облака дыма от выстрелов, скрывающие за своей завесой значительную часть дворца, использованы художником, чтобы на их фоне более четко выявить силуэты передовых отрядов наступающих, их развевающиеся в воздухе знамена, чтобы ярче показать стремительную лаву осаждающих, их безудержный натиск. Горизонт, взятый на уровне середины листа, открывает простор широко и высоко расстилающегося неба, что усиливает впечатление огромной значительности совершающегося исторического события.

Это массовое искусство своими сюжетными мотивами, своим композиционным разрешением, всем строем своих образов, словом, — всей своей

художественной структурой глубоко отлично от официального искусства буржуазной революции, представленного Давидом и художниками его круга. Глубокое различие этих двух течений в искусстве эпохи становится особенно ясным при сравнении созданных на одни и те же сюжеты работ представителей обоих течений. Самым ярким примером этого различия может служить сравнение «Клятвы в зале для игры в мяч» Давида с работой на эту же тему Приёра. В работе Давида основой композиционной связи является ритмическое распределение отдельных фигур и фигурных групп в пространстве, симметрическое распределение всей массы депутатов вправо и влево от стоящего в центре Байи. Динамическая выразительность подчеркнута противопоставлением общему движению эффектно скомпанованных статических групп и застывших в крайне патетических позах отдельных лиц на первом плане. Такая композиция не может выразить напряженность революционного события, и автор обращается к преувеличенной патетике поз, жестов, раккурсов, к дополнительным внешним эффектам, какова, например, символическая группа трех сословий на первом плане, превращенная им в почти отвлеченную аллегорию, и видимая в окно молния, ударяющая в королевскую капеллу. Приёр почти совершенно отказывается от какого-либо выделения отдельных группировок, он не прибегает к подчеркнутым позам отдельных персонажей, не вводит никаких дополнительных композиционных моментов. Депутаты заполняют зал сплошной массой. Композиционное единство достигается общностью устремления фигур, параллельностью и одинаковой направленностью протянутых рук, выражающих единство порыва.

Еще более показательно сравнение той же «Клятвы в зале для игры в мяч» Давида с открывающим серию Приёра листом «К оружию!». «Клятва в зале для игры в мяч» — единственное произведение Давида, трактующее массовое революционное действие; «К оружию!» — единственное среди 68 работ Приёра, имеющее своим сюжетом выступление отдельного человека: «К оружию!» трактует момент обращения Камилла Демулена к народу в Палэ-Рояле 12 июля 1789 г. Давид в своей «Клятве» весь устремлен к наиболее полному выражению переживаний отдельных лиц. Художник идет дальше того, что может быть воспринято как индивидуализованные оттенки порыва многих. Момент массового революционного подъема художественно уступает изображению потрясенных чувств отдельного человека. Приёр в своем «К оружию!» не акцентирует фигуру оратора, отодвинутую к самому краю изобразительной плоскости. Сцена композиционно решена Приёром в плане воплощения революционного воодушевления массы, слушающей оратора.

Это искусство совершенно не учитывалось буржуазными историографами при изучении истории искусства эпохи французской буржуазной революции, за ним не признавалось решающего значения во всем ходе развития искусства этой эпохи. Большое художественное значение этого искусства стало вполне ясным только в свете учения марксизма-ленинизма о буржуазной революции. Только понимание того, что «буржуазное — по своему общественно-экономическому содержанию — освободительное движение не является таковым по его движущим силам» [1], что в ходе французской революции народные массы стали ее решающим двигателем, что только мощное народное движение привело ее к победе, — только понимание всего этого делает ясным большое значение этого искусства, неустанно творившего образы революционных масс в их революционном действии.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XI, стр. 153.

Своеобразие искусства французской буржуазной революции, его оригинальность, как явления в истории мирового искусства, заключается в том, что оно в лучших и характернейших своих образцах создавалось в период наивысшего героического подъема революции, в период предельного напряжения активности широких революционных масс и под прямым влиянием плебейского углубления революции. В 1792 г. и в период якобинской диктатуры Давид переживает высший этап своего творчества, он создает свои лучшие произведения за революционное пятилетие. В этот же период создана количественно самая богатая, по своему охвату самая обширная сюита Приёра.

Созданные Давидом работы на непосредственно революционные темы сохраняют лишь отдельные черты нового классицизма, в основе же своей они являются произведениями мощного реализма. «Марат» Давида — созданный рукою великого реалиста героический образ нового человека, поднявшегося на историческую высоту, слившего свои устремления с устремлениями народных масс. Реалистические композиции, созданные Приёром и работавшими рядом с ним многочисленными рисовальщиками и граверами, воплощают в художественные творения героические образы восставших народных масс.

Так искусство французской буржуазной революции, обращаясь к героическим сюжетам античности, одновременно изображало события и героев своей эпохи в произведениях, отмеченных чертами подлинного реализма и неподдельного революционного пафоса.

АРХИТЕКТУРА

В годы революции Франция возводила очень мало новых сооружений. Огромное напряжение внутренней классовой борьбы и непрерывные войны с внешними врагами республики мешали развертыванию строительной деятельности. И тем не менее, буржуазная революция 1789 г. — крупнейшая веха в истории мировой архитектуры. Эта веха обозначает созревание нового стиля, формирования новых архитектурных идей, нового понимания основных вопросов зодчества.

Новое архитектурное движение зародилось задолго до взятия Бастилии, — в те годы, когда только начала сознаваться неизбежность и стали намечаться перспективы близкого крушения абсолютизма. В течение нескольких десятилетий во французской архитектуре складывался новый стиль, выдвигались новые идеи, ревизовались устоявшиеся традиции и каноны. Уже с 50—60-х годов XVIII века начинается новая эпоха в истории западноевропейской архитектуры.

Движение, направленное против традиций аристократического искусства, против «стиля рококо», захватывает все отрасли художественной культуры. Оно выдвигает своих теоретиков — авторов многочисленных трактатов по вопросам архитектуры и изобразительных искусств и своих выдающихся мастеров — живописцев, скульпторов, зодчих. К 70—80-м годам это движение формируется в целую школу, объединяющую под общими лозунгами всех противников старого искусства, всех ревнителей нового классицизма. Именно под знаком классицизма развивается это большое обновляющее движение, провозглашающее в качестве основного, руководящего принципа творчества учение о классическом художественном идеале, ориентировку на античное искусство и его каноны.

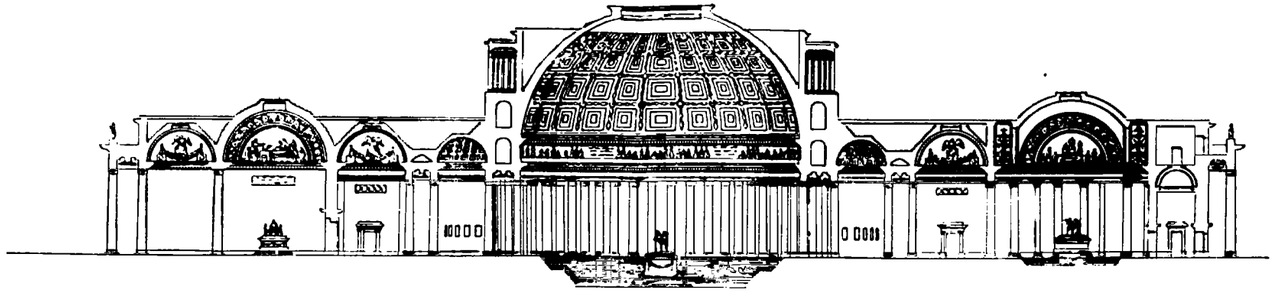
В архитектуре резкой критике с точки зрения нового классицизма подвергались не только формальные приемы барокко и рококо, — наро-

читая усложненность композиции, обилие в ней чисто живописны и декоративных элементов, преувеличенная пышность и «театральность» архитектурных образов, — но и самые принципы архитектурного творчества, традиции стиля. Переход к классицизму был продиктован не одними лишь художественными мотивами и выразился не только в смене одной формальной системы другой; этому переходу в сильнейшей степени способствовали те глубокие изменения, которые происходили во второй половине XVIII века в развитии города и в главнейших типах гражданских сооружений.

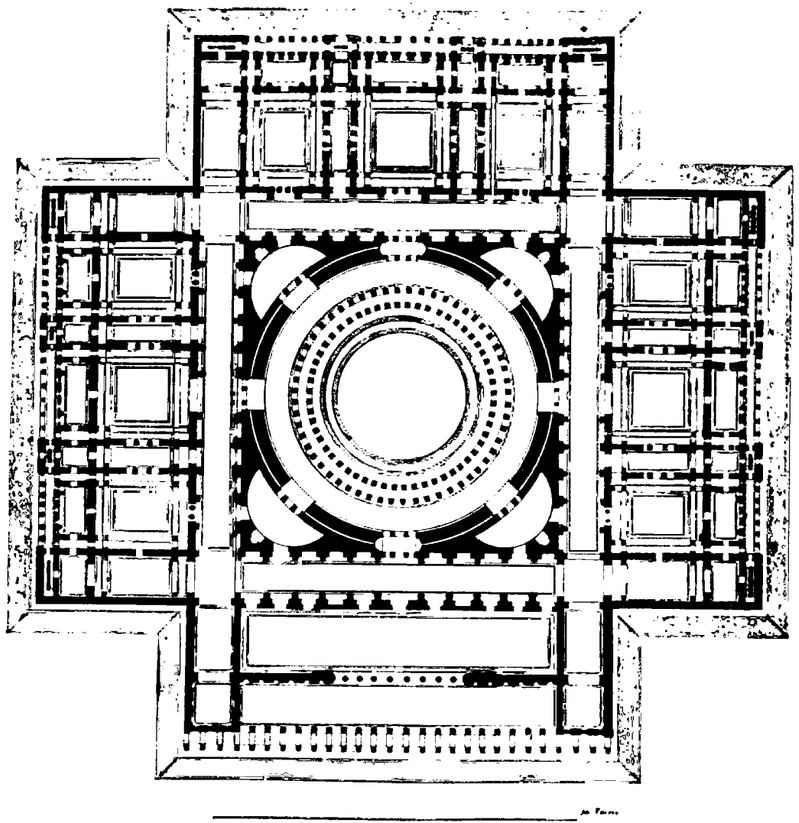
Рост городов и развитие капиталистических отношений в XVIII веке поставили перед архитектурой ряд совершенно новых практических задач. Сделалась неотложной перестройка средневековой уличной сети феодального города, устройство новых кварталов, площадей, новое размещение городских рынков, разработка новых типов жилых, торговых, общественных зданий. Но и вне города, в усадебных и дворцовых сооружениях, служивших основной темой архитектурного творчества в эпоху феодализма, происходили существенные изменения. Богатые поместья с обширными парками, дававшие такой обильный материал для дворцовых ансамблей в XVII и в первой половине XVIII века, начали вытесняться гораздо более скромными загородными виллами. Утрата аристократией господствующего положения в обществе сказалась в изменении характера дворцовых построек. Аристократический дворец постепенно превращается в буржуазный особняк. Все менее значительную роль в дворцовых постройках начинают играть помещения «представительного» характера: залы для приемов и выходов, аванзалы, вестибюли, парадные галлереи, многочисленные комнаты для дворни. Дворцовые здания начинают приспособляться скорее к бытовым потребностям богатой буржуазной семьи, чем к функциям парадного представительства, столь ярко выраженным во всех дворцовых постройках феодальной эпохи.

Более практическое, утилитарное понимание задач архитектуры, стремление к практическому удобству и комфорту в повседневной жизни даже ценою утраты «представительных» элементов здания характерны для французской архитектуры второй половины XVIII века. Переход от аристократического дворца к буржуазному особняку сказывается в выработке нового типа городского здания — «отеля», рассчитанного на одну семью и иногда увеличенного до размеров трехэтажного дома. Французский особняк-отель XVIII века — переходный тип жилого здания: он сохраняет черты небольшого дворца или виллы и в то же время в нем содержатся зачатки будущего многоквартирного городского дома.

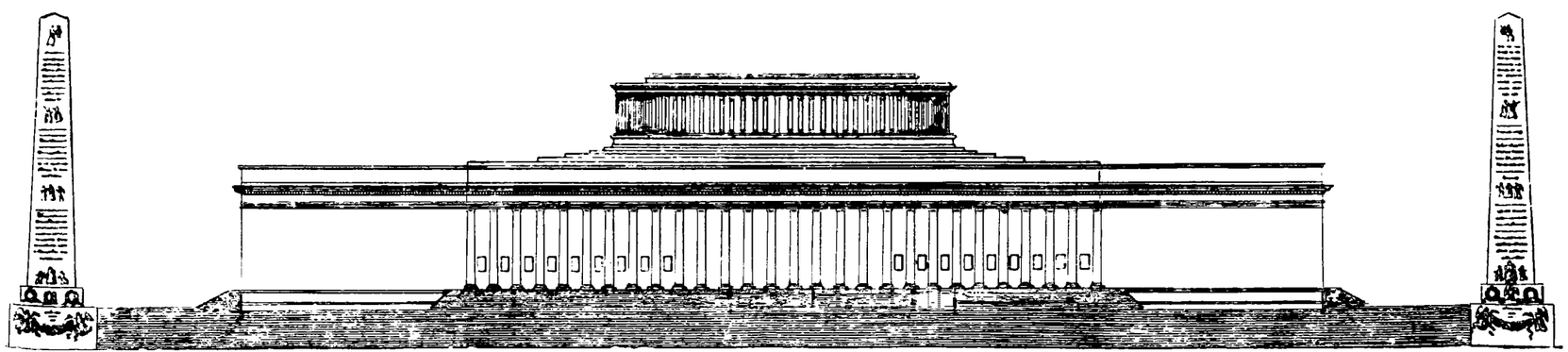
Типы жилых зданий претерпевают существенные изменения: значительно упрощается самый объем здания, — исчезают флигеля, крылья, павильоны, в интерьере начинают преобладать более или менее однотипные помещения — прямоугольные комнаты; архитектура отходит от сложных форм дворцового комплекса и все больше тяготеет к простейшим построениям и типам. Не менее глубокие изменения претерпевают и общественные здания. Во второй половине XVIII века во Франции создается ряд крупных театральных зданий (в Париже, Бордо, Безансоне, Нанте), порывающих с прежним типом придворного театра и рассчитанных на обслуживание широкого круга зрителей. В разных городах появляются деловые и торговые здания — биржи, крытые рынки, торговые пассажи. Значительные изменения происходят и в архитектуре культовых зданий, наиболее консервативных по своим архитектурным традициям. Канонический тип купольного храма, сложившийся в эпоху позднего ренессанса и барокко, резко видоизменяется: церковные здания



Разрез



План



Фасад

ИЗ КОНКУРСНЫХ ПРОЕКТОВ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ. ПРОЕКТ ЗДАНИЯ «ОБЪЕДИНЕННЫХ АКАДЕМИЙ».

Архитектор Персье

получают классические портики, колоннады, новую трактовку интерьера, и эти новые элементы придают церковному сооружению ряд «светских» черт.

Накануне революции эстетические идеи классицизма сочетаются таким образом в архитектуре с новыми практическими задачами — разработкой типов зданий и городских ансамблей, отвечающих новым требованиям городской жизни, новым условиям буржуазного быта. Предреволюционный классицизм XVIII века является как бы компромиссом между этими двумя началами. «Идеальная красота» античного искусства нередко вступает в противоречие с утилитарными требованиями буржуазного обихода. Классицизм второй половины XVIII века несет в себе явственные следы этого противоречия, столь характерного для всей художественной культуры периода буржуазной революции.

Клод Леду

Накануне революции руководящие принципы и основные приемы нового архитектурного движения сложились достаточно четко. Учение об античном идеале и разработка новых канонов классической красоты были лишь одной стороной этого движения. Другой, не менее важной его особенностью является стремление к своеобразному символизму, воплощаемому подчас в самых неожиданных, почти фантастических построениях. Здесь мы сталкиваемся с совершенно особым течением внутри классицизма, — течением, которое приобретает особенно большое влияние в собственно революционный период. Наиболее ярким представителем этого течения является Клод-Никола Леду (1736—1806), один из оригинальнейших и одареннейших мастеров французской архитектуры конца XVIII века. Исходя в основном из идей классицизма, Леду проявляет, однако, глубоко самостоятельное понимание задач и методов архитектурного творчества. Он не удовлетворен учением об «идеальной красоте», скрытой в античном искусстве. Ему представляется также совершенно недостаточным рационалистическое истолкование классики. Он требует от произведения архитектуры не только внутренней «разумности», но и силы воздействия на чувство. Он ставит перед архитектурой задачи общественно-воспитательного морального порядка. «Я выполнил бы свой долг меньше, чем наполовину, — читаем мы в трактате Леду, — если бы архитектура, которая правит всеми искусствами, не правила бы также всеми добродетелями...»

Для того чтобы осуществить эту высокую общественно-моральную миссию, архитектура должна быть ярко выразительной, или, как формулирует сам мастер, она должна быть «говорящей». Языком этой «говорящей архитектуры» призвана, по мнению Леду, служить символическая форма. Именно символика, облеченная в простейшие, элементарные архитектурные формы, может заставить говорить немой камень построек. С присущей ему категоричностью Леду провозглашает универсальную обязательность этого принципа символической формы: «Если художники, — пишет он, — хотят следовать символической системе..., то в их произведениях не должно быть ни одного камня, который не говорил бы глазам прохожих».

С особой силой Леду подчеркивает требования естественности и простоты как высших критериев прекрасного. Воплощение этих начал Леду ищет в предельном упрощении архитектурной формы. Он призывает архитектора вернуться к формам, «создаваемым простым движением циркуля», к планам, «основанным на строгой экономии». Это обращение к элементарной архитектурной форме мотивируется, однако, не только требованием простоты в противовес нарочитой усложненности и изощренности архитектурных построений барокко и рококо, но и той же своеобразно трактуемой символикой. Простейшие геометрические формы, — куб, ци-

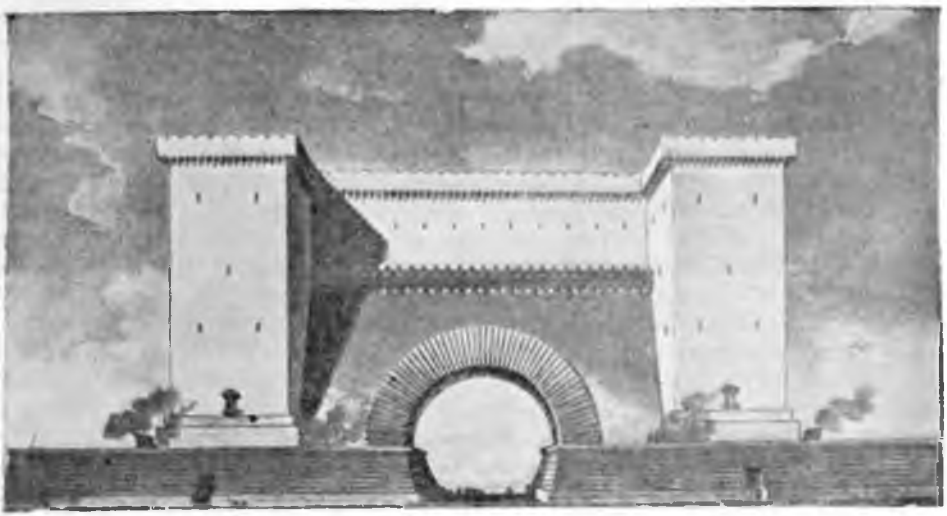
липдр, пирамиду, шар, — Леду рассматривает как символы определенных общих понятий; так, комментируя выбор кубической формы для своего проекта Дома Добродетели, Леду объясняет этот выбор тем, что «куб — это символ постоянства».

Запроектированный и частично осуществленный Леду в 70-х годах поселок Шо при соляных рудниках в провинции Франш-Конте представляет собой своеобразную попытку осуществить схему «идеального города». Радиальные улицы ведут к обширной центральной площади; в разных точках ансамбля расставлены по строгому плану монументальные сооружения общественного назначения. Каждое из этих общественных зданий должно выражать какую-то отвлеченную идею, связанную со столь же отвлеченной схемой идеального общежития: таковы здания Дома Добродетели, Дома Воспитания, Дома Братства.

Архитектурная абстракция, условный и искусственный язык символа сочетается в работах Леду с классическими мотивами, самостоятельно им трактуемыми. Предельно резко подчеркивает он объем здания, охотно применяет глухие обнаженные плоскости, компанует здание из крупных, четко очерченных объемных элементов, вводит в архитектуру такие необычные формы, как усеченная пирамида, не останавливается перед тем, чтобы разбить ствол дорической колонны на перемежающиеся квадратные и цилиндрические отрезки и т. д. Все эти приемы, характерные для Леду, а также для ряда мастеров, близких к нему по характеру творчества, как Булле, Дюбю и др., оказывают сильнейшее влияние на архитектуру, складывающуюся в годы революции и получающую свое дальнейшее развитие уже в эпоху империи в формах так называемого стиля ампир. Вместе с тем, творчество Леду с большой остротой ставит ряд совершенно новых принципиальных вопросов — об эмоциональной выразительности архитектурной формы, о новом типе городского ансамбля, о воспитательном значении архитектуры.

Леду практически никак не проявил себя в годы революции. Его последней крупной работой было возведение накануне революции таможенных застав вокруг Парижа, — сооружений, частью разрушенных вскоре после 14 июля 1789 г. Трагедией личной судьбы Леду является тот факт, что мастер, выдвигавший смелые и революционные идеи, практически был связан с учреждениями «старого режима» и работал по заказам Управления внутритаможенных сборов. Таможенные заставы, задуманные Леду как монументальные пропилеи — подступы к Парижу, оказались ненужными после отмены института, их породившего: в 1791 г. Национальное собрание декретировало отмену октруа и снос застав. Эта последняя мера, однако, не была приведена в исполнение. В 1793 г. здания застав были переданы для размещения национальной гвардии, а 1 июля 1794 г. (13 мессидора II года) Комитет общественного спасения принял следующее постановление, в котором по-новому оценил постройки Леду: «Национальные сооружения, обычно обозначаемые под именем парижских застав, являются общественными памятниками. Различные эпохи, революции и победы, одержанные армиями республики над тиранами, будут запечатлены на этих монументах бронзовыми надписями. Комитет общественного спасения предписывает принять все меры для выполнения настоящего декрета, пригласив художников и литераторов соревноваться в составлении проектов этих украшений и надписей».

Леду внес существенный корректив в доктрину последовательного классицизма. Впрочем, и в работах официальных представителей этого последнего накануне и в первые годы революции звучит ряд совершенно новых мотивов, непосредственно связанных с глубоким потрясением основ фео-



ГОРОДСКИЕ ВОРОТА
Проект Буйе

дальной культуры и рождением нового общественного порядка. В проектах Французской академии, удостоенных высшей награды («Римская премия»), имеется, на ряду с каноническими вариантами школьной классики, целый ряд смелых, подчас утопических построений, отражающих те характерные черты архитектурного мышления, о которых говорилось выше. Образы античности получают в этих проектах неумеренно укрупненные масштабы, и эта своеобразная «мегаломания», стремление к преувеличенно большим формам, гигантским масштабам, сочетается с целым рядом новых, чисто утилитарных тем архитектурного творчества. В академических заданиях фигурируют уже не только такие объекты, как «дворец монарха», «увеселительный дом» или «кафедральный собор», но и здание биржи, ансамбль рыночной площади, торговый склад. Авторы премированных академических проектов, разрабатывая эти новые, куда более «прозаические» темы, ничуть, однако, не поступаются своими пристрастиями к монументальной форме, к грандиозным ансамблям. Несоответствие подчеркнуто монументальной формы и нарочитой грандиозности масштабов, с одной стороны, и, с другой, — строго практических, утилитарных задач, которые выдвигал перед архитектурой рост города, освобождавшегося от пут феодального хозяйства,— это несоответствие остается одной из самых характерных черт всего архитектурного творчества рассматриваемой эпохи.

План городского строительства

Непосредственная строительная деятельность в собственно революционные годы, как уже выше сказано, была крайне сужена всей обстановкой борьбы республики против ее внешних и внутренних врагов. Тем не менее, 1789—1794 гг. отмечены рядом принципиально важных мероприятий в области архитектуры. Наиболее значительные из этих мероприятий относятся к периоду якобинской диктатуры, в частности — к кругу деятельности Комитета общественного спасения и «Комиссии художников», образованной Конвентом. Эта практическая архитектурная деятельность имеет два ясно выраженных направления: прежде всего, разрабатывается и частично осуществляется ряд мероприятий градоустроительного характера, ярко отражающих новое понимание проблемы города, его планировки, его архитектурного ансамбля; во-вторых, республика стремится запечатлеть

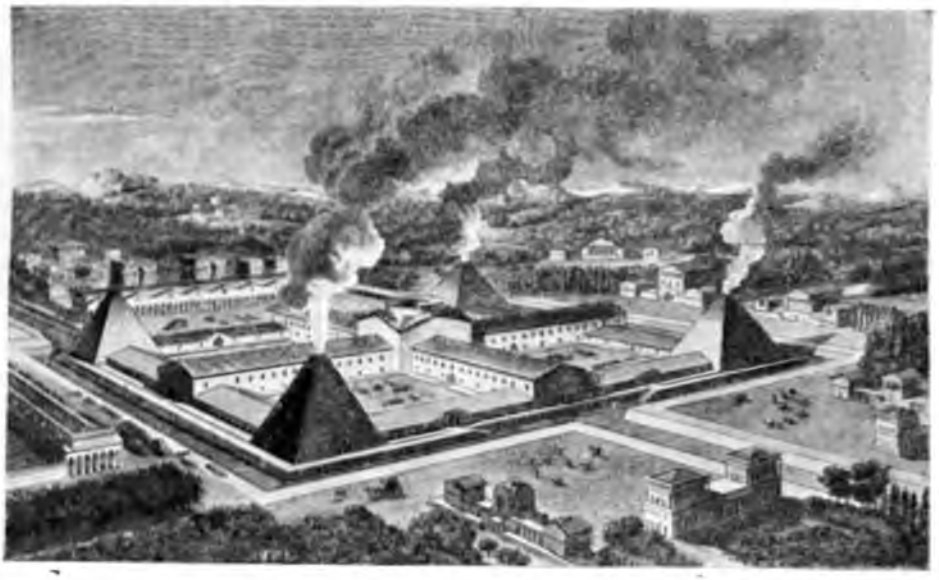
отдельные события и идеи в мемориальных сооружениях, призванных быть средством пропаганды, символизировать руководящие принципы нового общественного порядка и увековечивать его победы.

Идея городского плана, столь усердно и столь отвлеченно разрабатывавшаяся теоретиками XVII и XVIII веков, должна превратиться в реальность: так полагали деятели Комитета общественного спасения, архитекторы и художники, привлеченные Комитетом к работе по украшению Парижа. Они хотят рассматривать город как объект разумного архитектурного воздействия. Они не удовлетворяются уже созданием отдельных изолированных ансамблей, вкрапленных в хаотическую массу городских строений. Эти отдельные, «островные» ансамбли были характерны для города времен абсолютизма,—революция выдвигает требование архитектурного плана для всего города. 26 октября 1792 г. в речи, произнесенной в Конвенте, Луи Давид, говоря о восстановлении городов Лилля и Тионвиля, пострадавших во время наступления герцога Брауншвейгского и успешно отразивших атаки его войск, предлагает разработать для этих городов генеральные планы. «Позвольте обратить ваше внимание, — говорит Давид, —на то обстоятельство, что именно пожару Лондон обязан шириной, красотой и правильностью большей части своих улиц, а также удобством своих тротуаров. Не будет ли поэтому уместным и полезным заказать составление генерального плана Лилля, а также Тионвиля, прежде чем заняться восстановлением разрушенных зданий или реставрацией поврежденных. В этих генеральных планах можно наметить наиболее подходящие места на общественных площадях для возведения в этих двух городах предлагаемых мною гранитных памятников».

«Комиссия художников» при Комитете общественного спасения приступила к разработке общего плана переустройства Парижа. Непосредственная задача, поставленная перед Комиссией, — планировка и включение в комплекс города новых земельных участков, национализованных революцией, — послужила отправной точкой для гораздо более широких и разносторонних проектов. Комиссия занималась изысканием средств для упорядочения городского транспорта, расширения улиц, увеличения мест, отводимых под торговлю. Многочисленные предложения Комиссии художников были объединены в едином плане, при составлении которого был использован законченный незадолго до того замечательный труд Вернике по топографии Парижа. Предложения Комиссии были широко использованы в наполеоновский период, когда был осуществлен целый ряд строительных работ, намеченных в проектах Комиссии. Сюда относится пробивка улицы Риволи в центре столицы, проведение авеню Обсерватории, прокладка прямой улицы к Пантеону, устройство площади перед церковью Сен-Сюльпис, упорядочение набережных д'Орсей, Тюильри и Монтебель, постройка новых мостов через Сену.

В проектах, выдвинутых «Комиссией художников», отчетливо выступают новые архитектурно-планировочные идеи. План «Комиссии художников» был рассчитан на широкую «модернизацию» Парижа, являющегося уже не столицей централизованной феодальной монархии, а крупнейшим промышленным и торговым центром капиталистического государства. План этот, включавший около 110 отдельных проектов новых сооружений и ансамблей, намечал широкую перестройку всей центральной части города; именно этими предложениями воспользовался через три четверти века в своей планировке Парижа Осман, исходивший в положительной части своей работы из предложений и идей «Комиссии художников» Конвента.

Одним из наиболее значительных законодательных актов революции, относящихся к планировке и архитектурному переустройству Парижа,



МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД
Проект Леду

является постановление Комитета общественного спасения от 14 мая 1793 г. (25 флореаля II года). Это постановление объединяет собственно планировочные мероприятия с проектами мемориального порядка, о которых говорилось выше.

Постановление от 14 мая прежде всего санкционирует проект перепланировки участка, прилегающего к Национальному дворцу (т. е. Тюильри), и создания здесь монументального правительственного центра всей столицы. В числе многих деталей этой перепланировки мы находим предложение — соорудить со стороны площади Карусели круглый стилобат, на котором должны быть помещены скульптуры, изображающие «республиканские добродетели», установленные на одном общем пьедестале, «символе единства республики». На стилобате должны быть начертаны бронзовыми позолоченными буквами Декларация прав и Конституция. Далее следуют указания об установке статуй, изображающих Свободу, Правосудие, Общественное благо и т. д. Часть Тюильрийского сада предназначается под гимнастическую палестру на античный образец, а открытый портик, сооружаемый вдоль палестры, украшается картинами, «способными развить и направить благородные чувства юношества».

Дальнейшие статьи постановления от 25 флореаля дают подробные указания о перепланировке «террасы Фельянов», об устройстве бассейнов и фонтанов, о сооружении входов в Национальный парк, об установке статуй и скульптурных групп. Монумент Людовика XV, воздвигнутый в 1754 г. на площади его имени, переименованной в площадь Революции, заменяется статуей Свободы с использованием старого пьедестала.

Заключительные статьи постановления возлагают на «представителей народа — Давида, Гранэ и Фуркруа—обязанность наблюдать за осуществлением настоящего решения, преодолевать все препятствия, которые могут встретиться при его исполнении и представить Комитету наиболее подходящие способы ускорения производства работ» (ст. 27).

Непосредственное выполнение планировочных и архитектурных работ поручается архитектору Юберу с привлечением Моро, Бернара и Ланнуа, а на Комиссию общественных работ возлагается обязанность предоставить необходимые материалы и людскую силу.

Конкурсы на украшение столицы

Непосредственным развитием постановления от 25 флореаля явилась серия декретов II года о проведении больших конкурсов, связанных с украшением столицы монументальными архитектурными и скульптурными произведениями. Эта серия декретов была принята Конвентом по предложению Барера, который руководствовался материалами, подготовленными Давидом и Фуркруа. Сооружения, предусмотренные декретами II года, носят ярко выраженный пропагандистско-коммеморативный характер. Подчеркнутая символика сочетается с мотивами и формами, заимствованными из античности. Среди конкурсов, объявленных декретами флореаля II года, одно из центральных мест занимает конкурс на изготовление в бронзе и мраморе памятников, изображающих наиболее значительные моменты революции. К числу этих памятников относятся: фигура «Возрожденной природы» (предназначалась для установки на месте Бастилии), Триумфальная арка в память 6 октября 1789 г., предназначавшаяся для бульвара Итальянцев, далее — фигура «Французского народа, уничтожающего федерализм» (для эспланады Инвалидов), колонна в честь солдат, умерших за родину (для установки перед Пантеоном), монумент гражданам, умершим за родину (для площади Побед). Наконец, был объявлен конкурс на создание бронзовой статуи Руссо для установки ее на Елисейских полях. Следует заметить, что еще до декретов флореаля II года, по предложению Давида, было решено воздвигнуть колоссальную фигуру, изображающую «Французский народ, уничтожающий фанатизм, роялизм и федерализм» (декрет 17 ноября 1792 г. — 27 брюмера I года). По всем этим конкурсам были представлены и отобраны проекты; так, проект статуи «Возрожденной природы» был представлен скульптором Карпелье, «Народ, уничтожающий федерализм» — скульптором Мишалоном, премированный проект колонны перед Пантеоном принадлежал знаменитым впоследствии архитекторам Персье и Фонтэну. Ни один из премированных проектов не был, однако, осуществлен: термидор отбросил в сторону все художественные замыслы якобинского периода.

Точно так же не была осуществлена декретированная 17 ноября 1793 г. (27 брюмера II года) по докладу Давида установка памятника «Славы французского народа». В докладе Давида, представленном Конвенту, дается описание запроектированного монумента. «Вы одобрили идею, — писал Давид, — сделать пьедестал памятника из нагроможденных обломков фигур двойной тирании — королей и священников... Ваш Комитет полагает, что в проектируемом памятнике все — и содержание и форма — должно воплощать самым осязательным образом великие воспоминания о нашей революции и о победе французского народа над деспотизмом и его неразлучным спутником — суеверием. Комитет полагает, что народ, попирающий ногами обломки тирании, должен быть представлен в виде колоссальной статуи из бронзы, носящей различные надписи и эмблемы, предназначенные для напоминания о великих принципах, нами воспринятых». Текст принятого декрета дает в лаконичных формулировках описание будущего монумента. Приводим несколько статей этого любопытнейшего документа.

«Статья I. Народ восторжествовал над тиранией и суеверием. Памятник посвящается воспоминанию об этом.

Статья II. Этот памятник будет колоссальным.

Статья III. Народ будет представлен в виде стоящей фигуры.

Статья IV. Победа на фронте даст бронзу.

Статья V. Статуя должна держать в одной руке фигуры Свободы и Равенства. Она будет опираться другой на палицу. На лбу статуи будет написано: Просвещение; на груди: Природа, Истина; на руках: Сила; на кистях рук: Труд.

Статья VI. Статуя будет иметь 15 метров, т. е. 46 футов, высоты.

Статья VII. Она будет воздвигнута на пьедестале из нагроможденных обломков, олицетворяющих тиранию и суеверие...»

В остальных статьях декрета излагаются условия конкурса и порядок работы жюри.

Сооружения эти, задуманные и отчасти запроектированные в период якобинской диктатуры иногда в формах, носящих резко подчеркнутый и, как мы видим, грубо аллегорический характер, остались в подавляющем большинстве только в проектах. То же самое следует сказать и о больших мероприятиях градостроительного характера, разработанных Комиссией художников и Комитетом общественного спасения.

И тем не менее мы должны рассматривать проекты этих последних не только как документы, характеризующие направление архитектурной и художественной мысли, но и как совершенно реальные факты архитектурной и художественной практики. Достойной внимания особенностью судьбы архитектурных замыслов якобинского периода является тот факт, что значительная часть проектов, оставшихся на бумаге в период их создания, была в том или другом виде реализована впоследствии. Особенно ярко это сказывается в отношении планировочных и архитектурных проектов, касающихся переустройства центральной части Парижа. Прокладка новых улиц, — Риволи, авеню Обсерватории и др., — устройство новых мостов, установка триумфальных арок, — все эти существенные элементы плана 25 флореаля II года были в разной форме в разные сроки реализованы. Замечательный ансамбль нынешней площади Согласия, запроектированный и в основном осуществленный Габриэлем еще в 50-х годах XVIII века, получил вместе с прилегающим центральным районом Парижа свое окончательное архитектурно-планировочное выражение именно в проекте 25 флореаля. Наполеоновский период и позднейшие десятилетия, — вплоть до больших перепланировочных работ префекта департамента Сены при Наполеоне III—Османа в 60-х годах XIX века, — лишь завершили и по частям осуществили то, что было задумано и четко намечено в плане II года. В частности, одним из составных элементов этого плана было сооружение на месте старой церкви св. Магдалины «храма революции». Это здание играет большую роль в ансамбле парижского центра: оно замыкает собою перспективу улицы Руаяль, являющейся основной осью всего ансамбля. Прямая перспектива, открывающаяся по этой оси с площади Согласия, связывает самую площадь с прилегающим кварталом и закрепляет основные опорные точки всего обширного архитектурного ансамбля. Сооружение «храма революции» не было осуществлено в годы революции. Но этой идеей воспользовался Наполеон. На месте старой церкви был сооружен «храм славы» (которому впоследствии было возвращено старое имя церкви), ничуть не напоминающий традиционных церковных зданий, а представляющий собою вариант римского храма. Классический архитектурный мотив органически вписался в ансамбль центральной площади, созданной Габриэлем, причем самый этот ансамбль оказался расширенным за свои прежние пределы и охватил в единой композиции обширную территорию центральной части Парижа.

Ансамбль парижского центра дает яркое представление о тех новых идеях и приемах, которые внесены были архитектурой революционного

периода в прежнее понимание города и городского ансамбля. В этой новой трактовке архитектурного ансамбля сохраняется ряд элементов, выработанных в предшествующем столетии, создавшем Версаль и другие классические образцы «регулярных» дворцово-парковых комплексов; не меньшее значение имеют и блестящие построения Габриэля и родственных ему мастеров середины XVIII столетия. Однако с этими старыми чертами сочетается то новое, что нес с собою план «Комиссии художников» и что оказало такое большое влияние на архитектурную и градостроительную практику последующего периода. Это новое было продиктовано, прежде всего, стремлением разорвать замкнутость и ограниченность архитектурных ансамблей феодальной эпохи, включить в единый ансамбль самые различные элементы городского организма.

Улица приобретает характер прямой оси, открывающей перспективы на определенные архитектурные точки. Эти архитектурные точки — «ориентиры» — позволяют связать друг с другом не только непосредственно примыкающие одно к другому сооружения, но и сравнительно отдаленные части городского комплекса. Так, площадь Согласия связана при помощи «ориентира» — церкви св. Магдалины — со всей перспективой улицы Руаяль и прилегающим кварталом; так, с противоположной стороны таким же ориентиром является портик Палэ-де-Бурбон, осуществленный уже во время империи, а пересечение площади двумя осями под прямым углом создает композиционное равновесие всего ансамбля, включающего в себя обширную территорию городского центра.

Стремление архитектурной мысли периода буржуазной революции к большим ансамблевым системам, охватывающим не только отдельную часть города, но целый город, натолкнулось на непреодолимые препятствия. Как ни старались архитекторы и планировщики придать своим проектам универсальный, всеобъемлющий характер, как ни мечтали теоретики о «городе-ансамбле», — дело ограничивалось лишь единичными «островами», изолированными среди хаоса строений капиталистического города. Преодолев замкнутость и изолированность ансамблей эпохи абсолютизма, новая архитектура не могла противостоять натиску центробежных сил. Капиталистический город не повиновался ни стройной, «разумной» системе архитектурных планировок, ни плану вообще.

На такие же и не менее глубокие противоречия натолкнулось и дальнейшее развитие всей школы архитектурного классицизма. Неся с собой героические мотивы, монументальные формы, — классицизм имел своей обратной стороной окостенение классических традиций, их перерождение в неподвижные академические каноны. Классические мотивы и темы служили в период буржуазной революции для выражения отвлеченных идей, для создания «художественных форм-иллюзий». Ориентация на античность в соединении с символическими мотивами лишала архитектуру жизненной конкретности, наполняла ее абстрактными темами и образами, каноническими приемами. Классицизм периода буржуазной революции, при всей неподдельности его внутреннего пафоса, был все же в значительной степени переодеванием в чужие одежды. С особенной отчетливостью это сказалось уже в послереволюционный период, — в период так называемого «стиля империи» («ампир»), в котором на первый план выступила внешняя, формальная сторона «классического идеала» и был сделан первый шаг к упадочному архитектурному академизму. К этому же периоду относится и дальнейшее углубление противоречий между архитектурой и техникой, наметившееся вместе с промышленным переворотом. Взаимное отчуждение архитектора и инженера-строителя,

раздвоение архитектуры на «искусство» и «строительное дело» становятся характернейшей, определяющей чертой всего развития архитектуры в эпоху капитализма.

Эти противоречивые черты в природе и в развитии классицизма объясняют, почему последняя большая стилевая система в истории архитектуры классового общества быстро утрачивает цельность и органичность и перерождается в безжизненную псевдоклассику и в академическую эклектику. Именно такой оказалась судьба классицизма к тому времени, когда утвердился новый общественный строй и отошла в прошлое героика античных образов, вызванная к жизни искусством Великой буржуазной революции и «героического периода» французской буржуазии.

ТЕАТР

1789—1794 годы в истории французского театра прошли под знаком отражения в его творческой практике многообразных проблем революционной действительности. Театр являлся как бы зеркалом политических событий и, вместе с тем, он был одним из участков напряженной классовой борьбы. На отдельных этапах революции, прежде всего в период якобинской диктатуры (1793—1794 гг.) театр становился мощным идейным оружием революционной демократии, не только широко использовавшей его в своих идейно-политических интересах, но и выдвигавшей перед ним свои особые художественные задачи. С другой стороны, этот период и следующее за ним пятилетие были временем окончательного становления буржуазной театральной системы, создания основных предпосылок дальнейшего развития театра в условиях буржуазного строя, временем выявления в театральном творчестве тех художественных тенденций, которые будут отличать театрально-художественную жизнь едва ли не в течение всего XIX столетия.

Раскрепощение и демократизация театра

Революция разрешила в значительной степени те противоречия, в которых билась театральная жизнь Франции к исходу XVIII века и которые являлись порождением создавшейся социально-экономической, политической и идейной обстановки. Это относится, прежде всего, к вопросу об организационном положении театра. Закон о «свободе театра», принятый 13 января 1791 г. Учредительным собранием по докладу Ле-Шапелье, открыл широкую дорогу всестороннему выявлению тех тенденций, которые накопились в театре в предшествующее столетие его развития. Этот закон уничтожил монополию придворных театральных установлений, раскрепостил буржуазное театральное предпринимательство, развязал руки драматургам, связанным до тех пор режимом репертуарных привилегий королевской Оперы и Французской комедии, и, наконец, освободил от ряда стеснений малые театры, обслуживавшие массового демократического зрителя. Уничтожение королевской цензуры и театральной полиции, предоставление униженным до революции актерам всей полноты гражданских прав, официальное признание в художественной политике принципа буржуазной конкуренции — все это создало обстановку, при которой театральная жизнь Парижа и других крупнейших центров забила, в полном смысле слова, ключом.

История театра — одна из интереснейших страниц культурной истории французской революции. Прежде всего, нас поражает интенсивный рост театральных предприятий. Вместо четырех-пяти национальных театров королевской Франции в Париже в годы революции действуют одновременно от двадцати до тридцати театров и театриков. Поражает также репертуарное изобилие, так как на парижских сценах за

1789—1799 гг. было поставлено до трех тысяч пьес.[1] Поражает, наконец, самая напряженность пульса театральной жизни этой эпохи, отмеченной рядом интереснейших и в высшей степени показательных для своих дней событий.

История революционного репертуара французской сцены 1789—1799 гг. начинается с постановки во Французской комедии (Французский театр, позднее переименованный в Театр нации) трагедии М.-Ж. Шенье «Карл IX, или Школа королей». Трагедия была написана в 1788 г. и задержана королевской цензурой. «Собственные акции короля», как именовала себя труппа Французской комедии, построенная по цеховому принципу и руководимая небольшой группой акционеров так называемых сосьетеров, представлявших своеобразную актерскую аристократию, в течение ряда месяцев (уже после созыва Генеральных штатов и превращения их в Национальное собрание) саботировала из верноподданнических чувств постановку этой пьесы. Этот саботаж объясняется самим характером произведения Шенье. С помощью зрителей и широкой либерально-буржуазной общественности, поддержавшей небольшую группу передовых актеров во главе с Тальма, саботаж сосьетеров был сломлен. Премьера «Карла IX» превратилась в событие большой общественно-политической важности, его спектакли сделались предлогом для демонстраций политических настроений массы зрителей, а в труппе они вызвали раскол, закончившийся уходом Тальма и его группы («Красная эскадра») из Французской комедии в театр на улице Ришелье, впоследствии получивший наименование Театра революции.

С этого момента Французская комедия становится очагом контрреволюционной агитации. Она продолжает саботировать революционный репертуар, демонстративно ставит на своей сцене пьесы, проникнутые роялистским и антиреспубликанским духом, собирает в своем зрительном зале контрреволюционно настроенную публику. В 1793 г., накануне суда над Людовиком XVI, здесь идет пьеса Лайа «Друг законов», высмеивающая якобинцев и революционную демократию. Постановка этой пьесы вызвала бурю возмущения в самых широких кругах революционной общественности, в зрительном зале на спектаклях происходили демонстрации и контрдемонстрации, кончавшиеся драками и скандалами, едва не вызвавшими применения вооруженной силы. Вскоре после того на этой же сцене шла комедия Франсуа-де-Нёфшато «Памела», в которой зритель улавливал ряд контрреволюционных намеков. Комитет общественного спасения постановил ликвидировать Театр нации (бывший театр Французской комедии) и заключить в тюрьму его труппу. Девятое термидора вернуло заключенных артистов к их деятельности, и через короткий срок они были включены в состав Театра республики.

Социально-политическая направленность репертуара

Революционная драматургия, не допускавшаяся на сцену Французской комедии, с восторгом встречалась на сценах других театров, отражая живую революционную действительность, борьбу классов и партий революции и ее отдельные моменты.

Основным и характерным для революционного репертуара 1789—1794 гг. является его решительный и полный поворот к социально-политической проблематике. Элемент политической злободневности присутствует в каждой пьесе эпохи. Возникают новые драматургические жанры например, политический фарс, ставящий перед собою задачи политического воспитания широких революционных масс демократии. Наиболее ярким

[1] Наиболее полная коллекция этих пьес в СССР хранится в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского.

образцом такого фарса является «Страшный суд над королями» Сильвэна Марешаля. В связи с этим же следует отметить огромный рост водевильной драматургии, целиком переходящей на политическую тематику. В высокой трагедии намечается та же политизация материала. Классическая традиция трагической драматургии испытывает значительное обновление. Трагедия находит для себя новый пафос в буржуазно-революционном классицизме, обращающемся к республиканской героике античного мира для того, чтобы еще более возвысить идею буржуазной республики.

Крупнейшим драматургом и после появления «Карла IX» продолжает оставаться М.-Ж. Шенье. Его «Кай Гракх» служит образцом антично-республиканской трагедии. Ряд других трагических авторов, следуя по стопам «Карла IX», обращается и к античному и к национальному материалу, ища в прошлом высокие образцы республиканского патриотизма и революционной добродетели. Таковы: «Процесс Сократа» Колло-д'Эрбуа, «Битва при Фермопилах» Лоэзиля-Грегата, «Цинциннат» Орно, «Тиберий», «Жан Калас» и «Фенелон» М.-Ж. Шенье, «Смерть Колиньи» Арно-Бакюлора и другие.

L'AMI DE LA REVOLUTION.

PREMIERE PHILIPPIQUE

Aux représentans de la nation, aux gardes nationales et à tous les Francais.

CITOYENS,

LA patrie eſt en danger. Philippe eſt dans vos murs. Le péril presse; il menace vos têtes, celles de vos femmes & de vos enfans. L'empire eſt ébranlé dans ses fondemens. Ecoutez en ſilence. . . . . Ne sentez-vous pas déja les premières secousses que lui donnent les ennemis secrets qui minent sourdement les remparts de la conſtitution? Soyez sur vos gardes; n'abandonnez pas cette forteresse que vous avez élevée contre les ravages du despotisme, & du haut de laquelle vous avez donné à toutes les nations de l'Europe, le ſignal de la liberté.

A

«ДРУГ РЕВОЛЮЦИИ» («ФИЛИППИКИ»). ОРГАН СИЛЬВЭНА МАРЕШАЛЯ ЗА 1790 Г.

Б-ка Ин-та Маркса—Энгельса—Ленина

На ряду с классической традицией в революционную эпоху находит свое дальнейшее развитие традиция «чувствительной» буржуазной драматургии. Ее влияние ощущается даже на произведениях, написанных в строгих правилах классической поэтики, в частности на комедиях «Филент» Фабр-д'Эглантина и «Старый холостяк» Колен-д'Арльвиля. Буржуазная «чувствительность» создает в период революции особый жанр мелодрамы, наиболее крупным представителем которой является Г. де-Пиксерекур, а его непосредственными предшественниками — Монвель, автор антиклерикальной пьесы «Монастырские жертвы», Габио, автор драмы «Ауто да фе, или Трибунал инквизиции», Ламартельер, с его переделкой шиллеровских «Разбойников».

Идеи тираноборчества, борьба с фанатизмом и предрассудками, патриотическая героика и республиканско-буржуазная добродетель являются основными направляющими тенденциями революционного репертуара. Если в «высоких» жанрах эти тенденции находят философски абстрагиро-

ванное выражение, то в жанрах «низких» они выливаются в бытовых, то сатирических, то шумливых, то «чувствительных» сценах, черпающих материал из событий текущей действительности. Политический фарс, водевиль, одноактная пьеска быстро откликаются на все события политического дня и четко формулируют их основной социально-политический смысл. Особенно значителен удельный вес этой драматургии в период якобинской диктатуры, принимавшей все меры к тому, чтобы поднять художественный уровень репертуара.

Сатирический водевиль представлен огромным количеством произведений, в том числе «Знатным выздоравливающим» Фабр-д'Эглантина, уже упомянутым «Страшным судом над королями» Сильвэна Марешаля, «Долой камилавку» Руссо и бесконечным рядом пьесок, в которых мы находим отклики на самые различные события, вплоть до введения в обиход республиканского обращения на «ты» и реформы календаря.

Патриотический водевиль и примыкающие к нему малые драматические жанры концентрируют свое внимание преимущественно на военных событиях. Таковы, например, пьесы Ж. Раффара «Добровольцы в походе», Лаваля «Выступление сельских добровольцев на границу», Тиссо «Республиканские селитрщики» и т. д. В 1792—1794 гг., да и в последующие годы, тематика революционной войны находит самое широкое место в драматургии, буквально следующей по стопам республиканских армий и отмечающей каждый их успех, каждое выигранное сражение, каждый героический эпизод. К числу подобных пьес следует отнести хотя бы «Осаду Лилля» Жуаньи, «Апофеоз Борепера» Лезюра, «Вандейские разбойники» Булло, «Взятие Тулона» Пикара (на эту тему был написан ряд пьес), «Высадку в Англии» Митье, «Демонвиль, или Победа над вандейцами» Прива.

Санкюлотская драматургия дала серию пьес, ставивших и разрешавших проблемы революционной мелкобуржуазной морали. Республиканская честность, бдительность, преданность Конституции проходят лейтмотивом в пьесах типа «Вдова республиканца, или Клеветник» Лезюра, «Истинная республиканка» Ло, «Друг народа, или Разоблаченные интриганы» Камай-Сент-Обэна, «Истинные санкюлоты» Резикура, «Республиканский супруг» Помпиньи, «Совершенное равенство» Дорвиньи. В этих пьесах находит свое отражение и мотив эгалитаризма, характерного для социальных устремлений якобинской драматургии. Санкюлотский репертуар оставил также образцы политических апофеозов, которыми заканчивался ряд спектаклей 1793—1794 гг. и которые в своем оформлении пользовались средствами массовых народных празднеств и церемоний с присущей им республиканской эмблематикой и революционными аллегориями.

Музыкальный театр в период революции в основном следовал тематическим путям драматического театра. Это в особенности относится к театру Комической оперы, блиставшей в период 1789—1794 гг. рядом выдающихся композиторских имен. В оперном театре появляются такие либретто, как «Триумф Республики» Шенье, «Осада Тионвиля» Сольнье, «Праздник Разума» Сильвэна Марешаля, «Покоренный Тулон» Фабр-д'Оливе и др. Консервативнее всех иных жанров оказывается балет, остающийся в пределах классико-мифологического мира образов и сюжетов («Телемак» и «Психея» Горделя, «Вакх и Ариадна» Галле, «Суд Париса» Горделя, «Геро и Леандр» Мийона). Влияние революции на балет явственно ощущается лишь в постановках апофеозов, в которых балетная труппа исполняет народные, аллегорико-революционные и эмблематические танцы.

САНКЮЛОТ
(ПОРТРЕТ АКТЕРА, УЧАСТВОВАВШЕГО В ГРАЖДАНСКОМ ПРАЗДНИКЕ)
Буалли. Масло

Стиль актерского исполнения. Ростки романтизма и реализма

Что касается стиля актерского исполнения, то период французской революции важен в этом отношении своей переоценкой принципов классической трагической игры. Нельзя не отметить здесь огромной новаторской роли первого трагика этой эпохи Тальма, сочетавшего в себе принципы классического исполнения с нарождавшимися уже элементами романтизма. Ряд актеров принял самое близкое участие в общественной жизни и политической борьбе революции. Многие деятели сцены оставили подмостки ради ближайшего участия в политических событиях своего времени. Колло-д'Эрбуа, один из вождей якобинизма, Граммон и Клэр Лакомб, примыкавшие к бешеным,

актеры Сен-Пре, Грассе, Дюфрес, Мюллер и Робер, связавшие свои имена с историей революционных войн.

Буржуазная историография, уделившая довольно много внимания фактической истории французского театра в период революции, обычно стоит на позициях полного отрицания за ним какой-либо ценности. Она упускает из виду его огромное значение для дальнейшей истории французской сцены вплоть до окончательного становления реализма и романтизма в 30—50-х годах прошлого века. Рассматриваемый с этой точки зрения театр французской буржуазной революции выступает в качестве предвестника всей дальнейшей эволюции театрального искусства первой половины XIX века, наметившего основные линии его развития.

МУЗЫКА

Создание народной музыки

Французская революция 1789 г. — знаменательнейший рубеж в развитии не только французского, но и всего европейского музыкального искусства. Влияние ее идей было очень велико. Наиболее быстро и непосредственно это сказалось, конечно, в самой Франции, где музыка была призвана на службу революции, и музыкальному искусству пришлось разрешать новые поставленные перед ним задачи. Решительно изменилась социальная функция музыки. Музыкальное искусство до революции обслуживало, главным образом, двор и салоны аристократии и нередко низводилось до уровня простого развлечения. Народные массы имели свое искусство, но его никто, кроме них, не знал и никто о нем не заботился. Правда, новые тенденции в области музыки наметились еще в предреволюционный период. Необходимо отметить реалистически-бытовой и лирико-сентиментальный элемент в комической опере (Филидор, Можиньи, Гретри), что позволяет поставить ее в параллель со «слезливой комедией» и «мещанской драмой». Громадную роль в формировании нового художественного мировоззрения играла лирическая трагедия Глюка с ее высокой проблематикой и пафосом героических страстей. Наконец, надо указать на начатки нового инструментального стиля в симфониях Госсека, на факт организации в 1789 г. «Концертов любителей» («Concerts des amateurs»). Все это—показатели того, что под влиянием сдвигов, происходивших в идеологии, музыкальное искусство во Франции перерастало уже узкие придворные рамки. Но только после 1789 г. происходит окончательный перелом. Музыка выходит на площадь, на улицу. Она должна обслуживать массовые празднества, возбуждать патриотические чувства, звать революционный народ к победе над врагами. Музыка должна выразить те идеалы свободы, равенства и братства, которыми вдохновляются народные массы.

Революционный жанр в музыке; песни, гимны и марши

Это неизбежно должно было привести к созданию новых музыкальных жанров и к полному переосмысливанию ранее существовавших. На первое место выступают песни и гимны, инструментальная музыка, марши. Иное содержание и значение получает опера. Появляется новый музыкальный стиль, который можно назвать стилем музыки французской революции.

Самым распространенным видом музыкального искусства становится песня. Революция вызвала к жизни, по самому скромному подсчету, не менее трех тысяч песен, причем наибольшее количество их (в среднем, по две новых в день) падает на 1793—1794 гг. — годы наивысшего подъема революционной волны.

Патриотические и политические песни отражают почти все события. В них перекладывается все — вплоть до газетного материала. Популяр-

ные песенники (chansonniers) распевают их на перекрестках. Песни поют на улицах, в общественных местах, в театральных залах; песнями сопровождаются первые победы французского оружия; они являются знаменем различных общественных групп (так, например, после термидора реакционеры в противовес боевой «Марсельезе» пытаются выдвинуть свою песню «Пробуждение народа»). Конвент уделяет много внимания вопросам печатания и распространения песенного материала. В сборниках «Санкюлотские музы» помещено немало песен с характерным подзаголовком: — «исполнялась у решетки Конвента такого-то числа». В одной из статей газеты «Парижские хроники» (1792) читаем: «Я предлагаю присоединить наши песни к нашим пушкам: первые будут для хижин, вторые — для дворцов».

Песни сочинялись не только профессионалами, их сочиняли и люди, просто воодушевляемые событиями. В подавляющем большинстве случаев к вновь написанному тексту подбирался напев народной песни или получивших популярность куплетов из комической оперы. Не более одной двадцатой песен исполнялось по специально написанной музыке. Сами поэты были озабочены подысканием к своим текстам соответствующего музыкального материала. Один из поэтов эпохи революции писал: «Патриотические песни предназначены не только для того, чтобы быть душой наших национальных празднеств: французские поэты должны добиваться иной почести — слышать свои стихи повторяемыми всеми устами». Для этой цели популярные, всем известные, напевы служили надежным союзником и проводником. Громадную роль в музыкальном оформлении песен революции сыграли некоторые народные песни. Например на музыку старинной песни XVII в. «Как только свет» («Aussitôt que la lumière») было положено до 70 текстов. Широкое распространение с новыми текстами получили популярнейшие песни XVI—XVII вв. — «Веселое приключение», «Мальбрук в поход собрался» и др. Особо надо подчеркнуть значение напевов некоторых сатирических песен, например таких, в которых осмеивалось духовенство. Патриотические песни, часто сочиненные безымянными авторами и использовавшие народные или ставшие народными напевы, выражали революционный дух французского народа, отмечали праздники и будни революции.

Термидорианская реакция вызвала падение песенного творчества, и в дальнейшем оно неуклонно шло вниз, никогда не достигая уровня 1793—1794 гг.

Наиболее популярными песнями революции стали песни «Ça ira» (1789), «Карманьола» (1792), «Марсельеза» (1792), «Походная песня» (1794), «На страже страны» (1791). Первой из них, заслужившей название песни революции, стала «Ça ira». Эта стихийно созданная песня, в которой был использован напев популярной кадрили, выражала чувства первых дней. Когда революционные настроения в борьбе с внутренними и внешними врагами закалились и окрепли, веселое, подвижное «Ça ira» оказалось недостаточным. Это время вызвало к жизни «Марсельезу».

«Марсельеза» становится национальным гимном молодой республики. «Без «Марсельезы» я дерусь один против двоих, с «Марсельезой» — один против четверых», — писал один из республиканских генералов. Другой писал военному министру: «Пришлите мне тысячу человек или одно издание »Марсельезы». «Марсельеза» суммировала лучшие черты французской революционной песни, ее характерный начальный оборот можно встретить в популярнейших песнях французской революции.

И если «Ça ira», «Карманьола», «На страже страны» выразили неистощимую бодрость, жизнерадостность и светлый оптимизм революционного народа, то «Марсельеза» и «Походная песня» Меноля выразили его боевой дух и пламенную волю.

Революция выдвинула идею национальных празднеств. Национальные празднества потребовали музыкального оформления. К патриотическим песням присоединились специально сочиняемые гимны. Появилась музыка траурных церемоний. Песни, гимны и марши — основные музыкальные формы революционных празднеств. Громадное значение получила музыка хоровая и для духовых оркестров.

В период с 1790 по 1794 г. был создан ряд замечательных произведений—«Песня 14 июля», «Гимн «верховному существу» Госсека, «Походная песня» и «Гимн Разуму» Меноля, траурные композиции Керубини, Госсека. Почти неизменным автором текстов был М.-Ж. Шенье. «Траурный гимн памяти генерала Гоша» Керубини, «Национальная песня» для солистов трех хоров и трех оркестров Меноля, «Песня» для четырех хоров и четырех оркестров Лесюера — последние значительные образцы музыки революционной эпохи.

Создание Национального института музыки

В первые же месяцы революции была создана организация, которая взяла на себя обслуживание национальных празднеств. Это оркестр Национальной гвардии, в 1793 г. преобразованный в Национальный институт музыки, положивший начало парижской Консерватории. Интендантский чиновник Бернар Саррет организовал оркестр, знаменитый композитор Франсуа Госсек, первый из музыкантов примкнувший к революции, возглавил художественную жизнь Института. Оркестр Национальной гвардии, а затем Национальный институт обслуживали революционные празднества, создавали кадры музыкантов для армии. Его члены работали над созданием музыки революции. В рядах Института находились наиболее выдающиеся музыканты страны: Керубини, Меноль, Госсек, Лесюер, Далерак, Катель, Бертон, Крейцер.

Институт являлся учреждением педагогическим и исполнительским одновременно: сто пятнадцать преподавателей его вели педагогическую работу и в то же время составляли большой исполнительский коллектив. Этот коллектив неизменно участвовал в музыкальной части национальных празднеств. Это само по себе уже было страховкой от замкнутости и академизма. В подготовке, например, к грандиозному празднику «верховного существа» члены Института приняли самое непосредственное участие: они разошлись по парижским секциям и обучали народ исполнению массовых песен. Заслуги членов Института перед революцией были подтверждены тем, что им было дано право носить эмблему патриотизма — красный фригийский колпак.

Оперные жанры революции

Французский музыкальный театр эпохи революции оказался быстро вовлеченным в ход развивающихся событий. Он стал ареной острой политической борьбы. Столкновения партера (более демократической и оппозиционной части публики) и лож (аристократическо-монархической части ее), характерные для предреволюционных лет, сменяются столкновениями группировок внутри партера, где борются различные радикальные настроения. Особенно велика активность зрительного зала в 1792 г., когда крепнут республиканские тенденции, и после термидора, когда начинаются ожесточенные схватки республиканцев с контрреволюционерами. В зрительном зале театра нередко разыгрываются драмы, гораздо более глубокие, чем те, которые происходят на сцене.

Однако парижские музыкальные театры далеко не сразу усваивают новую тематику и начинают работать в направлении создания нового стиля. Большую стимулирующую роль в вопросе переключения на новые пути сыграла отмена театральных привилегий в 1791 г. До этого монополия королевской Академии музыки давила не только на все остальные опер-

ные театры, но стесняла и творчество композиторов. За увеличение в какой-либо пьесе числа певцов, танцовщиков или невидимого зрителю оркестра Французский театр платил огромные штрафы. Итальянская комедия могла ставить оперы только в дни закрытых спектаклей Академии, в остальные же дни — только комедии, и то такие, в которых никто не умирал. Сплошь и рядом, если в пьесе надо было спеть песенку, ее играли на скрипке, а актеры произносили текст, или же ее пели за сценой, а актер делал на сцене соответствующие жесты.

Конечно, эта мелочная опека чрезвычайно тормозила развитие оперного искусства. Сама же королевская Академия, обремененная грузом традиций, малоподвижная и консервативная по существу организация, ставила чрезвычайно мало. После отмены театральных привилегий в Париже надолго утверждаются три оперных театра — Национальный театр оперы (бывшая Королевская академия музыки) и два театра комической оперы — Фейдо и Фазар.

Процесс внутренней перестройки протекал достаточно интенсивно и в том же 1791 г. дал значительные результаты. Признаки нового музыкально-драматического стиля прежде всего появляются в комической опере, которая и становится ведущим театральным жанром оперы эпохи революции.

Комическая опера, которая показывала обыкновенных людей, обыкновенные человеческие чувства и переживания, быстрее восприняла подлинно героическое, чем изображавшая героев «лирическая трагедия». Взятие Бастилии, события 10 августа 1792 г., победа французского оружия в борьбе с объединенной контрреволюцией — все это было демонстрацией высокого героизма именно обыкновенных людей.

Комическая опера сохранила свое типическое строение — отдельные номера, перемежаемые разговорными диалогами, но все больше теряла черты комедийности.

Намечаются три основные линии ее развития: историко-героическая опера (наиболее ярко представленная в «Вильгельме Телле» Гретри), героико-бытовая опера («Лодоуска», «Элиза» и «Водонос» Керубини, «Пещера» Лесюэра, «Камилла» Далерака и др.) и, наконец, лирико-бытовая опера, раскрывающая моральные идеи революционной эпохи, идущие еще от Руссо («Поль и Виргиния» Крейцера, «Стратоника» Меноля и др.).

Не все три направления получают одинаковое значение и развитие. Ведущим оперным жанром становится героико-бытовая «опера спасения». Нередко драматическое содержание ее сгущается до изображения мелодраматических ужасов. Спасение безвинно страдающего от ужасов тирании — основной мотив «оперы спасения».

Героизация бытового жанра приводит к созданию нового типа героя. Особенно заметна перемена в типических женских образах. Героини «оперы спасения» — в большинстве случаев мужественные и сильные женщины. Они, несомненно, сродни женщинам революции. В их музыкальных характеристиках господствует высокий патетический стиль («Лодоуска» Керубини, «Вильгельм Телль» Гретри и др.) Совершенно новым типом героя является и человек из народа, который ставится на первое место как образец гражданской доблести и высоких моральных качеств («Водонос» Керубини). В музыкальном стиле оперы французской революции надо отметить некоторые принципиально новые качества, — героические элементы в ее интонационном складе (иногда под влиянием массовых песен), использование народнопесенных оборотов, повышение значения оркестра (вплоть до включения лейтмотивных характеристик), создание нового типа увертюры, включение в оперный жанр элементов пантомимы и мелодрамы, моментов колористических и описательных.

Отражение революции в творчестве Бетховена

Музыка эпохи французской революции оказала громадное влияние на последующее развитие музыкального искусства. С революцией и ее идеями связано самым непосредственным образом творчество одного из величайших музыкальных гениев — Бетховена.

С 1792 г. Бетховен жил в Вене; с постоянным напряжением следил он за ходом развития революционной борьбы и за успехами революции во Франции. Лишенный возможности действовать, быть непосредственным участником революции, он в многообразном своем творчестве вдохновенно отобразил идеи революции и ее героическую борьбу.

Музыка Бетховена насквозь проникнута социальным пафосом. Идеи братства, свободы, освобождения личности питали его творческое вдохновение. Его музыка рассчитана на огромные массы слушателей. Откликом на потрясения, испытанные Францией и Европой в 90-х годах, была его третья, «Героическая», симфония. Первоначально она была посвящена Наполеону, в котором Бетховен видел продолжателя французской революции, затем, узнав о короновании Наполеона, он гневно снял свое посвящение.

Содержанием симфонии является чувство возвышенного — героический пафос, раскрываемый в различных его фазах. Первая часть—произведение колоссального размаха и силы выражения. Похоронный марш — вторая часть — полон трагического величия, контрастирующего с энергичной решимостью первой части. Третья часть — динамически яркое скерцо — разряжает мрачное и суровое чувство, вызванное маршем.

Единственная опера Бетховена «Фиделио» примыкает к жанру «оперы спасения» (известно, как высоко ценил Бетховен Керубини). Большая часть сочинений Бетховена проникнута здоровым народным оптимизмом и юмором народной песни.

Увертюры к трагедии Гёте «Эгмонт», «Леонора», марш в финале Девятой симфонии и, наконец, грандиозная концепция всей Девятой симфонии в подзаголовке которой стоят знаменательные слова: «обнимитесь, миллионы», — носят несомненный отпечаток великой борьбы и энтузиазма, свойственных гимнам и песням Парижа и армиям революционной Франции.

БЫТ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ

Разрушая социальные отношения и политические формы абсолютистского режима, французская буржуазная революция сметала вместе с ними вековые традиции и нравы, отражавшие классовые противоречия феодальной Франции. Воодушевленные идеалами свободы, равенства, братства, народные массы города и деревни, ломая в ходе революционной борьбы старый, отживший быт, строили новую жизнь, создавали новые нравы, обычаи, традиции. В огне классовой борьбы выковывался новый, революционный быт.

Французская провинция в 1789 г.

Английский экономист Артур Юнг,[1] путешествуя по Франции в 1787—1789 гг., был неприятно поражен видом грязных, неблагоустроенных городов французской провинции с узкими, кривыми, зловонными улицами, куда бесцеремонно сливались всевозможные нечистоты, с неуклюжими, густо заселенными рабочим и ремесленным людом домами, с захудалыми, лишенными элементарных удобств, постоялыми дворами, их крайне неряшливой прислугой, грязью, запустением. Города с широкими, прямыми улицами, хорошо построенными каменными домами, правильными пло-

[1] Маркс отзывался об Артуре Юнге как о «точном наблюдателе и поверхностном экономисте».

ФЕРМА

Буше. Масло. Гос. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

щадями составляли редкое исключение. Но и эти немногие города не отличались чистотой и удобствами. Прекрасные шоссейные дороги, в большинстве случаев проложенные подневольным трудом крестьян (в силу так называемой дорожной повинности), великолепные мосты, величественные сооружения, представлявшиеся взору наблюдателя, составляли разительный контраст с окружавшим их убожеством. Удручающее впечатление производила французская предреволюционная деревня: нищие, задавленные непосильными повинностями крестьяне, в преобладающем большинстве ютились в ветхих лачугах с земляным полом, нередко ниже поверхности земли, с глинобитными стенами и соломенной крышей, с одной лишь дверью, без окон. Когда дверь затворялась, лачуга погружалась во мрак, освещаясь очагом или свечой. Крестьянская хижина обычно состояла из одной комнаты, в которой с целью сохранения тепла помещался нередко и скот. Темные, невежественные крестьяне, босые, грязные, зимой и летом в одежде из грубого домотканного холста, надетой на голое тело; забитые, неряшливые, преждевременно состарившиеся крестьянки; полуголые, копошащиеся в грязи голодные дети — таков облик значительного большинства крестьянского населения предреволюционной Франции. Только немногочисленная, наиболее зажиточная часть крестьянства жила в домах, построенных из камня и крытых черепицей, с одним или двумя застекленными окнами. Но и эти зажиточные крестьяне ходили обычно в сабо, без чулок, не знали белья, спали на соломенных тюфяках, ели из деревянной или оловянной посуды и, за немногими исключениями, мало чем отличались по своему культурному уровню от остальной массы крестьянства. Праздничная одежда из грубого сукна, чулки и башмаки передавались обычно по наследству из поколения в поколение. Недаром в народе распевалась старинная песенка:

Quand papa mourra,
J'aurai sa culotte de drap,
Oui, j'aurai sa toilette complète,
Ses bas bleus, sa veste et sa casquette.[1]

Отправляясь в город, крестьянин нес башмаки в руках, обуваясь только у городских ворот.

Французский крестьянин в конце XVIII века голодал как и предок его сто лет назад. Бобовая, чечевичная, гороховая или тыквенная жидкая похлебка, каштаны, твердый, как камень, маисовый, ячменный или ржаной хлеб, который подчас приходилось рубить топором — обычное меню крестьянского стола, — далеко не всегда имелись вдосталь. Молоко, сыр встречались только в немногих зажиточных крестьянских семьях. Что касается мяса, сала, овощей, то и в таких семьях они были весьма редким явлением. Хроническое недоедание, болезни, жестокая эксплоатация делали свое разрушительное дело: смертность крестьянского населения, особенно детей, поражала своими цифрами. Так, в районе Мож только за два предреволюционных года из 8882 жителей двадцати его приходов умерли в возрасте от 1 до 10 лет 2077 чел.; в возрасте от 10 до 20 лет — 577 чел. За 20 лет население этого района уменьшилось на 49%. Аналогичную картину представляли и многие другие районы Франции.

Артур Юнг, близко наблюдавший также быт утопавшего в роскоши французского дворянства накануне революции, вынужден был воскликнуть: «Какая пропасть между всем этим блеском и жизнью деревни! Здесь не существует постепенного перехода от сносного существования

[1] «Когда отец умрет, мне достанутся его суконные штаны; да, достанется его полный костюм, синие чулки, куртка и картуз».

КРЕСТЬЯНСКАЯ ХИЖИНА
Гравюра Лампереpа, рисунок Вувернана

к достатку, от достатка к богатству; здесь переход резкий — от нищеты к роскоши, от убогих лачуг к великолепным салонам»... «Какой путешественник, побывавший на постоялых дворах Франции с их грязью и зловонием, не пожелает от всего сердца поменьше блеска и хоть немного больше достатка».

Париж в 1789 г.

Париж — блестящая столица феодальной Франции, оставившая далеко позади все другие французские города, — представлял накануне революции наиболее яркое воплощение социальных противоречий дореволюционного режима. Здесь были собраны все вопиющие контрасты склоняющегося к упадку феодального общества. Чудовищная роскошь и потрясающая нищета, ослепительное великолепие и мрачное убожество уживались здесь рядом, разделенные лишь несколькими кварталами. На правом берегу Сены — величественные дворцы, Тюильри, Лувр и другие, великолепные сады, площади, окруженные рядами улиц с роскошными особняками знати и финансовых воротил. Вдоль левого берега — грязного, немощеного, полного нечистот — кривые, мрачные улицы с жалкими покосившимися лачугами парижской бедноты. Палэ-Бурбон, прекрасная набережная Театинцев, [1] непосредственно примыкавшие с двух сторон к этой ужасной клоаке грязи и нищеты, еще резче подчеркивали убожество рабочих кварталов Парижа. Строительная горячка, охватившая финансовую буржуазию Парижа в последние десятилетия, предшествовавшие революции, способствовала еще большему украшению богатых кварталов столицы. С поразительной для того времени быстротой, в два-три месяца, в кварталах Палэ-Рояля, Сент-Оноре,

[1] Эта набережная Сены получила название от церкви католического монашеского ордена театинцев. Впоследствии переименована в набережную Вольтера.

ПАРК
Верне. Масло
Гос. музей изобраз. искусств им. А. С. Пушкина

в направлении шоссе д'Антен воздвигались роскошные особняки аристократии и парижских финансовых дельцов, громадные доходные дома и другие грандиозные сооружения: на бульваре Сен-Мартен за 75 дней было выстроено прекрасное здание Оперы. Целые кварталы богатых особняков вырастали в разных концах Парижа, особенно в его западной части, прорезая густую сеть узких переулков. Около десяти тысяч новых домов появилось в Париже за последние 30 лет до революции, около одной трети старых домов было перестроено за это время.

Но эта реконструкция Парижа совершенно не коснулась кварталов, заселенных беднотой. В самой столице, как и в предместьях Сен-Жак, Сент-Антуан, Сен-Марсель и др., рабочие мануфактур, мелкие ремесленники, подмастерья, владельцы убогих лавчонок, а также люмпен-пролетарские элементы, нищие, фокусники, шарманщики и т. п. ютились вместе с детьми в сырых, полутемных лачугах, нередко без печей, задыхаясь от угара по ночам, так как в зимние холода вынуждены были разводить огонь прямо посреди комнаты. «В предместье Сен-Марсель, — свидетельствует писатель XVIII века Мерсье,—целая семья занимает одну комнату с голыми стенами, с убогими койками, без занавесок, с кухонной посудой, валяющейся рядом с ночным горшком. Вся обстановка в целом не стоит и двадцати экю, и каждые три месяца жильцы этой дыры меняют жилище, так как их прогоняют за неплатеж, и они скитаются, таская за собой свой жалкий скарб из одного убежища в другое. В этих жилищах ни на ком не видно кожаной обуви, по лестницам раздается лишь стук деревянных башмаков. Дети бегают голышом и спят вповалку... Народ, живущий здесь, не имеет ничего общего с парижанами, лощеными обитателями берегов Сены».

ЛУДИЛЬЩИК

Офорт Кэплэка, рисунок Бушардона
Гос. Музей изобраз. искусств им. А. С. Пушкина

Эти «лощеные обитатели» аристократических кварталов Парижа проносились в бешено мчавшихся золоченых экипажах через узкие, зловонные кварталы бедноты, обдавая грязью, давя и калеча всех, кто попадался на пути. Но и другие улицы Парижа, окаймленные многоэтажными домами, за немногими исключениями, были чрезвычайно узки, грязны, без тротуаров. «Житель Лондона с трудом может себе представить, до чего грязны, неудобны и опасны для пешеходов лишенные тротуаров улицы Парижа», — писал Артур Юнг в 1787 г. «Множество экипажей, бесконечная вереница кабриолетов, мчащихся с дикой быстротой, являются здесь настоящим бичом. Я видел, как карета проехала по телу ребенка, я сам был постоянно покрыт грязью... По этой причине все малосостоятельные люди вынуждены здесь носить темную одежду и черные чулки; этим проводится явная грань между богатым и малосостоятельным человеком». Когда какое-нибудь влиятельное лицо заболевало, перед его домом разбрасывали солому, чтобы заглушить шум колес, и тогда еще более возрастала опасность быть раздавленным на улице.

Вечером улицы Парижа становились еще опаснее. Париж освещался в то время фонарями, снабженными отражателями; в них горело масло, выделываемое из кишок животных. В лунные ночи фонари не зажигались, и, таким образом, до появления и после захода луны улицы погружались в непроглядную тьму. Между тем уличное движение вечером мало уступало дневному, усиливаясь с 5 часов, когда начинался съезд в театры, несколько затихая к 7 часам и возобновляясь к 9 часам вечера, когда кончались спектакли. Да и в безлунные ночи, когда зажигались фонари, нередко можно было видеть, как они гасли уже к 10 часам вечера вследствие недостатка масла.

С утра до поздней ночи в Париже бурлила жизнь — пестрая, многообразная, полная резких контрастов. В сердце столицы на Пон-Нёф (Новый мост), издавна служившем центром движения и торговли, «крайняя нищета теснее чем где-либо в Париже соприкасалась с чрезмерным богатством». Здесь, вдоль Набережной золотых дел мастеров (Quai des Orfèvres), расположились сверкавшие бриллиантами своих витрин, золотыми и серебряными изделиями, драгоценными безделушками лавки ювелиров, поражавшие великолепием всех иностранцев. Неподалеку, на набережной Конти, блистал знаменитый магазин «Petit Dunkerque» с его бесчисленными причудливыми драгоценностями: золотыми с эмалью табакерками, роскошно затканными шелковыми кошельками, несессерами и пр.

Нарядные экипажи знати и разбогатевших буржуа беспрерывно разъезжали здесь взад и вперед. А рядом, тут же на мосту, не смолкая шумела пестрая толпа самых разнокалиберных элементов столичной бедноты, живших изо дня в день, кормившихся от случая к случаю. На истертых от постоянного движения ступенях Пон-Нёф, у его перил и прямо на тротуарах размещались в пестром беспорядке чистильщики обуви, угольщики, носильщики, штопальщицы, старьевщики со своим тряпьем; на перилах моста раскладывались для продажи ленты, пряники, восковые, деревянные, картонные фигурки, старые книги, подошвы, подержаные брошюры. Уличные певцы распевали здесь песенки, так и прозванные по названию моста «Ponts neufs»; рядом с ними показывали свое искусство скоморохи, фокусники, гадальщики и прочий люд без определенной профессии. «Шарлатан продает целебные средства рядом с одетым в красный костюм зубодером, расположившимся со своими принадлежностями на кончике скамейки, снятом у торговки фруктами». Вблизи на набережной продавались «птицы, люди и цветы». Здесь можно было видеть вербовщиков рекрутов для королевской армии, громко зазывавших проходивших мимо молодых людей, которые за 30 ливров продавали свою свободу. В уличном кабачке под почерневшей от дыма парусиновой крышей грязная старуха раздавала почерневшей вилкой и ржавым ножом на выщербленных тарелках порции мяса, чечевицы, гороха, фасоли. Люди ели руками, поставив тарелку себе на колени. «Прилив и отлив горожан и иностранцев на Пон-Нёф так велик, — сообщает Мерсье, — что для того, чтобы встретить нужных людей, достаточно прогуливаться здесь ежедневно в течение какого-нибудь часа».

ПРОДАВЩИЦА МЕТЕЛОК

Офорт Кэплюса, рисунок Бушардона

Гос. Музей изобраз. искусств им. А. С. Пушкина

Другим многолюдным пунктом столицы был расположенный в центре города сад Палэ-Рояля. Однако в противоположность Новому мосту этот сад служил центром притяжения для ограниченного круга знатных и состоятельных людей. Здесь можно было найти все, что мог требовать самый изысканный вкус: редчайшие ткани, костюмы, драгоценные украшения, безделушки, лучшие произведения искусства и литературы, тончайшие вина и яства. «Можно целую жизнь и самую долголетнюю провести в Палэ-Рояль, как волшебный сон, и сказать при смерти: я все видел, все узнал!» — писал Карамзин, живший в 1790 г. в Париже.

В дорогих ресторанах, подвалах и кафе Палэ-Рояля посетители сада проводили немало времени. Особенно охотно посещались кафе, каждое из которых имело определенный круг клиентов. В кафе приходили не только для того, чтобы выпить чашку кофе, шоколада или съесть мороженого, но и сыграть в шашки, домино, шахматы. Нередким явлением в них

ПРОДАВЩИЦА ДРОВ

Офорт Кэплюса, рисунок Бушардона. Гос. Музей изобраз. искусств им. А. С. Пушкина

были азартные игры. Существовали в Палэ-Рояле до революции и так называемые cercles — закрытые клубы на манер лондонских с крайне ограниченным числом членов.

Самые разнообразные развлечения ожидали публику в этом прекрасном парке: кабинет восковых фигур, механические биллиарды, марионеточный и другие театры для взрослых и детей, концерты и т. д. Сад был постоянно полон нарядных женщин и детей, элегантных бездельников, часами разгуливавших вдоль его аллей. Вечерами, когда зажигались фонари и освещались витрины магазинов, публики прибывало еще больше. Шум и веселье не смолкали до полуночи, когда по сигналу гасились огни и запирались ворота.

В этот парк отдыха и развлечений был строжайше запрещен вход «лицам в ливрее, домашней прислуге, всем, кто носит чепец или куртку, школьникам, собакам и рабочим».

Трудящиеся низы и прежде всего парижские рабочие «чувствовали себя как бы чужестранцами в собственном городе». У них был свой особый мир — мир тяжелого, отупляющего труда и горькой нужды. «Способности бедняка притуплены, его дневное пропитание необеспечено, — пишет современник. — Зрелища, искусства, приятное отдохновение, вид неба и природы,—все это для него не существует...У одних здесь голова идет кругом от опьяняющих удовольствий, у других — от отчаяния».

Нужда особенно обострилась в два предшествовавших революции года в связи с тяжелым экономическим кризисом и безработицей 1788—1789 гг. Чудовищно вздорожали съестные припасы. В январе 1789 г. фунт хлеба стоил $3^1/_2$ су. Мясо становилось в рабочей семье все более редким явлением. Что касается свежей рыбы, то не только рабочий, но и мелкий буржуа «не решается даже подступиться к ней. Он вдыхает ее аромат и ограничивается этим». Хлеб и мучной суп, заправленный салом или без него, составляли почти единственную пищу рабочего по утрам, в обед и вечером. Рабочая семья из 4 человек ежедневно потребляла около 3 фунтов хлеба и полуфунта муки, на что уходило не менее половины дневного заработка рабочего. «Существуют бедные семьи, — сообщает Мерсье — в которых кровяная колбаса, купленная за три су, составляет всю еду, потому что ничего лучшего их средства им не позволяют. Эта вредная для желудка колбаса продается на рынке по 18 су за фунт; ни один самый богатый вельможа не платит такой относительно высокой цены за кушанья, составляющие его обед». Не только дорогие кафе Палэ-Рояля, но и значительно более дешевые кафе и кабаки, которыми изобиловал Париж и его

ПАРИЖ. НОВЫЙ МОСТ
Гравюра Берто, рисунок Эспинаса

предместья, были недоступны для рабочего. Выпить стакан дешевого вина или рюмку водки позволяли себе изредка лишь лучше оплачиваемые из них. И если в дешевых кофейнях Парижа нередко можно было встретить бедный люд парижских предместий, то он приходил сюда главным образом для того, чтобы согреться в зимнюю стужу и таким образом обходиться без дров у себя дома. Чашка невкусного пережженного кофе заменяла такому посетителю обед. В кабаках, где, вследствие вздорожания вина, продавалась преимущественно водка, можно было встретить носильщиков и прочий мелкий люд парижской улицы, который в водке «топил вместе с рассудком и свои заботы». Неурожай 1788 г., застой в промышленности, осложненные ранней и суровой зимой 1788/1789 г., привели к почти полному прекращению перевозок. «На набережных и пристанях Парижа сотнями слонялись рабочие, с бледными от голода лицами, жадно выискивая случая заработать несколько су при погрузке или выгрузке барок».

Накануне революции нищенство принимает огромные размеры. Париж, как и провинция, кишит нищими. В одном только Сент-Антуанском предместьи около 30 тысяч нищих. «Взор иностранца бывает неприятно поражен их численностью; человек долго не может притти в себя от удивления».

Иностранцев поражал также мрачный, озабоченный вид парижан и провинциалов, так не вяжущийся с обычным представлением о веселом нраве французов. На фоне общей озабоченности и беспокойства, охвативших население Франции, и в частности Парижа, в последние годы феодального режима, особенно выделялись рабочие кварталы и предместья, «эти очаги беспросветной нищеты». «Полиция опасается выводить из себя здешнее население. Его щадят, потому что оно способно на всякое насилие». Так по-своему изображает мелкобуржуазный писатель конца XVIII в. (Мерсье) настроение трудящихся масс Парижа и тревогу привилегированных сословий накануне революции.

Революция и рост политической активности населения

Революция всколыхнула жизнь страны до самых глубин. Уже с первых месяцев революции население Франции — и не только мужчины, но и женщины — зажигается небывалым интересом к политической жизни. Увлечение политикой овладевает самыми разнообразными слоями города и деревни. Известны случаи, когда крестьянки пытались

принять участие в выборах в Генеральные штаты. В городах за развитием политических событий в стране с необычайным возбуждением следят самые широкие слои мелкой буржуазии и рабочих. И даже в аристократических салонах обычные легкие разговоры, музыкальные и литературные вечера сменяются политическими дискуссиями на злобу дня. Нечего и говорить о салонах буржуазных: ведь именно буржуазия в этот момент готовилась сменить дворянство у руля государственного управления.

Особенно остро реагирует на все перипетии политической жизни население Парижа. На бульварах и площадях столицы, на многолюдных мостах, а главным образом в саду Палэ-Рояля с утра до поздней ночи толпится народ, жадно ловя последние политические новости из уст многочисленных ораторов, преимущественно представителей интеллигенции, наводнившей Париж зимой 1788/1789 гг. В Париже насчитывалось в 1789 г. около 40 000 провинциалов — безработных адвокатов, писателей, художников, врачей и т. д.; большинство из них снимали комнаты и мансарды у мелких буржуа, в рабочих кварталах и предместьях Парижа. Взобравшись на стол или на скамью, ораторы бросают в толпу страстные политические речи, читают вслух наиболее острые политические памфлеты и листки, «самое выдающееся, что появилось в печати о событиях дня». Слушатели шумно аплодируют тем, кто защищает права третьего сословия, отвечают возгласами «браво», «бис» на наиболее хлесткие места в памфлетах, сбрасывают в ближайший бассейн ораторов, которые им не нравятся. Здесь присутствуют также женщины — и не только выдающиеся, как Теруань-де-Мерикур, Этта Пальм, Олимпия де-Гуж и др., но и немало рядовых женщин третьего сословия. На бульварах, на перекрестках улиц, на площадях вечерами то и дело вспыхивают ракеты, фейерверки, продающиеся по удешевленным ценам. И когда привлеченный яркой иллюминацией здесь собирается народ, всегда находится оратор, который обращается к собравшимся с сообщением о последних событиях дня. Интерес к заседаниям Генеральных штатов, а потом Национального собрания так велик, что великосветские дамы обменивают билеты в Оперу на пропуск в помещение Собрания, да еще с приплатой в 6 ливров. Желающих послушать прения всегда в 3—4 раза больше, чем может вместить зал заседаний Собрания, что приводит к спекуляции местами на трибуны, особенно с ноября 1789 г., когда заседания Национального собрания переносятся в зал Манежа, трибуны которого вмещают не более 500—600 человек. [1] Не только парижане и живущие в Париже провинциалы стремятся попасть на заседания Национального собрания. На них побывали и многочисленные иностранцы, жившие в то время в Париже. Среди них — Артур Юнг, Карамзин, американец Моррис и многие другие.

Многочисленные кафе столицы и, прежде всего, кафе Палэ-Рояля и его окрестностей превратились в своеобразные клубы. В дождливое лето 1789 г. они были всегда переполнены. В них почти не видно было завсегдатаев Палэ-Рояля, еще недавно спокойно попивавших свой кофе или шоколад. Зато «сколько поднятых рук, громких голосов, пылких речей!» Шахматы, шашки и другие игры уступили место газетам. Каждое из этих кафе, осаждавшихся народом нередко до поздней ночи, имело свою политическую физиономию: «об убеждениях человека судили по тому, какое кафе он посещал». Наибольшей популярностью среди кафе Палэ-Рояля в первые месяцы революции пользовалось кафе де-Фуа. Оно служило в то время центром агитации революционной интеллигенции. Здесь ежедневно

[1] В Версале зал Des Menus Plaisirs, где происходили заседания Национального собрания до ноября 1789 г., вмещал более 2 тыс. человек.

читались и обсуждались отчеты о заседаниях Национального собрания, газеты, политические брошюры и памфлеты. Здесь зародились оппозиционные настроения против «слишком умеренной» политики крупной буржуазии. После перенесения заседаний Национального собрания в здание Манежа центр общественно-политической жизни Парижа переносится в сад Тюильри. Кафе Палэ-Рояля уступают место многочисленным кафе Тюильрийского сада и его окрестностей. Роль кафе де-Фуа переходит сначала к кафе Отто, которое со второй половины 1791 г. превращается в кафе якобинцев, а затем к целому ряду других кафе.

Эмблемы революции

С кафе де-Фуа связано появление первой эмблемы революции — зеленой кокарды, которая вскоре заменяется трехцветной. Из этого кафе 12 июля 1789 г. вышел Камилл Демулен «со шпагой в одной руке и пистолетом в другой» и, взобравшись на стул, обратился к заполнявшей сад Палэ-Рояля огромной, взволнованной отставкой Неккера толпе с призывом: «К оружию!» «Отломив ветку каштана, он сделал себе из зеленого листа кокарду, которая должна была служить знаком объединения». Все последовали его примеру. Скоро на улицах и площадях Парижа появились женщины с корзинами, полными зеленых лент, которые они раздавали прохожим. Зелеными лентами украшались в следующие дни ружья мужественных борцов, сражавшихся на подступах к Бастилии.

Исторический день 14 июля 1789 г., день народного торжества над феодальной контрреволюцией, является вместе с тем ярким показателем того, как тесно срослась жизнь широких народных масс с интересами революции уже в этот ранний период ее развития. Заслуживают внимания показания английского путешественника д-ра Риджби, который был очевидцем бурного восторга, овладевшего народными массами Парижа после взятия Бастилии. «Весть об этом необычайном событии, — сообщает д-р Риджби, — произвела совершенно неописуемое впечатление на народ. Тотчас последовал взрыв самого необузданного ликования, самого безумного восторга. Люди прыгали от радости, обнимали друг друга; восторженные возгласы и крики, взрывы смеха и слез, всевозможные звуки и движения служили проявлением величайшего народного удовлетворения, восторга, какого я не мог предположить у людей. В нас узнали англичан; нас обнимали, целовали, как свободных людей. Французы, — говорили нам, — теперь свободны, как и вы; следовательно, мы более не враги, мы — братья, и война нас не разъединит. Общий энтузиазм заразил и нас; мы присоединили свои голоса к тем, которые радостно приветствовали свободу, мы от всего сердца пожимали руки завоевавшим свободу французам. Я всегда буду с гордостью вспоминать о волнении, охватившем меня в тот момент. Никогда не бывало более захватывающей картины, никогда не испытывал я таких поистине чарующих ощущений».

В июльские дни 1789 г. на улицах столицы среди ликующих парижан было немало женщин. В тревожные дни 12 и 13 июля многие из них, вооруженные ружьями, на ряду с мужчинами входили в состав патрулей, охранявших город. Вместе с мужчинами они строили баррикады, таскали к домам груды булыжника, чтобы пустить их в ход в день решительной схватки. Женщины Парижа находились среди осаждавших Бастилию. Они падали раненые рядом со своими мужьями. Победа 14 июля была победой не только мужчин, но и женщин рабочих кварталов и предместий Парижа.

Многочисленные проявления революционного энтузиазма наблюдались также на улицах провинциальных городов. Трехцветная кокарда, «святой символ революции», уже через несколько дней после взятия Бастилии входит в быт не только столичного, но и провинциального насе-

ления. Мужчины носят ее на шляпе, женщины прикалывают с левой стороны к шляпе, чепцу или прямо к волосам. Кокарда из лент, из шерсти — непременная принадлежность каждого француза, как и каждого проживающего во Франции иностранца. Артур Юнг, появившийся в июле 1789 г. в одном из мелких провинциальных городов Франции без национальной кокарды, был окружен на улице многочисленной толпой, потребовавшей от него приобрести кокарду. После этого инцидента он не решался показаться без кокарды даже в самом захолустном городке.

Трехцветная кокарда с первых месяцев революции становится предметом постоянных столкновений между «добрыми патриотами» и реакционными элементами. После взятия Бастилии многие противники революции продолжали демонстративно носить белую кокарду, символ абсолютизма. 1 октября 1789 г. преданные королю офицеры в Версале срывали с себя трехцветные кокарды и топтали их ногами. С развитием революции трехцветная кокарда вытесняет все прочие кокарды; декрет Законодательного собрания от 5 июля 1792 г. об обязательном ношении национальной кокарды всеми французами и проживающими во Франции иностранцами, был, в сущности, лишь законодательным закреплением прочно установившегося обычая. Тем не менее ссоры и драки на улицах Парижа в связи с ношением кокарды имели место и позднее, в период якобинской диктатуры, только их в это время затевали преимущественно женщины. Декрет Конвента от 21 сентября 1793 г. предписывал женщинам ношение национальной кокарды наравне с мужчинами. Срыв кокарды рассматривался как контрреволюционный акт и карался тюремным заключением.

После взятия Бастилии появляются и другие революционные эмблемы, в которых трудовой народ со свойственной ему непосредственностью, искренностью и горячностью выражает свои чаяния и стремления. Пика, сыгравшая большую роль в июльские дни 1789 г., становится одним из популярнейших символов свободы. Ее имя носят народные общества, площади, улицы, предместья, секции; ее изображение встречается на официальных документах, на печатях и гербах. Ее именем патриоты называют своих новорожденных детей; она украшает ряды демонстрантов в торжественные дни народных празднеств. Эмблемой свободы становятся также камни Бастилии. Они фигурируют в качестве необходимого аттрибута на народных манифестациях по поводу выдающихся политических событий; женщины вправляют их в кольца, серьги, броши и другие украшения. Камни из тюремных камер, с лестницы, по которой спускались в последний раз освобожденные узники Бастилии, чтут как священные реликвии свободы. В первые годы революции на улицах Парижа появляется также одна из наиболее распространенных эмблем свободы и равенства — красный фригийский колпак, [1] который входит все шире в быт населения: мужчины и немало женщин носят его на улице; 20 июня 1792 г. под давлением народа, как известно, этот головной убор был вынужден надеть даже Людовик XVI. На печатях, марках, монетах, на мачтах судов и фасадах домов, в театрах и на похоронных процессиях, на революционных празднествах и балах, — везде шествует красный колпак или его изображение. Его, как знамя, надевают на острие пик. С нарастанием революции, особенно в период якобинской диктатуры, к красному колпаку — символу революционного патриотизма санкюлотов — прибегают и реакционные элементы, видя в нем гарантию личной безопасности.

Далее следуют пучки связанных прутьев, знак ликторской власти

[1] В древних Греции и Риме рабы обязаны были ходить с непокрытой головой. Когда раба освобождали, на него одевали высокий головной убор (колпак), обычно красного цвета, который носили жители Фригии (в Малой Азии).

в древнем Риме, символ национального единства, изображение которых встречается на памятниках, афишах, печатях и т. д., и даже на форменных пуговицах, лавровые и дубовые венки, разбитые цепи, «всевидящее око», изображение гильотины и великое множество других революционных эмблем. Все эти символы революции настолько глубоко проникают в жизнь и быт населения, что ими, как и наиболее популярными революционными лозунгами, украшаются предметы повседневного обихода: посуда, мебель, камины, часы, календари, перчатки, веера, табакерки и т. д. Появляются новые сорта хлеба: «хлеб единства», «хлеб братства» и «хлеб равенства». Женщины носят прически «свободы», «национальные» и «патриотические»; национальные цвета — красный, белый, синий — преобладают в костюмах, шляпах, обуви. Появляются костюмы «à la конституция», «à la республика».

Особое место среди первых эмблем революции занимает «алтарь отечества». Это монументальное сооружение, символ доминирующего культа революции — патриотизма — так же, как и «дерево свободы», постепенно становится непременным аттрибутом всех гражданских и военных торжеств, революционных празднеств, всех сколько-нибудь значительных народных манифестаций в дни знаменательных дат в жизни страны и отдельных граждан. «Алтари отечества» устанавливаются в городах и деревнях, на площадях, у зданий муниципалитетов, у входа или в помещении народных обществ, на лугах и на вершинах гор. Матери приносят сюда новорожденных детей для совершения обряда революционных крестин, влюбленные заключают здесь «священные узы брака», солдаты приносят тут боевую присягу. К середине 1790 г. «алтари отечества» существуют в большинстве французских городов и деревень. Декрет Законодательного собрания от 6 июля 1792 г. об установлении алтарей отечества в каждой коммуне, явился, подобно декрету о национальных кокардах, лишь законодательным закреплением традиции, прочно укрепившейся к тому времени в жизни населения.

Праздник Федерации 14 июля 1790 г. Роль революционных праздников

С «алтарем отечества» связывается обычно представление о первом грандиозном празднике революции — празднике Федерации 14 июля 1790 г., в первую годовщину взятия Бастилии. Великолепие и блеск этого празднества выделяют его из числа национальных торжеств и народных манифестаций первых лет революции. Самая подготовка к нему была грандиозной демонстрацией небывалого порыва к национальному единству, охватившего революционную Францию. Идея этого праздника, как известно, возникла стихийно и шла снизу. Общенациональный праздник Федерации в Париже должен был закрепить широкую волну федеративного движения, начавшегося во Франции в сентябре 1789 г. Когда за семь дней до праздника, который должен был состояться на Марсовом поле, становится ясно, что земляные и другие подготовительные работы не могут быть закончены в срок силами 15 тысяч рабочих, занятых переустройством и необходимым оборудованием этого громадного пространства, весь Париж в могучем порыве энтузиазма устремляется на Марсово поле. Туда спешат рабочие, ремесленники, школьники, солдаты, рыночные торговки с лопатами и заступами за плечами, со знаменами, разукрашенными патриотическими эмблемами. День и ночь работают люди всех слоев, всех возрастов, копают землю, возят тачки. Дети ночью с фонарями светят работающим. Мужчины, женщины распевают известную революционную песенку «Ça ira». Звуки странствующего оркестра воодушевляют парижан. Люди забывают об усталости.

Работа была окончена в срок. Марсово поле стало неузнаваемым. «Превращенное в огромную арену, — пишет Тьерсо, — оно представ-

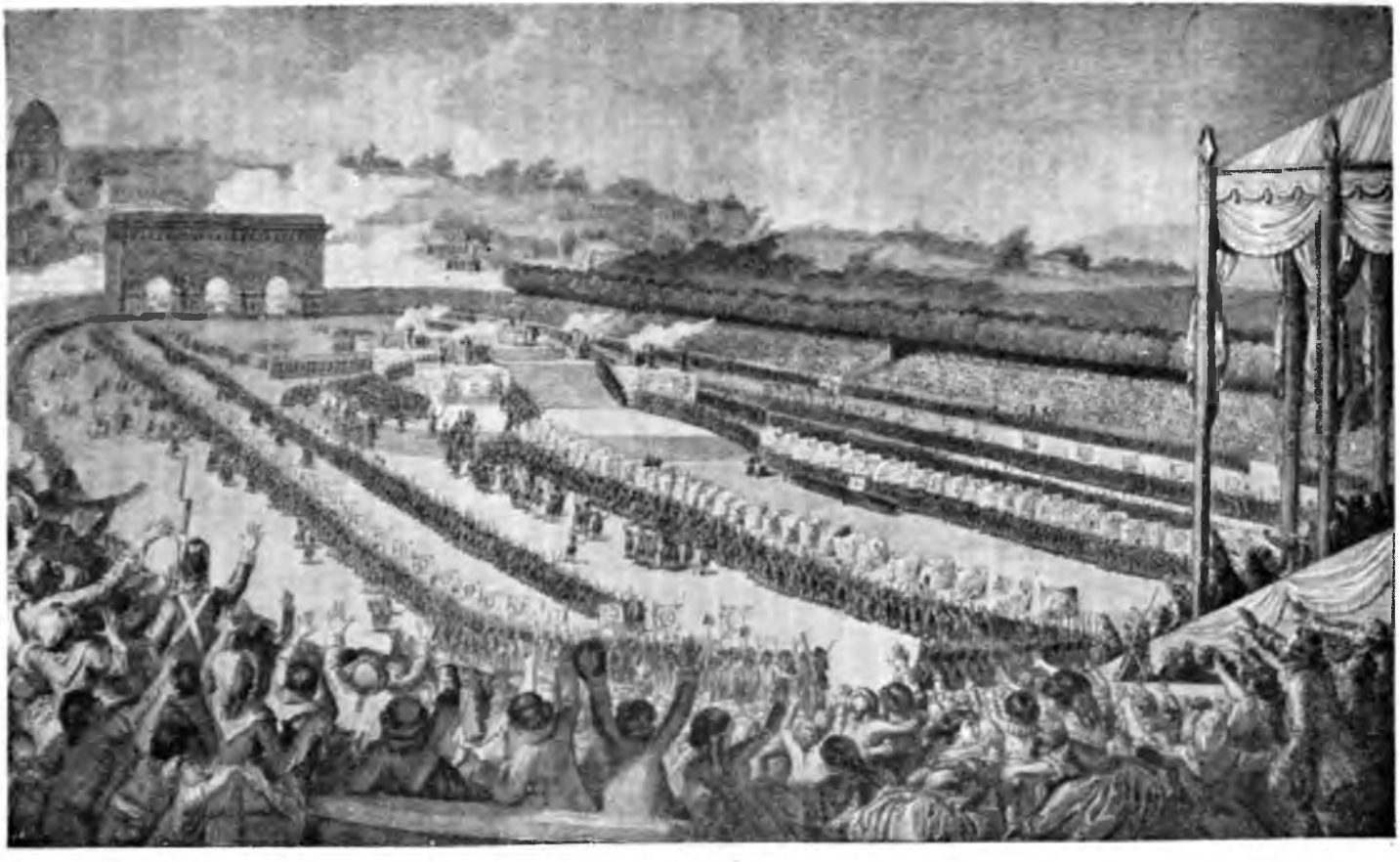
ляло картину столь же грандиозную, сколь и гармоничную по пропорциям. Насыпь с амфитеатром ступеней, отведенных для народа, окружала его широким эллипсисом; за нею волнистой линией зеленели деревья. В глубине возвышалась задрапированная светлыми, голубыми и белыми тканями трибуна для членов Законодательного собрания и представителей власти; в центре ее помещался королевский трон. Напротив, на берегу Сены — триумфальная арка в античном вкусе... От набережной до другого края Марсова поля — широкое пространство без всяких украшений; тут украшением должна была служить живая пестрая масса делегатов и армии. В самом же центре, куда естественно устремлялись взоры, в величавом одиночестве возвышалось третье сооружение, больше всех остальных, выше триумфальной арки, выше королевского трона, — «алтарь отечества». Огромный квадратный постамент служил ему основанием. С четырех сторон широкие лестницы в две ступени вели на открытую площадку. В центре круглые, постепенно суживающиеся ступени шли к алтарю, венчающему здание. Оно было просто, с немногими строгими украшениями. На нижних сторонах—античные барельефы; кругом надписи, пестревшие словами: «Народ, Закон, Отечество, Конституция».

Огромное пространство преображенного Марсова поля постепенно заполнилось многотысячной людской массой. Около 300 тыс. зрителей разместились на уступах амфитеатра в ожидании прибытия торжественной процессии, состоявшей из официальных лиц и огромного числа делегатов от департаментов. Сопровождаемая несметными толпами парижан, рукоплещущих и поющих «Ça ira», процессия, двинувшись с места, где стояла Бастилия, в течение четырех часов движется по разукрашенному флагами и цветами городу; к ней постепенно присоединяются члены Национального собрания и королевской семьи, национальная гвардия и т. д. Над рядами федератов реют знамена 83 департаментов Франции. Процессию открывает батальон вооруженных детей; ее замыкает батальон вооруженных стариков. В числе участников процессии — Ж.-Б. Клоотс во главе группы лиц, изображающих своими костюмами представителей других народов. На Марсовом поле, куда процессия прибывает около 3 часов дня, народ, невзирая на проливной дождь, поет и пляшет. Присоединившись к общему ликованию, провинциальные делегаты в пестрых костюмах национальных цветов исполняют местные танцы и пляски, изумляя парижан своим искусством. Устраиваются процессии и пляски вокруг «алтаря отечества». Все смешивается как бы в одном общем ликующем хороводе.

Но вот все стихло. Король в национальном одеянии и королева с перьями национальных цветов на шляпе проходят на приготовленную для них трибуну. Начинается богослужение. Его совершает у «алтаря отечества» член Национального собрания, епископ Талейран, во главе нескольких сот священников в белых одеяниях и трехцветных шарфах. У подножия алтаря — девушки в белых платьях с венками в руках. Играет мощный военный оркестр под управлением Госсека.

По окончании богослужения — салют, и вслед за тем к «алтарю отечества» поднимается начальник национальной гвардии Лафайет. Обращаясь к народу, он от имени всех полков национальной гвардии и французской армии с поднятой рукой произносит присягу на верность Федерации. Раздаются бурные, восторженные крики. Войска повторяют его слова, «потрясая ружьями и ударяя их друг о друга»; взвиваются знамена, звучат трубы, трещат барабаны и снова гремит салют.

Встав со своих мест, четыреста тысяч человек, протянув руки к «алтарю отечества», присоединяются к торжественной клятве, которую



ПРАЗДНИК ФЕДЕРАЦИИ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ 14 ИЮЛЯ 1790 г.
Гравюра Гельмана, рисунок Монне

вслед за Лафайетом произносит председатель Учредительного собрания, а за ним король. По окончании присяги оркестр исполняет торжественное «Te Deum» Госсека. А затем снова начинаются танцы, пляски, песни. До глубокой ночи ликуют парижане. И так в течение семи дней. Город иллюминован и богато украшен. Больше всего веселья на месте разрушенной Бастилии, куда манит надпись: «Здесь танцуют». Ослепительную картину, особенно во время вечерних празднеств, представляют собой и Елисейские поля. «На проволоке между деревьями, — вспоминает Ферьер, — висели фонарики, обвивая их гирляндами огней; целые пирамиды огней размещены на некотором расстоянии друг от друга, разливая вокруг яркий дневной свет, резко выделявшийся среди темноты... Городской буржуа сидел тут с женой и детьми; они ели, болтали. Группы молодежи танцовали под звуки оркестра. Белые платья женщин... усиливали впечатление».

Вся провинциальная Франция, до самых далеких окраин, торжественно отпраздновала этот грандиозный праздник. Везде народ вносил свое творчество в его оформление; везде женщины выступали активными участницами торжеств и горячо присягали перед алтарем отечества на верность родине и Конституции. В Тулузе после принесения присяги женщины, присутствовавшие во время церемонии, обходили амфитеатр и целовали представителей муниципалитета, командира и всех присутствовавших офицеров национальной гвардии. Следуя этому примеру, мужчины, женщины, солдаты принялись целовать друг друга и затем отправились по домам, словно члены одной семьи.

Так зародились народные празднества, которые по мере углубления революции постепенно теряли свой религиозный характер и все более обращались против реакционных традиций и их носителей. Великолепие и блеск этих празднеств увлекали широкие массы города и деревни. Революционные праздники входят в быт населения; в них участвует весь народ, воинские части, правительство. Они сопровождаются музыкой, танцами, плясками, хороводами. Для них создается множество новых революционных песен, быстро приобретающих популярность среди широких масс трудящихся. Число этих празднеств все возрастает.

Народные общества, клубы, секции

Густая сеть народных обществ, которыми покрывается Франция в годы революции, в свою очередь оказывает существенное влияние на жизнь и быт. В первых клубах революции преобладает, правда, буржуазный элемент, так называемые активные граждане, а иной раз во время заседаний в них можно было видеть в отдаленном углу залы слуг, ожидающих своих господ. Но по мере демократизации клубов и их численного роста, они становятся одним из важнейших факторов в жизни широких слоев населения. Во многих клубах, главным образом в прифронтовых зонах, активным элементом клубной жизни являются военные. Начиная с 1790 г. в Париже и в провинции вырастает множество народных обществ, среди которых немало смешанных или «братских» обществ, куда на ряду с мужчинами допускаются женщины и дети. Появляются и чисто женские народные общества. В Дижоне в числе членов женского клуба «Друзей республики» были и крестьянки. Там же существовал детский клуб «Юных друзей республики», в члены которого принимались девочки от 8 до 16 лет. Детские общества существовали и в ряде других городов. В Орийяке в феврале 1791 г. организовался клуб для мальчиков школьного возраста; в Сен-Флуре — «патриотический» детский клуб и т. д. К этому же времени относятся первые сведения о парижских детских обществах; в феврале 1791 г. один из детских клубов Парижа обратился к Якобинскому клубу с просьбой о разрешении вести

с ним переписку. В первые месяцы 1791 г. во Франции существует уже немало детских клубов; они обычно поддерживают связь между собой и в большинстве случаев находятся под руководством народных обществ взрослых.

При свете сальной свечи, приобретенной подчас вскладчину, читались вслух и комментировались в первых народных обществах революции, состоявших из жителей одного или двух смежных кварталов, декреты Национального собрания, Конституция, текущая политическая литература. В провинции, где местная пресса была крайне ограничена, а парижские газеты, доставлявшиеся к тому же с большим опозданием, вследствие дороговизны были доступны лишь немногим, коллективное чтение и обсуждение газет, политических памфлетов и брошюр стало обычным времяпрепровождением граждан в вечерние часы. Здесь же составлялись коллективные письма и петиции. Дети декламировали с «патриотическими интонациями» Декларацию прав, позднее — «Республиканский катехизис». Нередко дети выступали в народных обществах с речами, преимущественно патриотическими. В одних обществах дети не имели права участвовать в прениях, в других они являлись полноправными членами. В последнем случае от них при вступлении требовалось знание Конституции.

Активную роль в народных обществах играют женщины. Они горячо откликаются на все злободневные вопросы, выступают с речами, вносят немало ценных предложений; они поют патриотические песни в начале или в конце заседаний общества, в зависимости от установившейся традиции, весело пляшут после исчерпания повестки дня заседаний. И они же с готовностью горячих патриоток шьют обмундирование для волонтеров, щиплют корпию, откапывают в погребах селитру для нужд войны, братаются с бойцами, поднося им искусно расшитые патриотическими лозунгами знамена, пики с фригийским колпаком на острие, лавровые венки. Они сами учатся владеть оружием и проявляют готовность сражаться с врагами революции, учатся перевязывать раны. По всей стране организуются «батальоны амазонок». В этом движении женщин-патриоток все более активную роль играют женщины рабочих кварталов Парижа и провинции. Революция постепенно отсеивает от женского движения представительниц зажиточной буржуазии, которые в первые революционные годы играли в нем подчас руководящую роль.

В 1793 г. среди женских клубов выделяется «Общество революционных гражданок», руководимое одной из выдающихся женщин революции, Клэр Лакомб, прозванной «Красной Розой». Однако чрезвычайная политическая активность этого женского общества, бурно реагировавшего на все мероприятия Конвента и принимавшего все более революционную окраску, сближавшую его с «бешеными», явилась причиной его разгрома. Конвент осенью 1793 г. издал декрет о запрещении каких бы то ни было женских клубов.

На публичных заседаниях народных обществ посторонняя публика обычно размещалась в специально для нее отведенной части залы, отдельно от членов общества, которые проходили по членским билетам; в билетах отмечалась уплата членских взносов. В одном из филиалов народного общества в Монпелье установилась, например, традиция собираться на заседания общества под звуки набата. С каждого, кто являлся на заседание без кокарды, взимался штраф — в первый раз в размере 10 су, во второй раз — 20 су, подлежавших немедленной уплате. Председатель общества открывал заседание словами: «Да здравствует Республика!» позднее — словами: «Да здравствует Гора!» После оглашения протокола предшествовавшего заседания распевались патриотические

песни, а затем приступали к чтению официальных документов или газет. Далее следовали прения, причем ораторы обязаны были подниматься на трибуну. По окончании прений устраивались танцы, пляски. Такова обычная картина заседания народного общества в годы революции. Политическая физиономия общества, естественно, сказывалась на отдельных деталях, но отклонения от этой обычной картины носили сравнительно второстепенный характер.

Париж в годы революции

В Париже политическая жизнь была, естественно, интенсивнее, чем в провинции. Мы видели, какой огромный интерес вызывали у парижан заседания Национального и Законодательного собраний, как многообразны были проявления политических страстей в садах и кофейнях столицы, на ее площадях и бульварах. В период якобинской диктатуры — вопреки тенденциозным утверждениям реакционных историков и публицистов — в Париже попрежнему бьет ключом полнокровная, яркая жизнь. Трибуны Конвента, Якобинского клуба, Парижской коммуны, Революционного трибунала, парижских секций постоянно переполнены; народ бурно реагирует на выступления ораторов, награждая одних аплодисментами, других — свистками. Политические страсти среди посетителей трибун нередко так разгораются, что приходится прерывать заседания. Человек, не реагирующий аплодисментами на выступление Марата или другого популярного якобинского вождя в Конвенте, немедленно слышит по своему адресу кличку «бриссотинец», «аристократ» — самые оскорбительные в то время ругательства. Парижанин, не располагающий днем свободным временем, чтобы побывать на заседании Конвента, спешит вечером в Якобинский клуб или — в случае, если он живет далеко от Якобинского клуба, — на заседание секции своего района. Секционные заседания происходят ежедневно с 5 часов вечера до поздней ночи. Декрет Конвента от 23 мая 1793 г. предписывал закрывать заседания секций в 10 часов вечера; несколько позднее другой декрет от 9 сентября 1793 г. ограничивал заседания секций двумя днями в неделю; однако, секции обходили эти законы: после 10 часов вечера они превращались в патриотические народные общества, которым разрешались ежедневные заседания. Не только мужчины, но и женщины, просиживали здесь часами; они приводили с собой детей. Дети выступали не только с горячими патриотическими речами, а и с другими проявлениями патриотизма: они приносили в дар секции нащипанную ими корпию, свои небольшие сбережения и принадлежащие им вещи, например оловянные чернильницы, прося перелить их в пули. Сюда, на заседания секций, как и на заседания Конвента и Якобинского клуба, женщины приносили свои жалобы на продовольственные затруднения, тяжесть которых ложилась преимущественно на них: колоссальные очереди за хлебом, мясом, мылом и другими продуктами растягивались иной раз на целые кварталы. Женщины с раннего утра осаждали булочные, мясные и бакалейные лавки, простаивая по семь и более часов и порой уходя без хлеба.

Среди завсегдатаев трибун завязываются знакомства; люди группами выходят из здания Конвента, клуба или секции, продолжая возбужденно обсуждать наиболее волнующие их вопросы. В разговорах не слышно более прежнего обращения на «вы». Люди обращаются друг к другу на «ты», называют своего собеседника «гражданин» вместо прежнего «господин», в соответствии с декретом Конвента от 8 ноября 1793 г. Обращение на «вы» звучит оскорблением и приводит к столкновениям и ссорам на улицах, в кафе и в других публичных местах, где попрежнему с утра до ночи толпится народ. С жаром толкуют о событиях дня: об

известиях с фронта, об очередном декрете Конвента, о приговоре Революционного трибунала, о выдающейся речи в Якобинском клубе, о дороговизне — обо всем, что волнует сегодня умы. Народ с жадностью набрасывается на газеты; киоски книгопродавцов с утра осаждаются нетерпеливой толпой; газеты разбираются нарасхват, несмотря на непомерно вздутые цены. Немало народа собирают около себя многочисленные разноцветные афиши и воззвания, расклеенные на стенах и воротах домов, главным образом в центральных кварталах Парижа. Уличные певцы распевают патриотические песни, приуроченные к последним событиям. Многочисленные, всегда переполненные, как и в первые годы революции, столичные кафе попрежнему носят каждый свою политическую окраску. В одних, преимущественно тех, которые расположены на бульварах, посетители — горячие патриоты — распевают патриотические песни, другие, главным образом в саду Палэ-Рояля, служат теперь местом сборищ реакционных элементов, которые под шум музыки «отводят душу» в контрреволюционных разговорах.

Новое, небывалое явление на улицах Парижа — «братские трапезы». У дверей домов расставлены столы, за которыми обедают и ужинают все граждане данного квартала: мужчины, женщины, взрослые, дети, люди различных состояний и достатка. Каждый приносит свою еду; иной раз несколько соседних семей устраивают совместную «трапезу». За едой поют патриотические песни, дети читают наизусть Конституцию. И так в продолжение ряда месяцев, даже зимой. Таким путем пытались претворить в жизнь идею равенства. Но эти трапезы враги революции использовали подчас для контрреволюционной пропаганды.

Внешний вид Парижа мало изменился за годы революции. Конвент, правда, неоднократно объявлял конкурсы по украшению и оздоровлению столицы. 10 мессидора II года был объявлен конкурс на лучшие проекты водопровода, канализации, проекты широких, снабженных тротуарами улиц, фонтанов, площадей, театров, рынков, школ, общественных бань, уборных, кладбищ и т. д. Несколько ранее, 6 флореаля II года, был объявлен конкурс на лучший проект реконструкции здания Оперы в крытый амфитеатр для национальных празднеств; на проекты монументальных сооружений для увековечения выдающихся событий революции и лучших людей, погибших за родину. Проектировалось украсить сады столицы триумфальными арками и статуями; возвести статуи на площади Победы и на Новом мосту, поставить бронзовую статую Руссо, архитектурно украсить ряд общественных зданий и т. д. и т. п. Конвент призывал также архитекторов и художников представлять простые и экономные проекты более удобных и санитарных жилищ для сельского населения.

Но почти все эти проекты оставались «благими пожеланиями». Они в то время и не могли быть претворены в жизнь. Улицы Парижа попрежнему узки и грязны, движение затруднено. Так же тускло горят фонари, рабочие окраины тонут во мраке. Зато над каждой дверью надпись: «Свобода, Равенство, Братство»; улицы, площади, бульвары, сады носят новые, революционные названия: улица Закона, улица Марата, площадь Пик, дворец Равенства; бывший сад Тюильри переименован в Национальный, предместье Сент-Антуан в предместье Славы и т. д. Статуи королей на площадях заменены фонтанами, пирамидами, статуями Свободы, Нации и другими эмблемами революции. Множество церквей превращено в клубы, церковные колокола перелиты в пушки. В 1793 г. у каждого дома появляется список жильцов с указанием их возраста и профессии. На многих фасадах надпись: «На гибель тиранам живущие в этом доме сдали полагающуюся порцию селитры».

Революционные имена и революционный календарь

Люди носят новые имена. Одни присваивают себе имена знаменитых персонажей древности — Брута, Сцеволы, Солона и пр.; другие — имена выдающихся деятелей революции. Детей называют Жанна-Мария-Либерте (Свобода), Пьер-Репюбликен (Петр-Республиканец), Александр Пон-Нёф, Петион-Насиональ-Пик, Марат, Максимилиан, Лун-Термидор, Декади, Мессидор и другими именами, заимствованными из нового революционного календаря.

Революционный календарь, принятый Конвентом 25 октября 1793 г. по проекту Фабр-д'Эглантина, постепенно входит в быт населения, правда, не без сопротивления, особенно в сельских местностях. Согласно новому календарю, которому надлежало заменить христианское летосчисление, «осквернённое предрассудками и ложью, исходившими от трона и церкви», летосчислением, построенным на основе революционного патриотизма, год начинается с 22 сентября 1792 г. — дня основания республики, и подразделяется на 12 месяцев по 30 дней в каждом. Каждый месяц, в свою очередь, делится на 3 декады, по 10 дней в каждой. Наименования месяцев отражают специфические черты соответствующего времени года. Три осенних месяца называются: вандемьер — месяц сбора винограда (сентябрь — октябрь), брюмер — месяц туманов (октябрь — ноябрь), фример — месяц изморози (ноябрь — декабрь); три зимних месяца: нивоз — месяц снега (декабрь — январь), плювиоз — месяц дождей (январь — февраль), вантоз — месяц ветров (февраль — март); весенние месяцы: жерминаль — месяц прорастания семян (март — апрель), флореаль — месяц цветов (апрель — май), прериаль — месяц лугов (май — июнь). И, наконец, летние месяцы: мессидор — месяц жатвы (июнь — июль), термидор — месяц жары (июль — август) и фрюктидор — месяц плодов (август — сентябрь). Дни месяца не посвящаются больше памяти святых; они посвящены цветам, овощам, плодам, животным, сельскохозяйственным орудиям и т. д. Вместо воскресения празднуется каждый десятый день — декади. Праздничными днями являются также остающиеся до полного простого или високосного года пять-шесть дней, получившие название «санкюлотид», дней народных торжеств. Санкюлотиды, или «дополнительные дни», посвящаются праздникам Гения, Труда, Подвигов, Наград и Общественного мнения. Шестая санкюлотида посвящается просто национальным играм.

Революционные праздники в период якобинской диктатуры

Революционные праздники, которыми изобилует период якобинской диктатуры, носят самый разнообразный характер. Наряду с периодически повторяющимися празднествами, посвященными выдающимся революционным датам, организуется множество празднеств в ознаменование отдельных событий общенационального или местного значения, вплоть до секционных празднеств.

Каждый из этих праздников по-своему значителен. Каждый из них по-своему отражает величие революционной эпохи, революционный пафос и патриотический пыл огромных масс трудового народа. Вот, например, новый праздник, посвященный провозглашению Конституции 1793 г. — «Праздник единства и нераздельности республики», впервые отмеченный 10 августа 1793 г. На восходе солнца на площади, где раньше возвышалась Бастилия, собрались все члены Конвента, народные общества, делегаты первичных собраний департаментов, огромные толпы народа. Среди развалин Бастилии возвышается «Источник Возрождения» в виде колоссальной статуи Природы с надписью на ее основании: «Все мы дети ее». Из сосков ее грудей, которые она сжимает руками, льются в бассейн две струи чистой воды, символ ее неиссякаемого плодородия. После речи

во славу Природы президент Конвента подставляет под струю агатовую чашу, совершает из нее возлияние вокруг статуи и, выпив воду, передает чашу по очереди комиссарам департаментов; каждый комиссар пьет из чаши под пушечный выстрел, возвещающий о совершении этого акта братства и единения. По окончании церемонии процессия под залпы пушек направляется вдоль бульваров.

Шествие открывают народные общества, над рядами которых реют знамена с изображением всевидящего ока, взор которого пронизывает густое облако; за ними следуют члены Конвента с букетами из колосьев и фруктов в руках; восемь членов Конвента несут носилки с открытым ковчегом, в котором видна Декларация прав и Конституция. Комиссары департаментов, соединенные друг с другом трехцветной лентой, цепью окружают Конвент. Далее следуют около 8 тыс. делегатов первичных собраний; каждый делегат держит в одной руке пику, в другой — ветку оливы. За ними — члены Коммуны в трехцветных шарфах, судьи с трехцветными лентами на шее и несметные толпы народа, украшенные различными эмблемами революции. Группа военных везет на украшенной гирляндами повозке, запряженной восемью белыми лошадьми, урну с прахом героев, погибших за родину. Бодро играет военная музыка. Шествие замыкают отряды пехоты и кавалерии; на покрытых коврами носилках, усеянных лилиями, покоятся «останки гнусных аттрибутов королевской власти» — трон, корона, скипетр, герб и пр.

На бульваре Пуассоньер процессия останавливается у триумфальной арки, под которой на лафетах пушек сидят героини 5—6 октября 1789 г. Председатель Конвента обращается к ним с приветствием, затем обнимает их и возлагает на их головы лавровые венки. Женщины присоединяются к процессии. Третья остановка — на площади Революции у статуи Свободы, украшенной зелеными ветвями, увешанными красными колпаками, трехцветными лентами и другими дарами Свободе. У подножия статуи приготовлен огромный костер; комиссары департаментов с факелами в руках поджигают его; аттрибуты королевской власти ярко пылают. Четвертая остановка на площади Инвалидов, посреди которой на горе, символизирующей Гору, — партию Конвента, — возвышается колоссальная статуя, изображающая французский народ, свергающий феодализм. На Марсовом поле — пятая и последняя остановка. Здесь две фигуры — эмблемы равенства и свободы — держат трехцветную ленту с подвешенным на ней большим ватерпасом — символом равенства.

По ступеням к «алтарю отечества» всходят все почетные лица. Стоя на верхней ступени, председатель Конвента оглашает результат голосования всех департаментов, единодушно присоединившихся к Конституции. Затем он кладет акт о Конституции в ковчег, поставленный на «алтарь отечества». Раздается артиллерийский залп; он смешивается с громкими восторженными возгласами народа. После этого комиссары департаментов вручают свои пики президенту, который соединяет их в одну связку, скрепленную трехцветной лентой. И снова гремят пушки, а затем члены Конвента в сопровождении остальных участников торжества проходят на другой конец Марсова поля, к храму, построенному для принятия праха защитников республики. Президент ставит туда урну. Праздник заканчивается братской трапезой, танцами и пением. В 10 часов вечера пушки возвещают о начале пантомимы «Осада Лиона».

А вот другой, военный, праздник 30 декабря 1793 г. в ознаменование взятия Тулона и других побед республиканских армий, один из самых радостных праздников революции. В 7 часов утра при звуках артиллерийского залпа, возвещающего о начале празднества, выступают вооруженные депутации 48 секций Парижа, одновременно вливающиеся в сад

Палэ-Насиональ (бывший Тюильри). Оттуда процессия направляется к Марсову полю.

Впереди, предшествуемый военными трубачами, выступает отряд кавалерии. За ним следуют 48 пушек по одной от каждой секции; далее — народные общества, революционные комитеты, члены Революционного трибунала, Коммуны, представители революционной власти, победители Бастилии. Над рядами демонстрантов — море знамен. Девушки в белых платьях с трехцветными поясами, с лавровыми ветками в руках сопровождают 14 колесниц, изображающих 14 республиканских армий. За колесницами, везущими раненых бойцов, шествует Конвент. Далее многочисленная группа барабанщиков, за нею оркестр национальной гвардии и, наконец, последняя, самая роскошная колесница — колесница Победы; на ней — взятые у неприятеля знамена. На статуе Победы — символ национального единства: связанные воедино венки, с которых спускаются лавровые гирлянды с трехцветными лентами. Шествие замыкает отряд кавалерии с музыкой и трубачами. Процессия останавливается у храма Человечества (бывший Дом инвалидов), где воздаются почести ветеранам национальной гвардии. На Марсовом поле в храме Бессмертия исполняются военные гимны. Под звуки воинственной музыки и победных песен увозят раненых воинов, которых ждет «братский банкет».

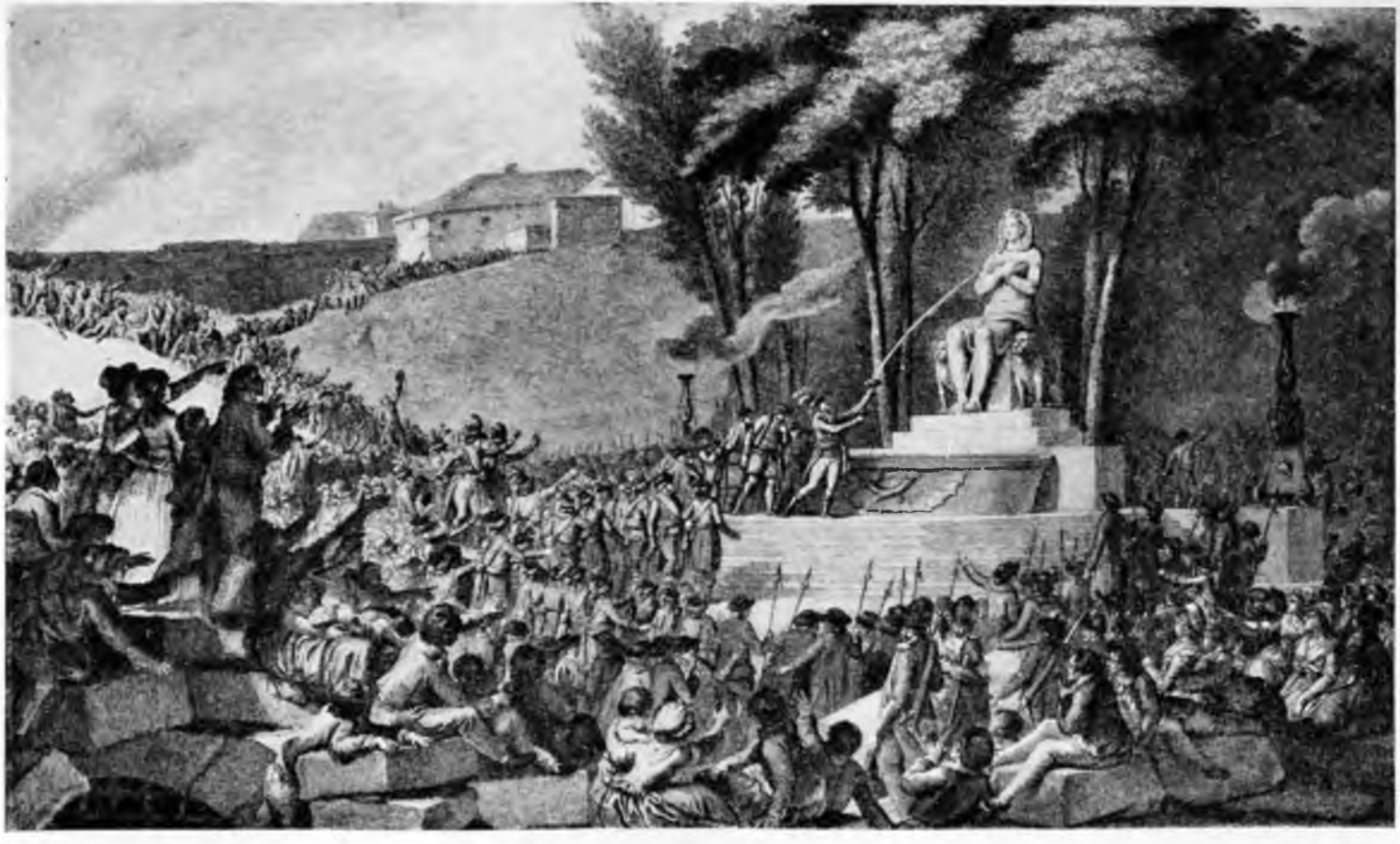
Успех этого праздника был необычаен. В Париж съехалось множество народа из окрестных коммун. Столица была объята всеобщим ликованием. На улицах слышны были песни и патриотические гимны. В общественных местах то и дело раздавались возгласы в честь Нации, Республики и храбрых санкюлотов, одержавших победу над врагами революции. Город был ярко иллюминован. Марсельеза, «Ça ira», наиболее популярные песни революции, не сходили с уст. Веселье продолжалось до полуночи.

Грандиозные празднества 1793—1794 гг. в честь Разума, а потом в честь «верховного существа», призванные вытеснить старый католический культ, были в такой же мере проникнуты революционным патриотизмом, как и другие праздники революции. Чувства патриотизма преобладают и в любом местном празднике этих лет. Вот, например, парижский праздник 20 марта 1793 г. (30 вантоза II года). К Конвенту направляется процессия учащихся, торжественно несущих в дар Конвенту образцы рафинированной селитры для нужд обороны, изготовленной по освоенному ими усовершенствованному способу. Вместе с ними несут свой дар Конвенту сорок восемь парижских секций; каждая несет добытую ею селитру в том или ином «революционном оформлении»: одна несет селитру на львиной шкуре, другая соорудила из нее пирамиду в виде горы, третья украсила ее национальными цветами, четвертая — пальмами, дубовыми венками, гирляндами цветов и т. д. «Процессия, — сообщает «Монитер», — была столь же блестящей, сколь и многолюдной. Далеко растянувшееся шествие открывали и замыкали воинские части. Военная музыка исполняла любимые республиканские гимны».

Сугубо патриотический характер носили и усиленно внедрявшиеся в общественный быт декадные праздники. Интересно, что на декадных праздниках у «алтаря отечества», у «дерева свободы» или у подножья «священной горы» торжественно совершаются гражданские бракосочетания и крестины в революционном духе, произносятся речи, восхваляющие различные гражданские и семейные добродетели, главным образом материнство.

Гражданские браки и разводы

Гражданские браки, получившие особое распространение с 1792 г., после декрета Законодательного собрания о секуляризации актов гражданского состояния, обычно оформляются в муниципалитете. В Париже они совершаются в большом зале Ратуши перед украшенной цветами статуей



ПРАЗДНОВАНИЕ СВЕРЖЕНИЯ МОНАРХИИ 10 АВГУСТА 1793 г. «ИСТОЧНИК ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Гравюра Гельмана, рисунок Монне

Гименея. Член муниципалитета в карманьоле [1] и фригийском колпаке зачитывает будущим супругам соответствующий закон, после чего они расписываются в книге регистрации актов **гражданского состояния.** Обряд не имеет строго установленной, единой формы. В городе Бовэ, например, совершающий обряд бракосочетания мэр опоясан трехцветным шарфом. Жених и невеста дают друг другу клятву верности и соединяются «во имя закона, верховного существа и родины». Затем мэр поздравляет новобрачных и награждает обоих «братским поцелуем». В других местах в обряд бракосочетания вносятся свои, специфические **местные черты.**

В муниципалитете совершаются и разводы. Многочисленные петиции населения о разрешении развода «для несчастных супругов, изнывающих в цепях неудачного брака, нередко внушающего отвращение», депутации женщин, требовавших на ряду с другими правами права развода, возымели действие лишь в сентябре 1792 г. Вслед за соответствующим декретом Законодательного собрания от 20 сентября 1792 г. по всей Франции последовали многочисленные разводы. В одном Париже за три месяца 1793 г. было совершено 562 развода при 1785 браках.

Гражданские похороны

На ряду с гражданскими браками и разводами постепенно входят в быт населения и гражданские похороны. Впереди похоронной процессии вместо священника идет гражданский комиссар в фригийском колпаке Свободы; гроб покрыт трехцветным покровом; дорога к кладбищу окаймлена трехцветными флажками. Вместо церковных гимнов слышится пение «Карманьолы».

Величественное зрелище представляют собой похороны выдающихся деятелей революции. В период якобинской диктатуры особеннои торжественностью отличались гражданские похороны Марата. Тело Марата было выставлено в церкви Кордельерского монастыря на эстраде, украшенной трехцветной драпировкой. Оно было обнажено до пояса, чтобы видна была рана. Голова была увенчана лавровым венком. Справа стояла ванна, в которой был убит Марат, слева видна была окровавленная рубашка. У изголовья два человека поливали из губок тело и покров ароматическим уксусом; в церкви непрерывно жгли благовония.

К вечеру начинается погребальная процессия. Гроб несут 12 человек в окружении девушек в белых платьях с ветками кипариса в руках и юношей с сосудами, в которых горят благовония; далее несут ванну. За гробом идут члены Конвента, муниципалитета, Генерального совета Коммуны, Революционного трибунала, клуба Кордельеров, депутация от Якобинского клуба, члены революционных комитетов и несметные толпы народа под знаменами парижских секций. С наступлением ночи зажигаются факелы. Высокие силуэты домов на фоне черного неба, отблески факелов, движущаяся то с пением и громкими возгласами, то в глубокой тишине, огромная толпа, отдаленные раскаты грома — все это придает процессии особую величавость. Около полуночи процессия возвращается к саду Кордельерского монастыря, где должно состояться погребение. Ворота в сад обтянуты трехцветной материей и украшены огненной надписью: «Храм Свободы». Под деревьями приготовлена могила в форме холма из каменных глыб с отверстием, ведущим в склеп, закрытый железной решеткой. Над входом помещается урна с сердцем Марата; на вершине холма пирамида с надписью: «Здесь покоится Марат, Друг Народа, убитый врагами народа 13 июля 1793 г.». После траурных речей президента Конвента и других представителей власти перед моги-

[1] Карманьола — короткая куртка.

лой проходят все секции Парижа, каждая под своим знаменем; всю ночь мужчины с пиками, женщины и дети проходят перед могилой. Под раскаты грома и пушечную пальбу, при свете молнии они клянутся отомстить за смерть вождя.

Так революционный французский народ в годы суровых боев с внешней и внутренней контрреволюцией, терпя жестокие лишения в условиях хозяйственной разрухи, любовно и восторженно создает новые, революционные традиции; в прекрасных, поистине художественных празднествах, в величавых, трогательно-наивных похоронных процессиях выражает он свою радость и горе. И чем острее становится классовая борьба, чем глубже революция, тем богаче революционным содержанием народные манифестации. Похороны Мирабо с участием аристократии и духовенства — и подлинно народные похороны Марата; первый праздник Федерации 1790 г. с его религиозно-монархической окраской — и революционные празднества 1793—1794 гг., выражавшие лучшие стремления республиканской Франции — таковы внешние вехи большого пути, пройденного за годы революции главными ее творцами, плебейскими массами города и деревни.

Эти плебейские массы гордо носили презрительную кличку «санкюлотов», брошенную по их адресу контрреволюционной аристократией. В образе подлинного «санкюлота» сочетались лучшие черты народных революционеров конца XVIII в. Санкюлот — это пламенный патриот-республиканец, готовый беззаветно отдать свою жизнь за дело революции, за дело народа. Воодушевленный идеями свободы, равенства, братства, он мужественно бросается в бой с многочисленными врагами революции, внешними и внутренними; и он же гордо и радостно выступает в первых шеренгах энтузиастов, строящих на развалинах старого мира новую жизнь с ее праздниками и героическими буднями. В одежде трудового народа — в широких черных штанах и в короткой куртке, с платком на шее, в деревянных башмаках и в шапке с трехцветной кокардой — он бодро и уверенно шагает в рядах демонстрантов в торжественные дни революции. Героически перенося бедствия голода и нищеты, он обрушивается с горячей патриотической речью на всякого, кто злонамеренно пытается разжечь недовольство народа, используя продовольственные затруднения. Зажигаясь патриотическим огнем, измученные голодом люди, терпеливо выстаивающие часами в бесконечных очередях, отвечают на контрреволюционную агитацию громкими возгласами: «Да здравствует республика!»[1]

Активным борцом за дело революции выступает, как мы видели, и французская женщина. Революция вывела женщину из узкого круга домашнего быта. Она выходит на арену общественно-политической жизни и мужественно борется за общие идеалы революции и за свое собственное освобождение. Буржуазная революция не пошла, однако, дальше некоторого расширения прав женщины в семейном быту. Она не дала женщине политических прав. Тщетны были усилия выдающихся женщин революции, Теруань-де-Мерикур, Клэр Лакомб и других, завоевать политическое равноправие для женщин, да и сами женщины в массе своей не понимали еще в то время необходимости и важности такого завоевания. Политически бесправная французская женщина, однако, всеми доступными ей средствами проявляет свою преданность революции. Мы видим ее в числе передовых борцов в великие дни народных выступлений, 14 июля, 5—6 октября 1789 г., 10 августа 1792 г., 31 мая — 2 июня 1793 г. и т. д. Мы находим ее в дни народных торжеств в первых рядах на многочисленных революционных празднествах; мы слышим ее с трибуны Национального и

[1] Донесение комиссара Конвента от 19 февраля 1794 г. (1 вантоза II года).

Законодательного собраний, у решетки Конвента; активная участница многочисленных народных обществ, она горячо откликается на все мероприятия органов революционной власти; она проявляет чудеса неустрашимости и мужества на фронтах, великий патриотизм и гражданскую доблесть в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией.

Французская буржуазная революция не уничтожила да и не способна была уничтожить нищету среди трудящихся масс. «Единственной в мире революцией, которой довелось показать народу не только свои политические результаты, но и результаты материальные», является Октябрьская социалистическая революция в России.[1] Но революция конца XVIII века, подняв на борьбу с феодально-монархическим строем широкие массы трудового народа, оказала огромное революционизирующее влияние на жизнь и быт не только французского, но и всего европейского общества. Сметя «исполинской метлой весь отживший сор давно минувших веков», она выступила с идеями и лозунгами свободы и демократии, в которые передовые борцы революции, плебейские массы, вкладывали *свое* содержание. Эти плебейские массы, увлеченные мечтами о подлинном равенстве и братстве, показали великий образец революционной борьбы со всеми остатками отжившего строя. Неизгладимая печать революционного творчества народа лежит на нравах и традициях эпохи 1789—1794 гг., и именно поэтому они не утратили своего обаяния и в наши дни, дни великой, беспримерной стройки бесклассового коммунистического общества.

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11. М. 1939, стр. 499.

Глава пятнадцатая

ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИСТОРИОГРАФИЯ ДО МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Задолго до начала революции французские буржуазные «просветители» XVIII века выдвинули развитую затем Кондорсе идею бесконечного прогресса человечества. Эта идея была тесно связана с рационализмом просветителей, с их стремлением представить тот порядок, который они подготовляют, как порядок, соответствующий требованиям «разума». Теория прогресса представляла известный шаг вперед в развитии исторической мысли, но, с другой стороны, тот же рационализм приводил наиболее радикальных представителей буржуазной идеологии к своеобразному антиисторизму. Противопоставляя «разумный» порядок порядку, исторически сложившемуся, просветители осуждали историческое прошлое как «неразумное», исторически сложившиеся общественные формы как формы, с точки зрения «разума», случайные и нелепые. «Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены как старый хлам. Было решено, что до настоящего времени мир руководился одними предрассудками и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения».[1] Рационализм препятствовал развитию тех зачатков научного материалистического понимания общественных явлений, которые мы находим у некоторых мыслителей второй половины века (Руссо, Рейналь). Сколько-нибудь заметный сдвиг в этом направлении может быть отмечен лишь во время революции, под влиянием ее опыта, побуждающего пересмотреть по-новому приведший к революции исторический процесс (Барнав).

Аристократия, естественно, была склонна высоко ценить традиции, освящающие ее привилегии. Ее стремление установить преемственную связь исторических форм, подчеркнуть значение исторической традиции обнаружилось с большой силой тогда, когда против революции поднялась волна феодально аристократической реакции, когда в результате отхода крупной буржуазии Франции от революции, установления империи и последовавшей за ней реставрации, эта волна захлестнула всю Европу. Идеям передовой буржуазии XVIII века о прогрессе человече-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 25.

ства, как результате достижений человеческого ума, «механизму и атомизму «Просвещения» была противопоставлена реакцией теория органического развития, провозглашавшая необходимость подчинения индивида исторически сложившимся семейным, патриархальным, сословным, государственным связям; культу разума противопоставлялся творящий историю мистический «дух народа»; преклонению перед античной культурой — апофеоз Средневековья.

В такой обстановке зародился в конце XVIII и приобрел особенно большое влияние в начале XIX века романтизм как реакция против просветительства. «Первая реакция против французской революции и связанного с ней просветительства была естественна, — указывал Маркс, — все получало средневековую окраску, все представлялось в романтическом виде». [1] Не случайно первым знаменосцем и основоположником романтизма выступил от лица английской правящей олигархии Эдмунд Бёрк — самый ярый проповедник крестового похода против революционной Франции и непосредственный вдохновитель таких романтических идеологов французского легитимизма, как Жозеф де Местр и Шатобриан. Тем не менее, романтизм оставил заметный след в науке, так как в той или иной мере окрасил в дальнейшем не только реакционные, но и передовые умственные и общественные течения своего времени и способствовал проникновению в них элемента историзма. Лишь на почве историзма можно было преодолеть свойственную XVIII веку односторонность, то, что было химерического в «просветительстве», то, что составляло «нелепости, понятные у людей XVIII века», но ставшие в XIX веке, в результате богатейшего исторического опыта французской революции, препятствием для дальнейшего развития науки.

Без учета своеобразного и творчески преломившегося влияния, с одной стороны, просветительства и французской революции, с другой стороны, романтизма не могут быть поняты ни Гегель, ни Сен-Симон, — две крупнейшие вехи дальнейшего развития исторической науки. Эти два гиганта мысли расчистили почву, на которой история вообще, история французской революции, в частности, могла быть поставлена на действительно научную основу. Оба они — каждый по-своему — пытались истолковать весь исторический процесс, как процесс строго закономерный, каждая фаза которого, равно как и их последовательная смена, исторически мотивированы. В то время как историческая конструкция Гегеля оставалась чисто идеалистической, Сен-Симон — этот «сын французской революции» — сделал новый крупный шаг в направлении материалистического истолкования истории, попытавшись изобразить исторический процесс, как процесс борьбы общественных классов.

Историки периода реставрации (Минье, Тьер)

От классической немецкой философии — с одной стороны, и Сен-Симона — с другой, отправлялись два крупнейших представителя первой заслуживающей внимания исторической школы XIX века — школы так называемых «историков периода реставрации» — Гизо и Тьерри. Первый из них был большим поклонником и тонким знатоком немецкой философии, второй — учеником и одно время даже сподвижником Сен-Симона.

Историки периода реставрации (для историографии революции важны труды Минье и Тьера) отражали настроения либеральной буржуазии, относившейся враждебно к династии Бурбонов и к дворянской реакции. У этих историков, как отмечал Маркс, уже было известное представление о борьбе классов. Но понятие о борьбе классов они, как и их предшественники Вольней и Барнав, суживали, сводя

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV. стр. 34.

его преимущественно к борьбе буржуазии с дворянством. Буржуазию же они рассматривали, как представительницу интересов всего французского народа, за исключением дворянства и духовенства. Эти либеральные историки отрицали, следовательно, наличие особых классовых интересов у пролетариата, которому, по их мнению, следовало всецело подчиниться руководству более просвещенной и более опытной в политическом отношении буржуазии. Выступая против дворянско-клерикальной реакции, добиваясь политического усиления буржуазии, либералы в то же время выступали против демократии и пролетариата, боясь самостоятельных политических выступлений последнего. Особенно напугала их в этом отношении революция 1848 г., показавшая, что французский пролетариат уже стал осознавать свои особые классовые интересы, противоположные интересам буржуазии. Маркс писал об одном из наиболее известных историков времен реставрации, Огюстене Тьерри, который в своем большом труде «История формирования и развития третьего сословия» пытался изобразить буржуазию, как основную прогрессивную силу, создавшую современную Францию: «Очень заинтересовала меня книга Тьерри «Histoire de la formation et du progrès du tiers état», 1853. Удивительно, как этот господин, le père «классовой борьбы» во французской историографии, гневается в предисловии на «новых», которые, с своей стороны, видят антагонизм между буржуазией и пролетариатом и полагают, что следы этого противоречия можно открыть уже в истории tiers état до 1789 г. Он старается доказать, что tiers état включает в себя все сословия, кроме noblesse и clergé, и что буржуазия играет свою роль в качестве представительницы всех этих остальных элементов.»[1] Маркс пишет далее: «Если бы господин Тьерри прочитал наши вещи, то он знал бы, что решительный антагонизм между буржуазией и peuple, естественно, начинается лишь тогда, когда она перестает противостоять clergé и noblesse в качестве tiers état. Что же касается racines dans l'histoire de l'antagonisme, то как раз его книга дает наилучшее доказательство того, что racines эти появились с возникновением самого tiers état».

Тем не менее работы историков реставрации по истории революции конца XVIII века имели огромное для своего времени значение. Они лучше, нежели их предшественники, понимали метод исторического исследования, использовали в гораздо большей мере первоисточники и дали систематическое изложение основных событий революции. Но и историки периода реставрации были еще очень далеки от понимания подлинно научного метода изучения истории. Характерно, между прочим, что они уделяли главное внимание чисто политической истории революции, преимущественно борьбе партий в представительных собраниях. Экономической историей они мало занимались, роль народных масс они оставляли в тени или расценивали, как выступления тупой и жестокой черни. В то же время и самый способ обработки материала первоисточников, который применяли историки данной группы, далеко нельзя считать научным.

В 1824 г. вышла в свет книга Минье «История французской революции». Минье, выходец из мелкобуржуазной среды, был по образованию юристом. Либерал, противник реставрации, Минье вместе с Тьером принимал участие в основании буржуазной газеты «Насьональ» («National»). В своей работе о французской революции Минье проводит точку зрения либерального буржуа, который полагает, что революция имела положительное значение, поскольку она способствовала возвышению буржуазии, обеспечила ей политическую свободу и рост ее экономической мощи. В этом Минье и видел основные задачи революции. Если он говорит о борьбе

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 48.

классов, то лишь в том ограниченном смысле, на который указывалось выше. Дать подробный и систематический анализ классового состава французского общества в конце XVIII века Минье не пытался. В составе третьего сословия он выделял буржуазию, или средний класс, который шел в революции под знаменем свободы, и толпу или массу, лозунгом которой было равенство. Но подлинная жизнь народной массы, жизнь провинции, даже законодательство революции и ее идейная подготовка мало интересовали Минье: главное внимание он уделял борьбе партий и их вождей в представительных собраниях. Существенно, однако, то, что он рассматривал революцию, как событие, исторически неизбежное и необходимое. Если реакции удалось победить, то эта победа носит временный характер, и рано или поздно либеральные принципы должны одержать верх.

Более развернутое исследование революции дал друг и политический единомышленник Минье — Тьер. В отличие от Минье, который занимался, главным образом, наукой, Тьер был, прежде всего, политическим деятелем и журналистом. В 20-х годах, когда он начал издавать свой труд по истории революции, он был, подобно Минье, либералом и противником реставрации. В 1830 г. он способствовал приходу к власти Орлеанской династии, выражавшей интересы финансовой буржуазии. Став министром короля Луи-Филиппа, Тьер занял антидемократическую и антиреволюционную позицию. Впоследствии, в дни Коммуны, Тьер в качестве главы исполнительной власти залил Париж кровью рабочих.

В предисловии к своей «Истории революции» (первые два тома вышли в 1823 г.) Тьер развивал либеральные принципы. Он доказывал, что современное ему поколение должно защищать то самое дело, которое защищали деятели революции. Но деятелями революции, с точки зрения либерала Тьера, были лишь представители просвещенного общества, т. е. буржуазии. О народных массах он говорил с презрением, употребляя термин «чернь» и изображая народное движение, как проявление жестокости и зверства.

Чрезвычайно характерно также отрицательное отношение Тьера к Бабёфу, которого он называл предводителем больных, т. е. ненормальных, людей, жестоких и кровожадных демагогов.

Хотя Тьер иногда употребляет выражение «борьба классов», но сам он анализирует скорее борьбу партий, нежели стоявших за ними классов. Подобно Минье, Тьер, излагая ход событий, как бы стремился привести читателя к выводу, что все совершалось так, как оно и должно было совершаться. При этом у него проявляется характерная для его политического лица черта: он всегда преклонялся перед успехом и презрительно говорил о потерпевших поражение. Он выражал свое сочувствие последовательно и фельянам, и жирондистам, и термидорианцам, и Наполеону. Якобинцам, разумеется, он не сочувствовал, но, описывая якобинскую диктатуру, он готов был преклониться и перед Робеспьером, как лицом, стоявшим в то время у власти. Но более всего преклонялся он перед Наполеоном, которому и посвятил особый труд, носивший характер панегирика. По мере того, как его политическая позиция становилась все более реакционной, Тьер перерабатывал свою историю революции, отражая в позднейших изданиях свои более реакционные взгляды, не останавливаясь перед прямой фальсификацией в освещении событий революции.

Возрождение революционной традиции (Буонарроти, Левассёр)

В годы реставрации вышли также две работы, о французской революции, написанные в коммунистическом и революционно-демократическом духе: книга о заговоре Бабёфа бабувиста Буонарроти и мемуары якобинца Левассёра. Итальянец Буонарроти в годы революции 1789—1794 гг. переехал во Францию и принял участие в революции, получив звание гражданина Французской республики. Буонарроти был участником

заговора Бабёфа и был приговорен к пожизненной ссылке. Буонарроти остался навсегда верен революционным идеалам своей молодости и памяти Бабёфа. В 1828 г. он выпустил в Брюсселе книгу под названием «О заговоре равных Бабёфа». Книга эта до сих пор является ценнейшим источником по истории бабувизма и вместе с тем одной из первых попыток объяснить революцию не с точки зрения буржуазии, а с точки зрения народных масс.

Истории заговора Буонарроти предпосылает общий очерк истории революции, главным образом, Конвента. Буонарроти понимает, что за жирондистами стоял класс, промежуточный между дворянством и тружениками, класс, гордящийся своими богатствами и своим просвещением. В составе этого класса Буонарроти перечисляет адвокатов, прокуроров, врачей, банкиров, богатых купцов, богатых буржуа и литераторов; иначе говоря, это — крупная буржуазия и буржуазная интеллигенция. Буонарроти обвиняет Жиронду в неискренности ее республиканизма, в готовности продать свободу и в постоянном противодействии всем мерам, идущим навстречу интересам народа. Революция 31 мая—победа искренних друзей равенства над эгоистами — лицемерами, стремящимися использовать революцию, чтобы самим занять место старых властителей. В монтаньярах Буонарроти видит подлинных защитников интересов народа. С самого начала революции они боролись против замыслов старой и новой аристократии. Они были против ограничения избирательного права, против veto короля, против восстановления его власти после бегства в Варенн, против предательств и измен. Они, и только они, поддерживали священный огонь революции. Программа монтаньяров — Декларация прав Робеспьера. Но монтаньяры не имели никогда большинства в Конвенте. Конституция 1793 г. — известный компромисс, но все же она открывала возможности для прогресса дела равенства. Диктатура была совершенно необходима не только для борьбы с внешними врагами. Выборы без предварительной работы по перевоспитанию народа могли бы погубить навсегда народное дело. Робеспьер и Сен-Жюст стремились, по мнению Буонарроти, осуществить программу социальных реформ и приступили уже к этому преобразованию. Это мобилизовало против диктатуры все силы, враждебные равенству. В дантонистах Буонарроти видел бесспорных противников дела народа. Это, в сущности, продолжатели жирондизма в новых формах, люди наживы, продажные интриганы. Робеспьеру удалось сокрушить их вождей; но противники равенства сумели 9 термидора нанести смертельный удар революции. С этого дня власть перешла в руки людей, лицемерно называвших себя демократами, и соединившихся с ними старых защитников аристократии, и революция погибла.

Год спустя после выхода в свет книги Буонарроти (т. е. в 1829 г.) в Париже появились мемуары якобинца Левассёра. Реакционное правительство издало приказ о конфискации книги и подвергло издателей мемуаров суровым репрессиям. В своих мемуарах Левассёр показал революцию с точки зрения самых решительных и последовательных ее участников — якобинцев, у которых до того времени не было возможности открыто высказать свое мнение о революции, тогда как реакционные книги появлялись в большом количестве. Маркс внимательнейшим образом изучал мемуары Левассёра и составил для себя краткий конспект, который он назвал: «Борьба якобинцев с жирондистами». [1]

Особое место в историографии французской революции занимает работа английского писателя и философа Томаса Карлейля под названием «Французская революция», вышедшая в 1838 г.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III ,стр. 599 и сл..

Английский радикальный идеализм (Карлейль)

Карлейль был своеобразной политической фигурой. Сын каменщика, он вырос в трудовой и вместе с тем крайне религиозной семье. Впоследствии он порвал с официальной религией, но остался на идеалистических позициях, став, по определению Энгельса, пантеистом. Как в книге о французской революции, так и в других своих работах (например в «Памфлетах») Карлейль дал резкую критику современного ему социально-экономического строя Англии. По словам Энгельса, «он выступил в литературе против буржуазии в эпоху, когда ее взгляды, вкусы и идеи заполонили всю официальную английскую литературу». [1] В своей критике буржуазии он шел гораздо дальше представителей феодального социализма, которых Маркс характеризует в «Коммунистическом Манифесте». Однако Карлейль критиковал буржуазию не с позиций пролетариата, а с позиций консервативного романтизма, в особенности в позднейший период. Одно время он примыкал к тори, идеализировал средневековье и проповедывал культ «истинной аристократии», или героических личностей, которые, по его мнению, являются главной движущей силой в истории. Симпатизируя бедствующим народным массам, Карлейль был далек от революционных выводов. Он полагал, что мир может быть возрожден скорее путем морального совершенствования людей, лучшим средством для чего является труд. В своих публицистических и литературных произведениях Карлейль отводил много места морализирующим рассуждениям. Карлейль обладал своеобразным стилем: он писал красиво, образно (что отмечал Энгельс), но несколько напыщенно, часто прибегая к отступлениям, восклицаниям, междометиям, обращениям и т. д. Таким своеобразным, крайне эмоциональным стилем написана и его «Французская революция», которую некоторые историки считали скорее поэмой, чем научным трудом. Для своего времени Карлейль использовал довольно значительное количество источников (прессу, мемуары и т. п.). Книга написана очень живо и увлекательно и произвела сильное впечатление на современников, которые зачитывались ею. Карлейль давал яркие, но очень парадоксальные характеристики деятелей революции, называя, например, Дантона «колоссальной реальностью», а Робеспьера «зеленоватой формулой».

Искренно возмущаясь своекорыстной политикой королевского двора и его паразитизмом, Карлейль вполне сочувствовал страданиям народных масс Франции. Революцию он рассматривал, как некую колоссальную стихийную силу, которую трудно осмыслить во всех деталях, но которую нужно воспринять, как нечто неизбежное и как бы предопределенное свыше.

После революции 1848 г. Карлейль сильно поправел; если раньше он, как указывали Маркс и Энгельс, не доводил своей критики капиталистического строя до конца, оставаясь на почве частной собственности, то после революционных событий 1848 г. он превратился в настоящего реакционера, сблизившегося с теми самыми филистерами, которых он так резко критиковал раньше.

Либеральная и демократическая историография. (Ламартин, Мишле, Бюше, Луи Блан)

После июльской революции 1830 г. во Франции у власти встала верхушка буржуазии, финансовая аристократия, возглавлявшаяся королем-буржуа Луи-Филиппом. Июльская монархия проводила политику, которая удовлетворяла интересы лишь этой ничтожной кучки финансистов. Развивающийся капитализм разорял мелкую буржуазию, положение пролетариата ухудшалось, крестьянство также было в тяжелом положении. В стране нарастало революционное

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 281.

движение, возникали тайные общества, оформлялась республиканская оппозиция. В рядах оппозиции, разумеется, не было единства. Буржуазная оппозиция требовала некоторых политических реформ, но была равнодушна к социальному вопросу. Рабочий класс еще не имел своей политической партии. Им пытались руководить эпигоны утопического социализма, предлагавшие различные рецепты разрешения социальных проблем не путем классовой борьбы, а путем примирения классов. Мелкобуржуазные демократы пользовались в рабочем классе известным влиянием.

Различные направления в рядах оппозиции нашли свое отражение и в литературе, посвященной проблемам французской революции. Буржуазные демократы преклонялись перед революцией, они искали в ней ответа на волновавшие их вопросы, но они не были способны правильно понять ее опыт и ее уроки.

Когда вспыхнула революция 1848 г., ее участники, как говорил Маркс, пытались «пародировать то 1789 год, то революционные предания 1793—1795 годов». [1] Они не понимали, что и экономика страны и соотношение классовых сил существенно изменились за годы, прошедшие со времени революции 1789—1794 гг.

Не задолго до революции 1848 г. вышла книга французского поэта и политического деятеля Ламартина — «История жирондистов». Ламартин был буржуазным деятелем, не примыкавшим к какой-либо определенной политической группировке. В 1848 г. он был членом Временного правительства и призывал к «единению классов», к забвению всех противоречий и примирению на основе «братской любви», пытаясь тем самым отвлечь пролетариат от решительной классовой борьбы. В своих работах, посвященных французской революции 1848 г., Маркс дал резкую критику лицемерной позиции Ламартина, усыплявшего пролетариат своей фразеологией.

В своей работе о жирондистах, Ламартин по существу выступает, как апологет этой политической группировки. Работа Ламартина не имеет строго научного характера. Моменты дидактического порядка занимают в работе Ламартина большое место. Она была написана в патетическом, приподнятом стиле. Ламартин не пытался определить классовое лицо жирондистов. Для него это была группа лиц, «брошенных провидением в центр самой великой драмы новых времен...»

Ламартин дал идеализированное изображение жирондистов, не соответствующее исторической действительности. По его мнению, именно они основали республику во Франции, погибли же они якобы потому, что не хотели позволить запятнать свободу преступлениями. После их смерти, по словам Ламартина, из Франции исчезли «юность, красота, иллюзии, гениальность, античное красноречие...» Если современники осудили жирондистов, то будущее, по мнению Ламартина, присудило их к славе и прощению. Он считал, что жирондисты стремились предохранить республику от анархии.

Признавая, что жирондисты совершили очень крупные ошибки, что они не понимали сущности революционного движения и не способны были привести революционную Францию к победе над ее врагами, Ламартин тем не менее, объявил их мучениками, которые погибли за свои убеждения и за свое отечество. Идеализация жирондистов в работе Ламартина не была, разумеется, случайной. Якобинские традиции пугали буржуазию, и деятели типа жирондистов казались ей более приемлемыми, менее опасными.

В 1847 г., накануне падения июльской монархии, вышел в свет первый том труда Мишле под названием «История французской революции» (в семи томах; последний вышел в 1853 г.).

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 323.

Жюль Мишле был мелкобуржуазным демократом с народническим оттенком. В молодости он испытал нужду и лишения, воспитывался в республиканском духе, в духе преклонения перед революцией. Еще в молодых годах Мишле стал преподавать историю, после июльской революции он заведывал одним из отделов Национального архива. Он резко отрицательно относился к католическому духовенству, читал публичный курс, направленный против иезуитов, и выпустил в свет ряд работ, в которых содержалась критика клерикализма.

Мелкобуржуазные идеалистические воззрения Мишле ярко отразились на его труде о французской революции. Мишле совершенно не понимал борьбы классов и даже отрицал ее. На первый план он выдвигал народ, не пытаясь анализировать это понятие. Народ Мишле противопоставлял «просвещенному обществу» — буржуазии и интеллигенции, приписывая народу инстинкт, стихийное чутье, которого лишены образованные круги. Народная революция, по мнению Мишле, должна была носить стихийный характер, в этом-то и заключалась ее сила. Мишле не понимал роли политических партий и стоявших за ними общественных классов. Суть борьбы Горы и Жиронды оставалась неясной для Мишле. Он не понимал прогрессивной роли якобинцев, в которых видел далекую от масс корпорацию, секту чуть ли не церковного характера. Любимый герой Мишле — Дантон, стремившийся примирить Гору и Жиронду. Исторической роли Робеспьера Мишле также не понял. Интересно, что Мишле пытался проводить различие между якобинцами и монтаньярами, причисляя самого себя к последним. Этим он хотел сказать, что часть членов партии Горы не входила в Якобинский клуб, а некоторые деятели, как, например, Дантон, по духу были далеки от него, — были монтаньярами (т. е. членами революционной партии Горы), но не якобинцами.

Идеализируя народ и противопоставляя его буржуазии, Мишле в то же время проповедывал сближение между буржуазией и народом, «единство нации». Мишле провозглашал туманный лозунг братства, единения людей на основе нравственного совершенствования.

Своеобразно у Мишле литературное оформление материала: его история написана в крайне повышенном, патетическом и дидактическом тоне. Мишле все время морализирует, прибегает к лирическим отступлениям, к восклицаниям, он очень сентиментален. В ту эпоху, впрочем, это было довольно распространенным явлением, но у Мишле эти черты изложения были связаны со всем его мировоззрением, с его идеализмом.

История революции Мишле была основана на гораздо большем количестве первоисточников, чем труды его предшественников. Поэтому для своего времени она имела крупное значение.

Работая в течение двадцати лет в архивах, Мишле использовал чрезвычайно ценный материал первоисточников, относящихся к массовому движению во время революции. Он пользовался протоколами Парижской коммуны, протоколами секций (которые впоследствии сгорели во время пожара при подавлении Коммуны в 1871 г.) и протоколами Комитетов общественного спасения и общественной безопасности.

История революции Мишле составила в этом отношении новый этап в историографии французской революции и оказала несомненное влияние и на его современников и на некоторых из последующих историков, например на Жореса.

В отличие от Мишле многие мелкобуржуазные демократы, писавшие в годы июльской монархии, преклонялись перед якобинцами, видели в Робеспьере своего героя. Своеобразна в этом отношении точка зрения Бюше, выпустившего в свет (совместно с Ру) большую (и очень ценную до настоящего времени) коллекцию источников по истории революции

под названием; «Парламентская история французской революции» (вышла в 1834—1838 гг. в количестве 40 томов). До появления (в 60-х годах) Парламентского архива («Archives parlementaires») эта коллекция была важнейшим собранием документов по истории революции. В нее вошли (как это было указано в заглавии) прения в Собраниях и в Якобинском клубе, протоколы Парижской коммуны и Революционного трибунала и другие источники. Бюше искренне пытался совместить в своем сознании и в своей деятельности республиканско-демократические и даже социалистические симпатии с весьма своеобразными католическими фантазиями, считая, что все лучшее в современной цивилизации порождено заветами Евангелия. Одно время он примыкал к сенсимонизму. Он издавал газету «Ателье» («Atelier»), в которой проповедывал создание производительных ассоциаций и принципы христианского социализма. Путаница в общих взглядах Бюше отразилась и на его историческом труде. В тексте, который им помещался в отдельных томах перед документами, Бюше пропагандировал свои общие исторические идеи. Революция, по его мнению, должна была осуществить идеал христианской морали, идеи равенства и братства, якобы возвещенные в Евангелии. Из партий, боровшихся в годы революции, ближе всего, по мнению Бюше, подошли к пониманию задач революции якобинцы. Среди якобинцев Бюше различал хороших и дурных, причисляя к первым исключительно робеспьеристов, хотя и эти последние, по его мнению, допустили ряд ошибок, что он объясняет тем, что они не были католиками. Разумеется философия французской революции Бюше совершенно фантастична. Ценность его труда заключалась в собранных им и Ру документах, а не в его суждениях.

В 1846 г. вышел в свет первый том «Истории французской революции» Луи Блана.

Луи Блан, мелкобуржуазный демократ и эпигон утопического социализма, в годы июльской монархии выступил с пропагандой создания производительных товариществ, средства для которых, по его мнению, должно было дать государство. Луи Блан сеял среди рабочих вредные иллюзии о возможности мирным путем, при поддержке государства (классового характера которого он не признавал) разрешить противоречия между трудом и капиталом. После февральской революции 1848 г. Луи Блан вошел в состав временного правительства. Пытаясь разыгрывать роль примирителя буржуазии и пролетариата, Луи Блан по существу предавал интересы пролетариата. После подавления июньского восстания он вынужден был бежать за границу, хотя и не принимал участия в восстании. Живя в эмиграции в Лондоне, Луи Блан продолжал заниматься историей революции, использовав богатейшие материалы Британского музея.

Для Луи Блана история человечества есть история смены общих принципов — авторитета, индивидуализма и братства. Индивидуализм, — заявлял он, — является принципом буржуазии, братство — принцип народа. Разумеется, Луи Блан совершенно не понимал исторической роли пролетариата. Его идеал — смягчение классового антагонизма, не борьба классов, а примирение их. С этой точки зрения Луи Блан подходил и к оценке партий французской революции.

Сочувствие его — на стороне якобинцев. Он преклоняется перед Робеспьером, в котором видит воплощение добродетели и борца за политическое равенство. Классового характера борющихся партий Луи Блан не признавал. По его мнению, партии отделяла друг от друга только философская противоположность доктрин: жирондисты были последователями Вольтера, якобинцы — последователями Руссо. Луи Блан выражал сожаление о том, что деятели этих двух партий враждебно относи-

лись друг к другу, между тем как они могли бы взаимно дополнить одна другую. Сочувствуя в основном якобинцам, считая, что жирондисты допустили ряд крупнейших ошибок, и заявляя, что они больше заботились о самих себе, нежели о спасении революции, Луи Блан в то же время восхищался «великодушием и героизмом» Жиронды и сожалел о ее гибели. Выдвигая на первый план робеспьеристов, Луи Блан резко отрицательно относился к «бешеным» и эбертистам.

Для своего времени «История» Луи Блана была произведением крупного значения: он использовал большой фактический материал; им были затронуты некоторые вопросы, почти не освещавшиеся предыдущими историками, например экономические проблемы. В то же время его попытка изучить корни революции, ее идеологическую подготовку, ее ход и результаты оказалась совершенно неубедительной и неудачной.

Труды Мишле и Луи Блана имели большое влияние, они не раз переиздавались и внимательно изучались. Но мелкобуржуазные демократы, по-своему горячо сочувствовавшие революции и пропагандировавшие ее идеи, не могли дать подлинно научной ее истории, так как они не могли правильно поставить вопрос о ее движущих силах, вследствие чего истинное ее значение от них ускользало.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Объективный, подлинно научный анализ движущих сил французской буржуазной революции дали в своих работах основоположники марксизма, творцы революционной теории пролетариата. Только они могли точно и ясно ответить на вопрос о роли и значении французской революции в истории человечества. Они отдали свою жизнь делу рабочего класса, делу социалистической революции. Для руководства великой борьбой во имя лучшего будущего всего человечества не требовалось искажения исторического прошлого. Чтобы уяснить перспективы развития общества, они должны были показать закономерности, вызвавшие смену общественных формаций и определившие торжество капитализма над феодализмом. У Маркса и Энгельса нет специальных работ по истории французской революции. Но к общей оценке революции и к освещению отдельных проблем ее истории они неоднократно возвращались на протяжении своей революционной, в частности научно-литературной, деятельности. В своих исследованиях они были свободны от всякой предвзятой точки зрения; они могли делать смелые и решительные выводы там, где в нерешительности останавливались буржуазные историки. Эта объективно-научная оценка революции дала возможность извлечь из опыта буржуазной революции конца XVIII в. ряд ценнейших для пролетариата уроков.

Маркс и Энгельс показали, что французская революция, подобно английской, была революцией «европейского масштаба», первая из них выражала «победу семнадцатого века над шестнадцатым», вторая — «победу восемнадцатого века над семнадцатым». [1] В обеих революциях победила буржуазия, «но победа буржуазии означала тогда победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, разделения собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над фамильным именем, промышленности над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями». [2]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 54—55.
[2] Там же.

Французская революция покончила с феодализмом, с устаревшими и реакционными феодальными порядками. Энгельс назвал французскую революцию «третьим восстанием буржуазии, но первым, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды и в котором борьба происходила открыто по линии политики. Она была также первым восстанием, в котором борьба была доведена до конца, до полного уничтожения одной из борющихся сторон, именно аристократии, и до полной победы другой, именно буржуазии».[1]

Маркс и Энгельс показали огромное прогрессивное значение революции не только для Франции, но для всей Европы, и вместе с тем они показали ее ограниченный буржуазный характер, показали, что она не уничтожила эксплоатации человека человеком.

Деятели революции не сознавали того, что они борются за буржуазное общество, весьма далекое от тех идеалов, в которые они верили. Они не могли пойти дальше своего века, перескочить через буржуазный строй: стремясь создать «царство разума», они создавали на деле основанное на жесточайшей эксплоатации царство буржуазии. Якобинцы пытались возродить античные нравы, которые они идеализировали, считая античное общество времен его расцвета образцом добродетелей, а на самом деле они были вынуждены «признать и санкционировать в «правах человека» современное буржуазное общество, общество промышленности, всеобщей конкуренции, свободно преследующих свои цели частных интересов, анархии, самой от себя отчужденной природной и духовной индивидуальности» [2]. После падения Робеспьера буржуазное общество нашло свое «прозаическое осуществление».[3]

Французская революция вызвала к жизни демократию, но эта демократия была буржуазной. Анализируя содержание программных документов революции, Деклараций прав и Конституций, Маркс и Энгельс показывают то буржуазное содержание, которое скрывалось в них за отвлеченными и громкими формулировками в духе философии XVIII в.[4] В этих документах говорится о «правах человека», но не представитель трудящегося народа, а «человек — bourgeois» считается *собственно* человеком и *настоящим* человеком».[5]

Деятели революции мечтали о «разумном» общественном строе, в котором исчезнет несправедливость и воцарится равенство людей, исчезнут антагонизмы между богатыми и бедными. Но на деле «государство разума потерпело полное крушение»[6]. «Противоположность между богатством и бедностью, вместо того, чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, напротив, обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших для нее прикрытием, а также вследствие устранения церковной благотворительности, смягчавшей ее. Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать эту мелкую собственность, подавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения, тем же самым магнатам и превратилась, таким образом, для мелких буржуа и крестьян в свободу *от* собственности».[7]

Итак, революция заменила феодальную собственность буржуазной, феодальную эксплоатацию капиталистической и поставила у власти бур-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 300.
[2] Там же, т. III, стр. 150.
[3] Там же, стр. 151.
[4] Там же, т. I, изд. 1938 г., стр. 370 и др.
[5] Там же, стр. 374.
[6] Там же, т. XV, стр. 510.
[7] Там же.

жуазию. Даже тогда, когда у власти стояли якобинцы, действовавшие при поддержке народных масс и беспощадно боровшиеся с врагами революции, даже в эти суровые дни революция давала отпор по существу врагам буржуазии. «Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и филистерством».[1]

В отличие от реакционных историков и публицистов, Маркс и Энгельс показали, что террор был необходим для преодоления сопротивления врагов революции, без чего невозможна была победа революции, а следовательно, невозможны были бы и те прогрессивные (хотя и ограниченные) преобразования, которые она несла с собою.

В ряде работ Маркс и Энгельс дали анализ движущих сил французской буржуазной революции. Они указали на то, что гегемоном революции классом, стоявшим во главе, была буржуазия. «В обеих революциях (т. е. в английской XVII в. и во французской. — *Ред.*) буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения.» [2] Требования, которые выставляла в то время буржуазия, были прогрессивными и в известной мере «соответствовали интересам различных слоев трудящегося населения того времени...»[3] Но вместе с тем Маркс и Энгельс отмечали, что основной движущей силой революции были все же народные массы. Именно участие масс в революции обеспечило ее победу. Якобинцы, благодаря поддержке народных масс расправились с врагами революции, применив решительные мероприятия, которых боится «осмотрительная» буржуазия. «Господство террора во Франции могло поэтому послужить лишь к тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия с ее тревожной осмотрительностью не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа лишь выровняли ей, следовательно, дорогу». [4]

Имея в своем распоряжении сравнительно мало документов по истории революции, Маркс и Энгельс еще в 40-х гг. прошлого века сумели дать безошибочный анализ классовой политики жирондистов. Маркс показал, что политика жирондистов вела к гибели республики, созданной революцией 10 августа 1792 года, что они хотели восстановить рухнувший благодаря ей монархический строй, и поэтому роялисты, разглядев в них своих будущих союзников, готовы были объединиться с жирондистами уже весной 1793 года. Гору Маркс и Энгельс считали революционной партией. О якобинцах Энгельс писал, что это «были люди, не отступавшие ни перед чем — люди железной энергии...» Маркс и Энгельс дали научную периодизацию революции конца XVIII в. и показали ее движение по восходящей линии.

Маркс и Энгельс показали также, какое влияние имела революция на другие страны. Революция несла прогресс соседним с Францией и более отсталым по сравнению с нею странам. Германская «Священная империя» накануне революции находилась в самом жалком состоянии. «Но вдруг французская революция, точно громовая стрела, ударила в этот хаос, называемый Германией». [5] Немецкая буржуазия сначала приветствовала французскую революцию. Когда революция пошла дальше, когда произошло свержение монархии и затем у власти стала революционная партия, немецкая буржуазия отшатнулась от революции. Но сопротивление не-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 54.
[2] Там же.
[3] Там же, т. XIV, стр. 18.
[4] Там же, т. V, стр. 205—206.
[5] Там же, стр. 7.

мецких реакционеров, феодалов и буржуазии, не остановило революции. Революционные армии вступили в Германию, неся с собой прогрессивные идеи. «Дни Священной Римской империи были сочтены. Французская революционная армия вошла в самое сердце Германии, сделала Рейн границей Франции и везде проповедывала свободу и равенство».[1]

Французская революция не могла не отразиться на международном положении. Реакционные монархи пытались сначала использовать ее в своих интересах. Они хотели ослабить Францию. Екатерина II и прусский король использовали создавшееся положение, чтобы завладеть Польшей. В то же время для борьбы с революционной Францией создалась коалиция реакционных держав. Но революция опрокинула их планы. Французский народ с энтузиазмом защищал свою родину. Маркс и Энгельс показали, как была реорганизована французская армия, как революция отразилась на военном деле. [2]

Французская революция оказала большое влияние на науку и культуру, — указывали Маркс и Энгельс. Она способствовала выработке буржуазного права: «французский кодекс Наполеона имеет своим источником не Ветхий завет, а, с одной стороны, идеи Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескье и факты французской революции — с другой». [3]

Французская революция привела к созданию буржуазного государства, которое пришло на смену феодальному: «...исполинская метла французской революции XVIII столетия смела весь отживший сор давно минувших веков и очистила таким образом общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства». [4]

Маркс и Энгельс работали над созданием теории научного коммунизма в те годы, когда в передовых европейских странах пролетариат стал выступать в качестве самостоятельной политической силы. Маркс и Энгельс впервые показали, в чем состоит историческая роль пролетариата, которой не понимали буржуазные историки, писавшие о французской революции. Даже демократические историки и те говорили о «народе», не пытаясь ставить вопрос о роли пролетариата. Маркс и Энгельс указывали, что в конце XVIII в. пролетариат еще не созрел для того, чтобы отчетливо противопоставить свои классовые интересы интересам буржуазии. Революция несла поэтому Франции и другим странам в первую очередь буржуазные идеи, — прогрессивные для своего времени, но ограниченные, ибо она санкционировала капиталистические, т. е. эксплоататорские порядки. Но революция несла с собой и зародыш других идей, «которые выходят за пределы *идей* всего старого мирового порядка». Хотя революция и была буржуазной и пролетариат был еще очень слаб, но голос его уже начинал раздаваться, и появились уже ростки коммунистических идей, осуществление которых и составляет историческую миссию пролетариата.

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 г.

Либеральная оценка революции после 1848 г. (Токвиль)

Крушение революции 1848 г., наступившая после нее реакция и установление во Франции деспотического режима второй империи заставили многих политических деятелей и мыслителей критически пересмотреть опыт революционного движения конца XVIII и первой половины XIX века. Либералы склонны были обвинять во всем демократию, которая, по их мнению, породила деспотизм и ли-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 8.
[2] Там же, стр. 456—457; т. XI, ч. 2, стр. 398—401, 487—488 и др.
[3] Там же, т. I, изд. 1938 г., стр. 193.
[4] К. Маркс Гражданская война во Франции в 1871 г. Избранные произведения, Москва, 1940 г., т. II, стр. 398.

шила их возможности наслаждаться благами умеренно-либеральной конституции. С такой точки зрения, в частности, подошел к изучению опыта французской революции нормандский помещик граф Алексис де-Токвиль.

Токвиль принадлежал к аристократическим кругам, семья его придерживалась роялистских убеждений. Сам он был умеренным либералом, сторонником конституционной монархии. В начале 30-х годов он посетил Соединенные штаты; знакомство с политическим строем этого государства произвело на него сильное впечатление и по возвращении он написал книгу «Демократия в Америке». Токвиля интересовал вопрос, возможно ли сочетание политической свободы с демократией. Под политической свободой он разумел права и привилегии имущих классов, в частности дворянства, ограничивающие произвол центральной власти. Демократия создает, по его мнению, угрозу привилегиям имущих классов, так как предоставляет формальное равенство или политические права всем гражданам, независимо от их материального положения. Токвиль питал величайшее недоверие к демократии, участие масс в политической жизни пугало его. Он полагал, что демократия неизбежно порождает тиранию, т. е. сильную деспотическую власть, при которой сохраняется формальное равенство граждан, но исчезает свобода, отчего, по его мнению, прежде всего страдают имущие классы, так как массы якобы равнодушны к свободе и охотно жертвуют ею ради равенства. Переворот 2 декабря 1851г. (приход к власти Луи-Наполеона Бонапарта) еще более способствовал укреплению убеждения Токвиля в том, что демократия порождает цезаризм и губит свободу. Но революция порождает демократию. Нельзя ли в таком случае предотвратить революцию, необходима ли она, не следует ли ей предпочесть мирную эволюцию? С этой точки зрения Токвиль подошел к изучению французской революции. Он намеревался подготовить большой труд, который должен был состоять из трех частей: старый порядок, революция и Франция после революции. Но ему удалось осуществить лишь первую часть задуманного труда, которая вышла в свет в 1856 г. под названием «Старый порядок и революция». В этой работе Токвиль стремился показать, как функционировал тот режим, который царил во Франции до революции. Он пытался доказать, что революция, ставившая перед собою цель уничтожить все дореволюционные порядки, на самом деле очень многое заимствовала из них и как бы явилась продолжательницей того дела, которое совершала лишь медленно и постепенно абсолютная монархия. Многое из того, что принято считать результатом революции (создание сильной централизованной власти, которая уничтожила остатки прежней средневековой раздробленности, уравнение граждан перед лицом этой сильной власти), осуществлялось постепенно уже дореволюционными властями. Если бы революции не было, преобразования совершались бы, но более медленно. Монарх, по мнению Токвиля, был бы менее опасным новатором, нежели революция. Революция породила, по его мнению, деспотизм, она создала столь могущественную и абсолютную власть, какой не была и старая монархия. Тщательно подчеркивая связь нового со старым, Токвиль, тем самым, ставил под сомнение значение революции и как бы подводил читателя к тому выводу, что революции следует предпочесть эволюцию.

Книга Токвиля, основанная на большом материале и талантливо написанная, привлекла к себе большое внимание и оказала большое и длительное влияние на всю последующую буржуазную историографию. До появления этой работы историки революции уделяли мало внимания феодально-абсолютистскому порядку. В конце 50-х и в 60-х годах, после выхода в свет книги Токвиля, появилось большое количество работ,

посвященных отдельным сторонам дореволюционного режима (об интендантах, о юстиции, о деятельности Тюрго и т. д.).

Основная идея труда Токвиля, — что революция не столько прокладывала новые пути, сколько проводила в жизнь мероприятия, намеченные уже абсолютной монархией, лишь доводя эти мероприятия до нежелательных крайностей, — нашла отражение в трудах некоторых французских историков, в частности — в трудах Тэна и Сореля.

Буржуазный радикализм (Кинэ)

Вопрос о том, почему французская революция не обеспечила политической свободы, интересовал также Эдгара Кинэ, который в 1865 г. выпустил двухтомную работу под названием «Революция». Кинэ занимал более левую позицию, нежели Токвиль. Это был мелкобуржуазный демократ, радикал, друг Мишле, вместе с ним выступавший против реакционного католического духовенства. Во время революции 1848 г. Кинэ принимал участие в Учредительном и Законодательном собраниях. Он примыкал к мелкобуржуазной левой и был противником Луи-Наполеона. После переворота 2 декабря он вынужден был эмигрировать. В эмиграции он и занялся изучением революции конца XVIII века.

Кинэ подошел к изучению революции как демократ-идеалист, которому свойственны колебания в сторону либерализма и совершенно чуждо понимание объективных законов развития общества и сущности классовой борьбы. На его работе лежит печать субъективизма, — он переоценивает роль личности в истории. Просвещенных людей он сравнивает с горными вершинами, которые освещены солнцем, в то время, когда низы (массы) погружены во мрак. Свободу Кинэ понимал отвлеченно, придавая ей некое абсолютное и самодовлеющее значение; он совершенно не понимал неизбежной связи между борьбой масс за политическую свободу и борьбой их за экономическое благосостояние. Он полагал, что массы могут легко добиться материального благосостояния, для этого не нужна революция.

Вмешательство народных масс в деятельность буржуазного парламента Кинэ оценивал отрицательно. Парламент для него — святыня, убежище свободы; вторгаясь в это убежище, народ губит свободу. Так оценивает «демократ» Кинэ роль народных масс в революции. Правда, в его книге можно найти и лесть по адресу масс (иногда он называет народ «инстинктом, который не обманывает»); но в основном в его книге господствует недоверие к политической активности народа.

Естественно, что Кинэ совершенно не понял прогрессивного значения якобинской диктатуры. По его мнению, якобинцы, борясь за сильную централизованную власть, воскрешали традиции абсолютной монархии и тем самым губили свободу. Террор Кинэ также оценивал отрицательно и склонен был отчасти объяснять его «презрением к личности».

Бланкисты и левые демократы (Тридон, Амель и др.)

В годы Второй империи из левых демократических кругов, враждебных правительству Наполеона III, вышел ряд работ, посвященных памяти революционных деятелей конца XVIII века. В этих кругах были живы традиции буржуазно-демократической революции. Именно к этому периоду относятся работы, реабилитирующие эбертистов.

В 1864 г. бланкист Густав Тридон, впоследствии член Парижской коммуны, выпустил книгу «Эбертисты». Тридон поставил перед собой задачу доказать, что эбертисты были оклеветаны как их противниками времен революции, так и историками и публицистами последующих лет. Эбертистов Тридон считал наиболее революционным крылом первой французской революции. Руководимую эбертистами Коммуну 1792—1794гг. он называл «вечной славой плебса». В эти дни, по его словам, «народ

сам управлял собою». Тридон отрицательно относился к робеспьерпстам. Робеспьер, в его глазах, — «продолжатель святого Доминика и Лойолы», погубивший «гений революции».

В духе такой же реабилитации эбертистов написана двухтомная работа Жоржа Авенеля «Анахарсис Клоотс, оратор человеческого рода» (появилась в 1865 г.). Авенель описал жизнь и деятельность Клоотса. Он видел в нем глашатая «Парижской космополитической идеи, которая являлась истинным воплощением прав человека». Подобно Тридону, Авенель отрицательно оценивал роль руководимого Робеспьером Комитета общественного спасения, который, по его мнению, стремясь к компромиссу с феодальной Европой, «национализировал» революцию, т. е. боролся против придания ей космополитического характера.

Энгельс считал книгу Авенеля интересной и заслуживающей внимания работой, поскольку она основана на большом количестве первоисточников. В письме к Адлеру Энгельс писал: «По моему (и Маркса) мнению, в книге имеется первое, основанное на архивных изысканиях, правильное изображение специального *критического периода французской революции*, именно — времени от 10 августа (1792) до 9 термидора».[1]

Вышедшие в те же годы работы Амеля отражают преклонение леводемократических кругов перед Робеспьером и робеспьеристами. В 1854 г. Амель выпустил в свет большой труд о Сен-Жюсте. За ним последовало его же исследование о Робеспьере (три тома 1865—1867 гг.) Амель написал также несколько общих работ, полностью или частично посвященных революции конца XVIII в. («Происхождение революции», «История Франции от революции до падения Второй империи» и др.).

Консервативная концепция истории международных отношений в период революции (Зибель)

В Германии после революции 1848 г. буржуазные ученые, подводя ей итоги, естественно также обращались к опыту первой французской революции. В 1853 г. начал выходить труд немецкого историка Генриха Зибеля под названием: «История революционного времени с 1789 по 1800 г.». Зибель был консерватором, сторонником ограниченной конституционной монархии и политического преобладания прусского юнкерства. Он принимал участие в революции 1848 г. в качестве члена франкфуртского парламента. Во время революции Зибель проявил себя ярым противником демократии и пролетариата: он высказывался против всеобщего избирательного права и против республиканского строя. После поражения революции Зибель примкнул к так называемому младогерманскому направлению, т. е. стоял за воссоединение Германии под гегемонией прусской монархии. Впоследствии он сделался горячим поклонником Бисмарка и выступал (и в качестве публициста и в качестве историка) как слуга прусской династии Гогенцоллернов. К изучению истории французской революции Зибель подошел с предвзятой точки зрения: на страницах своего труда он как бы хотел продолжить свой спор с демократами и социалистами и стремился показать вредные, по его мнению, последствия революции. Зибель написал большую работу, которая распадается на пять томов. Революцию Зибель рассматривал, как событие, касавшееся не только Франции, но затронувшее в той или иной степени и всю Европу. На ряду с революцией во Франции он уделил большое внимание таким проблемам, как падение так называемой «Священной Римской империи германской нации» и раздел Польши. Зибель первый дал общую картину развития международных отношений в период французской революции

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. М. 1932, стр. 362 — 364. (Письмо В. Адлеру от 4. XII 1899.)

и привлек к изучению этих вопросов большой документальный (частью архивный) материал. Так как до него историю французской революции в международном аспекте почти никто из историков не рассматривал, то труд Зибеля имел большое значение, особенно до тех пор, пока не появилась работа Сореля, специально посвященная истории международных отношений периода революции. Но пристрастный реакционный подход Зибеля к изучаемому материалу не мог не сказаться на его труде. Враждебно настроенный к революции, Зибель, вопреки исторической истине, отрицал заговор монархических феодальных государств против революционной Франции. В то же время он пытался доказать, что Франция была спасена от разгрома не благодаря энтузиазму своих защитников, а благодаря слабости и неудачным военным действиям коалиции. В революции Зибель усматривал «анархические начала» и «коммунистический деспотизм». При этом под понятие коммунизма он подводил даже такие мероприятия якобинцев, как введение твердых цен (максимум). С высоты своего прусского шовинизма Зибель возмущался «безнравственностью французов», якобы ярко проявившейся во время революции. Страх буржуа перед народными массами, поднятыми революцией к политической жизни, ясно виден в заявлении Зибеля, что революция вызвала у пролетариата «неразумные требования».

ОТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Торжество реакционных направлений в буржуазной историографии (Тэн)

Победа пролетариата в марте 1871 г. и создание славной Парижской коммуны послужили толчком к пересмотру истории революции с реакционной точки зрения. Коммуна испугала французскую буржуазию, вызвала у нее взрыв ярости против пролетариата и удвоила ее страх перед революцией. Многие буржуазные ученые, до того считавшиеся либералами, окончательно определили свои политические симпатии, порвав с либерализмом и перейдя в лагерь крайней реакции. К числу таких принадлежал, в частности, известный критик и историк искусства и литературы и психолог Ипполит Тэн. Историю революции он решил написать, так сказать, в назидание современникам и потомству, чтобы устрашить либералов и вызвать ненависть к революции. Хотя Тэн и уверял, что он подходит к изучению революции, как беспристрастный ученый, что он будет исследовать ее ход, как естествоиспытатель исследует метаморфозу насекомого, на самом деле его работа является памфлетом против революции.

Работа Тэна по истории революции называется «Происхождение современной Франции». Первый том под названием «Старый порядок» вышел в 1875 г. Революции посвящены три тома, вышедшие в конце 70-х и начале 80-х годов. Послереволюционному периоду, именно годам господства Наполеона, посвящены два тома, вышедшие в начале 90-х годов.

Тэн попытался применить к изучению революции «психологический» метод. Он не дает последовательного изложения хода событий, ограничиваясь преимущественно общими зарисовками и характеристиками отдельных деятелей революции и целых направлений. Но зарисовки Тэна носят характер грубой карикатурной мазни: он дает не правдивые портреты, а совершенно искаженные изображения. Резко отрицательное отношение проявляет он к народу, к трудящимся массам Франции; народ для Тэна — «чернь», «дикое стадо». До революции это стадо сдерживалось страхом перед привилегированными сословиями и перед властями. Но просветители-философы развратили народ, разнуздали

его страсти. Философию XVIII века Тэн считает опасным ядом, хлебнув которого французский народ потерял всякие устои. Во время революции во главе народа стали якобинцы, которые демагогически потворствовали дурным страстям. Якобинцы — объект дикой ненависти Тэна. При этом для Тэна якобинцы — не политическое направление, а особый психологический тип (к якобинцам Тэн причислял и жирондистов). Якобинец, по Тэну, — это далекий от запросов реальной жизни, самовлюбленный, помешанный на отвлеченных принципах человек. Это, вместе с тем, отъявленный демагог, который для достижения своих целей опирается на «зверя», т. е. на народ. Отсюда — господство якобинцев обозначает вместе с тем господство грубой и дикой толпы. Под влиянием философского яда и революции Франция, по мнению Тэна, превратилась в пьяницу-полупаралитика, который почти потерял рассудок и бредит, тело его сотрясают судороги, а поводырем, влекущим эту парализованную Францию к гибели, является «якобинец» как некий собирательный тип. При этом Тэн клеветнически утверждал, что значительное большинство народа, состоявшее из «благоразумных» людей, вообще не принимало участия в революции; «бесновалось» же и шло за якобинцами меньшинство, которому удалось, однако, терроризовать большинство.

Таков гнусный памфлет Тэна против революции, таковы его «научные» методы и приемы. Реакционеры, — как во Франции, так и за пределами ее, — восторженно приветствовали книгу Тэна. В России реакционный историк Герье выступил на «защиту» Тэна против справедливой критики его прогрессивными французскими историками, в частности Оларом. Олару удалось доказать, что претендующий на научность и объективность труд Тэна на самом деле изобилует грубейшими ошибками, методы же Тэна отнюдь не могут рассматриваться, как научные. Тем не менее реакционеры до сих пор продолжают вдохновляться Тэном в своих многочисленных «трудах» по истории революции.

Буржуазный либерализм 80—90-х годов (Сорель)

К концу 70-х годов после длительной и упорной борьбы республика во Франции упрочилась. К власти пришли буржуазные республиканцы, 14 июля стало национальным праздником, «Марсельеза» — национальным гимном. Теперь хорошим тоном считалось говорить о «священных принципах 1789 г.», о Декларации прав и т. д. Лишь оголтелые реакционеры-монархисты старой школы продолжали открыто выступать против революции.

В 1881 г. был основан специальный журнал «Французская революция» («Révolution Française»), который стал вскоре органом созданного видными республиканскими деятелями «Общества изучения французской революции». В 1889 г. был отмечен столетний юбилей революции.

Идеологи республиканской буржуазии воспринимали революцию поразному, в зависимости от своих политических убеждений. Одни симпатизировали жирондистам, другие — якобинцам, одни восхищались Конституцией 1791 или 1795 гг., другие — демократической Конституцией 1793 г. Для одних любимым героем был Мирабо, для других — Дантон, для третьих — Робеспьер. Но, несомненно, интерес к изучению революции повысился, и так как официально третья республика рассматривалась как наследница идей 1789 г., то правительство и местные органы самоуправления отпускали теперь средства для научной разработки истории революции как в центре, так и на местах.

В 80-х годах начала выходить в свет большая восьмитомная работа историка Альбера Сореля: «Европа и французская революция» (первый том вышел в 1885 г., последний — в 1904 г.).

А. Сорель по происхождению принадлежал к крупной буржуазии (он был сыном фабриканта). Семья его имела весьма консервативные связи. Сам Сорель был умеренным буржуазным либералом, с известным консервативным, даже монархическим оттенком. В молодости Сорель служил в министерстве иностранных дел и в дальнейшем, уже порвав с дипломатической карьерой, сохранил большой интерес к внешней политике.

Неудачная война с Пруссией (1870—1871 гг.) вызвала во Франции живой интерес к международным проблемам более раннего периода, в частности — к военным успехам Франции в конце XVIII и в начале XIX века. Вспоминали и много говорили о так называемых «естественных границах» Франции (т. е. о границе по Рейну), о политике французских королей XVII века, которые руководствовались этим принципом «естественных границ». Этим проблемам А. Сорель уделил в своей работе большое внимание. Он поставил перед собой ту же задачу, что и Зибель, — осветить французскую революцию преимущественно в международном аспекте, уяснить взаимозависимость и связь между внутренней и внешней политикой. Задачу свою, с точки зрения оформления материала и с точки зрения анализа его, Сорель выполнил лучше, чем Зибель; он прекрасный стилист, его работа ярче в литературном отношении. Если в выборе темы он до известной степени следовал за Зибелем, то в самом подходе к ней у него чувствуется влияние Токвиля. Подобно Токвилю, Сорель стремился показать, что революция иными методами и в иной обстановке осуществляла в значительной степени те задачи, которые ставила перед собой уже абсолютная монархия. Он полагал даже, что революция временно выполнила старые цели французских королей — завоевала «естественные границы». Подобно Токвилю, он настаивает на том, что деятели революции, считавшие, что они несут Франции и Европе новые идеи, на самом деле, на ряду с известными элементами нового, осуществляли очень многое из старого. Очень подробно Сорель останавливается на вопросе о том, как тесно мероприятия деятелей революции в области внутренней политики переплетались с их внешней политикой. Пропагандируя революционные принципы равенства, свободы и независимости как внутри Франции, так и за ее пределами, деятели революции развернули огромную активность, добились громадных успехов, но в конце концов, по мнению Сореля, именно успехами своей пропаганды они подготовили свое падение: народы других стран восприняли те же идеи и также стали добиваться независимости, а следовательно, бороться против завоевательной политики Франции.

Сорель дал яркую картину Европы в конце XVIII и в начале XIX века, дал блестящие портреты отдельных деятелей. Работа его читается с большим интересом. Она имела огромный успех и была переведена на другие языки, в частности и на русский.

Но на труде Сореля, при всем его кажущемся «беспристрастии» (которое любят подчеркивать буржуазные критики), несомненно, отразились его политические взгляды, более чем «умеренные». Уже самая идея (в духе Токвиля) эволюционной связи нового со старым, как бы сводящая до минимума значение революции, как перерыва эволюционной линии развития, свидетельствует о политической направленности Сореля. Но и помимо того, многие оценки Сореля характеризуют его отрицательное отношение к радикальным революционным течениям. Его любимые герои — Мирабо и Дантон. К якобинцам он относился отрицательно, предпочитая им жирондистов. Отвергая демократическую Конституцию 1793 г., Сорель более благосклонно относился к Конституции III года (1795), которая восстановила имущественный ценз. Переворот 18 брюмера он считал продолжением революции.

Буржуазный республиканизм (Олар)

В 80-х гг. во Франции оформилась целая школа историков французской революции, школа буржуазно-либерального направления, которая обычно именуется «научной». Главой ее на протяжении ряда лет был известный французский историк Альфонс Олар.

Получив литературное образование, Олар вначале занимался преимущественно историей литературы. Политические взгляды его оформились окончательно в годы борьбы республиканцев и монархистов. Будучи и раньше противником второй империи, Олар стал в конце 70-х годов республиканцем. Впоследствии он примыкал к радикалам. Олар резко выступал против монархистов и их прямых союзников — клерикалов. Эта борьба с реакцией и побудила Олара заняться изучением французской революции, во время которой во Франции впервые возникла республика. Постепенно Олар сделался крупнейшим специалистом по истории революции. В качестве преподавателя университета в г. Пуатье Олар начал читать курс об ораторах революции. Когда в 1886 г. на средства Парижского муниципалитета в Сорбонне впервые была создана кафедра по изучению французской революции, Олар был поставлен во главе ее (характерно, что до этого во Франции история революции в университетах не изучалась). В 1887 г. Олар сделался главным редактором журнала «Французская революция», в котором поместил большое количество статей. Олар написал ряд крупных работ по истории революции. В 1882 г. вышли его «Ораторы революции». С 1893 г. выходили сборники его статей «Очерки и уроки французской революции» («Etudes et leçons de la Révolution Française», всего вышло 9 серий). В начале XX в., в годы борьбы с клерикализмом, Олар выпустил ряд работ по религиозной истории революции («Культ разума и культ «верховного существа» и др.) Но главной его работой является объемистая «Политическая история французской революции» (вышла в 1901 г.). Помимо того, Олар выпустил в свет целый ряд ценнейших публикаций архивных материалов (шесть томов «Протоколов Якобинского клуба», «Собрание актов Комитета общественного спасения» и др.). Когда в 1903 г., по настоянию Жореса, была создана специальная Комиссия по изданию документов, относящихся к экономической истории Франции, Олар стал играть в работах Комиссии руководящую роль.

Как мы уже говорили, Олар приступил к изучению революции, исходя из положения, что именно революция создала в конечном счете тот республиканский строй, который упрочился во Франции в 70-х годах XIX века. Олар в своих работах резко критиковал реакционеров, распространявших клевету на революцию. Еще в 80-х годах он выступил со статьями против Тэна, а в 1907 г. выпустил специальную работу, посвященную критике Тэна, под названием «Тэн как историк французской революции». За эти выступления реакция ненавидела Олара. Реакционные ученые упорно отказывались признать научные заслуги Олара и провести его в Академию.

Но работы Олара были направлены не только против реакционеров. Противник монархии и клерикализма, Олар в то же время противник социализма. В конце XIX века во Франции растет и ширится рабочее движение, растет влияние социалистических идей. Подобно целому ряду других буржуазных идеологов, Олар поставил перед собой задачу отвлечь рабочих от социализма пропагандой буржуазно-демократических принципов, которые, с его точки зрения, вполне могли заменить для трудящихся социализм. «Принципы 1789 г.» для Олара являются вечными, равно пригодными для всех эпох и для всех классов общества. В них содержится все необходимое для прогрессивного общества, и совершенно незачем итти

дальше. Третья республика как раз и осуществляет эти принципы, и рабочие должны, позабыв о своих особых классовых интересах, итти рука об руку с прогрессивными элементами буржуазии, вместе с ними претворяя в жизнь «принципы 1789 г.». Олар был убежденным противником марксизма, хотя сам испытал на себе несомненное (косвенное, через посредство Жореса) влияние марксистских идей. Это сказалось, в частности, в том, что, вначале совершенно равнодушный к экономическим проблемам, он стал впоследствии уделять им довольно большое внимание. Материалистическое понимание истории было ему всегда чуждо. Тем не менее нельзя отрицать того, что в тех пределах, в каких это доступно буржуазной историографии, Олар сделал многое для того, чтобы придать изучению революции научный характер (тщательное изучение и критика источников и т. п.).

Классовые и методологические установки Олара ярко отразились на его важнейшем труде: «Политическая история французской революции». Классовое лицо борющихся партий не вскрывается Оларом. Так, совершенно затушевывается у него сущность борьбы между Горой и Жирондой. Любимый герой Олара — Дантон, который для него является как бы прототипом буржуазных республиканцев второй половины XIX века (Гамбетта и др.). Термидорианский переворот, по мнению Олара, вовсе не открывает собою периода реакции. Это не значит, однако, что «Политическая история» Олара лишена научной ценности. В книге собран большой фактический материал, тщательно обработанный; она, несомненно, может довольно детально познакомить читателя с важнейшими политическими событиями революции.

Социал-реформистский эклектизм (Жорес)

В начале XX в. во Франции начала выходить в свет «Социалистическая история» под редакцией Жана Жореса. Истории революции посвящены первые четыре тома, которые написаны самим Жоресом (последующие томы посвящены дальнейшей истории Франции конца XVIII и XIX веков).

Жан Жорес был крупным политическим и общественным деятелем конца XIX и начала XX века. Выходец из буржуазной среды, Жорес сперва примыкал к буржуазно-республиканским группировкам, а с начала 90-х годов стал играть большую роль во французском социалистическом движении. Став социалистом, Жорес не преодолел влияния буржуазной идеологии, хотя он и испытал на себе известное воздействие марксизма. На всей его политической деятельности лежал несомненный отпечаток соглашательства и реформизма. Жорес в течение ряда лет возглавлял реформистское крыло во французском социализме, а позднее, став лидером Объединенной социалистической партии, он вел ее по пути блока с буржуазными группировками. Но в отличие от многих французских интеллигентов, примкнувших к социализму из карьеристских соображений, Жорес искренно был убежден в правильности своей тактики, в соответствии ее интересам рабочих.

Мировоззрение Жореса отличалось эклектичностью, противоречивостью. Он пытался, разумеется безуспешно, соединить материализм и идеализм, марксистское и буржуазное понимание исторического процесса. Эти черты мировоззрения Жореса отразились и в написанных им томах «Социалистической истории». По словам самого Жореса, его вдохновителями в этой работе являлись одновременно Маркс, Мишле и Плутарх. Жорес предпринял издание «Социалистической истории» с целью познакомить трудящиеся массы Франции — рабочих и крестьян — с важнейшими моментами истории их родной страны, в первую очередь — с революцией конца XVIII века. Жорес использовал большой и печатный и архивный материал, но оформил его несколько наспех. Тем не менее

получилась большая и значительная работа, одна из лучших работ по истории революции.

Жорес уделил большое внимание экономике Франции накануне и во время революции, чего не делали обычно буржуазные историки. Ему удалось показать, что в экономике Франции второй половины XVIII века капиталистические элементы были уже значительно развиты. Жорес правильно считал роль французской буржуазии того времени прогрессивной. Вместе с тем он старался проследить формирование пролетариата и его роль в революции, проследить возникновение и развитие социалистических идей, что буржуазные историки также обычно игнорировали. Жорес с горячим сочувствием рисует тяжелое положение трудящихся масс Франции накануне революции и отводит им большую роль в ходе самой революции. Вообще Жоресу отнюдь не свойственно академическое «беспристрастие». Он сам как бы переживает события революции, живо реагируя на них, радуется ее успехам, сожалеет о ее неудачах. Но в его работе имеются и серьезные отрицательные черты: в ней отразилось влияние буржуазной историографии и собственные соглашательские установки Жореса.

В «Социалистической истории» оппортунизм Жореса выразился в стремлении сгладить классовые противоречия в прошлом, подобно тому как он пытался сделать это в своей политической деятельности по отношению к настоящему. Жоресу все время хочется примирить противников, добиться согласия, «гармонии интересов». Ему кажется, что борьба часто бывает вызвана излишней непримиримостью различных течений, личными мотивами, что если бы противники руководились общими интересами, они отбросили бы все, мешающее их примирению, и взаимно сблизились бы. Так, например, Жоресу очень хотелось бы примирить Гору и Жиронду. Это показывает, что он не понимал всей глубины противоречий, разделявших эти два направления. Жорес пытался прощупать классовые корни борющихся партий, в частности Жиронды, но он не шел в этом направлении до конца, а нередко и вообще отказывался от классового анализа. Он не понял также в полной мере классового характера абсолютизма: он считал возможным соглашение королевской власти с буржуазией, что могло, по его мнению, предотвратить революцию — точка зрения, которую разделяют многие буржуазные историки.

Не понимая всей остроты классовых противоречий, Жорес не понимал и неизбежности применения насилия в революционной борьбе. С этим тесно связан пацифизм Жореса: он не понимал неизбежности и прогрессивности революционных войн. Он симпатизировал Мирабо и Дантону больше, чем Робеспьеру. Но его сочувствие массам, его преклонение перед революцией, прогрессивное значение которой он вполне понимал, заставляли Жореса в решающие моменты (мы уже отмечали, что Жорес как бы сам переживал революцию) быть с якобинцами, быть с массами. Описывая события лета 1793 г., Жорес заявляет, что в эти дни он «с Робеспьером»: «...здесь, под этим июньским солнцем, которое освещает вашу суровую борьбу, я нахожусь с Робеспьером и сажусь возле него среди якобинцев. Да, я с ним, потому что в этот момент он воплощает всю полноту революции». Необходимо отметить большой художественный талант Жореса. Он прекрасно владеет языком, пишет красиво, образно, часто прибегает к интересным и ярким сравнениям.

Историки социал-демократы Германии (Каутский, Кунов)

В конце XIX и в начале XX века проблемы французской революции нашли также свое отражение в работах некоторых германских социал-демократов. Из них следует упомянуть небольшую книгу Каутского «Классовые противоречия в 1789 г.». Каутский стремился показать не только основные противоречия классовых интересов, но и

специфические черты социальных и политических настроений различных групп, которые могут быть выделены в составе основных классов. Основная мысль Каутского состоит в том, что эти внутренние противоречия среди господствующих классов ослабляли силу их сопротивления революции, тогда как внутренние противоречия среди непривилегированных двигали революцию вперед, «служили рычагом революции». Работа Каутского вышла сначала как статья в ж. «Neue Zeit» и вызвала ряд критических замечаний Энгельса; но не все они были учтены автором в изданиях 1889 и 1908 гг. Поэтому в ней имеются ошибочные суждения, в частности преувеличена роль интеллигенции.

В 1908 г. появилась книга Кунова «Французская пресса в первые годы великой французской революции». Работа Кунова, несмотря на оппортунизм автора, сыграла в свое время известную роль. Кунов использовал для своей работы почти исключительно прессу эпохи революции, пытаясь дать марксистскую интерпретацию различных течений. Как история революционной прессы, книга до настоящего времени сохраняет некоторое значение. В ней даны классовые характеристики всех основных журналов и газет революционного времени. Главным недостатком работы Кунова как общей истории революции является ее схематизм. Сочувствие Кунова на стороне якобинцев; эбертистов он считает представителями деклассированной интеллигенции. «Бешеным» он не уделял должного внимания.

«Русская школа» (Кареев, Лучицкий, Ковалевский)

За пределами Франции история французской революции в конце XIX и в начале XX века изучалась наиболее пристально в России. До 60-х годов прошлого столетия изучение истории революции в России было воспрещено, а книги, в которых речь шла о революционном движении, были даже под запретом. В последние десятилетия XIX века цензурный гнет был несколько ослаблен, и стало возможно как изучение истории революции, так и появление посвященных ей работ на русском языке. Развитие капитализма и обострение классовых противоречий в России повышали интерес к истории других стран, ранее вступивших на путь капитализма. В России назревала буржуазно-демократическая революция, и в связи с этим представители различных направлений обращались к опыту французской революции, в истории которой искали прецедентов и уроков. Значение аграрного вопроса для России заставляло уделять, в частности, большое внимание французскому крестьянству накануне и в годы революции. Работы русских буржуазных ученых конца XIX и начала XX века во многих отношениях явились ценным вкладом в буржуазную историческую науку и в частности в историю французской революции.

За разработку вопросов французской революции брались и реакционные русские ученые (Герье, Ардашев), полемизировавшие с передовыми представителями буржуазной историографии и солидаризировавшиеся с реакционными французскими историками — Тэном и другими авторами того же направления. Но гораздо большее место занимали труды буржуазно-либеральной, с народническим оттенком, школы, которая получила впоследствии специальное наименование «русской школы»: Кареев, Лучицкий, Ковалевский и др. Виднейшие представители этой школы, — Кареев, Лучицкий, — проделали на протяжении своей научной и политической карьеры эволюцию вправо: в 80—90-х годах они принадлежали к либеральному крылу народничества, а впоследствии тяготели к кадетской партии. Кареев был противником марксизма, с представителями которого он вел в своих работах открытую полемику. Народнические симпатии этих авторов сказались в их стремлении отри-

цать капиталистическое развитие Франции накануне революции, что приводило к преувеличению значения мелкого производства и роли земледелия в дореволюционной Франции. Представители «русской школы» совершенно не понимали сущности мануфактурной стадии в развитии капитализма, не понимали капиталистического характера мануфактуры. Главное внимание представители «русской школы» уделяли аграрному вопросу, в разработку которого они внесли много ценного; ими был собран большой фактический материал, характеризующий положение французского крестьянства, ими была поставлена проблема распределения земель до и после продажи национальных имуществ и т. д. До появления их работ эти вопросы были сравнительно мало изучены, и потому их работы вызвали большой интерес не только в России, но и во Франции.

Кареев был идеалистом-эклектиком, испытавшим на себе сильное влияние Михайловского. В 1879 г. вышла в свет диссертация Кареева: «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.». Карееву удалось разыскать интересный материал в библиотеках и архивах Парижа и детально его разработать. Кареев подробно описал положение крестьян накануне революции, показал расслоение крестьянской массы, на что до него мало обращалось внимания. Он подробно рассмотрел также ход законодательства по крестьянскому вопросу в годы революции. Эти достоинства работы Кареева побудили Маркса дать о ней лестный отзыв. [1]

Впоследствии Кареев выпустил еще несколько работ, посвященных французской революции. В его шеститомном труде по истории Западной Европы в новое время французской революции отведен третий том. Перед мировой войной Кареев опубликовал неизданные документы по истории парижских секций в годы революции и одновременно написал ряд очерков на эту тему. В послевоенные годы он выпустил в свет трехтомную историографическую работу под названием: «Историки французской революции» (1924—1925). Поскольку Кареев не стоял на марксистской точке зрения, работа не могла дать правильного представления об основных направлениях в историографии французской революции. Кареев очень подробно излагает содержание трудов наиболее крупных историков, приводит ряд выдержек, но не показывает того, как борьба классов во Франции и в других странах в XIX и XX вв. отразилась на исторических трудах, посвященных революции конца XVIII в.

Кареев руководил также специальными семинарами по истории революции, и его учениками были выпущены некоторые ценные работы: Ону «Выборы 1789 г. во Франции и наказы третьего сословия...» (1908); Е. Н. Петров «Вопросы промышленности и торговли в наказах депутатов» (1911) и др.

Крупнейшим представителем «русской школы» был Лучицкий. Он занимался преимущественно аграрным вопросом во Франции в XVIII веке. Одна из главных его работ на эту тему вышла в 1900 г. под названием: «Крестьянское землевладение во Франции накануне революции, преимущественно в Лимузене». Для этой работы, носящей статистический характер, Лучицкий использовал ценные источники, до него не изученные, — налоговые списки «двадцатины» («rôles des vingtièmes», «livres terriers»). Лучицкого интересовал вопрос о распределении земли во Франции накануне революции и о степени концентрации земельной собственности.

Выводы, к которым он пришел в этой и в ряде позднейших работ, были обусловлены народническими убеждениями автора. Лучицкий считал, что значительная часть земли (от одной трети до трех пятых) находилась

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 28.

в руках мелких собственников-крестьян, что, вопреки утверждениям ряда авторов, крестьянам удалось в основном удержать землю за собой, хотя положение в различных районах было далеко не одинаково. Крестьянам, по мнению Лучицкого, в XVIII веке удалось даже приобрести довольно много земли у представителей привилегированных сословий. Лучицкий отрицал концентрацию земельной собственности во Франции и утверждал, что, напротив, происходил процесс дробления земельной собственности. Он, несомненно, слишком оптимистически рассматривал положение крестьян во Франции до революции, недооценивая тяжесть феодальных повинностей, лежавших на крестьянине и лишавших его возможности быть действительным собственником земли. Как народник, Лучицкий недооценивал также степень капиталистического развития Франции накануне революции. Он отрицал наличие классовой дифференциации во французском крестьянстве. Впоследствии некоторые французские историки, как Лефевр и др., на основании тщательного изучения местных материалов опровергли эти выводы Лучицкого.

Кроме указанной книги, Лучицкий в предвоенные годы выпустил еще ряд работ, часть которых вышла в Париже или была переведена на иностранные языки. В третьем томе «Книги для чтения по новой истории» Лучицкий поместил статью «Крестьянство и крестьянская реформа во Франции в период революции» (1913). В этой статье, обсуждая положение крестьян до революции и после нее, Лучицкий пришел к неправильному выводу о том, что революция почти совершенно не изменила положения крестьян. По его мнению, она не помешала переходу части собственности в руки крестьян, но способствовала ему лишь в незначительной степени. В 1911 г. Лучицкий выпустил книгу под названием: «Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789 — 1793 гг.». Кроме того, в эти годы он опубликовал ряд статей, в которых рассматривал вопросы о продаже национальных имуществ во время революции, об особенностях феодального землевладения и т. д. Он продолжал считать дореволюционную Францию страной натурального земледельческого хозяйства и, всячески затушевывая наличие капиталистических элементов, отрицал появление сельскохозяйственного пролетариата.

Работы Лучицкого имеют несомненную ценность по богатству собранного им материала, но либерально-народническая точка зрения приводит его часто к неверным выводам.

По вопросу о крестьянском землевладении во Франции длительную полемику с Лучицким вел другой буржуазный русский историк — М. Ковалевский. Это был крупный землевладелец и весьма умеренный либерал. Ковалевский был сторонником конституционной монархии; идеализируя ее, он называл ее «народной» монархией. С этой точки зрения он подошел и к изучению французской революции. Главная его работа — «Происхождение современной демократии» (в четырех томах, из которых первые три посвящены Франции) — начала выходить в 1895 г. Изложение истории Франции доведено до 1791 г. Конституция 1791 г., по мнению Ковалевского, осуществила идеал «народной монархии», или «королевской демократии», и дальнейшее развитие событий он рассматривал, как отклонение от достигнутого идеала. В своей работе Ковалевский подробно остановился на идеологической подготовке революции, причем высказал парадоксальное суждение о том, что во взглядах Монтескье и Руссо существенной разницы не было. Он проследил также влияние Англии и Соединенных Штатов на предреволюционную Францию. Из других работ Ковалевского надо отметить его статьи в редактировавшемся им журнале «Вестник Европы» о крестьянском землепользовании, о разделе общинных земель и продаже национальных имуществ, о крестьянах-кустарях

и о рабочих накануне революции. Статьи эти вошли в состав особой книги Ковалевского: «Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции» (1912). В отличие от Лучицкого Ковалевский считал, что большая часть земли во Франции до революции находилась в руках привилегированных сословий, причем с течением времени обеспеченность крестьян землей не возрастала, а сокращалась. Ковалевский отрицал наличие большого числа мелких собственников-крестьян во Франции, полагая, что большинство крестьян принадлежало к категории не собственников, а вечно наследственных арендаторов. В этом вопросе он был несомненно ближе к истине, нежели Лучицкий. Если значительная часть крестьян дореволюционной Франции и может быть причислена к категории собственников, то не в буржуазном, а в феодальном смысле слова, ибо их собственность была обременена целым рядом весьма тягостных феодальных повинностей.

Влияние марксизма на русскую историографию (Тарле)

Большое научное значение имеют труды профессора, а позднее — академика, Е. В. Тарле, автора ряда исторических исследований по самым различным вопросам. В своих трудах по истории французской революции Тарле впервые подробно остановился на проблемах, связанных с историей рабочего класса во Франции.

В 1907 г. вышла его книга «Рабочие национальных мануфактур во Франции в 1789—1791 гг.». В 1909—1911 гг. вышел основной труд Тарле по истории французской революции — двухтомное исследование под названием «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». В эти же годы в Париже были изданы две работы Е. В. Тарле на французском языке: «Рабочий класс и контрреволюционная пропаганда во Франции во время революции» («La classe ouvrière et la propagande contre-révolutionnaire en France pendant la révolution») и «Сельская промышленность во Франции в конце старого порядка» (L'industrie dans les campagnes de France à la fin de l'ancien régime»). Е. В. Тарле тщательно изучил богатейшие материалы французских архивов — парижского и департаментских. В своем основном труде он подробно остановился на вопросе о положении рабочего класса во Франции, показав его на фоне экономики Франции того периода. Но вместе с тем он осветил и ряд важнейших проблем, связанных с рабочим движением и ролью рабочих масс в революции. Он охарактеризовал первые проявления борьбы французских рабочих против предпринимателей, их первые попытки создать собственные классовые организации. Е. В. Тарле показал, как в ответ на это буржуазия провела закон Ле-Шапелье, направленный против рабочих и воспрещавший им организоваться для защиты своих интересов. Он дал правильную оценку этого закона, классовый характер которого буржуазные ученые обычно отрицали. Труды Е. В. Тарле являются крупным вкладом в историческую науку.

Анархизм (Кропоткин)

В 1909 г. на французском языке вышла книга известного русского анархиста П. Кропоткина, посвященная французской революции, — «Великая французская революция» («La Grande révolution 1789—1793»). В 1914 г. она была переведена на русский язык. На книге Кропоткина ярко отразилось его мировоззрение анархиста-народника. Выразительно и отчетливо показал он роль народных масс в революции, но совершенно не понял прогрессивной и организующей роли диктатуры якобинцев.

В ходе французской революции народ, по мнению Кропоткина, был единственной революционной силой. Кропоткин полагал, что только народ верно понимал характер и задачи революции, но понимал, так сказать, инстинктивно, «чутьем». Но и в народе, по его мнению, только меньшинство способно было двигать вперед революцию.

Кропоткин совершенно не понимал прогрессивной роли буржуазии в XVIII веке. Представительные собрания эпохи революции не сыграли, по его мнению, никакой положительной роли. К якобинцам он относился резко отрицательно, считая их главными виновниками поражения революции; исходя из своих анархистских позиций, он резко противопоставлял коммунальное движение на местах централизаторской политике Конвента. Свое изложение Кропоткин доводит только до 9 термидора, так как по его мнению, после 9 термидора народная революция была подавлена.

Анархистская тенденция помешала Кропоткину понять характер, задачи и движущие силы французской революции.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революционная волна рабочего движения, высоко поднявшаяся на Западе после установления диктатуры пролетариата в России и окончания мировой войны 1914—1918 гг., борьба двух систем, социалистической и капиталистической, и остервенелый поход империализма не только против коммунизма, но и против буржуазной демократии и парламентаризма,—все эти основные явления послевоенной эпохи способствовали новому подъему интереса к классической, доведенной до конца, французской буржуазной революции. Под влиянием послевоенного опыта оживилось изучение партийной борьбы во время французской революции, изучение якобинской диктатуры, ее социально-экономической политики, хода революции в провинции, дипломатии и войн революции.

Три основные течения, наметившиеся среди буржуазных историков французской революции еще до мировой войны, более четко определились в послевоенную эпоху, после Октябрьской социалистической революции. Историки реакционного направления повторяли свои старые, истасканные и тенденциозные взгляды на французскую революцию и особенно на ее наиболее героический период— период якобинской диктатуры. Либерально-буржуазные и умеренно республиканские историки, задававшие тон перед мировой войной, после войны отступили на второй план. После войны лучшие работы дали историки радикального направления. Они занялись изучением важных малоразработанных вопросов, привлекли свежий материал и выдвинули новые точки зрения.

Реакционное направление (Мадлен, Марион)

Враждебное французской революции направление исходило в ее оценке от Тэна и выражало настроения реакционной части французской буржуазии. Наиболее типичным из его представителей является Л. Мадлен. Мадлен резко отрицательно относится к выступлениям плебейских масс во время революции, но очень благосклонно настроен по отношению к военно-буржуазной диктатуре Наполеона I. Он говорит о «бандах, брошенных на Тюильри» 20 июня 1792 г., а революционный террор он называет «режимом крови». Рассказывая об убийстве Марата, он оправдывает преступление «внучки великого Корнеля» и забрасывает грязью великого Друга народа.

Более ценны работы академика М. Марциона, автора капитального труда по финансовой истории Франции в XVIII и XIX веках. Этот труд содержит большой фактический материал и стоит значительно выше прежних и устарелых теперь работ по финансовой истории Франции во время французской революции (Р. Стурма и Ш. Гомеля), но консервативно настроенный автор дает типично буржуазную трактовку истории максимума, тенденциозно, в духе Тэна, подбирает материал, пытается

доказать «гибельные» последствия максимума и повторяет старые шаблонные взгляды относительно причин обесценения ассигнатов.

Либеральный республиканизм (Олар, Саньяк, Паризе, Сэ и др.)

Либерально-буржуазное направление представлено школой А. Олара. Либерализм и демократизм этой школы сильно потускнели в послевоенную эпоху, но все же историки этого направления остаются буржуазными республиканцами и в своем отношении к французской революции часто стоят ближе к радикальному, чем к консервативному, крылу буржуазной историографии. После победы Октябрьской социалистической революции А. Олар занял отрицательную позицию по отношению к диктатуре пролетариата и выступил на защиту либерализма и «демократии», противопоставляя Декларацию прав человека и гражданина теории насилия и диктатуры. Олар не мог не признать того влияния, которое марксизм оказывал на него и его школу. В этом смысле значительный интерес представляет его выступление на собрании «Общества изучения французской революции» в марте 1928 г.: «...марксисты всех нас привели к большему признанию этой экономической точки зрения, которая оставалась в таком пренебрежении в большей части крупных историй революций; на эту экономическую точку зрения мы не смогли стать целиком (trop s'y placer), но пришлось признать, что в подготовке и развитии революции экономические вопросы играли более важную роль, чем это раньше думали». Но признание Оларом на склоне его дней значения экономического фактора совершенно не означало принятия им теории исторического материализма.

В духе умеренно-буржуазного республиканизма Олара написана Ф. Саньяком и Ж. Паризе двухтомная работа по истории французской революции, появившаяся в 1920 г. В этой работе довольно подробно дана внутренняя политическая история французской революции, но уделено недостаточно внимания социально-экономической истории и международным отношениям. Работа ценна по большому проверенному фактическому материалу, более свежему сравнительно с предыдущими работами, и поданному в хронологической последовательности. Подобно А. Олару, Саньяк считает революцию 10 августа 1792 г. «национальной и патриотической». Ж. Паризе отрицает народный характер движения 31 мая и 2 июня 1793 г., приведшего к падению Жиронды, и называет захват власти якобинцами «государственным переворотом», прототипом позднейших государственных переворотов вплоть до 18 брюмера и до установления империи. Не понимая характера социально-экономических мероприятий революционного правительства, он называет их социалистическими. Автор не дает углубленного анализа причин падения Робеспьера 9 термидора.

Общий обзор экономики Франции накануне и во время революции дал А. Сэ в своих работах по экономической истории Франции. Фактический материал, приведенный Сэ, показывает, что во Франции перед революцией развитие производительных сил находилось в резком противоречии с производственными отношениями, но сам автор вслед за Токвилем полагает, что дворянская абсолютная монархия была способна провести такие реформы, которые позволили бы избежать революции. В трактовке социально-экономической истории революции автор придерживается либерально-буржуазных воззрений, делая выпады против «односторонности» марксистских взглядов на историю и против «злоупотребления» со стороны советских историков «догмой классовой борьбы».

Первой попыткой обобщить данные о якобинских клубах в провинции является книга Л. Карденаля «Провинция во время революции. История якобинских клубов». В работе собрано много интересного фактического материала, но вопрос нуждается еще в ряде дополнительных иссле-

дований. Не установлено, например, еще точно общее число существовавших клубов. Автор насчитывает около трех тысяч провинциальных клубов, а другие определяют это число в шесть-семь тысяч. Недостаточно разработан вопрос о классовом составе клубов. Наконец, либеральная точка зрения автора помешала ему дать углубленный анализ революционного значения якобинских клубов во время революции.

Влияние либерально-буржуазной школы Олара испытали также некоторые английские и американские историки. Английский историк Томпсон в двухтомной биографии Робеспьера не анализирует классового характера террора и, как всякий идеалист, ищет объяснений для действий Робеспьера только в его политических взглядах, а не в сложившихся условиях классовой борьбы. Робеспьера Томпсон характеризует как демократа, пророка и пуританина. Он не считает Робеспьера «жестоким от природы» и стремившимся к «тирании» по личным мотивам, но в последние месяцы революционного правительства ошибочно видит в нем единоличного диктатора, проводившего свою политику в качестве пуританина и патриота.

Левый радикализм (Матьез и его школа. Лефевр)

Третье, радикальное направление представлено журналом «Анналы французской революции» («Annales historiques de la Révolution Française»), который редактировался А. Матьезом и является органом «Общества по изучению робеспьеризма». Это направление объединяет группу историков, радикально и даже социалистически настроенных; некоторые из них испытали на себе в той или иной мере влияние марксизма. Наиболее ценные работы по истории французской революции, появившиеся на Западе после мировой войны, принадлежат как раз историкам этого направления. Однако методологического единства у этих историков нет, и лучшие из них продолжают оставаться эклектиками. Известно, что научная и политическая позиция главы этого направления, Матьеза, была подвержена колебаниям и зигзагам.

Первые работы Альбера Матьеза относятся еще к началу XX в. А. Матьез — сын крестьянина, получивший высшее образование и занимавший кафедру сперва в провинциальных университетах, а позднее в Сорбонне, был типичным представителем мелкобуржуазной интеллигенции. Он примыкал к левому крылу радикализма, представители которого готовы были итти на сближение с социал-реформизмом. Матьез не имел устойчивой и последовательной политической линии, часто колебался и менял свои симпатии в зависимости от политической конъюнктуры. Матьез был учеником Олара и вначале находился под его влиянием. Но в дальнейшем он отошел от Олара, примкнув к более левым кругам, и в своих работах стал проводить более радикальные идеи. Перед войной он был связан с социал-реформистскими деятелями. Во время войны Матьез занимал патриотическую позицию. После Октябрьской революции он полевел и одно время даже примыкал к французской компартии, от которой, однако, впоследствии отошел. В последние годы своей жизни (он умер в 1932 г.) Матьез явно стал сближаться с реакцией.

Матьез, несомненно, испытал на себе влияние марксистских идей, в той интерпретации, какую давал им Жорес, но даже в лучший период своей деятельности он не был марксистом. Матьез уделял главное внимание периоду якобинской диктатуры. Он был большим поклонником Робеспьера, считал его образцом политического деятеля и явно идеализировал его так же, как и якобинцев вообще. Матьез был готов поставить знак равенства между якобинизмом и социализмом. Он полагал, что если бы Робеспьер не был насильственно отстранен от власти и ему удалось бы довести до конца задуманные им мероприятия, то тем самым не только были бы выполнены задачи буржуазно-демократической рево-

люции, но и вообще удалось бы покончить с эксплоатацией. Отсюда ясно, что Матьез не понимал классовой природы якобинства и совершенно не был способен понять сущность социализма и историческую роль пролетариата.

Матьеза отделяет от Олара, прежде всего, то, что он положительно относится к диктатуре якобинцев, вскрывает закономерность ее возникновения. Но смысл этой диктатуры он видит лишь в спасении революционной Франции от внешней опасности. Соотношение классовых сил, сделавшее диктатуру возможной и неизбежной, остается в изображении Матьеза неясным.

Первые работы Матьеза были посвящены религиозным проблемам в эпоху революции: «Происхождение революционных культов», «Теофилантропия и культ декады» (1904) и др. Интерес Матьеза к этим вопросам объяснялся тем, что в эти годы радикальное министерство Э. Комба вело борьбу с клерикализмом и шла подготовка к отделению церкви от государства. В 1908 г. по инициативе и при деятельном участии Матьеза возникло возглавлявшееся им «Общество по изучению робеспьеризма» («Société des études robespierristes»). С 1908 г. стал издаваться новый журнал под названием «Анналы революции» («Annales révolutionnaires», позднее «Annales historiques de la Révolution Française»). В этом журнале Матьез и другие левые буржуазные историки вели подчас острую полемику с буржуазно-либеральной школой Олара.

В довоенные годы вышел целый ряд крупных монографических работ Матьеза: «Клуб Кордельеров и расстрел на Марсовом поле» (1910), «Робеспьер как оратор» (1912), «Знаменательные дни Учредительного собрания» (1913). Но важнейшие работы Матьеза вышли в 20-х годах, когда он испытал на себе несомненное влияние Великой Октябрьской социалистической революции.

«Французская революция» Матьеза, появившая в 1922—1927 гг., написана талантливо, интересно и живо, она базируется на обширном документальном материале и на многочисленных специальных исследованиях автора. Однако ей свойственны крупнейшие недостатки: в первом томе уделено совершенно недостаточно внимания рабочему и аграрному вопросам, восстаниям крестьян. Искажена также характеристика экономики предреволюционной Франции, не показаны ее глубочайшие противоречия. Предреволюционную Францию Матьез считает «цветущей страной». Исторической неизбежности революции Матьез не показывает.

В дальнейших томах Матьез дал неправильную оценку борьбе течений среди якобинцев, очернив эбертистов, неправильно оценив политику бешеных как политику «демагогии». Подобно Луп Блану, идеализируя Робеспьера, Матьез считает действия Робеспьера, воплотившего в себе, по его мнению, все лучшие черты французского народа, всегда правильными, а противников Робеспьера готов признать всегда виновными. Он без всяких оснований приписывает Робеспьеру попытку осуществить «новую социальную революцию». Более удовлетворительно разрешил Матьез проблему борьбы между Горой и Жирондой. Матьез доказал, что политика Жиронды отражала интересы напуганной бурным народным движением крупной торгово-промышленной буржуазии, фактически ставшей контрреволюционной. Он пытался также показать некоторые социально-экономические корни вандейской контрреволюции, оставляя в стороне традиционные объяснения вандейского мятежа отсталостью и патриархальным бытом этой области Франции. Однако подлинные причины вандейского восстания, роль духовенства, эмиграции и английской диверсии все же не вскрыты им полностью.

Особенно много нового и по материалу и по его освещению внес Матьез в историю террора, которому и посвящено большинство его специальных работ. Борьба бешеных за максимум, максимум в действии, коррупция дантонистов, иностранный заговор и значение вантозских декретов — все эти вопросы впервые были поставлены Матьезом в развернутом виде, хотя, как мы уже говорили, предлагаемые им решения этих вопросов далеко не всегда обоснованы. Матьез впервые обратил серьезное внимание на социальное движение плебейских масс и установил много новых фактов, характеризующих французскую революцию как революцию народную. Он правильно понял движение бешеных как движение, выражавшее интересы плебейских низов. Наиболее ценной и характерной для взглядов Матьеза является его работа «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора». Особенно важными и новыми являются главы, посвященные бешеным и второму и третьему максимуму. Ценность этой капитальной работы определяется прежде всего тем, что здесь была впервые на основании значительного архивного материала дана продовольственная политика Конвента.

Матьез, увлекаясь историческими параллелями, склонен находить «социализм», как в деятельности якобинцев, так и в агитации бешеных. «Социалистом» он считает Жака Ру. Наибольшее значение придает он в этом смысле вантозским декретам о распределении имущества контрреволюционеров среди неимущих патриотов. Неправильно оценивая эти декреты и рассматривая их как «социалистическое» мероприятие, он ошибочно видел в них главную причину гибели робеспьеристов.

Хорошее соединение научности с популярностью изложения представляет небольшая работа Матьеза «Революция 10 августа 1792 г.». В ней Матьез разоблачает измену двора и Лафайета и ошибочность расчетов жирондистов и их своекорыстную политику. В восстании 10 августа он правильно придает особое значение парижским секциям, выдвинувшим для руководства восстанием революционную Коммуну.

В 1930 г. вышел в одном томе общий обзор истории французской революции, написанный Ж. Лефевром, Р. Гюйо и Ф. Саньяком.

В этом позднейшем компендиуме по истории французской революции она рассматривается не только как внутренняя история Франции, но и в международном аспекте. Авторы правильно считают революционные войны борьбой между феодально-монархической Европой и буржуазной Францией, отменившей сословные привилегии и установившей у себя гражданское равенство и политическую свободу. Эти войны, по мнению авторов, оказали большое влияние на ход революции: они привели к падению монархии, к централизации власти и к диктатуре. При цензово-конституционной монархии господство принадлежало буржуазии и собственническому крестьянству, к которым присоединилась часть либерального дворянства и духовенства. После начала войны и падения монархии установилось революционное правительство мелкой буржуазии, которое путем террора, реквизиций и максимума вело борьбу против богатых и успешно организовало национальную защиту. Когда миновала опасность, была установлена после 9 термидора умеренная буржуазная республика.

Революция «открыла новые пути капитализму: она значительно обогатила буржуазию и крестьян за счет бывших привилегированных и глубоко изменила отношения классов общества... Чтобы защитить свои новые, еще непрочные имущества, буржуа и крестьяне не колебались призвать сильную власть, способную охранить их от возвращения Бурбонов и аристократии старого порядка; именно эта необходимость социальной гарантии и породила Бонапарта и его диктатуру».

В приведенной оценке динамики французской революции и классового характера правительств, сменявшихся в ходе этой революции, много правильного, навеянного, очевидно, опытом нашей эпохи всеобщего кризиса капитализма.

Внутренняя история французской революции подана в книге очень сжато. В освещении многих вопросов Лефевр следует за Матьезом, но он не считает бешеных социалистами, иначе оценивает вантозские декреты, критикует позицию Робеспьера и находит оправдание действиям Дантона. Иначе, чем Олар, оценивает Лефевр революционное правительство: оно означало не только национальную, но и классовую войну.

Капитальной работой Лефевра является его исследование о «Крестьянах Северного департамента накануне и во время революции». В нем он, по собственным словам, продолжает работу, начатую трудами Кареева, Лучицкого, Саньяка и Жореса. Работа основана на большом архивном и печатном материале. Особенно ценны и интересны главы о продаже национальных имуществ и об отношении крестьян к максимуму. Северный департамент принадлежал к числу тех, в которых была более развита промышленность, но где все же до трех четвертей населения занималось сельским хозяйством. Для понимания предпосылок 9 термидора очень важным является выяснение позиций разных слоев деревни по отношению к максимуму. Лефевр дает ценное описание фактического положения крестьянства: он рассматривает ликвидацию сеньериальных повинностей, продажу национальных имуществ, раздел общинных земель, налоги и военную службу, таксацию зерна и фуража, аграрный кризис, расслоение в деревне и деревенскую администрацию, но он мало увязывает все это с классовой борьбой крестьянства во время революции.

Другая работа Лефевра, «Аграрный вопрос в эпоху террора», является, собственно, большим введением к опубликованному им сборнику документов, в которых высказаны пожелания и требования крестьян. В первой главе этой работы автор останавливается на оценке вантозских декретов, внося ряд поправок к концепции Матьеза, неправильно оценивавшего значение этих декретов. Лефевр отмечает, что вантозские декреты, изданные в связи с борьбой против эбертистов, отличались неясностью и неопределенностью формулировок, особенно в отношении понятия «неимущих патриотов» (patriotes indigents), и встретили в Конвенте и в Комитетах противодействие, выразившееся в том, что их свели в конце концов только к закону о социальном обеспечении неимущих. В списки неимущих вносили странников, калек, больных и вдов, раздавать же землю этим элементам было бесцельно. Другие главы работы Лефевра дают много материала по вопросу о борьбе деревенской бедноты за расширение ее землепользования, за разбивку крупных ферм, за устранение посредничества крупных арендаторов, за улучшение условий аренды и за сохранение права выпаса. Автор показывает, что эти требования деревенских низов не нашли отклика ни в Конвенте, ни у якобинцев, но он не смог удовлетворительно объяснить, что мешало якобинцам пойти навстречу этим требованиям деревенской бедноты.

Много контрреволюционных легенд о сентябрьских днях 1792 г. разрушает большая работа П. Карона по этому вопросу . Эта работа является образцом очень тщательного и детального анализа, основанного на большом архивном и печатном материале. Первый период народного террора частично захватил и провинцию и продолжался до победы революционных войск при Вальми. Число убитых, сильно преувеличивавшееся реакционерами, не превышало 1090. Карон показывает, что среди современников и очевидцев было распространено мнение, что происшедшее было необходимо в целях самозащиты.

Ж. Мишон в своей работе «Робеспьер и революционная война 1791—1792 гг.» подробно анализирует позицию Робеспьера, считавшего войну «плодом интриг внутренних врагов, связанных с внешним врагом». Робеспьер отвергал позицию тех, кто полагал, что «нужно победить Европу, чтобы стать свободными вместе с ней». Автор подчеркивает, что Робеспьер опасался установления военного деспотизма и обвинял бриссотинцев в том, что они, поддерживая Нарбона и Лафайета, способствовали этому военному деспотизму. Автор разоблачает кампанию клеветы, которую жирондисты развернули против Робеспьера, но, выставляя жирондистов сторонниками превентивной войны с Австрией, он, вслед за Жоресом, оставляет на заднем плане угрозу интервенции со стороны Австрии и со стороны монархической Европы.

Ж. Мишон написал еще интересный «Очерк по истории партии фельянов». Он же собрал и издал переписку Максимилиана и Огюстена Робеспьеров, представляющую солидную базу для их биографии. В введении он с симпатией рисует прямоту и чистоту Неподкупного (М. Робеспьера), который был суровым только в общественных делах, считая, что «всякая личная привязанность должна уступить место священным интересам свободы и человечества».

По инициативе Матьеза А. Кальве занялся собиранием материалов по вопросу о спекуляции в Париже при терроре и выпустил в 1933 г. работу о применении закона 26 июля 1793 г., направленного против скупщиков («Спекуляция в Париже при терроре»). Вслед за Матьезом Кальве полагает, что закон против скупщиков был создан не с целью подготовить, а с целью избежать введения всеобщего максимума. До смягчения этого закона по декрету 22 декабря 1793 г. было вынесено всего шесть смертных приговоров, которые все были связаны с политическими обвинениями. В дополнение к своей работе Кальве в особой статье проанализировал отчет комиссара о скупках, сделанных буржуазным населением секции Елисейских полей.

Исследованием локальной истории революции является двухтомная работа Л. Жакоба о деятельности робеспьериста Лебона в качестве комиссара в северных пограничных департаментах Франции, где приходилось применять суровые меры, чтобы спасти республику от измены и иностранной интервенции. В оценке деятельности робеспьеристов автор следует за Матьезом. Он стремится показать, что в департаменте Паде-Калэ Лебон провел все подготовительные мероприятия, нужные для применения вантозских декретов. Он пытается доказывать, что робеспьеристы прилагали серьезные усилия к тому, чтобы добиться скорейшей передачи неимущим патриотам имуществ контрреволюционеров.

В содержательной двухтомной работе Риффатера, посвященной Лионскому бунту 1793 г., показано, что жирондисты не имели опоры в массах и что крестьянство пошло не за ними, а за якобинцами, которые ликвидировали без выкупа феодальные повинности в деревне и провели демократическую Конституцию 1793 г. Против буржуазии были настроены и рабочие шелковых мануфактур, которые шли за лионскими якобинцами.

Вандейскому мятежу посвящена работа Л. Дюбрейля, которому удалось разоблачить тенденциозные утверждения реакционных историков об этом контрреволюционном мятеже. Автор пытается выяснить и социальные корни мятежа, но вполне удовлетворительного объяснения его все же не дает.

Для истории последнего периода якобинской диктатуры и для выяснения предпосылок 9 термидора важна книга норвежского историка

А. Ординга «Бюро полиции Комитета общественного спасения. Этюд о терроре» (1930 г.). Эта работа была предпринята по инициативе Матьеза и во многом повторяет его мысли. Автор полагает, что Робеспьер и Сен-Жюст хотели разрешить социальную проблему путем вантозских законов, к которым буржуазия относилась с глубоким страхом. При помощи Бюро полиции Робеспьер и Сен-Жюст хотели бороться со злоупотреблениями служащих, особенно тех, которые использовали свое положение для своего обогащения и притеснения граждан, часто прикрывая свои цели крайне левыми фразами. Малое число грамотных среди санкюлотов очень ограничивало выбор служащих, в ряды которых попадали и буржуа и бывшие дворяне. Автор отвергает обвинение, выдвинутое термидорианцами, будто Робеспьер и его друзья хотели при помощи Бюро полиции установить личную диктатуру.

В благожелательном к Робеспьеру духе написана книга Р. Корнгольда (1936 г.), бывшего секретаря американской социалистической партии. По словам автора, Робеспьер «путем вантозских декретов пытался обеспечить для четвертого сословия более солидную базу. Когда попытка потерпела крушение, падение Робеспьера стало неизбежным». Модернизируя прошлое, автор указывает, что Робеспьер и Марат симпатизировали мелкому люду, т. е. пролетариату. С большой симпатией автор отзывается о Марате, который приходил в бешенство, когда видел, что обманывают народ и изменяют ему. Отмечая отрицательное отношение Марата и Робеспьера к бешеным, автор ошибочно определяет последних как «анархо-коммунистов».

Документальные публикации XX века по социально-экономической истории революции

Для конкретной разработки истории быстрого перехода Франции в конце XVIII века на путь буржуазного, капиталистического развития и правильного понимания последовавшей затем промышленной революции огромное значение имеют документы, социально-экономического характера, сохранившиеся от революции. Поэтому в историографическом обзоре документальных публикаций XX века, относящихся к революции, следует отметить именно эти публикации.

27 ноября 1903 г., по инициативе Жореса, палата депутатов вотировала ежегодный кредит в 50 000 франков с тем, чтобы «архивные документы относящиеся к экономике французской революции, могли быть разобраны, систематизированы и опубликованы». С 1904 г. начала свою деятельность при Министерстве народного просвещения специальная «Комиссия по разысканию и публикации документов по экономической истории революции». Первым ее председателем был Жорес, вице-председателем — Олар, секретарем — Карон. Одновременно при департаментских архивах Франции были созданы филиалы Комиссии, которые приступили к работе по плану и согласно методическим инструкциям, разрабатывавшимся центральной Комиссией.

С 1905 г. начало выходить периодическое издание Комиссии «Bulletin trimestriel» (в дальнейшем «Bulletin d'histoire économique de la Révolution»), в котором печатались инструкции и другие материалы, касающиеся принципа отбора и метода публикации, а также и целые собрания документов. Параллельно сборники документов выпускались и в виде оттисков из «Бюллетеня» и отдельными изданиями в составе серии «Collection de documents sur l'histoire économique de la Révolution française».

К 1913 году, когда состоялся первый съезд представителей департаментских комиссий и были подведены первые итоги коллективной работы французских архивистов и историков, было уже выпущено 57 объемистых томов документов.

Первое, по количеству выпусков, место в этой коллекции занимали документы, относящиеся к выборам в Генеральные штаты.

Публикация «наказов» была начата в 60-х годах XIX в. Мавидалем и Лораном в предпринятом ими издании «Парламентских архивов» («Archives parlementaires»), где *сводным* наказам сенешальств и бальяжей уделены первые семь томов (седьмой том — указатель). Но даже сводные наказы не могли быть представлены полностью, так как часть их не сохранялась в Париже и не могла быть извлечена из местных архивов.

Комиссия Кореса впервые поставила задачу полностью осуществить публикацию как сводных, так и *первичных* наказов избирателей при содействии департаментских комиссий.

Мировая война значительно задержала работу, но не прервала ее, и в настоящее время значительное число департаментов выпустило по одному и более сборников наказов. Среди них — пятитомный сборник Лорана (Laurent) по департаменту Марны (1906—1931), четырехтомная серия наказов департамента Мёрт-и-Мозель (1907—1934), сборники Ле-Паркье (Le-Parquier) по департаменту Нижней Сены (1912—1920) и другие.

Появилась потребность в специальном путеводителе по материалам этого рода, и такой сводный указатель всех опубликованных, а также неопубликованных наказов, хранящихся в архивах Франции, был издан Беатрисой Хислоп (Beatrice Hyslop) в 1933 г. — «Répertoire critique des cahiers de doléances...»

При всем несовершенстве этого издания, оно является необходимым справочником при работе с наказами и в этом отношении может быть сопоставлено с другим научным пособием, составленным еще в 1904 г. Бреттом: атласом избирательных округов.

Что касается метода публикации, то, как в отношении наказов, так и в отношении прочих документов, Комиссия сперва придерживалась принципа подачи их без переработки, полностью или с некоторыми сокращениями. Позднее, однако, она «ощупью,— по выражению Олара,— дошла до мысли давать не просто собрания текстов в сыром виде, но результаты обследования материала, в виде его описания, сводки, статистической обработки», в целях воспроизведения его как бы «в ракурсе с большей четкостью и ясностью». Так, из опасения отпугнуть исследователя громоздким материалом, Комиссия вступила на скользкий путь подачи его в препарированном виде, внося моменты субъективного его отбора и освещения.

При всем том, что вместо публикации источника зачастую получался подбор архивного материала и его исследование, издания Комиссии имеют большое значение.

В числе изданных таким методом сборников наказов можно отметить вышедшее в 1929 г. собрание «Наказов ремесленных корпораций Алансона» с большим предисловием редактора Рене (René), содержащим их анализ.

Таким же образом опубликованы наказы колонии Сан-Доминго — работа Бланш Морель (Blanche Maurel, 1933) и другие.

В числе материалов, пущенных в научный оборот центральной Комиссией, заслуживает внимания «Собрание важнейших законодательных и административных текстов, касающихся сельского хозяйства Франции с 1788 г. по VIII год республики» под редакцией одного из видных историков-экономистов — Ж. Буржена (G. Bourgin). Отдельно, в том же 1907 году, под его же редакцией вышел сборник документов, касающихся специально лесного хозяйства, представляющих большой интерес, если учесть остроту вопроса о топливе в экономике и быту Франции того периода, когда она еще только приступала к более или менее значительному использованию своих недр и применению каменного угля в промышленности.

Объемистый сборник текстов, касающихся торговли, опубликован одним из крупнейших историков-архивистов — Ш. Шмидтом (Schmidt) в 1912 г. Торговле «зерновыми продуктами» был посвящен особый сборник, подготовленный к печати П. Кароном в 1906 г., Ф. Жербо (Gerbeau) и Ш. Шмидт собрали и издали в 1908—1910 гг. четыре тома «Протоколов» важнейших из комитетов Учредительного, Законодательного собраний и Конвента — «Комитетов сельского хозяйства и торговли». Указатель к ним вышел в 1937 г.

Материалы по промышленности за период с 1788 г. по IX год республики, собранные в Национальном архиве, охарактеризованы Ш. Шмидтом в одном из выпусков «Бюллетеня» за 1909 г.

Вопросами законодательства революции по оказанию помощи образовавшейся к началу революции массе неимущих и безработных занимался К. Блох (C. Bloch), выпустивший в 1908 г. в том же периодическом издании большой сборник текстов, а в 1911 г., совместно с А. Тюэте (Tuetey), «Протоколы» созданного при Учредительном собрании «Комитета помощи нищенствующим».

После войны «Бюллетень» стал выходить с перебоями и прекратился на томе за 1920—1921 г., вышедшем с опозданием в 1924 г. Этот том содержит, в числе других, материалы по ликвидации феодальных отношений, обработанные Кароном и дополняющие собою более раннюю публикацию Кароном и Саньяком документов Феодальных комитетов («Procès verbaux des Comités des droits féodaux») Учредительного и Законодательного собраний (1907).

Один из центральных вопросов для освещения аграрных отношений периода революции, вопрос о «Разделе общинных владений», получил прочную документальную основу благодаря публикации Ж. Буржена еще в 1908 году. Дюбрейлем (Dubreuil) сделан в 1915—1916 гг. вклад для характеристики некоторых специфических, особенно отсталых форм феодального держания Нижней Бретани — «domaine congéable». Общие «Аграрные вопросы периода террора» нашли свое документальное отражение в публикации Ж. Лефевра (1932 г.), которая представляет собой одновременно и монографическое исследование проблемы.

К тому же типу принадлежит и работа Кальве (Calvet) о «Спекуляции товарами в Париже в период террора» (1933).

Значительное количество сборников документов посвящено продовольственному вопросу на местах во время революции — вопросу исключительной важности для правильного освещения положения широких масс народа. Так, например, по дистрикту Берг ценную двухтомную публикацию-исследование дал Ж. Лефевр (Lefebvre) (1914—1921).

В 1909 г. П. Кароном был переиздан один из важнейших источников по вопросам дороговизны — «Таблица падения курса бумажных денег» (Tableaux de dépréciation du papier monnaie».

Другая ценная публикация П. Карона 1930 г. касается всеобщего максимума («Le maximum général. Instruction, recueil de textes»).

Карон опубликовал также материалы большого значения о продовольственной политике при терроре — «Протоколы и акты Продовольственной комиссии II года» (1924—1925). В большом введении он характеризует организацию, личный состав и функции Продовольственной комиссии, давая ей, в согласии с Матьезом и в противоположность М. Мариону, положительную оценку. Протоколы содержат много интересных данных относительно закупок за границей, относительно эгалитарных тенденций Продовольственной комиссии. При этом Карон, однако, отвергает мнение тех, кто склонен видеть в действиях Продовольственной комиссии черты «государственного социализма» или «коллективизма». Деятельность

Продовольственной комиссии показана Кароном слишком изолированно, вне связи с классовой и партийной борьбой и с массовым движением на почве продовольственного кризиса.

В 1911 г. документам по денежному обращению был посвящен большой том, обработанный К. Блохом. Им же опубликованы «Протоколы Комитета по финансам Учредительного собрания» в двух томах (1922—1923). Ценна монография Р. Шнерба (Schnerb), основанная на материалах департамента Пюи-де-Дом и характеризующая реформу обложения, проведенную Учредительным собранием (1933).

Большое число публикаций, часто снабженных большими вступительными статьями, выпущено местными архивами по вопросу о продаже национальных имуществ. Таковы, для примера, публикации С. Шарлети (Charléty, 1906), М. Мариона, Ж. Банзакара и Кодрийе (Marion, Benzacar et Caudrillier, 1911), Поре (Porée, 1912—1913). В 1926 г. в издании центральной Комиссии вышел подготовленный Кароном и Депре (Deprez) первый том «Законодательных и административных текстов, касающихся национальных имуществ».

В самое последнее время (1930) Комиссией возобновлен выпуск периодической серии документов, но по несколько иной программе, под названием «Мемуары и документы о революции», в числе которых имеется, например, собрание документов и исследование А. Сэ (Sée), посвященное экономике Бретани с 1772 по III г.

Участие в коллективных работах Комиссии не ограничивается деятельностью провинциальных архивов Франции. Вышло значительное количество публикаций, освещающих как специальные темы, так и общеэкономическое, а часто и политическое положение того или иного департамента, дистрикта или города в течение всей революции или, чаще, периода террора. Такова, например, трехтомная работа Мурло (Mourlot), посвященная экономике Алансона (1907—1910).

Особое место занимает подготовленная братьями Буржен публикация материалов о состоянии французской металлургической и металлообрабатывающей промышленности к началу революции («Industrie sidérurgique en France au début de le Révolution». Paris 1920). Это—первая попытка подойти к статистическому обследованию вопроса основательнее, чем это смог сделать в свое время Левассёр в своих работах о рабочем классе, вызванная необходимостью исправить и дополнить его данные.

В основу публикации положены материалы организованной с 1788 г. королевским Бюро торговли анкеты «О мануфактурах и заводах с применением топлива». Ответы на эту анкету представляют собой большой интерес не только для изучения металлургической промышленности, но и таких производств, как стекольное, красильное, мыловаренное и др. Однако некоторая неполнота и пестрота ответов на анкету потребовала привлечения обширного дополнительного материала документов, что со значительным успехом и осуществили авторы публикации. Свой объемистый том они сопроводили также аппаратом указателей, карт, дающих возможность использования публикации в различных направления, в частности для установления географического распределения предприятий и их связи с источниками сырья и топлива и рынками сбыта, состава рабочей силы, условий труда и, наконец, техники производства.

Несмотря на имеющиеся в этой публикации недостатки, она внесла уже существенные поправки в господствовавшее до нее представление о состоянии одной из важнейших областей экономики Франции (установив наличие 1003, а не 600 предприятий) и проложила новые методические пути для публикаций историко-статистического характера, содействующих изучению буржуазной революции 1789—1794 гг.

ЛЕНИН И СТАЛИН О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Блестящий анализ основных проблем французской буржуазной революции мы находим в работах Ленина и Сталина. Самые ранние из этих работ относятся к периоду русской революции 1905 г. Вопрос о характере русской революции 1905 г., о ее задачах, о ее движущих силах вызывал острые разногласия.

Было ясно, что революция в России является революцией буржуазно-демократической. Отсюда меньшевики делали тот вывод, что русская революция является лишь повторением французской, а потому она и должна, подобно последней, протекать под гегемонией буржуазии. Большевики резко критиковали эту в корне неправильную точку зрения, которая могла привести к очень тяжелым последствиям. Меньшевики не понимали того, что русская революция происходит при совершенно других условиях, нежели французская революция XVIII в. «Революция на Западе,—говорил Сталин, — разыгралась в условиях мануфактурного периода и неразвитой классовой борьбы, когда пролетариат был слаб и малочислен, не имел своей собственной партии, могущей формулировать его требования, а буржуазия была достаточно революционна для того, чтобы внушить рабочим и крестьянам доверие к себе и вывести их на борьбу с аристократией, — в России, наоборот, революция (1905 г.) началась в условиях машинного периода и развитой классовой борьбы». [1] Русская революция происходила в эпоху империализма, в условиях исключительного обострения всех противоречий капитализма, когда пролетариат представлял собой вполне сформировавшийся передовой класс, во главе которого в России стояла последовательно революционная партия большевиков. Буржуазия, напуганная революционным движением, отнюдь не годилась для роли гегемона революции. Она стремилась к сделке с самодержавием и боялась углубления революции. Победа революции возможна была лишь при условии, что гегемоном ее будет пролетариат. Ленин писал: «Основная ошибка оппортунистов социал-демократии состоит в непонимании того, что значит решительная победа буржуазной революции. Принижая, как и все оппортунисты, учение революционного марксизма и роль пролетариата, как авангарда, наши русские оппортунисты постоянно сбиваются на ту ошибочную мысль, будто неизбежным «хозяином» буржуазной революции является либеральная буржуазия». [2]

Возражая меньшевикам, Ленин и Сталин указывали на то, какую огромную роль играли народные массы (городской плебс и крестьянство) в ходе французской революции. Ленин подчеркивал, что меньшевики «совершенно не понимают исторической роли, хотя бы, например, Конвента, как диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии, в великой французской революции». [3] Само собой разумеется, что, говоря о диктатуре общественных низов, Ленин имел в виду тот период деятельности Конвента, когда у власти стоял второй Комитет общественного спасения с Робеспьером во главе.

В 1905—1906 гг. Ленин, давая отпор меньшевикам, в своих работах этого периода («Две тактики российской социал-демократии», «Шаг вперед, два шага назад») и в своем выступлении на Объединительном съезде партии неоднократно обращался к опыту французской революции конца XVIII в. Больше всего привлекает внимание Ленина то время, когда ход револю-

[1] И. Сталин. О Ленине. М. 1939, стр. 13.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. IX, стр. 372.
[3] Там же.

ции определяется в наибольшей степени воздействием низших слоев городского и сельского населения, т. е. время с сентября 1793 по ноябрь 1794 г. Когда на IV съезде партии Плеханов голословно назвал тактику большевиков заговорщической тактикой, противопоставив ей тактику Конвента в 1793 г., Ленин заявил: «Осудите заговорщичество, но признайте в резолюции диктатуру, подобную Конвенту, и мы согласимся с вами всецело и безусловно... Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. В буржуазной революции это было именно такое же полновластное учреждение, в котором господствовала всецело и безраздельно не крупная или средняя буржуазия, а простой народ, беднота, т. е. именно то, что мы называем «пролетариат и крестьянство». [1]

Меньшевики не понимали значения тактики «левого блока», т. е. союза пролетариата с крестьянством (под руководством пролетариата), как единственной тактики, которая могла обеспечить победу революции в России. «Именно «левоблокистская тактика», именно союз городского «плебса» (—современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века». [2]

Впоследствии в беседе с английским писателем Уэллсом тов. Сталин подчеркивал активное участие масс во французской революции, назвав ее народной: «Разве Великая Французская Революция была адвокатской революцией, а не революцией народной, которая победила, подняв громадные народные массы против феодализма и отстаивая интересы третьего сословия?» [3]

Во время французской революции массы сыграли большую роль, несмотря на то, что пролетариат тогда еще был очень слаб. Тов. Сталин в Предисловии к брошюре Каутского «Движущие силы российской революции» писал: «Во Франции пролетариат представлял собою малосознательную и неорганизованную силу, вследствие чего гегемония в революции осталась за буржуазией; у нас же пролетариат представляет собой сравнительно более сознательную и организованную силу, вследствие чего он уже не довольствуется ролью прихвостня буржуазии, и, как наиреволюционнейший класс, становится во главе современного движения. Гегемония пролетариата не утопия, она — живой факт. пролетариат фактически объединяет вокруг себя недовольные элементы». [4] Тов. Сталин там же указывал вместе с тем, что либеральная буржуазия, которая во время французской революции играла революционную роль, в ходе русской революции не может быть даже союзником пролетариата, так как она боится его и союзу с ним предпочитает союз с реакционным царизмом.

Ленин и Сталин отмечали большое прогрессивное значение якобинской диктатуры, которой удалось в основном довести революцию до конца. Меньшевики и представители оппортунистического крыла социалистических партий других стран спекулировали термином «якобинство», рисуя его в ложном свете, оценивая отрицательно роль якобинцев в революции и пытаясь пугать революционных рабочих «якобинством». Они пустили даже в ход выражение: «скатываться к якобинству». Ленин высмеял эти нелепые утверждения меньшевиков и показал, что подобно тому, как прогрессивная в XVIII в. буржуазия имела в своем составе Жиронду, перешедшую в решительный момент в лагерь реакции, и Гору, смело бо-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. IX, стр. 217.
[2] Там же, т. XV, стр. 347.
[3] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е, М. 1939, стр. 609.
[4] Цит. по книге Берия. Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М. 1938, стр. 57—58 (108—109 по 4-му изд. того же года).

ровшуюся с врагами революции, так и пролетариат в XX в. имеет свою Гору, т. е. революционное течение, и свою Жиронду, т. е. оппортунистическое течение. «Ровно ничего, кроме *оппортунизма*, не выражают эти «страшные словечки»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть *оппортунист*». [1]

Якобинцы в ходе французской буржуазной революции действовали смело и решительно, и в этом отношении пролетарские революционеры должны действовать так же. Подробно на этом вопросе Ленин остановился в своей знаменитой работе: «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Ленин указывал, что Маркс видел во французском терроризме плебейский способ расправы с врагами революции и прибавлял: «Удастся решительная победа революции, — тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски». [2] «Якобинцы современной социал-демократии, — большевики, впередовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уже, как сказать, — хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особность. Они хотят, чтобы народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком». [3]

Но Ленин указывал вместе с тем, что большевики не слепо следуют за якобинцами, не повторяют их программы, будучи представителями пролетариата, они имеют свою программу и свои лозунги. «Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793-го года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способ действия. Ничего подобного. У нас не старая, а новая программа — программа-минимум Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. У нас новый лозунг: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века, пролетариата, т.-е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т.-е. жирондисты и якобинцы». [4]

Ленин видел две стороны в деятельности якобинцев. С одной стороны, это были самые последовательные борцы за уничтожение феодализма и демократическое преобразование Франции. Их деятельность и мировоззрение были, конечно, ограничены определенными историческими условиями. Но на определенном, очень трудном этапе революции, их политика объединила вокруг них французский народ. В этом была их сила. Именно тогда их диктатура и была «диктатурой общественных низов». Однако их союз с массами не мог покоиться на прочном основании. Якобинцы не были в состоянии выйти за пределы буржуазного кругозора, не были

[1] В. И. Ленин. Соч., т. VI, стр. 303.
[2] Там же, Соч., т. VIII, стр. 64.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 65.

в состоянии представить себе общество без частной собственности. Стремясь пойти навстречу интересам плебейских масс и деревенской бедноты, они могли только временно «аннулировать, в лице отдельных индивидуумов, *жизненные проявления* этого самого [буржуазного.—*Ред.*] общества»,[1] борясь против спекуляции и голода. Якобинцы, следовательно, — даже в те моменты, когда выражали волю и стремления плебейских масс, — были в этом смысле только буржуазными революционерами.

Ленин учил относиться к якобинцам с величайшим уважением. «Нельзя быть марксистом, не питая глубочайшего уважения к великим буржуазным революционерам...»,[2] — писал Ленин. Это уважение передового человечества XX в. люди 1793 г. заслужили, по мнению Ленина, потому, что они были величайшими мастерами революционной тактики. Имея в виду эту сторону деятельности якобинцев, Ленин говорил о великом, незабываемом, неискоренимом в деятельности якобинцев. Вот почему слова «якобинец» и «революционер» стали синонимами в XIX веке. И вот почему даже сейчас слово «якобинец» все еще звучит так, как оно звучало в 1793 г.

В 1917 г. и в последующие годы Ленин и Сталин также неоднократно возвращались к проблемам французской буржуазной революции. В момент напряженной борьбы с контрреволюционными силами за захват власти, за установление, а в дальнейшем за сохранение пролетарской диктатуры Ленин охотно вспоминал события 1793—1794 гг., примеры героической борьбы французского народа с контрреволюцией. Разоблачая предательскую позицию меньшевиков, эсеров, лидеров II Интернационала, Каутского и т. п. оппортунистов, которые клеветали на пролетарскую диктатуру, Ленин указывал, что без диктатуры пролетариат победить не может.

«История учит, что ни один угнетенный класс никогда не приходил к господству и не мог придти к господству, не переживая периода диктатуры, т.-е. завоевания политической власти и насильственного подавления самого отчаянного, самого бешеного, ни перед какими преступлениями не останавливающегося сопротивления, которое всегда оказывали эксплуататоры. Буржуазия... завоевывала власть в передовых странах ценой ряда восстаний, гражданских войн, насильственного подавления королей, феодалов, рабовладельцев и их попыток реставрации».[3] Тов. Сталин также отмечал тяжелое положение Франции в период борьбы с иностранной интервенцией; при этом тов. Сталин особенно подчеркивал ведущую роль английской буржуазии в организации контрреволюционной коалиции... «Английский капитализм всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций. Начиная с Великой французской революции конца XVIII в. и кончая происходящей ныне китайской революцией, английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества».[4] «Буржуазия, когда она была революционной, ни в Англии 1649 г., ни во Франции 1793 г., не давала «свободы собраний» монархистам и дворянам, призывавшим иностранные войска и «собиравшимся» для организации попыток реставрации».

Только революционная диктатура — диктатура революционной демократии в XVIII в. и диктатура пролетариата в XX в. — может обновить страну, ликвидировать реакционный режим и произвести материальное обновление, поднять на новую высшую ступень производительные силы

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 150—151.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 250.
[3] Там же, т. XXIV, стр. 7.
[4] И. Сталин. Об оппозиции. М. 1928, стр. 610, см. также стр. 611.
[5] В. И. Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 9.

страны. «Материальное, производственное обновление Франции, в конце XVIII в., было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею), с беспощадной войной, объявленной всему реакционному». [1] «Пример Франции говорит нам одно и только одно: чтобы сделать Россию обороноспособной, чтобы добиться и в ней «чудес» массового героизма, надо с «якобинской» беспощадностью смести все старое и обновить, переродить Россию *хозяйственно*». [2]

В июне 1917 г., незадолго до победы пролетарской революции, Ленин снова указывал на «поучительный пример» якобинцев, которые «вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с *классом эксплуататоров* со стороны взявшего *всю* государственную власть в свои руки *класса трудящихся и угнетенных*». [3]

Летом 1917 г., когда уже вполне выявился кризис буржуазного временного правительства, идеологи русской буржуазии, с ужасом предвидя переход власти к Советам, ставили перед собой вопрос, захотят ли деятели революционного правительства «скатиться вниз до якобинства»? Разоблачая эту контрреволюционную постановку вопроса, Ленин указывал, что, если для идеологов буржуазии якобинство равносильно «падению», то подлинные революционеры «видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение». [4]

Тов. Сталин, анализируя международный характер Великой Октябрьской социалистической революции писал: «История повторяется, хотя и на новой основе. Как раньше, в период падения *феодализма*, слово «якобинец» вызывало у аристократов всех стран ужас и омерзение, так и теперь, в период падения *капитализма*, слово «большевик» вызывает у буржуазных стран ужас и омерзение. И, наоборот, как раньше Париж являлся убежищем и школой для революционных представителей подымающейся *буржуазии*, так и теперь Москва является убежищем и школой для революционных представителей подымающегося *пролетариата*. Ненависть к якобинцам не спасла феодализм от крушения. Можно ли сомневаться, что ненависть к большевикам не спасет капитализм от его неизбежного разгрома?» [5]

Классики марксизма-ленинизма подчеркивали вместе с тем, что бывают подлинные якобинцы и якобинцы в кавычках. Только тот, кто опирается на массы, на передовые для своего времени классы, может называть себя якобинцем без кавычек.

Чтобы раз навсегда разоблачить всякую попытку реакционеров изображать их политику насилия по отношению к трудящимся как политику якобинскую, Ленин в 1917 г. показал, что «Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г., состояло в том, что они были «якобинцы *с* народом», с революционным *большинством* народа, с *революционными* передовыми классами *своего* времени.

Смешны и жалки «якобинцы без народа», те, кто только корчит из себя якобинцев, те, кто *боится* ясно, прямо, во всеуслышание объявить врагами народа эксплуататоров, угнетателей народа, слуг монархии во всех странах, сторонников помещиков во всех странах...

Где вам! Вы якобинцы без народа. Вы только корчите из себя якобинцев. Вы гораздо более похожи на дюжинных представителей дюжинной

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXI, стр. 190.
[2] Там же, стр. 189.
[3] Там же, т. XX, стр. 506.
[4] Там же, стр. 556.
[5] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-ое. М. 1939, стр. 180.

реакции помещиков и капиталистов»,[1] — писал Ленин про министров Временного правительства.

Ленин и Сталин продолжили и углубили анализ Маркса и Энгельса. Они показали значение французской революции как революции буржуазно-демократической, происходившей на заре капитализма, когда пролетариат был еще слаб и буржуазия могла играть роль гегемона. Они показали вместе с тем, как изменилось соотношение классовых сил к концу XIX — началу XX вв., когда буржуазия перестала быть революционным классом, когда единственным классом, могущим играть роль гегемона революции, стал пролетариат.

Революция, созревшая в эпоху империализма, не может быть просто копией французской буржуазной революции. Используя ее опыт, неоднократно напоминая об ее уроках, Ленин и Сталин в то же время определяют, в чем состоит противоположность между буржуазной и пролетарской революциями. Победоносная пролетарская революция уничтожает всякую почву для эксплоатации человека человеком и создает все необходимые предпосылки для построения бесклассового социалистического общества. Тов. Сталин в «Вопросах ленинизма» дал исчерпывающий анализ коренных отличий пролетарской революции от буржуазной. В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом тов. Сталин указал на то, что Октябрьская революция как социалистическая в корне отличается от французской революции XVIII в. как буржуазной: «Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой Французской Революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма».[2]

В своем анализе характера и движущих сил французской буржуазной революции конца XVIII в. и русских революций XX в., буржуазно-демократических (1905 г. и февральской 1917 г.) и социалистической Октябрьской революции, Ленин и Сталин показали образец подлинного последовательного творческого марксизма. Задачей советских историков французской революции является разработка ее проблем на основе тех указаний и той постановки вопросов, которые даны в работах классиков марксизма-ленинизма.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XX, стр. 435.
[2] И. Сталин. Беседа с немецким писателем Э. Людвигом. М. 1938, стр. 16.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Произведения классиков марксизма-ленинизма указаны по следующим изданиям:

а) Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения. М.—Л., 1929—1940 (ИМЭЛ).
б) Маркс, К. Избранные произведения в 2 томах. М., 1940 (ИМЭЛ).
в) Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. М., 1938. 347 с. (444 с.) (ИМЭЛ). В скобках указаны страницы издания меньшего формата.
г) Ленин, В. И. Сочинения. Изд. 3-е. М., 1926—1936 (ИМЭЛ).
д) Сталин, И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1939. 611 с. [Произведения, в 11-е изд. не вошедшие, указаны по 10-му изд.]

Во всех случаях, когда имеются в виду какие-либо иные произведения классиков марксизма-ленинизма, кроме указанных выше, библиографическое описание этих изданий дается в самом тексте.

2. Библиография к отдельным главам указывает литературу, относящуюся исключительно к данной главе. Произведения классиков марксизма-ленинизма, источники и исторические работы, относящиеся ко всему охватываемому томом периоду (1789—1794) или к ряду глав тома, помещены в начале, в разделе «Источники и работы, относящиеся ко всему периоду революции», и в *библиографиях к отдельным главам не повторены.*

3. Библиография к отдельным главам дается в следующем порядке: а) произведения классиков марксизма-ленинизма; б) источники (документальный материал в широком смысле слова); в) исторические работы.

Источники и работы на русском языке указываются перед иностранными.

Источники и исторические работы классифицированы не только по главам, но и более детально, в основном — в соответствии с параграфами статей настоящего тома.

4. В описаниях принят ряд сокращений. В частности, следующие места издания указываются сокращенно: К. — Киев, Л. — Ленинград, М. — Москва, Пг. и Спб. — Петроград и Петербург, Х. — Харьков, В. — Berlin, L. — London, Lpz. — Leipzig, P. — Paris, N. Y. — New York.

5. В многотомных изданиях указаны лишь тома, относящиеся к периоду 1789—1794 гг.

6. Перечень крупнейших разделов Библиографии см. стр. 799.

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КО ВСЕМУ ПЕРИОДУ РЕВОЛЮЦИИ

МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ЛЕНИН, СТАЛИН О ХАРАКТЕРЕ И ДВИЖУЩИХ СИЛАХ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Буржуазия и контрреволюция. — Соч., т. VII, с. 54—55.

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Бюджет Гладстона. — Соч., т. IX, с. 136.

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Законопроект о феодальных поборах. — Соч., т. VI, с. 340.

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Морализирующая критика и критизирующая мораль. — Соч., т. V, с. 208—209.

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Ост-индская компания, ее история и результаты. — Соч., т. IX, с. 353.

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Прения по польскому вопросу во Франкфурте. — Соч., т. VI, с. 407.

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Святое семейство. — Соч., т. III, с. 105, 139; там же, с. 146—153 (Критическое сражение с французской революцией).

Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Избр. произв. в 2 т., т. II, с. 253—254, 256, 272.

Маркс, К. Гражданская война во Франции. — Избр. произв. в 2 т., т. II, с. 398.

Маркс, К. [Гражданское общество и коммунистическая революция.] — Соч., т. IV, с. 588.
Маркс, К. Капитал. Т. I. — Соч., т. XVII, с. 7.
Маркс, К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». —Соч., т. XV, с. 187.
Маркс, К. Критические примечания к статье «Король Прусский и социальная реформа». — Соч., т. III, с. 18.
Маркс, К. Письмо Анненкову от 28 дек. 1846 г. — Избр. произв. в 2 т., т. I, с. 344—345.
Маркс, К. Письмо Энгельсу от 27 июля 1854 г. — Соч., т. XXII, с. 48.
Энгельс, Ф. Анти-Дюринг, с. 16(17—18).
Энгельс, Ф. Вариант введения к «Анти-Дюрингу».— Соч., т. XIV, с. 357—358.
Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 297, 300—301.
Энгельс, Ф. Введение к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 468.
Энгельс, Ф. Диалектика природы. М., 1936, с. 36.
Энгельс, Ф. Из Парижа в Берн. — Соч., т. VI, с. 529.
Энгельс, Ф. Письмо А. Бебелю, 28 октября 1885.—*Архив Маркса и Энгельса*, т. I (VI), 1932, с. 311.
Энгельс, Ф. Письмо К. Каутскому 20 февр. 1889 г. — Соч., т. XXVIII, с. 80—85.
Энгельс, Ф. Положение Англии.— XVIII век. — Соч., т. II, с. 351—352.
Энгельс, Ф. Праздник народов в Лондоне. (В память установления французской республики 22 сентября 1792 г.)— Соч., т. V, с. 28—41.
Энгельс, Ф. Предисловие к английскому и ко второму немецкому изданиям книги «Положение рабочего класса в Англии». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 268, 300.
Энгельс, Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии». — Соч., т. XVI, ч. 1, с. 179.
Энгельс, Ф. Предисловие к III немецкому изданию «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Соч., т. XVI, ч. 1, с. 189—190.
Энгельс, Ф. Приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии». — Соч., т. XVI, ч. 1, с. 255.
Энгельс, Ф. Прогресс движения за социальную реформу на континенте. —Соч., т. II, с. 394.
Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Соч., т. XV, с. 510, 512.
Энгельс, Ф. Эльберфельдские речи. — Соч., т. III, с. 291.
Ленин, В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов.— Соч., т. XI, с. 419.
Ленин, В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса». — Соч., т. IV, с. 183.
Ленин, В. И. Аграрный вопрос и силы революции. — Соч., т. XI, с. 153.
Ленин, В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч., т. VIII, с. 56—58, 122.
Ленин, В. И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов. — Соч., т. XXIII, с. 489.
Ленин, В. И. Доклад о работе в деревне 23 марта. VIII съезд РКП(б). — Соч., т. XXIV, с. 164.
Ленин, В. И. Доклад о войне и мире 7-го марта. Седьмой съезд РКП(б). — Соч., т. XXII, с. 315.
Ленин, В. И. Доклад об объединительном съезде РС-ДРП.—Соч., т. IX, с. 190, 217.
Ленин, В. И. Заметки публициста. — Соч., т. XIV, с. 295.
Ленин, В. И. К вопросу об общенациональной революции. — Соч., т. XI, с. 204—205.
Ленин, В. И. К истории вопроса о диктатуре. — Соч., т. XXV, с. 431.
Ленин, В. И. К оценке русской революции. — Соч., т. XII, с. 209—211.
Ленин, В. И. К характеристике экономического романтизма. — Соч., т. II, с. 92.
Ленин, В. И. Крах II Интернационала.— Соч., т. XVIII, с. 250.
Ленин, В. И. Кто за союзы с кадетами?— Соч., т. IX, с. 372.
Ленин, В. И. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата. — Соч., т. XIV, с. 63—64.
Ленин, В. И. Народничествующая буржуазия и растерянное народничество. — Соч., т. VI, с. 118.
Ленин, В. И. Новые задачи и новые силы., т. VII, с. 150.
Ленин, В. И. О «вехах». — Соч., т. XIV, с. 220.
Ленин, В. И. О двух линиях революции. — Соч., т. XVIII, с. 314—315.
Ленин, В. И. О политической линии. — Соч., т. XVI, с. 144.
Ленин, В. И. О продовольственном налоге. — Соч., т. XXVI, с. 346.
Ленин, В. И. О старых, но вечно новых истинах. — Соч., т. XV, с. 195—196.
Ленин, В. И. Об оценке текущего момента. — Соч., т. XII, с. 383.
Ленин, В. И. Объединительный съезд РС-ДРП. — Соч., т. IX, с. 150.
Ленин, В. И. Один из коренных вопросов революции. — Соч., т. XXI, с. 142.
Ленин, В. И. Очередные задачи Советской власти. — Соч., т. XXII, с. 443—444.
Ленин, В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. — Соч., т. XXV, с. 285—286.
Ленин, В. И. Переход контрреволюции в наступление. — Соч., т. XX, с. 435.
Ленин, В. И. Плохая защита либеральной рабочей политики. — Соч., т. XV, с. 439.
Ленин, В. И. Под чужим флагом. — Соч., т. XVIII, с. 108.
Ленин, В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании. — Соч., т. XV, с. 342—347.

Ленин, В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский.—Соч., т. XXIII, с. 387.
Ленин, В. И. Против бойкота. — Соч., т XII, с. 33, 35.
Ленин, В. И. V Съезд РС-ДРП.— Соч., т. XI, с. 249—250.
Ленин, В. И. Рабочая партия и крестьянство. — Соч., т. IV, с. 101.
Ленин, В. И. Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Соч., т. VII, с. 199.
Ленин, В. И. Революция типа 1789 или 1848 года. — Соч., т. VII, с. 181—182.
Ленин, В. И. Реформизм в русской социал-демократии.—Соч., т. XV, с. 211.
Ленин, В. И. Речь в Московском совете раб., крест. и красноарм. деп. 12 марта 1918 г. Соч., т. XXII, с. 379—380.
Ленин, В. И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. — Соч., т. XXVI, с. 292—293.
Ленин, В. И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. — Соч., т. XXIV, с. 291, 293, 297, 304—305.
Ленин, В. И. Социалистическая партия и беспартийная революционность. — Соч., т. VIII, с. 413.
Ленин, В. И. Социальное значение сербско-болгарских побед. — Соч., т. XVI, с. 186.
Ленин, В. И. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта. I конгресс Коммунистического Интернационала. — Соч., т. XXIV, с. 8.
Ленин, В. И. Три источника и три составных части марксизма. — Соч., т. XVI, с. 352.
Ленин, В. И. Успехи и трудности советской власти. — Соч., т. XXIV, с. 63.
Ленин, В. И. Философские тетради. [М.], 1934, с. 250—251.
Ленин, В. И. Фр. Меринг о второй думе.— Соч. т. XI, с. 73—74.
Ленин, В. И. Цель борьбы пролетариата в нашей революции.—Соч., т. XIV,с. 50.
Ленин, В. И. Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа? — Соч., т. VIII, с. 190.
Сталин, И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г.— (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 607—612.)
Сталин, И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. М., 1938, с. 16.
Сталин, И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией. — (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 173.)
Сталин, И. В. К вопросам ленинизма. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 111—112).
Сталин, И. В. Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии. (В кн.: **Берия, Л.** К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. 5-е изд.. [М.], 1939 с. 153—154).
Сталин, И. В. Международный характер Октябрьской революции. К десятилетию Октября. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 175, 180.)
Сталин, И. В. Об основах ленинизма. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 31, 41—42.)
Сталин, И. В. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях. (В кн.: Об Октябрьской революции. [М.], 1932, с. 50.)
Сталин, И. В. Предисловие к брошюре Каутского «Движущие силы российской революции». М., 1907. (В кн.: **Берия, Л.** К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. 5-е изд. [М.], 1939, с. 113—114).
Сталин, И. В. Речь на I Всесоюзном совещании стахановцев. [М.], 1935, с. 7.
Сталин, И., Киров, С., Жданов, А. Замечания о конспекте учебника новой истории. (В кн.: К изучению истории. [М]., 1938, с. 25—27.)

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Собрания официальных документов

Archives parlementaires de 1787 a 1860. Recueil complet des débats..., fondé par J. M a v i d a l et E. L a u r e n t. Sér. 1. (1787—1799.) T. 1—82. P., 1862—1913.
Buchez, Ph. J. B. et **Roux, P. C.** Histoire parlementaire de la Révolution française, ou journal des Assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815... T. 1—35. P., 1834—1838.
Cahen, L. et Guyot, B. L'oeuvre législative de la Révolution. P., 1913. III, 486 p. [Сборник важнейших законодательных документов.]
Collection complète des lois, decrets, ordonnances, réglements et avis du Conseil d'état, publ. sur les éditions officielles du Louvre, de l'Imprimerie nationale, par Baudouin, et du Bulletin des lois, de 1788 à 1824 inclusivement... suivie d'une table analytique et raisonnée des matières. Par J. B. D u v e r g i e r. T. 1—7. P., 1824—1825.
Collection générale des décrets rendus par l'Assemblée nationale; par l'Assemblée nationale législative; par la Convention nationale. T. 1—16; t. 1—6; t. 1—35. P., 1790 — an IV. («Collection Baudouin».)
Collection générale des lois, proclamations, instructions et autres actes du pouvoir exécutif avec table chronologique et des matières. T. 1—8 (juil. 1788—18 prairial an II). P., 1792. («Collection du Louvre».)

Периодическая печать 1789—1794 гг.

Les Actes des apótres. P., nov. 1789 — oct. 1791. [Контрреволюционный сатирический орган.]

Affiches de la Commune de Paris. P., juin 1793—30 ventôse an II.

L'Ami du peuple, ou le Publiciste parisien... réd. par **Marat.** Versailles, 12 sept. 1789—21 sept. 1792. No 1—6 sous le titre: *Le Publiciste parisien*, journal politique libre et impartial par une société de patriotes. À partir du 25 sept. sous le titre: *Journal de la République française*, par **Marat**, l'Ami du peuple, député à la Convention nationale, et autres titres divers. 25 sept. 1792—11 juil. 1793.

Cercle Social, par l'abbé **Fauchet** et Bonneville. P.. janv. — mai 1790. [Орган деятелей клуба «Cercle social», так же, как два другие: *Bouche de fer*, 1 janv. — juil. 1791; *Chronique du mois ou Cahiers patriotiques* par **Clavière, Condorcet. Mercier** et autres. P., sept. 1791— juil. 1793.]

Défenseur de la Constitution, par **M. Robespierre.** P., 1 juin — 10 août 1792. À partir du mois d'août jusqu'au 15 mars 1793 sous le titre: *Lettres de Maximilien Robespierre.* [Réédition, constituant le t. 4 des Oeuvres complètes de Robespierre, préparées par G. Laurent et publ. par la Soc. des études robespierristes. P., 1938. XXXVIII, 399 p.]

États généraux, par **Mirabeau.** P., 2 mai—5 mai 1789. À partir du 10 mai 1789 sous le titre: *Lettres de Mirabeau à ses commettants.* À partir du 27 juil. jusqu'au 30 sept. 1791 sous le titre: *Courrier de Provence.*

Gazette de Paris... par **Rozoi.** P., 1 oct. 1789—10 août 1792. [Основной орган придворных групп.]

Gazette nationale, ou le Moniteur universel. P., 5 mai 1789—1794.

Réimpression de l'ancien Moniteur, seule histoire authentique et inaltérée de la Révolution française, depuis la réunion des États généraux jusqu'au Consulat (mai 1789 — novembre 1799) avec des notes explicatives. T. 1—21. Table, t. 1—2. P., 1850—1854.

Journal des États généraux convoqués par Louis XVI le 27 avril 1789... Réd. par **Le Hodey de Saultchevreuil.** P., juin 1789—30 sept. 1791. 35 vol. À partir du t. IV, le titre porte en plus: *Aujourd'hui Assemblée nationale permanente.*

Mercure de France. P., 1724—1791. À partir du 17 déc. 1791 sous le titre *Mercure français* [Общий журнал, политическая часть которого редактировалась Малле дю Паном.]

Patriote français, journal libre... réd. par **J. B. Brissot de Warville.** P., 28 juil. 1789—2 juin 1793.

Le Père Duchesne [réd. par. **Hébert**]. P., 1791—1794. — Réimpression: Le Père Duchesne **d'Hébert.** Éd. crit. avec une introd. par **F. Braesch.** T. 1. Ses origines. — La Constituante. P., 1938. VII, 239 p.

Révolutions de France et de Brabant... par **C. Desmoulins.** P., 28 nov. 1789—juil. 1791.

Révolutions de Paris, publ. par **Prudhomme** et réd. par **Loustalot et Tournon.** P., 12 juil. 1789—28 fevr. 1794.

Le Vieux Cordelier, journal, réd. par **C. Desmoulins...** De frimaire à pluviôse an II. — Réimpression: **Desmoulins, C.** Le Vieux Cordelier. Éd. complète et critique d'après les notes de A. Mathiez. Avec une introd. et des comment. par H. Calvet. P.,1936. 314 p.

Мемуары. Переписка. Труды современников

Произведения Дантона, Демулена, Кондорсе, Марата. Робеспьера, Сен-Жюста см. с. 749—750; *Барнава, Мирабо — с.* 757.

См. также литературу к гл. III... Контрреволюция и эмиграция, с. 756—757, и к гл. XV... Современники революции, с. 794.

Гримм, М. Письма к имп. Екатерине II, изд. Я. Гротом. 2-е знач. доп. изд. Спб., 1885. 873 с. (Сб. имп. Русск. ист. о-ва, т. 44.)

Екатерина II, имп. Бумаги, хранящиеся в Гос. архиве мин-ства иностр. дел. (Вкн.: Сб. имп. Русск. ист. о-ва. Спб., 1885, т. 42. с. 1—462). [Письма, рескрипты и записки за 1789—1796 гг.]

Екатерина II, имп. Переписка с разными особами. Спб., 1807. 156 с. [61 документ за 1763—1796 гг.]

Екатерина II, имп Письмак Гримму (1774—1796). Изд. Я. Грот. Спб., 1878. 734 с. (Сб. имп. Русск. ист. о-ва, т. 23.)— По поводу переписки Екатерины II и Гримма см.: **Бильбасов, В. А.** Екатерина II и Гримм. Русск. старина. 1893, т. 77, с. 257—298, 497—524; т. 78, с. 1—20, 233—254, 433—454.— **Грот, Я. К.** Екатерина II и переписке с Гриммом. Спб., 1884. III. 786 с.

Храповицкий, А. В. Дневник А. В. Храповицкого 1782—1793. По подлинной его рукописи, с биогр. ст. и объяснительным указателем Н. Барсукова. Спб., 1874. 610 с.

Barbaroux, Ch. Correspondance et mémoires... Éd. critique augm. de lettres inédites publ. par C. Perroud avec la collabor. de A. Chabaud P., 1923. 546 p.

Barbaroux, Ch. Mémoires... Première éd. critique conforme au ms. originals. Avec une introd., une biogr. et des notes par A. Chabaud. P., 1936. 311 p.

Barère de Vieuzac, B. Mémoires de B. Barère, membre de la Constituante, de la Convention, du Comité de salut public... Publ. par H. Carnot et David (d'Angers)... T. 1—2. P., 1842.

Barras, P. F. Mémoires de Barras, membre du Directoire, publ. avec une introd. générale, des préf. et des append. par G. Duruy. T. 1. Ancien regime. Révolution. P., 1895. LVIII, 372 p.

Barthélemy, F. Mémoires... Publ. par J. Dampierre. 2-e éd. P., 1914. XVI, 434 p.
Briefe aus der französischen Revolution. Ausgew., übers. und erlaut. von G. Landauer. Bd 1—2. Frankfurt a. M., 1922. Пер.: **Ландауэр, Г.** Письма о французской революции. Т. 1—2. М., 1925.
Brissot de Warville, J. P. Correspondance et papiers précédés d'un avertissement et d'une notice sur sa vie par C. Perroud. P., [1911]. LXIX, 492 p. (Mém. et doc. rel. au XVIII-e et XIX-e s.)
Brissot de Warville, J. P. Mémoires... publ. avec étude et notes par C. Perroud. T. 2. 1784—1793. P., [1911]. 401 p. (Mém. et doc. rel. au XVIII-e et XIX-e s.)
Carnot, H. Mémoires sur Lazare Carnot (1753—1823). Nouv. éd. des Mémoires par son fils. T. 1—2. P., 1907.
Carnot, L. Correspondance générale... Publ. avec des notes hist. et biograph. par E. Charavay. T. 2—4. P., 1897—1907. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de France.)
Catherine II, imp. Lettres au prince de Ligne, 1780—1796. Bruxelles, 1924. 236 p.
Condé, L. J. Journal d'émigration du prince de Condé, 1789—1795, publ. par Rubes. P., 1924. 546 p.
Dubois-Crancé, E. L. Analyse de la Révolution française depuis l'ouverture des États généraux jusqu'au 6 brumaire an IV de la République, suivie du compte-rendu, fait par Dubois-Crancé, de son administration au ministère de la guerre... Ouvrage posthume publ. par Th. Iung... P., 1885. VI, 427 p.
Fersen, A. Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits des papiers du grand maréchal de Suède, comte Jean Axel de Fersen, publ. par... R. M. Klinckowström. T. 1—2. P., 1877—1878.
Fersen, A. Dagbok utgiven av Al. Soederhjelm. T. 1—2. Stockholm, 1925—1926.
Lafayette, M. J. Mémoires, correspondance et manuscrits... T. 2—4. P., 1837—1838.
Lameth, Th. Mémoires, publ. avec une introd. et notes par E. Welvert... P., 1913. XXII, 329 p.
Lameth, Th. Notes et souvenirs de Th. Lameth, faisant suite à ses Mémoires, éd. par E. Welvert. P., 1914. VI, 445 p.
Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Élisabeth. Lettres et documents inédits, publ. par F. Feuillet de Conches. T. 1—6. P., 1864—1873.
Levasseur, R. Mémoires de R. Levasseur (de la Sarthe) ex-conventionnel. T. 1—4. P., 1829—1831.
Louvet de Couvray, J. B. Mémoires... avec une introd. par E. Maron. P., 1862. XXXV, 452 p. (Mém. et doc. sur la Rév. fr.)
Malouet, P. V. Collection des opinions de Malouet a l'Assemblée nationale. T. 1—3. P., 1791—1792.
Marie-Antoinette, reine de France. Lettres. Recueil des lettres authentiques... publ. pour la Soc. d'hist. contemp. par La Rocheterie et Beaucourt. T. 1—2. P., 1895—1896.
Marie-Antoinette, reine de France. Lettres inédites de Marie-Antoinette et de Marie-Clotilde de France, soeur de Louis XVI, reine de Sardaigne, publ. et annot. par Reiset. P., 1876. 398 p.
Mémoires sur l'émigration (1791—1800), avec introd., notices et notes par Lescure. P., 1877. XXII, 428 p. (Bibl. des mém. rel. à l'hist. de France pendant le XVIII-e s.)
Mémoires sur les assemblées parlementaires de la Révolution. Avec introd., notices et notes par Lescure. T. 1—2. P., 1880—1881. (Bibl. des mém. rel. à l'hist. de France pendant le XVIII-e s.)
Mémoires sur les journées révolutionnaires et les coups d'état; avec introd., notices et notes. T. 1—2. P., 1875. (Bibl. des mém. rel. à l'hist. de France pendant le XVIII-e s.)
Mercier, S. Paris pendant la Révolution 1789—1798 ou le nouveau Paris, Nouv. éd... T. 1—2. P., 1862. (Mém. et doc. sur la Rév. fr.)
Morris, Gouverneur. Diary and letters of Gouverneur Morris, minister of the United States to France. Ed. by A. C. Morris. Vol. 1—2. N. Y., 1888. — French transl.: Journal de Gouverneur Morris... pendant les années 1789, 1790, 1791 et 1792. Trad. aut. de l'anglais par E. Pariset. P., 1901. VII, 388 p. [Enlarged. ed.: Diary of the French revolution. Ed. by B. C. Davenport. Vol. 1—2. Boston, 1939.]
Pétion, J., Buzot, P., Barbaroux, Ch. Mémoires inédits de Pétion et mémoires de Buzot et de Barbaroux accompagnés des notes inéd. sur Buzot et de nombreux doc. inéd. sur Barbaroux, Buzot, Brissot etc., préc. d'une introd. par C. A. Dauban... P., 1866. LXXVI, 544 p.
Roland, M. J., M-me. Lettres (1780—1793), publ. par C. Perroud. T. 1—2. P., 1900—1902. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de France.)
Roland, M. J., M-me. Mémoires... Nouv. éd. crit. contenant des fragments inéd. et les lettres de la prison, publ. par C. Perroud. T. 1—2. P., 1905. [Publ. pour la première fois par Bosc sous le titre: Appel a l'impartiale postérité. T. 1—4. P., an III.] — Пер.: **Ролан,** г-жа. Личные мемуары. Пер. Н. Г. Вернадской. Спб., 1923. 154 с.
Ségur, L. Ph. Décade historique ou Tableau politique de l'Europe depuis 1786 jusqu'en 1796, contenant un précis des révolutions de France, de Brabant, de Hollande et de Pologne. 4-e éd. rev., corr. et augm. T. 1—3. P., 1824. [1-e

ed. 1801. Tableau politique...] — Пер.: **Сегюр, Л. Ф.** Картина историческая и политическая Европы в конце 18 в., заключающая в себе историю главных происшествий, с описанием Брабантской, Голландской и Польской и Французской революций. Пер. В. Измайловым. Т. 1—3. М., 1802—1803.

Ségur, L. Ph. Memoires ou souvenirs et anecdotes par le comte de Ségur... T. 1—2. P., 1859. (Bibl. des mém. rel. à l'hist. de France pendant le XVIII-e s.) — Пер. части мемуаров, относ. к России: **Сегюр, Л. Ф.** Записки гр. Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). Спб., 1865. 383, III с.

Sieyès, E. J. Oeuvres politiques. T. 1—2. P., 1796.

Soulavie, J. L. Mémoires historiques et politiques du regne de Louis XVI depuis son mariage jusqu'a sa mort. T. 1—6. P., an X, 1801.

Talleyrand, Ch. M. Mémoires... publ. avec une préf. et des notes par Broglie. T. 1—5. P., 1891—1892.—Пер.: **Талейран, Ш. М.** Мемуары... Пер. и прим. С. и Л. Фейгин. Ред. и ст. Е. В. Тарле. М.—Л., 1934. 749 с.

Vergniaud, P., Gensonné, A., Guadet, M. Oeuvres... recueil. et annot. par A Vermorel. 2-e éd. P. 1867. 332 p.

Общие исторические работы

К 150-летию Французской революции 1789—1794 гг. Сб. статей. М., 1940. 291 с. (Труды Моск. гос. инст. истории, филос. и лит. им. Н. Г. Чернышевского, **т. 6).**

Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. 3. История XVIII века. Изд. 3-е. Спб., 1904. 646 с.

Ковалевский, М. М. Происхождение современной демократии. Т. 1—4. М., 1894—1897.

Кропоткин, П. А. Великая французская революция, 1789—1793. Пер. под ред. автора. М., 1919. 608 с. (Кропоткин, П. Собр. соч. Т. 2.) — Фр. оригинал: **Kropotkine, P.** La Grande Révolution. 1789—1793. P., 1909. VII, 749 p.

Aulard, A. Études et leçons sur la Révolution française. Sér. 1—9. P., 1893—1924. — Пер.: **Олар, А.** Очерки и лекции по истории Французской революции. Спб., 1908. 384 с.

Aulard, A. Histoire politique de la Révolution française. Origines et développement de la démocratie et de la république (1789—1804). 5-e ed. P., 1913. XII, 805 p. — Пер.: **Олар, А.** Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики 1789—1804. Изд. 4-е. Пер. Н. Кончевской. М., 1938. 979 с.

Blanc, L. Histoire de la Révolution française. T. 1—12. P., 1847—1862. —Пер.: **Блан, Л.** История Французской революции 1789 г. Т. 1—12. Спб., 1907—1909.

Bourgin, G. Die französische Revolution. [Nach dem Manuskript übers. von L. Singer.] Stuttgart — Gotha, 1922. VIII, 267 S. (Weltgeschichte in gemeinverständlicher Darstellung. Bd 7, 1. Hälfte.)

Brinton, C. A decade of revolution, 1789—1799. N. Y., 1934. X, 330 p. [Bibl. p. 293—322].

Cahiers *du communisme.* 1939, num. special 150-e annivers. de la Rév. franç. Sommaire: **M. Thorez.** Le 150-e anniversaire. — **J. Duclos.** La conspiration de l'étranger contre la Rév. franç. — **G. Péri.** La politique extérieure des jacobins. — **J. Solomon.** Les finances de la Revolution. — **J. Bruhat.** La Revolution franç. et les masses populaires. — **E. Fajon.** La classe ouvrière dans la Révolution. — **P. Bouthonnier.** Les paysans dans da Révolution. — **G. Politzer.** La philosophie des lumières et la pensée moderne. — **M. Prenant.** La Révolution franç. et les sciences. — **Billiet, J.** La Révolution et les beaux-arts. — **H. Sanverplane.** L'influence de la Rév. franç. sur la musique au XIX-e s. — La Révolution franç. dans l'oeuvre de Marx, Engels, Lénine, Staline. — Textes de Jaurès et de Guèdes sur la Rév. franç. — Chronologie sommaire de la Rév. franç. — Le calendrier républicain.

Cartellieri, A. Geschichte der neueren Revolutionen vom englischen Puritanismus bis zur Pariser Kommune. (1642—1871.) Lpz., 1921. 229 S.

The French Revolution. Cambridge, 1907. XXVII, 875 p. (The Cambridge Modern History, Vol. 8.) [Bibl. p. 791—850.]

Gottschalk L. R. The era of the French revolution (1715—1815). Boston [etc.], 1929. X, 509 p. [Bibl. p. 459—474.]

Hazen, Ch. D. The French revolution. Vol. 1—2. N. Y., 1932.

Histoire de France contemporaine, publ. sous la direction de E. Lavisse. T. 1—2. P., 1920. T. 1. **Sagnac, Ph.** La Révolution (1789—1792). IV, 439 p. T. 2. **Pariset, G.** La Révolution (1792—1799). IV, 439 p. [Ценная библ. к главам.]

Histoire socialiste (1789—1900) sous la direction de J. Jaurès. T. 1—5. P., [1901—1904]. [Первые 4 тома (до 9-го термидора) написаны Жоресом.]— Пер.: **Жорес, Ж.** История Великой французской революции. Т. 1—4. Пг., 1920—[1924].

Jaurès, J. Histoire socialiste de la Révolution française. Éd. rev. par. A. Mathiez. T. 1—8. P., 1922—21. [1-е изд. см. выше: Histoire socialiste... T. 1—4.]

Kircheisen, F. Die französische Revolution. 1789—1799. B., 1928 298 S.

Lefebvre, G., Guyot, R., Sagnac, Ph. La Révolution française. P., 1930. 583 p.

(Peuples et Civilisations.) [Ценная аннот. библ. к главам и параграфам.]

Mathiez, A. La Révolution française. T. 1—3. P., 1922—1927. — Пер.: **Матьез, А.** Французская революция. Т. 1—3. М.—Л., 1925—1930.

Michelet, J. Histoire de la Révolution française. P., 1939. 2032 p. [1-e éd. P., 1846—1857. T. 1—7.]

Mignet, F. Histoire de la Révolution francaise. Depuis 1789 jusqu'en 1814. T. 1—2. P., 1824. — Пер.: **Минье, Ф.** История Французской революции с 1789 до 1814 г. Пер., сверен. с последним франц. изд. И. М. и К. И. Лебу. Спб., 1906. 512 с.

Muckle, F. Das Kulturproblem der franzosischen Revolution. Bd 1—2. Jena, 1921.

Pariset, G. Études d'histoire révolutionnaire et contemporaine. P., 1929. XXXII, 328 p.

Quinet, E. La Révolution. Précédé de la critique de la Revolution. T. 1—3. P., 1877. (Oeuvres complètes. T. 12—14). [1-e éd. 1865. T. 1—2.] — Пер.: **Кинэ, Э.** Революция и критика ее. Т. 1—2. М., 1908.

La Révolution française 1789—1799. Par E. Champion, A. Aulard, H. Vast et autres. 3-e éd. P., 1925. 1032 p. (Histoire générale du IV-e s. à nos jours. Ouvrage publ. sous la dir. de **E. Lavisse** et A. Rambaud. T. 8.) [Ценная библ. к главам; позднейшая лит. с. 993—1032.] — Пер.: Французская революция 1789—1799. Пер. М. Гершензон. М., 1903. 919 с. (Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Сост. под руководством Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 8). [Библ. к главам.]

Rose, J. H. The revolutionary and Napoleonic era 1789—1815... Cambridge, 1898. VI, 388 p.

Stephens, H. M. A history of the French Revolution in three volumes. Vol. 1—2. L., 1886—1891. [Работа не окончена.]

Taine, H. Les origines de la France contemporaine. [Part. 2.] La Révolution. T. 1—3. P., 1878—1884. — Пер.: **Тэн, И.** История Французской революции. Ч. 1—6. X. 1906—1913.

Thiers, A. Histoire de la Révolution française. 13-e éd. T. 1—6. P., 1846. [1-e éd. 1823—1827.] — Пер.: **Тьер, А.** История Французской революции (1788—1799). Т. 1—3. Спб.—М., 1873—1875.

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

См. также: Источники и работы, относящиеся к отдельным провинциям, департаментам и городам, с. 748—749.

Экономическая и социальная история

L'assistance publique a Paris pendant la Révolution. Doc. inédits recueil. et publ. par A. Tuetey. T. 1—4. P., 1895—1897. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la ville de Paris.)

Le commerce. Instruction, recueil de textes et notes. [Publ. par Ch. Schmidt.] P., 1912. 342 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév.) — Extr. du *Bull. d'hist. econ. de la Rév.* Année 1912.

Le commerce des céréales. Introd., recueil de textes et notes. [Publ. par P. Caron.] P., 1907. 208 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. a la vie écon. de la Rév.) — Extr du *Bull. trimestriel de la Comm...* Année 1906, No 2—3.

Commission de recherche et de publication des documents relatifs à la vie économique de la Révolution. — Mémoires et documents. Fasc. 6: P., 1935. 285 p.; fasc. 8: P., 1937. 229 p.

Documents d'archives de la Revolution française ou recueil de documents inédits d'ordre économique, contenus dans les registres des délibérations de la ville et des 14 communes rurales du canton d'Amboise (Indre-et-Loire) de 1788 à frimaire an VII, relevés, classés, mis en ordre et présentés par T. Masse reaux. Orléans, 1915. XIV, 263 p.

Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le distr. de Bergues pendant la Révolution (1788 — an V), publ. et annot. par G. Lefebvre. T. 1—2. Lille, 1914—1921. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.)

La monnaie et le papier-monnaie. Instruction, recueil de textes et notes. Publ. par C. Bloch. P., 1912. 545 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév.) — Extr. du *Bull. d'hist. écon. de la Rev.* Année 1911.

Procès-verbaux des Comités d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Législative et de la Convention, publ. par F. Gerbaux et Ch. Schmidt. T. 1—4. P., 1908—1910. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. franç.) Tables des procès-verbaux des Comités d'agriculture et de commerce. P., 1937. 205 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév.)

Recherches et documents sur l'histoire des prix en France de 1500 à 1800, publ. par H. Hauser. P., 1936. 552 p.

Recueil des documents d'ordre économique contenus dans les régistres de délibérations des municipalitees du distr. d'Alençon (1788—an IV), publ. par F. Mourlot. T. 1—3. Alençon, 1907—1910. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr... Dépt de l'Orne.),

Recueil de documents sur l'assistance publique dans le distr. de Toulouse de 1789 à 1800, publ. par J. Adher. Toulouse, 1918. XXVIII, 606 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de la Haute-Garonne.)

Recueil des principaux textes législatifs et administratifs concernant l'assistance de 1789 à l'an VIII [précédé des] notes sur la législation et l'administration de l'assistance par C. Bloch. — *Bull. trimestriel de la Comm. des doc. écon. de la Rév.* Année 1908, No 3—4. p. 232—521.

Recueil des principaux textes législatifs et administratifs concernant l'industrie de 1788 à l'an XI [précédé des] notes sur la législation et l'administration de l'industrie... [et suivi des] notes sur les sources aux Archives nationales de l'histoire de l'industrie par Ch. Schmidt. — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1909, No 3—4,. p. 214—460.

Schnerb, R. Recueil de textes et de tableaux relatifs a la patente à l'époque de la Révolution dans le dépt du Puy de Dôme. P., 1933. 117 p.

Les subsistances en céréales dans le district de Chaumont de 1788 à l'an V. Doc. publ. par Ch. Lorain. T. 1—2. P., 1911—1912. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. econ. de la Rév. fr. Dépt de la Haute-Marne.)

Les subsistances dans le district de Versailles de 1788 à l'an V. Doc. recueil. et publ. par A. Defresne et É. Évrard. T. 1—2. Rennes, 1921—1922. (Coll. des doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt Seine-et-Oise.)

Tableaux de dépréciation du papier monnaie réédités avec une introd. par P. Caron. P., 1909. LXXXV, 458 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév.)

Ковалевский, М. М. Очерки социального быта Франции. — *Вестн. Европы.* 1911, кн. 7, с. 96—142; кн. 8, с. 204—255; кн. 10, с. 51—76; кн. 11, с. 270—289; кн. 12, с. 183—203.

Avenel, G. Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général. T. 1—7. P., 1913—1926.

Barthélemy, J. Les principes financiers de la Révolution française. — *Rev. d'hist. polit. et constitution.* 1939, p. 281—293.

Bigo, R. La Caisse d'Escompte (1776—1793) et les origines de la Banque de France. Préf. de M. Marion. P., 1927. III, 317 p.

Bouchary, J. Le marché des changes de Paris à la fin du XVIII-e s. (1778—1800) avec des graphiques et le relevé des cours. P., 1937. 183 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév. Mém. et doc., 7.)

Cardenal, L. Les subsistances dans le département de la Dordogne (1789—an IV). — *Rév. franç.* 1929, p. 217—254; 1930, p. 18—46, 105—134.

Dubois, J. L'assistance dans le district de Bar pendant la Révolution. P., 1930. 162 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév. Mém. et doc., 2.)

Evrard, F. Les subsistances en céréales dans le dépt de l'Eure de 1788 à l'an V. — *Bull. de l'hist. écon. de la Rév.* Année 1909, No 1—2, p. 1—96.

Harris, S. E. The Assignats. Cambridge, 1930. XIX, 293 p.

Hugues, P. E. Un impôt extraordinaire sur le revenu sous la Révolution. Histoire de la «Contribution patriotique» dans le Bas-Languedoc (Dépt de l'Hérault), 1789—1795, d'après les doc. inéd. Préf. de P. Delombre. P., 1919. LXXVIII, 330 p.

Illig, H. Das Geldwesen Frankreichs zur Zeit der ersten Revolution bis zum Ende der Papiergeldwährung. Strassburg, 1914. XII, 87 S.

Labrousse, C. E. À propos du Cent-cinquantenaire de la Révolution française. Observations complémentaires sur les sources et la méthodologie pratique de l'histoire des prix et des salaires au XVIII-e s. — *Rev. d'hist. écon. et soc.* 1938, p. 289—308.

Labrousse, C. E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII-e s. Préf. de H. Sée et de R. Picard. T. 1—2. P., 1933.

Laurent, G. Les subsistances à Reims pendant la Révolution. — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1913, No 2, p. 469—481.

Lefebvre, G. Les mines de Littry sous l'ancien régime et pendant les premières années de la Révolution (1714—1793). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1926, p. 16—35.

Letaconnoux, J. Les subsistances et le commerce des grains en Bretagne au XVIII-e s. — *Travaux juridiques et économiques de l'Univ. de Rennes.* Années 1906 et 1911

Levasseur, E. Histoire du commerce de la France. Part. 2. De 1789 à nos jours. P., 1912. XVI, 864 p.

Marion, M. Histoire financière de la France depuis 1715. T. 2—3. P., 1919—1924.

Mathiez, A. La France économique dans la seconde partie du XVIII-e s. Cours professé à la Faculté des lettres de Paris... P., [1928]. 138 p. [Lithogr.]

Mathiez, A. La question sociale pendant la Révolution française. P., 1905. 44 p.

Minoret, M. La contribution personnelle et mobilière pendant la Révolution. P., 1900. 720 p.

Nogaro, B. et **Oualid, W.** L'évolution du commerce, du crédit et des transports depuis cent-cinquante ans. P., 1914. 445 p.

Saunois de Chevert, G. L'indigence et l'assistance dans les campagnes depuis 1789 jusqu'a nos jours. P., 1889. VIII, 352 p.

Schnerb, R. Les contributions directes à l'époque de la Révolution dans le

dépt du Puy-de-Dôme. P., 1933. 610 p. [См. выше с. 742: Schnerb, R. Recueil de textes...]

Schwander, R. Die Armenpolitik Frankreichs während der grossen Revolution und die Weiterentwicklung der französischen Armengesetzgebung bis zur Gegenwart. Strassburg, 1904. XXII, 157 p.

Sée, H. Études sur la vie économique en Bretagne 1772—an III. P., 1930. 80 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév. Mém. et doc. 1.)

Sée, H. Französische Wirtschaftsgeschichte. Bd 2. Jena, 1936. VI, 631 S. (Handbuch d. Wirtschaftsgeschichte.)

Stourm, R. Les finances de l'Ancien régime et de la Révolution. T. 1—2. P., 1885.

Vauthier, G. Notes sur les relations commerciales entre la France et les États-Unis, de 1789 à 1815. (In: Mém. et doc... publ. par J. Hayem. 3-e sér. 1913, p. 91—106).

Положение рабочих

Тарле, Е. В. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции (1789—1799 гг.). По неизданным документам. Спб., 1907. 201 с. (Записки ист.-филол. фак-та имп. Спб. ун-та, ч. 86.)

Тарле, Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Ч. 1—2. Спб., 1909—1911. (Зап. ист.-филол. фак-та имп. Спб. ун-та, ч. 91). [Историограф. обзор: т. 2-й, с. 1—41.] Краткий очерк по тому же вопросу вышел в Германии: **Tarlé, E.** Studien zur Geschichte der Arbeiterklasse in Frankreich während der Revolution. Die Arbeiter der nationalen Manufacturen. Lpz., 1908. XV, 128 S. (Staats-und Sozialwissenschaft. Forsch. hrsg. v. G. Schmoller u. M. Sering. H. 132.)

Levasseur, E. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870... 2-e éd. [entièr. ref.] T. 1. P., 1903. CIII, 749 p.

Louis, P. Histoire de la classe ouvrière en France de la Révolution à nos jours. La condition matérielle des travailleurs, les salaires et le coût de la vie. P., 1927. 412 p. [Bibl. p. 411—412.]

Louis, P. Histoire du mouvement syndical en France (1789—1906). 3-e éd. P., 1924. X, 282 p.

Reynoard, P. Les ouvriers des manufactures nationales sous la Révolution (1789—1799). P., 1917. 110 p.

Schmidt, Ch. Notes sur le travail des enfants dans les manufactures pendant la Révolution. — *Bull. trimestriel de la Comm. des doc. écon. de la Rév.* Année 1910, No 1—2, p. 198—221.

См. также с. 744: **Тарле, Е. В.** Крестьяне и рабочие... и **Soreau, E.** La Révolution française et le prolétariat rural...

Аграрный вопрос. Распродажа национальных имуществ

Defresne, A. Documents historiques se rattachant à la vie des villages avant 1789 et sous la Révolution. Versailles, 1908. 174 p. (Extr. des arch. communales de la région de Versailles.)

Documents relatifs à la vente des biens nationaux. Publ. par S. Charléty. Lyon, 1906. XVIII, 722 p. (Coll. de doc. inéd. de l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de Rhône).

Documents relatifs à la vente des biens nationaux. T. 1—2. Publ. par M. Marion, J. Benzacar et Caudrillier. Bordeaux, 1911. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de la Gironde.)

Documents relatifs à la vente des biens nationaux, publ. par H. Martin. Distr. de Saint-Gaudens. Rieumes, 1924. XXX, 616 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de la Haute-Garonne.)

Documents relatifs a la vente des biens nationaux, publ. par H. Martin. Distr. de Toulouse. Toulouse, 1916. LXXXVII, 648 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de la Haute-Garonne.)

Documents relatifs a la vente des biens nationaux dans le distr. de Sens. Publ. par Ch. Porée. T. 1—2. P., 1912—1913. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de l'Yonne.)

Les droits féodaux. Instruction, recueil des textes. [Publ. par P. Caron.] P., 1924. 230 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév.) Extr. du *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Années 1920—1921.

Recueil des principaux textes législatifs concernant l'économie forestière de 1788 à l'an VIII. Préf. de G. Bourgin.— *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1907, No 3—4, p. 432—474.

Recueil des principaux textes législatifs et administratifs concernant l'économie rurale de 1788 à l'an VIII, [précédés des] notes sur l'administration de l'agriculture et la législation rurale de 1788 à l'an VIII par G. Bourgin. — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1907, No 3—4, p. 248—431.

Recueil des textes législatifs et administratifs concernant les biens nationaux. T. 1. 23 sept. — 30 déc. 1791 [réunis et mis en oeuvre par P. Caron et E. Deprez.] P., 1926. XXVII, 425 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév.)

Les vicissitudes du domaine congéable en Basse Bretagne à l'époque de la Révolution. Doc. publ. par L. Dubreuil. T. 1—2. Rennes, 1915—1916. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.)

Дембо, Л. Аграрное законодательство французской революции 1789—1793 гг. — *Советск. государство и право.* 1940, №2, с. 114—132.

Кареев, Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879. XXII, 491, LXXXIX с [Библ. с. III—XXII.] — Пер.: **Karéiew, N.** Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIII-e s. P., 1899. XXVII, 635 p.

Ковалевский, М. М. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. Спб., 1912. VI, 191 с.

Лучицкий, И. В. Из истории сеньериальных и поземельных отношений во Франции в эпоху Революции. — *Науч. ист. журн.* 1914, № 3, с. 30—41. [Доведено до декрета 17/VII 1793 г.]

Лучицкий, И. В. Крестьянская поземельная собственность во Франции до революции и продажа национальных имуществ [кончая 1793 г.] К., 1896. 65 с. — Фр. пер.: **Loutchisky, J.** La petite propriété en France avant la Révolution et la vente des biens nationaux. P., 1897. 165 p., tabl.

Лучицкий, И. В. Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII в. — *Русск. богатство.* 1912, № 2, с. 102—124; № 4, с. 50—78. Франц. изд.: **Loutchisky, J.** Quelques remarques sur la vente des biens nationaux. P., 1913. 158 p.

Лучицкий, И. В. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 гг. К., 1912. IV, 157 с. — Первая часть книги вышла во франц. пер.: **Loutchisky, J.** L'état des classes agricoles en France à la veille de la Révolution. P. 1911. 110 p.

Матвеева-Леман, А. Участие города Бордо в продаже национальных имуществ. (В кн.: Н. И. Кареев... Спб., 1914, с. 188—194).

Поршнев, Б. Крестьянские и плебейские движения XVII—XVIII вв. во Франции. — *Историк-марксист.* 1939, № 4, с. 77—84.

Тарле, Е. В. Крестьяне и рабочие в эпоху Великой французской революции. Изд. 4-е, испр. Пб., 1922. 151 с.

Andrews, R. H. Les paysans des Mauges au XVIII-e s. Étude sur la vie rurale dans une région de l'Anjou. Tours, 1935. 274 p.

Aulard, A. La Révolution française et le régime féodal. P., 1919. IV, 283 p.

Bourgin, G. Une révolution sociale à la fin du XVIII-e s. La vente des biens nationaux. — *Rev. socialiste.* 1909, t. 49, p. 26—43.

Chénon, E. Les démembrements de la propriété foncière en France avant et après la Révolution... 2-e éd. P., 1923. VII, 192 p.

Cornillon, J. Vente des biens nationaux. T. 1—2. Moulin, 1911—1912.

Doniol, H. La Révolution française et la féodalité. P., 1874. XI, 369 p.

Dubreuil, L. La vente des biens nationaux dans le dépt des Côtes-du-Nord (1790—1830). P., 1912. XVIII, 707 p.

Lecarpentier, G. La vente des biens ecclésiastiques pendant la Revolution française. P., 1908. VII, 187 p.

Lefebvre, G. Les paysans du Nord pendant la Révolution française. T. 1—2. P.—Lille, 1924.

Lefebvre, G. La place de la Révolution dans l'histoire agraire de la France. — *Annales d'hist. écon. et soc.* 1929, p. 506—523.

Lefebvre, G. Les recherches relatives à la vente des biens nationaux. — *Rev. d'hist. mod.* 1928, p. 188—219.

Lefebvre, G. La Révolution française et les paysans. — *Cahiers de la Rév. franç.* 1934, No 1, p. 7—49.

Marion, M. La vente des biens nationaux pendant la Révolution. Avec étude spéciale des ventes dans les dépts de la Gironde et du Cher. P., 1908. XVIII, 448 p.

Minzes, B. Die Nationalgüterveräusserung wahrend der französischen Revolution mit besonderer Berücksichtigung des Departements Seine-und-Oise. Jena, 1892. 167 S.

Porée, Ch. Des documents qui permettent d'obtenir rapidement une vue d'ensemble sur la vente des biens nationaux. — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1913, No 2, p. 352—357.

Sagnac, Ph. La division du sol pendant la Révolution et ses conséquences. — *Rev. d'hist. mod. et contemp.* 1903—1904, t. 5, p. 457—470.

Sagnac, Ph. La propriété foncière et les paysans pendant la Révolution. (In: L'oeuvre sociale de la Rév. fr. P., 1901, p. 217—271).

Sagnac, Ph. Les ventes des biens nationaux d'après des recueils des documents et des travaux récents. — *Rev. d'hist. mod et contemp.* 1905—1906, t. 7, p. 737—775. [Ценный историограф. обзор.]

Soreau, E. La Révolution française et le prolétariat rural. — *Annales hist. de la Rév. franç.* 1932, p. 28—36, 116—127, 325—335.

Vermale, F. Essai sur la répartition sociale des biens ecclésiastiques nationalisés. P., 1906. 146 p.

Vialay, A. La vente des biens nationaux pendant la Révolution française. Étude législative, écon. et sociale. P., 1908. XI, 349 p.

Социальные и политические идеи. Партии. Клубы. Пресса

Периодическая печать 1789—1794 гг. см. с. 737—738.

La Société des Jacobins. Recueil des documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris. Réd. et introd. par A. Aulard. T. 1—6. P., 1889—1897.

(Coll. de doc. rel. à l'hist de Paris pendant la Rév. fr.). [Suppl. paru sous le titre: Comptes rendus inédits des séances des jacobins des 23, 24 et 25 février 1791. — *Rev. franç.* 1926, p. 151—167.]

Кареев, Н. И. Неизданные документы по истории Парижских секций 1790—1795 гг. Спб., 1912. 121 с. (Записки имп. Акад. наук по ист.-филос. отд., т. 11, № 2.)

Раткевич, К. Газеты времен Французской революции. — *Больш. печать.* 1939, № 12, с. 27—35.

Трайнин, И. Национальный вопрос в эпоху Французской революции 1789—1794 гг. — *Советск. государство и право.* 1939, № 5, с. 57—72.

Aulard, A. Les orateurs de la Révolution... Nouv. éd., rev. et corr. P., [T. 1—3.] 1905—1907. — Пер.: **Олар, А.** Ораторы революции. Т. 1—2. Пер. Л. Борисовича. М., 1907—1908.

Avenel, H. Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours. P., 1900. 884 p.

Bougeart, A. Les cordeliers; documents pour servir à l'histoire de la Révolution française. Caen, 1891. X, 408 p.

Bouglé, C. Socialismes français. P., 1932. 200 p.

Bourgin, G. et **Bourgin, H.** Le socialisme français de 1789 à 1848. P., 1912. VIII, 111 p.

Brinton, C. The Jacobins. An essay in the new history. N. Y., 1930. X, 319 p.

Cardenal, L. La législation des clubs sous la Constituante et la Législative. — *Rev. d'hist. polit. et constitution.* 1939, p. 344—377.

Cardenal, L. Le nombre des clubs jacobins sous la Révolution. — *Annales hist. de la Rev. fr.* 1939, p. 266—267. [Статистическая таблица.]

Cardenal, L. La province pendant la Révolution. Histoire des clubs jacobins, 1789—1793. P., 1929. 517 p.

Cunow, H. Die Parteien der Grossen französischen Revolution und ihre Presse. 2. erweit. Ausg. des in 1. Aufl. unter dem Titel: «Die revolutionäre Zeitungsliteratur Frankreichs während der Jahre 1789 bis 1794» erschienenen Werkes. B., 1912. VII, 394 S. — Пер.: **Кунов, Г.** Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789—1794 гг. Пер., предисл. и доп. И. Степанова. 3-е, вновь пересм. изд. Пг. — М., 1923. XVI, 640 с.

Cunow, H. Politische Kaffeehäuser. Pariser Silhouetten aus der Grossen französischen Revolution. B., 1925. 88 S. — Пер.: **Кунов, Г.** Политические кофейни. Парижские силуэты времени Французской революции. Л., 1926. 64 с.

Dodu, G. Le parlementarisme et les parlementaires sous la Révolution (1789—1799). P., 1911. VII, 428 p.

Gallois, L. Histoire des journaux et des journalistes de la Révolution française, 1789—1796, précédé d'une introd. gén... T. 1—2. P., 1845—1846.

Hatin, E. Histoire politique et littéraire de la presse en France... T. 4—7. P., 1860—1861.

Laski, H. J. The socialist tradition in the French revolution. London, 1930. 37 p.

Lichtenberger, A. Le socialisme et la Révolution française. P., 1899. 313 p. — Пер.: **Лихтенберже, А.** Социализм и Французская революция. Пер. Ю. Стеклова. Спб., 1907. 245 с.

Louis, P. Histoire du socialisme en France depuis la Révolution jusqu'a nos jours. P., 1925. 416 p. — Пер.: **Луи, П.** История социализма во Франции. Пер. Ю. Стеклова. М., 1906. V, 388 с.

Mellié, E. Les sections de Paris pendant la Révolution française (21 mai 1790—19 vendémiaire an IV). P., 1898. 320 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Söderhjelm, A. Le régime de la presse française pendant la Révolution. T. 1—2. Helsingfors, 1900.

Thompson, J. M. Leaders of the French Revolution. Oxford, 1929. XIV, 272 p.

См. также литературу к гл. XIII... Политические теории XVIII в... с. 785.

Революция и церковь

Documents inédits relatifs aux affaires religieuses de la France, 1790 a 1800. Extr. des archives secrètes du Vatican, publ. par A. Theiner. T. 1—2. P., 1857—1858.

Олар, А. Церковь и государство в эпоху Великой франц. революции. Пер. с франц. Н. Рубинштейна. Х., 1925. 101 с. [Книга сост. из статей, напечат. в 1905 г. в журн. *Rév. franç.*]

Aulard, A. Le christianisme et la Révolution française. P., 1925. 155 p. — Пер.: **Олар, А.** Христианство и французская революция 1789—1802. Пер. И. Шпицберга. М., 1925. 98 с.

Aulard, A. La Révolution française et les congrégations. Exposé hist. et doc. P., 1903. 325 p.

Cahen, L. La Révolution et le clergé catholique (1789—1795). (In: L'oeuvre sociale de la Rév. fr. P., 1901, p. 273—341.)

Debidour, A. Histoire des rapports de l'église et de l'État en France de 1789 à 1870. P., 1898. 650 p.

La Gorce, P. Histoire religieuse le la Révolution française. 18-e éd. T. 4—5. P., 1922—1924.

Mathiez, A. Contributions à l'histoire religieuse de la Révolution française. P., 1907. X, 272 p. [с. 1—41: Историографический обзор.]

Mathiez, A. La Révolution et l'Église. Études critiques et documentaires. P., 1910. XIII, 307 p.

Reuss, R. La constitution civile du clergé et la crise religieuse en Alsace, 1790—1795, d'après des doc. en partie inédits. T. 1—2. Strasbourg — P., 1922.

Robinet, J. F. E. Le mouvement religieux à Paris pendant la Révolution 1789—1801. T. 1—2. P., 1896—1898. (Coll. de doc. rel. à l'hist. de Paris pendant la Rév. fr.) [В тексте большой документальный материал.]

Sagnac, Ph. Les curés et le patriotisme pendant la Révolution (1789—1792).— *Rév. franç.* 1939, p. 166—177.

Sciout, L., abbé. Histoire de la Constitution civile du clergé (1790—1801). T. 1—3. P., 1873—1880.

Sicard, A., abbé. Le clergé de France pendant la Révolution. Nouv. éd... T. 1—2. P., 1912—1927.

Международные отношения

См. также: Мемуары. Переписка. Труды современников, с. 738—740.

Александренко, В. Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774—1906). Варшава, 1906. VIII, 586, VI с.

Архив Государственного Совета. Т. 1. Совет в царствование имп. Екатерины II. (1768—1796). Ч. 1—2. Спб., 1869. XV, 1035, I—XX стлб.

Архив князя Воронцова. Кн. 8, 9, 13, 14, 16, 18, 20, 26, 28. М., 1876—1883.

Воронцов, С. Р. Письма... (1790—1797 гг.) — *Русск. архив.* 1879, № 2, с. 197—214; № 3, с. 345—354.

Григорович, Н. Канцлер кн. Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 1—2. Спб., 1879—1881. (Сб. имп. Русск. ист. о-ва, т. 26, 29).

Екатерина II, имп. Императрица Екатерина II и гр. Н. П. Румянцев. Переписка с 1790 по 1795 гг. Сообщ. Н. К. Шильдер. — *Русск. старина.* 1892, т. 76, с. 5—23; 1894, февр., с. 70—95; март, с. 94—112; апр., с. 157—178; май, с. 76—90.

Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенции, заключенных Россией с иностранными державами... Т. 2, 6, 9 (10), 13. Спб., 1875—1902.

The armed neutralities of 1780 and 1800. A collection of official documents preceded by the views of representatives publicists. Ed. by J. B. Scott. N.Y., 1918. XXXI, 698 p.

Chestret, M. Correspondance de Maximilien de Chestret, agent diplomatique du Prince Évêque de Liège à Paris et à la Haye, 1725—1794, publ. par E. Hubert. Bruxelles, 1921. 370 p.

Ciampini, R. Un osservatore italiano della Rivoluzione Francese. Lettere inedite di Filippo Mazze al re Stanislao-Augusto di Polonia. Firenze, 1934. 52 p.

Correspondence of the French ministers to the United States, 1791—1797, ed. by F. J. Turner. Washington, 1904. (Annual Report of the Amer. hist. Ass., 1903, vol. 2.)

Martens, Ch. et **Cussy.** Recueil manuel et pratique de traités, conventions et autres actes diplomatiques, sur lesquels sont établis les relations et les rapports existant aujourd'hui entre les divers États depuis 1760.. T. 1—2 Première partie: À partir de l'annee 1760 jusqu'à la paix de Paris en 1841. Lpz., 1846.

Martens, G. F. Cours diplomatiques, ou Tableau des relations extérieures des puissances de l'Europe... T. 1—3. B., 1801.

Martens, G. F. Recueil de principaux traités d'alliance, de paix, de trêve... etc... conclus par les puissances de l'Europe... depuis 1761 jusqu'à présent. T. 3—7. Goettingue, 1791—1801. Supplement au Recueil... T. 1—4 Goettingue, 1801—1808.

Recueil... 2-e éd. revue et augm. par Ch. Martens. T. 4—5 avec les suppl. des 4 premiers vols. Goettingue, 1818—1826...

Nouveaux supplements, ou Recueil de traités etc. par F. Murhart, T. 1—2. Goettingue, 1839.

Martens, G. F. Table générale, chronologique et alphabétique du Recueil de traités etc... Goettingue, 1837—1843.

Mercy-Argenteau, F. Briefe an den k. k. ausserordentlichen Gesandten zu London Grafen Louis Starhemberg 26. Dez 1791—15. Aug. 1794. Orig.-Dokumente ges. u. geordn. nebst Erläut. von A. Thürheim. Innsbruck, 1884. XX, 288 S.

Mercy-Argenteau, F. Correspondance secrète... avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz, publ. par A. Arneth et J. Flammermont. T. 1—2. P., 1889—1891. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de France.)

Montgaillard, J. G. M. Souvenirs du comte de Montgaillard, agent de la diplomatie secrète pendant la Révolution, l'Empire et la Restauration, publ. d'après des doc. inéd. par C. Lacroix. 2-e éd. P., 1895. 336 p.

Neumann, L. Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères depuis 1763 jusqu'à nos jours. T. 1. 1718—1801. Lpz., 1855. XIX, 640 p.

Oesterreichische Staatsvertrage. England. Bearb. von A. F. Pribram. Bd 2. 1749 — Okt. 1813. Wien, 1913. VIII, 772 S. (Veroffentl. d. Kommission f. neuere Gesch. Oesterreichs. 12).

Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs wahrend der franzosischen Revolutionskriege 1790—

1801. Bd 1—4. Wien, 1879—1890. (Publ. K. Akad. d. Wiss. in Wien.). Bd 1 — 2. Ergänz.-Bd zum 2. (bis April 1793), hrsg. von A. Vivenot.

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française, publ. sous les auspices de la Comm. des arch. diplomat. au ministère des affaires étrangères. T. 1—25. P., 1884—1929. [Отдельные тома посвящены различным странам.]

Recueil de principaux actes publics sur les relations politiques de la France avec les états d'Italie depuis l'année 1787 jusqu'au mois de mai 1796. On y a annexé une table des actes concernant les rapports entre l'Espagne et la France. Francfort sur le Main, 1796. XII, 124 p.

Stedingk, K. B. Un ambassadeur de Suède à la cour de Catherine II. Feld Maréchal comte de Stedingk. Choix de dépêches diplomatiques, rapports secrets et lettres particulières de 1790 à 1796. T. 1—2. Stockholm. 1919.

Tétot. Répertoire des traités de paix, de commerce, d'alliance etc., conventions et autres actes conclus entre toutes les puissances du globe, principalement depuis la paix de Westphalie jusqu'à nos jours. Table générale des recueils de Dumont, Wenk, Martens, Murhard, etc... T. 1—2. P., 1866—1873.

Virieu, J. L. La Révolution française racontée par un diplomate étranger. Correspondance du bailli de Virieu (1788—1793), publ. par. Grouchy et A. Guilloi s. P., 1903. XXXI, 504p.

Windham, W. The Windham papers. The life and correspondence of Windham 1750—1810 including hitherto unpubl. letters from George III, the dukes of York and Gloucester, Pitt, Fox, Burke [a. o.] With an introd. by Rosebery. Vol. 1—2. L., 1913.

Александренко, В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1—2. Варшава, 1897. Т. 1. Очерк организации и деятельности дипломатических представительств. IV, 549 с. Т. 2. Материалы. VII, 414 с.

Бильбасов, В. А. Международные отношения России с германскими государствами. — *Ист. вест.* 1889, янв., с. 67—85.

Богданович, Т. Франция и Европа на грани XIX в. Сост. по А. Сорелю с предисл. Н. И. Кареева. Спб., 1909. III, 146 с.

Бильбасов, В. А. Россия и Англия в XVIII в. — *Русск. старина.* 1893, т. 80, с. 1—37.

Брикнер, А. Вторая половина XVIII в. в письмах братьев гр. С. и А. Воронцовых. — *Вест. Европы.* 1888, кн. 8, с. 519—547.

Брикнер, А. Г. История Екатерины II. Ч. 3 и 5. Спб., 1885.

Брикнер, А. Екатерина II и французская революция. — *Ист. вест.* 1895, авг., с. 411—420.

Мартенс, Ф. Россия и Пруссия при Екатерине II. — *Вест. Европы.* 1882, кн. 5, с. 226—268.

Рябинин, Д. Д. Граф Семен Романович Воронцов. — *Русск. Архив.* 1879, № 1, с. 58—82; № 2, с. 168—196; № 3, с. 305—345; № 4, с. 444—502.

Adams, E. D. The influence of Grenville on Pitt's foreign policy, 1787—1798. Washington, 1904. 75 p.

Barral, D. Étude sur l'histoire diplomatique de l'Europe. Part. 2, t. 1. 1789—1797. P., 1885. 482 p.

Barral - Montferrat. Dix ans de paix armée entre la France et l'Angleterre, 1783—1793. T. 1. P., 1893. XII, 376 p.

Bourgeois, E. Manuel historique de politique étrangère. T. 2. Les révolutions (1789—1830). 9-e éd. P., 1926. 806 p. [Библ. к главам.]

Bourgoing, F. Histoire diplomatique de l'Europe pendant la Révolution française. Part. 1—3. P., 1865—1886.

The Cambridge history of British foreign policy, 1783—1919, ed. by A. W. Ward and G. P. Gooch. Vol. 1. 1783—1815. Cambridge, 1922. XIV, 628 p. [Bibl. p. 603—609.]

Castéra, J. Histoire de Catherine II, imp. de Russie. T. 3—4. P., an VIII.

Decostes, F. La Révolution française vue de l'étranger, 1789—1799. Mallet du Pan à Berne et à Londres d'après une correspondance inédite. Tours, 1897. IX, 562 p.

Deschanel, L. P. Histoire de la politique extérieure de la France. P., 1936. 288 p.

Flammermont, J. La correspondance de Pellenc avec les comtes de la Marck et de Mercy [1791—1794]. — *Rév. Franç.* 1889, t. 16, p. 481—502.

Guichen. Les relations russo-allemandes du XVIII-e s. à 1870. — *Séances et travaux de l'Acad. des Sciences morales et polit., comptes - rendus.* 1930, t. 90 (2), p. 286—320.

Häusser, L. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes. Bd 1. 3. Aufl. B., 1861. XI, 578 S.

Herrmann, E. Geschichte des Russischen Staates. Bd 6. Russlands auswartige Beziehungen in den Jahren 1775—1792. Gotha, 1860. XXI, 596 S. (Gesch. der europäischen Staaten). — Ergänz.-Bd: Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit, 1791—1797... Gotha, 1866. XL, 672 S.

Hueffer, H. Diplomatische Verhandlungen aus der Zeit der französischen Revolution. Bd 1. Oesterreich und Preussen gegenüber der franz. Revolution bis zum Abschluss des Friedens von Campo-Formio. Bonn, 1868. VII, 497 S.

Hunt, W. History of England from the accession of George III to the close of Pitt's first administration 1760—1801. L., 1905. 495 p. (Political history of England, publ. by Hunt and Pool, vol. 10.).

Lodge, R. Great Britain and Prussia in the eighteenth century. L., 1923. 231 p.

Manger, J. B. Recherches sur les relations économiques entre la France et la Hollande pendant la Révolution française (1785—1795). P., 1923. XIII, 170 p.

Masson, F. Le département des affaires étrangères pendant la Révolution 1787—1801. P., 1877. XVI, 570 p.

Mathiez, A. La Révolution et les étrangers. Cosmopolitisme et défense nationale. P., 1918. 190 p.

Pénin, R. Histoire diplomatique (1515—1928). P., 1929. 646 p. (**Hanotaux, G.** Histoire de la nation française. T. 9.)

Pimodan, C. Le comte F. C. de Mercy-Argenteau, ambassadeur impérial à Paris, sous Louis XV et sous Louis XVI. Son role à la cour de France et pendant la Révolution d'après ses correspondances officielles et privées. P., 1911. IV, 476 p.

Pingaud, L. Les français en Russie et les russes en France. L'ancien régime, l'émigration, les invasions. P., 1886. XX, 482 p.

Rose, J. H. Life of William Pitt... P. 1—2. L., 1923. P. 1. W. Pitt and national revival. X, 632 p. P. 2. W. Pitt and the great war. 570, XLVIII p.

Seton-Watson, R. W. Britain in Europe, 1789—1914. A survey of foreign policy. Cambridge, 1937. X, 716 p. Selected bibl. of printed sources, p. 677—688].

Sorel, A. L'Europe et la Révolution française. 18-e éd. Part. 1—4. P., 1922. [1-e éd. 1885—1892.]—Пер.: **Сорель, А.** Европа и Французская революция. Пер. с франц. с предисл. Н. И. Кареева. Т. 1—4. Спб., 1892.

Stanhope, Ph. H. Life of William Pitt. 3d éd. Vol. 1—4. L., 1867.

Stocker, J. B. William Pitt et la Révolution française (1789—1793). Préf. de Ph. Sagnac. P., 1935. 222 p.

Sybel, H. Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1800. N. Aufl. Bd 1—3. Frankfurt a. M., 1882. [1. Aufl. 1855—1860.] — Пер. **Зибель, Г.** История Французской революции и ее времени. Ч. 1—4. Спб. 1863—1867.

Sybel, H. Oesterreich und Deutschland im Revolutionskriege. Ergänz.-Heft zur Geschichte der Revolutionszeit 1789 bis 1795. Düsseldorf, 1868. XLV, 183, LVII S.

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОТДЕЛЬНЫМ ПРОВИНЦИЯМ, ДЕПАРТАМЕНТАМ И ГОРОДАМ

См. также: Источники и работы специального характера, с. 741—746.

Documents pour servir a l'histoire de la Révolution française dans la ville d'Amiens, publ. en vertu d'une décision du Conseil municipal. T. 1—3. P., 1889—1898.

Documents pour servir a l'histoire de la Révolution française dans le dépt de la Somme, publ. en vertu d'une décision du Conseil gén. de la Somme. T. 1—5. Amiens, 1888—1909.

Procès-verbaux de l'administration départementale du dépt de l'Yonne de 1790 à 1800. Publ. sous les auspices du Conseil général... T. 1—6. Auxerre. 1889—1905. (Doc. sur la Rév. fr.)

Révolution francaise. Lyon en 1789—1795. Notes et doc. publ. par A. Metzger et rev. par J. Vaesen. T. 1—9. Lyon. 1882—1886.

Rochas, A. Journal d'un bourgeois de Valence du 1-r janvier 1789 au 9 novembre 1799 (18 brumaire an VIII). T. 1—2. Grenoble, 1891—1892.

Balleydier, A. Histoire politique et militaire du peuple de Lyon pendant la Révolution française (1789—1795). T. 1—3. P., 1815—1846.

Berriat-Saint-Prix, J. La commune de Thuret pendant la Révolution 1789—1814. Riom, 1913. 234 p.

Blordier-Langlois. Angers et le dépt de Maine et Loire de 1787 à 1830. T. 1—2. Angers, 1837.

Bouvier, F. Les Vosges pendant la Révolution 1789—1795—1800. P., 1885. XVI, 520 p.

Bussière, G. Études historiques sur la révolution en Périgord. T. 1—3. Bordeaux — P., 1877—1903.

Doucet, R. L'esprit public dans le dépt de la Vienne pendant la Révolution. P., 1910. 427 p.

Dubreuil, L. La Révolution dans le dépt des Côtes-du-Nord. (Études et doc.) Avec une préf. de H. Sée. P., 1909 XII, 312 p.

Duval-Jouve, J. Montpellier pendant la Révolution. 1-re période: de 1789 a la république; 2-e période: la république (au 18 brumaire an VIII). T. 1—2. Montpellier, 1879—1881.

Gosselin, E. Journal des principaux épisodes de l'époque révolutionnaire à Rouen et dans les environs, de 1789 a 1795. Rouen, 1867. 219 p.

Havard, O. Histoire de la Révolution dans les ports de guerre. T. 1—2. P., 1912—1913.

Jullian, C. Histoire de Bordeaux depuis les origines jusqu'en 1895. Bordeaux. 1895. IX, 804 p.

Kerviler, R. La Bretagne pendant la Revolution. Rennes, 1912. 361 p.

Labroue, H. L'esprit public en Dordogne pendant la Révolution. Préf. de G. Monod. P., 1911. XX, 21 p.

Lacroix, S. Le département de Paris et de la Seine pendant la Révolution (févr. 1791—ventôse an VIII). P., 1904. III, 483 p. (Soc. de l'hist. de la Rev.)

Lepreux, G. Nos représentants pendant la Révolution (1789—1799). Lille, 1898. XII, 268 p.
Monceaux, H. La Révolution dans le dépt de l'Yonne, 1788—1800. Essai bibl. P., 1890. 734 p. (Doc. sur la Rév. fr.)
Rocher, G. Le district de Saint-Germain-en-Laye pendant la Revolution. Étude historique. Préf. de A. Aulard. P., 1914. III, 238 p.
Véron-Réville, A. A. Histoire de la Révolution française dans le dépt du Haut-Rhin, 1789—1795. P., 1865. X. 301 p.
Vidal, P. Histoire de la Révolution française dans le dépt des Pyrénées-Orientales d'après les doc. ined. des arch. départ. commun. et particulières (1789—1800). T. 1—3. Perpignan, 1885—1889.

ДЕЯТЕЛИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ

См. также: Мемуары.., с. 738—740, и литературу к гл. III... Деятели Учредительного собрания, с. 757—758.

Дантон

Дантон, Ж. Ж. Избранные речи. Ред., введ. и прим. Н. С. Гольдина, X, 1924. XVIII, 112 с.
Danton, G. J. Discours... ed. crit. par A. Fribourg. P., 1910. XXXVII, 274 p. (Coll. de la Soc. de l'hist. de la Rév.)
Danton, G. J. Oeuvres... recueil. et annot par A. Vermorel. P., 1866. 316 p.
Aulard, A. Danton. P., 1884. 64 p.
Belloc, H. Danton, a study. With a new pref. L., 1928. XVII, 367 p.
Bougeart, A. Danton. Documents authentiques pour servir à l'histoire de la Révolution française. P. — Bruxelles, 1861. 400 p.
Mathiez, A. Autour de Danton. P., 1926. 234 p.
Robinet, J. F. E. Danton homme d'État. P., 1889. [Содержит записи процесса: «Notes de Topino-Lebrun».]
Wendel, H. Danton. B., 1930. 423 S.— Trad. fr.: P., 1932. 419 p.

Демулен

Desmoulins, C. Oeuvres... T. 1—3. P., 1871—1890.
Claretie, J. Camille Desmoulins, Lucile Desmoulins, études sur les dantonistes d'après des doc. nouv. et ined. P., 1875. 492 p.
Compton, P. Camille Desmoulins. A revolutionary study. L., 1933. 138 p.

Кондорсе

Condorcet, M. J. A. Oeuvres... Publ. par A. Condorcet O'Connor et F. Arago. T. 1—12. P., 1847—1849.
Alengry, F. Condorcet. Guide de la Révolution française, théoricien du droit constitutionnel et précurseur de la science sociale... P., 1904. XXIII, 891 p.
Cahen, L. Condorcet et la Révolution française. P., 1904. XXXI, 592 p.
См. также с. 790: **Alengry, F.** La philosophie politique... и др.

Марат

Marat, J. P. La correspondance... recueil. et annot. par Ch. Vellay. P. 1908. XXIII, 291 p. — Пер.: **Марат.** Письма 1776—1793. Пер. Е. Ефимовой под ред. А. К. Живелегова. Пб.— М., 1923. 201 с.
Marat J. P. Les Pamphlets de Marat. Avec une introd. et des notes par Ch. Vellay. P., 1911. IV,352 p. — Пер.: **Марат, Ж. П.** Памфлеты. Под общ. ред. Ф. Кона. М., 1937. 135 с.
Marat, J. P. Portrait de l'ami du peuple tracé par lui-même.— *Annales rév.* 1916, p. 680—686.
Тарле, Е. В. Жан Поль Марат, друг народа.—*Новый Мир.* 1939, № 7, с. 183—201.
Bougeart, A. Jean-Paul Marat, ami du peuple. T. 1—2. P., 1865.
Cabanès, A. Marat inconnu. L'homme privé, le médecin, le savant; d'après des documents nouveaux et inédits. 2-e éd., réf. et augm. P., 1911. XII, 559 p.
Chèvremont, F. Jean-Paul Marat, esprit politique, accompagné de sa vie scientifique, politique et privée. T. 1—2. P., 1880.
Chèvremont, F. Marat. Index de bibliophile et de l'amateur de peintures, gravures etc. P., 1876. 464 p.
Compton, P. Marat. L., 1935. 269 p.
Gottschalk, L. Jean Paul Marat. A study in radicalism. N. Y., 1927. XV, 221 p.
Gottschalk, L. Quelques études récentes sur Marat. (Trad. par R. Renard.) — *Ann. hist. de la Rév. fr.* 1936, p. 97—122. [Обзор лит. о Марате за последние 8 лет. Пер. с англ. рукописи.]
Martin, Gaston. Marat, l'oeil et l'ami du peuple. P., 1938. 257 p.
Walter, G. Marat. P., 1933. 448 p.

Робеспьер

Robespierre, M. Correspondance de Maximilien et Augustin Robespierre, recueil. et publ. par G. Michon. P., 1926. 334 p. (Soc. des études robespierristes). [Oeuvres complètes de M. Robespierre. T. 3]. — Пер.: **Робеспьер, М.** Переписка Робеспьера. Собрал Ж. Мишон. Пер. Ф. Шуваевой. Л.. 1929. 263 с.
Robespierre, M. Discours et rapports... Avec introd. et des notes par Ch. Vellay. P., 1908. XX, 430 p.
Robespierre, M. Oeuvres... avec une notice hist., des notes et des commentaires par Laponéraye... T. 1—3. P., 1840.
Robespierre, M. Oeuvres... recueil. et annot. par A. Vermorel. P., 1866. III, 346 p.

Robespierre, M. Oeuvres complètes de Maximilien Robespierre. Part. 1. Robespierre à Arras. T. 1—2. P., 1910—1913. (Soc. des études robespierristes.) T. 1. Les oeuvres littéraires en prose et en vers par E. Déprez et E. Lesueur. Fasc. 1—3. 1910—1912. T. 2. Les oeuvres judiciaires (1782—1786) par E. Lesueur. Fasc. 1—4. 1912—1913. [См. также с. 749: **Robespierre, M.** Correspondance...; с. 738: *Défenseur de la Constitution* par **M. Robespierre...**]

Hamel, E. Histoire de Robespierre d'après les papiers de famille, les sources orig. et des doc. entièrement inéd... T. 1—3. P., 1865—1867.

Korngold, R. First modern dictator. N. Y., 1937. XIII, 401 p. — Fr. transl.: **Robespierre.** le premier des dictateurs modernes. Trad. de J. Marty P., 1936. 348 p.

Mathiez, A. Robespierre terroriste. P., 1921. 191 p.

Robespierre vu par ses contemporains. Témoignages recueil. et presentés par L. Jacob. P., 1938. 225 p.

Rohden, P. R. Robespierre. Die Tragödie des politischen Ideologen. B., 1935. 519 S.

Thompson, J. M. Robespierre. Vol. 1—2. Oxford, 1935.

Walter, G. Robespierre. La montée vers le pouvoir (1789—1791). 5-e éd. P., 1936. 317 p.

Сен-Жюст

Saint-Just, L. A. Oeuvres complètes... Intr. et des notes par Ch. Vellay. T. 1—2. P., 1908.

Saint-Just, L. A. Lettres inédites... (1791—1794). Publ. par Ch. Vellay. — *Rev. hist. de la Rév. fr.* 1910, p. 481—492.

Серебрянская, К. Взгляды Сен-Жюста и их связи с философией XVIII в. (В кн.: Труды Моск. гос. инст. истории, филос. и лит. Т. 6. К 150-летию Французской революции... М., 1940, с. 188—224.)

Centore-Bineau, D. Saint-Just. 1767—1794. Préf. de G. Walter. P., 1936. 292 p.

Curtis, E. N. Saint-Just, collègue of Robespierre. N. Y., 1935. XI, 403 p.

Derocles, P. Saint-Just, ses idées politiques et sociales. P., 1937. 173 p.

Hamel, E. Histoire de Saint-Just, député à la Convention nationale. T. 1—2. Bruxelles, 1860.

Ikor, R. Saint-Just. P., 1937. 48 p.

Soboul, A. Les idées politiques et sociales de Saint-Just. P., 1936.

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОТДЕЛЬНЫМ ЭТАПАМ И ВОПРОСАМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

(Соответственно главам тома)

К Введению

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии. (В кн.: **Маркс, К.** Избр. произв. в 2 т., т. I, с. 143.)

Маркс, К. Господин Фогт. — Соч., т. XII, ч. I, с. 356.

Маркс, К. Традиционная английская политика. — Соч., т. X, с. 582—584.

Энгельс, Ф. Внешняя политика русского царизма. — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 14—16.

Энгельс, Ф. Письмо Э. Бернштейну от 8 февраля 1883 г. — Соч., т. XXVII, с. 279.

Энгельс, Ф. Предисловие к брошюре «К. Маркс перед судом присяжных». — Соч., т. XVI, ч. 1, с. 206.

Энгельс, Ф. Роль насилия в истории. — Соч., т. XVI, ч. 1, с. 464.

Ленин, В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Соч., т. I, с. 286—287.

Сталин, И. В. К вопросам ленинизма. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 111.)

ФОРМИРОВАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В НЕДРАХ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ВО ФРАНЦИИ

См. также: Общие исторические работы, с. 740—741; Экономическое положение Франции в 1788 и 1789 гг., с. 752—753.

Лучицкий, И. В. Аграрные отношения во Франции накануне революции. — *Русск. богатство.* 1913, № 2, с. 164—191; № 3, с. 122—143.

Лучицкий, И. В. Аграрные отношения во Франции накануне революции в окрестностях Парижа. — *Журн. Мин. нар. просв.* 1915, № 6, с. 241—279.

Лучицкий, И. В. Крестьянское землепользование во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене). К., 1900. 499 с., 24 л. табл. — Фр. пер.: **Loutchisky, J.** La propriété paysanne en France à la veille de la Révolution (principalement dans le Limousin.). P., 1912. 295 p., 24 tabl.

Лучицкий, И. В. Крестьянство во Франции в XVIII в. (В кн.: Книга для чтения по истории нового времени. Т. 2. М., 1911, с. 244—290.)

См. также с. 744: **Кареев, Н.** Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции...; **Ковалевский, М.** Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции...

Сказкин, С. Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции 1789 г. — *Историк-марксист.* 1936, № 2, с. 22—43.

Avenel, R. Mémoire présenté à la veille de la Révolution en faveur de la classe paysanne en Bretagne. — *Rév. franç.* 1932, p. 193—199.

Bahu, A. Les paysans de la région de Clermont de l'Oise à la fin de l'Ancien

régime. — *Annales hist. de le Rév. fr.* 1937, p. 193—214.
Bahu, A. Les paysans du Clermontois avant et pendant la Révolution. P., 1936.
Gomel, Ch. Les causes financières de la Rèvolution française. T. 1—2. P., 1892—1893.
Lefebvre, G. Le mouvement des prix et les origines de la Révolution française. *Annales d'hist. écon. et soc.* 1937, p. 139—170.
Levasseur, E. La population française. Histoire de la population avant 1789 et démographie de la France comparée a celle des autres nations au XIX-e s., précédée d'une introd. sur la statistique. T. 1—3. P., 1889—1892.
Marion, H. La dime ecclésiastique en France au XVIII-e s. et sa suppression, étude d'hist. du droit, suivie d'un aperçu sur les dimes inféodées a la même époque. P., 1912. 403 p.
Mathiez, A. Notes sur l'importance du prolétariat en France à la veille de la Révolution. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1930, p. 497—524.
May, L. Ph. L'Ancien régime devant le mur d'argent. P., 1936. 219 p.
Rebhlon, A. La situation économique du clergé français a la fin de l'Ancien régime. — *Rév. franç.* 1929, p. 328—350.
Rouff, M. Les mines de charbon en France au XVIII-e s. (1744—1791). Étude d'histoire économique et sociale. P., 1922. LXII, 624 p.
Sée, H. Les origines économiques et sociales de la Révolution française. — *Rev. d'hist. écon. et soc.* 1934—1935, p. 361—374.
Tarlé, E. L'industrie dans les campagnes en France à la fin del'Ancien régime. P., 1910. 81 p. [Работа является пер. ряда отрывков из кн.: **Тарле, Е. В.** Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Ч. 2. Спб., 1911.]
Tocqueville, A. L'Ancien régime et la Révolution. 8-e éd. P., 1887. [1-e éd. 1856.] — Пер.: **Токвиль.** Старый порядок и революция. Пг., 1918. 183 с.
Wolters, F. Studien über Agrarzustände und Agrarprobleme in Frankreich von 1700 bis 1790. Lpz., 1905. IX, 438 S.— Пер.: **Вольтерс, Ф.** Очерки по истории аграрных отношений и аграрного вопроса во Франции 1700—1790. М.—П., 1923. VIII, 340 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ К 1789 Г.

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Международные отношения, с. 746—748, и литературу к гл. IV... Начало буржуазной революции во Франции и европейские правительства, с. 762—763.

Воронцов, С. Р. Из писем гр. С. Р. Воронцова к гр. А. А. Безбородко (1784—1789). — *Русск. архив.* 1879, кн. 1, с. 83—111.
Герц, Е. Из записок о России гр. фон-Герца, прусского посланника при дворе Екатерины II. — *Вест. о-ва ревнителей ист.* 1914, вып. 1, с. 1—38.
Екатерина II, имп. Бумаги имп. Екатерины II, хранящиеся в Гос. архиве Мин-ства иностр. дел. Т. 4. 1774 г. окт. — 1788 дек. Спб., 1880. 600 с. (Сб. имп. Русск. ист. об-ва, т. 27.)
Екатерина II, имп. Переписка Екатерины Великой с гр. С. Р. Воронцовым. — *Русск. архив.* 1879, кн. 1, с. 145—167.
Князь де-Линь в России в 1780, 1787 и 1788 гг. Сообщ. В. А. Бильбасов.— *Русск. старина.* 1892, февр., с. 275—312; март, с. 541 — 573; апр., с. 1—43.
Angeberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne. 1762—1862. P., 1862. XVI, 1171 p. [Bibl. p. III—XVI.]
Dembiński, B. Źródła do dziejów drugiego i trzeciego rozbioru Polski. T. 1. Polityka Rosyi i Prus wobec Polski od poczatku sejmu 4-letniego do ogłoszenia Konstytucji 3-go maja. 1788—1791. Lwów — Kraków, 1902.
Despatches from Paris. 1784—1790. Ed. by O. Browning. T. 1—4. L., 1901.
Flammermont, J. Les correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la Révolution, conservées dans les archives de Berlin, Dresde, Genève, Turin, Gênes, Florence, Naples, Simancas, Lisbonne, Londres, La Haye et Vienne. P., 1896. XXI, 628 p. (Extr. des nouv. arch. des missions scientifiques, t. 8.)

Костомаров, Н. И. Последние годы Речи Посполитой. Спб., 1905. 714 с. (Собр. соч. Н. И. Костомарова. Исторические монографии и исследования. Кн. 7, т. 17 и 18).
Митрофанов, П. П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780—1790). Спб. 1907. VI, 784 с.
Соловьев, С. История падения Польши. М., 1863. 370 с.
Трачевский, А. Немецкий вопросво Франции при Людовике XVI. Одесса, 1880. 76 с. (Отт. из 31 т. Записок Новороссийского ун-та).
Трачевский, А. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Иосифа II и Фридриха II. Спб., 1877. IV, 527 с.
Oursel, P. La diplomatie de la France sous Louis XVI. P., 1921. 397 p.
Pingaud, L. Choiseul-Gouffier. La France en Orient sous Louis XVI. P., 1887. 297 p.
Salomon, F. William Pitt der Jüngere. Bd 1. Bis zum Ausgang der Friedensperiode (Febr. 1793). Lpz. — B., 1906 600 S.
Smolka, S. L'Europe et la Pologne à la veille et au lendemain de son démembrement. Rome, 1915. 147 p.

Wittichen, F. C. Preussen und die Revolutionen in Belgien und Lüttich, 1789—1790. Gottingen, 1905. VI, 122 S.
Wittichen, P. Preussens polnische Politik, 1788—1789. Göttingen, 1899. 110 S.
Wolf, A. u. Zwiedineck, H. Oesterreich unter Maria Theresia, Josef II. und Leopold II., 1740—1792. B., 1883. VI, 437 S.

К главе I

КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ СИСТЕМЫ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Революция, а не эпизод. — Соч., т. VI, с. 142.
Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Революция и контрреволюция в Германии. — (В кн. **Маркс, К.** Избр. произв. в 2 т., т. II, с. 43.)
Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Святое семейство. — Соч., т. III, с. 50.
Маркс, К. Коммунизм и «Всеобщая Аугсбургская газета».—Соч., т. 1, 1938, с. 204.
Маркс, К. Революция в Китае и в Европе. — Соч., т. IX, с. 317.
Маркс, К. Ф. Гизо: «Почему удалась английская революция?» — Соч., т. VIII, с. 277.
Энгельс, Ф. Письмо Э. Бернштейну от 12 марта 1881 г. — Соч., т. XXVII, с. 119.
Энгельс, Ф. Письмо А. Бебелю 6-го июня 1884 г. — *Архив Маркса и Энгельса*. т. I (VI), 1932, с. 255.
Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. (В кн.: **Маркс, К.** Избр. произв. в 2 т., т. I, с. 386.)
Ленин, В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании. — Соч., т. XV, с. 342—343.
Сталин, И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 609.)
Сталин, И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 года. М., 1938, с. 8—9.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ В 1788 И 1789 ГГ. КРЕСТЬЯНСКОЕ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1789 Г.

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Экономическая и социальная история, с. 741—744; Источники и работы, относящиеся к отдельным провинциям, департаментам и городам, с. 748—749, и литературу к Введению, с. 750—751.

Compte général des revenus et des dépenses fixes, au 1-er de Mai 1789. [Remis par M. le premier ministre des finances à M. M. du Comité des finances de l'Assemblée nationale.] P., 1789. 201 p.
Bailly, J. S. Correspondance de Bailly avec Necker, [publ. par P. Robiquet.] — *Rév. franç.* 1890, t. 19, p. 256—279. [О снабжении Парижа (авг. 1789 — июль 1790 г.).]
Lyon de 1778 à 1788. Notes et doc. publ par A. Metzger et rev. par J. Vaesen. Lyon, 1889. 164 p. (Centenaire de 1789. À la veille de la Révolution.)
Young, A. Travels in France during the 1787, 1788 and 1789. Vol. 1—3. L., 1792—1794. — Trad. fr.: Voyages en France en 1787, 1788 et 1789. Première trad. complète et critique, par H. Sée. T. 1—3. P., 1931.

Acomb, F. Unemployment and relief in Champagne, 1788. — *Jl of modern hist.* 1939, p. 41—48.
Boiteau, P. État de la France en 1789. 2-e éd., avec une notice par M. Léon Roquet et des annot. de M. Grassoreille. P., 1889. XII, 580 p.
Braesch, F. Finances et monnaie révolutionnaires. (Recherches, études et doc.) Fasc. 2. Les recettes et les dépenses du Tresor pendant l'année 1789. Le compte rendu du roi de mars 1788. Le dernier budget de l'Ancien régime. P., 1936. 253 p.
Cahen, L. Le prétendu Pacte de famine.— *Rev. hist.* 1935, t. 176, p. 175—216.
Cahen, L. Quelques caractères de l'économie française à la veille de la Révolution. L'économie française en 1789.— *Annales d'hist. soc.* 1939, t. 1, p. 238—250.
Cahen, L. La question du pain à Paris à la fin du XVIII-e s. *Cahiers de la Rév. fr.* 1934, No 1, p. 50—76.
Camau, E. L'année 1789 en Provence. P., 1937. 132 p.
Cardenal, L. La liquidation des impôts directs de l'Ancien régime. (Exercices 1788 et 1789.). — *Rev. franç.* 1934, p. 292—324.
Chapuisat, C. Necker (1732—1804). P., 1938. 331 p. (Bibl. de l'Inst. intern. de la Rév. et de la Soc. de la Rév. fr.)
Chérest, A. La chute de l'Ancien régime (1787—89). T. 1—3 P., 1884—86. — Пер.: **Шера, Э.** Падение старого режима (1787—1789). Т. 1—2. Пер. О. И. Чолганской и Д. И. Цескер. Под ред. Е. В. Тарле. Спб., 1907—1908.
Collot, J. L'affaire Réveillon, 27—28 avril 1789.—*Rev. des questions hist.* 1934, nov., p. 35—55; 1935, mars, p. 239—258.
Dupuis-Derles, M. Émeutes a Saint-Lô au sujet de la cherté des grains d'avril à juillet 1789. — *Rév. franç.* 1925, p. 156—163.
Evrard, F. Une enquête du Parlement de Paris sur la récolte de 1788. — *Rév. franç.* 1949, p. 38—53, 135—170, 221—230.
Guéneau, L. Les mauvaises années dans la généralité de Lyon à la veille de la Révolution. — *Rév. d'hist. écon. et soc.* 1922, p. 219—233.

Le Parquier, E. Une enquête sur le paupérisme et la crise industrielle dans la région rouennaise en 1788. Rouen, 1936. 73 p.

Le Parquier, E. Un témoignage intéressant sur la hausse des denrées alimentaires à la veille de la Révolution. Le cahier de doléances du curé de Fontaine - sous - Préaux... Rouen, 1937. 20 p. (Société libre d'émulation du commerce et de l'industrie de la Seine-Inférieure.)

Lhéritier, M. Les débuts de la Révolution à Bordeaux d'après les tablettes manuscrites de P. Bernadau. P., 1919. XXXII, 114 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Monin, H. L'état de Paris en 1789. Études et doc. sur l'Ancien régime a Paris. P., 1889. IV, 689 p. (Coll. de doc. rel. a l'hist. de Paris pendant la Rév. fr.)

Rouff, M. Le personnel des premières émeutes de 1789. — *Rév. franç.* 1909, t. 57, p. 213—238.

Sagnac, Ph. Les origines de la Révolution. La décomposition de l'Ancien régime (1788 — mai 1789). — *Rev. d'hist. mod. et contemp.* 1909—1910, t. 14, p. 153—177.

Schmidt, Ch. La crise industrielle de 1788 en France. — *Rev. hist.* 1908, t. 97, p. 78—94.

Seré-Depoin, E. Trois catastrophes a Pontoise en 1788—1789: la grêle, le grand hiver, la disette. Pontoise, 1880. 295 p.

Sol, E. La culture et le prix du blé en Quercy avant 1789. — *Rev. franç.* 1938, p. 301—331.

Troux, A. La région meurthoise à la veille de la Révolution. Nancy, 1938. 58 p.

См. также с. 793: **Babeau, A.** Paris en 1789..; с. 754: **Champion E.** La France d'après les cahiers de 1789..; с. 798: **Gautier, H.** L'an 1789...

ВЫБОРЫ В ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ. НАКАЗЫ, АГИТАЦИОННЫЕ БРОШЮРЫ

Выборы в Париже в Генеральные Штаты в 1789 г. [Из писем современника Демишеля]. Вводная статья **Е. Александровой.** — *Красный архив.* 1939, т. 3, с. 154—188.

Cahiers de doléances des bailliages des généralités de Metz et de Nancy pour les États généraux de 1789. 1-re sér.: Dépt de Meurthe-et-Moselle. T. 1—4. P., 1907—1934. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.)

Cahiers de doléances du bailliage du Havre (secondaire de Caudebec) pour les États généraux de 1789, publ. par E. Le Parquier. Epinal — P., 1929. XLIV, 292 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de la Seine-Inférieure.)

Cahiers de doléances des prévôtés bailliagères de Sarrebourg et de Phalsbourg et du Bailliage de Lixheim pour les États généraux de 1789, publ. par P. Lespraud et L. Bourd. Metz., 1938. 260 p. (Publ. de la Comm. d'hist. écon. de la Rév.)

Cahiers de doléances en Dauphiné. Grenoble, 1935. 57 p. (Coll. d'etudes sur Grenoble pendant la Rév. fr. publ. sous la dir. de F. Vermale.)

Cahiers de doléances pour les États généraux de 1789, publ. par G. Laurent. T. 1—5. Reims. P., 1906—1930. (Coll.de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de la Marne.) [T. 1. Châlon-sur-Marne; t. 2—3. Sézanne et Châtillon - sur-Marne; t. 4—5. Reims. См. также с. 754: **Laurent, G.**]

Cahiers de sénéchaussées et bailliages. Tables des cahiers des États généraux. (Archives parlementaires de 1787 a 1860. Recueil complet des débats.... fondé par J. Mavidal et E. Laurent. Ser. 1. T. 1—7. P., 1862—1875.)

Les élections et les cahiers de Paris en 1789. Doc. recueil., mis en ordre et annot. par Ch. L. Chassin. T. 1—4. P., 1888—1889. (Coll. de doc. rel. à l'hist. de Paris pendant la Rév. fr.)

Hyslop, B. F. A guide to the general cahiers of 1789 with the texts of unedited cahiers. N. Y., 1936. XVI, 474 p. [Bibl. p. 443—463.]

Hyslop, B. F. Répertoire critique des cahiers de doléances pour les États généraux de 1789. P., 1933. 669 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.) [Предварительная сводка всего опубликованного и неопубликованного материала наказов и литература вопроса.]

Proust, A. éd. Archives de l'Ouest. Recueil des documents concernant l'histoire de la Révolution 1789—1800. Sér. A. Opérations électorales de 1789. Fasc. 1—5. P., 1867.

Recueil des documents relatifs à la convocation des États généraux de 1789, publ. par A. Brette. T. 1—4. P., 1894—1904. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de France.)

Atlas des bailliages ou juridictions assimilées ayant formé unité électorale en 1789. Dressé d'après les actes de la convocation conservés aux Arch. nation. par A. Brette. P., 1904. XXXV, 16 p., 33 cartes. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de France.)

Sieyès, E. J. Quelques idées de constitution applicables à la ville de Paris en juillet 1789. Versailles, [1789]. 37 p.

Sieyès, E. J. Qu'est-ce que le tiers état? Éd. crit. avec une introd. par E. Champion. P., 1888. XV, 93 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.). [Брошюра вышла в янв. 1789 г.]—Пер.: **Сийес.** Что такое третье сословие? Спб., [1906]. 64 с.

Sieyès, E. J. Vues sur les moyens d'exécution dont les représentants de la France pourront disposer en 1789. 2-e éd. S. l., 1789. VIII, 168 p.

Основную агитационную литературу периода революции см.: с. 797: **Тонкова Р. М.** Печатные издания буржуазной революции во Франции 1789—1794 гг..; с. 798: **Fortescue, G. K.** List of contents of three collections of books, pamphlets... in the British Museum..; **French** revolutionary pamphlets..; **Martin, A.** et **Walter. G.** Catalogue de l'histoire de la Révolution française...

Евстафіев, В. М. Сільске управління у Франції за наказами Етампського бальяжу 1789 г. — *Записки Дніпропетр. інст. нар. освіти.* 1928, т. 2, с. 321—364.

Евстафіев, В. М. Шляховий податок і сільскі шляхи в Етампському бальяжі в кінці старого ладу. Досвід за наказами 1789 року. — *Записки Дніпропетр. інст. нар. освіти.* 1927, т. 1, с. 319—342.

Никифоров, Н. И., Руткевич, П. П., Евстафьев, В. Н. Наказы третьего сословия Аррасского бальяжа в 1789 г. К., 1911. 176 с.

Никифоров, Н. И. Сеньериальные повинности по наказам третьего сословия Этампского бальяжа. К., 1912. 72 с.

Ону, А. Выборы 1789 г. во Франции и наказы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны. Ч. 1. Опыт установления метода исследования и критики наказов, как исторического источника. Спб., 1908. 718 с. — Резюме на франц. яз.: **Onou, A.** Les élections de 1789 et les cahiers du tiers état. — *Rév. franç.* 1909, t. 56, p. 509—530; t. 57, p. 46—64.

Петров, Е. Н. Вопросы промышленности и торговли в наказах третьего сословия генеральных штатов 1789. — *Журн. Мин. нар. просв.* 1911, № 6, с. 289—320; № 7, с. 1—41.

Петров, Е. Н. Выборы в генеральные штаты 1789 г. в Париже. — *Журн. мин. нар просв.* 1915, № 12, с. 237—295.

Петров, Е. Н. Обзор некоторых документов по вопросу об отношении к цехам во Франции накануне революции. (В кн.: Н. И. Карееву... Спб., 1914, с. 211—240). [По материалам наказов 1789 г.]

Петров, Е. Н. Социальная роль общинного землевладения во Франции перед революцией. (По крестьянским наказам 1789 г.). (В кн.: Исторический сборник. 5. М.—Л., 1936, с. 163—238.)

Симон, К. Р. Приходские наказы 1789 года в Орлеанском и Блуаском бальяжах. — *Журн. Мин. нар. просв.* 1913, № 12, с. 296—335.

Хорошун, В. Дворянские наказы во Франции в 1789 г. Т. 1. Социальная и экономическая программа наказов. Одесса, 1899. IX, X, 604 с.

Champion, E. La France d'après les cahiers de 1789. 4-e éd. P., 1911. 257 p. — Пер.: **Шампьон, Э.** Франция накануне революции по наказам 1789 г. Пер. М. А. Брагинского. Спб., 1906. 223 с.

Chassin, Ch. L. Les cahiers des curés. Étude hist. d'apres les brochures, les cahiers imprimés et les procès-verbaux manuscrits de 1789. P., 1882. 461 p.

Chassin, Ch. L. Le génie de la Révolution. P. 1. Les cahiers de 1789. T. 1—2. P., 1863—1865.

Dutil, L. D'où est venue l'idée du doublement du Tiers aux États généraux de 1789. — *Rev. franç.* 1929, p. 48—58.

Espaillac, M. Marseille révolutionnaire. Les cahiers des doléances du tiers-état de la sénéchaussée de Marseille. — *Rev. franç.* 1939, p. 56—69.

Gobert, A. Le district des Enfants trouvés au faubourg Saint-Antoine en 1789. — *Rév. franç.* 1936, p. 134—148; 1938, p. 260—281. [Дистрикт имел торгово-промышленное значение.]

Hyslop, B. F. French gild opinion in 1789. — *Amer. hist. rev.* 1939, vol. 44, p. 252—271. [Характеристика наказов ремесленников.]

Hyslop, B. F. French nationalism in 1789 according to the general cahiers. N. Y., 1934. XVIII, 343 p.

Laurent, G. Reims et la région rémoise a la veille de la Révolution. La convocation des États généraux de 1789. Introduction au cahiers de doléances. Étude économique. Reims — P., 1930, CCCCXI p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de la Marne. T. 5.)

Maurel, B. Cahiers de doléances de la colonie de Saint-Domingue pour les États généraux de 1789. P., 1933. 400 p.

Montagne, F. C. Some cahiers de doléances, 1789. — *History.* 1931, No 61, p. 25—34. [Обзор вышедших в 1827—1929 г. публикаций.]

Picard, R. Les cahiers de 1789 et les classes ouvrières. P., 1910. 276 p.

René, J. Cahiers de doléances des corps et corporations de la ville d'Alençon pour les États généraux de 1789. Alençon, 1929. LXXXVIII, 168 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.)

Sagnac, Ph. Les cahiers de 1789 et leur valeur. — *Rev. d'hist. mod. et contemp.* 1907, p. 329—349.

Sagnac, Ph. Les cahiers des États généraux d'après des ouvrages récents. — *Rév. franç.* 1937, p. 373—378.

Vialay, A. Les cahiers de doléances du tiers-état aux États généraux de 1789. Étude hist., écon. et sociale. Préf. de R. Stourm. P., 1911. XV, 362 p.

К главе II

БОРЬБА БУРЖУАЗИИ С ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ СИСТЕМОЙ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Критические примечания к статье «Король Прусский и социальная реформа». — Соч., т. III, с. 17—18.

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Манифест коммунистической партии. (В кн.:—**Маркс, К.** Избр. произв. в 2 т., т. I, с. 147.)

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Немецкая идеология. — Соч., т. IV, 1938, с. 179.

Энгельс, Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». (В кн.: **Энгельс, Ф.** Анти-Дюринг, с. 299 (383).)

Ленин, В. И. В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства. — Соч., т. VIII, с. 173.

Ленин, В. И. К оценке русской революции. — Соч., т. XII, с. 209.

Ленин, В. И. Кадеты и аграрный вопрос.— Соч., т. XVI, с. 112.

Ленин, В. И. О боевом соглашении для восстания. — Соч., т. VII, с. 117.

Ленин, В. И. О политической линии. — Соч., т. XVI, с. 144.

Ленин, В. И. Приготовление «отвратительной оргии». — Соч., т. XII, с. 111.

Сталин, И. В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. М., 1938, с. 16.

Сталин, И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 171—172.)

Сталин, И. В. Об основах ленинизма. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 37.)

БОРЬБА В ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТАХ И ПРЕВРАЩЕНИЕ ИХ В НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

Actes de la Commune de Paris pendant la Révolution [1789—1792]. Publ. et annot. par S. Lacroix. Sér. 1—2. P., 1894—1914.

Creuzé-Latouche. Les grandes journées de juin et de juillet 1789, d'après le Journal inédit de Creuzé-Latouche, député à la Constituante, publ. par J. Marchand. — *Rev. des questions hist.* 1936, p. 242—264.

Godard, M. Exposé des travaux de l'Assemblée générale des représentants de la Commune de Paris depuis le 25 juillet 1789 jusqu'au mois d'octobre 1790, époque de l'organisation définitive de la municipalité. P., 1790. 248 p.

Pitra, L. G. La journée du 14 juillet 1789. Fragment des mémoires inéd... publ. avec une introd. et des notes par J. Flammermont. P., 1892. CCLXXVIII, 68 p.

Récit des séances des députés des communes depuis le 5 mai 1789 jusqu'au 12 juin suivant. Réimpr. avec un avertiss. par F. A. Aulard. P., 1895. IV, 122 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Les séances des deputés du clergé aux États généraux de 1789. Journaux du curé Thibault et du chanoine Coster. Publ. par **A.** Houtin. P., 1916. XXXVI, 184 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Becker, O. Die Verfassungspolitik der französischen Regierung bei Beginn der grossen Revolution. Sept. 1788—27. Juni 1789. B., 1910. XX, 25 S. (Hist. Studien. H. 86.)

Brette, A. Le serment du jeu de paume et ses signataires. La légende et l'histoire. *Rév. franç.* 1891, t. 20, p. 385—417, 524—549.

Dubreuil, L. Le clergé de Bretagne aux États généraux (mai — juin 1789). — *Rev. franç.* 1917, p. 481—508.

Durieux, J. Les vainqueurs de la Bastille. P., 1910. 302 p.

Marion, M. Un révolutionnaire très conservateur: Creuzé-Latouche. — *Rev. d'hist. mod.* 1936, p. 101—134.

Mathiez, A. Les capitalistes et la prise de la Bastille. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1926, p. 578—582.

Robiquet, P. Le personnel municipal de Paris pendant la Révolution. Période constitutionnelle. P., 1890. IV, 686 p. (Coll. de doc. rel. à l'hist. de Paris pendant la Rév. fr.).

Rouff, M. Le peuple ouvrier de Paris aux journées du 30 juin et du 30 août 1789. — *Rev. franç.* 1912, t. 68, p. 430—454, 481—505.

Soboul, A. 1789. L'an I de la liberté. Étude historique. Textes originaux. P., 1939.

Soreau, E. Chute de l'Ancien régime. La Révolution du 14 juillet, ses origines. P., 1938. 217 p.

РЕВОЛЮЦИЯ В ПРОВИНЦИИ И «ВЕЛИКИЙ СТРАХ» ИМУЩИХ КЛАССОВ

См. также: Источники и работы, относящиеся к отдельным провинциям, департаментам и городам, с. 748—749.

Дюбрейль, Г. «Великий страх» в Оверни. Вводн. ст. К. Раткевич. — *Красн. архив.* 1939, т. 3, с. 255—259. [Извлечение из писем Г. Дюбрейля к Ж. Ромму. Август 1789 г.]

Documents sur la Grande peur: Clermontois, Valois et Soissonnais, [publ. par G. Lefebvre]. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1933, p. 167—175.

Documents sur la Grande peur de 1789 dans la région parisienne, [publ. par G. Lefebvre]. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1934, p. 152—167.

La Grande peur en Dauphiné [doc. publ. par F. Vermale]. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1933, p. 74 — 78. [Документ служит дополнением к кн., **Conard, P.** La Peur en Dauphiné. P., 1904. См. с. 756.]

Le mouvement antiseigneurial de 1790 dans le Sarladais et le Quercy. Avec introd. de P. Caron. — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1912, No 2, p. 353—386.

Relation d'une partie des troubles de la France pendant les années 1789 et

1790, suivie de réflexions sur le moyen d'en arrêter les progrès. P., 1790. 152 p.

Aulard, A. La nuit du 4 août. — *Rev. franç.* 1913, t. 64, p. 200—215.

Chaudron, E. La Grande peur en Champagne Méridionale (26, 27, 28 et 29 juil. 1789). P., 1923. XIX, 149 p.

Conard, P. La Peur en Dauphiné (juil. — août 1789). P., 1904. 282 p.

Hennequin, R. La nuit du 4 août 1789 racontée par le constituant Parisot. — *Rév. franç.* 1927, p. 17—22.

Jacob, L. La Grande peur en Artois. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1936, p. 123—148.

Lefebvre, G. La Grande peur de 1789. P., 1932. 279 p.

Lhéritier, M. La révolution municipale point de départ de la Révolution française. — *Rev. franç.* 1939, p. 121—135.

Mathiez, A. Les corporations ont-elles eté supprimees en principe dans la nuit du 4 août 1789. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 252—257.

Sée, H. Les troubles agraires dans le Bas-Maine en juillet 1789. *Annal. hist. de la Rev. fr.* 1925, p. 528—537.

К главе III

КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Законопроект о феодальных поборах. — Соч., т. VI, с. 339—340.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Ост-индская компания, ее история и результаты. — Соч., т. IX, с. 353.

Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Избр. произв. в 2 т., т. II, с. 329—330.

Маркс, К. Дебаты шестого рейнского ландтага. — Соч., т. I, 1938, с. 131.

Маркс, К. К еврейскому вопросу. — Соч., т. I, 1938, с. 369—378.

Маркс, К. Капитал, т. I. — Соч., т. XVII, с. 332, 811—812, 816.

Маркс, К. Нищета философии. М.—Л., 1938, с. 107.

Маркс, К. Письмо Энгельсу от 30 янв. 1865. — Соч., XXIII, с. 233—234.

Маркс, К. Президенту Соединенных штатов Америки Аврааму Линкольну.— Соч., т. XIII, ч. 1, с. 21.

Маркс, К. Речь по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.). — Соч., т. V, с. 262.

Маркс, К. Ф. Гизо. «Почему удалась английская революция». — Соч., т. VIII, с. 277.

Маркс, К. Э. де-Жирарден: «Социализм и налог». — Соч., т. VIII, с. 307—308.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг, с. 134—135 (169—170).

Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 300, 303.

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. (В кн. **Маркс К.** Избр. произв. в 2 т., т. 1. с. 424.)

Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Соч., т. XV, с. 512.

Ленин, В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов. — Соч., т. XI, с. 347—349, 460.

Ленин, В. И. В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства. — Соч., т. VIII, с. 173.

Ленин, В. И. Великий почин. — Соч., т. XXIV, с. 342.

Ленин, В. И. Государство и революция.— Соч., т. XXI, с 387.

Ленин, В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Соч., т. XXI, с. 189—190.

Ленин, В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Соч., т. VIII, с. 56, 57—58, 122.

Ленин, В. И. Доклад о войне и мире 7-го марта. Седьмой съезд РКП(б).— Соч., т. XXII, с. 315.

Ленин, В. И. Кадеты и аграрный вопрос. — Соч., т. XVI, с. 112.

Ленин, В. И. Кто за союзы с кадетами.— Соч., т. IX, с. 373.

Ленин, В. И. О двух линиях революции.— Соч., т. XVIII, с. 314—315.

Ленин, В. И. О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы.— Соч., т. XV, с. 283.

Ленин, В. И. О продовольственном налоге. — Соч., т. XXVI, с. 346.

Ленин, В. И. Об отношении рабочей партии к религии. — Соч., т. XIV, с. 74.

Ленин, В. И. Ответ на критику нашего проекта программы. — Соч., т. V, с. 335.

Ленин, В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. — Соч., т. XXV, с. 285—286.

Ленин, В. И. Плохая защита либеральной рабочей политики. — Соч., т. XV, с. 439.

Ленин, В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании. — Соч., т. XV, с. 342—343.

Ленин, В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права. — Соч., т. XV, с. 108.

Ленин, В. И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая. I всероссийский съезд по внешкольному образованию. — Соч., т. XXIV, с. 297, 304—305.

Ленин, В. И. Социальное значение сербско-болгарских побед. — Соч., т. XVI, с. 186.

Сталин, И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией. (В кн.:

Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 171—172.)

Сталин, И. В. Об основах ленинизма. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 37, 41—42.)

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Lameth, A. Histoire de l'Assemblée Constituante. T. 1—2. P., 1828—1829.

Procès-verbal de l'Assemblée nationale [constituante], imprimé par son ordre. T. 1—75. P., s. a.

Recueil de rapports, discours et autres pièces de l'Assemhiée nationale constituante, qui ne sont point dans les livraisons du Procès-verbal et qui peuvent former le soixante-seizième volume de cet ouvrage. T. 1—2. P., s. a.

Table des matières, des noms de lieux et des noms de personnes contenus dans les procès-verbaux des séances de l'Assemblée constituante, depuis le 5 mai 1789 jusqu'au 30 sept. 1791, réd. par Camus. T. 1—5. P., an XIV.

Mathiez, A. Les grandes journées de la Constituante 1789—1791... P., 1913. 124 p.

Pons, J. La Révolution française et l'avènement de la bourgeoisie. P., 1938. 450p.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

См. также литературу к гл. XIII... Политические теории XVIII в.., с. 785.

Les déclarations françaises des droits de l'homme. Textes réunis et annot. par A. Aulard. P., 1928. 72 p.

Sieyès, E. J. Préliminaire de la constitution. Reconnaissance et exposition raisonnée des droits de l'homme et du citoyen. Lue les 20 et 21 juil. 1789 au Comité de constitution. P., s. a. 32 p.

Гурвич, Г. Руссо и декларация прав. Идея неотъемлемых прав индивида в политической доктрине Руссо. Пг., 1918. 100 с.

Радциг, Н. Декларация прав 1789 г. и ее источники. — *Журн. Мин. нар. просв.* 1914, ноябрь, отд. 2, с. 40—90.

Jellinek, G. Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte. 4. Aufl. in 3 Teilen. München — Lpz., 1927. VIII, 286 S. — Пер.: **Еллинек, Г.** Декларация прав человека и гражданина. Под ред. А. Э. Вормса. М., 1905. XIX, 81 с.

Marcaggi, V. Les origines de la déclaration des droits de l'homme de 1789. 2-e éd. P., 1912. VI, 251.

Rees, W. Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte von 1789. Beiträge zu ihrer Entstehungsgeschichte. Lpz., 1918. XIV, 271 S.

ДЕЯТЕЛИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Мемуары.., с. 738—740, и Деятели.., с. 749—750.

Бальи

Bailly, J. S. Mémoires... Avec une notice sur sa vie, des notes et des éclaircissements hist. par Berville et Barrière. T. 1—3. P., 1821—22. (Coll. des mém. rel. à la Rév. fr.)

Bailly, J. S. Correspondance de Bailly et de La Fayette (1789—1791) [publ. par P. Robiquet]. *Rév. franç.* 1890. t. 19. p. 52—76.

Барнав

Barnave, A. P. Oeuvres mises en ordre et publ. par M-me Saint-Germain, sa soeur, préc. d'une notice hist. sur Barnave par Béranger de la Drôme. T. 1—4. P., 1843.

Chevallier, J. J. Barnave ou les deux faces de la Révolution (1761—1793). Préf. de G. Hanotaux. P., 1936. 359 p.

Vermale, F. Barnave et les banquiers Laborde. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1937, p. 48—64.

См. также с. 790: **Попов-Ленский, Н. Л.** Антуан Барнав...

Лафайет

Charavay, E. Le général La Fayette 1757—1834. P., 1898. VIII, 654p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

См.также с. 739: **Lafayette, M. J.** Mèmoires; с. 758: **Guthling, W.** Lafayette...

Мирабо

Мирабо, Г. Г. Избранные речи. Пер. И. М. Биллика. К., 1906. 36 с.

Mirabeau, H. G. Oeuvres... Les écrits avec une introd. et des notes par L. Lumel. P., 1912. XV, 551 p.

Mirabeau, H. G. Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck pendant les années 1789, 1790 et 1791. Recueil., mise en ordre et publ. par A. Bacourt. T. 1—3. P., 1851.

Афанасьев, Г. Е. Мирабо. Публичные лекции. Одесса, 1901. 128 с.

Loménie, L. Les Mirabeau. T. 4—5. P., 1891.

Stern, A. Das Leben Mirabeaus. Bd 1—2. B., 1889. — Éd. fr. rev. par l'auteur: La vie de Mirabeau. T. 1—2. P., 1895—1896.

Мунье

Mounier, J. J. Considérations sur les gouvernements et principalement sur celui qui convient a la France. P., 1789.

Mounier, J. J. Exposition de la conduite de Mounier dans l'Assemblée nationale et des motifs de son retour en Dauphiné. P., 1789.

См. также с. 758: **Mounier. J. J.** Recherches...

Сиейес

Bastid, P. Sieyès et la pensée politique de la Révolution. — *Rév. franç.* 1939, p. 142—165.

Bigeon, A. Sieyès. L'homme. Le constituant... P., 1893. 245 p.

Koung, J. Théorie constitutionelle de Sieyès. Préf. de J. Barthélemy. P., 1934. X, 150 p.

Neton, A. Sieyès, 1748—1836, d'après des doc. inéd. P., 1900. 460 p.

См. также с. 753: **Sieyès, E. J.**

Талейран

Тарле, Е. В. Талейран. М., 1939. 207 с.

Lacour-Gayet, G. Talleyrand (1754—1838). T. 1, 4. P., 1934.

См. также с. 740: **Talleyrand, Ch. M.** Mémoires...

ДВИЖЕНИЕ 5—6 ОКТЯБРЯ

Mounier, J. J. Recherches sur les causes qui ont empêché les François de devenir libres, et sur les moyens qui leur restent pour acquerir la liberté. T. 1—2. Genève, 1792.

Chapuisat, E. Mounier, président de la Constituante et les journées des 5 et 6 octobre 1789. — *Rév. franç.*, 1934, p. 210—221.

Güthling, W. Lafayette und die Ueberführung Ludwigs XVI. von Versailles nach Paris. Halle, 1931. VI, 144 S.

Mathiez, A. Étude critique sur les journées du 5 et 6 octobre 1789. — *Rev. hist.* 1898, t. 67, p. 241—281; t. 68, p. 258—294; 1899, t. 69, p. 41—66.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Экономическая и социальная политика

L'Industrie sidérurgique en France au début de la Révolution. [Publ. par Bourgin, H. et Bourgin, G.] P., 1921. XXV, 557 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.)

L'Inflation. Discours prononcés en septembre 1790 à la tribune de l'Assemblée constituante par Mirabeau, La Galissonnière, Beaumetz, du Pont de Nemours, l'abbé Maury, Montesquiou, l'évêque d'Autun (Talleyrand) pour ou contre les assignats. P., 1926. VI, 208 p.

Procès-verbaux du Comité de finance de l'Assemblée Constituante, publ. par C. Bloch. T. 1—2. Rennes, 1922—1923. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.)

Procès-verbaux et rapports du Comité de mendicité de la Constituante, 1790—1791. Publ. et annot. par C. Bloch et A. Tuetey. P., 1911. LX, 847 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rev. fr.)

Виргинский, В. Из истории промышленной политики французской буржуазной революции. (Политика учредительного и Законодательного собрания в области металлургии.) — *Историк-марксист.* 1936, № 5, с. 84—107.

Дубнов, С. М. Эмансипация евреев во время Великой французской революции. 1789—1791. Вильна, 1906. 74 с.

Попов-Ленский, Н. Л. Интернационализм экономической школы. (Этюд по социальной философии XVIII в.) — *Учен. записки Инст. ист.* 1927, т. 2, с. 99—109. [Об отражении идей интернационализма в законодательстве Французской революции (декреты 22 мая 1790 г.)]

Bloch, C. L'assistance et l'état en France a la veille de la Révolution. (Généralités de Paris, Rouen, Alençon, Orleans, Chalons, Soisson, Amiens.) 1764—1790. P., 1908. LXIV, 504 p. [Livre III. Formation de la doctrine révolutionnaire de l'assistance.]

Braesch, F. Finances et monnaies révolutionnaires. (Recherches, études et documents.) Fasc. 1. Les exercices budgétaires 1790 et 1791 d'après les comptes du Tresor. Nancy, 1934. 125 p.

Letaconnoux, L. Le Comité des députés extraordinaires des manufactures et du commerce de France et l'oeuvre économique de l'Assemblée constituante (1789—1791). — *Annales rév.* 1913, p. 148—208.

Prentout, H. Les tableaux de 1790 en réponse à l'enquête du Comité de mendicité et leur utilité. — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1913, No 2, p. 275—289.

Sagnac, Ph. Les juifs et la Révolution française. — *Rev. d'hist. mod. et contemp.* 1899—1900, t. 1. p. 5—23, 209—234.

Schnerb, R. La péréquation fiscale de l'Assemblée constituante (1790—1791). Clermont-Ferrand, 1936. 114 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Comité dépt. du Puy de Dôme.)

Sée, H. Une enquête sur les forges de Bretagne a la fin de l'Ancien régime. — *Bull. d'hist. économ. de la Rév.* Année 1920—1921, p. 428—433. [Сведения, дополняющие публикацию: L'industrie sidérurgique en France... [Publ. par Bourgin, H. et Bourgin, G.] См. выше.]

Аграрная политика

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Аграрный вопрос, с. 743—744, и литературу к гл. II... Революция в провинции и «великий страх» имущих классов, с. 755—756.

Les comités des droits féodaux et de legislation et l'abolition du régime seigneurial (1789—1793). Doc. publ. par Ph. Sagnac et P. Caron. P., 1907. XLIV, 826 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.).

Le mouvement antiseigneurial de 1790 dans ie Sariadais et le Quercy. [Avec introd. par P. Caron]. *Bull. d'hist. écon de la] Rév.* Année 1912, No 2, p. 353—386.

Ковалевский, М. М. Вопрос о размерах крестьянской собственности до революции и о том, в чьи руки перешла масса конфискованных у церкви земель.— *Русская мысль*. 1896, № 8, с. 126—141.

Лучицкий, И. В. Вопрос о крестьянской поземельной собственности во Франции до революции и продаже национальных имуществ [кончая 1791 г.] К., 1894. 42 с.

Сказкин, С. Деревня и город в эпоху французской революции (1789—1791). (В кн.: Хрестоматия по социально-экономич. истории Европы в новое и новейшее время. Под ред. В. И. Волгина. М., 1929, с. 479—551).

Caillet, P. Spéculateurs et biens nationaux (1791). — *Rév. franç.* 1930, p. 193—202.

Delaby, R. Le rôle du comité d'aliénation dans la vente des biens nationaux d'après la correspondance inédite du constituant Camus avec le directoire du dépt de la Côte-d'Or (1790—91). Dijon, 1928. 286 p.

Dubreuil, L. Le paysan breton au XVIII-e siècle [1789—1791]. —*Rev. d'hist. écon. et soc.* 1924, p. 478—492.

Meynier, A. La terre et le paysan de la Révolution à l'Empire (1789—1815).— *Rév. franç.* 1936, p. 118—133. [I. La terre en 1789. II. Le paysan en 1789.]

Mourlot, F. La fin de l'Ancien régime et les débuts de la Révolution dans la généralité de Caen (1787—1790). P., 1913. 548 p.

Moynier de Villepoix. La correspondance d'un laboureur normand de 1788 à 1790. Amiens, 1908. 47 p.

Sée, H. Les troubles agraires en Haute Bretagne (1790—1791) I. Les troubles de 1790. — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1920—1921, p. 231—370.

Soulgé. Le régime féodal et la propriété paysanne. Essai d'introduction a la publication de terriers foréziens. P., 1923. 414 p.

См. также с. 751: **Wolters, F.** Studien über Agrarzustände...

Рабочая политика

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Положение рабочих, с. 743.

Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV-e—XVIII-e s. par R. Lespinasse. T. 1—3. P., 1886—1897. (Hist. gén. de Paris. Coll. de doc.)

Braesch, F. Essai de statistique de la population ouvrière de Paris vers 1791.— *Rév franç.* 1912, p. 289—321.

Forado-Cunéo, Y. Les ateliers de charité de Paris pendant la Révolution française (1789—1791). — *Rév. franç.* 1933, p. 317—342; 1934, p. 29—61, 103—123.

Jaffé, G. M. Le mouvement ouvrier à Paris pendant la Révolution française (1789—1791). P., 1924. 215 p.

Martin, Germain. Les associations ouvrières au XVIII-e s. (1700—1792). P., 1900. 277 p.

Martin-Saint-Léon, E. Histoire des corporations de métiers depuis leurs origines jusqu'à leur suppression en 1791 suivie d'une étude sur l'évolution de l'idée corporative de 1791 à nos jours... 3-e éd. rev., mise au courant et augm. P., 1922. XXVII, 876 p.

Riffaterre, C. Le sentiment du tiers état sur les corporations en 1789. — *Rév. franç.* 1929, p. 289—309.

Soreau, E. La loi de Chapelier.—*Annales hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 287—314.

Soreau, E. Ouvriers et paysans de 1789 à 1792. P., 1936. 398 p.

Tarlé, E. La classe ouvrière et le parti contre-révolutionnaire sous la Constituante. — *Rév. franç.* 1909, t. 57, p. 304—326, 384—404. [Работа является переводом гл. 6-й 1-й части кн.: **Тарле Е. В.** Рабочий класс во Франции в эпоху революции. Спб., 1909.]

Реорганизация судебной и административной системы

Assemblée électorale de Paris, 18 novembre 1790 — 15 juin 1791. Procès-verbaux de l'élection des juges, des administrateurs... du président du tribunal criminel et del'accusateur public. Publ... par E. Charavay. P., 1890. X, LVIII, 694 p. (Coll. des doc. rel. à l'hist. de la Rév. fr.)

Brette, A. Les limites et les divisions territoriales de la France en 1789. P., 1907. VII, 134 p.

Bournon, F. La création du dépt de Paris et son étendue (1789—1790). 22 p. (Extr. de la *Correspond. hist. et archéol.* Année 1897).

Carré, H. La fin des Parlements, 1788—1790. P., 1912. XXII, 382 p.

Champion, E. Provinces et départements.— *Rév. franç.*, 1913, p. 302—310.

КОНСТИТУЦИЯ 1791 г.

См. также: Декларация прав человека и гражданина, с. 758, и литературу к гл. XIII... Политические теории XVIII в..., с. 785.

Робеспьер, М. Всеобщая подача голосов. Пер. Р. Маркович. Спб., 1905, 30 с. [Речь, произнесенная в Национальном собрании 22 октября 1789 г.]

La constitution française proclamée le 18 Septembre 1791 et les jours suivants. Avec un récit de ce qui s'est passé à l'occasion de cet acte solennel. Réimprimé à Strasbourg, s. a. 146 p.

Кареев, Н. Происхождение современного народно-правового государства. Истор. очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. Спб., 1908. X, 496 с.

Трайнин, И. Конституции Франции. — *Борьба классов*. 1936, № 10, с. 22—35.

Deslandres, M. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à 1870. T. 1. De la fin de l'ancien régime à la chute de l'empire (1780—1815). P., 1932, [1933]. 794 p.

Duclos, P. La notion de constitution dans l'oeuvre de l'Assemblée constituante de 1789. P., 1932. 349 p.

Zujovic, M. L'influence du facteur économique dans les travaux constitutionnels de la Révolution. P., 1924. 204 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ (ОСЕНЬ 1789 г. — ЛЕТО 1791 г.)

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Социальные и политические идеи. Партии. Клубы. Пресса, с. 744—745.

Зарудский, Б. Парижский клуб якобинцев в первые годы его существования до раскола 16 июля 1791 г. [включительно]. — *Киевские унив. изв.* 1915, № 1, с 1—70.

Fribourg, A. Le club des Jacobins en 1790 d'après de nouveaux documents. P., 1910. 148 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Lemoine, H. L'origine du club des Jacobins d'après un document nouveau. — *Rév. franç.* 1934, p. 17—28.

Stern, A. Le club des patriotes suisses à Paris, 1790—1792. — *Rev. hist.* 1889, t. 39, p. 282—322.

Народные общества

См. литературу к гл. VIII... Народные общества на местах, с. 777.

АРМИЯ (1789—1791 гг.)

См. также литературу к гл. VIII... Реорганизация армии, с. 777—778.

Буковецкая, М. Разложение королевской армии в первые годы Великой французской революции. — *Анналы* 1924, № 4, с. 93—116.

Евстафіев, В. М. Ополченська повинність французького селянства напередодні Великої французької революції за наказами Етампського бальяжу. — *Записки Дніпропетр. інст. нар. освіти*. 1927, т. 1. с. 297—317.

Babeau, A. La vie militaire sous l'Ancien régime. T. 1—2. P., 1889—1890.

Chilly, L. Le premier ministre constitutionnel de la guerre; La Tour du Pin. (Les origines de l'armée nouvelle sous la Constituante.) P., 1909. II, 377 p.

Hartmann, L. Les officiers de l'armée royale et la Révolution. P., 1910. IV, 540 p.

Latreille, A. L'armée et la nation à la fin de l'Ancien régime. T. 1. Les derniers ministres de la guerre de la monarchie. P., 1914. XVI, 460 p. (L'oeuvre militaire de la Rév. Publ. sous la dir. de la Section hist. de l'état-major de l'armée.)

Leverrier, J. La naissance de l'armée nationale, 1789—1794. P., 1939. 199 p.

Poisson, C. L'armée et la garde nationale (1789—1792). P., 1858. 549 p.

Six, G. Fallait-il quatre quartiers de noblesse pour être officier à la fin de l'Ancien régime? — *Rev. d'hist. mod.* 1929, p. 47—56.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

Bord, G. Projet d'union des emigrés réunis à Coblentz en 1791. [Doc.] — *Rev. de la Rev.* 1886, t. 8, p 33—39, 75—82.

Calonne. Les papiers de Calonne. Doc. pour servir à l'hist. de la contre-révolution. 1-re sér. Les finances des princes en 1790, 1791, 1792. Publ. par Ch. Parrel. Cavaillon, 1932. XVI, 253 p.

Correspondance du marquis et de la marquise de Raigecourt avec le marquis et la marquise de Bombelles pendant l'émigration (1790—1800), publ. par Max. La Rocheterie. P., 1892. 446 p.

Correspondance intime du comte de Vaudreuil et du comte d'Artois pendant l'émigration (1789—1815), publ. avec introd., notes et append. par L. Pingaud. T. 1—2. P., 1889.

Découverte de la conspiration de Favras. [Doc.] — *Rev. de la Rév.* 1885, t. 6, p. 90—93.

Saint-Priest, F. E. Mémoires. T. 2. La Révolution et l'émigration, publ. par Barante. P., 1929. 244 p.

Sénac de Meilhan, G. L'émigré. T. 1—2. Brunsvick, 1797.

Вайнштейн, О. Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой французской революции (1789—1796). (По материалам Воронцовской б-ки.) Под ред. и с предисл. А. Васютинского. X, 1924. 127 с.

Arnaud-Bouteloup, J. Le rôle politique de Marie-Antoinette. P., 1924. V, 376 p.

Avenel, G. La vraie Marie-Antoinette, d'après la correspondance secrète. 2-e éd. P., 1876. 117 p. [Réimpr. de l'étude consacrée à la correspondance secrète de Mercy-Argenteau avec Marie-Thérèse et formant le ch. XXV des Lundis révolutionnaires d'Avenel, 1845.]

Barruel, J. La contre-révolution en Provence et dans le comtat Venaissin, d'après des doc. inéd. Cavaillon (Vaucluse), 1928. 320 p.

Belloc, H. Marie-Antoinette. 5th ed. L., 1923. 446 p.
Berger, E. Le vicomte de Mirabeau (Mirabeau-Tonneau), 1753—1792. P., 1904. 394 p.
Braesch, F. Un faux historique: prétendue lettre du comte de Provence à Favras.— *Rev. franç.* 1919, t. 72, p. 201—220.
Cabanès, A. Les Condé. T. 1—2. P., 1932—1933.
Chassagne, H. Coblence 1789—1792. Des français au service de l'étranger. P., 1939. 228 p.
Daudet, E. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française d'après les précédentes publ. de l'auteur et de nouv. doc. inédits. T. 1. De la prise de la Bastille au 18 fructidor. 2-e éd. P., 1905. VIII, 406 p.
Gounard, R. Essai sur l'histoire de l'émigration. P., 1928. 368 p.
La Rocheterie, M. Histoire de Marie-Antoinette. P., 1890.
Madelin, L. Le crépuscule de la monarchie, Louis XVI et Marie-Antoinette. P., 1936. 330 p.
Mathiez, A. Les banquiers et la politique a la fin de 1791. — *Annales hist. de la Rev. fr.* 1929, p. 398—399.
Pingaud, L. Un agent secret sous la Révolution et l'Empire. Le comte d'Antraigues. P., 1893. 432 p.
Turquan, J. et **Ariac, J.** Monsieur le comte d'Artois. P., 1928 [1929]. 315 p.
Vaissière, P. À Coblence ou les émigrés français dans les pays rhénans de 1789 à 1792. P., 1924. XII, 215 p.
Vingtrinier, E. La contre-révolution. Première période: 1789—1791. T. 1—2. P., 1924—1925.

БЕГСТВО В ВАРЕНН. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Екатерина II, имп. Письмо императрицы к Сенаку де Мельяну, 29 июня 1791 г. (В кн.: **Екатерина II,** имп. Соч., т. 11, с. 589.)
Оболенский, М. Баронесса Корф и ее содействие побегу Людовика XVI из Парижа в 1791 г. — *Русск. архив.* 1866, вып. 6, стлб. 800—816. [Документы.]
Сенак де Мельян, Г. Письма к имп. Екатерине II. (В кн.: **Екатерина II,** имп. Соч., т. 11, с. 589—593, 614—617). [Письма: от 29/VI 1791 г. и без даты.]
Bimbinet, E. Relation fidèle de la fuite du roi Louis XVI et de sa famille à Varennes, extraits des pièces judiciaires et administratives, etc. P., 1844. 305 p. [2-e éd. sous le titre: Fuite de Louis XVI à Varennes... P., 1868. Дополнено документальными материалами.]
Bouillé, F. C. Mémoires du marquis de Bouillé... avec une notice sur sa vie, des notes et des éclaircissements hist. par Berville et Barrière. 2-e éd. P., 1822. XX, 440 p. (Coll. des mém. rel. à la Rév. fr.).
Chobaut, H. La pétition du club de Montpellier en faveur de la République (28 juin 1791). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1927, p. 547—563.
Goguelat, F. Mémoire... sur les événements relatifs au voyage de Louis XVI à Varennes.., P., 1823. II, 84 p. (Coll. des mém. rel. à la Rév. fr.)
Молок, А. Борьба за свержение монархии во Франции. — *Ист. журн.* 1939, № 7, с. 1—12.
Оболенский, М. А. Сенак де Мельян, франц. эмигрант XVIII в. и его отношения к России. — *Русск. архив,* 1866, вып. 3, стлб. 421—459.
Dreyfus, J. Le manifeste royal du 20 juin 1791. — *Rév. franç.* 1908, t. 54, p. 5—22.
Fournel, V. L'événement de Varenne. P., 1890. 404 p.
Mathiez, A. Le club des Cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre du champ de Mars. Doc. en grande partie inéd. Publ. avec des éclaircissements, des notes... P., 1910. IV, 392 p. —Suppl. P., 1913. 65 p.
Michon, G. Essai sur l'histoire du parti feuillant: Adrien Duport. Correspondance inéd. de Barnave en 1792. P., 1924. XXVIII. 526 p. [Correspondance de Barnave: tirage à part. P., 1924, 64 p.]
Sagnac, Ph. L'état des esprits en France à l'époque de la fuite à Varennes. — *Rev. d'hist. mod. et contemp.* 1909, t. 12, p. 149—175.
Söderhjelm, A. Fersen et Marie-Antoinette. P., 1930. 390 p.
Söderhjelm, A. Marie-Antoinette et Barnave. Correspondance secrète (VII.1791—I.1792). 4-e éd. complète établie d'après les originaux. P., 1934. IX, 257 p.
См. также с. 760: **Зарудский, Б.** Парижский клуб якобинцев в первые годы его существования. — Гл. III: Парижский якобинский клуб в июне и июле 1791 г.

К главе IV

РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПА

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». —Соч., т. XV, с. 148.
Маркс, К. Письмо Энгельсу от 2 декабря 1856 г. (В кн.: **Маркс, К.** и **Энгельс, Ф.** Письма... Изд. 4-е, М.-Л., 1932, с. 100—101.)
Энгельс, Ф. Гражданская война в Швейцарии. — Соч., т. V, с. 231—232.
Энгельс, Ф. Внешняя политика русского царизма. — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 10, 14—16.

Энгельс, Ф. Письмо Марксу от 30 ноября 1882 г. — Соч., т. XXIV, с. 595.
Энгельс, Ф. Положение Германии. Письмо первое. — Соч., т. V, с. 4—8.
Энгельс, Ф. Роль насилия в истории. — Соч., т. XVI, ч. 1, с. 488—489.
Энгельс, Ф. Эмигрантская литература.— Соч., т. XV, с. 219.
Ленин, В. И. Война и революция. — Соч., т. XXX, с. 333—335.
Ленин, В. И. Доклад об объединительном съезде. РС-ДРП. — Соч., т. IX, с. 190.
Ленин, В. И. Объединительный съезд РС-ДРП. — Соч., т. IX, с. 150.
Сталин, И., Киров, С., Жданов, А. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР (В кн.: К изучению истории. [М.], 1938, с. 22.)

БЕЛЬГИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789—1790 гг.

Hubert, E. Correspondance des ministres de France accrédités à Bruxelles de 1780 à 1790. T. 1—2. Bruxelles, 1920—1924.
Mathiez, A. Vonck et Proli. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1925, p. 58—66.
Pirenne, H. Histoire de la Belgique. T. 5. Bruxelles. 1920. XIII, 584 p.
Tassier, S. Les démocrates belges de 1789. Étude sur le Vonckisme et la Révolution brabançonne. Bruxelles, 1930. 479 p.
Villermont, Ch. La cour de Vienne et Bruxelles au XVIII-e s. Le comte Cobenzl, ministre plénipotentiaire au Pays-Bas. Lille-P.-Bruges, 1925.

См. также с. 751: **Митрофанов. П. П.** Политическая деятельность Иосифа II...

КОНФЛИКТ С ИМПЕРСКИМИ КНЯЗЬЯМИ ПО ВОПРОСУ ОБ ЭЛЬЗАСЕ

См. также литературу к гл. VI... Присоединение Рейнской области.., с 767—768.

Lüdtke, W. Preussen und die elsässische Frage in den Jahren 1789 bis 1791. B., 1931. 64 S.
Ludwig, Th. Die deutschen Reichsstände im Elsass und der Ausbruch der Revolutionskriege. Strassburg, 1898. XI, 216 S.
Muret, P. L'affaire des princes possessionnés d'Alsace et les origines du conflit entre la Révolution et l'Empire. — *Rev. d'hist. mod. et contemp.* 1899—1900, p. 433—456, 566—592.
Ramon, G. G. Frédéric de Dietrich, premier maire de Strasbourg sous la Révolution française. Pref. de R. Reuss... Nancy-P., 1919. XXIV, 358 p.
Reuss, R. L'Alsace pendant la Révolution française. T. 1—2. P., 1881—1895.

НАЧАЛО БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Международные отношения, с. 746—748, и литературу к Введению... Международные противоречия к 1789 г., с. 751—752.

Национально-революционное движение в Польше. Конституция 3 мая 1791 г.

Екатерина II, имп. Рескрипты имп. Екатерины II кн. Потемкину (от 16/V 1791 г. и от 18/VII 1791 г.). С предисл. Е. А. Белова. — *Русск. архив.* 1874, вып. 8, стлб. 226—289. [Касаются польских дел.]
Лещинский. Голос Лещинского, земского посла воеводства Иновроцлавского на заседании сеймовом 1-го апреля 1791 г. — *Чтения в имп. О-ве ист. и древн. рос.* 1865, кн. 2, отд. V, с. 29—36.
Письмо поляков к имп. Екатерине II о вмешательстве в дела Речи Посполитой после 3 мая 1791 г. — *Чтения в имп. О-ве ист. и древн. росс.* 1865, кн. 2, отд. V, с. 44—48.
Ржевуский, С. Письмо Северина Ржевуского, гетмана Польного Коронного, к королю Польскому о 3 мая 1791 г.— *Чтения в имп. О-ве ист. и древн. росс.* 1865, кн. 2, отд. V, с. 49—55.
Содержание доклада, поданного Сейму от депутации, назначенной допрашивать обвиняемых в бунтах в заседании 26 марта 1790 г. Издано по повелению депутации иностранных дел. С предисл. О. М. Бодянского. — *Чтения в имп. О-ве ист. и древ. росс.* 1865, кн. 2, отд. V, с. I—X, 1—28.
Lutostanski, K. Les partages de la Pologne et la lutte pour l'indépendance. Lausanne, 1918. XIX, 712, XLIX p. (Recueil des actes diplomat., traités et doc. concern. la Pologne, t. 1.)
Oginski, M. C. Mémoires sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815 (Publ. par L. Chodzko) T. 1—4. P., 1826—1827.
Poniatowsky, K. J. Korespondencja Księcia Józefa Poniatowskiego z Francją. T. 1—5. Poznań, 1929.
Кареев, Н. Исторический очерк Польского сейма. М., 1888. 162 с. (Очерки из ист. европ. народов. III.)
Кареев, Н. Польские реформы в XVIII в. Спб. 1890. 184 с. (Очерки из ист. европ. народов. V).
Мархлевский, Ю. Сочинения. Т. 6. Очерки истории Польши. М.—Л., 1931. 320 с. [См. гл.: Исторические причины обнищания сельского населения Польши, с. 103—111; Конституция 3 мая 1791 г.; Первое и третье мая, с. 131-163.]
Askenazy, S. Przymierze Polsko-pruskie (1790 roku). Warszawa, 1919. 306 s.

Grossbart, J. La politique polonaise de la Révolution française jusqu'aux traités de Bâle. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1929, p. 34—55, 242—255, 476—485; 1930, p. 129—184.

Handelsman, M. La Constitution polonaise du 3 mai 1791 et l'opinion française. — *Rév. franç.* 1910, t. 68, p. 411—434.

Политика Екатерины II в первые годы французской революции

Воронцов, С. Р. Из писем гр. С. Р. Воронцова к С. А. Колычеву (1791—1796). Сообщ. М. Л. Боде-Колычев. — *Русск. архив.* 1876, кн. 3, вып. 10, с. 162—166.

Грибовский, А. М. Записки о имп. Екатерине Великой... Изд. 2-е с доп. М., 1864. 100 с.

Екатерина II и Густав III. Из эпохи Шведской войны 1788—1790 гг. Сообщ. Н. К. Шильдер. *Русск. старина.* 1876, т. 17, с. 427—436.

Екатерина II, имп. Письма к гр. Стакельбергу 1773—1793. Сообщ. О. О. Стакельберги Э. К. Гуттен-Чапский. — *Русск. старина.* 1871, т. 3, с. 310—325, 474—484, 605—627, 689—699.

Екатерина II, имп. Письма и рескрипты гр. И. П. Салтыкову. — *Русск. архив.* 1892, кн. 3, с. 68—94.

Из международных отношений в первые годы Французской революции (1789—1790 гг.). [Сост. Э. Б. Гвиниевой при уч. А. И. Могилевкиной.] Вводн. ст. Р. Авербух. — *Красн. архив.* 1939, № 4 (95), с. 103—136. [Публикуемые документы хранятся в ГАФКЭ.]

Потемкин-Таврический, Г. А. Выписка из отзыва кн. Потемкина на известное письмо Екатерины II 1789 г. — *Записки Одесс. о-ва ист. и древн.* 1872, т. 8, с. 209.

Союзный договор между ее велич. императрицею Всерос. и королем Шведским, заключенный в Дротнингольме 8/19 окт. 1791 г. и ратификованный 10 нояб. 1791 г. Спб., б. г. 20 с.

Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И. М. Симолина. Публикация Е. Александровой. (В кн.: Литературное наследство, 29—30. М., 1937, с. 343—538). [Донесения И. М. Симолина за 1789, 1790, 1791 и 1792 гг.]

Царизм и буржуазная революция во Франции конца XVIII в. Т. I. Международные отнош. накануне и в первый год Французской революции (1789—1790). Документы из архивов Союза ССР. Сост. и обраб. Р. А. Авербух при уч. Э. Б. Гвиниевой. Ред. колл.: Е. В. Тарле, А. В. Ефимов, В. М. Хвостов, Ф. О. Нотович. М., 1941. (Ин-т Истории АН СССР.)

Briefwechsel zwischen Heinrich Prinz von Preussen und Katharina II. von Russland. 1903. 178 S.

Joseph II. und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Hrsg. von A. Arneth. Wien, 1869. XXXIV, 393 S.

Leopold II., Franz II. und Catharina. Ihre Correspondenz nebst einer Einleitung. Zur Geschichte der Politik Leopolds II. Hrsg. von A. Beer. Lpz., 1874. 259 S.

La Révolution française vue par les agents diplomatiques russes. Extraits de doc. presentés par E. Gvinieva. Introd. par R. Averboukh. — *Litt. intern.* 1939, № 6, p. 66—77.

Авербух, Р. Политика европейских держав в 1787—1791 годах. — *Историк-марксист.* 1939, кн. 3, с. 93—108.

Безобразов, П. В. О сношениях России с Францией. М., 1882. 465 с.

Брикнер, А. Война России с Швецией в 1788—1790 гг. Спб., 1869. 299 с. Извлеч. из *Журн. Мин. нар. просв.*

Грот, Я. К. Екатерина II и Густав III. Спб., 1877. 115 с. Прил. к 3-му т. *Зап. имп. Акад. Наук,* № 6.

Толстой, Д. А. Верельский мирный договор с Швецией 1790 г. С прил. писем Екатерины II, Густава III, гр. Безбородко, гр. Остермана, бар. Игельстрома и записок Эренстрема. — *Русск. архив.* 1887, кн. 3, с. 457—520.

Larivière, Ch. Catherine II et la Révolution française d'après de nouveaux documents. Préf. de A. Rambaud. P., 1895. XXXIII, 396 p.

Meisner, H. O. Preussens politische Stellung zwischen Frankreich und Russland bis sum Zwangsbündnis mit Napoleon I. — *Preuss. Jahrbücher.* 1920, Bd 182, S. 1—29.

Rambaud, A. Un homme d'état russe pendant la Révolution française. Semen Voronzof, ambassadeur de Russie à Londres, d'après sa correspondance. — *Revue Bleue.* 1879, t. 23, p. 669—677.

К главе V

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ВРЕМЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 10 АВГУСТА

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. Гражданская война во Франции. — Избр. произв. в 2 т., т. II, с. 377.

Маркс, К. Коммунизм «Рейнского обозревателя». — Соч., т. V, с. 176.

Энгельс, Ф. Внешняя политика Германии. — Соч., т. VI, с. 237.

Энгельс, Ф. Роль насилия в истории. — Соч., т. XVI, ч. 1, с. 488—490.

Ленин, В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов.— Соч., т. XI, с. 419.

Ленин, В. И. Война и революция. — Соч., т. XXX, с. 333—335.

Ленин, В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Соч., т. XXI, с. 173—174, 190.

Ленин, В. И. К чему ведут контрреволюционные шаги Временного правительства. — Соч., т. XX, с. 315.

Ленин, В. И. Конференция заграничных секций РС-ДРП. — Соч., т. XVIII, с. 127.

Ленин, В. И. О брошюре Юниуса. — Соч., т. XIX, с. 181.

Ленин, В. И. Оппортунизм и крах II Интернационала. — Соч., т. XVIII, с. 340.

Ленин, В. И. Первоначальный проект резолюций X съезда РКП. О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии. — Соч., т. XXVI, с. 264.

Ленин, В. И. Реформизм в русской социал-демократии.—Соч., т. XV, с. 211.

Ленин, В. И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. — Соч., т. XXVI, с. 292—293.

Ленин, В. И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. — Соч., т. XXIV, с. 293.

Ленин, В. И. Социализм и война. — Соч., т. XVIII, с. 193—194.

Сталин, И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 609, 612.)

Сталин, И. В. О войне. (В кн.: На путях к Октябрю. 2 изд. Л., 1935, с. 3.)

Сталин, И. В. Об основах ленинизма. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 37, 41—42.)

Сталин, И. В. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях. (В кн.: Об Октябрьской революции. [М.], 1932, с. 50.)

ВЫБОРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Мемуары.., с. 738—740; Деятели... с. 749—750, и литературу к гл. III... Деятели Учредительного собрания, с. 757—758.

Assemblée électorale de Paris 26 août 1791—12 août 1792. Procès-verbaux de l'élection des députés à l'Assemblée législative, des hauts jurés, des administrateurs, du procureur général syndic... Publ. d'après les originaux des Arch. nation. avec des notes hist. et biogr. par. E. Charavay. P., 1894. LX, 628 p. (Coll. de doc. rel. à l'hist. de Paris pendant la Rév. fr.)

Correspondance du ministre de l'Intérieur relative au commerce, aux subsistances et à l'administration générale (16 avril — 14 oct. 1792), publ. et annot. par A. Tuetey. P., 1917. XVII, 760 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.)

Procès-verbal de l'Assemblée nationale [législative] imprimé par son ordre... et suivi d'une table des matières. T. 1—16. P., 1791—1792.

Table des matières, des noms de lieux et des noms de personnes contenus dans les procès-verbaux des séances de l'Assemblée nationale, depuis le 1-r oct. 1791 jusqu'au 24 sept. 1792, réd. par Camus. T. 1—2. P., an XIV

Braesch, F. Procès-verbaux de l'Assemblée générale de la Section des Postes. (4 déc. 1790 — 5 sept. 1792). (Thèse.) P., 1911. XIII, 279 p.

Ellery, E. Brissot de Warville. A study in the history of the French revolution. Boston — N. Y., 1915. XX, 528 p.

Gomel, Ch. Histoire financière de la Législative et de la Convention. T. 1. 1791 —1793. P., 1902. XXXV, 517 p.

Крестьянское движение и Законодательное собрание

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду.. Аграрный вопрос, с. 743—744, и литературу к гл. III... Деятельность Учредительного собрания. Аграрная политика, с. 758

Les comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial (1789—1793). Doc. publ. par Ph. Sagnac et P. Caron. P., 1907. XLIV, 826 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de la Rév. fr.)

Richard, A. Les troubles agraires des Landes en 1791 et 1792. — *Ann. hist. de la Rév. fr.* 1927, p. 564—577.

См. также с. 759: **Soreau, E.** Ouvriers et paysans...

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

См. также литературу к гл. III... Контрреволюция и эмиграция, с. 760—761.

Négociations secrètes de Louis XVI et du baron de Breteuil avec la cour de Berlin (déc. 1791—juil. 1792). Lettres et doc. auth., publ. par J. Flammermont. P., 1885. 32 p.

Charpenne, P. Les grands épisodes de la Révolution dans l'Avignon et le Comtat. T. 1—4. Avignon, 1902.

Dubois, G. Les intrigues contre-révolutionnaires à Rouen de juin à août 1792 et le projet d'évasion de Louis XVI. — *Annales hist. de la Rév. franç.* 1937, p. 481—517.

Kerschaw, R. N. L'esprit public dans l'Ouest (20 juin — août 1792). — *Annales hist. de la Rév. franç.* 1925, p. 345—364, 438—462.

БОРЬБА ПАРТИЙ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ВОЙНЕ. НАЧАЛО ВОЙНЫ

См. также литературу к гл. IV... Конфликт с имперскими князьями по вопросу об Эльзасе, с. 762.

Екатерина II, имп. Записка о мерах к восстановлению во Франции королевского правительства. Сообщ. В. И. Ламанский. — *Русск. архив.* 1866, вып. 3, стлб. 399—422.

Екатерина II, имп. Переписка с братьями Людовика XVI. — *Русск. архив.* 1890, кн. 2, с. 7—14.

Из воспоминаний графа Валентина Эстергази. — *Русск. старина.* 1906, дек., с. 614—651. [Период 1770—1796.]

Le comte de Mercy-Argenteau et Blumendorf. Dépêches inéd. tirées des archives impériales de Vienne. 5 janvier — 23 sept. 1792. Publ. par E. Hubert. Bruxelles, 1919. 219 p. (Académie royale de Belgique... Mémoires. Sér. 2, t. 7, fasc. 1.)

Joseph II., Leopold II. und Kaunitz. Ihr Briefwechsel. Hrsg. von A. Beer. Wien, 1873. XXV, 533 S.

Joseph II. und Graf Ludwig Cobenzl. Ihr Briefwechsel. Bd 1—2. Wien, 1910. (K. Akad. der Wissenschaften. Fontes Rerum Austriacarum. 2. Abt. Bd 53, 54).

Kaunitz, P., Cobenzl und Spielmann. Ihr Briefwechsel. 1779—1792. Wien, 1899. 97 S.

Marie-Antoinette, Joseph II. und Leopold II. Ihr Briefwechsel [von Juli 1775 bis Juli 1792]. Hrsg. von A. Arneth. Lpz.-Wien, 1866. XII, 300 S.

Богданович, Т. Французская эмиграция, вопрос об интервенции, империя, июльская революция в свидетельствах русского вельможи. (Из неизданных бумаг В. Кочубея.) — *Анналы.* 1924, № 4, с. 117—138. [Стр. 117—122: письмо В. Кочубея, повидимому, С. Р. Воронцову с отрицательной оценкой контрреволюционных планов французской эмиграции.]

Митрофанов, П. П. Леопольд II австрийский и Кауниц. (В кн.: Н. И. Кареев... Спб., 1914, с. 1—12.)

Митрофанов, П. П. Леопольд II австрийский. Внешняя политика. Т. 1, ч. 1. Пг., 1916. 461 с.

Митрофанов, П. П. Маркиз Эммануил де Ноайль — французский посол при Венском дворе (1789—1792). — *Журн. Мин. нар. просв.* 1910, ч. 29, окт., отд. 2, с. 251—271.

Clapham, J. The causes of the war of 1792. Cambridge, 1899. X, 260 p.

Cruwell, C. A. Die Beziehungen König Gustavs III. von Schweden zur Königin Marie-Antoinette von Frankreich. B., 1897. V, 107 S.

Eude, M. La diffusion du manifeste de Brunswick. — *Ann. hist. de la Rév. fr.* 1937, p. 460.

Geffroy, A. Gustave III et la cour de France, suivi d'une étude critique sur Marie-Antoinette et Louis XVI, apocryphes. T. 1—2. P., 1867.

Glagau, H. Die französische Legislative und der Ursprung der Revolutionskriege, 1791—1792. Mit einem Anh. politischer Briefe aus dem Wiener k. k. Haus-, Hof- und Staatsarch. B., 1896. XIII, 368 S. (Hist. Studien, H. 1.)

Goetz-Bernstein, H. A. La diplomatie de la Gironde, J. P. Brissot. P., 1912. XX, 450 p. [Publ. également sous le titre: La politique exterieure de Brissot et des girondins. Thèse]

Küntzel, G. Fürst Kaunitz-Rittberg als Staatsmann. Frankfurt a. M., 1923. IV, 116 S.

Michon, G. Robespierre et la guerre révolutionnaire, 1791—1792. P., 1937. 138 p.

Ranke, L. Ursprung und Beginn der Revolutionskriege 1791 und 1792. Lpz., 1873. X, 379 S. [Auch: **Ranke, L.** Sämtliche Werke, Bd 45.]

РЕВОЛЮЦИЯ 10 АВГУСТА 1792 г. ОБРАЗОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ КОММУНЫ

Chaumette, P. G. Mémoires sur la Révolution du 10 août 1792. Avec une introd. et des notes par A. Aulard. P., 1893. XVI, 71 p. — Пер.: **Шометт, А.** 1792 год. Мемуары... Ред. и предисл. И. Хераскова. — *Голос минувшего.* 1917, № 11—12, с. 80—141.

Aulard, A. Danton et la Révolution du 10 août 1792. (In: **Aulard, A.** Études et leçons, 4-e sér. P., 1908, p. 194—226).

Braesch, E. La commune du 10 août 1792, étude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792. P., 1911. 236 p.

Caron, P. La Convention a-t-elle flétri Danton le 11 vendémiaire, an IV. — *Rev. franç.* 1932, p. 50—60. [О роли Дантона в освобождении финансиста Guillaume'a, арестованного в связи с событиями 10 авг. 1792 г.]

Caron, P. Danton et Guillaume. — *Rev. franç.* 1929, p. 269—273.

Caron, P. Une pétition tyrannicide (août 1792). — *Rév. franç.* 1929, p. 133—143.

Mathiez, A. Le dix août. P., 1931. 127 p.

Mathiez, A. Les girondins et la cour à la veille du 10 août (d'après des doc. inéd.). — *Ann. hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 193—212.

Sagnac, Ph. La Révolution du 10 août 1792. La chute de la royauté. P., 1909. IV, 334 p.

Walter, G. Marat à la veille du 10 août. — *Ann. hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 418—430.

См. также с. 766: **Lacombe, P.** La première Commune révolutionnaire...

К главе VI

РЕЗУЛЬТАТЫ КРУШЕНИЯ МОНАРХИИ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Манифест коммунистической партии. (В кн.: **Маркс, К.**— Избр. произв. в 2 т., т. I, с. 160—161.)

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Немецкая идеология. — Соч. т. IV, 1938. с. 174—176.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Революция и контрреволюция в Германии. (В кн.: **Маркс, К.** Избран. произв. в 2 т., т. II, с. 110—111.)

Маркс, К. Борьба якобинцев с жирондистами. — Соч., т. III, с. 601—611.

Маркс, К. Капитал, т. I. — Соч., т. XVII, с. 677, прим. 75; с. 831, прим. 248.

Маркс, К. Письмо к Руге, март 1843 г.— Соч., т. I, с. 335.

Маркс, К. Философский манифест исторической школы права.—Соч., т. I, 1938, с. 198.

Маркс, К. Экономич. кризис в Европе.— Соч., т. XI, ч. 1, с. 60.

Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 290—291.

Энгельс, Ф. Марка. — Соч., т. XV, с. 643.

Энгельс, Ф. Маркс и «Новая Рейнская газета» (1848—1849). М., 1933, 14 с. [См. с. 7.]

Энгельс, Ф. Положение Германии. Письмо первое. — Соч., т. V, с. 4, 7—10.

Энгельс, Ф. Положение Германии. Письмо второе. — Соч., т. V, с. 17.

Энгельс, Ф. Роль насилия в истории.— Соч., т. XVI, ч. 1, с. 488—490.

Энгельс, Ф. Савойя, Ницца и Рейн. — Соч., т. XII, ч. 1, с. 233—235.

Ленин, В. И. Конференция заграничных секций РС-ДРП.—Соч., т. XVIII, с. 127.

Ленин, В. И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию.—Соч., т. XXIV, с. 304.

Сталин, И. В. О войне. (В кн.: На путях к Октябрю. 2 изд. Л., 1935, с. 3).

Сталин, И. В. Об основах ленинизма (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е с. 41—42.)

Сталин, И. В. Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии. (В кн.: **Берия, Л.** К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. М., 1938, с. 95.)

БЛИЖАЙШИЕ СЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ 10 АВГУСТА 1792 г.

Les commissaires de la Législative et du Conseil exécutif en août et sept. 1792. [Doc. publ. par P. Caron.] P., 1913. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Mautouchet, P. Le gouvernement révolutionnaire (10 août 1792 — 4 brumaire an IV). P., 1912. 406 p. (Coll. de textes...)[Introd., p. 1—139.]

Procès-verbaux de la Commune de Paris (10 août 1792 — 1-r juin 1793). Extr. en partie inéd., publ. d'après un ms. des Arch. nation. par M. Tourneux. P., 1894. 203 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

La proclamation du Conseil exécutif du 26 août 1792 [publ. par A. Mathiez). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 533—535.

Aulard, A. Les premiers actes diplomatiques du Conseil exécutif provisoire (août 1792). La correspondance d'Angleterre. — *Rév. franç.* 1887, p. 635—657.

Estrée, P. Le père Duchesne d'Hébert et la Commune de Paris (1792—1794), d'après les publ. récentes et de doc. inéd. P., 1908. 505 p.

Lacombe, P. La première Commune révolutionnaire de Paris et les Assemblées nationales. P., 1911. XIII, 389 p.

Mathiez, A. Le lendemain du 10 août. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1934, p. 385—402. [Внешняя политика революционного правительства, авг.—сент. 1792 г.].

Сентябрьские дни

Une relation inédite du massacre des prisonniers d'Orléans a Versailles, les 9 et 10 septembre 1792, [publ. par A. Mathiez]. — *Annales rév.* 1916, p. 273—283.

Caron, P. Les massacres de septembre. P., 1935. XLIX, 559 p.

Scheiber, E. Die Septembermorde und Danton. Ein Beitrag zur Geschichte der Französischen Revolution. Lpz., 1912. 80 S. (Lpz. Hist. Abhandl. Hrsg. von Brandenburg... H. 27.)

ВТОРЖЕНИЕ ПРУССКОЙ АРМИИ ВО ФРАНЦИЮ. ПОБЕДА ФРАНЦУЗОВ ПРИ ВАЛЬМИ. ОККУПАЦИЯ БЕЛЬГИИ АРМИЕЙ ДЮМУРЬЕ

Les craintes de Dumouriez après Valmy. [Lettre du 21 sept. 1792 à Kellermann; résumé et extrait]. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1924, p. 73—74.

Dumouriez, Ch. F. Correspondance... avec Pache, ministre de la guerre, pendant la campagne de la Belgique en 1792 (20 oct. — 21 déc.). P., 1793. VII, 274 p.

Dumouriez, Ch. F. La vie et les mémoires du général Dumouriez, avec des notes et des éclaircissements par Berville et Barrière. T. 1—4. P., 1822—1823. (Coll. des mém. rel. à la Rév. fr.)

L'invasion française en Belgique (1792—1794) et la correspondance du comte de Mercy-Argenteau avec le comte Starhemberg. — *Rev. de la Rev.* 1885, p. 321—334, 436—440; 1886, p. 62, 76, 112—124, 179—191, 266—279.

Maury, J. S. Correspondance diplomatique et mémoires inédits du cardinal Maury (1792—1817), annot. et publ. par Ricard. T. 1—2. Lille, 1891.

Talleyrand, Ch. M. Correspondance diplomatique... La mission de Talleyrand à Londres à 1792... Avec introd. et notes par G. Pallain. P., 1889. XXXII, 483 p.
Thugut. Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut, österreichischen Ministers des Aeusseren... 1792—1801, ausgew. u. hrsg... von A. Vivenot. T. 1—2. Wien, 1872.

Aulard, A. La diplomatie du premier Comité de salut public. (In: **Aulard, A.** Études et leçons. Sér. 3, 1901.)
Berland, J. Les dommages de guerre après Valmy. Dépt de la Marne. Châlons-sur-Marne, 1931. XIII, 450 p. (Coll. de doc. inéd sur l'hist. de la Rév. fr.)
Chuquet, A. Dumouriez. P., 1914. 286 p.
Chuquet, A. Les guerres de la Révolution. T. 1—11. P., 1886—1894. [Rééd. du t. 1: La première invasion prussienne... P., 1934. 320 p.]
Cruyplante, E. Dumouriez dans les ci-devant Pays-Bas autrichiens. T. 1—2. Bruxelles. 1912.
Delplace. La Belgique et la Révolution française. Louvain, 1895. 260 p.
Goethe, J. W. Campagne in Frankreich, 1792. Belagerung von Mainz. (In: **Goethes** Werke. Bd. 33. Weimar, 1898, S. 1—329.)
Heidrich, K. Preussen im Kampfe gegen die französische Revolution bis zur 2. Teilung Polens (1793). Stuttgart, 1908. 48. S.
Herlaut. Les négociations du général Custine avec l'ennemi (déc. 1792 — mai 1793). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1932, p. 517—533.
Krieg gegen die französische Revolution 1792—1797. Nach den Feldakten und anderen authentischen Quellen bearbeitet... Bd. 1—2. Wien, 1905.
Laurent, G. La mission des conventionnels Prieur (de la Marne), Sillery et Carra après Valmy (21 sept. — 1-r nov. 1792). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1925, p. 538—570.
Lort Sérignan, A. M. T. Les préliminaires de Valmy. La première invasion de la Belgique, 1792. P., 1903. 358 p.
Mathiez, A. Danton, Delacroix et le pillage de la Belgique. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1925, p. 384—390.
Pirenne, H. Histoire de la Belgique. T. 6. Bruxelles, 1926. VIII, 477 p.
Rolland, R. Valmy. P., 1938. 31 p. — Пер.: **Роллан, Р.** Вальми. Пер. В. Парнах. Вступ. ст. Е. В. Тарле. М., 1939. 62 с.
Tassier S. Histoire de la Belgique sous l'occupation en 1792 et 1793. Bruxelles, 1933. 382 p.
Verhaegen, P. Le conseiller d'état comte Cornet de Grez. Bruxelles, 1934. 383 p. [В тексте и приложениях документальный материал.]
Verhaegen, P. La Belgique sous la domination française 1792—1814. T. 1. La conquête, 1792—1795. Bruxelles, 1922. 666 p.
Zeissberg, H. Zwei Jahre belgischer Geschichte (1791—1792). Bd 1—2. Wien — Lpz., 1891. (Aus: *Sitzungsberichte d. k. Akad. d. Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Klasse.* Bd 124.)

ПРИСОЕДИНЕНИЕ САВОИИ К ФРАНЦИИ

Белосельский-Белозерский, А. М. Сардиния в эпоху первой французской революции. Письма кн. А. М. Белосельского-Белозерского гр. И. Остерману (1792—1793). — *Русск. архив.* 1877, вып. 9, с. 5—48.
L'abolition des droits seigneuriaux en Savoie (1761—1793). Doc. publ. avec une introd. par Max Bruchet. Annecy — P., 1909. CIII, 638 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.).

Avesou, R. La Savoie du Nord au début de la Révolution française (1789—1792). P., 1938. XLVIII, 587 p.
Masse, I. Histoire de l'annexion de la Savoie à la France en 1792. T. 1—3. Grenoble, 1891—1895.
Vermale, F. La Révolution en Savoie. Chambéry, 1925. 101 p.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ РЕЙНСКОЙ ОБЛАСТИ. ОБРАЗОВАНИЕ МАЙНЦСКОЙ КОММУНЫ

См. также литературу к гл. IV... Конфликт с имперскими князьями по вопросу об Эльзасе, с. 762.

Форстер, Г. Письма о Французской революции. Пер. с нем. Н. Ман. — *Интернац. литер.* 1939, № 5—6, с. 146—157.
Forster, G. Ansichten vom Niederrhein, von Brabant, Flandern, England und Frankreich im April, Mai und Juni 1790. Lpz., 1891. 582 S. (Meyers Volksbücher, № 926—933.)
[Hoffmann, A.] Darstellung der Mainzer Revolution... Frankfurt a. M. — Lpz., 1793. [Написана противником франц. революции.]
Oyré. Rechenschaft über die Verteidigung und Uebergabe von Mainz. Aus dem franz. übers. Frankfurt a. M. — Lpz., 1793. 24, XXIV S.
Quellen zur Geschichte des Rheinlandes im Zeitalter der französischen Revolution 1780—1801. Gesamm. u. hrsg. von J. Hansen. Bd 1—4. Bonn, 1931—1938. Об этом изд. см.: **Кудрявцев, А. Е.** Рейнская область в эпоху Великой французской революции. (О новом издании документов.) (В кн.: Проблемы источниковедения. Сб. 2. М.-Л., 1936, с. 235—277.)

Biermanns, P. Die Politik des Kurfürsten von Köln Maximilian Franz gegenüber der franz. Revolution in den Jahren 1789—1792. Hildesheim, 1910. VIII. 66 S.

Blos, W. Die Revolution zu Mainz 1792 und 1793. Nach Quellen dargestellt. Nürnberg, 1875. 92 S.

Bockenheimer, K. G. Die Einnahme von Mainz durch die Franzosen am 22. Oktober 1792. Mainz, 1892. III, 37 S.

Bockenheimer, K. G. Die Mainzer Klubisten der Jahre 1792 und 1793. Mainz, 1896. VII, 372 S.

Bockenheimer, K. G. Die Wiedereroberung von Mainz durch die Deutschen im Sommer 1793. Mainz, 1893. III, 124 S.

Braubach, M. Frankreichs Rheinlandpolitik im Zeitalter der französischen Revolution. — *Arch. f. Politik und Gesch.* 1927, H. 2, S. 172—182.

Chuquet, A. Le révolutionnaire George Forster. (In: **Chuquet, A.** Études d'histoire. Sér. 1. P., 1903, p. 149—288.)

Hashagen, J. Das Rheinland und die französische Herrschaft. Bonn, 1908. XV, 611 S.

Hashagen, J. Entwicklungsstufen der rheinischen Presse bis 1848. Essen, 1925. 62 S.

Kersten, K. Ein europäischer Revolutionar, Georg Forster, 1751—1794. B., 1921. 93 S.

Klein, K. Georg Forster in Mainz 1788—1793. Gotha, 1863. XII, 388 S. [Резко отрицательное отношение к франц. революции; ценны документы, данные в прил.].

Klein, K. Geschichte von Mainz während der ersten französischen Okkupation 1792—93 mit den Aktenstücken. Mainz, 1861. VI, 602 S.

Liesenfeld, F. Klemens Wenzeslaus, der letzte Kurfürst von Trier, seine Landstande und die französische Revolution, 1789—1794. Trier, 1912. 283 S.

Perthes, C. Th. Politische Zustande und Personen in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft... Bd 1—2, Gotha, 1862—1869.

Ramhaud, A. La domination française en Allemagne. Les français sur le Rhin (1792—1804). P., 1873. XI, 379 p.

Sagnac, Ph. Le Rhin français pendant la Révolution et l'Empire. P., 1917. 391 p.

Schreiber, E. Französische Ausweisungspolitik am Rhein und die Nordfrankenlegion. B., 1929. 223 S.

Vezin, L. Die Politik des Mainzer Kurfürsten Friedrich Karl von Erthal vom Beginn der französischen Revolution bis zum Falle von Mainz 1789—1792. (Stellungsnahme gegenüber Frankreich). Bonn, 1932. 136 S.

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДРУГИХ СТРАНАХ

Жорес, Ж. Политические и социальные идеи Европы и Великая революция. Пер. с франц. В. Н. Исаева и И. Ю. Блоха. Спб., 1907. 494 с. [Пер. соответств. раздела из кн.: Histoire socialiste. T. 3. La Convention. См. выше с. 740.]

Fournol, E. Le caractère international de la Révolution française. — *Rév. franç.* 1930, p. 216—228.

Tarlé, E. L'Europe et la Révolution française.— *Litt. intern.* 1939, No 6, p. 25—40.

Англия

Burke, E. Reflections on the revolution in France and on the proceedings in certain societies in London, relative to that event. In a letter intended to have been sent to a gentleman in Paris... 8th ed. L., 1791. IV, 364 p. 1st ed. 1790.—Fr. transl.: Reflexions sur la Révolution française... Amsterdam, 1791.

The correspondence of the Revolutionary Society in London with the National Assembly and with various societies of the Friends of liberty in France and in England. L., 1792. 275 p.

English witnesses of the French revolution. Ed. by E. M. Thompson. Oxford, 1938, XII, 267 p. [Отрывки из переписки, мемуаров и речей англичан-современников франц. революции.]

Journal *of the London corresponding Society.* L., 2/IV 1792—2/I 1794; 30/V—10/X 1795.

Mackintosh, J. Vindiciae Galliae. Defence of the French revolution and its English admirers, against the accusations of Edmund Burke... L., 1791. 342 p.

Paine, Th. Rights of man: being an answer to Mr. Burke's attack on the French revolution. L., 1792. VI, 72 p.

Angellier, A. Robert Burns. Vol. 1—2. P., 1893.

Birley, R. The English Jacobins from 1789 to 1802. Oxford, 1924. 52 p.

Brown, Ph. A. The French revolution in English history. L., 1918. XIV, 232 p.

Cestre, Ch. La Révolution et les poètes, anglais, 1789—1809. P., 1906. 570 p. (Extr. de la *Rev. bourguignonne.* 1906, t. 16, No 1—2.)

Chardon, A. et **Chardon, H.** Fox et la Révolution française. P., 1918. 143 p.

Conway, M. D. The life of Th. Paine. To which is added a sketch of Paine by W. Cobbett. Vol. 1—2. N. Y., 1892—Fr. transl.: Thomas Paine et la Révolution dans les deux mondes. P., 1900. XL. 466 p.

Hall, W. Ph. British Radicalism, 1791—1797. N. Y., 1912. 262 p. (Columbia Univ. studies in hist., econ. and public law, vol. 49, No 1).

Lokke, C. L. London merchant interest in the St. Domingue plantations of the émigrés, 1793—1798. — *Amer. hist. rev.* 1938, vol. 43, p. 795—802.

Mantoux, P. À qui furent adressées les «Reflexions sur la Révolution française» de Burke?—*Rev. franç.* 1932, p. 5—15.

Michon, G. Le Jacobinisme dans les débats du parlement anglais en 1793 et 1794. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1925, p. 365—373.
Newman, B. Edmund Burke. L., 1927. 362 p.
Pariset, E. La Société de la Révolution de Londres dans ses rapports avec Burke et l'Assemblée constituante. — *Rév. franç.* 1895, t. 29, p. 296—325.

Бельгия

Mathiez, A. et **Farge, R.** Journal de la Société des Amis de la liberté et de l'égalité établie à Bruxelles. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1930, p. 152—162, 262—268, 351—361, 454—465.
Ruzicka, L. Propagande française en Belgique en 1792. — *Rév. franç.* 1928, p. 161—163.

См. также с. 762: **Tassier, S.** Les démocrates belges de 1789...

Германия

См. также: Присоединение Рейнской области... с. 767—768.

Goethe, J. W. Werke. 4. Abtl. Briefe. Bd 9. 18. Juni 1788—8. August 1792. Weimar, 1891. XII, 397 S.
Schiller, F. Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe. 4. Aufl. Bd 1—2. Stuttgart, 1881.

Копелев, Л. Немецкие литературные современники Французской революции. (В кн.: Труды Моск. гос. инст. филос. и лит. Т. 6. К 150-летию Французской революции. М., 1940, с. 225—242.)
Blaukopf, K. Beethoven et les idées de 89. — *Commune.* 1939, num. spécial, 72, p. 1051—1059.
Carnot, H. Les premiers échos de la Révolution Française au delà du Rhin. P., 1888. (Compte rendu de l'Acad. des Sciences morales et polit.)
Chuquet, A. Les écrivains allemands et la Révolution française. (In: **Chuquet, A.** Études d'histoire. Sér. 6. P., 1914, p. 21—40.)
Chuquet, A. Stolberg et la Révolution. (In: **Chuquet, A.** Études d'histoire. Sér. 7. P., 1914, p. 53—69.)
Chuquet, A. Klopstock et la Révolution française. (In: **Chuquet, A.** Études d'histoire. Sér. 2. P., 1914, p. 93—187.)
Gooch, G. Germany and the French revolution. 2d impr. L., 1927. VI, 543 p.
Hintze, H. Goethe et la Révolution française. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1932, p. 425—441.
Léon, X. Fichte et son temps. T. 1. P., 1922. XVI, 649 p.
Mann, K. La Révolution française et l'Allemagne. — *Commune.* 1939, num. spécial, 72, p. 1037—1043.
Marceau, N. L'Allemagne et la Révolution française. Préf. par R. Rolland. P., 1939, 200 p.
Reynaud, L. Histoire générale de l'influence française en Allemagne. 3-e éd. P., 1924. 570 p. [Chap. V et VI.]
Robinet de Clery, A. Goethe et la Révolution française. — *Rév. franç.* 1939, p. 227—247.
Schmidt, J. Geschichte der deutschen Literatur von Leibniz bis auf unsere Zeit. 1670—1866. Bd 3. B., 1866. [Buch 8: Der deutsche Idealismus und die französische Revolution.]
Stern, A. Der Einfluss der französischen Revolution auf das deutsche Geistesleben. Stuttgart — B., 1928. 248 S.
Usee, K. Der Einfluss der französischen Verfassungen auf die deutschen Verfassungsurkunden der Jahre 1806—1820. Greifswald, 1910. 161 S.
Venedey, J. Die deutschen Republikaner unter der französischen Republik. Lpz., 1870. IX, 488 S.

Влияние Французской революции на философию Канта, Фихте и Форстера

Кант и его последователи

Kant, I. Fragmente aus dem Nachlasse. (In: **Kant. I.** Sammtliche Werke. Bd. 8. Lpz., 1898, S. 303—346. (Phil. Bibliothek. Bd 50.))
Kant, I. Kleinere Schriften zur Geschichtsphilosophie, Ethik und Politik. Hrsg. von K. Vorlander, B., 1913. LXII, 226 S. (Philosoph. Bibliothek. Bd. 47, I.)
Erhard, J. B. Denkwürdigkeiten des Philosophen und Arztes J. B. Erhard. Hrsg. von K. A. Varnhagen von Ense. Stuttgart — Tübingen, 1830. XIV. 541 S.
Erhard, J. B. Ueber das Recht des Volkes zu einer Revolution. Jena — Lpz., 1795. VI, 194 p.
Neeb, J. Ueber Kants Verdienste um das Interesse der philosophierenden Vernunft. Bonn, 1794. 34 S.

Фихте

Fichte, J. G. Beitrag zur Berichtigung der Urtheile des Publikums über die französische Revolution. Abdruck der 1793 ohne Namen und Druckort erschienenen Ausgabe. Zürich — Winterthur, 1844. XX, 307 S.
Fichte, J. G. Zurückforderung der Denkfreiheit von den Fürsten Europas, die sie bisher unterdrückten. Heliopolis, 1793. 86 S. [Место изд. вымышлено.]
Деборин, А. Фихте и Великан французская революция. *Под знам. маркс.* 1924, № 10—11, с. 5—22; № 12, с. 33—49; 1925, № 3, с. 5—23.

Форстер

Forster, G. Briefe an Christian Friedrich Voss. Hrsg. von P. Zincke. Dortmund, 1915. XVIII, 265 S.

Forster, G. Sämtliche Schriften. Hrsg. von seiner Tochter und begl. mit einer Charakteristik Forsters von Gervinus. Bd. 6, 8, 9. Lpz., 1843.
См. также с. 768: **Kersten, K.** Ein europäischer Revolutionär...

Испания и Латинская Америка

Barbagelata, H. D. La Révolution française et l'Amérique latine. *Cahiers de la Rév. fr.* 1936, No 5, p. 1—84.
Caillei-Bois, R. Ensayo sobre el Rio de la Plata y la revolución francesa. Buenos Aires, 1929.
Morel-Fatio, A. José Marchena et la propagande révolutionnaire en Espagne en 1792 et 1793. [Doc.] — *Rev. hist.* 1890, t. 44, p. 72—87.
Parra-Perez, C. Miranda et la Révolution française. P., 1925. LXII, 474 p.
Los Santos, Miguel. Los Españoles en la Revolución francese. Madrid, 1914. 281 p.

Россия

Из архива Голицыных. Письма из Парижа. 1789 г. (Оливье); 1790—1792 гг. (Хокера). Подготовка к печ., обзор и коммент. О. А. Старосельской-Никитиной. (В кн.: Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. Ред. Н. Л. Мещерякова. Записки Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 7. М., 1940, с. 34—91.)
Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника. Ч. 1—6. М., 1797—1801.
Радищев, А. И. Беседа о том, что есть сын отечества. (В кн.: **Радищев, А. И.** Полное собр. соч. Т. 1. М.—Л., 1938, с. 213—225.) [Впервые напечатано в 1789 г.]
Радищев, А. И. Вольность. Ода. (В кн.: **Радищев, А. И.** Полное собр. соч. Т. 1. М.—Л., 1938, с. 1—18.) [Написано около 1781—1783 г.]
Радищев, А. И. Путешествие из Петербурга в Москву. (В кн.: **Радищев, А. Н.** Полное собр. соч. Т. 1. М.—Л., 1938, с. 225—392.) [Напечатано впервые в 1790 г.]

Брикнер, А. С. Петербургские ведомости во время Французской революции. — *Древняя и новая Россия*, 1876, № 1, с. 71—87; № 2, с. 158—173.
Кирпичников, А. И. Московские ведомости в 1789 г. и начало Французской революции. — *Ист. вестник*, 1882, сент. с. 449—470. [Отклики на события Французской революции, стр. 462—470.]
Кучеров, А. Я. Французская революция и русская литература XVIII века. — (В кн.: XVIII век. Сб. ст. и материалов. М.—Л., 1935, с. 259—307).
Макашин, С. Литературные взаимоотношения России и Франции XVIII—XIX вв. (В кн.: Литературное наследство. 29—30. М., 1937 с. V—LXXXII.)
Пресняков, А. Общественная мысль в России в конце XVIII века.— *Ист. журн.* 1938, № 9, с. 35—47.
Пресняков, А. Французская буржуазная революция и русская общественная мысль. — *Ист. журн.* 1939, № 7, с. 67—75.
Пумпянский, С. Великая французская революция в освещении Екатерининских газет. — *Звезда*, 1930, № 9—10, с. 247—252.
Haumant, E. La culture française en Russie. 1700—1900. P., 1910. 571 p.
Rambaud, A. Cathérine II et la Révolution française. Les libéraux russes et la réaction (1790—1792). — *Rev. Bleue.* 1884, t. 27, p. 358—367.

Соединенные Штаты

Hazen, Ch. D. Contemporary American opinion of the French revolution. Baltimore, 1897. X, 343 p. (Johns Hopkins University studies... Vol. 16.)
Minnegerode, M. Jefferson friend of France, 1793. The career of Edmond Charles Genet, 1763—1834. N. Y. — L., 1928. XIV, 447 p.
Walther, D. Gouverneur Morris, témoin de deux révolutions. P., 1933. 307 p.

Швейцария

Ochs, P. Korrespondenz... Hrsg. u. eingeleitet v. G. Steiner. Bd 1. Aufklärung und Revolution bis zum Basler Frieden 1795. Basel, 1927. CCXLI, 519 S. (Quellen zur Schweizer Geschichte. N. F. Abt. 3, Bd 1.).
Chapuisat, E. De la terreur à l'annexion. Genève et la République française, 1793—1798. Genève — P., 1912. 316 p.
Chapuisat, E. L'influence de la Révolution française sur la Suisse. *Cahiers de la Rév. fr.* [1934], No 2, p. 5—30.
Chapuisat, E. La Révolution française vue de Suisse. — *Rév. franç.*, 1939, p. 209—226.

К главе VII

КОНВЕНТ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и Энгельс. Ф. Революционная борьба в Венгрии.—Соч., т. VII, с.278—279.
Маркс, К. Борьба якобинцев с жирондистами. — Соч., т. III, с. 601—611.
Ленин, В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Соч., т. XI. с. 472.
Ленин, В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Соч., т. VIII, с. 64—65, 122.
Ленин, В. И. Как буржуазия использует ренегатов. — Соч., т. XXIV, с. 459.

Ленин, В. И. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата. — Соч., т. XIV, с. 62—64.

Ленин, В. И. Новые задачи и новые силы. — Соч., т. VII, с. 150.

Ленин, В. И. Об оценке текущего момента. — Соч. т. XII, с. 383.

Ленин, В. И. Освобожденцы и новоискровцы, монархисты и жирондисты. — Соч., т. VII., с. 152.

Ленин, В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. — Соч., т. IX, с. 143.

Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад. — Соч., т. VI, с. 303.

Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург. — Соч., т. XXX, с. 90.

Сталин, И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 612).

ПАРТИЙНЫЙ СОСТАВ КОНВЕНТА. БОРЬБА МЕЖДУ ЖИРОНДИСТАМИ И МОНТАНЬЯРАМИ

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Мемуары.., с. 738—740, и Деятели.., с. 749—750.

Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794). Сб. документов и материалов. Пер. Н. П. Фрейберг. М., 1927. 719 с.

Assemblée électorale de Paris, 2 sept. 1792 — 17 frimaire an II. Procès-verbaux de l'élection des députés à la Convention... Publ. d'après les originaux des arch. nation. avec des notes hist. et biogr. par E. Charavay. P., 1905. CIV, 760 p. (Coll. des doc. rel. à l'hist. de la Rév. fr.)

Bulletin des lois de la République française. Sér. 1. Convention nationale. T. 1—5. P., 1794.

Débats de la Convention nationale, ou analyse complète des séances, avec les noms de tous les membres, précédée d'une introd. T. 1—5. P., 1828.

Francastelle. Tableau des noms, âges, qualités et demeures des principaux membres des jacobins, avec l'état de leur fortune, avant et depuis la Révolution, ainsi que l'état des services, qu'ils ont rendus à la république. Par une société des jacobins. P., s. a. 8 p.

Procès-verbal de la Convention nationale, imprimé par son ordre. T. 1—42. P., 1792— an II.

Thibaudeau, A. C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. T. 1—2. P., 1824. (Coll. des mém. rel. a la Rév. fr.)

Маркс, К. Борьба якобинцев с жирондистами. — Соч., т. III, с. 601—611.

Хейфец, Ф. Жирондистский конвент. (20 сент. 1792 г. — 2 июня 1793 г.). — *Ист. журн.* 1939, № 7, с. 13—27.

Calvet, H. Les origines du Comité de l'Éveché. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1930, p. 12—23.

Gidney, L. M. L'influence des États-Unis d'Amérique sur Brissot, Condorcet et M-me Roland. P., 1930. 176 p. (Société de l'hist. de la Rév. fr.).

Guadet, J. Les girondins. Leur vie privée, leur vie publique, leur proscription et leur mort. 2-e éd. T. 1—2. P., 1862.

Laurent, G. Un conventionnel ouvrier: Jean Baptiste Armonville. (Figures révolutionnaires champenoises.) — *Annales hist. de la Rév.. fr.* 1924, p. 217—249, 315—355. — Пер.: **Лоран, Г.** Рабочий депутат Конвента Жан-Батист Армонвилль. С прил. ст. А.Сэ. Рабочий класс и социальный вопрос накануне революции. Пер. Г. П. Федотова. Л.—М., 1925. 71 с.

Mathiez, A. De la véritable nature de l'opposition entre les Girondins et les Montagnards. *Annales rév.* 1923, p. 177—197.

Mathiez, A. Girondins et Montagnards. P., 1930. VIII, 305 p.

Meynier, A. Un représentant de la bourgeoisie angevine à l'Assemblée nationale constituante et la Convention nationale L. M. La Reveillière-Lépeaux. (1753—1795). P., 1905. 539 p.

Williams, D. Un document inédit sur la Gironde. — *Annales hist. de la Rév fr.* 1938, p. 411—431.

Процесс и казнь Людовика XVI

L'exécution de Louis XVI et la presse française. — *Rev. franç.* 1929, p. 65—76, 153—162. [Текст газетных сообщений.]

Le pour et le contre. Recueil complet des opinions prononcées à l'Assemblée conventionnelle dans le procès de Louis XVI; on y a joint toutes les pièces authentiques de la procédure. T. 1. P., 1793. 288 p.

Беркова, К. Н. Процесс Людовика XVI. 2-е испр. и доп. изд. М., 1923. 308 с.

M. M. Le Couteulx et Louis XVI. — *Rév. franç.* 1927, p. 146—149. [Об участии парижских банкиров в заговоре, направленном на спасение Людовика XVI (янв. 1793 г.)]

Mathiez, A. Les tentatives de corruption de l'Espagne pour sauver Louis XVI. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1926, p. 179—183.

Mautouchet, P. Une lettre de Condorcet sur le procès de Louis XVI. — *Rév. franç.* 1913, p. 220—224.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ В КОНЦЕ 1792—НАЧАЛЕ 1793 Г.

Финансовый и промышленный кризис. Рост дороговизны. Движение бешеных

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Мемуары..., с. 738—740; Экономическая и социальная

история, с. 741—744; Источники и работы, относящиеся к отдельным провинциям, департаментам и городам, с. 748—749; Деятели... с. 749—750.

Broulllard, R. Les impositions extraordinaires sur le revenu pendant la Révolution (contribution patriotique). Bordeaux, 1910. XIII, 210 p.

Combes de Patris, B. L'esprit financier des girondins. P., 1909. 166 p.

Karmin, O. La question du sel pendant la Révolution. P., 1912. 184, LXXXVIII p.

Mathiez, A. La vie chère et le mouvement social sous la terreur. P., 1927. 620 p.— Пер.: **Матьез, А.** Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. Авториз. пер. М.—Л., 1928. 467с. (Ин-т. К. Маркса и Ф. Энгельса). [Ч. 1. Жиронда и дороговизна; ч. 2. «Бешеные» и дороговизна; ч. 3. Революционное правительство и дороговизна.]

Mathiez, A. Un enragé inconnu: Taboureau de Montigny. — *Annales hist. de la Rev. fr.* 1930, p. 209—230, 305—322.

Moulin, P. Une révolte populaire à Aix en 1793 en raison de la cherté des vivres. — *Rév. franç.* 1913, t. 64, p. 35—45.

Richard, A. L'application du premier maximum dans les Basses Pyrénées.— *Annales rév.* 1921, p. 207—214.

См. также с. 779: **Arnaud, R.** La débacle financière de la Révolution.., **Bornarel, P.** Cambon et la Révolution française...; с. 775: **Waha, R.** Die Finanzpolitik der Schreckensherrschaft...

РЕВОЛЮЦИЯ 31 МАЯ—2 ИЮНЯ

Appel nominal qui a eu lieu dans la séance permanente du 13 au 14 avril 1793, l'an deuxième de la République française, à la suite du rapport du comité de législation, sur la question: Y-a-t-il lieu à accusation contre Marat, membre de la Convention nationale? Angers, 1793. 78 p.

Bigard, L. Réal au 31 mai 1793. — *Rev. hist.* 1929, t. 160, p. 293—303. [Приложено обращение Парижской коммуны к департаментам с отчетом о событиях 31 мая.]

Charlotte de Corday et les Girondins. Pièces classées et annotées par Ch. Vatel. T. 1—3. P., 1864—1872.

Durand de Maillane, P. T. Histoire de la Convention nationale, suivie d'un fragment historique sur le 31 mai par le comte Lanjuinais. P., 1925. XII, 388 p. (Coll. des mém. rel. à la Rév. fr.)

Calvet, H. Remarques sur la participation des sections au mouvement du 31 mai— 1-r juin, 1793. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1928, p. 366—369.

Dayet, M. La mission de P. J. Briot, député de la Société populaire de Besançon, auprès de la Convention nationale en mai 1793. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1929, p. 279—287.

Perroud, C. La proscription des girondins (1793—1795). Toulouse — P., 1917. XVI, 323 p.

Wallon, H. La révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793 ou la France vaincue. T. 1—2. P., 1886.

См. также с. 776: **Sainte-Claire Deville, P.** La commune de l'an II. Une insurrection bien montée: le 31 mai et le 2 juin 1793. — *Rev. des questions hist.* 1935, nov., p. 25—72.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Вандея

Carrier , J. B. Correspondence of Jean-Baptiste Carrier during his mission in Brittany, 1793—1794. Coll., transl. and annot. by E. H. Carrier... L.— N. Y., 1920. 283 p.

Charette, P. A. et a. Correspondance secrète de Charette, Stofflet, Puisaye, Cormatin et a., suivie du journal d'Olivier d'Argens et du Code politique et civil, qui a rég. la Vendée pendant le temps de la Rebellion. T. 1—2. P., an VII.

Richard, J. et **Choudieu, R.** Rapport sur la guerre de la Vendée, présenté à la Convention nationale 18 pluviose an II (6 févr. 1794). P., s. a. 78 p.

Aubrée, E. Le général de Lescure. Nouv. éd. P., 1936. 254 p.

Bruhat, J. Le châtiment des espions et des traitres sous da Révolution française. P., 1937. 62 p.

Chassin, Ch. L. Études documentaires sur la Révolution française. Sér. 1—3. P., 1892—1899. Sér. 1. La préparation de la guerre de Vendée 1789—1793. T. 1—2. 1892. Sér. 2. La Vendée patriote. 1793—1800. T. 1—4. 1893—1895. Sér. 3. Les pacifications de l'Ouest 1794—1800. T. 1—3. 1896—1899. Études sur la Vendée et la chouannerie. Table générale alphabétique et analytique. P., 1900. 658 p.

Dubreuil, L. Histoire des insurrections de l'Ouest. T. 1—2. P., 1929—1930.

Gabory, E. Les Bourbons et la Vendée d'après les documents inédits. P., 1925. VI, 365 p.

Gabory, E. Les patriotes réfugiés de la Vendée. — *Rev. hist.* 1924, t. 147, p. 204—218.

Gabory, E. La Révolution et la Vendée d'après les documents inédits. T. 1—3. P., 1925—1928.

Herlaut. La levée des volontaires pour la Vendée a Paris (avr.—mai 1793). *Annales hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 383—398, 496—529; 1932, p. 128—145.

Malleray, H. Les cinq Vendées. Précis des opérations militaires sur l'échiquier vendéen de 1793 à 1832 d'après des

doc. inédits , extraits des arch. de la guerre. Angers — P., 1924. 126 p.
Martin, Gaston. Les blancs à Machecoul, mars—avril 1793. — *Rév. franç.* 1924, p. 289—340; 1925, p. 22—47.
Martin, Gaston. Carrier et sa mission à Nantes. P., 1924. X, 396 p.
Martin, Gaston. La politique nantaise des subsistances sous la Constituante et la Législative. P., 1924. 111 p.
Moisan, J. La propriété ecclésiastique dans le Morbihan pendant la période révolutionnaire. Vannes, 1911. 228 p.
Robin, J. Le roi de la Vendée. François-Athanase Charette, lieut.-gén. de l'armée royale (1763—1796). P., 1917. XXX, 264 p.
Rouillé, A. Assignats et papiers-monnaie... Guerres de Vendée et Chouannerie 1793—1796. La Roche-sur-Yon, 1891. 80 p.
Sevestre, E. abbé. Étude critique des sources de l'histoire réligieuse de la révolution en Normandie (1787—1801). P., 1916. VII, 276 p.
Sevestre, E. abbé. Le personnel de l'église constitutionnelle en Normandie (1791—1795). T. 1. Liste critique des insermentés et assermentés (janv.—mai 1791). P., 1925. 545 p.

Федералистское восстание. Лион. Тулон

См. также: Источники и работы, относящиеся к отдельным провинциям, департаментам и городам, с. 748—749.

Procès-verbaux des séances de la Commission populaire républicaine et de salut public de Rhône-et-Loire (30 juin—8 oct. 1793), recueil. et publ. par G. Guige. Fréoux. 1899.

Albert, M. Le fédéralisme dans da Haute-Garonne. P. 1932. 328 p.
Angliviel de la Beaumelle, R. La question du pain à Bordeaux; l'insurrection fédéraliste de 1793 (juin — oct. 1793). — *Vrtljrschr. f. Sozial-u. Wirtschaftsgesch.* 1908, Bd. 6, S. 517—537.
Calvet, H. Subsistances et fédéralisme. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 229—238
Cardenal, L. À propos du fédéralisme. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1937, p. 234—240.
Charléty, S. La journée du 29 mai 1793 à Lyon. — *Rev. franç.* 1900, t. 39, p. 340—374, 385—426.
Cottin, P. Toulon et les anglais en 1793 d'après des documents inédits. 2-e éd. P., 1898. XV, 455 p.
Dubreuil, L. Evreux au temps du fédéralisme. — *Rev. franç.* 1925, p. 244—263, 318—348.
Dubreuil, L. L'idée régionaliste de la Révolution française. Besançon — P., 1919. 123 p.
Guibal, G. Le mouvement fédéraliste en Provence en 1793. P., 1908. II, 543 p.
Guillon de Montléon, A. Mémoires pour servir a l'histoire de la ville de Lyon pendant la Révolution... T. 1—2. P., 1824. (Coll. des mém. rel. à la Rév. fr.).
Herriot, E. Lyon n'est plus. T. 1—2. P., 1937.
Hintze, H. Staatseinheit und Föderalismus im alten Frankreich und in der Revolution. B. — Lpz., 1928. XXX, 623 S.
Nicolle, P. Le mouvement fédéraliste dans l'Orne en 1793. — *Annales hist de la Rev. fr.* 1936, p. 381—512; 1937. p. 215—233; 1938, p. 289—313, 385—410.
Parès, J. Le tribunal populaire martial de Toulon. (Notices, inventaires et doc., publ. par le Comité des travaux hist. T. 9. 1925, p. 75—130.)
Riffaterre, C. Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793 (29 mai — 15 août). T. 1—2. Lyon—P., 1912—1928.
Siège de Lyon. Histoire de Commune-Affranchie. 1789—1796. Recueillie dans les conversations d'un soldat du siège. Lyon, 1843. 108 p.

К главе VIII

УСТАНОВЛЕНИЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Буржуазия и контрреволюция. — Соч., т. VII, с. 54.
Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Святое семейство.—Соч., т. III. т. 150—151.
Маркс, К. Ближайшие перспективы во Франции и Англии. — Соч., т. X, с. 380—381.
Маркс, К. К еврейскому вопросу. — Соч., т. I, с. 369—378.
Маркс, К. Критические примечания к статье «Король Прусский и социальная реформа». — Соч., т. III, с. 13.
Маркс, К. Морализующая критика и критизирующая мораль.—Соч., т. V, с. 206.
Энгельс, Ф. Анти-Дюринг, с. 16 (17); 85—89 (106—111).
Энгельс, Ф. Армия. — Соч., т. XI, ч. 2, с. 398—401.
Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 297.
Энгельс, Ф. Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г. — Соч., т. VIII, с. 448—453, 456, 459
Энгельс, Ф. История винтовки. — Соч., т. XII, ч. 2, с. 410.
Энгельс, Ф. Кавалерия. — Соч., т. XI, ч. 2, с. 449—450.
Энгельс, Ф. Пехота. — Соч., т. XI, ч. 2, с. 474—489.
Энгельс, Ф. Письмо Марксу [от 26 сент. 1851]. — Соч., т. XXI, с. 280.
Энгельс, Ф. Прогресс движения за социальную реформу на континенте. — Соч., т. II, с. 397.

Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Соч., т. XV, с. 510—511.
Ленин, В. И. Война и революция. — Соч., т. XXX, с. 333—334.
Ленин, В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Соч., т. XXI, с. 173—174, 186, 190.
Ленин, В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч., т. VIII, с. 62, 64—65.
Ленин, В. И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. — Соч., т. XXIII, с. 489.
Ленин, В. И. Доклад о работе в деревне 23 марта. VIII съезд РКП(б). — Соч., т. XXIV, с. 164.
Ленин, В. И. Доклад об объединительном съезде РС-ДРП.—Соч., т. IX, с. 217.
Ленин, В. И. Доклад об очередных задачах советской власти. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. — Соч., т. XXII, с. 490.
Ленин, В. И. К истории вопроса о диктатуре. — Соч., т. XXV, с. 431.
Ленин, В. И. К оценке русской революции. — Соч., т. XII, с. 210—211.
Ленин, В. И. К чему ведут контрреволюционные шаги Временного правительства. — Соч., т. XX, с. 315.
Ленин, В. И. Кто за союзы с кадетами?— Соч., т. IX, с. 372.
Ленин, В. И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? Соч., т. XX, с. 556.
Ленин, В. И. Народничествующая буржуазия. и растерянное народничество. — Соч., т. VI, с. 118.
Ленин, В. И. Новые задачи и новые силы. — Соч., т. VII, с. 150.
Ленин, В. И. О боевом соглашении для восстания. Соч., т. VII, с. 117.
Ленин, В. И. О брошюре Юниуса. — Соч., т. XIX, с. 187.
Ленин, В. И. О врагах народа. — Соч., т. XX, с. 505—506.
Ленин, В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. — Соч., т. XXII, с. 514.
Ленин, В. И. О происшествии с королем португальским. — Соч., т. XII, с. 151.
Ленин, В. И. О революционной фразе. — Соч., т. XXII, с. 263.
Ленин, В. И. О старых, но вечно новых истинах. — Соч., т. XV, с. 194.
Ленин, В. И. Очередные задачи Советской власти. — Соч., т. XXII, с. 459.
Ленин, В. И. Переход контрреволюции в наступление. — Соч., т. XX, с. 435.
Ленин, В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. — Соч., т. IX, с. 95.
Ленин, В. И. Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». — Соч., т. XI, с. 176.
Ленин, В. И. Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами.— Соч., т. XVIII, с. 337.
Ленин, В. И. Пятидесятилетие падения крепостного права.— Соч., т. XV,с. 108.
Ленин, В. И. V Съезд РС-ДРП.— Соч., т. XI, с. 249—250.
Ленин, В. И. Речь на съезде швейцарской социал-демократической партии 4 ноября 1916 г. — Соч., т. XIX, с. 279.
Ленин, В. И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. — Соч., т. XXIV, с. 291, 293.
Ленин, В. И. Русская революция и задачи пролетариата. — Соч., т. IX, с. 29.
Ленин, В. И. Странное и чудовищное. — Соч., т. XXII, с. 301.
Ленин, В. И. Тезисы и доклады о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта. — Соч., т. XXIV, с. 7,9.
Ленин, В. И. III Съезд РС-ДРП.— Соч., т. VII, с. 270, 271.
Ленин, В. И. Удержат ли большевики государственную власть? — Соч., т. XXI, с. 262, 274.
Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург. — Соч., т. XXX, с. 90.
Сталин, И. В. Международный характер Октябрьской революции. К десятилетию Октября. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 180).
Сталин, И. В. Об основах лениниза. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е с. 37.)
Сталин, И. В. Ответы на вопросы, поставленные группой делегатов, по докладу о политическом положении. (В кн.: Речи на шестом съезде РС-ДРП (большевиков). [М.], 1938, с. 60—61.)

КОНСТИТУЦИЯ 1793 г. ВЫСТУПЛЕНИЕ БЕШЕНЫХ В ИЮНЕ—ИЮЛЕ 1793 г.

См. также литературу к гл. III... Конституция 1791 г., с. 759—760, к гл. XIII... Политические теории XVIII в ..., с. 785. и к гл. VII... Движение бешеных, с. 771—772.

Constitution française, précédée de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen, décrétée par la Convention nationale de France en 1793 et présentée à l'acceptation du peuple français. P., l'an II. 32 p.
Constitution pour la République Française applicable à tous les grands états comme l'Angleterre, l'Espagne, la Belgique etc. Strasbourg, 1793. 72 p.
Documents inédits sur Jacques Roux, [publ. par M. Calvet. *Annales hist. de la Rev. fr.* 1932, p. 349—350.
Dolivier, P. Essai sur la justice primitive, pour servir de principe générateur au seul ordre social qui peut assurer a l'homme tous ses droits et tous ses moyens de bonheur. P., 1793. 44 p.

Dollvier, P. Lettre d'un curé du bailliage d'Etampes a ses confrères. S. l. et a. Signé D'Olivier. 6 mars 1789.

Dollvier, P. Le voeu national du système politique, propre a organiser la nation dans toutes ses parties et à assurer à l'homme l'exercice de ses droits sociaux. P., 1790. 78 p.

Roux, J. Le manifeste des Enragés (juin 1793), [publ. par A. Mathiez].— *Annales rev.* 1914, p. 547—560.

Кареев, Н. «Коммунистическая» петиция Жака Ру и секция Гравилье. (Эпизод из истории франц. револ.) — *Русск. записки*, 1916, № 1, с. 116—139.

Козлов, Ф. К вопросу о якобинской диктатуре. — *Историк-марксист.* 1939, кн. 3, с. 46—71.

Фрейберг, Н. Декрет 19 Вандемьера II года и борьба «бешеных» за конституцию 1793 г. — *Историк - марксист.* 1927, № 6, с. 142—174.

Baticle, R. Le plébiscite sur la Constitution de 1793. — *Rév. franç.* 1909, t. 57, p. 496—524; 1910, t. 58, p. 5—30, 117—155, 193—237, 327—341, 385—410.

Corgne, E. Deux plébiscites dans le Morbihan pendant da Révolution. Le plébiscite de 1793. *Annales hist. de la Rev. fr.* 1939, p. 47—62.

Deecncière-Ferrendière, A. La Constitution de 1793. — *Rév. franç.* 1936, p. 237—254.

Mathiez, A. La Constitution de 1793.— *Annales hist. de la Rév. fr.* 1928, p. 497—551.

Riffaterre, C. Les revendications économiques et sociales des assemblées primaires de juillet 1793. — *Bull. trimestriel de la Comm. des doc. écon. de la Rév.* Année 1906, No 4, p. 321—380. [В связи с обращением Конвента голосовать «за» или «против» Конституции 1793 г.]

Rittinghausen, M. Die direkte Gesetzgebung durch das Volk... 5. Aufl. Zürich, 1893. XX, 246 S.

Stern, A. Condorcet und der girondistische Verfassungsentwurf von 1793.— *Hist. Ztschr.* 1929, Bd 141. S. 479—496.

См. также с. 772: **Mathiez, A.** La vie chère..

БОРЬБА С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ (АВГ.—ОКТ. 1793 Г.). РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Мемуары..., с. 738—740, и литературу к гл. III... Контрреволюция и эмиграция, с. 760—761.

Annales révolutionnaires. Marie-Antoinette devant le tribunal révolutionnaire, son interrogatoire, sa condamnation, son exécution. Lyon, 1868. X, 142 p. Extr. de la *Gazette gén. de l'Europe* (1793), an II de la Rév. fr.

Decret (No 1637) de la Convention nationale du 3 oct. 1793... qui ordonne le prompt jugement de la veuve Capet au tribunal révolutionnaire. P., 1793. 2 p.

Paris pendant la terreur. Rapports des agents secrets du Ministre de l'intérieur, publ. par P. Caron. T. 1—2. P., 1910—1914. [27 août 1793—16 janv. 1794].

Procès de J. P. Brissot et complices, exdéputés a la Convention nationale, condamnés à mort par le Tribunal révolutionnaire. P., l'an II. 278 p.

Авербух, Р. А. Олар и теория насилия. *Печать и револ.* 1925, кн. 1, с. 43—61. [См. ниже: **Aulard, A.** La théorie de la violence...]

Авербух, Р. А. Террористический режим во Франции в 1793—94 гг.—*Вестн. Ком. Акад.* 1925, кн. 11, с. 155—203.

Aubert, G. La Révolution a Douai. Defense nationale (1793—1794). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1938, p. 432—452.

Aulard, A. La théorie de la violence et la Révolution française. (In: **Aulard, A.** Études et leçons. 9-e sér. P., 1924, p. 1—27).

Greer, D. The incidence of the terror during the French revolution. A statistical interpretation. Cambridge, 1935. 196 p.

Kerr, W. B. The reign of terror 1793—94. The experiment of the democratic republic and the rise of bourgeoisie. Toronto, 1937. 499 p.

Mortimer-Ternaux. Histoire de la terreur(1792—1794), d'après les documents authentiques et inédits. T. 1—8. P., 1862—1881. [Ценны документы, подлинники которых сгорели в 1871 г., между прочим протоколы Парижских секций.]

Sangnier, G. La terreur dans le district de Saint-Pol, 10 août 1792—9 thermidor an II. T. 1—2. Blangermont (Pas-de-Calais), 1938.

Troux, A. La vie politique dans le département de la Meurthe d'août 1792 a oct. 1795. T. 1—2. Nancy, 1936.

Waha, R. Die Finanzpolitik der Schreckensherrschaft in der ersten französischen Revolution 21. Sept. 1792 bis Thermidor. — *Vrtljrschr. f. Sozial-u. Wirtschaftsgesch.* 1903, Bd 1, S. 276—302, 181—556.

Wallon, H. La terreur. Étude critique sur l'histoire de la Révolution française. Nouv. éd. T. 1—2. P., 1881.

ОРГАНЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Les actes du gouvernement révolutionnaire (23 août 1793—27 juill. 1794). Recueil des doc. réunis par A. Cochin. T. 1—2. P., 1920—1934. T. 1. (23 août—3 déc. 1793), publ. par Ch. Charpentier. 1920. LXXIV, 586 p. T. 2. (4 déc. 1793—31 mars 1794), publ.

par M. Bonard. 1934. II, 554 p.

Fouquier-Tinville, A. G. Réquisitoires de Fouquier-Tinville. Publ. d'après les originaux conservés aux arch. nation. et suivis de trois mémoires justificatifs de l'accusateur public. Avec une introd. des notes et des comm. par H. Fleischmann. P., 1911. XXX, 336 p.

Le Bon, J. La défense du conventionnel Joseph Le Bon, présentée par lui-même. [Publ. par L. Jacob.] P., 1934. 136 p.

Rapports des agents du Ministre de l'intérieur dans les départements (1793—an II), publ. par P. Caron, T. 1. P., 1913. XLIV, 533 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de France.)

Recueil des actes du Comité de salut public, avec la correspondance officielle des représentants en mission et le registre du Conseil exécutif provisoire, publ. par A. Aulard. T. 1—27. P., 1889—1933. — Пер. в извлеч.: Французская революция в провинции и на фронте. (Донесения комиссаров Конвента.) Пер. М. В. Бердоносова. Под ред. и с предисл. А. К. Дживелегова. М.—Л., 1924. 324 с.

Le registre des dépenses secrètes du Conseil exécutif provisoire [mai 1793 — avr. 1794], publ. par P. Caron. — *Rév. franç.* 1930, p. 224—254, 326—343; 1931, p. 21—41. [Публикуемый регистр является дополнением к публикации: Recueil des actes du Comité de salut public... publ. par A. Aulard.]

См. также с. 771: **Революционное** правительство во Франции в эпоху Конвента.; с. 766: **Mautouchet, P.** Le gouvernement révolutionnaire...

Billoni, G. Le Comité de sureté générale de la Convention nationale. P., 1924. XXVIII, 623 p.

Campardon, E. Le tribunal révolutionnaire de Paris. Ouvrage composé d'après les doc. orig. conservés aux Archives de l'Empire suivi de la liste complète des personnes qui ont comparu devant le tribunal... T. 1—2. P., 1866. [Éd. 1862 sous le titre: Histoire du tribunal revolutionnaire]

Caron, P. Conseil exécutif provisoire et pouvoir minisistériel (1792—1794). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1937, p. 4—6.

Combet, J. Les Comités de surveillance du district de Grasse (oct. 1793—29 ventôse an III). — *Rév. franç.* 1909, t. 58, p. 326—355.

Dautry, J. Sébastien Lacroix. 1. Les debuts de Sébastien Lacroix. 2. Lacroix, commissaire revolutionnaire de la Section de l'Unité. — *Annales hits de la Rév. fr.* 1933. p. 40—60, 516—533.

Denis, A. Le Comité de surveillance révolutionnaire de Toul (1793 — 1795). Toul, 1911. 160 p.

Domenget, L. D. L. Fouquier-Tinville et le tribunal révolutionnaire P., 1878. X, 413 p.

Dubreuil, L. Le régime revolutionnaire dans les Basses Pyrénées en l'an II. P., 1915.

Godechot, J. Le Comité de surveillance révolutionnaire de Nancy (2 avr. 1793—1-r germinal an III). — *Rév. franc.* 1927, p. 249—262.

Gros, J. Le Comité de salut public de la Convention nationale. P., 1893. 352 p.

Jacob, L. Joseph Le Bon (1765—1795). La terreur à la frontière (Nord et Pas-de-Calais). T. 1—2. P., 1934.

Labroue, H. La Mission du conventionnel Lakanal dans la Dordogne en l'an II (oct. 1793 — août 1794). P., 1915. XXII, 704 p.

La Chapelle, S. Histoire des tribunaux révolutionnaires de Lyon et de Feurs établis en 1793 par les représentants du peuple et liste des contre-révolutionnaires mis à mort. Lyon, 1879. XXXII, 292 p.

Lallié, A. La justice révolutionnaire a Guérande (oct. 1793). Nantes, 1910. 67 p.

Le Bon, E. Joseph Le Bon dans sa vie privée et sa carrière politique, par son fils... P., 1861. II, 375 p.

Libois, P. Les représentants du peuple Prost et Lejeune dans le Jura en l'an II; les luttes politiques. Lons-le-Saunier, 1936. 171 p.

Mathiez, A. Le gouvernement révolutionnaire. — *Annales hist, de la Rev. fr.* 1937, p. 97—126.—Пер.: **Матьез, А.** Революционное правительство,—*Историк-марксист* 1936, № 3. с. 54—76.

Mathiez, A. Robespierre jeune en Franche-Comté (pluviose an II). — *Annales rèv.* 1914, p. 309—337.

Ording, A. Le bureau de police du Comité de salut public. Études sur la terreur... Oslo, 1930. VI, 195 p.

Paris, A. J. Histoire de Joseph Le Bon et des tribunaux révolutionnaires d'Arras et de Cambrai... 2-e éd. rev. et augm. T. 1—2. Arras, 1864. (La terreur dans le Pas-de-Calais et dans le Nord.)

Richard, A. Le Comité de surveillance et les suspects de Dax. — *Annales hist. de la Rèv. fr.* 1930, p. 24—40. [1793—1794.]

Richard, A. Legouvernement révolutionnaire dans les Basses-Pyrénées. Préf. de A. Mathiez. P., 1922. 243 p. (Bibliothèque d'hist. rév.)

Robiquet, P. Les procès verbaux de la commune de Vanves en 1793,—*Rev franç.* 1927, p. 25—47.

Sainte-Claire Deville, P. La commune de l'an II. — *Rev. des questions hist.* 1935. mai, p. 3—34; nov., p. 25—72; 1936, nov., p. 150—187; 1939, avr., p. 60—104.

Stéfane-Pol. Autour de Robespierre. Le conventionnel Le Bas, d'après des doc, inéd. et les mém. de sa veuve. Préf de V. Sardou. P., 1901. XXVI, 340 p

Villat, L. Le gouvernement révolutionnaire. — *Rév. franç.* 1939, p. 166—177.

Wallon, H. Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire, dans les départements en l'an II (1793—1794). T. 1—5. P., 1889—1890.

Wallon, H. Le tribunal révolutionnaire, 10 mars 1793—31 mai 1795. Éd. nouv. T. 1—2. P., 1900. [1-е éd. 1880—1882 sous le titre: Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris. T. 1—6.]

См. также с. 772: **Carrier, J. B.** Correspondance..; с. 773: **Martin, Gaston.** Carrier et sa mission à Nantes...

Народные общества на местах

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Социальные и политические идеи. Партии. Клубы. Пресса, с. 744—745; Источники и работы. относящиеся к отдельным провинциям, департаментам и городам, с. 748—749.

Les jacobins de Colmar. Procès-verbaux de la société populaire (1791—1795), publ. avec une introd. et des notes par P. Leuilliot. Strasbourg—P., 1923. XXIV, 501 p. (Publ. de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg. Fasc. 9.)

Moreau, M. F. Lettres de Moreau, député de Saône-et-Loire, a la Société populaire de Chalons-sur-Saône (11 oct. 1792—4 juin 1793), [publ. par P. Caron]. — *Rév. franç.* 1933, p. 55—74.

Кареев, Н. Революционные комитеты парижских секций (1793—1795). С прил. неизданных документов. Спб., 1913. 36, XLVI с. Отд. отт. из *Изв. Спб. политехн. инст. имп. Петра Великого.* 1913, т. 19.

Anchel, R. Les jacobins de Breteuil. — *Rév. franç.* 1913. t. 65, p. 481—495.

Anel, Ch. Les rapports de la Société des jacobins de Paris avec le club de Foix sous la Révolution. *Rev. des études hist.* 1926, janv.— mars, p. 47—64.

Aubert, G. La Révolution à Douai. Société des Amis de la République une et indivisible. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1937, p. 410—435; 1938, p. 205—233, 537—548.

Bellanger, J. Les jacobins peints par eux-mêmes. Histoire de la Société populaire et montagnarde de Provins (1791—1795). P., 1908. 310 p.

Bourdin, I. La Société de la Section de la Bibliothèque, 26 août 1790—25 floréal an II. P., 1937. 109 p. (Centre d'études de la Rév. fr.)

Bourdin, I. Les sociétés populaires à Paris pendant la Révolution. P., 1937. 454 p. (Centre d'études de la Rév. fr.)

Cardenal, L. Les sociétés populaires de Monpazier [Dordogne] 1790—1795. Lille, 1924. 62 p.

Caron, P. Les «Defenseurs, de la République». — *Rév. franç.* 1933, p. 193—235. [Société des Défenseurs de la République une et indivisible des 84(5) départements.]

Denis, A. Le club des jacobins de Toul (1793—95). P., 1895. X, 130 p.

Jacob, L. Un essai de fédération des sociétés montagnardes à Arras en octobre 1793. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1937, p. 476—480.

Lallié, A. Les sociétés populaires à Nantes pendant la Révolution. 2-е éd. rev. et augm. Nantes, 1914. 237 p.

Mathiez, A. Les discours civiques de Claude Danuard et la société fraternelle. — *Annales rév.* 1910, p. 424—432.

Rocher, G. Le district de Saint-Germain-en-Laye pendant la Révolution. Étude historique. Préf. de A. Aulard. P., 1914. III, 238 p.

Schaedelin, F. Un jacobin alsacien: Félix Bruat (1763—1807). P., 1932. 268 p.

Soanen, H. Les sociétés populaires du Puy-de-Dôme. — *Annales hist. de la Rev. fr.* 1927, p. 578—588.

Soanen, H. Les sociétés populaires du Puy-de-Dôme et le rappel du conventionnel Javogues. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 431—437.

Реорганизация армии

См. также литературу к гл. III.... Армия (1789—1791 гг.), с. 760.

Au service de la nation; lettres de volontaires (1792—1798), recueil. et publ. par E. Picard. P., 1914. XX, 251 p.

Chassin, Ch. L. et Hennet, L. Les volontaires nationaux pendant la Révolution. T. 1—3. P., 1899—1909. (Coll. de doc. rel. à l'hist. de Paris pendant la Rév. fr.)

Journal de marche du sergent Fricasse, 1792—1802, publ. par L. Larchey. P., 1882.

Journal du cannonier Bricard, 1792—1802, publ. par A. et J. Bricard. P., 1891.

Буковецкая, М. Война революционной Франции против контрреволюционной интервенции 1792—1794 гг. — *Ист. журн.* 1939, № 7, с. 42—54.

Джикелегов, А. К. Армия Великой французской революции и ее вожди. Ист. очерк. М. — Пг., 1923. 218 с.

Boissonnade, P. Histoire des volontaires de la Charente pendant la Révolution (1791—1794). Angoulême, 1890. 364 p.

Bonnal [de Ganges], E. Carnot d'après les Archives nationales, le Dépôt de la guerre et les séances de la Convention. P., 1888.

Bonnal de Ganges, E. Les représentants du peuple en mission près les armées, 1791—1797, d'après le Dépôt de la guerre, les séances de la Convention, les Archives nationales T. 1—4. P., 1898—1899.

Bruhat, J. Les représentants en mission aux armées. — *Commune.* 1939, num. spécial, 72, p. 1005—1023.
Caron, P. La défense nationale de 1792 à 1795. P., 1912. VI, 105 p.
Caron, P. Les papiers des comités militaires de la Constituante, de la Législative et de la Convention (1789—an IV). P., 1912. XLV, 146 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.).
Chassin, Ch. L. L'armée et la Révolution. P., 1867. 332 p.
Chevalier, E. Histoire de la marine française sous la première République. P., 1886. VI, 424 p.
Chuquet, A. Quatre généraux de la Révolution: Hoche et Desaix, Kléber et Marceau. Lettres et notes inéd. suivies d'annexes hist. et biogr. Série 1—4. P., 1911—1920.
Creveaux, E. Les levées de volontaires dans le département de l'Aisne en 1792 en 1793. Soisson, 1936. 124 p.
Déprez, E. Les volontaires nationaux (1791—93), étude sur la formation et l'organisation des bataillons, d'après les arch. communales et départementales., P., 1908. 524 p.
Desprez, C. Kléber et Marceau. P., 1881. 250 p.
Desprez, C. Lazare Hoche, d'apres sa correspondance et ses notes. P., 1880. 357 p.
Dufay, P. Les sociétés populaires et l'armée (1791—1794). P., Daragon, 1913. 205 p.
Dumont, G. et **Lestien, G.** Les volontaires de la Marne. P. 1. Levée et recrutement (1791—1793). P., 1910.
Hérlaut. La républicanisation des états-majors et des cadres de l'armée pendant la Révolution. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1937. p. 385—409, 537—551.
Iung, Th. L'armée et la Révolution; Dubois - Crancé, mousquetaire, constituant, conventionnel, général de division, ministre de la guerre (1747—1814). T. 1—2. P., 1884.
Legrand, A. V. La justice militaire et la discipline à l'armée du Rhin et à l'armée de Rhin-et-Moselle (1792—1796). Notes hist. de Legrand, publ. par L. Hennequin. P., 1909. 122 p. (Publ. sous la dir. de la section hist. de l'état-major de l'armée.)
Lévy-Schneider, L. Le conventionnel Jean-Bon Saint André, membre du Comité de salut public, organisateur de la marine sous la terreur, 1749—1813. T. 1—2. P., 1901.
Mahan, A. T. The influence of sea power upon the French revolution and Empire, 1793—1812. 4th ed. Vol. 1. L., 1892. XX, 380 p. — Пер.: **Мэхэн, А. Т.** Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю (1793—1812). Т. 1. С предисл. А. И. Молок. М.—Л., 1940. 291 с.
Mathiez, A. La victoire en l'an II. Esquisses hist. sur la défense nationale. P., 1916, 286 p.
Meynier, A. Levées et pertes d'hommes en France et en Europe sous la Révolution (1789—1799). — *Rév. franç.* 1930, p. 143—159. [Приводится статистический материал.]
Michon, G. L'armée et la politique intérieure sous la Convention. — *Ann. hist. de la Rév. fr.* 1927, p. 529—546.
Michon, G. La justice militaire sous la Révolution. P., 1922. 95 p. (Bibliothèque d'hist. rév.). Extr. des *Annales rev.* 1922, No. 1, 2 et 3.
Phipps, R. W. The armies of the first French republic and the rise of the marshals of Napoleon. T. 1—3. L. — N. Y., 1926—1931.
Poisson, Ch. Les fournisseurs aux armées sous la Révolution française. Le Directoire des achats (1792—1793), J. Bidermann, Cousin, Marx-Berr. P., 1932. 366 p.
Rouffiandis, E. Les hôpitaux de l'armée des Pyrénées-Orientales. — *Rév. franç.* 1937, p. 337—372; 1938, p. 44—70, 145—174.
Vialla, S. Marseille révolutionnaire. L'armée nation. (1789—1793). P., 1910. VII, 513 p.

ЛИКВИДАЦИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Аграрный вопрос, с. 743—744, и литературу к гл. III... Аграрная политика, с. 758—759.

Le partage des biens communaux. Doc. sur la préparation de la loi du 10 juin 1793, publ. par G. Bourgin. P., 1908. XXIV, 756 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév fr.)

Куниский, С. и **Позняков, Б.** Общинные земли в эпоху Великой французской революции. М., 1927. 170 с.
Петров, Д. К. Ликвидация сеньериального режима во Франции по документам, изданным Саньяком и Кароном. — *Киевск. универс. изв.* 1915, № 8, ч. 2, с. 1—215.
Петров, Е. Н. Борьба за уничтожение общинного землевладения во Франции во время революции [1789—1793 гг.] Л., 1928. 25 с. Отт. *Изв. экон. фак-та Ленингр. Политехнич. Инст.* 1928. Вып. 1(25), с. 248—272.
Bloch, M. La lutte pour l'individualisme agraire dans la France du XVIII s. — *Annales d'hist. écon. et soc.* 1930, p. 329—386, 511—551.
Bourgin, G. Les communaux et la Révolution française. — *Nouv. rev. hist. de droit franç. et étranger.* 1908, p. 690—751.
Ferradou, A. Le rachat des droits féodaux dans la Gironde 1790—1793. P., 1928. 459 p.

Gottschalk, L. The peasant in the French Revolution. — *Political Science Quarterly.* 1933, p. 589—599.
Grand, R. Contribution à l'histoire du régime des terres. Le contrat de complant depuis les origines jusqu'à nos jours. P., 1917. 181 p. (Extr. de la *Nouv. rev. hist. de droit*).
Lefebvre, G. Questions agraires au temps de la terreur. Strasbourg, 1932. 256 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.) — Пер.: **Лефевр, Ж.** Аграрный вопрос в эпоху террора (1793—1794). Пер. К. И. Раткевич. Ред. и вступ. ст. П. П. Щеголева. Л., 1936. 202 с. (Ленингр. ун-т).
Parain, Ch. La Révolution et la question agraire: grande et petite propriété. — *Pensée.* 1939, № 3, p. 39—47.
Robin, P. Le séquestre des biens ennemis sous la Révolution française. P., 1929. 384 p.
Sagnac, Ph. La division du sol pendant la Révolution et ses conséquences. — *Rev. d'ist. mod. et contemp.* 1903—1904, t. 5, p. 457—470.

К главе IX

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ ВНУТРИ ЯКОБИНСКОГО БЛОКА (ОСЕНЬ 1793 г. и ЗИМА 1793—1794 г.)

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Критические примечания к статье «Король Прусский и социальная реформа». — Соч., т. III, с. 11.
Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Святое семейство. — Соч., т. III, с. 139, 146—153.
Маркс, К. Конспект прений о законе против социалистов.—*Архив Маркса и Энгельса*, т. I (VI), 1932, с. 396.
Маркс, К. Письмо Энгельсу от 30 января 1865 г. — Соч., т. XXIII, с. 233—234.
Маркс, К. Письмо Энгельсу от 8 апреля 1869. — Соч., т. XXIV, с. 188.
Маркс, К. Письмо Энгельсу от 2 сент. 1853 г. — Соч., т. XXI, с. 515. [Подлинник на англ. яз. см. с. 513.]
Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 297.
Энгельс, Ф. Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г. — Соч., т. VIII, с. 463.
Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. (В кн.: **Маркс, К.** Избр. произв. в 2 т., т. I, с. 405.)
Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Соч., т. XV, с. 512.
Ленин, В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Соч., т. XXI, с. 189—190.
Ленин, В. И. Доклад об очередных задачах советской власти. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 года. — Соч., т. XXII, с. 483.
Ленин, В. И. К оценке русской революции. — Соч., т. XII, с. 210—211.
Ленин, В. И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? — Соч., т. XX, с. 556.
Ленин, В. И. Об отношении рабочей партии к религии.—Соч., т. XIV, с. 74.
Ленин, В. И. Реформизм в русской социал-демократии. — Соч., т. XV, с. 211.
Ленин, В. И. Странное и чудовищное.— Соч., т. XXII, с. 301.
Ленин, В. И. Успехи и трудности Советской власти. — Соч., т. XXIV, с. 63.
Сталин, И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 608.)

БОРЬБА ЗА ВТОРОЙ МАКСИМУМ

См. также литературу к гл. VIII... Борьба с контрреволюцией.., с. 775.

Le comité des subsistances de Toulouse 12 août 1793 — 3 mars 1795, correspondance et délibérations publ. par J. Adher. Toulouse, 1912. XLVIII, 411 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr. Dépt de la Haute-Garonne.)
La Commission des subsistances de l'an II. Procès-verbaux et actes publ. par P. Caron. Fasc. 1—2. P., 1924—1925. (Coll. des doc. inéd. sur l'hist. écon. de la Rév. fr.)
Le maximum général. Instruction, recueil des textes [choisis par P. Caron] et notes [réd. par le même]. P., 1930. 182 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. à la vie écon. de la Rév.)
Grivel et Siret. Rapports de Grivel et de Siret, commissaires observateurs parisiens du Conseil exécutif provisoire sur les subsistances et le maximum (sept. 1793 — mars 1794). [Publ. par P. Caron]. — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Années 1920—1921, p. 371—427.

Arnaud, R. La débacle financière de la Révolution. Cambon, 1756—1820, d'après des doc. inéd. P., 1926. 324 p.
Bichler. Le maximum général et son application à Paris du 29 sept. 1793 à 4 germinal an II. P., 1936.
Bornarel, F. Cambon et la Révolution française. P., 1905. XV, 412 p.
Bourne, H. E. Maximum prices in France in 1793 and 1794. — *Amer. hist. rev.* 1917, vol. 23, p. 107—113.
Calvet, H. L'accaparement à Paris sous la terreur. Essai sur l'application de la loi du 26 juillet 1793. P., 1933. 259 p. (Comm. de recherche et de publ. des doc. rel. a la vie écon. de la Rév.)
Calvet, H. Le commissaire aux accaparements de la section des Champs-Elysées. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1936, p. 332—341. [Статья является дополнением к работе того же автора: L'accaparement à Paris... См. выше.]
Isnard, E. Documents inédits sur l'histoi-

re du salariat dans les Bouches-du-Rhône (1793). (In: Mém. et doc. pour servir à l'hist. du commerce et de l'industrie en France, publ. par J. Hayem. 4-e sér. P., 1916, p. 153—160).

Dubois, G. Les subsistances dans la Seine-Inférieure de 1793 à 1795. Application des lois sur le maximum, réquisitions des blés et pillage des grains. Rouen, 1936. 68 p.

Dupéron, P. La question du pain dans l'Yonne. (Production et commerce des grains sous le règne du maximum, 4 mai 1793 — 1 nivôse an III (24 déc. 1794). P., 1910. XVI, 280 p.

Lefebvre, G. L'application du maximum général dans le district de Bergues. (Sources, méthode, histoire.) — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1913, p. 415—446.

Mathiez, A. Fabre d'Églantine fournisseur aux armées. — *Annales rév.* 1911. p. 532—534.

Mathiez, A. Un fournisseur aux armées sous la terreur: Choiseau. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1924, p. 401—412.

Meuriot, P. Le recensement de l'an II. P — Nancy, 1918. 47 p.

Reynoard, P. La Montagne et les ouvriers des manufactures nationales (1793—1794). — *Annales rev.* 1910, p. 542—560.

Sereau, E. Dictature economique et terreur. — *Rev. des questions hist.* 1939, avril, p. 3—20.

Stern, J. Un brasseur d'affaires sous la Révolution et l'Empire. Le mari de Mademoiselle Lange, Michel-Jean Simon. (1762—1833). P., 1935.

См. также с. 772: **Mathiez, A.** La vie chère...

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ СРЕДИ ЯКОБИНЦЕВ. ТРЕТИЙ МАКСИМУМ.

Billaud-Varenne, J. N. Mémoires inédits et correspondance accompagnés des notices biograph. sur Billaud-Varenne et Collot d'Herbois, par A. Bégis. P., 1893. (Curiosités révolutionnaires.)

Braesch, F. Deux documents relatifs a Chaumette. — *Rév. franç.* 1908, t. 54, p. 428—434.

Chaumette, P. Papiers de Chaumette, publ. avec une introd. et des notes par F. Braesch. P., 1908. 232 p. (Soc. de l'hist. de la Rév.)

Cloots, A. Croisade civique. Discours prononcé à la société des jacobins le 19 août 1793. P., s. a. 8 p.

Sarnt-Aubin, C. Tableau comparatif des denrees et des marchandises. P., anIV.

Tableau général du maximum de la Révolution française, décreté par la Convention nationale le 6 ventôse an II. T. 1—3. P., an II. [Le 3-e maximum.]

Вороницын, Н. История атеизма. Вып. 3. Борьба с религией и атеизм в эпоху Французской революции. М., 1927, 175 с.

Попов, М. С. Французская революция и религия. Пг., 1919, 383 с.

Aulard, A. Le culte de la Raison et le culte de l'Être suprême, 1793—1794. 3-e éd. P., 1909. VIII, 371 p. — Пер.: **Олар, А.** Культ разума и культ верховного существа во время Французской революции. Пер. Е. С. Коц и А. Н. Красика. Л., 1925. 235 с.

Avenel, G. Anacharsis Cloots, l'orateur du genre humain. T. 1—2. P., 1865.

Braesch, F. Chaumette et l'hébertisme en frimaire an II. — *Rév. franç.* 1908, t. 55, p. 481—513.

Dard, E. Un épicurien sous la terreur. Hérault de Sechelles (1759—1794). D'après des doc. inéd. P., 1907. 338 p.

Duplessis. La déchristianisation dans l'Est et en Côte-d'Or. — *Annales rév.* 1921, p. 231—235.

Eude, M. La Commune robespierriste. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1933, p. 412—425; 1934, p. 323—347, 528—556. 1935, p. 132—161, 495—518; 1936, p. 289—316.

Mathiez, A. La conspiration de l'étranger. P., 1918. 314 p. (Études robespierristes.)

Mathiez, A. La corruption parlementaire sous la terreur. 2-e éd. rev. et augm. P., 1927. 327 p. (Études robespierristes.)

Mathiez, A. Les origines des cultes révolutionnaires (1789—1792). P., 1904. 150 p.

Mathiez, A. Un procès de corruption sous la terreur. L'affaire de la Compagnie des Indes. P., 1920. 399 p.

Mathiez, A. Robespierre et le culte de l'Être suprême. — *Annales rév.*, 1910, p. 209—238.

Mauthner, F. Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande. Bd 4. Buch 3. Aufklärung — Grosse Revolution. Stuttgart, 1923. — Пер. **Маутнер, Ф.** Атеизм в эпоху Великой французской революции. Пер. И. Я. Колубовского Л., 1924. 78 с.

Mautouchet, P. La population parisienne et la crise de l'alimentation sous la terreur. — *Rév. franç.* 1917, p. 115—131.

Regnard, A. Chaumette et la Commune de 93. Contribution a l'histoire de l'hebertisme. — *Rev. socialiste.* 1890, t. 11. p. 68—86.

Stern, S. A. Cloots, der Redner des Menschengeschlechtes. Ein Beitrag zur Geschichte der Deutschen in der französischen Revolution. B., 1914. XX, 262 p. (Hist. Studien, H. 119.)

Tridon, G. La commune de Paris en 1793. Les hébertistes. 2-e éd. Bruxelles, 1871. 69 p. [1-e éd. 1864.]

Weber, H. La Compagnie française des Indes (1604—1875). Avec une préf. de E. Levasseur. P., 1904. XXXV, 761 p.

См. также: Деятели периода революции: Дантон, Демулен, Робеспьер, Сен-Жюст, с. 749—750; Органы революционного правительства, с. 775—777; Обострение борьбы среди якобинцев, с. 780.

Сен-Жюст. Две речи. I. О способе проведения в жизнь декрета, направленного против врагов революции. II. О сообществах, состоящих на службе у иностранных держав. Пер. с франц. Н. Любимова. —*Интернац. литер.* 1939, № 5—6, с. 133—145. [Речи на заседании Конвента 1794 г.].

Chabot, F. François Chabot, représentant du peuple, a ses concitoyens, qui sont les juges de sa vie politique. (Pluviôse an II.) Mémoire apologétique. Publ. pour la première fois par A. Mathiez. P., 1914. 90 p.

Jugement rendu par le Tribunal révolutionnaire, établi par la loi du 10 mars 1793, séant au Palais de Paris, qui sur la déclaration du jury... condamne Hébert, Ronsin, Vincent... à la peine de mort. P., 1794.

Procès instruit et jugé au Tribunal révolutionnaire contre Hébert et consorts [21—24 mars 1794]. P., an II. 116 p.

Pièces trouvées dans les papiers de Robespierre et complices. Imprimées en exécution du décret du 3 vendémiaire. Affaire Chabot, faction Proly. P., an III. 99 p.

Rapport d'un observateur sur le procès des dantonistes. [Publ. par A. Mathiez]. *Annales rév.* 1910, p. 239—242.

Dubourdieu. Le procès et la mort de Danton. Préf. de J. Bruhat. P., 1939. 71 p.

Girardot, J. La question des subsistances dans le dépt de la Haute-Saône au printemps de 1794 (pluviôse à germinal an II). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1929, p. 559—576.

Mathiez, A. La réorganisation du gouvernement révolutionnaire (germinal-floréal an II). —*Annales hist. de la Rév. fr.* 1927, p. 50—66.

Mathiez, A. La terreur, instrument de la politique sociale des robespierristes. Les décrets de ventôse sur le séquestre des biens des suspects et leur application. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1928, p. 123—219.

Robinet, J. F. E. Le procès des dantonistes d'après les documents, précédé d'une introd. hist. P., 1879. 616 p.

Schnerb, R. L'application des décrets de ventôse dans le district de Thiers (Dépt du Puy-de-Dôme). *Annales hist. de la Rév. fr.* 1929, p. 24—33.

Schnerb, R. Les lois de ventôse et leur application dans le dépt du Puy-de-Dôme. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1934, p. 403 — 434. Tiré à part: P., 1935. 32 p.

Tournier, A. Vadier, président du Comité de sûreté générale sous la terreur (d'après des doc. inéd.). Préf. de J. Claretie. P., 1896. 348 p.

К главе X

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯКОБИНЦЕВ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Познань. — Соч., т. VII, с. 356—357.

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Прения по польскому вопросу во Франкфурте. — Соч., т. VI, с. 370, 376—383.

Маркс, К., Энгельс, Ф. и др. Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 г. Соч., т. XV, с. 548.

Маркс, К. Демократический панславизм. Соч., т. VII, с. 214.

Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль. — Соч., т. XIII, ч. 1, с. 139.

Маркс, К. Капитал. т. I. — Соч., т. XVII, с. 499, 821.

Маркс, К. Письмо Энгельсу от 2 декабря 1856. (В кн.: **Маркс, К.** и **Энгельс Ф,** Письма. Изд. 4. М.—Л., 1932, с. 433.)

Маркс, К. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1. М., 1936, 232 с. [См. стр. 207 и 209.]

Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 301.

Энгельс, Ф. Внешняя политика русского царизма. — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 16.

Энгельс, Ф. Возможности и предпосылки войны Священного Союза против Франции 1852 г. — Соч., т. VIII, с. 448—453, 456, 459.

Энгельс, Ф. Письмо Марксу от 17 февр. 1870, — Соч., т. XXIV, с. 294—295.

Энгельс, Ф. Письмо Марксу от 22 февраля 1870.— Соч., т. XXIV, с. 298—299.

Энгельс, Ф. Письмо В. Адлеру от 4 декабря 1889 г. (В кн.: **Маркс, К.** и **Энгельс, Ф.** Письма. М.—Л., 1932, с. 362—364.)

Энгельс, Ф. Савойя, Ницца и Рейн. — Соч., т. XII, ч. 1, с. 217, 220—221.

Энгельс, Ф. Статьи об Англии. — Соч., т. VIII, с. 432.

Ленин, В. И. Война и революция. — Соч., т. XXX, с. 334—335.

Ленин, В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Соч., т. XXI, с. 189—190.

Ленин, В. И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов.—Соч., т. XXIII, с. 489.

Ленин, В. И. Конференция заграничных секций РС-ДРП.—Соч., т. XVIII, с. 127.

Ленин, В. И. О брошюре Юниуса. — Соч., т. XIX, с. 181, 187.

Ленин, В. И. Оппортунизм и крах II Интернационала. — Соч., т. XVIII, с. 340.

Ленин, В. И. Открытое письмо Борису Суварину.—Соч., т. XXX, с. 284, 286.

Ленин, В. И. Социализм и война. Соч., т. XVIII, с. 193—194.

Ленин, В. И. Третий Интернационал и его место в истории. — Соч., т. XXIV, с. 249.

Ленин, В. И. Успехи и трудности Советской власти. — Соч., т. XXIV, с. 63.

Сталин, И. В. Заметки на современные темы. (В кн.: Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг. М.—Л., 1928, с. 610, 611).

Сталин, И. В. Капиталистическое окружение. (В кн.: О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. [М.], 1937, с. 7—8.)

АНГЛИЯ — ОРГАНИЗАТОР ПЕРВОЙ КОАЛИЦИИ И ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕАКЦИИ

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Мемуары.,. с. 738—740 и Международные отношения, с. 746—748.

Burke, E. Three memorials on French affairs, written in the years 1791, 1792, 1793. L., 1797. XXX, 210 p.

Gower. The despatches of earl Gower, English ambassador at Paris from June 1790 to August 1792... Ed. by O. Browning. Cambridge, 1885. XXXVIII, 400 p.

The manuscript of J. B. Fortescue preserved at Dropmore. [Dropmore papers.] Vol. 1—3. L., 1894—1900. (Hist. manuscripts Commission.)

Pitt, W. The war speeches of William Pitt the younger. Selected and ed. by R. Coupland. Oxford, 1915. XLVIII, 360 p.

Pitt and Grenville. The case against the French revolution 1791—3. (In: Foundations of British foreign policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902) or documents... selected and ed. by H. Temperley and L. M. Penson. Cambridge, 1938, p. 1—8).

Cottin, P. Toulon et les anglais en 1793 d'après des documents inédits. 2-e éd. P., 1898, XV, 455 p.

Fortescue, J. W. British statesmen of the Great War, 1793—1814. Oxford, 1911. 279 p.

Fortescue, J. W. A history of the British army. Vol. 4. From the fall of the Bastille to the peace of Amiens, 1789—1801. 2d ed. L., 1915.

Ivernois, F. Le gouvernement anglais et la Révolution française. Genève, 1914, 109 p.

ШПИОНАЖ И ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Chabot. Deux lettres de Chabot à Saint-Just concernant la conspiration de l'étranger [publ. par G. Brunn]. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1933, p. 245—249.

Miles, W. A. The correspondence on the French revolution, 1789—1817. Ed. Ch. P. Miles. Vol. 1—2. L., 1890.

Fitzpatrick, W. J. Secret service under Pitt. L. 1892. X, 390 p.

King, A. Jersey, centre d'espionage au début de la période révolutionnaire.— *Rév. d'hist. mod.* 1934, p. 423—434.

Vermale, F. Joseph de Maistre et l'espionnage français en 1793. — *Annales rév.* 1920, p. 383—388.

Weil, H. Un agent de la Coalition. Le général de Stamford d'après sa correspondance inédite (1793—1806). P., 1923. 328, IV p.

См. также с. 780 : **Mathiez, A.** La conspirarion de l'étranger...

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯКОБИНЦЕВ

Допросы Костюшко, Немцовичу и проч. и их показания на франц. яз. с переводом их на русский. — *Чтения в имп. О-ве ист. и древ. рос.* 1866, кн. 3, отд. V, с. 38—54; кн. 4, отд. V, с. 185—230; 1867, кн. 1, отд. V, с. 60—130.

Barthélemy, F. Papiers de Barthélemy, ambassadeur de France en Suisse, 1792—1797, publ. par J. Kaulek, T. 1—4. P., 1886—1889.

Staël-Holstein, E. M. Correspondance diplomatique du baron de Staël-Holstein, ambassadeur de Suède en France, et de son successeur comme chargé d'affaires, le baron Brinckman. Doc. inéd. sur la Révolution (1793—1799). Recueil. aux Arch. royales de Suède et publ. avec une introd. par L. Leouzon Le Duc. P., 1881. XLVI, 321 p.

Desbrière, E. Projets et tentatives de débarquement aux îles Britanniques (1793—1805). T. 1. P., 1900. 394 p. (Publ. sous la dir. de la Section hist. de l'état-major de l'armée.)

Doyon, P. Une tournée dans les bureaux du Département des affaires étrangères en 1793. — *Rev. d'hist. dipl.* 1933, p. 310—326.

Mantoux, P. Le Comité de salut public et la mission de Genet aux États-Unis. — *Rev. d'hist. mod. et contemp.* 1919—1920, t. 13, p. 5—35.

Marcère, E. Une ambassade à Constantinople. La politique orientale de la Rév. franç. [1793—1799] T. 1—2. P., 1927.

Mathiez, A. La politique étrangère. Le plan robespierriste. — *Annales hist. de la Rev. fr.* 1935, p. 481—494.

The policy of France toward the Mississipi valley in the period of Washington and Adams. — *Amer. hist. rev.* 1905, vol. 10, p. 249—279.

Woodward, L. Les projets de deseente en Irlande et les réfugiés irlandais et anglais en France sous la Convention, [d'après des doc. inéd.]. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 1—30.

Ход военных действий

Неизданные документы времен якобинской диктатуры. Подг. к печ. Л. Шеншиной. С предислов. Е. Тарле.— *Историк марксист.* 1939, кн. 3, с. 136—141.

Coutanceau, H. La campagne de 1794 à l'armée du Nord. T. 1—4. P., 1903—1908. (Publ. de la Section hist., de l'état-major de l'armée).

Dupuis, V. La campagne de 1793 à l'armée du Nord et des Ardennes. T. 1—2. P., 1909. (Publ. de la Section hist. de l'état-major de l'armée).

Hennequin, L. La campagne de 1794 entre Rhin et Moselle. P., 1909. XXIV, 606 p. (Publ. de la Section hist. de l'état-major de l'armée).

Fervel, J. Campagne de la Révolution française dans les Pyrénées Orientales, 1793—1794—1795. T. 1—2. P., 1851—1853.

Legrand, L. La Révolution française en Hollande. 2-e éd. P., 1895. XVIII, 398 p.

Zeissberg, H. R. Zur Geschichte der Räumung Belgiens und des polnischen Aufstandes [1794.] Wien, 1888. 87 S.

К главе XI

КРУШЕНИЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Святое семейство. — Соч., т. III, с. 150—151.

Энгельс, Ф. Письмо В. Адлеру от 4 декабря 1889 г. (В кн.: **Маркс, К.** и **Энгельс, Ф.** Письма. М., 1932, с. 363.)

Энгельс, Ф. Положение Германии. — Соч., т. V, с. 8.

Ленин, В. И. Доклад о работе в деревне. VIII съезд РКП(б).—Соч., т. XXVI, с. 164.

Ленин, В. И. Доклад об очередных задачах Советской власти. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. — Соч., т. XXII, с. 482—483.

Ленин, В. И. Заметки публициста. — Соч., т. XIV, с. 295.

Ленин, В. И. Можно ли запугать рабочий класс «якобинством»? — Соч., т. XX, с. 556.

Ленин, В. И. Об оценке текущего момента. — Соч., т. XII, с. 383.

Ленин, В. И. Первоначальный проект резолюции о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии. X съезд РКП(б). — Соч., т. XXVI, с. 264.

Ленин, В. И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. — Соч., т. XXVI, с. 292—293.

Сталин, И. В. К вопросам ленинизма. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 11-е, с. 111).

См. также произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, указанные к главам VIII и IX.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 9—10 ТЕРМИДОРА

См. также литературу к гл. IX... Падение эбертистов и дантонистов, с. 781.

Billaud-Varenne, J. N. Mémoire inédit sur le 9 thermidor. *Rev. hist. de la Rév. fr.* 1910, p. 57—74, 161—175, 321—336.

Jugement rendu par le tribunal révolutionnaire établi à Paris qui ordonne que Maximilien Robespierre, Georges Couthon... declarés traitres à la patrie par décret du 9 thermidor seront livrés à l'exécuteur des jugements criminels pour leur faire subir la peine de mort... Du 10 thermidor, l'an II de la République. P., 10 thermidor an II. 11 p.

Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan... supprimés ou omis par Courtois, précédés du rapport de ce député à la Convention. T. 1—3. P., 1828. (Coll. des mém. rel. a la Rév. fr.)

Trois lettres inédites de Vouland sur la crise de thermidor, [publ. par A. Mathiez et H. Chobaut] — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1927, p. 67—77.

Кареев, Н. И. Неизданные протоколы Парижских секций 9 термидора II года. Спб., 1914. IV, 87 с. (Записки имп. Акад. наук по ист.-филос. отд., т. 12, № 4).

Кареев, Н. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. По архивным источникам. Пг., 1914, 86 с.

Тарле, Е. В. Жерминаль и Прериаль. М., 1937. 276 с. [В начале исследования дана характеристика отдельных термидорианцев.]

Barthou, L. Le 9 thermidor. P., 1926. 125 p.

Buonarroti, Ph. Observations sur Maximilien Robespierre. Introd. par Ch. Vellay. Chalons - sur - Saône, 1912. 12 p. (Publ. de la Soc. Robespierriste, t. 1). [Опубликовано впервые в 1837 г.]

Centore, D. Billaud Varenne.— *Commune.* 1939, num. spécial, 72, p. 1024 — 1036.

Godard, A. Le procès du 9 thermidor. P., 1912. XXXII, 326 p.

Hamel, E. Histoire de Robespierre et du

coup d'état du 9 thermidor. T. 1—3. P., 1879. [Книга того же автора — Thermidor d'après les sources originales et documents authentiques. P., 1891,—является извлечением из данной.]

Herriot, E. Fouché et Robespierre. *Rév. franç.* 1936, p. 193—215.

Mathiez, A. L'affaire Catherine Théot et le mysticisme chrétien révolutionnaire. (In: **Mathiez, A.** Contributions à l'histoire religieuse de la Révolution française. P., 1907, p. 97 — 142.)

Mathiez, A. Autour de Robespierre. P., 1926. 258 p

Mathiez, A. La campagne contre le gouvernement révolutionnaire a la veille du 9 thermidor: l'affaire Legray. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1927, p. 305—319.

Mathiez, A. Les divisions dans les comités à la veille de thermidor. *Rev. hist.* 1915, t. 118, p. 70—87.

Mathiez, A. Le maximum des salaires et le 9 thermidor. — *Annales hist. de la Rev. fr.* 1927, p. 149—151.

Mathiez, A. La politique de Robespierre et le 9 thermidor expliqués par Buonarroti. — *Annales rév.* 1910, p. 481—513 [Работу Буонарроти см. с. 783.]

Mathiez, A. Robespierre et le procès de Catherine Théot. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1929, p. 392—397.

Michon, G. Les séances des 8 et 9 thermidor au club des Jacobins. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1924, p. 498—506.

Soreau, E. À la veille du 9 thermidor. (Les gouvernés et les gouvernants.) P., 1933. 93 p.

См. также с. 780: **Aulard, A.** Le culte de la raison et le culte de l'Être suprême..; **Avenel, G.** Anacharsis Cloots...; с. 776: **Sainte-Claire Deville, P.** La Commune de l'an II. La fin de la Commune: le 9 thermidor. — *Rev. des questions hist.* 1939, avr., p. 64—104.

К главе XII

ФРАНЦУЗСКИЕ КОЛОНИИ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. Капитал. Т. I. — Соч., т. XVII, с. 831, прим. 247.

Ленин, В. И. О брошюре Юниуса. — Соч., т. XIX, с. 182.

БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ АНТИЛЬСКИЕ И МАСКАРЕНСКИЕ О-ВА. КОЛОНИИ В ИНДИИ

Brissot, J. P. Discours sur les causes des troubles de Saint-Domingue, prononcé à la séance de l'Assemblée législative du 1-er décembre 1791. P., [1791]. 87 p.

Brissot, J. P. Lettre à M. Barnave sur ses rapports concernant les colonies... P., 1790. 104 p.

Dumorier, J. P. Sur les troubles des colonies, et l'unique moyen d'assurer la tranquillité, la prospérité et la fidélité de ces dépendances de l'empire; en réfutation des deux discours de M. Brissot du 1-er et 3 déc., 1791. P., 1791. 60 p.

Roussier, P. Recueil des instructions du gouvernement à ses agents aux colonies. P., 1934.

Смирнов, К. В. Вопросы истории Турции и колониальной политики Франции конца XVIII в. в трудах Вольнея. (В кн.: Труды Моск. гос. инст. истории, филос. и лит. Т. 6. М., 1940, с 165—187.)

Barrey, Ph. Le Havre et la navigation aux Antilles sous l'Ancien Regime. La question coloniale en 1789—1791. (In.: Mém. et doc. pour servir à l'histoire du commerce et de l'industrie en France, publ. par J. Hayem. 5-e sér. P., 1917, p. 211—276.)

Boissonnade, P., Saint-Domingue a la veille de la Révolution et la question de la representation coloniale aux États generaux (janv. 1788 — 7 juil 1789). P., 1906. 229 p.

Cahen, L. La Société des amis des noirs et Condorcet. — *Rév. franç.* 1906, t. 1, p. 481—511.

Cardenal, L. Le Club des amis de la Convention du Fort de la République (Fort-de-France). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1931, p. 239—249.

Les colonies et la vie française pendant huit siècles. Par P. Deschamps, M. Bresson, A. Reussner [et a.] Avec le concours de **P. Roussier. Préf. de L. Bérard.** P., [1933.]. VII, 238 p.

Deschamps, L. Les colonies pendant la Revolution. La Constituante et la réforme coloniale. P., 1898. XXVI, 340 p.

Duchêne, A. La politique coloniale de la France. Le ministère des colonies depuis Richelieu. Préf. de G. Hanotaux. P., 1928. XVI, 347 p.

Labernadie, M. La Révolution et les établissements français dans l'Inde, 1790—1793. D'après les archives de Pondichery, des notes et des correspondances inéd. P., 1930. XVII, 343, XXX p.

Leclerc, L. La politique et l'influence du Club de l'Hôtel Massiac. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1937, p. 342—362.

Lémery, H. La Révolution française à la Martinique. P., [1936.] 388 p.

Lokke, C. L. France and the colonial question 1763—1801. A study of contemporary French opinions, 1763—1801. N. Y., 1932. 254 p.

Lokke, C. L. Le plaidoyer de Malouet en faveur de l'esclavage en 1789. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1938, p. 193—207.

Martin, Gaston. La doctrine coloniale de la France en 1789. — *Cahiers de la Rév. fr.* 1936, No 3, p. 7—44, 73—81.

Perroud, C. La Société française des

mis des noirs — *Rev. franç.* 1916, p. 128—147.
Roussier, P. L'application des lois de la Révolution aux colonies françaises (1788—1802). — *Cahiers de la Rév. fr.* 1935, No 3, p. 45—71.
Saintoyant, J. La colonisation française pendant la Révolution (1789—1799). T. 1—2. P., 1930.

К главе XIII

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Положение Англии. — Английская конституция.— Соч., т. II, с. 389.
Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Святое семейство.—Соч., т. III, с. 148—149, 150—151.
Маркс, К. К еврейскому вопросу. — Соч., т. I, с. 369—378.
Маркс, К. Капитал. Т. I. — Соч., т. XVII, с. 332.
Маркс, К. [Критика философии государственного права Гегеля.] — Соч., т. I, с. 557—558.
Маркс, К. Передовица в № 179 «Кельнской газеты». — Соч., т I, 1938, с. 193.
Маркс, К. Письмо Энгельсу от 30 января 1865 г.—Соч., т. XXIII, с. 233—234.
Маркс, К. Президенту Соединенных штатов Америки Аврааму Линкольну.— Соч., т. XIII, ч. 1, с. 21.
Энгельс, Ф. Анти-Дюринг, с. 15, примеч. 2-е (16, прим. 2-е).
Энгельс, Ф. Вариант введения к «Анти-Дюрингу».—Соч., т. XIV, с. 357—358.
Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 300.
Энгельс, Ф. Письмо Конраду Шмидту от 27 окт. 1890 г. (В кн.: **Маркс, К.** Избр. произв. в 2 т., т. I, с 352.)
Энгельс, Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Нищеты философии». — Соч., т. XVI. ч. 1, с. 179.
Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Соч., т. XV, с. 510.
Ленин, В. И. Великий почин. — Соч., т. XXIV, с. 342.
Ленин, В. И. Об оценке текущего момента. — Соч., т. XII, с. 379.
Сталин, И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10-е,с. 609).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ XVIII В. И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТАХ РЕВОЛЮЦИИ

См. также литературу к гл. III... Декларация прав человека и гражданина, с. 757, и литературу к гл. VIII... Конституция 1793 г... с. 774—775.

Duguit, L. et Monnier, H. Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789, 5-e éd. P., 1932. CCXXXIX, 393, 70 p. [Тексты и предисл. к ним.]
Mounier, J. J. Considérations sur les gouvernements et principalement sur celui qui convient a la France. Versailles, 1789. VIII, 104 p.
Волгин, В. П. Политический радикализм накануне Французской революции. — *Историк-марксист*. 1939, №3, с. 13—36.
Герман, Л. Жан-Жак Руссо и французская революция XVIII века. — *Под знам. марксизма*. 1939, № 8, с. 99—124.
Градовский, А. Д. Собрание сочинений. Т. 4. Спб., 1900. 813 с. [Кн. вторая. Отд. первый. Элементы и принципы революции. Отд. второй. Революция и империя.]
Ковалевский, М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. 3. М., 1906. 292 с.
Устинов, В. М. Учение о народном представительстве. Т. 1. Идея народного представительства в Англии и Франции до начала XIX в. М., 1912. 653 с.
Чичерин, Б. Н. История политических учений. Ч. 3. Новое время М., 1874. 442 с.
Carcassonne, E. Montesquieu et le problème de la constitution française au XVIII-e s. P., 1927. XVI, 736 p.
Champion, E. Esprit de la Révolution française. P., 1887. 360 p.
Champion, E. J. J. Rousseau et la Révolution française. P., 1909. VIII, 276 p.
Chantavoine, H. Les principes de 1789. (La déclaration des droits; la déclaration des devoirs). P., 1906. 321 p. — Пер. 2-й ч.: **Шантавуан, А.** Принципы 1789 г. Спб., 1907. 91 с.
Duguit, L. Traité de droit constitutionnel. 3-e éd. T. 1—2. P., 1927—1928.
Esmein, A. Éléments de droit constitutionnel français et comparé... 7-e éd. T. 2. Le droit constitutionnel de la République française. P., 1921. XV, 677 p.
Janet, P. Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. 4-e éd. T. 1—2. P., 1913.
Michel, H. L'idée de l'État. Éssai des théories critiques sur l'histoire sociale et politique en France depuis la Révolution. P., 1896. 659 p. — Пер.: **Мишель, А.** Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. Пер. П. Рождественского. М., 1909. XXIV, 802 с.
Redslob, R. Die Staatstheorien der Französischen Nationalversammlung von 1789. Ihre Grundlagen in der Staatslehre der Aufklarungszeit und in den englischen und amerikanischen Verfassungsgedanken. Lpz., 1912. 368 S.
См. также с. 745: **Dodu, G.** Le parlementarisme...

ГРАЖДАНСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Recueil complet des travaux préparatoires du code civil... par P. A. Fenet. T. 1. P., 1827, CXXXVIII, 523p. [Premier projet du Code civil, p. 1—98].

Les tribunaux civils de Paris pendant la Révolution (1791—1800). Doc. inéd. recueil. avant l'incendie du Palais de justice de 1871 par Casenave... publ. et annot. par A. Douarche.. T. 1—2. P., 1905—1907. (Coll. de doc. rel. à l'hist. de Paris pendant la Rév. fr.)

Полянский, Н. Судебное законодательство Учредительного и Законодательного собрании в эпоху первой французской революции (1789—1792 гг.). — *Советск. государство и право.* 1939, № 5, с. 73—89.

Полянский, Н. Судебное законодательство Конвента. — *Советск. государство и право.* 1940, № 1, с. 91—111.

Раевич, С. Великая французская революция и наследственное право.—*Советское право.* 1938, 1(31), с. 28—46.

Brinton, C. C. French revolutionary legislation on illegitimacy 1789—1804. Cambridge, 1936. 114 p.

Esmein, A. Précis élémentaire du droit français. Révolution, Consulat et Empire. P., 1908.

Fauchille, P. Traité de droit international public. 8-e éd. entièrement refondue... T. 1—2. P., 1921—1926.

Godart, F. La réforme judiciaire de 1789 à 1794 d'après Camille Desmoulins et la législation. P., 1897. 118 p.

Martin, O. La crise du mariage dans la législation intermédiaire (1789—1804). P., 1901. VII, 268 p.

Nys, E. La guerre maritime. Étude sur le droit international. Bruxelles — Lpz., 1881. 147 p.

Pistoye, A. et Duverdy, Ch. Traité des prises maritimes dans lequel on a refondu en partie le traité de Valin, en l'appropriant à la législation nouvelle. T. 1—2. P., 1854—1859.

Richter, K. Staats-und Geselischaftsrecht der französischen Revolution von 1789—1804. Bd. 1—2. B., 1865—1866.

Sagnac, Ph. La législation civile de la Révolution française, 1789—1804. P., 1898. XX, 445 p. — Пер.: **Саньяк, Ф.** Гражданское законодательство французской революции 1789—1804 гг. Пер. О. А. Старосельской-Никитиной. М., 1928. 374 с. [Библ.]

Seligman, E. La justice en France pendant la Révolution. T. 1—2. P., 1901—1913.

Viard, P. P. L'oeuvre juridique de la Convention. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1930, p. 525—548.

К главе XIV

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и **Энгельс, Ф.** Святое семейство. — Соч., т. III, с. 147, 149—150, 153—163.

Маркс, К. Капитал, Т. I. — Соч., т. XVII, с. 103; с. 409, прим. 89; с. 432; с. 677, прим. 75.

Маркс, К. Нищета философии. М., 1938, с. 102—103.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг, с. 10—11, прим. 2 (с. 11, прим. 1); 16 (17); 18 (20); 21 (23—24); 22 (25); 47—48; (57—59); 61—62 (76—77).

Энгельс, Ф. Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». — Соч., т. XVI, ч. 2, с. 290—291, 296, 299—301.

Энгельс, Ф. Диалектика природы. М., 1936. 306 с. [См. особ. с. 16, 22—24, 34—35, 39—40, 90, 91, 115, 162.]

Энгельс, Ф. Из старого предисловия к «Анти-Дюрингу» о диалектике [1878 г]. (В кн.: **Энгельс, Ф.** Анти-Дюринг, с. 269—274 (344—351) или в кн.: **Энгельс, Ф.** Диалектика природы. М., 1936, с. 68—74.)

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. (В кн. **Маркс, К.** Избр. произв. в 2-х т., т. I, с. 399, 421).

Энгельс, Ф. Предисловие [к тому II, книге 2-й «Капитала» Маркса]. —Соч., т. XVIII, с. 14—15.

Энгельс, Ф. Примечания к «Анти-Дюрингу [1878 г.] (В кн.: **Энгельс, Ф.** Анти-Дюринг, с. 274—285 (351—365) или в кн.: **Энгельс, Ф.** Диалектика природы. М.,1936, с. 75—85.)

Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — Соч., т. XV, с. 507, 512.

Энгельс, Ф. [Рецензия для «Düsseldorfer Zeitung».] Карл Маркс. Капитал. Т. 1. — Соч., т. XIII, ч. 1, с. 220.

Энгельс, Ф. Старое введение к «Диалектике природы». 1880 г. (В кн.: **Энгельс, Ф.** Диалектика природы. М., 1936, с. 88—99.)

Ленин, В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов. — Соч., т. XI, с. 460, 472.

Ленин, В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. — Соч., т. XXI, с. 190.

Ленин, В. И. Еще одно уничтожение социализма. — Соч., т. XVII, с. 269.

Ленин, В. И. Карл Маркс.—Соч., т. XVIII, с. 8—15.

Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Соч., т. XIII; особ. с. 166.

Ленин, В. И. О значении воинствующего материализма. Соч., т. XXVII, с. 189.

Ленин, В. И. О пролетарской культуре.— Соч., т. XXV, с. 409—410.

Ленин, В. И. Об отношении рабочей партии к религии. — Соч., т. XIV, с. 68.

Ленин, В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. —Соч., т. XXIV, с. 304, 518.

Ленин, В. И. Речь на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г. — Соч. т. XXV, с. 387.

Ленин, В. И. Социализм и религия. — Соч., т. VIII, с. 421—422.

Ленин, В. И. Три источника и три составных части марксизма. — Соч., т. XVI, с. 350.

Ленин, В. И. Успехи и трудности Советской власти. — Соч., т. XXIV, с. 65.

Ленин, В. И. Философские тетради. Под ред. В. В. Адоратского и В. Г. Сорина [М.], 1934. 475 с. [См. особ. с. 25—54.]

Сталин, И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. (В кн.: Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 610).

Сталин, И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией. (В кн: Вопросы ленинизма, изд. 10-е, с. 173).

ВВЕДЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕР И ВЕСА

Instructions sur les mesures déduites de la grandeur de la terre, uniformes pour toute la République... réd. par H a u ï. P., an II.

Méchain et **Delambre.** Base du système métrique décimal ou mesure de l'arc du méridien compris entre les parallèles de Dunkerque et Barcélone, éxécutée en 1792 et années suivantes. T. 1—2. P., 1806. — Пер.: **Мешен** и **Деламбр.** Основы метрической десятичной системы или измерение дуги меридиана, заключенной между параллелями Дюнкерка и Барселоны. Выполнено в 1792... М. — Л., 1926. XII, 136 с. (Классики естествознания, кн. 14.)

Bigourdan, G. Le système métrique des poids et mesures. Son établissement et sa propagation graduelle... P., 1901. VI, 458 p.

Favre, A. Les origines du système métrique. P., 1931. XI, 242 p.

Hellman, C. Legendre and the French reform of weights and measures. — *Osiris.* 1936, vol. 1, p. 314—340.

Le système métrique décimal, sa création en France, son évolution, ses progrès. P., 1930. 250 p. (Ministère du commerce et de l'industrie).

Vivier, R. L'application du système métrique dans le département d'Indre-et-Loire (1789—1815). — *Rev. d'hist. écon. et soc.* 1928, p. 182—216. [Tirage à part: P., 1929. 51 p.]

СОЗДАНИЕ НОВЫХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПЕРЕСТРОЙКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Le centenaire de la fondation du Muséum d'histoire naturelle (10 juin 1793—10 juin 1893). P., 1893—1894.

Chuquet, A. L'École de Mars (1794). P., 1899. 367 p.

Launay, L. Monge, fondateur de l'École polytechnique. P., [1933]. 280 p.

Maindron, E. L'académie des sciences. Histoire de l'Académie. Fondations de l'Institut national... P., 1888. 344 p.

Lefranc, A. Histoire du collège de France jusqu'à la fin du Premier Empire. P., 1893. 432 p. [Chap. 8: Le Collège de France pendant la Révolution, p. 269—307.]

Pinet, G. Histoire de l'École polytechnique. P., 1887.

УСПЕХИ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Под общ. ред. Д. С. Рождественского. 1766—1782. Сост. И. И. Л ю б и м е н к о. М.—Л., 1937. 606 с. [Имеются письма Лагранжа, Лапласа и Кондорсе.]

Boatner, Ch. H. Certain unpublished letters from French scientists of the revolutionary period taken from the files of Josep Lakanal. — *Osiris.* 1936, vol. 1, p. 173—184.

Вавилов, С. И. Наука и техника в период Французской революции. — *Под знам. марксизма.* 1939, № 8, с. 42—54.

Виргинский, В. С. Наука и техника на службе обороны якобинской республики. — *Сов. наука.* 1939, № 7, с. 89—105.

Старосельская, О. К истории науки в эпоху Французской буржуазной революции 1789—1794 гг. — *Историк-марксист.* 1939, кн. 3, с. 109—135.

Таннери, П. Исторический очерк развития естествознания в Европе. (с 1300 по 1900 гг.) Пер. с франц. М.—Л., 1934. 310 с. [Пер. статей, напечат. в кн. Histoire générale, publ. sous la dir. de E. L a v i s s e et A. R a m b a u d.]

Cuvier, G. Rapport historique sur les progrès des sciences naturelles depuis 1789 et sur leur état actuel, présenté... le 6 févr. 1808... P., 1810. XVI, 299 p. [I. Chimie. II. Histoire naturelle. III. Sciences d'application].

Dannemann, F. Die Entwicklung der Naturwissenschaften. 2. Aufl. Lpz., 1903. 450 S. (Grundriss einer Geschichte der Naturwissenschaften. Bd 2). — Пер.: **Дашемани, Ф.** История естествознания. Пер. П. С. Юшкевича. Т. 3. М., 1938. XII, 358 с.

Pouchet, G. Les sciences pendant la terreur, d'après les documents du temps et les pièces des Archives nationales, avec avertiss., notes et corr. par J. G u i l l a u m e. P., 1896. 60 p.

Solomon, J. L'union de la science et du peuple. — *Commune.* 1939, num. spécial, 72, p. 963—970.

Математика, астрономия и механика

Мрочек, В. Р. Возникновение и развитие теории вероятности. (В кн.: Архив истории науки и техники. Вып. 2. Л., 1934, с. 45—60.)

Chapelon, J. La Révolution et les mathématiciens. — *Commune*. 1939, num. spécial, 72, p. 955—962.

Delambre, J. B. J. Histoire de l'astronomie au XVIII-e s., publ. par M. M a t h i e u. P., 1827. 132 p.

Histoire de l'Académie des sciences... Avec les mémoires de mathématique et de physique... Tirés des registres de cette Académie. Années 1788—1790. P., 1791—1797.

Histoire des sciences en France. T. 1. Mathématiques, mécaniques, astronomie, physique et chimie. P., [1924.] XX, 619 p. (**Hanotaux, G.** Histoire de la nation française. T. 14.)

Nielsen, N. Géomètres français sous la Révolution. Copenhague, 1929. VIII, 250 p.

Vorlesungen über Geschichte der Mathematik. Hrsg. v. M. C a n t o r. Bd 4. Von 1759 bis 1799. Lpz. — B., 1924 1113 S.

Wolf, C. Histoire de l'observatoire de Paris, de sa fondation à 1793. P., 1902. XII, 392 p.

Карно

Carnot, L. M. Oeuvres mathématiques... Basle, 1797. [В этом изд. впервые напечатаны: Réflexions sur la métaphysique du calcul infinitésimal.] — Пер.: **Карно, Л.** Размышления о метафизике исчисления бесконечно малых. Пер. Н. М. Соловьева. Изд. 2-е. М.—Л., 1936. 325 с.

Лагранж

Lagrange, J. L. Mécanique analytique. 4-e éd... publ. par G. Darboux. T. 1—2. P., 1888—1889. [1-e éd. 1787.]

Lagrange, J. L. Théorie des fonctions analytiques... Nouv. éd. rev. et augm. par l'auteur. P., 1813. IX, 383 p. [1-e éd. 1797.]

Жозеф Луи Лагранж. 1736—1836. Сб. ст. к 200-летию со дня рождения. М.—Л., 1937. 140 стр.

Полак, Л. С. Лагранж и принцип наименьшего действия. (В кн.: Архив истории науки и техники. Вып. 5. М.—Л., 1935, с. 155—181.)

Лаплас

Laplace, P. S. Exposition du système du monde... 6-e éd. Bruxelles, 1827. VIII, XII, 552 p. [1-e éd. 1794.] — Пер.: **Лаплас.** Изложение системы мира. Пер М. С. Хотинским. Т. 1. Спб., 1861 418 с.

Андронов, А. и **Андронова, Е.** Лаплас. М., 1930. 192 с.

Воронцов-Вельяминов, Б. А. Лаплас. М., 1937. 281 с.

Фесенков, В. Г. Лаплас. М.—Л., 1925. 71 с.

Andoyer, H. L'oeuvre scientifique de Laplace. P., 1922. 162 p.

Picard, E. Un double anniversaire: Newton et Laplace. — *Rev. gén. des sciences pures et appliquées*. 1927, t. 38, p. 357—366.

Лежандр

Legendre, A. M. Éléments de géométrie. P., 1794.

Монж

Monge, G. Géométrie descriptive. P. 1799. — Пер.: **Монж, Г.** Приложение анализа к геометрии. Пер. с франц. В. А. Гуковского. М.—Л., 1936. 699 с.

См. также с. 787: **Launay, L.** Monge fondateur de l'École polytechnique...

Физика. Химия

Baud, P. Industrie chimique en France. Étude hist. et géographique. P., 1932. 420 p.

Baud, P. Les origines de la grande industrie chimique en France. — *Rev. hist.* 1934, t. 174, p. 1—18.

Lenoir, H. Historique et législation du salpêtre; les pharmaciens et les ateliers révolutionnaires du salpêtre (1793—1795). P., 1922. 234 p.

Бертолле

Cuvier, G. L. Éloge historique de Berthollet, lu le 7 juin 1824. (In: **Cuvier, G. L.** Recueil des éloges historiques... T. 3. P., 1827, p. 179—227.)

Färber, E. Berthollet. (In: Das Buch der grossen Chemiker. Bd 1. B., 1929, S. 342—349.)

См. также с. 789: **Berthollet, M.** Éléments de l'art de la teinture...

Гитон-Морво

Bouchard, G. Guyton-Morveau, chimiste et conventionnel (1737—1816). P., 1938. 365 p.

Sagnac, Ph. La chimie française au XVIII-e s. d'après un ouvrage récent. — *Rév. franç.* 1939, p. 34—55. [По поводу кн.: **Bouchard, G.** Guyton-Morveau chimiste et conventionnel. P., 1938. См. выше.]

Лавуазье

Лавуазье, А. Л. Мемуары. О природе вещества, соединяющегося с металлами при прокаливании их и увеличивающего их вес. Опыты над дыханием животных. О природе воды, экспериментальный метод. Введение к элементарному курсу химии. Избранные места в пер. Е. и Н. Троповских; под ред., с биографией А. Лавуазье и предисл. М. А. Блох. 2-е изд. Л., 1931. 79 с. (Классики мировой науки.)

Lavoisier, A. L. Traité élémentaire de chimie. Avant-propos par H. Chatelier. P., 1937. XXXVIII, 191 p. [1-e éd. P., 1789.]

Каблуков, И. А. Работы Лавуазье по теории горения тел. — *Технико-экономич. вестн.* 1926, № 8, с. 496—501.

Berthelot, M. La révolution chimique. Lavoisier... P., 1890. XII, 334 p.
Grimaux, E. Lavoisier, 1743—1794, d'après sa correspondance, ses manuscrits, ses papiers de famille et d'autres doc. inéd. P., 1888. 398 p.

Фуркруа

Fourcroy, A. F. La philosophie chimique... P., 1792.

Шапталь

Chaptal, J. A. Éléments de chimie. T. 1—3. Montpellier, 1790.
Pigeire, J. La vie et l'oeuvre de Chaptal. Préf. de G. Hanotaux. P., 1932. 394 p.

См. также с. 787: **Launay, L.** Monge fondateur de l'École polytechnique...

Биологические науки и медицина

Lavoisier, A. L. Mémoires sur la respiration et la transpiration des animaux. P., 1920 VIII, 67 p. (Les maitres de la pensée scientifique) —Premier mémoire sur la respiration 1789. Premier mémoire sur la transpiration 1790.
Тимирязев, К. А. Наука. Очерк развития естествознания за три века (1620—1920). М., 1920. 63 с.
Histoire des sciences en France. T. 2. Histoire des sciences biologiques. P., [1925]. 621 p. (**Hanotaux, G.** Histoire de la nation française. T. 15.)
Prenant, M. La Révolution française et les sciences biologiques. — *Commune.* 1939, num. spécial, 72, p. 971—981.
Saucerotte, C. Les médecins pendant la Révolution 1789—99. Ouvrage posthume publ. par sa famille. P., 1887. V, 163 p.

Ламарк

Lamarck, J. B. Philosophie zoologique, ou exposition des considérations relatives à l'histoire naturelle des animaux. P., 1907. 316 p. [1-e éd. 1802.] — Пер.: **Ламарк.** Философия зоологии. Пер. С. В. Сапожникова. Ред. и биогр. очерк В. П. Карпова. Вступ. ст. акад. В. Л. Комарова. Т. 1—2. М.—Л., 1935—1937.
Lamarck, J. B. Hydrologie, ou recherches sur l'influence qu'ont les eaux sur la surface du globe terrestre;... enfin sur les changements que les corps vivans exercent... P., 1802.
Комаров, В. Л. Ламарк. М.—Л., 1925. 144 с.
Daudin, H. Cuvier et Lamarck. Les classes zoologiques et l'idée de série animale (1790—1830). P., 1926. 460 p.
Landrieu, M. Lamarck, le fondateur du transformisme. Ouvrage publ. par la Société zool. de France... P., 1909. XIII, 478 p.
Tschulok, S. Lamarck. Eine krit. hist. Studie. Zürich — Lpz., 1937. 190 S.

Промышленность и техника

Avis aux ouvriers en fer sur la fabrication de l'acier, publ. par ordre du Comité de salut public, par Vandermonde, Monge et Berthollet. P., 1794. 31 p., 5 pl.
Berthollet, M. Éléments de l'art de la teinture. T. 1—2. P.. 1791.
Monge, G. Description de l'art de fabriquer les canons, faite en exécution de l'arrêté du Comité de salut public, du 18 pluviôse de l'an II de la République française. P., an II. VIII, 231 p.
Proces-verbaux du Bureau de consultation des arts et métiers. Introd. par Ch. Ballot. — *Bull. d'hist. écon. de la Rév.* Année 1913, No 1, p. 15—160.
Раскин, Н. М. Николай Леблан (1742—1806). Основатель фабричного производства соды. (В кн.: Пионеры индустрии. М.—Л., 1937, с. 113—135).
Творцы машин. Сборник. М., 1937. 230 с.
Ballot, Ch. L'Introduction du machinisme dans l'industrie française. Publ. par C. Gevel. Lille, 1923. XVIII, 576 p. (Com. des travaux hist. et scient. Sect. d'histoire mod. T. 9).
Ballot, Ch. La Révolution technique et les débuts de la grande exploitation dans la métallurgie francaise: l'introduction de la fonte au coke en France et la fondation du Creusot. — *Rev. d'hist. des doctrines écon. et soc.* 1912, No 1, p. 29—62.
Chaptal, J. A. De l'industrie françoise. T. 1—2. P., 1819.
Des Cilleuls, A. Histoire et régime de la grande industrie en France aux XVII et XVIII s. P., 1898. 410 p.
Richard, C. Le Comité de salut public et les fabrications de guerre sous la terreur. P., 1922. XXIII, 835 p. [Дополнением к ней является работа того же автора: «Les forges de guerre et les fabrications des armes pendant la Révolution», 1928.]

См. также с. 787: **Вавилов, С. И.** Наука и техника, в период Французской революции..; **Виргинский, В. С.** Наука и техника на службе обороны якобинской республики...

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Плеханов, Г. В. Очерки по истории материализма. Л., 1938. 160 с.
Bury, J. B. The idea of progress:an inquiry into its origin and growth. L., 1920 392 p.
Cahen, L. L'idée de lutte des classes au XVIII-e s. *Rev. de synthèse hist.* 1906, 12.

Delvaille, I. Essai sur l'histoire de l'idée de progrès jusqu'a la fin du XVIII-e s. P., 1910. XII 761 p.

Picavet, P. Les idéologues. Essai sur l'histoire des idées et des théories scientifiques philosophiques... en France depuis 1789. P., 1891. XII, 628 p.

Барнав

Barnave, A. P. Oeuvres mises en ordre et publ. par M-me Saint-Germain, sa soeur. T. 1—4 P., 1843.

Попов-Ленский, И. Л. Антуан Барнав и материалистическое понимание истории. М.—Л., 1924. 195 с.

Sainte-Beuve, C. A. Oeuvres de Barnave. (In: **Sainte-Beuve, C. A.** Causeries du lundi. 4-e éd. T. 2. P., s. a., p. 22—43).

Вольней

Вольней, К. Ф. Руины, или размышления о революциях империй. Пер. с франц. с предисл. В. С. Рожицына. М., 1928. 136 с.

[Volney, C. F.] Lettre des bourgeois aux gens de la campagne. [Angers], 1789. 24 p.

Volney, C. F. La loi naturelle ou Catéchisme du citoyen français. Éd. complète et critique (textes de 1793 et de 1826) par Gaston Martin. P., 1934. 164 p. (Les classiques de la Rév. franç.)

Volney, C. F. Oeuvres choisies. Les ruines. La loi naturelle. Nouv. éd. P., 1833. 585 p.

Volney, C. F. Oeuvres complètes. 2-e éd. T. 1—8. P., 1825—1826.

Sainte-Beuve, C. A. Volney. (A propos du livre d'Eugène Berger sur Volney.) (In: **Sainte-Beuve, C. A.** Causeries du lundi. [4-e éd.] T. 7. P., s. a., p. 389—433).

Кондорсе

Condorcet. M. J. A. Tableau historique des progrès de l'esprit humain. P. 1900. VIII, 462 p. [1-e éd. sous le titre: Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. Ouvrage posthume. S. l., 1795. 364 p.— Пер.: **Кондорсе, Ж. А.** Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Пер. М. А. Шапиро. М., 1936. XI, 264 с.

Alengry, F. La philosophie politique de la Révolution française dans son expression la plus élevée: Condorcet. — *Rev. franç.* 1938, p. 109—134.

Schapiro, J. S. Condorcet and the rise of liberalism. N. Y., 1934. 311 p.

См. также: Деятели периода революции... Кондорсе, с. 749.

ПОЛИТИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ В 1789—1794 ГГ. В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de l'Assemblée législative, publ. et annot. par J. Guillaume. P., 1889. 510 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de France.)

Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention nationale, publ. et annot. par J. Guillaume. T. 1—6. P., 1891—1907 (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de France.)

Гаталов-Готлиб, А. Г. Среднее образование во Франции перед буржуазной революцией 1789 г. и планы его реформы. — *Сов. педагогика.* 1939, № 4, с. 112—122.

Педагогические идеи Великой французской революции. Речи и доклады Мирабо и др. Пер. и вступ. ст. О. Е. Сыркиной. М., 1926. 281 с.

Фортунатов, А. Закон 29 фримэра II г. (Из истории народного образования во время Вел. франц. револ.) — *Учен. записки Инст. ист.* 1927, т. 2, с. 110—136.

Allain, E. L'oeuvre scolaire de la Révolution 1789—1802. Études crit. et doc. inédits. P., 1891. VIII, 436 p.

Allain, E. La question d'enseignement en 1789 d'après les cahiers. P., 1886. VII, 360 p.

Bois, T. La vie scolaire et la création intellectuelle en Anjou pendant la Révolution (1789—1799). P., 1929. LXIII, 611 p.

Duruy, A. L'instruction publique et la Révolution. P., 1882. 502 p.

Liard, L. L'enseignement supérieur en France, 1789—1889. T. 1. P., 1888. 474 p.

Sicard, A. L'éducation morale et civique avant et pendant la Révolution (1700—1808). P., 1884. X, 583 p.

Vial, F. Condorcet et l'éducation démocratique. P., 1903. 124 p.

Wallon, H. La Révolution et l'enseignement. — *Commune.* 1939, num. spécial, 72, p. 944—954.

Wolff, M. Les doctrines de l'éducation révolutionnaire. (In: L'oeuvre sociale de la Révolution française. P., 1901, p. 107—216.)

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК ПЕРИОДА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Шенье, А. Узница. (В кн.: Французские лирики XVIII века. Сб. под ред. В. Брюсова. М., 1914, с. 194—196).

Шенье, А. Ямбы. (В кн.: Французские лирики XVIII века. Сб. под ред. В. Брюсова. М., 1914, с. 196—199).

Chénier, A. Oeuvres, publ. avec une introd. et des notes par H. Clouard. T. 2. P., 1927. 266 p.

Chénier, M. J. Oeuvres... rev., corr. et mises en ordre par D. Ch. Robert. T. 1—4. P., 1824.

Lavallée, J. Le nègre comme il y a peu de blancs. T. 1—3. Madras—P., 1789.

Lebrun, P. D. E. Oeuvres, mises en ordre et publ par P. L. Ginguené. T. 1—4. P., 1811.

Mercier, L. S. Le nouveau Paris. P. 1—6. P., an V (1797).

Restif de la Bretonne. Monsieur Nicolas ou le cœur humain dévoilé; mémoires intimes... T 1—16. P., 1794—1797.

Restif de la Bretonne. Les nuits de Paris ou le spectateur nocturne. T. 1—15. P., 1788—1791. — Пер.: **Ретиф де ла Бретон.** Ночи революции. М.—Л., 1924. 126 с.

Державин К. Борьба классов и партий в языке Французской революции. (В кн.: Язык и литература. Л., 1927, т. 2, вып. 1, с. 1—62.)

Brunot, F. Histoire de la langue française dès origines à 1900. T. 9. Le Français, langue nationale. P., 1927. XV, 616 p.

Gérusez, E. Histoire de la littéraiture française pendant la Révolution 1789—1800. 3-e éd. P., 1861. VIII, 423 p.

Gourmont, R. L'Aimanach des muses pendant la Révolution. (In: **Gourmont, R.** Promenades littéraires. 2-e sér. 3-e éd. P., 1900, p. 317—343.) [Обзор содержания «Almanach des muses» за 1790—1796 гг.]

Lafargue, P. La langue française avant et après la Révolution.—*Ère nouvelle*, 1894, févr. — Пер.: **Лафарг, П.** Язык и революция. Франц. язык до и после революции. Пер. Т. Фалькович и Е. Шишмаревои. М.—Л., 1930. 96 с.

Peroud, C. Sur un des Iambes d'André Chénier. — *Rev. franç.* 1913, t. 65, p. 27—103.

Sainte-Beuve, C. A. Le Brun-Pindare. (In: **Sainte-Beuve, C. A.** Causeries du lundi. 3-e éd. T. 5. P., s. a., p. 145—167.)

ЖИВОПИСЬ. СКУЛЬПТУРА. АРХИТЕКТУРА

См. также: Иллюстративный материал, с. 798.

Description des ouvrages de peinture, sculpture, architecture et gravure exposes aux Sallons [sic] du Louvre par les artistes composant la Commune generale des arts le 10 août 1793, l'an II de la Republique française. P., 1793.

Procès-verbaux de la Commission des monuments (1790—1794), publ. par L. Tuetey... T. 1—2. P., 1902—1903.

Procès-verbaux de la Commission temporaire des arts, pub. et annot. par L. Tuetey, T. 1. 1-er septembre 1793—30 frimaire an III. 1912. LXIV, 688 p. (Coll. de doc. inéd. sur l'hist. de France.)

Procès-verbaux de la Commune générale des arts, de peinture, sculpture, architecture et gravure (18 juil 1793 tridi de la 1-e décade du 2-e mois de l'an II) et de Société populaire et républicaine des arts (3 nivôse an II — 28 floréal an III), publ... avec une introd. et des notes par H. Lapauze. P., 1903. LXXVIII, 540 p.

Аркин, Д. Е. Архитектура эпохи Великой французской революции. Доклад на I сессии кабинета теории и истории архитектуры. — *Акад. архитектуры.* 1934, № 1—2, с. 8—14.

Аркин, Д. Е. Борьба за стиль в живописи XVIII—XIX веков. М., 1933. 92 с.

Греч, А. Великая французская революция в свете современной ей иллюстрации. — *Печать и револ.* 1925, № 7, с. 142—158.

Кауфман, Э. Архитектурные проекты Великой французской революции. (В кн.: **Алпатов, М.** и др. История архитектуры в избранных отрывках. М., 1935, с. 395—402.)

Лисенков, Е. «Капричос» Гойи и сатирическая графика Французской буржуазной революции 1789 г. — *Искусство.* 1927, № 5, с. 119—140

Angrand, P. M. La Révolution et les beaux-arts.—*Commune.* 1939, num. spécial, 72, p 982—992.

Bertrand, L. La fin du classicisme et le retour à l'antique dans la seconde moitié du XVIII e s. et les premières années du XIX-e en France. P., 1897. XVI, 425 p.

Blondel, S. L'art pendant la Révolution. P., 1887. 306 p

Boppe, A. et Bonnet. Les vignettes emblématiques sous la Revolution. P., 1911. 781 p.

Despois, E. Le vandalisme révolutionnaire; fondations littéraires, scientifiques et artistiques de la Convention. 2-e éd. précédée d'une lettre de l'auteur a E. Arago et d'une notice biogr. et litt. par Ch. Bigot. P., 1885. XXIV, 324 p. [Опровергаются реакционные измышления о «вандализме» революционеров.]

Dreyfous, M. Les arts et les artistes pendant la période revolutionnaire (1789—1795). D'après les doc. de l'époque. P., 1906. VIII, 471 p.

Durus, A. Klassizismus und Realismus in der Kunst der französischen Revolution. — *Int. Lit.* 1939, No 7, S. 137—144.

Renouvier, J. Histoire de l'art pendant la Révolution consideré principalement dans les estampes... T. 1—2. P., 1863.

Benoît, F. L'art français sous la Révolution et l'Empire. P., 1897. XII, 458 p. — Перев.: **Бенуа, Ф.** Искусство Франции эпохи республики и первой империи. М.—Л., 1940. 379 с.

Schneider, R. Le portrait pendant la Révolution. — *Rev. franç.* 1936, p. 1—11.

Vauthiez, G. Le Panthéon français sous la Révolution. — *Annales rév.* 1910, p. 395—416.

Давид, Л. Речи и письма живописца Луи Давида. Пер. Б. Денике. Ввод. ст. Д. Аркина. М.—Л., 1933. 277 с.
Аллатов, М. «Марат» Давида. — *Искусство*. 1938, № 2, с. 109—121.
Аркин, Д. Е. Луи Давид и классицизм третьего сословия. — *Искусство*, 1933, № 3, с. 24—54.
Замятина, А. Н. Давид. М.—Л., 1936. 121 с.
David, J. L. Le peintre Louis David. 1748—1825. Souvenirs et doc. inéd. par J. L. J. David son petit fils. P., 1880. 678 p.
Humbert, A. Louis David, peintre et conventionnel. Essai de critique marxiste. P., 1936. 183 p. — Пер.: **Эмбер, А.** Луи Давид. Живописец и член Конвента. Пер. Э. Б. Шлосберг. Под ред. В. Я. Бродского. Л.—М., 1939. 156 с.
Rosenthal, L. Louis David. P., 1904 IX, 175 p.
Saunier, Ch. Louis David. P., 1903. 128 p.

ТЕАТР

Picard, L. Théâtre républicain, posthume et inédit de L. B. Picard. Publ. par Ch. Lemesle. P., 1832. 558 p.
Talma, F. J. Mémoires... recueil. et mis en ordre sur les papiers de sa famille par A. Dumas. T. 1—4. P., 1849—1850. — Пер: **Тальма, Ф. Ж.** Мемуары. Вступ. ст. пер. и прим. И. И. Соллертинского. М.—Л., 1931. 336 с.
Théâtre de la Révolution ou choix de pièces de théâtre qui ont fait sensation pendant la période révolutionnaire. Avec une introd. par L. Moland. P., 1877.

Борецкий-Бергфельд, Н. Политическая роль французского театра в эпоху Великой революции.—*Современ. мир.* 1907, № 5, с. 249—264.
Дейч, А. Красные и черные. Актеры в эпоху Французской революции. М.—Л., 1939. 121 с.
Дейч, А. И. Тальма. М., 1934. 304 с.
Державин, К. Н. Театр Французской революции. 1789—1799. 2-е изд. Л.—М., 1937. 311 с.
Державин, К. Театр в законодательстве Великой французской революции. (В кн.: О театре. Сб. ст., вып. 2. Л., 1927, с. 7—34.)
Нашон, В. Франсуа-Жозеф Тальма (1763—1826). М.—Л., 1939. 153 с.
Albert, M. Les théâtres des boulevards (1789—1848). P., 1902. 385 p.
Barbé, J. J. Le théâtre à Metz pendant la Revolution (1790 — an II). — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1937, p. 359—388.
Brunetière, F. Les époques du Théâtre français (1636—1850). 5-e éd. P., 1914. 404 p.
Courteault, P. La Révolution et les théâtres à Bordeaux. D'après des doc. inéd. P., 1926. 287 p.
Hérissay, J. Le monde des théâtres pendant la Révolution, 1789 — 1800, d'après des doc. ined. P., 1922. 448 p.
Péricaud, L. Histoire de l'histoire des grands et des petits théâtres de Paris pendant la Révolution, le Consulat et l'Empire. T. 1—2. P., 1908—1909.
Pougin, A. La Comédie Française et la Révolution. P., 1902. 339 p.
Pougin, A. L'Opéra Comique pendant la Révolution de 1788 à 1801, d'après des doc. inéd. et les sources les plus auth. P., 1891.
Reynoard, P. Les comédiens pendant la Révolution. — *Annales rév.* 1916, p. 626—650.
Saurel, L. Le théâtre sous la Révolution.— *Commune*. 1939, num. spécial, 72, p. 993—1004.
Welschinger, H. Le théâtre de la Révolution. P., 1880. 524 p.

МУЗЫКА

Chanson sur le Maximum, [publ. par A. Mathiez]. — *Annales rev.* 1921, p. 422—423. Extr. d'un *Almanach républicain* pour l'an III.
Chansonnier républicain 1793—1848. P., 1848. 180 p.
Musique des fêtes et cérémonies de la Revolution française, oeuvres de Gossec, Cherubini, Lesueur, Méhul, Catel etc., recueil. et transcrites par C. Pierre. P., 1899. LXXI, 582 p. (Ville de Paris. Publ. rel. à la Rév. fr.)

Овсянников, А. Великая французская революция в песнях современников. Пб., 1920. 72. с.
Радиге, А. Французские музыканты эпохи Великой французской революции. Пер. с франц. М., 1934. 222 с. [Оригинал напечатан в «Encyclopédie de la musique» 1921, t. 3, pt. 1., p. 1569—1660.]
Chabaud, A. La Marseillaise. Chant patriotique «Girondin». — *Annales hist. de la Rev. fr.* 1936, p. 460—467.
Hellouin, F. Gossec et la musique française à la fin du XVIII-e s. P., 1903. 204 p.
Isambert, G. Histoire du «Ça ira». — *Rev. franç.* 1899, t. 36, p. 513—529.
Pierre, C. B. Sarette et les origines du Conservatoire national de musique et de déclamation. P., 1895. X, 196 p.
Pierre, C. Les hymnes et chansons de la Revolution. Aperçu général et catalogue avec notices hist., analyt. et bibliograph. P., 1904. XIV, 1040 p. (Ville de Paris. Publ. rel. à la Rév. fr.)
Tiersot, J. Histoire de la Marseillaise. Nombr. grav. documentaires... P., 1915. VIII, 152 p.
Tiersot J. Quelques notes inédites sur les origines de «la Marseillaise». — *Rév. franç.* 1918, p. 481—500.

Vauthier, G. Un chant de guerre oublié de Rouget de Lisle «Le Roland furieux». *Annales rév.* 1922, p. 65—67.

См. также ниже: **Tiersot, J.** Les fêtes et les chants; с. 769: **Blaukopf.** Beethoven...

БЫТ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ

Une chanson contre le célibat des prêtres. Air des Marseillais. [Publ. par A. Mathiez]. — *Annales hist. de la Rév. fr.* 1927, p. 390—391.

Journal d'un étudiant (Edmond Géraud) pendant la Révolution (1789—1793), publ. par G. Maugras. Nouv. éd. P., 1910. VII, 331 p.

Rigby. Letters from France. 1789. Ed. by Lady Eastlake. L., 1880. — Fr. transl.: Voyage d'un anglais en France en 1789. Lettres du docteur Rigby. Trad. par M. Caillet. Avec une introd. et des notes par A. Maricourt. P., 1910. XXXVII, 245 p.

См. также с. 752: **Young, A.** Travels in France...

Вороницын, И. И. Светский календарь и гражданская религия Великой французской революции. 2-е изд. М., б. г. 31 с.

Лессер. Коллективное участие женщин в Великой французской революции. Спб., 1907. 280 с.

Романовская, Е. П. Франция в 1789 году по впечатлениям английского путешественника д-ра Ригби. К., 1917. 47 с.

Шлоссер, Ф. Женщины Французской революции. Сталь и Ролан. Спб., 1903. 109 с.

Щепкина, Е. Женское движение в годы Французской революции. Пб., 1921. 84 с.

Aulard, A. Les noms révolutionnaires des communes. — *Rév. franç.* 1926, p. 289—314.

Babeau, A. Paris en 1789. P., 1889. 538 p.

Babeau, A. Un voyageur anglais en France au mois de juillet 1789, Edouard Rigby. — *Correspondant.* 1883, p. 334—354.

Biré, E. Journal d'un bourgeois de Paris pendant la terreur. Nouv. éd. T. 1—5. P., 1895—1908.

Biré, E. Paris en 1793. P., 1888. XII, 400 p.

Blum, A. Les fêtes républicaines et la tradition révolutionnaire. — *Rev. franç.* 1919, p. 193—199.

Bois, B. Les fêtes révolutionnaires à Angers de l'an II a l'an VIII (1793—1799). P., 1929. XXIV, 259 p.

Castonnet-Desfosses, H. Paris en 1794. La fête de l'Être suprême P., 1883. 23 p. (Extr. de la *Rév. du samedi.*)

Dauban, Ch. A. Paris en 1794 et en 1795. Histoire de la rue, du club, de la famine, composée d'après des doc. inéd... P., 1869. XX, 600 p.

Dodu, G. Trois mois à Paris sous la terreur (pluviôse — ventôse, an II.). P., 1921. XI, 376 p.

Fage, R. La rue à Tulle pendant la Révolution. Fêtes, cérémonies, manifestations publiques. P., 1907. 195 p.

Goncourt, E. et Goncourt, J. Histoire de la société française pendant la Révolution. Nouv. éd. P., 1898. VI, 450 p.

Guillemaut, L. Le calendrier républicain et les changements de noms pendans la Révolution française. Louhans, 1901, 31 p.

Isambert, G. La vie à Paris pendant une année de la Révolution (1791—1792). P., 1896. VIII, 324 p.

[Kol. H.] Les femmes de la Révolution française. Par **Rienzi.** Bruxelles, 1898. 85 p.

Lacour, L. Les origines du féminisme contemporain. Trois femmes de la Révolution: Olympe de Gonges, Théroigne de Méricourt, Rose Lacombe. P., 1900. VII, 432 p.

Lambert, M. Les fédérations en Franche-Comté et la fête de la Fédération du 14 juillet 1790. P., 1890. III, 116 p.

Lévy, E. Les prénoms parisiens de l'an II. — *Rev. franç.* 1920, p. 134—144, 225—247.

Martin, Gaston. La vie bourgeoise à Nantes sous la Convention d'après le livre de comptes de M-me Hummel (1793—1795). — *Rev. franç.* 1933, p. 236—258.

Mathiez, A. La laïcisation de l'état civil. (Erreurs et légendes de l'histoire révolutionnaire). — *Annales rév.* 1921, p. 501—504.

Mautouchet, P. La vie à Paris sous la terreur. — *Rév. franç.* 1930, p. 203—223, 306—325; 1931, p. 60—76, 136—146.

Michelet, J. Les femmes de la Révolution. 6-e éd. rev. et corr. P., 1883. 371 p.

Monneraye, J. La crise du logement à Paris pendant la Révolution. — *Rev. des questions hist.* 1928, p. 298—343.

Parker, H. The cult of antiquity and the French revolution. Chicago — Illinois, 1937. 215 p.

Perrin, H. Le club de femmes de Besançon. *Annales rév.* 1917, p. 37—63, 505—532, 645—672.

Robiquet, J. La vie quotidienne au temps de la Révolution. P., 1938. 256 p.

Tiersot, J. Les fêtes et les chants de la Révolution française. P., 1908. XXXVIII, 323 p. — Пер.: **Тьерсо, Ж.** Песни и празднества Французской революции. Пер. К. Жихаревой. М., 1933. 256 с.

Villiers, M. Histoire des clubs de femmes et des légions d'amazones, 1793—1848—1871. P., 1910. 423 p.—Пер.: **Вилье, М.** Женские клубы и легионы амазонок. Пер. и предисл. Ю. М. Стеклова. [М., 1912.] XIII, 427 с.

К главе XV

ИСТОРИОГРАФИЯ[1]

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Святое семейство. — Соч., т. III, с. 148.

Маркс, К. Борьба якобинцев с жирондистами. — Соч., т. III, с. 601—611.

Маркс, К. Письмо М. М. Ковалевскому, апрель 1879 г. — Соч., т. XXVII, с. 28.

Маркс, К. Письмо Энгельсу от 27 июля 1854 г. — Соч., т. XXII, с. 48.

Маркс, К. Письмо Энгельсу от 14 августа 1881 г. — Соч., т. XXI, с. 250.

Маркс, К. Письмо Энгельсу от 19 февраля 1870 г.—Соч., т. XXVI, с. 296—297.

Энгельс, Ф. Маркс и «Новая Рейнская газета».—Соч., т. XVI, ч. 1, с. 170—171.

Энгельс, Ф. Письмо В. Адлеру от 4 декабря 1889 г. (В кн.: **Маркс, К.** и **Энгельс, Ф.** Письма. М.—Л., 1932, с. 362—364.)

Энгельс, Ф. Письмо Ф. Домела-Нивенгейсу в Гаагу от 4 февраля 1886 г.— Соч., т. XXVII, с. 532—533.

Энгельс, Ф. Письмо К. Каутскому от 20 февр. 1889 г. — Соч. т. XXVIII, с. 80—85.

Энгельс, Ф. Письмо Марксу [26 ноября 1847 г.] — Соч., т. XXI, с. 90.

Энгельс, Ф. Письмо Марксу от 9 марта [1847 г.] — Соч., т. XXI, с. 67.

Энгельс, Ф. Письмо Марксу от 17 февраля 1870 г.—Соч., т. XXIV, с. 294—295.

Энгельс, Ф. Письмо Марксу от 22 февраля 1870 г.—Соч., т. XXIV, с. 298—299.

Энгельс, Ф. Т. Карлейль: «Современные памфлеты: № 1. Наши дни, № 2. Образцовые тюрьмы».— Соч., т. VIII, с. 281.

Ленин, В. И. Карл Маркс. — Соч., т. XVIII, с. 14.

Ленин, В. И. О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы.— Соч, т. XV, с. 283.

Ленин, В. И. О происшествии с королем португальским. — Соч., т. XII, с. 150.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ И ОБЗОРЫ

См. также: Библиографические указатели и обзоры, с. 797—798.

Ярославский, Е. Ленин и Сталин о французской буржуазной революции 1789 года. — *Большевик*, 1939, № 11—12, с. 35—49.

Montreau, J. La Révolution française et la pensée de Marx. — *Pensée*. 1939, No 3, p. 24—38.

Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1—2. Л., 1929. (Акад. Наук СССР. Тр. Комиссии по ист. знаний. 7.)

Кареев, Н. И. Историки Французской революции. Т. 1—3. Л., 1924—1925.

Потемкин, Ф. Промышленная революция во Франции по новейшим работам [Ch. Ballot, H. Sée, P. Louis, Germain Martin, E. B. Тарле]. — *Архив К. Маркса и Ф. Энгельса*, 1929, кн. 4, с. 435—458.

Aulard, A. Les premiers historiens de la Révolution française. *Rév. franç.* 1909, t. 56, p. 481—500; t. 57, p. 20—45, 97—136.

Avenel, G. Lundis révolutionnaires, 1871—1874. Nouveaux éclaircissements sur la Révolution française à propos des travaux historiques les plus récents et les faits politiques contemporains. P., 1875. IV, 412 p.

Boissonnade, P. Les études relatives à l'histoire économique de la Révolution française, 1789—1804. P., 1906, 168 p.

Hintze, H. Die französische Revolution. Neue Forschungen und Darstellungen.— *Hist. Zeitschr.* 1930, Bd 143, S. 298—319.

СОВРЕМЕННИКИ РЕВОЛЮЦИИ

Burke, E.: 1730—1797. См. с. 768.

Fichte, J. G.: 1762—1814. См. с. 769.

Mackintosh, J.: 1765—1832. См. с. 768.

Maistre, J.: 1754—1821 Considérations sur la France. Essai sur le principe générateur des constitutions politiques P., 1907. XI, 316 p. [1-e éd. Lausanne, 1796.]

Mallet du Pan, J.: 1749—1800. Considération sur la nature de la Révolution française et sur les causes qui en prolongent la durée. Bruxelles, 1793. 124 p.

Rabaut-Saint-Étienne, J. P.: 1743—1793. Almanach historique de la Révolution française pour l'année 1792, réd. par J. P. Rabaut. P., 1792. 284 p. [Réimpr. sous le titre: Précis historique de la Révolution française.]

Staël, M-me: 1766—1817. Considérations sur les principaux évenements de la Révolution française Ouvrage posthume. T. 1—3. P., 1818.

Toulongeon, F. E.: 1748—1812. Histoire de France depuis la Révolution de 1789, ecrite d'après les mss dans les depôts civils et militaires. T. 1—4. P., an IX (1801) — 1810.

ИСТОРИОГРАФИЯ ЗА ПЕРИОД ОТ РЕСТАВРАЦИИ ДО КОММУНЫ 1871 Г.

Avenel, G.: 1828—1876. См. с. 760, 780.

Blanc, L.: 1811—1882. См. с. 740.

Buchez, Ph. J. B.: 1796—1865. См. с. 737.

Buonarroti, Ph. M.: 1761—1837. Gracchus Babeuf et la conjuration des

[1] Описания работ, помещенные ранее в тексте данной библиографии, не повторяются, а дается отсылка к соответствующим страницам. Относящиеся к главе «Историография» оценки революции Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным см. в разделе: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о характере и движущих силах буржуазной революции.

égaux. Préf. et notes par A. Ranc. P., 1862. 209 p. — Пер. **Буонарроти.** Гракх Бабеф и заговор равных. Пг.—М., 1923. 207 с. [1-е éd. sous le titre: Histoire de la conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf. Bruxelles, 1928.] См. также с 783.

Levasseur, R. (de la Sarthe): 1747—1834. См. с. 739.

Michelet, J.: 1798—1874. См. с. 741.

Monod, G. La vie et la pensée de Jules Michelet, 1798—1852; cours professé au collège de France, préf. de Charles Bémont... T. 1—2. P., 1923. [1-е éd. 1875 sous le titre «Jules Michelet».]

Mignet, F.: 1796—1884. См. с. 741.

Плеханов, Г. Французские историки времен реставрации. (В кн.: **Плеханов, Г.** Соч. Т. 7. М.—Л., 1925, с. 71—83.) [О Тьерри и Минье.]

Simon, J. Mignet, Michelet et Henri Martin. P., 1890. 367 p.

Quinet, E.: 1803—1875. См. с. 741.

Roux, P. C. : 1802—1874 См. с. 737.

Sybel, H.: 1817—1895. См. с. 748.

Thiers, A.: 1797—1877. См. с. 741.

Aulard, A.: Thiers historien de la Révolution française. — *Rév. franç.* 1914, t. 66, p. 492—520; t. 67, p. 5—29.

Tocqueville, A.: 1797—1877. См. с. 751.

Tridon, G.: 1841—1871. См. с. 780.

ИСТОРИОГРАФИЯ ЗА ПЕРИОД ОТ КОММУНЫ 1871 Г. ДО ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Герье, В. И.: 1837—1919. Французская революция 1789—1795 гг. в освещении И. Тэна. Спб., 1911. VIII, 496 с.

Кареев, Н. И.: 1850—1931. См. с. 740, 744, 745, 748, 762, 775, 777, 783, 794, 795, 797.

Ковалевский, М. М.: 1851—1916. См. с. 740. 742, 744, 759.

Кареев, Н. И. М. М. Ковалевский, как историк французской революции. — *Вест. Европы.* 1917, кн. 2, с. 211—226.

Кропоткин, П. А.: 1842—1921. См. с. 740.

Лучицкий, И. В.: 1845—1918. См. с. 744, 750, 759.

Сэ, А. Чем экономическая и социальная история Франции XVIII в. обязана трудам Лучицкого. — *Науч. ист. жсурн.* 1914, № 4, с. 22—29.

Тарле, Е. В. И. В. Лучицкий. К 50-летию его литературной деятельности (1863—1913). — *Голос минувшего.* 1914, № 1, с. 42—61.

Тарле, Е. В.: См. с. 740, 743, 744, 749, 751, 758, 759, 767, 768, 783.

Aulard, A.: 1849—1928. См. с. 740, 744, 745, 749, 756, 765, 766, 767, 777, 793, 794, 795, 796.

Bourgin, G. См. с. 740, 743, 745, 758, 778, 797.

Bourgin, H. См. с. 745, 758.

Jaurès, J.: 1859—1914. См. с. 740, 768, 796

Aulard, A. Jaurès historien. — *Rév. franç.* 1920, p. 133—139.

Kautsky, K.: 1854—1938. Die Klassengegensätze von 1789. Stuttgart, 1889. 79 S. 2. Aufl. 1908.—Пер.: **Каутский, К.** Противоречия классовых интересов 1789 г. М., 1923. 97 с.

Sorel, A.: 1842—1906. См. с. 748.

Taine, H.: 1828—1893. См. с. 741.

Aulard, A. Taine historien de la Révolution française. P., 1907. XI, 333 p.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Calvet, H. См. с. 738, 771, 772, 773, 779.

Cardenal, L. См. с. 742, 745, 752, 773, 777.

Caron, P. См. с. 743, 755, 758, 764, 765, 766, 776, 777, 778, 779, 796, 797, 798.

Cunow, H. См. с. 745.

Dubreuil, L. См. с. 743, 744, 748, 755, 758, 772, 773, 776.

Jacob, L. См. с. 756, 776, 777.

Korngold, R. См. с. 750.

Lefebvre, G. См. с. 740, 741, 742, 744, 751, 755, 756, 779, 780, 795, 798.

Madelin, L. La contre-révolution sous la Révolution. 1789—1815. P. 1935. 367 p.; La Révolution. P., 1911. VII, 578 p. См. также с. 761.

Marion, M. См. с. 742, 743, 744.

Mathiez, A.: 1874—1932. См с. 740, 741, 742, 745, 748, 749, 755, 756, 757, 758, 761, 765, 766, 767, 769, 771, 772, 777, 778, 780, 781, 782, 783, 784, 793, 796.

Hommage à Albert Mathiez. — *Annales hist. de la Rév. franç.* 1932, No 51. [Весь номер посвящен памяти А. Матьеза. Авторы статей: G. Lefebvre, L. Gottschalk и др.]

Michon, G. См. с. 749, 761, 765, 769, 778, 784.

Ording, A. См. с. 776.

Pariset, G. См. с. 740, 741, 798.

Riffaterre, C. См. с. 759, 773, 775.

Sagnac, Ph. См. с. 740, 744, 753, 754, 758, 761, 764, 765, 779, 786, 788, 795, 796, 798.

Schnerb, R. См. с. 742, 758, 781.

Sée, H.: 1864—1936. См. с. 742, 743, 748, 751, 756, 759, 798.

Thompson, J. M. См. с. 745, 750.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

La Révolution française. Revue d'histoire contemporaine. P., 1881 — Выходит 4 раза в год. Орган «Société d'histoire de la Révolution française». Основатель и первый ред.: Дидье (Didié). С 1888 г. редактировался Оларом до его смерти (1928 г.). С 1928 г. ред. Ф. Саньяком и Б. Миркиным-Гецевичем.

Revue de la Révolution. P., 1883—1889. [Консервативный журнал.] Ред. Ш. Эрико и Ж. Бор (Ch. Héricault et G. Bord).

Annales révolutionnaires. P., 1908—1923. С 1911 г. имел подзаголовок «Organe de la Société des études robespierristes». Основатель и первый ред. Ш. Вел-

лей (Ch. Velley). С 1910 г. редактировался А Матьезом. С 1924 г. переименован в:

Annales historiques de la Révolution française. Reims — P., 1924 — Выходит 6 раз в год. Редактировался Матьезом до его смерти (1932 г.). После него ред. Ж. Лефевр.

Revue historiques de la Révolution française. P., 1910—1911. Основатель и ред. Ш. Веллей. С 1912 г. переименован в:

Revue historique de la Révolution française et de l'Empire. P. — Genève — Reims, 1912—1923. До 1918 г. вых. в Париже, в 1919 г. в Женеве, в 1922—1923 гг. в Реймсе. Слился в 1924 г. с *Annales révolutionnaires* (см. выше), после чего последние и переименованы в *Annales historiques...* (см. выше.)

Cahiers de la Révolution française. P., 1934—Орган «Centre d'études de la Revolution» prés la Faculté des Lettres de l'Université de Paris; с 1937 г.— «Institut international d'histoire de la Révolution française». Ред.: Ф. Санья к. Выходит без определенной периодичности. Дает в отдельных выпусках крупного объема статьи и целые монографии.

La Révolution dans le Maine. Le Mans, 1926 — Ред.: A. Belin.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

См. также: Источники и работы, относящиеся ко всему периоду... Собрания официальных документов, с. 741.

Периодические публикации

Bulletin trimestriel de la Commission de recherche et de publication des documents relatifs à la vie économique de la Revolution. P., 1906—1910. С 1911 г. переименован в:

Bulletin d'histoire économique de la Revolution. Publ. par la «Commission de recherche et de publication des documents relatifs a la vie économique de la Révolution.» P., 1911—1932.

La Révolution dans la Sarthe et les départements voisins. Le Mans. 1906 — Выходит 4 раза в год. Орган: «Comité départemental de la Sarthe pour la recherche et la publication des documents économiques de la Révolution française». Ред.: Ж. Лермитт (J. L'Hermitte.)

La Révolution dans les Vosges. Epinal, 1907 — Выходит 4 раза в год. Орган «Comité départemental des Vosges pour la recherche et la publication des documents économiques de la Révolution francaise». Ред.: А. Филипп (A. Philippe.)

Серийные публикации

Collection des mémoires relatifs à la Révolution française, publ. par Berville et Barrière. P., 1820—1826. 60 vols.

Bibliothèque des mémoires relatifs a l'histoire de France pendant le XVIII-es. P., 1846—1880. 37 vols. Переиздание материалов, впервые опубликованных Berville et Barrière (см. выше) Серия выходила в 1846—1866 гг. а затем в 1875—1880 гг. Последний, 37-й т. к революции не относится.

Collection de documents relatifs a l'histoire de Paris pendant la Révolution française. P., 1888—1909. Весьма важная серия документов, форматом in 8°, опубликованная «Commission de recherches sur l'histoire de Paris pendant la Révolution». В 1908 г. к названию Комиссии и, одновременно, к названию серии изд. ею документов добавлено: «et l'époque contemporaine». Та же комиссия, помимо этой серии, издавала другую, in 4°, под названием:

Ville de Paris. Publications relatives à la Révolution française et à l'histoire contemporaine de Paris. P., 1895—1913. В этой серии выходили главным образом материалы по быту, искусству и т. п Но в этой серии вышла и библиография по Парижу в период революции, сост. M. Tourneux. (см. с. 798).

Collection de documents inédits sur l'histoire de France... Série IV: Documents de la periode révolutionnaire, P., 1889—1923. Выпускалась Ministère de l'instruction publique и редактировалась «Comite des travaux historiques et scientifiques». Прочие серии этой коллекции к революционному периоду не относятся.

Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la Révolution française. Publ. par la «Commission de recherche et de publication des documents relatifs à la vie économique de la Révolution»; depuis 1924—par le Ministère de l'éducation nationale. P., 1906 — Комиссия по экономической истории Революции была создана в 1903 г по инициативе Жореса, который был первым ее президентом.

Много материалов по экономической истории революции издавалось также в серии:

Mémoires et documents pour servir à l'histoire de commerce et de l'industrie en France. Publ. sous la direction de J. Hayem. P., 1913—1929.

Следующие два общества, занимающиеся изучением Революции, выпускают серийные издания, которые однако частично имеют документальный характер:

Societé de l'histoire de la Révolution. fr. 1888—Во главе общества стоял Олар.

Société des études robespierristes. 1907—Основателем и главой общества был Матьез.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ДР. СЛОВАРИ, ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ И Т. П. ИЗДАНИЯ

Atlas national de France. P., an II.

Brette, A. Les Constituants. Liste des députés et des suppléants élus à l'Assemblée constituante de 1789... P., 1897. XXXVII, 310 p. (Publ. de la Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Boursin, E. et **Challamel, A.** Dictionnaire de la Révolution française. Institutions. Hommes et faits. France sous Louis XVI. Institutions de l'ancien régime. États généraux... P., 1893. VIII, 935 p.

Caron, P. Concordance des calendries républicain et grégorien, avec une notice préliminaire. P., 1905. 60 p.

Cochin, A. Précis des principales opérations du gouvernement révolutionnaire... P., 1936. 173 p.

Décembre, J. et **Alonnier, E.** Dictionnaire de la Révolution française 1789—1799; illustr. d'après des gravures, des médailles et des doc. du temps. T. 1—2. P., 1866—1868.

Dictionnaire geographique et méthodique de la République française. 4-e éd. P., an VII. [Дает также ист.-экон. и др. сведения.]

Dictionnaire universel, géographique, statistique et politique de la France. 5-e éd. P., an XIII. (1-e—4-e éd. sous le titre: République française en 84 départements).

Gallois, L. Dictionnaire historique de tous les ministres, depuis la Révolution jusqu'en 1827 P., 1828. XII, 502 p.

Gulliaume, J. Le personnel du Comité de salut public. — *Rév. franç.* 1900, t. 38, p. 297—309.

Guillaume, J. Le personnel du Comité de sûreté générale. — *Rév. franç.* 1900, t. 39, p. 124—151, 219—244.

Guiffrey, J. Les conventionnels. Liste par départements et par ordre alphabétique des députés et des suppléants à la Convention nationale, dressée d'après les doc. orig des Arch. nation. avec nombreux détails biogr. inéd. P., 1889. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Kuscinski, A. Les députés à l'Assemblée législative de 1791. Liste par départements et par ordre alphabétique des députés et des suppléants... P., 1900. 71 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Kuscinski, A. Dictionnaire des conventionnels. P., 1919. IX, 615 p. (Soc. de l'hist. de la Rév. fr.)

Marquiset, A. Table alphabétique des noms propres cités dans les «Mémoires relatifs a l'histoire de France pendant le XVIII-e s.», publ. de 1857 a 1881... par F. Barrière et de Lescure... P., 1913. VIII, 176 p.

Robert, A., Bourleton, E., Cougny, G. Dictionnaire des parlementaires français... depuis le 1 mai 1789... avec leurs votes parlementaires etc. T. 1—5. P., 1891.

Robinet, J. F. E. Dictionnaire historique et biographique de la Révolution et de l'Empire 1789—1815... T. 1—2. P., 1899. [Широко распространенный, но изобилующий ошибками справочник.]

Rondonneau, L. L'art de vérifier les dates de la Révolution ou répertoire législatif, administratif, judiciaire et historique, depuis l'ouverture des États généraux en 1789 jusqu'au 1-r vendemiaire an XII (24 sept. 1803). P., an XII. [Tables alphab. des noms de lieux, de personnes et des matières.]

[Rondonneau, L.] Table générale par ordre alphabétique de matières des lois, sénatus-consultes, décrets... etc., publ. dans le Bulletin des lois et les collections officielles. Depuis l'ouverture des États généraux jusqu'au 1-r avr. 1814. T. 1—4, P., 1816.

Six, G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792—1814). T. 1—2. P., 1934.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ И ОБЗОРЫ

Благовещенская, Е. и **Димант, С.** Памятники Французской буржуазной революции 1789 г. в Госуд. публичной исторической библиотеке. — *Ист. журн.* 1939, № 7, с. 147—152. [Обзор изданий, вышедших в 1787—1804 гг. во Франции и в др. странах.]

Кареев, Н. И. Западная Европа в новое время. (Революция и наполеоновская эпоха). Пб., 1922. 119 с. (Введение в науку. История. Вып. 16.)

Тонкова, Р. М. Основные библиографические источники для изучения Французской буржуазной революции XVIII в. (В кн.: Советская библиография. М., 1940, № 1(18), с. 29—37.)

Тонкова Р. М. Печатные издания периода буржуазной революции во Франции 1789—1794 гг. в основных книгохранилищах СССР. Сводный каталог. Под ред. Ф. В. Потемкина. М. — Л. [Готовится к печати.]

Bourgin, G. Notes sur les sources générales de l'histoire de l'économie rurale pendant la Révolution. — *Bull. trimestriel de la Comm. des doc. écon. de la Rév.* Année 1907, p. 475—492.

Bourne, H. E. A decade of studies in the French revolution. — *Jl of mod. history.* 1929, vol. 1, p. 256—279.

Caron, P. Bibliographie des travaux publ. de 1866 à 1897 sur l'histoire de France depuis 1789. P., 1912. XXXIX, 1831 p. (Publ. de la Soc. d'hist. mod.) Продолжением служит:

Répertoire méthodique de l'histoire moderne et contemporaine de la France. Réd. sous la dir. de G. Brière, P. Caron et a. Années 1898—1913. P., 1899—1918. Année 1912—1913 réimpr. en 1932 (1914—1932). [См. отд.: Révolution et Empire.]

Caron, P. Manuel pratique pour l'étude de la Révolution française. P., 1912. XV, 294 p. [Основное библиографическое пособие.]
Charléty, S. Bibliographie critique de l'histoire de Lyon depuis 1789 jusqu'a nos jours. Lyon, P., 1903. VI, 253 p.
Fortescue, G. K. List of contents of the three collections of books, pamphlets and journals in the British Museum relating to the French Revolution. L., 1899. 48 p.
French revolutionary pamphlets. A check list of the Talleyrand and other collections comp. by H. E. Hayden. — *Bull. of the New York Public library.* 1939, vol. 43, No 1, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11. [Коллекция памфлетов 1787—1791 гг.]
Hatin, E. Bibliographie historique et critique de la presse périodique française... Précédé d'un essai historique et statistique sur la naissance et les progrès de la presse périodique dans les deux mondes. P., 1866. CXVII, 660 p.
Lefebvre, G. Histoire de la Révolution et de l'Empire. Bulletin historique. — *Rev. hist.* 1930, t. 163, p. 111—159; 1932, t. 169, p. 116—152; 1935, t. 175; p. 63—90, 234—287; *Bull. crit.* 1939, t. 187, fasc. 1, p. 62—112; fasc. 2, p. 184—224. [Библ. обзоры.]
Lemière, E. Bibliographie de la contre-révolution dans les provinces de l'Ouest ou des guerres de Vendée et de la chouannerie, 1793—1815—1832. Fasc. 1—13. P., 1905—1935. [Библ. не закончена.]
Maignien, E. Bibliographie historique du Dauphiné, pendant la Révolution française de 1787 au 11 nivôse an XIV (31 déc. 1805). T. 1—3. Grenoble, 1891.
Martin, A. et **Walter, G.** Catalogue de l'histoire de la Révolution française. T. 1—2. Écrits de la période révolutionnaire. Abassal — La Fayette. P., 1936—1938. (Biblioth. nation. Dépt des imprimés.) [Изд. не закончено.]
Monceaux, H. La révolution dans le département de l'Yonne 1788—1800. Essai bibliogr. P., 1890. 734 p.
Monglond, A. La France révolutionnaire et impériale. Annales de bibliographie méthodique et description des livres illustrés. T. 1—3. [Années 1789—1796.] Grenoble, 1930—1933.
Paquet, R. Bibliographie analytique de l'histoire de Metz pendant la Révolution (1789—1800). T. 1—2. P., 1926.
Pariset, G. Révolution. Bulletin historique. — *Rev. hist.* 1926, t. 151, p. 199—227. [Библ. обзор.]
Sée, H. Histoire économique et sociale. Bulletin historique. 1920—1935. — *Rev. hist.* 1926, t. 152, p. 231—258; 1927, t. 155, p. 337—376; 1928, t. 158, p. 297—395; 1930, t. 165, p. 109—158; 1934, t. 173, p. 107—156; 1935, t. 176, p. 288—315, 457—486. [Библ. обзоры.]
Tourneux, M. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française. T. 1—5. P., 1890—1913. (Coll. de doc. rel. à l'hist. de Paris pendant la Rév. fr.)
Tourneux, M. Marie-Antoinette devant l'histoire. Essai bibliogr. 2-e éd. rev., très augm. P., 1901. XVI, 164 p.
Tourneux, M. Les sources bibliographiques de l'histoire de la Révolution. P., 1898. 85 p. (Extr. de la *Bibl. mod.* 1897, No 5—6).
Tuetey, A. Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française. T. 1—11. P., 1890—1914. (Coll. de doc. rel. a l'hist. de Paris.)
Villat, L. La Révolution et l'Empire, 1789—1815. T. 1. Les assemblées révolutionnaires, 1789—1799. P., 1936. LXVIII, 421 p. («Clio» Introduction aux études historiques — t. 8.) [Руководство общего характера, дающее основные сведения по источникам и литературе вопроса.]

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

См. также литературу к гл. XIV... Живопись. Скульптура. Архитектура, с. 791.

Collection complète des tableaux historiques de la Révolution française. T. 1—3. P., Auber éd., 1789—1802.
Collection de 180 portraits de personnes historiques des XVII—XVIII-es. T. 1—2. P., s. d.

Brette, A. Histoire des édifices où ont siégé les assemblées parlementaires de la Révolution française et de la Première République, T. 1. P., 1902. 359 p.
Buffenoire, H. Les portraits de Robespierre. Étude iconographique et historique. P., 1910. VIII, 222 p. 72 pl.
Challamel, A. Histoire-musée de la République française depuis l'Assemblee des notables. 3-e éd. T. 1—2. P., 1857—1858. 350 grav.
Cosseret, P. Montagnards et girondins. Portraits historiques et littéraires. P., 1897. 125 p.
Dayot, A. La Révolution française. Constituante — Législative — Convention — Directoire d'après des peintures, sculptures... du temps. Paris, 1896. 492 p.
Gautier, H. L'an 1789. Événements moeurs, idées, oeuvres et caractères. Avec 650 reproductions...P., 1888. 804 p.
Preusse, W. Die französische Revolution in Wort und Bild. Hamburg, s. a. 192 S.
Sagnac, Ph. et **Robiquet, J.** La Révolution de 1789 d'après Michelet, E. Quinet, Thiers... Iconographie de l'epoque.. T. 1—2. P., 1934.
Seida u. Landensberg, E. F. Denkbuch der französichen Revolution... Memmingen, 1815.

ПЕРЕЧЕНЬ КРУПНЕЙШИХ РАЗДЕЛОВ БИБЛИОГРАФИИ

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КО ВСЕМУ ПЕРИОДУ 735—750

МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ЛЕНИН, СТАЛИН О ХАРАКТЕРЕ И ДВИЖУЩИХ СИЛАХ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ . . . 735—737

Источники и работы общего характера . . . . . 737—741

Собрания официальных документов. 737
Периодическая печать 1789—1794 гг. 737
Мемуары. Переписка. Труды современников 738
Общие исторические работы 740

Источники и работы специального характера . . . . . 741—748
Экономическая и социальная история 741
Социальные и политические идеи. Партии. Пресса. Клубы 744
Революция и церковь 745
Международные отношения 746
Источники и работы, относящиеся к отдельным провинциям, департаментам и городам . . 748—749
Деятели периода революции . 749—750

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОТДЕЛЬНЫМ ЭТАПАМ И ВОПРОСАМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА
(Соответственно главам тома) . . . . . 750—796

К Введению

Классики марксизма-ленинизма. 750
Формирование капиталистического уклада в недрах феодального общества во Франции 750—751
Международные противоречия к 1789 г. . . . . 751—752

К главе I

КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ СИСТЕМЫ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ . . 751—754
Классики марксизма-ленинизма 752
Экономическое положение Франции в 1788 и 1789 г. Крестьянское и рабочее движение в первой половине 1789 г. . . 752—753
Выборы в Генеральные штаты. Наказы. Агитационные брошюры . . . . . 753—754

К главе II

БОРЬБА БУРЖУАЗИИ С ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ СИСТЕМОЙ . . . . . 754—756
Классики марксизма-ленинизма. 754—755
Борьба в Генеральных штатах и превращение их в Национальное собрание. Взятие Бастилии 755
Революция в провинции и «великий страх» имущих классов . . . . . 755—756

К главе III

КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ . . . . . 756—761
Классики марксизма-ленинизма 756—757
Источники и работы общего характера 757
Декларация прав человека и гражданина 757
Деятели Учредительного собрания . . . . . 757—758
Движение 5—6 октября 758
Деятельность Учредительного собрания . . . . . 758—759
Экономическая и социальная политика . . . . . 758—759
Реорганизация судебно-административной системы 759
Конституция 1791 г. . . . . 759—760
Политические клубы (Осень 1789 г.—лето 1791 г.) 760
Армия (1789—1791 гг.) 760
Контрреволюция и эмиграция . 760—761
Бегство в Варенн. Обострение классовых противоречий . . 761

К главе IV

РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПА . . . . 761—763
Классики марксизма-ленинизма. 761—762
Бельгийская революция 1789—1790 гг. 762
Конфликт с имперскими князьями по вопросу об Эльзасе . 762
Начало буржуазной революции во Франции и европейские правительства . . . . . 762—763
Национально-революционное движение в Польше. Конституция 3 мая 1791 г. 762
Политика Екатерины II в первые годы французской революции . . 763

К главе V

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ВРЕМЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 10 АВГУСТА . . . . . 763—765
Классики марксизма-ленинизма 763—764
Выборы в Законодательное собрание и его деятельность . 764
Крестьянское движение и Законодательное собрание 764
Контрреволюционное движение. 765
Борьба партий в связи с вопросом о войне. Начало войны . 765

Революция 10 августа 1792 г. и образование революционной Коммуны 765

К главе VI

РЕЗУЛЬТАТЫ КРУШЕНИЯ МОНАРХИИ . . . . . 766—770
Классики марксизма-ленинизма 766
Ближайшие следствия революции 10 августа 1792 г. . . . 766
Вторжение прусской армии во Францию. Победа французов при Вальми. Оккупация Бельгии армией Дюмурье . . . . 766—767
Присоединение Савойи к Франции 767
Присоединение Рейнской области. Образование Майнцской коммуны . . . . . 767—768
Влияние французской революции на демократическое движение в других странах . . 768—770
Англия 768
Бельгия 769
Германия. Влияние французской революции на философию Канта, Фихте и Форстера . . . . . 769—770
Испания и Латинская Америка . . . 770
Россия 770
Соединенные Штаты 770
Швейцария 770

К главе VII

КОНВЕНТ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ. 770—773
Классики марксизма-ленинизма 770—771
Партийный состав Конвента. Борьба между жирондистами и монтаньярами 771
Процесс и казнь Людовика XVI . . 771
Экономическое состояние Франции в конце 1792 — начале 1793 г. . . . . 771—772
Финансовый и промышленный кризис. Рост дороговизны. Движение бешеных . . . . . 771—772
Революция 31-го мая—2-го июня 772
Контрреволюционное движение 772—773
Вандея 772
Федералистское восстание. Лион. Тулон 773

К главе VIII

УСТАНОВЛЕНИЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ . . . . . 773—779
Классики марксизма-ленинизма 773—774
Конституция 1793 г. Выступление бешеных в июне—июле 1793 г. . . . . 774—775
Борьба с контрреволюцией (август—октябрь 1793 г.). Революционный террор 775
Органы революционного правительства . . . . . 775—777
Народные общества на местах . . . 777
Реорганизация армии . . . . 777—778
Ликвидация феодальных отношений во французской деревне . . . . . 778—779

К главе IX

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ ВНУТРИ ЯКОБИНСКОГО БЛОКА (ОСЕНЬ 1793 г. И ЗИМА 1793—1794 г.) . . . . . 779—781
Классики марксизма-ленинизма 779
Борьба за второй максимум . . 779—780
Обострение борьбы среди якобинцев. Третий максимум . . 780
Падение эбертистов и дантонистов . . . . . 780—781

К главе X

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯКОБИНЦЕВ . . . . . 781—783
Классики марксизма-ленинизма 781—782
Англия — организатор первой коалиции и движущая сила европейской реакции 782
Шпионаж и диверсия против Французской республики . . 782
Внешняя политика якобинцев . 782—783
Ход военных действий 783

К главе XI

КРУШЕНИЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ . . . . . 783—784
Классики марксизма-ленинизма 783
Контрреволюционный переворот 9—10 термидора . . . . 783—784

К главе XII

ФРАНЦУЗСКИЕ КОЛОНИИ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ . . . . . 784—785
Классики марксизма-ленинизма 784
Большие и малые Антильские о-ва. Колонии в Индии . . . 784—785

К главе XIII

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО . . . . . 785—786
Классики марксизма-ленинизма 785
Политические теории XVIII в. и их отражение в конституционных актах революции . 785
Гражданское и международное право . . . . . 785—786

К главе XIV

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА . . . . . 786—793
Классики марксизма-ленинизма 786—787
Введение новой системы мер и веса 787
Создание новых научных учреждений и перестройка высшей школы 787
Успехи физико-математических, естественных наук и техники. 787—789
Математика, астрономия и механика 787
Физика. Химия 788
Биологические науки и медицина. 789
Промышленность и техника 789
Историко-философские и социологические идеи революционного периода . . . . . 789—790

Политика революционной Франции в 1789—1894 гг. в области народного образования . 790
Литература и язык периода французской революции . . 790—791
Живопись, скульптура, архитектура . . . . . 791—792
Театр 792
Музыка . . . . . 792—793
Быт периода революции . . . 793

К главе XV

ИСТОРИОГРАФИЯ . . . . . 793—796
Классики марксизма-ленинизма 793—794
Историографические работы и обзоры 794
Современники революции . . . 794
Историография за период от реставрации до Коммуны 1871 г. 794—795
Историография за период от Коммуны 1871 г. до Октябрьской социалистической революции и мировой войны . . 795
Послевоенная историография . 795—796
Периодические издания, посвященные французской буржуазной революции. Публикации документов 796
Периодические публикации 796
Серийные публикации 796
СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ . . . 796—798
Биографические и др. словари, хронологические указатели и т. п. издания . . . . . 796—797
Библиографические указатели и обзоры . . . . . 797—798
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ . 798

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1782 Крестьянское восстание в Пуату.

1783—1787 Крестьянские восстания в Севеннах, Виварэ и Жеводане.

1784 *февраля 9.* Начало антицехового законодательства Иосифа II в Бельгии.

1786 Крестьянское восстание в Визиле.

1786 *сентября 26.* Подписание франко-английского торгового договора.

1787—1791 Русско-турецкая война.

1787—1789 Экономический кризис во Франции.

1787 Прусская военная интервенция в Голландии.

» *января 1.* Эдикты Иосифа II о реорганизации административных и судебных установлений Бельгии.

» *января 12.* Протест штатов Геннегау против январских эдиктов.

» *апреля 23.* Демонстрация Брабантских штатов с протестом против январских эдиктов.

» *мая 10.* Вступление в силу торгового договора с Англией, подписанного 26 сентября 1786 г.

» *мая 30.* Отмена нововведений в Бельгии.

» *июля 12.* Эдикт Людовика XVI о новом управлении в Эльзасе: лишение имперских князей права участвовать в представительных собраниях.

1788—1790 Русско-шведская война.

1788 *февраля 19.* Учреждение «Общества друзей чернокожих».

» *июня 15.* Постановление Государственного королевского совета (Conseil d'État du Roi) о созыве Генеральных штатов.

» *августа 13.* Заключение Тройственного союза между Англией, Пруссией и Голландией в Берлине.

» *августа 25.* Возвращение Неккера к власти.

» *декабря 27.* Королевская декларация о реформах.

1789 *января 1.* Опубликование королевского указа о созыве Генеральных штатов

» *января 24.* Опубликование регламента о порядке выборов в Генеральные штаты.

» *марта 13.* Народные волнения в Камбрэ.

» *марта 22.* Народные волнения в Гондсхооте.

марта 30. Народные волнения в Газбруке и Валансьенне.

апреля 6. Народные волнения в Берге.

» *апреля 11.* Волнения рабочих в Дюнкерке.

» *апреля 20.* Продовольственные волнения в Марселе, Эксе, Тулоне.

» *апреля 23.* Разрешение Неккера производить учет запасов зерна и его реквизицию.

» *апреля 27—28.* Волнения рабочих в Париже («Дело Ревельона»).

» *апреля 29.* Волнения рабочих в Лилле.

» *апреля 30.* Народные волнения в Дуэ.

» *мая 5.* Открытие Генеральных штатов.

» *июня 17.* Депутаты третьего сословия провозглашают себя Национальным собранием.

1789 *июня 17.* Признание Национальным собранием всех долгов королевского правительства.

» *июня 19.* Присоединение депутатов от духовенства к третьему сословию, объявившему себя Национальным собранием.

» *июня 20.* Клятва в Зале для игры в мяч.

» *июня 23.* Королевское заседание. Отказ короля признать решения депутатов третьего сословия от 17 июня.

» *июня 23.* Решение депутатов третьего сословия не расходиться и объявление неприкосновенности личности депутатов.

» *июня 24.* Отказ гвардейцев подчиниться приказу выступить против народа

» *июня 24.* Народные волнения в Париже; нападение на архиепископа Парижского.

» *июня 25.* Решение парижских выборщиков организовать буржуазную милицию.

» *июня 27.* Победа восставших лионских рабочих.

» *июня 28.* Присоединение армии к народу; повсеместные отказы подчиниться приказам начальства.

» *июня 30.* Освобождение народом одиннадцати гвардейцев, арестованных за нарушение дисциплины.

» *июнь.* Основание клуба «Отеля Массиак» («Общество сношений французских колонистов»).

» *июля 9.* Принятие Национальным собранием названия «Учредительное собрание».

» *июля 11.* Отставка Неккера, послужившая поводом к событиям 12—14 июля

» *июля 12.* Первые столкновения восставшего народа с королевскими войсками на улицах Парижа.

» *июля 13.* Учреждение «Постоянного комитета» как органа муниципальной власти.

» *июля 13.* Организация национальной гвардии.

» *июля 14.* Взятие Бастилии.

» *июля 17.* Формальное признание народной победы Людовиком XVI.

» *июля 19—20.* Революционный переворот в Страсбурге.

» *июль—август.* Подъем революционного крестьянского движения и «великий страх» имущих классов.

» *августа 1, 15, 18, 27, 29, 30.* Рабочие волнения в Париже и других городах.

» *августа 1* (*июля 21*). Победа Суворова при Фокшанах.

» *августа 4.* Декларация депутатов дворянства и духовенства в Национальном собрании об отказе от своих феодальных привилегий: десятин, права на охоту, судебных прав и т. п.

» *августа 4—11.* Декреты Собрания об отмене привилегий сословий и провинции.

» *августа 18.* Революция в Льеже.

» *августа 26.* Принятие Национальным собранием Декларации прав человека и гражданина.

» *августа 29.* Восстановление Учредительным собранием свободы внутренней торговли хлебом с оставлением в силе воспрещения вывоза его за границу.

» *августа 31.* Закрытие «благотворительных мастерских» парижским муниципалитетом в связи с рабочими волнениями.

» *сентября 11.* Декрет Учредительного собрания о предоставлении королю права приостанавливающего veto (veto suspensif).

» *сентября 18.* Соглашение между Фонком и ван-дер-Ноотом и призыв их к восстанию в Бельгии.

» *сентября 22/11.* Победа Суворова при Рымнике.

» *сентября 29.* Внесение в Национальное собрание проекта установления имущественного ценза для избирателей (разделение граждан на «активных» и «пассивных»).

» *октября 1.* Офицерский роялистский банкет в Версале.

» *октября 5—6.* Поход народных масс в Версаль и переезд в Париж короля и его семьи по требованию народа.

» *октября 10.* Предложение Талейрана об использовании церковных имуществ для погашения государственного долга.

» *октября 13.* Учреждение «Социального клуба» («Cercle Social»).

1789 *октября 16.* Декрет об изменении титула «Король Франции» («Roi de France») на титул «Король французов» («Roi des Français»).

» *октября 21.* Введение военного положения в Париже и воспрещение собраний.

» *октября 23.* Декрет о «марке серебра» — цензе для депутатов в Законодательное собрание.

» *октября 24.* Начало вооруженного восстания против австрийцев в Бельгии (бой под Тёрнгаутом).

» *ноября 1.* Открытие Провинциального собрания Севера на о. Сан-Доминго.

» *ноября 2.* Декрет о передаче церковных имуществ в распоряжение нации.

» *ноября 13.* Взятие Гента бельгийскими повстанцами.

» *ноября 16.* Открытие Генерального собрания в Сен-Пьере на о. Мартинике.

» *ноября 24.* Выход первого номера газеты «Монитёр».

» *декабря 1.* Введение смертной казни посредством гильотины «как более гуманной».

» *декабря 12—18.* Антиавстрийское восстание в Брюсселе. Победа революции.

» *декабря 14.* Декрет об организации муниципальной власти в провинции.

» *декабря 17/6.* Взятие Суворовым Очакова.

» *декабря 18.* Победа революции в Бельгии.

» *декабря 19—21.* Предоставление Учетной кассе права эмиссии ассигнатов на сумму 400 млн. ливров.

» *декабря 22.* Установление по проекту Конституции двухстепенной системы выборов в Законодательное собрание.

» *декабря 24.* Постановление Национального собрания об уравнении в правах протестантов с католиками.

1790 *января 11.* Принятие «Унии Бельгийских соединенных штатов».

» *января 15.* Принятие нового административного деления Франции на департаменты, дистрикты, кантоны и коммуны.

» *января 25.* Речь Робеспьера в защиту всеобщего избирательного права.

» *января 30.* Заключение прусско-турецкого союзного договора.

» *февраля 13.* Протест рабочих Сент-Антуанского предместья против избирательного ценза.

» *февраля 23.* Декрет о подавлении «беспорядков» вооруженной силой.

» *марта 2.* Открытие клуба «Колониального комитета» в Париже.

» *марта 8 и 28.* Декреты о созыве «Колониальных собраний» с правом участия в них мулатов.

» *марта 15.* Аграрный декрет Учредительного собрания: отмена «личных» феодальных повинностей, частичная отмена тринажа.

» *марта 15.* Отмена феодального наследственного права.

» *марта 25.* Открытие колониального «Собрания французской части населения Сан-Доминго» в г. Сен-Марк.

» *марта 26—30.* Декреты об отмене соляного налога (gabelle).

» *марта 29.* Заключение прусско-польского союза.

» *апреля 16—17 и сентября 29.* Декреты, превращавшие ассигнаты в бумажные деньги.

» *мая 3—9.* Декреты Национального собрания об определении суммы выкупных платежей и о порядке выкупа земель.

» *мая 8.* Декрет Национального собрания о разработке принципов метрической системы мер и веса.

» *мая 10.* Роялистское восстание в Монтобане.

» *мая 15.* Разрешение продажи национальных имуществ мелкими участками.

» *июня 20.* Декрет Сен-Марского собрания об открытии портов для свободной торговли.

» *мая 21—июня 27.* Принятие Учредительным собранием «муниципального закона» о делении Парижа на 48 секций.

» *мая 28.* Провозглашение Конституции Сан-Доминго.

» *июня 10.* Роялистское восстание в Ниме.

» *июля 12 и 24, августа 24.* Декреты о гражданском состоянии духовенства.

» *июля 14.* Первый праздник Федерации. Провозглашение Франции конституционной монархией.

1790 *июля 18/7.* Приказ об аресте А. Н. Радищева.
июля 27. Заключение Рейхенбахской конвенции.
» *августа 6.* Отмена ограничений в правах иностранцев, проживающих во Франции.
» *августа 7—8.* Разгон самочинного Сен-Маркского колониального собрания.
» *августа 14/3.* Заключение Верельского мира между Россией и Швецией.
» *августа 16.* Постановление Собрания об издании Кодекса законов.
» *августа 16—24.* Учреждение семейных трибуналов.
» *августа 28—31.* Волнения среди частей гарнизона в Нанси (швейцарский полк Шатовьё и др.) и их жестокое подавление генералом Буйе.
» *сентября 2—3.* Народная демонстрация в Париже в знак сочувствия солдатам Шатовьё.
» *сентября 5.* Восстание матросов в Бресте.
» *октября 12.* Декрет Учредительного собрания о незаконности Сен-Маркского собрания.
» *октября 13.* Декрет об организации департаментами охраны памятников и произведений искусства.
» *октября 21.* Начало мулатского восстания на о. Сан-Доминго.
» *октября 28.* Декрет о выкупе земель и феодальных прав имперских князей в Эльзасе.
» *ноябрь.* Подавление национального восстания в Бельгии.
» *ноября 27.* Декрет о недопущении не присягнувших гражданской конституции священников к занятию общественных должностей.
» *ноября 27.* Декрет о роспуске колониального собрания на о. Мартинике.
» *декабрь—январь* 1791 г. Рабочие волнения на строительстве канала в деп. Ионны.
» *декабря 14.* Письмо Леопольда II Людовику XVI в защиту претензий князей в Эльзасе.
1791 *января 13.* Декрет об отмене театральной цензуры.
» *февраля 16.* Декрет об упразднении цехов и отмене их привилегий.
» *марта 15.* Установление нового таможенного тарифа.
» *марта 26.* Декрет о командировании научной экспедиции для измерения дуги меридиана между Барселоной и Дюнкерком в целях установления естественной единицы измерения.
» *апреля 2.* Смерть Мирабо.
» *апреля 18.* Недопущение народом отъезда короля и его семьи в Сен-Клу.
» *апреля 20.* Выступление Робеспьера против богачей в клубе Кордельеров.
» *апрель — май.* Стачечное движение рабочих в Северном департаменте за повышение заработной платы.
» *мая 3—5.* Принятие «Польской правительственной конституции 3—5 мая».
» *мая 9.* Декрет о праве петиций.
» *мая 26 и августа 26.* Декреты о создании в Лувре Музея произведений искусства и науки.
» *июнь.* Перенесение центра эмиграции из Турина в Кобленц.
» *июня 14.* Принятие декрета Ле-Шапелье, воспрещавшего организацию рабочих союзов и собраний.
» *июня 15.* Петиция Центрального комитета клубов об отмене разделения граждан на «активных» и «пассивных».
» *июня 15.* Инструкция Учредительного собрания об урегулировании споров между помещиками и крестьянами.
» *июня 20.* Бегство Людовика XVI и его семьи в Варенн.
» *июня 21.* Петиция клуба Кордельеров об уничтожении монархии.
» *июня 21.* Постановление Учредительного собрания о переходе в его руки всей полноты власти.
» *июня 24.* 30-тысячная демонстрация народных обществ с требованием упразднения монархии.
июня 25. Возвращение Людовика XVI в Париж в качестве пленника.
» *июня 27.* Петиция якобинского клуба г. Монпелье о низложении Людовика XVI и провозглашении Республики.

1791 *июля 5.* Обращение императора Леопольда II к **европейским** монархам о совместном выступлении **на защиту королевской власти.**

» *июля 8.* Открытие **колониального собрания в Ост-Индии.**

» *июля 8.* Выступление Кондорсе в «Социальном клубе» **в** пользу Республики.

» *июля* 9. Вторичная петиция клуба Кордельеров об отмене королевской власти.

» *июля 11.* Перенесение праха Вольтера в Пантеон.

» *июля 12.* **Принятие клубом Кордельеров «воззвания к нации», составленного** Шометом, **об образовании «Национальной директории».**

» *июля 13.* **Обсуждение в Учредительном** собрании доклада следственной **комиссии о бегстве короля.**

» *июля 13.* Обращение **«Братского общества** граждан обоего пола» к народу о взятии им **верховной власти в** свои руки.

» *июля 15.* Антимонархическая демонстрация, разогнанная национальной гвардией во главе с Лафайетом.

» *июля 16.* **Раскол Якобинского** клуба и открытие **клуба** Фельянов.

» *июля 16.* Петиция Якобинского клуба с требованием отречения Людовика XVI от престола.

» *июля 17.* **Петиция о низложении** короля и **предании** его суду, принятая народом на Марсовом поле, за подписью более 6000 человек.

» *июля 17.* **Расстрел республиканской демонстрации на Марсовом** поле в результате **распоряжения Учредительного собрания** о разгоне ее вооруженной силой.

» *июля 18.* **Декрет** о репрессиях за призыв к сопротивлению властям и неповиновению закону.

» *июля 25.* Заключение австро-прусского договора в Вене.

» *август.* Первые крестьянские волнения в Вандее.

» *августа 1.* **Открытие** Колониального собрания в г. Леогане, на о. Сан-Доминго, согласно декрету 8—28 марта 1790 г.

» *августа 4.* Заключение **мира в** Систово между Австрией и Турцией.

» *августа 6.* Признание **рейхстагом** необходимости защищать права и интересы эльзасских князей.

» *августа 6—22.* Ограничение длины береговых вод двумя морскими милями в интересах принципа «свободы морей».

» *августа 11.* **Издание польским правительством универсала** о подавлении вооруженной **силой выступлений** горожан и крестьян.

» *августа 16.* Начало восстания рабов на о. Сан-Доминго.

» *августа 27.* Отмена ценза «марки серебра» для депутатов и повышение ценза для выборщиков.

» *августа 27.* Подписание Пильницкой декларации. Образование Первой коалиции.

» *августа 21/13.* Депеша Екатерины II, которою она аккредитовала Румянцева к французским принцам.

» *сентября 3.* **Принятие** Конституции Учредительным собранием.

» *сентября 13.* **Декрет о** создании «Бюро консультации по вопросам прикладного искусства и ремесла».

» *сентября 13—14.* Лицемерное принятие Конституции Людовиком XVI и восстановление его на троне.

» *сентября 14.* Присоединение Авиньона к Франции.

сентября 18. Обнародование муниципалитетом Парижа Конституции и народные празднества в честь ее.

» *сентября 27.* Декрет Учредительного собрания о равноправии евреев и предоставлении им французского гражданства.

» *сентября 28 и октября 16.* Декрет о предоставлении свободы рабам, вступившим на французскую территорию.

» *сентября 28.* **Декрет о демократизации низшего** командного состава армии

» *сентября 30.* **Закрытие Учредительного собрания.**

» *октябрь.* Заключение Россией Дротнингольмского союзного договора со Швецией.

» *октября 1.* Открытие Законодательного собрания.

1791 *октября 16.* Кровопролитное столкновение между роялистами и патриотами в Авиньоне (Авиньонская резня).

» *октября 28.* Избрание Законодательным собранием Комитета по народному образованию.

» *ноября 6—9.* Продовольственные беспорядки в г. Шомон.

» *ноября 9.* Декрет о лишении эмигрантов должностей, чинов и пенсий в случае невозвращения их до 1 января 1792 г. и о предании их суду как изменников в случае тайного возвращения после этого срока.

» *ноября 29.* Декрет о лишении пенсии и причислении к разряду «подозрительных» всех священников, которые не присягнут в недельный срок гражданской конституции.

» *ноябрь.* Петиция парижских рабочих ленточного производства в Законодательное собрание о запрещении применения механических станков.

» *декабря 14.* Бегство Марата в Англию от преследований реакции. (До февр. 1792 г.)

» *декабря 14.* Заявление короля в Собрании о посылке им ультиматума курфюрсту Трирскому с требованием рассеять эмигрантов.

» *декабря 29.* Продовольственные беспорядки в г. Сент-Омер и ряде других городов.

» *декабря 29.* Декларация Законодательного собрания «ко всем народам», обещающая не закрывать доступа во Францию иностранцам, вынужденным своими государями вступить с ней в войну.

1792 *января 9.* Заключение русско-турецкого договора в Яссах.

» *января 9—22.* Продовольственные волнения в департаменте Верхней Гаронны.

» *января 10—13, 23—25.* Продовольственные волнения во Фландрии и в Артуа.

» *января 18.* Декрет об усыновлении.

» *января 20—28.* Волнения в Париже на почве сильного вздорожания сахара и колониальных товаров.

» *февраля 3 и 16.* Продовольственные волнения в Бур-Сен-Бернаре (Верхняя Гаронна).

» *февраля 6—24.* Продовольственные волнения в г. Нойоне.

» *февраля 7.* Заключение австро-прусского союза против Франции.

» *февраля 9.* Декрет о конфискации имущества эмигрантов.

» *февраля 13.* Продовольственные беспорядки в г. Сент-Омер.

» *февраля 14—28.* Продовольственные волнения в Дюнкерке.

» *февраля 25.* Признание Законодательным собранием суверенитета французской нации над Эльзасом и Лотарингией.

» *февраля 27 — марта 10.* Крестьянские восстания в департаментах Эры, Уазы, Луары, Сены-и-Марны, Луары-и-Шеры, Эры-и-Луары и Лозере.

» *февраля 28.* Воспрещение вывоза за границу шерсти, хлопка и сырой кожи.

» *марта 1.* Смерть австрийского императора Леопольда II.

» *марта 3.* Приказ мэра г. Этамп Симоно стрелять по толпе, требовавшей твердых цен. Убийство Симоно.

» *марта 10.* Падение министерства фельянов.

» *марта 16.* Убийство Густава III шведскими аристократами.

» *марта 15, 28, мая 17, 20, августа 28.* Декреты об отмене права триажа и о возвращении всех общинных земель крестьянам.

» *марта 23.* Образование жирондистского министерства Клавьера и Ролана.

» *марта 28 — апреля 4.* Декреты о предоставлении политических прав свободному «цветному» населению колоний.

» *апреля 15.* Первый праздник Свободы в честь возвращенных с каторги солдат полка Шатовьё.

» *апреля 20.* Объявление Францией войны Австрии (королю Венгрии и Богемии).

» *апреля 20—21.* Доклад Кондорсе в Законодательном собрании и прения по его проекту организации народного образования.

» *апреля 21 и 27.* Декреты об организации лечебных заведений для раненых и больных солдат.

» *мая 2.* Петиция граждан г. Этамп о таксации хлеба и национализации земли.

» *мая 4.* Декрет о принятии пленных под охрану нации и покровительство закона.

1792 *мая 27.* **Декрет, не получивший санкции короля, о высылке священников, не присягнувших гражданской конституции.**

» *мая 29.* Законопроект о запрещении каперства и захвата частной собственности на море.

» *мая 29.* Декрет о роспуске королевской гвардии.

» *июня 8.* **Декрет, не получивший санкции короля, об организации под Парижем вооруженного лагеря федератов из 20 тыс. человек.**

» *июня 8.* **Декрет о поощрении научных открытий в области производства пороха.**

» *июня 13.* **Отставка королем жирондистского министерства (Ролана, Клавьера, Сервана).**

» *июня 17.* **Образование «Комиссии двенадцати» «для спасения Конституции, свободы и государства».**

» *июня 18.* Декрет о безвозмездной отмене всех «случайных» феодальных повинностей.

» *июня 20.* **Патриотическая демонстрация народных масс в Тюильрийском дворце.**

» *июня 28.* **Попытка Лафайета разогнать клубы и наказать участников демонстрации.**

» *июль—август.* Нарастание антимонархического движения в Париже и департаментах.

» *июля 2.* Декрет о разрешении федератам участия в праздновании 14 июля в Париже.

» *июля 2.* Отступление Северной армии к Лиллю и Валансьенну.

» *июля 6.* Декрет об установлении «алтарей отечества» в коммунах.

» *июля 11.* Принятие декрета об объявлении «отечества в опасности».

» *июля 13.* **Заключение Австрией и Россией договора о выступлении против Франции.**

» *июля 14.* **Организация Центрального комитета федератов.**

» *июля 22—23.* **Объявление в Париже «отечества в опасности» и начало движения** секций за отрешение короля.

» *июля 23.* Измена конституции польского короля Станислава Понятовского. (Присоединение к Тарговицкой конфедерации.)

» *июля 24.* Декрет об организации батальонов волонтеров.

» *июля 25.* Санкционирование Законодательным собранием непрерывности заседаний секций.

» *июля 25.* Манифест герцога Брауншвейгского, раскрывший контрреволюционные цели интервентов.

» *июля 25.* Декрет, воспрещающий комендантам крепостей сдачу их врагу.

» *июля 26.* **Адрес королю о возвращении «министров-патриотов» во имя спасения отечества и короны.**

» *июля 26.* **Отмена демократическими секциями различия между «активными» и «пассивными» гражданами.**

августа 3. **Оглашение в Париже манифеста герцога Брауншвейгского.**

» *августа 3.* Представление Петионом в Законодательное собрание петиции 47 секций о низложении короля, отстранении династии Бурбонов и созыве Национального конвента.

» *августа 10.* Народное восстание, захват революционными массами Тюильрийского дворца и свержение монархии.

» *августа 10.* Образование революционной Коммуны Парижа и Временного исполнительного комитета.

» *августа 11.* Декреты Законодательного собрания об отрешении короля от власти и о созыве Национального конвента на основе всеобщего избирательного права.

» *августа 11.* Попытка Лафайета поднять армию против Парижа.

» *августа 12.* Декрет Законодательного собрания о заключении Людовика XVI и его семьи в Тампль.

» *августа 14.* Декреты о принудительном разделе общинных земель между членами общины и о передаче крестьянам земель эмигрантов мелкими участками в бессрочное владение.

» *августа 15.* Учреждение временного Исполнительного совета из шести министров.

» *августа 17.* Учреждение временного Чрезвычайного трибунала.

1792 *августа 18.* Упразднение конгрегаций, национализация их имуществ и уничтожение светских корпораций.

» *августа 19.* Бегство Лафайета за границу.

» *августа 20—22 и 25—28.* Аграрные декреты: облегчение крестьянам выкупа «реальных» прав и уплаты земельных повинностей, установление 5-летнего срока давности для взимания недоимок, окончательная отмена триажа и возвращение крестьянам общинных земель.

» *августа 22.* Признание за французскими колониями права на представительство в законодательных собраниях метрополии и установление числа депутатов в Конвент от каждой из них.

» *августа 23.* Сдача крепости Лонгви войскам коалиции.

» *августа 26.* Декрет, предписывающий выезд в 2-недельный срок из пределов Франции всем не присягнувшим конституции священникам под угрозой ссылки в Гвиану.

» *августа 28.* Декрет о производстве домашних обысков для реквизиции оружия.

» *сентября 2.* Взятие Вердена войсками герцога Брауншвейгского.

» *сентября 2—6.* Массовый террор против аристократии («сентябрьские события») в Париже и в провинции.

» *сентября 4.* Циркуляр о принудительной реквизиции хлеба, фуража и подвод для нужд армии

» *сентября 9.* Декрет о прекращении всех судебных процессов, связанных с феодальными правами.

» *сентября 9 и 16.* Декреты о реквизиции зерна муниципалитетами и о задержании сельскохозяйственных рабочих на местах их работы.

» *сентября 11.* Декрет об учреждении фонда для вознаграждения за труды и открытия, полезные для сельского хозяйства.

» *сентября 20.* Победа революционных войск при Вальми.

» *сентября 20.* Декрет о секуляризации актов гражданского состояния, о порядке разрешения развода.

» *сентября 21.* Вступление войск генерала Монтескью в Савойю.

» *сентября 21.* Открытие Национального конвента.

» *сентября 21.* Декрет Национального конвента об упразднении королевской власти.

» **I год Республики.** Установление Республики. (По декрету 21 сентября о том, чтобы впредь официальные документы помечались Первым годом Республики.)

» *сентября 25.* Декрет о единстве и нераздельности Французской республики.

» *сентября 25.* Выступление Марата в Конвенте с изложением его credo.

» *сентября 28.* Сдача Ниццы французской эскадре. Начало войны с Сардинией.

» *сентября 29.* Взятие г. Шпейера французской армией Кюстина.

» *октября 1.* Разоблачение Коммуной связи короля с эмигрантами и измены родине.

» *октября 2.* Декрет об учреждении Комитета общественной безопасности.

» *октября 2.* Создание Комиссии из 24 депутатов для рассмотрения документов, изобличавших короля.

» *октября 5.* Оставление пруссаками Вердёна и Лонгви.

» *октября 12.* Занятие французами Вердёна.

» *октября 12.* Исключение Бриссо из Якобинского клуба и начало партийной консолидации клуба.

» *октября 17.* Избрание Комитета общественной безопасности.

» *октября 17.* Декрет по докладу Камбона о состоянии финансов; новая эмиссия ассигнатов.

» *октября 21.* Взятие Майнца Кюстином.

» *октября 22.* Открытие савойского «Национального собрания аллоброгов» в Шамбери.

» *октября 23.* Декрет об изгнании навсегда из пределов Франции всех эмигрантов и о предании смертной казни возвращающихся.

» *октября 24.* Отмена субституций и других остатков феодального наследственного права.

» *октября 25 и ноября 2.* Обнародование части Кодекса, содержащей законы о наследовании и дарении.

1792 *ноября 6.* Доклад Валазе от имени «Комиссии 24-х» о преступлениях Людовика XVI.

» *ноября 6.* Победа армии генерала Дюмурье при Жемаппе.

» *ноября 14.* Взятие Брюсселя французскими революционными войсками.

» *ноября 16.* Декрет французского Временного исполнительного совета о свободе навигации и транспорта по рекам Шельде и Маасу.

» *ноября 19.* Декрет об оказании Францией помощи всем народам, желающим бороться за свою свободу.

» *ноября 19.* Петиция избирателей департамента Сены-и-Луары о введении твердых цен на хлеб.

» *ноября 27.* Присоединение Савойи к Франции.

» *ноября 29.* Требование нормировки цен парижскими секциями и Коммуной и выступление Сен-Жюста в Конвенте по вопросу о причинах кризиса и мерах к его преодолению.

» *декабря 2.* Сдача пруссакам Франкфурта-на-Майне.

» *декабря 2.* Избрание нового состава Коммуны с Шометом и Эбером во главе.

» *декабря 3.* Декрет о предании суду Людовика XVI.

» *декабря 3.* Выступление Робеспьера в Конвенте за предание короля смертной казни

» *декабря 5.* Декрет о смертной казни за вывоз зерна за границу.

» *декабря 8.* Отмена Конвентом регламентации хлеботорговли и постановление о подавлении вооруженной силой движений за установление твердых цен.

» *декабря 12—14.* Доклад Комитета народного образования о начальном образовании и прения по нему.

» *декабря 15.* Декрет об уничтожении феодальных прав и повинностей и организации народного правительства в странах оккупированных французскими войсками.

» *декабря 20.* Доклад члена Комитета народного образования Ромма по его проекту организации народного образования.

1793 *января 1.* Учреждение Конвентом Комитета национальной обороны.

» *января 15.* Начало поименного голосования в Конвенте о виновности Людовика XVI.

» *января 20.* Убийство Мишеля Лепелетье-де-Сен-Фаржо.

» *января 21.* Казнь Людовика XVI.

» *января 21.* Постановление Конвента о том, что «финансы, война и народное образование будут постоянно в порядке дня».

» *января 23.* Второй раздел Польши.

» *января 24.* Высылка из Англии французского поверенного в делах, Шовелена.

» *января 31.* Присоединение Ниццы к Франции.

января 31. Декрет Конвента о разрешении каперства.

» *февраля 1.* Объявление Францией войны Англии и Голландии.

февраля 7. Доклад Дюбуа-Крансе о реорганизации — «амальгаме» — в армии.

февраля 8. Указ Екатерины II о разрыве дипломатических сношений с революционной Францией.

февраля 11. Формальное объявление Англией «состояния войны с Францией».

» *февраля 12.* Петиция парижских секций об урегулировании продовольственного вопроса, составленная Жаком Ру.

» *февраля 19.* Декрет об открытии французских колониальных портов для торговых судов Соединенных Штатов Америки.

» *февраля 21.* Декрет о введении в армии выборного начала для командных должностей.

февраля 24. Декреты о призыве в армию 300 тыс. человек.

» *февраля 25—30.* Продовольственные волнения в Париже.

» *февраля 26.* Декреты о реорганизации армии на началах «амальгамы».

» *марта 5.* Декрет о введении военного положения в колониях Франции.

» *марта 7.* Отмена права завещания по прямой линии.

» *марта 7.* Объявление Францией войны Испании.

» *марта 9.* Декрет Конвента о посылке его комиссаров в департаменты.

» *марта 9—10.* Волнения в Париже, руководимые бешеными.

1793 *марта 9.* Декрет о назначении пенсий семьям сражающихся на фронте и о бесплатном наделении их землей.

» *марта 9—12.* Декреты об отмене личного задержания за долги.

» *марта 9—28.* Учреждение Чрезвычайного уголовного трибунала для борьбы с **контрреволюцией**.

» *марта 10—14.* Начало контрреволюционного восстания в Вандее и Бретани.

» *марта 11—12.* Вступление Дюмурье на путь открытой измены: отказ от применения в Бельгии декрета 15 декабря 1792 г. и угроза Конвенту.

» *марта 14.* Присоединение к Франции ряда пограничных с Эльзасом германских территорий.

» *марта 15.* Захват Шоле бандами Кателино и Стофле.

» *марта 17.* Открытие Национального конвента в Майнце.

» *марта 18.* Отступление французских войск из Голландии.

» *марта 18.* Поражение Дюмурье под Неервинденом.

» *марта 18.* Декрет Конвента о смертной казни за предложение «аграрного закона» и всякого другого закона против собственности.

» *марта 19.* Бои республиканских частей с вандейцами при Шантенэ.

» *марта 21.* Декрет Майнцского конвента о присоединении к Франции «независимой области от Ландау до Бингена».

» *марта 22.* Объявление войны Франции Имперским сеймом.

» *марта 25.* Заключение англо-русского соглашения против революционной Франции.

» *марта 29.* Отстранение Комитетом обороны изменника Дюмурье от командования Северной армией.

» *марта 30.* Декрет **Конвента о** присоединении к Франции «Свободного немецкого государства между Ландау и Бингеном» (левого берега Рейна).

» *марта 30.* Отступление армии Кюстина после боя под Адельсгеймом и сдача им командования в Майнце генералу Дуарэ.

» *апреля 5.* Бегство Дюмурье и герцога Шартрского за границу.

» *апреля 6.* Учреждение Комитета общественного спасения взамен Комитета национальной обороны.

» *апреля 11.* Декрет о принудительном хождении **ассигнатов** и запрещении сделок со звонкой монетой.

» *апреля 12.* Приказ Конвента об аресте Марата.

» *апреля 14.* Оккупация о. Табаго (Антильские о-ва) англичанами.

» *апреля 18.* Петиция Парижской коммуны и сельских муниципалитетов об установлении твердых **цен**.

» *апреля 23.* Декрет о ссылке в Гвиану священников, не присягнувших гражданской конституции.

» *апреля 23.* **Суд над** Маратом и его оправдание.

» *апреля 23.* **Начало** обсуждения Конституции (по проекту Кондорсе).

» *апреля 24.* Внесение Робеспьером в Конвент его **проекта** Декларации прав человека и выступление Сен-Жюста против жирондистского проекта **конституции**.

» *апреля 25.* Заключение англо-сардинского договора **против** Франции.

» *апреля 25.* Объявление конкурса на лучшие **проекты** театров, школ, водопроводов и других общественных сооружений.

» *мая 1.* Народные демонстрации перед Конвентом с требованием введения максимума под угрозой восстания.

» *мая 4.* Первый декрет о максимуме на зерно (1-й максимум).

» *мая 12.* Начало контрреволюционного восстания в Тулоне.

» *мая 16.* Предложение жирондистов перевести Конвент в Бурж.

» *мая 18.* Создание «Комиссии двенадцати».

» *мая 20.* Принятие Конвентом декрета о прогрессивно-подоходном налоге в форме «принудительного займа» у богатых в 1 миллиард.

» *мая 23.* Арест Эбера и Варле по приказу «Комиссии двенадцати».

» *мая 25.* Декрет о порядке обмена военнопленными независимо от их чина.

» *мая 25.* Заключение в Аранхуэце англо-испанского соглашения против революционной Франции.

1793 *мая 29.* Контрреволюционный переворот в Лионе.

» *конец мая — августа 25.* Контрреволюционное восстание в Марселе.

» *мая 31 — июня 2.* «Революция 31 мая», изгнание жирондистов из Конвента.

» *июня 7 — сентября 18.* Контрреволюционное федералистское восстание в Бордо.

» *июня 10.* Преобразование Ботанического сада в Музей естественной истории.

» *июня 10.* Декрет Конвента о передаче крестьянам общинных земель и факультативном разделе их между членами общины.

» *июня 10.* Внесение проекта Конституции 1793 г. на обсуждение Конвента.

» *июля 20.* Выступление Жака Ру в клубе Кордельеров с требованием смертной казни за спекуляцию.

» *июня 23.* Утверждение Конвентом новой Декларации прав человека.

» *июня 24.* Принятие Конвентом Конституции 1793 г.

» *июня 26.* Декрет против скупщиков.

» *июня 26—28.* Волнения в Париже в связи с недостатком мыла («мыльный бунт прачек»).

» *июня 28.* Декрет о государственной поддержке многосемейных и престарелых санкюлотов и их семейств.

» *июня 29.* Отпор вандейцам со стороны нантского гарнизона.

» *июля 1.* Декрет о разрешении административным органам и агентам Конвента по снабжению армии покупки хлеба у частных лиц вне рынка.

» *июля 10.* Обновление состава Комитета общественного спасения (Комитет второго созыва).

» *июля 11.* Волнения в Париже.

» *июля 12.* Контрреволюционное восстание в Тулоне.

» *июля 12.* Заключение англо-неаполитанского союза против Франции.

» *июля 12.* Взятие армией интервентов г. Конде.

» *июля 13.* Убийство Марата.

» *июля 14.* Заключение англо-прусского соглашения против Франции.

» *июля 15.* Заключение союзного договора между Португалией и Испанией.

» *июля 17.* Закрытие бирж.

» *июля 17.* Декрет о придании постановлениям комиссаров Конвента в департаментах силы временного закона.

» *июля 17.* Казнь контрреволюционерами вождя лионских рабочих Шалье.

» *июля 17.* Декрет о полном уничтожении феодальных прав и привилегий и сожжении феодальных грамот.

» *июля 23.* Сдача Майнца войскам коалиции.

» *июля 23.* Декрет о реквизиции колоколов для военных нужд.

» *июля 26.* Декрет о предоставлении Комитету общественного спасения права производить аресты.

» *июля 27.* Вступление Робеспьера в Комитет общественного спасения.

» *июля 27.* Введение смертной казни за спекуляцию товарами первой необходимости.

» *июля 27.* Декрет о создании Национального музея в Лувре.

» *июля 28.* Взятие Валансьенна армией герцога Иоркского.

» *июля 29.* Доклад Робеспьера в Конвенте об общественном воспитании по проекту Лепелетье.

» *июля 31.* Декрет об аннулировании королевских ассигнатов (ассигнатов с изображением короля).

» *августа 1.* Декрет Конвента о введении метрической системы.

» *августа 1.* Декрет о суровых репрессиях против вандейцев.

» *августа 1.* Декрет об изгнании из Франции подданных враждебных ей стран и о предании суду Марии-Антуанетты.

» *августа 2.* Декрет о передаче Комитету общественного спасения всей полноты власти и превращении его в несменяемый орган революционной диктатуры.

» *августа 5.* Выступление Робеспьера в Якобинском клубе против Ру и Леклерка.

» *августа 6.* Постановление Конвента о посылке в департамент 18 комиссаров для чистки органов власти.

» *августа 6.* Постановление Комитета общественного спасения о гуманном обращении с пленными.

1793 *августа 8.* Декрет Конвента об упразднении Академий.

» *августа 9.* Декрет об учреждении государственных зернохранилищ («складов изобилия»).

» *августа 10.* Празднование дня Конституции 1793 г.

» *августа 12, 15, 18.* Декреты о создании «Временной комиссии по делам искусств» («Commission temporaire des arts»).

» *августа 12.* Повторный декрет о проведении в жизнь «амальгамы».

» *августа 13.* Декрет о создании интернатов для национального воспитания детей. (Отменен 19 октября, 28 вандемьера).

» *августа 14.* Декрет о мобилизации рабочих для уборки урожая.

» *августа 19.* Антиякобинское выступление Жака Ру и арест его.

» *августа 19.* Декрет о твердых ценах на овес и топливо.

» *августа 22.* Капитуляция Пондишери.

» *августа 22.* Начало обсуждения гражданского Кодекса в Конвенте, принятого 28 октября в первом чтении.

» *августа 23.* Декрет о всеобщей мобилизации мужчин и женщин на защиту отечества («levée en masse»).

» *августа 25.* Взятие мятежного Марселя революционными войсками генерала **Карто.**

» *августа 25.* Восстановление закона 4 мая о введении максимума.

» *августа 28.* Занятие Тулона англо-испанским флотом.

» *августа 29.* Провозглашение свободы рабов в Сан-Доминго комиссаром Конвента **Сантонаксом.**

» *августа 30.* Заключение англо-австрийского союзного договора против Франции

» *сентября 3.* Соглашение между плантаторами **Сан-Доминго** и английским губернатором Ямайки о передаче французской части **Сан-Доминго Англии.**

» ***сентября 4—5. Народные волнения в Париже (требование хлеба и повышения заработной платы. Секция Санкюлотов «в состоянии восстания против богатых»).***

» *сентября 5.* Требование эбертистов «поставить террор в порядок дня».

» *сентября 5—9.* Декреты об организации «революционной армии» для борьбы с контрреволюцией и проведения в жизнь законов о снабжении населения продовольствием.

» *сентября 5.* Декрет об оплате участия в заседаниях секций.

» *сентября 5.* Вторичный арест Жака Ру.

» *сентября 6—8.* **Победа французов при Гондсхоте.**

» *сентября 7.* Изменение декрета **о принудительном займе** (снижение налогового минимума для семейных и холостяков, расширявшее круг облагаемых налогом).

» *сентября 8.* Наложение секвестра на имущество французских отделений иностранных банков.

» *сентября 11.* Предоставление Исполнительному совету права посылать своих **уполномоченных в департаменты и армии.**

» ***сентября 11. Декрет об установлении единых*** твердых цен на зерно, муку и фураж **на территории всей республики.**

» *сентября 13.* **Постановление Комитета** общественного спасения о реквизиции на военные нужды из металла предметов, принадлежащих церкви и эмигрантам.

» ***сентября 13. Декрет о предоставлении народным обществам права сообщать Комитету общественного спасения обо всех подозрительных и недобросовестных*** чиновниках.

» ***сентября 15. Декрет об упразднении университетов.***

» ***сентября 16.*** Декрет об обязательной обработке зажиточными крестьянами земель бедняков **и защитников** отечества.

» ***сентября 16. Декрет, грозящий заключением*** в тюрьму сельскохозяйственным рабочим за стачки с целью повышения заработной платы.

» *сентября 17.* **Декрет** о подозрительных.

» *сентября 17.* Петиция **большинства секций,** оглашенная Варле в Конвенте.

» *сентября 18.* **Введение нового военного кодекса.**

» *сентября 18.* Приказ Комитета общественного спасения об аресте Варле.

» *сентября 21.* **Декрет** об обязательном ношении национальной кокарды гражданами обоего пола.

1793 **II год Республики.** — *Сентября 22* (*вандемьера 1*). Начало нового революционного летоисчисления, введенного декретами от 5 и 24 октября 1793 г. (14 вандемьера и 3 брюмера II года Республики).

» ***сентября 23*** (***вандемьера 2***). **Мобилизация Комитетом общественного спасения рабочих Парижа для изготовления оружия.**

» ***сентября 24*** (***вандемьера 3***). **Учреждение секретной агентуры во всех государствах, кроме Соединенных Штатов Америки и Швейцарии.**

» *сентября 26* (*вандемьера 5*). Заключение союзного договора между Англией и Португалией.

» ***сентября 29*** (***вандемьера 8***). **Введение всеобщего максимума. Установление твердых цен на рабочие руки в муниципалитетах и коммунах (2-й максимум).**

» ***октября 3*** (*вандемьера 12*). Объявление «20» жирондистов вне закона и заключение «75» в тюрьму.

» ***октября 5*** (***вандемьера 14***). **Реорганизация Революционного трибунала в целях ускорения процесса по политическим делам.**

» ***октября 5*** (***вандемьера 14***). **Декрет о введении революционной системы исчисления времени с 22 сентября 1793 г. (1 вандемьера II года республики).**

» ***октября 8*** (***вандемьера 17***). Декрет о формах ликвидации Ост-Индской компании.

» ***октября 9*** (***вандемьера 18***). **Взятие мятежного Лиона революционными войсками.**

» ***октября 9*** (***вандемьера 18***). **Запрещение ввоза английских товаров во Францию.**

» *октября 10* (***вандемьера 19***). **Выступление Сен-Жюста и принятие Конвентом декрета о продлении революционного правительства впредь до заключения мира и об усилении централизации власти.**

» ***октября 12*** (***вандемьера 21***). **Декрет Конвента о разрушении мятежного Лиона.**

» ***октября 14*** (***вандемьера 23***). **Декрет Конвента о реквизиции лошадей для гужевого транспорта.**

» *октября 14* (*вандемьера 23*). **Процесс королевы Марии-Антуанетты.**

» *октября 15—16* (*вандемьера 24—25*). **Сражение при Ваттиньи.**

» *октября 16* (*вандемьера 25*). Казнь Марии-Антуанетты.

» ***октября 16*** (***вандемьера 25***). Декрет об аресте иностранцев, подданных воюющих с Францией государств.

» *октября 17* (*вандемьера 26*). Разгром вандейцев Вестерманом и Клебером при Шоле.

» *Октября 21* (*вандемьера 30*). Принятие Конвентом основных положений декрета о народном образовании.

» *октября 22* (*брюмера 1*). Учреждение Центральной комиссии продовольствия и снабжения.

» ***октября 24*** (*брюмера 3*). Декрет Конвента о введении названий для месяцев революционного календаря (Фабра д'Эглантина).

» *октября 24—31* (*брюмера 3—10*). Процесс и казнь жирондистов.

» *октября 25* (*брюмера 4*) *и ноября 2* (*брюмера 12*). Декреты о наследовании и дарении.

» *октября 28* (*брюмера 7*). Декрет об открытии сети начальных школ.

» *октября 29* (*брюмера 8*). Введение Парижской коммуной хлебных карточек.

» *октября 29* (*брюмера 8*). Закрытие женских клубов.

» ***ноября 1*** (*брюмера 11*). Декрет о создании единой таблицы твердых цен на все товары.

» ***ноября 2*** (***брюмера 12***). **Декрет об уравнении в правах внебрачных детей, отцы и матери которых умерли после 14 июля 1789 г. и до 2 ноября 1793 г.**

» ***ноября 7*** (***брюмера 17***). **Снятие с себя сана Парижским архиепископом Гобелем.**

» ***ноября 8*** (***брюмера 18***). **Декрет о замене обращения на «вы» обращением на «ты».**

» *ноября 8* (*брюмера 18*). Установление декадных праздников вместо воскресного дня для рабочих металлургической промышленности.

» *ноября 10* (*брюмера 20*). Праздник Разума.

» ***ноября 12*** (***брюмера 22***). **Предоставление Центральной продовольственной комиссии исключительного права реквизиции и распоряжения урожаем.**

» ***ноября 13*** (***брюмера 23***). Декрет о взятии на учет золота и серебра, принадлежащего частным лицам.

1793 *ноября 15* (*брюмера 25*). Декрет об отмене «семейного запаса» при реквизиции продовольствия у крестьян.

» *ноября 15—16* (*брюмера 25—26*). Декрет о передаче закрытых церквей коммунам под школы и больницы.

» *ноября 17* (*брюмера 27*). Декрет о сооружении памятника «Славы французского народа».

» *ноября 17* (*брюмера 27*). Декларация Конвента по докладу Робеспьера об основах внешней политики Франции и сохранении дружественных отношений с Швейцарией и Соединенными Штатами.

» *ноября 19* (*брюмера 29*). Прокламация Конвента: «Война дворцам, мир хижинам».

» *ноября 23* (*фримера 3*). Постановление Коммуны о закрытии церквей в Париже в целях упразднения религиозных культов.

» *ноября 25* (*фримера 5*). Введение «хлеба равенства».

» *декабря 4* (*фримера 14*). Декрет, принятый по докладу Робеспьера, о расширении полномочий Комитета общественного спасения и определении компетенции органов власти на местах.

» *декабря 4* (*фримера 14*). Декрет об осушении помещичьих и монастырских прудов.

» *декабря 4* (*фримера 14*). Декрет о добывании и обработке селитры «революционными методами».

» *декабря 5* (*фримера 15*). Второй доклад Робеспьера в Конвенте о внешней политике.

» *декабря 6* (*фримера 16*). Провозглашение свободы культа (декрет, воспрещающий насилия или угрозы в связи с культом).

» *декабря 8—12* (*фримера 18—22*). Прения в Конвенте по докладам Ромма и Букье о народном образовании.

» *декабря 10* (*фримера 20*). Разрешение Комитетом общественного спасения импорта предметов первой необходимости из союзных и нейтральных стран.

» *декабря 19* (*фримера 29*). Освобождение Тулона от англо-испанских интервентов.

» *декабря 19* (*фримера 29*). Декрет о введении обязательного бесплатного обучения в начальных школах по проекту Букье.

» *декабря 26—27* (*нивоза 6—7*). Победа генерала Гоша над австрийцами при Вейсенбурге.

» *декабря 30* (*нивоза 10*). Праздник победы Республики (в ознаменование освобождения Тулона).

1794 *января 12* (*нивоза 23*). Декрет о коллективной обработке земель, принадлежащих защитникам отечества.

» *января 12* (*нивоза 23*). Декрет Конвента о введении культуры картофеля во Франции.

» *января 17* (*нивоза 28*). Отправка в Вандею «адских колонн» под начальством Тюрро.

» *января 26* (*плювиоза 7*). Декрет Конвента о реквизиции оружия.

» *января 28* (*плювиоза 9*). Декрет о создании новых учебников для реорганизованной школы.

» *января 28* (*плювиоза 9*). Декрет об открытии сети народных библиотек.

» *февраля 1* (*плювиоза 13*). Декрет Конвента о конфискации имущества иностранных конгрегаций.

» *февраля 1* (*плювиоза 13*). Декрет об отпуске коммунами сумм для распределения среди бедноты.

» *февраля 4* (*плювиоза 16*). Декрет об уничтожении рабства в колониях.

» *февраля 10* (*плювиоза 22*). Самоубийство Жака Ру в тюрьме.

» *февраля 20* (*вантоза 2*). Декрет о введении изучения французского языка во всех провинциях Франции.

» *февраля 26 и марта 3* (*вантоза 8 и 13*). Декреты о конфискации имущества врагов революции и о разделе его среди неимущих («вантозские декреты»).

» *февраля 27* (*вантоза 9*). Декрет о проведении национальных празднеств в целях политического просвещения масс.

» *марта 1* (*вантоза 11*). Декрет об организации начальных школ.

» *марта 3* (*вантоза 13*). См. *февраль 26*.

» *марта 6* (*вантоза 16*). Воспрещение нищенства работоспособным гражданам.

1794 *марта 10* (*вантоза* 20). Постановление Комитета общественного спасения об открытии вновь Французского театра под именем Народного.

марта 13—14 (*вантоза 23—24*). Арест эбертистов.

марта 20 (*вантоза 30*). Декрет об установлении максимума оптовых цен (3-й максимум)

марта 21 (*жерминаля 1*). Оккупация о. Мартиники англичанами.

марта 24 (*жерминаля 4*). Казнь Эбера, Ронсена и других эбертистов.

марта 24 (*жерминаля 4*). Начало польского восстания во главе с Костюшко.

марта 27 (*жерминаля 7*). Шведско-датский договор о вооруженном нейтралитете, подписанный в Копенгагене.

марта 27 (*жерминаля 7*). Упразднение комиссаров по борьбе со спекуляцией

марта 29 (*жерминаля 9*). Упразднение «революционной армии».

марта 31 (*жерминаля 11*). Арест Дантона, Камилла Демулена и других дантонистов

марта 31 (*жерминаля 11*). Оккупация о. Сент-Люси англичанами.

апреля 1 (*жерминаля 12*). Упразднение министерств и Исполнительного совета и передача исполнительной власти 12 исполнительным комиссиям, подчиненным Комитету общественного спасения.

апреля 1 (*жерминаля 12*). Отмена представления деклараций розничными торговцами.

апреля 2—5 (*жерминаля 13—16*). Процесс и казнь дантонистов.

апреля 13 (*жерминаля 24*). Казнь Шомета, Гобеля и Люсили Демулен.

апреля 14 (*жерминаля 25*). Опубликование Комитетом народного образования инструкции об охране библиотек и произведений искусства.

апреля 16 (*жерминаля 27*). Декрет о сосредоточении процессов по заговорам в Революционном трибунале Парижа.

апреля 17 (*жерминаля 28*). Заключение англо-прусско-голландского соглашения в Гааге об использовании сухопутных сил Пруссии в интересах морских держав.

апреля 18 (*жерминаля 29*). Введение мясных карточек в Париже.

апреля 20—21 (*флореаля 1—2*). Окончательная оккупация англичанами Малых Антильских островов (захват о. Гваделупы).

апреля 21 — мая 5 (*флореаля 2—16*). Движение парижских рабочих за повышение заработной платы. Репрессии в отношении участников движения со стороны Парижской коммуны.

апреля 30 (*флореаля 11*). Захват австрийцами крепости Ландреси.

мая 4 (*флореаля 15*). Мобилизация всех работников промышленности, транспорта и торговли предметами первой необходимости.

мая 5 (*флореаля 16*). Прокламация Коммуны к рабочим Парижа, в которой движение за повышение ставок приравнивалось к контрреволюционному.

мая 5 (*флореаля 16*). Запрещение реквизиции скота для нужд армии.

мая 7 (*флореаля 18*). Введение культа «верховного существа».

мая 8 (*флореаля 19*). Упразднение провинциальных революционных трибуналов и революционных комитетов с передачей их дел парижскому Революционному трибуналу.

мая 11 (*флореаля 22*). Декрет об организации помощи инвалидам, сиротам и старикам путем раздачи им имущества «подозрительных» (учреждение «Книги национальной благотворительности»).

мая 12 (*флореаля 23*). Разрешение Комитетом общественного спасения вывоза за границу ценной мебели в обмен на продукты первой необходимости.

мая 12—16 (*флореаля 23—27*). Декреты об организации военных уголовных трибуналов.

мая 14 (*флореаля 25*). Постановление Комитета общественного спасения о реконструкции Парижа и его украшении.

мая 17 (*флореаля 28*). Объявление Комитетом общественного спасения конкурса на создание памятников в честь Республики.

мая 18 (*флореаля 29*). Победа французской армии при Туркуэне.

мая 22 (*прериаля 3*). Покушение Адмирала на жизнь Робеспьера.

мая 24 (*прериаля 5*). Установление пособия нищим Парижа в 15—25 су.

мая 28 — июня 2 (*прериаля 9—14*). Морской бой с английской эскадрой, в результате которого американским торговым судам был открыт доступ к Бресту.

1789 *мая 30 — июня 1* (*прериаля 11—13*). **Декрет о мобилизации сельскохозяйственных рабочих и о воспрещении повышения им заработной платы.**

» *июня 4* (*прериаля 16*). Оккупация Порт-о-Пренса (последнего форта французского Сан-Доминго) англичанами и испанцами.

» *июня 8* (*прериаля 20*). **Праздник «верховного существа».**

» *июня 10* (*прериаля 22*). **Декрет о реорганизации Революционного трибунала** с целью «гарантирования свободы оклеветанным патриотам» и ускорении суда **над «заговорщиками».**

» *июня 11* (*прериаля 23*). Бурное заседание Комитета общественного спасения (начало разрыва между его членами).

» *июня 17* (*прериаля 29*). Взятие Ипра французской армией.

» *июня 25* (*мессидора 7*). **Взятие французами Шарлеруа.**

» *июня 26* (*мессидора 8*). Победа **французской армии при Флёрюсе.**

» *июня 26* (*мессидора 8*). **Декрет о реквизиции** всего урожая текущего года.

» *июня 29* (*мессидора 11*). Второе бурное заседание Комитета общественного спасения.

» *июля 1* (*мессидора 13*). **Постановление Комитета общественного** спасения об охране **зданий Парижских застав, сооруженных Леду.**

» *июля 1* (*мессидора 13*). **Выступление** Робеспьера в Якобинском клубе с вызовом его антиробеспьеристскому **большинству.**

» *июля 2* (*мессидора 14*). **Декрет о реорганизации** Школы горного дела.

» *июля 3* (*мессидора 15*). **Взятие** Остенде революционной армией.

» *июля 3* (*мессидора 15*). Реквизиция всего имущества ведомства речной навигации и мобилизация его личного состава.

» *июля 6* (*мессидора 18*). Декрет о секвестре имущества иностранцев.

» *июля 8* (*мессидора 20*). Вступление французской армии в Брюссель.

» *июля 9* (*мессидора 21*). Выступление Робеспьера в Якобинском клубе с разоблачением «ложных террористов».

июля 23 (*термидора 5*). Утверждение Парижской коммуной нового максимума заработной платы.

» *июля 26* (*термидора 8*). **Последняя** речь Робеспьера в Конвенте.

» *июля 27* (*термидора 9*). **Контрреволюционный** переворот.

» *июля 28* (*термидора 10*). **Казнь** Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и их сторонников.

» *июля 28* (*термидора 10*). Упразднение Парижской коммуны.

» *июля 31* (*термидора 13*). Реорганизация Комитета общественного спасения.

» *августа 1* (*термидора 14*). Отмена декрета 22 прериаля.

» *августа 10* (*термидора 23*). Реорганизация Революционного трибунала.

» III год Республики *октября 30* (*брюмера 9*). **Декрет о создании** «Нормальной школы» в Париже.

» *ноября 11* (*брюмера 21*). **Закрытие** Якобинского клуба.

» *ноября 30* (*фримера 10*). Открытие Политехнической школы под первоначальным названием «Центральной школы для общественных работ».

» *декабря 4* (*фримера 14*). Создание медицинских школ в Париже, Монпелье и Страсбурге («Школы здоровья»).

» *декабря 23* (*нивоза 3*). Отмена максимума.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абей (Abeille) 554
Август, епископ Шпейерский 147, 149, 151, 152
Авенель 707, 710, 711
Аврэ, герцог д' 97
Аде 575
Аделаида, принцесса 101
Адлер 425, 711
Адмираль 473
Адриан, или Андриан 106
Аламбер Д' 170, 515, 563, 586
Алангри 594
Александр 211
Аллие, граф де л' 167
Альба, герцог 133, 134,
Альбини 257
Альбит 336, 428, 429
Алье 328
Альтон, граф 128, 133, 134, 136, 138—140
Амар 282, 352, 360, 434, 468, 469, 484, 486
Амарант, г-жа 410, 421
Амель (Hamel) 706, 711
Ампер 562, 566
Андре 85
Анживилле, граф д' 619, 629, 639
Анрио Франсуа, чл. Конвента 113, 313, 315, 316, 317, 486, 487, 489
Анрио, промышленник 42
Анселен 633
Ансельм 218
Антрег д' 98, 328
Антуан 193, 208, 217, 219, 363
Араго 558, 562
Арбогаст 556, 604, 606, 611
Ардашев 714
Аристотель 557, 625
Аркрайт 6
Аркур, герцог д' 83, 96
Арно-де-Бакюлор 661
Арриэ 634
Арро д' 505, 506
Артаксеркс 640
Артэ, шевалье д' 331
Артуа, граф д'(Карл X) 96 — 99, 100, 122, 123, 159, 164—166, 229, 231, 447, 551
Архимед 633
Ашет 562
Аюи (Найу) 561, 572
Бабёф X, 89, 417, 490, 526, 615, 695, 696, 699, 700
Баденский маркграф 147
Базельский епископ 149
Базир 422, 423, 434, 436, 439, 611
Байрон 616
Бакон-де-ла-Шевальри 492
Балло 6
Бальби, графиня де 98
Бальзак Оноре 616
Бальзак Шарль-Луи 618, 633
Бальи или Байи (Bailly) Жан-Сильвен 50, 53, 55, 65, 85, 114, 648
Банзакар 728
Бантаболь 486
Бара 326, 327, 472, 645
Барантен де 50
Барбару 274, 283, 291, 316, 345, 386
Барер (Barère de-Vieuzac) 171, 289, 304, 308, 311, 314—316, 326, 331, 352, 359, 377, 398, 415, 431, 439, 440, 444, 454—456, 464, 466, 468, 472, 474, 475, 479—481, 484—486, 488, 537, 544, 551, 556, 561, 562, 580, 585, 607, 614, 641, 656
Барнав 52, 72, 84—87, 103, 104, 109, 114, 170, 181, 183, 493, 587, 596—600, 692, 693, 697
Баррас 277, 333, 429, 469, 470, 474, 481, 490
Барс 458, 460
Бартелеми 360, 450, 451, 459
Басвиль 544
Батц, барон де 361, 422, 423, 444
Безбородко, князь 13, 30, 162
Бекк 582
Беккариа 76
Бекур 621
Белинэ, граф де-ла 167
Белосельский-Белозерский, князь 230
Бельгард Адель де 450
Бемер 258, 271
Бендер, барон фон 134
Бентам 241
Бенуа 422, 423
Бераиже 623
Бервик 630, 633
Бёрк (Burke) 233, 234, 239, 247, 248, 255, 697
Берлиоз 616
Бернар, архитектор 656

Бернар, прокурор 115
Бернар из Сента 469, 475, 540
Бернарден-де-Сен-Пьер 563
Бернонвиль 228, 270, 370, 371, 373
Бернсторф, граф фон 442, 454
Бернье, аббат, епископ Орлеанский 320
Беррюйе 325
Бертолле 559, 561, 562, 575, 576, 580, 582, 583
Бертон 666
Бертран-де-Моллевиль 183, 185
Бертран-де-ла-Хосдиньер 386
Бертье 589
Бетховен 616, 668
Бефруа 293, 296, 386, 387
Бефруа де-Рейньи 626, 627
Билло-Варенн 108, 201, 211, 218, 226, 276, 285, 300, 316, 351, 352, 390, 408, 418, 435, 436, 467, 468, 470, 475, 476, 480, 486, 489
Бинкерсгук 543
Био 551, 552, 557, 562
Бирон, герцог де 187, 223, 325, 370, 378
Бирото 316, 329, 330
Бисмарк, князь фон 711
Биша 563
Бияссу 501
Блан Луи 697, 700, 701, 721
Бланки Адольф, экономист 4
Бланки Луи-Огюст, революционер 86
Бланшеланд, де 496, 500
Блау 252
Блекстон 68
Блиньяк, маркиз де 96
Блох 727, 728
Бо, сапожник 430
Бо Поль, химик 578
Бовэ, аббат де 55
Бовэ, мулат 498
Богарнэ 83
Бодо 448, 482
Бойд 421, 423, 444
Бомбель, маркиз де 100
Бонапарт, см. *Наполеон*
Бонафе 5
Бонвуазэн 636
Бонжур 576
Боннвиль 88, 104, 110, 112
Бонне 333, 573
Бонье 544
Боншан, маркиз де 321, 326
Боост 260
Борда 555, 556
Борель, маркиз де 500
Борепер 223
Боскари 174, 175
Боссарт, фон 146
Боссюэ 591
Брандес 255
Браницкий, граф 23
Брауншвейгский, герцог 194, 206—208, 222, 223, 226, 228, 229, 247, 254, 256 264, 284, 337, 454, 456, 654
Бреар 469
Бреда 501
Брендель 149
Бретейль, барон де 57, 100, 181, 182
Бретт 726
Бриссо 83, 85, 104, 109, 111, 152, 169—171, 176, 179, 181, 184—186, 194, 196, 205, 208, 209, 216, 222, 224, 226, 232, 252, 263, 265, 274—275, 278, 280, 282, 285—287, 292, 308, 312, 316, 348, 351, 352, 409, 435, 493, 520
Брише 417
Бройи (Broglie), герцог де 96, 98, 168
Броньяр 563
Брук-Бусби 239
Брут 103, 116, 480, 488, 639, 644, 686
Брюгьер 572
Брюн, генерал 379
Брюньон 400
Буайи 630, 633
Буало 281
Буйе, маркиз де 93, 94, 100, 102, 108, 110, 118, 196, 287
Буйе, сын 102, 110
Букман 497, 498
Букье 612—614
Буланже 486
Булгаков 157
Булле 652
Булло 662
Буонарроти Х, 89, 695, 696
Бурбонский, герцог 96, 123
Бурбоны 12, 26, 97, 168, 206, 288, 320, 424, 536, 556, 562, 693, 722
Бурбот 482
Бурдон Леонар 211, 343, 344, 351, 352, 407, 428, 431, 456, 469, 475, 476, 483, 486, 489, 608—609, 612
Буржен Жорж 726, 727
Буржен, братья 728
Буржуа 433
Бутми 514
Бухгольц 21, 22
Бушор 622
Бушот 349, 406
Бэаг (Behague), де 504—506
Бэйль 333
Бэкон 586
Бюзо 196, 282, 284, 288, 289, 291, 308, 316, 329, 345
Бюффон 563, 569, 572—574, 583
Бюше 697, 699, 700
Бюшо 458

Вабекур, маркиз де 167
Вадье 109, 115, 352, 470, 477, 482, 486
Валазе 287, 292, 316
Валь, граф де 167
Валькьерс 422
Ван-Гельдерн 264
Вандам 448, 459, 478
Ванделенкур 610
Ванденивер 422, 423
Вандермонд 582—584
Варле 208, 299, 300, 305, 309, 312, 338, 343, 344, 348, 349, 355
Варон 636
Вашингтон 451
Ведекинд 252, 258, 270
Вельтер 576
Венан-де-Шармильи 238, 502
Венан Франсуа-Андре 406, 407, 428, 430, 432—434, 629, 630
Вендель 583
Вени 646
Вержен, граф де 145

Верне 636
Вернике 654
Верньо 170, 179, 196, 199, 201, 205, 208, 212, 214, 225, 252, 275, 281, 282, 286, 287, 292, 308, 313, 314, 316, 520
Веррес 486
Вестерман 212, 325, 326, 436
Виала 472
Викар 636
Викгем 544
Вик-д'Азир 559
Виктор-Амедей III 96, 229
Виктория, принцесса 101
Виланд 246, 253, 254
Вильберфорс, см. *Уильберфорс*
Вилье 602
Вильямсон, см. *Уильямсон*
Вимпфен, де 223, 269, 329, 515
Винкельман 256, 257
Виоменвиль, де 503
Витэ 328
Виттенбах 250
Воблан, граф де 209, 211
Водрёйль, граф де 96, 98
Воклен 562
Вольней 537, 561, 587—596, 598, 693
Вольта 76
Вольтер 170, 515, 590, 591, 594, 616, 619, 625, 644, 700, 704
Вольф 573
Вонк, см. *Фонк*
Воронцов, граф 27
Вулан 352, 484
Вурмзер, генерал 445, 448
Вьен Жозеф-Мари, художник 629, 633
Вьеннский архиепископ 50
Вяземский, князь 619

Габио 661
Габриэль 657, 658
Габсбурги 11, 13, 18, 21, 26, 129, 137
Галлиффе 83
Галле (Halle) 662
Гамбетта 712
Гамен 288
Гара 288, 313, 399, 408
Гарве 255
Гарди (Hardy) 235
Гарднер 506
Гарен 304, 399
Гарнье 486
Гаррис, см. *Мальмсбери*
Гаспарен, де 337
Гастон 320
Гассенфрац (Hassenfratz) 575, 582, 583, 607, 610
Гаусман 269, 270
Гаюи, см. *Аюи* (Найу)
Гвидо Рени 636
Гегель 245, 693
Гейне 252
Гельман 646
Генрих IV Наваррский 117, 625
Гентц, фон 246, 247, 249, 255
Георг III 236, 237
Гервей 153, 441
Гердер 254, 597
Геродот 591
Геррес 250
Герц 148
Герцберг 20, 21, 23, 24, 154
Гершель 569, 571
Герье 709, 714
Гессен-Дармштадтский, герцог 147, 257
Гёте 228, 244, 245, 254, 256, 271, 616, 668
Гизо 693, 710
Гийом 549
Гийон 509
Гимних 257, 258
Гиппократ 640
Гирке, фон 514
Гиро 642
Гитон-де-Морво, или Гитон-Морво 86, 562, 574, 575, 577, 580, 582—585, 611
Гишон 57
Глюк 664
Гобель 413, 414, 423, 437
Гогела 102
Гогенлоэ, князь 222, 223, 264
Гогенцоллерны 18, 707
Годвин (Godwin) 241—243
Годен 324, 604
Гольбах 511
Гольц, барон фон 148
Гомель 718
Гонен 504
Гоншон 176
Гордель 662
Горса 191
Госсек 618—620, 664, 666, 680, 682
Госсен 602
Гофман 252, 258, 260—262, 270
Гош (Hoche) 323, 324, 327, 353, 377, 379, 380, 448, 619
Грав, маркиз де 186, 196
Гракх Гай 426, 625
Гракх Тиберий 426
Гране Франсуа-Омер, чл. Конвента 612, 655
Граммон 663
Грассе 664
Грегуар 83, 109, 115, 263, 268, 269, 278, 416, 439, 537, 538, 559, 563, 608—610
Грей, лорд 235—237
Гренвиль, лорд 31, 263, 301
Греню 422
Гретри 620, 622, 664, 667
Гривель 396, 397
Гримм, барон де 158, 231
Гроций Гуго 540
Грув 454
Грувиль 439, 454, 459
Губер (Huber) 256
Гувион 170
Гуд (Hood) 334
Гудон 644, 645
Гуж Олимпия де 676
Гужон 458, 482
Гузман 436, 444
Гуи-д'Арси, маркиз 83, 84, 493
Гули 428, 429
Гупиль-де-Префельн 109
Густав III 14, 15, 25, 90, 100, 151, 159
Гэй-Люссак (Gay-Lussac) 562
Гюаде (Guadet) 170, 196, 205, 275, 290, 316
Гюго Виктор (Hugo) 616
Гюйгенс 554
Гюйе-де-Жервиль 183

Гюйо 722
Гюйо-де-Фоллевиль 321
Гюллен, см. *Юлен*
Гюфруа 385

Давид, художник 276, 345, 469, 559, 618, 628—630, 632, 634, 636, 638, 639—642, 645, 648, 649, 654—656
Даву 95
Д'Аламбер, см. *Аламбер Д'*
Далерак 666, 667
Дама граф де 102
Дама де, губернатор 503, 504
Дампьер 373, 376
Дандре, или Д'Андре 181
Даннеман 572
Дансар 87
Дантон 88, 104, 111, 116, 193, 196, 203, 206, 216, 223, 224, 226, 229, 265, 267, 274, 276, 277, 279—282, 284, 285, 290, 304—308, 312, 313, 336, 338, 339, 345, 346, 352, 370, 403, 407—410, 416, 421, 423—425, 429, 430, 434—436, 439, 440, 443, 456, 468, 474, 476, 480, 486, 520, 609, 612, 613, 617, 697, 699, 709, 710, 712, 713, 723
Дардель 632, 634, 636
Дебри, или Де-Бри 435
Дево 563
Дезодоар 597
Дезорг 620, 622
Дейдье 582
Декарт 557
Декорш-де-Сент-Круа, маркиз 452
Де-Конвэ 509
Декруазиль 576, 579, 580
Делакруа 364, 381, 386, 387, 389, 435, 609
Деламбр 555
Делейр 610
Де-Лессар, или Делессар 183, 184, 185
Де-Лонэ, или Делонэ, комендант Бастилии, см. *Лонэ де*
Делонэ, архитектор 636
Делонэ из Анжера, министр 422, 423, 434, 436
Дельбрель 448
Дельмас 435, 469, 486
Демаре 559
Демарн 630
Де-Монтс 422
Демулен Камилл 58, 82, 86, 88, 116, 171, 181, 276, 409, 410, 421, 425—431, 434—436, 617, 648, 677
Демулен Люсиль 436, 437
Дентцель 337
Депре 728
Депуа 551, 563
Детурнель, архитектор 633
Детурнель, министр 431
Дефаван 399
Дефонт 640
Дефорж 424, 431, 440, 442, 451, 458
Де-Френ 507
Дефьё 421, 422, 433
Джервис 506
Джефферсон 70, 451, 555
Дидро 1, 616, 644
Дидерихсен 436
Дизе 577
Дикель 360
Диллон (Dillon) Артур, генерал 218, 369, 436, 503
Диллон Теобальд, генерал 192, 193
Дитрих, барон де 6, 7, 83, 218, 575, 583, 620
Добантон 550, 561, 563, 572
Добруска, Зигмунд и Эммануил, см. *Фрей*
Доливье 176, 177, 299
Дом (Dohm) 146
Дону 560, 602, 607
Дорвиньи 662
Дорш 252, 257—259, 262, 270
Дрё-Брезе, маркиз де 55
Друэ 426
Друэ, начальник почты 102, 105
Друэ, художник 639, 645
Дуарэ 270, 271
Дюамель-де-Монсо (Duhamel) 577
Дюбрейль (Dubreil) 724, 727
Дюбуа-Крансе 300, 301, 331, 336, 368, 372, 482, 485, 639
Дюбю 652
Дюбюиссон 422, 423, 433, 450, 451
Дю-Бюк, или Дюбюк 506
Дюваль 610
Дюгомье 335
Дюкенуа 374, 448, 482
Дюкло 339
Дюко 174, 175
Дюма Александр, генерал 379.
Дюма, чл. Конвента 486
Дюма Жан-Мари, химик 577
Дюмон Андре, чл. Конвента 416
Дюморье 508
Дюмурье 186, 187, 192, 196, 216, 218, 223, 228—231, 258, 263, 264, 267, 270, 271, 304—307, 314, 323, 337, 370, 371, 373—376, 379, 424, 435, 436, 546
Дюпаскье 636
Дюпле 116, 477
Дюплесси-Берто 640, 647
Дюпон Жакоб, чл. Конвента 172, 606, 610
Дюпон-де-Немур 81, 518
Дю-Пор, или Дюпор, Адриен 65, 66, 69, 72, 84, 85, 114, 183, 185, 196
Дюпор-Дютертр 115
Дюпюи Шарль 588
Дюпюитран 563
Дюра, герцог де 96
Дюран-Майян 560, 606
Дюрамо 629
Дюруа 423, 482
Дюфон 633
Дюфрес, актер 486, 664
Дюфур 273, 274
Дюфурни-де-Виллие 46, 88 ,423, 582, 588
Дю-Шатле 158
Дюэм (Duhem) 612

Езерский 155
Екатерина II 12—23, 25, 27, 28, 30, 32, 33, 34, 143, 151, 152, 154, 155, 157—168, 181, 231, 445, 447, 459, 536, 704
Елизавета, принцесса 102
Еллинек 513, 514

Жавог 428, 429
Жакоб 724
Жанбон-Сент-Андре 304, 329, 352, 359, 377, 379, 449, 468
Жане 514
Жансонне 170, 196, 200, 205, 308, 520, 521
Жар 582
Жарри-де-Бриньи 200
Жданов А. А. 159
Жене 160, 166, 424, 439, 451, 453
Женисьё 338, 394
Жерар 629, 633, 634
Жербо 727
Жерль 477
Жиберг 604
Жилле 336, 483
Жирарде 646
Жирарден, маркиз де 170
Жиродэ-де-Руси 633
Жироде-Триозон 640
Жире-Дюпре 224
Жоли 496
Жорес 47, 64, 66, 83, 274, 282, 383, 586, 599, 699, 711—713, 720, 723, 724, 725, 726
Жофруа-Сент-Илер (Geoffroy-Saint-Hilaire) 563, 572
Жуаньи 627, 662
Жубер 379
Журдан Жан-Баптист, генерал 353, 377—380, 448, 479, 480
Жюльен, г-жа 226, 282, 285
Жюльен Жан, чл. Конвента (Julien de Toulouse) 422, 423
Жюмекур 498
Жюсьё Антуан-Лоран 563, 572
Жюсьё Бернар де 572

Земмеринг 256
Зибель фон 707, 708, 710
Зивекинг 254

Иаков II Стюарт 239
Иден, лорд Окленд 35
Изабо 469
Изоре 389, 390
Инар, или Иснар (Isnard) 152, 170, 179, 180, 196, 199, 208, 283, 311—314, 316
Иоанна, папесса 627
Иоркский, герцог 226, 448
Иосиф II 13, 17, 23, 26, 123—126, 128, 130—138, 143, 150, 153, 154
Иснар, см. *Инар*

Кабанис 558, 563, 591, 602
Кабаррюс Тереза 469, 473
Казалес 71
Калигула 348
Калле 629
Калонн де 97, 98, 544
Кальве 724, 727
Кальдерон 626
Калькрейт, граф фон 264, 270
Камай-Сент-Обен 662
Камбасерес 276
Камбон 107, 224, 265, 266, 276, 279, 285, 292, 310, 316, 381, 455, 470, 479, 482, 485, 486, 560, 611
Камюс 603
Кант 245—250, 252, 255, 568, 569
Капелло 62
Капеты 108, 110, 287, 353
Карамзин 160, 161, 673, 676
Карбон-Фленс 626, 627
Карденаль 719
Кареев 714, 715, 723
Карл I английский 185
Карл IV испанский 97
Карл VI австрийский 536
Карл X, см. *Артуа, граф д'*
Карл-Альбрехт 132
Карлейль 65, 696, 697
Карни 581, 582
Карно Лазарь 169, 331, 374—376, 378, 448, 468, 469, 472, 479, 480, 484—486, 549, 551, 562, 566, 567, 604
Карон 723, 725, 727, 728
Карпелье 656
Карра 181, 186, 226, 324
Каррье 416, 418, 430, 431, 470, 481
Карто 330, 334, 335
Кастельно, барон де 96
Кастеллан 83
Кастри, маршал де 98
Кателино 320, 322, 323, 326
Катель 619, 666
Катилина 486, 645
Катрмер-де-Кенси (Quatremère-de-Quincy) 630
Катюс 451
Кауниц, князь фон 166, 185, 450
Каутский 713, 714, 730, 732
Кевердо 640
Кейон 363, 368
Келлерман 218, 223, 228, 229, 379
Кер 421
Кернер (Körner) 245, 254
Керсэн (Kersaint) 546
Керубини 666—668
Кине (Quinet) 706
Киров С. М. 159
Кит (Keith) 153
Клавьер 186, 196, 216, 259, 353, 422
Клебер 326, 380
Клеман 622
Клермон-Тоннер 71, 515
Клерфэ (Clerfayt), граф де 222, 223, 228, 229
Клод Лоррэн, см. Лоррэн Клод
Клоотс, барон 86, 406, 413—415, 419, 420, 423, 428, 432, 436, 439, 454, 613, 680, 707
Клопшток 253, 254
Клюньи де 504
Книгге 254
Кобургский, герцог 270, 304, 445, 448, 456, 478, 479, 584
Ковалевский М. М. 80, 714, 716, 717
Кодрийе 728
Кок 433
Кокеромон, маркиз де 168
Коллэн-д'Арлевиль 626, 661
Колло-д'Эрбуа 193, 208, 276, 278, 304, 332, 352, 408, 418, 434, 435, 450, 467, 469, 470, 473, 480, 481, 482, 484—486, 626, 627, 661, 663
Коллонтай 155, 156
Кольбер 553, 629
Комб 721

Конде, принц 95—100, 121—123, 447, 502
Кондильяк 601
Кондорсе 83, 85, 106, 107, 109, 169, 170, 205, 208, 216, 275, 292, 308, 493, 511, 520, 560, 562, 565, 587, 593—596, 604—608, 611, 692, 704
Констан 514, 516
Конт 423
Корвизар 563
Кордэ Шарлотта 345, 443, 644
Корнгольд 725
Корнель 625, 718
Корни де 61
Корреджо 636
Корф, баронесса 101, 102
Костюшко 458—460
Коттеро, прозв. Шуан 320
Коффиналь 112, 113
Кох 152
Кочубей, князь 162
Коши 562, 567
Кребильон (Crébillon) 625
Крейцер 666, 667
Кромвель 419
Кропоткин 717, 718
Крупская Н. К. 623
Кузен 559
Кузен Жак, см. *Бефруа де Рейньи*
Кук 252, 261
Кумберленд, епископ 68
Кунов 713, 714
Куньяк-Мион 505, 506
Купе 387, 608, 610, 611
Купиньи 620
Куртуа Жак 435
Курциус 58
Кутон 173, 276, 285, 291, 331, 332, 339, 347, 418, 429, 436, 465, 467—470, 472, 474—476, 480, 482, 484, 486, 487, 521
Кутэ 290
Куэндр 423
Кювье 563, 576, 580, 581
Кюстин де 255—260, 262, 263, 264, 268—271, 329, 378, 546

Лабрус 37
Лабуро 433
Лаваль 662
Лавалле-Фук-де-Гэ де 624
Лаверны 223
Лавуазье 5, 208, 550, 558—563, 574, 575, 578, 580, 581, 611
Лагарп 561
Лагранж 561, 562, 565—569, 576
Лагранж-Шансель де 625
Лагрене 629
Ладре 622
Лазовский 198
Лайа 626, 660
Лакай 556
Лаканаль 559, 562, 563, 607, 608, 610
Лакомб Клэр 663, 683, 690
Лакомб-Сен-Мишель 169, 328
Лакондамин, или Ла-Кондамин 553
Лакост, морской министр 186
Лакост Эли, чл. Конвента 448, 484, 504, 505
Лакрос 505, 506
Лакруа 360, 390
Лаланд 553, 555
Лалли-Толандаль 71, 516
Ламарк 563, 572, 573
Ламартельер 661
Ламартин 697, 698
Ламбаль, княгиня 226
Ламбеск, князь де 647
Ламбарди 562
Ламет (Lameth) Александр де 68, 84, 85, 114, 183, 185, 493
Ламет Теодор де 68, 84, 170, 290, 493
Ламет Шарль де 68, 72, 83, 84, 85, 183, 185, 187, 409, 493
Ламурет 201, 202
Лангланд 212
Лангрский, епископ 50
Ланж, или Л'Анж 176—178, 299
Ланжюинэ (Lanjuinais) 338
Ланнуа 656
Лантена 606
Лану 374
Лапланш 304, 417, 418
Лаплас 561, 562, 567—571
Лапорт де, министр двора, 186, 217
Лапорт-де-Лиссак, маркиз 64
Ларошжаклен, граф де 321
Ларрей, барон 563
Ласепед де 604
Ласказас 450
Ласурс 205, 280, 316, 521
Латур-д'Овернь 379
Латур-дю-Пен-Полен 93
Латур-Мобур 103
Лафайет, маркиз, де-Мотье (La Fayette) 65, 68, 69, 72—76, 84—86, 91, 99, 103, 104, 110, 112, 114, 138, 182, 183, 185—187, 192, 193, 196, 199—201, 203, 204, 206, 209, 218, 219, 224, 337, 369, 378, 493, 515, 680, 682, 722, 724
Лафлот 436
Лафа 423
Леба 376, 377, 448, 459, 469, 478, 486, 488, 490
Лебарбье 629, 630
Леблан 574, 576, 577, 581
Лебон 401, 612 724
Лебрён-Пиндр, драматург 626
Лебрён Понс-Дени-Экушар (Le Brun), поэт 617, 619
Лебрен-Тондю Пьер-Анри, министр 216, 259, 283, 287, 353, 438, 440, 442
Лебуше 509
Левассёр, историк-статистик 728
Левассёр Рене, из Сарты 280, 340, 363, 448, 482, 695, 696
Левра 422
Легра 211
Леграи 630
Леду 651—652
Лежандр Адриен-Мари, математик 566, 567
Лежандр, чл. Учр. собр., деп. от Бретани 84
Лежандр, чл. Конвента, деп. из Ниевра 395
Лежандр, мясник, дантонист 88, 116, 171, 198, 338, 364, 434, 435, 436
Лезардьер, барон де 119
Лезюр 662

Лейбниц 567
Лейнингенский, князь 152
Лекиньо 416, 609
Леклер, генерал 379, 448
Леклерк (Leclerc) Жан-Батист X, 88, 338, 343—345, 347, 348, 379, 433, 609
Лекуэнтр 424, 469, 475, 476, 486
Лён (Löhn) 244
Ленде 435, 468, 469, 551
Ленже 504, 505
Ленин В. И. VII, VIII, IX, XI, 38, 63, 88, 89, 117, 161, 309, 336, 339, 341, 354, 357, 366, 392, 466, 511, 541, 542, 546, 548, 552, 557, 615, 623, 628, 649, 729—734
Ленуар Александр 636
Леопольд II 99, 100, 122, 142, 149, 152—154, 159, 166, 181, 183, 230
Ле-Паркье 726
Лепелетье-де-Сен-Фаржо 355, 493, 608, 609, 612, 633,641, 642, 645, 646
Лепелетье Феликс 608
Ле-Ру 50
Леруа 636
Лескалье 508
Лескюр, маркиз де 321, 326
Лесюёр Жан-Франсуа, композитор 666, 667
Лесюёр Шарль-Александр, художник 636
Лессинг 244
Летьер 640, 646
Лефевр (Lefebvre) 716, 720, 722, 723, 727
Ле-Фран, аббат 99
Ле-Шапелье, или Лешапелье 52, 79, 80, 84, 85, 232, 402, 517, 529, 627, 659, 717
Лианкур, герцог де 62, 207
Линней 572
Ло Джон 4, 662
Лозён (Lauzun), герцог де 96
Локк 68, 514
Ломоносов 574
Лоно, граф де 167
Лонэ де (Launay de), комендант Бастилии 60—62, 110
Лоран, чл. Конвента 401
Лоран, архивист 726
Лоррэн Клод (Claude Gelée dit le Lorrain) 636
Лоэзиль-Греогат 661
Луве Пьер-Флоран, жирондист 176, 224, 283, 284, 292, 316, 345
Луве-де-Куврэ 624
Луи-Наполеон, см. *Наполеон III*
Луи-Филипп 695, 697
Луккезини, граф 22
Лустало 73
Лучицкий 391, 714—717, 723
Луше 486
Любен 405
Людвиг Эмиль IX, 734
Людовик XIV, 536, 543
Людовик XV 536, 655
Людовик XVI 2, 5—9, 37, 41—43, 49, 55, 57, 62, 65, 70, 71, 74, 75, 92, 93, 96, 97, 99—112, 115, 116, 119, 122, 123, 145, 147, 149, 152, 166, 168, 170, 179—186, 194—196, 198, 202, 205—208, 212, 216, 217, 225, 229, 237, 244, 252, 256, 272, 273, 278, 286—292, 297, 327, 328, 331, 353, 370, 422, 446, 558, 559, 605, 606, 618, 626, 635, 640, 641, 646, 660, 678
Людовик XVII 321, 325, 331
Людовик XVIII, см. *Прованский, граф*
Люзерн де-ла (De la Luserne) 494, 509
Люкнер 192, 200, 218
Люкс 270
Люлье 314, 423, 436

Мабли де 68, 80, 82, 511
Мавидаль 726
Мадлэн 718
Мазюйе 606
Майльз 425
Майнцский курфюрст, см. *Эрталь Фридрих-Карл фон*
Майяр 73, 74, 226, 423
Макдональд 459, 478
Мак-Немара де 509
Макке 270
Макк 459
Малартик 510
Малаховский 156, 157
Малле-дю-Пан 98, 194, 207
Малуэ 71, 181, 194, 492
Мальмсбери (Malmesbury), лорд 455
Малюс 562
Манда 210, 212, 214
Манштейн 229
Маньито 504, 505
Манюэль 199, 202, 278, 291, 296
Марат 72, 73, 76, 80, 87, 88, 104, 105, 115, 116, 172, 174, 193, 194 205, 207, 217, 225, 226, 235, 274, 276, 277, 279—281, 283—286, 289—291, 296, 301, 305, 309, 310, 312, 313, 315, 328, 329, 338, 339, 343—345, 347, 348, 354, 355, 435, 443, 558, 620, 642, 645, 684, 689, 690, 718, 725
Маре 438, 449, 544
Марешаль Пьер-Сильвэн 412, 622, 623, 661, 662
Марион 718, 727, 728
Мария-Антуанетта 65, 100, 101, 103, 166, 170, 171, 181, 183, 186, 187, 194, 206, 218, 291, 348, 349, 352—354, 422, 423, 425, 556, 618
Мария-Христина 132
Маркс К. VII, X, XI, 4, 6, 13, 27, 38, 80, 84, 89, 158, 244, 248, 249 ,279, 318, 356, 366, 379, 380, 392, 402, 420, 435, 491, 495, 512, 513, 516, 517, 523, 529, 534, 541, 554, 556, 565, 571, 592, 595, 599, 615, 617, 628, 668, 692—694, 696—698, 701—704, 707, 712, 715, 731, 732, 734
Марсо 325, 377, 379, 380
Массена 379
Массиак, маркиз де 493
Матьез (Mathiez) 85, 290, 395, 397, 398, 408, 432, 586, 720—725, 727
Машков 163
Мегюль 619, 620
Меда, или Мерда 490
Меерш ван-дер 138, 143, 144
Мелландорф 454, 458, 459
Мелье 176
Менар, маркиз де 168
Меноль 665—667
Мёнье 584

Меню-де-Шоморсо 50
Меоль (Méolle) 387
Мерлен из Дуэ 148, 149, 350, 476
Мерлен из Тионвиля 171, 269, 326, 336, 376, 469, 489
Мерлино 390
Мерси-Аржанто, граф 100, 101, 148, 181, 186, 193
Мерсье Луи-Себастиан 439, 440, 624, 671, 673—675
Мерсье, чл. Учред. собр. 515
Мерсье-де-ла-Ривьер 517
Местр Жозеф де 331, 544, 693
Меттерних 258, 260, 270
Метьюз (Mathuse) 424
Мешен (Méchain) аббат 84
Мешен, астроном 555
Мийон 662
Мильтон 514
Минье 693—695
Мио 450
Мирабо, граф, чл. Учредительного собрания 53, 55, 56, 65, 71, 72, 84—86, 138, 148, 158, 162, 186, 288, 409, 435, 493, 515, 557, 558, 602, 619, 631, 690, 704, 709, 710, 713
Миранда 263, 374, 379
Мирбек де 499
Митье (Mittier) 662
Михайловский Н. К. 715
Мишаллон 656
Мишле Жюль 285, 323, 558, 697—699, 701, 706, 712
Мишо 211
Мишон 724
Можиньи 664
Моморо 88, 112, 206, 273, 274, 405, 406, 431, 433, 434
Монако, княгиня 98
Монбрен 496
Монвель де 626, 661
Монденуа 504, 505
Монж 216, 561, 562, 566, 574, 575, 580, 582, 583, 584
Монлозье, граф 71
Монморен, граф де 100, 103, 148, 149, 158, 163, 166, 194, 217, 225
Монне 646
Монтегюс 623
Монтескье 4, 8, 68, 80, 82, 86, 87, 231, 514, 515, 590, 593, 598, 619, 704, 716
Монтескью, аббат 71
Монтескью, генерал 218, 229, 230, 267, 539
Монтюкла 595
Мор 401, 642
Морель Бланш 726
Морелли 8
Морен 560
Мори 71, 516
Морков, граф 13
Морлей 514
Моро Жан-Виктор (Moreau), генерал 459, 478
Моро Шарль, архитектор 656
Моро-младший, художник 629
Моро-де-Сен-Мери 503
Моррис 544, 676
Мортемар, герцог де 96
Муассон 211, 212
Мунье 2, 45, 52, 53, 69, 71—75, 98, 512, 515, 516
Мурло (Mourlot) 728
Муррей, граф (Murrey) 132, 133
Мускис 454
Мутон 554
Мэкинтош (Mackintosh) 239, 240, 421
Мэль (Mailhe) 152, 390
Мюллер, актер 664
Мюллер Иоганнес, историк 244, 271
Мюнцер Томас 253

Наполеон I (Бонапарт) 95, 320, 333, 335, 379, 380, 459, 527—533, 535, 536, 540, 541, 617, 620, 621, 668, 695, 704, 718, 722
Наполеон III (Бонапарт) 392, 657, 705, 706
Нарбон-Лара (Narbonne-Lara), граф 182, 183, 186, 192, 724
Нассау-Зиген 166
Нееб (Neeb) 249
Нейвидский, князь 146
Нейвингер 257, 258, 264, 270
Неккер 9, 37, 50, 55, 57, 58, 65, 99, 160, 232, 493, 518, 553, 677
Неллис 127, 135
Нерво де 331
Нерон 348
Никола 429
Ноай (Noailles), герцог де 86
Ноай Луи, виконт де 66, 84
Новиков 161, 162
Ноот ван-дер 126, 135, 137—141, 143
Ноэль 438, 439, 456
Ньютон 558, 567

Оберкампф 577
Обри (Aubry) 450
Одуэн(Audouin) 211
Оже (Auger), мулат 496, 498
Оже, чл. Учр. собр. 602
Ожеро (Augereau) 325, 379
Олар 87, 88, 283, 363, 390, 413, 709, 711, 712, 719—721, 723, 725, 726
Оливье 572
Ону 715
Ординг 725
Орлеанский Филипп (Эгалите), герцог 42, 54, 58, 105, 134, 216, 232, 435, 577
Орно 661
Оскарис 287, 290
Осман (Haussman) 654, 657
Остерман, граф 166
Отёнский (d'Autun), епископ, см. *Талейран*

Паганель 196
Паж 630
Пажу 645
Пален, барон 159
Пальм-Эльдерс Этта 676
Пальмер, лорд 238
Панис 435, 486
Парадье, или Парандье 360, 458
Паре 400, 407, 431
Паризе 719
Парижский архиепископ 56
Пасторе 170, 604

Паш 217, 262, 309, 312, 313, 370, 371, 405, 431
Пауктон 553
Пейнье 495
Пеллетье 572
Пепен 387
Перейра 413, 422, 423, 433, 450
Перикл 467, 468
Перрего (Perrégaux) 408, 421
Перроне 562
Перрье 574, 582, 583
Перси 563
Персон 622
Персье 656
Петион 71, 83, 103,109, 110, 115, 117, 171, 198, 199, 202, 206, 207, 209, 210, 222, 224, 278, 308, 310, 316, 338, 493, 512
Петр I 16, 28
Петров 715
Пиатоли 156
Пигаль 644
Пиис 622
Пикар, историк 45
Пикар, поэт 662
Пико 636
Пиксерекур, де (Pixérécourt) 626, 661
Пине 364
Пирен 128
Пиррон 591
Питра 61
Питт-младший 31, 32, 34, 35, 153, 154, 158, 236—239, 242, 263, 287, 290—301, 327, 407, 408, 421, 425, 426, 435, 437, 444, 448, 456
Пишегрю 353, 379, 448, 478, 480
Плеханов 730
Плещеев 621
Плутарх 617, 712
Плювине 581, 582
Поластрон, графиня де 98
Полиньяк, герцог де 96, 97
Полиньяк, герцогиня де 96
Польверель, де 493, 500
Помпиньи, маркиз де 662
Понс 610, 612
Понятовский Станислав, см. *Станислав II Понятовский*
Поре (Porée) 728
Потемкин, князь 14, 19, 20, 23
Потоцкий Феликс, граф, 156
Потоцкий Игнатий, граф 156
Потоцкий Станислав, граф 156
Потоцкий, чл. Майнц. конвента 270
Пресси, граф 330—332
Прив 662
Приёр-Дювернуа Клод-Антуан, из Кот-д'Ор 375, 468, 469, 551, 562, 578, 579, 580, 611
Приёр Пьер-Луи, из Марны 169, 322, 375, 377, 379, 468
Приёр Франсуа-Луи, гравер 646—649
Пристли 239
Пробст 360
Прованский, граф (Людовик XVIII) 95, 98, 101, 102, 123, 164—166, 179, 180, 447, 505
Проли 421—423, 433, 436, 444, 450
Прони де (Prony) 562
Протоген 633
Протон, артиллерист 634
Прюдом (Prudhomme) 93, 110, 181, 201, 273
Прюдон (Prud'hon, или Prudhon) 632, 633, 634
Пти-Жан (Petit-Jean) 613
Пти Мишель-Эдм 606, 611
Пуассон 562
Пугачев 158, 160, 162
Пурселли 633, 640
Пушкин А. С. 162, 616—618, 627
Пуэнсо 562
Пуэнт 582
Пфальц-баварский, курфюрст 146
Пэйан (Payan) 453, 462, 465, 483, 487, 546
Пэн Томас (Paine или Payne) 106, 236, 240, 241, 252, 308, 394, 594
Пюизэ (Puysaye) 327, 544

Рабо-де-Сент-Этьенн 52, 299, 316 597, 606
Радищев 161, 162, 163
Райт 569
Расин 625
Рафрон 610
Раффар 662
Ребекки 291
Ребель (Reubell или Rewbell) 148, 269, 326, 376
Реберг 255
Ревельон 41, 42, 57, 646
Редерер 85, 95, 105, 212
Резикур 662
Рейбаз 602
Реймарус 254
Реймон 496
Рейналь 590, 593, 594, 598, 692
Рейнгард 450, 458
Рейневаль де 35
Рем 514
Рене 726
Рени Гвидо, см. *Гвидо Рени.*
Рено Сесиль 473
Реньо де-Сен-Жан-д'Анжелли 113, 630
Реомюр 582
Ретиф-де-ла-Бретонн (Restif de la Bretonne) 624
Ретледж (Rutledge) 423
Ржевусский 156
Ригс-Мюллер 554
Риджби 677
Рикард 364
Рикорд 457
Риффатер (Riffaterre) 724
Ричард Львиное Сердце 117
Ришар 551
Ришелье 549
Робер, актер 664
Робер Франсуа, адвокат 87, 104, 112, 113, 116, 211
Робер-Кераль Луиза 87
Роберже 544,
Робеспьер Максимилиан 71, 72, 80, 81—83, 86, 87, 95, 104, 108, 110, 112, 114—117, 160, 171—173, 177, 187, 191—194, 196, 198, 199, 203—206, 208, 216—218, 222, 225, 226, 232, 274—281, 283—285, 288, 290—292, 296—298, 300, 302, 305, 307, 308—310, 312—314, 331, 339—341,

343—349, 351, 356—360, 363, 370, 402, 407, 409, 411, 414—420, 424—432, 434—437, 439, 440, 443, 448, 451—454, 458, 459, 461, 462, 467—470, 472—477, 480—482, 484—490, 493, 512, 518, 522, 523, 526, 529, 537, 538, 544, 546, 551, 607—610, 612, 617, 638, 640, 695—697, 699, 700, 702, 707, 709, 713, 719—721, 723—725, 729
обеспьер Огюстен 300, 364, 376, 377, 457, 482, 486, 488, 490, 724
Робеспьер, Шарлотта 470
Робийяр 465
Ровер маркиз де 469, 481
Роган кардинал де 149
Рок 459
Ролан (Roland de la Platière) 185, 195, 196, 216, 222—226, 254, 259, 274, 275, 280, 283, 288, 295, 301, 370, 550
Ролан Манон 226, 274, 282
Ролль, барон де 97
Ромм 172, 470, 482, 582, 604, 606, 607, **611—613**
Ронсен 406, 407, 428, 430—433, 627
Росен 423
Россиньоль 198, 211, 349, 428
Рошамбо, граф 187, 192, 368, 505, 506
Ру Жак (Roux) X, 89, 176—178, 299, 300, 305, 309, 338, 343—345, 347—350, 488, 722
Ру Луи, член Конвента 439, 440,
Ру, историк 699, 700
Руайе 112
Руже-де-Лиль (Rouget de l'Isle) 194, 195, 620
Рум 499
Румянцев Н. П., граф 150, 151, 159, 166, 168
Руска 379
Русселен 474
Руссо Жан-Жак 68, 71, 80, 82, 87, 160, 161, 246, 250, 255, 278, 302, 306, 308, 341, 403, 413, 414, 417, 470, 511—514, 517, 521—523, 542, 573, 601, 616, 617, 634, 638, 645, 656, 667, 685, 692, 700, 704, 716
Руссо Тома, поэт 620, 623, 662
Русье 515
Рюам 475, 481
Рюль (Ruhl) 152, 262, 435, 608
Рэжкур, маркиз де 100, 102

Саж 559
Салисети (Saliceti) 457
Саль (Salle) 316
Сальмон 66
Сантер (Santerre) 116, 171, 198, 199, 211, 212, 226, 301, 302
Сантонакс, или Сонтонакс (Santhonax) 493, 500, 501
Саньяк 581, 719, 722, 723, 727
Саррет 666
Свебах-Дефонтен, или де-Фонтен 630, 646, 647
Сведенборг 569
Сеген (Séguin) 581
Сегюр, маркиз де 29, 83
Семонвиль, маркиз де 439, 449, 544
Сенак де-Мейлан (de Meilhan) 166
Сенека 248
Сенешаль де-Бандьер 495
Сен-Жюст 216, 276, 288, 290, 296, 297, 308, 339, 356, 357, 371, 372, 376, 377, 418, 431, 432, 434, 435, 448, 450, 459, 460, 465, 467—469, 474, 476—480, 484, 486, 490, 521, 527, 551, 610, 617, 696 707, 725
Сен-Леже де 499
Сен-Пре 664
Сен-Симон, граф де 242, 423, 693
Сен-Феликс 509
Сент-Андре, см. *Жанбон Сент-Андре*
Сент-Бёв 590, 618
Сент-Этьенн, см. *Рабо-де-Сент-Этьенн*
Серван 194, 196, 216, 370, 371
Сержан 207, 633
Сиейес (Sieyès) 47, 48, 53, 56, 69, 85, 155, 276, 308, 481, 493, 512, 518, 520, 560, 607
Симолин 101, 103, 158, 163, 166 ,181, 544
Симон, банкир 421—423
Симон, чл. Конвента 269, 436
Симон-Буа Адриен 620
Симоно 172, 176
Сире 400
Сократ 637—639
Солон 586
Сольнье 662
Сорель 424, 706, 709, 710
Соро (Soreau) 8
Спенсер 598
Сталин И. В. IX, XI, 8, 62, 80, 159, 341, 342, 366, 440, 441, 483, 490, 645, 691, 729, 730, 732—734
Сталь фон-Гольштейн, барон 457
Станислав II Понятовский 17, 157
Стенгель 374
Стофле (Stofflet) 320, 322, 327
Страффорд (Strafford) 185
Строганов, граф
Стурм (Sturm) 718
Суам (Souham), генерал 478
Суворов, князь 14, 30
Сулави 424, 450
Сульт (Soult) 379
Суригер 620
Сухоржевский 156
Сушю 322
Сцевола Муциа 586
Сципион Назика 426
Сэ (Sée) 719, 728
Сюве 630, 633

Тайассон (Taillasson) 633
Талейран-Перигор де, епископ Отёнский 81, 85, 181, 450, 552, 554, 556, 560, 602, 603, 605, 629, 680
Тальма 660, 663
Тальен 225, 434, 469, 470, 473, 476, 477, 481, 483, 486
Тардьё 642
Тарже 85
Тарле 8, 717
Тацит 427, 428
Тевенен 640
Телль Вильгельм 480
Тео Катерина 477, 481
Тернан 149
Террье де-Монвель 203

Теруань де-Мерикур 676, 690
Тибо 469
Тибодо 613
Тилле 554
Тилли 457
Тимирязев К. А. 571
Тироль 509
Тиссо 662
Тиссеро 363
Токвиль 704—706, 710, 719
Томпсон 720
Тонэ (Taunay) 630, 633
Топино-Лёбрен 632, 634, 635
Торси 536
Траутмансдорф, князь 133—136
Трейяр (Treilhard) 114
Тренкес (Trinquesse) 633
Триаль 627
Тридон 706, 707
Трирский, курфюрст, см. *Фебронцус*
Трогоф (Trogoff) 333, 359
Тролон (Trolong), граф де 119
Тугут 454, 459
Тулот 412
Туре 84, 436
Турзель, герцогиня де 101
Туссен-Лувертюр, или Туссен-Бреда (Toussaint-Louverture) 501
Тьер 693, 695
Тьерри 693, 694
Тьерсо 679
Тэн 706, 708, 709, 711, 714, 718
Тюрго 78, 170, 588, 590, 591, 594, 595, 601, 706
Тюрио 217, 339, 352, 394, 428, **481**, 486
Тюркгейм 148
Тюэтэ (Tuetey) 727

Уильберфорс (Wilberforce) 35
Уильямсон (Williamson) 238 502
Уолстонкрефт Мэри (Wollstonecraft) 239
Урсель, герцог 143
Ушар (Houchard) 258, 270, 353, 378, 379, **448**
Уэллс Г. 730

Фабр, депутат из Эро 377, 388
Фабр, батрак из Исуар, 473
Фабр-д'Оливе, писатель 662
Фабр-д'Эглантин 88, 216, 256, 276, 360, 410—412, 422, 423, 428, 431, 434, 436, 560, 611, 626, 661, 662, 686
Фавр 552
Фарси де 119
Фациус 144
Фебронцус, курфюрст Трирский 150, 152, 180, 182, 184
Фейербах 595
Фейо (Fayau) 296
Феллер 140
Феокрит 619
Ферзен, граф 100, 102, 110, 181, 183, 194
Ферри 582
Ферьер 682
Филидор 664
Филипп II 126
Филипп Эгалите, см. *Орлеанский, герцог*
Филиппо 428, 431, 435
Фихте 244—246, 250, 251
Фишених 252
Фишер Куно 256
Флерио-Леско 217
Флессель де 59—62
Фогт Никлас 244
Фокс 20, 22, 27, 425, 435
Фонк 128, 138, 140, 142
Фонтэн 656
Фор 368, 610
Форстер Георг 244, 252, 253, 256, **258**, 260, 261, 262, 269, 270, 424
Форстер Иоганн 252
Фоше Клод 88, 89
Фрагонар 632, 636
Франкенберг 127
Франклин 76, 162, 558, 621
Франсуа-де-Нёфшато 221, 382, 626, 660
Франсуа Жан 501
Франц II 166, 183, 269, 459, 460
Фрей Леопольдина 421
Фрей-Шенфельд-Добруска Зигмунд 421, **436**
Фрей-Шенфельд-Добруска, братья Зигмунд и Эммануил 421, 436
Фрере 591
Фрерон 104, 110, 333, 429, 469, 470, 473, **477, 481**
Фресин 579
Фридрих II 13, 16—18, 20, 148, 150, **152**, 536, 542, 543
Фридрих-Вильгельм II 18, 21, 122, **146**, **148**, **152**, **182**, **222**, **229**, 232, 263, **264**
Фридрих-Карл, митрополит Страсбургский, см. *Эрталь*
Фукье-Тенвиль (Fouquier-Tinville) 436, 477, 481
Фуркруа 550, 551, 559, 562, 563, 575, 581, 582, 609, 611—613, 655, 656
Фурни дю 634
Фурнье 88
Фурси, историк 551
Фурье 242
Фуше 332, 412, 413, 418, 469, **470**, 473, **474, 476, 481—484**

Хислоп Беатриса 726
Хокер 577
Храповицкий 159, 162, 168

Цвейбрюккенский, герцог 145, 147
Цезарь Юлий 103, 640
Цицерон 645

Чичерин 514

Шабо 171, 304, 345, 360, 410, 421—423, 428, 434, 436, 611
Шаван 496
Шаль (Chasle), комиссар Конвента 345, **385**
Шаль (Challe), художник 633
Шалье 302, 303, 316, 328—330, 339, 345, 348, 434
Шапель, граф де-ла 97
Шапталь 562, 574, 575, 577, 579—581
Шап (Chappe) 585
Шарет (Charette) 321, 323, 327
Шарлети 728
Шарлье 389, 390, 609

Шарпантье 379
Шарри, графиня 434

Шарье 328
Шасбёф, см. *Вольней*
Шаспо 168
Шассе 329, 330
Шатобриан 693
Шатонёф 331
Швендт 148
Шенфельд, генерал 143, 144
Шенфельд, братья, см. *Фрей*
Шенье Андре 618, 619
Шенье Мари-Жозеф 619, 620, 624, 625, 660—662, 666
Шене 28
Шере 4, 46, 446
Шиллер 245, 252, 254
Шинар 645
Шишков 161
Шлецер 253—255
Шлик, граф фон 257, 259
Шмидт Адольф 550
Шмидт Шарль 36, 727
Шнерб 728
Шовелен де (Chauvelin) 439
Шоде 633, 634
Шодерло-де-Лакло 105, 111
Шоль 175
Шомет (Chaumette) 106, 110, 112, 113, 206, 217, 263, 286, 298, 311, 337, 344, 349—351, 354, 398, 403—407, 412, 413, 415, 417, 418, 421, 423, 431—433, 437, 476, 586
Шпейерский, епископ, см. *Август*
Шпильман 154
Шпитлер 255
Штакельберг, граф фон 21, 22
Штегельман 102
Штейн, барон фон 151, 256, 258, 260
Штурм, см. *Стурм*
Шуазель, герцог де 83, 102
Шуан, см. *Коттеро*
Шубарт 254
Шудьё 205, 217

Эбер 88, 110, 113, 174, 211, 286, 312, 344, 349, 350, 375, 395, 398, 399, 403—405, 407, 410, 413, 415, 418, 421, 423, 426—434, 437, 480, 488, 634
Эгийон, герцог д' (d'Aiguillon) 66, 85
Эгриньи, граф д' 97
Эзабек, барон д' 424
Эйкемайер 258
Эйлер 565
Эймар д' (d'Eymar) 148
Эйпен ван 126, 139, 141
Эли 62
Эльбе д' 321, 326
Эло (Ailhaud) 500
Энгельс Ф. VII, X, XI, 6, 13, 15, 16, 27, 80, 89, 91, 145, 146, 214, 244, 245, 248, 249, 253, 254, 279, 318, 356, 366, 379, 380, 402, 420, 425, 435, 491, 495, 502, 512, 513, 516, 517, 523, 529, 541, 554, 556, 565, 567, 568, 570, 571, 573, 574, 592, 595, 599, 615, 617, 628, 692—694, 696—698, 701—704, 707, 715, 732, 734
Энгиенский, герцог 96, 123
Энен, князь д' 96
Эпремениль д' 71
Эрвильи (d'Hervilly), барон д' 212, 214
Эрман (Herman) 458
Эро-де-Сешель (Hérault de Séchelles) 232, 233, 313, 316, 339, 358, 421, 422, 436, 439, 444, 450, 451, 456, 512, 521
Эрталь, Фридрих-Карл, фон, курфюрст Майнцский и митрополит Страсбургский 149, 150—152, 180
Эскар, барон, д' 97
Эспаньяк, аббат, д' 422, 423, 436
Эспарбес, ген., д' 500
Эсперсье 632
Эстергази, граф 97

Юбер (Huber) 656
Юварт 154
Югенен (Huguenin) 211
Юлен (Hulin) 62, 73
Юнг 552, 668, 669, 672, 676, 678
Юшкевич 567

Якоби 246
Яхман 246

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббевиль, г. 36, 349
Авейрон, деп. 304
Авиньон, г. 179, 254, 330, 331, 363, 539, 576
Авриньи, коммуна 3
Австралия 238
Австрия 2, 11—14, 16—18, 21, 23—26, 28—34, 73, 96, 97, **121—123,** 125, 127, 130, 131, 134, 137, **142,** 143, 148—150, 153—155, 157, 168, **183, 184**—186, 187, 192, 193, 229—233, 243, 261, 264, 421, 424, 425, 440, 442, 445, 448, 451—454, 456, 458—461, 542, 548, 556, 604, 620, 642, 724
Австрийские Нидерланды, см. *Бельгия*
Агд, г. 41
Адриатическое море 15, 540
Азия 28, 83, 519
Азия Малая 678
Азия Средняя 28, 154
Алансон, г. 728
Аллье, деп. 395
Альпы, горы 265, 483
Альсгейм, г. 270
Америка 5, 28, 62, 83, 84, **141,** 234, 240, 297, 479, 519, 548, 552, **578,** 705
Америка Северная 578. См. также *Америка; Соединенные Штаты Америки*
Америка Испанская 263
Америка Центральная 548
Америка Южная 548
Амстердам, г. 233, 381, 419
Аму-Дарья, р. (Окс, Oxus) 28
Амьен, г. 36, 37, 186
Англия (Великобритания) IX, **5, 6,** 9—14, **16, 18, 19,** 22, **24**—33, **35, 36, 68, 76, 96, 97, 99, 116, 122, 129,** 137, 149, 153—155, 158, 162, 176, 193, **231, 233**—241, 243, 244, 248, 252, **255, 261,** 263, 287, 290, 297, 319, 322, 326, 327, 349, 359, 371, **373,** 379, 408, 19—**422,** 424—426, 435, 438, 440, 442—445, 452, 453, 455—460, **501,** 502, 506, 508, 509, 540, 546, 554—556, 569, 577, 578, 582—584, 592, 599, 697, 716, 728, 732
Анжер, г. 63, 119, 205, 327
Анжу, пров. 318, 322, 326
Ангиен, г. 6
Аннонэ, г. 6
Антверпен, г. 126, 135, **139,** 140
Антильские о-ва 88, 242, 424, 502, 504, 505, 506
Аппенинский п-ов 457
Аранхуэц, г. 440
Аргонны, гористая и болотистая местность 228, 247, 255, 263, 264
Арденны, деп. 120, 218, 219
Арль, г. 328, 330
Аррас, г. 48, 71, 72, 86, 172, 337, 411
Артонн, г. 108
Артуа, пров. 67, 71
Арьеж, деп. 349
Атлантический океан **320,** 322, 540
Африка 5, 83, 84. 234, 500, **519**
Ахен, или Экс-ла-Шапель 146, 151, 159, 230
Ашафенбург, г. 257

Бавария, корол-во 12, **13,** 26, 125, 424, 454, 536
Баден, герц-во 147
Базель, г. 425
Баиель, г. 374
Балканский п-ов (Балканы) 15, 23
Балтийское море 158, 540
Балтика **15, 37**
Барбадос, о-в 506
Бар-ле-Дюк, г. 86, 120
Барселона, г. 555
Басс-Терр, г. 504
Беарн, пров. 273, 274, 600
Безансон, г. **86,** 397, 650
Белград, **г. 13,** 14
Белоруссия 16, 23, 25
Бельгия, или Австрийские Нидерланды **12—14, 26, 32,** 124—144, **153,** 154, 184, 192, 193, 200, 223, 228—233, 256, 258, 261, 263—265, 267, 282, 304, 306, 370, 371, 374, 376, 414, 419, 454, 459, 460, 468, 478—480, 536, 540, 545
Бенгалия (Бенгал), пров. 28, 507
Берг, г. 40, 727
Бергцаберн, г. и округ 268
Берлин, г. **18,** 22, **24,** 97, 137, 154, 452, 455, 456
Берн, г. 331
Берон, дер. 145
Бессарабия 21
Бетшейд, дер. 145
Биллингтейм, г. 268
Бинген, г. 261, 262, 270
Блуа, г. 224, 443

Бо, г. 172
Бобиньи, дер. 473
Бовэ, г. 56, 397, 689
Бокаж, лесистая местность Вандеи 318, 345
Бон (Beaune), г. 395
Бонн (Bonn), г. 146, 249, 252, 256
Бордо, г. 5, 62, 119, 174, 193, 218, 233, 234, 302, 307, 311, 328, 329, 337, 347, 438, 454, 466, 469, 493, 557, 650
Бос (Beauce), обл. 297
Босния 153, 155, 454
Брабант, пров. 124, 126, 127, 128, 129, 132, 135, 136, 140—141, 187
Брауншвейг, г. 151
Бреда, г. 138, 139
Бресс, пров. 99
Брессюир, г. 320, 321
Брест, г. 46, 84, 206, 219, 329, 334, 359, 377, 379, 454, 479, 495, 505, 563
Бретань, пров. 40, 66, 84, 90, 118, 120, 219, 220, 318, 319, 320, 322, 326—328, 416, 438, 728
Бретань Нижняя 727
Бретейль, округ 172
Бриссак, дер. 41
Брюссель, г. 126, 131, 132—136, 138—144, 166, 306, 419, 421, 483, 696
Будри, г. 76
Булонь, г. 473
Бурбах, местность 268
Бурбон, о-в (переименован в о-в св. Маврикия) 505, 509, 556
Бургундия, пров. 40, 584
Бурж, г. 36, 311, 329, 417, 418
Буш-дю-Рон, или Устье Роны, деп. 202, 331, 334

Валансьенн, г. 40, 101, 120, 314, 345, 368, 369, 373, 438, 443, 445, 478, 479, 556
Валахия 21, 153
Вальми, дер. 228, 723
Вандея, деп. 119, 178, 225, 243, 306, 307, 311, 316, 318—320, 322—329, 333, 349, 364, 365, 396, 406, 414—423, 428, 440, 444, 556
Вар, деп. 365
Варенн, г. 100—103, 105, 109, 112, 122, 123, 166, 169, 232, 287, 353, 696
Варшава, г. 21—23, 155, 158, 458
Ваттиньи (Wattignies-la-Victoire), г. 377, 378, 448
Веймар, г. 151, 254
Вейсенбург, г. 268, 448
Великобритания, см. *Англия*
Вена, г. 26, 97, 122, 125, 131—133, 135, 137, 139, 147, 153, 166, 186, 196, 452, 456, 459, 668
Венгрия 14
Венецианская республика, или Венеция 424, 438, 450, 456, 540
Верден (на Гаронне), г. 41
Вердён (на Мёзе) 86, 223, 225, 228, 229, 272, 440
Вернон, г. 63
Версаль 26, 49, 53, 54, 56, 57, 65, 70, 72—76, 84, 85, 92, 96, 98, 136, 145, 147, 244, 253, 294, 301, 385, 411, 466, 563, 618, 635, 647, 658, 676, 678
Верхнерейнский окр. 148
Вест-Индия 449, 492, 501, 502, 505—507
Вестфальский окр. 129
Виварэ, гористая местность в пров. Лангедок 5
Визиль, г. 5
Вильно, г. 157, 458
Висла, р. 19, 454, 458
Виссенбург, г., см. *Вейсенбург*
Вогёзы (Vosges), деп. 384, 385, 473
Вольфенбюттель, г. 244
Волынь 157
Вормс, г. 167, 168, 256, 257, 258, 262
Вормсское епископство 259
Восток Ближний (см. также *Левант*) 30
Восьен, дер. 400
Вюртемберг, герц-во 147, 450, 540
Вюрцбург, г. 244

Гаага, г. 137, 458
Гавр, г. 5, 174, 206
Газбрук (Hazebrouck), г. 40
Гаити (Haïti), о-в, см. *Сан-Доминго, о-в*
Гайяк, г. 119
Галац, г. 155
Галиция 14, 21
Галлия 231, 419
Гамбург, г. 421, 546
Ганновер, герц-во 149, 255
Гар, деп. 384, 385, 399
Гаронна, р. 41
Гаронна Верхняя, деп. 349, 385, 401, 473
Гваделупа, о-в 174, 497, 502, 504—506
Гвиана 218, 505
Гвиана французская 505
Гданск, см. *Данциг*
Гельдерланд, пров. 10
Генден, крепость 95
Геннегау (Hennegau), пров. 131, 132, 134, 135, 140, 141
Гент (Gent, или Ghent, фр. Gand), г. 139, 144
Генуя, г. и республика 424, 441, 442, 457, 540
Германия (Священная римская империя германской нации) IX, 16, 31, 97, 129, 145, 146—149, 151, 182, 183, 192, 233, 244—247, 250—252, 254—257, 259—261, 264, 265, 269, 270, 373, 424, 703, 704, 707
Гессен или Гессен-Дармштадт, герц-во 257, 268
Гессен-Кассель, ландграфство 264
Гессен-Нассау-Сешен, герц-во 546
Гетеборг, г. 15
Геттинген, г. 151, 255
Гехст, г. 264
Гиз (переименован в Реюньон-сюр-Уаз), г. 448, 478
Гималаи, горы 28
Гинцерат, дер. 145
Голландия, см. *Нидерланды*
Гондсхооте, или Гондшот 40, 378, 448
Гота, г. 151
Гохгейм, дер. 265
Гранвиль, г. 448, 454
Граннре, г. 228

Грасс, г. 363, 364
Гренель, дер.; (Гренельское поле) 581
Гренобль, г. 478
Греция 107, 533, 591, 637, 678
Грузия 28
Гунсрюк, горы 145
Гюнинген, г. 444

Дакс, г. 364
Дания 15, 297, 424, 440, 442, 453, 457, 540
Данциг, или Гданск, г. 15, 17, 18, 20—24, 154, 449
Дарданеллы 454
Джерсей, о-в 119
Дижон, г. 86, 307, 557, 682
Дист (Diest), г. 136
Доль, г. 108
Доминик, о-в 505
Дордонь, деп. 304
Дофине, пров. 6, 36, 54, 64, 598, 600
Дром, деп. 204, 226
Дунай, р. 419
Дуэ, г. 40, 73, 172, 350, 443, 476
Дюнкерк, или Дюнкирхен, г. 40, 172, 421, 428, 443, 445, 448, 452, 454, 493, 555
Дьепп, г. 364, 365, 580

Европа VII, 5, 10, 12, 13, 15—18, 24, 32, 33, 34, 62, 97, 120, 122—124, 136, 147, 152, 154, 158, 160, 162, 168, 171, 173, 181, 182, 184, 192, 222, 229, 231—234, 240, 242, 250, 253, 263, 276, 277, 282, 297, 341, 357, 359, 360, 380, 406, 414, 417, 419, 420, 424, 425, 437, 438, 441, 445, 448, 457, 461, 536, 541, 546, 548, 552, 554, 559, 565, 574, 592, 598, 621, 668, 692, 702, 707, 709, 710, 715, 722, 724
Египет 28—30, 589, 593

Жалес, пустынная местность на юге Франции 179
Жеводан, местность, часть пров. Лангедок 5
Жемапп, г. и деп. 229, 230, 263, 419
Женева, г. 230, 424, 444, 450, 477
Жереми, г. 502
Жиронда, деп. 170, 324 387,

Закавказье 28
Зеландские штаты 540

Иена, г. 254
Измаил, креп. 154
Илимск, г. 162
Иль-де-Франс (Реюньон), о-в 505, 509
Иль-де-Франс, пров. 3, 36, 40, 63, 294
Иль-э-Вилэн (Ille-et-Vilaine), деп. 329
Индийский океан 508
Индия 28, 30, 460, 505, 507, 508, 576, 578
Индия Восточная 578
Индостан 507
Ионн, деп. 80
Ипр, г. 200, 460, 479
Ирландия 76
Исметское ущелье 228
Испания 11, 12, 24, 25, 96, 99, 106, 122, 124, 153, 154, 182, 243, 287, 297, 328, 373, 425, 440, 449, 452, 479, 501, 540, 548, 577, 584, 599, 622
Исуар, дер. 473
Италия 129, 233, 268, 424, 454, 457, 569, 623
Иудея 591

Кавказ 28
Кайенна 505
Кайзерслаутерн, г. 459, 544
Кале, или Калэ, г. 493
Калиш, г. 21
Калифорния 153
Кальвадос, деп. 329, 399
Калькутта, г. 507
Камбрэ, г. 40, 314
Кан (Caen), г. 41, 345, 443
Канада 451
Канн или Канны (Cannes), г. 364, 438
Кап-Франсэ, г. 492, 496, 497—502, 505
Карикал 507, 508
Каркассонн, г. 8, 36, 428
Карфаген, г. 419, 456
Каспийское море (Каспий) 28
Кассель, г. 374
Кастель, г. 264
Кастр, г. 41
Кель (Kehl), г. 177
Кёльн, г. 146, 166, 258
Кенигсберг 246
Кенигштейн, крепость 264
Клермон, г. 3
Клермон-Ферран, г. 108
Клингенмюнстер, г. 268
Кобленц, г. 97, 98, 120—121, 123, 145, 146, 152, 164, 166, 168, 179, 184, 192, 194, 198, 222, 232, 256, 258, 263, 264, 321, 367, 506
Конде, крепость 345, 438, 445, 478, 479, 502
Константинополь (или Стамбул, или Царьград), г. 12, 13, 17, 19, 23, 29—31, 439, 442, 449, 451, 452
Конш, округ 172
Копенгаген, г. 439, 454, 457
Корсика, о-в 329, 460, 614
Костгейм, дер. 265
Кот-д'Ор, деп. 202, 468, 469, 473, 475, 476, 482
Кот-дю-Нор, деп. 119, 329
Крезо, дер. 6, 583
Крейцнах, г. 270
Кремниц, г.
Крым, или Таврида 12, 13
Кур, дер. 145
Курляндия 22
Куррейнский округ 148
Куртрэ, г. 200
Кэй (Les Keyes), г. 494

Лан (Laon), г. 349
Лангедок, пров. 40, 449
Ландау, г. 150, 256, 261, 262, 268, 270, 448
Ландреси, крепость 458, 478, 479
Ланды, деп. 364
Ларошель, крепость 324
Левант 30, 37, 576
Лейпциг, г. 360, 458

Ле-Кенуа (Le Quesnoy), креп. 478, 479
Ле-Ман, г. 428
Леоган, г. 494, 496
Ле-Реженеран, г. 400
Ле-Сабль-д'Олонн, г. 324
Ливерпуль, г. 233
Ливия 589
Ливорно, г. 441
Лугурийское море 540
Лилль, г. 40, 86, 144, 192, 200, 223, 368, 369, 443, 459, 478, 577, 585, 654
Лимбург, пров. 132, 135, 136, 140, 141, 145
Лимож, г. 86, 108
Лимузен, пров. 64, 715
Лион, г. 6, 8, 36, 40, 48, 62 64, 86, 90, 97, 177, 178, 186, 218, 276, 293, 299, 302, 307, 311, 315, 327—333, 335, 339, 345, 348, 406, 418, 423, 438, 444, 448, 449, 469, 482, 585
Лионнэ, пров. 41
Лиссабон, г. 406
Литва 155, 157
Ло, деп. 274, 304, 384
Лодев, г. 8
Лозанна, г. 331
Лозер, деп. 179, 314, 316, 319
Ломбардия 233
Лонгви, крепость 223, 224, 229, 274, 440
Лондон, г. 24, 27—30, 76, 91, 137, 153, 235, 243, 360, 406, 439, 452, 456, 477, 480, 506, 554, 654, 672, 700
Лоо, г. 24
Лориан, г. 411, 443
Лосхейм, дер. 145
Лотарингия, пров. 152, 223, 228, 452, 459, 536
Лошейд, дер. 145
Луара, р. 5, 326, 395, 614
Луара Нижняя, деп. 318, 614
Лувен, г. 126, 134, 135, 136, 140
Луизиана 451
Льеж, или Люттих, г. 129, 136, 138, 139, 187, 230, 231, 419
Люксембург, г. 131
Люксембург, пров. 120, 132, 139, 263, 636
Люневиль, г. 94

Масс, или Мёза (Meuse), р. 228, 460, 478, 540
Мадрид, г. 97, 622
Мазаме, г. 41
Майенна, деп. 318, 329
Майн, р. 256, 260, 263—265, 457, 547
Майнц, г. 244, 252, 255, 256—265, 268-271, 326, 345, 376, 419, 445, 539, 546, 556
Майнцское архиепископство и курфюршество 256
Мамер, г. 397
Марвежоль, г. 316
Мари-Галант, о-в 505
Мариенборн, г. 258
Марна, деп. 120, 169, 272, 377, 379, 400, 468, 726
Марсель, г. 5, 38, 40, 41, 174, 198, 199, 202, 218, 233, 302, 307, 314, 328, 330—333, 345, 347, 363, 438, 441, 448, 449, 454, 577, 620
Мартиника, о-в 83, 174, 460, 497, 502, 504—506
Марэ, болотистая местность Вандеи 318. 323
Маскаренские о-ва 243, 507, 508
Махе, г. 507, 508
Машкуль, г. 306, 322
Медон, г. 580, 581
Мёз, деп. 120
Менен, г. 200
Мёрт, деп. 120, 384
Мёрт-и-Мозель, деп. 726
Мехельн, г. 135
Мец, крепость 218, 222, 223, 228
Мийо (Millau), г. 3, 38
Микелон, о-в 242, 460
Милан, г. 424
Мобеж, крепость 377, 378
Мож, местность 669
Мозель, деп. и р. 120, 449, 726
Молдавия 21
Монбельяр, г. 8, 540
Монжо, г. 3
Монмеди, г. 100, 102, 166, 287
Монпазье, г. 365
Монпелье, г. 107, 108, 557, 562, 577, 683,
Монс, г. 419
Монсени, дер. 58 , 584
Монтабаур, дер. 145
Монтобан, 586
Морбиган, деп. 329
Москва, г. 13, 161, 733
Мулен, г. 428
Мулиньон, г. 553
Мэн и Луара, деп.318, 324
Мэн Нижний, деп. 320
Мюльгаузен, или Мюлуз (Mulhouse) 451
Мюнстер, г. 144

Наварра, пров. 452
Намюр, г. 135, 139
Нанси, г. 93, 94, 196, 328, 349, 363
Нант, г. 5, 172, 174, 219, 233, 306, 318, 325—327, 418, 443, 650
Нарбонна, г. 202, 363
Неаполь, г. 438, 440, 449, 457, 584
Нева, р. 19
Невер, г. 8, 412
Неервинден, г. 270
Нёйвид, г. 264
Ниверна, пров. 38, 40
Нидерзельдерс 145
Нидерланды, или Соединенные провинции 10—14, 18, 22, 24—26, 29, 32, 76, 124—125, 127, 130, 134—138, 139, 153, 154, 193, 218, 233, 234, 261, 270, 297, 304, 373, 419, 424, 425, 449, 452, 456, 459, 460, 468, 479, 483, 540, 554, 577, 574
Нижнерейнский окр. 146
Нил, р. 29, 589
Ним, г. 329, 438
Ницца, г. 229, 230, 267, 268, 333, 363, 370, 419, 440, 539
Нойон, г, 172
Нормандия, пров. 35, 36, 38, 40, 63, 75, 121, 159, 219, 345, 396, 449

Нутка-Зунд, пролив 153
Ньевр, г. 304, 395, 586
Ньюкэстль, г. 76
Нюрнберг, г. 360

Об (Aube), деп. 389
Оба Севра (Deux Sèvres), деп. 318, 320, 322, 389
Овернь, пров. 40, 90
Оксерр, г. 397
Орильяк (Aurillac), г. 682
Орлеан, г. 36, 64, 174, 417, 443
Орлеанэ, пров. 40, 64
Орн, деп. 294
Орсова, г. 155
Остенде, г. 483
Ост-Индия 449, 506
Очаков, крепость 14, 21, 31, 155

Па-де-Кале, деп. 203, 349, 444, 724
Падуя, г. 122
Палатинат, см *Пфальц*
Пальмира, г. 589
Париж г. 6, 7, 33, 36, 41, 44, 45, 54, 56, 57, 59, 62, 63, 65, 70—76, 79—80, 82, 84, 87, 90, 92—94, 96, 97, 100—109, 112, 116—120, 122, 136, 140, 146, 148, 152, 158, 163, 166, 169, 171—176, 178, 183, 192—196, 198, 209, 211, 215—219, 221—226, 228, 230, 232, 236, 238, 252—254, 257—259, 267, 270, 271, 274, 276, 277, 279, 280, 283—288, 290, 296, 298—302, 304—316, 323, 326, 328—330, 334, 336—339, 342, 344, 345, 348, 351, 352, 354, 355, 357, 360, 369—371, 373, 377, 381, 386, 394, 396, 397, 399, 400, 402, 406—408, 412, 413, 416, 419, 421—425, 428, 430, 431, 434, 438, 443—445, 451, 456—458, 460, 464, 466, 469, 470, 472, 480, 481, 484, 488, 492, 495—497, 501, 507, 509, 515, 520, 530, 531, 533, 556, 557, 560—562, 565, 572, 582, 585, 602, 603, 609, 610, 614, 618, 620—624, 627, 628, 630, 634, 635, 639, 645, 650, 652, 654, 657, 659, 667, 668, 670—678, 679, 682—685, 687—690, 695, 696, 715—717, 722, 724, 726, 727, 733
Парижский деп. 473
Перпиньян, г. 108
Петербург или Санкт-Петербург 13, 14, 19, 22—24, 26, 28, 29, 31, 97, 144, 154, 161, 166, 230, 447
Пикардия, пров. 36, 40, 385
Пильниц, дер. 122
Пиренеи, горы 265, 457, 483
Пиренеи Нижние, деп. 119, 265, 457, 614
Плимут, г. 233
Познань, пров. 21
Польша (Речь Посполитая) 12, 14—24, 27, 32, 34, 155—158, 168, 183, 252, 442, 445, 450, 453, 458—460, 536, 704, 707
Померания, пров. 21
Пондишери, г. 460, 507, 508
Понтуаз, округ 399
Пор-де-Пэ, г. 502
Пор-дю-Розо, г. 505
Пор-Луи, г. 508—510
Поррантрюи, г. 539
Порта Оттоманская см. *Турция*
Порт-о-Буке, 498
Порт-о-Пренс, г. 494—496, 498—500, 502
Португалия 424, 440, 540
Прованс, пров. 40, 41, 46, 64, 90, 449
Пруссия 10—26, 30—32, 34, 96, 97, 121—123, 134, 137, 143, 144, 148—150, 153—155, 157, 162, 168, 183, 185, 192, 193, 229, 232, 233, 243, 261, 264, 420, 424, 425, 440, 445, 448, 452—456, 458—461, 548, 710
Пти-Гоав, г. 495
Пуату (в русских документах—Поату), пров. 5, 40, 318, 322, 449
Пуатье, г. 53, 119, 218, 322, 411, 711
Пуэнт-а-Питр, г. 504, 506
Пфальц, округ 145, 546
Ньемонт (см. также *Сардиния*, корол-во) 36, 97, 232, 233, 457, 480, 622
Пюи-де-Дом, деп. 464, 473, 728

Рамбуйе, г. 294
Регенсбург, г. 147, 148
Реймс, г. 272, 274, 276
Рейн, р. 96, 123, 145, 149, 152, 193, 200, 223, 229, 230, 244, 255—258, 260, 261, 263—265, 270, 282, 419, 423, 448, 449, 454, 458, 480, 483, 540, 704, 710
Рейн Верхний, деп. 152, 384, 614
Рейн Нижний, деп. 149, 384, 463, 614
Рейнская обл. 121, 145, 255
Рейхенбах, г. 153, 154
Ренн, г. 48, 52, 70, 84, 200, 329, 349
Речь Посполитая, см. *Польша*
Реюньон, о-в 505, 509
Реюньон-сюр-Уаз, см. *Гиз*, г.
Рим, г. и империя 101, 107, 239, 406, 426, 427, 441, 457, 533, 591, 617, 631, 637, 638, 644, 645, 678, 679, 704, 707
Родос, г. 633
Рона и Луара, деп. 330
Россия IX, 12—16, 18, 21—32, 34, 97, 122, 134, 149, 150, 154—160, 183, 252, 263, 729, 424, 440, 442, 445, 448, 450, 452, 453, 458—460, 541, 574, 577, 578, 581, 584, 691, 709, 714, 715, 718, 729, 730, 733
Рошфор, г. 334, 359, 563
Руан, г. 6, 8, 174, 200, 206, 219, 294, 349, 443, 493, 576, 577, 580
Рур (Roer), р. 230
Руссильон (Roussillon), г. 328, 452
Рымник, г. 14
Рэ, о-в 324

Саарбрюккен, г. и графство 145, 268
Саарверден, г. 268
Саардам, г. 233
Саарская обл. 145
Сабль-д'Олонн, см. *Ле-Сабль-д'Олонн*, г.
Савойя (см. также Сардиния), корол-во 99, 229, 230, 257, 261, 267, 268, 282, 370, 419, 423, 440, 449, 539
Саксония, корол-во 183
Саламин, о-в 627
Самбра, р. 377, 448, 459, 460, 478—480
Сан-Доминго, о-в 83, 99, 174, 238, 460, 491—503, 505, 509, 726
Санкт-Вендель, дер. 145
Санкт-Ингберт, дер. 145

Санс, г. 36
Сардиния, корол-во 99, 122, 229, 230, 233, 243, 424, 440, 442, 497
Сарт, деп. 324, 482
Свенска-Зунд, прол. 15
Священная римская империя германской нации, см. *Германия.*
Севенны, горы 5
Севера деп., или Северный 3, 40, 80, 384, 444, 463, 614, 726
Седан, г. 8, 36, 218, 223, 228
Сена, р. 159, 194, 209—211, 301, 312, 654, 670, 671, 680
Сена Нижняя, деп. 207, 294, 657, 726
Сена-и-Марна, деп. 349, 385, 473
Сена-и-Уаза, деп. 293, 294, 384 — 386, 399
Сен-Жан-дю-Гар, г. 395
Сен-Дени, г. 509
Сен-Клу, г. 101
Сен-Леон, г. 3
Сен-Мало, г. 454
Сен-Марк, г. 494, 495
Сен-Мем, дер. 47
Сен-Пьер, г. 83
Сен-Пьер, о-в 242, 460, 502—506
Сен-Рамбер, г. 5
Сен-Север, г. 364
Сен-Флур, г. 682
Сент, г. 469, 475
Сент-Аман 373
Сент-Люси, о-в 504—506
Сент-Менеу, или Сент-Менеульд (Sainte-Menehould), г. 102, 228
Сент-Омер, г. 172, 412
Сент-Эрман, г. 324
Сент-Этьенн, г. 6, 276, 331, 381
Сербия 153, 454
Серр, г. (Seurre) 202
Сиракузы, г. 633
Сирия 106, 589
Систово, г. 155
Сицилия, корол-во 122, 577, 578
Соединенные Штаты Америки 11, 104, 141, 186, 236, 240, 297, 359, 378, 420, 424, 439, 440, 442, 451—453, 457, 491, 496, 497, 501, 542, 544, 555, 705, 716 см. также *Америка; Америка Северная*
Сомма, деп. 294
Сомюр, г. 325, 443
Сона Верхняя, деп. 385
Сона Нижняя, деп.
Союз Советских Социалистических Республик 151, 159, 341, 342, 552, 718
Спарта 617
Средиземное море 15, 330, 332, 333, 442, 452, 454
Стамбул, или Царьград, см. *Константинополь*, г.
Стокгольм, г. 15, 97, 442
Страсбург, г. 63, 108, 145, 150, 218, 257, 258, 268, 376, 412, 418, 421, 562, 620
Суассон, г. 36, 200, 204, 206

Табаго, о-в 460, 505, 506
Тарговицы, г. 157
Тексель, о-в 419
Темза, р. 263, 620
Тёрнгаут (Turnhout), г. 139
Тионвиль, г. 171, 218, 222, 223, 269, 326, 469, 489, 654
Тирлемон, г. 136
Тоннер, г. 411
Торн, или Торунь, г. 15, 17, 18, 20—22, 24, 154
Тоскана, вел. герц-во 153, 233, 441, 536
Триест, г. 449
Трир (фр. Trèves), г. 146, 250, 258
Трирская обл. или курфюршество 145, 256
Труа (Troyes), г. 36
Тулон, г. 40, 218, 318, 323, 327, 328, 332—335, 351, 359, 377, 407, 423, 438, 441, 442, 448, 449, 452, 454, 457, 563, 578, 620, 687
Тулуза, г. 120, 218, 328, 329, 422, 423, 682
Туль, г. 365
Тур, г. 36, 327, 443
Турэн, пров. 40, 47
Турин, г. 96, 97 457
Туркестан, г. 28
Туркуэн (Tourcoing), г. 459, 477, 479, 480
Турнэ (Tournay), г. 136, 192
Турция, или Османская империя, или Порта Оттоманская 12—14, 19, 21, 26, 28—32, 97, 134, 135, 153—155, 158, 162, 424, 440, 442, 445, 450—453, 458, 460, 540
Тюлль, г. 411

Уаза, р. 172
Уаза, деп. 384, 428, 456, 469, 473, 475, 489
Украина 16, 23
Унна, р. 155
Устье Роны, деп. см. *Буш-дю-Рон*

Фер, г. 145
Фермопилы, ущелье 627
Феррет (Ferrette), г. 145
Филадельфия, г. 240, 451
Филипсбург, г. 448
Финистер, деп. 222, 329, 432, 614
Финляндия 14, 21,
Фландрия, пров. 124, 129, 132, 135, 187, 452, 468
Флерюс, г. 460, 479, 480, 584, 618, 620
Флоренция, г. 438, 441
Фокшаны, г. 14
Фонтенбло, г. 629
Фонтенэ-ле-Пёпль (переименован из Фонтенэ-ле-Конт), г. 314, 322, 324, 325
Фор-Руаяль, г. 503, 504
Франкфурт-на-Майне, г. 150, 159, 258, 263—265, 269
Франш-Конте, пров. 652

Царское село 165
Царьград, см. *Константинополь*
Цвейбрюккен, герц-во 268

Чандернагор, фактория 460, 507, 508
Черное море 12, 15, 28, 29, 540
Чесма, г. 15, 27

Шалон, г. 92, 223, 228, 370, 544
Шалосс, район в деп. Ланд 364
Шамбери, г. 230, 268
Шампань, пров. 36, 40, 228

Шантенэ, г. 323, 324
Шарант, деп. 120
Шарбоньер, гора 498
Шарите, г. 395
Шарлеруа (переименован в Шарль-сюр-Самбр), 459, 460, 478, 479
Шатовилэн, г. 48
Шатору, г. 411
Швейцария 76, 96, 261, 297, 360, 420, 424, 425, 440, 442, 450, 451, 453, 457, 544, 547
Швеция 12, 14, 15, 19, 21, 22, 24, 25, 27, 97, 151, 154, 155, 168, 182, 424, 442, 453, 457, 582
Шельда, р. 12, 125, 130, 263, 478, 540
Шемийе, г. 443
Шер, деп. 473
Шербург, г. 359, 454
Шоле, г. 320, 322, 325, 326, 327
Шпейер, г. 256, 257, 258, 262
Шпейерское епископство 259
Шпре, р. 419

Эг-Морт, или Эгморт (Aiguesmortes), г. 328
Эдинбург 238
Эйрен (Ayrens), коммуна 3
Экс (Aix), г. 40
Эльбеф, г. 36
Эльзас, пров. 37, 40, 144—149, 152, 183, 223, 268, 384, 445, 448, 451, 452, 459, 524, 576
Эна (Aisne), деп. 294, 384, 429
Эндр (Indre), деп. 387, 473
Эндр-и-Луара, деп. 293
Эпернэ, г. и округ 400
Эр (Eure), деп. 329
Эр-и-Луара, (Eure-et-Loire), деп. 295
Эранг, дер. 145
Эренбрейтштейн, крепость 258, 264
Эро (Hérault), деп. 118, 329
Эссон, г. (Essonnes) 73, 580
Этамп, г. 172, 176

Юра (Yura), деп. 203, 303, 314, 329

Ямайка, о-в 238, 497, 502
Янаон, г. 507, 508
Яссы, г. 157

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

1. Карикатура на положение третьего сословия в дореволюционной Франции. Лубок 3
2. Рабочее движение в Сент-Антуанском предместье. 28 апреля 1789 г. Офорт Нелисье, рисунок Вени и Жирарде 43
3. Наказ Генеральным штатам третьего сословия Парижа . . 44
4. Наказ Генеральным штатам третьего сословия Парижа . . 45
5. Наказ Генеральным штатам актеров французской комедии 46
6. Эммануэль-Жозеф Сиейес (1748—1836). Гравюра Физингера, рисунок Герена 47
7. Открытие Генеральных штатов 5 мая 1789 г. Гравюра Моро-младшего 51
8. Клятва в Зале для игры в мяч. Давид. Рисунок сепией (*вклейка*) 52—53
9. Оноре-Габриэль Мирабо (1749—1791). Цветная гравюра Анжелики Брисо 55
10. Камилл Демулен произносит речь в Палэ-Рояле. Акварель Оноре Домье. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (*цветная вклейка*) . . . . . 56—57
11. Захват оружия в Сен-Лазаре 13 июля 1789 г. Гравюра Берто, рисунок Приёра 58
12. Сожжение заставы Конференс 13 июля 1789 г. Гравюра Берто, рисунок Приёра 59
13. Арест де-Лонэ, коменданта Бастилии. Гравюра Берто, рисунок Приёра 60
14. Захват пушек предместьем Монмартр 15 июля 1789 г. Гравюра Берто, рисунок Приёра 61
15. Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. Гравюра Гельмана, рисунок Монне (*вклейка*) . . . . . 62—63
16. Людовик XVI. Фарфор-бисквит неизвестного художника. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 64
17. Мария-Антуанетта. Фарфор-бисквит неизвестного художника. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 65
18. Из протоколов Национального собрания (август — октябрь 1789 г.) Декларация прав человека и Конституция. Архив Института Маркса — Энгельса — Ленина (*вклейка*) . . . . . 70—71
19. Максимилиан Робеспьер (1758—1794). Рисунок Герена, гравюра Физингера. Музей Института Маркса — Энгельса — Ленина (*цветная вклейка*) . . . . . 72—73

20. НАРОДНЫЕ МАССЫ НАПРАВЛЯЮТСЯ В ВЕРСАЛЬ 5 ОКТЯБРЯ 1789 г. Гравюра по зарисовке очевидца. Гос. Эрмитаж 74
21. ПЕРЕЕЗД ЛЮДОВИКА XVI С СЕМЬЕЙ В ПАРИЖ 6 ОКТЯБРЯ 1789 г. Гравюра по зарисовке очевидца. Гос. Эрмитаж 75
22. ЖАН-ПОЛЬ МАРАТ (1743—1793). Барельеф работы неизвестного мастера XVIII в. Воск. Музей Института Маркса — Энгельса — Ленина (*цветная вклейка*) . . . . . 76—77
23. АССИГНАТ В 500 ЛИВРОВ. Музей Революции 79
24. «СОЦИАЛЬНЫЙ КЛУБ» 1790 г., ФЕВРАЛЬ 88
25. КЛОД ФОШЕ (1744—1793). Гравюра Бонвиля 89
26. РАБОТЫ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ В ИЮЛЕ 1790 г. Гравюра Г. Гос. Эрмитаж (*вклейка*) . . . . . 90—91
27. АРИСТОКРАТКА. Лубок 98
28. КАРИКАТУРА НА КОНТРРЕВОЛЮЦИЮ. Лубок 99
29. КАРИКАТУРА НА БЕГСТВО ЛЮДОВИКА XVI В ВАРЕНН 21 ИЮНЯ 1791 г. Лубок 101
30. ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ ИЗ ВАРЕННА 25 ИЮНЯ 1791 г. Гравюра Берто, рисунок Приёра 102
31. КАРИКАТУРА НА ЛЮДОВИКА XVI. Лубок 107
32. РАССТРЕЛ ПЕТИЦИОНЕРОВ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ 17 ИЮЛЯ 1791 г. Рисунок, приписываемый Лафиту. 113
33. ПАМФЛЕТ МАРАТА ПРОТИВ ВАДЬЕ 19 ИЮЛЯ 1791 г. Библиотека Института Маркса — Энгельса — Ленина 115
34. КАРИКАТУРА НА ЭМИГРАНТСКУЮ АРМИЮ ПРИНЦА КОНДЕ. Лубок 121
35. АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ (1749—1802). Масло (копия с портрета неизвестного мастера XVIII в., находящегося в музее А. Н. Радищева в Саратове). Гос. музей А. С. Пушкина . . . 163
36. ПИСЬМО ГРАФА ПРОВАНСКОГО И ГРАФА Д'АРТУА ЕКАТЕРИНЕ II. Кобленц, 31 июля 1791 г. (автограф графа Прованского). Гос. архив феод.-крепостн. эпохи 164
37. ОТВЕТ ЕКАТЕРИНЫ II ГРАФУ ПРОВАНСКОМУ И ГРАФУ Д'АРТУА. [Царское село, 19 августа 1791 г.] (автограф чернового письма Екатерины). Гос. архив феод.-крепостн. эпохи 165
38. АДРЕС, ПОДНЕСЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИМ ДВОРЯНСТВОМ ЕКАТЕРИНЕ II. Вормс, 26 сентября 1791 г. Гос. архив феод.-крепостн. эпохи 167
39. «ДРУГ НАРОДА». 1792 г. № 627, от 12 АПРЕЛЯ. Библиотека Института Маркса — Энгельса — Ленина 186
40. ЧЕРНОВИК ПИСЬМА МАКСИМИЛИАНА РОБЕСПЬЕРА АНТУАНУ ГОРСА О ВОЙНЕ 30 МАРТА 1792 г. (автограф). Архив Гос. исторического музея 191
41. ЖОЗЕФ РУЖЕ-ДЕ-ЛИЛЬ (1760—1836). Литография Виньореса . . 195
42. НАРОДНЫЕ МАССЫ В ТЮИЛЬРИ 20 ИЮНЯ 1792 г. Гравюра Берто, рисунок Приёра 197
43. НОВЫЙ ПЛАН ГОРОДА И ОКРЕСТНОСТЕЙ ПАРИЖА 1791 г. Гос. публичная историческая библиотека (*вклейка*) . . . . . 200—201
44. ПРАЗДНОВАНИЕ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ 14 ИЮЛЯ 1792 г. Гравюра Берто, рисунок Приёра 203
45. ВЗЯТИЕ ТЮИЛЬРИ 10 АВГУСТА 1792 г. Гравюра Гельмана, рисунок Монне (*вклейка*) . . . . . 210—211

46. Выпуск ассигнатов в обращение и падение их курса в период 1789—1796 гг. 213
47. Требование народом провозглашения республики в Законодательном собрании 10 августа 1792 г. Рисунок Жирарде . . 215
48. Билет для входа на трибуну Законодательного собрания 16 августа 1792 г. Ленингр. Гос. публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина 221
49. Схема операций при Вальми 227
50. Обращение «Лондонского корреспондентского общества» к своим членам. 1792 г. Библиотека Института Маркса—Энгельса—Ленина 225
51. Карикатура на Питта. Раскрашенный офорт Джильрея. Музей Института Маркса — Энгельса — Ленина 236
52. Карикатура на Георга III. Раскрашенный офорт Джильрея. Музей Института Маркса — Энгельса — Ленина 237
53. Томас Пэн. (1737—1809). Гравюра Бонвиля 241
54. Уильям Годвин (1756—1836) Гравюра Дени 243
55. Иммануил Кант (1724—1804). Гравюра неизвестного художника . 247
56. Иоганн-Готлиб Фихте (1762—1814). Гравюра Шультгейса, рисунок Бюри 251
57. Георг Форстер (1754—1794). Портрет Тишбейна. Масло 253
58. Жан-Пьер Бриссо (1754—1793). Гравюра Мавье, рисунок Бонвиля 275
59. Жорж-Жак Дантон (1759—1794). Гравюра Сандоза, рисунок Бонвиля (*вклейка*) . . . . . 280—281
60. Суд над Людовиком XVI в Конвенте. Гравюра Скиавонетти. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 289
61. Казнь Людовика XVI 21 января 1793 г. Гравюра Берто, рисунок Дюплесси-Берто 291
62. Жозеф Шалье (1747—1793). Гравюра Леваше 303
63. Декларация прав человека и гражданина, составленная Робеспьером и изданная Якобинским клубом. Библиотека Института Маркса—Энгельса—Ленина 309
64. Выступление парижских секций против Жиронды 2 июня 1793 г. Гравюра Берто, рисунок Свебах-Дефонтена 315
65. Франсуа Анрио (1761—1794). Гравюра Бонвиля 317
66. Роялисты в Вандее. Гравюра из «Революционного альманаха», Геттинген, 1797 319
67. Вандеец-кузнец. Гравюра из «Революционного альманаха», Геттинген, 1797 321
68. Наступление вандейцев на г. Нант 29 июня 1793 г. Гравюра Берто, рисунок Свебах-Дефонтена 325
69. Смерть юного Бара. Гравюра неизвестного художника 327
70. Взятие Лиона 9 октября 1793 г. Гравюра Берто, офорт Дюплесси-Берто 331
71. Взятие Тулона республиканскими войсками под командой Бонапарта 18 декабря 1793 г. Офорт Дюплесси-Берто, рисунок Свебах-Дефонтена 333
72. «Отец Дюшен». Номер со статьей против спекулянтов хлебом. Библиотека Института Маркса — Энгельса — Ленина 343
73. «Друг народа» № 678 от 13 августа 1792 г. Музей Института Маркса—Энгельса—Ленина (*вклейка*) . . . . . 344—345

74. Жорж Кутон (1756—1794). Гравюра Готье, рисунок Бонвиля . . 347
75. Пьер-Гаспар (Анаксагор) Шомет (1763—1794). Гравюра Лерьена, рисунок Бонвиля (*вклейка*) . . . . . 348—349
76. Луи-Антуан Сен-Жюст (1767—1794). Давид. Масло (*вклейка*) . . 356—357
77. Членский билет Якобинского клуба департамента Вар. Музей Института Маркса — Энгельса — Ленина 365
78. Жак-Рене Эбер (1757—1794). Гравюра Бовине, рисунок Бонвиля . 405
79. Камилл Демулен (1760—1794). Гравюра неизвестного художника 409
80. Республиканский календарь. Гравюра Дебюкура (*вклейка*) . 412—413
81. Анахарсис Клоотс (1755—1794). Гравюра Леваше 415
82. «Старый кордельер», № 3 от 5 декабря 1793 г. Библиотека Института Маркса — Энгельса — Ленина 425
83. Памфлет Эбера против Камилла Демулена. Библиотека Института Маркса — Энгельса — Ленина 427
84. Приговор, вынесенный Революционным трибуналом Эберу, Венсану и др. Библиотека Института Маркса—Энгельса—Ленина 432
85. Казнь эбертистов 24 марта 1794 г. Гравюра Берто, рисунок Дюплесси-Берто 433
86. Карикатура на коалицию. Лубок 441
87. Указ Екатерины II от 8 февраля 1793 г. о прекращении сношений с Францией и о выезде русских из Франции. Институт Маркса — Энгельса — Ленина . . . . . 446—447
88. Бертран Барер-де Вьёак. (1755—1841). Давид. Масло 455
89. Праздник «Верховного существа» 8 июня 1794 г. (20 жерминаля, III г.). Гравюра Берто, офорт Дюплесси-Берто, рисунок Свебах-Дефонтена 471
90. Выступление Робеспьера в Якобинском клубе 26 июля 1794 г. Гравюра неизвестного художника 485
91. Девятое термидора на площади перед Ратушей. Гравюра Гельмана, рисунок Монне 487
92. Арест Робеспьера в Парижской коммуне в ночь на 28 июля в 1794 г. Гравюра Тассера, рисунок Монне 488
93. Закрытие Якобинского клуба в ночь на 28 июля 1794 г. Гравюра Малапо, рисунок Дюплесси-Берто 489
94. Вест-Индия в 1789 г. Французские владения в Сан-Доминго в 1789 г. Карты (*вклейка*) . . . . . 492—493
95. Восстание на Сан-Доминго. Гравюра Жирарде, рисунок Аутвайта. Музей Института Маркса — Энгельса — Ленина 497
96. Декларация прав человека и гражданина. Архив Института Маркса — Энгельса — Ленина 513
97. Принятие Конституции 1793 г. Гравюра Берто, рисунок Свебах-Дефонтена (*вклейка*) . . . . . 520—521
98. Антуан-Лоран Лавуазье (1743—1794). Цветная гравюра Аликса, рисунок Гарнери, с портрета Давида 575
99. Гаспар Монж (1746—1818). Гравюра неизвестного художника . . 583
100. Завод Крезо близ Менсени, в Бургундии. Гравюра неизвестного художника. 575
101. Луи-Бернар Гитон-Морво (1737—1816). Гравюра неизвестного художника 585

102. Константэн Вольней (1757—1820). Гравюра Тардьё по скульптуре Давида д'Анже 587
103. Антуан-Никола Кондорсе (1743—1794). Гравюра Сент-Обэна, рисунок Бонвиля 593
104. Антун Барнав (1761—1793). Гравюра неизвестного художника . . 597
105. Луи-Мишель Лепелетье-де-сен-Фаржо (1760—1793). Давид. Рисунок пером к картине «Убитый Лепелетье» (*вклейка*) . . . . 608—609
106. Шарль-Жильбер Ромм (1750—1795). Гравюра Порро 611
107. Пьер-Сильвэн Марешаль (1750—1803). Гравюра Девриена . . . 623
108. Патриотические приношения Национальному собранию 7 сентября 1789 г. Гравюра Берто, рисунок Приёра 631
109. Автопортрет. Луи Давид. Масло. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (*цветная вклейка*) . . . . . 638—639
110. Клятва Горациев. Давид. Масло 641
111. Зеленщица. Давид. Масло 643
112. Смерть Марата. Давид. Масло (*вклейка*) . . . . . 644—645
113. Из конкурсных проектов Французской Академии. Проект здания «Объединенных Академий». Фасад. Разрез. План. Архитектор Персье (*вклейка*) . . . . . 650—651
114. Городские ворота. Проект Буйе 653
115. Металлургический завод. Проект Леду 655
116. «Друг революции» («Филиппики»). Орган Сильвэна Марешаля за 1790 г. Библиотека Института Маркса—Энгельса—Ленина . . 661
117. Санкюлот (портрет актера, участвовавшего в гражданском празднике). Буалли. Масло 664
118. Ферма. Буше. Масло. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (*вклейка*) . . . . . 668—669
119. Крестьянская хижина. Гравюра Ламперера, рисунок Вувермана 670
120. Парк. Верне. Масло. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 671
121. Лудильщик. Офорт Кэплюса, рисунок Бушардона. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 672
122. Продавщица метелок. Офорт Кэплюса, рисунок Бушардона. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина . . . 673
123. Продавщица дров. Офорт Кэплюса, рисунок Бушардона. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 674
124. Париж. Новый мост. Гравюра Берто, рисунок Эспинаса . . . 675
125. Праздник Федерации на Марсовом поле 14 июля 1790 г. Гравюра Гельмана, рисунок Монне 681
126. Празднование свержения монархии 10 августа 1793 г. «Источник Возрождения». Гравюра Гельмана, рисунок Монне (*вклейка*) 688—689

Список карт, схем, планов, диаграмм[1]

1. Политическая карта мира 1783 г.
2. Франция и Центральная Европа (1789—1794 гг.)
3. Административное деление Франции до 1790 г.
4. Административное деление Франции с 1790 по 1795 гг.

[1] См. также список иллюстраций №№ 43, 46, 49, 94.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции V

Предисловие VII

Введение

ФОРМИРОВАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В ФЕОДАЛЬНОЙ ФРАНЦИИ 1

Французский абсолютизм. — Аграрная экономика. — Развитие капиталистических отношений в деревне. — Торговля и промышленность. — Дифференциация городского населения. Формирование капиталистического уклада. Финансовый кризис и обращение к нотаблям.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ К 1789 г. 11

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ КРУШЕНИЯ АБСОЛЮТИЗМА 11

Англо-французский торговый договор 1786 г. — Англо-прусская интервенция в Голландии 1787 г.—Конец дипломатической изоляции Англии—изоляция Франции.—Ослабление австро-французского союза и проект четверного союза. — Новая ориентация традиционных союзников Франции.

ВОСТОЧНАЯ И ШВЕДСКАЯ ВОЙНЫ 12

Ближневосточная политика Екатерины II. Начало Турецкой войны. Вступление Австрии в войну. — Начало Русско-шведской войны.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В 80-х ГОДАХ XVIII ВЕКА 15

Польша и международная политика царизма в XVIII веке. — Дипломатическое «наследство» Фридриха II.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ В ПОЛЬШЕ И ПРУССИЯ 18

Пруссия в системе Тройственного союза. — Проект русско-польского союза. — Польша и план Герцберга. — Прусско-польский союз. — Причины слабости Польши.

ОБОСТРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ К 1789 ГОДУ 23

Русско-прусские и австро-прусские отношения. — Англо-австрийские отношения. — Зарождение англо-русского антагонизма. — Обострение англо-русских отношений и франко-русское сближение к 1789 г.— Внутренние противоречия в недрах Тройственного союза.

Глава первая

КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ СИСТЕМЫ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ СОЗЫВА ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ 35

Англо-французский договор 1786 г. и торгово-промышленный кризис.— Аграрный и финансовый кризис.— Кризис феодально-абсолютистского строя. — Крестьянское и рабочее движения в первой половине 1789 г.— «Дело Ревельона».

ВЫБОРЫ В ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ И НАКАЗЫ ДЕПУТАТАМ 43

Наказы и брошюры.

Глава вторая

БОРЬБА БУРЖУАЗИИ С ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ СИСТЕМОЙ

БОРЬБА В ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТАХ И ПРЕВРАЩЕНИЕ ИХ В НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 49

Открытие Генеральных штатов и борьба за совместное голосование. — Превращение Генеральных штатов в Национальное собрание. — Королевское заседание (23 июня). — Армия и народ на стороне Национального собрания.

ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ. ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ. «МУНИЦИПАЛЬНАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ 57

Волнения 12—13 июля в связи с отставкой Неккера.—Взятие Бастилии.— Революция в провинции и «великий страх» имущих классов. — Решения 4—11 августа.

Глава третья

КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ

ПРИНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА 68

Политическое значение Декларации прав. — Рабочие волнения и их влияние на политическую борьбу. — Политические группировки в Национальном собрании. — Робеспьер. — Мирабо, Барнав, Лафайет и вопрос о veto короля. — Массовое движение 5—6 октября. — Марат.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ (НОЯБРЬ 1789 г. — ИЮНЬ 1791 г.) 77

Аграрные законы. — Торгово-промышленное законодательство. — Церковная реформа. — Национализация и распродажа церковных имуществ и выпуск ассигнатов. — Рабочая политика буржуазного правительства.

КОНСТИТУЦИЯ 1791 ГОДА 80

Цензовый характер Конституции. — Политический строй Франции на основе Конституции. — Колониальный вопрос в Конституции.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ И ПАРТИЙНЫЕ ГРУППИРОВКИ (ОСЕНЬ 1789 г. — ЛЕТО 1791 г.) 84

Якобинский клуб. — Народные общества. — Клуб Кордельеров и Социальный клуб. — Праздник «Федерации» 14 июля 1790 г.

АРМИЯ В 1789—1791 гг. 91

Организация королевской армии. — Волнения в армии. — Восстание в Нанси.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ 96

Эмиграция первого периода. — Бегство короля в Варенн.

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 103

Агитация клуба Кордельеров. — Манифестации в провинции.

Реакционная политика Учредительного собрания 108

Прения о низложении короля. — Расстрел петиционеров на Марсовом поле. — Раскол в Якобинском клубе и образование клуба Фельянов. — Восстановление власти Людовика XVI.

Рост демократического движения и новая волна эмиграции. 117

Крестьянское движение 1791 г. — Новая волна эмиграции 1791 г. — Подготовка интервенции.

Глава четвертая

РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПА

Бельгийская революция 1789—1790 гг. 124

Основные особенности предшествующего развития Бельгии. — Политика Иосифа II в Бельгии. — Движущие силы бельгийской революции: «штатисты», «фонкисты». — Крестьянство в бельгийской революции. — Французская революция и национально-революционное движение в Бельгии. — Январские эдикты 1787 г. и подъем национального движения. — Новое наступление австрийского правительства в Бельгии. Революционная ситуация. — Победа народного восстания. Реакция привилегированных.

Конфликт с имперскими князьями по вопросу об Эльзасе . . . 144

Начало конфликта. — Революция в Эльзасе. — Протест князей по поводу августовских декретов 1789 г. — Роль Пруссии в конфликте. — Эльзасский вопрос в Национальном собрании. — Эльзасский вопрос в рейхстаге. — Гражданская война в Эльзасе. — Роль курфюрста Майнцского.

Начало буржуазной революции во Франции и европейские правительства 152

Англо-испанский конфликт из-за Калифорнии. Рейхенбах (1790 г.). — Верельский мир России со Швецией. Торжество России в восточном вопросе. — Систовский мир. — Национально-революционное движение в Польше. Конституция 3 мая 1791 г.

Политика Екатерины II в первые годы французской революции. 158

Сговор Екатерины II со шведским королем Густавом III. — Усиление борьбы Екатерины с влиянием идей французской революции и с оппозицией внутри страны. — Карамзин. — Радищев и Новиков. — Екатерина II в роли жандарма Европы. Деятельность Симолина.

Глава пятая

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ВРЕМЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 10 АВГУСТА

Законодательное собрание, его состав и деятельность . . . 169

Выборы в Законодательное собрание и его социальный состав. — Политические группировки в Законодательном собрании. — Крестьянское движение и Законодательное собрание.

Продовольственные волнения 172

Движение сельской бедноты за таксацию хлебных цен. Рабочие волнения в Париже. — Доливье. — Ланж и Жак Ру.

Контрреволюционное движение 178

Авиньонская резня. — Декреты Законодательного собрания против эмигрантов. — Декрет против не присягнувшего Конституции духовенства.— Veto короля.

Борьба партий в связи с вопросом о войне 182

Позиция контрреволюционных группировок. — Пропаганда войны бриссотинцами. — Образование жирондистского министерства. —Декрет о войне с Австрией.— Позиция Робеспьера по вопросу о войне. — Отношение народных масс к войне.

Неудачи французских войск на фронте и их влияние на борьбу партий 192
Ход военных действий. Интриги Лафайета и других генералов. — Революционно-патриотический энтузиазм народных масс. — Отказ короля санкционировать декреты о неприсягнувших священниках и о лагере федератов. — Отставка жирондистского министерства и демонстрация 20 июня.
Подготовка к восстанию против монархии 199
Революционная Франция в опасности. Движение демократических секций. Образование в Париже лагеря федератов и борьба партий за влияние на них. — Объявление отечества в опасности и агитация в секциях за низложение короля. — Манифест герцога Брауншвейгского.
Революция 10 августа 1792 г. 209
Образование революционной Коммуны. — Король в Собрании под защитой жирондистов. — Отрешение короля от власти.
Коммуна 10 августа и Законодательное собрание 215
Введение всеобщего избирательного права. — Учреждение Чрезвычайного трибунала.

Глава шестая

РЕЗУЛЬТАТЫ КРУШЕНИЯ МОНАРХИИ

Ближайшие следствия революции 10 августа 1792 г. 220
Аграрная политика Законодательного собрания после революции 10 августа. — Борьба между Законодательным собранием и Коммуной. — Вторжение прусской армии во Францию. — Сентябрьские дни. — Победа при Вальми.
Присоединение к Франции Савойи и Ниццы. Оккупация Бельгии 229
Савойя и революция. Оккупация Бельгии армией Дюмурье.
Французская революция и Англия 231
Международный резонанс на революцию 10 августа. — Отношение к революции буржуазных классов континентальной Европы. — Отношение английской буржуазии к революции. — «Лондонское корреспондентское общество». — «Общество конституционной информации». — Питт и борьба против влияния революционных идей в Англии. — Крупная английская буржуазия и французские колонии. — Влияние революции на политические теории в Англии. — Неизбежность военной интервенции Англии.
Французская революция и общественная мысль Германии. Кант, Фихте и Форстер 244
Кант. — Фихте. — Форстер.
Присоединение Рейнской области и Майнцская коммуна 255
Взятие Кюстином Шпейера и Вормса. — Взятие Майнца. — Политика Кюстина в Майнце. — Политическая деятельность майнцских клубистов. — Декрет от 19 ноября 1792 г. — Взятие Франкфурта пруссаками. Вопрос о «естественных границах» Франции. — Декреты 15 декабря 1792 г. об организации власти в оккупированных областях. — Отношение населения оккупированных областей к декрету 15 декабря. — Организация Майнцской коммуны. — Взятие Майнца пруссаками в июле 1793 г.

Глава седьмая

КОНВЕНТ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Господство Жиронды 272
Предвыборная борьба и выборы в Конвент. — Партийный состав Конвента. — Провозглашение Республики. — Начало борьбы между жирондистами и монтаньярами. — Программа жирондистов. — Вопрос о департаментской страже. — Разоблачение Парижской коммуной измены короля и предание его суду. — Суд над Людовиком Капетом и его казнь.
Экономическое состояние Франции в конце 1792 — начале 1793 гг. 292
Финансовый и промышленный кризис. Рост дороговизны. — Народное движение против дороговизны. Вопрос о дороговизне в Конвенте.

ДВИЖЕНИЕ БЕШЕНЫХ 299

Вожди бешеных. Движение против дороговизны в Париже в феврале 1793 г. — Положение в провинции. — Поражение на фронте. — Рост активности бешеных. Усиление разногласий между якобинцами и бешеными.

РЕВОЛЮЦИЯ 31 МАЯ — 2 ИЮНЯ 1793 г. 306

Измена Дюмурье и обострение классовой борьбы в Париже. — Борьба вокруг проекта Конституции. — Арест Марата и его триумф. — Комиссия двенадцати. — Переворот 31 мая — 2 июня.

ВОССТАНИЕ В ВАНДЕЕ. КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛИОНЕ И ТУЛОНЕ. 318

Предпосылки восстания в Вандее. — Движение шуанов. — Руководящая роль духовенства и дворян в восстании. — Жестокости в Машкуле и Шоле. — Тактика вандейцев и поражение республиканских войск. — Репрессии Конвента против мятежников. Федералистское восстание. Лион. Тулон. — Взятие Тулона англичанами и его освобождение.

Глава восьмая

УСТАНОВЛЕНИЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ ЛЕТОМ 1793 г. 336

Франция после революции 31 мая — 2 июня. — Политика первого Комитета общественного спасения. — Конституция 1793 г. — Выступление бешеных в июне — июле 1793 г. — Убийство Марата. — Создание робеспьеристского Комитета общественного спасения.

ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ В АВГУСТЕ—ОКТЯБРЕ 1793 г. 346

Арест Жака Ру и Варле. — Движение 4—5 сентября. Усиление революционного террора. — Закон 5 сентября против иностранцев и закон 17 сентября о подозрительных. — Процессы Марии-Антуанетты и жирондистов. — Усиление деятельности революционных комитетов в Париже.

ОРГАНЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 355

Доклад Сен-Жюста и декрет об организации временного революционного правительства. — Деятельность Комитета общественного спасения. — Комитет общественной безопасности. — Революционный трибунал. — Комиссары Конвента. — Революционные комитеты на местах. — Народные общества на местах.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ 367

Состояние французской армии накануне ее реорганизации. — Влияние на армию первых неудач на фронте. — Организация и снабжение армии в период господства Жиронды. — Борьба между Горой и Жирондой по вопросу о реорганизации армии. — Отношение армии к измене Дюмурье. — Укрепление армии в период якобинской диктатуры. — Деятельность комиссаров Конвента. — Деятельность Сен-Жюста, Леба и Огюстена Робеспьера в армии. — Всенародное ополчение. — Реорганизация армии, проведение «амальгамы». — Обновление командного состава. Выдающиеся деятели армии. — Создание морского флота. — Энгельс о новой тактике боя. — Роль Комитета общественного спасения в снабжении армии.

ЛИКВИДАЦИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ 381

Аграрная политика жирондистского Конвента. — Петиции общин о разделе земель. — Крестьянское движение за раздел общинных земель и национальных имуществ. — Крестьянское движение и жирондисты. — Аграрные преобразования после революции 31 мая — 2 июня 1793 г. — Полная ликвидация феодализма.

Глава девятая

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ ВНУТРИ ЯКОБИНСКОГО БЛОКА (ОСЕНЬ 1793 г. И ЗИМА 1793/1794 г.)

БОРЬБА ЗА ВТОРОЙ МАКСИМУМ 393

Твердые цены на предметы первой необходимости. — Всеобщий максимум. — Борьба крупной буржуазии и кулачества против максимума. — «Хлеб равенства». — Поддержка якобинской диктатуры плебейскими массами и деревенской беднотой. — Обострение классовой борьбы в деревне в период второго максимума. — Тяжелое положение крестьянской бедноты. — Борьба сельскохозяйственных рабочих против нанимателей.

ЯКОБИНСКИЙ БЛОК (ОСЕНЬЮ 1793 г.) 402

Борьба робеспьеристов с эбертистами. — Дантонисты и их вожди. — Отношение Дантона и Робеспьера к выступлениям эбертистов.

БОРЬБА ВОКРУГ «ДЕХРИСТИАНИЗАЦИИ» 411

Рост «дехристианизаторского» движения и политика эбертистов. — Борьба робеспьеристов против «атеизма».

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ МЕЖДУ ЭБЕРТИСТАМИ И РОБЕСПЬЕРИСТАМИ ПО ВОПРОСАМ МАКСИМУМА, СИСТЕМЫ ТЕРРОРА, ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 417

Максимум. — Террор. — Внешняя политика. — Оживление деятельности дантонистов в конце 1793 г. и начале 1794 г. — «Старый Кордельер» Камилла Демулена.

РАСПАД ЯКОБИНСКОГО «БЛОКА». ПАДЕНИЕ ЭБЕРТИСТОВ И ДАНТОНИСТОВ 428

Борьба робеспьеристов и дантонистов. — Разрыв робеспьеристов с эбертистами и дантонистами. — «Вантозские декреты». — Процессы и казнь эбертистов и дантонистов.

Глава десятая

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯКОБИНЦЕВ 438

Обсуждение политики революционной экспансии и борьба за независимость Франции.

АНГЛИЯ — ОРГАНИЗАТОР ПЕРВОЙ КОАЛИЦИИ И ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕАКЦИИ 440

Дипломатические, военные и экономические шаги Англии для сплочения блока против Франции. — Шпионаж и диверсия против Французской республики.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ВНУТРИ КОАЛИЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ . . 445

Перелом в военных действиях. Победа при Гондсхооте. — Деятельность французской дипломатии осенью 1793 г. — Доклады Робеспьера о внешней политике Республики. — Первые попытки мирных переговоров. — Внешняя политика якобинцев зимой 1793/1794 г. и военная кампания весною 1794 г. — Начало распада первой коалиции.

Глава одиннадцатая

КРУШЕНИЕ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

РОБЕСПЬЕРИСТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЕСНОЙ И ЛЕТОМ 1794 г. 462

Третий максимум. — Положение рабочих.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В КОНВЕНТЕ ЛЕТОМ 1794 г. И ОФОРМЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО БЛОКА 467

Разногласия в Комитете общественного спасения. — Враждебные робеспьеристам группировки в Конвенте. — Установление культа «верховного существа». — Социально-экономическая политика якобинцев летом 1794 г. — Обострение политической борьбы в Конвенте летом 1794 г. —

Закон 10 июня 1794 г. (22 прериаля II года). — Атаки «левых» на Комитет общественного спасения. Организация обороны и победы при Турку-ане и Флерюсе. — Раскол в Комитете общественного спасения. — Оформление контрреволюционного блока. — Борьба Робеспьера в Якобинском клубе.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 9—10 ТЕРМИДОРА II ГОДА РЕСПУБЛИКИ (27—28 ИЮЛЯ 1794 г.) 483

Открытое наступление контрреволюционного блока на якобинцев. События 9—10 термидора.

Глава двенадцатая

ФРАНЦУЗСКИЕ КОЛОНИИ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ

САН-ДОМИНГО 491

Классовые противоречия в Сан-Доминго. — Вопрос о колониях и рабстве в Учредительном собрании и политических организациях Парижа. — Сен-Марксое генеральное собрание. — Восстание мулатов. — Восстание рабов. — Деятельность гражданских комиссаров. — Оккупация Сан-Доминго англичанами и испанцами.

МАЛЫЕ АНТИЛЬСКИЕ ОСТРОВА (МАРТИНИКА, ГВАДЕЛУПА И ДР.) . . . 502

Классовые противоречия на Мартинике. — Положение на Гваделупе. — Гражданская война на островах. — Победа контрреволюции. — Мероприятия Законодательного собрания. Волнения. Деятельность Лакроса. — Измена роялистов. Оккупация Малых Антильских островов англичанами.

ФРАНЦУЗСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ИНДИИ И МАСКАРЕНСКИЕ ОСТРОВА . . . 507

Французские владения в Индии. Маскаренские острова.

Глава тринадцатая

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ XVIII ВЕКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТАХ РЕВОЛЮЦИИ 511

Принцип народного суверенитета. — Провозглашение «естественных, неотчуждаемых» прав. — Принцип разделения властей. — Декларация прав человека и гражданина 1789 г. — Конституция 1791 г. — Якобинская Конституция 1793 г.

ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1789—1794 гг.) 524

Дореволюционное право. — Право собственности. — Права личности. — Законодательство в области семьи и брака. — Наследственное право.

РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО 536

Общие принципы старого и нового международного права. — Субъект международного права. — Территория как проблема международного права. — Проблема населения. — Право войны. — Понятие «комбатанта» и режим пленных и раненых. — Шпионаж, диверсии, подкупы и прочие способы ведения войны. — Революционная пропаганда. — Военная оккупация. — Право морской войны. — Нейтралитет.

Глава четырнадцатая

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА

ВВЕДЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ МЕР И ВЕСА 552

СОЗДАНИЕ НОВЫХ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПЕРЕСТРОЙКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ 557

Упразднение Академий. — Высшее образование в проектах Талейрана, Кондорсе и Лавуазье. — Нормальная школа. Политехническая школа. — «Школы здоровья», школы навигации и другие. — Музей естественной истории. — Консерватория технических наук и искусств.

Успехи физико-математических и естественных наук и техники в период революции 565

Математика, астрономия и механика. Биологические науки. — Физика и химия. — Развитие технико-изобретательской мысли (Бертолле, Леблан). — Химическая промышленность и оборона отечества. — Развитие металлургической промышленности в связи с войной.

Философско-исторические и социологические идеи революционного периода 586

Вольней. — Кондорсе. — Барнав.

Политика революционной Франции в 1789–1794 гг. в области народного образования 600

Состояние народного образования в дореволюционной Франции. — Взгляды просветителей XVIII века на народное образование. — Общее направление политики народного образования в Учредительном собрании. — Идеи Мирабо о народном образовании. — План Талейрана. — Общее направление политики народного образования в Законодательном собрании. — План Кондорсе. — Общее направление политики народного образования в Национальном конвенте. Попытки правых группировок ограничить образование народных масс (Сиейес, Дону, Лаканаль). — «Комиссия шести» и план единого общественного воспитания детей (Лепелетье). — Проекты Гассенфраца и др. и требования Парижской коммуны. — Проект установления государственной монополии образования (Ромм). — Провозглашение «свободы образования» (план Букье). — Культурно-политические мероприятия Конвента.

Литература французской буржуазной революции 616

Культ античности и «чувствительности». — Революционная поэзия. — Зачатки реалистической и романтической прозы. — Революционная драматургия.

Политика революции в области искусства 628

Демократизация художественных салонов. — Охрана произведений искусства. — Упразднение Королевской Академии живописи и скульптуры. — Создание «Временной комиссии искусств». — Создание музеев.

Живопись, графика, скульптура 637

Новый классицизм. — Живопись. — Скульптура. — Реализм массовой революционной графики.

Архитектура 649

Клод Леду. — План городского строительства. — Конкурсы на украшение столицы.

Театр 659

Раскрепощение и демократизация театра. — Социально-политическая направленность репертуара. — Стиль актерского исполнения. — Ростки романтизма и реализма.

Музыка 664

Создание народной музыки. — Революционный жанр в музыке: песни, гимны и марши. — Создание Национального института музыки. — Оперные жанры революции. — Отражение революции в творчестве Бетховена

Быт периода революции 668

Французская провинция в 1789 г. — Париж в 1789 г. — Революция и рост политической активности населения. — Эмблемы революции. — Праздник Федерации 14 июля 1790 г. Роль революционных праздников. — Народные общества, клубы, секции. — Париж в годы революции. — Революционные имена и революционный календарь. — Революционные праздники в период якобинской диктатуры. — Гражданские браки и разводы. — Гражданские похороны.

Глава пятнадцатая

ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

ИСТОРИОГРАФИЯ ДО МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА 692

Историки периода реставрации (Минье, Тьер). — Возрождение революционной традиции (Буонарроти, Левассёр). — Английский радикальный идеализм (Карлейль). Либеральная и демократическая историография (Ламартин, Мишле, Бюше, Луи Блан).

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 701

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 г. 704

Либеральная оценка революции после 1848 г. (Токвиль) — Буржуазный радикализм (Кинэ). Бланкисты и левые республиканцы (Тридон, Амель и др.).— Консервативная концепция истории международных отношений в период революции (Зибель).

ОТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И МИРОВОЙ ВОЙНЫ 708

Торжество реакционных направлений в буржуазной историографии (Тэн). — Буржуазный либерализм 80—90-х годов (Сорель). — Буржуазный республиканизм (Олар). — Социал-реформистский эклектизм (Кореc). — Историки социал-демократы Германии (Каутский, Кунов). — «Русская школа» (Карсев, Лучицкий, Ковалевский). — Влияние марксизма на русскую историографию (Тарле). — Анархизм (Кропоткин).

ПОСЛЕВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ . . . 718

Реакционное направление (Мадлен, Марион). — Либеральный республиканизм (Олар, Саньяк, Паризе, Сэ и др.). — Левый радикализм (Матьез и его школа, Лефевр). Документальные публикации XX века по социально-экономической истории революции.

ЛЕНИН И СТАЛИН О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 729

БИБЛИОГРАФИЯ 735

Хронологический указатель 802

Именной указатель 818

Географический указатель 830

Список иллюстраций. 837

Список карт, схем, планов, диаграмм 841

СОСТАВИТЕЛИ ТОМА

Р. А. Авербух — Начало буржуазной революции во Франции и европейские правительства. Политика Екатерины II в первые годы французской революции (разделы 3 и 4 главы 4).[1] Установление якобинской диктатуры (разделы 1—3 главы 8).[2]

Д. Е. Аркин — Архитектура (раздел 9 главы 14).

М. А. Буковецкая — Армия в 1789—1791 гг. (раздел 5 главы 3). Классовая борьба во время Законодательного собрания (разделы 1—5 главы 5). Восстание в Вандее. Контрреволюционное движение в Лионе и Тулоне (раздел 5 главы 7). Реорганизация армии (раздел 4 главы 8).

Б. Г. Вебер — Международные противоречия к 1789 г. (Вторая часть Введения). Бельгийская революция 1789—90 гг. (раздел 1 главы 4).

Н. Н. Водо — Политика революции в области искусства (раздел 7 главы 14).

К. Н. Державин — Литература французской буржуазной революции. Театр (разделы 6 и 10 главы 14).

К. П. Добролюбский — Подготовка к восстанию против монархии. Революция 10 августа 1792 г. Коммуна 10 августа и Законодательное собрание (разделы 6—8 главы 5). Ближайшие следствия революции 10 августа 1792 г. (раздел 1 главы 6).[3] Послевоенная историография французской революции (раздел 5 главы 15).[4]

Э. А. Желубовская — Быт периода революции (раздел 12 главы 14).

И. И. Зильберфарб — Политика революционной Франции в 1789—1794 гг. в области народного образования (раздел 5 главы 14).

С. Ф. Кечекьян — Политические теории XVIII века и их отражение в конституционных актах революции (раздел 1 главы 13).

Е. А. Коровин — Революция и международное право (раздел 3 главы 13).

А. Я. Манусевич — Международное положение и внешняя политика якобинской диктатуры (глава 10). Крушение якобинской диктатуры (глава 11).

Т. В. Милицина — Историография французской революции XVIII в. (разделы 1—4, 6 главы 15).[5]

А. И. Молок — Контрреволюция и эмиграция (разделы 6—9 главы 3).

Ю. Я. Мошковская — Конфликт с имперскими князьями по вопросу об Эльзасе (раздел 2 главы 4). Присоединение к Франции Савойи и Ниццы. Оккупация Бельгии. Французская революция и общественная мысль Германии: Кант, Фихте, Форстер. Присоединение Рейнской области и Майнцская коммуна (разделы 2, 4, 5 главы 6).

Е. Н. Петров — Аграрная политика Законодательного собрания после революции 10 августа (параграф первый раздела 1 главы 6). Ликвидация феодальных отношений во французской деревне (раздел 5 главы 8).[6]

Ф. В. Потемкин — Формирование капиталистического уклада в феодальной Франции (Первая часть Введения). Кризис феодально-абсолютистской системы и революционной ситуации (глава 1). Борьба буржуазии с феодально-абсолютистской системой (глава 2). Крупная буржуазия у власти (разделы 1—4 главы 3).

И. С. Рабинович — Живопись графика, скульптура (раздел 8 главы 14).[7]

М. О. Рейхель — Гражданское законодательство французской буржуазной революции (1789—1794 гг.) (раздел 2 главы 13).

О. К. Рыковская — Французские колонии во время революции (глава 12).

О. А. Старосельская — Введение новой системы мер и веса. Создание новых научных учреждений и перестройка высшей школы. Успехи физико-математических и естественных наук и техники в период революции. Философско-исторические и социологические идеи революционного периода (разделы 1—4 и введение к главе 14).

Акад. *Е. В. Тарле* — Французская революция и Англия (раздел 3 главы 6).

С. В. Фрязинов — Борьба течений внутри якобинского блока осенью 1793 и зимой 1793/1794 г. (разделы 2—5 главы 9).

Ф. А. Хейфец — Конвент до установления якобинской диктатуры (разделы 1—4 главы 7).

А. А. Хохловкина-Золотаревская — Музыка (раздел 11 главы 14).

Л. Е. Якобсон — Борьба за второй максимум (раздел 1 главы 9).

Указатели составлены *О. К. Рыковской* под редакцией *О. А. Старосельской*. Подбор иллюстраций сделан *Е. Г. Денисовой*.

Консультация при редактировании карт осуществлялась *А. Л. Нарочницким*.

Т. В. Милицина прочитала том в гранках и сделала ряд ценных замечаний.

Большую работу в качестве помощников редакторов проделали *Л. В. Шенгина* и *Ф. Б. Шуваева*.

[1] Параграф о Радищеве написан Н. В. Богословским. [2] Параграф о «бешеных» написан Л. Е. Якобсоном. [3] Параграф о победе при Вальми написан Ю. Я. Мошковской. [4] Параграф о документальных публикациях XX века написан О. А. Старосельской. [5] Вводная часть написана Б. Г. Вебером. [6] При редактировании данной статьи учтены замечания Р. П. Конюшей. [7] Характеристика классицизма написана Д. Е. Аркиным.

Редактор издательства Ц. М. Подгорненская. Подписано к печати 22/III 1941 г.
Рисо № 1061—1406. А-32358. Объем 54 печ. л. и 29 вклеек. 82.27 уч.-изд. л.
Тираж 25000 экз. (1—5000 экз.). Цена книги 30 руб.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва, Валовая, 28.
Заказ № 3527.

Цена 40 руб.

150 120 90 60 30 0 30 60 90 120 150 180

75 60 30 0 30

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

ГРЕНЛАНДИЯ

СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН

Северный полярный круг

Исландия 1321

о-ва Фарерские (Д)

Новая Земля

Архангельск

Стокгольм

С.-Петербург

Рига

Копенгаген

Москва

Казань

Минск

Варшава

Берлин

Оренбург

Лондон

Киев

Вена

Тарнич

Бордо

Мадрид

Рим

Лиссабон

Гибралтар 1704 (В)

Сеута (И)

Азорские о-ва XV (П)

о. Мадейра (П) 1419

Канарские о-ва XV (И)

Константинополь

Тегеран

Багдад

Александрия

Каир

Триполи

Асуан

Ормуз

Маскат

Дели

Кабул

Бенарес

Сурат (В) 1612

Бомбей (В) 1665

Даман (П)

Калькутта (В) 1690

Янаон (Ф)

Рангун

Ланчжоу

Ханкоу

Нанкин

Пекин

Сеул

Иедо

Нагасаки

Кантон 1557

Манила

Филиппинские о-ва 1565 (И)

Бангкок

Сайгон

Малакка 1641 (Н)

Борнео

Молуккские о-ва 1615

Суматра

Бенкулен (Г) 1620

Батавия 1619

Ява 1753

Целебес

о. Тимор

Новая Гвинея

о-ва Соломоновы

Нов. Гебриды

о. Баладе

о-ва Тонга

Новая Зеландия

Земля Ван-Димена

НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ

Гоа (П) 1510

Маз (Ф)

Кочин (Н) 1662

Коломбо

о. Цейлон (Н) 1656 (1517-1656 П)

Траннкебар 1615

Мадрас (В) 1750

Пондишери (Ф) 1674

Аден

о. Сокотра

Гондаро

Абиссиния

НУБИЯ

Мекка

Красное море

Египет

Триполи

Алжир

Тунис

Марокко

Фес

Сеута (И)

Гибралтар 1704 (В)

Средиземное море

Оттоманск. империя

Черное м.

Каспийск. м.

Волга

Дон

Урал

Сыр-Дарья

Амударья

Иртыш

Обь

Енисей

Лена

Амур

Якутск

Охотск

Иркутск

оз. Байкал

Монголия

Китай

Маньчжурия

Корея

Японское море

Охотское море

Берингово море

о. Сахалин

Курильские о-ва

о. св. Лаврентия

Командорские о-ва (Р)

Алеутские о-ва (Р)

Гудзонов залив

Территория компании Гудзонова залива

Канада

(До 1763 г. Франц.)

Ньюфаундленд

Квебек

Халифакс

Бостон

Филадельфия

США

Бермудские (В) 1609

о-ва

Багамские (В) 1717

Новый Орлеан

Луизиана (Ф) 1682

(До 1763 г. Франц.)

Мексиканск. залив

Мексика

Веракрус

Гавана

Ямайка (В) 1655

о. Мартиника (Ф) 1636

о. Гваделупа (Ф) 1636

о. Доминика (В) 1763

о. Барбадос (В) 1625

о. Табаго (Ф) 1783

о. Тринидад (И)

о. Порторико (И) 1508

о. Сан-Доминго (Ф и И)

о. С-Томас (Д) 1671

Панама

Каракасо

Новая Гранада

Богота

Кито 1536

Парамарибо 1667

Кайенна 1624

Гвиана

Амазонка

Перу

Лима

Куско

Чукисака

Сан-Паулу 1531

Рио-де-Жанейро

Пернамбуко 1631

Сан-Сальвадор

Вальпарайсо

Буэнос-Айрес 1535

Вальдивия

Мальвинские (Фальклендские) о-ва

Огненная земля

Южн. Георгия (В)

о-ва Южн. Сандвичевы

о-ва Тристан-да-Кунья

о. Вознесения

о. св. Елены 1651 (В)

Капская колония

Капстад 1652

Бенгела

Мозамбик 1507

Софала

Момбаса

Сейшельские о-ва (Ф) 1744

Сент-Мари (Ф) 1760

Мадагаскар

о. Родригес (Ф) 1721

о. Иль-де-Франс 1721 (Ф)

о. Бурбон 1643 (Ф)

о. Кергелен

Конго

Анголо

Намибия

Капская колония

Замбези

Мозамбик

Сенегал

Нигер

Гвинея

Сьерра-Леоне

Либерия

Берег Слоновой Кости

Золотой Берег

Дагомея

Бенин

Нигерия

Камерун

Габон

Кабинда

Конго

Анголо

Намибия

Замбези

Мозамбик

Сенегал

Нигер

Гвинея

Сьерра-Леоне

Либерия

Берег Слоновой Кости

Золотой Берег

Дагомея

Бенин

Нигерия

Камерун

Габон

Кабинда

Северный тропик

Экватор

Южный тропик

о-ва Гавайские (Сандвичевы)

о. Кадьяк

Алеутские о-ва (Р)

о. Нутка

о. Ванкувер

о-ва Маркизские

о-ва Товарищества

о-ва Кука

о. Пасхи

ТИХИЙ ОКЕАН

ТИХИЙ ОКЕАН

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Марианские о-ва (И) 1668

о-ва Каролинские

Филиппинские о-ва 1565 (И)

Манила

Сайгон

Бангкок

Малакка 1641 (Н)

Борнео

Молуккские о-ва 1615

Суматра

Бенкулен (Г) 1620

Батавия 1619

Ява 1753

Целебес

о. Тимор

Новая Гвинея

о-ва Соломоновы

Нов. Гебриды

о. Баладе

о-ва Тонга

Новая Зеландия

Земля Ван-Димена

НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ

Гоа (П) 1510

Маз (Ф)

Кочин (Н) 1662

Коломбо

о. Цейлон (Н) 1656 (1517-1656 П)

Траннкебар 1615

Мадрас (В) 1750

Пондишери (Ф) 1674

Аден

о. Сокотра

Гондаро

Абиссиния

НУБИЯ

Мекка

Красное море

Египет

Триполи

Алжир

Тунис

Марокко

Фес

Сеута (И)

Гибралтар 1704 (В)

Средиземное море

Оттоманск. империя

Черное м.

Каспийск. м.

Волга

Дон

Урал

Сыр-Дарья

Амударья

Иртыш

Обь

Енисей

Лена

Амур

Якутск

Охотск

Иркутск

оз. Байкал

Монголия

Китай

Маньчжурия

Корея

Японское море

Охотское море

Берингово море

о. Сахалин

Курильские о-ва

о. св. Лаврентия

Командорские о-ва (Р)

Алеутские о-ва (Р)

Гудзонов залив

Территория компании Гудзонова залива

Канада

(До 1763 г. Франц.)

Ньюфаундленд

Квебек

Халифакс

Бостон

Филадельфия

США

Бермудские (В) 1609

о-ва

Багамские (В) 1717

Новый Орлеан

Луизиана (Ф) 1682

(До 1763 г. Франц.)

Мексиканск. залив

Мексика

Веракрус

Гавана

Ямайка (В) 1655

о. Мартиника (Ф) 1636

о. Гваделупа (Ф) 1636

о. Доминика (В) 1763

о. Барбадос (В) 1625

о. Табаго (Ф) 1783

о. Тринидад (И)

о. Порторико (И) 1508

о. Сан-Доминго (Ф и И)

о. С-Томас (Д) 1671

Панама

Каракасо

Новая Гранада

Богота

Кито 1536

Парамарибо 1667

Кайенна 1624

Гвиана

Амазонка

Перу

Лима

Куско

Чукисака

Сан-Паулу 1531

Рио-де-Жанейро

Пернамбуко 1631

Сан-Сальвадор

Вальпарайсо

Буэнос-Айрес 1535

Вальдивия

Мальвинские (Фальклендские) о-ва

Огненная земля

Южн. Георгия (В)

о-ва Южн. Сандвичевы

о-ва Тристан-да-Кунья

о. Вознесения

о. св. Елены 1651 (В)

Капская колония

Капстад 1652

Бенгела

Мозамбик 1507

Софала

Момбаса

Сейшельские о-ва (Ф) 1744

Сент-Мари (Ф) 1760

Мадагаскар

о. Родригес (Ф) 1721

о. Иль-де-Франс 1721 (Ф)

о. Бурбон 1643 (Ф)

о. Кергелен

Конго

Анголо

Намибия

Капская колония

Замбези

Мозамбик

Сенегал

Нигер

Гвинея

Сьерра-Леоне

Либерия

Берег Слоновой Кости

Золотой Берег

Дагомея

Бенин

Нигерия

Камерун

Габон

Кабинда

Северный тропик

Экватор

Южный тропик

о-ва Гавайские (Сандвичевы)

о. Кадьяк

Алеутские о-ва (Р)

о. Нутка

о. Ванкувер

о-ва Маркизские

о-ва Товарищества

о-ва Кука

о. Пасхи

ТИХИЙ ОКЕАН

ТИХИЙ ОКЕАН

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Великобритания
- Франция
- Испания
- Португалия
- Нидерланды
- Дания
- Пруссия
- Австрия
- Прочие германские г-ва
- Российск. Империя
- Оттоманск. Империя
- США
- Прочие государства
- Границы государств
- Морские пути парусных судов

Буква (Ф) определяет начальную букву государства, которому принадлежит данный пункт, или остров (кроме Пруссии и России)

Цифры (1664, XV) – годы или столетия захвата или приобретения соответствующих территорий

МАСШТАБ ПО ЭКВАТОРУ

1000 0 1000 2000 3000 4000 5000 км

Политическая карта мира в 1783 г.

ФРАНЦИЯ
И
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА
(1789–1794 гг.)

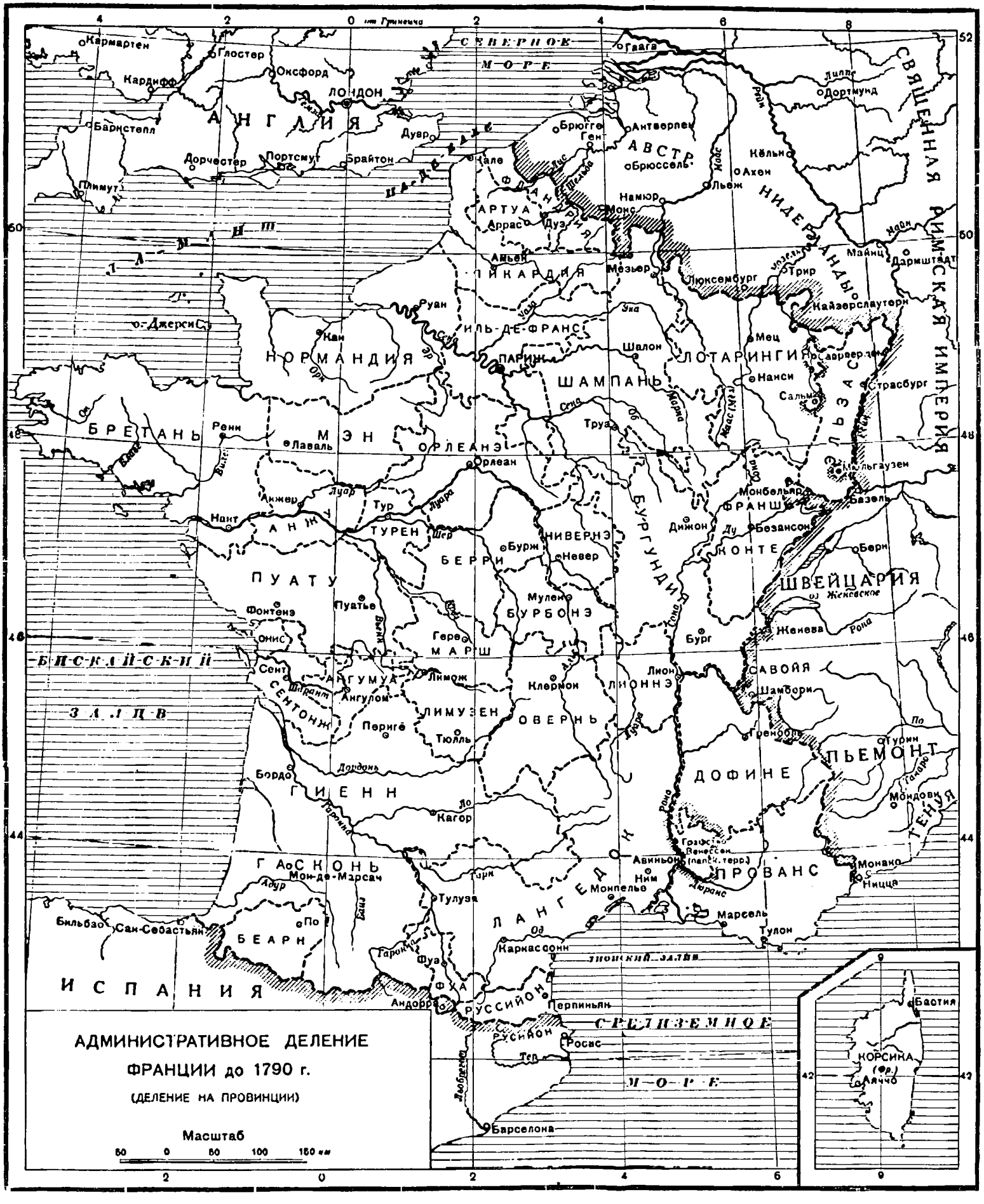
Масштаб
50 0 50 100 150 200 250 км

Граница Свящ. Римск. Империи в 1789 г.
Границы важнейших государств в 1789 г.
Границы территориальных присоединений к Франции.
Территории, присоединенные к Франции с 1789 г. по 1794 г.

Второй раздел Польши
Территории, отошедшие к Российской империи.
Территории, отошедшие к Пруссии

1 Прусские владения на левом берегу Рейна.
1792 Даты территориальных присоединений.
Столицы важнейших государств.

К.-Куртрэ, В.-Валансьенн, Ж.-Жемапп.


Кармартен
Глостер
Оксфорд
Кардифф
ЛОНДОН
АНГЛИЯ
Барнстепл
Дорчестер
Портсмут
Брайтон
Плимут
Дувр
Кале
Гаага
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
Брюгге
Гент
Антверпен
Брюссель
Дортмунд
Рейн
Кёльн
Ахен
Льеж
Намюр
Монс
Аррас
Дуэ
АРТУА
ФЛАНДРИЯ
ПИКАРДИЯ
Амьен
Мезьер
Люксембург
Трир
Майнц
Дармштадт
Кайзерслаутерн
НИДЕРЛАНДЫ
СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ
о-Джерси
Руан
Кан
НОРМАНДИЯ
ИЛЬ-ДЕ-ФРАНС
ПАРИЖ
Шалон
ЛОТАРИНГИЯ
Мец
Нанси
Сальм
Страсбург
ЭЛЬЗАС
БРЕТАНЬ
Ренн
Лаваль
МЭН
ОРЛЕАНЭ
Орлеан
Анжер
Тур
Нант
АНЖУ
ТУРЕН
ШАМПАНЬ
Труа
Бурж
НИВЕРНЭ
Невер
БЕРРИ
БУРГУНДИЯ
Дижон
Безансон
Базель
Мюльгаузен
ФРАНШ-КОНТЕ
Берн
ШВЕЙЦАРИЯ
ПУАТУ
Пуатье
Фонтенэ
Онис
Мулен
БУРБОНЭ
Женевское оз.
Женева
Рона
Бург
МАРШ
Гере
БИСКАЙСКИЙ ЗАЛИВ
Сент
АНГУМУА
Ангулем
Лимож
Клермон
ЛИОННЭ
Лион
САВОЙЯ
Шамбери
СЕНТОНЖ
ЛИМУЗЕН
ОВЕРНЬ
Периге
Тюлль
Гренобль
Турин
ПЬЕМОНТ
Бордо
ГИЕННА
ДОФИНЕ
Мондови
Кагор
Авиньон
Монако
Ним
Монпелье
ПРОВАНС
Ницца
Марсель
Тулуза
ЛАНГЕДОК
Мон-де-Марсан
ГАСКОНЬ
Бильбао
Сан-Себастьян
По
БЕАРН
Тулон
Карнассонн
ЛИОНСКИЙ ЗАЛИВ
ИСПАНИЯ
Фуа
ФУА
Андорра
РУССИЙОН
Перпиньян
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Росас
Барселона
Бастия
КОРСИКА (Фр.)
Аяччо
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ФРАНЦИИ до 1790 г.
(ДЕЛЕНИЕ НА ПРОВИНЦИИ)
Масштаб
50 0 50 100 150 км

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ФРАНЦИИ с 1790 по 1795 г.

(ВКЛЮЧАЯ ТЕРРИТОРИИ, ЗАНЯТЫЕ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЙН)